O 6/164
-V 12

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСѢЯ СТЕПАНОВИЧА

ХОМЯКОВА.

ТОМЪ IV,

Изданный подъ редакціею

А. Ѳ. ГИЛЬФЕРДИНГА.

МОСКВА.
Въ типографіи Бахметева, на Срѣтенкѣ, д. Карлони.
1873.

А. С. ХОМЯКОВА

ЗАПИСКИ

О ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Обзоръ всемірной исторіи.)

МОСКВА.
Въ типографіи Бахметева, на Срѣтенкѣ, д. Карлони.
1873.

2007053020

Предлагаемыя читателямъ «Записки о всемірной Исторіи» А. С. Хомякова были почти совсѣмъ отпечатаны, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ листовъ IV тома, когда внезапно скончался именно тотъ, чьей добросовѣстной и просвѣщенной заботѣ обязаны эти «Записки» своимъ появленіемъ, Александру Ѳедоровичу Гильфердингу не привелось дожить до обнародованія тѣхъ сочиненій Хомякова, чтимаго имъ какъ учителя, которыми онъ наиболѣе дорожилъ и на изданіе которыхъ онъ положилъ столько упорнаго труда и горячей любви. Для того, чтобы рукопись записокъ стала доступною русскому обществу, понадобилось много работы, не только ученой, требующей обширныхъ знаній и высоты разумѣнія, соотвѣтствующей историко-философскому созерцанію автора,—но и работы самой мелочной, кропотливой, почти механической. И ту и другую работу взялъ на себя Гильфердингъ. Онъ привелъ рукопись — почти не обдѣланную и не просмотрѣнную Хомяковымъ — въ порядокъ внѣшній, а содержаніе ея въ стройную систему, выдѣливъ изъ изложенія основной мысли частныя изслѣдованія и разсужденія и обозначивъ этотъ главный ходъ мысли ясными, краткими оглавленіями, напечатанными въ изданіи на поляхъ и значительно облегчающими трудъ читателя. Онъ старался провѣрить каждое историческое положеніе, каждую историческую гипотезу Хомякова по источникамъ и по новѣйшимъ даннымъ науки, для чего не однажды подолгу приходилось ему рыться въ разныхъ библіотекахъ и входить въ сношенія съ разными учеными; онъ по нѣскольку разъ держалъ корректуру, и ему принадлежатъ всѣ примѣчанія съ отмѣткою: «отъ ред.» и «отъ изд.» Не смотря на множество и разнообразіе своихъ занятій, обязанный службою, отвлека-

емый собственными научными изслѣдованіями и путешествіями,—Гильфердингъ, съ высокой добросовѣстностью ученаго и ученика, не позволялъ себѣ сокращать мѣру своей работы надъ «Записками» и посвящалъ имъ каждый мигъ своего рѣдкаго досуга.

Тѣ изъ читателей, которымъ дорога память Хомякова и которые чтутъ подвигъ его мысли, почтутъ конечно искреннею признательностью и А. Ѳ. Гильфердинга. Въ могилѣ оба—и учитель и ученикъ, и авторъ и редакторъ: настоящее изданіе служитъ памятникомъ имъ обоимъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всѣ бывавшіе у А. С. Хомякова знали, что кромѣ стихотвореній, которыя изрѣдка у него выливались, кромѣ журнальныхъ статей, за которыя заставляли его браться пріятели, кромѣ богословскихъ разсужденій, которыя онъ посылалъ печатать за границу, кромѣ механическихъ изобрѣтеній и лингвистическихъ изысканій, одинаково занимавшихъ его всесторонній умъ, онъ постоянно трудился надъ какимъ-то обширнымъ ученымъ сочиненіемъ; но никому почти не было извѣстно, какая это работа.

Однажды Гоголь, заставъ его за письменнымъ столомъ и заглянувъ въ тетрадку почтовой бумаги, которую другъ его покрывалъ своимъ мельчайшимъ бисернымъ почеркомъ, не оставляя на цѣломъ листѣ ни малѣйшаго мѣстечка неисписаннымъ,—Гоголь прочелъ тутъ имя Семирамиды. «Алексѣй Степановичъ Семирамиду пишетъ!» сказалъ онъ кому-то, и съ того времени это названіе осталось за сочиненіемъ, занимавшимъ Хомякова. «Какъ подвига-

ется Семирамида?» спрашивали его пріятели.—«Я нынче все лѣто проработалъ въ деревнѣ надъ своей Семирамидой,» такъ онъ однажды встрѣтилъ пишущаго эти строки, по возвращеніи въ Москву, и видно было, что онъ очень былъ доволенъ такимъ употребленіемъ лѣтняго времени. «Когда вы надѣетесь кончить Семирамиду?»—«Я ея никогда не кончу.»—«Приступите ли вы скоро къ печатанію вашей работы?»—«При жизни моей я и не думаю ее печатать; можетъ быть, послѣ моей смерти кто нибудь издастъ.» Это говорилъ Хомяковъ тому же лицу, и такъ дѣйствительно случилось.

Въ настоящихъ двухъ томахъ читатель найдетъ эту «Семирамиду», которую покойный писалъ болѣе 20 лѣтъ. Заглавіе «Записки о всемірной исторіи» не принадлежитъ автору. Подлинная рукопись не носитъ никакого заглавія. На верху первой страницы выставлены только, рукою автора, четыре буквы:

И. и. и. и.

Не знаемъ, что онъ этимъ хотѣлъ означить.

Рукопись автора осталась въ черновомъ видѣ и состоитъ изъ 21 тетрадки или 284 полулистовъ почтовой бумаги, мельчайшаго, какъ сказано, письма. Помарокъ весьма мало и то лишь такія, которыя дѣлались непосредственно во время писанія; позднѣйшихъ исправленій и передѣлокъ нѣтъ вовсе. По мѣрѣ того какъ работа подвигалась, авторъ отдавалъ свои тетради переписывать съ оставленіемъ поля, такъ что можно предполагать въ немъ намѣренье впослѣдствіи просмотрѣть имъ написанное и сдѣлать поправки; но онъ не успѣлъ этого исполнить.

Смерть прервала его работу тамъ, гдѣ она начинала получать особенный интересъ,—на половинѣ среднихъ вѣковъ.

Какъ произошло это сочиненіе? какая была его цѣль? какое оно имѣетъ значеніе въ ряду трудовъ этого замѣчательнаго человѣка?

Одинъ изъ друзей Хомякова, видавшій его почти ежедневно именно въ то время, когда онъ начиналъ писать свою «Семирамиду», А. Н. Поповъ, сообщилъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о ея происхожденіи:

«Сочиненіе свое о всемірной исторіи Хомяковъ началъ въ 1838 году или около того. Такимъ образомъ оно по началу предшествуетъ другимъ прозаическимъ сочиненіямъ Хомякова, который сталъ писать статьи для печати только въ сороковыхъ годахъ. До того времени онъ написалъ только, вынужденный случайными обстоятельствами, какъ помѣщикъ, статью о черезполосномъ владѣніи (1835 г.). Но еще будучи далекъ отъ мысли стать ученымъ писателемъ, онъ постоянно читалъ и очень много. Чтобы имѣть возможность изучить вопросы древней исторіи и исторіи религій въ самыхъ источникахъ, онъ выучился языку греческому, а потомъ ознакомился и съ санскритскимъ. Ни одно сколько нибудь важное въ ученомъ отношеніи сочиненіе, въ какой бы изъ европейскихъ литературъ оно ни появилось, не ускользало отъ его вниманія. Изумительная память сохраняла до малѣйшей подробности все прочитанное, а сильный умъ, работая неутомимо, всю эту массу свѣдѣній превращалъ въ стройное, систематическое цѣлое. Но все это не ложилось на бумагу, а передавалось друзьямъ и знако-

мымъ въ ежедневныхъ разговорахъ, часто продолжавшихся далеко за полночь. Иногда бесѣда, длившаяся цѣлый вечеръ въ его кабинетѣ, выходила съ разъѣзжавшимися собесѣдниками въ прихожую и оканчивалась на подъѣздѣ дома. Кто былъ участникомъ этихъ бесѣдъ, тотъ никогда ихъ не забудетъ и пойметъ, почему всѣ его собесѣдники или лучше сказать слушатели, особенно же юные въ то время, неотступно надоѣдали ему просьбами, чтобы онъ писалъ, и упрекали его въ лѣни, въ тратѣ времени на разговоры со всѣми и каждымъ. Составился даже заговоръ между его молодыми друзьями, въ которомъ принимала очень дѣятельное участіе его жена, а главнымъ зачинщикомъ былъ Д. А. Валуевъ, его племянникъ по женѣ, въ то время молодой студентъ московскаго университета, предававшійся ученымъ занятіямъ со всѣмъ жаромъ юнаго увлеченія, которое и свело его въ преждевременную могилу *). Долго Хомяковъ отдѣлывался отъ настояній молодыхъ друзей шутками, которыя бывали такъ остроумны и веселы,

*) Нашъ почтенный оріенталистъ К. А. Коссовичъ, въ то время жившій въ Москвѣ и бывавшій у Хомякова какъ другъ дома, обязательно прочитавъ настоящую статью въ рукописи, доставилъ намъ слѣдующую замѣтку, которую мы помѣщаемъ здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ: «Необыкновенно пріятно было мнѣ прочитать тѣ строки, въ которыхъ заключается столь сочувственный отзывъ о Д. А. Валуевѣ. Но по моему мнѣнію сказано о немъ еще мало. Это былъ, если не самый первый въ хронологическомъ порядкѣ, то, заодно разумѣется съ Хомяковымъ, рѣшительно первый подвижникъ и двигатель славянскаго дѣла. Онъ былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Шафарикомъ. Онъ началъ *Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ съ нею*

такъ потѣшали тогдашнее образованное общество Москвы. Но его *гонители* и *мучители*, какъ онъ ихъ называлъ, были слишкомъ юны; чтобы оцѣнить все достоинство этихъ шутокъ и ими удовлетвориться. Напротивъ, они съ негодованіемъ относились къ нимъ и только усиливали свои настоянія.

соплеменныхъ и единовѣрныхъ, который предполагалъ сдѣлать періодическимъ изданіемъ. Уѣзжая за границу, онъ оставилъ второй томъ совершенно приготовленнымъ къ печати. Его широкій, любящій взглядъ единилъ всеславянство съ всеправославіемъ, о чемъ, кажется, теперь никто и не думаетъ. Никогда не забуду я, какъ ему хотѣлось утвердить меня въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ проживавшимъ тогда въ Москвѣ православнымъ сирійскимъ митрополитомъ Неофитомъ. Онъ мечталъ объ Абиссинской церкви и оставилъ послѣ себя подготовительную по этому предмету статью въ первомъ томѣ «Сборника». Вдохновляя Хомякова и, разумѣется, въ то же время получая отъ послѣдняго одобреніе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ подвинулъ Панова къ изданію двухъ «Московскихъ Сборниковъ.» Самъ кромѣ того издалъ «Симбирскій Сборникъ,» въ которомъ находится его прекрасная статья о *мѣстничествѣ*. Ни Кирѣевскимъ, ни Языкову, ни г-жѣ Зонтагъ, ни мнѣ, онъ не давалъ покоя, самъ постоянно работалъ и умѣлъ заставлять каждаго дѣлать свое дѣло. Когда онъ умеръ, помню, что очень мѣтко у Языкова выразился о немъ одинъ изъ его друзей: «Не стало теперь у насъ нашего часовщика, который насъ, все равно что часы, постоянно приводилъ въ дѣйствіе.» Кромѣ сказаннаго, онъ неусыпно пекся о воспитаніи русскихъ дѣтей и съ этою цѣлію основалъ *Библіотеку для воспитанія*, выходившую подъ редакціею П. Г. Рѣдкина. А частная его жизнь? Она вся была предана добру; онъ только и дѣлалъ, что трудился да благодѣтельствовалъ, часто черезъ мои руки, бѣднымъ студентамъ и бѣднымъ чиновникамъ. И о такомъ человѣкѣ никто нынѣ не помнитъ и не вспоминаетъ! Это непростительно особенно славистамъ, забывшимъ объ одномъ изъ своихъ, такъ сказать, родоначальниковъ.»

«Чтобы написать и даже начать писать такое сочиненіе, какое бы я желалъ, у меня еще не подготовлено матеріаловъ; нѣкоторыя части и отдѣльные вопросы готовы, но еще много другихъ остается впереди.» Такъ говорилъ онъ между прочимъ одному изъ своихъ *почитателей* (именно тому, который обязательно сообщилъ намъ эти воспоминанія)—и побѣдилъ его; но когда онъ передалъ эти слова Валуеву, послѣдній съ негодованіемъ отвѣчалъ: «кто же думаетъ заставлять его писать полное, систематическое сочиненіе объ исторіи? Пусть записываетъ то, что разсказываетъ, пусть пишетъ вмѣсто того, чтобы болтать.»

«Съ этого времени Валуевъ счелъ уже своею обязанностію приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Набравъ въ книжной лавкѣ кучу сочиненій, которыя по его мнѣнію были нужны Хомякову, онъ вынудилъ его дать честное слово, что одинъ часъ въ день будетъ записывать то, что вчера говорилъ въ обществѣ о вопросахъ историческихъ или что будетъ говорить въ этотъ вечеръ. Для приступа къ дѣлу онъ приготовилъ ему тетрадь, сшилъ ее, припасъ перья и въ шутку заперъ его на ключъ въ его кабинетѣ на условленное время, а ключъ унесъ съ собою. Неразъ потомъ случалось Валуеву, который жилъ въ это время въ верхнемъ этажѣ въ домѣ Хомякова, повторять надъ нимъ эту douce violence и постоянно подготовлялъ онъ матеріалы для его работы. Условленный часъ превратился мало по малу въ два и болѣе. Такъ началась «Семирамида» и продолжалась по самую кончину Хомякова. Честное слово, данное юношѣ другу, память о его преждевременной кончинѣ и увле-

ченье трудомъ, развивавшимся все болѣе и болѣе, заставили его постоянно (хотя по временамъ и съ перерывами) продолжать эту работу, которая шла у него параллельно со всѣми другими его сочиненіями.» *)

Таково свидѣтельство очевидца, присутствовавшаго при зарожденіи историческаго труда Хомякова. Оно показываетъ, что лица, заставлявшія его приняться за работу, и не требовали и не ожидали отъ него какого либо систематическаго изложенія всемірной исторіи; они хотѣли только, чтобы Хомяковъ сохранилъ на бумагѣ тѣ блестящія мысли, сближенія, догадки, которыми онъ сыпалъ въ разговорѣ и которыя изумляли его слушателей одинаково и остротою его ума и громадностью его познаній. Самъ Хомяковъ, какъ видно изъ словъ, которыя приводитъ А. И. Поповъ, считалъ себя не приготовленнымъ къ сочиненію о всемірной исторіи полному и систематическому. Между тѣмъ, когда, запертый на ключъ своимъ племянникомъ, онъ взялъ приготовленную Валуевымъ тетрадь и принялся писать, съ первой же строки стало создаваться подъ перомъ его сочиненіе совершенно стройное и цѣльное, связанное съ начала до конца одною нитью и развѣ только черезъ-чуръ систематическое. Такимъ образомъ видно, что въ то время, когда Хомяковъ приступилъ къ своему труду, въ его умѣ уже выработана была цѣлая историческая система. Иначе было бы совершенно невообразимо, чтобы эта огром-

*) Мы должны впрочемъ оговорить, что въ послѣдніе пять-шесть лѣтъ своей жизни Хомяковъ вовсе или почти вовсе не занимался «Семирамидою», хотя постоянно возилъ рукопись съ собою и не покидалъ намѣренья опять за нее приняться. А. Г.

ная масса разнообразнѣйшихъ фактовъ, какую заключаетъ въ себѣ «Семирамида», могла быть съ перваго разу сгруппирована съ такою послѣдовательностію въ сочиненіи, которое, какъ сказано, есть лишь черновой набросокъ, и которое притомъ не представляетъ ни приписокъ, ни поправокъ, ни перестановокъ, ни дѣленія на главы или какія бы то ни было рубрики, **) Нужно прибавить къ этому, что Хомяковъ, усвоивая себѣ матеріалъ изъ сотень прочитанныхъ книгъ, никогда никакихъ выписокъ и замѣтокъ не дѣлалъ, и писалъ полагаясь исключительно на свою память, которая въ самомъ дѣлѣ ему почти никогда не измѣняла, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. При такомъ способѣ писанія, историческія записки Хомякова могутъ быть по истинѣ названы чудомъ человѣческой памяти; но такое чудо памяти произвело бы только безобразную груду фактовъ, если бы авторъ не обладалъ въ то же время необыкновеннымъ даромъ систематизаціи и если бы его историческая система не была уже, какъ мы замѣтили, готова, когда онъ приступалъ къ работѣ.

**) Подлинная рукопись Хомякова отъ начала до конца писана сплошь, безо всякихъ подраздѣленій, такъ что даже переходъ отъ общихъ, теоретическихъ положеній къ спеціальному, хронологическому обзору и объясненію событій, заставившій насъ разбить это сочиненіе на двѣ части, въ подлинникѣ вовсе не отмѣченъ. При такомъ способѣ изложенія было весьма трудно внести въ книгу Хомякова дѣленіе на главы; потому мы и не рѣшились этого сдѣлать, а, обозначивъ въ печати бѣлою страницею только самые крупные раздѣлы, снабдили затѣмъ поля книги указаніемъ содержанія каждаго параграфа, чтобы дать читателю общую нить изложенія.

Не имѣвъ никогда терпѣнія дѣлать выписки (Хомяковъ часто выражалъ объ этомъ сожалѣніе), онъ не былъ въ состояніи обставить свое сочиненіе цитатами, а также повѣрять справками, во время письма, точность того, что у него хранилось въ памяти. Это составляетъ, разумѣется, капитальный недостатокъ его книги, какъ ученаго сочиненія. При ея изданіи первоначально имѣлось въ виду восполнить по возможности этотъ недостатокъ, снабдивъ книгу необходимыми ссылками и примѣчаніями; но при громадномъ количествѣ сочиненій, историческихъ, философскихъ, богословскихъ и др., послужившихъ Хомякову источниками, такая провѣрка потребовала бы работы, которой лицо, имѣвшее отъ наслѣдниковъ покойнаго порученіе печатать настоящіе томы, не было въ состояніи взять на себя; потому оно ограничилось только небольшимъ числомъ примѣчаній въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ они казались необходимыми.

Другая особенность, которою отличается «Семирамида», прямо истекаетъ изъ самаго характера работы Хомякова и обусловливается его цѣлью. Онъ говорилъ (мы сами это слышали), что пишетъ не всемірную исторію въ полномъ разсказѣ, а только набрасываетъ систему, въ которой всемірная исторія должна быть изложена. Всѣ книги о всемірной исторіи, говорилъ онъ, кажутся ему совершенно неудовлетворительными; онѣ грѣшатъ тѣмъ, что исторія разсматривается въ нихъ съ чисто внѣшней стороны и притомъ крайне односторонне. Односторонность въ нихъ, во-первыхъ, та, что исторія, хотя и называемая всемірною, сосредоточивается почти исключительно въ народахъ европейскихъ, великая же и ты-

сячелѣтняя историческая жизнь другихъ племенъ земнаго шара отодвигается на задній планъ и притомъ не приводится ни въ какую органическую связь съ судьбами привилегированныхъ, такъ сказать, народовъ Европы. Во-вторыхъ, между народами Европы выводятся на сцену лишь народы классической древности и западнаго міра, громадное же племя Славянское оставляется въ тѣни и роль его также не связывается съ общимъ ходомъ міровой жизни. Внѣшній же, механическій характеръ имѣютъ книги о всемірной исторіи главнѣйшимъ образомъ потому, что онѣ слишкомъ мало понимаютъ и цѣнятъ то начало, которое существеннѣйшимъ образомъ обусловливаетъ строй человѣческаго общества и его внутреннія стремленія, именно религію. Итакъ Хомяковъ поставилъ себѣ задачею изложить схему, какимъ образомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы, во-первыхъ, жизнь всѣхъ племенъ земнаго шара была поставлена въ надлежащее соотношеніе, чтобы, во-вторыхъ, Славянскому племени возвращено было подобающее ему мѣсто и чтобы, въ-третьихъ, видно было дѣйствіе тѣхъ внутреннихъ силъ, которыми обусловливался ходъ историческаго развитія разныхъ народовъ, и въ особенности главнѣйшей изъ этихъ силъ, религіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Хомяковъ составилъ себѣ то убѣжденіе, что какъ внутреннее начало, около котораго, тѣмъ или другимъ способомъ, сосредоточиваются всѣ мысли человѣка, заключается въ категоріяхъ воли—свободѣ и необходимости (въ смыслѣ necessitas или Nothwendigkeit), такъ всѣ религіи заключаютъ въ себѣ, въ той или другой формѣ, либо принципъ свободы, либо принципъ не-

обходимости, или же разныя степени случайнаго, неорганическаго смѣшенія (синкретизма) этихъ двухъ принциповъ, и что смотря по своему коренному принципу, т. е. господству или преобладанію начала свободы либо необходимости, религія давала тотъ или другой складъ народному уму и народной жизни.

Таково общее значеніе книги Хомякова. Повторяемъ, это не есть всемірная исторія въ разсказѣ, а схема того, какъ всемірная исторія должна быть разсказана. Хотя онъ не совсѣмъ отвергалъ мысль, что его «Семирамида» можетъ быть издана когда нибудь послѣ его смерти, но онъ писалъ, положительно не имѣя въ виду печати, а только для себя. Когда Хомяковъ составлялъ какую нибудь статью, назначенную для печати, онъ тотчасъ спѣшилъ прочитывать ее своимъ друзьямъ, вызывая замѣчанія, и очень охотно сообщалъ ея списки; «Семирамиду» же онъ ревниво охранялъ отъ чужаго взгляда, такъ что были весьма немногіе и притомъ только самые близкіе къ нему люди, которымъ онъ при жизни своей, и то послѣ усиленныхъ просьбъ, дозволялъ читать нѣкоторыя тетради. То были въ полномъ смыслѣ *ученые мемуары*, въ которыхъ Хомяковъ записывалъ для себя, въ систематическомъ порядкѣ, свои соображенія, мысли и выводы объ исторіи человѣчества. Такимъ образомъ тутъ можно найти въ зачаткѣ или въ сыромъ видѣ большую часть того, что онъ потомъ развивалъ въ своихъ статьяхъ по отдѣльнымъ предметамъ; но все это составляетъ лишь незначительную долю того богатства свѣдѣній и наблюденій, какія Хомяковымъ внесены въ эти записки.

Внѣшній видъ «Историческихъ записокъ» соотвѣтствуетъ ихъ характеру. Книга эта представляетъ систематическій рядъ положеній, и послѣ каждаго положенія слѣдуетъ его доказательство или развитіе въ подробностяхъ. Хомяковъ строго отличалъ на письмѣ самыя положенія отъ пояснительныхъ къ нимъ статей; въ изданіи, положенія напечатаны *крупнымъ*, пояснительныя статьи *мелкимъ* шрифтомъ.

Просимъ читателей держать въ памяти эту особенность въ способѣ изложенія. Кто ее упуститъ изъ виду, тотъ въ книгѣ Хомякова не найдется. Въ пояснительныхъ своихъ статьяхъ авторъ не держался никакой системы, а излагалъ въ нихъ всѣ тѣ данныя и сравненія, которыя привели его къ тому или другому положенію, или мысли, которыя по этому поводу ему приходили въ голову, увлекаясь иногда совершенно въ сторону отъ исходной точки; потому если бы читатель сталъ смѣшивать эти поясненія съ главнымъ текстомъ, то увидѣлъ бы передъ собою только хаосъ. Напротивъ того, главный текстъ, т. е. то что мы назвали положеніями (и что напечатано крупно), излагается въ совершенно послѣдовательномъ порядкѣ.

Положенія эти заключаютъ въ себѣ частію общія начала историческихъ явленій, какъ ихъ понималъ Хомяковъ, его такъ сказать теорію исторіи, частью характеристику историческихъ эпохъ и главныхъ событій въ жизни народовъ въ хронологической послѣдовательности. Общія положенія занимаютъ первый томъ настоящаго изданія; послѣдовательная характеристика эпохъ и событій,—доведенная, какъ сказано, до половины среднихъ вѣковъ,—занимаетъ второй томъ.

Этихъ немногихъ страницъ достаточно, чтобы уяснить читателю, какого рода книгу онъ беретъ въ руки. Критическая ея оцѣнка была бы здѣсь неумѣстна; но для того, чтобы критика отнеслась къ сочиненію Хомякова справедливо, необходимо, чтобы она не только помнила, что имѣетъ дѣло съ черновыми записками, авторомъ даже не просмотрѣнными, но и то, въ какое время записки эти писаны и какими источниками Хомяковъ пользовался. «Семирамида» начата въ концѣ 30-тыхъ и большая часть написана въ 1840-выхъ годахъ, когда сравнительное языкознаніе только что сдѣлало первые шаги, а сравнительная миѳологія вовсе не существовала какъ наука, когда замѣчательнѣйшіе памятники древней религіозной мысли, Веды и Зендавеста, были извѣстны лишь въ искаженномъ видѣ, когда не были сдѣланы замѣчательныя открытія, отодвигающія первобытную жизнь человѣчества въ глубь отдаленныхъ геологическихъ періодовъ. Очевидно, что сочиненіе, въ то время писанное на такую тему, какую задалъ себѣ Хомяковъ, уже во многомъ не можетъ соотвѣтствовать современному уровню науки. При этомъ Хомяковъ былъ поставленъ въ особенно невыгодныя условія по отношенію къ тому именно предмету, къ которому онъ обращался съ наибольшею любовью,—къ древностямъ міра Славянскаго. Научная разработка этой области знанія только что начиналась и рядомъ съ строго критическими изслѣдованіями Шафарика пользовались довѣріемъ ученыя фантазіи людей, какъ Венелинъ, Чертковъ, Лелевель, Колларъ, которые, при великихъ своихъ заслугахъ, были въ наукѣ болѣе мечтатели чѣмъ критики, и которые,

руководствуясь случайными созвучіями или чертами сходства, щедрою рукою разсыпали Славянъ по всѣмъ угламъ древняго міра. Хомяковъ, который не имѣлъ, да и не могъ имѣть критическаго метода ученаго изслѣдователя, всего менѣе былъ приготовленъ къ отпору такимъ теоріямъ, и самая исходная точка его воззрѣній, весьма впрочемъ вѣрная мысль, что въ современной западноевропейской наукѣ несправедливо умалялось историческое значеніе и призваніе Славянъ,—эта мысль невольно располагала его не только принимать на вѣру всѣ подобные выводы, но даже итти далѣе писателей, у которыхъ онъ ихъ находилъ. Такъ объясняется то, что составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ книги Хомякова, —чрезмѣрныя преувеличенія предѣловъ и роли Славянскаго міра, особенно въ древнія эпохи.

Въ заключеніе пишущій эти строки считалъ бы своею обязанностію прибавить нѣсколько словъ въ личное себѣ извиненіе, что принявъ на себя еще въ 1862 году редакцію Историческихъ Записокъ Хомякова, онъ выпускаетъ ихъ въ свѣтъ лишь черезъ десять лѣтъ. Такая медленность имѣла причиною какъ частыя и продолжительныя его отлучки, такъ и затрудненія, проистекавшія отъ способа печатанія въ одной изъ московскихъ типографій. Но, сознаваясь въ своей винѣ, нижеподписавшійся смѣетъ думать, что она быть можетъ даже послужила къ лучшему для этой книги. Если бы «Семирамида» появилась вскорѣ послѣ кончины автора, когда еще жива была борьба извѣстныхъ литературныхъ партій съ славянофильствомъ, сочиненіе Хомякова едва ли было бы оцѣнено безпристрастно, и заключающіеся въ немъ про-

махи и преувеличенія вѣроятно были бы подхвачены какъ оружіе для полемики. Въ настоящее время, когда основныя мысли славянофильства сдѣлались общимъ достояніемъ мыслящихъ русскихъ людей, а разныя ихъ преувеличенія отпали,—эти черновыя тетради Хомякова будутъ лучше поняты и вѣрнѣе оцѣнены. Теперь никто не станетъ останавливаться на частныхъ ошибкахъ и скорѣе обращено будетъ вниманіе на тѣ блестящія и поразительно-мѣткія мысли и замѣчанія, которыя разсыпаны въ изобиліи въ этомъ сочиненіи, на замѣчательныя по своей правдѣ и своему художественному достоинству характеристики многихъ историческихъ эпохъ. Книга эта не покажется безпристрастному читателю нынѣшняго времени устарѣлою при всемъ томъ, что она принадлежитъ уровню науки 30-тыхъ и 40-выхъ годовъ; ибо въ ней онъ увидитъ нѣчто такое, что навсегда остается поучительнымъ: попытку великаго ума обнять не только внѣшній ходъ, но и внутренній смыслъ развитія всего человѣчества въ его совокупности.

А. Гильфердингъ.

1-го Марта 1872.

Первое появленіе человѣка на землѣ есть историческое начало человѣчества. Съ тѣхъ поръ оно живетъ и дѣйствуетъ: съ тѣхъ поръ уже оно имѣетъ исторію.

Первыя историческія свѣдѣнія о человѣкѣ. Преданія Израиля.

Общій ходъ этой исторіи намъ извѣстенъ по данным нарѣчій, вѣръ и племенъ, но подробности ея и послѣдовательность останутся навсегда неопредѣленными за недостаткомъ современныхъ повѣствователей. Первый періодъ жизни человѣческой, возсозданный разумомъ, а не разсказанный преданіемъ, называемъ мы до-историческимъ.

Собственно же историческій періодъ начинается съ первою повѣстью о жизни и судьбѣ отдѣльныхъ народовъ.

Большая часть племенъ человѣческихъ молчитъ и только весьма немногія оставили намъ разсказъ о своихъ ранних судьбахъ. Эти немногія содержатъ въ себѣ начало опредѣлительнаго знанія и свѣта. Въ ихъ лучахъ живутъ и движутся для насъ другіе народы, болѣе или менѣе освѣщенные по мѣрѣ своего большаго или меньшаго разстоянія отъ лучезарныхъ средоточій.

Самый тѣсный, но за то и самый древній свѣтовой кругъ принадлежитъ семьѣ Израиля. Ея сказаніями начинается исторія.

Крохоборная и щепетильная критика нашего времени объявила споръ противъ древности книгъ, приписанныхъ преданіемъ законодателю народа Еврейскаго. Безполезно бы было разбирать, какими тайными страстями руководились Германскіе ученые и до какой степени нападеніе ихъ объясняется и оправдывается направленіемъ, даннымъ протестантству его первыми основателями. Нѣтъ и быть не можетъ неоспоримаго свидѣтельства для грубаго формализма, утратившаго чувство внутрен-

ней истины человѣческой, а такова ученость всего современнаго Запада: но для безпристрастнаго и просвѣщеннаго взгляда признаки несомнѣнной древности книгъ Моисеевыхъ ясны и неоспоримы. Опредѣленіе вѣка, въ которомъ онѣ писаны, выходитъ изъ нихъ сравненія съ другими памятниками письменности Еврейской. Такъ напр. онѣ содержатся уже какъ существующій и всему народу извѣстный уставъ вѣры и жизни въ книгахъ царей, а достаточно трехъ свидѣтельствъ (I царс. гл. 8 ст. 8; II царс. гл. 13 ст. 23 и гл. 14 ст. 27), чтобы убѣдиться въ древности сказанія о царяхъ Израиля. Еще древнѣе книги Самуила. Смѣшно разбирать въ нихъ число халдеизмовъ, отыскивать въ нихъ новые обороты слова и новыя слова, указывающія на поздніе вѣка и на измѣненіе чисто-Еврейской рѣчи. Во-первыхъ, сами Евреи раздѣлялись на нѣсколько нарѣчій (это извѣстно изъ свидѣтельствъ о колѣнѣ Ефраимовомъ), и многія разницы въ языкѣ писанія могутъ относиться къ разницѣ частныхъ нарѣчій, по мѣсту рожденія или образованія писателей. Во-вторыхъ, чѣмъ древнѣе памятникъ (если это памятникъ живаго закона и живыхъ преданій), тѣмъ вѣроятнѣе найдутся въ немъ совершенно новыя слова. Языкъ живетъ и измѣняется. Нѣтъ нужды перемѣнять рѣчь, недавно записанную и слѣдовательно еще понятную; но есть явная необходимость замѣнять выраженіями новыми слова глубокой древности, утратившія смыслъ свой и право гражданства. Такова причина пересмотра священныхъ книгъ въ Россіи. Таково же вѣроятное объясненіе многихъ халдеизмовъ въ Пятикнижіи, замѣченныхъ микроскопомъ учености. Бѣдная ученость! она вооружила глазъ свой стеклами и трубами и забыла, что хотя микроскопъ видитъ цѣлую гору въ пещинкѣ и телескопъ приближаетъ все далекое и невидимое, одинъ только невооруженный глазъ человѣческій можетъ обнять вдругъ небо и землю и великолѣпное согласіе Божьяго міра. Въ книгахъ Самуила дышетъ истина старины; въ нихъ слышно біеніе сердца, подъ которое нельзя поддѣлаться. Вся исторія народа Еврейскаго, всѣ его надежды обвились около дома Давидова. Давидъ и Соломонъ окружили себя лучами величія, передъ которыми исчезаютъ всѣ остальныя преданія Израиля, передъ которыми благоговѣлъ и благоговѣетъ міръ Восточный. Еще прежде, чѣмъ Коранъ и его поклонники распространили славу двухъ царей колѣна Іудова, уже ходили поэтическія сказки про чудеса Іерусалимскаго храма, про его основателя и

про вдохновеннаго божія, положившаго начало святому Сіону. Книги Самуила, грустный переходъ отъ Богоправленія къ человѣческой государственности, полны скорбныхъ воспоминаній, а не великихъ надеждъ на будущее. Пусть будетъ это поддѣлка жрецовъ или пророковъ, жалѣющихъ объ утраченной власти. Но то, чего поддѣлать нельзя, чего придумать было нельзя, это глубокая горесть Самуила, это человѣческое чувство любви, которое привязываетъ стодовласаго пророка къ цвѣтущей юности, къ богатырской силѣ, ко всей наружной красотѣ Саула. И споспѣшая ли высшія велѣнія, повинуясь ли расчетамъ глубокаго разума, Самуилъ призываетъ на царство молодаго Давида. Но Давидъ, это лицо, можетъ быть, самое поэтическое и прекрасное во всѣхъ сказаніяхъ человѣческихъ, навсегда остался чужимъ для стараго Самуила. Сердце пророка было съ Сауломъ и короткій разсказъ объ этой любви, короткія слова глубокаго огорченія, содержатъ въ себѣ свидѣтельство неподдѣльной древности, понятное для всѣхъ людей, кромѣ ученыхъ. А книги Самуила полны отзвуками Пятикнижія. Здравая критика могла бы прослѣдить эти признаки древности еще далѣе и до самыхъ временъ Навина; но начало писанной исторіи у Евреевъ уже явно относится къ первымъ вѣкамъ Богоправленія Израильскаго и становится безспорно древнѣйшимъ памятникомъ исторической письменности.

Израильская хронологія

Относительно къ намъ или къ нашему лѣтосчисленію, первое явленіе чисто-историческое, лѣтопись дома Израилева, опредѣляется довольно ясно. Оно современно или почти современно появленію Евреевъ въ видѣ народа, живущаго отдѣльно отъ другихъ народовъ подъ однимъ уставомъ духовнымъ и гражданскимъ, т. е. исходу Израиля изъ земли Египетской въ XVI-мъ или, по другимъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Но лѣтопись, писанная вскорѣ послѣ переселенія Евреевъ въ южные предѣлы Палестины, уже получаетъ твердое историческое основаніе съ отдѣленіемъ семьи Авраама отъ всѣхъ прочихъ человѣческихъ семей, т. е. съ XIX-го или XXIII-го вѣка до Р. Хр.

Замѣтимъ мимоходомъ, что кромѣ сказанія Еврейскаго нѣтъ ни одного въ цѣломъ мірѣ, которое возводило бы народъ до его семейнаго зародыша.

Слѣдуетъ опредѣлить древность этой лѣтописи въ отношеніи къ человѣчеству вообще, или къ ея собственнымъ показаніямъ о младенчествѣ рода человѣческаго. Въ ней описаны двѣ главныя эры до Авраама: первая, твореніе человѣка; вторая, всеобщій потопъ и возобновленіе рода человѣческаго отъ одной избранной семьи. Періодъ между первою эрою и второю, важный въ смыслѣ религіозномъ и философскомъ, не имѣетъ полнаго значенія историческаго. Духовно связанный съ послѣдующимъ періодомъ, вещественно онъ отъ него оторванъ и человѣчество, заключенное снова въ одномъ семействѣ, развивается въ форму племенъ, народовъ и общинъ, не отъ Адама, а отъ Ноевой эры. Въ отношеніи къ ней и должно опредѣлить время Авраама, т. е. начало истинной исторіи. Тутъ представляется великое затрудненіе и несогласіе между лѣтосчислителями.

Для приведенія въ ясность разногласящихъ исчисленій, надобно сперва сравнить показаніе Еврейскаго текста и Вульгаты съ показаніемъ Греческаго перевода, приписаннаго 70-ти толковникамъ.

По тексту Еврейскому *Арфаксадъ* родился послѣ потопа черезъ два года, сынъ его *Салахъ* черезъ 37 лѣтъ; сынъ Салаха, *Эверъ* черезъ 67 лѣтъ; сынъ Эвера, *Фалекъ* черезъ 101 годъ; сынъ Фалека, *Рагавъ* черезъ 131 годъ; сынъ Рагава, *Серухъ* черезъ 163 года; сынъ Серуха, *Нахоръ* черезъ 193 года; сынъ Нахора, *Θарра* черезъ 222 года; старшій сынъ Θарры черезъ 292 года и Авраамъ, второй или третій сынъ Θарры, немного спустя послѣ этого времени или около 300 лѣтъ послѣ потопа или послѣ рожденія Арфаксада, сына Симова и родоначальника дома Израилева Приводя годы ихъ рожденія и лѣта жизни въ таблицу, выходитъ слѣдующее:

				Умеръ послѣ потопа.
Ной				350.
Симъ жилъ послѣ рожденія Арфаксада 500 л., слѣд.				502.
Родился послѣ потопа.				
Арфаксадъ	2	жилъ 438		440.
Салахъ	37	жилъ 433		470.
Эверъ	67	жилъ 464		531.

	Родился послѣ потопа.		*Умеръ послѣ потопа.*
Фалекъ	101	жилъ 239	340.
Рагавъ	131	жилъ 239	370.
Серухъ	163	жилъ 230	393.
Нахоръ	193	жилъ 148	341.
Ѳарра	222	жилъ 205	427.
Авраамъ	около 300	жилъ 175	около 475

И такъ Авраамъ видѣлъ всѣхъ своихъ предковъ отъ перваго до послѣдняго, не исключая самого Ноя, и умеръ лѣтъ двадцать семь прежде Сима и около шестидесяти лѣтъ прежде Эвера, а во всемъ жизнеописаніи Авраамовомъ нѣтъ ни слова объ этихъ предкахъ и земля уже раздѣлена точь-въ-точь, какъ въ наше время; народы воюютъ, люди другъ друга не понимаютъ и цари царствуютъ еще при жизни Сима, сына его, внука и правнука и едва ли не при жизни самого Ноя! Прибавимъ еще, что земля, по словамъ Пророка, была раздѣлена при Фалекѣ, слѣдовательно безспорно при самомъ возобновителѣ рода человѣческаго: ибо Ной пережилъ Фалека 10-ю годами. И это называется лѣтосчисленіемъ!

Гораздо вѣроятнѣе и согласнѣе съ здравымъ смысломъ показаніе Греческаго перевода 70-ти толковниковъ. Таблица, составленная по ихъ лѣтосчисленію, не представляетъ никакихъ явныхъ несообразностей. Годы смерти Авраама и его предковъ распредѣляются въ ней слѣдующимъ порядкомъ:

Ной умираетъ послѣ потопа черезъ	350 лѣтъ.
Симъ	502 —
Арфаксадъ	467 —
Кайнанъ	597 —
Салахъ	727 —
Эверъ	901 —
Фалекъ	870 —
Рагавъ	1000 —
Серухъ	1123 —
Нахоръ	1131 —
Ѳарра	1207 —
Авраамъ	1247 или около 1250 послѣ пот.

Все это показаніе имѣетъ характеръ чисто-историческій. Включеніе Кайнана въ число прародителей Израиля вполнѣ согласно съ позднѣйшими преданіями Еврейскими, засвидѣтельствованными Евангелистомъ Лукою въ его родословномъ спискѣ. Но нельзя не замѣтить нѣсколькихъ обстоятельствъ, ослабляющихъ вѣроятность Восточнаго лѣтосчисленія. Во-первыхъ, у всѣхъ предковъ Авраама родятся сыновья при возрастѣ совершенно одинаковомъ, у Арфаксада, когда ему сто тридцать пять лѣтъ; у Кайнана, когда ему сто тридцать; у Салаха тоже, у Эвера, когда ему сто тридцать четыре года; у Фалека, когда ему сто тридцать лѣтъ, у Рагава, когда ему сто тридцать два года, наконецъ у Серуха, когда ему сто тридцать лѣтъ. Такое однообразіе въ началѣ поколѣній не можетъ не казаться весьма подозрительнымъ, особенно когда мы сравнимъ его съ родосчисленіемъ до-потопнымъ. По тексту Еврейскому возрастъ Нахора, когда родится Ѳарра, двадцать девять лѣтъ; возрастъ Арфаксада, когда родится Сала, тридцать пять лѣтъ; прочія поколѣнія начинаются при возрастѣ среднемъ между этими двумя крайними предѣлами. Тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго; и постоянная приставка сотни годовъ къ этимъ числамъ указываетъ на какую-то произвольную догадку ученыхъ переводчиковъ, замѣтившихъ все безобразіе лѣтосчисленія, сохраненнаго въ Вульгатѣ, и предположившихъ, при каждомъ поколѣніи, пропускъ сотеннаго знака. Во вторыхъ, самое долголѣтіе предковъ Авраамовыхъ не совсѣмъ согласно съ показаніемъ книги Бытія (гл. VI ст. 3) о среднемъ возрастѣ человѣческомъ, установленномъ въ сто двадцать лѣтъ, кажется для людей послѣ-потопныхъ. Можно допустить исключеніе для Ноя и Сима, рожденныхъ до потопа, но мы не имѣемъ права исключить остальныхъ родоначальниковъ дома Израилева изъ общаго закона. Это возраженіе падаетъ и на Греческій переводъ и на Вульгату, но въ Греческомъ переводѣ разногласія еще разительнѣе, чѣмъ въ текстѣ Еврейскомъ, ибо самыя поколѣнія начинаются при возрастѣ, превышающемъ установленную долготу средней жизни.

Вульгата, кромѣ неизвинительнаго пропуска цѣлаго поколѣнія (Каинана), тутъ явно беретъ преимущество передъ переводомъ 70-ти толковниковъ; но превосходство текста ни сколько не оправдываетъ лѣтосчисленія. Въ глубокомысленномъ законодателѣ народа Еврейскаго здравая критика не имѣетъ права предположить дѣтскую ошибку, которой не позволилъ бы себѣ самый жалкій сборщикъ. Разрѣшенія же загадки должно искать въ объясненіи лѣтъ, приписанныхъ каждому поколѣнію отъ Сима до Авраама.

Во-первыхъ, мы должны замѣтить, что книга Бытія не содержитъ въ себѣ ученой исторіи, но представляетъ характеръ записанныхъ преданій; во-вторыхъ, что существованіе этихъ преданій прежде ихъ письменнаго утвержденія доказывается обстоятельствомъ мало замѣченнымъ до сихъ поръ. Священное названіе народа Еврейскаго, то названіе, подъ которымъ онъ получаетъ обѣщаніе и законъ, есть—*Израиль*. Цѣль Пятикнижія чисто духовная и Моисей не обращаетъ никакого вниманія на дѣла, имѣющія только историческое значеніе. Бытовое же имя народа, то имя, подъ которымъ онъ извѣстенъ былъ иноземцамъ, есть—народъ *Еврейскій*. Моисей упоминаетъ объ *Эверѣ* слегка, не объясняя нисколько его важности для дома Израилева. Только при именіи сына его Фалека онъ говоритъ, что ему было дано имя *Фалека* отъ современнаго ему раздѣленія земли. Смыслъ этихъ словъ ясенъ: при отцѣ его Эверѣ произошло смѣшеніе языковъ и раздѣленіе ихъ. Отецъ далъ сыну имя, обозначающее *раздѣлъ* въ память великаго происшествія. Другаго объясненія нельзя предполагать. Эверъ былъ главою семьи во время переворота, разорвавшагосвязь Симова племени. Слова Моисея содержатъ намекъ на преданіе, слѣдовательно преданіе это существовало живо въ народѣ, также какъ и многія другія, вѣроятно какъ и всѣ преданія, записанныя въ духовномъ уставѣ ветхаго завѣта. Но отъ преданія должно требовать только того, что возможно преданію: сохраненія памяти о происшествіяхъ, облеченной уже въ формы народныхъ понятій. Понятія Восточныя (какъ всѣмъ извѣстно) сливаютъ весь родъ

съ родоначальникомъ. Такъ для Библіи Ассирійцы—Ассуръ и Ефіопляне—Кушъ; такъ Израильтяне—Израиль. Послѣ родоначальника, потомство его дѣлится на колѣна, носящія имя дѣтей его и такъ далѣе; но общность рода, живущаго подъ однимъ уставомъ духовнымъ и гражданскимъ, представляетъ въ себѣ лице неумирающаго родоначальника. Раздѣлъ общины вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ или внѣшняго напора перемѣняетъ отношенія ея къ ея основателю. Отдѣлившееся колѣно уже не имѣетъ права носить великое имя общаго источника всѣхъ братскихъ колѣнъ. Евреи могутъ называться Израилемъ, но не могутъ называться ни Авраамомъ по отдѣленіи Измаилитовъ, ни Исаакомъ, по отдѣленіи поколѣнія Исава. Царство Ровоама по отпаденіи десяти колѣнъ, уже не можетъ назвать себя Израилемъ, но принимаетъ имя колѣна Іудова, поглотившаго въ себя малозначительнаго Вениямина. Отпавшія колѣна продолжаютъ называть себя Израилемъ или потому, что ни одно колѣно не преобладало въ нихъ, или по злоупотребленію и измѣненію древнихъ обычаевъ. И такъ, можно положить за общее правило, что родоначальникъ считался живымъ до тѣхъ поръ, покуда все его потомство составляло одно гражданское цѣлое и покуда одно изъ колѣнъ не выступало на поприще отдѣльной дѣятельности. Тогда умиралъ родоначальникъ, а сынъ его, давшій имя свое колѣну, начиналъ свою жизнь.

Менѣе доказательствъ положительныхъ, но весьма много вѣроятностей найдемъ мы въ пользу другаго положенія, именно: что глава отдѣлившейся семьи принималъ имя родоначальника не всей общины, но того колѣна, которое начинало особую и самобытную жизнь. Ровоамъ, по этому правилу, долженъ бы былъ, какъ начальникъ дома Іудова, принять имя Іуды, какъ собственное, и сынъ его уже былъ бы не сыномъ Ровоама, но сыномъ Іуды. При второмъ раздѣленіи колѣно отдѣляющееся приняло бы уже не имя Іуды, но имя сына Іуды, Ровоама. Исторія застаетъ уже родъ человѣческій въ эпоху слишкомъ далекую отъ первобытной простоты; но Персія и другія восточныя земли представляютъ много примѣровъ царей, основавшихъ новую династію

и принявшихъ по восшествіи на престолъ имя, прославленное уже основаніемъ династіи древнѣйшей. Это остатокъ забытой старины. Тѣсная же связь родоначальника съ родомъ, происходящимъ отъ него, или колѣноначальника съ своимъ колѣномъ засвидѣтельствована для насъ неоспоримо закономъ Евреевъ о возстановленіи сѣмени бездѣтнаго брата. Мнимый отецъ даетъ имя потомству, а не брать, принявшій на себя обязанность возстановить угасшее колѣно.

Вотъ тѣ положенія, по которымъ должно возсоздать лѣтосчисленіе отъ потопа до Авраама. Обозначеніе возраста, на которомъ рождаются дѣти, давшіе впослѣдствіи названіе свое новымъ поколѣніямъ, нужно было только для показанія, что эти новые родоначальники были дѣйствительно потомками прежнихъ, и что обычаи хранились неизмѣнными, какъ и преданія. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что лица, считаемыя предками Авраама отъ самаго потопа, не имѣютъ той рѣзкой личности, которая приписана праотцамъ до-потопнымъ. О тѣхъ, которые жили послѣ Ноя, говорится только: «Такой-то, будучи такихъ-то лѣтъ, родилъ такого-то и послѣ того еще жилъ столько-то, и родилъ еще сыновей и дочерей». О до-потопныхъ говорится: «Такой то, будучи такихъ-то лѣтъ, родилъ такого-то и послѣ того жилъ еще столько-то, а всего столько-то и потомъ умеръ». Очевидно первое выраженіе не представляетъ той опредѣленной личности, которая замѣтна во второмъ.

И такъ мы имѣемъ полное право считать имена предковъ Авраамовыхъ отъ Сима до Нахора за имена родовыхъ общинъ; вѣкъ ихъ—за періодъ нераздѣльности, а смерть каждаго изъ нихъ за начало отдѣльной общины, которой старшина, вступая въ свои новыя права, принималъ имя давно умершаго колѣноначальника. Чѣмъ болѣе удаляется родъ человѣческій отъ своего младенчества невступая еще въ новую эпоху искуственнаго гражданства, тѣмъ короче періоды нераздѣльности и тѣмъ скорѣе распадаются семьи. Такъ напр. отъ Нахора съ каждымъ поколѣніемъ перемѣняется имя рода потому, что съ каждымъ по-

колѣніемъ начинается новый раздѣлъ, покуда община не скрѣпилась снова въ Израилѣ общимъ духовнымъ и гражданскимъ уставомъ великаго законодателя. Названіе же Евреевъ или семьи Эверовой, памятникъ о великомъ событіи и грустной эпохѣ, въ которую утратилось чувство человѣческаго братства, имѣетъ значеніе чисто-историческое, не подлежитъ общему закону о родовыхъ названіяхъ и принадлежитъ болѣе иноземцамъ, знавшимъ Евреевъ подъ этимъ именемъ, чѣмъ самимъ Евреямъ.

Таблица, составленная вслѣдствіе этихъ законовъ по показанію ново-Еврейскаго текста со включеніемъ Кайнана по 70-ти толковникамъ и съ исключеніемъ Ноя, котораго личность опредѣлена согласно формѣ до-потопныхъ праотцевъ, была бы слѣдующая:

	Года послѣ потопа
Родъ Сима подъ именемъ *Симъ* кончается	502.
Колѣно, взявшее имя Арфаксада и котораго первый старшина названъ Арфаксадомъ и имѣлъ сына Кайнана нераздѣльно 438 лѣтъ, кончается	940.
Колѣно, отдѣлившееся подъ именемъ Кайнана и котораго первый старшина, принявъ имя Кайнана, имѣлъ сына Салаха нераздѣльно 460 лѣтъ, кончается	1400.
Колѣно втораго Салаха, котораго первый старшина имѣлъ сына Эвера, живетъ нераздѣльно 433 года и кончается	1833.
Колѣно втораго Эвера, котораго первый старѣйшина имѣлъ сына Фалека нераздѣльно 464 года: въ это время рожденіе Фалека и раздоръ народовъ (Вавилонская башня) оно кончается	1867. 2267.
Колѣно втораго Фалека такимъ же образомъ кончается	2506.

Колѣно втораго Рагава кончается и
начинается колѣно Серуха ..... 2845.
Начинаются личности еще при жиз
ни рода Серухова: рожденіемъ Нахора..... 2875.
рожденіемъ Ѳарры ..... 2904.
и рожденіемъ Авраама около ..... 2974.
Колѣно Серуха кончается ..... 3075.
Ѳарра умираетъ ..... 3109.
Авраамъ умираетъ около 3149,

или около 3400 лѣтъ послѣ потопа, если Нахора сочтемъ родовымъ преемникомъ, а не сыномъ Серуха.

И такъ мы видимъ, что преданія Евреевъ оставляютъ великій просторъ до-историческому періоду и не хвалятся глубокою древностію. Тридцати вѣковое младенчество рода человѣческаго, не оставившее никакихъ письменныхъ памятниковъ, обнимаетъ собою то время, въ которое развивались характеры отдѣльныхъ племенъ и народовъ, въ которое разрастались и гибли сѣмена просвѣщенія, въ которое наконецъ происходили всѣ великія явленія внутренней жизни человѣческой, засвидѣтельствованныя составомъ нарѣчій и разнообразіемъ исповѣданій. Кельтъ, Иверецъ, Германецъ, Славянинъ, Монголъ и Финнъ уже отдѣлялись почти также рѣзко другъ отъ друга, при Авраамѣ, какъ и 18 вѣковъ послѣ Р. Хр., т. е. около 40 вѣковъ послѣ Авраама или 35 вѣковъ послѣ перваго лѣтописца Моисея. Поэзія Индустана, которой первыя произведенія относятся безспорно ко второму тысячелѣтію до Р. Х. и современныя ей надписи на несокрушимыхъ гранитахъ Египта знаютъ уже про Скиѳовъ и Мидійцевъ, про Саковъ и чернолицыхъ, курчавыхъ варваровъ, враговъ Индійскаго Брахмана. Народы прирѣчія Евфратскаго и приморья Палестинскаго раздробились на множество враждебныхъ семей и весь міръ безспорно уже представлялъ тѣ же явленія войны и раздоровъ, которыя описаны древнѣйшимъ изъ всѣхъ историковъ въ тѣсной области Семитовъ на юго-западѣ Азіи.

Какому племени принадле-

Опредѣливъ эпоху письменныхъ сказаній дома Израилева по собственному ихъ свидѣтельству и признавъ въ нихъ ха-

жить первыя преданія человѣчества.

рактеръ преданія, мы должны разсмотрѣть вопросъ о томъ, которому изъ великихъ племенъ человѣческихъ принадлежатъ преданія, записанныя въ Пятикнижіи.

Законодатель Евреевъ представляетъ народъ свой одною изъ младшихъ отраслей человѣчества и возводитъ ее до втораго, если не младшаго сына Ноева Сема (по Славянскому правописанію *Сима*). Для него начало общины не восходитъ въ глубокую древность: вчера еще вся она заключалась въ одномъ лицѣ Авраама, переселенца съ сѣвера на югъ, изъ родины въ землю чужую, въ землю не пустынную, но уже населенную родомъ Ханаана (таковъ смыслъ гл. XII ст. 6 въ книгѣ Бытія). Въ новыхъ жилищахъ своихъ онъ вступаетъ въ дружественныя сношенія съ туземцами, не чуждаясь ни политическихъ, ни духовныхъ, ни брачныхъ союзовъ съ ними, хотя память о родовой общинѣ и заставляетъ его искать невѣсты для сына въ колыбели рода своего, въ сѣверномъ междурѣчіи, въ странѣ около истоковъ Тигра и Евфрата. Позднѣйшія преданія показываютъ намъ горную преграду между чашею Каспія и системою южно-океанскою во власти племени Иранскаго и не какъ землю завоеванную имъ, но какъ искони его владѣніе Тутъ земля святая, первозданная, благословенный Иранъ (*Эріене, Гиланъ*), къ которой примыкаетъ великій Иранъ Зендскій (*Ма-зэнд-еранъ*), тутъ столица Азовъ (*Азбурзъ, Азбурiъ*), тутъ корень Халдеи, которая представляетъ множество точекъ соприкосновенія словеснаго и духовнаго съ странами Иранскими; тутъ наконецъ встрѣча Арамейцевъ съ племенемъ Иранскимъ (*). Книга Пророка не содержитъ въ себѣ явныхъ доказательствъ непзмѣнности языка въ семьѣ Авраамовой. Окруженная чужеземцами (ибо они *Ханааниты*, т. е *Хамиды*, а не *семиты*), со-

(*) Должно помнить, что авторъ подъ именемъ *Ирана*, племени *Иранскаго* разумѣетъ, какъ видно изъ первой части этого сочиненія, землю *Арійскую*, племя *Аріское* или *Индо-Европейское* вообще, а не только то, что въ настоящее время принято называть Иранскимъ племенемъ, т. е. въ частности Персовъ съ ближайшими къ нимъ Азіятскими вѣтвями Арійскаго поколѣнія. (*Примѣч. редакт.*)

хранила ли она свое нарѣчіе? Моисей, не разрѣшая филологическаго вопроса, представляетъ намъ одинъ только намекъ, но намекъ рѣшительный на перемѣну нарѣчія у потомковъ избраннаго родоначальника. Когда Израиль ставилъ холмъ въ память братскаго союза съ родственникомъ своимъ Лабаномъ, холмъ свидѣтельства вѣчнаго для будущихъ поколѣній, онъ назвалъ его *Галедъ*, а Лабанъ, никогда не оставлявшій своей родины, вѣроятно не измѣнявшій языка ихъ общихъ предковъ, назвалъ тотъ же холмъ въ томъ же смыслѣ *Егаръ-Сагадуа*. Имя, данное Іаковомъ, принадлежитъ явно къ такъ называемымъ нарѣчіямъ Семитическимъ, т. е. Спро-Аравійскимъ; имя, данное Лабаномъ, въ формахъ своихъ и въ составѣ носитъ характеръ совершенно чуждый имъ. Разложеніе его представляетъ намъ корни чисто-Иранскіе: именно *гаръ* (Слав. *гора*, Зенд. *гайри*, Санск. *гири*), соединительный префиксъ *са*, *со* (Санскритскій и Славянскій, перешедшій въ Германское *ge*) и корень *гад* (Слав. *вѣдать*, Санск. *вид*, Гер. *wit*, Грч. εἰδέναι), корень чисто-Иранскій, принявшій по закону Западно-Иранскихъ нарѣчій придыханіе *г* (*h*) вмѣсто начальной буквы *в*. Такимъ образомъ убѣжденные въ измѣненіи языка Израильскаго, мы имѣемъ полное право предположить въ немъ начало общее съ языками Ирана и самую семью Авраама или Эвера приписать къ великой общинѣ при-Каспійской, къ коренным жителямъ его родины, цѣпи Арарато-Демавендской. Нарѣчіе же нынѣ извѣстное подъ именемъ *Еврейскаго* должно признать за заемное отъ племени Хамидовъ Ханаанскихъ, съ которымъ Моисей отрицаетъ всякое кровное родство, не смотря на тождество словеснаго начала. Этому нарѣчію слѣдуетъ дать имя Израильскаго, а не Еврейскаго.

Итакъ сравненіе сказаній, заключенныхъ въ Пятикнижіи, съ данными, почерпнутыми изъ преданій и памятниковъ другихъ народовъ, дастъ ясное и удовлетворительное разрѣшеніе загадки, до сихъ поръ не объясненной, сходства между преданіями Еврейскими и миѳами Индо-Персидскими и рѣзкаго несходства тѣхъ же преданій съ миѳами Египто-Сирійскими. Языкъ семьи Авраама измѣнился и замѣненъ былъ нарѣчі-

емъ окружныхъ племенъ Палестинскихъ; но духовное ученье и память о прошломъ остались неизмѣннымъ сокровищемъ дома Израилева, не смотря на соблазны вещественнаго богопоклоненія, на долгое рабство въ землѣ чужой и на безпрестанныя сношенія съ великолѣпнымъ міромъ идолопоклонниковъ Кушитовъ. Смѣшно искать въ Индустанѣ первообраза Библейскихъ преданій, или думать, что Израиль заимлъ свою вѣру отъ послѣдователей Зенд-Авесты; но не должно, вопреки здравому смыслу, допускать и вліянія Мозаизма на прибережье Инда и Ганга или предполагать, съ однимъ изъ лучшихъ историковъ современной Германіи, что ученіе Заратуштры (Зороастра) развилось въ послѣдствіе плѣненія Евреевъ царями Вавилонскими. Израиль, мелкая вѣтвь Арана, пересаженная въ чужую землю, не утратилъ своего коренаго характера. Онъ хранилъ свято и ненарушимо великія преданія великой семьи, искони поклонявшейся творчеству свободнаго духа, и передалъ потомству глубокомысленное ученіе общихъ предковъ Арана. Брахма, творецъ, и Ману, возобновитель рода человѣческаго, спасенный Богомъ отъ общаго потопа, и весь родъ человѣческій, происходящій отъ одного родоначальника суть явные отголоски древняго Арайства въ многосложномъ и нестройномъ синкретизмѣ Индустанской религіи. Змѣй Агримана, разсказы о *Мешіи* и *Мешіане*, память о древнемъ учителѣ *Хаомо* (не *Семъ* ли, по переходѣ *с* въ придыханіе?), весь составъ, вся духовная основа Зендской вѣры еще яснѣе свидѣтельствуютъ объ одномъ началѣ съ боговѣдѣніемъ Еврейскимъ. Одной только близорукой и крохоборной критикѣ нашего времени можно было сомнѣваться въ глубокой древности Мессіанническаго ожиданія, когда уже искони Индустанъ ждалъ грозно-спасительнаго Калки-Аватара, когда Мидо-Бактрія надѣялась на пришествіе святаго Сосіоша и Эллины помнили о будущемъ сынѣ *Мето*, царѣ правды и разума. Одно начало племени Иранскаго, одно начало языка, утраченнаго семьею Авраама одно начало вѣры, ею одною сохраненное въ чистотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіи она заимствовала много символовъ

отъ сосѣдей, что нѣкоторые обряды, съ которыми былъ связанъ смыслъ духовный, перешли къ ней отъ народовъ Палестинскихъ; но въ смыслѣ и духѣ она всегда была Ираномъ, и единственно Праномъ, съ его духопоклоненіемъ, съ его понятіемъ о творческой свободѣ, съ его прозрачными символами и съ его памятью объ обще-человѣческомъ братствѣ. Ни берега Средиземнаго моря, ни долина Нила не имѣютъ ничего общаго съ сказаніями пророка. Ассирія, граница двухъ племенныхъ областей, помнила еще о потопѣ, о Ксисуѳрѣ, спасенномъ властью бога Хона. Это можно заключить не только изъ позднаго и сомнительнаго Бероза, но изъ нѣсколькихъ изображеній, открытыхъ въ развалинахъ Вавилона: но Вавилонъ и Ниневія, вся Халдея и междурѣчіе Тигра и Евфрата были столько же подъ вліяніемъ Сѣверо-Востока, сколько и Юго-Запада. Языкъ ихъ носитъ и носилъ издревле (вѣроятно еще прежде Авраама) двойной характеръ. Вѣра ихъ колебалась между грубою вещественностію Кушитовъ и духовностью Прапцевъ (особенно въ отношеніи къ идолопоклонству). Явное и окончательное торжество Юго-Западнаго начала не изгладило всѣхъ преданій Восточныхъ, но уничтожило смыслъ ихъ и разорвало связь съ религіею. Египетъ, менѣе всѣхъ просвѣщенныхъ странъ подверженный дѣйствію Иранскаго ученія, не имѣетъ совершенно ничего общаго съ Евреями въ преданіяхъ о космогоніи или о братствѣ человѣческомъ или о потопѣ. Уже давно замѣчено, что разсказъ о Ѳивахъ, которыя одни высились надъ волнами, покрывавшими землю, разсказъ нелѣпый по низменности ихъ мѣстоположенія, взятъ хвастливыми Египтянами изъ Еврейскаго сказанія, въ которомъ имя ковчега было *Ѳебахъ*, и включенъ безъ толка и связи въ баснословную исторію царства при-Нильскаго. Палестина также чужда преданіямъ Моисеевымъ, какъ и Египетъ. Чѣмъ чище начало Иранское (какъ въ Медо-Бактріи), тѣмъ ближе духъ вѣры и смыслъ преданій къ вѣрѣ и преданію Израиля. Писанная на языкѣ Семитовъ, книга Бытія, изъ которой истекаетъ древнѣйшій свѣтовой кругъ для исторіи, есть память сохраненная духопоклоннымъ Праномъ

о первомъ младенчествѣ рода человѣческаго, о первыхъ историческихъ судьбахъ его.

Преданія о разселеніи народовъ.

Воды схлынули съ земли. На скатахъ снѣговаго Арарата ступилъ возобновитель рода человѣческаго на новую сушу и возблагодарилъ Бога.

Мѣстность перваго населенія опредѣлена уже сравненіемъ преданій Ирано-Индстанскихъ и Ирано-Мидійскихъ. Священная гора, свѣтлый Аль-Борузи принадлежитъ западному берегу Каспійскаго моря.

Жизнь семьи Ноевой была трудовая, хлѣбопашественная (Быт. гл. XI ст. 20).

Очевидно преданія эти принадлежатъ племени осѣдлому и переселеніе Авраама въ страну южныхъ Эламитовъ одно только дало кочевое направленіе быту его потомковъ, хотя нельзя отвергать наклонность многихъ отраслей Иранскихъ къ жизни пастушеской (это видно изъ сказаній до-потопныхъ); впрочемъ скотоводство и земледѣлие, первоначально соединенныя, распались вслѣдствіе увеличившагося народонаселенія и вслѣдствіе личнаго характера отдѣлившихся семей.

Не долго продолжалось житье молодой общины въ единствѣ духовнаго братства. Первыя поколѣнія еще не кончили земнаго поприща, какъ уже развратъ мысли оторвалъ цѣлое племя отъ святаго союза и бросилъ сѣмена будущихъ раздоровъ. Родоначальникъ и представитель своего рода (по понятіямъ Востока), Хамъ въ наглой насмѣшкѣ выражаетъ признаніе органической необходимости за вѣчное начало всего сущаго; и потомки его воздаютъ грубое поклоненіе обоготворенному ея символу. Эти потомки названы: *Кушъ* (Эѳіопія) кажется признанный за старшаго, *Мицраимъ* (Египетъ), *Путъ* (юго-западная Африка, по многимъ даннымъ и особенно по вѣроятному чтенію надписей Египетскихъ) и *Ханаанъ*. Въ этой отрасли человѣческаго рода преданіе исчезаетъ, ибо преданіе неразрывно связано съ воззрѣніемъ на общее начало вѣры, выражающейся въ преданіи или, принимаетъ смыслъ совершенно противоположный первоначальному (какъ

въ поклоненіи змѣѣ). Тутъ же развивается односторонность вещественнаго просвѣщенія, убивающая всякое словесное и духовное стремленіе, возможное только для духа, поклоняющагося свободно-творящему духу.

Южныя страны сдѣлались жилищемъ Хамидовъ; великія торжества увѣчали ихъ первоначальные труды; великая слава была наградою за ихъ страстно-вещественную односторонность; но свѣтлое сознаніе Прана наложило проклятіе на ихъ условную вѣру и грубые символы; гордое сознаніе духовныхъ силъ Прана изрекла пророчество рабства на ихъ вещественную силу: и пророчество сбылось.

Смѣшны усилія близорукой науки, когда она стремится объяснить всѣ явленія исторіи изъ законовъ разумной необходимости. Многое въ жизни есть прямое проявленіе произвола и случайности или совокупныхъ дѣйствій свободы человѣческой и воли всемірной, которой не разгадалъ и не разгадаетъ человѣкъ. Взятая логическая философія разбивается о *Zufälligkeit* (случайность), которая не возможна въ саморазвивающихся формулахъ и необходима для проявленія этихъ самыхъ формулъ. Поэтому невозможно сказать утвердительно, какія побужденія управляли первыми переселеніями людей по лицу пустынной земли: но если есть какая-нибудь скрытая гармонія между строемъ мысли человѣческой и характеромъ климатовъ, то понятно стремленіе вещественнаго Хамида къ странамъ буйно-вещественнаго юга, къ его роскошной растительности и знойному небу. Климатъ и внутреннія страсти человѣка, произвольно избравшаго себѣ жилища, должны были развить племенную особенность и проявить ее въ новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ видахъ. Отдѣльное дѣйствіе климата ничтожно, но оно безконечно-сильно, когда вызываетъ наружу силы сокровенныя, но живущія уже въ растеніи или животномъ.

Племя Симово осталось въ средней полосѣ, племя Яфетово подвинулось къ сѣверу; но такъ какъ духовный союзъ не былъ расторгнутъ, трудно положить между ними ясные предѣлы. По всей вѣроятности, многіе потомки Сима жили между Яфетидами и много Яфетидовъ между Семитами, или

по словамъ писаннаго преданія: «Яфетъ вселялся въ селеніяхъ Сима» Впрочемъ эти слова наводятъ на предположеніе о большей осѣдлости Семитовъ.

Свободно и легко расходились племена по простору привѣтливой земли: но сношенія дружбы и братства не были еще забыты. «Одни уста были у всей земли и одинъ языкъ у всѣхъ», по живому и глубоко-поэтическому выраженію Ветхаго Завѣта. Но сѣмена духовнаго раздора уже были брошены отступничествомъ Хамидовъ отъ общаго преданія. Внутренній союзъ потерялъ свою силу, прибѣгли къ союзу внѣшнему, условному, къ попыткѣ одного государственнаго устройства для всего рода человѣческаго, съ одною правительственною или религіозною столицею. Мѣсто ей было выбрано въ равнинахъ Сеннаарскихъ и общимъ трудомъ положены основанія великолѣпнаго зданія, передъ которымъ долго благоговѣли народы, безсильные подражать ему, и о которомъ разсказы самые несомнѣнные кажутся сказкою для вѣковъ, усовершенствовавшихъ всѣ практическія науки.

Таковъ явный смыслъ преданія о Вавилонской башнѣ. Ее строили люди, чтобы не разсѣяться; и только ученымъ, никогда не выходящимъ изъ своихъ ученыхъ темницъ, могла придти въ голову мысль, принять эту башню за путеуказательный маякъ въ пустынѣ. Спросите у Калмыка или у Американскаго Сіуса, нужны ли маяки тому, кто видитъ солнце днемъ, а звѣзды ночью! Хоть бы съ Русскимъ казакомъ побесѣдовали ученые!

Не благословенъ былъ трудъ строителей въ равнинѣ Сеннаарской. Условный союзъ и условная община невозможны при внутреннемъ разладѣ убѣжденій. Попытка искусственнаго соединенія кончилась, какъ должна была кончиться,—раздоромъ. То, что должно было скрѣпить слабѣющія узы дружбы между племенами, разорвало ихъ навсегда. Давно хладѣющее чувство братства замѣнилось явною и прямою ненавистью; загорѣлась вражда народовъ и перешла въ тяжкое наслѣдство, отъ котораго человѣчество откажется только тогда, когда единство убѣжденія возобновитъ общій внутренній союзъ.

Невозможно опредѣлить прямыхъ поводовъ къ раздору. Много было причинъ къ нему: или въ спорѣ о первенствѣ родовъ или въ разногласіи вѣръ. Какъ бы то ни было, памятникъ, которымъ люди думали прославить имя свое и увѣковѣчить свидѣтельство о древнемъ союзѣ своемъ, остался недоконченнымъ. Мѣсто его теперь обозначено громадными холмами кирпича, которые мало-по-малу исчезаютъ въ глубинѣ при-Евфратскихъ болотъ. Народы разсѣялись по лицу всей земли, забывая другъ про друга, или вспоминая другъ о другѣ только для взаимной ненависти, и каждая семья, предапная своему личному произволу окончательно исказила общее достояніе, единство слова, нѣкогда выражавшее единство мысли.

Эпоха строенія Вавилонскаго опредѣляется въ преданіи рожденіемъ Фалека: слѣд. относится къ половинѣ IV-го тысячелѣтія до Р. Хр. Колѣно, къ которому принадлежала семья Израильская, носило тогда имя Эвера, своего колѣноначальника, имя, сдѣлавшееся впослѣдствіи бытовымъ названіемъ Авраама и его потомковъ.

Кончилось свѣтлое и святое младенчество человѣческаго рода; кончились взаимныя сношенія и развитіе просвѣщенія синтетическаго и вселенская жизнь мысли. Объ этомъ ранпемъ періодѣ остались преданія и сказки. Міръ въ своихъ грустныхъ воспоминаніяхъ, и вѣря и не вѣря ему, назвалъ его Золотымъ вѣкомъ. Начались вѣка борьбы, вѣка Геропческіе.

Югъ, какъ мы сказали, принадлежалъ Хамидамъ. Безполезно бы было входить въ разсмотрѣніе всѣхъ семейныхъ именъ, подъ которыми они извѣстны въ Еврейскомъ преданіи. Должно только замѣтить, что къ нимъ принадлежали многіе народы, носящіе имя *Себа* и *Шева*, весьма важное по своему значенію въ исторіи просвѣщенія и миѳологіи. Къ Хамидамъ принадлежали а всѣ первоначальные жители Ханаана и Филистимляне и Финикійцы, которыхъ древнѣйшій, городъ по указанію Ветхаго Завѣта, такжекакъ и по другимъ свидѣтельствамъ, и былъ Сидонъ, и жители нѣкоторыхъ острововъ въ Средиземномъ морѣ (какъ напр. Кипра) и Лудимъ, которыхъ находимъ еще и теперь на южныхъ границахъ Марока и въ оазѣ Гуа-

лата подъ именемъ Шелуховъ или Лудая и Лудамаръ. Очевидно, понятіе о родствѣ народовъ основано было не на тождествѣ языковъ; иначе Евреямъ должно бы было приписать себя къ Хамову племени по сродству нарѣчій Израильскаго и Финикійскаго.

Колѣна Семитическія населили страну, ближайшую къ горной системѣ Араратской. Къ нимъ причислены Эламиты сѣверной Аравіи, Арамейцы Сирійскіе, Ассирія и двое племенъ, которыхъ невозможно опредѣлить, Арфаксадъ, отъ котораго Евреи вели свое начало, и Лудъ, безъ всякой причины принятой за Лидійцевъ. Должно замѣтить, что многія отрасли Семитическія носятъ названія, повторенныя въ родословной Хамидовъ: таковы *Ассуръ*, *Себа*, *Гавила* и *Лудъ*. Это кажется намекъ на смѣсь поколѣній.

Колѣна Яфетическія показаны самыми многочисленными изо всѣхъ. Объ нихъ въ особенности употреблено выраженіе: «отъ нихъ раздѣлились острова народовъ», которое не повторяется ни о Хамидахъ, ни о Семитахъ. Вѣроятно имъ приписывалось большее разселеніе и, можетъ быть, какой-то особенный почетъ, высказанный въ признаніи ихъ за старшее племя въ родѣ человѣческомъ. Къ нимъ принадлежатъ многіе народы, живущіе или жившіе на сѣверныхъ скатахъ Арарата и на Кавказскомъ прегорьи, какъ *Месѣхъ* (вѣроятно Мосхи) и *Тубалъ* (кажется Иверцы), многіе, которыхъ жилища были еще далѣе на сѣверъ, какъ *Гомеръ*, *Рифаѳъ*, *Тирасъ*, *Ѳогарма* и *Магогъ*, и наконецъ другіе, которые явно входятъ въ составъ Иранскаго племени, именно *Доданимъ* (быть можетъ Пелазги, во всякомъ случаѣ народъ западный), *Мадаи* (безъ сомнѣнія Мидійцы) и *Яванъ*, которыхъ угодно книжникамъ считать Іонійцами или Эллинами, но которые вѣроятно суть ничто иное, какъ система Сармато-Славянская или Азъ-Ваны (по крайней мѣрѣ въ словесности Санскритской царь Кала Явана и Яваны вообще явно принадлежатъ Бактріи и Афганистану). Съ именемъ Яванъ соединены, какъ и слѣдовало, имена, напоминающія міръ Эллино-Пелазгическій.

Безполезно бы было слѣдить и разбирать критически на-

званія племенъ по Библейскому указанію. Всѣ источники, которыми можно бы было пользоваться для сличенія, слишкомъ поздни въ сравненіи съ этими первобытными преданіями: самыя имена слишкомъ неопредѣленны, и разгулявшійся произволъ критика можетъ легко впадать въ смѣшныя догадки, основанныя единственно на случайномъ сходствѣ народныхъ прозвищъ. Очевидно только то, что въ этнографіи Моисея черное племя признано за Хамидовъ и сѣверовосточное жёлтое отнесено къ Яфетидамъ. Бѣлое, включенное отчасти въ потомство Яфета и отчасти въ потомство Сима, безъ явнаго раздѣленія, слѣдуетъ опредѣлить по другому признаку, именно по общему началу просвѣщенія и оставить ему названіе Иранскаго по странѣ, сохранившей съ наибольшей чистотой достояніе мысли и слова.

Первая община, которою начинается исторія—*Вавилонъ*. Первое лицо, которое вводитъ насъ въ вѣка героическіе, *Нимвродъ* Простодушное преданіе сохранило память о первомъ завоевателѣ, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о счастливомъ невѣжествѣ людей, не знавшихъ какъ назвать новое, грустновеликое явленіе. Были убійства частныя и имена для убійцы. Но война и завоеваніе, этотъ итогъ безконечныхъ убійствъ, безстрастныхъ и безкорыстныхъ, это исполинское преступленіе всѣхъ законовъ человѣческихъ, эта мерзость, сопряженная съ очаровательнымъ величіемъ и съ соблазномъ себялюбивой славы, война еще не получила имени у людей: одно только было на нее похоже, ловитва въ большихъ размѣрахъ. Первый завоеватель, Нимвродъ, названъ былъ исполиномъ-ловцемъ, которому судитъ Богъ, а не люди («исполинъ-ловецъ передъ Богомъ»).

Первые Кушитск. государства. Вавилонъ. Египетъ. Южная Индія и Кашмиръ.

Когда возникъ раздоръ семей и вражда обратилась въ борьбу за первенство, племена, сохранившія простоту семейнаго быта и безыскусственность синтетическаго просвѣщенія, должны были сдѣлаться жертвою переворота, къ которому они не были готовы. Племена, оторвавшіяся отъ древней семейной простоты, развившія односторонность свою въ изученіи вещественныхъ силъ природы, въ свободномъ анализѣ,

не связанномъ никакимъ преданіемъ и въ условномъ порядкѣ государственности, основанной на общемъ согласіи для частной выгоды каждаго, эти племена должны были одержать верхъ надъ безсильнымъ сопротивленіемъ народовъ, младенчески простодушныхъ. Владычество міра въ его новомъ искаженіи принадлежало Хамидамъ. Столица общечеловѣческая осталась въ рукахъ племени Кушитскаго и подъ властью Кушитскаго просвѣщенія.

Изъ Вавилонскаго средоточія подвинулись непобѣдимыя дружины на сѣверъ: возникли новые города въ области Иранской, вдоль быстрыхъ волнъ Тигра и Евфрата, покоренныхъ искусствомъ Хамидовъ, закованныхъ въ гранитные берега и перехваченныхъ гранитными оплотами. Въ колыбели Симова племени, около предгорій при-Каспійскихъ цѣпей, возстало, по словамъ писанія, воинственное великолѣпіе Ниневіи и Калахъ и Резенъ и Аккадъ и Кальнъ и другіе, полные роскоши, богатства и силы, полные славы, теперь уже давно позабытой и художественнаго величія, отъ котораго не осталось слѣдовъ.

Черты, отличающія дѣятельность Кушитовъ, въ преданіи Иранскомъ очевидно тѣ же самыя, которыя выводятся изъ другихъ данныхъ. Это все то же племя, легко смыкающееся въ государственныя формы, строющее роскошныя жилища и безмолвно движущее гранитными массами въ какой-то восторженной борьбѣ съ вещественною природою. Молодость человѣческая представляетъ явленія, которыя повторяются въ нашъ вѣкъ подъ вліяніемъ умственнаго направленія, не совсѣмъ чуждаго древнему Кушитству. Условно-разумныя начала очевидно преобладаютъ въ современномъ просвѣщеніи, не смотря на его многосторонность.

Такимъ образомъ развилось въ Месопотаміи могущество Южнаго завоевательнаго племени передъ глазами Иранцевъ, оставившихъ намъ свидѣтельство объ немъ. Между тѣмъ, вдали отъ перваго свѣтоваго круга историческаго, на берегахъ Нила въ Африкѣ и на югъ отъ Нербудды и Маганадди, въ Индійскомъ полуостровѣ возникали сильныя царства, которыхъ существованіе и историческую жизнь мы можемъ только

угадывать изъ памятниковъ зодчества и ваянія, изъ поэтическихъ сказокъ враждебнаго Ирана и изъ бѣдныхъ преданій, сохраненныхъ позднѣйшими Эллинами. Нѣсколько словъ Ветхаго Завѣта о Фараонахъ Египта въ вѣкъ Авраама, слѣдовательно около 2000 лѣтъ до Р. Хр., указываютъ на давнее существованіе государства въ Нильской долинѣ. Скорое и легкое сообщеніе Евреевъ съ столицею Египта, также какъ и всѣ преданія опредѣляютъ мѣстность этой столицы въ средней трети Египта, по всей вѣроятности въ Мемфисѣ: но Мемфисъ есть безспорно только преемникъ величія древнихъ Ѳивъ. И такъ преданіе, согласно съ геологическимъ изслѣдованіемъ Ѳивской почвы, относитъ эпоху перваго государства въ Египтѣ къ началу третьяго тысячелѣтія до Р. Хр. Самъ же Египетъ, какъ по характеру зодчества и по духу своихъ учрежденій, такъ и по самымъ преданіямъ и по двойственности племени, населявшаго Нильскую долину на сѣверъ отъ границъ эѳіопіи, является наслѣдникомъ просвѣщенія, рожденнаго на югѣ, на первозданной твердынѣ Абиссинскихъ горъ.

Еще темнѣе показанія объ Индіи. Дѣйствительная исторія не бросаетъ ни одного свѣтлаго луча на дальній Востокъ.

Поэзія и художества одни остаются намъ свидѣтелями въ существованіи Кушитскихъ государствъ между мысомъ Коморинскимъ и сѣвернымъ, собственно такъ называемымъ Индустаномъ. Свидѣтельства ихъ неоспоримы, но не представляютъ ни точности, ни подробности, ни опредѣлительности исторической. Характеръ строеній, начинающихся Эллорскими подземными храмами, остаткомъ троглодитства, не свойственнаго Индустану, и выдвигающихся мало-по-малу на поверхность земли въ видѣ рукозданныхъ горъ Эллоры и Магабалипурама, не оставляетъ никакого сомнѣнія о чужеземствѣ зодчества въ Индіи и объ его западномъ началѣ. Но въ то же время могучій и величественный стиль этихъ строеній показываетъ уже не первый возрастъ художества и ставитъ начала Южно-Индійской государственности, основанной Кушитами, въ эпоху позднѣйшую Абиссинскаго и вѣроятно Южно-Египетскаго царства.

Весьма поздняя и темная лѣтопись Кашмира недостаточна бы была для утвержденія, что тѣ же самыя племена, которыя владычествовали въ Вавилоніи, Абиссиніи и Деканѣ (*Дакшина-двипа*, т. е. правая сторона, южная Индія по Брахманамъ) проникли на сѣверъ по Инду и его притокамъ и основали сильное царство въ нѣдрахъ снѣговаго Гималая. Между тѣмъ многіе доводы подтверждаютъ эту догадку. Пещерное жительство и особенно пещерные храмы довольно обыкновенны на скатахъ и въ долинахъ Инду-кху, хотя всѣ эти памятники принадлежатъ не къ глубокой древности. Шиво-Буддапзмъ, неотъемлемая принадлежность чистыхъ Кушитовъ, есть безспорно первая религія Кашмира; народы его всегда представляются какъ бы подъ особымъ покровительствомъ Шивы и въ войнахъ часто противоборствуютъ Пранскимъ Вишнуитамъ и Брахманамъ. Особенное поклоненіе змѣямъ отличаетъ древнихъ жителей Кашмирской долины, также какъ и южныхъ Деканцевъ. Наконецъ самое имя всего края въ прежней письменности Санскритской—*Кушъ-двипа* (земля Куша) и имена ея округовъ *Кашъ-миръ* и *Кашъ-гаръ* (море Куша и гора Куша) весьма понятныя, ибо долина Кашъ-мира была нѣкогда безспорно озеромъ,—имена, въ которыхъ узнается тотъ же звукъ Кушъ съ измѣненіемъ *у* въ глухой *а*, указываютъ на то, что названіе Кушитъ было дано не одними Евреями, но всѣми древними Пранцами ихъ смуглымъ противникамъ, сынамъ Юга и поклонникамъ Шивы. При общемъ началѣ Пранскаго преданія это весьма вѣроятно и вполнѣ согласно съ древнею религіею Кашмира, засвидѣтельствованной памятниками и самою лѣтописью края.

Должно замѣтить, что производство отъ *кас* (блистательный) не можетъ быть допущено, потому что не имѣетъ ничего общаго съ формою *Кушъ-двипа*, а производство отъ племени *Кхасъ* невѣроятно по отсутствію придыханія во всѣхъ формахъ.

При весьма сомнительномъ лѣтосчисленіи, замѣтно, что Кашмиръ возводитъ свою древность не далѣе трехъ тысячъ

лѣтъ до Р. Хр. На вѣрность такого показанія нельзя нисколько полагаться: самая простота исторіи и скудность баснословной примѣси указываетъ только на вліяніе Буддаизма, враждебнаго по духу своему всякому поэтическому вымыслу. Существованіе Гопарды I-го и большей части его преемниковъ не должно обращать на себя вниманіе историковъ: но самое царство съ своей несомнѣнной древностью, съ своимъ Шиво-Будгаистическимъ началомъ и съ своими преданіями о гидравлическихъ работахъ, обратившихъ озеро въ сушу и даровавшихъ человѣку одно изъ его лучшихъ жилищъ на землѣ, не подвержено никакому сомнѣнію. Оно связывается съ южною системою и показываетъ намъ Кушитовъ владѣльцами Индскаго прибрежья въ самое время величайшаго развитія Кушитскаго могущества.

Всѣ эти государства погибли безъ слѣдовъ: они не дожили до полнаго проявленія историческаго духа. Одинъ только Египетъ уцѣлѣлъ до пробужденія Греціи и чрезъ него сохранились нѣсколько положительныя извѣстія объ Эѳіопіи и о древнемъ Мероэ. Трудно опредѣлять ихъ истинный характеръ и наука должна довольствоваться догадками, основанными на тѣхъ же данныхъ, посредствомъ которыхъ возсоздала она понятіе о до-историческихъ временахъ.

Историческая дѣятельность Кушитовъ Жрецы. Касты.

Древній міръ дѣлится на двѣ общественныя формы: на государства съ кастами и государства безъ кастъ. Въ этомъ отношеніи нельзя положить предѣла между Ираномъ и Кушемъ. Выходцы изъ восточнаго Ирана, Славяне и выходцы изъ западнаго Ирана, Эллино-Пелазги и Германцы, не представляютъ никакого слѣда раздѣленія на касты: но то же самое замѣтно и въ черныхъ племенахъ Кушитскихъ. Даже остатки ихъ, южные Шиванты, въ Индіи, гораздо менѣе склонны къ общественному быту, основанному на понятіи о кастахъ, чѣмъ чистые Брахманы сѣвера. Египетъ представляетъ самое подробное дробленіе на наслѣдственныя сословія и по всѣмъ вѣроятіямъ царство въ Мероэ было основано на тѣхъ же началахъ. Съ другой стороны Друиды составляютъ отдѣльную касту въ Иранскихъ Кельтахъ, и Брах-

маны Индустана, переселенцы изъ земли Бактрійской, утвердили на берегахъ Ганга такое строгое, такое безчеловѣчное устройство кастъ, какого мы не видимъ въ самомъ Египтѣ. Очевидно, что у нихъ это устройство не заемное, но коренное, ибо оно соотвѣтствуетъ раздѣленію Индійскому, съ тою только разницею, что двѣ низшія касты первобытныя соединились въ одну, чтобы не измѣнить священнаго числа четырехъ, при введеніи новой касты, черныхъ покоренныхъ Сударасовъ. Древнее преданіе даже приписывало Египетское раздѣленіе народа желанію подражать восточному Индійскому образцу. Можно бы предположить, что Пранъ былъ настоящею колыбелью общины, раздробленной на касты, но и здѣсь встрѣчается великое затрудненіе.

Память о Кушитахъ сохранилась не въ памятникахъ слова, создаваемыхъ свободною личностью мыслящаго человѣка, но въ памятникахъ зодчества, требующихъ совокупнаго дѣйствія общественныхъ силъ. Памятники эти, кромѣ тѣхъ, которые обращены къ общеполезной цѣли, какъ каналы и искусственныя озера въ Египтѣ, гранитныя плотины и водохранилища подлѣ Вавилона, въ Цейлонѣ и южной Индіи, или гидравлическія работы въ Кашмирѣ, представляютъ характеръ религіозный. Они созданы волею народною, но они возможны только подъ властію жреческой касты, сосредоточивавшей народную силу и дававшей ей цѣль и направленіе, освященныя религіозною мыслію. И такъ первобытное существованіе жреческаго сословія, сословія наслѣдственнаго, у Кушитовъ не подвержено никакому сомнѣнію. Государства, основанныя ими, были богоправленіями, въ которыхъ божественная воля изображалась кастою жрецовъ, а народъ—исполнитель этой воли, имѣлъ представителя въ царѣ.

Нѣмецкіе ученые назвали довольно вѣрно первую государственную эпоху—эпохою жреческихъ обществъ, *der Priesterstaaten*. Ее можно прослѣдить отъ скатовъ Абиссинской твердыни до Японіи и Мексики.

Чтобы понять вполнѣ характеръ Кушитскихъ царствъ, долж-

но снова обратиться къ самому смыслу вѣры у Хамидовъ. Признаніе органической полярности или ея необходимыхъ проявленій за вѣчное начало вѣчно-сущаго міра разрѣшается для разума въ совершенное безбожіе. Но страсти не повинуются строгому анализу разсудка. Внутренняя жажда богопоклоненія и отголоски прежнихъ религіозныхъ преданій, отверженныхъ, искаженныхъ, но не вполнѣ забытыхъ, облекаютъ съ какою-то простодушною хитростью безутѣшную аналитическую формулу безбожія въ призракъ религіи, во всебожіе. Міръ, обращенный въ Бога, получаетъ новосозданную сомкнутую личность и, такъ сказать, подобіе человѣка, въ немъ проявляется двойственность мысли и формы или разума и вещества. Въ самыхъ нѣдрахъ божественнаго міра, управляемаго стройными законами необходимости, представляется воображенію новое божество, смыслъ всего міра, связанное съ нимъ неразрывными цѣпями, стройно-разумное, воплощенный законъ, воплощенная гармонія. Этому божеству посвящено служеніе народное и жизнь жрецовъ, повторяющихъ въ частной общинѣ вѣчные законы вселенной. Наука открываетъ тайны вещественнаго міра: жрецы должны быть мудрецами, т. е. учеными, безпрестанными служителями науки. Но только тотъ можетъ проявить законъ въ обществѣ, кто позналъ этотъ законъ. Они должны быть правителями. И такъ древнія государства Кушитовъ были собственно государствами вещественныхъ мудрецовъ. Вотъ объясненіе тѣхъ громадныхъ зданій, которыхъ неразрушимая твердыня посмѣялась вѣкамъ и тѣхъ общеполезныхъ работъ, которыхъ описанію нельзя вѣрить и слѣдамъ которыхъ нельзя не вѣрить, и тѣхъ торжествъ Куша надъ Праномъ, которыми начинаются историческіе вѣка.

Это божество, созданное воображеніемъ въ мірѣ чисторазсудочномъ, этотъ законъ олицетворенный и принявшій положительные очерки, это полное выраженіе вселенной, получило въ себѣ характеръ, наложенный на вселенную первоначальнымъ анализомъ, характеръ внѣшней необходимости и было совершенно чуждо всякой свободы. Религія при та-

комъ воззрѣніи кажется невозможною. Но также какъ человѣкъ, не смотря на свое заключеніе въ оковахъ, тяготѣющихъ на всей вселенной, можетъ дѣйствовать на видимую природу, измѣнять ея видъ и ея отношенія, давать рѣкамъ новое русло и направленіе и создавать или срывать каменныя твердыни, точно также онъ можетъ вещественными или по крайней мѣрѣ, внѣшними орудіями подвигнуть самый центръ вселенной и посредствомъ законовъ, подмѣченныхъ или угаданныхъ имъ, овладѣть божествомъ, рабомъ-владыкою міра. Вѣра была трансцендентальною физикою. Вотъ смыслъ всѣхъ обрядовъ, заклинаній и всей религіи Кушитской и всего великолѣпія ея храмовъ Безполезно бы было слѣдить за всѣми чуждыми стихіями, которыя въ теченіи вѣковъ были примѣшаны страхомъ, надеждою или воображеніемъ къ основѣ Кушитской. Начало оставалось всегда одно и тоже, именно необходимость, выраженная посредствомъ органической полярности и представленная въ символѣ вещественнаго рожденія или въ символѣ самобытной жизни, змѣи. Буддаизмъ, безкорыстное поклоненіе невозможной свободѣ, безполезное признаніе духа, всегда упадающаго въ оковы вещества, при всякомъ своемъ проявленіи и всегда стремящагося къ самоуничтоженію, т е. къ освобожденію себя отъ своихъ же проявленій, Буддаизмъ оставался тайною, сокрытою въ самомъ глубокомъ, въ самомъ сокровенномъ святилищѣ храма. Онъ не существовалъ для толпы и не двигалъ судьбами народовъ.

Паденіе власти жрецовъ.

Отдѣльное сословіе жрецовъ повлекло за собою составленіе другихъ наслѣдственныхъ кастъ, какъ слѣдствіе необходимое. Весьма легко замѣтить, что онѣ составились не вдругъ, а постепенно и не имѣли глубокаго значенія государственнаго. Одна только каста священнослужителей, аристократія мудрости земной и небесной, жила жизнью отдѣльною и органическою, сосредоточивая въ себѣ всѣ права и весь смыслъ государства. Царь, представитель рабствующаго и темнаго народа, имѣлъ только власть исполнительную. Но исполнитель всегда стремится къ верховной, законода-

тельной власти. Техническія познанія, пріобрѣтенныя ремесленникомъ, внушаютъ ему гордое довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и уничтожаютъ призракъ святыни, въ который онъ первоначально облекалъ отвлеченную науку и ея служителей.

Это явленіе вѣчно повторяется. Вокансонъ грозилъ Академіи автоматокъ-геометромъ, нашъ вѣкъ готовъ ставить Уатта и Фультона на ряду первоклассныхъ геніевъ, Ньютона или Лейбница.

Наконецъ, человѣкъ дѣйствующій и страдающій, борецъ жизни невольно питаетъ какое-то презрѣніе къ борцу мысли, труженику и затворнику своей тихой кельи. Народъ, представляемый царями, вырвался изъ-подъ власти жрецовъ и низвелъ ихъ на вторую степень въ государствѣ. Никогда не могъ онъ и не хотѣлъ совершенно уничтожить своихъ прежнихъ властителей: онъ продолжалъ уважать въ нихъ посредниковъ между землею и не бомъ, хранителей тайнъ науки, властвующей надъ веществомъ, и другой науки высшей, властвующей надъ самими богами. Но, сохраняя ихъ отдѣльное существованіе, онъ подчинилъ ихъ себѣ, и обычай Египта, вѣроятно весьма древній, приводилъ ежегодно начальника религіи къ стопамъ начальника народа, увѣковѣчивая такимъ образомъ память о древнемъ владычествѣ жрецовъ и о переворотѣ, сокрушившемъ это владычество.

Освобожденіе народной стихіи произошло, вѣроятно, не единовременно во всѣхъ земляхъ Кушитскихъ. Въ Эѳіопіи, родинѣ и первоначальномъ средоточіи южнаго просвѣщенія, власть касты священнослужителей продолжалась весьма долго и пала уже во времена положительной исторіи; въ Египтѣ этотъ переворотъ относится безспорно къ третьему тысячелѣтію до Р. Х. или къ перенесенію столицы изъ древнихъ Ѳивъ въ новый Мемфисъ. Невозможно опредѣлить его настоящую эпоху, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ измѣнилъ характеръ самаго египта и сблизилъ его съ системою народовъ Азіатскихъ. Памятники Мемфиса и средняго Египта вообще бѣдны

въ сравненіи съ памятниками прежней теократической столицы. Слабый кирпичъ замѣнилъ неразрушимую крѣпость гранита и порфира, храмы бѣдны и даже громада пирамидъ, зданія, свидѣтельствующаго о чудномъ единствѣ и напряженности силъ, выказываетъ въ бѣдности своихъ формъ, въ безъискусственности очерковъ и въ безсмысленности растраченнаго труда всю ничтожность переходной эпохи, не утратившей техники, но потерявшей значеніе и духъ первоначальнаго просвѣщенія. Мемфисъ совершенно удалился отъ характера религіознаго и все величіе его ограничивается великолѣпными предпріятіями для вещественной пользы и для усовершенствованія житейскаго быта. Все болѣе и болѣе притягивалъ онъ стихію Азіатскую на берега Нила; и Египетъ воскресъ во всемъ величіи своемъ только тогда, когда возникло противодѣйствіе изъ стовратыхъ Ѳивъ и когда XVIII-я династія возвела на престолъ цѣлый рядъ великихъ людей, основавшихъ свое могущество на мѣстныхъ и религіозныхъ стихіяхъ.

На берегахъ Евфрата преобладаніе жрецовъ продолжалось еще менѣе, ибо кромѣ храма Велова, воздвигнутаго соединенными силами всѣхъ семей человѣческихъ, Вавилонъ не славился ни однимъ памятникомъ религіознымъ. По этому мы имѣемъ полное право предполагать, что основаніе этого царственнаго города относится къ эпохѣ довольно поздней, въ сравненіи съ первыми созданіями Кушитскаго художества въ Эѳіопіи и въ южномъ Египтѣ, и что многія развалины и пещерные храмы въ долинѣ верхняго Нила принадлежатъ началу IV-го или даже концу V-го тысячелѣтія до Р. Хр.

Общій смыслъ религій Кушитскихъ извѣстенъ; подробности ихъ въ разныхъ земляхъ не могутъ быть опредѣлены. Письмена символическія (іероглифы), принадлежащія просвѣщенію Африканскому, еще не были открыты. Они принадлежатъ времени позднѣйшему, т. е. полному развитію Египта, и отъ этого ни древне-эѳіопскіе памятники, ни Индустанъ не представляютъ никакихъ слѣдовъ іероглифическихъ надписей. Сомнительно существованіе письменности

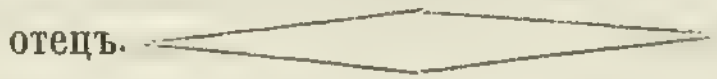
гласовой въ эти отдаленныя времена и сверхъ того, какъ принадлежность Брана, она ни въ какомъ случаѣ не могла сохраниться въ земляхъ Кушитскихъ и въ періодѣ чисто-Кушитской дѣятельности. Позднѣйшія же эпохи, о которыхъ яснѣе знаетъ исторія, суть уже эпохи смѣшенія. Эѳіопія, отдаленная отъ Брамскихъ вліяній, могла бы болѣе другихъ странъ открыть намъ истину; но, издревле безмолвная, она уже не можетъ теперь высказать свои древнія тайны. Нѣтъ сомнѣнія, что имя Шева или Сива было общимъ именемъ верховнаго божества во всѣхъ системахъ Кушитскихъ: оно вездѣ упѣлѣло въ разныхъ формахъ: то въ именахъ боговъ, какъ въ Индіи и въ Египтѣ, гдѣ Севъ или Севекъ съ главою крокодила былъ признанъ Эллино-Римлянами за Хроноса Сатурна, то въ именахъ мѣстностей, какъ въ Египтѣ, гдѣ главный и древнѣйшій городъ Ѳивы (Діоспо лисъ) отъ него получилъ свое названіе, или въ Эѳіопіи, гдѣ Мероэ назывался также Себахъ, и можетъ быть въ Абиссиніи, которой имя *Хабешъ* есть ничто иное, какъ обратное *Шебахъ*, то въ древнѣйшихъ преданіяхъ народа Еврейскаго, давшаго имя *Себа* многимъ колѣнамъ Хамидовъ.

Преданія эти заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія, что они совпадаютъ съ остатками письменности Кушитской въ Египтѣ. Такъ напр. іероглифы намъ представляютъ имя *Путъ* для внутренней Африки, *Куши* для Эѳіопіи и *Хеме* или *Кеме* (Хамъ) для самаго Египта.

Такъ какъ первоначальная религія Африканской системы была ничто иное, какъ пантеистскій анализъ, имена боговъ не представляютъ большой важности. Позднѣе онѣ дѣлаются историческимъ свидѣтельствомъ: но сначала идея чисто-философская, еще свѣтлая и прозрачная, принимала, не измѣняясь, всякое выраженіе, смотря по свойству нарѣчій. Общая же форма ея развитія при переходѣ въ религію была тріада. Міръ–божество, еще отвлеченный, разлагается на органическую полярность и воспроизводитъ самъ себя въ дѣйствительности. Онъ воплощается разложеніемъ своихъ

двухъ внутреннихъ началъ. Вотъ основа Кушитства въ религіи; формула его слѣдующая:

отвлеченный или безвѣстный богъ



сынъ.

Такъ какъ самая идея дѣйствительности еще носитъ въ себѣ характеръ отвлеченности, то разложеніе и воспроизведеніе можетъ повторяться безконечно и ограничивается только прихотью, воображеніемъ или системою науки, для насъ уже утраченною. Очевидно, ни система, ни формула не измѣняются, какія бы ни были измѣненія именъ. Религія остается та же при первоначальномъ Велѣ въ Вавилоніи или Кнефѣ въ Египтѣ, какая она была при первоначальномъ Шивѣ. Тріады тѣмъ болѣе дѣлаются земными, чѣмъ далѣе онѣ отходятъ въ этой родословной отъ своего источника. Послѣднее звено цѣпи представляетъ міръ дѣйствительно вещественный. Въ развитіи же этихъ формулъ всегда встрѣчается одна тріада, съ которой связывается наука человѣческая, посредствомъ божественнаго посредника, Таува или Хопа. Въ Индіи, гдѣ Брахманство сѣверное одолѣло южное Кушитство, посредникъ этотъ исчезъ; но, кажется, можно угадывать его въ Ганезѣ.

Тріада представляетъ дробленіе идеи отвлеченной на полярность органическую. Рожденіе было признано символомъ совокупнаго дѣйствія полюсовъ. Этотъ символъ, весьма ясно обозначающій первую мысль, долженъ былъ дать самимъ полюсамъ тѣлесный характеръ мужскаго и женскаго, подъ которыми наука понимала силу и воспріемлемость. Но сила дѣйствующая измѣняется вѣчно; воспріемлемость страдательная и безхарактерная остается неизмѣнною. Отъ того хотя во всякой тріадѣ женское начало носитъ особое имя, всѣ богини дѣйствительно сливаются въ одну, и у Египтянъ *Буто, Бубастисъ, Пейоъ* и другія соединяются въ одной Изидѣ. Такимъ образомъ легко понять, почему подруга Озириса дѣлается подругою Горуса сына своего. Переходъ идеи

философско-религіозной въ обрядъ бытовой, слѣдствіе позднѣйшаго невѣжества, ввелъ у Маговъ Вавилонскихъ пелѣпый и безнравственный обычай кровосмѣшенія, о которомъ свидѣтельствуютъ древніе бытописатели.

Божество пантеистовъ, обоготворенный міръ, имѣетъ въ себѣ характеръ гармоніи и блага въ общемъ объемѣ: но въ то же время онъ представляетъ двойственность добра и зла въ частныхъ явленіяхъ. Отъ этого самое божество не имѣетъ никакой нравственной опредѣленности: оно соединяетъ въ себѣ качества духа благаго и враждебнаго, Тифона и Озириса. Въ Индіи Индустанскомъ этотъ характеръ сохранился неизмѣннымъ; въ Египтѣ лице раздвоилось по своимъ нравственнымъ качествамъ отъ вліянія Иранскаго и ложнаго развитія, пробужденнаго борьбою съ системою религіи Сѣверной.

Вообще весь смыслъ древняго Египта и системъ Кушитскихъ можно узнать отъ ихъ прямыхъ преемниковъ, Гностиковъ, старавшихся возвратить древнюю религію къ ея первобытной философіи и замѣнившихъ формулу рожденія формулою эманаціи, но въ то же время сохранившихъ свою коренную вражду противъ Брама.

Признаніе необходимости за основный законъ всего сущаго и слѣдовательно отсутствіе нравственнаго начала, должно бы вести общество человѣческое къ совершенному упадку духовному; но въ самомъ отсутствіи чистаго закона духовнаго человѣкъ спасается признаніемъ закона гармоніи (какъ въ Китаѣ) и общественныя добродѣтели становятся на мѣсто высшихъ добродѣтелей человѣческихъ. Отъ того осужденіе первобытныхъ Кушитовъ въ отношеніи къ ихъ нравственности было бы опрометчивостью. Далекая Эѳіопія славилась у Эллиновъ землею праведныхъ. Это видно изъ Гомера и отчасти изъ Геродота. Преданіе Финикіи называютъ *Садика* (т. е. праведнаго) братомъ *Мизора* (т. е Еврейскаго Мизраима, Египта) и имя это явно выражаетъ ту же страну, которую Евреи и Египтяне называли Кушъ. Наконецъ самое учрежденіе Эѳіопскаго завоевателя Сабакона объ отмѣнѣ смертной каз-

ни въ покоренномъ Египтѣ, учрежденіе, внушенное отчасти мудрымъ расчетомъ, указываетъ въ то же время на какую-то кротость нравовъ, чуждую юго-западной Азіи. Начало блага, врожденное въ сердцѣ человѣческомъ, сохраняло свое владычество, не смотря на развратъ разума и на ложь мысли. Борьба системъ и племенъ, войны и опьяняющая кровь заглушили въ душѣ человѣческой голосъ братолюбія и истребили въ ней всѣ благія стремленія одно за однимъ.

Торжествующіе Кушиты овладѣли мѣстомъ, назначеннымъ для всемірной столицы на берегахъ Евфрата. Первый успѣхъ позвалъ ихъ къ новымъ завоеваніямъ и они двинулась на сѣверъ, основывая новыя государства; но тутъ ожидало ихъ противодѣйствіе Семитовъ и духа Іранскаго. Первая возстала въ силѣ и въ общественномъ значеніи семья Семитовъ-Ассиріецевъ. Показаніе Ветхаго Завѣта, древнѣйшаго памятника Іранскаго, очень ясно представляетъ намъ этотъ историческій переворотъ.

Смѣшеніе племенъ происходило издревле. Народы еще не становились другъ противъ друга въ явной враждѣ. Египетъ въ своемъ названіи *Мисраимъ* или *Мизоръ* (смѣшеніе) представляетъ доказательство этой истины. Въ памятникахъ Еврейскихъ есть, какъ кажется, указаніе на то же въ сходствѣ именъ, приписанныхъ къ потомству Хама и именъ Симовой семьи. Но объ Ассиріи выражается пророкъ иначе. Ассуръ принадлежитъ собственно вѣтви Семитской Между тѣмъ въ описаніи царства, основаннаго первымъ завоевателемъ Нимвродомъ, сказано: оттуда вышелъ Ассуръ и построилъ такіе-то и такіе-то города. Смыслъ показанія очень простъ. Племенное начало Ассиріи было Семитское; государственное было Кушитское. Вавилонъ принадлежалъ вполнѣ системѣ южной и по основателямъ своимъ, какъ показываетъ Моисей, и по просвѣщенію, какъ видно изъ мѣстнаго преданія объ Оаннесѣ, получеловѣкѣ, полу-рыбѣ, приплывавшемъ ежедневно съ Южнаго океана, и по торговлѣ своей, если новѣйшіе путешественники не ошиблись въ остаткахъ балокъ, признанныхъ ими за тековое дерево. Ассуръ Семитскій, обращенный въ царство

силою Вавилона, возстаетъ противъ угнетателей и побѣждаетъ ихъ могуществомъ духа, живущаго въ Ираѣ. Ассирія является первымъ Иранскимъ государствомъ и завоевываетъ Вавилонъ, столицу своихъ древнихъ владыкъ. Въ Ниневіи первая встрѣча Библейскаго показанія съ свѣтовымъ кругомъ Эллады, ибо самое древнее извѣстіе Эллиновъ объ Египтѣ относится ко временамъ Мериса или къXV-му вѣку до Р. Хр., а сказаніе ихъ объ Ниніѣ относится къ XVII-му вѣку.

Въ простомъ и добросовѣстномъ разборѣ словъ Пятикнижія находится объясненіе темнаго вопроса, на который ученые обращали до сихъ поръ мало вниманія. Всѣ преданія Востока, весь міръ поэзіи и всѣ сказанія историческія окружаютъ Вавилонъ баснословнымъ блескомъ, передъ которымъ исчезаютъ всѣ другіе города юго-западной Азіи. Незапамятная, безначальная древность и Вавилонъ однозначительны, а о древнемъ царствѣ Вавилона нѣтъ и помина. Ассирія и Ниневія первыя являются на сценѣ исторіи. Это противорѣчіе объясняется просто; Кушитское царство, покоренное и забытое, исчезло въ бытописаніяхъ перваго царства Иранскаго.

Во время Моисея Ниневія уже была градомъ великимъ; Ассирія составляла царство отдѣльное и очевидно не новое Основатель же государства, баснословный Нинъ, связанъ именемъ своимъ съ самимъ городомъ, слѣдовательно представляетъ въ себѣ первую ступень государственнаго развитія. Время его безспорно относится къ третьему тысячалѣтію до Р. Хр. Ошибка историковъ, назначившихъ ему гораздо позднѣйшую эпоху, объясняется очень просто. Нинъ въ сказочныхъ преданіяхъ представленъ отцемъ Ниніаса, великимъ завоевателемъ, передавшимъ царство свое слабому преемнику: но между царствованіями отца и сына вставлено владычество чужеземной рабыни, Семирамиды. Власть Нина обнимала всю юго-западную Азію. Оружіе его покорило далекую Бактрію и оттуда возвратилась съ нимъ плѣнница, которой судьба назначила престоль Ассиріи и Вавилона и мѣсто между богами.

Мы уже показали явную связь миѳическаго лица Семирамиды съ чисто Славянскимъ почтеніемъ къ голубю, съ Ванскимъ озеромъ въ Арменіи, съ Ванскою родиною, Бактріею и съ Пріею, богинею Славянъ. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы тогда уже отдѣлилась Славянская семья отъ другихъ. Она составляла часть Ирана, семью Ванновъ или Вендовъ, многочисленнѣйшую изо всѣхъ его семей, менѣе всѣхъ искаженную военными столкновеніями съ завоевательными Хамидами и отъ этого болѣе всѣхъ сохранившую черты первоначальнаго быта. Прежде всѣхъ выслала она колоніи свои на сѣверо-западъ, сильнѣе всѣхъ дѣйствовала она на древнемъ Востокѣ; но въ политическихъ переворотахъ первобытнаго Ирана она еще не жила отдѣльною жизнію, а только какъ членъ великаго семейнаго союза. Отдѣльная жизнь ея проявилась не отъ внутренняго построенія Славянской общины, а отъ искаженія другихъ, подчинившихся чуждому началу и принявшихъ дикій бытъ, воинственныхъ народовъ. Этимъ объясняется параллельное движеніе Ванновъ и Азовъ, родныхъ братьевъ и древнихъ союзниковъ, но разрозненныхъ одичаніемъ Индо-Азской семьи.

Ассирія, побѣдивъ Вавилонъ и поглотивъ въ себѣ старое Кушитское царство, двинула силы свои на востокъ. Развратъ войны и военной славы скоро проникъ въ души, огражденныя отъ зла только сохраненіемъ старыхъ обычаевъ, а не глубокимъ сознаніемъ блага и истины. Иранцы Ассиріяне обратились войною на своихъ Иранскихъ братьевъ.

Царство Ниневійское составилось возстаніемъ туземцевъ противъ чуждаго ига, которому они долго были покорены. Нравы покоренныхъ уже получили неизгладимую печать, наложенную побѣдителями. Соединеніе людей въ искусственную форму государства, форму чисто-внѣшнюю (покуда она не сознана какъ выраженіе глубокой мысли человѣческой, лежащей исконно въ душѣ человѣка, а это время еще не наступило даже въ XIX-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр.), это соединеніе было чуждо Иранскому духу. Оно было принято, какъ необходимость внѣшняя (фактъ часто повторявшійся въ позднѣйшее время въ земляхъ Славянскихъ), какъ средство отпора противъ совокупности силъ Кушитскихъ, и слѣдовательно составилось

въ образахъ чуждыхъ, со всѣми признаками рабскаго подражанія. Развращенная владычествомъ Куша, искаженная подражаніемъ формамъ Кушитскимъ, Ассирія утратила всѣ Иранскія начала, кромѣ памяти о духовной свободѣ божества. Характеръ государства былъ южный, т. е. союзъ, имѣющій цѣлью выгоду каждаго частнаго лица, освященный идеею всеобщей гармоніи. Форма была южная и каста жрецовъ отдѣлилась отъ народа. Эта же форма распространялась далѣе и далѣе, по мѣрѣ возникновенія новыхъ Иранскихъ державъ, но постоянно слабѣла и исчезала, по мѣрѣ удаленія отъ прямаго вліянія Кушитовъ.

Иранцы. Борьба ихъ съ Кушитами. Нинъ, Джемшид. и Семирамида.

Настоящая колыбель Семито-Яфетидовъ, Иранцевъ, была заключена между скатами Гиммалаи и Инду-кху и Индусскою системою съ одной стороны и скатами Арарато-Таврскихъ цѣпей и Евфратомъ съ другой. Главнѣйшія точки прикосновенія съ страною Кушитовъ были на берегахъ Евфрата въ странѣ Ассирійской и на границѣ Кашмира и Бактріи: но въ Ассиріи встрѣча была бурная и воинственная по отсутствію всѣхъ естественныхъ преградъ, а на границахъ Кашмира мирная и дружная. Иранъ былъ сильнѣе, а Кушъ слабѣе на востокѣ, и грозныя скалы средне-Азійской твердыни отдѣляли другъ отъ друга оба враждебныя начала. И такъ строй южной мысли и южнаго ученія съ двухъ сторонъ проникалъ въ міръ сѣверный: но тамъ, гдѣ онъ являлся съ оружіемъ и насильствомъ, гдѣ кипѣли враждебныя страсти, отпоръ Ирана былъ сопровождаемъ ожесточеніемъ его собственнаго направленія. Около Евфрата горѣлъ фанатизмъ религіозный, свирѣпѣли сердца человѣческія и вѣрованія искажались подъ вліяніемъ быта воинственнаго, налагающаго свою печать на обѣ борющіяся системы. Иранъ, презиравшій міръ вещественный, принималъ характеръ кровожадности; Кушъ—поклонникъ вещества—погружался глубже и глубже въ сладострастіе. Когда наступилъ вѣкъ смѣшенія и синкретизма, составилась эта кровавая грязь Сиро-Финикійскихъ религій постыдныхъ для человѣчества и оправдывающихъ вполнѣ удары судьбы, разразившіеся впослѣдствіи надъ юго-за-

падомъ Азіи. Въ то же время тихимъ соблазномъ разума вливалась въ Восточный Иранъ логическая форма необходимости, ученіе объ органической полярности. Безъ боя и сопротивленія была привѣтствована чуждая, строгая мысль добродушною довѣренностью Бактрійскихъ семей. Религія принимала твердые очерки и опредѣленные образы, но переходила въ поэтическое сказаніе; полярность органическая облекалась въ форму человѣкообразія; но въ этой формѣ, выбранной невольнымъ внутреннимъ чувствомъ, ане разумомъ, прибирающимъ символъ къ мысли съ полнымъ сознаніемъ символизма, смѣшивались,—также какъ въ самомъ человѣкѣ,—свободная воля и логическая или вещественная необходимость. Наконецъ, вслѣдствіе человѣкообразія, мало-по-малу весь бытъ человѣческій съ его семейнымъ развитіемъ перешелъ въ ученіе о божествѣ. Такъ родилась и составилась полная система антропоморфизма, свѣтлаго и кроткаго, но безсмысленнаго, и черезъ цѣпь поселеній Ано-Славянскихъ перешла въ Европу, гдѣ при разныхъ обстоятельствахъ и съ разными смѣшеніями она образовала всѣ религіи Эллады, Италіи и Скандинавіи.

Но прежде, чѣмъ Восточный Иранъ утратилъ смыслъ своей первобытной духовности, великая миграція Бактрійцевъ, вѣроятно современная ихъ разселенію на западъ, быть можетъ даже древнѣйшая, проникла чрезъ ущелія Инду-кху въ междурѣчіе Ганга и Инда. Тамъ начала она новую жизнь, новое развитіе мыслящаго разума; тамъ воздвигла она величественнѣйшіе памятники человѣческаго слова и подверглась, при встрѣчѣ съ южными завоевателями, Кушитами, такому же искаженію, какъ и на Евфратѣ. Но прежде, чѣмъ наступило для нея время борьбы и синкретизма, мысль успѣла уже окрѣпнуть, сознать себя и свое достоинство, сознать всю силу и значеніе слова-хранителя мысли; и никогда уже Индустанъ не могъ низойти до гнуснаго безсмыслія Сирійскихъ областей.

Законы природы органической мало извѣстны. Часть семей Хамитическихъ, подъ вліяніемъ вещественно-страстной

организаціи и жгучаго солнца Африки, составила Черное племя, отдѣляясь отъ братьевъ цвѣтомъ кожи и въ то же время свидѣтельствуя о братствѣ характеромъ языка и религіи, какъ напр. Іолофы, у которыхъ божество или добрый духъ носитъ имя Саг'абахъ, какъ древнее божество Кушитовъ; такъ точно часть Яфетидовъ, отдѣлившаяся отъ общенія центральнаго, составила племя желтое и распространилась по восточной Азіи. Но время для ея исторіи еще не наступило. Разбросанныя семьи безъ общественной связи, безъ духовнаго стремленія, утраченнаго въ пустынной жизни, проникли въ Индустанъ прежде Кушитовъ и бѣлолицихъ Иранцевъ и были загнаны въ горы, гдѣ продолжали влачить свою кочевую жизнь и дичали въ бытѣ бездомныхъ звѣролововъ. Они ничтожны для исторіи и представляютъ нѣкоторую важность только какъ вспомогательныя войска, служившія сѣвернымъ Брахманамъ въ войнѣ противъ Деканскихъ Шиваитовъ, или какъ племенная стихія, вошедшая въ составъ мѣшанныхъ населеній Индіи, въ землѣ Тамуловъ и въ мірѣ океаническихъ острововъ.

Нинъ, великій завоеватель, основавшій державу Ассирійскихъ Иранцевъ, отдѣляется, какъ мы сказали, отъ своего ничтожнаго преемника Ниніаса царствованіемъ чуждой Семирамиды. Лице отдѣльное, безсвязное, онъ носитъ имя города, въ которомъ властвовалъ, но не представляетъ никакого характера миѳологическаго. Миѳологія Ассиріи явно пропадаетъ въ значеніи великаго Вавилона, котораго она была колоніею, и восходитъ до Бела. Нинъ есть сказочный образъ, данный чисто-исторической династіи туземныхъ царей, династіи прерванной напоромъ съ востока и воскрешенной не въ смыслѣ родовомъ, но въ смыслѣ туземства, Ниніасомъ, основателемъ втораго Ассирійскаго царства. Нинъ, какъ лице, принадлежитъ еще сказкѣ, между тѣмъ какъ онъ приналлежитъ исторіи, какъ воплощеніе въ одинъ образъ цѣлой могучей династіи. При ней происходилъ переворотъ, двинувшій силу Ирана на Кушъ и бросившій Семитовъ и Яфетидовъ на западъ и юго-западъ. Отъ этого-то и замѣтно сходство всѣхъ

миѳовъ и сказокъ Ассирійскихъ и Мало-Азійскихъ, перелившихся отчасти въ Элладу. Тутъ истинное значеніе Праклова миѳа, переходящаго въ сагу. Упрямая, безпощадная борьба длилась цѣлые вѣка на огромномъ пространствѣ между Евфратомъ и моремъ Эгейскимъ, между Тавромъ и Ниломъ. Наступило время утомленія, смѣси и синкретизма, который вездѣ принялъ одинакія формы и одинакій смыслъ, только подъ разными именами.

„Для мыслящаго критика *Ваалъ*, *Молохъ*, *Мелехъ*, *Камосъ*, *Кейванъ*, *Комбабъ*, *Кронось* и другіе, *Милитта*, *Тиргата*, *Саламбо*, *Ваальтисъ*, *Беруесъ*, *Деркето*, *Кивела* и другія совершенно одно и тоже: въ нихъ представляется, какъ мы уже сказали, соединеніе двухъ религіозныхъ системъ несоединимыхъ, но искаженныхъ и слитыхъ невѣжествомъ. Высокое значеніе творческаго духа проявляется во многихъ, особенно въ богахъ, почти никогда въ богиняхъ, въ которыхъ (такъ какъ онѣ совершенно чужды Прану) Кушитское начало преобладаетъ. Общая черта въ богахъ — кровожадность, требующая уничтоженія жизни вещественной, череповъ, человѣческихъ жертвъ и плача сожигаемыхъ младенцевъ; общая черта въ богиняхъ — сладострастіе, окруженное всею мерзостью разврата и чувственныхъ наслажденій, обращенныхъ въ религіозный обрядъ. Впрочемъ иногда боги принимаютъ характеръ богинь, а богини характеръ боговъ: всякая прихоть воображенія понятна въ религіи, основанной на сдѣлкахъ и взаимныхъ уступкахъ безъ всякаго логическаго начала.

Не только самая религія, но и полу-миѳическія, полуисторическія сказанія всей юго-западной Азіи отъ Ассиріи до Лидіи обличаютъ одно и то же начало; можно замѣтить разительныя сходства между Праклемъ, Ниномъ и Кандаулемъ. Вездѣ чувствительно присутствіе одинакихъ стихій не только въ вѣрованіи, но и въ преданіи. За всѣмъ тѣмъ коренныя основы племени и его первобытный характеръ нигдѣ не исчезаютъ совершенно. Такъ напр. при кажущемся тождествѣ Діонизоса и Иракла-Сандана развязка миѳа указываетъ на ту духовную почву, на которой онъ выросъ. Сладострас-

ный Діонизосъ торжествуетъ въ своемъ нравственномъ униженіи; Праклъ-Сандапъ, памятуя свою древнюю духовность, восходитъ на очистительный костеръ. Вообще примѣты Прана выдаются тѣмъ яснѣе, чѣмъ далѣе народы живутъ отъ прямаго вліянія Кушитовъ. При всемъ своемъ искаженіи, Ассирія и Вавилонія долго враждовали противъ кумировъ и священныхъ рощъ Сиро-Финикійскихъ народовъ. Преемники ихъ, Мидо-Персіяне еще сильнѣе продолжали преслѣдованіе идолопоклонства.

Наука не должна терять изъ вида художественную общность системъ религіозныхъ и семей человѣческихъ. Сравненіе отдѣльныхъ миѳовъ, обрядовъ и обычаевъ имѣетъ только второстепенную важность. Все живо въ живомъ человѣкѣ. Всякую мысль, всякое направленіе, принятое имъ случайно, измѣняетъ онъ сообразно сокровенному строю своей внутренней жизни. Наука, разбирающая отдѣльныя черты и не соединяющая ихъ въ полныя физіономіи, наука, обращающаяся съ человѣкомъ, какъ съ ископаемымъ, сама себя осуждаетъ на смерть.

Трудно опредѣлить, какъ далеко на югъ и юго-западъ проникло движеніе Иранцевъ и ихъ торжественное противодѣйствіе Африканскому міру. Ворвались ли они въ Нильскую долину и владѣли ли древнимъ достояніемъ Куша? Имя Мисраимъ указываетъ на смѣсь: но смѣсь племенъ или только вѣтвей одного племени? Наложеніе двухъ слоевъ народонаселенія безспорно. Муміи благородныхъ представляютъ очерки семьи Берберской, что-то среднее между чернолицимъ Африканцемъ и бѣлокожимъ Семитомъ. Низшіе классы, по словамъ умныхъ наблюдателей древности, приближались къ семьямъ Негритянскимъ, по курчавости волосъ и колченогости. Что-то кроткое и спокойное, что-то дѣтское въ несомнѣнныхъ изображеніяхъ царей 18-й династіи, явно южной, Ѳивской, указываетъ на стихію Нубійскую, и въ то же время нельзя въ общей физіономіи Египтянъ не узнать многихъ признаковъ полукровнаго мулята; но все это не рѣшаетъ еще вопроса, ибо часть Хамидовъ, Хананея, Берберы и Фи-

никійцы принадлежатъ къ племени бѣлолицему и не нужно еще предполагать примѣсь Прапскую.

Другія данныя нѣсколько приближаютъ насъ къ истинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что около начала 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. Египетъ находился подъ властью династіи, оставившей по себѣ тяжкія воспоминанія. Нельзя сказать, чтобы она была чужеземною по своему происхожденію, но безспорно она была чужеземною по духу. Всѣ извѣстія объ ней, объ этихъ загадочныхъ Гиксосахъ, царяхъ-пастыряхъ, такъ сбивчивы и недостаточны, что невозможно вывести никакого твердаго заключенія изъ прямыхъ словъ древнихъ писателей. Гиксосы были противны жрецамъ, были поклонники Тифона, божества, привитаго духомъ Прапскимъ къ стройному міру Кушитской религіи: это указываетъ на пришествіе съ сѣверо-востока въ Египетъ; но было ли это нашествіе народа или мысли? Поклоненіе духу, презирающему плоть и уничтожающему ее по системѣ Прапа въ эпоху его ожесточенія, могло проникнуть въ Египетъ и дать отдѣльное миѳологическое существованіе Шивѣ-разрушителю, Тифону, въ противоположность Шивѣ-хранителю, Озирису. Мысль о Тифонѣ возбуждена понятіемъ о высокомъ духѣ, которому поклонялся весь Прапъ и память о которомъ сохранена Израилемъ, но плодъ этой мысли могъ родиться и развиться въ самомъ Египтѣ безъ примѣси внѣшнихъ народныхъ стихій. Разрушеніе древнихъ памятниковъ, упомянутое Манеѳономъ, теперь доказано безспорно ученымъ изслѣдованіемъ остатковъ зодчества Египетскаго. На сѣверъ отъ Нубійской границы, кромѣ неразрушимой громады пирамидъ и Геліопольскаго обелиска, вѣроятно низвергнутаго во прахъ и снова воздвигнутаго возстановителями свободы Египетской, ничего не нашли полнаго и цѣлаго, что бы принадлежало къ династіямъ предшествовавшимъ Гиксосамъ, между тѣмъ какъ многіе обломки, вставленные въ сравнительно новыя зданія, свидѣтельствуютъ о прежнемъ художественномъ богатствѣ. Это стремленіе къ уничтоженію старой славы народной и ея великихъ памятниковъ указываетъ на чужеплеменниковъ, по-

работившихъ при-Нильскую державу; и нельзя не признать завоеваніе Египта пришельцами съ сѣверо-востока древнѣйшимъ изо всѣхъ великихъ народныхъ движеній, о которыхъ сохранилось намъ положительное свидѣтельство. Но первые ли Гиксосы нашли путь въ средоточіе Кушитской власти? Это весьма сомнительно. Порывъ Семитовъ, освободившихся отъ ига Вавилонскаго и бросившихся на западъ, и сильное движеніе племенъ, ворвавшихся въ наслѣдственное жилище Хананитовъ и далѣе на югъ до самой окопечности Аравійскаго полуострова, вѣроятно не разъ колебали державу Мисраима. Столица Фараоновъ, выдвинувшись на сѣверъ изъ Ѳивъ въ Мемфисъ и скинувъ въ себя иго жрецовъ, вѣроятно приглашала Азіятскую стихію, и народонаселеніе, также какъ и религія, подверглись многимъ примѣсямъ, не теряя однакоже своей коренной основы. Быть можетъ, бѣгство побѣжденныхъ Хамитовъ и торжественное преслѣдованіе Семитовъ-Пришцевъ скрывается подъ мивомъ о бѣгствѣ боговъ, побѣжденныхъ Тифономъ и нашедшихъ убѣжище въ болотахъ Нильскаго разлива.

Какъ бы то ни было, начало втораго тысячелѣтія до Р. Хр. представляетъ два великія явленія: владычество Азіатскихъ пришельцевъ въ Египтѣ и Восточно-Прапской династіи на берегахъ Евфрата. Первое было разрушено около 1800 лѣтъ до Р. Хр. и началось почти въ концѣ предшествовавшаго тысячелѣтія; второе кончилось около 1600 лѣтъ до Р. Хр., начало же его неизвѣстно, но кажется должно относпться къ половинѣ предшествовавшаго тысячелѣтія, если принять въ соображеніе преданіе о тысячелѣтнемъ владычествѣ Скиѳовъ (*Скіеѳо*, Сако-Гетовъ) въ Азіи. Конечно, былобы смѣшно основывать лѣтосчисленіе на такомъ шаткомъ показаніи, но во всякомъ случаѣ ничтожность исторіи Ассирійской до Семирамиды (олицетворенной династіи) и сжатіе всего туземнаго царственнаго рода въ одно лице Нина указываютъ на долгій перерывъ въ свободѣ Ассиро-Вавилонской области и на цѣлые вѣка, изгладившіе въ народѣ ясное воспоминаніе о древней его исторіи.

Ассирійцы, побѣдители и упоенные своею побѣдою, двину-

лись на востокъ и завоевали своихъ Иранскихъ братій до самой снѣговой твердыни Гиммалайской. Но послѣ рабства подъ игомъ торжествующихъ Семитовъ, Восточные Иранцы мало-по-малу пріобрѣли перевѣсъ въ государствѣ, освободились и наложили ярмо на своихъ побѣдителей. Бактрія повторила въ отношеніи къ Нинивіи то же самое движеніе, которымъ началась самобытная жизнь Ассиріи, освободившейся отъ Вавилона. Это выражено въ сказаніи о рабствѣ Семирамиды, прельстившей и умертвившей Нина. Въ числѣ ополченія Восточно-Иранскаго стояла многочисленнѣйшая изо всѣхъ общинъ, Бактрійскій союзъ Великихъ Вановъ, Саковъ и Гетовъ. Она даетъ имя свое и характеръ всему перевороту и всѣмъ его памятникамъ. Словесныя преданія, весьма поздно утвержденныя письменностью, называютъ эпоху Восточно Иранской династіи на берегахъ Евфрата временемъ владычества *Скиѳовъ* (т. е. Сако-Гетовъ); память о Семирамидѣ до сихъ поръ связана съ озеромъ Ванъ (Вановъ); длинныя насыпи и курганы, особенно свойственные семьѣ Славянской, сохранили имя валовъ Семирамиды, и сама сказочная царица представляется подъ чисто-Славянскою эмблемою голубицы, и очевидно тождественна съ богинею Танаисъ (Донская). Прибавимъ къ этому еще темное сказаніе о владычицѣ Саковъ, обворожившей всѣхъ красотою своею и потомъ губившей соблазненныхъ ею юношей. Это сказаніе совершенно совпадаетъ съ преданіями о Семирамидѣ, но имя владычицы Саковъ говоритъ яснымъ языкомъ о своемъ Славянскомъ происхожденіи. Это имя-*Царина*.

Семьи Восточнаго Ирана еще не сомкнулись въ отдѣльныя государства. Азы Мидійскіе и Ваны Бактрійскіе стояли братски за одно дѣло: но горные и крутые Азы болѣе воинственные и сильнѣе дѣйствовавшіе на западные народы, дали имя свое всему Ирану въ преданіяхъ Эллино-Пелазговъ; Союзъ Вановъ, Саковъ и Гетовъ (т. е. Бактрія), болѣе многочисленный и просвѣщенный, одинъ сохранился въ памяти восточныхъ народовъ. Горные Азы, отстоявшіе свою вольность въ ущеліяхъ Демавендской цѣпи отъ перваго натиска

при Евфратскихъ завоевателей и слишкомъ удаленные отъ Индскаго прибрежья, чтобы подвергнуться соблазну Кушитовъ Пенджаба (Пятирѣчія), сохранили съ большею чистотою, чѣмъ Бактрійцы, религіозное начало Арана. Но время владычества ихъ еще не наступило. Тогда на первой ступени стояли образованныя общины Востока, сохранившіяся въ сказаніяхъ Персіи подъ именемъ династіи Пишдадіевъ и святаго царя-землепашца Джемшида. Его эмблемы, золотая чаша обилія и золотой кинжалъ-сошникъ, представляютъ въ немъ кроткое владычество осѣдлаго и мирнаго племени. Побѣжденный Дзогакомъ (олицетвореннымъ племенемъ при-Евфратскимъ, въ которомъ преобладаетъ типъ Кушита-змѣепоклонника), Джемшидъ бѣжитъ въ Бактрію и гибнетъ подъ совокупными ударами юго-западныхъ и юго-восточныхъ народовъ.

Между тѣмъ какъ Хамидъ, не признававшій никакого другаго закона, кромѣ необходимости, олицетворялъ вѣчное начало всемірной жизни въ формѣ органической полярности, Иранъ, всегда поклонявшійся божеству своихъ предковъ, свободно-творящему духу, облекалъ силы творенія въ два вещественные символа — огня и воды, подчиненные единству божественной воли. Сами символы, не получавшіе никогда отдѣльнаго и независимаго значенія, были издревле предметами глубокаго почтенія. Въ нихъ воплощался для Иранца видимый образъ невидимаго духа. Нераздѣльное поклоненіе обоимъ символамъ отзывается во всѣхъ иносказаніяхъ древней религіи и можетъ быть легко примѣчено въ первоначальныхъ системахъ Философіи Эллинской; но первенство было приписано то одной, то другой стихіи въ частномъ развитіи понятій у разныхъ племенъ. Такъ западные Иранцы, Мидяне, Персіяне и братья ихъ Азы поклонялись преимущественно огню; такъ Бактрійцы и семьи, вышедшія изъ Бактріи, Ваны Славянскіе, заселившіе Европу, и Ваны, внесшіе Вишнуизмъ въ Индустанъ, признавали первенство воды. Вслѣдствіе искони преданія, голубь былъ соединенъ съ понятіемъ о стихіи водяной, какъ эмблема воздуха и суши; но воздухъ самый находился въ зависимости у первобытной

воды въ религіи племенъ, признавшихъ ея первенство въ мірѣ Божьяго творенія. Когда соблазнъ Кушитскаго ученія проникъ въ Бактрію и новое *ложно-религіозное* понятіе человѣкообразія примѣшалось къ прежнему духо-поклоненію, тогда водопоклонники (водные, *Венды*) стали воздавать божественныя почести воздуху и сушѣ, олицетвореннымъ въ свѣтлой богинѣ *Астартѣ*, дочери водъ, сопровождаемой таинственною голубицею. Новое поклоненіе и его эмблема стали эмблемами владычествующей династіи Ваповъ Восточно-Иранскихъ и сохранились въ сказочной исторіи подъ именемъ Семирамиды или Земирамы (голубицы земной).

Что дѣйствительно восточная Бактрія примѣшала человѣкообразіе къ первоначальной чистой религіи, въ этомъ явно свидѣтельствуетъ самая Зендавеста, въ которой уже является Астарта, какъ богиня и именно въ связи съ примѣтами, принадлежащими крайнему Иранскому Востоку. Поклоненіе этой новой богини и ея имя распространились въ Европѣ и всѣ ученые знаютъ свѣтлую Остару (санск. *вастар*, рано), принятую Германцами отъ Славянъ, по собственному признанію критиковъ Германскихъ. Не нужно повторять, что *Остара-Астарте*, *Лада*, *Лакшми*, *Прія* и пр. суть разныя имена и прозвища одной и той же богини и что онѣ всѣ находятся въ прямой зависимости отъ великаго божества, преимущественно изображеннаго въ стихіи водяной, хотя не чуждаго всѣмъ другимъ, ибо въ немъ сохранялась мысль о творческомъ всемогуществѣ, при всей примѣси сказочнаго, отчасти художественнаго, но въ смыслѣ философскомъ безсмысленнаго человѣкообразія.

Власть Восточно-Иранцевъ въ Ассиріи кончилась около 16-ти вѣковъ и по всей вѣроятности началась около 25-ти вѣковъ до Р. Хр. Тысячелѣтнее царствованіе Джемшида и тысячелѣтнее владычество Скиѳовъ приводятъ къ одинакимъ выводамъ. Поэтому мы съ полною увѣренностью можемъ отнести первую миграцію Иранцевъ, прорвавшихся черезъ горную преграду въ сѣверный Индустанъ, къ началу третьяго тысячелѣтія до Р. Хр. или еще ранѣе, когда человѣко-

образіе, положивши свое клеймо на династію Вано-Ассирійскую, не проникло еще въ Бактрію. Точно то же можно сказать съ вѣроятностью и о первомъ распространеніи Ведовъ въ западной Европѣ, ибо нѣтъ никакихъ слѣдовъ поклоненія богиняхъ въ бѣдныхъ сказаніяхъ объ этихъ погибшихъ семьяхъ.

Индустань сохранилъ намъ чудный памятникъ своей древней вѣры въ Ведахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и онъ уже содержатъ ученіе далеко отходящее отъ первобытной простоты и истины; но искаженная старина вездѣ проглядываетъ сквозь безмысленный напластъ позднѣйшихъ символовъ. Впрочемъ нелѣпо бы было относить самую редакцію Ведъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ достались критикѣ XIX-го вѣка, къ вѣкамъ слишкомъ отдаленнымъ. Самый языкъ, которымъ онѣ писаны, представляетъ свидѣтельство позднѣйшей обработки. Вездѣ замѣтенъ переходъ первоначальныхъ формъ на *л* въ новыя формы на *р*, какъ въ нарѣчіяхъ Зендскихъ (Такъ напр: Славянскому *слава*, отъ глагола *слыть*, котораго чистота засвидѣтельствована всѣми другими языками Прашскаго корня, соотвѣтствуетъ въ Ведахъ *шравас* или *сравас*). Точно также видна безпрестанная замѣна буквы *д* буквою *л*: этотъ законъ соотвѣтствуетъ Латинскому измѣненію *Odysseus* въ *Ulysses*, *devir* въ *levir* и пр.). Языкъ Ведъ носитъ характеръ отдѣльнаго Санскритскаго нарѣчія, менѣе чистаго, чѣмъ главный источникъ, но утвержденнаго письменностью въ древнѣйшую эпоху, чѣмъ чистое Санскритское слово. Въ немъ замѣтенъ произволъ частной семьи человѣческой; но за то онъ еще свободенъ отъ искаженій и развитій, которыя вкрадываются съ вѣками и по этому сохраняетъ болѣе сродства съ другими Прашскими языками, въ особенности съ Славянскимъ, съ которымъ онъ имѣетъ, кажется, общій *л* грубый, означенный знакомъ $\overline{\text{l}}_{\infty}$, но неизвѣстный по звуку своему въ теперешнемъ Индустанѣ.

И такъ, распространеніе Брахмановъ на берегахъ Ганга и первыя борьбы съ Шиваитами должны были предшествовать эпохѣ величайшаго развитія Бактрійскаго могущества; а такъ какъ великолѣпныя произведенія художества въ Деканѣ от-

посятся безспорно къ тому времени, когда еще Вишнуиты не помогали Брахманамъ въ ихъ борьбѣ съ Хамидами, то мы получаемъ данную хронологическую, опредѣляющую древность пещерныхъ храмовъ въ Сальсеттѣ и Карли и рукозданныхъ горъ Эллоры и Магавалипурама. Ни одна изъ этихъ громадъ не можетъ быть моложе четырехъ тысячъ лѣтъ, древнѣйшія принадлежатъ вѣроятно началу третьяго или концу четвертаго тысячелѣтія до Р. Х., а великолѣпнѣйшія, свидѣтельствующія о полномъ цвѣтеніи Южныхъ царствъ, созданы около середины третьяго тысячелѣтія до Р. Хр., когда побѣжденные Брахманы были принуждены прибѣгнуть къ помощи своихъ Бактрійскихъ братьевъ.

Редакція Ведъ далеко не восходитъ въ эту ранюю эпоху. Въ то время, когда изъ нихъ составился религіозный кодексъ, народъ уже поклонялся Вишну и Шивѣ: это видно изъ самыхъ Ведъ; но чистѣйшіе Брахманы были еще не заражены примѣсью чуждыхъ религій, или кодексъ былъ писанъ въ области, сохранившей нѣкоторую духовную независимость.

Восточные Иранцы владѣли Ассиріею и соединяли въ одно могущее цѣлое всѣ страны отъ береговъ Инда до Евфрата и до Малой Азіи. Духъ человѣческій, которому не измѣняла Бактрія, не смотря на религіозное искаженіе, выражался въ ея кроткой и мирной власти. Караваны тянулись отъ Ганга до Средиземнаго моря, размѣнивая товары далекихъ земель; обильныя жатвы золотились надъ безконечнымъ просторомъ полей; эдемы садовъ выростали въ глуши пустынь и въ ущеліяхъ горъ. Таково царство Бактрійскаго Джемшида или Ванской Семирамиды. Художество, созданное Хамидами, было охотно принято ихъ побѣдителями, склонными ко всякому усовершенствованію. Земля прорѣзывалась капалами, спасающими земледѣліе отъ палящаго солнца Иранскаго; водопроводы переливали свѣжесть горныхъ высотъ въ нѣдра безводныхъ степей; безчисленные города возникали на берегахъ рѣкъ и на торговыхъ перепутьяхъ; Ниневія и

Вавилонъ, основанные Хамидами, украшенные побѣдителями ихъ Семитами Ассирійскими, росли и красовались подъ властью новыхъ Восточныхъ владыкъ. Громадныя зданія храмовъ и дворцовъ, легкія и смѣлыя, вырвавшіяся изъ оковъ тяжелаго зодчества Кушитовъ, гордо возвышались въ вольную высоту безоблачнаго неба и роскошь царей поднимала тѣнистую прохладу садовъ выше дворцовъ и башенъ на хребтѣ горъ, созданныхъ искусствомъ среди необозримыхъ равнинъ Месопотаміи. Чуденъ былъ блескъ царства и незабвенно его величіе. Оно пало: наступило время дробленія, мелкихъ распрей и мелкой жизни; но слѣды его не могли погибнуть вполнѣ и добросовѣстная критика понимаетъ, какъ впослѣдствіи дикіе Персіяне еще могли измѣнять теченіе судоходныхъ рѣкъ и исполнять съ успѣхомъ такія предпріятія, предъ которыми задумалась бы усовершенствованная механика нашихъ современниковъ.

Но не даромъ далось Ирану художество Кушитовъ. Побѣдительное племя купило духовнымъ развратомъ право на вещественное благоденствіе. Семирамида соединяетъ въ себѣ державное величіе съ наглымъ безстыдствомъ нравовъ. Джемшидъ заслуживаетъ свое паденіе отступничествомъ отъ того свѣтлаго начала, которому поклонялись его предки. Покоренная Месопотамія привлекла къ себѣ своихъ побѣдителей и была истинною главою Бактрійскаго царства.

Кушиты были учителями Ирана въ искусствахъ, они же были его учителями и въ созданіи условныхъ общинъ или государствъ. Примѣръ жреческой касты въ Ассиріи создалъ жреческую касту во всей юго-западной Азіи; но новые народы, призванные къ политической дѣятельности, не могли ограничиться этимъ однимъ учрежденіемъ. Имъ жрецы не были нужны такъ, какъ Кушитамъ; у нихъ эта каста возникла не изъ внутренней жизни, по изъ подражанія чужому примѣру. Въ жизни жрецовъ они видѣли трудъ общественный и государственный. Принявъ одну касту, они должны были, вслѣдствіе своей простодушной логики, раздѣлить все поле общественнаго труда и создать другія

касты. Явились воины, ремесленники и земледѣльцы. Это раздѣленіе предшествуетъ Бактро-Ассирійской династіи, ибо перенесено Брахманами въ Индустанъ, гдѣ четвертая каста впослѣдствіи соединена съ третьею и замѣнена кастою черныхъ и презрѣнныхъ рабовъ, остатковъ побѣжденныхъ Кушитовъ и желтолицихъ туземцевъ: но выселеніе Вановъ въ Европу еще древнѣе, ибо нѣтъ ни малѣйшаго слѣда касть въ Славянскихъ обычаяхъ. Въ позднѣйшіе вѣка при-Донскія и при-Дунайскія семьи, долго сохранявшія дружескія сношенія и духовное общеніе съ своею Восточною родиною, приняли отъ нея заразу человѣкообразной вѣры со всѣмъ ея безуміемъ, но не принимали условно-общиннаго быта и, оставаясь при родовомъ устройствѣ, не могли никогда раздѣлиться на касты. Движеніе Пелазговъ изъ Азіи въ южную полосу Европы и Германцевъ, отдѣлившихся отъ нихъ къ сѣверу, также предшествуетъ введенію кастъ въ Иранъ; но друидизмъ Кельтовъ и ихъ аристократизмъ доказываетъ, что они еще въ Азіи подверглись вполнѣ вліянію Хамидовъ.

Впрочемъ можетъ быть миграція Пелазговъ и Германцевъ была не ранѣе Кельтской. Горный и одичалый народъ, они могли еще жить въ западномъ Ираѣ и мало подвергнуться измѣненіямъ отъ чуждаго просвѣщенія, точно также, какъ и коренные жители Парсистана до ихъ владычества въ Азіи. Этого нельзя предположить на счетъ Вендовъ, во-первыхъ, потому что ихъ пребываніе въ Европѣ относится, какъ мы уже показали, къ эпохѣ раньшей, чѣмъ миграціи Кельтская и Германская; во-вторыхъ, потому что они были искони народъ образованный, осѣдлый и градостроительный и что колыбель ихъ Бактрія была средоточіемъ просвѣщенія Иранскаго; слѣдовательно они должны бы были принять устройство общины кастами, если бы не выселились прежде введенія этого условнаго начала.

Общественная и умственная жизнь Кушитовъ ихъ вліяніе

Государственная форма Ассирійской и Вано-Ассирійской династіи (царствованія Нина и Семирамиды) была основана на раздѣленіи кастъ точно также, какъ и позднѣйшее царство Мидійцевъ; но оно не имѣло нисколько того безчело-

вѣчнаго характера, который развивался естественно въ странахъ Кушитскихъ и который привился къ Брахманамъ Индустанскимъ вслѣдствіе ихъ враждебныхъ отношеній къ туземцамъ. Признаніе одного сословія, въ которомъ достоинство человѣческое было попрано ногами, такого сословія, которое не смѣло бы дыханіемъ или взглядомъ своимъ осквернять своихъ благороднѣйшихъ братьевъ, вносило начало дикости во всѣ части общины и должно было дать раздѣленію всѣхъ кастъ рѣзкость, совершенно чуждую Прану, заключавшему въ себѣ одно начало племенное. Впрочемъ и въ Индустанѣ это измѣненіе происходило мало-по-малу. Первыя сказки историческія еще представляютъ возможность перехода изъ касты въ касту и кромѣ царей, т. е. воиновъ, кажется даже другія сословія могли возвыситься до Брахманства (какъ напр. въ преданіи о Какшивантѣ). Настоящая же колыбель Прана никогда не подвергалась искаженію. Касты въ ней представляли всегда простодушное раздѣленіе государственныхъ работъ. Каждая имѣла своего представителя, главу или царя, подчиненнаго общему представителю, главѣ государства. Не было ни презрѣнія, ни вражды между сословіями и кожаный передникъ кузнеца *Гива*, усыпанный алмазами, былъ славою Мидо-Персидскихъ и царей предводилъ ихъ завоевательныя дружины.

ніе на Иранцевъ. Астрономія. Письмена.

Просвѣщеніе Хамидовъ проникло, какъ мы уже сказали, въ самое сердце Прана, внося въ одно время начала усовершенствованія и искаженія. Восточныя области характеромъ своимъ рознились отъ западныхъ, отдѣляясь отъ нихъ, въ смыслѣ религіозномъ, преимущественнымъ поклоненіемъ водѣ. Было ли это отличіе кореннымъ или привитымъ отъ ихъ сосѣдей, Кушитовъ Индусской долины? трудно опредѣлить. Оно могло быть слѣдствіемъ быта земледѣльческаго въ странахъ, бѣдныхъ водами, оно могло быть занято отъ жителей долинъ Гиммалая и Инду-Кху, у которыхъ особенно царствовало поклоненіе рѣкамъ, олицетвореннымъ въ видѣ змѣй, и царь этихъ благодѣтельныхъ змѣй носилъ имя *Пилу*, напоминающее царственную рѣку Африканскихъ Кушитовъ.

Какъ бы то ни было, Восточный Иранъ представлялъ особенно развитіе улучшеній бытовыхъ, хотя выходцы его, Брахманы, воздвигли въ Индустанѣ безсмертный памятникъ философскаго труда, духовный памятникъ, величіемъ своимъ равняющійся несокрушимымъ громадамъ Кушитскихъ пирамидъ. Иное было вліяніе новаго просвѣщенія на Западный Иранъ. Занятое у Кушитовъ, оно пробудило дремлющія силы разума въ благородномъ племени и получило новый и высшій характеръ. Огонь, которому поклонялись горные Азы и Мидійцы, какъ будто бы очищалъ ихъ помыслы. Земля, изъ которой избранный родоначальникъ Израиля вынесъ свѣтильникъ неугасаемой истины и древнихъ, святыхъ преданій, долго хранила чистоту вѣры и духовнаго богопознанія, переданную ею сынамъ своимъ — Пелазгамъ и Германцамъ и возобновленную въ ней самой собирателями или сочинителями позднѣйшей Зендавесты. Умъ, пробужденный южнымъ стремленіемъ къ наукѣ, скоро оторвался отъ изученія земныхъ явленій и обратился къ небесамъ, въ которыхъ невольное, дѣтское чувство видитъ жилище духовнаго творца міровъ. Халдея и прибережье Каспія усовершенствовали астрономію. Древніе циклы, разочтенные съ вѣрностію, свидѣтельствующею о наблюденіяхъ постоянныхъ и точныхъ, превосходнѣе позднѣйшаго Гиппархова. Свѣтлый, безоблачный, прозрачный воздухъ, смѣлыя и высокія зданія или вершины горъ, съ которыхъ глазъ обнималъ пространные горизонты, и поклоненіе огню, какъ чистѣйшему символу божества, таковы были побудительныя причины и пособія, подвинувшія впередъ науку небознанія. Топографія созвѣздій, которая, какъ уже сказано, приняла живую форму разсказа, вмѣсто мертвой формы описанія, явно указываетъ на Иранскій источникъ: сказка, заключенная въ ней, принадлежитъ народамъ, враждующимъ противъ змѣепоклоненія. Преданія древности, согласно съ выводами науки, приписываютъ Халдеѣ и ея пастырямъ глубочайшія знанія астрономическія. Сосѣди Халдеи, горные Азы, независимые братья Мидійцевъ, изобрѣли около того же времени науку гласовыхъ письменъ. По пре-

даніямъ Персіи, Тахмураспъ, одинъ изъ Пишдадіевъ, т. е. изъ династіи олицетворенной въ Джемшидѣ или Семирамидѣ, воевалъ противъ Дэвовъ (прозвище данное Азамъ) и побѣдивъ ихъ, принялъ отъ нихъ мудрость чтенія и письма.

Изъ этого сказанія можно предположить, что въ самомъ Ираиѣ были временные раздоры и что жители Мазендерана и Каспійскихъ береговъ хранили свою независимость во время царства Бактро-Ассирійскаго.

Должно однакожъ замѣтить, что хотя многіе доводы подтверждаютъ преданія Персіи, но весьма сомнительно, чтобы дѣйствительно существовали уже въ то время враждебныя отношенія между Мидіей и при-Каспійскою страною. Прозвища Тахмурасна, *Дивбендъ* и *Ривавендъ*, указывающія на побѣду надъ Азами и Ванами, не могли принадлежать царю Ванской династіи и вѣроятно перенесены на него съ котораго нибудь изъ преемниковъ Феридуна, т. е. изъ позднѣйшихъ царей Мидійскаго поколѣнія. Эллинскій алфавитъ, котораго характеръ принадлежитъ къ полной гласовой системѣ, заимствованъ по большей части изъ шаткихъ и полугласовыхъ системъ приморской Сиріи. Сродство многихъ буквъ Эллинскихъ съ Финикійскими не подвержено сомнѣнію; преданіе о Финикійскомъ началѣ письменности въ Элладѣ, само по себѣ вѣроятное, какъ преданіе древнее, вполнѣ подтверждается сравнительною критикою. Но не должно искать одного начала въ какой бы то ни было отрасли образованности или жизни такой страны, которая всѣ свои стихіи какъ племеннаго состава, такъ и духовнаго развитія получила изъ двухъ разнородныхъ источниковъ. Грамотность и образованность Мало-Азійская, безспорно связанная съ чисто-Ираискими и вѣроятно съ Восточно-Ираискими первообразами, имѣла сильное вліяніе на Элладу. Вообще горная страна Демавендской цѣпи и ея отроговъ выказывается явнымъ средоточіемъ во многихъ отрасляхъ жизни умственной и религіозной. Между прочимъ должно замѣтить, что прибрежье Тигра, примыкающее къ области древнихъ Азовъ, представляетъ столкновеніе двухъ формъ письменности гласовой, именно съ права на лѣво и съ лѣва на право. Обѣ формы соединены въ странѣ, получившей всю жизнь свою отъ нашествія Аза-Ванонъ, въ Скандинавіи, подъ названіемъ *рунъ простыхъ* и *рунъ обратныхъ*. Клинообразныя же надписи, принадлежащія той же области

при-Тигрской, представляютъ разительное, но кажется еще незамѣченное сходство съ третьею, самою таинственною формою письменности Скандинавской, съ счетными Рунами (*Цаль—рунаръ*). Избраніе этой формы для надписей объясняется легко святостью предмета и особеннымъ удобствомъ ея для насѣчки на камнѣ; а отклоненія отъ простаго закона счетныхъ рунъ принадлежатъ времени и введенію многосложныхъ и искусственныхъ правилъ. Дальнѣйшее искаженіе ихъ и большая искусственность проявляется на берегахъ Евфрата, на кирпичахъ древняго Вавилона.

Небознаніе, новая наука, вещественный плодъ духовнаго стремленія, получило въ одно время характеръ сказки и характеръ таинства. Въ обоихъ видахъ она проникла въ религію и жизнь народовъ. Сказка обратилась въ миѳъ, а съ другой стороны тѣ таинственныя значенія, которыя были приписаны ходу небесныхъ свѣтилъ, перешли въ сказку. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ сбивчивости древнихъ миѳологій и пустыхъ толковъ позднѣйшей учености, часто находившей и вездѣ искавшей астрономіи въ религіи, тогда какъ уже первая звѣздная сказка носитъ на себѣ примѣты предшествовавшаго религіознаго раздора между поклоненіемъ жизни—змѣѣ и свободному духу—огню.

Къ родинѣ астрономіи примыкаютъ народы дѣйствительно приносившіе свои молепія звѣздамъ небеснымъ (или воямъ небеснымъ), послѣдователи Цабеизма. Чище и яснѣе всѣхъ держались этого мнѣнія выходцы страны при-Араратской, Семитская семья Геламитовъ, увлеченная торжественнымъ движеніемъ Ирана на югъ въ Кушитскую Аравію, гдѣ она пришла въ соприкосновенія и столкновенія, часто враждебныя, съ Аравитянами,—Хамидами,поклонявшимися Шивѣ–Діонизосу. Впослѣдствіи оба племени смѣшались болѣе или менѣе въ разныхъ округахъ: но типъ Африканскій исчезъ не вездѣ, не смотря на побѣды Геламитовъ. Свѣтопоклоненіе, принимая все болѣе и болѣе характеръ исключительнаго огнепоклонства, стало рѣзче отдѣлять средній Иранъ отъ восточнаго. Распря религіозная вѣроятно усилила бытовыя разли-

чія между Азами и Ванами и дала поводъ къ долгой и жестокой борьбѣ.

Замѣчательно, что въ сумеркахъ боговъ Аза-Торъ противопоставляется *водяной* змѣѣ, а Ванъ Фрейръ *огненному* Суртиру. Давно уже народы разошлись и вѣковыя вражды замѣнили древнее братство. Тысячелѣтіе протекло въ кровавыхъ распряхъ племенъ; но жизнь еще не размельчала, семьи не совсѣмъ разрознились и какая-то память стараго, кровнаго союза и старыхъ дружескихъ сношеній еще жила въ униженномъ человѣчествѣ. Племена дѣйствовали великими массами и мысль ходила просторно по землѣ. Открытіе, сдѣланное на одной точкѣ земнаго шара, могло легко распространиться во всѣ концы его, и наблюденія, сдѣланныя Халдейскими пастырями, перешли, въ видѣ науки или сказки, ко всѣмъ народамъ, принимая вездѣ особенные образы и характеръ. Хамиды, давшіе первое ученое движеніе Иранскому племени, заняли отъ него новое, таинственное знаніе, измѣняя многіе символы его и присвоивая себѣ несправедливо славу самаго изобрѣтенія. Кажется, собственно Кушитамъ принадлежитъ новое раздѣленіе года на шесть двухмѣсячій и на три четырехмѣсячья. Оно находится болѣе или менѣе ясно въ Египтѣ, Индустанѣ, Китаѣ и даже Мексикѣ въ связи съ символами Шиво-Буддаизма, между тѣмъ какъ собственно Иранскимъ землямъ болѣе свойственно было раздѣленіе года на четыре трехмѣсячныя времени. Впрочемъ нѣкоторыя познанія астрономическія были древнѣе новаго развитія науки. Вѣрная ориентація пирамидъ и другихъ памятниковъ свидѣтельствуетъ о древнихъ наблюденіяхъ, общихъ всѣмъ племенамъ и предшествовавшихъ ихъ раздѣлу, хотя самая форма пирамидъ, безвкусіе ихъ постройки, отсутствіе религіознаго характера и ненависть Египтянъ къ ихъ строителямъ указываютъ уже на вліяніе Ирана, на эпоху смѣшенія и на царственную династію, высвободившуюся изъ-подъ ига односторонняго направленія чисто-Кушитской мысли, хранившейся у касты жрецовъ, представителей вещественной мудрости Хамидовъ.

Наука гласовыхъ письменъ, нѣсколько позднѣйшая астрономіи и менѣе заманчивая для воображенія, распространилась не такъ скоро и не такъ далеко. Сказка астрономическая проникала въ пустыню, переносилась изъ края въ край кочующими народами и радовала созерцательную склонность даже одинокихъ семей. Для письменности нужны были общительность и постоянныя сношенія или стремленіе къ наукѣ: но тамъ, куда проникала новая стихія просвѣщенія, являлся въ слѣдъ за нею цѣлый рядъ великихъ измѣненій. Главнѣйшими изъ нихъ были большая твердость науки, возможность кодификаціи и неизмѣнность языка въ тѣхъ странахъ, гдѣ самый характеръ просвѣщенія и жизни (какъ у Хамидовъ) не служилъ достаточнымъ огражденіемъ для слова. Письменность символическая или іероглифъ мысли въ Египтѣ и Китаѣ, какъ уже сказано, заковывалъ мысль въ данныя системы, но оставлялъ языку полную свободу искажаться. Письменность гласовая оставляла свободу мысли и заковывала слово. Она совершенно самостоятельна, между тѣмъ какъ іероглифъ въ началѣ своемъ есть только бытовое примѣненіе искусства. Іероглифъ мысли перешелъ, какъ извѣстно, въ іероглифъ звука, т. е. въ письменность гласовую, но сохранилъ навсегда слѣдъ своего первобытнаго образованія. Очень вѣроятно, что самый этотъ переходъ произошелъ въ кастѣ жреческой, но уже подъ вліяніемъ чуждаго просвѣщенія. Дальнѣйшее развитіе письменности гласовой, іератическая и демотическая, суть уже просто займы, сдѣланные Кушитами у Прапцевъ съ разными измѣненіями. Тѣ страны, въ которыхъ побѣда скоро осталась за Праномъ въ борьбѣ съ его южнымъ противникомъ, не знаютъ іероглифа. Другія, въ которыхъ, какъ въ Индустанѣ, борьба была продолжительна и въ которыхъ однакоже нѣтъ примѣтъ символическаго письма, свидѣтельствуютъ о колонизаціи, предшествовавшей еще изобрѣтенію іероглифа и уже не принявшей письменности Кушитской по явному превосходству системы Прапской. Не въ Египтѣ, но въ колыбели его образованности, въ Эѳіопіи начало Декапскаго населенія и Декапскаго художества. Китай,

болѣе отдаленный и позднѣе колонизированный или по крайней мѣрѣ просвѣщенный, стоитъ въ большей зависимости отъ Египта. Письменность его имѣетъ очевидно одно и то же начало, какъ и іероглифы, символизацію мысли. Бо́льшая простота зависитъ вѣроятно отъ первоначальнаго преобладанія Буддаизма, который связанъ неразрывно съ Шиваизмомъ какъ его внутреннее прямое отрицаніе, но въ то же время представляетъ въ сравненіи съ нимъ характеръ совершенной простоты, безъискусственности, такъ сказать, трезвости и положительной пользы.

Отрицаніе прямое никогда не выноситъ мысли человѣческой изъ той области, въ которой оно застаетъ ее. Отрицательное число есть число безконечное, какъ отрицаніе конечнаго, живетъ въ мірѣ конечности, отрицательный полюсъ находится въ прямой зависимости отъ своего положительнаго полюса и протестантство истомляется въ безплодной борьбѣ на почвѣ, созданной Римскимъ католицизмомъ. Таково всегда и вездѣ отношеніе Буддаизма къ Шиваизму. Онъ вѣчно стремится къ освобожденію духа и въ то же время принимаетъ молча начало необходимости во всѣхъ проявленіяхъ, слѣдовательно не можетъ нигдѣ достигнуть свободы. Логическіе законы неумолимы: и раціонализмъ, одинъ разъ овладѣвъ какою бы то ни было областью мысли, не можетъ уже быть изгнанъ изъ нея. Его ничтожество въ смыслѣ жизненномъ узнается по его безплодности, и только тотъ можетъ отъ него освободиться, кто, постигнувъ его односторонность и ставъ внѣ его, нашелъ для разума своего опору живую и независимую отъ формальности. Впрочемъ раціонализмъ, не смотря на свою внутреннюю слабость, часто напрягалъ духовныя силы человѣка и былъ началомъ великихъ явленій въ жизни разумной общественности и всемірной исторіи.

Порядокъ первой гласовой азбуки вѣроятно останется въ числѣ неразгаданныхъ тайнъ. То же можно сказать и о формѣ буквъ. Девапагари имѣетъ также мало притязаній на первобытность, какъ и Англійскій или Французскій алфавитъ. Древнѣйшій порядокъ могъ бы быть угаданъ по клинообразнымъ надписямъ, въ которыхъ явно счетное начало; по счет-

пая азбука скоро вступаетъ въ общую колею и подвергается тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и простая, а тѣ надписи, которыя сохранились до нашего времени, представляютъ уже азбуку искаженную и распространенную по законамъ совершенно произвольнымъ.

Напр. *a* посовой представляетъ составной знакъ изъ *n* и указанія на гласную; *э* длинное тоже ясно составное изъ знака придыханія и *i* или *e* краткаго; *o* длинное, также. Невозможно отдѣлить первоначальныхъ стихій, но если (какъ вѣроятно) уголникъ означаетъ десятокъ, то можно предположить, что число буквъ не далеко превосходило два десятка и что буква *x* была окончательная. Быть можетъ найдутся еще древнѣйшія надписи и приблизятъ ученыхъ къ разрѣшенію этого вопроса.

Впрочемъ сомнѣнія на счетъ порядка и формы буквъ не относятся къ самой системѣ азбуки. Сличеніе Деванагари, клинообразныхъ письменъ и Славянской азбуки приводятъ къ одному и тому же результату, именно: что каждая согласная заключала въ себѣ краткую гласную неопредѣленнаго звука, *a* краткое, среднее между *a* и *o* въ Индіи, среднее между *o* и *a* у Славянъ и среднее между *a* и *e* у Персіянъ.

Это не подвержено никакому сомнѣнію въ Санскритскомъ, явно въ Славянскомъ по употребленію знака безгласія не только въ концѣ словъ, но и между связными согласными, и едва ли подвержено еще спору въ надписяхъ Персеполитанскихъ.

Такая система основана на самомъ простомъ и безъискусственномъ началѣ, на необходимости краткой гласной при согласной для складовъ, и слѣдъ ея сохранился въ странѣ, которая была колыбелью самой письменности. Всѣ три формы письменъ, прямыхъ, обратныхъ и таинственныхъ счетныхъ встрѣчаются на прибрежьѣ Тигра. Чистый Арій избралъ простыя письмена; Семиты предпочли обратное направленіе. Мѣшанное письмо или бустрофедонъ составился

по всей вѣроятности отъ вліянія южной іероглифической письменности, по своему происхожденію изъ живописи, равнодушной къ направленію знаковъ, а счетная азбука осталась достояніемъ маговъ или жрецовъ, въ позднѣйшіе вѣка перенесшихъ ея тайну, хотя съ другими знаками, до Скандинавскаго сѣвера.

Благодѣянія грамотности уже признаны: отъ нея начинается новая эпоха въ жизни человѣчества. Но вмѣстѣ съ улучшеніями бытовыми, съ большею опредѣленностью понятій, съ большею твердостью нарѣчій и съ возможностью кодификацій, вошли большая искусственность въ сношеніяхъ людей между собою, упадокъ обычаевъ въ смыслѣ законовъ, презрѣніе ученаго сословія къ неученому, излишняя важность всего писаннаго, утрата преданія неписаннаго и вслѣдствіе всего этого отдѣльное умствованіе, развитіе чистологическаго начала и преобладаніе анализа въ нѣдрахъ Прана, хранившаго до тѣхъ поръ развитіе синтетическое, связанное съ обычаемъ и преданіемъ.

По всѣмъ вѣроятностямъ, освобожденіе науки отъ вещественной полезности и начало астрономіи принадлежатъ династіи Халдео-Ассирійской; посвященіе науки въ служеніе слову, т. е. начало письменности, относится ко времени династіи Восточно-Иранской, т. е. Ваио-Ассирійской. Еще позднѣе самое слово сдѣлалось предметомъ науки у Иранцевъ Индустанскихъ, но этотъ новый успѣхъ мысли, спасшій для насъ важнѣйшее свидѣтельство объ общемъ первоначальномъ языкѣ, не распространялся никогда далѣе Ганга на востокъ и Инда на западъ.

Миграціи Семитовъ и Иранцевъ. Древняя торговля. Финикіяне.

Много было общаго между племенемъ преобладающимъ на берегахъ Евфрата и туземцами; но много было и различій. Вліяніе Кушитовъ уже потрясло и исказило весь міръ Семитическихъ народовъ; завоеваніе Бактріи Ассирійцами и Ассиріи Бактрійцами оставило по себѣ слѣдъ вражды и взаимной ненависти. Часть побѣжденныхъ (таковъ кажется смыслъ преданій Армянскихъ) удалилась въ горы на сѣверо-западъ и продолжала борьбу съ новыми владѣтелями Ниневіи. Меж-

ду тѣмъ сами побѣдители, прельщенные роскошью и вещественною красотою страны Месопотамской, оторвались отъ своей родины, утратили свою силу и приготовили свое паденіе глубокимъ развратомъ нравовъ и совершенною утратою всякаго духовнаго значенія. Около XVI-го вѣка до Р. Хр. возмущеніе при-Евфратскихъ Семитовъ и напоръ горцевъ Халдеевъ уничтожили власть Семирамиды, по Ассиріянамъ, или откинули Джемшида въ Бактрію, по преданіямъ Персидскимъ. Возстала новая туземная династія *Ниніасъ*, признанная за продолженіе первой династіи (*Нинуса*) и царствовала долго въ силѣ, славѣ и богатствѣ, гремя далеко оружіемъ, созидая чудные памятники, но уже много уступая во всѣхъ отношеніяхъ своимъ великимъ предшественникамъ.

Еще не упала держава Семирамиды, и народы, жившіе на западъ отъ Евфрата, не скинули съ себя власти Восточной, такъ отдѣльныя вѣтви ихъ стали выселяться далѣе и далѣе отъ границы Ваво-Ассирійскаго государства. Къ этому времени принадлежатъ вѣроятно многія миграціи, внесшія Семитическую стихію глубоко въ Малую Азію (между прочимъ Левко-Сиріевъ), точно также, какъ невольное движеніе Пелазговъ и Германцевъ принадлежитъ еще времени преобладанія Кушитскаго, а первая миграція Кельтовъ съ ихъ священною кастою относится къ династіи чисто-Ассирійской. Ходъ Пелазговъ и медленное движеніе Германцевъ направлено было черезъ Геллеспонтъ. Миграція Кельтовъ была обширнѣе и совершалась иными путями. Главное ея направленіе было на сѣверъ, черезъ снѣговой Кавказъ въ междурѣчіе Волги и Дона въ разрѣзъ Вендскихъ населеній и оттуда прямо на западъ. Часть Кельтской отрасли, Иберцы были брошены на югъ во время крутой борьбы, уничтожившей преобладаніе Кушитовъ на Евфратѣ, и въ смѣси съ Семитами перекинулись по берегамъ Средиземнаго моря въ дальній за-Пиренейскій полуостровъ, гдѣ ей суждено было встрѣтиться враждебно съ своею сѣверною братьею, Кельтами. Это движеніе Иберцевъ въ соединеніи и въ смѣси съ Семитами открыло торговый путь Финикіи до береговъ океана и до

Зеленаго острова, населеннаго Кельтами въ его сѣверныхъ пучинахъ. Оно олицетворено въ преданіяхъ въ лицѣ Иракла Тирскаго, сѣвернаго господина Карталинскаго (*Мелехъ Картлъ*, сокращенно *Мелькартъ*). На берегахъ Финикіи, которой южную часть древніе называли Эѳіопіей, произошли многія столкновенія племенъ. Хамиды боролись съ Семитами. Древній Тиръ палъ въ борьбѣ съ Сидономъ и снова возстановленъ колоніею побѣдителей. Въ этомъ заключается примиреніе преданія о стародавности Тира и въ то же время объ его довольно позднемъ построеніи Сидономъ. Смѣшанныя племена, слившись въ одно цѣлое, боролись снова съ Югомъ и Сѣверомъ, но отстояли свое отдѣльное существованіе или, по миѳамъ Бейрутскимъ, мѣстный богъ Посейдонъ одержалъ конечную побѣду надъ Сѣвернымъ Зевсомъ и Южнымъ Діонизосомъ. Но племенныя начала, ожесточенныя взаимной враждою, никогда не утрачивали вполнѣ своего значенія. Сидонъ, Кушитскій въ своей основѣ, представлялъ большую мягкость нрава и безуміе сладострастія. Тиръ, Иранскій въ своемъ началѣ, отличался предпріимчивостью, смѣявшеюся надъ бурею невѣдомыхъ океановъ и кровожадностью, проливавшею потоки крови въ обрядахъ одичалой вѣры.

Время величайшихъ народныхъ движеній относится въ вѣкамъ глубочайшей древности. Кельты, Пелазги и Германцы, двинувшіеся въ Европу около 30 вѣковъ до Р. Хр., встрѣтили или разрѣзали сѣть Вендо-Славянскихъ первожителей; Иберцы примкнули къ ней съ юга. Но время династіи Вано-Ассирійской представляетъ кажется величайшее развитіе торговли и отъ того главное средоточіе міровой жизни. Вавилонъ и Ниневія, въ сказаніяхъ древнихъ народовъ, сверкаютъ золотомъ и дорогими камнями, облекаются въ пурпуръ и цвѣтныя ткани и окружаются облакомъ благоуханныхъ куреній. Паденіе чисто-Ассирійской династіи, двинувшей силу Арана на землю Кушитовъ и потомъ распавшейся отъ столкновенія съ Восточнымъ Араномъ, оставило страны между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ въ броженіи, лишеннымъ государственнаго единства. Тогда мало-по-малу образовался міръ

народовъ Семитическихъ, смѣсь Семитовъ съ Хамидами, и міръ вѣрованій, смѣшанныхъ изъ двухъ враждебныхъ началъ. Въ этой области, гдѣ свирѣпствовали самыя частыя и жестокія столкновенія, религія достигла своего крайняго ожесточенія, сохранившагося потомъ въ безсмысленномъ и гнусномъ синкретизмѣ, но народы развили въ себѣ энергію, давшую имъ важность несоразмѣрную съ ихъ малочисленностью. Въ эпоху династій Ваво-Ассирійской улеглися внутреннія бури юго-западной Азіи и разнонаучальное приморіе Финикіи соединилось въ одинъ государственный союзъ. Это время обозначается колонизаціею Тира изъ Сидона. Финикія расцвѣла торговлею. Караваны, проходя широкую область Ассирійскаго царства отъ Инда до Евфрата, передавали свои богатства караванамъ Сиріи и Палестины, и веселый путь народныхъ сношеній кончался въ пристаняхъ Финикіи, изъ которыхъ смѣлые паруса Тира и Сидона летѣли за новыми богатствами на край обитаемой земли.

Древняя торговля представляетъ особенную черту, на которую до сихъ поръ еще не обращали вниманія. Направленіе купеческаго мореплаванія не опредѣляется законами удобства и близости. Финикійцы охватываютъ Грецію и Италію, оплываютъ сѣверный берегъ Африки и достигаютъ дальнихъ острововъ Атлантическаго океана, между тѣмъ какъ они рѣдко посѣщаютъ глубь Эгейскаго моря и не смѣютъ проникнуть въ Эвксинъ. Безстрашные моряки Венеты не отдаляются отъ сѣверныхъ береговъ Адріатики и, охватывая берега Германіи и Галліи, не спускаются на югъ въ Испанію. Корабли Эллады ограничиваютъ кругъ своего плаванія тѣми морями, на которыхъ основались ихъ колоніи, и судоходство Египта, ничтожное въ Средиземномъ морѣ, было развито въ большихъ размѣрахъ на океанѣ Индійскомъ. Таковы показанія древнихъ и свидѣтельства памятниковъ. Взглядъ на эти данныя и сравненіе съ торговлею даже позднѣйшихъ народовъ опредѣляютъ законъ древней морской торговли. Общая его формула слѣдующая: мореплаваніе служило только для сообщеній между родиной и колоніями или между кровными братьями, помнящими свое

родство. Торговые пути опредѣлялись тождествомъ вѣрованій, или сочувствіемъ родовымъ.

Вмѣсто прежняго правила: «въ такой-то странѣ замѣтно языковое или религіозное сходство съ Финикіею, потому что къ ней приставали купцы Финикійскіе,»—правила ничего не значащаго и ничего не объясняющаго, должно принять правило; «купцы Финикійскіе приставали къ такой-то странѣ, потому что между ею и Финикіею было языковое или религіозное сходство.» Въ позднѣйшее время естественное сродство было замѣнено искуственнымъ, основаннымъ на системѣ вооруженныхъ колоній. Это относится въ особенности къ Эллядѣ

Въ началѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр. развитіе торговли, одностороннее у каждаго племени, въ общемъ своемъ итогѣ обнимало большую часть обитаемой земли. Система Вендская, охватывая сѣверъ Германіи и Франціи, связывала восточное прибрежье Балтики съ Атлантическимъ океаномъ. Система Вендовъ Лигурскихъ, Вендовъ Адріатическихъ, Саковъ Евксинскихъ огибала большую часть сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря и проникала во всѣ великіе заливы его и въ три моря подчиненныя ему. Система Финикіи, по ея Семитической стихіи, т. е. Тирская, заключала въ себѣ все сѣверное поморье Африки, Пиренейскій полуостровъ и часть Атлантическаго океана, соединяя Кельто-Иберскую Ирландію съ восточною окопечностью Средиземнаго моря; та же система, по ея Кушитской стихіи, т. е. Сидонская, захватывала прибережье Персидскаго залива, Аравійскій полуостровъ и богатства неизвѣстнаго офира, вѣроятно востокъ Африки. Наконецъ система Египта, въ своихъ братскихъ спошеніяхъ съ восточными колоніями Куша, соединяла долину Нила съ устьями Инда, съ западомъ и югомъ Декана, съ роскошнымъ Цейлономъ и съ торговымъ движеніемъ всей юго-восточной Азіи и острововъ, разсѣянныхъ въ безконечности океана.

Дѣятельность мореходцевъ пополнялась путями караванными. Атлантическое море должно было соединяться съ Средп-

земнымъ цѣпью Вендо-Лигурскихъ поселеній по Лигеру и Родану (*Эридану*, ярый Донъ). Венды Балтійскіе, собиравшіе янтарь у устьевъ сѣвернаго *Эридана*, мѣняли его на произведенія земли Вендовъ Адріатическихъ, жителей прибережья *Эридану* Италійскаго, направляя путь своихъ конныхъ и лодейныхъ каравановъ черезъ страны Славянъ-Ляховъ, Будиновъ и Дако-Гетовъ. Эпиръ и юго-западная Эллада, колонизированная Иверцами и Финикійцами, принимали богатства Сѣвера отъ своихъ Иллирійскихъ сосѣдей. Финикія отъ своихъ пристаней высылала караваны къ Черному морю, къ Персидскому заливу, къ границамъ Ассиріи, по странамъ Семитовъ и Хамидовъ. Сухопутное сообщеніе по землямъ Иранскимъ связывало Евфратъ съ Индомъ и Гангомъ, а отъ Инду-кху, отъ подошвы громаднаго Девалагири, отправлялись новые торговые обозы на сѣверъ черезъ Ванскую Бактрію, черезъ земли Гетовъ и Даковъ, охватывая Каспійское море по общинамъ Карповъ и Валовъ, подымаясь вверхъ по Волгѣ и кончая путь свой въ мірѣ *Вендовъ*, Ваповъ Европейскихъ. Сверхъ того мелкій, но постоянный торгъ шелъ по всѣмъ границамъ народовъ осѣдлыхъ и мирныхъ, дополняя собою сѣть человѣческихъ сношеній; и тѣ же Ваны Бактрійскіе, которые своими выселками и караванами связывали Индустанъ съ Балтикою и Атлантическимъ океаномъ, пріучали мало-по-малу своихъ восточныхъ сосѣдей принимать торговыхъ гостей, для которыхъ Китай разводилъ виноградъ (*по-то*) и сѣялъ зерновой хлѣбъ (*мо-со*).

Торговля не создана a priori, она не дѣло расчета и умозрѣнія, но безъискусственный плодъ общительной жизни. Первый купецъ былъ *гость*, весело посѣщающій, радушно принимаемый: первый торгъ былъ подарокъ и отдарокъ, размѣнъ. Исторія торговли теряется въ исторіи ранней общительности. Со временемъ, естественно, гость сдѣлался купцемъ, общительность перешла въ эгоистическій расчетъ; но раздѣлять ихъ искони—значитъ быть слѣпымъ въ смыслѣ простоты человѣческой.

Нажимъ Ассиріи, въ которой средоточилась государствен-

пая сила Ирана, выдвигалъ кочевыя, горныя и нестройныя семьи изъ ихъ прежнихъ предѣловъ. Такъ остатокъ Кельтскаго племени, вѣроятно около этого времени, перешелъ, подъ именемъ Кумри, черезъ Кавказъ, занялъ междурѣчье Дона и Волги и разрѣзалъ Славянскія поселенія на восточныя и западныя. Дикіе и малообщительные Кумри пришли въ непріязненное столкновеніе съ Вендами и перервали или, по крайней мѣрѣ, весьма стѣснили торговлю Бактро-Европейскую. Большее сродство духовное соединило ихъ съ сѣверными Яфетидами, Финно-Турками, и сообщило нравамъ ихъ и языку сходство съ нравами и языкомъ этой одичалой семьи. Съ юга заняли ихъ мѣсто горные Мидійцы и на хребтѣ Кавказской стѣны завязалась та вѣковая борьба между Азами, Сарматами и Кимврами-Іотупами, которая наложила свою печать на всю миѳологію Скандинавіи.

Миграція Авраама. Переселеніе Евреевъ въ Египетъ. Гиксосы.

Кромѣ семей одичалыхъ, безъ сомнѣнія выселялись и лучшія семьи западнаго Ирана, готовыя къ общительности и къ братству человѣческому, но не склонныя къ оковамъ условной гражданственности, или возмущенныя религіознымъ развратомъ, сопровождавшимъ развитіе вещественныхъ силъ Ирана. Одна изъ нихъ еще въ концѣ III-го тысячелѣтія до Р. Х., оставивъ родину свою, горныя пажити Арарато-Демавендской цѣпи, перенесла свои подвижныя богатства, кущи и стада въ землю Хананитовъ и Геламитовъ, въ сосѣдство Финикіи и древняго Египта. Этой семьѣ, заключенной еще въ лицѣ Авраама, была поручена духовная судьба человѣчества и ей обязаны мы первою его лѣтописью.

Оставляя свою родину и переселяясь въ новую страну, будущее владѣніе его потомковъ—Израиля, Авраамъ слѣдовалъ движенію, данному уже Ирану, со всѣхъ сторонъ надвигавшемуся на Кушитовъ. Онъ нашелъ землю уже населенную и въ которой природные Хананяне еще не потеряли своего первенства. Таковъ смыслъ словъ пророка: «въ то время жили Хананиты въ той странѣ». Въ послѣдующіе вѣка, особенно во время плѣненія Египетскаго, сѣверные Семиты—Геламиты и смѣшавшіеся съ ними Измаэлиты и Аммониты,

отрасли рода Авраамова, получили совершенный перевѣсъ надъ туземцами.

Авраамъ поселился, какъ домовитый пастырь, въ странѣ еще слабо населенной землепашцами-градостроителями, ибо частое населеніе еще толпилось только около великихъ средоточій человѣчества. Память о подвижной кущѣ и о свободномъ привольѣ пустыни никогда не покидала выходцевъ изъ западнаго и средняго Прана. Поселившись добромъ или силою въ области каменосѣчцевъ Кушитовъ, они вездѣ учреждали праздникъ *сѣни* или *Сакей*. Родъ Авраамовъ представляетъ въ этомъ отношеніи сходство съ Ассиріею и Мидіею.—Движеніе сѣверовосточныхъ народовъ на юго-западъ усиливалось. При жизни Авраама Сирія высылала воинственныя дружины въ Палестину и мирный гость Ханаана, Авраамъ помогалъ своимъ дружелюбнымъ сосѣдямъ противъ враждебнаго нашествія родственныхъ ему Семитовъ. Голодъ заставилъ его искать временнаго убѣжища въ Мисраимѣ (Египтѣ) и тутъ нашелъ уже онъ давно царствующихъ Фараоновъ, давно цвѣтущее государство. Нѣсколько позднѣе и по той же причинѣ потомство его переселилось на берега Нила, гдѣ ему было суждено умножиться, окрѣпнуть и страдать.

Переселеніе Израиля въ Египетъ въ самомъ началѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр. сопровождается первымъ важнымъ происшествіемъ въ жизни государственной, о которомъ исторія сохранила ясную и опредѣленную память, именно переходомъ частной недвижимости въ царскую, т. е. государственную собственность. Совѣтъ, данный Іосифомъ, долженъ былъ во многомъ измѣнить весь бытъ и всѣ отношенія народа къ правительству, обративъ свободныхъ хлѣбопашцевъ въ невольныхъ арендаторовъ, въ бездомниковъ, трудящихся на чужой землѣ.

Дружескій пріемъ, сдѣланный семьѣ Авраамовой и послѣдовавшее за тѣмъ угнетеніе при новомъ Фараонѣ навело многихъ на мысль, что Евреи и *Гиксосы* или цари-пастухи, завоевавшіе Египетъ, были одно и тоже. Позднѣйшій изъ Еврейскихъ лѣтописцевъ, Іосифъ, оче-

видно, раздѣлялъ это мнѣніе. Зато многіе ученые совершенно отвергали весь разсказъ о Гиксосахъ, какъ пустую сказку. Ни то, ни другое мнѣніе не заслуживаетъ вѣры.

Великое значеніе Израиля въ Египтѣ указываетъ на какое-то братское чувство царствующей династіи къ сѣверо восточнымъ пришельцамъ. Нелюбовь народа къ пастухамъ основана не на историческомъ началѣ, но на мѣстныхъ требованіяхъ землепашества въ узкой долинѣ Нила и на необходимости удалять стада изъ средины области къ краямъ пустыни. Это было слѣдствіемъ условій географическихъ: радушіе Фараоновъ къ чужеземцамъ, Аврааму и его потомству, было слѣдствіемъ духовнаго сочувствія. Перенесеніе столицы съ юга на сѣверъ и основаніе Мемфиса или возвышеніе его въ столицу было сопровождаемо переворотомъ общественнымъ. Власть царей-вопиновъ скипула тогда, какъ уже сказано, оковы власти жреческой. Средоточіе Африканскаго просвѣщенія и Африканской системы открыло объятія свои торжествующему началу Прана. Съ этимъ вмѣстѣ начались скрытная борьба и смѣшенія, а за ними временное преобладаніе Азіи въ самомъ Египтѣ. Семиты, приглашенные гости и союзники царской власти, все болѣе и болѣе усиливались въ царствѣ Мемфискомъ, измѣняя характеръ религіи, обычаи и, можетъ быть, наружный видъ высшихъ сословій; ибо мы имѣемъ древнія свидѣтельства въ томъ, что низшія касты отличались отъ высшихъ примѣтами физическими.

Быть можетъ даже, это смѣшеніе продолжалось еще далѣе по сѣверному берегу Африки: эта догадка подтверждается отчасти изученіемъ Сѣверно-Африканскаго племени и многими преданіями о колонизаціи нѣкоторыхъ частей Ливіи изъ Палестины.

Наступило время, когда пришельцы, вкравшіеся во весь государственный составъ и чувствуя свое могущество и слабость туземцевъ, потребовали полной власти въ слишкомъ гостепріимной землѣ. Не должно вполнѣ вѣрить словамъ Ма-

неѳона, но нѣтъ и причины оставлять ихъ безъ всякаго вниманія. Манеѳонъ знаетъ про кровопролитную борьбу и изгнаніе Гиксосовъ: но Манеѳонъ ничего не знаетъ о войнѣ, въ которой Гиксосы торжествовали. Они очевидно не были завоевателями въ полномъ смыслѣ слова: они были пасильниками туземцевъ, съ которыми давно уже жили и сжились во многомъ.

Это отношеніе варваровъ-союзниковъ къ Риму: поздняя исторія должна насъ учить понимать раннюю.

Выходцы изъ Азіи сдѣлались царями въ Египтѣ до самыхъ границъ Нубіи, не смотря на сопротивленіе стихіи туземной на югѣ. Изъ нихъ составилась семнадцатая династія, враждебная народной славѣ, народнымъ обычаямъ и народной религіи, но дружественная къ семьямъ Семитскимъ, съ которыми связывало ее кровное, незабытое родство. Отъ того-то разрушеніе памятниковъ, кровавое поклоненіе Тифону (искаженному духу, владыкѣ Прана), пріемъ Авраама, власть Іосифа, и отведеніе прекраснаго края въ жилище Израилю. Книги, вошедшія въ Еврейскій канонъ, не содержатъ никакихъ подробностей о пребываніи народа въ землѣ чужой; но въ преданіяхъ жили имена и дѣла великихъ людей, прославившихъ племя Авраамово на берегахъ Нила и вѣроятно продолжавшихъ политическую дѣятельность Іосифа.

Преданія исчезли, но книга царей сохранила намъ нѣсколько именъ, вѣроятно важнѣйшихъ. *Эѳанъ*, *Геманъ*, *Халькаль* и *Дардахъ*. Хотя въ разныхъ текстахъ эти имена читаются розно, значеніе ихъ въ памяти народной очень ясно.

Около XVIII-го вѣка до Р. Хр. произошелъ новый переворотъ въ судьбѣ Египта. Гиксосы были побѣждены и изгнаны изъ его предѣловъ династіею туземною, южною, возросшею и окрѣпшею въ землѣ древне-Кушитской святыни, въ области стовратыхъ жреческихъ Ѳивъ. Война была упорна

и продолжительна. Побѣжденный народъ удалился неизвѣстно куда, но вѣроятно на свою старую родину, къ сѣверо-востоку. Изгнанная династія носила въ сказаніяхъ Египетскихъ прозвище пастырей; характера же пастушескаго въ ней необличаютъ ни слова Манеѳона, ни разсказъ Ветхо-Завѣтный. Очень вѣроятно, что это прозвище, очевидно враждебное и ругательное, было дано ей не по ея собственному происхожденію и обычаямъ, а по отличительной примѣтѣ того народа, который пользовался довѣренностью царей и управлялъ внутреннею жизнью государства. *Цари Гиксосы* значитъ только *Цари Евреи*. Великая власть рода Израилева объясняетъ и ожесточеніе Египтянъ противъ него и мщеніе царей XVIII-й династіи. Если, сверхъ того, приписывали Евреямъ самое разрушеніе памятниковъ, то понятно, почему именно на нихъ-то и возложена была вся тяжесть возсозданія.

Реакція Кушитской стихіи въ Египтѣ.

Возстановленіе народности въ Египтѣ началось съ юга. Тамъ, на границахъ Нубіи, въ то время, какъ чужеземцы владѣли всею сѣверною долиною Нила, царствовала туземная династія, лишенная всѣхъ почти своихъ областей, но не вполнѣ побѣжденная. Тамъ крѣпла она въ постоянной борьбѣ, распространяя власть свою въ южныхъ странахъ и собирая новыя силы противъ своихъ утѣснителей. Мало-помалу стала она отодвигать Семитовъ къ сѣверу, возвратила себѣ Ѳивы, столицу святыни и просвѣщенія, и наконецъ, около XVIII-ти вѣковъ до Р. Хр., изгнавъ Азіатскихъ пришельцевъ, возвратила Египту его утраченное значеніе въ мірѣ. Между династіями XVII-й и XVIII-й не видать перерыва: Аменофисъ, I-й царь XVIII-й династіи, кажется, былъ сыномъ Ахмозиса, послѣдняго царя XVII-й. Новая слава царства дала Аменофису и его потомкамъ право считать себя новымъ родомъ, и этотъ родъ назвалъ себя Ѳивскимъ, чтобы связать свое правленіе и характеръ своей дѣятельности съ началами религіи и преданіями жреческой старины Кушитовъ. Цѣлый рядъ великихъ царей, возстановившихъ народную славу, завоевавшихъ страны сѣверныя и проникнувшихъ едва ли не въ самое сердце Ирана, обозначилъ вѣр-

ность системы, основанной на стихіяхъ туземныхъ. Безсмертные памятники зодчества, согласно съ писанными преданіями, увѣковѣчили имена многихъ преемниковъ Аменофиса; имъ принадлежатъ, за исключеніемъ древнѣйшихъ пирамидъ, почти всѣ громадные остатки художества, всѣ героическія воспоминанія Египта и окончательное утвержденіе народности въ ея отличительныхъ чертахъ и религіи въ ея спутанномъ синкретизмѣ, на днѣ котораго явно лежитъ чистое начало Кушитской вѣры. Но надъ всѣми этими великими владыками возвышаются колоссальные размѣры Рамезеса III-го, Сезостриса завоевателя. Мало именъ такъ громко звучатъ въ исторіи міра, и нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни одного царственнаго лица, котораго очерки были бы такъ живо и свѣжо сохранены искусствомъ для позднѣйшаго потомства. Куда ни взглянешь въ Египтѣ, въ Нубіи, въ дворцахъ государей Европейскихъ, на мраморѣ, на базальтѣ и гранитѣ, вездѣ взглядъ останавливается невольно этими чудными чертами, полными дѣтской кротости и силы, думы и жизни. —Время самаго могучаго развитія 18-й династіи около, XVI-го вѣка до Р. Х., совпадаетъ съ изгнаніемъ Вано-Ассирійской династіи изъ Ниневіи и съ уменьшеніемъ значенія страны при-Евфратской.

Ветхо-завѣтный пророкъ обозначаетъ перемѣну въ владыкахъ Египетскихъ очень коротко: «Возсталъ иной царь, который не зналъ Іосифа:» Это выраженіе вполнѣ согласно со всѣмъ духомъ книгъ Моисея. Ему не важны еще отдѣльныя лица: ему въ его высокой простотѣ видны только роды и жизненные характеры. Для него народъ—лице: не Кумри, не Мосхи, не Ассирійцы; но Гомеръ, Мешехъ, Ассуръ. Для него родъ—лице, какъ видно въ родословной Авраама. Точно такъ одинъ былъ Фараонъ, благопріятствовавшій Израилю, и одинъ Фараонъ новый, врагъ Израиля. Болѣе отъ него требовать нельзя, точно также какъ отъ него требовать смѣшно математической точности въ словахъ: «который не зналъ Іосифа». Довольно того, что перемѣна въ судьбѣ Евреевъ совпадаетъ съ перемѣною династіи въ Египтѣ. Тутъ пяти-

книжіе подтверждаетъ разсказъ Манеѳона. Но Іосифъ или по крайней мѣрѣ его правительственныя распоряженія не были забыты. Между тѣмъ какъ Египетъ вообще предавалъ проклятію враждебныхъ Гиксосовъ, памятникъ временъ Сезостриса упоминаетъ съ похвалою объ Апофисѣ, Гиксосѣ современномъ Іосифу. Не смотря на вражду народную противъ чужеземцевъ и религіозную противъ поклонниковъ Тифона, цари помнили съ благодарностью имя царя, обратившаго частныя земли въ государственную собственность. Они знали Іосифа и, не смотря на кажущееся противорѣчіе, тутъ рукопись іератическая служитъ повѣркою и подтвержденіемъ сказанію Ветхо-завѣтному.

Возобновленіе Кушитскаго начала въ Египтѣ принадлежитъ XIX-му вѣку до Р. Хр. Полное развитіе его государственныхъ силъ относится къ XVII-му и XVI-му вѣку до Р. Хр. или къ первому столѣтію послѣ паденія Восточной династіи въ Ниневіи. Но прежде этой эпохи и даже прежде возстанія иноземцевъ, царствовавшихъ подъ именемъ пастырей, держава Мемфисская стояла уже на высокой степени могущества и славы. Имена Озимандіаса (если это имя не искаженное) и Озортазена, строителя Геліополисскаго обелиска, соединены съ преданіями о трудахъ въ пользу просвѣщенія и о побѣдахъ Египтянъ въ странахъ далекихъ. Оба царя принадлежатъ къ концу XV-й или къ XVI-й династіи, т. е. къ тому времени, когда стихіи чуждыя уже принимались гостепріимно, но не присвоили себѣ положительной власти на берегахъ Нила. Процвѣтаніе астрономіи при Озимандіасѣ указываетъ на вліяніе сѣверо-восточное.

Эта истина доказывается не только самыми знаками астрономическими, но убѣжденіемъ самихъ Египтянъ, приписавшихъ (хотя несправедливо) усовершенствованіе гражданскаго года одному изъ Гиксосовъ. Очевидно, что въ мысли народной наука еще была связана съ своею сѣверо-восточною колыбелью.

Еще болѣе замѣтно дѣйствіе мысли Иранской во введеніи

гласовой азбуки въ самую родину письменности символической. Нѣтъ сомнѣнія, что грамота демотическая по своимъ знакамъ вышла изъ іероглифа: но по системѣ своей она принадлежитъ Ирану.

Опущеніе гласныхъ отдѣляетъ полугласовыя, неполныя азбуки (къ которымъ принадлежитъ и демотическая) отъ гласовыхъ полныхъ. Азбука Семитическая даетъ буквамъ названія, указывающія на ихъ іероглифическое начало и въ этомъ отношеніи объясняетъ вполнѣ одну изъ системъ звуковыхъ іероглифовъ, вышедшихъ изъ первоначальной системы іероглифовъ мысли: но въ то же самое время она не поясняетъ опущенія гласныхъ въ письмѣ. Очевидно, древняя система Иранская, сохранившаяся въ Индустанѣ и на клинообразныхъ надписяхъ, по тому самому могла опускать краткую гласную, что она согласнымъ именъ не давала, а произносила ихъ съ помощью краткой гласной. Слогъ, составленный изъ этихъ двухъ звуковъ, согласной и гласной, служилъ самымъ именемъ буквы и входилъ въ склады безъ измѣненія. Арабскій языкъ своимъ знакомъ безгласія (который впрочемъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ Санскрито-Славянскому) обличаетъ систему древне-Иранской азбуки и доказываетъ, что имена, данныя въ послѣдствіи буквамъ, были нововведеніемъ и займомъ, сдѣланнымъ Семитами у своихъ же учениковъ Египетскихъ Кушитовъ.

Между тѣмъ преданія, разсказами своими о побѣдахъ Фараоновъ надъ Азіатцами, доказываютъ, что все Иранское въ тогдашнемъ Египтѣ до Гиксосовъ было только произвольнымъ подражаніемъ, а не слѣдствіемъ насилія. Ясное понятіе о значеніи Семирамиды въ исторіи Ассиріи примиряетъ свидѣтельство древности о войнахъ Озимандіаса и другихъ владыкъ Мемфисскихъ противъ Бактровъ и Сако-Гетовъ (Скето, съ несомнѣннымъ существованіемъ великаго царства Ассирійскаго. Очевидно, невозможно бы было Фараону побѣждать восточный Иранъ, не завоевавъ Вавилона и Ниневіи: о чемъ однакоже нѣтъ ни малѣйшаго намека у древнихъ писателей: но все затрудненіе исчезаетъ, когда мы знаемъ, что именно во время XVI-й и отчасти XV-й династіи, Ваны,

т. е. Бактрійцы, и Сако-Геты были владыками Евфратскаго прибрежья.

Этимъ самымъ подверждается догадка о почти тысячелѣтнемъ ихъ державствѣ: ибо возстановленіе чисто-Ассирійскаго царства (Ниньяса) относится къ концу XVIII-го или началу XVII-го вѣка до Р. Хр., а Озортазенъ и Озимандіасъ принадлежатъ XXIV-му вѣку до Р. Хр. Позднѣйшій Сезострисъ, пользуясь ослабленіемъ Вавилоніи и Ассиріи, могъ временнымъ набѣгомъ проникнуть и въ самую глубь Ирана: но такой фактъ не могъ повторяться часто и былъ совершенно невозможенъ во время полнаго разцвѣта Месопотаміи.

Индія. Внутреннее ея развитіе.

Жизнь Египта въ концѣ III-го и началѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр. состояла въ борьбѣ мѣстнаго начала Кушитскаго съ вліяніемъ чуждаго Ирана и въ окончательномъ торжествѣ южной стихіи, спасенной политическимъ возвышеніемъ южнаго Египта. Въ древней колыбели своего народа почерпали Фараоны силы для отраженія сѣверо-восточнаго нажима. Въ продолженіе той же эпохи жизнь Индустана слѣдовала тѣмъ же законамъ, но въ противоположномъ направленіи. Около середины третьяго тысячелѣтія напоръ народовъ Декана, выраженный въ миѳахъ побѣдами Шивы надъ Брахмою и непреодолимымъ могуществомъ Асура *Равана*, преодолѣлъ сопротивленіе Брахмановъ при-Гангесскихъ. Иранская стихія почерпнула новыя силы изъ своего источника и Бактрія выслала воинственныя толпы водопоклонниковъ черезъ преграду Гиммалаи. Мало-по-малу Кушиты-завоеватели были вытѣснены изъ сѣверной Индіи и отодвинуты къ ея южной оконечности. Цейлонъ былъ ихъ послѣднимъ убѣжищемъ но и царство островное не на долго сохранило свою независимость. Ланка и царь ея Равана пали подъ ударами Рамы, миѳической эмблемы всего Вишнуизма. Торжествующая стихія сѣвера наполнила весь югъ своими колоніями. Парасу-Рама отодвинулъ волны морскія, чтобы дать просторъ богоизбранному народу Брахмановъ. Религія Ирана и священный языкъ Кави проникли въ безконечную область океани

ческихъ острововъ. Опустѣли вѣковыя святыни Кушитскихъ Декапцевъ. Заглохли пути къ пещернымъ храмамъ Карли, Элефанты и Сальсетты, первенцамъ Африканскаго зодчества на землѣ Азійской; прибои океана врѣзались въ покинутый Мавалипурамъ и недовершенныя чудеса Эллоры въ своемъ одинокомъ величіи остались, какъ краснорѣчивое свидѣтельство быстраго переворота общественнаго. Проклятье Иранскихъ побѣдителей легло на памятникахъ побѣжденныхъ Кушитовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что еще прежде торжества Вишнуитовъ религіозный синкретизмъ сталъ вкрадываться въ вѣрованія Юга и Сѣвера. Самые остатки древняго зодчества служатъ тому яснымъ доказательствомъ. Капища были покинуты не какъ святыня враждебной вѣры, но какъ святыня враждебнаго племени, какъ произведенія чуждаго начала и какъ зданія, которыхъ основа не была благословлена богоизбранною кастою Брахмановъ. Сѣверное Брахманство, не смотря на свою строгую исключительность и на соединеніе духовности съ высокимъ развитіемъ философскаго мышленія, точно также, какъ и южный Будло-Шиваизмъ, не избѣгло смѣшенія. Напоръ съ юга торжествующихъ Декапцевъ, заложившихъ даже въ Индсутанѣ капища своей вещественной вѣры, и прикосновеніе къ сѣверо-западнымъ Шиваитамъ въ Пенджабѣ, ввели въ философско-религіозную систему Индустана многія стихіи религіи необходимости и поклоненіе Шивѣ съ его органическою двойственностью. Вишнуизмъ довершилъ давно начавшееся смѣшеніе. Движеніе новой сѣверной колонизаціи не было налетомъ горнаго потока, прорвавшаго свои преграды, но медленнымъ наплывомъ воды, переполнившей свои озерные берега и выливающейся мало-по-малу въ сосѣднія равнины. Баткрійцы (вѣроятно во время своего державства въ землѣ Иранской) подали помощь своимъ угнетеннымъ братьямъ Брахманамъ противъ южныхъ утѣснителей. Пришлые союзники смѣшались съ туземцами и поселились на роскошныхъ берегахъ Гангеса. Сперва отодвинувъ, потомъ вполнѣ сокрушивъ государство Декапское, Вишнуизмъ началъ

междоусобную брань съ Брахманствомъ и одержалъ побѣду надъ своимъ духовнымъ соперникомъ Признаки позднѣйшаго нашествія Вишнуитовъ ясны: они замѣтны въ самомъ человѣкообразіи религіи и въ начлывѣ словесныхъ стихій, уже носящихъ клеймо Вано-Славянскаго развитія. Въ то же время можно убѣдиться изъ божественныхъ принадлежностей Вишну, что восточный Иранъ, не смотря на свое водопоклонство, еще не совсѣмъ расторгъ союзъ съ западнымъ Ираномъ огнепоклонникомъ. Поясъ и булава Индустанскаго бога вполнѣ напоминаютъ *Миѳру* (*Великій Ѳра*) и Аза-Тора Сарматскаго. Точно то же видно и изъ самаго лица Вишну въ его первоначальномъ значеніи. Это не то, что Брахма, творецъ, или Шива, воплощенная идея вѣчной и необходимой жизни но это посредникъ между видимымъ міромъ и невидимымъ Богомъ, вооруженный и чистый защитникъ чистаго творенія отъ нечистой силы враждебныхъ духовъ. Его характеръ, ничтожный въ смыслѣ религіи истинной и въ мірѣ философскихъ отвлеченностей, долженъ былъ своимъ человѣкообразіемъ, своею близостью къ человѣческой природѣ дать Вишнуизму первенство и передъ высоко-духовнымъ Брахмою и передъ грубо-вещественнымъ Шивою. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Всѣ вѣроятности, или лучше сказать, всѣ доводы здравой критики указываютъ на сѣверо западную колыбель Вишнуитскаго антропоморфизма. Поэтому не безъ удивленія можно замѣтить, что вообще поэмы Индійскія помѣщаютъ на сѣверо-западѣ царей, покровительствуемыхъ *Мага-девою*. Объясненіе этого затрудненія весьма легко. Когда пала Бактрія и остатки одичалыхъ Бактріянцевъ, Сако-Геты, смѣшанные съ чужими началами Финно-Турецкими и Средне-Азійскими, стали въ враждебномъ отношеніи ко всѣмъ окружнымъ племенамъ, память о прежнемъ союзѣ и единствѣ вѣры исчезла. Индустанъ, мало и темно знающій про непріязненный Западъ, перенесъ на него вѣрованія своихъ ближайшихъ сѣверо-западныхъ сосѣдей, Шиваитовъ сѣвернаго Пятирѣчія и Кашмира. Ошибка была тѣмъ простительнѣе, что Иранъ уже перешелъ изъ подъ владычества водо-

поклонниковъ въ руки огнеслужителей Азо-Индійцевъ и что между пятью стихіями, признанными Индустанскою ученостью, огонь былъ въ особенности посвященъ грозному Шивѣ. Уже сказано, что это похищеніе одной стихіи изъ области Брахмы выражается въ миѳахъ усѣченіемъ одной изъ пяти головъ Брахмы *чаркою* Рудры, въ которой нельзя не узнать священнаго ружія Кушитскихъ боговъ, *гарпе* (или серпъ).

Синкретизмъ начался уже давно: особенныя свойства Вишнуизма ускорили его ходъ и способствовали совершенному смѣшенію всѣхъ религіозныхъ началъ. Съ одной стороны, принявъ въ человѣкообразіи стихію организма вещественнаго и слѣдовательно полярную двойственность, онъ легко соединялся и мирился съ религіями необходимости и со всѣми ихъ выводами и символами. Съ другой стороны, будучи утвержденъ на основѣ Иранской и облекши идею о вѣчной производительности въ образъ волющаго человѣка, онъ сохранилъ характеръ свободы и творчества и не расторгъ союза съ чистѣйшимъ вѣрованіемъ племени Иранскаго. Такимъ образомъ въ немъ существовала сила, примиряющая крайности Шиваизма и Брахманства, и слѣдовательно въ немъ были уже всѣ стихіи для окончательнаго искаженія того и другаго. Изъ Вишнуизма развилась вся позднѣйшая безсмыслица Индійской миѳологіи со всею ея мнимою и искусственною полнотою.

Отвлеченная религія Брахмы заключалась въ философскомъ словѣ и мысли. Вещественный Шиваизмъ ограничивался стройною и художественною борьбою силы и разума человѣческаго съ буйною силою неразумнаго вещества. Вишнуизмъ, средній между ими, низвелъ мысль и слово изъ области высокихъ отвлеченностей философіи и въ то же время вырвалъ человѣка изъ оковъ грубо-чувственнаго міра. Въ нѣдрахъ его родилось и выросло искусство слова и пѣсни. Поэзія Индустана, чудный цвѣтъ при-Гангесской стороны, свѣжій и благоухающій, какъ позднѣйшіе цвѣты поэтической Эллады, вся безъ исключенія заключена въ Виш-

пунизмѣ. Секты Шиваитскія, также какъ и строгое Брахманство, подражали ему, но безъ успѣха. Груба, натянута, безсмысленна пѣснь Шиванта; суха и холодна мысль Брахмана, заключенная по неволѣ въ чуждыя ей формы пѣвучаго слова.

Эллада, также какъ и Индустанъ, получила свою поэзію вмѣстѣ съ сказочнымъ направленіемъ человѣкообразнаго вѣрованія и изъ одного и того же источника: но это самое сказочное направленіе, давшее въ обѣихъ земляхъ начало высокой поэзіи, никогда не достигало въ своей родинѣ до того всемірнаго значенія, до котораго оно возвысилось на берегахъ Гангеса и эгейскаго моря. Нужно было соединеніе чисто-Иранской, отвлеченной и философствующей мысли съ религіозно-вещественнымъ Кушитствомъ, чтобы мелочность бытовой сказки выросла до великихъ явленій поэзіи. Нужна была почва, глубоко воздѣланная борьбою враждебныхъ силъ, нужны были сердца, прокипѣвшія бурями жизни и мысли, чтобы сѣмя словеснаго искусства принесло богатые плоды свои. Грецiя, въ которой страсти не разгарались съ своимъ первоначальнымъ ожесточеніемъ и въ которой стихіи Ирана и Куша встрѣчались уже отчасти примиренными, дала міру поэтической сказки большую стройность и красоту. Ладъ Эллинской мысли исполненъ гармоніи и спокойствія. Бурная исторія древней Индіи и свирѣпыя войны двухъ враждебныхъ племенъ и религій запечатлѣли свои слѣды въ самой поэзіи. Никогда антропоморфизмъ не могъ развиться, никогда идея спокойной красоты не могла осуществиться вполнѣ. Мысль, вѣчно обуреваемая, вѣчно раздвоенная и страждущая въ самой себѣ, всегда слышна сквозь величавые звуки пѣсни Индустанской. Отдавая справедливость чудному совершенству Гомерическаго искусства, духъ новыхъ поколѣній глубже сочувствуетъ величію и широкимъ размѣрамъ Вальмики и Вьясы. Со временемъ, когда Европа короче познакомится съ письменными памятниками Санскритскаго языка, она лучше оцѣнитъ ихъ значеніе въ исторіи просвѣщенія человѣческаго и во многомъ признаетъ ихъ преимущество даже передъ произведеніями Эллады. Въ этомъ ручаются *Багаватъ-гита* и нѣсколько отрывковъ изъ Рамаяны.

Эпоха введенія и торжества Вишнуизма (т. е первые вѣка отъ половины третьяго тысячелѣтія до Р. Хр.) есть начало чисто-Индустанской самобытности. Брахманизмъ принадлежалъ вполнѣ Ирану, Шиваизмъ вполнѣ Африканской системѣ. Синкретизмъ, послѣдовавшій за покореніемъ Декана, получилъ совершенно мѣстный характеръ. Брахма и Шива, помиренные новымъ посредникомъ, подчинились ему и утратили ясность своего отдѣльнаго значенія въ безцвѣтности человѣкообразной религіи; но и Вишну измѣнился, принимая поочередно то вещественность Кушитскую, то чистую духовность Брахмы; хотя должно замѣтить, что въ самой духовности своей, онъ никогда не доходитъ до свободнаго творчества, а остается на степени эманаціоннаго начала. Законъ религіозный остался Брахманскимъ и никогда никакая изъ значительныхъ сектъ не отрицало этого факта. Священныя книги изображаются въ рукахъ древняго бога Индустанскаго даже тогда, когда онъ представленъ какъ проявленіе Вишну или какъ цвѣтъ его внутренняго бытія. Веды и уставъ Ману принадлежатъ кроткому и свѣтлому началу Ирана. Но жизнь и законъ скоро раздвоились. Сказочный Вишнуизмъ сдѣлался вѣрою народа и только по временамъ или мѣстностямъ уступалъ свои права вещественному Шиваизму. Брахма остался божествомъ ученаго сословія духовнаго, и спасенъ отъ совершеннаго забвенія искусственнымъ созданіемъ отвлеченнаго первообраза Пара-Брахмы, безсмысленнаго и безличнаго, но свидѣтельствующаго о древнемъ единодержавіи Иранскаго божества и о тщетныхъ усиліяхъ для сохраненія его первенства.

Форма *Пара-Брахма* напоминаетъ Славянину о формѣ *Пра-Богъ*, до сихъ поръ употребляемой западными Славянами, точно также, какъ и самый Санскритскій языкъ находитъ себѣ параллельное явленіе въ Церковно-Славянскомъ. Видно желаніе оторвать слово духовное отъ случайностей жизни, въ то же время не отчуждая его отъ жизни. Въ послѣднюю крайность впала церковь Римская, избравшая мертвую Латынь для богослуженія, которому слѣдуетъ быть живымъ и животворящимъ.

Вишнуизмъ, являясь посредникомъ между всѣми противоположными вѣрованіями, не долженъ былъ исключать ни одного изъ нихъ. Такимъ образомъ, удѣливъ престолъ Брахмѣ и Мага-Девѣ, онъ протянулъ дружескую руку тайной религіи Шиваитскихъ жрецовъ, Буддаизму. Эта вѣра, внутреннее Кушитское отрицаніе Кушитскаго же поклоненія видимому міру, оставалась заключенною въ самыхъ глубокихъ святилищахъ храмовъ, недоступныхъ черни и открытыхъ только священно-служителямъ. Она не проявлялась въ бытѣ народномъ, не объявляла притязанія на преобладаніе, но жила какъ гордая тайна ученаго сословія, презирающаго вещественный міръ, предметъ народнаго поклоненія. Когда пали Деканскія государства, когда отдѣльный Шиваизмъ, низверженный съ своей высоты и потомъ принятый побѣдителями, слился съ вѣрованіями Сѣвера въ одинъ безобразный синкретизмъ, Буддаизмъ продолжалъ свое темное, тихое существованіе, равнодушный къ случайному міру и внутреннимъ своимъ созпаніемъ поставленный высоко надъ нимъ. Покуда кипѣли волны и великія государственныя явленія смѣнялись одно другимъ, онъ не высказывался, ни распространялся, но тихо и неслышимо вкрадывался въ системы ученыхъ и въ чудно-фантастическій пантеизмъ религіозныхъ сектъ. Онъ не могъ соединиться ни съ Брахмою, на челѣ котораго никогда не погасали лучи свободно-творческой славы, онъ не могъ сродниться съ Шиваизмомъ, которому онъ служилъ религіознымъ отрицаніемъ (не смотря на философское тождество), но онъ влился мало по малу въ эклектическій Вишнуизмъ, съ которымъ легко соединялся безцвѣтною системою эманацій, не полагающихъ и въ то же время не отрицающихъ необходимости. *Багават-гита* уже вся пропикнута характеромъ Буддаизма. Когда улеглись народныя волненія и сравнительно мирные вѣка дали большій просторъ духовному развитію, древнее духовное ученіе Куша стало пробиваться въ жизнь и въ бытовыя явленія. Вишнуизмъ принялъ подъ свой покровъ возникающую религію и старался овладѣть ею, признавъ Будду за *аватаръ* Вишн-

ну. Но не подъ силу было мелко-сказочному человѣкообразію или бѣдному и безсвязному эклектизму сковать и подчинить великое и самобытное ученіе о необходимости и высокую восторженность духа, предпочитающаго свободу въ ничтожествѣ рабству въ проявленіяхъ. Буддаизмъ продолжалъ выситься и расширяться до конца втораго или начала 1-го тысячелѣтія, т. е. до той эпохи, когда Шакія-Муни или Готама или другіе проповѣдники возстали какъ смѣлые противники всѣхъ Брахманскихъ сектъ и какъ возстановители жреческихъ тайнъ, скрывавшихся въ древнемъ Кушитствѣ. Мнимый же аватаръ Вишну въ Буддѣ, жалкая попытка Вишнуитовъ, остался неразвитымъ и безплоднымъ. Въ немъ проглядываетъ политическая хитрость, годная для мелочныхъ интересовъ жизни, но безсильная въ столкновеніи съ могуществомъ религіознаго духа и съ его всемірными требованіями. Вишну-Будда былъ ничтоженъ въ области философіи.

Переворотъ въ религіи былъ слѣдствіемъ переворота въ жизни общественной, т. е. окончательнымъ торжествомъ Сѣвернаго племени; но такъ какъ Вишнуизмъ по своему свойству не былъ исключителенъ, а народъ, рѣшившій судьбу Индостана (Ваны Бактрійскіе), не былъ склоненъ къ народнымъ ненавистямъ, самое завоеваніе Декана не было сопряжено съ уничтоженіемъ или совершеннымъ угнетеніемъ побѣжденныхъ. Это было уже дѣло позднѣйшей эпохи. Три главные представителя торжествующаго Вишнуизма носятъ имя *Рамы* (*Чандра- Била-* и *Парасу-Рама*).

Зная единство началъ Вано-Ассирійской династіи и Бактро-Индскихъ основателей Вишнуизма, можно, не безъ причины, обратить вниманіе на совпаденіе слова *Рама* и второй половины имени *Семирамиды*. Кажется въ обоихъ случаяхъ слышенъ одинъ и тотъ же корень, сохранившійся въ Санскритскомъ *рам* (наслаждаться) и перешедшій своею причастною формою въ Славянское *радъ* (радующійся). Этотъ корень отзывается еще, какъ уже сказано, въ словѣ *Бхрамъ* (бытью радующійся) и искаженномъ изъ него *Брахмъ*.

Древнѣйшій Рама представляетъ весь характеръ чисто историческаго лица, или историческаго событія. Имъ начинается рядъ воплощеній Вишну въ человѣчествѣ, слѣдовательно рядъ сказаній. Древнѣйшія же воплощенія принадлежатъ мнѳу или идеямъ религіозно-космогоническимъ, хотя съ ними могутъ быть связаны и идеи о борьбахъ народныхъ (напр. въ именахъ *Мадгу* или *Гиранья-Касипу*, отзывающихся именемъ Мидійцевъ и Ирана). Завоеваніе южной Индіи и Цейлона племенемъ Сѣвернымъ есть явно событіе историческое, относящееся по всѣмъ вѣроятностямъ къ серединѣ III-го тысячелѣтія до Р. Хр. Имя побѣдоноснаго вождя скрылось подъ мнѳическимъ именемъ Рамы, но существованіе его, какъ лица историческаго, едва ли подлежитъ сомнѣнію. Быть можетъ, священное прозвище, данное народною благодарностью, вытѣснило собственное имя царя: но какое бы ни было его названіе, явны кроткій характеръ его власти и союзъ съ горными туземцами, угнетенными прежнею властью Деканскихъ Кшатріевъ. Во всякомъ случаѣ, *Рамаяна*, воспѣвающая его славу, должна уже считаться памятникомъ историческимъ, позднимъ по составленію, но весьма древнимъ по предмету своему. Въ немъ отзывается первая эпоха дѣятельности Вишнуитовъ въ Индустанѣ.

Парасу-Рама относится въ порядкѣ мнѳовъ къ вѣкамъ, предшествовавшимъ Рама-Чандрѣ. Онъ какъ будто составляетъ переходъ отъ космогоническихъ воплощеній къ историческимъ: но едва ли здравая критика можетъ допустить очередь *аватаровъ* (*), утвержденную жреческимъ произволомъ. Завоеваніе южныхъ державъ предполагаетъ совокупное дѣйствіе Сѣвернаго племени и отсутствіе внутреннихъ раздоровъ. Сверхъ того въ Рамаянѣ и въ Мага-Баратѣ нѣтъ еще никакихъ слѣдовъ борьбы между кастами и совершившагося переворота. Брахманъ и Кшатрія еще идутъ дружно къ общей цѣли съ полнымъ сознаніемъ своего значенія земнаго и небеснаго. Въ Мага-Баратѣ уже замѣтно стремленіе воиновъ

(*) Т. е. воплощеній.

оспорить преимущество жреца, уже есть оправданіе убіенія Брахмана и не дружелюбныя вспышки гордости въ обоихъ первенствующихъ кастахъ, но дѣло не дошло до разрыва. Помина нѣтъ еще о бѣгствѣ изгнанныхъ Кшатрій и объ удаленіи ихъ отъ средоточій Индустана въ горныя области или на прибережье Пятирѣчія. Когда Карна (въ Мага-Баратѣ) упрекаетъ жителей сѣверо-западной стороны въ нечистотѣ и развратѣ нравовъ, онъ ни однимъ словомъ не указываетъ на ихъ происхожденіе отъ воиновъ и только упоминаетъ о смѣшеніи кастъ; въ этомъ попрекѣ, кажется, можно уже угадать Буддаизмъ, который дѣйствительно, какъ сказано, былъ съ Шиваизмомъ древнею религіею Кушитскихъ колоній (въ *Кушъ-мерѣ*, *Кушъ-гарѣ* и *Кушъ-Двипѣ* вообще).

Нельзя вѣрить безусловно древности Мага-Бараты въ ея теперешнемъ видѣ; но безъ нужды не должно предполагать вставокъ и измѣненій. Общее мнѣніе, что слово *Явана* вездѣ указываетъ на позднѣйшую эпоху (именно Эллинскую въ Азіи), основано на ложномъ толкованіи слова, которое болѣе относится къ *Язъ-ванамъ*, чѣмъ къ Іонійцамъ Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, чтобы имя *Яваны* не означало часто у Индустанцевъ всѣхъ Западныхъ народовъ, т. е. и Эллиновъ и даже иногда Аравитянъ. Астрономическія же знанія, приписанныя Яванамъ въ поэзіи Индіи, могутъ точно также относиться къ древней славѣ Аза-Ванскаго Прана, какъ и къ позднѣйшей Эллино-Александрійской системѣ.

Кажется, въ лицѣ *Парасу-Рамы*, аватара, которому весьма мало поклоняются, смѣшаны два миѳа, или, лучше сказать, миѳъ географическій мѣстный (слѣд. не столь древній, какъ космогоническіе или обще-міровые) о сотвореніи южной Индіи съ позднѣйшею сагою о царѣ, отвергшемъ дружбу военной касты и прилѣпившемся къ жрецамъ Брахманамъ. Эта сага, соединенная уже не съ завоеваніемъ области Деканской, но съ основаніемъ жреческихъ колоній на южномъ приморьѣ, принадлежитъ времени, несравненно позднѣйшему и слита съ споромъ между воинами и Брахманами о правахъ духовныхъ. Миѳическое выраженіе духовныхъ

притязаній со стороны Кшатрій (похищеніе священной коровы) находится въ сказаніи о Парасу-Рамѣ, также какъ и въ разсказѣ о Вайсиштѣ и Висвамитрѣ. Брахманы, оставшіеся одними хранителями всѣхъ началъ просвѣщенія, для собственныхъ выгодъ приписали глубочайшую древность своему политическому торжеству. Итакъ, если Парасу-Рама можетъ быть признанъ за лице историческое, то онъ относится къ вѣкамъ, протекшимъ между войною, воспѣтою въ Мага-Баратѣ и возстаніемъ Буддаизма при Готамѣ и Шья-Муни. Но, кажется, согласнѣе было бы съ просвѣщенною критикою отвергнуть вообще историческое содержаніе въ Парасу-Рамѣ и признать его за изобрѣтеніе Брахмановъ, связавшихъ съ древнимъ мивомъ вымышленное торжество свое надъ Кшатріями. Цѣль выдумки была ясная: надобно было въ самомъ Вишнуизмѣ освятить преимущество Брахмановъ, также какъ оно уже было освящено кореннымъ Брахманствомъ. Истинное же торжество Брахмановъ было не послѣдствіемъ одного какого-нибудь переворота или войны, но медленнаго развитія религіозныхъ началъ, взявшихъ перевѣсъ надъ государственными и бытовыми.

Желаніе не раздражать воиновъ и не слишкомъ глубоко оскорблять ихъ самолюбіе, выражается въ изгнаніи Парасу-Рамы тѣми же самыми Брахманами, которымъ онъ доставилъ торжество.

Историческое содержаніе Кришны, какъ лица, также подвержено сомнѣнію. Поэма, посвященная его прославленію, не приписываетъ ему никакой прямой дѣятельности. Очевидно дѣло идетъ о владычествѣ въ Индустанѣ. Царь Кришна при Пандундахъ не имѣетъ никакого смысла. Онъ окруженъ призракомъ жизни политической: но истинная его дѣятельность ограничивается духовнымъ управленіемъ всѣми явленіями міра. Кришна является часто въ сказаніяхъ кромѣ Мага-Бараты и жизнь его обнимаетъ множество вѣковъ и государственныхъ переворотовъ Историческаго зерна въ ней нельзя найти. Наконецъ онъ представляетъ всѣ признаки олицетворенія, а не лица, и его должно признать олицетво-

реніемъ самого Индустана въ эпоху его цвѣтенія подъ духовнымъ руководствомъ Вишнуизма, или, еще лучше, олицетвореніемъ самого Вишнуизма, какъ духовной жизни Индустана. Таковъ онъ въ междоусобіяхъ и въ войнѣ противъ Шиваитовъ (Курупдовъ); таковъ же въ разсказѣ о торжествахъ и гибели Кала-Яваны, побѣдившаго Кришну, но спасеннаго гнѣвнымъ взоромъ воскресшаго *Мучукунды*, т. е. въ новомъ пашествіи сѣверо-западныхъ Бахкрійцевъ, завоевавшихъ Индустанъ, но павшихъ передъ воскресшею силою древняго начала духовнаго. Таковъ же онъ въ своей темной и насильственной смерти, указывающей на безславныя междоусобія, прекратившія государственное благоденствіе Индустана.—Болѣе историческими лицами можно считать Бала-Раму и братьевъ Пандупдовъ, особенно же *Юдишгиру* и *Арджуну*, съ которымъ связано множество историческихъ сказаній во всемъ Индустанѣ и кажется даже на Зундскихъ островахъ. По всей вѣроятности это имена царей, соединившихъ весь полуостровъ въ одну государственную систему и окончившихъ великое дѣло, начатое Чандра-Рамою, т. е. утвержденіе одпихъ общественныхъ началъ отъ Гиммалаи до Коморинскаго мыса. Въ самомъ же Кришнѣ нельзя видѣть никакого смысла, кромѣ чисто-религіознаго и можетъ быть еще изображенія духовнаго первенства, присвоеннаго одною изъ областей Индустанскихъ и признаннаго всѣми другими.

Многія историческія подробности, скрывающіяся подъ полумиѳическими сказаніями, объяснятся со временемъ. Связь Индустана съ Ираномъ представится яснѣе; но уже теперь можно смѣло утверждать, что время его позднѣйшаго цвѣта началось съ послѣдней половины III-го тысячелѣтія и продолжалось до возстанія Будганизма въ силѣ около конца *II-го или начала I го тысячелѣтія до Р. Х. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти вѣка, лучшіе въ исторіи Индустана, были свидѣтелями многихъ пашествій съ сѣвера.* Неукротимая сила народовъ Иранскихъ и загорныхъ часто врывалась въ области при-Гангесскія и налагала оковы на развитіе туземныхъ государствъ. Кришна и отецъ его Васудева неразъ прекло-

няли главу свою и бѣжали передъ утѣснителями: но главная борьба, борьба съ югомъ уже не возобновлялась. Государства Кшатрійскія были сокрушены, Деканъ пріобщенъ къ системѣ Индустанской, заселенъ Сѣверными кастами, въ особенности Брахманами, доселѣ гордящимися чистотою своего происхожденія, и весь полуостровъ, не смотря на разнообразіе своихъ племенныхъ началъ, принялъ видъ однороднаго цѣлаго. Впрочемъ жизнь государственная никогда не проявлялась въ широкихъ размѣрахъ на югъ отъ Нербудды, точно также какъ жизнь религіозная и поэтическая. Деканъ прозябалъ, раздѣленный на мелкія государства и общины и только изрѣдка (напр. при Пандундахъ) соединялся въ плотную массу съ Сѣверомъ. Племена и понятія смѣшались, но ничего могущаго и самостоятельнаго не возникало изъ этого безсмысленнаго смѣшенія.

Вишнуизмъ, какъ уже сказано, былъ основою государственной системы и религіознаго синкретизма въ Индіи. Онъ былъ, въ продолженіи болѣе чѣмъ тысячелѣтія, владыкою всего полуострова. Его характеръ бытовой, кроткій и поэтическій, былъ чуждъ нетерпимости въ вѣрованіяхъ и ненавистей народныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при немъ самыя касты не были раздѣлены между собою съ тою безчеловѣчною строгостью, которую мы находимъ въ позднѣйшее время, и которая утверждена духовною гордостью Брахмановъ Вишнуизмъ былъ собственно религіею воиновъ или дворянства. Можно замѣтить въ Индустанѣ, въ эпоху, обозначенную Кришною, существованіе какого-то благороднаго рыцарства, не лишеннаго даровъ духовныхъ и не слишкомъ подчиненнаго власти жреческой. До сихъ поръ праздникъ *Джагарната* (или *Джагарнаута*) соединяетъ въ себѣ всѣ касты, очищаетъ всякое осквернепіе, происходящее отъ нарушенія внѣшнихъ обрядовъ, точно также какъ самъ Вишну Джагарнатъ соединяетъ все твореніе въ одно святое цѣлое и вмѣщаетъ въ своемъ тройственномъ образѣ всѣ три формы—Вишну, Брахму и Шиву. Жестокія гоненія кастъ начинаются уже послѣ паденія Вишнуизма, снова вытѣснен-

наго или отброшеннаго на низшую степень Брахманизмомъ и Шиваизмомъ, древними врагами, которыхъ онъ же помирилъ. Совершенное торжество Вишну утвердило бы, вѣроятно, государственное единство въ Индіи; но онъ не могъ преодолѣть своихъ противниковъ, точно также какъ самая государственная стихія (выражаемая исторіею) не могла сдѣлаться преобладающею въ странѣ, получившей изъ своихъ началъ стремленіе къ отвлеченности духовной и философской. Все бытовое, среднее ничтожно въ глазахъ Индустанца, какъ временная случайность. Онъ пользуется временною жизнью но не преклоняется предъ нею. Великое же видитъ онъ только въ вѣчномъ, будь оно вещественное, какъ въ Шиваизмѣ, или мысленное, какъ въ Брахманствѣ. Возвышенность первоначальныхъ и коренныхъ стремленій уничтожаетъ возможность исторіи въ Индустанѣ.

Торговое благоденстіе было необходимымъ слѣдствіемъ водворенія Бактрійцевъ Вишнуитовъ на берегахъ Гангеса. Ихъ единоплеменность съ современною династіею Вано-Ассирійскою на прирѣчьѣ Евфрата и съ торговыми Ванами Европы должна была дать просторъ дружескимъ сношеніямъ, на которыхъ основывается возможность размѣновъ.

Изученіе памятниковъ древней Санскритской письменности покажетъ, вѣроятно, всю важность караванныхъ путей сѣверо-западныхъ, т. е. Бактрійскихъ, и даже самые товары, которые перевозились по нимъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что одинъ изъ ученыхъ Германцевъ (кажется Герепъ) удивляется, находя въ числѣ предметовъ, получаемыхъ съ сѣвера, орѣхи подъ названіемъ *арекъ*. Онъ замѣчаетъ весьма остроумно, что *арекъ* принадлежитъ къ произведеніямъ тропическаго юга, и не понимаетъ ошибки Индусовъ только потому, что тутъ ошибки совсѣмъ нѣтъ и явно обозначена торговля *орѣхами* простыми или кедровыми, ввозимыми изъ сѣвера въ Индустанъ Ванскими купцами.

Усиленіе сношеній съ сѣвероиъ въ огромномъ размѣрѣ и процвѣтаніе областей между Индомъ и Гангесомъ сопровождалось, безъ сомнѣнія, упадкомъ торговли въ областяхъ юж-

ныхъ. Побѣжденные Кушиты Деканскіе потеряли свое государственное значеніе и этотъ переворотъ долженъ былъ отозваться въ центрахъ Африканскихъ. Отъ того корабли Египта, привыкшіе къ путямъ Южнаго океана, уже не могли приставать къ западному берегу Индіи, какъ желанные гости, и картины, сохраненныя намъ отъ династій царствовавшихъ въ началѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр., представляютъ намъ только свидѣтельство о столкновеніяхъ непріязненныхъ. Морская сила Египта не могла упасть внезапно: но по мѣрѣ усиленія сѣверной стихіи въ странѣ нѣкогда Кушитской, кругъ его торговли стѣснялся болѣе и болѣе. Когда въ позднѣйшее время строгая исключительность Брахманства взяла верхъ надъ Вишнуизмомъ, всѣ сношенія Африки съ старинными ея колоніями должны были прекратиться и безполезныя суда сгнили въ пристаняхъ, изъ которыхъ некуда уже было имъ отплывать. Таково объясненіе ничтожности Египетской торговли и въ то же время памяти о прежнемъ судоходствѣ и могучихъ флотахъ. Смѣлые Финикійцы, которыхъ характеръ не такъ рѣзко носилъ на себѣ отпечатокъ южнаго начала, замѣнили Египтянъ даже на водахъ океана Индійскаго. Но нѣтъ сомнѣнія, что величайшій блескъ торговли, также какъ и политической жизни, въ настоящемъ Индустанѣ относится къ эпохѣ преобладанія Вишнуитовъ, т. е. къ концу III-го и къ началу или половинѣ II-го тысячелѣтія до Р. Хр.

Начало развитія Китая.

Въ то же самое время создавалось на дальнемъ Востокѣ обширное царство, котораго долговѣчность изумляетъ историка и содержитъ великіе уроки для государственной науки. Все темно въ Китаѣ до конца III-го тысячелѣтія. Исторія начинается, по собственному признанію его ученыхъ (см. *Шукингъ*) около 23-го вѣка до Р.Хр. Прежде этого слышны только слабые отзвуки преданій, смѣшанныхъ съ миѳами, и *Гоангъ-ти*, также какъ и *Ти-ко*, заслуживаютъ столь же мало вниманія, какъ и *Фо-ги* или его баснословная сестра *Яо* открываетъ рядъ историческихъ сказаній. Нѣтъ конечно достаточныхъ причинъ для признанія его за лице дѣйстви-

тельно жившее и царствовавшее; нѣтъ вообще ясныхъ свидѣтельствъ о государяхъ, предшествовавшихъ *Ву-вангу*. Смѣшно бы было основывать какую-нибудь систему на мнимыхъ астрономическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ будто бы въ концѣ III-го тысячелѣтія. Критика историческая не можетъ признать отдѣльнаго показанія объ одномъ затмѣніи, разочтенномъ Китайскими учеными, тогда какъ послѣ него всѣ наблюденія прекращаются и возобновляются съ нѣкоторою послѣдовательностью только въ VII-мъ вѣкѣ до Р.Хр. т. е. около астрономической эры Ассирійскаго Набонассара. Но, отвергая *Яо* и его ближайшихъ преемниковъ, какъ лица историческія, здравая критика должна въ общемъ характерѣ сказаній Китайскихъ принять существованіе самаго государства. Имена *Яо*, *Хунъ* и *Ю* могутъ быть вымышленными, точно также какъ и самыя происшествія ихъ царствованій; но безпристрастный и просвѣщенный читатель чувствуетъ въ самомъ началѣ *Шукинга* атмосферу историческую и государственную почву. Общество уже очевидно сомкнулось и приняло опредѣленный образъ.

Кроткая и созерцательная религія отзывается въ сказаніяхъ о дѣтствѣ Китайской державы. *Фо-ги*, лице, совершенно миѳологическое, воплощенный духъ стройности міровой, владыка пятиструнной арфы и повелитель пяти стихій, представляетъ разительное сходство съ Финскимъ богомъ *Вейнамейна*. Трудно и не признать тождества этихъ религіозныхъ началъ; но въ тоже время нельзя въ борьбѣ благой и хранительной богини *Піу-ва* съ *Конгъ-конгомъ* истребителемъ не замѣтить отзвуковъ миѳа Индостанскаго о войнѣ между богами и Асурами. Въ смѣшеніи стихій еще можно распознать основные и коренные ихъ характеры.

Просвѣщеніе Китая истекало не изъ туземнаго начала; оно шло съ сѣверо-запада, изъ горной твердыни Тибета. Этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію. Хранители просвѣщенія были иноземцы: въ этомъ свидѣтельствуетъ самое имя *ста семей*, подъ которымъ являются очевидно не родоначальники племени, но основатели государства. Просвѣтители смѣшались съ народомъ туземнымъ и исчезли въ немъ.

Не было ни войны, ни сопротивленія. Борьба, которую видимъ въ вѣкахъ позднѣйшихъ., относится уже въ непріязненной встрѣчѣ жителей сѣвера, племени средне-Азійскаго съ черными племенемъ южнаго Китая, съ одичавшими потомками прежнихъ владѣтелей всего юга, теперь загнанными въ неприступныя отрасли Гиммалаи. Первая колонизація была мирная и распространялась по берегамъ священной рѣки *Гоанго*, оспоривая землю у дикихъ волнъ, у дикихъ звѣрей, у безконечно роскошной растительности, и собирая мало по малу въ единое цѣлое мелкія и кроткія семьи, издавна спустившіяся съ высотъ Тибета въ восточныя равнины. Касты жрецовъ и жреческой эпохи не знала земля Китайская: въ этомъ она отличается отъ государствъ Кушитскихъ, основанныхъ на Шиванизмѣ и отъ царствъ Прапскихъ, принявшихъ форму Кушитскую. Она не знала собственно касты аристократической; ибо эпоха мнимаго феодализма, предшествовавшая Ву-вангу, имѣетъ болѣе характеръ удѣльнаго періода въ Россіи, чѣмъ преобладанія начала аристократическаго, совершенно чуждаго Китаю. Не слава битвъ, не вѣка дикаго геройства окружаютъ колыбель Восточной державы, но слава мирныхъ изобрѣтеній, побѣдъ надъ непокорными силами природы и нравственной мысли въ безпрестанномъ приложеніи къ быту государственному. Истинно-человѣческое величіе отражается во всѣхъ сказаніяхъ, во всѣхъ отрывкахъ древней поэзіи, во всѣхъ воспоминаніяхъ о младенчествѣ государства, а свирѣпыя страсти людей и безуміе государей, ослѣпленныхъ своимъ самовластіемъ, являются только какъ временныя и случайныя нарушенія признанныхъ законовъ, слившихся съ самою жизнью народа.

Власть свѣтская и власть духовная соединены въ лицѣ правителя; онъ явленіе божества (это выражено въ прозвищѣ *Ти*). Онъ изображеніе правителя всемірнаго, который отличается отъ земнаго владыки только названіемъ Верховнаго; въ этомъ уже видно несходство съ державами юго-западной Азіи, никогда не соединявшими духовной власти съ свѣтскою. Духъ отшельничества, созерцательной мудро-

сти и отчужденія отъ міра слышанъ въ разсказахъ о первыхъ баснословныхъ государяхъ.

Такъ напр. о Шин-конгѣ сказано: «міръ давалъ ему всѣ свои блага, но онъ отъ міра не требовалъ ничего».

Всѣ эти признаки, совершенно соотвѣтствующіе характеру Буддаизма, никогда не знавшаго кастъ или раздѣленія власти, подтверждаются многими другими примѣтами. Таково названіе дверей храмовъ (*дверь горы*), свидѣтельствующее о пещерномъ поклоненіи божеству: таковъ непонятный разсказъ о рожденіи *Фо-ги*, котораго мать наступила, по словамъ лѣтописцевъ, на *слѣдъ великаго человѣка*,—разсказъ очевидно совпадающій съ позднѣйшимъ поклоненіемъ слѣду Будды; такова же въ особенности самая неопредѣленность лица божественнаго, сжатаго въ нравственную отвлеченность, не имѣющую ни образа, ни отдѣльнаго бытія. Самая легкость, съ которою въ позднѣйшее время возобновленный Буддаизмъ распространился на востокѣ Азіи и стремленіе Китайскихъ ученыхъ посѣщать Индустанъ, его мнимую колыбель, указываютъ, можетъ быть, на древнее духовное сожитіе и на воспоминаніе о колыбели первоначальнаго просвѣщенія. Признаніе основателей державы за колонію Будгапстовъ подъ предводительствомъ первосвященника, объясняетъ самую отвѣтственность государя за всѣ случайныя несчастія государства. Воплощенный Будда, святящій землю своимъ присутствіемъ, онъ долженъ отвѣчать за ея страданія, послѣдствіе его несовершенства. Съ этимъ соединяется и возможность избирательнаго престолонаслѣдія, существовавшаго въ началѣ Китайскаго государства, и рѣзко отдѣляющаго его отъ всѣхъ другихъ. Не сынъ наслѣдуетъ отцу и не народъ выбираетъ его преемника, но самъ правитель назначаетъ своего наслѣдника, достойнаго быть владыкою и воплощеніемъ верховнаго начала. Такимъ образомъ всѣ подробности соединяются въ одно цѣлое и убѣдительное доказательство первоначальнаго Буддаизма въ Китаѣ.

Колоніи Кушитовъ проникли въ горы на востокъ отъ Бактріи. Кашмиръ и Кашгаръ были ими населены. Напоръ побѣдителей Брахмановъ и Вишнуитовъ долженъ былъ ихъ загнать еще далѣе на сѣверъ. Гранитныя громады снѣжныхъ цѣпей, примыкающихъ къ неприступному Девалагири и Чамулари, преграждали путь на востокъ. Должно было выходцамъ изъ Кашмира дойти почти до границъ Сибири, чтобы найти отдохновеніе и убѣжище. Берега Голубаго озера (Кокоморъ), истоки Гоанго и кроткое народонаселеніе приняли гостепріимно мирныхъ просвѣтителей. Начало исторіи Китайской и основаніе государства по времени своему соотвѣтствуютъ торжеству Ирана на югѣ и юго-востокѣ и это совпаденіе едва ли можетъ считаться случайнымъ.

Буддаисты отдѣлились отъ своего корня, отъ религіи Шиваитской въ ея Индустанской формѣ; но отдѣленіе не могло быть такъ совершенно, чтобы не сохранились нѣкоторые признаки прежняго соединенія. Такъ напр. нельзя не узнать миѳа о побѣдѣ Дурги надъ великимъ Асуромъ въ разсказѣ объ Ніу-вѣ и въ войнѣ Гоанг-ти противъ злаго Чи-іеу.

Тутъ особенно замѣчательно удаленіе Гоанг-ти на священную гору и очевидное свидѣтельство объ отшельничествѣ, давшемъ ему побѣду надъ врагомъ. Это явный остатокъ миѳологіи Индустанской.

Впрочемъ, всѣ миѳы Шиваизма потеряли совершенно свое значеніе и обращены позднѣйшими лѣтописцами въ историческія сказанія безсмысленныя и безсвязныя. Въ то же самое время Буддаизмъ привился уже къ существующей религіи, темной и безобразной, но основанной на Иранскомъ началѣ поклоненія единому свободному духу. Эта религія въ Средней Азіи уже приняла свои особенныя формы, отъ которыхъ вѣроятно зависитъ сходство между Китайскимъ *Фо-ги* и Финскимъ *Вейна-Мейне*.

Впрочемъ весьма многія причины заставляютъ предполагать, что и Финны не остались совершенно свободными отъ Кушитскаго вліянія и

что Буддизмъ выслалъ своихъ проповѣдниковъ въ глубочайшій Сѣверъ. Примѣсь его во многомъ замѣтна, но не должно приписывать ей исключительной важности.

Такимъ образомъ изъ смѣшенія разныхъ религіозныхъ стихій составился въ Китаѣ какой-то призракъ вѣры не имѣющій никакихъ опредѣленныхъ очерковъ, но представляющій блѣдный оттѣнокъ Иранскаго единобожія, смѣшаннаго съ Буддизмомъ, т. е. поклоненіемъ безсильному духу, вѣчно вырывающемуся изъ оковъ необходимости, но освобождающемуся только посредствомъ самоуничтоженія. Въ этой смѣси не могло быть истиннаго догматизма; его и нѣтъ. Трудно опредѣлить отношеніе отвлеченнаго божества къ дѣйствительному міру: можно только съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что идея о твореніи отзывалась иногда, хотя весьма слабо, идея о рожденіи никогда. Кажется болѣе всего преобладала система эманацій, отъ которой Буддизмъ никогда не отрывался и оторваться не можетъ: но эманаціи въ древнемъ Китайскомъ вѣрованіи не носятъ на себѣ рѣзкаго характера и не представляются, какъ паденіе духа въ оковы необходимости, владычицы всѣхъ проявленій.

Религія, составившаяся изъ соединенія Иранскаго начала съ Буддизмомъ, должна была, въ отсутствіи высокихъ догматовъ, обратить всѣ силы человѣческаго разума на развитіе нравственныхъ законовъ. Такъ и было. Поклоненіе идеѣ добра, таково преобладающее стремленіе всей Китайской мудрости искони. Но вмѣсто любви къ добру, чувства горячаго и плодотворнаго, стройно расширяющаго сердце и волнующаго его вдохновеніемъ дивной поэзіи (какъ въ Іудеѣ и въ чистомъ Ираиѣ), подъ мертвящимъ дыханіемъ Буддизма развилось понятіе о красотѣ холоднаго безстрастія, покоряющаго своимъ мѣрнымъ законамъ страстную природу, но не наслаждающагося самимъ собою. Нѣтъ утѣшенія въ небѣ, холодно взирающемъ на землю; нѣтъ утѣшенія во внутренней жизни, презирающей свою собственную личность (ибо личность облагораживается только понятіемъ о личности въ

самомъ божествѣ): силы духовныя, не умирающія въ душѣ человѣка, создали въ Китаѣ цѣлый міръ внѣшней дѣятельности ко благу. Тутъ опять представляется жизнь областей Кушитскихъ въ ея лучшемъ проявленіи. Но Шиваизмъ, полный страсти и огня, поклонникъ вещественнаго міра, влюбленный въ образы видимые и видимую красоту, обращалъ всѣ помыслы къ внѣшней и художественной стройности. Трезвый и безстрастный Буддаизмъ долженъ былъ (тамъ гдѣ онъ не дичалъ въ пустыняхъ и не падалъ до фетишизма) обратить всѣ совокупныя силы общества къ цѣли полезной и къ устроенію жизни въ математическихъ размѣрахъ взаимной выгоды и всеобщаго покоя. Философія утратила стремленіе къ отвлеченностямъ, вѣчно тревожащимъ, но въ тоже время возвышающимъ разумъ; искусство, потерявъ свое самобытное значеніе и чувство красоты, ограничилось безсмысленнымъ торжествомъ надъ дикими силами природы (таковъ весь смыслъ художества Китайскаго, особенно замѣтный въ прихотливомъ садоводствѣ); всѣ помыслы, все могущество великихъ умовъ, которыми Восточная Азія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ, сосредоточились въ разрѣшеніи одной великой задачи: *основаніе стройнаго государства, развивающагося изъ нравственныхъ началъ.* Условное преобладаетъ въ Китаѣ, какъ во всемъ, что ни создано духомъ Кушитовъ: ибо все свободное и живое возможно только тамъ, гдѣ свободный духъ поклоняется своему свободно-творческому источнику. Но великій трудъ надъ великою задачею остался не безплоднымъ. Китай униженный, окаменѣлый, полумертвый, утратившій свое древнее значеніе замѣнившій приличіемъ великую идею миротворнаго закона, стоитъ еще неколебимъ послѣ сорокавѣковаго существованія, въ посмѣяніе скоро-преходящихъ державъ и въ великое наставленіе міру.

Скажемъ мимоходомъ, что его мертвенность показываетъ всю нелѣпость формализма, что его стойкость показываетъ все могущество нравственныхъ началъ даже въ ихъ искаженіи. Напрасно считаютъ

Китай патріархальнымъ государствомъ, основаннымъ на подражаніи семьѣ. Семья въ Китаѣ есть, напротивъ того, учрежденіе чисто-государственное и условное. Оно основано на тождествѣ именъ, на законахъ приличія и полезной подчиненности. Любви и въ поминѣ нѣтъ тамъ, гдѣ право забрасывать дѣтей существуетъ вполнѣ и гдѣ всѣ отношенія внутренняго быта опредѣлены кодексомъ. Буддизмъ при первомъ взглядѣ кажется неспособнымъ къ развитію государственному и общественному. Въ немъ дѣйствительно преобладаетъ стремленіе къ отшельничеству, но всѣ историческія явленія Буддизма несогласны съ этимъ выводомъ. Полнѣйшее его изученіе оправдываетъ исторію и объясняетъ мнимое противорѣчіе. Буддизмъ есть самоумерщвленіе духа, отрывающагося отъ всѣхъ, даже внутреннихъ, проявленій своей дѣятельности. Самоумерщвленіе духа не есть самоубійство тѣлесное и не убійство вещества вообще. Жизнь физическая продолжается силою своею, не зависящею отъ личной воли человѣка. Внутренній человѣкъ погибаетъ въ безумномъ стремленіи къ отвлеченности, къ бытію безъ страстей, воли и проявленій: но внѣшняя жизнь сохраняетъ свои права, основанныя на присущей въ ней необходимости, но въ то же время теряетъ свой характеръ жизни, т. е. свободы, и обращается въ мертвый законъ. По этому очевидно Буддизмъ, отнимая у общества возможность живаго и сильнаго развитія, въ то же время налагаетъ на него характеръ грубо-государственный, математическую правильность мертваго кристалла.

Законъ, какъ высшее и совершеннѣйшее, какъ единственный предметъ, достойный поклоненія, присутствуетъ при самомъ началѣ Китайскихъ сказаній и составляетъ весь ихъ смыслъ отъ Яо до нашихъ дней. Его всегдашнимъ присутствіемъ великъ и его исключительною формальностію ничтоженъ Китай.

Полнѣйшее его олицетвореніе не въ государяхъ, которыхъ дѣятельность зависитъ болѣе или менѣе отъ случайностей историческихъ, но въ мыслителяхъ, особенно же въ *Менг-цеу* и *Кунг-цеу* (или *Конгфу-цеу*). *Лао-цеу* имѣлъ болѣе собственной личности, свободной отъ мѣстныхъ стихій и былъ, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ инозем-ной,

Западной или Индустанской философіи. Но Кунгъ-цсеу (извѣстный подъ именемъ *Конфуція*), исполинъ тѣломъ и духомъ, полный дѣтской вѣры во всесильность закона надъ душею человѣка, полный глубокой поэзіи, которую онъ самъ въ себѣ подавлялъ, безкорыстный и безстрастный труженикъ общества, идеалъ всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, мыслитель, способный обнять всю полноту человѣческаго знанія и въ то же время добровольнымъ условіемъ убивающій лучшую часть своей души, стремленіе къ своему божественному началу, лицо величавое по преобладанію одной великой идеи и почти смѣшное по своей односторонности, вотъ Китай въ его лучшемъ и совершеннѣйшемъ проявленіи. Едва ли какая-нибудь другая страна имѣла прекраснѣйшаго представителя. Платонъ въ своей республикѣ напоминаетъ Кунгъ-цсеу; но Платонъ мечталъ и наслаждался своею мечтою, Конфуцій жилъ, вѣрилъ и страдалъ. Китаю, при его покорности внѣшнему, безосновному закону, недостаетъ сознанія внутренняго закона любви. Благословенна та страна, которой суждено будетъ открыть ему этотъ источникъ всякаго человѣческаго блага! Англіи, вмѣсто просвѣщенія, доставляетъ Китайцамъ опіумъ. Честь и слава Англіи! Дай Богъ, чтобы не переполнилась ея уже полная чаша.

Исторія государства начинается, какъ и во всѣхъ областяхъ, принявшихъ Кушитское направленіе и особенно въ тѣхъ, въ которыхъ преобладалъ Буддаизмъ, огромными трудами общеполезными и работами гидравлическими. Царствованіе *Яо* ознаменовано борьбою противъ гибельныхъ разливовъ Желтой Рѣки, точно также, какъ исторія Кашмира открывается осушеніемъ озеръ, какъ Египетъ съ первыхъ вѣковъ своего существованія представляетъ усиліе народа, покоряющаго себѣ благодать Нильскихъ водъ, какъ Цейлонъ издревле покрывается водохранилищами и въ самой Элладѣ можно узнать присутствіе Египетскихъ колоній по гидравлическимъ работамъ около озера Копаиса. Самая борьба государства съ разрушительною силою Гоанго показываетъ уже и существованіе и могущество его.

Распаденіе Китая на мелкія области, соединенныя въ одно цѣлое

желѣзною волею *Ву-ванга*, заставляетъ многихъ критиковъ сомнѣваться въ древнемъ единствѣ всей державы. Въ этомъ сомнѣніи, какъ и въ другихъ, замѣтна сухая и кропотливая мелочность современной науки. Легкое соединеніе государства при *Ву-ванѣ*, совершенное единство обычаевъ, общее согласіе всѣхъ преданій, духъ, живущій во всѣхъ твореніяхъ позднѣйшихъ мыслителей и историковъ, память величія и особенный характеръ величія во всѣхъ сказаніяхъ, всѣ эти признаки безсомнѣнные и краснорѣчивые свидѣтельствуютъ о глубокомъ и живомъ убѣжденіи народа. Очевидно, что Китай, уже при своемъ началѣ, представлялъ огромные размѣры и что всѣ незаписимыя области, на которыя онъ долго былъ раздѣленъ, были только остатками раздробленнаго царства, хотя нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что древній Китай занималъ только малую сѣверо-западную часть теперешняго.

Эпоха *Яо*, *Хунъ* и *Ю*, т. е. конецъ 3-го тысячелѣтія до р. Хр., есть эпоха процвѣтанія, за которымъ послѣдовали темные вѣка паденія. Колыбель просвѣщенія была, какъ уже сказано, на берегахъ *Коко-нора* и на истокахъ Желтой Рѣки. Будущіе путешественники, вѣроятно, отыщутъ въ этой странѣ яснѣйшіе признаки первобытнаго Буддаизма; но владычество *Яо* уже было не въ горахъ Тибета, а въ богатыхъ долинахъ Китая.

Имена самыхъ царей сомнительны. Преданія, вѣрныя въ общихъ своихъ чертахъ, не представляютъ ручательства въ истинѣ подробностей. Молитва царя *Ю*, высѣченная на скалѣ, хотя бы и была не произведеніемъ народнаго самолюбія, поддѣлывающаго себѣ небывалую старину (черта общая Китайцамъ съ Ирландскими кельтоманами), не могла бы считаться памятникомъ историческимъ, ибо не содержитъ въ себѣ никакого опредѣлительнаго показанія, утверждающаго хронологію ея или объясняющаго состояніе государства. Точно также и соединеніе именъ первыхъ императоровъ съ огромными работами, которыхъ остатки сохранились до нашего времени, нисколько не доказываетъ, чтобы самыя имена не перешли изъ сказаній миѳическихъ въ сказанія историческія.

Индѣйцы вездѣ помѣщаютъ *Кришну*, *Раму* или *Арджуну*, Магометане—*Сулеймана* или *Юсуфа*, Кельты—*Финна* и *Голя*, Шотландцы—*Михаила Скотъ*. Это показываетъ только славу имени, но не опредѣляетъ его значенія. Оно равно можетъ быть дѣйствительнымъ и миѳическимъ.

Новѣйшія розысканія уже показали, какъ нелѣпо было прежнее мнѣніе о совершенномъ отчужденіи Китая отъ умственнаго и политическаго сообщества съ остальнымъ свѣтомъ. Западъ былъ извѣстенъ жителямъ этого дальняго Востока; науки астрономическія были воскрешены въ немъ пришельцами изъ Индустана; имперія Римская, прозванная *Та-цинъ* (великимъ Китаемъ) гремѣла славою, не смотря на безконечное разстояніе, отдѣляющее Тибръ отъ Гоанго. Ученые искали на Западѣ мудрости, которая могла бы удовлетворить ихъ высокимъ стремленіямъ, точно также какъ торговцы отправлялись на границу Персіи за товарами (напр. кровными лошадьми), которыхъ Китай не могъ производить. Великое міровое движеніе проникало со всѣхъ сторонъ въ нѣдра могучей державы, владычицы Востока. Быть можетъ, и это весьма вѣроятно, самая религія западныхъ народовъ смѣшалась во многомъ съ первоначальными вѣрованіями Буддаистскаго Китая, точно также какъ съ ними смѣшались миѳы Индустанскаго Шиванизма. Нѣтъ сомнѣнія, что такое предположеніе основано на догадкѣ: но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что имена трехъ государей, заключающихъ въ себѣ всю эпоху древняго Китайскаго величія, *Яо*, *Хунъ* и *Ю*, соотвѣтствуютъ именамъ боговъ, Финикійскаго *Яо*, Ассирійскаго *Хонъ* и Финскаго *Ю* (извѣстнаго подъ именемъ *Ю-мала*, т. е. *Ю-свѣтъ*, какъ у Римлянъ *Юпитеръ* значитъ собственно *Ю-отецъ*). Какъ бы то ни было, но утвердительно можно сказать, что процвѣтаніе державы Китайской началось въ концѣ 3-го тысячелѣтія и едва захватило начало 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. Несчастная политика императоровъ, отдававшихъ области въ наслѣдственное управленіе своимъ родственникамъ (полити-

ка, засвидѣтельствованная позднѣйшими лѣтописцами въ разсказѣ о спорѣ книжниковъ съ императоромъ Тсин-ши-гоангти), положила основаніе множеству отдѣльныхъ и независимыхъ царствъ, рѣдко признававшихъ верховную власть императоровъ. Впрочемъ никогда не пропадала память о цѣлости государства и постоянное стремленіе къ новому соединенію продолжало жить въ мелкихъ областяхъ. Въ концѣ 2-го тысячелѣтія *Ву-ванъ* воскресилъ древнюю державу и принялъ титулъ *Ти* (божественный), который его предшественники не смѣли себѣ присвоить, считая себя недостойными такого громкаго прозвища при такой ограниченной власти. — Эпоху государственнаго раздѣленія признавали многіе эпохою Феодализма: но называть Феодализмомъ дробленіе державы на независимыя княжества безъ всякой примѣси аристократической касты, было бы злоупотребленіемъ слова и Китай скорѣе представляетъ, отъ *Ю* до *Ву-ванга*, нѣчто похожее на времена удѣловъ въ Россіи, съ тою только разницею, что царствующіе дома не принадлежали къ одной и той же династіи и не имѣли никакого притязанія на власть единоправителей всего государства.

Время процвѣтанія кончилось для Китая при самомъ началѣ династіи *Гіа*, которой мнимый родоначальникъ *Ю* послѣдній обозначенъ въ лѣтописяхъ прозвищемъ *Ти*. Съ нимъ вмѣстѣ прекращается и право или обычай избирательнаго престолонаслѣдія. Уже одно это обстоятельство, также какъ и отсутствіе прозвища божественнаго при имени его сына, не смотря на то, что онъ получилъ въ наслѣдство всю полноту государства, указываетъ на неисторическій характеръ предъидущихъ царей, хотя самое царство уже вступило въ историческій возрастъ. Темныя времена до Ву-ванга не представляютъ происшествій совершенно достовѣрныхъ: но духъ, создавшій имперію, продолжалъ жить и въ ея разорванныхъ членахъ. Каждое мелкое княжество повторяло въ себѣ явленія всего государства, ни одно не развивало изъ себя ничего самобытнаго и не думало создавать особенную какую-нибудь систему правленія и религіи. Бѣдствія пер-

вествующей области (ибо иначе нельзя назвать область, въ которой жили императоры) внушали глубокое участіе другимъ и считались бѣдствіемъ общимъ, которое слѣдовало устранить общими силами. Таковъ характеръ возстанія *Чингтанга* противъ *Кіе* въ первой половинѣ и возстанія *Ву-ванга* противъ *Шеу-сина* во второй половинѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. Конечно нельзя вполнѣ полагаться ни на разсказы самой лѣтописи Китайской, *Шу-кинга*, о происшествіяхъ, случившихся за пять и за десять столѣтій до ея составленія, ни на самый текстъ этой лѣтописи, которая была уничтожена вмѣстѣ со всѣми другими во время преслѣдованія ученыхъ (лѣтъ за 200 съ небольшимъ до Р. Хр.): но нѣтъ и причинъ сомнѣваться въ общемъ смыслѣ преданій, которыя во многомъ подтверждаются остатками древней поэзіи, легко сохранившейся въ памяти на зло систематическому гоненію, тѣмъ болѣе, что изощреніе памяти составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ Китайскаго воспитанія.

Государство даже во времена *Ву-ванга* не простиралось на югъ далѣе Великой Рѣки (извѣстной подъ именемъ *Кіанг-го*). Была безъ сомнѣнія колонизація сѣверная, проникшая мало по малу далѣе къ югу. Это доказывается бѣгствомъ послѣдняго императора изъ династіи *Гіа* и удаленіемъ нѣсколькихъ князей во время императора *Цу-кія* и старшаго брата *Ву-ванга* за Великую Рѣку: но государственная система еще не обнимала южныхъ областей. Колонизація приготовляла мало по-малу борьбу Сѣвера и Юга и окончательное ихъ соединеніе. За *Кіанг-го* жило другое племя, чуждое языку, вѣрованьямъ и просвѣщенію Сѣвера. Напоръ съ сѣвера мало-по-малу откидывалъ туземцевъ въ горныя ущелія и вытѣснялъ ихъ изъ плодородныхъ равнинъ. Исторія не имѣетъ данныхъ для опредѣленія постепенности этого завоеванія; но когда государство переступило черезъ Великую Рѣку, оно нашло уже народъ, готовый подчиниться его законамъ и обычаямъ. Miao (таково названіе туземныхъ дикарей у Китайцевъ) были заключены въ горныхъ округахъ и тамъ защищали свою независимость, не совсѣмъ утрачен-

ную до нашего времени. Очевидно завоеваніе всей южной области было дѣломъ частныхъ переселенцевъ, удалявшихся изъ сѣверной родины, переполненной жителями, или взволнованной внутренними раздорами.

Это явленіе повторялось въ меньшихъ размѣрахъ въ Валлійскомъ герцогствѣ, въ Ирландіи и повторяется въ наше время на западномъ берегу Мешасебе и въ Техасѣ.

Китайцы въ своемъ благородномъ презрѣніи къ дикарямъ не позаботились объ описаніи побѣжденнаго племени. Черный цвѣтъ его указываетъ на происхожденіе Кушитское, а обычай нарѣзки на лбу представляетъ черту Шиваитской религіи и вѣроятно связывается съ изображеніемъ третьяго глаза у главнаго божества Индійскихъ Декапцевъ. Трудно опредѣлить путь южной колонизаціи, но смѣшно бы было отрицать сильное и никогда не перерывавшееся движеніе народовъ около юго-восточныхъ окопечностей Азіи. По этому пути проникла въ Китай позднѣйшая реформа Буддаизма, по немъ же приходили уже въ глубокой древности корабли изъ дальныхъ морей: таково свидѣтельство Китайскихъ лѣтописей.

Изученіе языковъ юго-восточной Азіи подтвердитъ со временемъ эту догадку; но во всякомъ случаѣ наружный видъ южныхъ Miao, ихъ цвѣтъ, складъ, нравы и древній обычай, о которомъ уже говорено, и который былъ, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ религіознаго обряда, связываютъ ихъ съ югомъ Индіи и съ системою Африканской.

Побѣда надъ Miao и ихъ изгнаніе было, безъ сомнѣнія, сопряжено съ смѣшеніемъ двухъ племенъ. Отъ этого смѣшенія зависитъ различіе сѣверныхъ и южныхъ нарѣчій и замѣченная многими путешественниками разница въ тѣлосложеніи и въ очеркахъ лица.

До владычества династіи *Чеу* (начавшейся въ концѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х.) одинъ только сѣверныя области со-

ставляли державу Китайскую; но и въ этихъ границахъ она уже представляла исполинскую силу по народонаселенію и пространству, силу, превосходящую всѣ государства юго-западной и южной Азіи и сѣверо-восточной Африки. Китай не былъ запертъ для иноземцевъ. Еще гораздо послѣ они были радушно принимаемы и допускаемы къ правамъ гражданства и даже къ должностямъ государственнымъ. Сношенія съ Западомъ, кромѣ кочевыхъ и воинственныхъ ордъ средне-Азійскихъ (т. е. Финно-Турецкихъ и Монгольскихъ) были основаны на старой памяти братства. Около середины 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. посольства приходили изъ земель Иранскихъ просить у Восточнаго государства защиты и помощи противъ насилія враговъ. Торговцы Бактрійскіе (Ванскіе, изъ земли Великихъ Вановъ, *Та-ванъ*) переходили степь и горныя преграды для размѣна своихъ произведеній на произведенія береговъ Гаонг-го; гостинницы строились по путямъ каравановъ, и виноградъ (*по-то*) разводился около гостинницъ для Западныхъ гостей, любившихъ, какъ и всѣ Ванскія племена, дружескую трапезу и разгулъ застольной чаши. Быстрые кони Каспійскихъ береговъ были украшеніемъ и роскошью двора императорскаго, и, кажется, плясуны и скоморохи Индійскіе забавляли праздность, и лѣнь богачей. Китай жилъ въ согласіи со всею внѣшнею жизнію міра.

Трудно опредѣлить, до какой степени онъ участвовалъ въ его внутренней и духовной жизни: но съ полною увѣренностью можно утверждать, что общеніе мысли было сильнѣе общенія торговаго. Много нужно каравановъ, чтобы лѣтописецъ обратилъ вниманіе на торговый путь. Одинъ человѣкъ мыслящій измѣняетъ или обновляетъ своимъ ученіемъ цѣлый народъ, а Китайцы были жадны къ наукѣ и знанію. Около начала 1-го тысячелѣтія до Р. Хр. царь *Му-ванъ* посвятилъ многіе годы своей жизни странствованію на Западѣ для пріобрѣтенія познаній, и трудно предположить, чтобы никто ему не подалъ примѣра или не послѣдовалъ его примѣру. За многіе вѣка до него общеніе понятій было безъ сомнѣнія живѣе, чѣмъ при немъ. Это правило отно-

сится не къ одному Китаю. Міръ не былъ еще тогда такъ раздробленъ, какъ въ послѣдствіи. Средняя Азія не волновалась безумнымъ волненіемъ дикихъ семей и Восточная держава не думала себя ограждать отъ невидимой грозы чужаго ума.

Поставивъ главною задачею своего существованія полнѣйшее развитіе государственности, Китай былъ въ древности способенъ и къ свободному развитію духовной жизни. Государственность поглотила мало-по-малу всѣ прочія части просвѣщенія человѣческаго и довела государство до того мертвеннаго оцѣпѣненія, въ которомъ оно представляется въ наше время. Великая стѣна, символъ отчужденія, была воздвигнута уже династіею *Тсинъ*, но и тогда еще чужеземцы были допускаемы ко всѣмъ должностямъ государственнымъ. Великая задача—логическое развитіе нравственныхъ началъ общества, — долго жила въ благородномъ Китаѣ и одни только нашествія дикарей, Монголовъ и Манжуровъ, могли ее вполнѣ исказить. Китай былъ, какъ всѣ державы Кушитскія, основанъ на условныхъ данныхъ; но не такъ какъ другія державы, на грубой идеѣ выгоды или художественной идеѣ стройности. Его начала были высшія, какія только человѣкъ могъ положить; условность ихъ была только послѣдствіемъ шаткости, неизбѣжной тамъ, гдѣ нѣтъ духовнаго преданія, гдѣ нѣтъ живой вѣры, неизбѣжной вездѣ кромѣ одного христіанства. Не смотря на Буддаическое ученіе просвѣтителей Китая, Иранъ своею человѣческою мудростью, своею свободною духовностью оживлялъ и согрѣвалъ его могучую молодость. Это очевидно изо всѣхъ отзвуковъ этой дальней старины, любившей и славившей имя неизвѣстнаго Бога, и самое процвѣтаніе державы, совершенно совпадающее съ вѣками торжества Иранскихъ началъ въ Индустанѣ при Вишнуитахъ, въ Ираиѣ при Вано-Ассирійцахъ и въ Египтѣ при Гиксосахъ (т. е. около конца 3-го тысячелѣтія до Р. Х.), вѣроятно не должно быть приписано слѣпому случаю. Духъ человѣческій пробудился и бодрствовалъ Въ половинѣ же 2-го тысячелѣтія эти силы утомились и распадающійся Китай

опять соотвѣтствуетъ повсемѣстному паденію Ирана, и съ нимъ человѣческихъ началъ во всемъ мірѣ.

Объ южномъ Китаѣ у насъ слишкомъ мало остается данныхъ. Паденіе Кушитовъ Деканскихъ должно было разорвать связь Кушитскаго міра: въ этомъ заключается важность Виндхунтскаго завоеванія. Но по всей вѣроятности слѣды сношеній между Египтомъ и прибережьемъ Великой Рѣки принадлежатъ южной племенной, а не сѣверной государственной системѣ. Точно то же должны мы сказать о письменности. Нѣтъ видимой связи между письменами Китая,— іероглифами мысли, и письменами Египта, іероглифами слова; но явно, что въ Египтѣ іероглифъ слова вышелъ изъ іероглифа мысли посредствомъ Иранскаго вліянія, и ни одинъ человѣкъ разсудительный не повѣритъ, чтобы іероглифъ Китайскій, котораго ключи имѣютъ теперь форму совершенно произвольную, былъ дѣйствительно основанъ на произволѣ. Его начало, для насъ утраченное, было, безъ всякаго сомнѣнія, простое подражаніе предмету выражаемому. Теперешній знакъ есть только курсивное упрощеніе знака первоначальнаго, точно также какъ узловыя письмена, общія Китаю и средней Америкѣ, были только приспособленіемъ тѣхъ же знаковъ къ потребностямъ жизни кочевой и къ мореплаванію. Такимъ образомъ Китай своею письменностью, также какъ и началомъ государственнымъ, племеннымъ характеромъ Юга и просвѣщеніемъ Сѣвера, соединяется съ міромъ Африки и съ системою Шиво-Буддаистской. Будущіе изслѣдователи опредѣлятъ съ большею точностію вліяніе областей, лежащихъ за Великой Рѣкою, на весь бытъ Китая. Теперь его можно только угадывать.

Дальнѣйшая исторія Ассиріи. земли Иранскія. Персія.

Прекратилась на берегахъ Евфрата династія царей Бактрійскихъ. Изнѣженные роскошью, развращенные упоеніемъ тысячелѣтняго владычества, утративъ первобытную чистоту нравовъ и наслѣдственныя доблести, Ваны были изгнаны изъ Ниневіи возстаніемъ туземцевъ и напоромъ горной семьи Халдеевъ. Новые властители связали права свои на царство

съ древнею Ассирійскою исторіею. На языкѣ миѳовъ Нинiасъ, сынъ великаго Нина, свергнулъ съ престола незаконно царствующую Семирамиду. Иранъ раздробился, могучая держава, связывавшая его концы, разрушилась и никогда уже не возстановлялась въ прежней полнотѣ. Бактрія, Индія, Месопотамія, сѣверо-восточная и средняя Европа, соединенныя въ одну торговую систему, въ одно общее братство единствомъ владычествующаго племени Бактрійцевъ, распались навсегда въ мелкую областную жизнь, изъ которой со временемъ возникли совершенное отчужденіе другъ отъ друга и кровавая вражда. Исторія стала яснѣе, но утратила свои широкіе размѣры и великолѣпіе своихъ первыхъ явленій. Позднѣйшіе народы, уже не понимающіе прежней эпохи и всемірнаго значенія племени Иранскаго, накинули темный покровъ на величавую старину. Преданія утонули въ сказкѣ.

Развратная династія, забывшая свое духовное достояніе въ искушеніяхъ вещественнаго міра и потерявшая права на первенство между народами, была свергнута: но человѣчество не подвинулось впередъ. Сѣмена порока, посѣянныя вездѣ, продолжали давать ростъ и плодъ: преемники Вановъ, Ассирійцы и Халден, вступили въ тотъ же путь, по которому шли ихъ предшественники, и искаженный Иранъ присоединилъ только къ прежнему злу, развратившему нравы, новое зло разъединенія, придавшее имъ новую свирѣпость. Вторая династія туземныхъ царей Ассирійскихъ приняла вліяніе Кушитскаго міра, поклоненіе веществу или необходимости въ образахъ органической полярности, безумную гордость личности, презрѣніе къ началамъ духовнымъ и стремленіе къ завоеваніямъ: но она сверхъ того получила отъ горцевъ, основавшихъ ее, характеръ необщительной дикости. Никогда власть ея не распространялась такъ далеко, какъ власть Вано-Ассирійцевъ, никогда она не была окружена такимъ блескомъ: Нинiасъ представляетъ лицо блѣдное и безцвѣтное въ сравненіи съ Семирамидою и Нином. Бактрійскій Востокъ не былъ ей подчиненъ вполнѣ, хотя страдалъ отъ ея набѣговъ; берега Инда были ей недоступны.

Точно то же можно сказать и о Малой Азіи, по крайней мѣрѣ о ея западной оконечности, о горныхъ странахъ, прилегающихъ къ Черному морю и объ областяхъ Финикіи и Палестины. Нѣтъ сомнѣнія, что держава Вано-Ассирійцевъ также недалеко распространялась на западъ отъ Евфрата, но она связывалась съ поморьемъ торговымъ характеромъ, котораго позднѣйшіе Ассирійцы уже не имѣли. Лѣтопись ихъ первенства въ юго-западной Азіи, безплодная для человѣчества, безплодная для наукъ историческихъ, представляетъ только темный рядъ царей, дико властвовавшихъ мечемъ или безсмысленно утопавшихъ въ наслажденіяхъ безславной роскоши. Истинное паденіе Ассиріи относится къ VIII-му вѣку до Р. Хр. когда съ одной стороны Азы Мидійскіе, съ другой богатое низовье Евфрата и Вавилонъ достигли отдѣльной самостоятельности. Въ продолженіи 8-ми или 9-ти вѣковъ отъ изгнанія Бактрійцевъ, до возстанія Мидіи, область Ниневійская подвергалась многимъ измѣненіямъ; но она все еще первенствовала надъ всѣми сосѣдними народами. По преданію Персидскому, южный *Дзогакъ*, поклонникъ злыхъ духовъ, котораго Кушитскій характеръ легко узнается по эмблемѣ змѣи, побѣдилъ и изгналъ нѣкогда святаго, но въ послѣдствіи согрѣшившаго царя землепашца, сына страны Бактрійской *Джемшида*. Побѣжденный не нашелъ убѣжища въ своей родинѣ: враги преслѣдовали его по пятамъ и убили въ Индустанѣ, куда онъ отъ нихъ бѣжалъ. Итакъ Ассирія не разъ еще завоевывала Востокъ: но по другимъ преданіямъ, относящимся къ тому же времени, также какъ и по молчанію Зенд-авесты кажется, можно предполагать, что власть ея была не постоянная и не уничтожала свободы Бактрійскаго племени и странъ, прилегающихъ къ Инду. На юго-западъ отъ Ниневіи мелкія области соединялись въ государство Сирійское, не всегда повиновавшееся ей, но никогда не сопротивлявшееся ей съ значительнымъ успѣхомъ.

Малая Азія. Троя и ея борь-

Вліяніе переворота въ царствѣ Ассирійскомъ сильнѣе подѣйствовало на сѣверо-западъ; между тѣмъ какъ, по сказа-

ба съ Грецией.

нію Персидскому, *Джемшидъ* бѣжалъ на востокъ, другія преданія западныя разсказываютъ о бѣгствѣ Семирамиды (другое названіе той же Ванской династіи) на западъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ темны и неопредѣленны и что удаленіе Семирамиды въ Киприъ можетъ легко относиться къ распространенію поклоненія Бактрійской Венерѣ, но съ другой стороны нельзя не обратить вниманія и на то, что паденіе Ванскаго владычества на берегахъ Тигра и Евфрата по времени своему соотвѣтствуетъ усиленію, если не появленію, Вановъ на западной оконечности Малой Азіи. По крайней мѣрѣ кажется, по всѣмъ хронологическимъ даннымъ, что Ниніасъ, т. е. начало мѣстной династіи въ Ниневіи, принадлежитъ къ XVII-му, а основаніе Трои, торговаго и общественнаго средоточія Ванскихъ семей, относится къ XVI-му столѣтію до Р. Хр. Всѣ историческія данныя для этихъ полубасословныхъ вѣковъ довольно шатки, но ошибки значительной быть не можетъ. Мы знаемъ, что въ позднѣйшее время Хвалисы (Халибсы Грековъ), Саки или Гуны клинообразныхъ надписей тянулись отъ самой Арменіи по прегорію Тавра и южному берегу Чернаго моря до самой Трояды. Сѣверная Троя (*Пергамъ* или *Прага*) не одна славилась своею силою и богатствомъ. Она первенствовала въ союзѣ Мало-Азійскихъ Вендовъ (*Генеты*); но въ одно время съ нею процвѣтала и пережила ее другая Троя въ *Ликіи* (землѣ *Венедовъ великихъ*). Тамъ же протекалъ и другой *Ксанѳъ* (Эллинское имя, значащее свѣтло-желтый, блестящій, пламенный: собственное же имя было *Арна, Ярный,* отъ Славянскаго корня *ярый*, имѣющій тоже значеніе, что Эллинское Ксанѳъ. Замѣчательно имя *Арный*, главной рѣки у Разеновъ въ Этруріи). Связь Ликіи, т. е. южной Троады съ сѣверною Троадою очень ясна. Одни други и недруги, одни обычаи, одни боги покровители, Аполлонъ и Венера, наконецъ одни имена рѣкъ и городовъ. Ликія, завоеванная иноплеменниками, утратившая своихъ кореннихъ жителей въ кровавыхъ бояхъ и въ геройскихъ самоубійствахъ цѣлыхъ городовъ (по словамъ Геродота), утратившая языкъ свой въ

смѣшеніи съ другими, чуждыми ей нарѣчіями, Ликія все еще уцѣлѣла въ памятникахъ искусства и въ письменахъ, нарѣзанныхъ на ея каменныхъ гробницахъ. Художество ея самобытно, по крайней мѣрѣ въ зодчествѣ. Оно возникло не изъ Греческаго, оно представляетъ переходныя степени и младенческій возрастъ, которыхъ Эллада не знаетъ (напр. деревяные, бревенчатые накаты и брусья, деревяные костыли, закрѣпы, высѣченныя изъ мрамора и пр.), такъ что скорѣе можно предположить ея вліяніе на Элладу, чѣмъ обратно. Письменность ея, заимствованная съ востока, самобытна въ отношеніи къ Эллинской, ибо представляетъ буквы, которыя не извѣстны Эллинамъ, а встрѣчаются у Разенъ Италійскихъ на берегахъ рѣки одноименной съ Ксанѳомъ Ликійскимъ (*Арный*). Символы ея религіи самобытны и во многихъ подробностяхъ сходны съ украшеніями, найденными въ гробахъ Крымскаго полуострова; обряды ея (по крайней мѣрѣ обычай высѣкать гробницы въ горахъ) чужды Элладѣ и принадлежатъ въ одно время Востоку Иранскому (какъ гробницы царей Персидскихъ) и Этруріи съ ея пещерами. Вліяніе Кушитской системы замѣтно; но южное вѣрованіе привилось къ началу Иранскому. Лице человѣка возвышено до божественности и сказочное человѣкообразіе въ религіи выразилось въ художествѣ, также какъ въ Греціи, но независимо отъ Греціи.

Должно замѣтить, что главное и самое обыкновенное изъ символическихъ изображеній на памятникахъ Ликійскихъ есть битва льва съ быкомъ. Разсказъ о битвѣ Сарпедона Ликійскаго съ Патрокломъ въ Иліадѣ кончается этимъ сравненіемъ. Едва ли тутъ простой случай.

Надписи Ликійскія свидѣтельствуютъ о Славянскомъ корнѣ пародонаселенія. Слова *лада* (въ смыслѣ жены), *тедіе* (въ смыслѣ *чадо*, ибо окончаніе на *ме, тедіеме* встрѣчается не всегда), *егове* (въ смыслѣ мѣстоименія притяжательнаго) и многія другія особенности служатъ тому доказательствомъ неоспоримымъ. Отсутствіе знака беззвучія въ письменности и слѣдовательно отсутствіе краткой гласной *а*, *о* или *е* во всякой со-

гласной, оскудѣніе грамматическихъ измѣненій въ окончаніи словъ, прибавка слога *ме* къ словамъ, которыя не имѣютъ этого окончанія въ Славянскомъ, и присутствіе звука *ф* ничего не доказываютъ. Ликія была рано оторвана отъ своей Вендской братіи и сильно подвержена вліянію чужеплеменниковъ, особенно южныхъ народовъ: она должна была измѣниться въ нарѣчіи, въ обычаяхъ и въ обрядахъ религіи; но признаки кореннаго ея характера существуютъ еще такъ ясно, что критика ошибаться не можетъ или не должна.

Должно замѣтить, что въ иныхъ случаяхъ (какъ напр. въ имени города *Фегсерд*) кажется есть неписанная краткая гласная. Точно также и въ склоненіяхъ замѣтны слѣды старыхъ формъ, измѣненныхъ новыми прикладами (суффиксами). Такъ напр. слово *тедіе* (чадо), которое по большей части находится въ формѣ *тедіеме*, представляетъ форму множественнаго *тедесаме*. Склоненіе произошло въ предпослѣднемъ слогѣ и совершенное согласно съ древне-Славянскимъ (*чудо—чудеса, небо—небеса, око—очеса* и т. д). Кажется окончаніе творительнаго падежа на *м* вообще вытѣснило окончаніе именительнаго.

Чище и неприкосновеннѣе были вѣроятно сѣверныя семьи, хотя и въ нихъ, долго жившихъ среди западнаго Ирана, не могло быть той письменной и словесной чистоты, которая могла принадлежать только выходцамъ изъ Бактріи, заселившимъ пустыни, или по крайней мѣрѣ мало приходившимъ въ соприкосновеніе съ иноплеменниками.

Невольно было движеніе Вендовъ, Саковъ и Гуновъ, заселившихъ поморье Малой Азіи. Оно не слѣдовало общему закону переселенія Вендовъ на западъ. Возстаніе туземнаго начала въ Ассиріи вытѣснило ихъ въ страны, которыя уже были заселены другими семьями, выходцами изъ западнаго Ирана. Они не могли распространяться свободно по лицу пустыни, но были принуждены пробиваться черезъ горы до береговъ морскихъ и повѣрять прихотямъ вѣтра и волнъ свою дальнѣйшую колонизацію. Путь морской былъ не страшенъ Вендскому племени, вездѣ склонному къ судоходству,

и поэтому колоніи ихъ раскинулись далеко и обогнули весь западъ Малой Азіи.

Саки служили на корабляхъ Персидскихъ во времена Ксеркса. Очевидно это Сако-Гупы при-Евксинскіе, а не Бактрійскіе: но во всякомъ случаѣ смѣшно въ нихъ предполагать Финно-Турецкое племя, вѣчно чуждое мореходству.

На самой сѣверо-западной оконечности полуострова, почти у встрѣчи двухъ морей Евксинскаго и Эгейскаго, противъ области своей Ѳракійской братьи, основали новые пришельцы государство, которому суждены были недолгое существованіе и долгая память въ поэтическихъ преданіяхъ. Около XVI-го столѣтія до Р. Х. возникла Троя и скоро по своей счастливой мѣстности стала высоко надъ всѣми сосѣдними странами. Трудно сказать, не нашли ли пришельцы съ востока прежнихъ родственныхъ колоній, пришедшихъ изъ Ѳракіи: на это есть вѣроятности, но нѣтъ твердыхъ свидѣтельствъ. Также трудно сказать, не сохранилось ли въ имени миѳическаго Ассарака память объ Ассиріи, откуда изгнаны были Ванскіе властители: этимологія именъ шатка и произвольна; сходство обманчиво кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они безпрестанно повторяются цѣлыми группами (какъ *Донъ*, *Ярый Донъ*, *Венеты*, *Саки*, *Геты* и пр.). Во всякомъ случаѣ понятно скорое величіе Трои, поставленной на перепутіи двухъ материковъ и двухъ морей и опиравшей свою торговую дѣятельность на братскомъ союзѣ со всѣмъ поморьемъ Евксина и отчасти Архипелага и съ многочисленными семьями, населявшими безконечное пространство отъ границъ Ѳессаліи и цвѣтущихъ береговъ *Струмея* и Ѳракійскаго *Вепря* (Гебръ) до глубины Донскихъ степей.

Не долго цвѣла и властвовала Троя. Окрѣпнувшая Эллада, смѣсь просвѣщенія Южнаго и Восточнаго, смѣсь племени Западно-Пранскаго (*Пеласговъ*) и Славянскаго, вошедшаго въ составъ Эллинской семьи, Эллада свергла съ себя власть южныхъ народовъ (въ сказаніяхъ объ Праклѣ и

Тезеѣ) и потомъ стала отодвигать безпокойное сосѣдство сѣвернаго племени. Таковъ смыслъ сказокъ о Кентаврахъ, Амазонкахъ, побѣжденныхъ также Иракломъ и Тезеемъ, и о походѣ Аргонавтовъ, въ которомъ участвовала вся Грецiя. Были уже распри съ Троянами, какъ видно изъ разсказовъ о Лаомедонѣ; были вѣроятно причины къ враждѣ; ибо многiе властители Эллады (напр. домъ Тантала) были вытѣснены изъ Малой Азiи около времени основанiя Вендскихъ поселенiй. Случайная ссора повлекла за собою многолѣтнюю войну. Одна за одной были разрушены колонiи Троянскiя; одинъ за однимъ были побѣждены ея союзники: она должна была пасть. Ея могучiя стѣны были выстроены Посейдономъ (эмблемой морской торговли) и Аполлономъ (*Белеомъ великимъ*, покровителемъ Вендскаго племени); богатства ея были неистощимы, войска многочисленны: но область ея была мала, союзники далеки и не соединены въ формахъ государственныхъ, войска составлены изъ наемниковъ. Дружная сила воинственной Эллады восторжествовала.

Замѣчательно, что внутреннiя области Малой Азiи остались совершенно равнодушными къ борьбѣ Трои съ Греками. Не было ни кровнаго союза съ иноплеменниками, ни торговаго съ дикарями.

Чудное величiе поэзiи окружило паденiе Пергама. Преданiя собрали около него и западныхъ Ѳракiйцевъ и сѣверныхъ Амазонокъ и Мемнона, сына восточной Зари. Чудная красота семейной жизни дышетъ во всемъ, что преданiе передало Гомеру, во всемъ, что Гомеръ передалъ вѣкамъ о враждебной Троѣ. Передъ человѣческими лицами Пріама, Гекубы и ихъ дѣтей, Гектора и Андромахи, ничтожны и гнусны всѣ царственные домы Эллады; отвратительны сказанiя объ Атреѣ и его потомствѣ, обо всѣхъ этихъ герояхъ, полныхъ силы и воинственнаго огня, но заклейменныхъ дикостью и развратомъ.

Эллада, поклонница красоты, достигла въ послѣдствiи до идеи о

красотѣ духовной; великія, вѣчно-памятныя имена блестятъ въ лѣтописяхъ ея славы: но никогда ничего похожаго на семью не знавала Греція. Пусть назовутъ хоть одну: а Трояне, по мнѣнію великихъ критиковъ, должны быть Грекамъ сродни. О буквенная ученость!

Падающая Троя является въ сумракѣ древности, какъ послѣдній поэтическій образъ семейнаго быта, гибнувшаго передъ дружиннымъ насиліемъ. Въ ней слышенъ духъ кроткаго Восточнаго Ирана.

Въ самомъ Гомерѣ, поюще мъ торжество Эллады, часто плачетъ сердце, увлеченное невольною любовью. Нѣтъ сомнѣнія, что не даромъ блистала Троя въ сосѣдствѣ съ Іоніею. Ея нравы и бытовое просвѣщеніе должны были смягчить суровость Мало-Азійскихъ Эллиновъ. Многое въ Иліадѣ обличаетъ знакомство съ миоами, принадлежащими Славянскому міру. Свѣтловласый Аполлонъ, стрѣлометатель, благодѣтель міра, никогда не являлся съ такимъ величіемъ у другихъ поэтовъ Греціи. Можно угадать близость Троады и Ликіи отъ родины Гомера. Даже имя его Беленъ было извѣстно по темному преданію; но оно приняло форму Эллинскую (придыханіе) и придано вдохновенному жрецу, любимцу Аполлона. Еще разительнѣе миоъ о поясѣ Венеры. Его чудная сила часто воспѣвается въ Иліадѣ: но въ описаніи его есть (не смотря на истинную красоту и дѣтское поклоненіе критиковъ) затѣйливость и натянутая иносказательность, совершенно чуждыя первобытной поэзіи и еще болѣе первобытной миоологіи. Тутъ явно былъ миоъ, но онъ забытъ и замѣненъ произвольнымъ остроуміемъ. Этотъ поясъ былъ нѣкогда богинею Радугою, живымъ поясомъ великой *Прiи-Лаймы* (то же, что *Пріа-Лакшми* у Индустанскихъ Вишнуитовъ), богини Сѣвера, о которой и теперь еще помнятъ западные Славяне. Ирида вытѣснила Радугу: но память о чудномъ поясѣ сохранилась и простодушіе древняго миоа скрылось въ затѣяхъ поэтической фантазіи.

Съ паденіемъ Трои около 12-ти вѣковъ до Р. Х. расторгся союзъ Вендовъ Мало-Азійскихъ. Они были истреблены или поглощены мало-по-малу напоромъ другихъ народовъ. Долѣе всѣхъ сопротивлялась Ликія, но и та переполнилась

чуждыми стихіями и мало сохранила характера первобытнаго. Быть можетъ, странный обычай называть сына не по имени отца, а по имени матери (нигдѣ впрочемъ не встрѣчаемый у Славянъ) остался свидѣтельствомъ о важности женщины въ древней Славянской общинѣ и объясняетъ, почему такъ часто другіе народы олицетворяли племя Бактрійское въ видѣ царицы (*Томирисъ*, *Семирамида*, *Царино* и др.) или Амазонки.

Мы уже сказали, что одни только Славяне имѣютъ свои преданія о владычествѣ женщинъ. *Власта* и *Любуша* Чешскихъ сказокъ, царь-дѣвица и разъѣзжая дѣвица Русскихъ сказокъ совершенно самобытны.

Но Ликія въ позднѣйшее время также погибла безъ слѣдовъ, оставивъ только память о себѣ въ рѣзныхъ гробницахъ, да въ Эзопѣ, рабѣ-поэтѣ, полномъ мудрости бытовой и отзвуковъ дальняго Востока. Переселеніе Вановъ Ассирійскихъ имѣло, вѣроятно, большее вліяніе на сѣверъ, гдѣ многіе миѳы, быть можетъ перенесенные ими, срослись съ народною вѣрою, но все еще указываютъ на колыбель свою, междурѣчіе Тигра и Евфрата (таково между прочимъ поклоненіе пѣтуху, изображенію бога войны). Величіе Трои отозвалось во всѣ семьи западныхъ Славянъ, гордившихся родствомъ съ нею, а паденіе ея перекинуло колонію бѣглецовъ къ берегамъ Тибра, гдѣ они выстроили Бѣлый городъ (*Альба-Лонга*) и зародили будущій Римъ.

Послѣ побѣды надъ Вендскими семьями, Эллинскіе колонисты заняли ихъ прекрасную область, поморье Архипелага, и положили начало новому просвѣщенію, которое добромъ и зломъ отозвалось во всей послѣдующей исторіи человѣчества. Варварскіе народы, одичавшія семьи Западнаго Ирана и колоніи Кушитскія изгладили слѣды Славянскихъ поселеній на южномъ прибережьѣ Евксина: но это завоеванье осталось безплоднымъ и развѣ въ позднѣйшее время нѣкоторое родство племенное отозвалось въ союзѣ при-Донскихъ Скиѳовъ (Славянъ) съ царствомъ Митридата Понтійскаго. Не такова была встрѣча

благородной семьи Эллинской съ представителями восточнаго Ирана, принесшими съ собою начала кроткаго человѣческаго быта и человѣческаго чувства и стремленіе къ просвѣщенію, но принесшими въ то же время и сказочное человѣкообразіе въ вѣрѣ и сѣмена разврата, полученныя ими въ областяхъ при-Евфратскихъ. На той землѣ, гдѣ Эллины встрѣтились съ восточными пришельцами, зачалась будущая Эллада. Уже давно съ юга проникли въ нее начала религіи Кушитской, то темной и заклинательной, то буйно-вещественной, то художественной и строительной; давно съ востока былъ приливъ огнепоклонства и духовности (олицетворенныхъ особенно въ мѳахъ о Персеѣ и его темносвѣтломъ копѣ и о Персеевомъ потомкѣ Ираклѣ); давно отъ Ѳракіи и пѣвучихъ береговъ Славянскаго Гебра и Стримона звуки поэзіи (въ Орфеѣ и Линѣ) стали пробуждать дремлющую искру словесныхъ искусствъ въ груди воинственныхъ народовъ Греціи: полное ея развитіе, стройное, могучее, плодотворное началось въ новозавоеванныхъ ею странахъ на западномъ берегу Малой Азіи. Подъ вѣчно-яснымъ небомъ Іоніи Гомеръ или Гомериды возвели сказку и преданіе до величія эпоса; въ Милетѣ родилась философія и исторія.

Споръ о Гомерѣ и Гомеридахъ давно уже рѣшенъ внутреннимъ сознаніемъ художниковъ. Для нихъ явно единство духа въ Иліадѣ, явно въ Одиссеѣ, хотя тождество сочинителей обѣихъ поэмъ весьма и весьма сомнительно. Трудно, даже невозможно, чтобы пѣвецъ Иліады не сказалъ въ Одиссеѣ хоть слово любви о герояхъ своей бурной молодости; трудно, чтобы онъ не оглянулся на великіе образы, начертанные имъ въ дикомъ Ахиллѣ, типѣ Греціи до ея умственнаго просвѣтлѣнія, или въ чудномъ сынѣ Пріама, которому въ позднѣйшее время такъ живо сочувствовалъ рыцарскій Западъ Европы. Каждая изъ этихъ поэмъ очевидно создана въ полнотѣ своей однимъ творцемъ. Рапсоды много измѣнили, много исказили: крохоборной критикѣ не удастся, къ несчастію, возстановить древняго подлинника; но онъ живетъ и высится въ душѣ поэтически настроеннаго читателя.

Никто изъ ученыхъ не замѣтилъ обстоятельства, достойнаго замѣчанія: включенія Скиоа Анахарсиса въ число Греческихъ мудрецовъ. Ни одинъ народъ, кромѣ Скиѳовъ, не далъ представителя своего въ Греческую нравственную науку. Конечно это случайность: точно такая же, какъ основаніе главныхъ святилищъ богу просвѣтителю (Аполлону) Гиперборейцами, какъ Ѳракійское происхожденіе Орфея, какъ Ликійская родина Эзопа, или путешествіе Скиоа Абариса на золотой стрѣлѣ данной Аполлономъ, или развитіе Греческаго искусства въ Малой Азіи, въ земляхъ полу-Венедскихъ. Не мѣшаетъ тоже замѣтить, что древнѣйшая Эллинская философія, школа Ѳалеса, низвела высшій символъ восточнаго Ирана на степень перваго космогоническаго начала или главнаго философскаго, полу-мистическаго символа.

Около того времени, какъ падало царство Вано-Ассирійское и вліяніе Ирана на Африку прекращено было возстаніемъ новой династіи, основанной въ древнихъ Ѳивахъ, пробужденныя силы племенъ Кушитскихъ стали дѣйствовать на юго-восточную Европу. Почти въ одно время колонія съ береговъ Нила пристала къ Пелопонесу и выходцы изъ Финикіи принесли въ Беотію и на юго-западные берега свое просвѣщеніе, свою религію и свою полугласовую письменность. Еще прежде отозвалось ихъ вліяніе въ горномъ Критѣ, принадлежащемъ по своему населенію однимъ и тѣмъ же началамъ съ Элладою: но въ скоромъ времени мѣстное племя, принявъ въ себя южное просвѣщеніе, освободилось отъ чужеземнаго ига и распространило свою власть на берега Эллады, вступая въ частыя и счастливыя борьбы съ туземцами и съ колоніями Финикіи. Первые шаги Кушитовъ обозначились художественно-строительнымъ направленіемъ, смѣлыми трудами гидравлики, темными обрядами пещерныхъ таинствъ и введеніемъ вещественно-символической религіи. Быть можетъ, еще грознѣе, кровожаднѣе и таинственнѣе была религія Критскихъ выходцевъ: но въ то же время въ ней болѣе было склонности къ человѣкообразію, развившемуся въ позднѣйшее время отъ сказочнаго характера сѣверныхъ религій, и болѣе было стремленія къ началу духовному и просвѣтленію мысли. Финикія во многомъ запечатлѣла слѣдъ свой въ Критѣ; въ преданіи о лабиринтѣ замѣтно нѣкоторое вліяніе Египта; но еще сильнѣе и важнѣе сродство Критянъ съ жителями Малой Азіи, Пранцами, принявшими въ глубокой древности Кушитское искаженіе, но не вполнѣ забывшими духовное начало Ирана, не смотря на свирѣпость вѣры,

Вліяніе Египта и Финикіи на Грецію, Критъ и Ѳивы.

слѣдствіе упорной борьбы, и на вкравшееся поклоненіе органической природѣ. Не въ Критѣ зародилась Эллада, но что-то похожее на духъ ея будущаго развитія вылетѣло съ Дедаломъ изъ темнаго плѣна Критскаго лабиринта.

Изъ областей Греческихъ первая выступаетъ на историческое поприще Беотія. Много сказаній передано намъ древними писателями о Пелопоннесѣ, Аттикѣ и Оессаліи: но средоточіе древней миѳической исторіи было въ Ѳивахъ, городѣ, получившемъ свое начало и имя отъ чистыхъ Кушитовъ Египта, перешедшемъ въ послѣдствіи въ руки Финикійскихъ колонистовъ и основавшемъ свое раннее значеніе на синкретизмѣ вѣры, на вещественномъ образованіи и на большей строгости государственнаго устройства.

Преданія о Ѳивахъ соединяютъ въ себѣ память о великихъ зданіяхъ, о крѣпостяхъ, о стройной жизни, объ искусствахъ въ ихъ низшемъ, вещественномъ значеніи и о царяхъ, носящихъ на себѣ полужреческій характеръ Востока, а не патріархальный характеръ другихъ Греческихъ царей. Лаій и Эдипъ не то, что Тезей или Кодръ. Въ нихъ виденъ не *анаксъ*, а *тиранносъ*. Исторія Ѳивъ до сихъ поръ не совсѣмъ понята въ наукѣ.

Вліяніе Ѳивъ было весьма сильно; изъ нихъ истекла большая часть чисто Кушитскихъ стремленій въ Элладѣ; около нихъ движется вся лѣтопись ея сказочныхъ временъ отъ Кадма до Тезея, съ которымъ начинается новая эра жизни. Побѣда Тезея надъ Ѳивами, какъ его же побѣда надъ Минотавромъ, опредѣляетъ освобожденіе Греціи отъ Египто-Финикійскаго міра и отъ перевѣса предпріимчивыхъ Критянъ. Имъ открываются историческіе вѣка Эллинской самостоятельности и кончается исключительное преобладаніе южной стихіи, воплотившейся въ Ѳивахъ.

Колонія Финикійская (*Кадмъ*) не основала Беотійской столицы; но заняла городъ, уже основанный Египтянами и носящій имя Кушитскаго бога (*Шива*, перешедшее въ *т* съ придыханіемъ и соотвѣтствующее по самимъ Эллинамъ име-

ни Юпитера: *Онвы-Діосполисъ*); Финикійцы же основали крѣпость, извѣстную подъ именемъ Кадмеиды, основали твердое государство и возвысили политическое значеніе города. Названія городскихъ воротъ указывали даже и въ позднѣйшее время на свое восточное происхожденіе, между прочимъ имя воротъ *Онки* никогда не было измѣнено Эллинами.

Онка, богиня Сирійскаго поморья, едва ли не та самая, которая въ послѣдствіи смѣшалась въ одно цѣлое съ *Нейѳъ* Египетскою и названа была Эллинами *Аѳиною Тритонійскою*. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ Минервы Этрусской кажется можно разобрать слово *Онка*. Съ другой стороны та же Минерва представляется съ Дельфиномъ на щитѣ и этимъ напоминаетъ *Деркето* Финикійскую. Очевидно, что многобожіе составилось изъ разнообразныхъ изображеній и символовъ двухъ полярныхъ силъ, мужеской и женской; а позднѣйшее невѣжество приняло всякое изображеніе и имя за нѣчто отдѣльное и божественное. Потомъ эти отдѣльныя божества снова сливались одно съ другимъ въ эпоху устроенія синкретизма и чиноположенія народныхъ пантеоновъ. Безполезно бы было слѣдить за ходомъ Кушитскихъ религій: но должно замѣтить, что вездѣ онѣ сопровождались борьбою между поклонниками силы мужской, живительной и женской, воспріемлющей. Это же самое можно отчасти замѣтить въ миѳѣ о Тирезіасѣ, рѣшающемъ споръ между Юпитеромъ и Герою: но Греція склонилась въ пользу болѣе духовнаго, мужскаго начала, и темная казуистика съ Эллинскимъ воззрѣніемъ на этотъ вопросъ отзывается въ тяжбѣ между истцемъ—*Эринніями* и отвѣтчикомъ—*Орестомъ*.

Пелазги и Эллины.

Не безлюдную пустыню нашли южные колонисты въ странѣ Беотійской. Главное населеніе Эллады состояло изъ Пелазговъ, семьи Западно-Иранской: по имена многихъ мѣстностей, преданія о приходѣ сѣверныхъ семей на югъ и разсказы о движеніи племенъ, не принадлежащихъ къ Пелазгамъ и предшествовавшихъ Эллинскому нашествію, заставляютъ думать, что между Пелазгами уже жили колонисты

Ѳракійскіе, принадлежащіе восточной Иранской вѣтви народовъ.

Съ ними соединяются сказки о *Вакхѣ*, сынѣ *Семелы* (земли), о Семелѣ Беотійской, богинѣ земли, и другія тому подобныя. Должно замѣтить, что Персефона (иначе Просерпина) принадлежитъ тѣмъ же земледѣльческимъ полу-сказкамъ, полу-загадкамъ и что она представляетъ то пшеницу, (*Просерпина* - просящая), то самую землю и въ этомъ смыслѣ называется матерью Вакха Аонскаго. Должно строго отличать сказочнаго Вакха (вино), отъ Вакха Діонисова чисто-космогоническаго. Послѣдній принадлежитъ одной и той же системѣ съ Эрміемъ, а первый относится къ системѣ Ареса и Аполлона, враговъ Эрмія. Колонисты Восточно-Иранскіе далеко проникали на югъ Эллады и древнѣйшее до-Эллинское поклоненіе Аполлону Ликію, названіе Геликонъ и пр. относятся къ нимъ.

Сильное броженіе племенъ началось во всѣхъ приморскихъ областяхъ Греческихъ отъ встрѣчи туземцевъ съ ихъ южными просвѣтителями. Нестройная борьба и кочевая жизнь обозначила пробужденіе испуганныхъ Пелазговъ и ихъ мирныхъ сосѣдей, сѣверныхъ переселенцевъ. Впрочемъ Финикійцы и Критяне вообще поступали жесточе, чѣмъ Египтяне и встрѣчали большее сопротивленіе. Аѳины, принявшія имя свое отъ Салеской богини, никогда не помнили зломъ своихъ основателей. По всей вѣроятности земля уже была заселена выходцами изъ Ѳракіи, водопоклонниками: они, какъ видно изъ спора Посейдона съ Аѳиною, мирно уступили первенство просвѣщеннѣйшимъ Кушитамъ, поклонникамъ *Нейоѳ* и *Фоа* (*Аѳины* и *Ифеста*), и тѣ кротко пользовались мирно пріобрѣтенными правами. Поклоненіе женскому началу преобладало въ Аттикѣ. Его первенство выражается уничиженіемъ Ифеста и его грубою, презрѣнною любовью къ Аѳинѣ. Критяне въ послѣдствіи поработили Аттику; но недолго продолжалось ихъ свирѣпое владычество. Между тѣмъ начало полнаго синкретизма религіознаго приготовлялось смѣшеніемъ племенъ. Сѣверный Вакхъ и Эпирскій Праклъ

завоевали себѣ мѣсто въ Олимпѣ Беотійскомъ. Изгнанныя съ юга семьи выжимали сѣверныя семьи изъ Θессаліи, и сѣверныя снова завоевывали себѣ мѣсто на югѣ: но для гармоніи, для единства и для жизни народной недоставало одного первенствующаго племени.

Около XVI-го столѣтія до Р. Х. поднялась воинственная семья Эллиновъ. Она по всѣмъ сказаніямъ была въ сродствѣ съ сѣверными Θракійскими семьями; съ сѣвера шли они на южную Грецію, были поклонниками Аполлона (отъ этого назывался онъ *Патроосъ*), принадлежали къ племени бѣлокурому, не имѣли далекихъ и отдѣльныхъ преданій, точно также какъ и особаго характера религіознаго. У нихъ не было исконнаго средоточія, изъ котораго истекали бы ихъ переселенія, или бытоваго единства, которое свидѣтельствовало бы объ единствѣ коренного начала. Все въ ихъ первоначальномъ появленіи, въ ихъ завоевательномъ движеніи и въ ихъ почти вездѣ двойственныхъ сказаніяхъ, указываетъ на племя пограничное и мѣшанное. Собственныя жилища, въ которыхъ мы позднѣе находимъ одноименную съ ними семью Гелловъ (или Селловъ), точно также какъ область, изъ которой тронулись завоеватели, по сказаніямъ ихъ же лѣтописцевъ—сѣверная Θессалія, составляли границу, на которой встрѣчалось Восточное Ведское племя съ Западно-Прапскими Пелазгами. Обѣ стихіи соединились въ Эллинской семьѣ. Пограничная жизнь придала имъ воинственность; сильное броженіе южной Греціи пробудило ихъ дѣятельность; вліяніе иноземное и послѣдовавшій за нимъ союзъ доставили имъ повсемѣстное торжество.

Лице Геллена, мнимаго колѣноначальника исчезаетъ передъ здравою критикою. Имя народа останется всегда загадочнымъ.

Быть можетъ, въ немъ есть нѣкоторое сродство съ прозвищемъ Аполлона у Славянъ, *Беленъ*, по Эллинскому придыханію *Геленъ*; и тогда *патроосъ* относилось бы къ патронимическому имени, что довольно вѣроятно.

Сильнѣе выдаются лица отца его *Девкаліона* и его родоначальника *Прометея*. Это имя рѣшительно обозначаетъ Пранское начало, въ смыслѣ племенномъ и религіозномъ, (по характеру духовному, возстанію противъ законовъ необходимости и мессіаническимъ обѣщаніямъ). Впрочемъ имя Прометея не объясняетъ вполнѣ родины Эллиновъ, хотя указываетъ на горныя Западно-Азійскія страны, и даже, кажется, не имѣетъ никакого прямаго отношенія къ ихъ родовому началу. Имя его внука, *Амфиктіона*, имѣетъ большую опредѣлительность историческую, по его значенію въ послѣдовавшемъ союзѣ Эллады.

Съ самаго начала семья Эллиновъ является раздѣленною на нѣсколько отраслей: но ихъ всѣхъ можно соединить подъ великими именами—западныхъ *Дорійцевъ*, отличавшихся дикою воинственностію и создавшихъ силу Лакедемона, и восточныхъ *Іонійцевъ*, принявшихъ уже начала человѣческаго просвѣщенія и основавшихъ всю лучшую, художественную и духовную славу Эллады. Другія отрасли представляютъ только большее или меньшее уклоненіе отъ этихъ двухъ рѣзкихъ характеровъ. Прибытіе иноземной дружины, къ которой примкнули Эллины, положило основаніе союзу.

Свидѣтельство о томъ, что Амфиктіонъ привелъ съ собою Куретовъ и Лелеговъ, принадлежитъ довольно поздним писателямъ: но поздніе весьма часто черпали изъ древнѣйшихъ или изъ сказаній народныхъ, и ихъ показанія не должны быть отвергнуты, когда они согласуются съ общностію историческаго развитія.

Соединенныя силы племени двинулись къ югу Была мѣстная борьба, былъ въ иныхъ мѣстахъ удачный отпоръ, но вообще торжество было полное. Съ этимъ торжествомъ начинается Эллада, но Эллада не просвѣтленная, а только готовящяяся къ просвѣтленію.

Союзъ Эллинскихъ народовъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ формъ. Взаимныя ихъ обязанности не были ясно обо-

значены; не было общаго суда или собранія ихъ представителей. По крайней мѣрѣ ничего подобнаго не находимъ въ вѣкахъ историческихъ. Союзъ существовалъ только въ сознаніи единства племеннаго, въ тождествѣ вѣры, которая впрочемъ была уже ничто иное, какъ безсмысленный синкретизмъ, и въ единствѣ политическихъ выгодъ. Судъ Амфиктіоновъ, который безспорно имѣлъ въ своемъ основаніи болѣе государственное значеніе, не долго сохранялъ свою важность. Онъ существуетъ болѣе какъ многозначительное преданіе объ условномъ и правильномъ союзѣ, чѣмъ какъ фактъ историческій. Самобытная жизнь отдѣльныхъ областей скоро изгладила всѣ слѣды обще-государственнаго устройства. Эллины остались связанными между собою только слабымъ союзомъ кровнаго братства, который встрѣчаемъ мы въ позднѣйшее время у при-Балтійскихъ Славянъ въ ихъ борьбѣ съ Германіей, или у Американскихъ туземцевъ въ ихъ войнахъ противъ Англійскихъ колонистовъ. Такая разъединенность способствовала можетъ быть умственному развитію народовъ Эллинскихъ; но не могла дать Элладѣ долгаго владычества надъ иноземными племенами. Впрочемъ должно признать, что чувство кровнаго родства сильнѣе связываетъ между собою семьи завоевательныя, чѣмъ осѣдлыя и мирныя. Злыя страсти въ душѣ человѣческой ведутъ къ мудрости житейской и государственной (въ ея вещественномъ значеніи) скорѣе, чѣмъ добрыя. Побѣдители становятся надъ побѣжденными, какъ существа высшія предъ низшими, и цѣлый народъ принимаетъ характеръ аристократіи, сомкнутой въ одно цѣлое чувствомъ глубокаго презрѣнія ко всему инокровному и гордаго поклоненія самой себѣ. Оттого-то Эллины признали только въ мірѣ одно раздѣленіе на Эллиновъ и Варваровъ; оттого-то они соединялись легко и скоро для отпора чужеземцамъ или для мщенія за общую обиду. Впрочемъ, такое чувство кровнаго и естественнаго превосходства предъ всѣми другими племенами, противное разуму и человѣчеству, даетъ народу чудныя силы для достиженія высокихъ цѣлей и украшаетъ его блескомъ

ложнаго величія, хотя оно въ то же время искажаетъ его внутреннюю природу.

Въ этомъ ходѣ мысли и страсти заключается значеніе Германскихъ племенъ и ихъ историческое всемірное величіе: но простота человѣческая выше всякаго случайнаго напряженія, возбужденнаго гордыми и своекорыстными страстями. Въ ней одной живетъ возможность развитія безконечнаго. Грецiя, принявшая всесильное христіанство, погибла отъ того же начала, которому обязана была своимъ древнимъ величіемъ. Византіецъ не могъ вырваться изъ тѣсныхъ оковъ своей мѣстной гордости и освободиться отъ гибельнаго наслѣдства Эллады и Рима. Правый судъ совершился надъ Византіею.

Беотія, издавна принявшая государственныя формы, стала мало-по-малу упадать, по мѣрѣ укрѣпленія другихъ Греческихъ областей. Пелопоннесъ получилъ новыя силы и новую жизнь отъ прилива стихіи Мало-Азійской, принесшей съ собою богатства и образованность. Домъ Танталовъ изъ семьи Западно-Иранской, по своему племенному началу не совсѣмъ чуждой Эллинамъ и Пелазгамъ, но получившій уже отъ Кушитскаго и Ассирійскаго міра высшее просвѣщеніе, переселился въ Арголиду и далъ ей временный перевѣсъ надъ всѣми сосѣдями. Темная и кровожадная вѣра, возникшая изъ борьбы Кушитовъ и Иранцевъ, положила свою печать на потомковъ Пелопса. Въ нихъ слышны отзывы Сиріи и Финикіи и горныхъ племенъ Мало-Азійскихъ. Солнце Эллады отступало, глядя на ихъ мерзостные пиры. Но съ другой стороны, народы юго-западной Азіи, развращенные вѣковыми войнами и смѣшеніемъ съ Кушитами, далеко превосходили своихъ одичавшихъ Европейскихъ братій во всѣхъ отрасляхъ вещественнаго знанія, въ искусствахъ и въ навыкѣ къ государственному быту. Ѳивы померкли предъ Аргосомъ: но еще выдержали одну успѣшную борьбу въ войнѣ о наслѣдствѣ Эдипа. Послѣдній ударъ былъ нанесенъ имъ Аттическими Іонійцами. Впрочемъ оба нападенія на Ѳивы носятъ на себѣ характеръ двоякій: суда всего племени надъ

отдѣльною семьею и спора между двумя народными стихіями. По всѣмъ примѣтамъ Беотія была еще не вполнѣ эллинизована, но принята въ союзъ Эллиновъ, не осиливши ихъ ея первоначальнаго сопротивленія.

Тезей въ отрасли Іонійской представляетъ лице почти столько же важное, какъ Праклъ въ отрасли Дорійской, но имѣетъ характеръ гораздо болѣе историческій. Мы уже сказали, что его вѣкъ есть вѣкъ освобожденія отъ напора сѣвернаго и отъ преобладанія Ѳивъ: съ нимъ связываются уже споры Аттики съ Пелопоннесомъ и стремленіе Іонійцевъ къ равенству съ ихъ Дорійскою братьею. Аѳины, мирно принявшія южное просвѣщеніе, приняли безъ сопротивленія Эллинское населеніе, и родъ древнихъ царей (змѣеногаго Кекропса) замѣняется новымъ, болѣе воинственнымъ. Впрочемъ вмѣстѣ съ Эллинами входятъ въ Аттику и Ѳракійскія семьи, хлѣбопашественныя, съ которыми отчасти связаны таинства Элевзинскія и, можетъ быть, самый бытъ страны, менѣе дикой, чѣмъ вся остальная Эллада и болѣе склонной принять словесное просвѣщеніе и сказочную поэзію полу-Вендскаго берега Малой Азіи.

Внутренній характеръ Эллинской жизни. Религія Эллиновъ.

Эллада основана дружиною, и вся ея исторія, все ея законодательство запечатлѣны этимъ кореннымъ началомъ. Ея высшее таинство, высшій и чистѣйшій символъ ея единства были не во храмѣ, не въ судѣ, не въ совѣтѣ, но въ воинственныхъ играхъ. Первобытный характеръ Эллиновъ обличается весь въ святынѣ Олимпійскихъ боевъ.

Объ нихъ много писано и археологи не мало рылись въ благородной пыли древняго ристалища, одного не отрыли—значенія самыхъ игръ. Они кажется и не видятъ, что они нигдѣ не существовали кромѣ Эллады, и что это что-нибудь да значитъ.

Дружинное устройство замѣтно во всѣхъ Эллинскихъ областяхъ: но оно болѣе преобладаетъ въ области Дорійской, чѣмъ въ Іонійцахъ, отъ тоголи что Іонійцы приняли бо́льшую смѣсь чисто-Славянскихъ, т. е. Ѳракійскихъ и Мало-

имѣющаго восторжествовать надъ смѣсью необходимости и произвола, олицетворенпаго въ Эллинскомъ Олимпѣ, проникло весьма слабо въ Элладу. Главная же стихія религіи было уже Пранство искаженное въ сказочное человѣкообразіе и принесенное изъ Ѳракіи и изъ земель Славянскихъ. Изъ его смѣшенія съ искаженнымъ Кушитствомъ составился пантеонъ Греціи, въ которомъ художество пластическое (Куша) и сказочный характеръ Славянскихъ народовъ развилъ начало поэзіи во всѣхъ ея формахъ, словесныхъ и вещественныхъ.

Трудно и почти невозможно отдѣлить первобытные миѳы Эллиновъ отъ прививныхъ, полученныхъ ими съ юга. Одно только не подвергается сомнѣнію: это то, что *Эрмій*, *Вулканъ*, *Діонизосъ*, *Ира* и особенно *Аѳина* (истинная владычица позднѣйшей Эллады) не принадлежали вѣрѣ первыхъ выходцевъ Иллиріи и Ѳессаліи. *Аполлонъ*, *Діана*, *Аресъ*, *Океанъ* были божествами сѣвера и первыми предметами поклоненія воинственныхъ пришельцевъ. Всѣ они были вытѣснены началомъ южнымъ, точно также какъ и грамотность сѣверная была вытѣснена южною, оставивъ только слабые слѣды въ сходствѣ съ буквами Ликіи и Этруріи и въ направленіи письменъ съ лѣва на право.—*Афродита* и *Зевсъ* принадлежали равно Ѳракійскому и южному началу, хотя Афродита болѣе Зевса сохранила свои первоначальныя примѣты. Водопоклоненіе положило печать свою на всѣ стихіи, происходящія отъ сѣвера. Правда, что южный Посейдонъ издалъ древнѣйшую форму—Океана; но лице Океана высится надъ миѳами первобытными и обнимаетъ ихъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ. Самъ Зевесъ по своему сѣверному началу находится въ какой-то зависимости отъ Океана. Аполлонъ и Діана (солнце и мѣсяцъ, дѣти *Лѣта*, т. е. года) родятся на островѣ; Венера выходитъ изъ морской волны. Миѳологія первобытная, не воскресимая въ своихъ подробностяхъ, возстаетъ въ своемъ общемъ объемѣ. Это поклоненіе *Дію*, богу всемірному, живущему въ небесахъ, владыкѣ всѣхъ стихій, преобразуемому особенно водою, и

Азійскихъ стихій, или отъ того, что они поселились въ странѣ, уже населенной народами образованными (Аттикѣ и Іоніи). Развитіе религіознаго начала, искаженнаго синкретизмомъ въ самой основѣ своей, происходило безсмысленно и беспорядочно. Космогонія не имѣла никакого притязанія на объясненіе міровой загадки. *Ураносъ* и *Кроносъ* (быть можетъ, пространство и время, если только можно дать какой нибудь смыслъ миѳамъ, утратившимъ свое первобытное значеніе) уступаютъ свое мѣсто человѣкообразному Зевсу, въ которомъ олицетворяется не воля разумная, но произволъ человѣческій. Впрочемъ самъ Зевесъ, владыка видимаго міра, подчиненъ другому, высшему закону необходимости. Такимъ образомъ Кушитское поклоненіе легло въ основу Эллинской религіи и отсутствіе религіозной поэзіи въ поэтической Элладѣ объясняется само по себѣ. Молитва была заклинаніемъ и ничѣмъ инымъ быть не могла.

Это доказывается словами Аякса въ Иліадѣ. Онъ говоритъ: «молитесь тихо, чтобы Трояне не подслушали и не переняли вашей молитвы.» Душевнаго голоса, изливающагося въ духовной молитвѣ, Эллада не знала.

По всей вѣроятности, первоначальный союзъ былъ связанъ единствомъ религіознымъ. Амфиктіоны, главы его, утратили со временемъ всю свою политическую важность и сохранили значеніе свое только какъ судьи по дѣламъ храмовъ и ихъ собственности. Священныя войны, начавшіяся по приговору древняго судилища, обличаютъ первобытную основу, скоро потерявшую важность свою передъ губительнымъ вліяніемъ синкретизма. Но самыя составныя части Эллинскаго синкретизма были таковы, что онъ не могъ сохранить мыслительной глубины синкретизма Индустанскаго. Кушитство было уже не чистое, ибо оно распространилось въ Греціи послѣ предварительной борьбы и смѣшенія въ Финикіи, Сиріи и самомъ Египтѣ. Правство, выражающееся отчасти въ Персеѣ, и рѣзко высказывающееся въ Кавказскомъ Прометеѣ, пророкѣ свободы человѣческой и нравственнаго закона,

Діонъ-Афродитъ, его дочери-подругѣ поклоненіе *Аполлону*, *Белену* великому, котораго главный символъ солнце, и *Діанъ* трехцарственной, изображаемой луною, наконецъ *Океану* всеводному, отцу рѣкъ и морей.

Аполлонъ есть очевидно не высшій богъ, но посредникъ и хранитель міра. Онъ соотвѣтствуетъ *Митрѣ*, *Тору*, второму *Велу* (Ваалу) и несправедливо отдѣленъ отъ *Геліоса* (отъ корня *велій*, также какъ и Велъ), который, какъ солнце, былъ его эмблемою. *Діана* трехцарственная была также божествомъ первостепеннымъ, хотя никогда не оспаривала первенства у бога всемірнаго. Ея значеніе, какъ богини подземной, находится въ самой ея эмблемѣ (лунѣ), не только по измѣнчивости свѣтила, но по его двурогой формѣ. Это обстоятельство, до сихъ поръ не понятое ни древними, ни новыми критиками, объясняется вполнѣ памятниками Ликійскими. Гробницы вершатся рогами быка (не мѣсяца, ибо видны уши и клокъ шерсти между роговъ). Съ другой стороны, на храмахъ часто представляется бой льва съ быкомъ. Символъ ясенъ. Левъ, начало небесное, пожираетъ быка, эмблему земнаго. Трофей—рога, оставшіеся отъ побѣжденнаго быка, обозначаетъ побѣду небеснаго и истребленіе земнаго вещества. Вотъ одна изъ причинъ, почему Діана должна быть тождественною съ Гекатою, и вотъ смыслъ, до сихъ поръ незамѣченный, быка въ религіяхъ Прапскихъ. Въ немъ соединены покорность и безсмысліе всего вещественнаго, чисто-земнаго, и его смерть есть во всякомъ случаѣ торжество духа. Глубокая мудрость древняго Прана еще слышится въ искаженныхъ вѣрованіяхъ позднѣйшаго времени; но она уже переплелась съ веселою, дѣтскою сказкою и утратила смыслъ свой для отупѣвшихъ народовъ. Истинная же колыбель сказочнаго міра есть область Славянская и всѣ миѳы чисто-Эллинскіе носятъ ея характеръ. Такъ въ Вакхѣ, сынѣ *Діи* и *Семелы* (земли) видѣли мы загадку Вендовъ, винодѣлателей; такъ въ разсказѣ о *Ніобѣ* видимъ такую же сказку о небѣ (по произношенію нѣкоторыхъ Славянскихъ семей ніобо) и о множествѣ дѣтей его—звѣздъ: пронзенныя стрѣлами солнца и мѣсяца, т. е. пригвожденныя къ мѣсту, онѣ лишились свободнаго, отдѣльнаго движенія—жизни, и мать, наказанная за гордость, льетъ потоки дождей и слезы росы.

Такова древняя религія сѣверныхъ пришельцевъ Эллиновъ. Она средоточится, въ отношеніи къ миву, около Славяно Иранскаго *Аполлона*, *Белена* прародительскаго (*патроосъ*), великаго (*ликіосъ*) или веліяго (*геліосъ*), бога пѣсенъ и врага змѣи (*пивіосъ*), а въ отношеніи къ внѣшнему обряду и къ общественному союзу, около древняго храма Аполлона у подножія горы великой (Геликонъ). Вотъ истинный слѣдъ первобытной Эллады.

Едва ли слово *Дельфы* не имѣетъ одного корня съ словомъ *адельфосъ* и не значитъ братовщина. Прибавимъ, что, не смотря на сказочность, религія Аполлона чисто-Иранская. Съ нею вѣроятно связывалось въ древности сказаніе и о Персеѣ. По крайней мѣрѣ общая у нихъ принадлежность—крылатый *Пегазъ* (отъ *пѣгой*) темно-свѣтлый конь, эмблема видимаго міра, раздѣленнаго между днемъ и ночью, и невидимаго, раздѣленнаго между зломъ и добромъ. Этотъ миоъ принадлежалъ безъ сомнѣнія Вендамъ Ликійскимъ, у которыхъ два города носятъ названіе *Пегаза* (или Педаза), *Фегазгердъ* (Пегазградъ). Какъ принадлежность бога пѣсенъ, не имѣетъ ли онъ чего общаго съ общимъ началомъ всѣхъ Русскихъ сказокъ: «начинается сказка отъ сивка отъ бурка и пр.»; «поднимается конь выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго» и т. д. Это введеніе въ сказку весьма загадочно и явно кроетъ свой источникъ въ мірѣ до-христіанскомъ.

Не надолго уцѣлѣло вѣрованіе, принесенное Эллинами изъ своей родины. Критскій *Зевсъ*, переродокъ изъ Шивы Кушитскаго, скоро слился съ высшимъ богомъ *Діемъ*; *Авина* (*Нейвъ* Египетская, *Онка* Спрійская) откинула на вторую степень Аполлона, покровителя предковъ; великая мать, *Кивела* Мало-Азійская, *Ира*, *Эрмій*, *Ифестъ* и другія божества, которыя никогда не имѣли поклонниковъ на сѣверѣ и даже по сказаніямъ о рожденіи принадлежатъ исключительно югу, составили новый безчисленный Олимпъ. Наконецъ Кушитство высказалось вполнѣ въ Діонизосѣ, котораго миѳы слились съ чуждыми ему сказками о Ѳракійскомъ Вакхѣ. Синкретизмъ образовался во всей своей полнотѣ. Космогони-

ческое ученіе, нравственный и философскій миѳъ, астрономическая сказка, преданіе, затѣйливая загадка, все смѣшалось и перепуталось. Древнее, кажется, чистое и духовное вѣрованіе Пелазга, глубокомысленное, но вещественное ученіе Кушитовъ, человѣкообразная, младенческая религія Славянъ слились въ одно. Начало Кушитское торжествовало, ибо оно одно только терпитъ смѣшеніе: строго исключительный характеръ Ирана погибъ. Необходимость, не выраженная уже ясно символомъ органической двойственности, но сокрывшаяся въ безсмысленномъ имени Судьбы (*ананке*), проникла собою весь міръ надземный и весь міръ земной. Идея мудрости стройной, гармонической и вещественной въ лицѣ Аѳины, сдѣлалась главнымъ божествомъ,—покровителемъ Греціи, вмѣсто змѣегонителя Аполлона, носившаго на челѣ своемъ свѣтозарный вѣнецъ мудрости духовной и словесной.

Этотъ характеръ Аполлона замѣтенъ еще въ Гомерѣ. Въ немъ даръ пророчества; въ немъ красота почти безтѣлесная и какой-то блескъ нравственной свободы. Отъ того-то и остался онъ всегда богомъ-прорицателемъ по преимуществу.

Но среди побѣды Кушитовъ голосъ Ирана продолжалъ еще будить сердца человѣческія къ высокой и небесной цѣли. Напрасно пророкъ прикованъ къ Кавказу Зевсомъ, Ифестомъ и Эрміемъ: съ своей дальней скалы указываетъ онъ на ихъ будущую гибель и будущее торжество свободы. Древній богъ, котораго главнымъ символомъ для Восточно-Иранскихъ народовъ была вода, пошлетъ свою дочь (*Метэ*) и отъ нея родится освободитель.

Океанъ связанъ съ пророчествомъ о паденіи Зевса тѣмъ, что *Метэ* и *Тетида*—обѣ океаниды. Уловки Зевса, или, лучше сказать, развязки, придуманныя его жрецами, показываютъ только существованіе и неотвязчивость пророческаго голоса. Явны преданія мессіаническія и темное чувство, что боги, временно властвующіе надъ міромъ, не благіе боги.

Очевидно сказаніе о Прометеѣ и его угрозахъ не принадлежали народу; они существовали только для лучшихъ, для избранныхъ людей. Народъ жилъ весело и беззаботно, въ дружбѣ съ ласковою природою и съ сказочнымъ Олимпомъ. Благородная душа Эллина не была воспитана какъ душа Индустанца въ великой борьбѣ двухъ чистыхъ, самостоятельныхъ началъ, философскаго умствованія, создавшаго себѣ религію изъ необходимости, и духовнаго преданія, живущаго вѣрою въ свободную волю. Стремленіе чисто мыслительное развилось позднѣе и бѣднѣе въ Элладѣ, чѣмъ въ Индустанѣ: но за то сказочное начало, принятое отъ Ванскаго Сѣвера облеклось въ Эллядѣ въ образы болѣе стройные и изящные. Сказка пришла въ органическое соприкосновеніе съ пластическимъ художествомъ на берегахъ Юмны и Маганадди, также какъ и на прибережьѣ Эгейскаго моря, но безпокойная мысль, вѣчно возвращающаяся къ собственнымъ тайнамъ, не допустила свободнаго развитія искусствъ въ Индіи. Младенчески безпечная религія, гордость человѣческая Эллина завоевателя и полная свобода личности были доступнѣе къ искусству. Отъ свободно-затѣйливой сказки перешла жизнь и движеніе въ художество пластическое; отъ пластическаго художества перешла стройность и красота въ своевольную сказку. Дедалъ строитель прилетаетъ съ юга, Орфей, Линъ и Музей приносятъ пѣснь свою отъ границъ Ѳракіи. Аполлонъ-вдохновитель и Аѳина-хранительница мѣры и уряда—царствуютъ надъ Элладою, и искусство во всѣхъ своихъ отрасляхъ достигаетъ крайней степени образной красоты.

Амфіонъ могъ бы быть представленъ какъ доказательство нѣсколько духовнаго направленія художества даже въ Кушитской стихіи: но это было бы грубою ошибкою. Одна только извѣстная черта его способностей, какъ виртуоза, есть построеніе Ѳивскихъ стѣнъ. Это только идеалъ стройности и лада, перенесенный въ вещественный міръ, что-то похожее на Китайскаго Фо-ги и на Египетскаго Таута, но нисколько не похожее на словесное музыкальное искусство. Свободно, безъ цѣли, льются пѣсни Орфея: звѣри сбѣгаются, волны рѣчныя стихаютъ, слезы текутъ изъ холоднаго камня. Это свободный духъ, спѣвающійся

съ живою природою. Такихъ разницъ не должно упускать изъ виду. Кушитъ по своему началу безмолвенъ; даръ слова принадлежитъ одному Ирану, хранителю духовнаго преданія.

Должно еще замѣтить, что свобода личности сильно дѣйствовала на развитіе художествъ: отъ того Дорійцъ, болѣе скованный условіями государственной формы, уступалъ Іонійцу во всемъ кромѣ зодчества. Это исключеніе понятно изъ всего предъидущаго.

Гомеръ открываетъ собою истинную жизнь Эллады около 1000 лѣтъ до Р. Х., хотя ея историческіе вѣка начинаются четырьмя вѣками ранѣе, а общая условная эра наступаетъ позже. Отъ Гомера, т. е. отъ его вѣка, развивается идея красоты, которою дышетъ вся Греческая исторія, и которая, переходя мало-по малу въ идею красоты духовной и согрѣваясь жизнью Востока, создала наконецъ Платона и Аристотеля, эти два прекрасные вѣнца умирающей Эллады.

Безсмысленной и младенческой религіи соотвѣтствовала безсмысленная и младенческая дѣятельность общественная. Великія проявленія во всемъ, кромѣ искусства, были невозможны, при отсутствіи великихъ двигателей. Глубокомысленныя таинства Ирана и Куша наслѣдовались на границахъ Эллады, но не пробуждали въ ней жизни разумной. Чудная энергія страстей и воли, восторгъ воинственнаго разгула кипѣли внутри Эллады, но лишенныя постояннаго направленія, они не создавали и не могли создать ничего цѣльнаго и полнаго. Область мѣшала развитію другой области, личность останавливала развитіе государственности: не было ни нравственной цѣли, покоряющей душу, ни общаго эгоизма, покоряющаго землю. Частныя ссоры народныхъ семей, частныя предпріятія удальцевъ, выселяющихся изъ родины въ неизвѣстную даль: такова исторія Греціи. Ея колоніями мало-по-малу покрываются всѣ берега Эгейскаго моря и Евксина; Сицилія подпадаетъ ея власти; южная Италія покрывается ея городами; Ѳракійцы отступаютъ мало-помалу къ сѣверу, единовластіе надъ морями отнимается у Финикійцевъ, Ассирія узнаетъ умъ и мужество Греческихъ

пиратовъ; народы, вытѣсненные изъ своихъ жилищъ (Сикулы, Пелазги, Тирренцы и т. д.) переносятъ на западъ новыя стихіи племенныя и мысленныя; Африка и даже Галлія принимаютъ сѣмена просвѣщенія: но Эллада, такъ сильнодѣйствуя на міръ и такъ много дѣлая для его будущихъ судебъ, не въ силахъ сдѣлать ничего для себя самой.

Политич. жизнь Греціи. Эра Олимпіадъ.

Внутренняя ея исторія ничтожна. Поочередно упали Ѳивы, Аргосъ, Микена и другіе города, временно первенствовавшіе. Дорійцы, живѣе понявшіе потребность общественнаго единства, взяли верхъ надъ Іонійцами. Спарта, укрѣпленная Ираклидами, заняла первое мѣсто между Дорійцами. Наконецъ Эллины, никогда не забывавшіе своего кровнаго единства, не смотря на безпрестанныя междоусобицы, приняли въ началѣ VIII столѣтія до Р. Х. общую народную эру, какъ символъ общей народной жизни.

Эта эра, живо выражающая дружинный и воинственный характеръ, эра, о которой почти нельзя говорить безъ смѣха, такъ много въ ней младенчески простодушнаго, относится, кажется, къ 776 году до Р. Х. Въ этотъ достославный годъ Хорэбъ Элейскій побилъ, обѣжалъ всячески осрамилъ своихъ соперниковъ на играхъ Олимпійскихъ.

Въ то же время, какъ учреждалась общая эра, или внѣшній символъ единства племеннаго, отдѣльныя семьи почувствовали потребность внутренняго государственнаго устройства Начинаются, особенно въ вѣтви Дорійской, законодательства, подчиняющія свободу частной воли общественной необходимости; области мужаютъ и крѣпнутъ. Но Элладѣ не суждено было предупредить державство Рима. Вражда городовъ уничтожала ихъ силы; къ тому же Эллинъ любилъ войну удальства, побѣду для славы и самую славу для какого то гордаго чванства. Ему недоставало начало семейное, умиряющее и укрѣпляющее душу, и стремленіе къ положительной пользѣ, на которомъ основывается государственный эгоизмъ.

Что воинственность Грековъ была основана на удальствѣ, а не на

страсти къ завоеванію, доказывается тѣмъ, что они готовы были драться какъ наемники за всѣхъ и за все.

Египетъ послѣ освобожденія отъ Гиксовъ. Эпоха его величія и завоеваній.

Шире и величественнѣе была дѣятельность Египта. Освободивши отечество отъ тяжелаго гнета чужеземныхъ стихій и укрѣпивши его на самобытныхъ началахъ, 18-я династія, Ѳивская, скоро переступила границы, отдѣлявшія ее отъ Азіи и отъ земель полу-Иранскихъ. Еще предшественники ея (17-я династія), спасавшіе на югѣ обычаи и преданія Кушитскія отъ насилія сѣверныхъ Гиксосовъ, распространили власть свою въ Нубіи и вѣроятно достигли самаго сердца Африки. Цари-пастыри были изгнаны. Египетъ сталъ болѣе и болѣе возвышаться могуществомъ и силою Въ Израильтянахъ преслѣдовалъ онъ послѣдній остатокъ ненавистныхъ пришельцевъ и присудилъ ихъ искать спасенія въ пустынѣ. Первые цари 18-ой династіи возвысили славу своей державы и поставили ее на первую степень между государствами современными. Огромныя водохранилища обезпечили Египетъ отъ засухи, также какъ и отъ излишнихъ наводненій. Великолѣпные дворцы, громадные храмы замѣнили прежніе памятники, уничтоженные пришельцами; живопись и ваяніе достигли совершенства, которому уступаетъ только позднѣйшей Эладѣ. Тутмозисъ, Менефта и первые Рамезесы распространили власть свою далеко на сѣверо-востокъ. Наконецъ Рамезесъ III Сезострисъ проникъ еще далѣе и сосредоточилъ въ себѣ всю славу Египта. Позднѣйшіе историки или сказочники не могли примирить преданій о его побѣдахъ съ современными ему сказаніями другихъ народовъ и выдумали Сезостриса древнѣйшаго; точно также какъ Восточные народы выдумали древняго Александра, покорившаго весь міръ. Здравая наука отвергаетъ одинаково перваго Сезостриса и перваго Александра. Выдумка же сама объясняется славою обоихъ завоевателей, которымъ поэзія приписала небывалыя торжества, смутившія младенческую критику позднѣйшихъ вѣковъ

Нѣтъ сомнѣнія, что Рамезесъ III не завоевалъ ни Ѳра-

кіи, ни Индіи, хотя эти завоеванія и были ему приписаны тщеславіемъ Египетскихъ лѣтописцевъ; вѣроятно даже, онъ не проникалъ и до Бактріи, хотя и можно предположить такой набѣгъ при временной слабости Прпевфратскихъ державъ; но нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что гроза его оружія доходила до береговъ Евксина.

Показаніе Китайскихъ лѣтописей, будто бы около 15-ти вѣковъ до Р. Х. западныя государства присылали просить помощи противъ какихъ-то утѣснителей, сочтено было за свидѣтельство о походѣ Сезостриса на Бактрію: такой выводъ похожъ болѣе на шутку, чѣмъ на дѣло. Никто изъ писателей, говорившихъ о Вавилонѣ и Ниневіи, не слыхалъ, чтобы когда-нибудь эти страны были завоеваны Египтянами, а безъ этого трудно понять возможность завоеванія Восточно-Иранскихъ земель. Все, что можно предположить, это мгновенный налетъ, не оставившій по себѣ глубокихъ воспоминаній. Что же касается до Индіи, то должно допустить возможность морскаго похода; но и въ такомъ случаѣ, судя по памятникамъ, кажется, преданіе смѣшало Рамезеса III съ позднѣйшимъ Рамезесомъ Меямуномъ.

Показаніе Геродота о столбахъ Сезостриса можетъ до нѣкоторой степени еще подвергнуться пасмѣшкамъ ученыхъ нашего времени: но въ его сужденіи о жителяхъ Колхиды столько здравомыслія и наблюдательности, что отвергать его значило бы быть совершенно чуждымъ первымъ началамъ исторической науки.—Основаніе колоніи на берегахъ Евксина пришельцами изъ Египта доказано съ совершенною ясностію, и самыя черты нѣкоторыхъ Кавказскихъ племенъ подтверждаютъ вполнѣ показаніе древняго лѣтописателя. Слава Рамезеса III, какъ завоевателя, и его побѣды въ странахъ, населенныхъ народами Семитическими, не подвержены сомнѣнію. Цѣль же колоніи, брошенной имъ такъ далеко отъ предѣловъ государства своего, объясняется долгою борьбою Кушитовъ противъ Сако-Гетовъ. Когда Ассирійцы изгнали своихъ прежнихъ властителей и принудили ихъ удалиться на западъ въ горы Арменіи и къ приморью Евксина,

выселенцы встрѣтились снова съ торжественнымъ шествіемъ Рамезеса. Завоеватель, побѣдивъ древнихъ и упорныхъ враговъ, оставилъ въ Колхидѣ часть своего войска для утвержденія новой власти. Его побѣды, его колоніи, и движеніе, данное имъ народамъ южнымъ на сѣверъ и сѣверо-западъ, разрушили навсегда власть Вановъ на юго-восточной оконечности Евксина. Они уже болѣе не возставали въ прежней силѣ. Два вѣка послѣ него погибла великая ихъ колонія, Троя, и всѣ поселенія по берегамъ Эгейскаго моря. Память объ нихъ исчезла, и только имена Хвалисовъ (Халибсъ), Гуна и Сака въ земляхъ Понтійскихъ остались какъ живыя свидѣтельства прежняго забытаго владычества.

Эпоха Рамезеса-Сезостриса, время чудн го цвѣтенія и блеска для державы Приппльской, время ея зодческой поэзіи, не могла быть продолжительною. Другія силы властвовали въ мірѣ и мгновенное напряженіе Кушитскаго государства не долго могло оспаривать побѣду у Ирапскаго начала.

Истинная побѣда Куша была въ искаженіи Ирана не смотря на торжество вещественное. Страна между Средиземнымъ моремъ и Евфратомъ свергла власть Египта; колоніи сѣверныя были отрѣзаны отъ отечества, и при пятомъ преемникѣ Сезостриса сѣверо-восточный народъ, кажется, снова вторгся въ Нильскую долину. Рамезесъ-Меямунъ, основатель 19-й династіи (хотя прямой потомокъ Рамезеса III), сперва принужденный искать убѣжища на югѣ, потомъ возмужавшій въ древней колыбели Египетской силы, изгналъ пришельцевъ. Достойный преемникъ великаго предка, съ которымъ его смѣшивало преданіе, онъ уже не довольствовался торжествами на сушѣ. Быть можетъ, отпоръ народовъ сѣверныхъ положилъ преграды его завоеваніямъ; быть можетъ, видя усиленіе Финикіи, онъ почувствовалъ важность владычества надъ морями. Какъ бы то ни было, изъ сказаній и отчасти изъ памятниковъ, кажется, видно, что главныя его предпріятія были обращены противъ странъ приморскихъ. Въ разказѣ Тацита, въ которомъ едва ли не смѣшаны Сезострисъ и Меямунъ, приписывается Рамезесу покореніе обо-

ихъ береговъ Малой Азіи, т. е. сѣвернаго и южнаго, также и Ливіи. Власть надъ Средиземнымъ моремъ и униженіе Финикіи, кажется, не удовлетворили еще его властолюбія. Гроза его оружія достигла до дальнихъ береговъ Индустана, нѣкогда дружественнаго Египту, но враждебнаго ему послѣ завоеванія Вишнуитами. Покореніе Индустана было невозможно; владѣніе прибрежьемъ Средиземнаго моря было не продолжительно. Внутреннія безпокойства потребовали возвращенія Меямуна въ отечество. Преемники его утратили всѣ области, покоренныя имъ; но отъ его царствованія остались глубокіе слѣды на сѣверѣ. По крайней мѣрѣ, сказаніе о переселеніи Даная въ Пелопоннезъ совпадаетъ съ эпохою Меямуна и основаніе колоній въ Элладѣ Египтянами, посланными Рамезесомъ IV или бѣжавшими отъ него по морскимъ путямъ, которые онъ открылъ Египту, весьма вѣроятно.

Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ заключать, что Данай представляетъ древнѣйшую колонію, переселившуюся съ береговъ Нила въ страну Пелазговъ. Очевидно, основаніе Ѳивъ и даже переселеніе Кекропса гораздо древнѣе и относится къ эпохѣ, забытой самими Египтянами.

Паденіе Египетской державы. Разложеніе Египетской религіи.

Не долговѣчно было величіе Ѳивской державы. Усиленіе другихъ племенъ стѣснило ее съ востока. Финикія снова овладѣла моремъ, своимъ давнишнимъ достояніемъ, которое было въ послѣдствіи похищено у нея Элладою и Римомъ. Египетъ началъ склоняться къ паденію. Цари, начальники касты военной, были принуждены уступить престолъ жрецамъ, соединившимъ въ себѣ власть свѣтскую и духовную. Восшествіе на престолъ 22-й династіи и побѣды Шешонка, овладѣвшаго Іерусалимомъ около 950 лѣтъ до Р. Х. (по согласному показанію писанія Израильскаго и памятниковъ Египетскихъ), перенесеніе столицы на сѣверъ въ Таписъ, Сапсъ или Себеннитъ, стараніе соединить въ одномъ родѣ первосвященство и царскій вѣнецъ, ничто не могло воскресить силы дряхлѣющаго государства. Народы южные ополчились на своихъ побѣдителей, и Эѳіопія, нѣкогда дан

ница Египта, въ свою очередь завоевала его. Первый изъ Фараоновъ Эѳіопскихъ, *Сабаконъ* и сынъ его *Севъ* или *Севекотеръ*, которыхъ имена явно связаны съ священнымъ именемъ Кушитскаго божества (*Шеба* или *Шева*), и внукъ Сабакона *Тахраха*, союзникъ святаго царя Эзекіи противъ Ассирійскаго *Саннахериба*, царствовали со славою. Скромность надписей, оставленныхъ ими на памятникахъ, священный санъ ихъ и человѣколюбіе, доказанное отмѣною смертной казни, даютъ намъ темное понятіе о нравахъ страны, которой лѣтописи исчезли. Это указаніе совершенно согласно съ прозвищемъ праведныхъ, неразъ даннымъ жителямъ Эѳіопіи. Вдали отъ враждебнаго столкновенія съ Ираномъ, родина Кушитовъ оставалась безсильною и неоплодотворенною духомъ, но неожесточенною и вѣрною кроткому началу человѣчества.

Въ позднѣйшіе вѣка борьба съ Аравіей, съ народами внутренней Африки и съ Римомъ придала свирѣпость нравамъ, но не пробудила энергіи. Тогда уже наступило время сѣвернаго владычества и торжества Пранскихъ семей.

Гиксосы завоеватели были прокляты: Сабаконъ и его преемники упоминаются съ похвалою. Такова сила племеннаго и духовнаго родства.

Начало 26-ой Саитской династіи замѣчательно по имени перваго Фараона *Стефинатисъ*. Звукъ этотъ такъ живо напоминаетъ Грецію, что вниманіе останавливается на немъ невольно. Такое сходство могло быть совершенно случайнымъ, но исторія династіи доказываетъ противное. Одинъ изъ первыхъ преемниковъ Стефината, *Псамметихъ*, призываетъ Эллиновъ Іонійцевъ, даетъ имъ земли, плату, права и для нихъ утѣсняетъ своихъ подданныхъ, наслѣдственную касту воиновъ, которая отчасти оставляетъ отечество и удаляется къ истокамъ Нила. Предпослѣдній царь той же династіи, *Амазисъ*, отдаетъ Грекамъ городъ Навкратисъ, позволяетъ строеніе Элленіума и самъ вноситъ огромный

вкладъ тысячи талантовъ въ храмъ Аполлона Дельфійскаго. Умирающій Египетъ отказывается отъ своей народности: онъ чувствуетъ, что время его миновалось. Грецiя, будущая его владѣтельница, уже внесла свои художественныя начала, свои торговыя стихіи и свое человѣкообразіе религіозное въ землю Сезостриса Великаго. То, что сдѣлано Псамметихомъ въ большомъ видѣ и съ государственнымъ расчетомъ, началось вѣроятно прежде него безъ расчета и безъ цѣли, отъ силы самыхъ обстоятельствъ. Египетъ давно уже радушно принималъ Грецію съ ея сказками, съ ея веселымъ бытомъ и военною предпріимчивостію. Имя Фараона Стефинатисъ едвали не носитъ на себѣ характеръ эллинизаціи самой жизни въ Египтѣ и особенно въ его сѣверныхъ областяхъ.

Вѣроятно уже слава Эллинскаго мужества на сушѣ и на морѣ была велика, вѣроятно оно испытано было Египтянами, также какъ оно было извѣстно Ассирійцамъ, и Псамметихъ надѣялся имѣть въ нихъ не только храбрыхъ наемниковъ, но и надежныхъ союзниковъ противъ враждебныхъ Финикіянъ. Расчетъ казался вѣрнымъ; но введеніе чуждой стихіи ускорило внутреннее дряхлѣніе государства, а надежда на наемныя войска убила всю воинственность народа. Побѣда Нехао надъ царемъ Іудейскимъ, взятіе Іерусалима, завоеваніе Кипра, морскія торжества Апріеса надъ Финикіею, блаженство Египта при Амазисѣ, ничто не могло спасти умирающую державу. Вавилонъ нанесъ ей предсмертный ударъ въ пораженіи Нехао Навуходоносоромъ на берегахъ Евфрата; дикая сила Персіи, развившаяся внезапно изъ самыхъ нѣдръ Ирана, сокрушила навсегда Кушитское царство въ концѣ VI столѣтія до Р. Х. Египетъ палъ и болѣе не возставалъ. Рабъ закона вещественнаго, поклонникъ вещественной мудрости, угадавъ издревле многія тайны ея, онъ передъ своимъ окончательнымъ паденіемъ еще разъ бли стательною услугою наукѣ показалъ, какъ многое могло быть извѣстнымъ, что впослѣдствіи было забыто и воскрешено развѣ черезъ тысячелѣтія. Корабли, посланные Фараономъ

Нехао, обогнули мысъ Доброй Надежды и протекли путь, котораго вторичное открытіе увѣнчало вѣчной славой Васко-де-Гама и предпріимчивость королей Португальскихъ.

Лагиды-Эллины и Аравитяне-Фатимиды и Кавказскіе Мамелюки много другихъ основывали впослѣдствіи самостоятельныя царства въ Египтѣ: но это была только земля Египетская, а царствовали постоянно племя Иранское и Иранская мысль.

Послѣдняя эпоха религіозной исторіи Египетской есть безспорно эпоха синкретизма; но его зародыши принадлежали глубокой древности, вѣкамъ предшествовавшимъ нашествію или владычеству Гиксосовъ. Самое это владычество было приготовлено радушнымъ пріемомъ чуждыхъ стихій въ Египтѣ и основаніемъ на берегахъ Нила, особенно около приморья, колоній Азіятскихъ. По крайней мѣрѣ, сказаніе объ Гиксосахъ даетъ скорѣе понятіе о завладѣніи, чѣмъ о завоеваніи. Во всякомъ случаѣ, можно считать слѣдующія положенія неопровержимыми: что Гиксосы были близки къ семьѣ Эвера по племенному и духовному началу, что они были поклонниками Тифона, т. е. Иранскаго божества, но что это поклоненіе уже было искажено борьбою съ Кушитами и приняло характеръ кровожадности, также какъ во всей Палестинѣ, Финикіи и Сиріи; наконецъ, что это поклоненіе не осталось безъ вліянія на Египетъ.

Это доказывается тѣмъ, что три свѣчи продолжали горѣть въ честь Тифона, даже послѣ побѣды Ѳивской династіи, вмѣсто трехъ человѣкъ, ежедневно приносимыхъ въ жертву ему Гиксосами.

Иранское божество было признано какъ враждебное. Оно, какъ свободно-духовное, презирающее жизнь вещественную, было въ прямомъ противорѣчіи съ божествомъ Кушитскимъ, соединяющимъ въ себѣ идею жизни и органической полярности. Разница воззрѣнія философскаго и религіознаго, вслѣдствіе вражды племенъ, приняла, какъ уже сказано, харак-

теръ вражды между богами. Введеніе Тифона въ кругъ миѳологіи Кушитской измѣнило ея общій смыслъ. Первоначальное божество, олицетворенное понятіе о міровой стройности, не имѣло никакого нравственнаго значенія. Въ немъ содержалась возможность добра и зла случайнаго (феноменальнаго). Шива Индустанскій сохранилъ этотъ характеръ; но въ Египтѣ онъ распался отъ соприкосновенія съ Ираномъ на два проявленія, независимыя другъ отъ друга, на добраго Озириса и злаго Тифона, на живителя и убійцу. Какъ скоро такое раздѣленіе было принято, духъ, враждующій противъ вещества и жизни, утратилъ свой нравственно-духовный смыслъ и сдѣлался представителемъ зла вообще. Вещественный богъ, покровитель жизни, принялъ въ себя характеръ нравственной благости.

Такое послѣдствіе было необходимо, какъ скоро духъ являлся врагомъ вещества вообще, а не вещества, восколько оно было духовно; а мысль Иранская, переходя въ область Кушитскую, не могла сохранить своего высокаго, первоначальнаго смысла о грѣхопаденіи и возмущеніи жизни міровой противъ творческой воли и нравственнаго закона.

Введеніе нравственнаго начала въ ученіе Кушитское уже было не только зародышемъ синкретизма, но полнымъ синкретизмомъ, требующимъ дальнѣйшаго развитія. Иранскія религіи точно также приняли въ себя начало Кушитское и раздѣлили божество на органическіе полюсы. Таково начало человѣкообразія въ вѣрѣ сказочнаго неба Вендовъ и Эллиновъ, Вишнуизма Индустанскаго и другихъ. Не оставалось, по видимому ни Иранскаго ни Кушитскаго ученія, хотя по общему направленію религіи, по характеру молитвъ, по большему или меньшему развитію слова и другимъ признакамъ можно было опредѣлить во всякомъ отдѣльномъ народѣ, какое именно было его первоначальное вѣрованіе. Бой казался ровнымъ и оба ученія примирялись въ какой-то средней, духовно вещественной системѣ; но дѣйствительно торжество-

вало ученіе Кушитское. Иранское, основанное на преданіи, на поклоненіи свободной волѣ и творческому духу, не могло принимать въ себя никакихъ стихій чуждыхъ, не искажаясь вполнѣ, не могло подчиниться ни произволу страстей и воображенія, ни строгому закону логическаго развитія, отправляющагося отъ аналогіи съ видимымъ міромъ, не теряя мгновенно всего своего значенія. Ученіе Кушитское могло принимать въ себя всѣ начала, ибо онѣ всѣ покорялись одному первоначальному,—необходимости, всѣ основывались на томъ же, на чемъ и первобытное Кушитство,—на произволѣ страсти и развитіи логическомъ. Всякій шагъ въ исторіи человѣчества былъ дѣйствительно шагомъ къ торжеству начала Южнаго, принятаго племенемъ Хамидовъ, и видимое торжество племени Иранскаго оставалось постоянно безплоднымъ.

Ученіе Кушитовъ не было въ прямомъ смыслѣ нравственнымъ; но нравственность человѣческая сохраняла свои права, спасаясь въ темномъ понятіи о гармоніи всемірной. Примѣсь Иранства къ нему не очистила, не улучшила его, не дала добру твердой основы, которой въ немъ недоставало; но она по крайней мѣрѣ отдѣлила съ большею рѣзкостью міръ добра отъ міра зла въ ихъ видимомъ проявленіи, т. е. въ отношеніи людей другъ къ другу. Быть можетъ, она удерживала стремленіе человѣчества къ конечному своему искаженію; но, съ другой стороны, она лишала религію, т. е. высшую сферу человѣческой мысли, всякаго опредѣлительнаго начала. Она удаляла равно и строгость логическую и чистоту духовнаго созерцанія и замѣняла ихъ грубымъ произволомъ воображенія. Такъ Египетъ мало-по-малу втягивалъ въ себя стихію сказочнаго человѣкообразія, и эпоха до Персидскаго нашествія носила на себѣ характеръ Эллинскій, не смотря на то, что смѣшеніе съ Эллинами было еще ничтожно.

Въ смыслѣ нравственномъ, чистое Кушитство выше религій человѣкообразныхъ. Оно носитъ въ себѣ, высказанное или невысказанное,

начало Буддаизма. Пусть міръ управляется математическими законами необходимости. Что мнѣ до него? Я становлюсь противъ міра съ гордымъ сознаніемъ своей духовной свободы и храню ее, и презираю рабствующій міръ и радуюсь своему самоуничтоженію, избавляющему меня отъ оковъ міра, или въ стройности міровой вижу безсознательное подражаніе стройности моей самосознающейся воли. Въ религіяхъ человѣкообразныхъ божество, міръ и человѣкъ, лишенные всякого закона и преданные своему произволу, утрачиваютъ все свое достоинство; и нравственный законъ унижается до безсмысленнаго произвола. Человѣкъ лишается той гордости, которая становила его выше боговъ. За всѣмъ тѣмъ это паденіе неизбѣжно. Человѣчество не можетъ довольствоваться голымъ философскимъ закономъ: ибо самый этотъ законъ, возведенный до своего источника, исчезаетъ опять въ положеніи произвольномъ о необходимости и въ вопросѣ: что такое необходимость въ самосущемъ? Необходимость имѣетъ дѣйствительно смыслъ отрицательный, и, какъ весьма справедливо сказалъ Гегель, содержитъ въ себѣ необходимость самоотрицанія. Оттого-то никакой синкретизмъ не могъ изъ себя возсоздать чистаго религіознаго начала. Логика не допускаетъ возврата къ ученію необходимости; а возвратъ къ поклоненію творческой свободѣ еще невозможнѣе. Оно требуетъ вѣры, а вѣра требуетъ преданія.

Впрочемъ, нельзя предполагать въ синкретизмѣ Египта полнаго тождества съ Греческимъ, не только въ подробностяхъ, но и въ общемъ объемѣ. Для народа религія была вещественнѣе и грубѣе, для высшихъ классовъ она была гораздо выше и разумнѣе. Память о символизмѣ и отвлеченныхъ значеніяхъ символовъ не совсѣмъ утратилась; но она затемнилась, и въ этомъ отношеніи вѣкъ Амазиса столько же ниже Рамезеса, сколько вѣкъ Рамезеса былъ ниже эпохи до-Гиксосской Ко времени нашествія Персіянъ все было перемѣшано: символъ, обратившійся въ фетиша, сказка, вошедшая въ религіозный миѳъ, полярность Кушитская, духовность Иранская, человѣкообразіе, система эманацій, древнее поклоненіе змѣѣ, и привитая вражда противъ змѣи.

Изобрѣтеніе змѣи *Апофиса*, съ которой борются боги и человѣки, есть самое явное доказательство синкритизма и его древности въ Египтѣ.

Египетъ потерялъ вѣру въ своихъ боговъ и въ себя. Онъ кланялся Аполлону и нанималъ Эллинскую дружину. Но за всѣмъ тѣмъ, онъ никогда не могъ истинно ни усвоить чужаго начала, ни утратить вполнѣ свой коренной характеръ. Замѣчательно то, что соединеніе власти жреческой съ царскою произошло во время упадка религіознаго. Жрецы стали домогаться престола тогда только, когда они перестали уважать свой санъ и безусловно вѣрить въ свою мудрость. Внутреннее паденіе духовное совершилось прежде паденія государственнаго; но изъ Египта еще послѣ его порабощенія вышло много началъ мысли, много высокихъ духовныхъ явленій, которыя остались незабвенными для человѣчества съ трудомъ высвободившагося отъ ихъ вліянія. Таковы многія изъ эманаціонныхъ системъ, весь гностицизмъ, рядъ эоновъ, замѣнившихъ лѣстницу тріадъ, параллелизмъ бога и его силъ неоплатонизмъ.

Противоположеніе божественнаго начала и мудрости явно связано съ двойственностью Шивы и его женской эманаціи, Озириса и Изиды и пр. Это тѣ же силы,—дѣйствующая и воспринимающая, которыхъ сочетаніе создаетъ міръ: но философія дала другія названія и другіе образы мыслямъ, нѣкогда облеченнымъ въ простые вещественные символы. Знаніеже дѣйствительно не подвинулось ни на шагъ и подвинуться не могло, покуда оно ставило міръ въ необходимомъ отношеніи къ Богу, т. е. дѣлала его необходимостью для Бога. Нѣмецкая философія въ нашъ вѣкъ часто впадаетъ въ ту же ложную систему.

Финикія. Ея мореплаваніе. Религіозный характеръ Финикіи.

Съ сѣвера примыкала къ Египту по прибрежью Средиземнаго моря другая страна, которой внутренняя исторія довольно ничтожна, но которой вліяніе на судьбу народовъ неисчислимо. Это Финикія. Составъ ея, какъ уже сказано, былъ двоякій: изъ Ханскаго начала, не чуждаго Прикавказ-

ской Иверіи, и Кушитскаго. Смѣшеніе стихій составило собственно Финикійскую характеристику. Униженіе Египта во время порабощенія Гиксосами, преобладаніе Сѣвера и торговая дѣятельность Вано-Ассирійскаго царства способствовали къ распространенію торговой жизни Финикійскаго поморья. Завоеваніе Индустана Сѣвернымъ народомъ и вообще усиленіе Ирана дало Тиру большее значеніе чѣмъ Сидону. Впрочемъ торговля Египта по Индійскому океану должна была естественно перейти въ руки Финикіянъ, какъ скоро дружественныя сношенія Индіи съ Африкою были прекращены нашествіемъ Вишнуитовъ на Деканъ. Дѣйствительно, около конца втораго тысячелѣтія, Тиръ и Сидонъ овладѣли южною торговлею съ Офиромъ, точно также какъ и торговлею Средиземною. Побѣды Рамезеса III и временное усиленіе Египта при 18-ой династіи перервали не на долго постоянное усиленіе Финикійцевъ. Морскіе походы Меямуна должны были нанести имъ ударъ гораздо сильнѣйшій, но Египетъ не долго владѣлъ морями. Флоты вооруженные ничтожны безъ торговли, а торговыя связи, основанныя союзомъ Финикійскимъ, никогда не могли перейти насиліемъ въ руки Фараоновъ. Для этого нужно было преданіе о старомъ родствѣ или старыя привычки, или наконецъ колоніи. Всего этого не было у Египтянъ и поэтому временное торжество Меямуна не оставило за собою глубокихъ слѣдовъ. Прекращеніе или уменьшеніе торговли Ванскаго племени, изгнаннаго изъ Ассиріи и разрѣзаннаго нашествіемъ Кельто-Кумрійцевъ въ междурѣчіе Волги и Дона, должно было еще увеличить значеніе Финикіи, и наконецъ основаніе великой царственной колоніи на сѣверныхъ берегахъ Африки обозначило полное цвѣтеніе древней морской державы. Карѳагенъ, будущій соперникъ Рима, перенесъ къ предѣламъ Ливіи вѣру, обычаи и весь бытъ Тира. Скоро поравнялся онъ богатствомъ съ своею родиною и превзошелъ ее государственными силами. Въ религію и духовное развитіе человѣка не принесъ онъ ничего новаго, въ просвѣщеніи и наукѣ остался едва ли не ниже Сирійскаго поморья. Впрочемъ онъ уко-

репилъ въ племенахъ, его окружающихъ, всю кровожадность и развратъ, принесенные имъ изъ юго-западной Азіи, и долго еще послѣ его паденія желѣзная воля Рима не могла отмѣнить человѣческихъ жертвоприношеній на развалинахъ Карѳагена. Вліяніе Сирійскаго богопоклоненія съ его свирѣпыми обрядами распространилось далеко по западу Европы, и едва ли не ему обязана была Галлія ужаснымъ служеніемъ Тевтатесу, которое не отзывается ни въ одномъ изъ сѣверныхъ Кельтскихъ племенъ. Вообще много великихъ явленіе предпріимчивости и силы духа ознаменовали дѣятельность Финикіянъ, но ни одно отрадное и человѣческое воспоминаніе не связано съ лѣтописью ихъ 10-ти-вѣковой слав. Тайны ихъ знанія погибли съ ними; ихъ смѣлая торговля не бросила никуда благихъ сѣменъ любви и просвѣщенія, и земли, посѣщенныя ими, остались такими же безплодными, какъ волны океановъ, которыя они бороздили отъ самыхъ береговъ Индіи до зеленаго Эрина и вѣроятно до самой Америки.

По крайней мѣрѣ, нельзя не замѣтить на памятникахъ новаго материка много изображеній, напоминающихъ Семитическіе очерки, и въ миѳахъ объ островахъ на озерѣ Мексиканскомъ разительнаго сходства съ миѳомъ объ островѣ, на которомъ основанъ Тиръ.

Величайшее развитіе Финикійскаго мореплаванія относится къ концу втораго и къ первой половинѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х. Въ это время вѣроятно возникли хвастливыя сказанія о побѣдахъ Посейдона Беритскаго надъ Зевсомъ Тамирасомъ, отцемъ Мелькарта (или Мелехъ-Карела), очевидно ботомъ Сѣвернымъ, и Діонизосомъ, богомъ Аравіи и Юга вообще. Въ это время основана большая часть великихъ колоній, и Тиръ, всегда сохранявшій память о сѣверномъ своемъ происхожденіи въ противуположность южному Сидону, далъ Карѳагену имя, котораго первая половина содержитъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, прозвище Иберскаго бога (Карталинскій).

Писатели, принадлежащіе къ глубокой древности, но жители Африки и пользовавшіеся мѣстными свѣдѣніями, переводятъ имя *Карѳаго* весью Сатурна. Критики полагали найти слово весь или городъ въ первомъ слогѣ. Какіе бы ни были на это этимологическіе доводы, аналогія со всѣми другими подобными именами заставляетъ искать имя Сатурна въ первомъ, а слово весь во второмъ слогѣ. Что же касается до тождества *Сатурна, Геракла, Тифона* съ общимъ древнимъ богомъ Иранскимъ, оно уже показано, и слѣдуетъ замѣтить, что *Мелехъ—Картлъ* или *Мелькартъ* или сокращенно *Картлъ* соотвѣтствуетъ имъ вполнѣ.

Но уже въ первой половинѣ 2-го тысячелѣтія явились на средиземныхъ водахъ соперники, которые должны были сперва похитить у Финикіи все морское единодержавіе, а потомъ уничтожить ея самобытное существованіе. Эллины (и особенно ихъ Эолійская вѣтвь) раскинули свои колоніи по всѣмъ островамъ около Греціи и Италіи и доходили до самой Испаніи. Тирренцы-Этруски въ то же время стѣснили торговлю Финикіи съ сѣвера. Послѣ долгой кровавой и безуспѣшной борьбы Финикіяне отказались отъ большей половины Средиземнаго моря и сохранили только владычество надъ его западными и южными берегами. Въ VII столѣтіи великій замыселъ Фараона Нехао, основанный вѣроятно на стародавнихъ преданіяхъ, исполненъ былъ пловцами Финикіи съ успѣхомъ невѣроятнымъ и съ безстрашіемъ, которое едва понятно для повѣйшихъ вѣковъ.

Три года безпрестаннаго плаванія прибережнаго черезъ зной экватора, черезъ вѣчныя бури мыса Доброй Надежды, безъ компаса, въ мелкихъ судахъ, по морямъ незнаемымъ, къ цѣли неизвѣстной и почти баснословной: нельзя повѣрить и смѣшно не вѣрить! Простодушное невѣріе Геродота тому, чтобы кто нибудь могъ видѣть солнце на сѣверѣ и обѣщаніе Сатаспеса Ксерксу повторить тоже самое путешествіе служатъ доказательствами неоспоримыми. Нехао могъ употреблять корабли Финикійскіе вѣроятно потому, что Тиръ видѣлъ въ немъ опору противъ грозы, возникающей для всей Палестины на берегахъ Ефрата. Но Египетъ не спасъ своихъ союзниковъ отъ меча Ассирійскаго

Плаваніе, совершенное по приказанію Фараона, принесло бы вѣроятно неисчетную пользу торговлѣ Финикійской и расширило бы издревле кругъ наукъ и сцену исторіи Европейской, но наступило время паденія для гордаго и свирѣпаго Тира, для роскошнаго и развратнаго Сидона, для всѣхъ городовъ Палестинскаго приморья, утопавшихъ въ золотѣ, владѣвшихъ всѣми морями, посылавшихъ во всѣ концы земли свои безстрашные паруса. Плаваніе около Африки было послѣднимъ, почти баснословнымъ, но совершенно безплоднымъ проявленіемъ энергіи и упорства Финикіянъ. Карѳагенъ въ этомъ отношеніи никогда не равнялся съ Тиромъ. Въ немъ государственное начало преобладало передъ торговымъ и личность частная была подавлена строгостью общественнаго устройства.

Нельзя опредѣлить, до какой степени завоевательныя шествія Рамезесовъ въ половинѣ 2-го тысячелѣтія подѣйствовали на исторію государствъ Сирійскихъ. Власть Египта была непродолжительна; но, по всей вѣроятности, ослабленіе Ассиріи и послѣдовавшее затѣмъ уничтоженіе силы Бактро-Скиѳской на юго-восточной окопечности Эвксина должно было дать народамъ южнымъ перевѣсъ, которымъ они воспользовались для распространенія къ сѣверу. Не одна Египетская колонія поселилась въ Колхидѣ. Другія поселенія, пришедшія изъ земель, называемыхъ Семитическими, проникли въ Малую Азію и въ прегорья Арарата и Тавра. Трудно сказать, участвовали ли Финикіяне въ этомъ движеніи: но нѣтъ сомнѣнія, что мысли, возникшія въ области Сирійской и Палестинской отъ враждебнаго столкновенія и послѣдовавшаго за нимъ примиренія Ирана и Куша, должны были распространиться далеко на сѣверъ, по мѣрѣ какъ южная стихія преобладала надъ Симо-Яфетидами. Новое усиленіе Ассиріи въ первой половинѣ 1-го тысячелѣтія до Р. Х. отодвинуло опять къ югу границы Иранскаго племени, но недолжно забывать, что Ассирійцы сами, особенно южные, были уже племя мѣшаемое, и что религіозный ихъ характеръ былъ глубоко искаженъ. За всѣмъ тѣмъ, вражда Вавилона противъ идоловъ, святыхъ

лѣсовъ и символовъ Кушитскихъ (*Ашкера*) показываетъ, что Ассирія еще не утратила всѣхъ своихъ древнихъ началъ.

Вѣроятно многое, изъ того, что намъ извѣстно о Вавилонѣ въ позднѣйшія времена, принадлежитъ постоянно усиливающемуся движенію Кушитской мысли, просвѣщенія и даже письменности отъ запада къ востоку. Города были особенно подвержены этому вліянію по тому, что всякій условный и искусственный бытъ легко усвоивается ими. Къ этому должно прибавить большее просвѣщеніе Юга въ смыслѣ знанія вещественнаго и бо́льшую его художественность.

Финикія не имѣла опредѣленнаго характера въ жизни духовной: ея религія была ничто иное, какъ грубый синкретизмъ изъ понятій Иранскаго и Африканскаго, искаженныхъ взаимнымъ ожесточеніемъ, соединенныхъ взаимными уступками. Она была отвратительнымъ бракомъ кровожаднаго Молоха Тирскаго и развратной Деркето Аскалонской. Къ этимъ богамъ присоединились боги всѣхъ другихъ областей, гостепріимно помѣщенные въ Финикійскій пантеонъ, точно также какъ торговые гости принимались радушно въ Финикійскіе города, или поселенные въ храмы сильною рукою чужеземныхъ завоевателей.

Такова *Астарта*, богиня собственно сѣверная, богиня голубица (Семирамида, *Остара* или *Пріл*).

Запутанность миѳологіи усиливалась еще множествомъ отдѣльныхъ областей, сперва поклонявшихся однимъ и тѣмъ же богамъ подъ разными названіями, потомъ забывшихъ тождество этихъ боговъ и занявшихъ взаимно другъ у друга свои кумиры и свои миѳы; наконецъ народы мореплавательные, вѣчно обращавшіе свои глаза къ путеводительнымъ звѣздамъ, придали астрономической сказкѣ, полученной съ сѣвера, значеніе чисто религіозное и вплели ее въ пестрое свое многобожіе. При такомъ ходѣ религіи и торговой односторонности жизни, Финикія не могла принести

богатыхъ вкладовъ въ духовное сокровище человѣчества, и вліяніе ея на позднѣйшіе вѣка отзывается только въ системахъ Гностиковъ, въ бреднихъ Кабалы и въ борьбѣ противъ христіанства: но даже и въ этихъ отношеніяхъ Финикіи принадлежитъ только весьма второстепенное мѣсто. Отъ Египта шелъ офитизмъ, двойственность и тріады; система эманаціонная и эоны шли отъ Ассирійскаго Вавилона. Смѣшеніе всѣхъ этихъ системъ происходило на Палестинскомъ приморіи Не съ благодарностью, а съ грустнымъ чувствомъ униженнаго достоинства человѣческаго, обращается историческая критика къ древней Сиріи: ни одного свѣтлаго и утѣшительнаго воспоминанія; все свирѣпость и развратъ, все грязь и кровь.

Замѣчательно, что не смотря на всѣ измѣненія народныхъ судебъ, на приливы чуждыхъ племенъ и на новыя начала вѣрованія, даже при власти Рима, при христіанствѣ, при Аравитянахъ и при Средне-Азійскихъ завоевателяхъ Туркахъ, Сирія всегда отличалась передъ другими странами отвратительными суевѣріями и проявленіями безумныхъ и вещественыхъ страстей. Исторія ея сектъ, отъ поклоненія Мелькарта, Камоса и Деркето до Измаэлитовъ и Друзовъ, представляетъ рядъ ужасовъ, едва вообразимыхъ. Индія и Мексика передъ ними святы. Въ одной болѣе величія, глубокомыслія и духовности; въ другой кровожадность сопровождалась до нѣкторой степени большею чистотою нравовъ. Сверхъ того ни въ той, ни въ другой не побывали ни полное просвѣщеніе науки, ни откровеніе любви христіанской.

Израиль. Его исторія въ эпоху судей и царей.

И въ этой-то области, на зло всѣмъ расчетамъ и всѣмъ вѣроятностямъ, на зло всему ходу историческаго развитія, всѣмъ обычаямъ и вѣрѣ окружающихъ народовъ, и коренному искаженію нарѣчій и преданій, должно было проявиться во всей своей чистотѣ древнее Правство, первобытное наслѣдство Симо-Яфетова племени, съ духовнымъ поклоненіемъ свободно творящему Духу, съ пренебреженіемъ къ веществу, съ враждою противъ символа змѣи и противъ всѣхъ ученій Хамитовъ и съ полнотою Мессіанническихъ обѣщаній.

Нераздѣльная еще семья Израиля (слѣдовательно имѣющая право называться *Израилемъ*), долго процвѣтавшая при Гиксосахъ, долго страдавшая при первыхъ Фараонахъ 18-ой династіи, вырвалась наконецъ изъ плѣна Египетскаго въ концѣ первой половины 2-го тысячелѣтія до Р. Х. и вѣроятно въ послѣдніе годы Рамезеса Великаго. Многочисленъ былъ домъ Іаковлевъ; цѣлыя толпы кліентовъ, приставшихъ къ нему во дни его благоденствія и совоплотившіяся съ нимъ по обычаямъ патріархальнымъ, сопровождали его въ бѣгствѣ. Великій путеводитель своихъ братій Моисей далъ имъ законъ и записалъ ихъ преданія, законъ живущій до нашего времени, преданіе уцѣлѣвшее въ продолженіе 35 вѣковъ.

Въ послѣдніе года глубоко-ученой и сухо-мелочной критики въ землѣ, представляющей высшее просвѣщеніе нашей эпохи, въ Германіи происходилъ любопытный споръ о древности Пятикнижія и особенно книги Бытія. Въ этомъ спорѣ, какъ и во всѣхъ современыхъ трудахъ многотрудящихся Нѣмцевъ, замѣчательно необычайно строгое изученіе всѣхъ внѣшнихъ примѣтъ и совершенная безчувственность ко всему внутреннему, чудная смѣсь врожденнаго остроумія и систематической тупости, тонкости и глубокомыслія въ филологическихъ изслѣдованіяхъ и ограниченности, которая не можетъ понять вліянія вѣковъ и потребностей народныхъ на рукописи древняго закона и священой исторіи. Такъ напр. критики не поняли, что введеніе весьма новаго оборота и новаго слова (халдаизмовъ въ отношеніи къ древне еврейскому) тѣмъ сбыточнѣе; чѣмъ рукопись древнѣе и труднѣе къ понятію, не поняли, что по корню дома Израилева, халдаизмъ могъ точно также быть остаткомъ самыхъ древнихъ формъ, вытѣсненныхъ позднѣйшимъ образомъ, и снова воскресшихъ въ позднѣйшихъ писателяхъ отъ новаго соприкосновенія съ Халдеею; наконецъ не умѣли отдѣлить явныхъ боковыхъ замѣтокъ (Randglossen) отъ самаго текста. Этихъ боковыхъ замѣтокъ можно бы привести десятки. Такова можетъ быть часть 6 стиха XII главы и 7 стиха XIII главы книги Бытія, хотя она можетъ объясниться въ томъ смыслѣ, что земля, въ которой поселился Авраамъ, была не пустынею, но уже населена потомками Ханаана; таково безспорно замѣчаніе о древности Царей Эдомскихъ въ

сравненіи съ царями Израиля, таковъ 36 стихъ XVI гл. Исхода; таковъ 13 стихъ X главы Іисуса Навина и множество другихъ. Но на этомъ ли должно останавливаться вниманіе критики? Сперва утвердили эпоху сочиненія Пятикнижія во время царя Іосіи; потомъ одумавшись, отступили къ царствованію Соломона, потомъ, съ великою вѣроятностью раздѣливъ книгу Бытія на два текста, приписывали древнѣйшій пророку Самуилу, а послѣдующій, пополнительный пророку Наѳану. Съ другой стороны, защитники древности Пятикнижія всѣми силами стараются доказать, что книга Бытія писана однимъ человѣкомъ и бьются за это какъ будто отъ этого зависятъ жизнь ихъ испасеніе, между тѣмъ какъ имъ слѣдовало, низко поклонившись, благодарить своихъ противниковъ.

Между многими примѣтами, отличающими первый текстъ отъ его пополнителя, всѣхъ разительнѣе постоянное употребленіе въ первомъ имени *Элогимъ*, а во второмъ *Іегова*. Предположеніе одного изъ Германскихъ критиковъ, предположеніе, подтверждаемое текстомъ Исхода, объясняетъ эту разницу тѣмъ, что Элогимъ есть общее имя для Божества міросоздателя, а Іегова имя того же Божества въ его отношеніи къ дому Іакова, т. е. въ его Израильскомъ откровеніи. Должно было прибавить, что это второе имя сопряжено съ эпохою самосознанія народнаго: но ученому Германцу было не въ домекъ.

Мы уже говорили о внутреннемъ доказательствѣ древности книгъ Самуила. Онѣ не могли быть писаны ни въ царствѣ Израильскомъ, потому что содержатъ возвеличеніе дома Давидова, ни въ царствѣ Іуды, ни вообще послѣ Самуила, по выраженьямъ живой и младенческой любви къ Саулу. Большая часть этихъ книгъ очевидно принадлежитъ самому Самуилу, или самымъ первымъ годамъ послѣ его смерти. Между тѣмъ въ нихъ, во-первыхъ, есть явныя ссылки на Пятикнижіе; во-вторыхъ, уже не употребляется слово Элогимъ; слѣдовательно самый пополнительный текстъ въ книгѣ Бытія уже древнѣе Самуила и не моложе книги Судей, на которую ссылается Самуилъ. Но человѣкъ съ разумомъ безпристрастно разсмотрѣвшій и понявшій эпоху Судей, эпоху страданій внутренней и внѣшней борьбы и безначалія, не можетъ даже предположить, чтобы въ продолженіе ея было написано Пятикнижіе съ его высоко-поэтическимъ и глубоко-спокойнымъ характеромъ. Не въ это время бурной и мелочной дѣятельности могъ явиться чудный законодатель и

бытописецъ, завѣщавшій вѣкамъ и міру свое неумирающее твореніе. Станьте противъ колосса, созданнаго Микель-Анджеломъ, спросите у этого грозно-безстрастнаго мрамора: онъ вамъ скажетъ; потомъ откройте Пятикнижіе.

Книги, носящія имя Моисея (за исключеніемъ незначительныхъ и явныхъ пополненій и боковыхъ отмѣтокъ, вошедшихъ въ текстъ), не могутъ принадлежать никакому времени, кромѣ времени Моисеева, никому кромѣ Моисея. Вся ихъ редакція заключена въ теченіи 10-лѣтняго пребыванія въ пустынѣ между Египтомъ и Палестиною. Этой великой эпохѣ, когда Израиль позналъ свое всемірное значеніе, этому герою духовной жизни человѣка, и имъ однимъ, можно присвоить самое выраженіе своего сознанія и своей силы. Богъ былъ *Элогимъ:* отнынѣ онъ *Іегова.*

Но дѣйствительно, книга Бытія обличаетъ двѣ редакціи. Послѣдняя, какъ уже сказано, явно принадлежитъ Моисею. Первая древнѣе. Слѣдовательно она принадлежитъ еще эпохѣ благоденствія Израиля въ Египтѣ, т. е. эпохѣ Гиксосовъ; и неразумное (быть можетъ нѣсколько страстное) желаніе, съ которымъ отыскивали въ Пятикнижіи признаки сравнительной новости, довело только до необходимости приблизить его начало къ эпохѣ послѣдняго изъ прародителей. Наука сама себя очищаетъ отъ примѣси страстей и свѣтлѣетъ въ борьбѣ окончательнымъ торжествомъ истины. До-моисеевская древность Израильскаго преданія придаетъ ему еще высшее значеніе въ исторіи. Мы имѣемъ памятникъ, писанный въ XVIII-мъ или XIX-мъ вѣкѣ до Р. Хр.

Большая часть критиковъ нашего вѣка старались удалить изъ Библіи всѣ пророчества о Мессіи. Это вопросъ не богословскій, но историческій. Евреи издавна читали въ своемъ писаніи обѣтованіе будущаго торжества и будущаго царя-жреца-побѣдителя. Спорить о текстахъ дѣло богослововъ. Дѣло историка сказать: «Евреи правы. Въ Библіи есть обѣтованіе Мессіи и есть потому, что не можетъ не быть: оно общее всему Праву.»—Точно также и на мнѣніе ученаго Германца, что въ первомъ текстѣ не было преданія о грѣхопаденіи, критика должна отвѣчать a priori: «У Евреевъ было издревле понятіе о личномъ воплощеніи злаго начала: оно должно было явиться у нихъ миѳомъ или сказаніемъ въ исторіи человѣчества и племени Еврейскаго; оно не могло не явиться». И дѣйствительно это доказывается 5-ю стихами (2, 3, 4, 5 и 6) третьей главы книги Бытія, которые изъ древняго до-моисеевскаго текста поступили въ пополнительный, моисеевскій.

Ясное понятіе о Библіи необходимо для уразумѣнія всей жизни народа Еврейскаго, изъ котораго такъ пышно и великолѣпно расцвѣла жизнь всего человѣчества до нашего времени.

Семьею немногочисленною вышелъ Израиль изъ Азіи: сильнымъ народомъ возвращается онъ въ нее. Простодушно проситъ онъ у другихъ народовъ свободнаго прохода на сѣверъ; но обстоятельства и условія жизни перемѣнились во время пребыванія Евреевъ въ Египтѣ. Всѣ пути преграждены и изгнанники осуждены на пребываніе въ безводной и безплодной пустынѣ, подвергаются нападенію окружныхъ племенъ. Въ семьѣ, сохранившей даже въ Египтѣ чисто семейный бытъ, появилась необходимость семейно-гражданскаго устройства. Явились законы общественные, данные Моисеемъ. Сохраненіе народа въ его будущихъ владѣніяхъ отъ напора внѣшняго и раздора внутренняго зависѣло отъ крѣпости его внутренней духовной жизни. Въ буряхъ войны и общественной жизни долженъ былъ исчезнуть голосъ преданія: нужно было утвердить начало духовной жизни и отдѣлить его рѣзко отъ всѣхъ другихъ. Нужно было дать преданію вещественную неизмѣнность. Появились законы духовные, данные Моисеемъ; появилось пополненіе краткаго преданія, записаннаго еще во времена Гиксосовъ. Первое содержало только катихизисъ духовной вѣры, высказанной въ формѣ исторической. Пополненіе заключило въ себѣ всѣ историческія воспоминанія, сохранившіяся въ народѣ, насколько они имѣли отношеніе къ судьбѣ избраннаго народа. Сорокалѣтнее странствованіе Израиля въ пустынѣ уже въ видѣ гражданскаго общества, но безъ прямыхъ заботъ государственныхъ, безъ упорной борьбы съ сосѣдними племенами, глазъ на глазъ съ духовнымъ началомъ своего преданія, подъ твердой охраной своего законодателя, это странствованіе заключаетъ въ себѣ единственную возможность послѣдующей судьбы народа.

Отчищеніе или перегонка миѳовъ Палестинскихъ и другихъ въ пле-

мени Еврейскомъ, возведшемъ ихъ до вѣры чисто духовной, есть такая нелѣпость, передъ которою здравый смыслъ ужасается. Объ ней спорить нельзя. Достаточно въ нее вглядѣться. Критикамъ сполá-горя взять миѳъ и отыскивать въ немъ его первобытный смыслъ, потомъ изъ нѣсколькихъ миѳовъ, подверженныхъ такой фильтровкѣ, составить цѣлую религію. Все это дѣло легкое: но приставить такую систему къ исторіи,—и разсмѣешься по неволѣ. Станьте мыслію въ Іудеѣ: оглянитесь на окрестные народы и въ этомъ кипѣніи религій Сиро-Палестинскихъ поймите вдохновеніе Давида и пророковъ. Сохраненіе преданія болѣе или менѣе истиннаго возможно (и то не безъ жестокой борьбы) только при слѣдующихъ условіяхъ: что оно было принесено извнѣ; что оно было утверждено письменными памятниками; что оно было поручено охраненію одного рода или колѣна, или сословія. Одно только соединеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ можетъ объяснить Іудею. Критика здравая признаетъ поневолѣ преданіе Евреевъ преданіемъ не Палестинскимъ, а общимъ достояніемъ племени Иранскаго. Преданіе сохранилось въ одной, строго отдѣленной семьѣ пастуховъ, не смотря на то, что эта семья приняла нарѣчіе племенъ, ее окружающихъ, потомъ нужно ей было отдѣльное привольное житье въ области рѣзко отдѣленной отъ нея по языку своему и быту; нужны были вѣка благоденствія, размножившія ее, потомъ вѣка страданія и глубокаго презрѣнія со стороны своихъ утѣснителей, нужно было воспитаніе пустыни и величественное лице законодателя Моисея. Иначе вся Іудея и вся ея лѣтопись и весь характеръ ея вѣры были бы несбыточною сказкою, явленіемъ невозможнымъ въ исторіи.

Такимъ образомъ, когда чистое Иранство исчезло съ лица земли отъ всемѣстнаго сліянія съ миѳами Кушитовъ, когда только слабые остатки его кое какъ сохранились въ древней родинѣ своей, въ пригорьѣ Демавенда и въ отрогахъ горъ Парсистана, оно возникло во всей полнотѣ своего духовнаго ученія среди племенъ мѣшанныхъ, утратившихъ всѣ свои преданія, лишенныхъ всякаго нравственнаго и религіознаго достоинства, наконецъ на самой границѣ земли, создавшей, воспитавшей и распространившей поклоненіе вещественной необходимости и символамъ ея органической полярности.

Продолжительна была борьба Израиля въ землѣ Ханаанской. Первыя его завоеванія были быстры: но по большей части они ограничивались горными округами, въ которыхъ превосходство туземной конницы было безполезно. Потомъ наступили времена угнетенія, за которыми слѣдовали новыя торжества, и владѣнія Евреевъ продолжали мало-по-малу распространяться, не смотря на многолѣтнія ихъ несчастія. Лѣтопись ихъ очень ясна въ общемъ смыслѣ, хотя подробности часто затрудняютъ критику. Народъ, связанный общимъ преданіемъ и узами единства духовнаго, но не сомкнувшійся въ формы государственныя, былъ безсиленъ или могущъ только въ слѣдствіе направленія его внутренней жизни. Отклонялся ли онъ отъ преданія первопачальнаго и, сливаясь съ племенами сосѣдними, утрачивалъ начало своего общественнаго союза,—онъ подпадалъ власти другихъ племенъ. Являлся ли человѣкъ, могущій духомъ, волею и вѣрою въ духовное достояніе Израиля? Онъ собиралъ около себя всѣ лучшія стихіи народа и велъ его къ побѣдамъ и завоеваніямъ.

Безполезно бы было слѣдить за однообразною судьбою Евреевъ въ продолженіи пяти вѣковъ отъ великаго преемника Моисеева до временъ Самуила, за преобладаніемъ племенъ Ханаанейскихъ, Сирійскихъ и Аравійскихъ и за поочередными торжествами Барака, Гидеона, Толаха, Іефѳая, Самсона и другихъ судей Израиля. Во все это время нѣтъ ни малѣйшаго слѣда государственнаго единства: нѣтъ ни выборовъ народныхъ, ни началъ монархическихъ, ни аристократическаго устройства, ни преобладанія одного колѣна, ни даже видимаго богоправленія (ѳеократіи). Вообще нѣтъ ничего условнаго или искусственнаго. Великій человѣкъ увлекаетъ за собою братій своихъ и признается ихъ начальникомъ безъ всякихъ положительныхъ обрядовъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія. Кто бы ни былъ онъ, изъ какого бы ни былъ колѣна, пастухъ, жрецъ, хлѣбопашецъ или даже женщина, признавшая въ себѣ призывъ свыше (какъ Дебора, пророчица Эфраима), все равно. Жизнь народа про-

должается во всей безъискусственности обществъ первоначальныхъ, основываясь на простотѣ быта семейнаго и на упорствѣ преданій и стремленія духовнаго, сохранившихся отъ бѣгства Авраама изъ родины, въ которую уже вкрадывалось огнепоклонство или южное служеніе кумирамъ (по преданію Еврейскому и по свидѣтельству книги Іисуса Навина, глава 24 ст. 2), до сосредоточенія всей власти судебной въ рукахъ предшественника Самуилова, т. е. въ теченіи 12-ти вѣковъ.

Удаленіе Авраама изъ нѣдръ отечества вслѣдствіе нашествія иноземной религіи и отторженіе его отъ всего рода своего, сохранившее въ его отдѣльной семьѣ чисто-Иранское начало: вотъ въ чемъ состоитъ его всемірно-историческое значеніе.

Легокъ былъ успѣхъ Евреевъ въ ихъ первыхъ войнахъ. Земля Ханаанская была раздѣлена между множествомъ отдѣльныхъ властителей, не соединенныхъ въ общую систему и безпрестанно враждующихъ другъ съ другомъ; ихъ разрозненныя ополченія или временные союзы пали безъ большаго сопротивленія передъ дружнымъ натискомъ завоевателей. Труднѣе и опаснѣе была послѣдовавшая за тѣмъ борьба, когда оставшіяся племена, наученныя прежнимъ опытомъ, стали дѣйствовать совокупными силами, между тѣмъ какъ узы единства духовнаго у Евреевъ уступали передъ постояннымъ искушеніемъ развратныхъ нравовъ и вещественныхъ религій. Память единства не исчезала вполнѣ, и при возстаніи смѣлаго вождя изъ одного колѣна, часто другія колѣна оскорблялись, если онъ не призывалъ ихъ къ общему ополченію (какъ ясно изъ сказанія о Гидеонѣ и другихъ); но съ другой стороны, послѣ паденія многихъ мелкихъ областей Ханаанскихъ, составился могущественный союзъ Филистимлянъ, противъ котораго едва устояла вся сила Израиля подъ предводительствомъ его лучшихъ вождей.

По мѣрѣ усиленія враговъ и необходимость единства становилась очевиднѣе. Въ этомъ отношеніи эпоха Іефѳая обо-

значаетъ уже переломъ въ правленіи Евреевъ. Судьи Іефѳай, Ибтсанъ, Эловъ и Хабдонъ слѣдуютъ одинъ за другимъ безъ промежутка. Послѣ смерти послѣдняго изъ нихъ новыя бѣдствія постигли поклонниковъ Іеговы и сорокалѣтнее подданство Филистимлянамъ было наказаніемъ за раздоръ двѣнадцати колѣнъ. Возстаніе Самсона содержитъ уже начало второй эпохи. Представитель народнаго единства долженъ носить характеръ духовный, ибо самое единство основано на духовномъ началѣ. Первый изъ судей Израилевыхъ посвященный Богу съ дѣтства—Самсонъ Назарей. Въ немъ уже проявляется необходимость соединенія духовнаго таинства съ властью государственною; и послѣ его смерти и непродолжительныхъ бѣдствій, Израиль возрастаетъ снова въ силу подъ сѣнью чистаго богоправленія. Время Геліи и Самуила выражаетъ въ Евреяхъ сознаніе особеннаго ихъ характера, сознаніе до тѣхъ поръ пребывавшее только въ избранныхъ и лучшихъ душахъ, но теперь сдѣлавшееся достояніемъ народнымъ.

Санъ первосвященника по-видимому не былъ принадлежностью одного колѣна, точно также какъ и право быть вождемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ пророковъ и жрецовъ могли быть Левитами, хотя и считаются принадлежащими другому колѣну по мѣсту своего рожденія (ибо Левиты не имѣли отдѣльной области); но можно смѣло сказать, что по крайней мѣрѣ не всѣ жрецы и, можетъ быть, не всѣ первосвященники были изъ Левитовъ. Особенность же колѣна Левіева состояла въ томъ, что оно все было посвящено богослуженію преимущественно передъ другими, не исключая однако лицъ, которыхъ родители съ дѣтства опредѣляли на то же духовное поприще.

Преимущество Левитовъ передъ прочими выражается довольно часто и особенно въ сказаніи о Михѣ и переселеніи колѣна Данова.

Въ этомъ положеніи колѣна Левіева можно замѣтить сходство съ первоначальными Брахманами въ Индіи, которые

явно не исключали права другихъ сословій на должность жреческую. Построеніе храма и твердое устройство обрядности у Евреевъ въ послѣдствіи времени удалили всѣ прочія колѣна отъ алтарей Іеговы, точно также, какъ въ Индустанѣ усиленіе Брахмановъ позволило имъ унизить всѣ остальныя касты и устранить ихъ отъ богослуженія. Впрочемъ сказаніе о преступленіи колѣнопачальника Левитовъ доказываетъ, что никогда жрецы Еврейскіе не имѣли ни такого общественнаго значенія какъ Брахманы, ни исключительнаго храненія священныхъ книгъ.

Вѣроятно и Египетъ представлялъ въ этомъ отношеніи сходство съ Іудеею и древнимъ Индустаномъ, и люди рожденные не въ священной кастѣ могли быть посвящены въ ея таинства и права. Изъ памятниковъ кажется можно заключить, что цари пользовались нѣкоторыми степенями въ Іерархіи духовной, и едва ли это не имѣетъ сношенія съ разницею именъ между таблицами Манетона и надписями іероглифическими. Въ одномъ случаѣ употреблялось, можетъ быть, имя общенародное, въ другомъ священное. Этой разницы почти не замѣтно при царяхъ первосвященникахъ, имѣвшихъ по вѣроятности только одно имя. О двойственности же царскихъ названій можно заключить по многимъ примѣрамъ и особенно по свидѣтельству Манетона о *Рамезесѣ-Мелмунѣ*, иначе *Сесостѣ*.

Израиль получалъ болѣе и болѣе сознаніе своего духовнаго значенія, и послѣ Назарея—Самсона судъ надъ колѣномъ Веньямина носитъ на себѣ характеръ чисто-религіозный, составляя переходъ къ послѣдовавшей теократіи. Наконецъ, пользуясь этимъ просвѣтлѣніемъ мысли народной, Самуилъ возвысилъ Израиль и на долго положилъ основаніе его независимости; но познавъ вполнѣ необходимость устройства общественнаго и постояннаго, не измѣняющагося единства, Евреи увлечены были вскорѣ соблазнительнымъ примѣромъ областей сосѣднихъ. Они сперва отказались отъ частной, неограниченной свободы въ пользу закона духовнаго. Выгоды единства заставили ихъ искать еще болѣе твердой опоры

для него, и вслѣдствіе этого убѣжденія Израиль замѣнилъ свободное повиновеніе мысли религіозной, выраженной въ жрецѣ-пророкѣ, принудительною силою условія государственнаго, выраженнаго въ царѣ. Съ горестью уступилъ престарѣлый первосвященникъ первенство вождю-воину: но народъ, требовавшій царя, еще не отказался отъ прежней свободы избранія, и Саулъ признанный многими, благословенный на державство Самуиломъ, долженъ былъ личнымъ мужествомъ и успѣхомъ въ войнѣ пріобрѣсти покорность своихъ подданныхъ. Это явленіе, напоминающее время воинственныхъ судей, уже болѣе не повторялось. Были крамолы, раздоры и похищеніе престола; но не являлось уже снова право, которое имѣлъ народъ требовать отъ вождя доказательства его личнаго превосходства предъ другими въ совѣтѣ и битвѣ. Царское званіе окружило лице царей таинственнымъ блескомъ, возвышающимъ его надъ судомъ общества, и цари Іуды и Израиля стали въ общую череду всѣхъ владыкъ Востока.

Саулъ изъ колѣна Веніямінова продолжалъ дѣло освобожденія, начатое Самуиломъ. Полный силъ воинскихъ, но лишенный глубокаго чувства къ духовному призванію своего народа, онъ посягнулъ на права жрецовъ и возстановилъ противъ себя первосвященника и пророковъ. Бѣдствія, смерть и погибель всего рода были неизбѣжными послѣдствіями внутренняго разъединенія. Другой царь, другой родъ были призваны на престолъ Израиля.

Красота Веніяминита, его удальство въ бояхъ, его побѣды, его бурныя страсти, отеческая любовь стараго пророка къ юному воину, святая дружба Іонаѳана къ счастливому сопернику, горе Самуила, передающаго противъ воли царское званіе потомку колѣна Іудова, самоубійство царя, утратившаго въ одинъ день всю славу свою, власть и цвѣтущую юность сыновей своихъ, и надгробная пѣснь Давида надъ своимъ гонителемъ, пѣснь исполненная высокой любви и восторга, все сливается въ чудно-трагическую поэму, дышащую всею истиною современности и находящую отголосокъ во всѣхъ вѣкахъ и въ душѣ всѣхъ художниковъ.

Колѣно Іуды не имѣло никакой власти надъ другими; но оно пользовалось очевиднымъ первенствомъ уже во времена судей и часто ополченіе его отдѣляется въ счисленіи общаго ополченія Израилева. Ефраимъ, его соперникъ по силѣ народа и пространству области, много разъ судившій своихъ братьевъ и управлявшій ихъ судьбою, не легко подчинился новому державному роду. Самуилъ Ефраимитъ не охотно помазалъ на царство Іудея Давида, и послѣ смерти Саула десять колѣнъ подъ очевиднымъ предводительствомъ Ефраима долго не покорялись новому царю. Скрытая вражда продолжалась при Давидѣ и его роскошномъ преемникѣ; но она уступала обаянію славы и могучей личности двухъ первыхъ Іудейскихъ царей. Многочисленный Іуда и почти исчезнувшій Веніяминъ одни только всею душею любили царя-пророка и родъ его: другіе покорялись, готовые къ возстанію.

Кромѣ зависти колѣна Ефраимова, вѣроятно дѣйствовало и потемнѣніе преданій Мозаическихъ во всѣхъ о колѣнахъ за исключеніемъ Іуды.

Безспорно, два царствованія Давида и Соломона представляютъ лучшую эпоху народа Израильскаго и въ ихъ личностяхъ заключается столько поэтическихъ стихій, что легко понять, какъ слава ихъ поразила живое воображеніе Аравитянъ и распространилась по всему Востоку. Бѣлокурый отрокъ, сынъ Іессея, младшій въ домѣ отца, рабъ старшихъ братьевъ, пастухъ воспитанный въ нѣдрахъ пустыни, глазъ на глазъ съ вдохновительною природою и яснымъ небомъ Палестины, боецъ спасающій отечество и не умѣющій еще надѣть на себя оружіе воина (Самуила кн. I гл. 17 ст. 39), пѣвецъ усмиряющій дикія страсти царя чудными звуками арфы, изгнанникъ, любящій своего гонителя и сына его любовью невыразимою (Самуила II гл. 1 ст. 26), царь, возвышающій народъ свой на такую степень величія, на какую онъ не восходилъ ни прежде ни послѣ, пророкъ, сосредоточивающій въ себѣ все глубокое сознаніе превосходства Израиля передъ народами міра, человѣкъ, соединяющій въ себѣ всѣ крайности нищеты и величія, пламенныхъ страстей и

смиреннаго покаянія, дѣятельности общественной и поэтическаго созерцанія, наконецъ величайшій поэтъ всѣхъ вѣковъ по жару и глубокой искренности вдохновенія, —Давидъ есть одно изъ величайшихъ явленій въ исторіи всемірной. Болѣе царственный и великолѣпный, болѣе вещественно мудрый чѣмъ отецъ, но уступающій отцу въ смѣлости предпріятій, въ живой восторженности души, и въ значеніи историческомъ, Соломонъ готовитъ уже паденіе царства. Самое примиреніе древняго преданія Иранскаго съ художествомъ Куша, являющееся сначала какъ видимое торжество вѣры, уже скрываетъ въ себѣ сѣмена искаженія. Тѣсныя оковы мѣстности ложатся на всемірное преданіе. Не смотря на свое безспорное величіе, Соломонъ уступаетъ Давиду, какъ поэзія вещественнаго зодчества уступаетъ поэзіи духовнаго слова.

Въ обоихъ, Давидѣ и Соломонѣ, также какъ во всей лѣтописи Израиля, отъ Сиоа и Сима до Авраама и Іакова, замѣтно какое-то предпочтеніе къ младшему въ родѣ. Довольно замѣчательна та же самая черта въ Русскихъ сказкахъ и въ сказаніяхъ Геродота о Скиоахъ, именно о младшемъ сынѣ Геракла *Скиѳесѣ* и о Колаксаисѣ и его старшихъ братьяхъ. По обычаю Славянскому отцовскій домъ принадлежитъ меньшому сыну. Не древняя ли черта первобытнаго Ирана, сохранившаяся у Израиля въ смыслѣ духовномъ, у Славянъ, по ихъ бытовому характеру, въ бытовомъ приложеніи?

Давидъ, какъ поэтъ, стоитъ выше всѣхъ по простотѣ и искренности: слова вырываются у него изъ-подъ самаго сердца. Его священныя пѣсни возможны были только въ томъ племени, которое никогда не утрачивало преданія и не подвергалось реформѣ. Іегова,—творецъ міра, также живо является передъ глазами пророка, какъ самый видимый міръ. Это созерцаніе прямое, непосредственное, это отсутствіе умствованія при высочайшей духовности представляетъ ручательство за безконечную древность самой религіи. Весь первобытный Иранъ сохранился въ домѣ Израиля; ученые критики, видящіе все, не видали разницы, явной для неуча, между лирою Евреевъ и поэтическими произведеніями Брахмановъ и другихъ народовъ. Пора одуматься. Страсти богословскія и философскія не должны потемнять исторіи.

Южная Сирія и богатый Дамаенъ платили дань дому Іакова. Идумея повиновалась ему до границъ Египта; Финикіяне служили его торговлѣ и просили отъ него лѣсовъ для кораблестроительства. Караваны шли къ нему черезъ пустыню по новымъ путямъ, въ которыхъ росли новые города, суда плыли къ нему съ восточныхъ береговъ Африки и югозападныхъ окопечностей Европы (изъ Офира и Таршиша). Мѣдью, серебромъ и золотомъ, отнятыми у враговъ, блисталъ новосозданный храмъ Іеговы, чудо міра, великолѣпное созданіе поэтическаго Богопоклоненія; чудныя пѣсни восторженныхъ пророковъ придавали обрядамъ вѣры величіе, котораго не зналъ ни Кушъ, ни Иранъ, ни страны религіознаго синкретизма. Но все измѣнилось мгновенно съ кончиною преемника Давидова, вѣчаннаго мудреца, слишкомъ довѣрявшаго своей мудрости, пресыщеннаго жизнью и упоеннаго своимъ величіемъ. Зависть десяти колѣнъ, уже зараженныхъ соблазномъ Сиро-Палестинскихъ религій, отторгнула ихъ отъ Ровоама и Мизраимъ (Египетъ), вѣроятно союзникъ Іеровоама, долго жившаго при дворѣ Фараоновъ, нахлынулъ на ослабшее царство; Шешонкъ перенесъ на берега Нила сокровища, собранныя Давидомъ и его преемникомъ для дома Господня. Упадокъ Израиля. Эпоха пророковъ.

Никогда уже не возставалъ Израиль. Имя это присвоили себѣ отдѣлившіяся колѣна, отпавшія отъ вѣры и обычаевъ предковъ своихъ. Царство Іерусалимское приняло имя своего колѣнопачальника, сохраняя еще, въ упадкѣ своемъ, преданіе давномипувшей старины.

Въ послѣдній разъ видимъ мы въ названіи царства Іудейскаго проявленіе того закона, по которому Израиль, называя себя по имени Іакова, не смѣлъ называться ни Аврамомъ ни Исаакомъ, законъ объясняющій все лѣтосчисленіе книги Бытія.

Безполезно бы было слѣдить за упадкомъ и безпрерывными бѣдствіями потомковъ Давида. Ихъ четырехвѣковая борьба и временные союзы съ преемниками Іеровоама, съ

Сиріею, Египтомъ и грозными ополченіями Ниневіи и Вавилона, ихъ отступленія отъ закона отцевъ и возвратъ къ нему, вся ихъ мелкая судьба и безотрадная жизнь исчезаютъ въ исторіи всемірной. Царство Израиля, исчезнувшее безъ слѣда, заслуживаетъ еще менѣе вниманія.

Отъ него не уцѣлѣло ничего, и если плѣнные Израильтяне имѣли какое-нибудь вліяніе на развитіе синкретическихъ миѳовъ на берегахъ Евфрата или далѣе, это вліяніе было вѣроятно также ничтожно, какъ ихъ собственный характеръ, и до сихъ поръ нигдѣ не подмѣчено.

При заслуженномъ паденіи царства Іудейскаго должно однакоже признать нѣкоторое улучшеніе въ правахъ. Многоженство исчезаетъ или является какъ исключеніе, вражды семейныя и братоубійства становятся рѣже, лѣтопись перестаетъ упоминать о многихъ обычаяхъ свирѣпыхъ или отвратительно грубыхъ, которыми изобилуютъ времена судей, Самуила и даже Давида. Духовное ученіе продолжало дѣйствовать на жизнь народную, не смотря на безпрестанное колебаніе вѣры. Еще замѣчательнѣе умноженіе пророковъ и пророчествъ. Самое званіе пророка было слѣдствіемъ воли отдѣльныхъ лицъ, но въ то же время школы или разсадники пророческіе представляли какое-то устройство общественное, подчиненное извѣстнымъ законамъ. Пророки не принадлежали къ левитамъ, но находились съ ними въ связи. Взаимныя ихъ отношенія, по всей вѣроятности, были похожи на отношенія монаховъ къ бѣлому духовенству въ церквахъ VI и VII столѣтія. Размноженіе пророковъ въ Іудеѣ происходило отъ тѣхъ же причинъ, по которымъ отшельники размножались въ имперіи Византійской. Въ удаленіи отъ общества гражданскаго выражалось отчаяніе лучшихъ и избранныхъ душъ, безполезно трудившихся надъ перерожденіемъ государства и признавшихъ наконецъ, что его обветшалыя, упрямыя и мертвыя формы уже не способны принять въ себя духъ мысли животворящей. Въ этомъ отчаяніи, вредномъ для развитія общества и ускоряющемъ его

разрушеніе, находится свидѣтельство живыхъ силъ мысли, пребывающей въ немъ, и залогъ его будущаго возрожденія.

Послѣднее столѣтіе царства Давидова представляетъ жалкую картину предсмертнаго страданія. Финикійцы съ запада, средне-азійскіе Скиѳы (не Славяне), Сирійцы, и Ассирійцы съ сѣвера, Египетъ и кочевыя племена Аравіи съ юга безпрестанными погромами опустошали его поля, разрушали его города и не разъ врывались въ самую столицу. Наконецъ Фараонъ Нехао, побѣдивъ Іосію, взялъ и разграбилъ Іерусалимъ; его торжественное шествіе достигло береговъ Евфрата; Египетъ видѣлъ возвратъ своей древней славы: но не надолго. Гроза, давно уже поднимавшаяся на востокѣ въ ожившемъ Вавилонѣ, разразилась надъ Египтомъ, надъ Сиріей и надъ Финикіей. Нехао побѣжденный бѣжитъ изъ Азіи, берега Нила опустошены Новуходоносоромъ завоевателемъ; Сирія покрывается развалинами своихъ цвѣтущихъ городовъ, гордый Тиръ, царь морей, разрушенъ послѣ долгой и отчаянной борьбы, и царство Іуды, и его столица, и его храмы, и его народъ—все исчезаетъ безъ слѣдовъ передъ налетѣвшею бурею.

Такъ должна была погибнуть мелкая область, нѣкогда сильная единствомъ духа, но утратившая его вмѣстѣ съ обрядами и преданіями древности. Ассирія и особенно Вавилонъ вели войну не только политическую, но и религіозную. Съ ожесточеніемъ преслѣдовали они всякую вѣру чужую, но особенно идолослуженіе Финикійское и поклоненіе священнымъ рощамъ. Іерусалимъ, принявшій къ себѣ все безуміе сосѣднихъ областей, навлекъ на себя свою гибель столько же отступничествомъ отъ Моисеева, сколько и неразумною политикою. Израиль палъ еще прежде Іуды, но, вполнѣ исказившійся, онъ уже не могъ отдѣлиться отъ своихъ побѣдителей. Іуда, не забывшій еще закона Моисеева, очистился и духовно окрѣпъ въ страданіяхъ семидесятилѣтняго плѣна. Когда, въ свою очередь, палъ Вавилонъ, древнѣйшее изъ всѣхъ царствъ, основанныхъ Кушитами въ землѣ Иранской, поклонникъ Іеговы отдѣлился отъ служителей Ваала и воз-

вратился въ свою родину съ обрядами, преданіями и законами своихъ предковъ, съ просвѣтлѣвшимъ разумомъ и очищенною душою. Не суждено было погибнуть первобытному Иранству, общему достоянію Симо-Яфетидовъ.

Не нужно повторять доказательства о современности лѣтописи Іудейской и происшествій разсказанныхъ въ ней. Безпрестанное повтореніе формы «и до нашего времени», и «до сихъ дней», о такихъ вещахъ которыя не могли существовать послѣ паденія Іерусалима, многія мелкія подробности, какъ напр. послѣдніе стихи 2 книги Царствъ и другіе, служатъ явнымъ доказательствомъ тому, что вся лѣтопись составлена изъ современныхъ источниковъ. Другое дѣло—редакція. Критика можетъ сомнѣваться въ ней не безъ причины: но это вопросъ весьма второстепенный и касающійся, какъ уже сказано, только лѣтописи царскихъ временъ, а не сказаній отъ книги Бытія до Самуила включительно.

Движенія народовъ на Сѣверѣ: Киммеріи; Скиѳы, Сарматы-Азы.

Западъ, т. е. Европа, отдѣлялась болѣе и болѣе отъ Востока. Паденіе Вано-Ассирійской династіи, связанной единствомъ племени и сказаній религіозныхъ съ Индустаномъ и берегами Атлантическаго океана, возстаніе новой, болѣе мѣстной и враждебной всѣмъ другимъ племенамъ, династіи Халдео-Ассирійской, образованіе отдѣльныхъ, разностихійныхъ государствъ въ Малой Азіи и успленіе Эллинскаго дружиннаго общества перервали всѣ сношенія по путямъ южнымъ. Движеніе Кельто-Кумрійцевъ на сѣверъ въ междурѣчіе Волги и Дона разрѣзало цѣпь Ванскихъ поселеній за Кавказомъ. Примыкая къ глубокому сѣверу и къ прегорью Уральскому, Кимры приняли часть дикаго быта и примѣсь словесныхъ стихій отъ средне-азійскихъ Финно-Турокъ, давно уже обогнувшихъ съ сѣвера область Славянскую и населившихъ всю пустыню отъ Алтая до гранитныхъ утесовъ Скандинавской цѣпи. Удаленіе Кимвровъ за Кавказъ относится ко времени Вано-Ассирійцевъ; изгнаніе ихъ изъ Приволжья современно паденію Халдео-Ассирійской династіи. Жительство ихъ въ степяхъ Приуральскихъ продолжалось около, если не болѣе, 10

столѣтій. Полчища ихъ прорывались иногда далеко на югъ чрезъ Кавказскія ущелія; колоніи вѣроятно раскинулись далеко на сѣверо-западъ къ берегамъ Балтики (Вендскаго *блата*) и, можетъ быть, въ сѣверъ Германіи. Но къ концу VIII-го столѣтія до Р. Х. усилившіяся Средне-Азійскія племена съ береговъ Иртыша и Оби спустились къ Волжскимъ берегамъ и вытѣснили Кимвро-Кельтовъ изъ ихъ древнихъ жилищъ. Разгромленные, испуганные дикимъ налетомъ кочевого народа, Кимвры бѣжали, иные по прибережью Чернаго моря въ Малую Азію, гдѣ, послѣ разоренія многихъ городовъ, они погибли отъ соединеннаго напора туземцевъ, иные въ Крымъ, гдѣ они долго еще удерживались въ горахъ, тѣснимые Сармато-Аланами и Славяно-Гетами, иные на сѣверо-западъ въ Германію, въ Галлію и въ Британнію заморскую, гдѣ они основали постоянныя жилища. Въ Германіи разрѣзали они приморскія области Славянъ и Германцевъ и поселились въ Херсонесѣ Кимврскомъ, теперешнемъ Ютландѣ; въ Галліи они основали область Беолговъ (Белгію); въ Британіи утвердились подъ именемъ *Кумри*.

Кимвръ и *Іотунъ* или *Ютъ* одно и тоже, какъ уже сказано. *Беолгъ*, по всѣмъ вѣроятностямъ и по преданіямъ значило *священный* отъ корня *беолъ* или *белъ*. Имя *Волга* (Штиль, Волга или Болга—святая рѣка) дано ей тѣмъ же племенемъ, которое самого себя называло святымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что большая часть сѣверныхъ и восточныхъ семей въ Россіи, также какъ и часть Прибалтійскихъ Эстовъ и Леттовъ состоитъ изъ смѣшенія стихій Кельто-Кумрійскихъ, Средне-Азійскихъ и отчасти Сарматскихъ (въ Черемисахъ и Мордвѣ). *Кумри* и *Беолги* или *Фиръ-Болгъ* ворвались и въ Ирландію; но въ области уже болѣе образованной, чѣмъ остальные Кельты, и принявшей много началъ Финикійскихъ, Кумри-Беолги приняты были какъ враги и завоевали себѣ жилища мечемъ. Радушнѣе былъ пріемъ въ полу-пустынной Британіи и въ Галліи, гдѣ пришествіе Белговъ усилило Кельтовъ и помогло имъ мало-по-малу подвигаться къ Средиземному морю, уничтожать Венето-Лигурскія и небольшія Иверскія семьи и наконецъ составить громадную силу, долго угрожавшую всей южной Ев-

ропѣ за Пиренеями, Альпами и въ самой Элладѣ. Возрастаніе Кельтовъ очевидно совпадаетъ съ бѣгствомъ Кимвровъ изъ ихъ восточной области.

Кочевые Средне-Азійцы, завоеватели Приволжья прослыли Скиѳами у Эллиновъ и Иранцевъ по области, въ которой они поселились, ибо самая земля Кумрійцевъ считалась частью великой *Сако-Гетской* (Славянской) стороны. Достигнувъ Кавказа, они скоро прорвались черезъ его восточные скаты по прибережью Каспія въ области Иранскія и понеслись на югъ неудержимымъ разрушительнымъ потокомъ. Передъ ними пали ополченія южнаго царства Мидійскаго; Ниневія и Вавилонъ едва спасаются несокрушимою крѣпостью своихъ стѣнъ; Сирія, Финикія, Іудея покрываются развалинами городовъ своихъ и трупами жителей; Египетъ, устрашенный, высылаетъ своего фараона Псамметиха съ богатыми дарами на встрѣчу завоевателей и откупается отъ опустошительнаго набѣга. Это нашествіе совершенно похоже на налеты позднѣйшихъ ордъ Средней Азіи, на губительные походы Темуджина или Тимура. Цѣлыхъ двадцать восемь лѣтъ гостили дикари въ землѣ Иранской, сохраняя свои кочевые обычаи и безпощадно угнетая побѣжденныхъ, покуда они не погибли въ одинъ день отъ измѣны и всеобщаго возстанія Мидіи. Уже много столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ Европа и Азія знали имя и могущество Скиѳовъ: но не было ни прежде ни послѣ подобнаго явленія до тѣхъ поръ, покуда не возстали въ силѣ своей народы горной средне-Азійской твердыни. Очевидно, эти Скиѳы не имѣли съ истинными (*Сако-Гетами*) ничего общаго, кромѣ имени, даннаго имъ полу-ученымъ невѣжествомъ южныхъ народовъ.

Большая часть ополченія, прошедшаго черезъ Кавказъ, была уничтожена. Бѣглецы, избѣгнувшіе смерти и часть племени, оставшаяся на сѣверѣ, основали на нѣсколько вѣковъ свое кочевое жительство въ степяхъ Придонскихъ и на берегахъ Чернаго моря. Тутъ сражался съ ними Дарій; тутъ зналъ ихъ Геродотъ, знавшій также, что они не назывались никогда

Скиѳами, и въ то же время смѣшивавшій съ ними подъ однимъ общимъ названіемъ Вендовъ (Вудиновъ) и другія славянскія осѣдлыя семьи (которыхъ онъ называетъ съ большею справедливостью *Скиѳами землепашцами*), и вѣтви семей славянскихъ, принявшихъ, по обычаю племени, кочевой бытъ казаковъ для охраны своихъ мирныхъ и осѣдлыхъ братій; тутъ наконецъ погибли сѣверо-восточные пришельцы отъ дружнаго напора Сарматовъ съ востока и Гетовъ съ юго-запада.

Покуда Приволжье было областью Кимвровъ, выходцы изъ средняго Ирана, сыны горной области Мидійской, Азы или Сарматы (позже извѣстные подъ именемъ Алановъ) отодвинули Кельто-Иверцевъ на сѣверъ и въ ущелія Кавказа и основали свое жилище на его южномъ скатѣ. Долго старались они безполезно прорваться чрезъ эту горную твердыню и не могли вполнѣ одолѣть сопротивленія Кумрійцевъ. Кавказъ съ своими тѣсными долинами, перехваченными каменною стѣною, прославился въ сказаніяхъ Ирана подъ именемъ желѣзнаго пояса, отдѣляющаго людей отъ злыхъ великановъ. То же самое сказаніе перенесено было Азами въ Скандинавскій полуостровъ, и Эдда сохранила намъ имена двухъ враждебныхъ племенъ въ божественныхъ Азахъ (т. е. Иранцахъ) и Іотунахъ (т. е. Кимврахъ). Новопришлый кочевой народъ первымъ порывомъ своимъ могъ вытѣснить Кимвровъ и опустошить весь югозападъ Азіи: но онъ не имѣлъ той плотной и упорной крѣпости, которая необходима для продолжительной борьбы. Сарматы, не одолѣвшіе сопротивленія Кумрійцевъ, вскорѣ отодвинули ихъ побѣдителей и заняли берега Волги и Каспія. Можетъ быть, они уже и прежде прорвались въ степь съ восточнаго берега Каспія (изъ земли позднѣйшихъ Парѳянъ) или съ моря; быть можетъ они начали заселять устье Волги еще при Кумрійцахъ: но усилились они уже послѣ побѣды Средне-Азійскихъ Скиѳовъ. Сильнѣе и сильнѣе становился перевѣсъ Сармато-Алановъ, и когда послѣдніе Кумрійцы были принуждены бѣжать изъ Крыма, когда кочевое племя пришельцевъ погибло, когда остались соперниками только кроткія, но все непобѣжденныя семьи Ваповъ

Славянскихъ, тогда Аланы наполнили весь міръ славою своего оружія и прослыли первымъ изъ народовъ Сѣвера.

Имена Сарматскихъ вождей, ихъ вооруженье и панцыри на коняхъ—остатки языка Азовъ въ Осетіи и вся миѳологія Азовъ въ Скандинавіи убѣдительно доказываютъ происхожденіе главной Сарматской семьи изъ Ирана. Ея вѣтви и народы, составившіеся изъ примѣси къ нему инокровныхъ стихій (какъ *Язъ-зиги*) и народы, принявшіе отъ него имя по тщеславію Аланъ, засвидѣтельствованному древними, весьма многочисленны и не были еще предметомъ дѣльныхъ монографій. Впрочемъ для исторіи достаточно понять движеніе великаго Средне-Иранскаго племени на сѣверъ. Оно началось около 8 вѣковъ до Р. Х. и продолжалось до I или II по Р. Х. Нѣтъ сомнѣнія, что враждебныя отношенія Кимвровъ, иныхъ Скиѳовъ и Сарматовъ къ племенамъ Вендскимъ должно было прекратить или по крайней мѣрѣ сильно ограничить торговлю восточныхъ Ваповъ, Саковъ и Гетовъ, живущихъ на востокѣ отъ Каспія и Волги, съ ихъ западными братьями. Такимъ образомъ разъединеніе Восточнаго Ирана и Европы произошло почти въ одно время отъ границъ Египта до скатовъ Урала и сообщеніе не возобновлялось до тѣхъ поръ, покуда Заволжское Вендское казачество (Гунны) не прорвало преграды, положенной иноплеменниками въ продолженіи почти 20 вѣковъ.

Уже изъ древнихъ многіе полагали Сарматовъ выходцами изъ области Мидійской (т. е. Средняго Ирана). Истина этого мнѣнія явна изъ показаннаго уже пути Азовъ отъ горъ Мазендерана до Скандинавіи и изъ прежняго общенія между Ванами и Азами. Слѣды же этого общенія, рѣзко врѣзавшіеся въ миѳологію Сѣвера, запечатлѣны на югѣ именемъ *Аза-Вана*, даннымъ Кабулу жителями Индустана. Разсказъ Геродота о происхожденіи Сарматовъ не заслуживаетъ никакого вниманія: но Діодоръ Сицилійскій, не смотря на грубую ошибку, бросаетъ яркій свѣтъ на древнюю исторію Востока. «Скиѳы, по его словамъ, владѣли нѣсколько времени всѣми странами отъ Днѣпра до Индійскаго океана. Великіе государи управляли ими, давая свои имена

многимъ народамъ (какъ-то Сакамъ, Массагетамъ и другимъ) и основывая многія колоніи. Изъ этихъ колоній двѣ самыя замѣчательныя: Сарматы, выселенные Скиѳами изъ Мидіи, и колонія, посланная ими же изъ Ассиріи въ Пафлагонію Понтійскую.» Оставивъ въ сторонѣ ошибочное понятіе объ отношеніи и смѣшеніи Скиѳовъ древнихъ (Сако-Гетовъ) съ мнимыми Скиѳами (Средне-Азійскими), мы видимъ, что Діодоръ изъ преданій словесныхъ или писанныхъ знаетъ про Мидійское (Средне-Иранское) происхожденіе Сарматовъ (Азовъ), про власть Скиѳовъ въ Ассиріи и про основаніе колоніи ихъ на берегахъ Чернаго моря. Такимъ образомъ объясняются Саки или Гуны Приэксинскіе, упоминаемые въ клинообразныхъ надписяхъ, а историческій ходъ истиннаго Скиѳскаго (Сако-Гетскаго) племени, выведенный изъ другихъ источниковъ, подтверждается прямымъ свидѣтельствомъ древняго писателя.

Индустанъ. Развитіе Вишнуизма. Буддизмъ.

Между тѣмъ какъ народы Европейскіе отрывались мало-по-малу отъ своего восточнаго источника и общечеловѣческая жизнь разбивалась болѣе и болѣе на частную жизнь отдѣльныхъ семей, Индустанъ принималъ въ своемъ просвѣщеніи и въ развитіи своей синкретической религіи характеръ мѣстный, отчуждающій его отъ остальнаго міра. Власть была въ рукахъ завоевателей, поклонниковъ Вишну, но внутреннія безпрерывные раздоры уничтожали силу властвующаго племени и разрушали всѣ начала государственнаго единства. Борьба о первенствѣ между династіями царей, ведущихъ родъ свой отъ луны, и другихъ, ведущихъ родъ свой отъ солнца, засвидѣтельствована всѣми поэтическими сказаніями древности: она была основана, вѣроятно, не на однихъ страстяхъ мелкаго властолюбія, но на разногласіи въ самомъ характерѣ первоначальной религіи Вишнуитовъ.

Самое божество, ставши третьимъ членомъ Индійскаго Тримурти, не было, какъ уже сказано, божествомъ самостоятельнымъ. Оно не имѣло въ началѣ своемъ той всеобъемлющей важности, которая принадлежитъ творческому Брахмѣ или органически производящему Шивѣ; но соотвѣтствовало лицу бога-посредника, который созданъ былъ мыслію Иранской при ея первомъ сліяніи съ стихіями Кушитскими. Въ немъ

не должно искать ни Вела, ни Агура-Маадао, ни Словянскаго Прабога; ему соотвѣтствуютъ второй Велъ, Митра, Торъ Скандинавскій и Беленъ или Прій (Фрейръ Скандинавовъ): но въ этомъ унижепіи идеи религіозной и въ переходѣ къ человѣкообразію должно было повториться и повторилось первоначальное явленіе Прапскаго міра, поклоненіе божеству подъ его двумя символами, огня и воды, и раздвоеніе вѣры по преобладанію одного или другаго символа. Движеніе Вишнуитовъ въ Индустанѣ было съ сѣверо-запада: колыбель ихъ была въ Бактріи, первенствующая стихія въ религіи была вода. Но во время этого движенія раздѣленіе Восточнаго и Средняго Прана (т. е. Вановъ и Азовъ) не было еще рѣзко, между ними продолжалось общеніе жизни и мысли. Завоеванія были общими (какъ видно изъ названія *Аза-Вана* или *Альфъ-Вана*, Аѳганъ) и, не смотря на преобладаніе Ванскаго начала, стихія Средне-Прапская (преимущественное поклоненіе огню) должна была перенестись въ Индустанъ вмѣстѣ съ водопоклонствомъ. Раздоръ между родомъ царей лунныхъ (т. е. поклонявшихся Вишну—водѣ, олицетворенному въ *сома*,—мѣсяцѣ) и царей солнечныхъ (т. е. поклонявшихся Вишну—огню, въ *Сурья*-солнцѣ) ведетъ свое начало отъ разницы Средне-и Восточно-Прапскихъ религій. Кажется, можно еще замѣтить въ самомъ поэтическомъ характерѣ двухъ царскихъ династій, Раггуидовъ, хвалящихся *Вишну—Рамою* и Пандуидовъ, слѣдовавшихъ ученію *Вишну—Кришны*, разницу начала племеннаго, именно болѣе воинственнаго и завоевательнаго (Средне-Прапскаго) въ Раггуидахъ, болѣе мирнаго и просвѣтительнаго въ потомкахъ Панду. Парасу-Рама равно чуждъ обоимъ: онъ есть не что иное какъ усвоеніе туземными Брахманами чуждаго божества. Истинные Вишнуиты (кшатріи) не отвергали его, но унижали. Поэзія не вдохновлялась имъ и упоминала объ немъ (когда упоминала) съ явнымъ пренебреженіемъ (смотри Раггу-Вансу въ избраніи жениха).

Среди мелкихъ и темныхъ движеній Индустана, исконно жившаго дружною жизнію умствующей религіи и философіи, возведенной до вѣрованія, но утратившаго свое высокое значеніе въ поэтическомъ, но безцвѣтномъ синкретизмѣ, готовилось новое великое явленіе, долженствующее измѣнить

весь востокъ Азіи, проникнуть въ ея ледовитый сѣверъ и найти отзывы въ материкѣ, отдѣленномъ отъ нея безконечною пустынею Тихаго океана.

Вишнуизмъ по своему синкретическому характеру готовъ былъ принимать всякую религіозную стихію и усвоить себѣ всѣ возможные мнѣы. Онъ примирился съ Шиваизмомъ; онъ принялъ въ себя Буддаизмъ въ видѣ аватара (Вишну-Будда): но не въ духѣ Индіи было оставить неразвитою основу ученія Буддаическаго и не въ духѣ Буддаизма было согласиться на такую унизительную сдѣлку. Въ немъ лежало глубокое логическое понятіе о законѣ необходимости въ мірѣ проявленій; въ немъ жило высокое требованіе души человѣческой на свободу внѣмірную и достижимую только посредствомъ самоуничтоженія. Мысль эта и чувство могли заснуть на время при размельчаніи религіозной жизни въ Индустанѣ; исчезнуть вполнѣ онѣ не могли: почва Индустанская была слишкомъ плодотворна, слишкомъ глубоко проникнута силами философскаго стремленія. Въ концѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х. въ самомъ центрѣ полуострова возникъ учитель сильный духомъ и внутреннимъ убѣжденіемъ: онъ воскресилъ, пополнилъ и пустилъ въ общій ходъ тайное древнее ученіе жрецовъ Кушитскихъ. Прозваніе его осталось безсмертнымъ и почти однозначащимъ съ именемъ самого Божества: тысячи учениковъ толпились около великаго учителя; чудныя зданія, носящія на себѣ первобытный характеръ пещернаго поклоненія (напр. огромный храмъ въ Цейлонѣ, пещера Панду-Ленская и др.), засвидѣтельствовали его торжество; Индустанъ жадно принялъ вѣру исполненную духовныхъ страстей и гордаго самоотверженія, и наконецъ, когда послѣ 14-ти вѣковой борьбы Буддаизмъ былъ изгнанъ изъ странъ Прингангесскихъ, онъ завоевалъ почти треть населенія всего земнаго шара.

Невозможно опредѣлить истинное имя Буддаистскаго реформатора: оно исчезло или слилось съ другими, которыхъ нельзя считать собственно именами, но должно принять за прозвища. Его очевидно на-

зываютъ иногда Готама: но самое имя Готама принадлежитъ глубочайшей древности и таинственнымъ ученіямъ первоначальнаго Буддаизма. Въ немъ видно искаженіе формы, прославленной уже у Финикіянъ и которую можно прослѣдить до самой колыбели Кушитства, до предъ-исторической Эѳіопіи, именно формы *Кадмъ*. Эта форма отзывается въ одномъ изъ внѣ-Индустанскихъ названій Буддаистскаго реформатора, *Самано-Кодомъ*. Имя же *Самань* или *Шаменъ* (области Эѳіопской) живетъ еще доселѣ какъ имя буддъ и до сихъ поръ въ Абиссиніи дается духамъ пещернымъ. Другое прозвище того же учителя, *Шакья*-или *Сингга-муни* представляетъ весьма много различныхъ измѣненій и столько же различныхъ толкованій. Окончаніе его *муни* ясно: въ немъ заключается идея отшельника-мудреца; въ первой же половинѣ, можетъ быть, скрывается то же самое слово, которымъ обозначена въ Индустанѣ философская школа, весьма близкая къ Буддаизму,—*Санкхья*. Вѣка скрыли имя реформатора и исказили его прозвище. Легенды объ его жизни, исполненныя басенъ и нелѣпостей, не представляютъ никакой опоры для историческихъ изслѣдованій: всѣ онѣ принадлежатъ къ вѣкамъ довольно позднимъ и составлены изъ сброда всѣхъ возможныхъ сказаній. Многія изъ нихъ составлены послѣ Р. Х., слѣдовательно вѣковъ 12 послѣ лица, котораго біографію онѣ заключаютъ. Такъ напр. въ нихъ соединяются подражанія разсказу о Рамѣ, натягивающемъ лукъ царя Джанаки и подражанія Евангельскому разсказу о Срѣтеніи.

Сначала, когда еще ученіе Шакья-муни не объявляло притязаній на единовластіе въ Индустанѣ, всѣ другія религіи, впитавшія въ себя духъ терпимости Вишнуитской, жили съ нимъ мирно и позволяли его распространеніе. Уничтоженіе кастъ, основное постановленіе Буддаизма, противное Брахманамъ, находило сочувствіе въ Вишнуитахъ и Шиваитахъ; ибо ясно, что рѣзкое раздѣленіе кастъ, угнетеніе низшихъ и совершенное ихъ уничиженіе появились уже въ сравнительно позднее время, когда гордыя страсти Брахмановъ, разсвирѣпѣвшія въ борьбѣ, нашли себѣ просторъ послѣ окончательной побѣды. Къ этой эпохѣ мирнаго пребыванія Буддаистовъ въ Индіи относится основаніе секты Яйновъ, враж-

дебной всѣмъ другимъ сектамъ (особенно же чистому Брахманству) и между тѣмъ поклоняющейся почти всѣмъ миѳическимъ лицамъ, занятымъ ею у древнѣйшихъ вѣрованій. Связь ея съ Буддаизмомъ обличается въ преимущественномъ почитаніи *Гаутамы* и его слѣда (прабатъ) и въ пещерномъ богопоклоненіи: но не смотря на временное ея преобладаніе въ Индустанѣ, ея мелкій характеръ (нѣчто похожее на обоготвореніе героевъ), спасшій ее отъ жестокихъ преслѣдованій, не позволилъ ей никогда имѣть сильное вліяніе на судьбу человѣчества и на его умственное развитіе. Поклоненіе же героямъ вытекло изъ кореннаго ученія Буддаистовъ весьма естественнымъ образомъ. Уничтоженіе личности божественной и обращеніе ея въ отвлеченное понятіе о духѣ повело къ мысли, что отвлеченное понятіе принимаетъ существенность (конкретируется) въ человѣкѣ и не въ человѣкѣ вообще, но въ нѣкоторыхъ людяхъ. Таковъ смыслъ *Ягинства*, таково значеніе и позднѣйшаго Ламаизма.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ламаизмъ предполагаетъ постоянное воплощеніе не Будды собственно, но его пророка. Такое понятіе, удаляющее повидимому мысль о воплощеніи самого божества, сбиваетъ ученыхъ: они забываютъ, что коренный характеръ Буддаизма есть идея о божествѣ самоуничтожившемся. Оно обратилось въ отвлеченіе, которая о конкреція невозможна. Частныя же проявленія одни только и даютъ существенность истинно-несуществующему богу: по этому высшіе пророки суть единственныя возможныя его воплощенія. Здравая критика не можетъ не замѣтить многихъ точекъ соприкосновенія, и даже вообще разительнаго сходства, между древнимъ ученіемъ Кушитскихъ жрецовъ и новымъ Гегелизмомъ. Еще недавно въ этой философской школѣ возникло даже, какъ извѣстно, ягинство (поклоненіе героямъ). Ходъ человѣческой мысли всегда тотъ же: и смѣшно, и жалко, и все—таки не совсѣмъ въ ссорѣ съ логикою.

Къ той же исторической эпохѣ относятся, по всей вѣроятности, всѣ или по крайней мѣрѣ большая часть поэмъ или легендъ, въ которыхъ соединяется имя Будды съ именами

другихъ боговъ Индустанскихъ, представленныхъ въ видѣ его служителей. Эти поэмы, въ которыхъ поэтическаго очень мало, имѣютъ значеніе историческое и представляютъ повтореніе одной и той же идеи, именно, что всякая мудрость есть только преддвѣріе и слабое начало мудрости Буддаической.

A priori можно угадать, что чаще всего должны были встрѣчаться соединенія Будды съ Шивою. У нихъ одна колыбель (область Кушитовъ Африканскихъ), одна эмблема (*чарка*), одна основа логическая, связанная съ прямою противоположностью духовнаго созерцанія. Дѣйствительно, легенда о Матсіендрѣ (иначе Локесвара) представляетъ совершеннѣйшее сліяніе Шиваизма съ ученіемъ Будды.

Къ несчастію, невозможно прослѣдить съ совершенною точностію распространеніе Буддаизма по Индустану и внѣ его предѣловъ. Множество легендъ и желаніе примирить ихъ запутало все лѣтосчисленіе: каждый изъ великихъ учителей Буддаическихъ является по нѣскольку разъ и трудно опредѣлить, которая изъ хронологическихъ данныхъ ближе къ истинѣ.

Такъ напр. нѣсколько Амитабга, нѣсколько Шакья-муни и Авалокитсвара жили будто бы въ разныя времена.

Разборъ этихъ частностей принадлежитъ монографіямъ; общій же ходъ человѣческаго развитія въ его отношеніи къ Буддаизму довольно ясенъ. Отъ временъ Шакья-муни до великаго царя Викрамадитья (т. е. отъ XII до I вѣка прежде Р. Х.), не смотря на частныя и временныя гоненія, возрожденное ученіе Будды продолжало усиливаться и распространяться не только въ самомъ Индустанѣ, но и далеко за его границами. Кашмиръ и Кабулъ приняли проповѣдь Шакья-муни за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Въ Цейлонѣ Буддаизмъ сдѣлался первенствующимъ вѣрованіемъ въ IV-мъ столѣтіи и можетъ быть даже ранѣе; наконецъ безконечный просторъ Китая открылся для Буддаистовъ лѣтъ за шестьдесятъ до нашей эры въ царствованіе Минг-ти изъ династіи Ханъ. Политиче-

ская исторія Индустана не представляетъ великихъ потрясеній, подѣйствовавшихъ на міръ, но духовная жизнь его разлилась далеко на сѣверъ, востокъ и югъ. Когда наступило время борьбы Буддаизма съ другими религіями, онъ палъ передъ ихъ воинственнымъ напоромъ, но результаты самой борьбы представляютъ два факта весьма замѣчательные. Первый тотъ, что новый Буддаизмъ уцѣлѣлъ или восторжествовалъ именно въ тѣхъ областяхъ, которыя ему искони принадлежали по своему племенному или умственному началу (напр. въ Цейлонѣ, въ Кашмирѣ, въ Китаѣ и Тибетѣ) и погибъ въ области искони Иранской по племени и духу, въ междурѣчіи Ганга и Инда; второй тотъ, что Вишнуизмъ; мелкій, человѣкообразный, потерялъ въ Индустанѣ свое первенство и что Брахманство возвратилось на короткое время къ своему первобытному глубокому значенію.

Безъ сомнѣнія, нѣтъ явленія въ исторіи человѣчества (кромѣ христіанства), которое бы величіемъ своимъ и вліяніемъ на развитіе человѣческой мысли и всемірнымъ значеніемъ равнялось Буддаизму.

Магометанство исключается изъ этаго сравненія. Все великое въ Коранѣ принадлежитъ началу христіанскому. Величіе Буддаизма принадлежитъ собственно ему самому. Горячій прозелитизмъ, живой плодъ любви къ истинѣ и къ человѣчеству, отличаетъ его послѣдователей и выражается въ таинственномъ поклоненіи слѣду Будды (*прабатъ*); но этотъ прозелитизмъ кротокъ, полонъ самоотверженія и смиренія. Правда, что чувство любви, пробужденное въ душѣ Буддаистовъ, доходитъ до безсмыслія, ибо уравниваетъ человѣка съ животнымъ, правда, что самая любовь и самопожертвованіе теряютъ свое высокое достоинство, ибо высшее совершенство признается не въ любви, а въ совершенномъ безстрастіи: но чудная чистота аскетическаго вѣрованія, сопряженная съ пламенною проповѣдію, геройство мученическаго терпѣнія, и наконецъ высокая гордость духа, ищущаго своей свободы въ самоуничтоженіи, все это вмѣстѣ составляетъ цѣлое, которому ни самохвальная Европа ни весь остальной міръ не представляютъ ничего подобнаго. Буддаизмъ ожидаетъ и заслуживаетъ монографіи. Мы

уже сказали, что въ мірѣ религіи онъ совершенно соотвѣтствуетъ Гегелизму, въ философіи слѣдовательно стоитъ во столько же выше его, во сколько религія сама выше философіи или полнота вѣрованія и жизни выше отдѣльнаго мышленія. Добросовѣстная и внимательная критика ученія Шакья-муни и его послѣдователей отъ Ламаизма до Янства найдетъ всѣ оттѣнки Гегелевой школы отъ ея крайняго праваго до крайняго лѣваго фланга, соединяя такимъ образомъ возможность вѣрованія, доведеннаго до самаго нелѣпаго суевѣрія, и явное безвѣріе, не способное къ возврату. Существуетъ ли Будда внѣ своихъ проявленій? Можетъ ли духъ конкретироваться въ своей полнотѣ и конкретируется ли кромѣ міра?

Самое величіе Буддаизма и въ то же время прямое его стремленіе къ безбожію должны были вызвать сильное противодѣйствіе Брахмановъ. Брахманы призвали на помощь худшія страсти человѣчества, своекорыстныя выгоды высшихъ кастъ, мерзость религіозной аристократіи и всѣ низкія и вещественныя стремленія души къ сладострастію и разврату. Брахманы употребили гнусное насиліе, облили Индустанъ кровью милліоновъ страдальцевъ. Брахманы торжествовали не чистое торжество, ставъ несравненно ниже побѣжденныхъ Буддаистовъ и почти на одинъ рядъ съ Доминиканцами Испаніи или крестоносцами въ Далмаціи и сѣверной Германіи; но въ то же время Брахманы пробудили въ своемъ отечествѣ древне-Иранскую идею, чистое понятіе о существованіи Божества, о его свободномъ творчествѣ и о возможности свободы въ мірѣ проявленій. Этой славы не должно забывать. Самые безчеловѣчные гонители Буддаизма были въ то же время великими мыслителями и философами: но истина не можетъ торжествовать въ союзѣ съ ложью и зломъ. Побѣда Брахманства была бѣдствіемъ для человѣчества. Гнетъ власти легъ тяжелѣе на нижнія касты. Религія, не на долго очищенная, приняла характеръ большей свирѣпости, и вскорѣ утратила свой прозрачный символизмъ. Священныя книги (какъ то законы Ману и даже отчасти Веды), были совершенно искажены примѣсью и вставками. Поэзія потеряла свою веселую и вдохновенную свободу; жизнь заковалась въ формы искусственныя. Кроткая власть Вишнуитовъ замѣнена желѣзнымъ игомъ мѣшанныхъ сектъ, оправданныхъ въ глазахъ Брахмановъ только однимъ, — ненавистью къ Буддаистамъ. Индустанъ, изгнавъ духовную реформу Кушитскую, уни-

зивъ чистое Брахманство до грубо-политической религіи и въ то же время утративъ художественное вдохновеніе человѣкообразнаго Вишнуизма, сдѣлался неспособнымъ къ новымъ великимъ явленіямъ внѣшней жизни гражданской или внутренней жизни духовной. Словесность никогда уже не являлась въ томъ блескѣ, которымъ она окружила престолъ Викрамадитьи; и во всеобщемъ упадкѣ, въ грязи разврата и безсмыслія, первенство и народное поклоненіе и даже власть достались почти вездѣ самому грязному изо всѣхъ вѣрованій Индустанскихъ, искаженному наслѣдію Кушитовъ, Шиваизму.

Китай. Его процвѣтаніе. Лао-тсеу; Конфуцій.

Около того времени, когда Шакья-муни реформою Буддаизма приготовлялъ новую духовную эпоху для большей половины Азіи, династія *Чеу* основывала государственное могущество Китая. Ея предшественники (династіи *Гіа* и *Шангъ*), прославленныя въ народныхъ преданіяхъ, безъ сомнѣнія уже сильныя и образованныя, владѣли областію менѣе обширною и, по недостатку письменныхъ памятниковъ, принадлежатъ еще отчасти (особенно династія *Гіа*) временамъ полубаснословнымъ или той эпохѣ исторической, которую скорѣе можно угадывать, чѣмъ описывать послѣдовательно. Первый изъ царей *Чеу*, Ву-вангъ, возстановившій, по словамъ Китайцевъ, а по всей вѣроятности создавшій императорскій титулъ *ти* (божественный), открываетъ своимъ царствованіемъ эпоху чисто-историческую. Почти десять вѣковъ продолжалось владычество его потомковъ, ознаменованное многими подвигами и частыми бѣдствіями. Самая продолжительность безперерывнаго престолонаслѣдія въ одномъ домѣ способствовала исторической опредѣлительности въ преданіяхъ, твердости въ законодательствѣ и сохраненію письменныхъ свидѣтельствъ о жизни государства. Древній обычай, по которому царствующій домъ отдавалъ области имперіи въ наслѣдственное управленіе другимъ родственнымъ семьямъ или родамъ, заслуживавшимъ особенное благоволеніе государя, принесъ свои гибельные плоды. Со всѣхъ сторонъ возникли независимыя государства, едва признающія первенство императоровъ дома *Чеу* и уступающія ему

только почести (напр. право приносить жертвы верховному Божеству), а не власть. Но самое это раздробленіе Китая и ничтожество послѣднихъ преемниковъ Ву-ванга свидѣтельствуютъ о могуществѣ внутренней жизни народной и о единствѣ началъ во всей имперіи. Не было единства видимаго, не было силы принудительной; но въ стремленіи своемъ къ преобладанію надъ другими, ни одна область не подумала отторгнуться и начать собственную единичную жизнь. Всѣ жили однимъ преданіемъ древности, одною гордостью народною, однимъ характеромъ просвѣщенія, во всѣхъ была таже безумная односторонность государственнаго быта, поглощающаго всѣ помыслы и всѣ умственныя силы Китайца. Разрѣшеніе задачи государственной во всей полнотѣ пользы и справедливости, — таковъ былъ жизненный вопросъ каждаго изъ мелкихъ царствъ, стремившихся къ первенству. Постоянное внутреннее единство жило въ видимомъ и внѣшнемъ дробленіи.

Воинственнѣе и предпріимчивѣе были преемники Чеу, *Тсины*, завоевавшіе весь югъ Китая и покорившіе часть Загангесской Индіи, великолѣпнѣе и могущественнѣе были *Ханы* (1-я династія *Ханъ*), покорившіе всѣ племена горной Тибетской твердыни, угрожавшіе Персіи, посылавшіе войска свои до далекихъ береговъ Каспія, замышлявшіе войну съ Римомъ и выдвинувшіе изъ средней Азіи часть кочевыхъ Финно-Турецкихъ народовъ, которые смѣшались съ великимъ племенемъ Славянскимъ или ворвались бурнымъ потокомъ въ глубь Европы; но династія Чеу стоитъ выше ихъ всѣхъ въ значеніи историческомъ. При ней выказались явно и утвердились на незыблемыхъ основахъ всѣ особенности Китайскаго характера, особенности до сихъ поръ не измѣненныя и отдѣляющія Восточную имперію отъ всѣхъ другихъ государствъ міра.

Слава этой эпохи принадлежитъ не одному царственному дому и не случайности геніальныхъ государей, но общему стремленію народа, получившаго посредствомъ великихъ мыслителей полное сознаніе своей внутренней жизни. *Лао-тсео*

Кунг-фу-тсеу (или *Кунг-тсеу*) и *Минг-тсеу* положили начало всему послѣдовавшему развитію Китая: но великое умственное движеніе и горячая любовь въ просвѣщенію выразились еще за 4 вѣка прежде нхъ въ одномъ изъ первыхъ преемниковъ Ву-вангa. *Му-вангъ*, котораго долгое царствованіе и многолѣтняя жизнь принадлежитъ къ благополучнѣйшимъ эпохамъ государства, оставилъ престолъ и заботы царства, чтобы искать внѣ его предѣловъ мудрость и знаніе западнаго міра. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ его странствованіи, о которомъ сохранились только сказочные и поэтическіе отрывки, но должны по его продолжительности предположить, что Му-вангъ посѣтилъ области весьма далекія, видѣлъ великія современныя явленія юго-западной Азіи и принесъ съ собою въ отечество сѣмена многихъ наукъ, чуждыхъ предъидущей эпохѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ глубокой древности сношенія между народами были гораздо обыкновеннѣе и свободнѣе, чѣмъ во времена позднѣйшія, что мысли и религіозныя начала легко переносились изъ края въ край міра; но эти вѣка общенія прошли, и во всякомъ случаѣ Му-вангъ представляетъ первый примѣръ государя, искавшаго мудрости внѣ своего государства. Одно его путешествіе опровергаетъ достаточно нелѣпыя мнѣнія Европейскихъ писателей, вообразившихъ себѣ Китай искони неприступнымъ для инозе мцевъ, и нелѣпое самохвальство Китайцевъ, отрицающихъ всякое вліяніе чужестранныхъ стихій до законнаго введенія Буддаизма. Могла ли Россія быть негостепріимною при Петрѣ или Китай при Му-вангѣ? и могло ли быть безплоднымъ сочетаніе государственнаго начала Восточной имперіи съ глубокомысленнымъ движеніемъ ума человѣческаго въ Индустанѣ или въ югозападной Азіи?

Главное сказаніе о путешествіи Му-вангa содержитъ въ себѣ его свиданіе съ какимъ-то баснословнымъ лицомъ,— матерью Западнаго царя и нхъ разлуку на границѣ Китая. Невозможно основывать историческую догадку на такой слабой основѣ, но и не должно пропустить безъ вниманія то

обстоятельство, что племена Вано-Бактрійскія олицетворяются (какъ уже сказано) во всѣхъ преданіяхъ подъ именемъ царицъ. По всей вѣроятности разсказъ Китайскихъ лѣтописцевъ содержитъ темный памятникъ дружественныхъ сношеній между Бактріею а Китаемъ, памятникъ, подтвержденный болѣе ясными свидѣтельствами о Ванскихъ караванахъ и о гостинницахъ, построенныхъ для ихъ угощенія согласно съ ихъ нравами.

Сближеніе отдаленнѣйшаго Востока съ Иранскою областью принесло благодатные плоды. Со времени *Ы-ванга*, внука Му-вангова (X-й вѣкъ до Р. Х.) лѣтопись Китайская представляетъ большія подробности не только о цѣломъ государствѣ, но и объ его областяхъ. Отъ царствованія *Ли-ванга* (IX-й вѣкъ до Р. Х.) остались многія произведенія поэтическаго негодованія, возбужденнаго его пороками. Отъ царствованія *Пинг-ванга* (VIII-й вѣкъ до Р. Х.) сохранились весьма вѣрныя исчисленія солнечныхъ затменій, продолжавшіяся до V-го вѣка, т. е. эпохи совершеннаго упадка (хотя еще не прекращенія) династіи Чеу.

Нельзя не замѣтить, что постоянныя исчисленія затменій начинаются въ Китаѣ скоро послѣ эры Набонассера. Нѣсколько затменій, будто бы исчисленныхъ до этого времени, принадлежатъ вѣкамъ баснословнымъ, о которыхъ Китайцы, безумные поклонники древности, выдумывали что хотѣли. Всѣ сказанія о династіяхъ *Гіа* и *Шангъ* представляютъ характеръ преданій. Въ нихъ только то и заслуживаетъ вниманія, что согласно съ этимъ характеромъ. Все то, что имѣетъ притязаніе на строгую документальность, прибавлено тщетою изобрѣтательностію Восточныхъ ученыхъ. Изъ этого правила едва ли можно исключить даже послѣднія столѣтія династіи Шангъ. Первое затменіе, предсказанное астрономами Эллады, относится ко времени Кіаксара (въ его войну съ Лидійцами), т. е. къ концу VII вѣка до Р. Х. Современность наблюденій Вавилонскихъ и Китайскихъ, за которыми чрезъ столѣтіе слѣдуютъ Эллинскія, доказываетъ безспорно существованіе одного центра При-евфратскаго, изъ котораго распространилась наука о законахъ планетнаго движенія. Этотъ центръ указанъ былъ

выше: но скорый отзывъ далекаго Китая на открытіе, сдѣланное въ Ассиріи, представляетъ важное и неопровержимое свидѣтельство о мирныхъ сношеніяхъ между Иранскими, Средне-Азійскими и Восточно-Азійскими народами. Мнимое разъединеніе народовъ къ глубокой древности представляется вездѣ какъ нелѣпый вымыселъ позднѣйшихъ, менѣе человѣческихъ и болѣе эгоистическихъ вѣковъ и идетъ подъ пару системѣ туземства (автохтонства).

Нѣтъ сомнѣнія, что наука астрономическая, плодъ соприкосновенія Иранскихъ и Кушитскихъ племенъ, существовала прежде и гораздо прежде Набонассара: но, или законъ затменій былъ въ числѣ тайнъ еще не открытыхъ, или самая наука, временно потемненная бурями военными, вновь просвѣтлѣла въ ново возставшемъ царствѣ стародавняго Вавилона. Въ послѣднемъ случаѣ, довольно вѣроятномъ по совершенству древнихъ цикловъ, не удивительно бы было найти нѣкоторыя наблюденія, предшествовавшія Набонассару; но при всемъ этомъ очевидно, что его царствованіе было важною эпохою для небознанія, эпохою не мѣстнаго, но почти всемірнаго развитія. Не также ли процвѣтало, падало и вновь возставало мореплаваніе, едва достигшее въ XV вѣкѣ послѣ Р. Х. той высокой степени, на которой оно стояло при Фараонѣ Нехао и при безстрашныхъ Финикійцахъ, или въ древность еще глубочайшую? Показаніе Халдеевъ или жрецовъ Вавилонскихъ о мнимомъ уничтоженіи памятниковъ астрономическихъ при Набонассарѣ не заслуживаетъ никакой вѣры. Это простая хитрость людей, хвастающихся безконечно древнимъ знаніемъ и извиняющихъ отсутствіе всѣхъ его памятниковъ. Царь могъ уничтожить историческія записки, свидѣтельствующія о прежнемъ рабствѣ Вавилона при владыкахъ Ассирійскихъ и Вано-Бактрійскихъ: но мудрость астрономическая не надолго бы утаилась отъ близкихъ Финикіянъ, вѣчно жившихъ на волнахъ океановъ, точно также какъ она не утаилась отъ далекихъ Китайцевъ и отъ полудикихъ Эллиновъ.

Вслѣдъ за этими признаками преуспѣвающаго просвѣщенія наступило время, когда Китай, познавшій вполнѣ свое исконное стремленіе, выразилъ себя въ твореніяхъ великихъ своихъ мудрецовъ. Первый изъ нихъ по времени, Лао-тсеу,

представляетъ болѣе слѣдовъ чужестраннаго вліянія, чѣмъ другіе. Его занимаютъ вопросы отвлеченные и личность человѣческая: государство и общество откинуты на вторую степень. Это преобладаніе человѣка надъ гражданиномъ отзывается вполнѣ западными ученіями.

Человѣкъ въ Китаѣ, какъ и вездѣ, сохраняетъ свои права на всѣ человѣческіе вопросы, хотя онъ и является со всѣми особенностями мѣстнаго развитія. Поэтомо Лао-тсеу могъ бы считаться свободнымъ протестомъ духа человѣческаго противъ сухой односторонности собственно Китайскаго начала; но его появленіе вслѣдъ за явнымъ вліяніемъ Иранскихъ областей, преданія объ его путешествіяхъ, ставящія его въ прямомъ отношеніи къ западу и многія подробности его творенія (напр. намекъ на систему возрожденій — метемпсихозы) заставляютъ здравую критику признать его представителемъ юго-западной Азіи въ Китаѣ.

Философія Лао-тсеу имѣетъ характеръ умозрительной религіи и его послѣдователи дѣйствительно основали религіозную секту, достигшую величайшей силы черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ Р. Х. Поклоненіе верховному разуму (ученіе Лао-тсеу) было многими учеными принято за новый видъ Буддаизма. Такое ошибочное мнѣніе происходитъ отъ того, что еще не познали логической основы, общей всѣмъ ученіямъ Кушитскаго міра, и внутренней борьбы между этой основы и стремленіемъ къ свободѣ борьбы, изъ которой возникъ Буддаизмъ. Поклоненіе верховному разуму есть чистое единобожіе, содержащее въ себѣ темное эманаціонное начало, довольно близкое къ творчеству. Впрочемъ самый верховный разумъ (или божество Тао) объясненъ весьма неопредѣлительно и понятіе о какомъ-то вѣчномъ хаосѣ, перешедшемъ въ стройный міръ отъ всесильнаго дѣйствія Тао, напомнаетъ ученіе Халдеевъ о предсвѣтномъ мракѣ, выраженномъ миѳическою Оморкою. Лао-тсеу родился въ странѣ, въ которой древнія преданія Прана (Симо-Яфетидовъ) уже

были давно вытѣснены просвѣтителями, принесшими изъ Кашмира Кушитскую стихію въ ея Буддаистскомъ развитіи; онъ не находилъ опоры въ прошедшемъ и устранилъ всѣ историческія данныя: по этому самому его религіозная философія, плодъ чистаго умозрѣнія, лишена жизненнаго начала и заклеймена тою сухою ограниченностью, которая замѣтна во всѣхъ произведеніяхъ Китая. Въ немъ соединяются гордое самодовольство и увѣренность въ силахъ человѣка съ дѣтски педантною формальностью и изумительно высокое понятіе о разумѣ съ совершеннымъ отсутствіемъ чувства. Отъ этого самая жизнь положительная и внутренняя, къ которой онъ стремится, получаетъ неизгладимый характеръ отрицательности и внѣшности; отъ этого мертвая отвлеченность его ученія должна была уступить первенство практической силѣ его соперника, Конг-Фу-тсеу.

Единобожіе въ опредѣленной формѣ не было неизвѣстно въ Китаѣ; по крайней мѣрѣ самъ Лао-тсеу называетъ свое ученіе не новостью. Имя данное имъ божеству (Тао), представляетъ разительное сходство съ Пранскимъ названіемъ *Дивъ*, *Дева*, Эол. Θεός и кажется совершенно тождественнымъ съ Зендскимъ *дао*, въ имени благаго начала, *Агура Маз-дао*. Съ другой стороны можно замѣтить, что въ основаніи ученія сохраняется и Кушитское понятіе объ органической полярности, въ которой преобладаетъ женское начало. И такъ самая система Китайскаго философа носитъ всѣ признаки ученія синкретическаго и внутренно несвязнаго. Эта внутренняя безсвязность и въ то же время совершенное отсутствіе всякой основы въ прошедшемъ даютъ ученію о верховномъ разумѣ характеръ произвольнаго умствованія, и Конг-Фу-тсеу, пораженный недостатками своего предшественника, но отдающій справедливость возвышенности его мыслей, выразилъ свое сужденіе съ безпристрастіемъ и поэтическою вѣрностію. «Я не удивляюсь полету птицъ, плаванію рыбъ, бѣгу четвероногихъ. Знаю какъ ловить рыбу бреднями, четвероногихъ сѣтями и какъ стрѣлами бьютъ птицъ; но не знаю какъ драконъ можетъ подниматься до небесъ на крылахъ вѣтра и облаковъ. Я видѣлъ Лао-тсеу: онъ подобенъ дракону.» Святость дракона въ Китаѣ извѣстна.

Иранская мысль должна быть принята во всей своей полнотѣ: она не терпитъ сдѣлокъ съ другими системами; она основывается на преданіи и не возстановляется дѣйствіемъ чисто логическимъ, ибо понятіе о свободномъ творчествѣ не заключается въ логическихъ формулахъ и не выводится изъ нихъ; она можетъ быть угадана только высшимъ созерцаніемъ, перешедшимъ за тѣсныя границы умствованія, или трудами вѣковъ, прошедшихъ всѣ возможныя степени отрицанія.

Такъ напр. Лао-тсеу слѣдовало отрицать возможность дѣйствія вѣчной строящей мысли на вѣчное, чуждое ему и нестройное, вещество; такъ законъ необходимости (въ Спинозѣ) долженъ былъ быть доведенъ (какъ сдѣлалъ Гегель) до самоотрицанія въ законъ свободы; такъ законъ свободы долженъ быть доведенъ до самоотрицанія въ законъ равнодушія и т. д.

Всего этого не возможно требовать отъ Лао-тсеу. Онъ остался реформаторомъ глубокомысленнымъ, но неполнымъ и сухимъ, заключеннымъ въ мелкій формализмъ, исполненнымъ возвышенныхъ мыслей, но не согрѣтымъ внутреннею жизнію любви и отъ этого безсильнымъ для перерожденія отечества. За всѣмъ тѣмъ исторія видитъ въ немъ одно изъ могучихъ своихъ явленій и признаетъ великое достоинство его ученія, сохранившаго въ Китаѣ искру отвлеченнаго богопознанія, которая погибла бы въ грубой вещественности и въ практической односторонности Конфуціевой системы.

Должно замѣтить, что философъ, начальникъ школы въ Китаѣ не то, что въ другихъ странахъ. Его важность несравненно болѣе и его дѣятельность получаетъ значеніе государственное. Философія соединяется въ Китаѣ неразрывно съ религіею и религія не имѣетъ въ немъ другаго выраженія кромѣ философіи. И такъ въ философскихъ школахъ сосредоточивается вся высшая духовная жизнь общества и отчасти весь смыслъ исторіи, развивающей сокровенныя силы народ-

ной мысли въ послѣдовательности полу-случайныхъ, полу-необходимыхъ происшествій. Отъ этого ни Индустанскіе, ни Эллинскіе мыслители не могутъ стать на ряду съ Лао-тсеу и Конг-фу-тсеу.

Еще при жизни Лао-тсеу, но совершенно независимо отъ него, явился другой великій мыслитель, Конфуцій (Конг-фу-тсеу). Въ немъ сосредоточиваются и вполнѣ выражаются всѣ особенности Китайскаго характера. Остальной міръ какъ будто не существуетъ для него. Безусловный поклонникъ старины, онъ требуетъ отъ современниковъ только возврата къ минувшему, и это требованіе было впослѣдствіи исполнено согласно съ понятіями Китайцевъ о минувшихъ баснословныхъ вѣкахъ своего отечества. По этому Конфуцій представляетъ въ себѣ и зеркало прошедшаго и всѣ зародыши будущаго. По своему историческому значенію онъ стоитъ выше своего предшественника и выше всѣхъ философовъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Династія *Тсинъ*, преслѣдовавшая его ученіе, только утвердила его торжество. Сильною рукою соединивъ весь Китай въ единую державу, она приготовила развитіе народной мысли во всей ея полнотѣ; и народная мысль жила въ Конфуціи.

Понятія его о религіи совершенно неопредѣленны, а неопредѣленность его понятій доказываетъ отсутствіе религіознаго чувства въ народѣ, ибо, строгій блюститель преданія, онъ не могъ оставить безъ вниманія вѣры переданной прежними вѣками. Обрядамъ религіознымъ онъ былъ не чуждъ и требовалъ ихъ вѣрнаго исполненія; но невозможно сказать, какая мысль скрывалась для него въ этихъ обрядахъ. Въ нихъ проглядываетъ единобожіе и поклоненіе одному верховному Владыкѣ, котораго невидимое величіе выражается въ видимой красотѣ неба и въ стройности міра; но въ то же время нѣтъ ни малѣйшаго слѣда творческой дѣятельности божества, ни малѣйшаго признака Иранскихъ преданій. Вліяніе

западное, ясно высказанное въ лѣтописи Китая отъ начала династіи Чеу до Лао-тсеу, совершенно ничтожно въ Конфуціи. Въ то же время и самая органическая двойственность (*янь* и *инъ*), о которой онъ упоминаетъ, не имѣетъ въ себѣ ничего религіознаго и не сближаетъ его съ міромъ Кушитскимъ. Плодъ мѣстнаго развитія, созданный духомъ своего народа, Конг-фу-тсеу былъ равнодушенъ къ вопросамъ отвлеченнаго богопознанія и жилъ только для практическаго приложенія нравственныхъ законовъ къ обществу человѣческому. Чудная и возвышенная страсть направляла всѣ думы и поступки великаго мыслителя къ одной великой цѣли, ко благу людей. Задача всего Китая, — логическое развитіе государства изъ законовъ правды и любви, была единственнымъ предметомъ его многолѣтней жизни. Въ немъ рѣзко проявляется односторонняя ограниченность народа; но по глубокому убѣжденію въ мудрости минувшихъ вѣковъ, по теплой вѣрѣ въ возможное совершенство человѣка, по соединенію всѣхъ добродѣтелей человѣческихъ и гражданскихъ, по поэтическому строю мысли, по неутомимой дѣятельности для блага всѣхъ людей, по смѣлой ненависти ко всѣмъ порокамъ и по невыразимой нѣжности многолюбящей души, Конг-фу-тсеу есть безспорно одно изъ величественнѣйшихъ явленій въ исторіи человѣчества. Съ тяжкимъ чувствомъ упынія легъ въ могилу старый мудрецъ, трудившійся и страдавшій безъ видимой пользы; но эти труды и страданія остались не безплодными. Китай, получившій въ немъ и въ его ученикѣ Менг-тсеу ясное сознаніе своего кореннаго стремленія, возвысился, окрѣпъ и во многомъ осуществилъ желанія великаго учителя. Государственная стройность, логическое развитіе разумныхъ началъ и возвышенная любовь къ правдѣ и просвѣщенію покорили самихъ покорителей Китая, Монголовъ и Манджуровъ и сохранили неизмѣнно до нашего времени колоссальную державу, основанную за двадцать вѣковъ до Р. Х. Таковы причины и тайна ея величія; но съ другой стороны воспитаніе, данное древне-Буддаистскимъ ученіемъ юности на-

рода, отразилось во всей его исторіи. Буддизмъ, удаляя духовныя начала въ неприступный мракъ свободнаго ничтожества, разорвалъ всѣ связи его съ человѣкомъ и оставилъ для лучшихъ стремленій души одно возможное выраженіе,—приложеніе однообразнаго и безстрастнаго закона къ разнообразному и вѣчно движущемуся обществу людей въ государствѣ. Мысли эту осуществилъ и невольно высказалъ Конгъ-фу-тсеу. Общество, имъ созданное, могло достигнуть вещественнаго величія и логической стройности; но чувство строгой и непзмѣнной законности уничтожаетъ чувство свободы и стѣсняетъ духъ человѣческій. Мысль о Божествѣ есть жизнь и дѣло. Глубокая и неисцѣльная пустота праздной души, лишенной внутренней жизни и содержанія, породила всѣ нелѣпости мелкаго и сухаго формализма, надъ которыми Европеецъ смѣется въ Китаѣ, забывая невольно объ истинномъ и неотъемлемомъ достоинствѣ Восточный державы въ обществѣ народовъ.

Законъ, котораго живой, постоянный и непзсякаемый источникъ забыть, не носитъ на себѣ характера свободы, хотя въ началѣ былъ выбранъ свободною волею. Таковъ характеръ всего чисто условнаго въ жизни.

Династія Чеу давно клонилась къ упадку. Отдѣльные правители не признавали власть императоровъ и безпрестанныя междоусобицы разрывали государство. Наконецъ князья Тсинъ, правящіе областью менѣе другихъ просвѣщенною, но болѣе воинственною, стали мало-по-малу одолѣвать своихъ соперниковъ. Родоначальникъ этого княжескаго дома былъ ничто иное, какъ искусный конюхъ, получившій княжество въ награду за удалое наѣздничество. Область его отличалась отъ прочихъ дикостью правовъ и обычаевъ, занятыхъ у кочевыхъ Средне-Азійцевъ, (таково умерщвленіе женъ и рабовъ надъ гробомъ владыки, точно также какъ и у мнимыхъ Скиѳовъ); но съ этою дикостью было соединено стремленіе къ за-

воеваніямъ. Вскорѣ имя *Тсинъ* прославилось далеко за границами Китая, и самое имя Китая скрылось для западныхъ народовъ за названіемъ одной изъ его областей (*Сина*). Послѣ долгой борьбы и ужаснаго кровопролитія, послѣ уничтоженія или бѣгства правителей другихъ областей, династія *Тсинъ* свергла царствующій родъ Чеу и заняла императорскій престолъ въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. Не долго властвовали похитители, враги прежняго просвѣщенія; но ихъ желѣзной волѣ и геніальному императору Тсин-ши-гоанг-ти обязанъ Китай возстановленіемъ своего государственнаго единства и всѣмъ послѣдовавшимъ развитіемъ. Мысль народная, созрѣвшая во время династіи Чеу и пришедшая въ полное сознаніе, осуществилась тогда, когда внѣшняя сила разрушила множество независимыхъ княжествъ, на которыя раздроблено было государство при слабыхъ потомкахъ Ву-ванга. Оттого-то, не смотря на ничтожность послѣднихъ императоровъ рода Чеу, эпоха ихъ царствованія есть важнѣйшая во всей лѣтописи Китая.

По всѣмъ вѣроятностямъ, основаніе государства въ Японіи находится въ связи съ этимъ періодомъ междоусобій: таково преданіе самихъ Китайцевъ, подтвержденное явнымъ сродствомъ просвѣщенія, обычаевъ, письменности и племенъ въ Японіи и Китаѣ.

Между тѣмъ какъ держава Восточная временно слабѣла въ безпрерывныхъ раздорахъ, собирались новыя воинственныя силы на сѣверныхъ скатахъ Средне-Азійской твердыни. Тѣсна становилась степь кочевымъ дикарямъ Финно-Турецкаго племени, заманчивы богатства образованныхъ странъ, соблазнителенъ примѣръ военнаго быта, введеннаго враждебнымъ эгоизмомъ государствъ. Наука брани всѣхъ легче перенимается невѣжествомъ, всѣхъ заманчивѣе для его корыстолюбивыхъ страстей и всѣхъ болѣе льститъ его полуживотной гордости. Могучій союзъ Ванскихъ общанъ, опоясывавшихъ съ сѣвера всю свою Иранскую братью, ослабъ. Изгнанный изъ Евфратскаго прирѣчія возстаніемъ мѣстнаго племени и Халдейскими горцами,

втѣсненный въ Бактрію возрастающею силою горцевъ Мидійскихъ, побѣжденный на Евксинѣ движеніемъ южныхъ народовъ, поднятыхъ Рамезесомъ Великимъ, угнетенный въ Малой Азіи возрастающимъ могуществомъ Эллады, онъ на крайней своей восточной оконечности въ Средней Азіи былъ задавленъ напоромъ племени Гіонг-ну и Финно-Турецкихъ народовъ. Время его величія миновало; наступало то время, когда ему слѣдовало совершенно исчезнуть изъ Азіи, своей древней колыбели, проявивши въ послѣдній разъ часть своей прежней силы въ успѣшной войнѣ противъ Кира, въ борьбѣ съ Македонскимъ завоевателемъ, въ основаніи полу-Бактрійскаго, полу-Эллинскаго царства на границѣ Индустана, и въ двукратномъ завоеваніи сѣверной Индіи, прежде и послѣ Викрамадитьи. Но въ этотъ періодъ, т. е. въ послѣдніе вѣка до Р. Х., уже Ванскія общины утратили большую часть своего кореннаго характера и приняли множество чуждыхъ стихій отъ окружныхъ народовъ и особенно отъ своихъ сѣверныхъ побѣдителей-дикарей. Существовали старыя имена: Вановъ (*Таванъ*, *Ванада*), Даковъ (*Да-хіа*, *Сака*), Уновъ (*У-на-о*, *Гуна*); но нравы, обычаи и языкъ исказились давно. Послѣдняя ихъ борьба съ Гіонг-ну сокрушила ихъ навсегда.

Появленіе сѣверныхъ кочевыхъ полчищъ на границахъ Китая соотвѣтствуетъ довольно близко вторженію мнимыхъ Скиѳовъ (не славянскихъ) въ Закавказье: оно относится къ VII столѣтію до Р. Х. Лѣтопись Китая упоминаетъ объ нихъ подъ именемъ *Жунъ* еще вѣка два ранѣе: но тогда они были еще незначительны. Очевидно, что могущество Средне-Азійскихъ народовъ возросло внезапно вѣковъ за семь до Р. Х. и что въ это время произошло на сѣверѣ великое движеніе, отозвавшееся равно на берегахъ Гоанг-го, Дона и Евфрата. Такимъ образомъ политическая исторія Китая связывается съ исторіею Запада, точно также, какъ и исторія просвѣщенія Китайскаго при династіи Чеу во многихъ отношеніяхъ находится въ прямой зависимости отъ умственнаго движенія Иранскаго племени.

Нѣтъ сомнѣнія, что не одинъ и тотъ же народъ гналъ передъ собою При-донскихъ Киммерійцевъ и одерживалъ надъ Китайцами побѣду, въ которой погибъ императоръ Іеу-вангъ: но по всѣмъ вѣроятностямъ около этого времени одинъ какой нибудь сильный союзъ составился на югѣ теперешней Сибири и, возмутивъ все море кочевыхъ семей, отбросилъ ихъ волны далеко на-западъ и на востокъ, на область Ниневійскую и на столицу потомковъ Ву-ванга.

Давно уже развился эгоизмъ государственный; человѣческій союзъ былъ расторгнутъ и вооруженная рука рѣшала судьбу народовъ. Но государства имѣли еще другой высшій смыслъ, религіозный или нравственный. Съ усиливающимся синкретизмомъ вѣрованій и увеличивающимся разъединеніемъ народовъ, рѣзче и рѣзче стало выказываться преобладаніе вещественнаго начала. Нравственная и религіозная жизнь государствъ исчезала съ помраченіемъ самаго смысла религіознаго; внутренняя связь ихъ слабѣла и стихіи торжества переходили къ полупросвѣщеннымъ дикарямъ, соединяющимъ любовь къ славѣ и добычѣ съ восторженнымъ напряженіемъ личныхъ силъ, умственныхъ и физическихъ. Паденіе Ассиріи. Освобожденіе Вавилона. Его значеніе.

Въ VIII столѣтіи до Р. Х. царство Ассирійское распалось на части. Великолѣпный костеръ принялъ послѣдняго царя восьмисотлѣтней династіи.

Имя Сарданапала и его исторія, можетъ быть, взяты изъ миѳовъ: они крѣпко напоминаютъ Пракла (Санданъ), представителя силы духовной, впавшаго въ искушеніе вещественной жизни и очищающаго себя огненною смертью. За всѣмъ тѣмъ конецъ династіи ассирійскихъ царей напоминаетъ конецъ династіи *Шангъ* въ Китаѣ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ торжественномъ самоубійствѣ царя, наслѣдника длиннаго ряда царей, не могущаго пережить своей державы и послѣ безславной жизни напоминающаго въ смерти славу своихъ великихъ предковъ.

Новая ли династія взошла на престолъ Ниневійскій или прежняя продолжала править уменьшенною державою,—но значеніе государства исчезло. Великое средоточіе югозапад-

ной Азіи, нѣкогда подчинявшее власти своей всю область Иранскую, упало и уже никогда не возставало. Дѣятельность Ассиріи ограничилась военными подвигами въ странѣ, лежащей между Тигромъ и Средиземнымъ моремъ, и борьбою съ югозападными сосѣдями. Это стремленіе къ распространенію власти своей въ новомъ направленіи объясняется напоромъ Средне-Иранскихъ (Мидо-Персидскихъ) племенъ; но дикость нравовъ, замѣтная въ Ассирійскихъ царяхъ (Саргонѣ, Сеннахерибѣ, Салманасарѣ и другихъ), кажется, указываетъ на новую стихію, измѣнившую прежній бытъ и пришедшую вѣроятно съ приливомъ сѣверныхъ и горныхъ народовъ.

Нѣкоторыя сходства замѣтны между религіями сѣверозападныхъ Славянъ и тѣмъ, что намъ извѣстно о религіи Ниневійской, напр. между поклоненіемъ Нергалю или богу войны въ эмблемѣ пѣтуха и такимъ же поклоненіемъ въ Литвѣ и Славянскомъ приморіи Балтики. Такое же поклоненіе явно отзывается въ отношеніи *Алектора* къ *Аресу*: но эти сходства не доказываютъ нисколько вліянія упавшей Ассиріи на сѣверо-западъ. Они объясняются очень просто изъ распространенія въ Европѣ племени Ваповъ, владѣвшихъ Ниневіею въ концѣ 3-го и въ началѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Х.

Напоръ Ассирійцевъ уничтожилъ слабѣйшее царство Сирійское и обезсилѣвшее царство Израильское. Іуда, укрѣпленный вѣрою Езекіи и словомъ пророковъ, устоялъ, Египетъ отбилъ отъ себя потокъ сѣверныхъ завоевателей. Эти двѣ неудачи ускорили паденіе Ниневіи. Вскорѣ нахлынули изъ-за Кавказа полчища дикихъ наѣздниковъ (мнимыхъ Скиѳовъ, Финно-Турецкихъ племенъ). Ихъ опустошительный набѣгъ погромилъ всю юго-западную Азію до самыхъ границъ Египта, откупившагося при Псамметихѣ богатыми дарами, и временно удаливъ отъ Ассиріи опасность, угрожавшую ей со стороны Мидійцевъ, приготовилъ ей окончательное паденіе.

Весьма замѣчательное и загадочное обстоятельство въ разсказѣ о Скиѳскомъ нашествіи — основаніе ими поселенія въ Палестинѣ при Бетъ-

Шеанѣ (Скиѳополисъ). Трудно его сообразить съ нравами кочевыхъ дикарей и можно бы было усомниться въ существованіи самой колоніи, если бы оно не было вполнѣ доказано сказаніями Эллиновъ и свидѣтельствомъ Евреевъ. Загадка вѣроятно объясняется тѣмъ, что поселеніе основано не самими Скиѳами, но одною изъ осѣдлыхъ Закавказскихъ общинъ, увлеченныхъ разливомъ кочеваго племени и утратившихъ свое собственное имя. Точно тоже случалось въ позднѣйшее время съ Славянами во время переселенія Германцевъ и Аваровъ.

Вавилонъ отдѣлился отъ Ниневіи. Его возмущеніе помогло освобожденію Мидійцевъ: но самый Вавилонъ не вдругъ оторгнулся отъ сѣверной столицы: по крайней мѣрѣ кажется, что преемники Набопассара находились еще въ нѣкоторой зависимости отъ царей Ассирійскихъ и только мало по малу получили полную самостоятельность. Цѣлыя тысячелѣтія прошли съ тѣхъ поръ, какъ великолѣпный городъ, основанный Кушитами на берегахъ Евфрата, подпалъ власти своей сѣверной колоніи, перешедшей въ руки Иранскаго народа; съ тѣхъ поръ Вавилонъ не жилъ отдѣльною жизнію и былъ только второю столицею царей, жившихъ преимущественно въ Ниневіи: но въ немъ преобладалъ характеръ южный, характеръ вещественнаго просвѣщенія, зодчества, роскоши и разврата. Иранское начало, принесенное въ него завоевателями, не могло остаться безъ вліянія, и это вліяніе явно во враждѣ Вавилонянъ-побѣдителей противъ кумирнаго поклоненія приморской Палестины и Финикіи. Топоръ ихъ уничтожалъ священные лѣса, капища и сиваническія эмблемы (*ашкера*), точно также какъ мечъ ихъ истреблялъ народы.

Это явно изъ свидѣтельствъ Еврейскихъ, и объясняетъ въ пророкѣ радость священныхъ рощъ Ливана о паденіи Вавилона.

Но никогда Иранство не могло развиться вполнѣ на почвѣ Кушитской. Маги или жрецы Вавилонскіе не были совершенно идолопоклонниками, ибо существованіе кумировъ очень подвержено сомнѣнію, и безуміе Навуходоносоровой гордо-

сти не представляетъ еще характера религіознаго; но самый магизмъ или халдеизмъ въ его Вавилонской формѣ принадлежалъ вполнѣ системамъ Кушитскимъ и представлялъ поклоненіе необходимости въ цѣломъ рядѣ органически возрождающихся тріадъ. Память о духовности и свободномъ творчествѣ Иранскаго божества, первобытнаго Бела (одного и того же, что *Гель*, *Беленъ*, *Геліосъ* другихъ племенъ того же корня) исчезла подъ примѣсью Кушитскихъ стихій, и Вавилонъ по духу религіи принадлежалъ землямъ полнаго и безобразнаго синкретизма, точно также, какъ Сирія и Финикія, отъ которыхъ отличался только меньшею жестокостью въ обрядахъ. Между тѣмъ самое народонаселеніе принадлежало Ирану болѣе, чѣмъ народы приморскіе, и языкъ носилъ яснѣйшіе признаки своего кореннаго начала.

Кирпичи, отрытые въ болотахъ Приевфратскихъ, до сихъ поръ представляютъ неразрѣшенную загадку. Ключъ къ нимъ найдется вѣроятно изъ полнѣйшаго сравненія всѣхъ клинообразныхъ письменъ и тогда явятся бо́льшія данныя для узнанія древняго нарѣчія Вавилонскаго; но родство его съ нарѣчіями Прана можетъ быть утверждено смѣло и безошибочно изъ одной формы царскихъ именъ. Преобладающіе въ нихъ звуки или корни *небо* и *царь* явно принадлежатъ Прану. Стѣсненіе смысла слова *небо* (сдѣлавшагося у Вавилонянъ именемъ одной планеты Меркурія) ничего не значитъ. Тоже самое происходило съ этимъ словомъ и въ языкахъ Западно-Иранскихъ. Характеръ же самыхъ именъ связываетъ въ Вавилонѣ земли восточныя съ землями приморія и доказываетъ близкое родство съ Праномъ. Точно то же заключеніе можно вывести изъ употребленія клинообразныхъ письменъ и изъ нѣкоторыхъ религіозныхъ преданій, напр. о потопѣ, спасеніи Ксисутра богомъ Хономъ; хотя трудно отличить сказанія мѣстныя отъ тѣхъ, которыя могли быть займомъ отъ Евреевъ.

Издревле торговля цвѣла въ Вавилонѣ: онъ былъ великимъ средоточіемъ каравановъ, соединяющихъ восточную Азію съ прибрежьемъ Средиземнаго моря, складочнымъ мѣстомъ для товаровъ Финикіи и Индіи. Два тысячелѣтія сряду обога-

щали его жителей, никогда не подвергавши раззоренiямъ войны вѣроятно съ самаго начала Вано-Ассирiйской династiи. Его безконечныя стѣны во всей своей длинѣ равнялись вышиною съ башнями, которыми гордятся столицы новыхъ вѣковъ. Башни его поднимались выше пирамидъ Египта. Правда, разсказанная объ его сокровищахъ, казалась въ позднѣйшее время вымысломъ горячаго воображенiя Востока.

Ясныя свидѣтельства о несмѣтномъ богатствѣ мелкаго Палестинскаго царства при преемникѣ Давида, богатствѣ пріобрѣтенномъ въ короткiй срокъ двухъ царствованiй, могутъ показать, какова должна была быть торговая столица всей Азiи (ибо таковъ былъ Вавилонъ) послѣ двухъ тысячелѣтiй благоденствiя.

Вмѣстѣ съ торговлею цвѣло и просвѣщенiе. Освобожденiе южно-Ассирiйской столицы отъ сѣверной при Набонассарѣ сдѣлалось, какъ мы видѣли, астрономическою эпохою для Китайца и Эллина; таинства древнихъ наукъ хранились у могучей касты жрецовъ, славившихся мудростью своею еще долго послѣ паденiя царства.

Кромѣ показанiя Грековъ мы имѣемъ еще свидѣтельство Евреевъ (Царствъ 1 глава IV ст. 30): мудрость Египтянъ поставлена вмѣстѣ съ мудростiю жителей Востока, и по всей вѣроятности Востокъ тутъ значитъ землю Вавилонскую.

Довольно любопытно видѣть, какъ трудно уму человѣческому добиться самыхъ простыхъ изобрѣтенiй. Надписи на кирпичахъ Пренефратскихъ вытѣснялись, какъ извѣстно изъ новѣйшихъ изслѣдованiй, средствомъ весьма похожимъ на стереотипiю. Кувшины съ виномъ у Римлянъ обозначались буквами, весьма похожими на буквы, употребляемыя въ книгопечатанiи, а сколько вѣковъ прошло до изобрѣтенiя Гуттенберга или Кутногорскаго, кто бы онъ ни былъ, Нѣмецъ или Славянинъ.

Но торговля и просвѣщенiе не могли упрочить власти въ Вавилонѣ. Глубокiй развратъ нравовъ и отсутствiе сильнаго духовнаго начала уничтожали всѣ внѣшнiя начала его силы

Навуходоносоръ. Паденіе Египта. Плѣненіе царства Іудейскаго.

Около полутора вѣка прошло послѣ того, какъ южная Ассирія отдѣлилась отъ сѣверной, а новое царство все еще едва замѣтно было въ движеніяхъ всемірной жизни. Очевидно, оно находилось въ зависимости отъ своихъ прежнихъ владыкъ и цари Вавилонскіе были чѣмъ-то похожимъ на наслѣдственныхъ градоправителей. Когда наконецъ Ниневія пала подъ ударами Кіаксара Мидійскаго, тогда только Вавилонъ проявилъ свою отдѣльную дѣятельность; но эта дѣятельность была продолженіемъ исторіи Ниневійской. Тотъ же характеръ въ военныхъ предпріятіяхъ, то же направленіе завоеваній на области юго-западныя и на Египетъ.

Возрастающее могущество средняго Нрана отнимало всякую надежду на успѣхъ въ войнѣ съ сѣверомъ; торговое и роскошное приморье Палестины и Финикіи обѣщало богатую награду завоевателю. Внезапное усиленіе Вавилона послѣ нашествія Скиѳовъ и паденія Ниневіи указываетъ на переселеніе изъ сѣверной Ассиріи и на приливъ одноплеменниковъ. Сосредоточеніе государства въ одной столицѣ и замѣчательная личность нѣкоторыхъ государей (каковъ напр. Навуходоносоръ) доставили южнымъ Халдеямъ побѣду въ тѣхъ странахъ, гдѣ сѣверные потерпѣли пораженіе. Египетъ, собравшій новыя силы въ царствованіе Псамметиха, разцвѣлъ при его предпріимчивомъ преемникѣ Нехао и не могъ оставаться равнодушнымъ къ увеличенію державы Вавилонской. Плаваніе, совершенное Финикійцами кругомъ Африки по велѣнію фараона, показываетъ дружескія сношенія Финикіи съ Египтомъ. Между тѣмъ Вавилонъ присвоивалъ себѣ власть надъ моремъ, какъ наслѣдственное право, пріобрѣтенное Ниневіею; и Навуходоносоръ былъ не тотъ царь, который уступилъ бы часть своихъ истинныхъ или мнимыхъ правъ. Столкновеніе было неизбѣжно. Войска Египетскія первыя ворвались въ Палестину, побѣдили Іудеевъ въ сраженіи, въ которомъ палъ послѣдній изъ великихъ царей дома Давидова, ограбили богатства Іерусалимскія и быстро двинулись къ берегамъ Евфрата. Битва при Каркемишѣ рѣшила споръ двухъ державъ. Нехао потерялъ всѣ плоды

прежнихъ побѣдъ и войска Вавилонскія ворвались неудержимымъ потокомъ въ юго-западную страну. Египетъ, опустошенный, никогда не оправлялся отъ удара, нанесеннаго ему Навуходоносоромъ. Онъ влачилъ еще нѣсколько времени независимое, но безсильное существованіе, ожидая той сѣверо-восточной бури, которая налетомъ своимъ сокрушила вѣковѣчный Вавилонъ и стоватыя Ѳивы. Часть Аравіи была покорена; гордый Тиръ погибъ послѣ упорной защиты; Финикія и земля Филистимлянъ подпали на всегда чужеземному игу и уже никогда не возставали къ самобытной жизни. Они переходили, какъ богатое наслѣдство, отъ Вавилона къ Персамъ, Грекамъ и наконецъ Римлянамъ, исчезая съ поприща всемірной исторіи безъ шума, безъ славы и почти безъ боя. Начатое Ниниміею было кончено Вавилономъ. Сарданапалъ уничтожилъ царство Израильское: Навуходоносоръ сокрушилъ престолъ Давида, оставилъ только груды дымящихся развалинъ въ великолѣпной столицѣ Соломона, и увлекъ въ тяжелый плѣнъ на берега Ефрата весь цвѣтъ народа Іудейскаго; но плѣнъ этотъ былъ не вѣченъ. Іерусалимъ не могъ погибнуть, не принесши своего послѣдняго плода.

Во времена доисторическія началась ожесточенная борьба между преданіемъ о творческой свободѣ и признаніемъ органической необходимости. Племена Иранскія были представителями древняго преданія. Хамиды или Кушиты были поклонниками новаго ученія. Борьба, долго продолжавшаяся съ перемѣннымъ успѣхомъ, кончилась повсемѣстнымъ синкретизмомъ, многобожіемъ, и тихою войною искушеній и соблазна. Ученіе Кушитское измѣнилось, отклонившись отъ своей первоначальной, строгой логической чистоты; но, созданное разумомъ, оно всегда могло возвращаться къ своему источнику простымъ путемъ отрицанія случайностей символа и мѳа. Вѣрованіе Иранское также исказилось, но оно не могло уже возсоздаться, ибо возвратъ къ нему, какъ явный плодъ произвола, не могъ носить ни характера чисто-логическаго, ни истиннаго характера безсомнительной вѣры. Побѣда была на сторонѣ Кушитовъ, не смотря на повсемѣст-

ный упадокъ ихъ государственнаго значенія, въ Вавилонѣ, Финикіи, Египтѣ, Индіи и даже Эѳіопіи, куда уже проникли выходцы Аравійскіе.

Въ одной области, въ одномъ народѣ, возникшемъ на исторической памяти изъ семьи, оставившей свою Прарратскую родину, сохранилось вполнѣ Іранское преданіе, великое достояніе младенчества человѣческаго. Это преданіе получило еще высшее значеніе по самой борьбѣ своей съ чуждыми ученіями, съ паспліемъ и соблазномъ. Не измѣнялось въ своей основѣ, оно приняло характеръ вѣры, сознающей себя, чувствующей свое духовное превосходство и презирающей всѣ другія ученія, какъ произведенія умствующаго произвола или безумныхъ страстей. Могло ли оно исчезнуть? Несказанныя бѣдствія постигли область Іудейскую, народъ ея былъ увлеченъ въ плѣнъ, столица и царство стерты съ лица земли: но мысль нашла себѣ спасителей и союзниковъ въ сильномъ и свѣжемъ племени Средняго Ирана,— въ племени, сохранившемъ общее преданіе въ наибольшей чистотѣ послѣ Израиля.

Плѣненіе Вавилонское, грозившее совершеннымъ паденіемъ Евреямъ, было для нихъ тяжелымъ испытаніемъ и огненною банею очищенія.

Едва ли не эта самая мысль высказана въ чудно-поэтическомъ сказаніи о трехъ отрокахъ, сказаніи не каноническомъ и не имѣющемъ собственно историческаго достоинства.

Царству Іудейскому, нѣкогда (при Соломонѣ) сильнѣйшему во всемъ пространствѣ между Евфратомъ и моремъ, уже не суждено было возставать въ такомъ объемѣ и съ такимъ могуществомъ: оно возстало въ большей чистотѣ. Царская власть, роскошь Іерусалима, прелесть временныхъ побѣдъ и завоеваній отняли у общины ея чисто духовный характеръ и свели ее въ низшую сферу общественно-политической дѣятельности, не смотря на увѣщанія пророковъ, возставшихъ противъ такого упадка даже при боголюбивыхъ царяхъ. Возрожденная община вполнѣ сознала свое истинное

значеніе Она была уже не созданіемъ силы, власти и царскаго меча, но созданіемъ мысли, вѣры и пророческаго слова.

Въ новѣйшее время ученая Германія, разработывая исторію древнихъ религій, замѣтила наконецъ связь между закономъ Евреевъ и поклоненіемъ Молоху. Замѣчаніе дѣльное: но оно повело систематиковъ къ такимъ смѣшнымъ выводамъ, что на нихъ не нужно бы было и отвѣчать, если-бъ они не были подкрѣплены именами почетными въ наукѣ и громоздкою ученостью, внушающею невольное уваженіе. Молохъ-де, есть древній *Эль* (или *Іегова*), которому искони поклонялись Евреи, тотъ же и *Тифонъ*, тотъ же и Шива и пр. и пр. Обряды Іеговизма и древнѣйшаго *Элогизма* были тѣ же самые, которыми всегда славился или обезславливался Молохизмъ, именно человѣческія жертвы, сожженіе дѣтей и пр. Это кровавое богопоклоненіе продолжалось отъ самаго Авраама (который опять едва ли не миоъ Аравійскій или не высшій Богъ вѣтви Геламитской) до Соломона и раздѣленія царствъ и едва ли не до плѣненія Вавилонскаго. Умягченіе поклоненія есть дѣло позднѣйшихъ пророковъ, пересмотрѣвшихъ, передѣлавшихъ древнее преданіе и легкою рукою скравшихъ всѣ слѣды человѣкоубійственныхъ обрядовъ. Постигнувъ отличительныя черты двухъ первыхъ всемірныхъ ученій и измѣненія, происшедшія въ нихъ отъ вѣковой борьбы, мы видѣли что Молохъ (какъ Хроносъ, Пракъ и др.), есть дѣйствительно ничто иное, какъ искаженіе божества Индійскаго, что Тифонъ также есть новая стихія, или раздвоеніе Шивы на Тифона и Озириса, происшедшее отъ прикосновенія Индіи къ ученію Кушитскому, что наконецъ Шива есть чистый богъ Кушитскій (олицетворенная двойственность видимой природы) и, кромѣ ожесточенія обрядовъ, не имѣетъ ничего общаго съ Индійскимъ первобытомъ и съ его позднѣйшими искаженіями. Зерно правды, сбившее съ толка Германскихъ критиковъ, явно, причина ошибки понятна; но ошибка сама такъ груба, что едва вѣроятна. Во первыхъ, еслибъ преданіе было измѣнено пророками съ цѣлью скрыть прежнія человѣческія жертвоприношенія, повѣсть объ Іефаѣ была бы или измѣнена или сопровождена какими нибудь порицаніями, во-вторыхъ, Іеговизмъ (будто бы реформа прежней вѣры) отличался бы отъ Элогизма большею кротостію, а на это нѣтъ

ни малѣйшихъ признаковъ: въ-третьихъ, мы имѣемъ (какъ уже видѣли) свидѣтельства подлинныя, безспорныя, подробныя о поклоненіи Евреевъ въ глубочайшей древности; истина этихъ свидѣтельствъ доказывается самымъ сохраненіемъ двухъ именъ Божества, изъ которыхъ одно позднѣе другаго: между тѣмъ какъ о древнѣйшемъ Молохизмѣ мы не имѣемъ никакихъ показаній, кромѣ того, что упоминается мимоходомъ въ преданіи Еврейскомъ и, слѣдовательно, не можемъ ему приписать глубокой древности въ той формѣ, въ которой онъ намъ извѣстенъ. Наконецъ, Элогизмъ есть чистое единобожіе, основа всего Иранскаго духовнаго міра; онъ сохранился такъ неприкосновенно, что языкъ Израиля (хотя онъ заимствовалъ у другаго племени) не имѣетъ даже слова для идеи «*богиня*»,—между тѣмъ какъ Молохизмъ вездѣ уже является многобожіемъ, т. е. религіею эпохи синкретической, слѣдовательно не можетъ имѣть ни притязаній на чистоту, ни права считаться первобытомъ. Критика нарѣчій могла бы спасти ученыхъ Германцевъ отъ ихъ смѣшной ошибки. *Молохъ* есть ничто иное какъ искаженіе слова *Мелекъ* или *Мелехъ* (господинъ); самое же слово *Мелекъ* есть уже измѣненіе слова *Бель* съ переходомъ *Б* въ носовой звукъ *М*. *Эль* или *Гель* или *Вель* (тоже что словянское *велій*, галльическое *беаль* и пр.) является какъ коренное имя божества, соотвѣтствующее именамъ *Творъ*, изъ котораго вышелъ *Тюръ* Скандинавскій, *Вышній*, изъ котораго вышелъ *Вишну* Индустанскій, и *Богъ*, изъ котораго составилось *Бага* клинообразныхъ надписей и *Бегрампъ* Зендавесты. *Молохъ*, уже по своей мѣстной, поздней и искаженной формѣ, не можетъ ни подъ какимъ видомъ служить первообразомъ въ сравненіи съ *Элемъ*, почти всемірнымъ. Къ несчастію, страстный систематизмъ потемняетъ разумъ, просвѣщенный даже глубокою ученостью, и привычки кропотливаго книжничества стѣсняютъ умственный горизонтъ человѣка. Дѣльный выводъ изъ всѣхъ изслѣдованій Германскихъ былъ бы тотъ, что родоначальникъ Израиля принесъ съ собою древнюю вѣру Арана въ область, въ которой онъ нашелъ уже языкъ измѣненный, сдѣлавшійся потомъ нарѣчіемъ его потомковъ, но въ которой еще нашелъ многія семьи, хранящія старое преданіе о поклоненіи Единому Богу. Такова была дѣйствительно во время Авраама Палестина, населенная выходцами изъ западнаго Арана—*Семитами*, выходцами съ юга—*Ханаанитами*, и едва ли не выходцами изъ Прикавказскаго

сѣвера—*Рефаитами*, которыхъ ростъ, обычаи и собственныя имена отзываются чѣмъ-то близкимъ къ племенамъ Яфетическимъ. Сочувствіе семьи Еврейской къ жителямъ Ханаана выражается многими чертами сказанія объ Авраамѣ и словомъ, что въ это время мѣра грѣховъ Аморрейскихъ еще не исполнилась. Исторія Палестины и ея духовнаго искаженія въ эпоху, раздѣляющую Авраама отъ Іисуса Навина, была бы тогда ясна и очевидна. Впрочемъ, понятіе о ходѣ древнихъ религій будетъ до тѣхъ поръ темно и сбивчиво, покуда въ основаніи его не положится раздѣленіе на поклоненія: *свободно сущему* и *необходимо-живущему* (dem frei-seienden und dem nothwendig-lebenden).

Восточный Иранъ (Вано-Бактрійцы) былъ искаженъ соблазномъ Индо-Кушитскихъ ученій и создалъ человѣкообразныя религіи; западный Иранъ былъ искаженъ не только ученіемъ Африканскихъ Кушитовъ, но и племеннымъ смѣшеніемъ. Средній, горный Иранъ, болѣе удаленный отъ соблазна и защищенный горами отъ насилія, сохранилъ чистоту ученія и племени. Ослабленіе Ванскихъ общинъ и распаденіе Ассирійскихъ царствъ дало среднему Ирану возможность выступить самобытно на поприще исторической дѣятельности. Въ восьмомъ столѣтіи до Р. Х. Азы Мидійскіе или Аріи скинули съ себя иго Ниневіи. Расказъ Геродота, темный и, можетъ быть, не со всѣмъ вѣрный въ подробностяхъ, важенъ въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ намъ на истинное состояніе Иранскихъ семей, живущихъ еще въ первобытной простотѣ и не скрѣпившихъ своего родоваго союза условіемъ союза государственнаго. Одинъ ли человѣкъ, Деіокесъ, или еще прежде его Арбакъ, или самый народъ понялъ необходимость новаго устройства, все равно. Разъединенныя общины соединились въ государственное тѣло. Это окрѣпленіе Азовъ Мидійскихъ совпадаетъ по времени съ усиленіемъ братьевъ ихъ Азовъ-Алановъ (Сарматовъ) на Кавказѣ и немногимъ предшествуетъ движенію Алановъ за Кавказъ. Оба происшествія проистекаютъ изъ одной и той же причины,—изъ накопленія вещественныхъ силъ въ среднемъ Ирані.

Прежнія державы, владѣвшія судьбою міра, потеряли свое религіозное значеніе съ ослабленіемъ вѣрованій, перешедшихъ въ безсвязный и безсмысленный синкретизмъ.

Китай составляетъ исключеніе: въ немъ самое государство было предметомъ и единственнымъ предметомъ чувства религіознаго. Китай созданіе геніальнаго полоумія.

Но прежде, чѣмъ наступило торжество обществъ, основанныхъ единственно на обоготвореніи личныхъ силъ, еще разъ возникла и прогремѣла держава, основанная на началѣ религіозномъ. Царство Мидійское оперлось на высокія начала вѣры, исполненной чистыхъ понятій о Божествѣ, о свободѣ духа, о красотѣ нравственнаго добра. Первенство, пріобрѣтенное Хамидами, основателями древнѣйшихъ государствъ, перешло отъ нихъ къ племенамъ Иранскимъ, смѣшаннымъ съ Кушитскою стихіею; потомъ къ державѣ чисто Иранской. Таковъ былъ необходимый ходъ исторіи и долгой борьбы между искусственною условностью жизни Кушитской и органическою силою жизни Иранской Нѣтъ сомнѣнія, что вліянія востока и запада уже подѣйствовали на горныя страны Мидіи и Персистана: преданія исчезли или исказились; чуждыя поклоненія примѣшались къ наслѣдственнымъ вѣрованіямъ; но общій духъ вѣры еще сохранялся съ удивительною чистотою Была еще возможность сильнаго и живаго возрожденія. Оно наступило Въ то время, когда ослабла желѣзная рука Ниневіи, общины Средне-Иранскія, прилегающія съ юга къ Каспійскому морю, соединились въ царство. Явленіе великаго реформатора придало духовную силу поворожденной силѣ вещественной.

Зороастръ или *Зердуштъ*, собственно *Заратуштро*, принадлежитъ безспорно Мидіи, а не Персистану, эпохѣ власти Мидійской, а не позднѣйшаго царства Персидскаго. Смѣшно въ имени царя или царька *Гуштаспа* искать великаго Дарія; отъ вниманія Эллиновъ не могло бы укрыться происшествіе столь важное, если бы оно случилось

во время частыхъ сношеній между ними и Персіянами, а для древнѣйшихъ писателей Эллинскихъ уже реформаторъ Иранскій является лицомъ полу-миѳическимъ. Нѣтъ никакой ясной причины полагать, чтобы было что нибудь общее между Гуштаспомъ Зендскихъ книгъ и Даріемъ, никогда не носившимъ имени Гистаспа, какъ видно изъ клинообразныхъ надписей. Имя это, довольно обыкновенное у Индо-Персидскихъ народовъ, могло принадлежать многимъ древнѣйшимъ князьямъ и царямъ. Впрочемъ, если (какъ вѣроятно) при великомъ Даріи или незадолго до него въ княжествѣ его отца была оживлена древнѣйшая реформа и составленъ письменный сборникъ духовнаго ученія, то можно бы было объяснить соединеніе именъ Зердушта и Гуштаспа тѣмъ предположеніемъ, что Зердуштъ принимается въ Зендавестѣ не за лице еще живущее на землѣ, но за отжившее и уже только духовно присутствующее между своими учениками. Кажется, въ Зендавестѣ нѣтъ ни одного мѣста, противнаго такому толкованію.

Трудно опредѣлить истинную эпоху Зердушта и мѣсто его дѣятельности; впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, можно предполагать, что проповѣдь свою началъ онъ въ сѣверо-восточномъ Ранѣ (Согдіанѣ), въ странѣ, нѣкогда принадлежавшей Вендамъ, мало-по-малу вытѣсненнымъ Азами Мидійскими, и смѣло можно утверждать, что время этой проповѣди соотвѣтствовало началамъ Мидійскаго царства. Въ Зендавестѣ нѣтъ историческихъ данныхъ, но она явно принадлежитъ уже эпохѣ государства, а не общинъ, но государства еще слабаго, не получившаго всемірнаго значенія, и не внушившаго еще своимъ членамъ той безумной гордости, которою отличались позднѣйшіе Персіяне и Мидійцы.

Споры о подлинности Зендавесты кончены. Просвѣщеннымъ людямъ уже не позволительно въ ней сомнѣваться, хотя редакція нѣкоторыхъ книгъ явно принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей и хотя самый Вендидатъ представляетъ признаки вставокъ и измѣненій. Реформа Иранскаго ученія началась отъ народа говорящаго на языкѣ Зендскомъ; это опять несомнѣнно по той простой причинѣ, что всѣ священныя имена не только вышли изъ Зендскихъ корней, но и вполнѣ составлены

по законамъ Зендскаго нарѣчія; но еще остается вопросъ: какому народу принадлежало это нарѣчіе? Существованіе великаго, чуть не допотопнаго Зендскаго племени не нужно опровергать. Это схороненная и отпѣтая мечта ученой изобрѣтательности. Священная земля Зендскихъ книгъ очевидно, какъ уже сказано, находится на юго-западѣ Каспія: тамъ была и отчизна народа. Самое нарѣчіе принадлежитъ къ великой семьѣ Индо-Европейскихъ языковъ и обличаетъ ближайшее сходство съ чистѣйшимъ изъ ея нарѣчій, съ Санкритскимъ. Цехлеви и Парси прямо истекаютъ изъ него, но по сокращенію словъ, отсутствію логической послѣдовательности формъ и примѣси чуждыхъ западныхъ стихій, не заслуживаютъ даже сравненія съ нимъ: по этому Зендъ долженъ, по всей справедливости, считаться отцемъ всѣхъ Средне-Парскихъ, намъ извѣстныхъ, нарѣчій. Онъ не былъ уже придворнымъ языкомъ Персидской монархіи; это явно изъ клинообразныхъ надписей, содержащихъ много не Зендскихъ формъ, не смотря на тождество корней и разительное сходство ихъ развитія; но нарѣчіе надписей, не смотря на нѣкоторыя преимущества, уступаетъ ему въ признакахъ первобытности. Отношеніе его къ Санскриту было предметомъ многихъ споровъ, въ которыхъ обошлось не безъ пристрастія. Большая часть ученыхъ признаетъ теперь между ними отношенія братства, а не послѣдовательнаго преемства. Мнѣніе это вполнѣ справедливо, но оно совсѣмъ бы и не должно считаться мнѣніемъ, если бы убѣдились, какъ слѣдуетъ, что отъ Санскрита собственно не произошло ни одно нарѣчіе кромѣ Индустанскихъ, и что всѣ Европейскіе языки, точно также какъ и всѣ Средне-Парскіе, происходя отъ одного корня, развѣтвились до утвержденія чисто Индустанскаго характера. Вторичное же его вліяніе (послѣ развѣтвленія) на нѣкоторыя нарѣчія Пригиммалайскія или на Вендо-славянскія (особенно сѣверное, а въ томъ числѣ и Литовское) посредствомъ торговыхъ путей, должно быть отнесено къ эпохамъ смѣшенія и сравниваемо съ вліяніемъ Семитическихъ языковъ во время преобладанія Аравитянъ или Эллинскаго во время Эллинскаго владычества. Санскритъ стоитъ выше всѣхъ другихъ братій, не по древности, а по особенной, почти невѣроятной, чистотѣ, и въ этомъ отношеніи далеко превосходитъ языкъ Зендавесты. Впрочемъ, для безпристрастной критики три нарѣчія должны считаться представителями первобытнаго языка Парскаго: *Санскритъ*, *Зендъ* и *Славянское*. Первое мѣсто

принадлежитъ безспорно Санскриту: но трудно опредѣлить сравнительную важность Славянскаго и Зенда, не смотря на отсутствіе древнихъ памятниковъ Славянскаго языка, отсутствіе вполнѣ замѣняемое безконечнымъ числомъ его почти чистыхъ нарѣчій. Присутствіе въ Зендѣ нѣкоторыхъ корней и первобытныхъ формъ, уже исчезнувшихъ въ Санскритѣ, еще не даетъ ему права равняться съ древне-Индустанскимъ нарѣчіемъ. Такое же преимущество можно найти иногда и въ Пали и въ Славянскомъ и даже нарѣчіяхъ второстепенныхъ, напр. Эллинскомъ или даже Кельтическомъ и Германскомъ (напр. слово *магать*, великій, не имѣетъ законнаго корня въ Санскритѣ, между тѣмъ какъ Славянское *могу*, Герм. *тёдеп* объясняютъ его вполнѣ и т. д.). За всѣмъ тѣмъ воскрешеніе Зенда должно считаться огромнымъ пріобрѣтеніемъ для филологіи, по его удивительной чистотѣ и логической стройности. Присутствіе нѣкоторыхъ позднѣйшихъ стихій, такъ называемыхъ Семитическихъ или Арамейскихъ, мало измѣняютъ его достоинство и объясняются отчасти необходимостью замѣнить въ языкѣ богослужебномъ формы уже непонятныя другими новыми, болѣе понятными, хотя и чуждыми. Внимательное изученіе Зенда показываетъ въ немъ уже оскудѣнье формъ и явный переходъ изъ племеннаго языка въ семейное нарѣчіе: то же самое находится и въ Санскритѣ, но въ меньшей степени. Въ самомъ Санскритѣ можно отличить два нарѣчія, происходящія отъ одного и того же корня, нарѣчіе общее всенародной словесности, и нарѣчіе Ведъ. Послѣднее имѣетъ передъ первымъ преимущество древнѣйшаго писаннаго памятника, но уступаетъ ему въ богатствѣ и представляетъ болѣе признаковъ тѣсной мѣстности. Зендъ отличается отъ всѣхъ своихъ Иранскихъ братій отсутствіемъ буквы *л*, вездѣ замѣненной буквою *р*, и особеннымъ расширеніемъ гласныхъ. Языкъ Ведъ сохраняетъ букву *л*, и даже представляетъ ее въ другой формѣ, которую теперешніе Брахманы произносятъ какъ *лр*, но которая была вѣроятно ничто иное, какъ грубый *л* Славянскій (Англійскій въ концѣ словъ), точно также какъ минмая гласная *ри*, по всѣмъ вѣроятностямъ, была ничто иное, какъ *ы*. Въ обоихъ случаяхъ *р*, сперва принятый какъ знакъ огрубѣнія звука (*л—лр*, *и—ри*) былъ въ послѣдствіи времени, при умягченіи нарѣчія, принятъ за истинный и отдѣльный звукъ. Кромѣ того Веды (особенно Ригведа) охотно замѣняютъ букву *д* буквою *л* (также какъ Римляне въ *levir* изъ *дьверь*,

въ *Уллисъ* изъ *Одиссея* и пр.). За всѣмъ тѣмъ, въ самыхъ Ведахъ замѣтно нѣкоторое преобладаніе буквы *р* и вообще много формъ, чуждыхъ обще-Санскритской письменности и совершенно объясняемыхъ только изъ сличенія съ Зендомъ (таково спряженіе глагола *кри*, употребленіе мѣстоименія *им* и др.). Совершенно противное замѣтно въ восточной отрасли Иранскихъ нарѣчій: она отличается стремленіемъ къ умягченію звуковъ. Славянская семья, уничтожая придыханія, умягчая гласныя, дастъ буквѣ *л* преимущество передъ *р* и, кажется, въ окончаніи словъ производныхъ изъ глагола даже отступаетъ для этой цѣли отъ первоначальной формы, общей всѣмъ другимъ семьямъ. Производное изъ Славянскаго, нарѣчіе Латинское, сохранило едва ли не древнѣйшее окончаніе на *р* (imperator, arator и т. д.). По крайней мѣрѣ, то же самое окончаніе осталось въ Славянскихъ словахъ безспорной древности (напр. *пастырь, водарь, сударь*—(отъ *суда*, ибо *государь* есть составное изъ *сударь* и *го: го* означаетъ превосходство или славу, *гой еси* значитъ *прославленъ будь!* толкованіе вѣроятное по санскритскому *го*, небо, лучь, блескъ).—То же самое окончаніе замѣтно и въ окартавленныхъ *оратай, вожатай, ходатай* и пр.). Общее содержаніе Санскритской словесности, развившейся изъ Вишнуитскаго сказочнаго и человѣкообразнаго вѣрованія, распространеннаго міромъ Ванновъ и Гетовъ до Пелопоннеза и Рейна съ одной стороны и до мыса Коморинскаго съ другой, преобладаніе символа воды, также какъ и особенности обще-Санскритскаго нарѣчія связываютъ всю систему письменную и религіозную съ отраслью восточно-Иранскою. Особенности языка Ведъ, замѣтное преобладаніе огненнаго символа, ничтожность Вишну въ Ведическихъ гимнахъ и упоминаніе въ нихъ божества *Митры*, котораго значеніе понятно только изъ Зендской религіи, указываютъ на тѣснѣйшую связь съ среднимъ Ираномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Веды, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ теперь существуютъ, суть уже сборникъ сравнительно поздняго времени: но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что зерно ихъ или главная основа есть наслѣдство глубокой древности. Не одни Ваны, но и ихъ братья, союзники и соперники, Азы имѣли участіе въ судьбѣ Индустана (соединявшаго ихъ въ названіи сѣверо-восточной страны, Аза-Вана). Ваны, какъ многочисленнѣйшіе и ближайшіе, сильнѣе подѣйствовали на государственную судьбу; какъ способнѣйшіе къ художеству, овладѣли всею

словесностью. Строгіе и многомысленные Азы приняли въ себѣ сильнѣе стихію религіозную и философскую сторону богослуженія брахманскаго. Оттого – то сборникъ духовнаго ученія носитъ признаки того нарѣчія, на которомъ написаны и священныя книги средняго Ирана. Такимъ образомъ объясняется особое сродство Ведъ и Зендвесты. Самый же языкъ Зендъ, котораго напрасно бы стали искать въ маломъ горномъ племени *Зундъ* (ибо нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы имя Зендъ было когда либо именемъ народнымъ), былъ, безъ всякаго сомнѣнія, древнимъ языкомъ Мидіи и Мазендерана (*Ма-зендъ-иранъ*, великій Зендскій Иранъ) и родоначальникомъ позднѣйшихъ Пехлеви, Парси и особенно, самаго близкаго къ нему, придворнаго нарѣчія Кировыхъ преемниковъ, наконецъ языкомъ великихъ Азовъ или Аріевъ, изобрѣтателей письменности гласовой, по которымъ западные народы назвали Азіею весь безконечный восточный материкъ. Впрочемъ Зендъ, оставшійся намъ въ памятникахъ, находился безспорно уже въ состояніи упадка отъ одичанія народа и отъ вліянія западныхъ семей, долго владѣвшихъ Мидіею. И то и другое легко замѣтитъ безпристрастная критика. Религія Зендавесты, такъ же какъ и языкъ, уже подверглась измѣненіямъ. Ученіе Заратустра есть не первобытное вѣрованіе, но реформаторское, слѣдовательно неполное, возвращеніе къ старинѣ. Его собственное свидѣтельство въ этомъ отношеніи ясно. Онъ говоритъ о прежнихъ учителяхъ, особенно о какомъ-то боговдохновенномъ *Гомѣ*, но не связываетъ себя ни съ кѣмъ путемъ историческаго преемства: явно, что между прежнимъ свѣтомъ и его проповѣдью былъ промежутокъ мрака, вѣроятно синкретическаго поклоненія многоименнымъ божествамъ, которыхъ онъ проклинаетъ подъ именемъ *Дивъ*. Кромѣ свидѣтельства самого Зердушта, мы имѣемъ внутреннія, еще убѣдительнѣйшія доказательства въ самой критикѣ его ученія. Оно представляетъ неоспоримыя доказательства глубочайшей древности въ общемъ своемъ характерѣ и въ то же время новости во многихъ подробностяхъ. Такими доказательствами можно считать: самое имя божества Аггра-Маз-Дао (господинъ великій богъ), котораго многосложность совершенно противна первобытной простотѣ; двойное употребленіе одного и того же слова—*Дивъ* въ смыслѣ злаго духа и *Дао* въ смыслѣ бога, между тѣмъ какъ *Дао* есть только мѣстное измѣненіе кореннаго *Дивъ* (то же отношеніе, что между нарѣчіями Сербскимъ и Малороссійскимъ въ

спряженія глаголовъ); произвольно-философское введеніе безличнаго *Зерване Акерене*, т. е. олицетворенной вѣчности; не ясное отношеніе злаго начала къ доброму и, особенно, нелогическое нарушеніе духовной свободы въ необходимо-зломъ характерѣ твореній злаго *Ангри-Маньюса*, между тѣмъ какъ творенія самого божества способны къ злу и добру. Таковы явныя доказательства реформы не вполнѣ удачной. Къ ней еще остались примѣшанными нѣкоторыя совершенно чуждыя стихіи, изъ которыхъ едва ли не главнѣйшею можно считать какое-то обоготвореніе коровы, или быка. Этотъ весьма важный символъ, неизвѣстный древнему Иранству, но встрѣчаемый почти во всѣхъ синкретическихъ религіяхъ, представляетъ вещественную природу, незлобивую, но зато не имѣющую ни опредѣленнаго характера, ни внутренней энергіи. На Ликійскихъ памятникахъ онъ долженъ считаться изображеніемъ жизни или стихій земныхъ. О введеніи женскаго начала въ нѣкоторыхъ частяхъ Зендавесты говорить нечего. Оно принадлежитъ, какъ и весь *Бундегешъ*, эпохѣ гораздо позднѣйшей, когда Персидское царство стало клониться къ упадку внѣшнему и внутреннему. За отстраненіемъ этихъ явныхъ приростовъ и произвольныхъ прибавокъ реформатора, остается чистое, возвышенное вѣрованіе, далеко превосходящее глубиною мысли и чудною чистотою молитвы всѣ прочія религіи; вѣрованіе столь близкое къ духовному наслѣдію Симо-Яфетидовъ, къ поклоненію *Гелю*, что ихъ необходимо должно считать за совершенно тождественныя въ своемъ началѣ. Тоже понятіе о свободномъ творчествѣ, о свободѣ духовной и о паденіи, тѣ же преданія о прошломъ блаженствѣ, о потопѣ и наконецъ тѣ же мессіяническія обѣщанія о будущемъ Спасителѣ-Сезіошѣ. Не диво, что ученые, видя связь и не досмотрѣвъ общаго корня, требовали, чтобы Моисей поучился у *Заратустра* или Заратустро у Давида.

Преданія самой Персіи не совсѣмъ сходны съ показаніями Эллинскихъ писателей: но вообще преданія позднѣйшія въ Ранѣ, столько разъ потрясенномъ, завоеванномъ, утратившемъ и вѣру и языкъ и даже народъ свой (ибо теперешній Персіянинъ принадлежитъ почти столько же племени Турецкому, сколько Персидскому), не заслуживаютъ большой вѣры. Во всякомъ случаѣ, не у магометанъ, но у огнепоклонниковъ дол-

жнобы искать воспоминаній древности; но кажется, что если эти воспоминанія существуютъ, то они до сихъ поръ еще неизвѣстны просвѣщенной Европѣ. Династія Кеаніадовъ принадлежитъ уже эпохѣ преобладанія Персидскаго. Трудно бы было соединить разсказъ о династіи Пишдадіевъ съ разсказами Эллиновъ; но даже въ темныхъ воспоминаніяхъ, сохраненныхъ поэтами Персіи, замѣтенъ историческій перерывъ и начало новой государственной эпохи съ восшествіемъ на престолъ освободителя *Феридуна* Если тысячелѣтнее царствованіе Джемшида, Бактрійскаго хлѣбопашца, соотвѣтствующаго великой Семирамидѣ ассирійской и тысячелѣтнему владычеству Скиѳовъ, есть ничто иное, какъ олицетвореніе кроткой власти Вановъ восточныхъ, то побѣда Дзогака, змѣепоклонника, представляетъ торжество полу-кушитской Ассиріи и Вавилона (обвиняемаго какъ извѣстно, въ змѣепоклонствѣ даже Евреями въ ихъ неканоническихъ, т. е. позднѣйшихъ писаніяхъ). Феридунъ, мнимый потомокъ Джемшида, уже царствуетъ не въ родинѣ своего предка. Онъ воспитанъ въ горахъ Демавендской цѣпи, онъ торжествуетъ силою меча и ставитъ государственное средоточіе въ среднемъ Ранѣ. Всѣ эти обстоятельства указываютъ на основаніе царства Мидійскаго. Владычество Вановъ не должно считаться эпохою сильнаго и твердо-устроеннаго государства. Это было время свободныхъ общинъ, связанныхъ единствомъ кровнаго братства и процвѣтавшихъ подъ сильною рукою одной преобладающей общины, основавшейся въ побѣжденной Ассиріи. Это было время для свободы Аза Мидійскаго, какъ и для Вана Бактрійскаго, и слава эпохи принадлежала не одному уголку земли, не одной семьѣ, по всему пространному Ирану. Мидія и Персія могли себѣ усвоить Веледскаго Джемшида съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Эллинскаго Искандера.

Не долго могла одряхлѣвшая въ развратѣ и роскоши Ниневія противустоять новозданной силѣ Азовъ Мидійскихъ, крѣпкихъ простотою горной жизни и вдохновенныхъ всею полнотою духовнаго вѣрованія, перешедшаго изъ изустнаго,

семейнаго преданія въ писанную государственную религію. Побѣдивъ опасныхъ и воинственныхъ сосѣдей Кадузіевъ въ долгой войнѣ, о которой преданія исчезли въ общемъ преданіи о борьбѣ съ Тураномъ, Мидійцы обратили всѣ силы свои противъ прежней владычицы своей, Ассиріи. Не смотря на побѣды Соосдухина, они при Кіаксарѣ уже стояли подъ стѣнами Ниниви. Нашествіе Скиѳовъ спасло ее, но ненадолго.

Земли Малоазійскія. Лидія.

Освобожденіе Прана отъ кочевыхъ завоевателей рѣшило судьбу западной Азіи. Первенство Мидійцевъ было не оспоримо. Ниниція пала. Городъ не былъ уничтоженъ, ибо преданія Армянскія (хотя не совсѣмъ достовѣрныя) говорятъ объ архивахъ Ниниційскихъ еще нѣсколько вѣковъ послѣ Р. Х.; но Ниниція не имѣла торговаго значенія подобно Вавилону, и власть ея была чисто государственная. Ея важность изчезла съ уничтоженіемъ туземной, воинственной династіи, и остовъ великой столицы истлѣлъ, не замѣченный ни историками, ни поэзіею народныхъ сказаній.

Побѣда Мидійцевъ сблизила ихъ съ другимъ воинственнымъ народомъ, пытавшимся основать сильное государство на западѣ Малой Азіи, съ *Лидійцами*.

Этого имени не должно искать по дурному примѣру нѣкоторыхъ ученыхъ, въ семьѣ *Лудъ* Еврейскихъ преданій. *Лудимъ* принадлежали племени Хамидовъ, и географъ находитъ ихъ еще въ наше время въ западныхъ пустыняхъ Африки, въ землѣ *Лудамаръ*, точно также, какъ и родственное съ ними племя *Путъ* или *Фута*, извѣстное по Еврейскимъ писателямъ и Египетскимъ памятникамъ. Имя Лидія связано съ обще-Иранскимъ корнемъ *людъ*, точно также какъ имя *Лигіи*, *Лигурры*, *Ляхи* связано съ корнемъ Санскритскимъ *леха* (черта) и Славянскимъ *льха* (черта, граница).

Не возможно опредѣлить съ точностію характеръ народа и царства Лидійскаго, принадлежащаго вполнѣ племенамъ мѣшаннымъ и разносоставнымъ. Когда усилившіеся Эллины отодвинули другія Западно-Иранскія племена съ береговъ Эгейскаго моря и опрокинули старыя колоніи Великихъ Вендовъ (Венетовъ и Ликіевъ), началась новая жизнь въ повозданныхъ Эллинскихъ городахъ Малой Азіи. Страна

побѣжденной Трои досталась Эолійцамъ, семьѣ явно принадлежащей вѣтви Іонійской. Новые полудикіе поселенцы не вытѣснили просвѣщеннѣйшихъ старожиловъ. Потомки Ассарака и древнихъ царей Пергамскихъ жили и царствовали въ долинахъ тѣнистой Иды, тогда какъ потомки Агамемнона владѣли равниною. Произошло смѣшеніе племенъ, давшее Эолійскому нарѣчію его особенности, Эолійскимъ мореходцамъ ихъ смѣлую предпріимчивость и Эолійскимъ пѣвцамъ (или пѣвцу Омиру) великое призваніе пробудителей Эллады.

Здравомыслящая критика не можетъ отрицать Эолійскаго происхожденія Омира: оно явно и изъ нѣкоторыхъ древнихъ свидѣтельствъ и изъ его пристрастія къ Эолійскимъ обычаямъ и особенно изъ выбора его героевъ, принадлежащихъ почти безъ исключенія семьѣ Эолійской. Нарѣчіе Эолійское, кромѣ многихъ важныхъ особенностей, представляетъ характеристическую черту Славянскихъ языковъ, удаленіе отъ звуковъ *θ* (Англійскаго th) и *φ*.

Такое же смѣшеніе Эллиновъ съ туземцами, такое же вліяніе Восточно-Иранскихъ семей, такое же пробужденіе дремлющаго духа къ жизни просвѣщенія и искусства происходило, болѣе или менѣе, по всему западному берегу Малой Азіи. Оттуда и исторія и философія и небознаніе (Гекатей, Ксанѳъ, Гелланикъ, Ксенофанъ, Ѳалесъ), оттуда восходъ эллинскаго дня.

Лидійцы не были причислены къ Эллинамъ: они не принадлежали къ ихъ племени. Точно также были они чужды выходцамъ изъ восточнаго Ирана. За всѣмъ тѣмъ кажется, можно опредѣлить приблизительно главный источникъ, изъ котораго они получили свое начало.

Древность Ксанѳа Лидійскаго и частыя сношенія съ Эллинами даютъ особенную достовѣрность показаніямъ Геродота и другихъ Греческихъ писателей.

Первоначальное имя Лидійцевъ,—*Меонійцы*, связано съ корнемъ *менъ* или *манъ* (Манесъ былъ родоначальникъ первыхъ царей) и поэтому имѣетъ совершенно одно значеніе съ по-

слѣдующимъ *Лидійцы* (отъ *людъ*). Перемѣна имени указываетъ, можетъ быть, на измѣненіе нарѣчій, но все въ кругу языковъ Иранскихъ. Первые цари вели родъ свой отъ сына Манеса, *Атиса*, любимца Кивелы. Въ этой горной богинѣ, соединяющей эмблемы природы саможивущей, упряжь изъ львовъ (слѣдовательно эмблему небеснаго огня, пожирающаго земное—какъ явно изъ миѳовъ Ликійскихъ и др.), свирѣпые обряды и ненависть противъ вещественнаго воспроизведенія, легко узнать мысль Иранскую въ ея ожесточеніи и въ послѣдовавшемъ смѣшеніи съ Кушитствомъ. Съ полною увѣренностью можно причислить древнихъ Лидійцевъ къ колоніямъ, вышедшимъ изъ западнаго Ирана или изъ Араратскаго нагорья послѣ эпохи религіознаго синкретизма и послѣ отдѣленія племенъ Германскаго и Пелазгійскаго. Вторая династія—царей Гераклидовъ представляетъ весьма любопытную родословную и явныя указанія на прибережье Евфрата Основатель династіи—*Геркулесъ*, сынъ его *Алкей*, внукъ *Велъ* или *Белъ*, правнукъ *Нинъ*. Главное божество При-евфратскихъ и Сирійскихъ народовъ представляется внукомъ Геркулеса, но въ то же время и сыномъ Алкея, который самъ отецъ Пракла (*Алкида*). Тождество обоихъ боговъ, Геркулеса и Бела или Вела выказывается очень явно (какъ уже давно слѣдовало заключать по всему характеру миѳовъ), и въ то же время соединеніе Бела съ Нииомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ завоеванія Лидіи выходцами изъ сѣверной Ассиріи, или во время Вавилонскаго владычества, или (что вѣроятнѣе по лѣтосчисленію) во время вторичнаго усиленія Ниневіи, послѣ изгнанія Бактрійцевъ. Такимъ образомъ народъ Лидійскій могъ и долженъ былъ почерпнуть просвѣщенія изъ богатыхъ источниковъ Сиро-Вавилонскихъ, но просвѣщенія нестройнаго и нетвердаго, скоро исчезающаго въ дикой жизни воинственныхъ горцевъ, каковы были Лидійцы.

Тождество Вела и Геркулеса не подлежитъ сомнѣнію. Прибавимъ, что хотя корень имени Геркулесъ или Гер-кулъ весьма сомнителенъ и былъ отыскиваемъ въ разныхъ нарѣчіяхъ безъ полнаго успѣха, кажет-

ся можно смѣло его причислить къ чисто-Иранскимъ. *Геръ* или, по Славянскому умягченію, *яръ* (или по его италійской формѣ, *веръ*) вообще означаетъ свѣтлое, пламенное, или сильное. Вторая часть слова *куль* указываетъ на корень *коло* (кругъ, Греч. κολέω кружу и др.) и тогда имя Гер-куль значило бы свѣтлый кругъ, солнце или самое небо, по смыслу, по которому *коло* составило латынское coelum. Понятно, почему слово Гер-куль было принято также и въ смыслѣ круга годоваго. Отыскивая корни, которые случайно сохранились въ Славянскомъ языкѣ, мы не думаемъ отыскивать самое божество въ миѳахъ Вано-Бактрійскихъ: оно чуждо имъ, по крайней мѣрѣ подъ этимъ именемъ.

Послѣдняя династія царей Лидійскихъ *Мермнадовъ* принадлежитъ уже вполнѣ эпохамъ историческимъ. Въ VIII вѣкѣ до Р. Х. основатель ея *Гигесъ* упоминался въ стихахъ современныхъ Эллиновъ (какъ извѣстно, Архилоха Паросскаго) и былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ Дельфійскимъ оракуломъ (также какъ Гордій Фригійскій). Очевидно наступила эпоха, когда Азія стала занимать свѣтъ наукъ отъ своей ученицы Эллады. Ближайшіе и бѣднѣйшіе самобытнымъ просвѣщеніемъ, болѣе другихъ подверглись новому вліянію. Такова была судьба Лидіи. (*) Мермнады со дня на день усиливали свое царство. Киммерійцы или Приволжскіе *Кумри*, гонимые Скиѳами, бѣжали по берегамъ Чернаго моря. Ворвавшись въ Малую Азію, уже и прежде страдавшую отъ ихъ набѣговъ, они опустошили ее до самыхъ береговъ Эгейскаго моря съ тою же жестокостью, съ которою побѣдители ихъ Скиѳы, прорвавшись почти въ то же время черезъ Кавказъ по берегамъ Каспія, опустошали Ассирію, Мидію и Палестину до самаго Египта. Началась долгая и кровавая борьба между Лиді-

(*) Пр. За всѣмъ тѣмъ сказки объ Гигесѣ и его кольцѣ-невидимкѣ доказываютъ еще силу туземной стихіи; онѣ носятъ характеръ сказки восточной а не эллинской, русской шапки—невидимки, германской *тарнъ-Каппе*, *гелотгельмъ* и др. у Эллиновъ едва остался слабый слѣдъ ихъ въ Гомеровомъ шлемѣ Аида. (*Примѣч. автора*).

ею и сѣверными опустошителями. Побѣда осталась туземцамъ. Лидія освободила Малую Азію почти въ то же время, какъ Мидійцы уничтожили Скиѳскія полчища. Киммерійцы погибли въ битвахъ, погибли въ долгомъ бѣгствѣ передъ побѣдителями и немногіе остатки ихъ спаслись, можетъ быть, въ ущеліяхъ Тавра или Кавказа, гдѣ ученая критика не отыскала ихъ слѣдовъ.

Изученіе горныхъ нарѣчій покажетъ вѣроятно остатки погибшаго народа. Въ Таврѣ мало надежды потому, что трудно будетъ ихъ отличить отъ позднѣйшихъ Галатовъ; но въ Кавказѣ успѣхъ вѣроятнѣе. Имя Аваровъ, горцевъ въ Лезгистанѣ, побѣдителей великаго Надиръ-шаха,—имя, принадлежащее также семьѣ Галльской (кажется изъ отрасли Болго-кумрійской), можетъ быть указываетъ на потерянный слѣдъ.

Мермнады, побѣдители Киммерійцевъ и избавители сосѣднихъ областей, скоро подчинили ихъ своей власти до береговъ Галиса. Передъ многочисленными войсками Лидіи пали многія Эллинскія колоніи (Колофонъ, Пріена, Смирна и др.) Устрашенные Іонійцы платили имъ дань: но побѣдители сами покорялись вполнѣ могуществу Эллинскаго духа, и впивали изъ Эллады всѣ духовныя начала, кромѣ того, въ которомъ жила ея сила, любви къ свободѣ и поклоненія высокой личности человѣка.

Борьба Лидіи съ Мидійскимъ царствомъ.

Едва изчезло царство ассирійское, Мидійцы уже пришли во враждебное соприкосновеніе къ Лидіи. *Аліяттъ* Лидійскій, побѣдитель Киммеріевъ, нашелъ достойнаго соперника въ *Кіяксарѣ*, освободившемъ Азію отъ кочевыхъ Скиѳовъ.

Трудно узнавать имена восточныя въ ихъ Эллинскомъ искаженіи. *Кіяксаресъ* едва ли не составное слово изъ слова *кай*, сохранившагося въ сказаніяхъ Персидскихъ (Кай-кавусъ, Кай-кобадъ и пр.) и означающій, вѣроятно, царское достоинство, въ языкѣ простонародномъ и имени *ассаръ*, которое можно угадать въ имени Ассуэръ, даннымъ Еврейскими писателями позднѣйшему царю Персидской династіи.

Поводомъ къ войнѣ было, вѣроятно, властолюбіе, предлогомъ— покровительство, оказанное Лидіею бѣглымъ Скиѳамъ изъ вражды къ Мидіи или изъ дружбы къ Скиѳамъ, врагамъ Киммерійцевъ. Рѣшительное сраженіе было перервано полнымъ затмѣніемъ солнца; міръ, заключенный посредничествомъ Сіеннезиса, царя Киликійскаго и Лабинета Вавилонскаго, утвержденъ былъ бракомъ дочери Алліятовой и сына Кіяксарова.

Вѣроятно Киликія боялась усиленія Лидійцевъ, а Вавилонъ увеличенія Мидіи. Переговоры, посредничество царей и бракъ царскихъ дѣтей показываютъ, какъ стары и какъ изстари безполезны политическія хитрости, за которыми и теперь еще гонится дипломатія европейская.

Война Лидіи противъ Мидійцевъ, первая между древнею Азіею и государствомъ, принадлежащимъ уже отчасти новой Европейской жизни, очень важна во всѣхъ отношеніяхъ. Переговоры доказываютъ уже безпрестанныя и расчетливыя сношенія народовъ другъ съ другомъ, затмѣніе солнца, перервавшее битву и предсказанное Ѳалесомъ Милетскимъ, даетъ исторіи твердую опору хронологическую и вѣрное свидѣтельство о высокомъ состояніи науки астрономической; наконецъ, самое столкновеніе Лидіи и Иранцевъ на берегахъ Галиса пополняетъ наши знанія объ эпохѣ сѣверно-Ассирійскаго царства.

Любопытно сравненіе между Ѳалесомъ, предсказывающимъ затмѣніе, и геніальнымъ Геродотомъ, разсказывающимъ въ полномъ собраніи Эллады такой вздоръ о ходѣ солнца, что трудно придумать нелѣпѣйшую нелѣпость. Явны и великая ограниченность знаній въ Элладѣ и нетуземность астрономіи.

Огромное разстояніе раздѣляло границы Лидіи не только отъ семистѣнной столицы Деіока, Экбатаны, но и отъ береговъ Тигра и павшей Ниневіи. Между тѣмъ, исторія не содержитъ ни полъ-слова о завоеваніи всей этой простран-

ной области Кіаксаромъ. Сличеніе этого происшествія съ покореніемъ Палестины и Финикіи Персами послѣ паденія Вавилона и имя Сирійцевъ (*Левко-Сиріевъ* или Бѣло-Сирійцевъ), подъ которымъ извѣстны были Эллинамъ жители Галисской стороны, даетъ полное право утверждать, что Ниневія до самого своего паденія была владычицею всей области отъ береговъ Тигра до береговъ Галиса, и оцѣнить всю силу Ассирійской державы.

Области вообще считали себя не свободными членами государства, но какъ будто собственностью столицы; иногда онѣ составляли союзъ, признающій первенство одной главы, охраняющей ихъ. Въ обоихъ случаяхъ онѣ были равнодушны къ перемѣнамъ политическимъ и готовы были признать надъ собою власть завоевателя, овладѣвшаго столицею, и всякаго новаго народа, присвоившаго себѣ права главы въ союзѣ Такъ Персія получаетъ какъ бы въ наслѣдство всю страну, признававшую власть Мидіи и всю южную Сирію послѣ Вавилона; такъ Царіи считаетъ себя въ правѣ давать законы даже дальнимъ колоніямъ покоренной Финикіи; такъ Мидійцы являются законными владѣтелями всѣхъ странъ между Тигромъ и Галисомъ, потому только, что онѣ принадлежали побѣжденной Ниневіи.

Преемникъ Аліятта, *Крезъ*, продолжалъ начатое предками. Его оружію покорились всѣ Эллины въ Малой Азіи, всѣ остатки древнихъ туземцевъ и въ ихъ числѣ жители богатой Фригіи,—наконецъ всѣ остатки восточно-Иранскихъ колоній, какъ-то Халибсы (*Халисы*), Азіятскіе Ѳракійцы и прочіе, за исключеніемъ храбрыхъ Ликійцевъ. Его богатства были несчетны, какъ отъ плодородія и рудниковъ самой области, такъ и отъ всемірной торговли приморскихъ городовъ, имъ покоренныхъ; его конница, вооруженная длинными копьями, считалась первою въ Азіи; его союзниками были непобѣдимый Лакедемонъ и древній Египетъ, обѣщавшіе ему войска свои противъ царей востока; его столица (Сардесъ) была столицею роскоши, художества и просвѣщенія Эллинскаго: въ нее стекались Ѳалесъ, Віасъ, Питтакъ, Солонъ и

другіе. Все обѣщало блистательную судьбу Мидіи: но ея внѣшняя и вещественная сила была ничтожна въ сравненіи съ внутреннею и духовною силою Прана.

Персія. Паденіе Мидіи.

Не долго властвовала Мидія, и ея короткая лѣтопись такъ неполна, что она скорѣе можетъ быть угадана, чѣмъ разсказана послѣдовательно. Когда великій Кіяксаръ передалъ царство своему свирѣпому сыну Астіягу (или Астіягу по Ктезію), Экбатана предписывала законы всему среднему Прану отъ Каспія до океана, всей бывшей области Ниневійской отъ Тигра до Галиса и всему восточному Прану до Инду-кху и Памира. Персистанъ былъ покоренъ еще отцемъ Кіяксара Фраортомъ: но дѣйствительно Персы не были подданными Мидіи (это видно изъ всѣхъ разсказовъ), а только союзнымъ народомъ, признающимъ первенство однопачальнаго съ нимъ племени Мидійскаго и власть религіозно-гражданскихъ законовъ, утвержденныхъ сѣвернымъ реформаторомъ (Заратустро) и магами, его преемниками. Управлялся же Персистанъ своими обычаями, своими князьями и своими старыми родами воиновъ (*Пасаградовъ* и въ особенности *Ахеменидовъ*), заслужившихъ первенство между братьями вѣроятно мужествомъ въ отпорѣ противъ западныхъ завоевателей. Царство Ниневійское было вполнѣ подчинено Мидіи, какъ земля завоеванная; но власть Кіяксара не далеко простиралась на сѣверъ отъ Араратской цѣпи. Отроги Кавказа были наполнены воинственными потомками Иверцевъ (Западно-Працевъ, не покорившихся Ниневіи), Кимвровъ, искавшихъ убѣжища отъ Скиѳской бури, и въ особенности Средне-Иранскихъ Азовъ (будущихъ Сармато-Алановъ), мало-по-малу отодвигающихъ Скиѳское кочевье отъ Каспія и береговъ Волги. Тѣ же воинственные выходцы горъ Мазендеранскихъ занимали всю цѣпь Дагестана и горное приморье, въ которомъ исторія находитъ еще въ гораздо позднѣйшихъ вѣкахъ вольныя общины, управляемыя чисто жреческимъ закономъ. Смѣшеніе племенъ Кушитскихъ, Кушитскія просвѣщеніе и религія давно уже проникли въ глубокій сѣверъ: это явно доказано колоніею черноволосыхъ и курчавыхъ Колхидцевъ, которыхъ само-

видецъ Геродотъ принимаетъ за остатокъ войскъ Египетскихъ, пещерными строеніями и поклоненіемъ богинямъ Сирійскимъ; но горы, храбрость жителей и непривѣтливая природа остановили оружіе южныхъ завоевателей у подножій Кавказа. Цѣпь Дагестанскихъ горъ была населена также свободными племенами, противъ которыхъ Мидо-Персидскіе цари воевали безъ большаго успѣха, какъ видно изъ преданій Персидскихъ объ осадѣ *Азпруза* Кай-кавусомъ, и о подвигахъ Рустама противъ бѣлыхъ Дивовъ, на берегахъ Каспійскаго моря. Восточный Иранъ былъ уже Мидійскимъ прежде, чѣмъ Мидія стала могущимъ государствомъ. Изъ Согдіаны и прилежащихъ къ ней областей возникла реформа огнепоклонства. Послѣ паденія Вано-Бактрійскихъ общинъ Западъ сталъ напирать на Востокъ свѣжими силами племени Азовъ, между тѣмъ какъ великое Ванское племя, утратившее чистоту преданій и замѣнившее старинныя вѣрованія какою-то дѣтски-сказочною религіею (антропоморфизмомъ), не было въ состояніи ни удержать своего первенства, ни даже сохранять равенство съ братьями. Чисто-бытовая жизнь, оторванная отъ своей религіозной опоры, кроткія и человѣческія стремленія, трудъ хлѣбопашца и тишина семейственнаго обычая, всѣ эти добрыя стороны Бактрійскихъ общинъ не составляли еще силы дѣйствительной и способной къ долгой борьбѣ.

Оттого то вездѣ Славяне уступили напору болѣе воинственныхъ племенъ. Въ нихъ была совершенная невозможность собственнаго развитія независимо отъ такого общаго, вполнѣ человѣческаго начала духовнаго, которое бы соотвѣтствовало всѣмъ требованіямъ духа человѣческаго; а этого начала не было или оно было утрачено. Общества, основанныя на условности, требуютъ, чтобы люди, составляющіе ихъ, стѣснили свою душу въ мѣрку общественныхъ условій; иначе, за внутреннимъ неудовлетвореніемъ всѣхъ стремленій духа, слѣдуетъ разногласіе между обществомъ и его членами, и общество падаетъ.

Общины Вано-Бактрійскія утратили свою взаимную связь, между тѣмъ какъ средній Иранъ усилился сознаніемъ сво-

его духовнаго стремленія. Земли, принадлежавшія нѣкогда семьѣ восточной, переходили мало-по-малу въ руки ихъ западныхъ братій. Жители удалялись далѣе въ пустыню или мѣшались съ побѣдителями, принимали ихъ вѣру, обычаи и языкъ. Великіе Геты, отступая на сѣверъ и подвергаясь безпрестанному столкновенію съ кочующими Финно-Турками, переходили въ состояніе казачества, въ которомъ критика уже не могла угадать ихъ прежняго характера. Менѣе одичавшіе Саки и просвѣщенные Бактрійцы охотно признали первенство Мидійцевъ, сохраняя неприкосновенность внутренней свободы и право имѣть своихъ собственныхъ князей, но соглашаясь повиноваться государственной жизни, возникшей изъ чуждаго и болѣе воинственнаго начала.

Эти отношенія Бактріи и Саковъ къ Мидійцамъ очевидны изъ Ктезіева разсказа о войнѣ ихъ противъ Кира.

Вообще, не смотря на важныя различія вѣтвей Азской и Ванской, не смотря на соперничество и частую борьбу, родство духовное и жизненное между ними не исчезало никогда вполнѣ. Оттого они являются въ безпрерывной зависимости другъ отъ друга, и Бактріецъ принимаетъ законы отъ Кіяксара и Кира точно также, какъ Азы подчинялись нѣкогда первенству Бактрійскому во время Джемшида или Семирамиды (т. е. торжества Бактріи надъ Ассиріею).

Это родство двухъ вѣтвей одного племени и взаимное ихъ дѣйствіе другъ на друга также важны для объясненія позднѣйшихъ происшествій, напр. основанія Русскаго государства, какъ и для знанія первобытной исторіи Прана.

Покуда Мидійцы были первенствующею семьею, Востокъ еще сохранялъ многія черты своей коренной жизни и вѣроятно многіе остатки своего древняго языка (сохранившагося, какъ сказано, въ Славянскомъ) Но когда, послѣ паденія Мидіи и торжества Персіи, наступило время бо́льшаго

единства государственнаго, когда свободныя княжества обращены были въ сатрапіи и желѣзная рука воинственныхъ правителей налегла на всѣ покоренныя области, тогда исчезли всѣ слѣды Славянства: уцѣлѣвшіе погибли въ позднѣйшемъ потопѣ Финно-Турецкаго нашествія. (*)

Царство Мидійское соединяло въ себѣ характеръ государства, основаннаго на высоко-нравственной религіи, съ характеромъ племени дикаго и воинственнаго. Но пороки западныхъ царствъ глубоко исказили всю жизнь средняго Ирана: неограниченность царской власти и соблазнъ примѣровъ Ассирійскихъ развратили пышный дворъ Экбатаны и паденіе свирѣпаго Астіяга, порабощеніе Мидіи и торжество менѣе испорченныхъ Персовъ были явленіями утѣшительными для человѣчества

Надъ жаркими берегами великаго залива, въ который впадаетъ Евфратъ, подымаются круто скаты свѣжей горной твердыни, пересѣкаемой каменистыми оврагами и тѣсными ущеліями. Въ этой дикой и суровой области, простирающейся на сѣверъ до границъ Мидіи, жилъ вольный и гордый народъ Персовъ, управляемый старыми обычаями и родовыми князьями, поклоняющійся невидимому Богу небесному и признающій его присутствіе и символы въ предметахъ видимаго міра. Удаленный бѣдностью отъ соблазновъ торговли, спасаемый собственнымъ мужествомъ и крутостью горныхъ дебрей отъ насилія иноплеменныхъ завоевателей, онъ хранилъ преданія первобытной вѣры, мало измѣненныя чуждою примѣсью, но затемненныя вѣками и отсутствіемъ образованности. Почти безъ сопротивленія присталъ онъ къ политической системѣ родныхъ Мидійцевъ; охотно, не смотря на вольнолюбивую гордость, призналъ онъ первенство народа, отъ котораго принималъ свое же старое ученіе, но въ реформѣ,

---

(*) Кто узнаетъ теперь Славянскаго Поморьянина въ нѣмецкомъ жителѣ Поммернъ-ланда; кто угадаетъ по Грекамъ Мореи, что тому нѣсколько столѣтій болѣе трехъ четвертей области были населены Славянами. (*Примѣч. автора*).

придавшей ему характеръ яснаго сознанія. Вскорѣ участіе въ политической дѣятельности и столкновеніе съ другими племенами внушили ему властолюбіе, а нравственный упадокъ Мидіи внушилъ ему презрѣніе къ прежнимъ наставникамъ. Побѣда Кира надъ Астіягомъ (въ VI вѣкѣ до Р. Х.) передала царство Мидійское въ руки Персовъ.

Киръ. Торжество Ирана надъ землями Кушитскими.

Торжество ихъ было полнымъ торжествомъ Ирана. Великій полководецъ и царь достойный во всѣхъ отношеніяхъ своего призванія Киръ распространилъ свою державу силою оружія, укрѣпилъ ее мудростью и кроткимъ владычествомъ надъ побѣжденными. Лидія, надѣясь воспользоваться паденіемъ Астіяга и завоевать Загалисскую область, объявила Персамъ войну, неправую даже по мнѣнію Геродота; но ни сила ея, ни богатство, ни союзы, ни блистательныя дарованія ея мудраго государя не могли ее спасти. Она обращена была въ область Персидскую, и побѣжденный Крезъ кончилъ жизнь свою въ почетномъ плѣну у великодушнаго побѣдителя. Персія пришла въ соприкосновеніе съ Эллинами, поработила ихъ Мало-азійскія колоніи. Саки и Бактрійцы послѣ небезславной войны покорились Киру, какъ наслѣднику Мидійскихъ царей. Въ западной Азіи одинъ Вавилонъ еще сохранялъ свою независимость.—Давно ненавистный Мидійцамъ, стопавшимъ подъ Ассирійскимъ игомъ, союзникъ Лидійцевъ въ ихъ войнѣ противъ Персіи, онъ обратилъ на себя оружіе Кира и послѣ долгой борьбы, не смотря на свои неприступныя стѣны, на недосягаемую высоту своихъ башенъ, онъ погибъ отъ мужества Персовъ и отъ такихъ смѣлыхъ осадныхъ трудовъ, которые свидѣтельствуютъ не только о многочисленности войскъ Кировыхъ, но и о высокомъ развитіи механическихъ наукъ.

Гиндъ и десятки рѣкъ въ него впадающихъ и наконецъ многоводный Евфратъ, переведенные въ новыя, искусственныя русла! Какое войско европейское взялось бы за такой исполинскій трудъ?

Вавилону не суждено было исчезнуть безъ слѣда, какъ Ниневіи. Силы его были не въ воинственномъ народонаселеніи,

не въ пространствѣ подвластной страны, но въ его всемірной важности на перепутіи торговли и караванов, соединяющихъ Востокъ съ пристанями Средиземнаго моря. Могущественнѣйшій изъ преемниковъ Кира, Дарій, предписывавшій законы даже далекому Карѳагену, съ трудомъ могъ побѣдить возмутившійся Вавилонъ: небольшая область, составляющая Вавилонскую сатрапію, могла платить безъ изнуренія треть всѣхъ податей въ государствѣ, простирающемся отъ горъ Гималайскихъ и пустынь Заоксусскихъ до песковъ Ливіи и Эгейскаго моря, въ государствѣ, которому принадлежали Финикія, Египетъ и Малая Азія, богатѣйшія страны древняго міра; наконецъ побѣдитель Персіи, Александръ, думалъ въ столицѣ южной Ассиріи основать свою всемірную столицу, прельщаемый ея вѣковою славою, ея зодческими чудесами, тайнами вещественныхъ наукъ, которыя въ ней хранились, и особенно ея торговыми выгодами, о которыхъ строитель Александріи могъ судить съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Послѣ паденія столицы, вся область Вавилонская до береговъ Средиземнаго моря, до границъ Евфрата и до пустынь сѣверной Аравіи покорилась Персіи; Финикія, упорно сражавшаяся противъ Набуходоносора и Ассирійцевъ, отдалась безъ боя новымъ владыкамъ. Киръ, побѣдитель всѣхъ народовъ юго-западной Азіи, наслѣдникъ царствъ Мидійскаго, Бактрійскаго и Ассирійскаго, основалъ державу, превосходящую могуществомъ всѣ державы бывшія до него, кромѣ далекаго Китая. Соединеніе столь многихъ народовъ подъ одною властію, въ одной системѣ государственной, какъ будто возвращало человѣчество къ прежнему его братскому общенію, забытому уже за тысячелѣтіе; но возвратъ этотъ былъ невозможенъ. Народы слишкомъ одичали другъ противъ друга и эгоизмъ отдѣльныхъ общинъ развился слишкомъ враждебно. Война сторожила всѣ границы; внѣ государства со всѣхъ сторонъ были враги, и самое государство носило характеръ связи чисто внѣшней и случайной, совершенно чуждой всякому единенію и человѣческому братству.

Не таковы были отношенія Персовъ къ Мидійцамъ. Соединеніе ихъ было не случайное и не внѣшнее, но внутреннее и основанное на коренныхъ началахъ единоплеменности и единовѣрія. Мидійцы исчезаютъ изъ лѣтописи послѣ утвержденія Персидской державы: но въ этомъ преобладаніи семьи Персидской нельзя предполагать порабощенія ея сѣверныхъ братій. Государственные законы называются постоянно и вездѣ *законами Персовъ и Мидійцевъ*, и при осадѣ Вавилона каждый народъ имѣлъ еще безъ сомнѣнія особеннаго государя, хотя имя царя Мидійскаго (кажется Кіаксаръ) нѣсколько подвержено сомнѣнію.

Отъ того-то и преданія народныя связываютъ династію Персидскую *Кеанидовъ* съ Мидійскими Пишдадіями, хотя прямое родство Кира съ Астіягомъ (кромѣ брака Кира съ дочерью Астіяговой по Ктезію) весьма подвержено сомнѣнію. Нельзя не узнать въ Кеанидахъ новый царскій родъ Персидскій, но трудно опредѣлить въ именахъ Кай-кобадъ, Кай-каусъ или Кай-кавусъ и Кай–козру, къ какимъ историческимъ лицамъ они относятся. По всѣмъ вѣроятностямъ критики филологической должно предполагать, что порядокъ царей перемѣшанъ и что Козру есть ничто иное, какъ великій Киръ, а что Кавусъ и Кобадъ суть одно и то же лице, котораго имя искажено въ двухъ нарѣчіяхъ. По крайней мѣрѣ форма *Кавусъ* кажется соотвѣтствуетъ Эллинскому *Камбизесъ*, а Кобадъ представляетъ разительное сходство съ формою, найденною въ надписяхъ Египетскихъ, Кмбадъ или Комбадъ. Быть можетъ въ ихъ преемникѣ *Лагораспѣ* скрывается искаженіе имени *Дарій вусъ* (съ измѣненіемъ старо-санскритскимъ и латинскимъ *д* въ *л*); впрочемъ это дѣло пустое и не стоющее изслѣдованія. Война Кеанидовъ противъ Азовъ (жителей *Азпруза*) содержитъ или память о борьбѣ Персовъ съ Мидійцами или о войнѣ Персовъ съ дикими горцами Прикаспійскими, еще менѣе склонными повиноваться племени южному, чѣмъ ближайшимъ братьямъ своимъ, Азамъ Мидійскимъ.

Менѣе близки къ Персамъ и не такъ тѣсно съ ними связаны были *Сако-Бактрійцы*, но и ихъ нельзя исключать

изъ духовнаго и племеннаго союза Иранскаго. Заратустра проповѣдывалъ свое ученіе на ихъ границахъ; Саки и Бактрійцы всегда упоминаются въ спискахъ войска, какъ благороднѣйшее изо всѣхъ племенъ (кромѣ двухъ царствующихъ). Наконецъ они считаютъ себя, по Ктезію, вправѣ судить о законности правъ Кира на Иранскій престолъ и, побѣдивъ его, покоряются ему не какъ завоевателю, но какъ законному преемнику Астіяга.

Такое отношеніе Сако-Бактрійцевъ къ Персамъ объясняется родствомъ ихъ съ средне-Иранскими народами, Вановъ съ Азами или Вендовъ съ Сарматами, или Бактрійцевъ-Славянъ (отъ *Вахтри*—говорящій: корень Санскритскій, *вач*, Славянскій *вѣщать*) съ Аріями. Не смотря на рѣзкое отдѣленіе двухъ великихъ отраслей, онѣ, какъ уже сказано, жили въ одной общественной или политической системѣ и часто находились въ состояніи неопредѣленнаго смѣшенія. Такъ напр. мы находимъ *Вудіевъ* въ числѣ семей Мидійскихъ и *Даевъ* (Китайское *Дагіа*, Европейское *Даки*, тоже что *Саки*) въ числѣ семей Персидскихъ. Вѣроятно уже въ то время самое нарѣчіе восточное подверглось въ многихъ отношеніяхъ вліянію западнаго и средняго Прана, и началось то броженіе языковъ, изъ котораго возникло мягкое нарѣчіе *Фарси*, вытѣснившее Парѳянское или горное *Пехлеви*, (отъ *пехлевъ*—богатырь или *пехлу*—граница) при царяхъ Сасанидахъ и особенно при Багарамъ-Гурѣ. Это нарѣчіе было усовершенствовано именно въ восточныхъ областяхъ при дворѣ Саманеевъ и Газневидовъ.

Кстати о *Пехлеви*: нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Мѣсто его рожденія, Парѳія совершенно соотвѣтствуетъ положенію земли *Уна-о* по Китайскимъ источникамъ. Имя же *пехлевъ* и слово *юнакъ* имѣютъ одно и то же значеніе—богатырь, молодецъ. Изъ этого можно заключить, что Восточно-Иранцы называли своихъ пограничныхъ воиновъ *юными* (*юнаками*, *молодцами*) и тѣмъ бы подвердилось толкованіе имени Гунновъ, безспорно Славянскихъ, (какъ уже показано) изъ Славянскаго же. Еще другой выводъ. То же самое различіе формъ встрѣчается въ словѣ *Парсъ* или *Парѳъ* или Санскритскимъ *Парада* и Эллинскимъ *Перса*. Эллины получали свои понятія объ именахъ отъ западнаго Прана, Индустанъ отъ восточнаго.

Полногласіе исчезаетъ отъ востока къ западу. Преобладающій звукъ на востокѣ *а*, на западѣ *е*; у Славянской отрасли восточнаго Прана *а* рѣшительно клонится къ *о* и отъ этого беззначная гласная, необходимая для произношенія согласныхъ, заключающая въ себѣ темный звукъ между *а*, *о* и *е*, принимаетъ въ Санскритѣ преимущественно характеръ *а*, въ Славянскомъ *о*, въ средне-Иранскомъ *е*. При чтеніи клинообразныхъ надписей не должно оставлять этой разницы безъ вниманія, также какъ и при сличеніи корней въ Славянскихъ (Восточно-Иранскихъ) и Германскихъ (т. е. Западно-Иранскихъ) нарѣчіяхъ.

Внѣ трехъ великихъ семей (Персовъ, Мидійцевъ и Сако-Бактрійцевъ), связанныхъ внутреннимъ родствомъ, всѣ остальныя находились только въ сношеніяхъ единства внѣшняго. Персія не соединила съ собою органически своихъ западныхъ областей, начиная отъ Тигриса, но поработила ихъ. Закономъ же и нарѣчіями онѣ оставались чуждыми своимъ повелителямъ, прежнимъ врагамъ.

Вѣроятно слѣдъ этой вражды и прежнихъ битвъ сохранился въ древне-Иранскомъ *эремъ* (рабъ), происшедшемъ отъ племеннаго имени *Арамъ*, также какъ sclave отъ *Славянинъ* и davus отъ *Дакъ*.

За Тигрисомъ смѣсь Кушитскихъ народовъ и Кушитской мысли совершенно отчуждала побѣжденныхъ отъ побѣдителей, внушая послѣднимъ презрѣніе, а первымъ ненависть.

Въ такомъ смыслѣ и должно понимать свидѣтельство Геродота: «Персы уважаютъ другіе народы по мѣрѣ ихъ близости къ Персіи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ презрѣннѣе.»

Царство Персидское было собственно Мидо-персидскимъ Персія представляла стихію воинственную и правительственную, Мидія религіозную и просвѣтительную. Народъ во время Мидійской эпохи былъ раздѣленъ на четыре сословія, духовныхъ, военныхъ, землепашцевъ и ремесленниковъ или торговцевъ (горожанъ вообще). Этотъ раздѣлъ не содержалъ

Внутренній характеръ Персидской державы.

ничего враждебнаго или унизительнаго. Заимствованный отъ условныхъ обществъ Кушитскихъ племенемъ свѣжимъ и живымъ, ясно помнящимъ братство всѣхъ своихъ членовъ, онъ былъ добродушнымъ и безхитростнымъ раздѣломъ государственныхъ работъ. Всѣ сословія были благородны, всѣ достойны милости Божества.

Есть причины предполагать, что каждое сословіе имѣло своего особеннаго начальника или царя, подчиненнаго общему великому царю всего Ирана. Раздѣль кастъ въ Брахманскомъ Индустанѣ былъ тотъ же самый до тѣхъ поръ, покуда южное побѣжденное племя было включено въ число кастъ подъ именемъ *Судра*. По закону нравственнаго зла, всегда воздѣйствующаго на своего виновника, безчеловѣчное угнетеніе одной касты исказило всѣ прочія.

Но первоначальныя отношенія между сословіями должны были измѣняться, какъ скоро самое государство выступало изъ своихъ естественныхъ границъ. Воины, привыкшіе повелѣвать чуждымъ народомъ, возвращались на родину уже съ меньшимъ уваженіемъ къ своимъ согражданамъ и мало-помалу отдѣляясь отъ нихъ въ видѣ властной аристократіи, вносили въ самое сердце государства начало будущихъ раздоровъ и слабости. Мы не можемъ этого утверждать объ эпохѣ Мидійской. Исторія царства Экбатанскаго утрачена: но восшествіе на престолъ лже-Смердиса (или же Таніоксаркеса) и его паденіе, сопряженное съ гоненіемъ на маговъ и съ уничтоженіемъ Мидійскаго вліянія, доказываютъ, что характеръ Мидійской семьи и слѣдовательно эпохи былъ болѣе религіозный, чѣмъ воинственный, и что преобладающее въ ней сословіе было сословіе жрецовъ. Въ эпоху Персидскую власть перешла къ воинамъ.

Царство Мидо-Персовъ была святою землею, хранящею законъ высшаго Бога. Оно было на землѣ изображеніемъ невидимаго неба. Царь былъ изображеніемъ самого Агура-Маздао. Въ этихъ основныхъ положеніяхъ были уже явныя причины будущаго государственнаго упадка. Страстный че-

ловѣкъ не можетъ быть достойнымъ представителемъ безстрастнаго Божества. Условное сочетаніе религіи и правительства, не поддержанное высокою чистотою временныхъ властителей, ведетъ въ одно время къ лицемѣрію въ обрядахъ, къ совершенной необузданности въ нравахъ царей и къ униженію самой вѣры. Кромѣ того самое государство распадалося въ своемъ двойственномъ направленіи. Усвоивая себѣ характеръ духовный, оно въ то же время правило народами, не принимающими его духовныхъ основъ, и слѣдовательно находилось къ нимъ въ отношеніи внѣшней случайности, лишенной всякаго нравственнаго достоинства, а эти народы составляли большую часть государства. Орудіями власти надъ покоренными народами были сами Иранцы: по будучи орудіями власти внѣшней и случайной, они теряли къ ней уваженіе и забывали ея мнимо-духовныя основы Наконецъ самая высота Иранскаго вѣрованія не могла сжиться съ его второстепеннымъ значеніемъ въ государствѣ, и племена, сохранившія древнее преданіе въ своемъ свободномъ быту патріархальномъ, не могли во внутренности своей души признать необходимость государства, какъ хранителя вѣры. Итакъ прививка мысли религіозной къ государству была началомъ постоянной, ежечасной лжи и слѣдовательно скораго и неминуемаго упадка.

Ученіе Симо-Яфетидовъ по своему всемірному характеру, можетъ служить основою государства только тогда, когда оно ставитъ себя выше его, и глядя на него какъ на случайность, объявляетъ ясно свое всемірное требованіе. Тогда оно утверждаетъ общество, признавая его только за случайный, но вполнѣ покорный сосудъ высшей истины; но такой взглядъ былъ невозможенъ для эпохи Персидской.

При преемникахъ Кира государство, подъ личиною духовныхъ законовъ, окаменѣвшихъ въ пустой и мертвый обрядъ, представляло борьбу придворныхъ прихотей съ безначальнымъ буйствомъ цѣлаго племени (собственныхъ Персовъ), перешедшаго въ аристократію или почти въ то состояніе, въ

которомъ была Западная Европа послѣ ея завоеванія Германцами; но при первыхъ государяхъ злыя начала еще не принесли своихъ злыхъ плодовъ и средній Иранъ, проникнутый живою мыслію вѣры, сокрушалъ всѣ препоны и торжествовалъ во всѣхъ битвахъ.

Среди обломковъ царства Вавилонскаго, Киръ нашелъ плѣнный народъ, который въ своемъ грустномъ рабствѣ не хотѣлъ преклонить главы передъ законами побѣдителей. Войны Персовъ были столько же религіозныя, сколько политическія; у нихъ была вражда не только съ чуждымъ государствомъ, но и съ чуждыми богами, съ ихъ храмами и жертвоприношеніями.

Это замѣтно еще во времена Ксеркса и очень явно при Камбизѣ и Даріи.

Освобожденіе Израильтянъ.

Киръ не могъ не подать руки помощи изгнанникамъ, которыхъ законъ былъ въ основахъ своихъ его же закономъ; съ грустною радостію возвратился плѣнный Израиль на пепелище своей родины. Іерусалимъ принялъ обратно своихъ дѣтей, отстрадавшихъ, искушенныхъ, очищенныхъ. Жители Палестины, переходя безъ спора въ подданство Кира, покорившаго ихъ владыкъ, уступили небольшую область освобожденнымъ Іудеямъ. Дарій и его преемники довершили благодѣяніе великаго своего предшественника.

Безъ блеска, безъ военной славы, незамѣтно для бурноволнующаго міра, всталъ Іерусалимъ изъ своихъ развалинъ. Выгодное торговое положеніе, трудолюбіе и смѣтливость его жителей, а въ послѣдствіи покровительство Македонскаго завоевателя снова обогатили Іерусалимъ: но уже храмъ и городъ и область были только блѣдными отсвѣтами прежней царственной Іудеи. Эта внѣшняя слабость скрывала внутреннюю, неистощимую силу. Время испытаній миновало; они были уже не нужны. Народъ получилъ полное сознаніе своего значенія въ безпредѣльности нравственнаго міра, внѣ мелочей міра политическаго. Время пророковъ прошло; они были не нужны: народъ былъ созданіемъ пророковъ.

«О если-бы весь Израиль былъ пророкомъ!» говорилъ первый законодатель. Весь Израиль былъ теперь пророкомъ. Онъ ждалъ.

Не утомилось еще славолюбіе Кира: онъ обратилъ оружіе противъ за-Бактрійскаго Востока; тамъ въ битвѣ съ народомъ Дербиковъ и ихъ Индустанскими союзниками погибъ онъ въ безплодной побѣдѣ, не распространившей предѣловъ государства.

Таковъ разсказъ Ктезія; Геродотъ повѣствуетъ о пораженіи и гибели Кира въ войнѣ противъ Массагетской царицы. Видимое несогласіе двухъ писателей ничего не значитъ. Безплодная побѣда не тоже ли самое, что пораженіе. Всѣ племена, окружающія Бактрію, принадлежали къ одной и той же отрасли *Вановъ* или *Саковъ* или *Гетовъ*. За предѣлами просвѣщенія преобладало Гетское имя, въ немъ заключалася и отдѣльная семья *Дербиковъ* (*Древики* отъ корня *древ*). Въ послѣдней войнѣ Кира у Геродота, также какъ и въ борьбѣ его съ Саками по Ктезію, женщина является предводительницею непріятеля. Опять то же безпрестанно повторяющееся олицетвореніе Восточно-Иранскаго (Славянскаго) начала подъ именемъ Царицы, олицетвореніе основанное на особенномъ характерѣ миѳологіи и на высокомъ значеніи женщины въ Славянскомъ мірѣ, въ которомъ, какъ извѣстно, въ противуположность міру Германскому и западно-Иранскому, она имѣла полныя права самостоятельной гражданственности и даже въ иныхъ семьяхъ преимущество предъ мужчинами; опять та же кротость нравовъ, которая наказываетъ въ Кирѣ его кровожадныя стремленія къ завоеваніямъ, и опять то же мужество безъ воинственности. Союзъ Индустана съ Гетами очень понятенъ изъ исторіи Вишнуитства. Главное же оружіе *Великихъ Гетовъ* (Массагетовъ) *Сагара* явно обличаетъ ихъ происхожденіе. То же самое слово и въ томъ же значеніи *топора* находимъ мы у всѣхъ Славянъ въ формѣ *сѣкира*, и у Римлянъ въ формѣ securis отъ корня *сек*. (Сл. *сѣку*, Л. seco)

Велико между завоевателями и между царями, владыками міра, имя Кира, основателя царства Персидскаго, полководца Камбизъ.

непобѣдимаго, государя благодушнаго, правдолюбиваго и мудраго. Наслѣднику Камбизу изъ доблестей отца осталась только военная предпріимчивость. На югъ, на древній Египетъ, не надолго возстановленный мудростью Амазиса, обратилось оружіе Камбиза. Царство Фараоновъ погибло и владыка Персидскій пепстовымъ преслѣдованіемъ всего, что священно было для жителей Нильской долины, выказалъ глубокую вражду Іранца (Симо-Яфетида) противъ святыни Кушита (Хамида).

Геродотъ, записавшій разсказы Египетскихъ жрецовъ, которымъ онъ слѣпо вѣрилъ, самъ не заслуживаетъ вѣры на счетъ характера Кобада (или Камбиза); но религіозное гоненіе не подлежитъ сомнѣнію и объясняетъ ненависть жрецовъ противъ его памяти.

Пустынная Ливія покорилась побѣдителю. Южная страна Эѳіопія спасена была только истощеніемъ войска Персидскаго и трудностью похода.

Страна, изъ которой вышло первопачальное просвѣщеніе Кушитской системы, обхватившей Египетъ, всѣ берега Аравіи, все приморье Персіи, югъ Индіи и дальній при-океанскій Востокъ, область *Мероэ* или *Меру*, въ древности Шева, давно уже потеряли свое всемірное значеніе. Другія, сильнѣйшія страны правили историческими судьбами; но царство еще существовало и не совсѣмъ утратило свое могущество. Во время первыхъ преемниковъ Давида (въ X вѣкѣ до Р. Х.) при царѣ Асѣ Іудейскомъ и Серахѣ въ Эѳіопіи, оно могло угрожать Іудеѣ и слѣдовательно владѣло еще нѣкоторыми частями Аравіи. Въ концѣ VIII вѣка оно завоевало Египетъ; въ VII-мъ оно послужило убѣжищемъ военной кастѣ, бѣжавшей изъ Египта по ненависти къ Эллинскимъ наемникамъ, слишкомъ радушно принимаемымъ Фараонами. Это бѣгство должно было увеличить вещественную силу Эѳіопіи, но внутренній организмъ государства былъ уже потрясенъ. Жизнь остальнаго міра подѣйствовала на отдаленную колыбель Кушитства. Раздоръ возникалъ между воинами и прежними правителями—

жрецами. Торжество воиновъ (скоро послѣ основанія Эллинскаго царства въ Египтѣ) разрушило всѣ основы страдавшей державы. При Камбизѣ Эѳіопія уже клонилась къ внутреннему упадку; но она сохраняла еще внѣшнія примѣты силы и могла быть заманчивою для завоевателя. Пустыни, отдѣляющія ее отъ Египта, спасли ее.

Съ Камбизомъ пресѣкся родъ Кира. Короткое царствованіе обманщика (Лже-Таніоксаркеса) было временнымъ торжествомъ жреческаго сословія (маговъ) и начала Мидійскаго. Возстаніе Персовъ и восшествіе на престолъ Дарія уничтожило надежды Мидіи.

Дарій. Его завоеванія. Походъ противъ Скиѳовъ.

Не одно лице, полное геніальныхъ мыслей и смѣлой воли, дало побѣду Персамъ. Ихъ торжество было дѣломъ заговора многихъ, благороднѣйшихъ Пасаргадовъ и новый царь не могъ отказать участія во власти тѣмъ, отъ которыхъ получилъ власть. Аристократическое начало стало рядомъ съ единодержавіемъ и съ началомъ духовнымъ: но аристократія, гордая и въ то же время нестройная, безсвязная, владѣющая не по законнымъ правамъ, не разселенная по всему царству (какъ въ эпоху Германскаго завоеванія западной и южной Европы) не могла придавать силъ и единства жизни государственной. Ея послѣдствіями были крамолы, смуты и безсиліе.

Нѣтъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы при сынѣ Гистаспа произошла новая религіозная реформа. Ничтожное указаніе Зендъ-Авесты не заслуживаетъ вниманія; Эллины молчатъ. За всѣмъ тѣмъ Дарій является царемъ особенно боголюбивымъ. Великолѣпныя развалины Чильминара (Персеполиса), сохранившія имя основателя «*Дарiавуса*» и представляющія въ высшей степени характеръ религіозный, свидѣтельствуютъ объ его стремленіи къ освященію власти свѣтской сочетаніемъ ея съ мыслію духовною. Вражда его къ чуждымъ вѣрованіямъ не похожа на безсмысленную вражду дикаря къ иноплеменнымъ богамъ. Она основана на высокихъ, чисто человѣческихъ началахъ и на ясномъ сознаніи превосходства Иранской духовности передъ нестройнымъ синкретизмомъ

другихъ народовъ, передъ кумиропоклоненіемъ или обожаніемъ стихій и силъ видимой природы. Дарій покровительствовалъ и долженъ былъ покровительствовать Іерусалиму по глубокому сочувствію съ ученіемъ Мозаическимъ. Наконецъ вся чистота магизма и высокая душа царя высказываются вполнѣ въ его требованіи отъ Карѳагена, какъ отъ колоніи вышедшей изъ Тира, подвластнаго Персіи, отмѣны человѣческихъ жертвъ (*). Другихъ знаковъ покорности онъ не просилъ; и еслибъ ничто не сохранилось намъ отъ славы Дарія, и отъ славы имъ возвеличеннаго государства, кромѣ этого чуднаго поступка, критика должна бы была благоговѣть передъ Иранскою державою и угадывать величіе началъ, создавшихъ ее, но къ несчастію не достигшихъ и не могшихъ достигнуть въ ней своего полнаго развитія.

Отмѣна человѣческихъ жертвъ Римлянами въ Африкѣ, или по крайней мѣрѣ ихъ стараніе объ этой отмѣнѣ, не могутъ быть сравниваемы съ дѣломъ Дарія. Въ одномъ случаѣ высокое служеніе человѣческой истинѣ, въ другомъ стремленіе къ уничтоженію различій между религіозными обрядами внутри самого государства. Не должно однакоже отказывать въ справедливости и Эллино-Римскому міру и быть слѣпымъ къ чувствамъ человѣколюбія, которыми онъ заслужилъ свое торжество надъ Сиро-Карѳагенскою системою.

Царствованіе Дарія есть безспорно эпоха полнаго цвѣта Персидской державы. Послѣ него начинается быстрое и ни чѣмъ неудержимое паденіе. Любовь народа къ государю,

---

(*) Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, сличивъ ихъ съ преданіемъ мѣстнымъ (хотя и несправедливымъ) о томъ, будто Зердуштъ жилъ при сынѣ Гистаспа, можно смѣло быть увѣреннымъ, что при немъ дѣйствительно возобновлена была реформа Заратустрова и что убіеніе маговъ, празднованное въ Персіи (магофонія) еще въ по позднѣйшія вѣка, было религіознымъ гоненіемъ на партію жрецовъ, отступившихъ отъ чистоты ученія и прилѣпившихся къ обрядамъ иноземнымъ, вѣроятно къ поклоненію Астарты-Милитты (*Примѣч. автора*).

охота, съ которою другіе народы поступаютъ въ подданство Персіи, свидѣтельствуютъ о царственныхъ доблестяхъ Дарія; его побѣды во всѣхъ войнахъ показываютъ еще жизненность въ организмѣ государства. Но при Даріи же началась борьба Азіи съ Европою, борьба, въ которой должны были погибнуть и Персія и всѣ начала дотолѣ правившія міромъ.

Первое нападеніе Дарія было обращено на сѣверное прибрежье Чернаго моря, на южныя области теперешней Россіи. Поводомъ къ войнѣ было мщеніе за прежнее угнетеніе Мидіи Скиѳами.

Очевидно—поводомъ, а не предлогомъ. Чего искать было владѣтелю Вавилона и Египта въ холодныхъ пустыняхъ за-Евксинскихъ. Смѣшно въ Даріи предполагать дѣтскую гордость, оскорбленную славою Скиѳской непобѣдимости. Смѣшно предполагать желанія завоеваній въ странѣ, которая по истинѣ и завоеванія не стоила для жителей благодатнаго Нрана. Великія приготовленія, присутствіе самого царя въ войскѣ, безплодность похода даже счастливаго, все доказываетъ войну религіозной мести за осквернепіе священной земли.

Направленіе похода было чрезъ Ѳракію и Дунай, цѣль—при-Днѣпровскія степи. Тутъ жили враждебные Скиѳы. Если бы они считались одноплеменниками Массагетовъ (которыхъ древніе также нерѣдко называютъ Скиѳами весьма справедливо), Дарію легко бы было напасть на племя пограничное Персіи. Очевидно, между Скиѳами-Массагетами и Скиѳами, завоевателями Мидіи, не было ничего общаго.

Можно сказать утвердительно, что Массагеты не были племенемъ кочевымъ уже и потому, что ихъ войско состояло отчасти изъ пѣхоты, между тѣмъ какъ всѣ кочующія полчища Средне-Азійскія, также какъ и Скиѳы, съ которыми воевалъ Дарій, были исключительно конниками. Имя Танаиса, данное древними писателями рѣкамъ восточнаго Нрана, также какъ и Дону, показываетъ только, что при Донѣ жили народы, однородные съ жителями Бактріи. Впрочемъ это уже не требуетъ доказательствъ, но нисколько не относится къ новымъ мимо-Скиѳамъ, побѣдителямъ Кимвровъ и врагамъ Персіи.

Древнее имя Скиѳіи, извѣстное еще по Египетскимъ памятникамъ (Скіеѳо), было дано по справедливости всей странѣ, охватывающей съ сѣвера системы морей Каспійскаго и Чернаго до твердыни Гиммалайской на востокѣ, до Карпатовъ на западѣ, ибо вся страна была населена племенемъ Сако-Гетовъ. Дальній Сѣверъ былъ неизвѣстенъ народамъ южнымъ и слылъ подъ общимъ названіемъ Скиѳіи. Кумри Кавказскіе, разрѣзавшіе полосу Сако-Гетовъ, не поступили въ число Скиѳовъ потому, что были издавна знакомы своимъ южнымъ сосѣдамъ подъ собственнымъ своимъ именемъ. Новый потокъ кочевыхъ полчищъ, нахлынувшихъ съ сѣверо-востока, изъ области незнаемой, изъ племени безъимяннаго, поступилъ въ исторію подъ общимъ именемъ Сѣверной стороны, Скиѳіи. Изъ сравненія корней (*Тамеръ-индъ*, *Тангри-таушъ*, *Тамеръ-тарканъ* и др.) ясно его Финно-Турецкое происхожденіе.

Геродотъ утверждаетъ, что кочевые Скиѳы называли сами себя Сколотами. Корень слова сомнителенъ, также какъ и самое слово. Многое у древнихъ путешественниковъ повѣрялось памяти и слѣдовательно многое перепутывалось. Имена народныхъ подраздѣленій, *Псседоновъ*, *Иргіовъ* и др., гораздо опредѣлительнѣе: они совпадаютъ съ именами рѣкъ въ серединѣ Волжской системы: *Шесть*, *Иргизъ* и т. д. Происхожденіе кочующихъ завоевателей изъ области Финно—Турецкой (теперешняго Оренбурга и Западной Сибири) не подвержено сомнѣнію.

Побѣжденные Кимвры оставили свои старыя жилища и удалились на западъ. Опустѣлая область досталась побѣдителямъ Скиѳамъ: но кочевое племя не могло удерживать напора южныхъ Азовъ-Сарматовъ съ тѣмъ успѣхомъ, съ которымъ противились ему осѣдлые Кимвры. Азы перешли Кавказскія тѣснины и, мало-по-малу отодвигая Скиѳовъ, заняли прежнюю страну Кимвровъ (Іоттуновъ), устья Волги (на которыхъ городъ *Астрахань* едва ли не сохранило имя Азовъ), степь при-Кавказскую и восточные берега Азовскаго моря. Такимъ образомъ древніе и коренные владыки области, Вендскія или Славянскія общины, были втѣснены въ лѣсистыя

страны при-Днѣпровскія и удалены отъ прибрежья Евксинскаго. Давно уже насилія Кимвровъ и распространеніе Эллинскихъ торговыхъ колоній отъ Геллеспонта и Босфора Оракійскаго до устій Дуная и далѣе на сѣверъ нанесли смертельный ударъ торговлѣ Вендовъ на южныхъ моряхъ. Усиленіе Эллады, напоръ Скиѳовъ-Сколотовъ и усиленіе Азовъ-Сарматовъ на долго и долго отняли у Венедовъ-Славянъ владычество надъ Евксиномъ и исключили ихъ изъ числа мореплавательныхъ народовъ. Въ то же время отъ волненій средней Азіи пресѣкся ихъ главный торговый путь, соединявшій Индское прирѣчіе съ устьями Западной Двины и Вендскимъ *Блатомъ* (Балтикой),—путь, возстановленный въ позднѣйшіе вѣка, но не надолго, движеніемъ восточныхъ Славянъ (Унновъ-Массагетовъ) къ берегамъ Волги.

Таково было состояніе страны при-Евксинской, когда вступили въ нее войска великаго царя. Кочующіе завоеватели волею или неволею присоединили къ своему союзу Сарматовъ и Славянъ (Вудиновъ и др.) и заманили враговъ въ глубину степей и лѣсовъ при-Днѣпровскихъ. Утомленные и обезсиленные Персы едва могли возвратиться къ берегамъ Дуная, утративъ большую часть войска и надежду отомстить за Иранъ. Не имъ, но соединеннымъ силамъ Сарматовъ и одичавшихъ Славянъ (Гетовъ и Вендовъ) предоставлено было откинуть назадъ къ сѣверо-востоку временныхъ утѣснителей Скиѳовъ (вѣка за два до Р. Х.). Тогда начались новыя борьбы между старыми братьями, Ванами и Азами, борьба съ новыми утѣснителями Готѳами, рѣшенная помощью восточныхъ Славянъ (Гунновъ), борьба съ Кавказскими Кимвро-Аварами, съ восточными завоевателями—Уйгурами, съ Кавказскими Финно-Турками—Печенѣгами, съ средне-Азійскими Половцами, съ восточно-Азійскими Монголами, покуда наконецъ совокупившаяся и окрѣпнувшая сила Славянъ, подъ знаменами новаго просвѣщенія, откинула и подавила всѣхъ своихъ противниковъ и утвердилась навсегда въ старыхъ своихъ жилищахъ на берегахъ Синяго моря (Евксина).

У Геродота, по милости пустаго имени Скиоія, такъ перепутаны всѣ народы и миѳы, что никакого яснаго понятія изъ него почерпнуть нельзя. Впрочемъ, кажется—можно угадать Полянъ въ его Скиѳахъ, земледѣльцахъ (*Скиѳе Георги*) и Древлянъ въ Неврахъ и Будинахъ. Всѣ розысканія о направленіи похода Дарієва довольно неудовлетворительны, да и пользы отъ нихъ мало.

Столкновенія Персовъ съ Греціей.

Война Персіи съ Греціею была неизбѣжна. Колоніи Эллинскія въ Малой Азіи были порабощены, и безпрестанно призывали на помощь всю вольную Элладу, которая не всегда отказывала имъ во вспомогательныхъ войскахъ и никогда не отказывала въ поощреніяхъ къ возстанію. Съ другой стороны Персы, ставъ твердою ногою во Ѳракіи и въ нѣсколькихъ островахъ Эгейскаго моря, оскорблялись гордою независимостью маленькихъ государствъ, въ которыхъ они не предполагали силы и не видали доблести.

Лакедемонъ грозилъ войною Киру за порабощеніе Лидіи и получилъ въ отвѣтъ горькую и справедливую насмѣшку. Аѳины въ минуту временнаго и неосторожнаго порыва раздули пламя возмущенія въ Іонійскихъ городахъ Малой Азіи, и не могли ихъ спасти отъ гибели; наконецъ прежніе тираны Аѳинъ, изгнанные согражданами, Пизистратиды искали убѣжища у двора Персидскаго и, обѣщая Дарію легкую побѣду, пригласили его къ завоеванію Эллады.

Характеръ Аѳинской жизни и непостоянство народныхъ страстей выражаются очень рѣзко въ запрещеніи напоминать о несчастіяхъ Милета, неудачно возмутившагося по милости же Аѳинянъ.

Дарій послалъ требовать покорности отъ Эллиновъ. Эллины, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ и всякому нравственному чувству, умертвили пославшихъ.

Спарта загладила свое преступленіе благороднымъ самопожертвованіемъ двухъ гражданъ, отдавшихъ себя во власть Персидскаго царя для казни за убійство пословъ. Ксерксъ оцѣнилъ ихъ великодушіе и отпустилъ съ почестью въ Лакедемонъ.

Войско Персидское ополчилось противъ Греціи и, опустошивъ острова Эгейскаго моря, пристало къ берегамъ Аттики. Аѳиняне, не устрашенные многочисленностью враговъ, пошли къ нимъ на встрѣчу и стали передъ ними лицемъ къ лицу на равнинахъ Марафона.

Два великіе народа, два просвѣщенія, два общественныя начала вступали въ вѣковую борьбу. Первый взглядъ критики необходимо долженъ быть въ пользу Азіи. Благородное древнее, чистое племя Ирана, сохранившее въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій свою тихую жизнь въ границахъ древней родины, свой бытъ простой и семейный и свое высокое человѣческое достоинство, равно свободное отъ иноземнаго ига и отъ заразы неправыхъ завоеваній, далеко превосходитъ мѣшанное народонаселеніе Эллады, не знающее ни семейности, ни святости человѣческаго братства, ни правды народной, ни уваженія къ правамъ иноземцевъ, народонаселеніе издревле бродящее и дружинное, сохранившее даже въ лучшія минуты своего развитія неизгладимый слѣдъ первобытнаго бездомства. Не безъ глубокаго презрѣнія могъ смотрѣть природный Персъ, поклонникъ высокой религіозной мысли, обнимающей въ себѣ почти всѣ нравственныя начала и по крайней мѣрѣ отчасти согласной съ законами логическаго разума, на безсмысленнаго Эллина, окуривающаго свои мраморные кумиры дымомъ заклинательныхъ жертвъ.

Ученость можетъ отыскивать символическое начало Эллинскихъ боговъ, угадывать въ нихъ изображеніе силъ природы, видимыхъ проявленій Божества и даже нравственныхъ стремленій духовныхъ: но дѣйствительно въ нестройномъ и безначальномъ синкретизмѣ Эллады, въ безтолковомъ смѣшеніи сѣвернаго человѣкообразія и южнаго понятія о двойственной полярности, не было и нѣтъ ни малѣйшаго остатка высокаго значенія первобытныхъ религій, не было ни малѣйшаго слѣда нравственнаго достоинства, не было наконецъ ни малѣйшей тѣни такого вѣрованія, которое человѣкъ могъ бы принять, не отказавшись отъ всѣхъ лучшихъ даровъ своей духовной природы. Агурамаздао и Зевсъ! Зендъ-Авеста и ѳеогонія Гезіода! чудные гимны

Заратустра и глупыя заклинательныя приговорки Эллинскаго богослуженія! Нечего даже сравнивать. Необычайная тупость Эллиновъ въ мірѣ религіозномъ выражается вполнѣ въ смѣшномъ происшествіи съ лже-Минервою во время Пизистрата и въ разсказахъ историковъ объ иноземныхъ вѣрованіяхъ. Они ничего не видали, ничего не понимали, и Геродоту даже ни на минуту въ голову не пришло, чтобы кто нибудь могъ поклоняться чему нибудь разумному. Просвѣтлѣніе Эллады заключалось въ мірѣ художества; но онъ еще не принесъ своего высшаго плода: впрочемъ и этотъ плодъ былъ—отрицаніе религіи.

Но судьба войны была сомнительна. Споръ былъ не племени съ племенемъ, но государства съ государствомъ и разнопачальная Персія, связанная только внѣшнимъ единствомъ, могла, не смотря на свое видимое величіе, пасть передъ Элладою, скрѣпленною внутреннимъ единствомъ духа. Превосходство вооруженія и большій навыкъ къ сраженіямъ могли доставить побѣду Эллинамъ только въ первыхъ схваткахъ, но ничего не значили для долгой борьбы. Важнѣе и рѣшительнѣе было равнодушіе большей половины царства Персидскаго къ войнѣ за чужое дѣло, отдаленность поля битвы отъ живаго средоточія Иранскаго и быстро возрастающій развратъ народа, перешедшаго отъ бѣдной и простой жизни въ горахъ къ роскоши, пѣгѣ и наслажденіямъ. Самая вѣра, долго сохранявшаяся въ чистотѣ первобытной, потомъ помраченная чуждою примѣсью и оторвавшаяся отъ преданія, потомъ возстановленная произвольною реформою, не нашла въ себѣ характера силы неизмѣнной и несокрушимой. Послѣ временнаго порыва, приданнаго ею племенамъ Иранскимъ, она должна была выказать свое внутреннее безсиліе, перейти въ чисто государственную обрядность и потерять все свое духовное значеніе. Явное искаженіе ея произошло уже въ гораздо позднѣйшее время, съ принятіемъ поклоненія Милиттѣ Сирійской или Астартѣ Бактрійской, но начала этого искаженія уже лежали въ постепенномъ охлажденіи народа.

На полѣ битвы противъ безчисленныхъ полчищъ, чуждыхъ другъ другу по нравамъ, обычаямъ и выгодамъ, привыкшихъ

переходить отъ одного ига къ другому, безстрастныхъ и исполняющихъ поневолѣ военную барщину, выступало не многочисленное, но стройное войско Эллады, въ которомъ всякій воинъ сражался за свое личное дѣло, за свою личную, исконную свободу, за свою личную славу и за спасеніе своихъ кровныхъ братій. Безсмысленный и сказочный Антропоморфизмъ сѣвера, соединенный съ художественностью Юга, составили хаотическую религію Эллады, въ которой преобладало одно божество,—человѣкъ и одно вѣрованіе—въ достоинство человѣческой природы. Гордое сознаніе своего личнаго величія напрягало всѣ мышцы тѣлесныя, всѣ силы духовныя въ Эллинѣ, готовомъ встрѣтить вялый и безстрастный напоръ Азіатскихъ войскъ; и благородная смерть малочисленныхъ Вендовъ Ликійскихъ, погибшихъ до единаго за свободу родины, могла уже указать Персамъ всю трудность предстоящей борьбы.

Жители *Ксанѳеса* (собственно *Ярины*) въ Ликіи убили женъ, дѣтей и самихъ себя, чтобы не подпасть игу Персидскому.

На равнинахъ Марафона сразились Аѳины съ войсками Дарія и побѣда увѣнчала первый подвигъ Эллиновъ. Одни только Персы и Саки заслужили въ битвѣ Марафонской, какъ и въ Ксерксовомъ походѣ, уваженіе побѣдителей. Всѣ прочія войска бѣжали почти безъ боя. Эллада была спасена. Вскорѣ послѣ пораженія въ Аттикѣ Персію постигло еще бо̀льшее бѣдствіе. Великій Дарій умеръ, не оставивъ послѣ себя достойнаго преемника.

Съ возшествіемъ Ксеркса начинается быстрое паденіе Персидской державы. Съ трудомъ подавленное возмущеніе Египта, бѣдственный походъ противъ Эллады, пораженіе при Саламинѣ, Платеѣ и Микалѣ, наконецъ смерть самаго царя, убитаго однимъ изъ подданныхъ въ надеждѣ похитить престолъ, все для дальновиднаго судіи дѣлъ государственныхъ указывало на недолговѣчность Иранскаго царства. Персы изъ самаго Персистана еще продолжали сражаться съ прежнимъ мужествомъ за свою старую славу; но безсиліе и болѣзненность всего об-

щественнаго тѣла были очевидны. Безполезно бы было слѣдить за всѣми бѣдствіями и раздорами Персіи, за возмущеніемъ Сатраповъ, побѣждающихъ царское войско и побѣждаемыхъ только посредствомъ измѣны и коварства, за развратомъ двора, за постояннымъ исчезаніемъ мужества въ войскѣ, за постояннымъ успленіемъ торжествующей Эллады, за освобожденіемъ ея Азійскихъ колоній и наконецъ за позоромъ преемниковъ Ксерксовыхъ, полагавшихъ единственную надежду побѣды въ наемникахъ изъ того самаго народа, который безпрестанно грозилъ ихъ западнымъ границамъ. Историческія подробности важны только для монографій, или въ тѣхъ случаяхъ, когда въ отдаленномъ происшествіи открывается законъ міроваго переворота.

Давно исчезло религіозное направленіе Ирана. Весь его духовный смыслъ былъ забытъ еще прежде, чѣмъ при третьемъ преемникѣ Ксеркса поклоненіе *Милитты* или *Танаиты* (Дунайской, по восточному Дунаю—*Яксарту*) было принято, какъ часть государственнаго вѣрованія. Государственное же устройство не имѣло въ отношеніи къ бо́льшей части Персидскаго царства никакого характера, кромѣ случайнаго преобладанія одного племени надъ другимъ. Средній и горный при-Каспійскій Иранъ содержалъ еще нѣсколько воинственныхъ семей, могущихъ поддержать колеблющуюся державу: (это доказывается ихъ смѣлымъ отпоромъ торжествующему младенцу) но эти семьи сами давно оторвались отъ нея. Онѣ связаны были съ царями случайностью его средне-Иранскаго происхожденія; но цари стали такъ далеко отъ прежнихъ согражданъ, что кровная связь была расторгнута; онѣ связаны были съ царями связью религіознаго символизма, въ которомъ правитель изображалъ самаго владыку небесъ (благаго бога Агурамазъ-дао); но религія потеряла весь смыслъ свой и обратилась въ нестройный и безхарактерный синкретизмъ. Изъ горцевъ средне-Иранскихъ, основавшихъ Персидскую державу, часть (знатнѣйшіе и ближайшіе къ царствующей династіи Ахеменидовъ) перешла въ придворную и наслѣдственную Аристократію, готовую свергнуть своихъ государей, а большая часть

усвоила себѣ право полной независимости и оставалась совершенно равнодушною ко всей общественной жизни,

Этотъ фактъ очень ясно выдается изъ самой исторіи завоеванія Персіи Македонцами. Мидо-Персидская держава замыкаетъ собою рядъ міро-правительныхъ государствъ древней системы, государствъ, основанныхъ на идеѣ отвлеченной или религіозной, идеѣ, высшей самого государства и отъ того, никогда немогущей съ нимъ совоплотиться вполнѣ. Мидо-Персидское царство, принявшее въ свое основаніе древнѣйшую и чистѣйшую форму вѣрованія, всѣхъ менѣе могло устоять потому, что условныя формы общества гражданскаго не имѣли дѣйствительно ничего общаго съ нравственною духовностью Иранскаго ученія. Наступило время новой системы, основанной на высокомъ значеніи отдѣльныхъ лицъ человѣческихъ, которыхъ совокупность составляетъ государственную общину, системы, управляющей міромъ съ бо́льшими или меньшими измѣненіями до нашего времени. Человѣкъ, исчезавшій вполнѣ въ государствахъ до-Эллинской эпохи, въ Эллядѣ выступаетъ торжественно на поприще исторіи.

Развитіе Эллинской жизни. Спарта и Аѳины.

Очевидно такая система могла возникнуть только въ такой странѣ, въ которой религія никогда не обнимала собою всю жизнь человѣка: такова была Европа. Она должна была проявиться первоначально въ области, въ которой дружинное устройство напрягало всѣ силы отдѣльныхъ лицъ и въ которыхъ человѣкъ былъ единственнымъ предметомъ религіознаго поклоненія. Такова была Эллада. Она могла торжествовать только въ такую эпоху, когда всѣ древнія ученія, слившись въ одинъ безсмысленный синкретизмъ, утратили свое прежнее величіе. Такова была эпоха послѣднихъ царей Персидскихъ.

Около того времени, когда Эллада признала необходимость видимаго символа своего единства и избрала игры Олимпійскія въ эру общаго лѣтосчисленія, отдѣльныя ея области стали искать утвержденія своего внутренняго единства въ строгихъ и положительныхъ формахъ писаннаго законодательства. Дорійцы и особенно Лакедемонъ, по своему чистодружинному

характеру, чувствуя въ себѣ наименьшую силу жизни органической, первые подчинили себя условности законовъ еще прежде назначенія общей эры. Спарта до Ликурга еще содержала всѣ стихіи, развившіяся вполнѣ послѣ него: но его законодательство, содержащее въ себѣ освященіе этихъ стихій, возвысило ихъ въ степень сознанія и слѣдовательно придало имъ несравненно большую силу. Отъ этого-то истинная исторія Спарты начинается со времени Ликурга.

Вообще принимается за правило, что законы древности возникали совершенно органически изъ самой жизни древнихъ общинъ и книжники по части права готовы всегда признавать превосходство этихъ законовъ передъ законами новѣйшихъ временъ. Въ такомъ взглядѣ есть примѣсь лжи къ безспорной истинѣ. Дѣйствительно всякое законодательство древнихъ временъ содержитъ въ себѣ довольно полное отраженіе внутренняго духа той области, для которой оно создано: но съ другой стороны оно не содержитъ простаго утвержденія обычаевъ или перевода обычая въ законъ, (за исключеніемъ можетъ быть Римскаго права, созданнаго не рядомъ а постепенно). Всѣ государства Эллады были основаны бродящими дружинами и сохранили печать своего происхожденія. По этому всѣ носили характеръ условности и допускали въ себѣ перемѣны чисто условныя, требуя только, чтобы эти измѣненія не были противны духу общаго, древняго условія. Изъ этого начала можно понять обычай законодателей, назначать срокъ для опыта надъ ихъ законами.

Спарта Ликургова была осѣдлымъ станомъ воиновъ, вѣчно готовящихся къ войнѣ: раздѣленіе сословій было ничто иное, какъ раздѣленіе войсковыхъ отрядовъ по ихъ опытности и вооруженію. Бракъ имѣлъ одну цѣль,—пополненіе рядовъ, рѣдимыхъ старостію и смертью: отъ того непорчность брачнаго ложа могла быть законно и безнаказанно поругана. Новорожденный младенецъ былъ рекрутъ дружины и подлежалъ ея суду на жизнь и смерть. Юноша не принадлежалъ семьѣ, которой существованіе было дѣйствительно только терпимо, а не освящено, но государству, воспитывающему его для буду-

щихъ сраженій. Наконецъ взрослый гражданинъ долженъ былъ чуждаться художества и науки и знать только одно искусство,—гимнастику, одно занятіе—примѣрныя битвы, въ которыхъ не рѣдко проливалась кровь беззащитнаго илота. Такое строгое устройство общества, такое постоянное стремленіе всѣхъ помысловъ къ одной цѣли не могло оставаться безплоднымъ. Спарта заняла безспорно первое мѣсто въ союзѣ Эллады и управляла имъ по своему произволу. Желѣзная воля, несокрушимая сила.

Но Спарта не могла достигнуть великаго міроваго значенія. Въ самомъ основаніи ея законовъ была чудовищная безнравственность, дикій эгоизмъ, противъ котораго возстаетъ душа человѣческая. Односторонность военнаго быта была объявленіемъ постоянной войны всѣмъ другимъ народамъ и вызовомъ на ихъ ненависть. Наглая, ничѣмъ не прикрытая гордость была постояннымъ оскорбленіемъ для всѣхъ другихъ племенъ и не искупалась ни нравственною чистотою, ни благородствомъ духовныхъ стремленій; самая политическая дѣятельность Спарты была дѣятельностью войска, а не государства. Она могла поработить, но не могла завоевать, ибо не принимала побѣжденныхъ въ живой организмъ общества и поэтому не пріобрѣтала новыхъ силъ съ пріобрѣтеніемъ новыхъ областей. Восторженность военнаго удальства составляла единственную страсть Лакедемонца, но это удальство было скована осѣдлою жизнью и не могло развиться въ полномъ разгулѣ, какъ у народовъ кочевыхъ. Восторженность дружиннаго строя была единственною страстью всего Лакедемона; но міръ требуетъ разума отъ силы, чтобы ей покориться.

За всею ограниченною односторонностью Спартанскаго общества, оно оставалось вполнѣ Эллинскимъ не только по составу своего народонаселенія, но и потому, что повиновалось общему закону Эллады, закону красоты и стройности. Гармоническое и музыкальное чувство проникало всю государственную дружину. Размѣренныя и ладныя движенія придавали войску грозную прелесть, увеличивающую его силу и внушающую страхъ врагамъ. Строгій ладъ и, такъ сказать, ритмъ

жизни придавалъ каждому отдѣльному лицу часть той гармонической красоты, которая запечатлѣлась на произведеніяхъ Эллинскаго художества, и отражался въ самой душѣ Лакедемонца, заключая его помыслы въ строгую согласность закона. Такимъ образомъ чудныя явленія самоотверженія и величія являлись не рѣдко въ исторіи республики, не искупая однако же глубокаго духовнаго безобразія ея началъ. Дорійская Спарта связывалась со всею Элладою; она была возможна только въ Элладѣ, но представляла одну напряженность вещественныхъ силъ. Глава лучшихъ Эллинскихъ общинъ, Іонійскіе Аѳины, представляли напряженность силъ нравственныхъ и духовныхъ.

Политическое значеніе Аѳинъ казалось ничтожнымъ до Персидской войны. Жители ихъ хвалились тѣмъ, что они одни изовсѣхъ Эллиновъ были туземцами, а не пришельцами. Нельзя принимать вполнѣ такого показанія. Признавая себя Эллинами, слѣдовательно выходцами изъ Сѣвера, признавая себя Іонійцами, слѣдовательно отраслью семьи, которой переселеніе было всѣмъ извѣстно, они не могли имѣть законнаго притязанія на туземство. Очевидный смыслъ ихъ разсказовъ о себѣ былъ тотъ, что они первые изо всей Эллинской братьи основали себѣ постоянное жилище, и что, не завоевавъ, но принявъ въ свой составъ старожиловъ Аттики, они усвоили себѣ права и религіозную святыню туземства. Дѣйствительно составъ государствъ, измѣненіе династій изъ внутренней войны, медленный переходъ изъ наслѣдственнаго единодержавія (кажется военно-религіознаго) въ избирательную монархію и потомъ въ республику, и раздѣленіе на *филы*, носящіе еще въ своихъ именахъ признаки родоваго устройства, все указываетъ на мирное поселеніе и на органическое сліяніе пришельцевъ и туземцевъ.

Критика имѣетъ полное право признавать Іонійскій переходъ древнѣйшимъ изо всѣхъ Эллинскихъ переселеній уже и потому, что народы Восточные знали всю Элладу подъ названіемъ Іоніи.—Трудно угадать истинную этимологію именъ, подъ которыми слыли разныя

семьи Эллады. Слово *Дорiи* можетъ быть связано съ словомъ, означающимъ копье и соотвѣтствуетъ ихъ воинственному характеру. Сличая имена многихъ мелкихъ племенъ въ Малой Азіи съ корнями общеИранскаго нарѣчія, можно предположить, что и имя *Іонъ* связано съ корнемъ слова *Юнъ*, герм. *Юнгъ*, *L Juvenis* и что оно перешло отъ побѣжденной семьи Восточно-Иранской къ своимъ Эллинскимъ побѣдителямъ, или что оно возникло еще тогда, когда на границахъ Фракіи Славянскія общины сливались мало-по-малу съ Западно-Иранскими, Пелазскими, для составленія Эллинскихъ дружинъ.

Внутренняя жизнь Аѳинъ не сковывалась строгими законами и представляла многіе признаки органической общины, въ которой ничтожность быта семейнаго одна указывала на первоначальное бездомство. Личная свобода находила себѣ просторъ почти неограниченный и часто своими буйными страстями возмущала спокойствіе и безопасность государства. Внѣшняя дѣятельность Аѳинъ проявлялась рѣдко и безъ послѣдовательности; но за то она представляла вспышки благородныхъ и безкорыстныхъ страстей, привлекающихъ невольно сочувствіе другихъ народовъ

Такъ напр. самые Аѳиняне ничѣмъ не гордились столько, сколько своею полусказочною побѣдою надъ Ѳивами за трупы Аргивцевъ, погибшихъ въ войнѣ Эдипова наслѣдства. Такъ они первые вызвали Мало-Азійскихъ Эллиновъ на возстаніе противъ Персидскаго населенія и подали имъ руку помощи братской, хотя безсильной.

Понятно, почему Лакедемонъ, не смотря на сравнительную ничтожность Аѳинъ, питалъ къ нимъ глубокую зависть и радовался ихъ бѣдствіямъ и почему древнее предсказаніе, внушенное ясновидѣніемъ народнаго чувства, грозило Спартѣ борьбою съ Аттикою.

Аѳины были уже при Пизистратѣ духовною столицею Греціи. Важность ихъ въ этомъ отношеніи возрастала по мѣрѣ уничтоженія просвѣщеннѣйшихъ за-Эгейскихъ областей Эллады, утратившихъ подъ чужеземнымъ игомъ возможность са-

мобытнаго развитія. Персидское нашествіе поставило Аѳины на неожиданную высоту. Не смотря на то, что побѣда Платейская была приписана желѣзной твердости Лакедемонскихъ *Гоплитовъ* и что Спартанскіе цари были главными начальниками союзныхъ войскъ, память о спасеніи Греціи отъ Восточнаго нашествія неразрывно связывается въ мысли человѣческой съ именемъ Аѳинъ, искупившихъ страданіями свободу братій. Чувство поэтическое въ этомъ случаѣ не обманываетъ. Эллада была дѣйствительно спасена порывомъ Аѳинянъ болѣе, чѣмъ силою Спарты. Въ то время, когда Ѳивы, менѣе всѣхъ другихъ областей пропитанные Эллинскимъ духомъ и съ горемъ вспоминающіе свое прежнее владычество, становились въ ряды Ксерксова войска, когда Аргосъ, угнетенный Лакедемономъ, отказывался отъ войны и обѣщалъ покорность Восточному царю, когда самый Лакедемонъ трепеталъ, безпечное, страстное мужество Аѳинъ давало жизнь всему Эллинскому союзу, внушало бодрость всему Эллинскому ополченію. Передъ ихъ смиреннымъ геройствомъ укрощались мелкія страсти отдѣльныхъ общинъ, безперестанно готовыхъ возстать противъ гордости Лакедемонской. Войска всѣхъ городовъ толпились съ надеждою около подвижной твердыни Спартанской дружины, но онѣ были увлечены вольнолюбивымъ восторгомъ Аѳинъ, чуждыхъ всякому мѣстному и тѣсному эгоизму, и выражающихъ въ себѣ духовное стремленіе всей Эллады и гордость обще-Эллинскаго племени.

Живыя и простодушныя описанія Геродота рѣзко выказываютъ разницу Аѳинянъ и Спартанцевъ. Эти ждутъ нападенія Персовъ, тѣ бѣгутъ ему на встрѣчу.

Побѣды при Саламинѣ и Платеѣ и слабодушіе Ксеркса спасли Грецію. Новая эра величія и поэтической жизни наступила для нея. Разрушенныя и опустошенныя Ѳивы надолго исчезли съ историческаго поприща; Аргосъ, отказавшійся отъ участія въ священномъ дѣлѣ, утратилъ все свое значеніе.

Геродотъ говоритъ о какомъ-то признанномъ родствѣ между Персіей и Аргосомъ, городомъ миѳическаго Персея. Принимать всѣ разсказы Греческаго историка за дѣло, смѣшно: но и отвергать ихъ безъ причины не позволительно. Не должно забывать колоніи Фригійской при Танталѣ и можно допустить, что память объ Азійскомъ происхожденіи, хотя затемненная и искаженная, еще не совсѣмъ исчезла въ Аргосѣ. Если вспомнимъ, что Персей также какъ и конь его Пегазъ принадлежалъ еще не къ сказочному человѣкообразію, но къ свѣтлому символизму Ирана, что Персей неразрывно связанъ съ Иракломъ, что какія-то преданія о *Берзиѳѣ*, проповѣдникѣ огнепоклонства въ Западномъ Ранѣ, сохранены намъ еще древними писателями, что Берзиѳъ кажется ни что иное, какъ символъ огня, что по показанію Геродота Персы считали Персея (вѣроятно *Берзина*) Ассирійцемъ, можно прослѣдить одинъ изъ источниковъ просвѣщенія древней Эллады до пригорій Араратскихъ. Для всякаго безпристрастнаго критика явно тройственное начало этого просвѣщенія, въ которомъ слились сѣверное (человѣкообразное) южное (вещественно-символическое) и восточное или средне-Ранское (духовно-символическое). Послѣднее отличается отъ двухъ первыхъ отсутствіемъ боговъ и преобладаніемъ героевъ, т. е. формы, въ которой проповѣдникъ сливается съ служебнымъ духомъ, а имя божества остается неизрѣченнымъ. Переговоры Аргоса съ Персіею подтверждаютъ то, что уже сказано было о синкретизмѣ Греческой миѳологіи, синкретизмѣ безспорномъ также, какъ и двойственность племеннаго состава изъ западно-Иранскаго Пеласга и восточно-Иранскаго Ѳракійца.

Величіе Аѳинъ и начало упадка.

Мегара и Эгина, нѣкогда соперницы Аѳинъ, исчезли въ лучахъ славы Мараѳонской и Саламинской; всѣ мелкія области, ставшія въ общемъ ополченіи Греціи, почувствовали свою слабость и утратили свое прежнее честолюбіе и надежду на равенство съ Спартою или Аѳинами; но съ другой стороны возвеличаніе Эллады распространило ея вещественные предѣлы, заставивъ полу-Эллинскія племена принять полнѣе Эллинскую жизнь и примкнуть къ великому народному союзу. Такимъ образомъ Македонія приняла въ себя южное просвѣщеніе, объявила свои права на участіе въ дѣлахъ Греціи и стала при-

готовляться къ своему будущему всемірному величію. Жизнь Эллинская закипѣла со всѣхъ сторонъ, торжествуя мало-помалу надъ всѣми соперниками. Въ этой великой эпохѣ духовная сила должна была преобладать надъ вещественною, мыслитель надъ бойцемъ, Аѳина надъ Спартою.

Но самое возвеличеніе Аѳинъ содержало въ себѣ причины паденія. Гордость мѣстная, властолюбіе, стремленіе къ вещественнымъ завоеваніямъ и къ грубой корысти развивались вмѣстѣ съ увеличеніемъ государственной силы. Аѳины вступили въ борьбу съ Лакедемономъ, присвоивая себѣ единовластіе надъ морями, также какъ Лакедемонъ присвоивалъ себѣ власть на землѣ. Послѣ долгой войны Спарта восторжествовала силою своего внутренняго единства и безразсудствомъ Аѳинъ, оскорбившихъ всѣхъ своихъ союзниковъ. Подробности этой кровавой борьбы, поочередное торжество геніальныхъ мужей съ одной стороны и крѣпко устроенныя государства съ другой, торговые союзы, хитрости политики и государственной экономіи принадлежатъ монографіямъ, но не всемірной исторіи. Аѳины получили свое значеніе, какъ представители обще-Эллинскаго духа въ годину общей опасности, погибли, когда поставили свою тѣсную личность внѣ истинныхъ началъ своей силы; но еще послѣ паденія своего продолжали дѣйствовать на цѣлый міръ свѣтомъ мысли и умственнаго просвѣщенія.

Ими былъ воспитанъ Александръ Македонскій и дикари, его подданныя, ими благородная душа Эпаминонда и Филопемена и великій міръ Рима; и отчасти новѣйшая Европа.

Страсть къ свободѣ, восторженное поклоненіе человѣческому достоинству, были принадлежностями всей Эллады; но въ Спартѣ всѣ эти чувства были подавлены грубымъ преобладаніемъ мѣстнаго эгоизма. Спарта изгоняла тирановъ изъ Греческихъ городовъ; но вездѣ она замѣняла единовластіе Олигархической аристократіей, противной духу самихъ Лакедемонянъ, противной духу всѣхъ Эллиновъ и уничтожающей всю внутреннюю силу областей, которыя ей покорились. Лакеде-

монъ угадалъ позднѣйшую политику Рима. Торжество Аѳинъ вездѣ изгоняло аристократію и пробуждало жизнь полной гражданской свободы. Послѣ гибели Аѳинскихъ войскъ, послѣ полной побѣды Лакедемона, палъ Лакедемонъ. Аѳины распространили по всей Элладѣ гордое сознаніе ея высокаго достоинства, вражду противъ всякаго неправаго насилія и приготовили тѣхъ враговъ, которые въ позднѣйшее время похитили вѣнцы военной славы у Спартанскихъ Гоплитовъ на поляхъ Мантинейскихъ и наконецъ подчинили своимъ законамъ грозную дружину, созданную Ликургомъ.

Умственное развитіе Эллады. Религія, Искусства, Философія

Не замѣтная на картахъ земнаго шара, ничтожная по своему народонаселенію, котораго сложность едва равнялась одному Вавилону, Эллада занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества. Такое преимущество ея объясняется свободнымъ развитіемъ, многосторонностью и особенною ясностью духовной жизни. Индостанъ, принявшій древнее и высокое преданіе Ирана и въ то же время глубоко отвлеченное ученіе Кушитовъ, истощилъ силы свои въ безплодномъ стремленіи къ примиренію двухъ крайностей и къ созданію религіи, соединяющей въ себѣ умствованіе и вѣру. Китай ограничилъ весь разумъ человѣческій разрѣшеніемъ одной государственной задачи; Кушъ погрязъ въ поклоненіи міровой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и въ молчаливомъ трудѣ надъ веществомъ; Иранъ, сохранившій свое первобытное преданіе, но не уяснившій его, палъ при первой попыткѣ приложить къ государству законы, созданные не для государства; всѣ же, подчиняя вполнѣ человѣка законамъ, грубо-произвольнымъ или не вполнѣ понятнымъ и обращаясь съ нимъ, какъ съ орудіемъ второстепеннымъ и нужнымъ только для разрѣшенія высшей задачи, лишили себя полнаго сочувствія съ остальными племенами человѣчества. Ограниченнѣе и ниже была первобытная жизнь Эллина, но ея безхитростная простота и совершенная ясность дали ей возможность достигнуть полнѣйшаго развитія и отозваться во всѣхъ послѣдующихъ вѣкахъ и народахъ.

Безспорно новый міръ созданъ мыслію, явившеюся въ Палестинѣ; но Палестина не идетъ въ сравненіе съ Элладою. Эллада жила и развивалась самобытно. Домъ Израиля былъ только сосудомъ древняго преданія. Его призваніе было чуждо случайностямъ его жизни. Для него не было настоящаго, а только прошедшее, которое онъ охранялъ, или будущее, котораго ждалъ.

Сліяніе сказочнаго человѣкообразія съ вещественно-художественныхъ символизмомъ составило основу Греческой религіи. Изъ нихъ возникла безобразная смѣсь, смѣшная въ глазахъ разума, безсильная въ смыслѣ религіозномъ. Но съ другой стороны соединеніе стихіи сказочной, человѣческой и словесной съ пробужденнымъ чувствомъ художественной гармоніи, составило цѣлый новый міръ, въ которомъ сказка возвысилась до поэмы и образъ человѣческій до своего идеала. Такимъ образомъ возникла новая религія, видимое многобожіе, въ которомъ царствовало дѣйствительно одно божество, красота въ ея высшемъ проявленіи, въ красотѣ человѣческой. Эллинъ преклонялъ колѣно передъ самимъ собою и передъ своими возможными совершенствами, какія бы онѣ не были, даръ ли случая, какъ случайность членовъ, сила, долговѣчность и разумъ или пріобрѣтеніе воли какъ свобода, власть и богатство. Поставивъ себѣ религію чисто-земную и чуждую всякаго высшаго всемірнаго смысла, онъ самъ сталъ въ отношеніи къ ней, какъ лице дѣйствующее, а не страдательное; ибо все вообще исчезло передъ личностью и силы человѣческія напряглись въ стремленіи къ достиженію человѣческаго идеала. Искусство возникло въ чудной полнотѣ, въ недосягаемомъ совершенствѣ и въ неограниченномъ объемѣ, соединяющемъ пластическое начало Кушита съ словеснымъ началомъ Арана. Въ Элладѣ, и только въ Элладѣ получило оно свою независимость отъ мысли и жизнь образа прилагаемаго ко всякому содержанію, слѣд. свободную отъ всякаго содержанія. Пріобрѣтеніе Эллина сдѣлалось достояніемъ цѣлаго человѣчества.

Поклоненіе искусству, какъ искусству, естественное древней Греціи и разогрѣтое въ нашъ вѣкъ учеными Нѣмцами, было бы униженіемъ при теперешнемъ возрастѣ человѣчества; но въ немъ есть истина, до сихъ поръ не совсѣмъ понятная. Искусство есть сотвореніе стройнаго міра изъ одной данной, глубоко запавшейся въ душу человѣка. Стройность не зависима отъ данной: но чѣмъ болѣе было полноты и истины въ его зародышѣ, тѣмъ новосотворенный міръ полнѣе и прекраснѣе, тѣмъ труднѣе подвигъ творца, тѣмъ выше его духовное значеніе въ общинѣ человѣческой.

Безполезно бы было говорить о безконечномъ рядѣ свѣтилъ, блиставшихъ отъ миѳическаго Орфея и миѳическаго Дедала до совершеннаго паденія Эллады. Многія творенія погибли: но имена творцевъ уцѣлѣли и суевѣрное поклоненіе новыхъ временъ тѣмъ художникамъ, отъ которыхъ осталось только преданіе, показываетъ, какъ чудно совершенство сохранившихся обломковъ.

Поучительно и важно обстоятельство еще не замѣченное. Пѣвецъ Орфей изъ Ѳракіи, каменосѣчецъ Дедалъ изъ Крита. Такъ и слѣдовало быть.

Мысль, просвѣтленная въ мірѣ красоты вещественной не теряетъ правъ своихъ на красоту духовную. Кромѣ просвѣщенія южнаго и сѣвернаго въ Элладу проникали чистѣйшіе лучи восточнаго ученія, искажаясь въ сказочныхъ затѣяхъ поэтовъ, скрываясь въ покровахъ полу-Кушитскихъ таинствъ, но никогда не померкая совершенно и зажигая въ лучшихъ душахъ искру лучшей духовной жизни.

Темныя таинства древнихъ останутся таинствами и для насъ, не смотря на факелы новѣйшихъ книжниковъ: но земледѣльческій характеръ Элевзинскихъ таинствъ, въ которыхъ главныя лица *Деметра* и *Персефона*, изображенная въ видѣ колоса и признанная за мать Вакха (слѣд. за одно съ *Семелою-землею*), объясняется Ѳракій-

скимъ основаніемъ Элевзиса и подтверждаетъ всѣ прочія свидѣтельства о характерѣ Славянскихъ Ѳракійцевъ.

Въ Элладѣ кипѣла душа человѣческая: всякій органъ ея напрягался и бодрствовалъ. Ни одна высокая мысль не могла упасть въ нее и замереть, не давъ плода.

Вѣра есть крайній предѣлъ человѣческаго знанія, въ какомъ бы видѣ она не являлась: она опредѣляетъ собою всю область мысли. Страны, въ которыхъ развитіе религіозной мысли достигло высшей степени, не могли допускать полной свободы философіи, ибо философія объясняла міръ видимый и невидимый, только въ тѣхъ границахъ, которые были предписаны ей знаніемъ религіознымъ. Въ землѣ чисто-Іудейскаго преданія—Іудеѣ и въ области мало искаженнаго преданія, среднемъ Иранѣ, философія должна была оставаться на самой низшей степени. Въ земляхъ коренаго Кушитства философская вѣра въ необходимость и ея полярную двойственность приняла основу логическую и способную къ логическому развитію; но въ этомъ принятіи законовъ видимаго міра за всеобщій законъ проявлялся уже произволъ, положившій оковы на всю будущую умственную жизнь. Преобладаніе чисто-вещественнаго начала, сковавшаго все духовное бытіе народовъ Кушитскихъ, должно было навсегда стѣснить развитіе чистой и свободной философіи. Племена, посвятившія все свое существованіе борьбѣ съ веществомъ и поклоненію его законамъ, осудили себя на вѣчное безмолвіе. Въ позднѣйшее время, когда Эллада дала Египту свободу мысли, изъ него могли только возникнуть Гностическія секты, безполезно трудившіяся надъ прививкою философіи къ кореннымъ основамъ южнаго вѣрованія и терявшіяся въ темной мистикѣ произвольно созидаемыхъ Эманаціонныхъ системъ. Буддаизмъ, основанный на началѣ неопредѣленномъ, на возмущеніи нравственнаго чувства свободы противъ неоспоримой необходимости, былъ также мало способенъ къ освобожденію человѣческаго разума, какъ и самый Шиваизмъ, съ которымъ онъ находится въ неразрывной связи прямаго отрицанія, принимая его же логическія оковы. Много-

мысленный Индостанъ, страна величайшаго умственнаго напряженія, обняла почти всю область философскихъ ученій отъ высочайшей и отвлеченнѣйшей духовности до самой грубой вещественности; нѣтъ ни одной системы, выказанной Элладою или развитой Германіею, которая бы не являлась почти во всей своей полнотѣ въ твореніяхъ великаго племени при-Гангесскаго; но также какъ стремленіе искони философствующаго ума не позволило художественному чувству и сказочной словесности слиться въ одинъ цѣльный и стройный міръ искусства, такъ привычки духа жившаго нѣкогда въ свѣтлой области безусловнаго и высокаго вѣрованія, стѣсняли полную свободу философіи и подчиняли ее искони принятымъ началамъ, отъ которыхъ она никогда не могла отрѣшиться, даже когда отрицала ихъ. Идея Брахмы жила надъ міромъ философіи Индостанской, въ какой бы формѣ онъ не являлся, свободно-творящаго духа, или всебожественнаго пантеистическаго символа, даже при допущеніи міра, какъ безконечной гармоніи чисто-вещественныхъ законовъ. Китай, возвысившій государство до значенія божества и не поклонявшійся ничему, кромѣ идеала общества логически развивавшагося изъ нравственныхъ законовъ, долженъ былъ дать философіи область ограниченную, но въ то же время возвысить мыслителей до степени религіозныхъ законодателей, ибо имъ предоставлено было уяснить тотъ идеалъ, который былъ не яснымъ кумиромъ всякаго Китайца. *Конъ-фу-Тсеу* выразилъ всю сокровенную мысль Китая и его творенія, принадлежащія философіи только по характеру изложенія, по содержанію принадлежатъ вполнѣ міру религіи. Эллинъ поставлялъ божествомъ человѣка со всемъ его произволомъ, со всѣми его случайностями. Весь міръ долженъ былъ для него представлять то самое сліяніе случайности и произвола. Такова основа большей части чисто-Эллинскихъ системъ, которыя болѣе или менѣе представляютъ признаки атомистической вещественности. Но голосъ Востока пробуждалъ другіе лучшіе и благороднѣйшіе помыслы: онъ звалъ человѣка къ сознанію его высокой духовности и познанію высшаго духа, свободнаго отъ земныхъ случайностей. Эллада слушала и свѣт-

лѣла мыслію. Она не могла уже возвыситься до новой, чистой вѣры, но отрывалась отъ стараго вѣрованія или по крайней мѣрѣ отъ его грубыхъ образовъ. Долго боролся свѣтъ восточнаго ученія съ мракомъ Эллинской души, огрубѣвшей въ безсмысленной своей религіи.

Тупость Грековъ ко всякому ученію религіозному выражается особенно ясно въ разсказѣ Геродота о религіи Славянскихъ Гетовъ, вѣровавшихъ въ загробную жизнь. Эта мысль ему совершенно не доступна и не находитъ отзыва въ его душѣ.

Долго бродили въ нестройномъ хаосѣ пробужденныя стихіи мысли, стремясь къ примиренію въ полномъ разгулѣ ничѣмъ не скованной свободы.

Исторія въ первыхъ философскихъ системахъ Греціи еще не видитъ произведенія самой Эллады; но только воспринятіе чуждыхъ стихій.

Таковъ великій *Пиѳагоръ*, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и возвышенныхъ умовъ, какими можетъ гордиться человѣчество. Созвучный и почти современный великому *Лао-Тзеу*, онъ принадлежитъ по таинственности своего отвлеченнаго и поэтическаго ученія, по догмату перехожденія душъ (*метемпсихозисъ*) и по строгости въ испытаніи учениковъ, исторіи религіозныхъ формъ, а не философіи и носитъ явныя признаки восточнаго міра, еще не вполнѣ разорваннаго до паденія Вавилона. Тѣ же слѣды Востока замѣтны въ математическихъ трудахъ и въ геніальной догадкѣ Пиѳагора о неподвижности солнца. Не Эллинскими системами должно считать и тѣ философіи, которыя полагали основаніемъ всего сущаго одну изъ чистѣйшихъ стихій, огонь или воду, какъ напр. школа Ѳалеса, на которой замѣтно вліяніе восточно-Иранскаго поклоненія водяному символу, вліяніе, объясняемое вполнѣ древнимъ Вано-Вахтрійскимъ населеніемъ западнаго приморья Малой Азіи.

Изученіе самаго человѣка и его умственныхъ способностей обозначаетъ уже проявленіе чисто-Эллинской стихіи въ философіи: съ нимъ вмѣстѣ проявилось сомнѣніе во всемъ, что

не вполнѣ доступно разуму человѣческому, возведеніе случайности въ достоинство силы первопачальной (т. е. поклоненіе факту, какъ факту безъ вѣры въ какое бы то ни было объясненіе) и наконецъ безбожіе полное, рѣзкое, грубое и при всемъ томъ имѣющее законныя права не только на оправданіе, но и на сочувствіе всѣхъ мыслителей, ибо содержало отрицаніе религіи безсмысленной и нестерпимой для просвѣщеннаго ума.

Такимъ образомъ первыя чисто-Эллинскія ученія по видимому вырываются изъ области вѣрованія; но это освобожденіе мнимое, а не дѣйствительное. Философія отрицаетъ Зевса и всю Олимпійскую братью; но она отрицаетъ только признаки Эллинскаго божества и продолжаетъ поклоняться истинному божеству Эллады,—человѣку: она признаетъ права случайности, потому что эти права были дѣйствительно освящены прежнею религіею; наконецъ она возвышаетъ и напрягаетъ гордость человѣка, перенося ее только изъ области физическаго превосходства въ область умственной силы. Изъ мыслительныхъ школъ выходятъ смѣлые бойцы, удальцы слова, *софисты*, какъ атлеты изъ школъ гимнастическихъ Какъ атлеты переходятъ они изъ города въ городъ, собирая дань удивленія народнаго, вѣнчаясь Олимпійскими вѣнцами, щеголяя новоизобрѣтеннымъ силлогизмомъ, какъ герои пентаѳла или борьбы щеголяли новою уловкою или кулачнымъ ударомъ. Стихіи мысли бродили, повинуясь уже мѣстному закону: въ немъ должны онѣ были найти свое примиреніе.

Человѣкъ былъ, какъ сказано, истиннымъ божествомъ Эллады. Но божественность его состояла во красотѣ, которой онъ былъ высшимъ представителемъ. Въ этомъ-то Эллинскомъ законѣ, въ этомъ характерѣ религіи заключалось разрѣшеніе философской задачи. Съ молода художникъ, насытившійся всѣми обаяніями искусства, въ возрастѣ мужества гражданинъ, служившій обществу на полѣ битвы подъ Эллинскимъ вдохновеніемъ свободы и славы, Сократъ подчинилъ хаосъ философіи закону стройности и гармоніи. Красота явилась царицею міра духовнаго (τὸ καλόν), какъ она была божествомъ видимаго

міра. Софисты исчезли. Обрадованная Эллада привѣтствовала мудрость, нисшедшую съ неба.

Жизнь Сократа была борьбою съ прежними обмельчавшими школами. Онъ побѣдилъ ихъ потому, что въ немъ была та Эллинская истина, къ которой стремились они безсознательно и безплодно: онъ сражался съ ними ихъ же оружіемъ и веселился этимъ боемъ потому, что въ немъ было Эллинское удальство, перенесенное въ область слова. Понятно, какъ Аристофанъ, ослѣпленный пристрастіемъ, могъ принять случайный характеръ его бесѣдъ за существенный духъ его мысли.

Сократъ совершалъ великій подвигъ, котораго путь былъ ему указанъ религіею: но въ то же время онъ уничтожалъ образы этой религіи въ ихъ безсмысленной случайности. Народъ, увѣнчавшій его земное поприще вѣнцемъ мученической смерти, осудилъ его какъ безбожника и былъ правъ въ своемъ судѣ; но правъ по своему невѣжеству, ибо самъ не зналъ, какому божеству поклонялся. Онъ былъ правъ и потому, что просвѣтленіе религіи, отрывая ее отъ преданія, предавало произволу мысли; и судіи, нѣжась въ тупомъ спокойствіи глупыхъ вѣрованій, предчувствовали всѣ духовныя страданія своихъ потомковъ, которыхъ философія лишала вѣры и боговъ.

Величественная трагедія совершилась. Сократъ выпилъ чашу яда и сказалъ, что выздоравливаетъ отъ жизни («Критіасъ, принеси жертву Эскулапу»); но боги Олимпа исчезли навсегда, разрѣшившись въ свои отвлеченные законы.

Начатое Сократомъ продолжается его вдохновеннымъ ученикомъ. Для Платона уже не существуютъ образы, созданные младенческой фантазіею Эллады. Въ невидимомъ небѣ онъ видитъ уже полное и совершенное отраженіе чудной гармоніи, которую слышитъ въ своей душѣ, и божество открывается передъ нимъ, какъ первообразъ духовной красоты. Никогда не подымался выше полетъ ума человѣческаго; никогда не являлось такого великолѣпнаго соединенія самаго роскошнаго воображенія, всепроникающаго разума и художественнаго чувства, просвѣтленнаго нравственными стремленіями. Эллада,

расцвѣтшая въ Гомерѣ, принесла свой зрѣлый плодъ въ Платонѣ.

Но Сократовъ ученикъ черпалъ свое духовное богатство не изъ однихъ наставленій учителя. Не даромъ слышалъ онъ великое имя *Заратустра* и имя чистаго божества, которому онъ поклонялся, не даромъ доходили до него отзвуки ученія свѣтлаго Востока. Часто, отдѣляясь отъ пути философскаго, созидаетъ онъ начала новой религіи, которой произвольныя основы скрываются подъ человѣческою истиною вдохновеннаго искуства; часто угадываетъ онъ лучшее будущее духовнаго развитія и какъ будто оглядывается на весь міръ, прося преданія и исторической опоры для своего ясновидящаго гаданія. Но міръ ему извѣстный не давалъ отвѣта. Въ этомъ слабость его философіи и невозможность вызвать Элладу къ плодотворнѣйшей жизни. Другой вѣкъ, другое просвѣщеніе болѣе сочувствовали Платону, чѣмъ страна, создавшая его гармоническую душу.

Красота и истина неразлучны. Всякій произволъ содержитъ уже въ себѣ признаки безсилія и начала безобразія. Истина должна быть необходима и представлять явное доказательство своей необходимости. Аристотель повелъ далѣе философію въ ея разумномъ или разсудочномъ развитіи, утративъ богатство свободныхъ Платоновыхъ гаданій, но не удаляясь отъ служенія красотѣ и подчиняя весь кругъ человѣческихъ наукъ ея торжественнымъ законамъ. Таковъ крайній предѣлъ Эллинской философіи. Дальнѣйшее раздѣленіе школъ, Діогенъ, ищущій человѣка, Эпикуръ, поклоняющійся высшему благу въ видѣ гармоническаго наслажденія бытіемъ, Зенонъ, возвышающій гордость человѣка до восторженнаго поклоненія своему внутреннему совершенству, и всѣ затѣйливыя подробности позднѣйшихъ ученій заключены уже въ геніальной школѣ Сократа и его первыхъ учениковъ. Духовный подвигъ Эллады былъ совершенъ.

Почти въ то же время совершился ея подвигъ исторической.

Эта современность развитія умственнаго и государственнаго замѣчена болѣе или менѣе во всѣхъ великихъ народахъ: она особенно разви-

тельна въ Греціи. Ничтожность ея вещественныхъ силъ ставила ея судьбу въ прямую зависимость отъ напряженія силъ умственныхъ. Сверхъ того Греція менѣе всѣхъ другихъ земель приняла чистыхъ стихій отъ минувшаго времени. Къ ней дошли всѣ начала уже въ ихъ искаженіи (за исключеніемъ темной памяти о божествѣ, сохранившейся у одичалыхъ Пелазговъ): ея религія, произведеніе ея мѣстности и народа, получила отъ нея самой не только значеніе, но и существованіе. Нигдѣ такъ ясно не выражался законъ развитія. Иранъ, хранитель преданія, міръ Кушитскій, закованный въ цѣпяхъ древняго вещественнаго философизма, не были способны къ полному жизненному движенію. И тотъ и другой находился въ постоянномъ упадкѣ; сказочное же человѣкообразіе Вендскихъ племенъ оставалось неподвижнымъ, потому что, не будучи согрѣто высокимъ стремленіемъ къ красотѣ, оно не доходило никогда до познанія человѣческаго идеала. Греція, слабая и ничтожная въ своемъ младенчествѣ, перешла всѣ возрасты жизни, покланяяся человѣку и представляя въ своей коллективной жизни всѣ степени его жизни личной. Отъ того-то въ ней такъ ясно совпадаетъ эпоха полнаго развитія силъ вещественныхъ съ эпохою высшаго напряженія силъ умственныхъ.

Паденіе Эллады. Македонія и Филиппъ.

Завоеватель Азіи, сокрушитель всѣхъ остатковъ древняго міра, вѣнчанный полководецъ всей Эллинской дружины, великій Македонецъ, былъ ученикомъ Аристотеля и преемникомъ духовнаго движенія Аѳинъ.

Ослабленіе Лакедемона послѣ его побѣды надъ Аѳинами, недолгое торжество Ѳивъ подъ путеводствомъ свѣтлой звѣзды Эпаминонда и ихъ скорое паденіе, безпрестанные раздоры, отсутствіе всякаго средоточія, могущаго придать единство общеЭллинской дѣятельности въ то самое время, когда всѣ стихіи дѣятельности были въ величайшемъ избыткѣ, все призывало на поприще историческое новыхъ дѣйствователей, не чуждыхъ Элладѣ по своему племенному и духовному составу, но чуждыхъ ея прежней исторіи, прежнимъ распрямъ и прежнимъ областнымъ страстямъ,

Воинственное населеніе Македоніи раздѣлялось на мелкія общины, управляемыя родовыми князьями или живущія въ неу-

строенной дикости первобытныхъ завоевательныхъ дружинъ. Безпрестанныя междуусобія, недостатокъ въ просвѣщеніи и въ общемъ государственномъ стремленіи удерживали Македонію, также какъ и прилегающую къ ней съ юга Ѳессалію, въ совершенномъ ничтожествѣ. Эти двѣ области, безъ сомнѣнія родина Эллиновъ, были еще въ незапамятныя времена завоеваны возвратнымъ движеніемъ Эллинскихъ, особенно Дорійскихъ дружинъ и слѣдовательно подчинены правленію чисто аристократическому.

Завоеваніе Ѳессаліи и Македоніи обратнымъ движеніемъ своихъ же дружинъ совершенно соотвѣтствуетъ завоеванію Германіи Франками, выходцами изъ Германіи.

Ѳессалійское дворянство управлялось самовластно и только изрѣдка выбирало временнаго вождя (*тагосъ*. нѣчто въ родѣ *герцога* нѣмецкаго); Македонское признавало наслѣдственныя права одного дома, *Гераклидовъ*, на достоинство общаго полководца, и полководецъ носилъ званіе царя, съ которымъ было соединено нѣкоторое значеніе религіозное. Народъ въ обѣихъ областяхъ находился въ состояніи зависимости, сохраняя впрочемъ нѣкоторыя древнія права совѣщательныя и судебныя. Греція презирала свою сѣверную братію, причисляя ее къ полуварварамъ.

Наслѣдственная власть Гераклидовъ въ Македоніи была незначительна; самая область ихъ тѣсна и безсильна. Иллирійцы, Одризы и Ѳракійцы поочередно опустошали ее или завоевывали; Персы нѣсколько времени управляли ею самовластно. Общее возстаніе Эллады отозвалось на сѣверъ и проникло въ Македонію. Иго Персидское было свергнуто; Иллирійцы и Одризы мало по малу отодвинуты; просвѣщеніе пробуждено усиленіемъ приморскихъ городовъ Эллинскихъ (особенно Олинѳа), и царская власть, опираясь на союзъ съ образованными государствами, окрѣпла и дала стройный ходъ жизни общественной. Въ началѣ IV вѣка до Р. Х. Архелай проложилъ новыя дороги, выстроилъ города, въ которыхъ власть

аристократіи нашла естественное противоборство, и положилъ основаніе будущей великой державѣ. Онъ и его преемники покорили или вытѣснили мало-по-малу изъ Македоніи всѣ независимыя общины, не признававшія до тѣхъ поръ царскихъ правъ дома Гераклидовъ и вѣроятно по своему происхожденію чуждыя завоевательной дружинѣ Дорійской.

Еще въ прежнее время были выгнаны многія семьи, болѣе или менѣе извѣстныя по миѳамъ или исторіи древней Эллады. Такова была участь *Піеріевъ, Эдонянъ, Эордовъ,* При-олимпійскихъ *Альмоновъ* и другихъ. Всѣ прочія были побѣждены преемниками Архелая. Вообще критика склонна принимать всѣ мелкія семьи въ Элладѣ, никогда не достигавшія до значенія историческаго, за старожиловъ Пелазговъ. Мнѣніе весьма ошибочное. Греки такъ мало знали, что такое именно Пелазги, что даже на ихъ показанія нельзя полагаться. Это имя дано было очевидно многимъ племенамъ не-Пелазгическимъ и даже Эллинскимъ, оставшимся недоступными развитію Эллинскаго просвѣщенія. Жители Македоніи и Ѳессаліи принадлежали отчасти колѣну Эолійскому, слѣдов. вѣтви Іонійской; побѣждены они были Дорійцами, составившими рыцарскую аристократію. Дорійцы по своему сродству съ Прокломъ и Персеемъ, кажется, обличаютъ примѣсь съ позднѣйшими выходцами изъ горъ Мало-Азійскихъ, чѣмъ и объясняется ихъ особенно воинственный характеръ. Семьи, изгнанныя изъ Македоніи, принадлежали вѣроятно колѣну Ахейскому и Эолійскому. Такимъ образомъ самое ихъ бѣгство на сѣверъ распространяло предѣлы Эллады и объясняетъ легкую эллекизацію Ѳракіи.

Изгнаніе нѣкоторыхъ общинъ придало единство Македоніи. Завоеванія заграничныя дали царямъ силы, независимыя отъ дворянства, сокровища, которыми они могли подкупать его или привязывать къ своему двору, и средства облегчить тяготы низшаго класса, въ которомъ они находили опору для власти почти неограниченной.

Кратковременное преобладаніе Ѳивъ въ Элладѣ сокрушило навсегда силу Спарты, возвративъ независимость Аркадіи, освободивъ Мессенію и воздвигнувъ стѣны Мегалополиса. Оно

уничтожило правительственное значеніе Спарты и Лакедемона, вызвавъ мелкія области къ жизни независимой и призвавъ ихъ къ участію въ дѣлахъ Эллады; наконецъ своимъ философскимъ направленіемъ подъ руководствомъ Эпаминонда, соединившаго въ себѣ ученіе Пиѳагоровой школы съ умственнымъ движеніемъ школы Аѳинской, оно объявило ничтожность древней религіи, оправдавъ похищеніе храмовой собственности. Вскорѣ Ѳивы утратили свое превосходство, основанное не на внутренней жизни общества, но на случайности великихъ мужей и на временномъ порывѣ народа, оскорбленнаго бездушною наглостью Лакедемонскаго пасилія. Наступило время безсмысленныхъ смутъ, въ которыхъ сокрушались силы Эллады. Похитители Дельфійскихъ сокровищъ, Фокейцы нашли себѣ союзниковъ въ Аѳинахъ и Спартѣ, наемниковъ во всей Греціи и безсильныхъ противниковъ въ Ѳивскомъ правительствѣ, еще недавно оправдавшемъ такое же преступленіе, совершенное Аркадцами. Послѣ многихъ побѣдъ Ѳивы, утомленныя безплодною борьбою, призвали союзника изъ Македоніи, не задолго до того времени ими умиренной, и поручили мечу Македонскому судъ въ дѣлахъ Эллады.

Въ то время управлялъ Македоніею царь, опытный въ дѣлѣ военномъ, еще опытнѣйшій въ наукѣ государственной, человѣкъ равно хитрый и постоянный въ исполненіи своихъ властолюбивыхъ замысловъ. Еще прежде вмѣшался онъ во внутреніе раздоры Ѳессаліи и подчинилъ ее своимъ законамъ: долгимъ рядомъ обмановъ или побѣдъ покорилъ онъ южную Ѳракію, и всѣ области до границъ чисто-Славянской Иллиріи и полу-Иверскаго Эпира. Призванный Ѳивами судить дѣло Эллинское и связанное съ вопросомъ религіознымъ, Филиппъ побѣдилъ Фокейцевъ и, исключивъ ихъ совершенно изъ Эллинскаго союза, получилъ по приговору Амфиктіоновъ оба голоса, которые принадлежали побѣжденной Фокидѣ въ обще-Эллинскомъ религіозномъ судищѣ и право предсѣдать на играхъ обще-Эллинскаго бога Аполлона Пиѳійскаго. Вскорѣ проснулась зависть вольныхъ общинъ, испуганныхъ возрастающею властію Македонца. Ѳивы, недавно призвавшія его, и Аѳины

возбужденныя пламеннымъ краснорѣчіемъ Демосѳена, собрали могучій союзъ, но силы ихъ пали передъ желѣзнымъ строемъ Македонской фаланги, передъ искусствомъ царя-военачальника и передъ неудержимымъ мужествомъ его сына, Александра. Ѳивы были строго наказаны, Аѳины пощажены, вся Эллада усмирена. Но Филиппъ не могъ, вѣроятно не хотѣлъ, завоевать Эллинскихъ государствъ. Жадно призывая въ свою полудикую Македонію всѣ плоды Эллинскаго просвѣщенія, онъ не могъ быть и не былъ лишенъ сочувствія съ страною, въ которой они выросли и созрѣли. Филиппъ объявилъ себя мечемъ Эллады, ея вещественнымъ орудіемъ противъ міра не-Эллинскихъ варваровъ, стратигомъ ея дотолѣ разъединенныхъ силъ.

Александръ. Его завоеванія и отношеніе къ покореннымъ.

Филиппъ понялъ истинное призваніе Македоніи, истинное требованіе современной Эллады. Послѣ его смерти еще разъ возстали Ѳивы. Александръ уничтожилъ ихъ и получилъ опять отъ невольнаго согласія Эллиновъ званіе все-Эллинскаго стратига. Быстро откинулъ онъ Славянскихъ Иллирійцевъ въ ихъ горную область, бурнымъ налетомъ опустошилъ Славянскую землю Гетовъ до самаго Дуная и, сковавъ безплодную внутреннюю дѣятельность Эллинскихъ общинъ, приступилъ къ исполненію великаго замысла, завѣщаннаго Филиппомъ. Въ 334 году до Р. Х. вступилъ Александръ въ земли, подвластныя послѣднему изъ преемниковъ великаго Кира, изъ потомковъ мудраго Дарія.

Аристотель былъ наставникомъ Александра, Гомеръ его всегдашнимъ спутникомъ, Ахиллъ идеаломъ. Въ этомъ весь Александръ, вождь дружины, а не народа, служитель красоты и гордости человѣческой, питомецъ свободной науки. Онъ долженъ былъ сочувствовать не миѳическимъ Ираклу или Персею, но сказочному Ахиллу, или, лучше сказать, онъ былъ дѣйствительно самъ Ахилль. Ясновидящая фантазія народнаго дѣтства (Гомеръ) облекла въ свои символы, въ богоподобномъ Ахиллѣ, будущаго представителя всей Эллады (Александра). Такъ и въ жизни частныхъ лицъ ребенокъ угадываетъ дѣла своей возмужалости, облекая ихъ въ неясные образы, созданные игривымъ воображеніемъ.

Числительное превосходство Персидскихъ войскъ не могло доставить имъ побѣду въ сраженіи съ Греками. Опытъ доказалъ слабость Азіатскихъ полчищъ во время Дарія и Ксеркса и еще яснѣе во время походовъ Спартанца Агезилая; а войско Македонское было безспорно лучше устроено и болѣе обычно къ битвамъ, чѣмъ всѣ прежнія Греческія ополченія, между тѣмъ какъ Персія утратила послѣднія свои нравственныя силы. Правда, что самое государство оставалось все въ тѣхъ же границахъ, какъ и при Ксерксѣ; правда, что при предшественникѣ Кодомана, Артаксерксѣ III Египетскія низины, около ста лѣтъ сохранявшія независимость подъ правленіемъ своихъ царей (Инара, Амиртея и Нектанеба) покорились вполнѣ Персіи: но слабость государственнаго состава обнаруживалась все болѣе и болѣе. Торжество Македонца во всякомъ сраженіи было легко: но требовалось желѣзное терпѣніе для безпрерывнаго завоевательнаго путешествія и для мелкой борьбы съ мелкими препонами, которыя онъ встрѣчалъ не въ средоточіи государства, но въ его отдѣльныхъ областяхъ. Александръ соединялъ въ себѣ всю художественную восторженность Эллина съ постоянствомъ, завѣщаннымъ ему Македонскими царями, его предшественниками. Нѣсколько лѣтъ съ ряду проходилъ онъ изъ конца въ конецъ все царство Персидское, вездѣ побѣждая и нигдѣ не отдыхая отъ побѣдъ. Рѣшительное и упорное сопротивленіе встрѣтилъ онъ только на берегахъ Средиземнаго моря, въ странахъ охотно покорившихся Персіи (ибо не дорожили государственною независимостью), но ненавидящихъ владычество Грековъ, съ которыми онѣ жили въ давней враждѣ за первенство на моряхъ и въ торговлѣ. Тиръ вспомнилъ свою прежнюю славу и осада этого одного города стоила болѣе трудовъ и напряженій, чѣмъ завоеваніе всего Персистана.

Недаромъ Финикійцы боялись Эллинскаго торжества. Всѣ способности умственныя были развиты въ Грекѣ; всякая предпріимчивость была ему близка и доступна. Строеніе Александріи доказало всю разумность геройства Тирскихъ купцовъ.

Три великія сраженія уничтожили войско Персидское. Смерть Дарія и прекращеніе династіи передали Македонскому завоевателю всѣ права Кировыхъ преемниковъ. Далѣе и далѣе стремился побѣдитель. Горы Инду-кху, долины Кашмира, Индское пятирѣчіе, гдѣ новое просвѣщеніе Греціи встрѣтилось съ древнимъ просвѣщеніемъ Индустана, пустыни Заяксартскія, гдѣ онъ опять встрѣтилъ Гетовъ, побѣжденныхъ имъ на берегахъ Дуная, все покорилось Александру. Далѣе и далѣе стремился его поэтическій порывъ: но утомленное войско потребовало возврата въ Вавилонъ, будущую столицу Европы и Азіи. Тутъ на пепелищѣ древнѣйшаго изо всѣхъ завоевательныхъ государствъ, среди приготовленій къ новому походу въ глубь пустынь Аравійскихъ, среди пировъ, которыхъ безуміе согласовалось съ безумнымъ восторгомъ, безпрестанно напрягавшимъ его силы, угасъ молодой завоеватель, яркая звѣзда совершившагося Эллинства. Царство имъ основанное не пережило его. Его пережили крѣпости, воздвигнутыя его свѣтлымъ военнымъ умомъ въ ущеліяхъ Гиммалаи, на берегахъ Инда, въ степяхъ Массагетскихъ, его пережили пробужденная имъ торговля и новая торговая столица, всемірная Александрія, созданная его государственнымъ ясновидѣніемъ; его пережилъ Эллинскій міръ, возвеличенный его могучимъ геніемъ.

Едва ли кто изъ государей показалъ такое ясное понятіе о требованіяхъ торговли, какъ Александръ Великій въ построеніи Александрія и въ назначеніи Вавилона столицею. Такое же ясновидѣніе замѣчательно въ Карлѣ Великомъ, предположившемъ соединеніе Рейна съ Дунаемъ, и въ геніальномъ Петрѣ. Вѣрность торговыхъ взглядовъ во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ зависѣла отъ цѣлостной и гармонической стройности государственнаго ума. Геніальная простота мысли доступна всякой истинѣ и всякому инстинкту истины.

Ничтожные люди раздѣлили между собою наслѣдство Александра: Египетъ достался Птолемеямъ Лагидамъ, Азія Селевкидамъ, Македонія и власть надъ Греціей потомкамъ Антигона. Ни одна изъ этихъ династій, ни одинъ изъ ихъ основателей

не представляли великихъ явленій, объясняющихъ покорность народовъ, недавно завоеванныхъ Греціею, или твердость Греческой власти. Древній міръ повиновался потому только, что онъ былъ сокрушенъ въ самыхъ основахъ своего нравственнаго и государственнаго быта. Одна Грецiя еще жила, потому что еще вѣрила своему божеству,—человѣку.

Это начало было выражено вполнѣ Александромъ. Не безуміе, но глубокое сознаніе Эллинскаго духа научило его назваться сыномъ вышняго, неизвѣстнаго, тайнаго бога (Аммуна) и воздвигнуть себѣ храмы и кумиры.

Но въ то же время, какъ Александръ представлялъ собою высшее развитіе Эллинской религіи, онъ, какъ слѣдовало человѣку, постигшему ея смыслъ въ философіи, отрицалъ исключительность ея образовъ и приписывалъ ровное достоинство всякой человѣческой мысли, всякому человѣческому вѣрованію, именно потому, что они человѣческія. Оттого его гордые сподвижники роптали на стремленіе царя къ полному синкретизму всѣхъ религій, къ полному сліянію всѣхъ обычаевъ. Преслѣдованія его были обращены только на то, въ чемъ видѣлись слѣды государственной независимости, а не духовной свободы, противъ царей Персидскихъ, ихъ столицы и ихъ исторіи, а не противъ жрецовъ и храмовъ. Къ магамъ онъ былъ ласковъ, ко всѣмъ святынямъ благосклоненъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что покровительство, оказанное Александромъ, относится болѣе къ магамъ Вавилонскимъ, чѣмъ къ Мидійскимъ; но во-первыхъ, въ Мидійскихъ магахъ онъ видѣлъ начало политическаго противоборства, во-вторыхъ введеніе поклоненія Милиттѣ-Астартѣ уже сблизило объ религіи, смѣшавшія свои образы, свои понятія и даже имена священныхъ сословій. Это смѣшеніе доказывается многими свидѣтельствами и между прочимъ сказаніемъ о дозволеніи брака матери и сына у Мидо-Персидскихъ маговъ. Такая нелѣпость объясняется только изъ закона *тріадъ*, въ которыхъ женская или воспріимчивая сила носитъ одно и тоже названіе по своей постоянной страдательности, неспособной имѣть опредѣленный характеръ, слѣдовательно немогущей имѣть опредѣленное имя. Отъ того-то *Горусъ* является мужемъ ма-

тери своей *Изиды*. Безсмысленный обрядъ былъ только искаженнымъ изображеніемъ философской мысли, заключенной въ Кушитскихъ ученіяхъ.

Еще благосклоннѣе былъ Македонецъ къ Іудеѣ, не смотря на ея отказъ содѣйствовать осадѣ Тира. Киръ возвратилъ свободу Израилю, узнавъ въ немъ единовѣрца. Александръ, ученикъ школы Сократовой, покровительствовалъ ему, по сочувствію души, просвѣщенной знаніемъ, съ вѣрою въ свободотворящаго духа и съ высотою нравственнаго закона.

Еще недавно миновала буря Вавилонскаго нашествія, а уже Израиль былъ снова великимъ народомъ и Іерусалимъ богатою столицею; но народъ не смыкался въ государство, столица не стремилась къ политической дѣятельности. Еврейская община, узнавъ свое истинное значеніе, покорялась безъ боя всякой силѣ вещественной, сохраняя свою духовную независимость и свободное правленіе по законамъ, завѣщаннымъ отъ Моисея и пророковъ. Александръ принялъ Іудеевъ въ свое войско и призвалъ Іудейскихъ жрецовъ въ свою Египетскую столицу. Еще благосклоннѣе были его преемники-Лагиды. Александрія стала почти столько же Еврейскимъ, сколько Эллинскимъ городомъ. Примѣру Птолемеевъ слѣдовали Селевкиды въ Азіи. Селевкъ Никаторъ переселилъ множество Іудеевъ въ новосозданную имъ Антіохію и далъ имъ права полнаго гражданства. Антіохъ Великій призвалъ нѣсколько тысячъ семей Еврейскихъ изъ Евфратскаго междурѣчія въ города Лидіи и Фригіи. Со всѣхъ сторонъ селились сильныя колоніи предпріимчивыхъ и расчетливыхъ торговцевъ, принимающихъ участіе въ умственной жизни Эллинскаго міра, распространяющихъ вліяніе своего древне-Иранскаго ученія, но никогда не исчезающихъ въ соблазнѣ идолопоклонства и обращающихъ съ желаніемъ и надеждою взоры свои къ святой родинѣ—храму Сіонскому. Такъ было до временъ Антіоха IV (Эпифана); такъ возрастали богатство и слава Іерусалима. Эллинскій міръ, увлеченный необходимостью своего развитія въ чисто-логическую послѣдовательность философіи, не могъ возвратиться ни къ простотѣ преданія, ни къ безусловности вѣры; но сочув-

ствовалъ и охотно сживался съ духовнымъ стремленіемъ ученія, близкаго къ лучшему свѣтилу Эллады—Платону.

Нео-платонизмъ, котораго задача явно носитъ характеръ столько же религіозный, сколько и философскій, не могъ нигдѣ образоваться, кромѣ полу-Эллинской, полу-Іудейской Александріи. *Гностицизмъ* возникъ въ томъ же краю, или въ близкой Финикіи. Онъ содержитъ въ себѣ желаніе возвысить древнее ученіе Кушитовъ въ область философіи, болѣе свободной отъ вещественности, и потому замѣняетъ ясное, но грубое отношеніе послѣдовательныхъ рожденій утонченнымъ, но темнымъ закономъ эманацій, и притомъ, вѣрный коренной своей основѣ, сохраняетъ непримиримую вражду къ Іудейству; самъ же, принимая невольно вліяніе Эллинскаго мудрствованія и Еврейскаго преданія, онъ воздѣйствуетъ на Іудеевъ, созидая всѣ нелѣпости *кабалы*. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что хотя намъ извѣстенъ только гностицизмъ, уже подвергнувшійся вліянію Эллады и Іерусалима, издавна существовалъ въ тѣхъ же странахъ *гностицизмъ* менѣе ученый и опредѣленный, но обличающій уже смѣшеніе мысленныхъ стихій Брана и Куша. Его отзывъ замѣтенъ въ двойной развязкѣ Прометеева миѳа.

Частная исторія Македоніи и ея царей до Римской эпохи, безполезныя усилія Греціи подчинить себя и свою любовь къ полному идеалу человѣческой свободы строгимъ правиламъ общей системы и хранительнымъ преградамъ нравственнаго закона, дикій эгоизмъ Спарты, всегда жертвовавшей Элладою своимъ частнымъ выгодамъ, борьба союзовъ Ахейскаго и Этолійскаго, мелкія войны и мелкія примиренія исчезаютъ безъ плодовъ и слѣда въ исторіи всемірной. Это предсмертныя содроганія государственной Эллады. Преемники Александра. Египетъ при Птолемеяхъ. Селевкиды. Индо-Бактрійское царство.

Точно также ничтожны исторія Лагидовъ въ Египтѣ и Селевкидовъ въ Азіи, основаніе мелкихъ Греческихъ царствъ въ Малой Азіи и вѣковыя распри между государствами, носящими въ себѣ общія начала и общій характеръ безсилія. Гораздо важнѣе исторія внутренней жизни народовъ, подчинившихся Элладѣ и отрекающихся мало-по-малу отъ своей отжившей старины, чтобы покориться духовному владычеству человѣкопоклоннаго просвѣщенія. Возникли новые города, по-

вые храмы, открылись новые торговые пути, явились новыя божества и вѣрованія; процвѣтали и старые города, пышно украшались и старые храмы, ибо все человѣческое имѣло права на покровительство отъ Эллиновъ: но все древнее, глубоко таинственное обмелѣло въ безцвѣтной эпохѣ окончательнаго синкретизма. Молохъ, древній богъ Прана, искаженный уже сліяніемъ съ Кушитскою миѳологіею, утратилъ свои свирѣпыя жертвоприношенія и сдѣлался праздношатающимся Геркулесомъ, великій Шива – Аммунъ и таинственная Изида, олицетворенія органической полярности (или необходимости въ противоположности положенія и отрицанія), слились съ торжественно–ничтожными образами чернокудраго Зевса и круглолицкой Геры; а между тѣмъ философія, возвышая помыслы своими высокими требованіями и очищая разумъ свѣтомъ своихъ строгихъ выводовъ, подкапывала храмы всѣхъ древнихъ боговъ и искала вышняго Бога, но не находила его.

Царства, основанныя Эллинами въ Азіи и Африкѣ, не имѣли ничего сходнаго съ государствами древнѣйшей эпохи. Въ нихъ не было одной общей народной мысли, созидающей общество по своимъ самобытнымъ законамъ (какъ въ Китаѣ или Египтѣ), и не было даже (какъ въ Персіи) органическаго и живаго зерна, сомкнувшагося въ общественное цѣлое и предписывающаго свою волю другимъ слабѣйшимъ личностямъ народнымъ. Наглый произволъ отдѣльныхъ лицъ, ставшихъ подъ дружинныя знамена, управлялъ судьбою племенъ, утратившихъ всякое самобытное стремленіе и тупо повинующихся чужеземному игу. Но безсмысленность самой власти искупалась превосходствомъ властвующаго племени. Египетъ и Сирія, утомленные безплоднымъ или одряхлѣвшимъ просвѣщеніемъ, искали новой жизни въ призракѣ жизни, принесенной Эллинами, и оставались равнодушными къ случайности дружиннаго владычества, котораго сами они не могли бы замѣнить болѣе разумнымъ организмомъ государственнымъ. Человѣческая кротость Эллинскихъ стремленій облегчала тягость правительственнаго ига, и давала свободу мелкому существо-

ванію мелкихъ областныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ объясняется и рѣдкость возмущеній противъ преемниковъ Александра и полная эллинизація завоеваннаго края.

Долѣе всѣхъ царствовали потомки Птолемея въ Египтѣ. Берега Нила уже давно сжились съ Элладою; ихъ просвѣщеніе не только не было въ прямой противоположности съ ея умственнымъ развитіемъ, какъ съ чисто-Иранскою стихіею Персіи, но еще узнавало свои отзвуки въ немъ и духовное родство. Инары и Нектанебы (*) были невозможны. Александрія управляла безъ спора и сопротивленія судьбою всей Нильской долины, обогащая ее новыми великолѣпными зданіями, признавая неприкосновенность ея старинныхъ святынь и исконныя права ея первосвященниковъ. Лагиды, послѣ безплодной борьбы отказались отъ надежды завоеваній въ Палестинѣ и Сиріи и обратили силу своего оружія на югъ. Большая часть древней Эѳіопіи покорилась имъ, и до сихъ поръ надписи, врѣзанныя Греческими воинами въ Нубійскомъ гранитѣ, свидѣтельствуютъ о пространствѣ Птолемеева царства. Въ одно время съ войсками Лагидовъ или еще прежде (при самомъ Александрѣ) проникли Евреи въ глубь Абиссинскихъ горныхъ долинъ и мало-по-малу достигли такаго политическаго значенія, что въ самой колыбели Кушитскаго міра (Саманѣ) основали независимое государство, распространившее потомъ свою власть далеко не только въ Африкѣ, но и на берегахъ Аравіи (нѣсколько вѣковъ послѣ Р. Х.), успѣшно сопротивлявшееся грозному напору магометанскаго оружія и только недавно исчезнувшее въ духовномъ завоеваніи христіанства.

Хотя нѣтъ ясныхъ доказательствъ на существованіе колоніи Іудейской въ Абиссиніи до Греческой эпохи, многія вѣроятности заставляютъ предполагать ее. Ею объяснилось бы и основаніе государства и отношенія, въ которыхъ находится Эѳіопія (*Шеба*) къ Іерусалиму во времена Соломона. Торговая колонія съ приливомъ новыхъ военныхъ силъ при Грекахъ обратилась въ царство. Теперешнее имя Абиссиніи (*Хабешъ*) есть ничто иное, какъ прежнее же имя ея (*Шебахъ*),

(*) Вожди, подвигнувшіе Египтянъ къ возстанію противъ владычествъ Персовъ, срав. выше, стр. 265. (*Примѣч. ред.*).

обратно писанное или произнесенное. Такая перестановка буквъ или слоговъ и выворотъ словъ на изнанку весьма обыкновенны въ жизни нарѣчій. (*медвѣдь* и *ведмѣдь*, *бакалдина* и *колдобина*, *albus* и сл. *бѣлъ*, англ. *raven* сл. *воронъ* и т. д. *timeo* вѣроятно *тымео* и *metuo* или правильнѣе *метыо* и пр.). Перестановка была еще легче при перемѣнѣ направленія письменъ или при употребленіи *бустрофедона*, ибо воздѣйствіе письменности на языкъ говоренный не подвержено сомнѣнію. Такъ напр. въ языкѣ *Тагала* часто неписанныя согласныя мало-по-малу исключаются даже изъ устнаго произношенія писанныхъ словъ.

Впрочемъ далекая Эѳіопія, огражденная пустынею и особенностями своей жизни отъ соприкосновенія съ остальнымъ міромъ, уже подпала вліянію сѣвера и измѣнила свои коренные обычаи. Власть жрецовъ была сокрушена возстаніемъ воиновъ подъ предводительствомъ царя (Эргаменеса) и древнія стихіи уступали новымъ иноземнымъ. Позднѣйшая исторія ея, рядъ смутъ и волненій, по ничтожности своей едва заслуживаетъ вниманія и начинается снова только съ появленіемъ христіанства, побѣдившаго и древнее символическое кумиропоклоненіе и упорство Еврейское.

Эпоха Птолемеевъ, не создавшая ничего въ мірѣ политическомъ и не оставившая ни какихъ слѣдовъ славы въ народныхъ бытописаніяхъ, есть безспорно одна изъ важнѣйшихъ эпохъ въ развитіи человѣческой мысли. Эллинскій міръ, перенесенный цѣликомъ въ чуждую область, стремился къ достиженію всечеловѣческаго достоинства; отрекаясь вполнѣ отъ своей мѣстной и племенной гордости, онъ собиралъ всѣ сокровища знанія и всѣ данныя жизни въ надеждѣ создать новое стройное и полное цѣлое, разрѣшающее всѣ задачи и отвѣчающее всѣмъ требованіямъ. Цари Лагиды, не смотря на развратъ, на пороки, на гнусныя страсти, увлечены были силою этого умственнаго движенія и создали для науки великолѣпные храмы, достойные ея высокаго значенія. Эллины Александрійскіе воскрешали забытую вѣру Кушитскихъ жрецовъ, создавшую древнѣйшія царства міра: но не то было вре-

мя, не тотъ возрастъ человѣческій. Задачи сдѣлались не разрѣшимыми, ибо люди не могли уже довольствоваться знаніемъ чисто вещественнымъ, не могли возвратиться къ отжившему вѣку таинственныхъ наукъ и требовали отвѣта на вопросы духовные, пробужденные духовными ученіями Прана. Съ Александріею спорилъ о первенствѣ Мало-Азійскій Пергамъ; но никогда съ нею не равнялся. Въ немъ, какъ и въ Аѳинахъ, слишкомъ жива была гордость Эллады, почти забытая во всемірной Александріи. Въ ней, и только въ ней, родилась новая плодотворная наука — критика. Въ ней развился духъ просвѣщеннаго анализа: и если за всѣмъ тѣмъ Александрія не разрѣшила вопроса своего, если она не создала ничего для человѣчества, то ей и благородному духу Эллады принадлежитъ слава первыхъ сознательныхъ стремленій чисто-человѣческихъ и всечеловѣческихъ.

Труднѣе было дѣло Селевкидовъ, область огромнѣе и разнообразнѣе въ своемъ составѣ, народы грубѣе и вольнолюбивѣе (какъ въ Понтѣ, Каппадокіи и Арменіи) или болѣе чужды завоевательнымъ Эллинамъ (какъ въ Мидіи и горахъ Персистана). Отъ того-то государство Сирійское скорѣе Египта погибло и почти въ самомъ началѣ раздѣлилось на части. Столицею Селевкидовъ была Антіохія, по большей части населенная Греками, особенно Аѳинянами, изгнанными изъ родины при основаніи Антипатромъ тимократіи: но страна купцовъ (Финикія) и безсмысленнаго синкретизма (вся Сирія) не могла имѣть на развитіе просвѣщенія такого сильнаго вліянія, какъ издревле ученый Египетъ. Вавилонъ исчезъ или потерялъ всю свою важность въ безпрестанныхъ междуусобіяхъ, перервавшихъ всѣ торговые пути, а наконецъ возстаніе горныхъ Мидійцевъ и ихъ дикіе набѣги разорвали всякую связь между приморскими Эллинами и среднимъ Праномъ. Эллинизація Сиріи осталась почти безплодною въ сравненіи съ эллинизаціею Египта или по крайней мѣрѣ принесла плоды свои гораздо позднѣе. Неподвижный въ своихъ вѣрованіяхъ и неколебимый въ преданіи, Израиль пришелъ наконецъ въ соприкосновеніе съ новымъ и роскошнымъ просвѣщеніемъ, противоста-

вящимъ свои человѣческія стремленія, свою жадную ненасытимую дѣятельность тѣсной и, такъ сказать, семейной религіи, въ которую Еврей заключилъ всемірное значеніе древняго закона, и бездѣйственному ожиданію будущаго блага, не зависящаго отъ человѣческихъ усилій. Искушеніе Эллинства не могло не проникнуть въ Іерусалимъ. Многіе просвѣщеннѣйшіе и знатнѣйшіе въ общинѣ стали стыдиться Еврейства, отступать отъ обычаевъ и стремиться къ невозможному слiянію Эллинскихъ и Израильскихъ стихій. Глубока была язва: со дня на день возрастали соблазнъ и число отступниковъ, со дня на день рѣдѣлъ сонмъ вѣрныхъ. Храмъ и жрецы и самые первосвященники готовы были къ поклоненію чуждымъ богамъ. Трудно сказать, какая бы была развязка внутренней духовной борьбы: нетерпѣливое насиліе нововводителей спасло Израиль. Побѣжденные Римлянами Селевкиды обязались платить огромную дань побѣдителямъ. Безпрестанныя смуты, возстаніе восточныхъ областей, упадокъ торговли и возрастающая Александрія перехватили источникъ богатствъ въ Сиріи и Финикіи. Похищеніе храмовыхъ сокровищъ должно было пополнить истощенную казну царей. Іерусалимъ еще былъ охраненъ ими невольнымъ уваженіемъ Эллиновъ или свободою предоставленною первыми Селевкидами народу Израильскому. Антіохъ Епифанъ, жившій въ Римѣ, впитавшій въ себя строгія понятія Римской государственности и ненасытимое корыстолюбіе, не былъ склоненъ ни къ уваженію областной свободы, ни къ страху святотатства. Евреи измѣнники пригласили его вмѣшаться во внутреннее управленіе общины Еврейской и воспользоваться богатствами Іерусалимскаго храма. Антіохъ поспѣшилъ на приглашеніе съ жадностію расточителя, никогда ненасытимаго золотомъ, съ злостью деспота, никогда ненасытимаго покорностью. Начались дикія гоненія: пробудилось чудное мужество. Мысль о свободѣ слилась съ мыслію о религіи. Маккавеи и ихъ приверженцы (*хазидимъ*) завѣщали исторіи великія имена и память великихъ подвиговъ. Малочисленный Израиль восторжествовалъ надъ великимъ царствомъ и надъ измѣнившею братіею, утратившею мужество

вмѣстѣ съ началомъ мужества, любовью къ отечеству и къ вѣрѣ. Іерусалимъ вышелъ изъ борьбы свободнѣе прежняго. Его полная независимость была признана Деметріемъ Никаторомъ (около половины 2-го столѣтія до Р. Х.). Неприкосновенность Симо-Яфетидскаго преданія была сохранена; но законъ, спасенный борьбою вещественною и соединившій свое дѣло съ дѣломъ областной свободы, принялъ въ глазахъ Еврея еще глубже характеръ тѣсной и племенной случайности.

Иная была судьба Эллинскаго владычества въ прибрежьѣ Средиземнаго моря, иная въ предѣлахъ самаго Ирана. Его восточныя области, издавна мирныя и просвѣщенныя, издавна пропикнутыя религіознымъ синкретизмомъ и склонныя къ человѣкообразію въ вѣрованіи (ибо въ нихъ же оно и родилось) могли сочувствовать завоевателямъ и ихъ умственному направленію. Племя было чуждо, но не мысль одушевлявшая его. Такимъ образомъ объясняется основаніе Эллино-Бактрійскаго царства, обнявшаго прибережье стараго Дуная (*Танаисъ Іаксартъ*) Бактрію и Индское пятирѣчіе и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Индо-Бактрійскаго. Около 225 года до Р. Х., при слабомъ правленіи Антіоха II (*Θεосъ*), съ годъ спустя послѣ возстанія горныхъ Азскихъ семей (Парѳянъ), полководецъ Діодотъ (или Θеодотъ), родомъ Грекъ обратилъ всѣ восточныя области, до тѣхъ поръ подвластныя Сиріи, въ государство независимое.

Вскорѣ послѣ перваго царя держава распалась на части и подверглась всѣмъ бѣдствіямъ внѣшнихъ нашествій и внутреннихъ междуусобицъ. Эллинское начало долго еще преобладало, какъ видно изъ царскихъ именъ, (Евѳидемосъ, Евкратидесъ, Деметріосъ, Гермеіосъ, Менандросъ), изъ Греческихъ надписей и изображеній Юпитера, Побѣды, Геркулеса почти на всѣхъ монетахъ По временамъ счастливый полководецъ, одержавъ верхъ надъ соперниками и подчинивъ своей власти мелкія отдѣльныя царства, принималъ гордое названіе царя царей; иногда весь полу-эллинизованный Востокъ преклонялся передъ оружіемъ западныхъ Парѳянъ, и Греческія монеты съ Греческою надписью носили изображеніе Вонона или Ар-

сака. Наконецъ Эллинская стихія стала мало-по-малу уступать напору Восточно-Иранскихъ племенъ, возвращающихся въ свою старую родину, изъ которой они были вытѣснены преобладаніемъ Средняго Ирана въ Персидскую эпоху. Слѣды Греческаго искусства исчезаютъ; являются новыя изображенія изъ неизвѣстныхъ миѳовъ и имена, чуждыя Греческому племени (*Азесъ*, *Азилизесъ*, *Майесъ*, *Спалагара*, *Спалиригисъ* и др.). Могучіе *Саки* подвигаются изъ Бактріи къ устьямъ Инда, проникаютъ въ Индустанъ и налагаютъ на него тяжелое иго, которое свергнуто было только великимъ Викрамадитьею около 56 года до Р. Х.

Эта эпоха была такъ важна для Индустанцевъ, что они съ нея считаютъ свою эру *Сакабда*.

Внѣшняя судьба Индо-Бактрійскаго царства могла бы остаться неизвѣстною безъ большой потери для наукъ: но любопытно бы было прослѣдить внутреннее броженіе мысли при встрѣчѣ трехъ стихій, Эллинской, Индустанской и Вано-Бактрійской, уже безспорно измѣненной, но вѣроятно еще не вполнѣ утратившей всѣ свои отличительныя черты. Быть можетъ, будущія изслѣдованія бросятъ новый свѣтъ на эту темную эпоху: но уже теперь можно опредѣлительно принять слѣдующія положенія. Вещественная сила государства состояла въ народахъ Славяно-Бактрійской отрасли и потому оно весьма справедливо называлось *Скиѳскимъ* (*Сако-Гетскимъ*): зерно его состояло изъ разныхъ семей Славяно-Бактрійскихъ, и потому оно является то подъ именемъ *Гунскаго* у Козмы Индоплавателя, то *Сакскаго* у писателей Индустанскихъ, то *Іуетскаго* (*Гетскаго*) или *Та-ванскаго* (великихъ Вановъ) у Китайцевъ.

Это положеніе подтверждается еще прозвищами *Саку-сара* (царь Саковъ) и *Іетуаза* (Гетскій) на нѣсколькихъ монетахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что чтеніе надписей еще далеко отъ совершенства, но уже даетъ нѣсколько вѣрныхъ выводовъ. Кажется, оно могло бы еще усо-

вершенствоваться допущеніемъ буквы *а* въ иныхъ случаяхъ въ качествѣ знака безгласія. Этимъ устранилось бы не совсѣмъ вѣроятное повтореніе одного и того же звука. Не должно забывать, что таково точно было употребленіе преобладающаго (доминанты) *о* или *а* краткаго въ письменности Славянской съ прибавленіемъ надъ нимъ маленькаго знака сокращенія или уничтоженія, изъ чего составилась буква ъ. Знакъ сокращенія можетъ или быть почти незамѣтнымъ или даже совершенно исчезнуть, и письменность представитъ странное явленіе: неписаніе гласной *а* или *о*, всегда предполагаемой при согласной (*влкъ*, *Бгъ*, *плкъ*) и писаніе гласной тамъ именно, гдѣ она не произносится, Такого рода смѣшеніе неудивительно при дѣтствѣ новой грамотности, возникающей изъ смѣшенія двухъ системъ (напр. Греческой и древне-Славянской или Греческой и древне-Брахманской): отъ того-то мы видимъ правильно *бърать*, а иногда неправильно *пълкъ*, *вълкъ*, могли бы найти правильное — *волкъ*, *полкъ* и неправильное *борать*; отъ того можно легко помирить чтеніе *Кадафизъ* и *Кадфизесъ* и понять, почему Греческія, Пароянскія и Сако-Бактрійскія имена *Діонизіосъ*, *Гермеіасъ*, *Никіасъ*, *Арсакосъ*, *Майесъ* пишутся *Діонизаіаса*, *Гермаіаса*, *Никіаса*, *Ассакоса*, *Маіаса* и пр.

Власть вещественная переходила мало-по-малу въ руки народовъ сѣверныхъ и горныхъ, болѣе дикихъ и чуждыхъ просвѣщенію.

Точно также, какъ въ позднѣйшую эпоху отъ *Газневидовъ* къ *Гуридамъ* и потомъ къ *Тамуридамъ*.

Новые властители принадлежали къ семьямъ Восточно-Иранскимъ, мѣшаннымъ съ Средне-Иранскими *Азами* или *Пехлеви* (какъ династія *Азеса*, *Азилизеса* и др.) и даже съ Средне-Азійскими. Наконецъ все царство погибло не столько отъ возстанія Индустана, которое могло подѣйствовать только на область Кабула и Пятирѣчія или отъ натиска Парѳянъ, сколько отъ нажима Средне-Азійскихъ племенъ. Этотъ нажимъ возрасталъ безпрестанно и отодвинулъ мало-по-малу Славянскія семьи Саковъ, Вановъ и Гетовъ отъ стараго *Дуная* или *Дона*

Закаспійскаго къ берегамъ Волги, гдѣ они явились, подъ именемъ *Гунновъ* или *Болгаръ*, для спасенія своихъ погибающихъ братьевъ черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ паденія Эллино-Скиѳскаго царства.

Имя царя Саковъ *Азилизесъ* едва ли не то же самое, что имя позднѣйшаго вождя Гунновъ *Аттилы*.

Но Саки уже давно утратили свое древнее просвѣщеніе, сохраняя только бытовой характеръ своихъ предковъ, какъ видно изъ Китайскихъ свидѣтельствъ о мелкихъ Ганскихъ общинахъ. По этому все умственное движеніе, вся грамотность и религія носили на себѣ слѣды Эллинскаго или Индустанскаго развитія; средоточіе просвѣщенія было болѣе на югѣ, въ Аріанѣ и на берегахъ Инда, чѣмъ во властительныхъ областяхъ Сако-Бактрійскихъ и надписи не содержатъ въ себѣ (за исключеніемъ нѣсколькихъ совершенно непонятныхъ словъ, какъ *ооимо*) никакихъ стихій, кромѣ Индустанскихъ и Эллинскихъ. Такъ какъ Эллины покорили не самый Индустанъ, но только сѣверо-западную окраину, нѣкогда Кушитскую (*Кашмиръ*) и берега Инда, населенные уже одичавшими воинами; такъ какъ эта горная страна никогда не была вполнѣ завоевана Вишнуитами (какъ и позднѣйшими завоевателями), стихія религіозная, примѣшанная къ Эллинству въ памятникахъ Индо-Скиѳскаго царства, представляетъ всегда почти эмблемы Шиваитскія, между тѣмъ какъ собственно Бактрійское божество (корень Вишнуизма) совершенно исчезло, слившись съ Геркулесомъ и Зевсомъ.

Кажется, преобладанію Шиваизма можно приписать и употребленіе формъ Пракрита предпочтительно передъ Санскритскими въ надписяхъ монетныхъ. Религія Шивы принадлежитъ болѣе низшимъ кастамъ, чѣмъ высшимъ и ученѣйшимъ: поэтому и Буддаизмъ, искони связанный съ Шиваизмомъ, избралъ своимъ священнымъ языкомъ нарѣчіе Пракритское и Пали, которыхъ начало должно отыскивать около верховьевъ Инда. Преобладаніе Шиваизма и поклоненіе *Дурги* или *Парвати* въ низшихъ кастахъ зависитъ не столько отъ ихъ сравнительнаго невѣжества, сколько отъ того, что они составились по большей части изъ

покоренныхъ Кушитовъ. Этимъ же объясняется и Шиваизмъ всего юга и Индскаго приречія, сопряженный съ Буддаизмомъ въ Кашмирѣ и совершенно уступившій Буддаизму въ Цейлонѣ. Надписи не представляютъ ни малѣйшаго слѣда Зенда: этимъ доказывается отсутствіе средне-Иранскихъ стихій въ составѣ Индо-Скиоскаго государства и опровергается странное предположеніе книжниковъ, вообразившихъ, что Зендъ былъ когда-то нарѣчіемъ горныхъ окраинъ Ирана и Индустана. Титулъ царскій *раджа-раджаса* или *раджатираджасъ* (въ Эллинскомъ переводѣ βασιλεὺς, βασιλέων) явно принадлежитъ языкамъ чисто-Индустанскимъ.

Хотя нашествія дикаго Сѣвера и поочередное владычество горныхъ Парѳянъ, Аравитянъ и Турокъ изгладили всѣ слѣды восточно-Эллинской державы, ея памятниковъ и образованности; но для исторіи равно важны и возможность ея существованія и остатки ея вліянія до позднѣйшихъ временъ. Легкость, съ какою Эллинская стихія принята была въ восточномъ Иранѣ, между тѣмъ какъ она осталась совершенно чуждою его средней и западной полосѣ, не можетъ быть объяснена ничѣмъ инымъ, какъ особенностями племеннаго состава и умственной жизни въ Бактріи и Индустанѣ. Въ этой частной эллинизаціи содержится явное свидѣтельство о древнемъ просвѣщеніи, еще цвѣтущемъ за Индомъ, уже почти угасшемъ въ области Ванской, но все еще готовомъ ожить и разцвѣсть, при встрѣчѣ съ просвѣщеніемъ новымъ и живымъ; въ ней видимъ ясно черты обще-человѣческаго быта, отличающаго вѣтвь Вано-Бактрійскую отъ Азо-Мидійской, точно также какъ и склонность восточнаго племени къ человѣкообразію въ религіи, между тѣмъ какъ средне-Иранскія семьи требовали вѣроятно высшихъ и духовныхъ началъ вѣры, которыхъ не доставало въ Эллинствѣ внѣ его философскаго и не многимъ доступнаго развитія.

То же самое различіе обозначалось и въ позднѣйшія времена и въ другихъ странахъ, между мудрыми *Ванами* и сильными *Азами*, между Славянином и Германцемъ.

Держава Эллино-Бактрійская миновала, но она оставила свою печать въ области, которая ей была подвластна. Никогда пробужденное художество не погибало совершенно на восточныхъ границахъ Ирана: въ нравахъ, въ бытѣ, въ жизни умственной оставался отсадъ прошедшаго времени, дрожжи будущаго просвѣщенія. Индустанъ получилъ отъ своихъ завоевательныхъ сосѣдей новыя мысли и новыя данныя въ наукахъ. Вѣроятно многое въ философскихъ школахъ ведетъ свое начало отъ соприкосновенія съ Эллинами; небознаніе безспорно подверглось ихъ вліянію, особенно въ своихъ астрономическихъ мечтахъ.

На это есть несомнѣнное свидѣтельство Индустанскаго астронома *Варага-Мигиры*, жившаго въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Р. Х. и явное указаніе въ именахъ учителей *Яванесвара*, *Яванакгарджасъ* и др., и особенно въ названіяхъ созвѣздій по комментарію на *Варагу* (*Вивирана*). Эти названія чисто-Греческія: *Криджа* (κριός, овенъ), *Тавура* (ταῦρος телецъ), *Гутума* (δίδυμοι близнецы), *Кумера*, по другимъ *Карки* (καρκίνος ракъ), *Лея* (λεών левъ), *Партюна* (πάρθενος дѣва), *Гука* (ζυγός вѣсы), *Карпія* (σκόρπιος скорпіонъ), *Таукшика* (τοξότης стрѣлецъ), *Акокера* (αἰγοκέρος козерогъ), *Гидрогасъ* (ὑδροχόος водолей), *Истгуси* (ἰχθύς рыбы). Смѣшно бы было предполагать, что отъ Эллиновъ ведетъ свое начало все небознаніе въ Индустанѣ: оно безъ сомнѣнія много и много древнѣе, но вліяніе безспорно. Критика не можетъ не признать *Яванов*ъ, о которыхъ упоминаютъ астрономы, за Грековъ, но за всѣмъ тѣмъ мнѣніе, что имя *Яванъ* происходитъ отъ Іонійцевъ, остается весьма сомнительнымъ. Оно могло происходить отъ древняго имени области, *Аза Вана* и быть перенесено на ея новыхъ завоевателей. Мы не имѣемъ никакой причины предполагать, чтобы Македонское войско величало себя Іонійскимъ, а торговыхъ сношеній, которыя могли распространить славу Іоніи въ Западной Азіи и Ираѣ, быть не могло (по крайней мѣрѣ непосредственно) между Индомъ и городами Мало-Азійскими.

Должно замѣтить, что начало небознанія въ Индустанѣ ведется (по сказанію туземному) отъ *Мая-Асура*. Оба слова содержатъ въ себѣ

смыслъ *обмана* и *злаго духа*: но нельзя не вспомнить, что главная эпоха астрономическая началась въ Вавилонѣ, что астрономія безспорно процвѣтала искони и едвали не родилась въ Ассиріи (*Ассуръ*), и весьма позволительно заключить, при всевозможномъ уваженіи къ Индопоклонникамъ Нѣмцамъ, что въ словѣ Асура (въ этомъ случаѣ) заключается память объ Ассиріи, также какъ въ именахъ злыхъ *Гираньякиса* и *Гиранія-касипу* и *Мадгу* заключается воспоминаніе о враждѣ съ Праномъ и Мидіею, хотя *гирана* и значитъ золото, а *мадгу* сладкій. Всякій историческій фактъ обращается въ религіозную сказку поэтическимъ ладомъ народа, и потомъ всякая сказка возводится въ отвлеченно-религіозный миѳъ вѣчно мудрствующимъ Брахманомъ. Таковъ характеръ Индустана и пора наукѣ понять его.

Самая религія въ своей сказочной и народной жизни подверглась также измѣненію отъ соприкосновенія съ Эллинскимъ миѳомъ: это можно утверждать a priori; но безполезно изслѣдовать, потому что выводы будутъ во всякомъ случаѣ ничтожны.

Земля Бактрійская и Аріана не оставили намъ письменныхъ памятниковъ подобно Индустану; но неписанный памятникъ остался въ позднѣйшемъ просвѣщеніи всей области, въ процвѣтаніи словесности при дворѣ Газневидовъ и Самоповъ въ образованіи мягкаго и поэтическаго нарѣчія *Фарси* или *Табаке дери*, въ художественномъ великолѣпіи Самаркапда и Балка и вѣроятно въ распространеніи христіанства въ предѣлахъ Бактріи.

Существованіе христіанской общины можно заключить изъ Китайскихъ разсказовъ о землѣ Ванской, въ которой весною народъ плачетъ о смерти своего Бога, ищетъ его, обходя селенія со свѣчами и наконецъ, нашедши его, поетъ радостныя пѣсни: ясно праздникъ Пасхи.

Таково вліяніе Эллинской эпохи на Восточный Иранъ.

Трудно сказать, отозвалось-ли оно далѣе на сѣверо-западъ къ берегамъ Волги и Балтики: предположеніе не совсѣмъ вѣроятное, потому что торжество Македонцевъ совпадаетъ съ эпохою торжества Финно-

Турецкихъ народовъ (*мнимыхъ Скиѳовъ*) и распространенія Азо-Азановъ (*Сарматовъ*) по При-волжію.

Царство Парѳянское.

Годомъ прежде отдѣленія Индо-Бактрійскаго государства возстали Парѳяне противъ власти Селевкидовъ. Родиною Парѳянъ были отроги Демавендской цѣпи на юго-востокѣ Каспія, племеннымъ началомъ Азская вѣтвь Иранскихъ народовъ. Въ ихъ землю не могло проникнуть оружіе Македонцевъ; съ ихъ бытомъ не могло сжиться просвѣщеніе. Во всей своей старой дикости, не преклонившейся передъ величавою властью Персидскихъ царей и не смягчившейся отъ кроткаго ученія Зендскихъ реформаторовъ, возстали воинственные горцы, призванные сокрушить Эллинство на Востокѣ и положить желѣзную преграду Римскому міру, но не создавать и не основывать ничего для будущихъ вѣковъ.

Происхожденіе Парѳянъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и мнѣніе, связывающее ихъ съ племенемъ Средне-Азійскимъ, принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ догадокъ. Въ спискѣ областей Персидскихъ, по клинообразнымъ надписямъ, рядомъ стоятъ имена *Парута*, *Асагарта* и *Парѳива*, въ которыхъ находимъ древнее названіе всего племени—*Азъ* и названіе семьи—*Парѳъ* (санскр. *Парада*). Добросовѣстная критика признаетъ единство *Асагарта* надписей, *Азбруга* преданій о Кеанидахъ, и *Асгарда* Скандинавскаго. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы *Азы* восточные, парѳянскіе, были тождественны съ *Азами* западными. Тутъ единство племени и различіе семей.

По началу вѣрованія Парѳяне очевидно должны были принадлежать Среднему Прану. За всѣмъ тѣмъ, при скудныхъ извѣстіяхъ объ ихъ религіи, замѣтны великія отклоненія отъ ученія Заратустрова и даже вражда къ его святынямъ. Дикая, вольнолюбивая семья, вѣчно воюющая противъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ, приняла въ себя всю нелѣпую примѣсь человѣкообразныхъ религій безъ ихъ художественнаго и облагораживающаго стремленія. Божество ихъ было божествомъ войны, какъ и жизнь ихъ постоянное сраженіе.

Тотъ же *Миѳра* (или *Михѳра*, великій творецъ) въ его ограниченіи, какъ *Тюръ* Скандинавскій.

По языку Парѳяне принадлежали также къ Среднему Прану, склоняясь болѣе къ западной вѣтви, чѣмъ къ восточной. *Пехлеви* представляетъ смѣшеніе многихъ стихій, точно также какъ и самое племя приняло безъ сомнѣнія многія чуждыя примѣси, но вообще относится къ Зенду, какъ грубое и одичавшее нарѣчіе къ своему стройному и образованному родовому началу. Оно сдѣлалось языкомъ государственнымъ, письменнымъ, отчасти образованнымъ, но никогда не достигало, какъ и самый народъ, высокаго развитія или поэтическаго значенія.

Фирдоуси охотно воскрешаетъ его обветшалыя формы въ замѣнъ иноземныхъ Аравійскихъ, уже принятыхъ мусульманскою Персіею: но чувство самолюбія народнаго совсѣмъ независимо отъ достоинства самаго языка, къ которому возвращался величайшій поэтъ Персистана. Названіе *Пехлеви* (какъ уже сказано) не происходило отъ имени народа, но отъ воинственнаго быта народнаго и связано съ корнемъ *пехлевъ* (богатырь), который самъ происходитъ отъ *пехлу* (граница). Положеніе земли Парѳянской и ея близость къ области, названной землею *Уна-о* (по источникамъ Китайскимъ), заставляютъ предполагать существованіе двухъ казачествъ, составившихся—одно изъ отрасли Азской, величавшееся именемъ *Пехлеви* (Граничаръ), а другое изъ отрасли Ванской, называвшееся *Юнаками*, *Юными*, или по измѣненію умягченной буквы *ю* въ звукъ придыхательный—*Гунами*. Санскритская поэзія, смѣшавъ имена народовъ съ именами ополченій, раздѣлила Парѳянъ на два, на *Пахлава* и *Парада*, заключивъ подъ вторымъ именемъ *Персовъ* и *Парѳянъ* и слѣдуя своему общему закону въ преобладаніи звука *а*.

Тождество коренное между Азами-Сарматами, завоевавшими сѣверъ Европы и Азами Парѳянскими, уничтожившими силу Эллино-Сирійской державы, нисколько не показываетъ тождества нарѣчій. Дикость не ограждаетъ чистоты языка, но предаетъ его произволу мѣстнаго развитія. Даже Восточно-Иранское племя (Вано-Бактрійцы), не смотря

на свою живую общительность, раздѣлилось на множество самодѣльныхъ нарѣчій, не говоря уже о нарѣчіяхъ измѣненныхъ примѣсью иноплеменныхъ стихій. Еще больше должно было быть разнообразіе въ языкахъ западно или средне-Иранскихъ; и Паръ былъ бы безспорно также не понятенъ Сармату При-волжскому, какъ и Ассирійцу, хотя явно изъ географическаго положенія Ассиріи можно утверждать, что корень ея населенія былъ Азскій и что имя ея значило *Азская Сирія*, отъ имени народа и слова *суръ*—пустыня. До сихъ поръ восточные народы называютъ Сирію *Сури-станъ*. Изъ постояннаго перехода и, такъ сказать, тождества звука *и* и *у* можно кажется заключить, что въ общемъ коренномъ языкѣ существовалъ утратившій звукъ *ы*, перешедшій или въ *у*, какъ у Римлянъ, или въ *г* (франц. *и*) у Грековъ, или *ри* у Индустанцевъ.

Не царство основали Парѳяне, а дружинное владычество подъ наслѣдственнымъ полководцемъ, и не столицу, а богатый и укрѣпленный лагерь въ Ктезифонѣ на берегахъ Тигриса. Имъ было суждено дѣло разрушенія и разъединенія между жизнью Европы и жаждущимъ просвѣщенія востокомъ Ирана; имъ было суждено въ началѣ 3-го вѣка послѣ Р. Хр. исчезнуть съ поприща историческаго безъ слѣдовъ, но положить на берегахъ Тигриса непреодолимую грань разливу Римской державы и совершить во время своего краткаго существованія тотъ же подвигъ, который совершили ихъ Германскіе братья на берегахъ Рейна.

Такова была въ Азіи, послѣ завоеванія Македонскаго, судьба міра Вано-Бактрійскаго и Азо-Персидскаго. Различіе ихъ проявляется живо въ основаніи Сако-Эллинской и Парѳянской державъ.

Индія. Ея исторія. Характеристика ея развитія. Ея вліяніе въ человѣчествѣ.

Еще далѣе на востокъ отозвалось вліяніе Эллады. Побѣды великаго Александра на прибрежьѣ Инда уничтожили на время независимость мелкихъ общинъ сѣверо-западнаго Индустана и подчинили ихъ власти князей, признавшихъ себя данниками Македонца: такимъ образомъ Греческое государство пришло въ ближайшее соприкосновеніе съ царствомъ могущественныхъ Празіевъ, которыхъ столица *Палиботра* была главою

всего сѣвернаго Индустана. Царствованіе *Чандрагупты* (то-есть царя хранимаго мѣсяцемъ) въ концѣ IV вѣка до Р. Х. представляетъ первоначально борьбу, потомъ примиреніе двухъ сильныхъ державъ и первую твердую хронологическую опору для исторіи Индустана.

Сказаніе Діодора о войнѣ Семирамиды противъ Индостанскаго царя *Стабробатеса* (вѣроятно *Ставирапатисъ*, міродержецъ) не можетъ нисколько служить историческою данною. Явно лѣтосчисленіе историческое начинается для Индіи сличеніемъ ея преданій съ свѣтовымъ кругомъ Эллинскаго міра. Лѣтописатель Кашмира мало прибавилъ къ положительнымъ свѣдѣніямъ объ ея древнѣйшей судьбѣ.

Раздѣленіе Сирійскаго государства на части не избавило Индустана отъ напора съ запада. Сосредоточенныя и на время ожившія силы Восточнаго Ирана продолжали дѣло завоеванія, начатаго Эллинами. Князья Ири-индскіе, бывшіе сперва данниками Македонцевъ, были изгнаны или совершенно порабощены Эллино-Бактрійскими царями; наконецъ Саки, взявшіе верхъ надъ Греками, овладѣли всѣмъ Пятирѣчіемъ и прегорьями Гиммалайскими и далеко распространили власть свою до береговъ священныхъ рѣкъ: Ятуны и Ганга. Пали царство Празіевъ и слава ихъ столицы. Освобожденіе Индустана отъ воинственныхъ пришельцевъ было совершено Викрамадитьею, первымъ царемъ *Аіодгійскимъ* (*Oude*) въ Гангесскомъ прирѣчіи. Его побѣды, основавшія новую эру *Сакабда* (Сакскаго изгнанія), пышность его просвѣщеннаго двора, блескъ поэзіи, роскошно разцвѣтшей въ Индустанѣ при царѣ освободителѣ, все окружило его имя вѣнцемъ исторической славы и утвердило на долго первенство области Аіодгійской.

Эра *Сакабда*, начинающаяся за 56 лѣтъ до Р. Хр., опредѣляется изъ преданій мѣстныхъ, но также какъ и царствованіе Чандрагупты не безъ сличенія съ свѣтовымъ кругомъ Эллады. Слава поэтовъ, современныхъ Викрамадитьѣ I-му, такъ велика, что они сами поступили, какъ и древнѣйшій Вальмики, въ число лицъ миѳическихъ, и что имъ приписывается множество позднѣйшихъ произведеній, заслужившихъ

такую честь по красотѣ языка или свѣжести воображенія. Это доказано довольно ясно для многихъ сочиненій, носящихъ имя *Калидазы* (автора *Сакунталы*) и показываетъ, до какой степени необходима осторожность при обсужденіи историческихъ данныхъ по памятникамъ Индустанскимъ.

Съ торжествомъ Викрамадитьи и пораженіемъ Саковъ не совсѣмъ еще прекратились набѣги сѣверо-западныхъ народовъ. Изъ преданій мѣстныхъ и свидѣтельствъ иноземныхъ можно заключить, что не разъ еще врывались въ Индустанъ дружины Восточнаго Ирана и что по ихъ слѣдамъ шли Парѳяне и позднѣйшіе Персы; но по крайней мѣрѣ уже Индія не рабствовала иноплеменникамъ до временъ свирѣпаго Газневида и внутренняя жизнь ея развивалась свободнѣе и самобытнѣе. Царство Аіодгійское продолжало еще нѣсколько вѣковъ первенствовать въ За-индской странѣ, по временамъ захватывая то большую часть Пятирѣчія (*Пенджаба*), то сѣверныя области Декана.

Къ этимъ вѣкамъ Аіодгійскаго первенства принадлежатъ многія изъ лучшихъ явленій той умственной дѣятельности, въ которой Индустанъ такъ высоко стоитъ надъ всѣми народами, за исключеніемъ Эллады. Иныя были вызваны вліяніемъ иноземнаго просвѣщенія, и критическое изученіе Санскритской словесности вѣроятно откроетъ яснѣйшіе слѣды его: но большая часть была плодомъ древнихъ, еще неистощенныхъ силъ, продолжающихъ свое развитіе въ цвѣтахъ поэзіи и въ плодахъ отвлеченнаго мышленія.

Одни и тѣ же начала духовныя слились въ составъ Индійскаго и Эллинскаго міра: символизмъ вещественно-мудраго Кушитства, преданіе Иранское, сказочное человѣкообразіе Вано-Бактрійское; но иныя были возрасты каждаго начала, иныя условія при сліяніи, иные размѣры и по этому иныя произведенія.

Не говоримъ о разницѣ климатическихъ законовъ, полагая ихъ вліяніе и менѣе опредѣленнымъ и менѣе важнымъ.

Основою Эллады была дружина завоевательная, основою Индустанскаго населенія—мирное племя, сдѣлавшееся завоева-

тельнымъ по неволѣ и подкрѣпленное въ послѣдствіи времени новымъ приливомъ родственнаго племени съ которымъ оно слилось.

Въ этомъ находится причина сильнаго развитія семьи у Индустанцевъ и ничтожества ея у Эллиновъ.

Жизнь Эллады подчинилась закону военному, жизнь Индустана закону религіозному и извергла изъ себя воинственную стихію, выгнавъ касту *кшатрій* на границы Брахманской области. Дружинный строй съ одной стороны и религіозно-общительный съ другой, дали свои плоды въ полномъ развитіи человѣческой свободы у Эллина, въ полномъ порабощеніи его величію общества у Индустанца. Одинакова въ обѣихъ земляхъ была примѣсь Восточно-Иранской стихіи, но въ Элладу она пришла въ видѣ пограничныхъ бездомниковъ Славянской земли, въ Индустанъ въ видѣ дружелюбныхъ Бактрійцевъ, пришедшихъ на помощь къ угнетеннымъ братьямъ и переселившихся цѣлымъ родомъ и племенемъ. Наконецъ Кушиты принесли въ Элладу только начала стройнаго художества и вещественнаго символизма, а Индустану дали съ примѣсью племени всю свою вещественную страстность и всю строгость государственнаго устройства

Пелазгъ, переселенецъ изъ Прана, одичавшій въ разъединенномъ бытѣ горной страны, сохранилъ темную память о вѣрованіи въ творческую свободу, о безсмертіи человѣческомъ, о духовности и нравственныхъ стремленіяхъ, но, не создавъ никакой лжи, лишилъ истину и преданіе ихъ положительныхъ и опредѣленныхъ образовъ и религію всей ея жизненной силы.

Таковъ характеръ многихъ Сѣверо-Азіатскихъ и Американскихъ народовъ, мало принявшихъ Шаманской примѣси.

Эллинъ, завоеватель, поклонникъ сказочныхъ боговъ, не принялъ и не могъ принять ничего отъ побѣжденныхъ Пелазговъ, а отъ южныхъ колонистовъ, побѣжденныхъ имъ въ Беотіи, Пелопоннесѣ или въ Аттикѣ, онъ принялъ только не-

кру художества и чувство стройной красоты, не возвышаясь нисколько до религіознаго созерцанія, и усвоилъ себѣ легкодоступную форму заклинательнаго призванія боговъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что во всякой религіи внѣ Иранскаго преданія молитва обращается въ заклинаніе. Таковъ былъ ея характеръ и въ Восточно-Иранскомъ человѣкообразіи: но этотъ характеръ выступилъ еще яснѣе отъ примѣси Кушитской и слова *Аякса* въ Иліадѣ: «*молитесь тихо, чтобы Трояне не подслушали и не переняли вашихъ молитвъ*», выражаютъ весьма живо понятіе полу-Кушитской вѣры. Впрочемъ религія послѣ Гомера постоянно еще грубѣла и слова, которыя въ немъ еще иногда представляютъ смыслъ отвлеченный (какъ напр. μοῖρα слав. *мѣра*, правда въ послѣдствіи означавшее *Парку* и многія другія), сдѣлались именами нововыдуманныхъ боговъ.

Паденіе духовное въ Элладѣ было полное и совершенное, ибо мысль человѣка сосредоточилась въ поклоненіи ему самому со всею примѣсью жизненной случайности и неразумнаго произвола. Возстаніе началось просвѣтлѣніемъ чувства красоты, сперва вещественной, потомъ возвысившейся до красоты духовной отъ новаго соприкосновенія съ духовнымъ Востокомъ. Изъ самого себя человѣкъ почерпалъ свой свободный идеалъ, стройно развитый въ поэтическомъ творчествѣ, величаво облагороженный въ философіи. Эллинъ въ искуствѣ и наукѣ дошелъ почти до крайнихъ предѣловъ возможнаго совершенства, но никогда не могъ создать религіи, а только провидѣлъ ее (какъ вдохновенный Платонъ) въ недосягаемой дали.

Брахманъ (т. е. первый пришелецъ Средне-Иранскій въ Индустанъ) принесъ съ собою полное и опредѣленное преданіе и душу глубоко проникнутую жаждою небеснаго знанія.

Брахмана должно признать выходцемъ изъ Средняго Ирана по характеру кастъ и отдѣленію жреца отъ народа. Эти черты, совершенно чуждыя Вано-Бактрійцу, у котораго старшій въ родѣ былъ княземъ или жрецомъ, уже указываютъ на заемъ отъ При-евфратскихъ Кушитовъ, предшествовавшій переселенію.

Многія преданія исчезли, многія вредныя стихіи были приняты при враждебномъ столкновеніи съ Средне-Азійскими первожилами; но главная примѣсь происходила отъ стремленія къ примиренію вѣры, основанной на безусловномъ преданіи, съ соблазнительною строгостію логическаго ученія Кушитскаго. Такимъ образомъ возникла напряженная, вѣчно мудрствующая религія, обнимающая въ себѣ предметы подлежащіе вѣрованію и предметы отвлеченно-философскіе.

Новый приливъ сказочной стихіи, принесенной Восточно-Иранскими Вишнуитами, расширилъ область мысли, создалъ чудный міръ роскошной поэзіи, но возвысивъ личное значеніе человѣка и въ то же время смѣшавъ всѣ прежнія понятія религіи, не могъ никогда вполнѣ затемнить память о древнихъ высокихъ ученіяхъ или сдѣлать человѣка грубымъ человѣкопоклонникомъ. Художественная красота осталась подчиненною требованіямъ символизующей мысли, философія человѣческая подчиненною богомудрствованію. Полная, успокоительная гармонія безпечальнаго Эллина никогда не могла сойти въ душу Брахмана, страдающаго вѣчнымъ разладомъ между своимъ безсиліемъ и неутолимою жаждою своихъ гордыхъ требованій. Элладѣ осталось первенство въ поэзіи и наукѣ.

Но вся та безконечно-творческая сила, которую Эллада обратила на чисто земную дѣятельность и земное знаніе, была обращена въ Индустанѣ на развитіе идеи религіозной: отъ того-то ни одна страна въ мірѣ не имѣла столь обширнаго вліянія на вѣрованія другихъ народовъ, отъ того ни одна страна не представляла въ самой себѣ такого разнообразія формъ и понятій религіозныхъ, соединяющихъ глубочайшія идеи философскія съ неисчерпаемымъ богатствомъ то величественныхъ поэтическихъ миѳовъ, то дѣтски-нестройныхъ вымысловъ. Духовная задача Индіи, созданіе вѣры, обнимающей и объясняющей всѣ условія міровой жизни и содержащей въ себѣ законъ своей необходимости, эта задача была не разрѣшима.

Точно та-же задача была истинымъ предметомъ Неоплатонизма и также осталась неразрѣшенною: но Индустанъ, отправившійся отъ

данныхъ положительнаго преданія съ одной стороны, и ученія философски-вещественнаго, обратившагося въ положительную религію съ другой (Брахманизмъ и Шиваизмъ), долженъ былъ представить множество миѳовъ и характеръ несомнѣннаго вѣрованія,—между тѣмъ какъ Неоплатонизмъ, начавшій, какъ и вся Греческая мудрость, отрицаніемъ религіозныхъ данныхъ, долженъ былъ всегда оставаться скуднымъ въ миѳахъ и умствующимъ безъ положительнаго вѣрованія. За всѣмъ тѣмъ Неоплатонизмъ всегда стремился къ отысканію свойственныхъ ему миѳовъ въ числѣ уже существующихъ въ другихъ религіяхъ и охотно примыкалъ къ древнему ученію объ эманаціяхъ (*эонахъ*). Задачу Индустана и Неоплатониковъ можно узнать въ нѣкоторыхъ стремленіяхъ ново-Германскихъ школъ философіи, представляющихъ иногда разительное сходство съ Буддаизмомъ, а иногда готовыхъ пристать то къ Яйнамъ, то къ поклонникамъ Тримурти.

Неразрѣшимость жизненной задачи повергла Индустанъ въ тотъ болѣзненный сонъ, въ которомъ прошло его историческое существованіе, въ ту внутреннюю разорванность, въ которой безплодно истощились его геніальныя силы, не создавъ ничего государственно или человѣчески великаго. Вездѣ проявляется или утомленное безсиліе, передающее темно-угадываемую истину на искаженіе дѣтски-суевѣрнаго народа, или наглая условность произвола, предписывающаго себѣ вѣру, не пріобрѣтенную логическою послѣдовательностью умственнаго труда и просвѣтлившагося чувства. Съ другой стороны, отъ каждой ступени упадка начинается безплодное стремленіе къ возврату; надъ каждымъ нестройнымъ и нелѣпымъ миѳомъ надстроивается цѣлое зданіе философскихъ толкованій, прививающихъ произвольный смыслъ къ его фантастической безсмысленцѣ. Вѣчная реформа съ вѣчнымъ паденіемъ составляетъ всю исторію Индустанской религіи до ея теперешняго совершеннаго огрубѣнія, представляющаго едва ли не самое смиряющее зрѣлище для гордости человѣческаго ума.

Фетишизмъ съ его почти животною глупостью сопровождается совершенною дикостью своихъ поклонниковъ; Эллинство съ своимъ лег-

скимъ поклоненіемъ случайности и красотѣ переходитъ въ условную шутку при первомъ появленіи умственнаго просвѣщенія: Брахманство живетъ при высочайшемъ просвѣщеніи, при частномъ развитіи многихъ нравственныхъ достоинствъ, и въ то же время представляетъ, безспорно, характеръ вѣры. Въ этомъ отношеніи оно можетъ равняться только съ Магометанствомъ.

Послѣ долгой борьбы и поочереднаго владычества слились въ одну систему три божества: *Брахма* (или *Бхрама*) Иранскій, *Шива* Кушитскій и *Вишну* (вышній), представитель человѣкообразія, примиренные въ условномъ вѣрованіи, признанные за разновидныя проявленія одного и того же вѣчнаго начала, совокупленные въ имени *Гари—Гара*, въ безобразномъ кумирѣ *Джагганнатга* и въ изображеніи Тримурти и подчиненные высшему понятію о Всебожіи (пантеизмѣ)

Кажется, это полное сліяніе шло отъ Вишнуитовъ и принято другими сектами только изъ подражанія. Первенство въ дѣлѣ примиренія принадлежало по праву тому вѣрованію, которое менѣе всѣхъ другихъ имѣло внутренняго значенія и слѣдовательно болѣе терпимости.

Когда народы сѣверные (Восточно-Иранскіе), пробужденные къ новой дѣятельности паденіемъ Персіи и основаніемъ отдѣльнаго Бактрійскаго царства, завоевали значительную часть сѣвернаго Индустана, они приняли охотно многія божества отъ побѣжденныхъ народовъ, прельстившихъ ихъ просвѣщеніемъ и богатствомъ чувственной миѳологіи. Недоступенъ имъ былъ Брахма, слишкомъ духовный, даже въ своемъ униженіи; мало доступенъ Буддга съ своимъ мирносозерцательнымъ и строго-отвлеченнымъ характеромъ, но жадно принятъ былъ вещественный Шива съ его грозными кумирами, съ его буйною силою и буйною страстностью.

Едвали можно найти какіе нибудь слѣды Брахмы въ Европѣ (развѣ въ Карпатскомъ *Ира-богъ*, который соотвѣтствуетъ, кажется, *Шара-Брахмѣ*), но во многоглавыхъ кумирахъ Славянскихъ многія

черты такъ явно напоминаютъ Шиву, что трудно сомнѣваться въ тождествѣ боговъ. Въ средней Азіи, которая въ смыслѣ религіозномъ есть созданіе Индустана и Восточнаго Ирана, можно также замѣтить слiяніе Шивы и Вишну: но оба получили отчасти характеръ злыхъ духовъ, вслѣдствіе враждебнаго столкновенія Средне-Азійцевъ съ Иранцами.

Всѣ усилія синкретизма не могли заключить *Будду* въ одну систему съ другими богами. Поклонники Вишну, болѣе всѣхъ склонные къ вѣротерпимости и менѣе пристрастные къ раздѣленію общества на касты (что доказывается смѣшеніемъ всѣхъ кастъ при Джаганнатгѣ и частыми воплощеніями Вишну въ тѣлѣ кшатрій) тщетно старались соединить свои духовныя выгоды съ выгодами Буддаистовъ. Строгое ученіе, возобновленное реформаторомъ Шакія-муни, продолжало развиваться независимо и самобытно. Его полное торжество было въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ оно жило издавна, скрываясь въ Шиваитскомъ Кшитствѣ. Исполинскія изображенія въ скалахъ Каширской цѣпи и въ Кабулѣ свидѣтельствуютъ о преобладаніи Буддаизма. Цейланъ еще въ IV вѣкѣ до Р. Х. обращенъ былъ проповѣдниками, пришедшими изъ При-гангесскихъ странъ, и почти не зналъ уже другой вѣры. Но и въ самомъ средоточіи Брахманства ученіе Будды уже грозило поглотить всѣ другія религіи. Мирное, готовое на всѣ бѣдствія (ибо презирало все случайное), полное сочувствія ко всему человѣчеству (ибо отвергало всѣ наслѣдственныя и условныя раздѣленія сословій), одушевленное теплымъ благоволеніемъ, хотя не доходящее до истинной и живой любви (ибо нелѣпо смѣшивать человѣка съ природою), оно призывало къ своимъ знаменамъ всѣхъ страдальцевъ Брахманскаго владычества и, не смотря на частыя гоненія, росло ежедневно, почти не замѣченное и охотно терпимое высшими (кромѣ касты брахмановъ), безпрестанно усиливаемое низшими кастами. Эллины въ IV вѣкѣ до Р. Х. знали за Индомъ двѣ религіи: Брахмановъ и Самапеевъ.

Обѣ, особенно же Самапеи, казались имъ болѣе сектами философскими, чѣмъ религіозными. Иначе и быть не могло. Эллинъ въ мірѣ

вѣрованія былъ слишкомъ тупо ограниченъ, слишкомъ вещественно-обрядепъ, чтобы понять какую нибудь вѣру кромѣ дѣтскаго кумиропоклоненія. Все высшее, духовное, казалось ему чистымъ умствованіемъ, достояніемъ философской мудрости, но не всечеловѣческаго, наслѣдственнаго богопознанія, обнимающаго всю жизнь человѣческую. Его философы были, какъ уже сказано, созданіемъ его же религіи и представителями ея высшаго просвѣтленнаго смысла: но это отношеніе Сократа и Аристотеля къ поэтамъ теогоническимъ было тайною не только для народа, но и для самихъ философовъ

Названіе Самапеевъ безспорно относится къ Буддапстамъ. Въ немъ видно свидѣтельство огромнаго вліянія Индустана на умственную жизнь цѣлаго міра. Самапеи составляютъ всю духовную власть Средне-Азійскихъ народовъ; въ древне-просвѣщенномъ Китаѣ и въ Японіи Самапеи предстаавляютъ духовный идеалъ совершенства, оспоривающій первенство у учениковъ Конфуція и затмившій поклонниковъ *Синъ-тао:* въ дикихъ пустыняхъ Сибири, у племенъ кочующихъ при берегахъ Полярнаго океана или разсѣянныхъ по его льдистымъ островамъ, Шаманы одни сохраняютъ темную память о сверхземныхъ требованіяхъ души человѣческой и мѣстами въ молитвахъ своихъ еще повторяютъ священныя имена Индустанскихъ *Шакія-муни* или *Боддисатва.*

Европа еще живетъ отчасти въ мірѣ, созданномъ духомъ Эллады. Большая часть Азіи находится теперь еще подъ неоспоримымъ владычествомъ мысли, созрѣвшей въ Индіи.

Для слова *Самапъ* представляется вѣроятный корень въ Санскритѣ. *Самана* или *Шамана* (мирь, тишина внутренняя) очень сходно съ кроткимъ ученіемъ Буддизма, всегда стремившагося къ внутреннему успокоенію волнуемаго духа: но корень самаго ученія, какъ уже сказано, произведенъ другою страною еще древнѣйшаго и чистѣйшаго просвѣщенія, страною, которой древнія имена *Шебахъ* (теперь обратный *Хабешъ*,

Мерое (гора *Меру*) и *Шеменъ* (*Семенъ*) обнимаютъ весь кругъ Шиво-Буддаизма.

Священное имя *Гаутама* (иногда соединенное съ прозвищемъ *Нараяна*, морской, и узнаваемое какъ въ Средне-Азійскомъ искаженіи *Гудама*, такъ и въ сложномъ *Самано-Кодомъ*) не принадлежитъ никакому человѣку, когда либо жившему, какъ *Шакія-муни*. Это имя, вызванное словеснымъ просвѣщеніемъ Иранскаго Индустана изъ молчаливыхъ тайниковъ Кушитскаго Декана и связанное съ древнѣйшими формами Кушитскаго священно мудрствованія, съ *Кадмомъ*, *Кадмиломъ* и пр. Отъ человѣка *Гаутамы* нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, кромѣ преданій секты Джайновъ, все исказившихъ и перепутавшихъ, и другихъ столь же ничтожныхъ источниковъ.

Дѣло Шакія-муни было освобожденіе Буддаизма изъ зависимости отъ Шиваизма, въ которомъ онъ заключался до тѣхъ поръ, какъ тайное жреческое ученіе въ народномъ, и утвержденіе его какъ вѣрованія всеобщаго и всеобъемлющаго.

По этому и Шиваизмъ сначала легко мирился съ Буддаизмомъ, какъ видно изъ *Матсіендра* или *Локесвара Падмапати*.

Но такое освобожденіе и возведеніе Буддаизма въ отдѣльную религію не могло не произвести многихъ перемѣнъ въ самомъ характерѣ его и не потребовать новой и общественной организаціи. Всякая душа есть *Будда* (такъ думали древнѣйшіе), во всякомъ человѣкѣ живетъ духъ, во всѣхъ тождественный, окованный необходимыми законами проявленія и стремящійся вырваться изъ нихъ и возвратиться въ міръ непроявляющейся свободы—въ безмятежное ничтожество. Таково было слѣдствіе признанія необходимости, какъ закона всемірнаго, въ душахъ возвышенныхъ и требующихъ свободы. При отдѣленіи отъ Шиваизма, при медленномъ, но неизбѣжномъ вліяніи народной вѣры въ Вишну и его воплощенія, особенно же при легкомъ смѣшеніи понятій, происходящемъ отъ грамматическихъ формъ Санскрита,—родилось и развилось мнѣніе

о преимущественномъ проявленіи Будды въ одномъ избранномъ лицѣ.

Очень понятно такое смѣшеніе мыслей въ языкахъ, не имѣющихъ члена, какъ Восточно-Иранскіе. Положеніе, что Богъ воплощается въ человѣкѣ, явно двусмысленно и можетъ служить выраженіемъ двухъ совершенно различныхъ мыслей, изъ которыхъ одна требовала бы члена опредѣленнаго и составляла сущность древняго ученія, а другая члена не опредѣленнаго и послужила основаніемъ Буддаитской іерархіи. Кстати должно замѣтить, что выраженіе—членъ опредѣленный довольно невѣрно, ибо онъ всегда требуетъ опредѣленія, и когда остается безъ опредѣленія, то обозначаетъ всю общность цѣлаго рода.

Такимъ образомъ за первымъ учителемъ Буддаизма послѣдовалъ цѣлый рядъ патріарховъ, придавшихъ вѣрѣ постоянство и общинѣ цѣльность, слѣдовательно силу. Эти главы закона не считались воплощеніями самого верховнаго духа, но воплощеніями духовъ второстепенныхъ, продолжающихъ дѣло, начатое воплощеннымъ Буддою, до новаго періодическаго возврата его на землю.

Рядъ Патріарховъ представилъ бы весьма твердую основу для историческаго лѣтосчисленія и служитъ отчасти къ опредѣленію вѣка Шакія-муни по Китайскимъ источникамъ: но Буддаизмъ, погруженный въ свою отвлеченную духовность, мало соприкасается исторія, и кромѣ того соединеніе разномѣстныхъ преданій произвело смѣшеніе въ самыхъ Патріархахъ, удвоивая и утроивая одно и тоже лицо. Такъ напр. можно найти два *Шакія-муни* и по нѣскольку *Амитабга* и *Алокисвара*.

Глубокая философская мысль древнихъ Кушитскихъ жрецовъ утратила свою чистоту и приняла видъ религіи, подобной Вишнуизму, но посредствомъ этой самой уступки сдѣлалась заманчивѣе и понятнѣе для народа.

Соперничество Брахманства съ Буддаизмомъ должно было кончиться кровавою борьбою. Она началась, по всѣмъ вѣроятностямъ, вѣка за три до Р. Х., но въ разныхъ мѣстностяхъ и

безъ ожесточенія. Сѣверо-западная буря Эллино-Бактрійцевъ и Саковъ подавила на время внутреннюю дѣятельность Индустана. Торжество Аіодгійскаго царя вмѣстѣ съ волею политическою дало волю и распрямъ религіознымъ: началася бой на смерть между Брахманствомъ и Буддаизмомъ, между высшими и низшими сословіями общества; нѣсколько вѣковъ продолжалась борьба съ большимъ или меньшимъ ожесточеніемъ и съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ около V вѣка послѣ Р. Х. побѣда осталась за брахманами, за прежними властителями народа и за древнимъ ученіемъ Прана о свободотворящемъ духѣ.

Глубокое сознаніе коренного различія между ученіемъ Брахманскимъ и Шиво-Буддаистскимъ доказывается философскимъ и нравственнымъ достоинствомъ многихъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей Буддаизма. Они могли мириться со всякою сектою, ибо всякая секта допускала еще существованіе вольнаго и творящаго первобыта—*Пара-Брахма;* слѣдовательно могла считаться только темнымъ и суевѣрнымъ искаженіемъ истины: съ Буддаизмомъ они мириться не могли, ибо при немъ исчезалъ самый первобытъ и его свобода.

Рѣзкое раздѣленіе кастъ, противъ котораго вооружался Буддаизмъ, сдѣлалось еще рѣзче: исчезли послѣдніе остатки ихъ древняго братства, сохраненные въ сказаніяхъ о бракахъ между лицами различныхъ сословій, о *кшатріяхъ* и даже о *вайсахъ*, достигшихъ святости и совершенства брахманскаго; еще глубже упали *судры*, исключенные совершенно изъ человѣческаго рода; Буддаизмъ, изгнанный изо всего полуострова отъ Гиммалаи до мыса Коморинскаго, выселился въ другія дальнія области, не оставивъ никакихъ живыхъ слѣдовъ въ Индустанѣ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ округовъ въ пригорьѣ или на берегахъ Гангеса, въ которыхъ поклонялись Буддѣ до XII столѣтія по Р. Х., и презрѣнной секты *Джайновъ*, которой безсвязное и безсмысленное ученіе не могло уже внушать страха властолюбивымъ побѣдителямъ.

Впрочемъ и для *Джайновъ* въ позднѣйшіе вѣка наступила эпоха непродолжительнаго торжества: они были сильны во время Гуридскаго владычества, и великіе Бабериды думали даже о примиреніи Джайства съ Мослемомъ. Основная мысль Джайновъ носитъ на себѣ характеръ второй эпохи Буддаистскаго развитія и предполагаетъ воплощеніе Будцы или верховнаго духа въ лицахъ, достигшихъ великаго историческаго значенія. Джайство есть въ полномъ смыслѣ поклоненіе героямъ: начало Буддаистское, явное изъ пещернаго служенія и особеннаго почтенія къ *Гаутамѣ*, утратило всю свою опредѣленность и допустило въ свой миѳологическій кругъ людей, принадлежащихъ другимъ преданіямъ и другимъ религіямъ, какъ напр. Арджуну, прочихъ Пандуидовъ и многихъ героевъ народной поэзіи. Ходъ мысли, перешедшей изъ чистаго и вещественнаго поклоненія необходимости въ отвлеченную духовность Буддаизма и потомъ въ Джайство, повторился въ наше время въ развитіи школъ философскихъ или вещественнаго Спиноизма въ Спиноизмъ отвлеченно-духовный; и еще недавно послѣдователи полу-буддаистской системы предлагали просвѣщенному міру чисто Джайнское поклоненіе великимъ мужамъ.

Медленно было торжество брахмановъ. Буддаизмъ долго еще держался въ южныхъ областяхъ, опираясь на вспомогательныя силы Цейлонскихъ царей, не разъ покорявшихъ сосѣдственный берегъ Индіи.

Эта послѣдняя борьба Сѣвера съ Югомъ часто смѣшивается въ преданіяхъ съ древними войнами Брахмановъ и Вишнуитовъ съ Шиваитами, и отъ того критики историческіе впадали нерѣдко въ ошибку и предполагали, что Брахманство введено въ южную часть Декана не ранѣе V вѣка послѣ Р. Хр.

На сѣверѣ, въ Кашмирѣ и Кабулѣ, сопротивленіе Буддаизма также было довольно продолжительно: многіе его памятники принадлежатъ безспорно первымъ столѣтіямъ нашей эры. Вытѣсненный изъ долинъ южнаго ската Гиммалайскаго, отыскалъ онъ себѣ убѣжище на сѣверѣ, въ самой серединѣ надоблач-

ной Азіатской твердыни и побѣжденный въ своемъ отечествѣ сдѣлался завоевателемъ полміра.

Эпоха борьбы между Буддаизмомъ и его соперникомъ была эпохою бѣдственною для жизни Индустана, бѣдственною для его исторіи и памятниковъ. Побѣдители, угнетая побѣжденныхъ и стремяся къ уничтоженію всего, на чемъ могло бы опереться сопротивленіе секты, нѣкогда терпимой, теперь преслѣдуемой, наложили чуждую печать на созданія древняго зодчества и исказили вставками и пополненіями произведенія древней поэзіи и мысли.

Такимъ образомъ объясняется несогласіе многихъ памятниковъ первобытнаго Кушитства съ Санскритскими надписями, указывающими на сравнительно позднюю эпоху и съ изображеніями, принадлежащими вѣкамъ синкретизма. Такое же явленіе представляется критикѣ въ Египтѣ, хотя оно происходило отъ другихъ причинъ; такое же явленіе повторилось въ Европѣ при обращеніи языческихъ храмовъ въ церкви новой вѣры. Искаженіе же письменныхъ и словесныхъ преданій можно провлѣдить и въ Западномъ христіанствѣ, когда Римская іерархія хотѣла измѣненіемъ въ текстахъ древнихъ учителей скрыть свое отклоненіе отъ ихъ ученія, не потрясая по видимому ихъ церковнаго значенія. Но во время междуусобной брани и свободно отъ всякаго противодѣйствія въ Индустанѣ совершалось вольнѣе и въ большемъ объемѣ то, чего не могъ совершить Римскій произволъ, но неволѣ удержанный опекою Востока. При всемъ томъ можно еще часто узнать въ Деканскихъ памятникахъ характеръ старины, не смотря на брахманскую хитрость, и часто Вишнуитскія украшенія уличаются во лжи уцѣлѣвшею *дагобою*. Случается, что путешественники приходятъ въ недоумѣніе, не различая Буддаистской *дагобы* отъ Шиваитскаго *лингама*, или не понимая присутствія ея при другихъ Шиваитскихъ символахъ. Разгадка затрудненія (кромѣ ошибокъ путешественниковъ) заключается по большей части въ первоначальномъ тождествѣ Буддаизма и Шиваизма и въ томъ, что дагоба относится къ *лингаму*, какъ самыя ученія, т. е. какъ символъ жреческій къ символу народному.

За побѣдою религіи, неудержанной твердыми и опредѣленными границами (а таковъ былъ Брахманизмъ, вѣчно колеб-

люшійся между умствованіемъ философіи и формальностью мнѳа) всегда послѣдуетъ однообразное стремленіе въ направленіи противоположномъ той религіи, съ которой она боролась. Торжество надъ Буддизмомъ увлекло побѣдителей въ крайность вещественнаго суевѣрія и погубило всѣ остатки прежняго величія въ вѣрованіи, разбивъ его на мелкія и безсмысленныя секты.

Нѣсколько вѣковъ междуусобной брани не могли создать въ Индустанѣ великой державы: ибо при новомъ торжествѣ и новой власти брахмановъ ни одно сословіе, ни одна политическая мысль не могла вырваться изъ-подъ ихъ опеки; а они сами не имѣли въ себѣ достаточно силъ и внутренняго единства для основанія или возврата чисто-духовной державы. Внутренняя исторія Индустана кончилась. Великое царство Аіодгійское, блистательно расцвѣтшее при Викрамадитьѣ 1-мъ, сильное во II-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. при Викрамадитьѣ 2-мъ и еще нѣсколько вѣковъ сряду во время борьбы религіозной, ослабло мало-по-малу и уже не имѣло преемниковъ. Жизнь умственная и жизнь государственная исчезли въ темныхъ смутахъ, мелкихъ междуусобицахъ и нестройномъ движеніи народовъ.

Едва ли не къ этому времени должно отнести переселеніе сѣвернаго племени Наировъ на югъ. Многіе приписываютъ ему большую древность; но преданія этого воинственнаго колѣна не представляютъ слѣдовъ ея. Во всякомъ случаѣ должно ихъ считать племенемъ Восточно-Иранскихъ Вишнуитовъ. Многомужество, отличающее ихъ отъ всѣхъ другихъ Индустанцевъ, находится также у горныхъ жителей Гиммалайскихъ. Оно вполнѣ сопряжено съ Вишнуизмомъ и со сказаніемъ о любимцахъ Кришны, *Пандуидахъ:* корень же его находится въ особенномъ поклоненіи женскому началу въ человѣкообразной религіи восточныхъ Иранцевъ. Многомужество Гиммалайскихъ горцевъ и Наировъ связывается съ страннымъ порядкомъ наслѣдства въ прибрежьѣ Гиндукху, гдѣ имѣніе переходитъ постоянно по женскому колѣну, съ обычаемъ западнаго приморья въ Малой Азіи, гдѣ сынъ назывался по матери, а не по отцу, и наконецъ съ общимъ характеромъ народовъ Славян-

скихъ (Вано-Бактрійскихъ), въ которыхъ женщина равнялась всѣми правами съ мужчиною. Такимъ образомъ понятны и преданія объ Амазонкахъ, о царственныхъ правительницахъ Гетскаго племени и особенно преданія семьи Чешской и ея ближайшихъ братій о войнахъ женщинъ противъ мужчинъ. *Судъ Любуши* представляетъ еще отголосокъ распрей, временнаго преобладанія женщинъ и послѣдовавшаго ихъ уничиженія, въ которомъ Славяне подражали своимъ воинственнымъ сосѣдямъ, Германцамъ.

Китай. Введеніе Буддаизма и другія западныя вліянія.

Области, въ которыя долженъ былъ перенестись Буддаизмъ, середина и востокъ Азіи, кипѣли жизнью и движеніемъ. Бурею пронеслась надъ Китаемъ кратковременная династія *Тсинъ*. Основавъ свою власть на торжествѣ дикой силы и на безпощадномъ кровопролитіи, возвративъ единство державѣ блистательными побѣдами, оградивъ государство исполинскою стѣною на сѣверѣ и далеко распространивъ его предѣлы на югѣ въ Загангесскомъ полуостровѣ, *Ши-гоанг-ти* объявилъ войну всей древней жизни, всѣмъ представителямъ мысли народной. Ученые были обречены смерти, книги преданы огню. Оторвать Китай отъ его единственной вѣры, государственнаго преданія, не замѣнивъ его ничѣмъ, кромѣ своего личнаго произвола, было дѣло безумной, почти невѣроятной гордости. Она была наказана уже въ первыхъ преемникахъ великаго государя и домъ его исчезъ; но Китай не утратилъ пріобрѣтеннаго единства внѣшняго, а начала единства внутренняго развились въ полномъ блескѣ.

Восшествіе на престолъ династія *Ханъ* въ концѣ II вѣка до Р. Х. должно безспорно считаться счастливѣйшей эпохою въ исторіи Китайской. Гоненіе на ученыхъ было замѣнено просвѣщеннымъ и великодушнымъ покровительствомъ. Сокровища древней мысли и преданія были тщательно собраны и изучены: государство, совокупившись снова въ единое цѣлое, сознало въ своихъ древнихъ учителяхъ словесное выраженіе той живой силы, которая сохраняла и воспитывала его въ продолженіи двухъ тысячелѣтій. *Конг-фу-тзеу* сдѣлался законодателемъ и царемъ имперіи, созданной воинственнымъ на-

спіемъ его вѣнчаннаго врага. Съ новымъ блескомъ расцвѣли науки; великіе писатели (какъ напр. *Се-ма-тсіанъ*) украсили словесность безсмертными произведеніями. Рука объ руку пошло благодѣтствіе народа и величіе царей, связанныхъ живою любовію съ подданными. Законодательство проникнуто было глубоко-человѣческимъ характеромъ. *Вен-ти* объявилъ закономъ право народа на свободное обсужденіе правительственныхъ мѣръ; *Ву-ти* искоренилъ обычай маіоратства въ княжескихъ родахъ. Преемники ихъ, болѣе или менѣе достойные престола, продолжали покоряться тѣмъ же высокимъ началамъ и внимали смѣлому голосу правды, говорящему изъ рядовъ народныхъ. Одни художества не процвѣтали и не могли процвѣтать потому что условный строй Китайской мысли поставилъ достоинство разума не въ согласіи съ природою, но въ торжествѣ надъ нею.

Чтобы понять отсутствіе искусства въ Китаѣ, достаточно изученія Китайскаго садоводства.

Китай расширилъ свои предѣлы далеко на югъ и западъ и сталъ на тѣхъ твердыхъ основахъ, которыхъ не поколебали въ послѣдствіи ни раздоры внутреннія, произведенные случайною слабостью государей, ни внѣшніе завоеватели, покорившіе его силою оружія, но покорившіеся силѣ его государственнаго организма.

Такова иноземныя династіи *Вей* и *Кинъ*, таковы преемники Чингиса или новѣйшіе Манджуры.

Распространеніе Китая до самыхъ границъ древней Персидской державы и до истоковъ Инда снова привело въ соприкосновеніе просвѣщеніе Востока и Запада. Вліяніе Ирана и Индустана осталось не безплоднымъ: но плоды его были смѣсью добра и зла.

Тѣснимый въ своей родинѣ Буддаизмъ подвинулся на сѣверо-востокъ. Во время династіи *Ханъ*, при императорѣ *Минг-ти*

(около половины I-го вѣка послѣ Р. Х.) былъ онъ принятъ закономъ въ нѣдра великой державы и вскорѣ проникъ во всѣ сословія общества отъ поденщика до государя. Буддаизмъ сохранилъ всѣ свои основныя формы, но вполнѣ измѣнилъ свой характеръ и отъ того значеніе его въ Китаѣ совершенно противоположно значенію его въ Индустанѣ. На берегахъ Гангеса онъ представлялъ ученіе безбожное въ сравненіи съ опредѣленною мѳологіею Брахманизма; ибо въ самомъ духѣ и въ его высшемъ представителѣ—Божествѣ признавалъ стремленіе къ самоуничтоженію; но Китай былъ воспитанъ Буддаизмомъ древнѣйшимъ,—философіею, въ которой самый духъ былъ ничто иное, какъ понятіе безличное и отвлеченное: а ученіе Шакія-муни уже признавало въ Божествѣ существованіе личное, стремящееся къ своему успокоенію и призывающее другихъ духовъ (свои же проявленія) къ тому же покою въ нѣдрахъ непроявляющейся свободы.

И такъ, для Китая, новый реформированный Буддаизмъ, принявшій оттѣнки ученія Индійскаго (Брахманства и Вишнуизма), являлся религіею уже единo-божескою возстановляющею права человѣка на личное безсмертіе, на общеніе съ Божествомъ и на внутреннія сокровища своего духа. Въ сравненіи съ нимъ школа Конг-фу-тзеу, признавшая всю чистодуховную область недоступною для человѣка и ограничившая дѣятельность его мышленія исполненіемъ внѣшнихъ законовъ правды (ибо самая внутренняя гармонія по этой школѣ имѣетъ характеръ внѣшности), представлялась философіею чистоатеистическою. Введеніе Буддаизма отнимало у общества его всепоглощающее значеніе и вносило начало аскетизма или человѣческой уединенности. Борьба двухъ ученій была иногда (хотя рѣдко) сопровождена кровопролитіемъ, но вообще представляла явленіе, достойное человѣчества, мирное соперничество между двумя убѣжденіями, несогласными въ своихъ началахъ, но стремящимися съ одинакимъ рвеніемъ къ совершенствованію мысли и жизни. Общественно, полезнѣе было ученіе Конг-фу-тзеу, котораго торжество было въ торжествѣ самого государства. Буддаизмъ, отдѣляя свои выгоды отъ вы-

годъ общества, былъ иногда вреденъ, какъ всякій аскетизмъ, дѣйствующій съ притязаніемъ на власть, и поглощалъ часть государственныхъ силъ въ безжизненности своихъ умствованій и въ хитромъ тунеядствѣ своихъ многочисленныхъ монастырей; но съ другой стороны онъ приносилъ великую пользу постояннымъ призывомъ человѣка къ мысли о высотѣ духовнаго начала и облагораживаніемъ самаго ученія Конг-фу-тзеу, которое безпрестанно стремится къ омертвѣнію въ односторонности государственнаго быта. Борьба была почти ровная. Буддаизмъ имѣлъ часто надежды на полное торжество и гордился великими представителями (какъ напр. *Ван-ти* изъ дома *Сунъ* или *Као-тсу-ву-ти* изъ дома *Ліянъ*, или астрономъ *И-ханъ*): но его сила, уже подкопанная нелогическою примѣсью чуждыхъ стихій въ Индустанѣ, не могла преодолѣть строго-практической односторонности собственно Китайскаго ученія. Завоеватели Монголы или Манджуры покорялись величію государственной стройности, а не отвлеченнымъ ученіямъ, и дѣлались въ короткое время самыми жаркими приверженцами Конфуціевой школы. Между тѣмъ въ средней Азіи Буддаизмъ, все болѣе и болѣе измѣняемый разноначальными примѣсями, переходилъ въ нелѣпость Ламаизма и терялъ всякое право на сочувствіе душъ высокихъ или умовъ просвѣщенныхъ. Наконецъ Буддаизмъ, обратившись въ нестройное смѣшеніе миѳологій, уступилъ совершенное торжество ученію Конфуція, сдѣлался достояніемъ черни и перешелъ въ Китаѣ (такъ какъ онъ уже прежде перешелъ въ Африкѣ) черезъ всѣ степени паденія, отъ символа къ талисману, отъ талисмана къ амулетѣ и отъ амулеты къ фетишу.

Съ меньшими силами, съ меньшею внутреннею послѣдовательностію ученіе *Лао-тзеу* (или *Лао-кіунгъ*) оспоривало иногда первенство у Шакія-муни и Конг-фу-тзеу, то находя ревностныхъ послѣдователей въ царяхъ (напр. *Юан-ти* изъ дома *Ліанъ* и почти вся династія *Тіанъ*), то образуя новыя школы, съ чисто-политическимъ направленіемъ (напр. школу стоическую, извѣстную подъ именемъ *Ву-вей-кіао*), то возбуждая страсти народныя и составляя воору-

женныя общества (какъ напр. желтыхъ шапокъ при *Литтн* изъ династіи *Ханъ*), сохраняя всегда свой государственный характеръ, въ которомъ оно приближалось къ ученію Конг-фу-тзеу, и въ тоже время давая подобно Индустанскому Буддизму, обширныя права отвлеченной мысли и божеству. Эти три школы религіозныя (ибо, какъ уже сказано, философія составляетъ религію Китая) остались и до нашего времени единственными жизненными началами Китайской державы, не допускавшими ее никогда до совершеннаго паденія, но и не дозволявшими ей никогда достигнуть высокаго умственнаго развитія; наконецъ всѣ три истощили кругъ своей дѣятельности и, принесши многочисленные и прекрасные плоды, одряхлѣли и окаменѣли въ мертвомъ формализмѣ. Впрочемъ, не смотря на свои видимыя противорѣчія, ученія Шакіямуни, Конг-фу-тзеу, и даже Лао-тзеу возникли на одной и той же Кушитской основѣ и сохранили одинаково во всѣ вѣка свою сухую односторонность и искусственную условность.

Такова причина, почему поэзія или совсѣмъ не существуетъ въ Китаѣ или еле живетъ, изуродованная условными законами на подобіе Китайской живописи и Китайскаго садоводства. Поэзія принадлежитъ единственно Иранскому началу и для своего духовнаго творчества требуетъ вѣры въ солнце духовной свободы.

Завеваніе Средне-Азійскихъ областей и прямое сношеніе съ Иранскими областями внесли въ Китай много новыхъ стихій вреднѣе Буддизма. Какъ онъ ни далекъ отъ разумной истины, какъ онъ ни низко упалъ, по крайней мѣрѣ при своемъ введеніи онъ много послужилъ къ облагороженію мысли, къ умягченію нравовъ. Отмѣна смертной казни при императорѣ *Као-тсу-ву-ти* изъ дома Ліянгъ остается вѣчнымъ памятникомъ его славы. Стихіи же, принесенныя изъ искаженнаго Ирана, не дали никакихъ плодовъ благихъ. Онѣ состояли не изъ духа, уже улетѣвшаго и мало доступнаго Китайской образованности, но изъ нестройныхъ формъ общественной жизни, изъ обрядовъ притворныхъ, изъ дѣтской вѣры въ

таинственныя науки и изъ соединенія грязнаго разврата съ тупоумнымъ уваженіемъ къ вещественной чистотѣ. Многое осталось безъ дѣйствія, или промелькнуло въ исторіи (какъ желаніе императора *Янг-кіана* или *Вен-ти* изъ дома *Суи* раздѣлить весь народъ на четыре наслѣдственныя сословія по образцу Индіи и Ирана); но многое привилось и такъ крѣпко срослось съ жизнью Китая, что могло быть снова искоренено только вѣковою и кровавою борьбою. Такова власть евнуховъ, о которыхъ древняя исторія никогда не упоминаетъ; ее нельзя приписывать одному придворному разврату и гаремному быту. Начало ея при императорѣ *Го-ти* изъ дома Ханъ въ концѣ I-го вѣка послѣ Р. Х. весьма близко подходитъ къ эпохѣ принятія Буддаизма, слѣдовательно явнаго Западнаго вліянія. Продолжается она съ большими или меньшими промежутками до самаго паденія династіи *Мингъ* въ XVII столѣтіи отъ Р. Х., проникаетъ въ самую глубь Средне-Азійскихъ кочевій, является въ постоянной борьбѣ съ ученіемъ Конфуція и въ постоянной связи съ суевѣрнымъ исканіемъ *питія, дающаго безсмертіе*, составляетъ систему стройную и замкнутую, продолжаетъ дѣйствовать при государяхъ мало преданныхъ роскоши и разврату, сосредоточивается по преимуществу въ верховномъ судилищѣ и, наконецъ, не имѣетъ основы ни въ древнихъ преданіяхъ Китая, ни въ новой религіи Будды или въ другихъ ученіяхъ Индустана. Всѣ эти данныя достаточны чтобы признать введеніе евнуховъ за прямой признакъ вліянія Иранской области, а власть ихъ за выраженіе тайной вѣры, никогда не выразившейся въ письменныхъ памятникахъ, но глубоко проникшей въ совѣсть и воображеніе народа. Отечество этой вѣры очевидно въ юго-западной Азіи, на берегахъ Евфрата и Тигра, въ землѣ премудрости и свѣта для всѣхъ тайноучителей Европы. Характеръ ея-смѣсь дикаго аскетизма и глубокаго разврата (подобно религіямъ *Кивелы и Митры*): жрецы ея люди, гордящіеся высшею чистотою и вещественно освободившіеся отъ законовъ органическаго вещества.

Замѣчательно, что изо всѣхъ ученій Китайскихъ всѣхъ болѣе сдружилось съ властью евнуховъ и съ ихъ тайнами ученіе Лао-Тзеу, которое уже въ своемъ началѣ представляетъ признаки мистицизма и слѣдовательно юго-западнаго вліянія.

Гибельна была для Китая эта язва, принесенная изъ страны Иранской; неисчислимы бѣдствія, ею произведенныя. Другія, лучшія начала, напр. Магометанство, Магизмъ и Христіанство, безъ сомнѣнія проникшія также въ Китай, остались почти безплодными; но за всѣмъ тѣмъ изученіе письменныхъ памятниковъ представитъ явныя доказательства постоянной зависимости, въ которой находилось Китайское просвѣщеніе отъ остальнаго міра, и поясннтъ многія подробности его внутренней жизни, представляющія до сихъ поръ неразрѣшенную загадку.

Упорство Синологовъ, еще до сихъ поръ вѣрящихъ совершенной самобытности Китая, давно уже должно было поколебаться существованіемъ самаго языка Буддистическаго, т. е. Санскрито-Китайскаго письменнаго нарѣчія: но предразсудки ученые слѣпѣе простонародныхъ. Такъ напр. еще въ наше время, многіе не хотятъ признать за памятникъ христіанства извѣстную надпись въ *Си-нган-фу* (прежнемъ *Чанг-ганъ*), между тѣмъ какъ имена *Со-танъ* (сатана), *Микси-го* (Мессіасъ) и *Та-цинъ* (Римская имперія) удаляютъ всякое разумное сомнѣніе, а слово *О-ло-го* (въ смыслѣ Бога) даже явно указываетъ на Эллинскій источникъ христіанства (*о Логосъ*). Китай былъ нерѣдко въ сношеніи съ *Фу-линъ* (искаженное Константино-*полисъ*, также какъ и *Стамбулъ*).

Народы средней и сѣверной Азіи. Ихъ движенія.

Азія въ самой срединѣ своей была потрясена волненіями, которыхъ отзывъ на западъ измѣнилъ историческую судьбу Европы. Области Халхи и Джунгаріи отъ Амурской системы до границъ Джагатая были населены вѣтвями Финно-Турецкаго племени. Ихъ разрозненныя семьи, угнетенныя другими сильнѣйшими сосѣдями, стали мало-по-малу смыкаться въ воинственный союзъ *Уйгуровъ* (или *Уиръ*, также какъ позднѣйшіе *Ойратъ*, т. е. союзники). Этотъ союзъ сначала является

въ исторіи Китайской подъ именемъ *Тиессе* или *Тиешу* (вѣроятно по главной семьѣ) и, кажется, извѣстенъ былъ Западнымъ писателямъ подъ именемъ *Зизиговъ*. Въ самомъ началѣ I вѣка до Р. Х. уже *Тиессе-Уйгуры* въ союзѣ съ другими семьями Турецкаго племени *Гіонгъ-ну* одержали побѣду надъ войскомъ Китайскимъ: потомъ они снова успокоились и исчезли на время съ поприща исторіи. Но Средней Азіи не суждено было уже возвращаться къ своей прежней дремотной жизни. Усилившійся Китай, безпрестанно врываясь въ ея дикія пустыни и поочередно покоряя ея кочевыхъ дикарей или уступая передъ ихъ вольполюбивыми возмущеніями, пробуждалъ въ ней невольную дѣятельность и вызывалъ наружу ея сокровенныя силы. Вмѣстѣ съ войсками Китая проникали въ пустыню начала искусственнаго просвѣщенія, точно также, какъ съ юга пробивались ученія религіозныя Шакіа-муни, а съ запада ученія маговъ (какъ видно изъ *Хормузды* Буддапческаго). Вся безконечная область съ ея безконечно-дробными семьями Финно-Турецкаго племени волновалась въ нестройныхъ борьбахъ вещественной и духовной жизни.

Средне-Азійское племя вообще составляетъ одно цѣлое, которое называемъ Финно-Турецкимъ, по двумъ важнѣйшимъ семьямъ. Всѣ языки его относятся другъ къ другу какъ нарѣчія (также какъ нарѣчія Прапскія), общій же коренной языкъ самъ относится безъ сомнѣнія какъ нарѣчіе къ обще-Прапскому. Критикѣ еще угодно въ этомъ сомнѣваться: но просвѣщенный разумъ сомнѣваться не долженъ. Родство ясно (на пр. имя для озеръ и рѣкъ у разныхъ семей *норъ, гіолъ, су*, явно связываются съ Санск. *нирь* вода, Слав. *гирло* устье рѣки, Слав. *сыръ* и. т. д). Безконечное множество дробныхъ нарѣчій происходитъ отъ разъединяющей силы пустынь: точно также какъ у Русскихъ въ Камчаткѣ составилось въ самое короткое время нарѣчіе, созданное произволомъ. Массы нарѣчій происходятъ отъ врожденной общительности племени.

Жуанскіе Татары, сѣверные Сянь-бійцы, западные Гіонгну, сталкивались, враждовали между собою, напирали другъ

на друга, то побѣждая, то опять уступая побѣду: союзы составлялись, рушились и снова возникали, закаляясь въ бояхъ и готовя грозу всему просвѣщенному міру. Такъ въ началѣ II-го вѣка до Р. Х. Гіонг-ну нашли на своихъ западныхъ сосѣдей, Бактрійскихъ Вановъ, Саковъ, Гетовъ и Гуновъ и принудили ихъ удалиться въ восточный Иранъ, въ которомъ они замѣнили своею властью временную власть Эллиновъ; такъ въ продолженіи слѣдующихъ вѣковъ тѣ же Гіонг-ну принудили большую часть Бактрійскихъ семей, живущихъ въ Прикаспійской пустынѣ, передвинуться еще далѣе на западъ, къ берегамъ Волги. Тутъ бѣглецы съ востока явились подъ именемъ Гуновъ и *Приволжцевъ* (*Болгаръ*), основали сильные торговые города, сдѣлались скоро племенемъ первенствующимъ между своихъ братьевъ Славянъ и укоренили Индустанскую стихію, принятую ими во время порабощенія сѣвернаго Индустана и восточнаго Ирана. Такъ напоръ Гіонг-ну, Китайцевъ Сяньбійцевъ и Жужаней на западныя Уйгурскія семьи заставилъ ихъ мало-по-малу подаваться все далѣе и далѣе на востокъ, гдѣ они смѣшались съ воинственнымъ Славянскимъ казачествомъ Приволжья и стали извѣстны подъ именами *Сари-Уйгуровъ* (желтыхъ), *Кутригуровъ*, *Онигуровъ* и др.

Къ этому безъ сомнѣнія относится свидѣтельство Китайцевъ о томъ, что *Каотче* или *Каочамъ* взяли великую силу въ землѣ *Ванъ* и *Іева*; къ этому же вѣроятно и разсказъ о временномъ владычествѣ *Чешу* или *Тче-ссе* въ Заволжьѣ, т. е. въ теперешней Руси.

Такъ наконецъ, когда За-байкальскіе Сяньбійцы (или *Сіанпи*), завоевавъ сѣверный Китай, воцарились въ немъ подъ именемъ династіи *Вей* и уничтожили царство *Ліанъ*, бѣглецы дома *Ліанъ* напали на Уйгурію и завладѣли ею: вскорѣ на нихъ нахлынули силы могучаго *Тоба-дао* изъ династіи *Вей* и наконецъ *Чуло-Ханъ* изъ Жужанскаго дома, опустошивъ Уйгурію, положилъ конецъ отдѣльному существованію *Тчессо-Уйгуровъ*. Большая часть побѣжденнаго и изстрадавшагося народа переселилась опять на западъ, смѣшалась съ другими воинст-

венными семьями Приволжья и наконецъ, подъ именемъ *Гунно-Угуровъ* (*Гуннугуръ*, *Унгаръ*, *Венгръ*) или *Мадьяръ* ворвалась въ сердце Европы и опустошивъ ее огнемъ и мечемъ, осѣлась на берегахъ Дуная въ искони Славянской Паннонiи.

Очевидно, что хотя имя *Мадьяръ* одно хранится у Венгровъ, какъ имя ихъ воинственной семьи, имя *Унгаръ* не могло быть случайно дано ей всѣми сосѣдями, а имѣло корень историческiй и законное основанiе.

Древнѣйшая исторія Италіи.

Но не на Востокѣ таилась судьба человѣчества. Между тѣмъ какъ географически-незамѣтная и поздно просвѣтившаяся Эллада вызывалась на поприще исторіи паденіемъ древнихъ религіозныхъ вѣрованій и обществъ и становилась законодательницею міра въ силу своего напряженнаго человѣкопоклоненія, другая темная страна на Западѣ росла и крѣпла для всемірнаго владычества, для преемства Эллинскаго наслѣдства и для созданія новой политической жизни, не умершей даже до нашихъ временъ. Область, охваченная съ востока, запада и юга морями, съ сѣвера цѣпью неприступныхъ снѣжниковъ, перехваченная во всѣхъ направленіяхъ горами, изъ которыхъ двѣ клокочутъ подземнымъ огнемъ, богатая тучными полями и лѣсами непроходимыми, область Италіи и смежной съ ней Сициліи была издревле населена смѣсью племенъ, одичавшихъ въ своемъ одиночествѣ и еще болѣе въ враждебныхъ столкновеніяхъ. Эти темныя племена, отъ которыхъ сохранились только имена, ничего не значащія, и памятники, до сихъ поръ не высказавшіе своего сокровеннаго значенія, *Энотрійцы*, *Сикулы*, *Сиканцы*, *Опики* (или *Оски*), *Умбры*, *Сабины* и другія, принадлежали безспорно къ той же Западной Азійской вѣтви, которая своими отраслями покрыла всю Европу за исключеніемъ средне-Европейскихъ областей, издревле населенныхъ Славянами. Открытая всѣмъ мореплавателямъ, Италія безспорно издревле приняла колоніи отъ всѣхъ народовъ, обитавшихъ въ Элладѣ и по восточному прибрежію Средиземнаго моря. Въ этомъ свидѣтельствуетъ множество преданій о потомствѣ Эллинскихъ и Мало Азійскихъ героевъ, переселившихся къ скатамъ

Этим или къ пригорьямъ Апеннинскимъ: но безуспѣшенъ бы былъ трудъ, отыскивающій слѣды этихъ древнихъ колоній, и безплоденъ бы былъ успѣхъ, если бы онъ былъ возможенъ. Безпрестанныя борьбы воинственныхъ семей стерли съ лица земли всѣ созданія стародавнихъ пришельцевъ, а вліяніе Восточнаго просвѣщенія или Восточныхъ религій скрылось въ органическомъ броженіи мѣстнаго развитія, не оставивъ по себѣ опредѣленныхъ признаковъ. Походы Критскихъ царей въ Сицилію указываютъ на сношенія, предшествовавшія образованію собственно Эллинской народности, а разсказы о посѣщеніи Италіи Прокломъ—на Финикійскую торговлю въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ: но всѣ эти преданія слишкомъ ничтожны для основанія не только исторіи, но даже какой нибудь опредѣленной догадки. Италія выходитъ изъ мрака своего только съ началомъ Эллинскихъ поселеній на ея берегахъ, приходитъ въ соприкосновеніе съ міромъ при успленіи мореходства Этрурскаго и его соперничествѣ съ Элладою и Карѳагеномъ, и дѣлается историческимъ центромъ съ возрастаніемъ Римскаго могущества. Въ разсказахъ о стародавнихъ судьбахъ Италіи проходятъ имена народовъ, не представляющихъ никакихъ особенныхъ примѣтъ и характеровъ. Общая же черта всей этой забытой жизни—воинственная движимость и отсутствіе просвѣщенія.

Между старожилами Италіи истиннаго вниманія заслуживаютъ только тѣ племена, которыхъ характеръ можетъ быть опредѣленъ съ нѣкоторою достовѣрностью, и которыя потомъ болѣе или менѣе участвовали въ сооруженіи Римскаго Государства или въ созданіи Римской образованности. Самое имя Италіи остается необъясненнымъ, и едва ли не необъяснимымъ Происходило ли оно отъ мѣстности, или отъ племени, было ли оно туземное или наложенное прихотью чужестранною, сказать невозможно.

Собственно такъ называемаго народа Италійскаго не было. Не такъ какъ въ Элладѣ, гдѣ имя страны происходитъ явно отъ имени дружины *Эллиновъ*. Самое же названіе Эллиновъ происходитъ отъ несо-

мѣннаго названія родоваго божества *Аполлонъ-Патроосъ*. Форма *Геллы*, какъ извѣстно, однозначительна съ формою *Селлы* (народа западной Греціи) и находится въ связи съ утраченнымъ *Селеносъ* или *Геленосъ*, котораго женская форма уцѣлѣла въ *Селенѣ* (мѣсяцъ), какъ *Діанусъ* соотвѣтствуетъ *Діанѣ* и *Лунусъ—Лунѣ*.

Также невозможно рѣшеніе вопроса о томъ, къ какой отрасли человѣчества принадлежали доисторическіе жители Италіи, *Сикулы* или *Сикеліоты*. Изгнанные ими изъ Сициліи *Сиканы*, населившіе Сардинію и вѣроятно часть Корсики, были по всей вѣроятности однимъ изъ побѣговъ вѣтви Иверской; но состояли ли побѣжденные и побѣдители въ племенномъ родствѣ между собою (какъ кажется изъ сродства именъ), это задача неразрѣшимая и теряющая всю свою важность отъ послѣдовавшей погибели Сикеліотовъ при нашествіи другихъ сильнѣйшихъ народовъ. Нѣкогда сильные, но въ послѣдствіи исчезнувшіе безъ слѣда—*Умбры* точно также недоступны и безполезны для критики.

Нѣкоторыя слова и имена мѣстности Умбрійской указываютъ какъ бы на сродство съ *Кельто-Кимрами*; но такія примѣты, слишкомъ слабыя даже для поверхностной догадки, получатъ значеніе развѣ при открытіи новыхъ данныхъ.

Рѣдко погибаютъ вполнѣ народы не кочевые, побѣжденные или изгнанные другими. Всегда есть темные лѣса, или болотныя топи, или горныя ущелія, куда сокроются слабые остатки старожиловъ, сохраняя свою бѣдную независимость и часто дѣйствуя на послѣдующее образованіе всей страны.

Такова судьба и таково мало-признанное вліяніе Кельтскаго населенія въ Англіи.

Общая связь Иверцевъ съ племенемъ и просвѣщеніемъ Сиро-Финикійскимъ въ Испаніи, въ западной Греціи и въ дальней Ирландіи заставляетъ предполагать, что и Сиканы не были

чужды торговымъ и дружескимъ сношеніямъ съ юго-восточной Азіею. Многіе слѣды пещернаго поклоненія и жертвъ человѣческихъ, сопровождаемыхъ Финикійскими обрядами, особенно въ областяхъ приморскихъ (какъ въ преданіи объ *Эрикѣ* и другихъ), указываютъ на продолжительное вліяніе Финикіи. Зависѣло ли оно отъ сродства Сикеліотовъ съ Приливанскими мореплавателями, или отъ отставшихъ семей Сиканскихъ, неизвѣстно, но нѣтъ сомнѣнія, что оно осталось не совсѣмъ безплоднымъ въ позднѣйшемъ развитіи Италійскаго образованія и въ таинственно созерцательномъ характерѣ Эллино-Италійскихъ школъ, рѣзко отдѣляющихся отъ чисто-Эллинскихъ и живо напоминающихъ всѣ особенности умственной жизни Кушитовъ.

Важнѣе для науки исторической стихіи, слившіяся въ составъ молодаго Рима, стихіи Этрурская, Латинская, Сабинская и Оскская.

Этрурія сама была, безъ всякаго сомнѣнія, не односоставное цѣлое. Множество ея именъ, *Этрурія*, *Тусція*, *Тирренія*, уже свидѣтельствуютъ о сліяніи разныхъ племенъ. Имя же народное *Разена*, никогда не бывшее именемъ государства, указываетъ на народонаселеніе или подпавшее чуждой власти, или не наложившее имени своего своей землѣ, слѣдовательно не смыкавшееся самобытно въ государственную форму. Много великолѣпныхъ памятниковъ, много внѣшнихъ свидѣтельствъ, много неразгаданныхъ письменъ осталось отъ древнихъ Этрурцевъ: но языкъ ихъ остается еще не разрѣшенною задачею, и если бы даже критика добилась смысла въ сохранившихся надписяхъ, возродился бы новый вопросъ о томъ, кому изъ народовъ древней Этрурія принадлежало новооткрытое нарѣчіе. Для безпристрастнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя тождество *Разенъ*, нѣкогда владѣвшихъ всею сѣверо-западною Италіею и горныхъ Ретійцевъ, у которыхъ они въ послѣдствіи времени искали спасенія отъ Галльскаго насилія, не подвержено сомнѣнію, точно также какъ и тождество Ретійцевъ (и ихъ братьевъ *Вендовъ Великихъ* или Винделиковъ) съ великимъ племенемъ *Оракo-Иллирійскимъ*. Такимъ образомъ очевидно, что вся

сѣверная Италія, какъ на западѣ, гдѣ жили *Разены*, такъ и на востокѣ, гдѣ жили *Венды*, принадлежала вполнѣ могучей восточной отрасли Иранскаго племени, отрасли *Вано-Бакрійской*.

Если бы еще нужны были доказательства на такую очевидную истину, можно бы привести самыя имена рѣки По и его водной системы: *Padus* (Слав. Падь) *Eridanus* (общее имя, Сл. *Ярый Донъ*) *Bodencus* (Сл. *Буй-Донскъ*) *Stura* (Стырь), *Duria Baltea Сессіа* (*Сежа*) *Ticinus* (*Течень*) *Addua* (*Ядва*), *Sebinus* (*Шибень*) *Mincius* (*Мечь*) и другія. Множество надписей, сохранившихся въ нижней части рѣки По и носящихъ имена боговъ Славянскихъ: *Бела*, *Белена*, *Перуна* и другихъ, показываютъ, что древняя народность сохранилась долѣе на востокѣ, чѣмъ на западѣ, гдѣ Галлы и другіе пришельцы вытѣснили или поглотили Восточно-Иранскую стихію

Письмена Этрурскія рѣзко напоминаютъ своими начертаніями письмена Ликіи Мало-Азійской; разница же въ ихъ направленіи (съ права на лѣво) недостаточна, чтобы не только опровергнуть ихъ общее начало, но даже навести сомнѣніе на него. Она только указываетъ на примѣсь чуждаго просвѣщенія и безъ того несомнѣнную.

Въ темной и неопредѣленной исторіи Этруріи неоспоримъ одинъ фактъ: это фактъ народнаго движенія и усиленія государственнаго съ сѣвера на югъ. Кого нашли *Разены* въ этомъ наступательномъ ходѣ на богатую низменность Тосканы? Кого отодвинули или съ кѣмъ смѣшались? Памятники молчатъ о большей части области, назвавшейся Этруріею; но ясные слѣды и преданія доказываютъ, что нѣкоторая часть ея была населена Умбрами, которыхъ должно, кажется, причислить къ народамъ Западно-Иранскаго начала; другіе слѣды указываютъ на Пелазговъ, которые принадлежатъ ему безспорно.

Во всякомъ случаѣ, смѣло можно утверждать, что особенное развитіе позднѣйшаго Этрурскаго просвѣщенія не принесено Разенами изъ ихъ древней родины, но уже возникло по заселеніи южной области.

Приморье Альпійское и сѣверная Италія не представляютъ ни громадныхъ строеній, ни пещернаго поклоненія, ни некрополей, ни богатства надписей, ни роскоши образовательныхъ искусствъ.

Болѣе сомнительно и менѣе важно имя *Тусковъ*. Оно не связывается ни съ какимъ значительнымъ племенемъ внѣ Этруріи и не представляетъ никакихъ намековъ для критическаго изслѣдованія.

По темнымъ признакамъ можно бы было предполагать, что *Туски* были незначительнымъ, но воинственнымъ народомъ, пришедшимъ съ востока, т. е. изъ горныхъ странъ Ѳракo-Иллирійскихъ, и давшимъ имя свое болѣе мирнымъ, вѣроятно побѣжденнымъ, Разенамъ. Сходство названія *Тускъ* съ древне-Германскимъ божествомъ *Туискономъ* наводитъ на догадку объ отдѣленіи вѣтви Германской во время переселенія съ юго-востока на сѣверо-западъ, но такая догадка слишкомъ похожа на произвольное предположеніе и не заслуживаетъ мѣста въ исторіи. Впрочемъ разница *Тусковъ* и *Разенъ*, кажется, не подвержена сомнѣнію

Замѣчательнѣе имя *Тирренцевъ* Оно связываетъ Италію съ сѣверо-восточными берегами и островами Греціи и съ западными берегами Малой Азіи; оно часто находится въ соединеніи съ именемъ Пелазговъ (*Тиррено-Пелазги*), не будучи названіемъ какой нибудь отрасли этого древняго племени; наконецъ, оно принадлежитъ народу очевидно мореплавательному, торговавшему и грабившему на моряхъ, народу кровожадному по нравамъ, а еще болѣе по религіи, народу образованному и стоящему далеко выше другихъ жителей не только Италіи, но и старой Эллады. За отсутствіемъ положительныхъ свидѣтельствъ и говорящихъ памятниковъ невозможно опредѣлить истинную связь этой семьи съ какою нибудь другою, болѣе прославленною и извѣстною семьею человѣческою: но по всѣмъ вѣроятностямъ разумная критика должна искать начала Тирренцамъ въ областяхъ Кушитскаго развитія. Туда принадлежатъ и разсказы о таинственномъ учителѣ Тагесѣ, такъ живо на-

поминающіе разсказъ о Кушитскомъ Оаннессѣ Вавилонскомъ, и преданія объ изгнаніи Тирренцевъ изъ ихъ родины за отказъ пожертвовать богамъ десятую часть младенцевъ, и многія другія обстоятельства. Первыя мѣста, въ которыхъ являются Тирренцы, и сказанія объ ихъ бѣгствѣ изъ Лидіи заставляютъ предполагать въ нихъ колонію южную, уже органически слившуюся съ Западно-Иранскими старожилами западныхъ береговъ Малой Азіи.

Опроверженіе Лидійскаго происхожденія Тирренцевъ, взятое изъ молчанія Ксанѳа Лидійскаго, не заслуживаетъ ровно никакого вниманія. Это преданіе относится къ такой эпохѣ, которой Ксанѳъ былъ по всей вѣроятности чуждъ, къ эпохѣ предшествовавшей и Восточно-Иранской колонизаціи береговъ Евксинскихъ и Эгейскихъ, и Ниниво-Ассирійской колонизаціи, положившей начало собственно Лидійскому царству, слѣдовательно Ксанѳовымъ лѣтописямъ. Довольно замѣчательно, что Лидія, принявшая въ древности населеніе съ береговъ Тигриса, была также въ послѣдствіи хранительницею Средне-Иранскаго ученія и таинственныхъ книгъ чистаго Зороастризма.

И такъ не *Разенамъ*, основателямъ народа, пришельцамъ изъ горной Ретіи и кровнымъ братьямъ Славянскаго племени, но *Тирренцамъ*, выходцамъ юго-западной Азіи, должно приписать большую часть религіозныхъ и художественныхъ направленій древней Этруріи, ея строительность, ея свирѣпыя и темныя вѣрованія, ея мрачныя гаданія и особенно, высокое значеніе ея жреческаго сословія.

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что у другаго великаго Европейскаго племени замѣтны многія особенности, принадлежащія Этрускамъ и между прочимъ правительственное значеніе жрецовъ при религіи кровожадной. Это племя—Кельты. Трудно повѣрить, чтобы такой характеръ Кельтовъ, явныхъ Иранцевъ по языку, былъ ими принятъ отъ соприкосновенія съ торговыми колоніями Финикіянъ, быть можетъ нѣкогда существовавшими, но безъ сомнѣнія рано погибшими на берегахъ Средиземнаго моря. Движеніе Кельтовъ на югъ

произошло послѣ вѣка или около вѣка Геродотова: ихъ народность была уже обозначена, и такъ крѣпка, что нельзя въ ней предполагать слишкомъ важныхъ измѣненій. Простота исторической истины разрѣшаетъ эту загадку. Первые Кельты, какъ уже сказано, двинулись въ Европу послѣ ея Славянскаго заселенія, черезъ Придонскія степи, и отъ того поселились на сѣверѣ, разрѣзавъ пополамъ область Восточно-Иранскаго племени и откинувъ ея жителей въ южныя горы, въ западныя и сѣверныя приморскія болота, но не одолѣвъ сопротивленія семей Славянскаго корня, сплотившихся на югѣ. Тотъ же фактъ историческій былъ повторенъ Германцами, пришедшими черезъ Оракію и Дунайскую водную систему, и снова повторенъ Кельто-Кумрійцами, бѣжавшими послѣ побѣды Скиѳовъ путемъ, уже начертаннымъ ихъ старшими Европейскими братьями, древними Кельтами. Все племя Кельтовъ, безспорно Иранское, принадлежитъ по своему языческому характеру Западно-Иранской отрасли; самое древнее его переселеніе относится ко временамъ, когда Кушиты, основавъ древнѣйшее Азійское царство, Вавилонъ, пробудили духъ борьбы религіозной и вражды народной, но въ то же время, ожесточивъ религію Западнаго Ирана, наложили на нее свою печать и привили къ ней свой характеръ таинственности и жреческой мудрости. Еще болѣе могли и должны были развиться эти начала въ Кельто-Кумрійскомъ отдѣленіи, позднѣе оставившемъ свою родину, медленно отступившемъ чрезъ Кавказскую преграду и безъ сомнѣнія долго еще сохранившемъ свою связь съ Сиро-Финикійскими племенами. Когда натискъ Средне-Иранскихъ Азовъ и Средне-Азійскихъ Скиѳовъ (мнимыхъ) перекинулъ Кельто-Кумрійцевъ въ Европу, въ нихъ уже характеръ Западно-Иранскій въ его смѣси съ Кушитскимъ ученіемъ развился вполнѣ и никогда не изглаживался. Отъ того-то столько такъ называемыхъ Семитическихъ корней и формъ, т. е. Ирано Кушитскихъ, примѣшано къ чисто-Иранской основной стихіи во всѣхъ нарѣчіяхъ Кельтскихъ и боги ихъ (*Баалъ* ли, или *Тевтатесъ*) носятъ на себѣ въ преданіи всѣ признаки *Ваалъ,-Молоха*; отъ того-то Друидизмъ представляетъ характеръ, разительно напоминающій тѣ самые народы, отъ которыхъ Кельты получили примѣсь словесную и религіозную. Однѣ и тѣ же начала высказываются подобными явленіями и у Тирренцевъ; но производить Тирренцевъ мореходцевъ отъ незнавшихъ моря Кельтовъ и Тирренцевъ художественно-

строительныхъ отъ полу-бездомниковъ Кельтовъ запрещаетъ здравая критика.

Трудно въ памятникахъ Этрусскихъ отдѣлить Эллинское рукодѣліе отъ туземнаго. Очевидно, что Эллада не мало снабжала Этрурію произведеніями образовательныхъ художествъ: но съ другой стороны легко замѣтить, что самый характеръ даже мелкой утвари представляетъ явные признаки поддѣлки подъ вкусъ уже существующій и развившійся прежде и независимо отъ Эллинскаго вліянія. Красота или дешевизна Эллинской работы вытѣснила другую работу не Эллинскую, но не измѣнила первоначальныхъ обычныхъ формъ и Эллинская стихія осталась совершенно незамѣтною въ великихъ произведеніяхъ зодчества, въ которыхъ чисто Кушитскій стиль остался навсегда преобладающимъ.

Точно также безсильно было Эллинское начало измѣнить направленіе письменъ съ права на лѣво: но самыя письмена указываютъ на давнюю письменность, болѣе сходную съ Пранскими, чѣмъ съ Сиро-Финикійскими формами и принявшую обратное направленіе отъ жреческаго характера Тирренскаго народа, безъ большой перемѣны въ начертаніяхъ. Отношеніе прямыхъ письменъ (т. е. съ лѣва на право) къ обратнымъ, вездѣ было то же самое, какъ и въ Скандинавіи отношеніе *Рунъ* и *Венде-Рунъ*. Одни были простыя, болтовыя; другія таинственныя. Счетныя же или цифровыныя (*Цаль-Руны*) вездѣ исчезли, оставивъ, какъ кажется, темный слѣдъ свой въ надписяхъ на Мидо-Персидскихъ и Вавилонскихъ памятникахъ.

Исторія Этруріи для насъ утрачена; должно думать, что и древнему міру она была неизвѣстна, рано смѣшавшись съ полумиѳическими, съ полу-сказочными преданіями. такова судьба всѣхъ историческихъ сказаній у тѣхъ народовъ, въ которыхъ религіозный смыслъ преобладаетъ надъ государственнымъ, между тѣмъ какъ сама религія оторвалась отъ ранняго преданія и перешла черезъ эпоху синкретическаго броженія. Впрочемъ, изо всего извѣстнаго можно сказать утвердительно, что го-

сударство не смыкалось никогда въ плотное и цѣльное зданіе, даже въ то время, когда оно завоевывало большую часть Италіи на югъ отъ Рима, владѣло всѣмъ сѣверомъ, кромѣ областей Вендскихъ Приадріатическихъ и Лигурскихъ (также Вендскихъ) Природанскихъ и оспоривало первенство на моряхъ у Фокейскихъ Эллиновъ (Массилійцевъ) и у великой Тирской колоніи (Карѳагена). Оно было ничто иное, какъ союзъ нѣсколькихъ городовъ (кажется двѣнадцати), соединенныхъ единствомъ-гражданскаго устройства и вѣры, управляемыхъ своими князьями жрецами (*лукумонами*) и признающихъ временное первенство одного котораго нибудь изъ городовъ союза.

Имена городовъ, составлявшихъ союзъ, подвержены сомнѣнію, ибо не у всѣхъ писателей они означены одинаково; очевидно, что въ каждомъ округѣ (государствѣ отчасти самобытномъ) было болѣе одного города и что первенствовалъ въ округѣ то одинъ городъ, то другой: но число округовъ оставалось неизмѣннымъ и соотвѣтствовало таинственному числу великихъ боговъ. Также и главный городъ всего союза былъ не всегда одинъ и тотъ же. Первенство было временное и едва ли подчиненное какому нибудь общему закону. Даже сомнительно и то, принадлежалъ ли главный городъ къ числу двѣнадцати или считался отдѣльно тринадцатымъ. Послѣднее предположеніе довольно вѣроятно по характеру миѳологіи. *Клузіумъ*, долго пользовавшійся первенствомъ, въ имени своемъ, также какъ и большая часть Этрурскихъ городовъ и главная рѣка (*Арнусъ*) представляетъ довольно явно корень Восточно-Иранскій. Имя города—*ключь* весьма обыкновенно въ земляхъ Славянскихъ, особенно же въ Иллиріи. По этому можно смѣло утверждать, что строеніе городовъ принадлежало Разенамъ, а не Тускамъ или позднѣйшимъ Тирренцамъ.

Внѣшнія судьбы Этруріи, ея борьбы на морѣ, ея завоеванія на сухомъ пути не оставили слѣдовъ, за исключеніемъ вліянія на развитіе молодаго Рима; гораздо важнѣе намекъ, оставшійся въ преданіяхъ, объ ея внутреннихъ раздорахъ. Сказаніе о *Целеѣ Вибенна* и объ его сподвижникѣ *Мастарнѣ*, поселившемся въ Римѣ и царствовавшемъ подъ именемъ *Сервія Тул-*

лія, указываетъ на борьбу сословій и на возстаніе народа подвластнаго (Разенскаго) противъ угнетавшей инокровной аристократіи. Удаленіе бѣглецовъ въ округъ Римскій показываетъ, что Римъ уже былъ заключенъ въ границахъ Этруріи, но что онъ не вполнѣ былъ слитъ съ сѣвернымъ союзомъ и могъ дать бездомникамъ убѣжище и защиту.

Не нужно даже предполагать полную историческую истину въ сказаніи: пусть царь Сервій и бѣглецъ Мастарна будутъ не одно лице, пусть гора Целіусъ получила свое имя не отъ Вибенны, смыслъ сказанія остается тотъ же. Римъ является при первомъ Тарквиніи убѣжищемъ внѣ-Этрурскимъ, такъ что эпоха Тарквинія втораго получаетъ новое значеніе.

Народъ *Сабинскій* представляетъ явную противоположность съ Этруріей. Имя его не представляетъ никакихъ указаній; но по всѣмъ примѣтамъ оно связывается или съ религіозными обычаями, или съ особенностями быта военнаго и слѣдовательно носитъ характеръ первобытности.

Формы *Сабеллы*, *Самниты* суть очевидныя искаженія коренной формы *Сабинъ*, одна, какъ уменьшительная, другая какъ искаженіе звука *б* въ носовой *м* (*Самнитъ* изъ *Сабинитъ*).

Ту же самую простоту первобытную и безъискусственную можно замѣтить и въ чисто символической религіи Сабиновъ, въ отсутствіи человѣкообразныхъ кумировъ, въ грубой неиспорченности нравовъ, въ отсутствіи градостроительства и государственной организаціи и въ преданіяхъ о строгомъ семейномъ и родовомъ бытѣ. Вообще Сабины являются на зарѣ исторической, какъ народъ горный, пастушескій, не чуждый хлѣбопашеству, хотя и не славящійся имъ, исполненный мужества и свободолюбія, но не стремящійся къ неправедному завоеванію до тѣхъ поръ, покуда нужда, стѣсненіе отъ иныхъ народовъ и примѣръ сосѣдей заставили его выслать свои молодыя дружины на югъ, подъ именемъ Самнитовъ, и основать

союзъ вольныхъ общинъ, отодвинувшій Этрурцевъ отъ береговъ Волтурна и долго противившійся неодолимой силѣ Римской судьбы.

Языкъ Сабинскій намъ не извѣстенъ: но изъ древнихъ показаній можно угадать, что онъ не много отличался началами своими отъ Оскскаго и вошелъ отчасти въ составъ Латинскаго. Этого довольно, чтобы опредѣлить его Западно-Иранскую основу и причислить его къ разряду тѣхъ болѣе или менѣе нынѣ исчезнувшихъ нарѣчій, которыя явились въ южной Европѣ съ первыми выселенцами изъ Малой Азіи.

Впрочемъ на Латинскія этимологіи совсѣмъ не должно полагаться. По недостатку критическаго направленія, Римляне готовы были всякое слово, похожее на Латинское, принять за коренное, если только оно встрѣчалось у народа сравнительно дикаго. Такъ слово Самнитское *эмбрадуръ* считаютъ они первобытомъ слова Лат. *imperator* между тѣмъ какъ слово Сабинское есть очевидно форма искаженная. Латинское *imperare* сохранило въ чистотѣ корень *perare*, отъ котораго *properare* и др., — корень, который живетъ въ Слав. *прать* (*попирать, отпирать, упирать* и пр.) и едва ли не въ связи съ Санс. префиксомъ *пра*, означающимъ, движеніе и съ Санс. глаголомъ *пела* (итти). Приняли ли Сабины свое *эмбрадуръ* отъ Римлянъ, или у себя составили слово изъ искаженныхъ формъ, не извѣстно, но во всякомъ случаѣ Римская форма первобытнѣе; а въ этимологіяхъ у Римскихъ писателей всегда вѣрно только одно ихъ глубокое сознаніе, что Римъ *colluvies gentium*,—обстоятельство слишкомъ часто забываемое новою ученостью.

Отдѣлить въ Латинскомъ языкѣ стихію Сабинскую отъ Оскской нѣтъ никакой возможности по признанному между ими родству, но въ самомъ развитіи общественной жизни Рима великое мѣсто занимаетъ начало Сабинское по его огромному вліянію на религію. Отъ него очевидно ведется большая часть духовныхъ обрядовъ и вѣрованій, отъ него все символическое, отвлеченное и нравственное; отъ него всѣ тѣ черты, которыми гордый, и не безъ причины гордый, патрицій отличался отъ

плебея, и наконецъ почти все то, что служило основаніемъ первоначальному устройству государства до Этрусской примѣси при Тарквиніяхъ.

Данныхъ для опредѣленія Сабинской религіи нѣтъ: но преданіе объ отысканныхъ книгахъ религіознаго законодателя Нумы и о томъ, что Сенатъ предписалъ уничтожить всю необрядную часть ихъ для предотвращенія толковъ и сомнѣній, доказываетъ, что основа этой религіи была слишкомъ духовна для грубо-вещественныхъ Римлянъ, погрязшихъ въ нелѣпость человѣкообразія Эллинскаго и въ мертвую обрядность. То же самое можно бы было уже заключить изъ самой простоты обрядовъ, изъ безкровныхъ жертвоприношеній и изъ сохранившихся именъ Сабинскихъ боговъ.—Весь видимый міръ былъ обоготворенъ Этрусками; всѣ силы природы и всѣ ея явленія воплощены въ божественныя личности; весь кругъ годовой съ его подраздѣленіями включенъ въ разнообразный и дѣтскій пантеонъ; вся наука обращена въ религію и вся религія въ науку заклинанія, т. е торжества человѣка надъ богами посредствомъ таинственныхъ обрядовъ. Это характеръ Кушитскій, во всей его чистотѣ.

Должно однакожъ замѣтить, что имя главнаго божества *Тина* или *Тинья* представляетъ признаки Восточно-Иранскаго происхожденія, соотвѣтствуя или слову *день* (по отсутствію буквы *д* въ Этрусскомъ нарѣчіи) или слову *чинъ* (начало). Точно также и поклоненіе духамъ умершихъ людей, *манамъ* указываетъ на корень Иранскій, Сл. *мнить*, Санс. *ман*. Герм. *meinen* и пр. Очевидно, что мысль Кушитская развилась на почвѣ чисто-Иранской.

Всѣ эти особенности миѳологіи Этрусской были приняты Римомъ: но онѣ подчинялись другому, древнѣйшему и совершенно противоположному, началу Сабинскому. Между тѣмъ какъ все видимое, чувственное или наукообразное въ вещественномъ мірѣ олицетворялось и обоготворялось въ области Тирренской, все отвлеченное, духовное и нравственное наполняло пантеонъ Сабинскій. Богами назывались и какъ боги че-

ствовались счастіе, спасеніе, вѣра, судьба (*Fortuna, Salus, Fides, Fors*) и т. д. Міръ небесный наполнялся произвольными созданіями человѣческаго умствованія. Философское мышленіе превращалось въ религію, безъ сомнѣнія облагороживая душу, но не созидая истинной и живой вѣры.

Тотъ же ходъ умственный замѣтенъ и въ Эллядѣ. У Гомера являются еще какъ чисто-нравственныя идеи слова, которыя въ послѣдствіи, а иногда и въ немъ самомъ являются уже божественными лицами. Такъ напр. *Мойра* (или *Мпра*),. имя Парки миѳологической, значитъ у Гомера только правду, согласно съ своимъ Восточно-Иранскимъ корнемъ *мпра*.

Надъ этими божествами, дѣтьми умствующаго произвола, высился древнѣйшій Олимпъ, котораго начало скрывается въ преданіи; представителями его были верховный богъ, громовержецъ *Семо Санкусъ*, *Юнона*, *Сорапусъ*, *Феронія*, *Мамерсъ* и можетъ быть другіе, забытые Римскими писателями. Основа вѣрованія лежитъ очевидно въ духовномъ поклоненіи Востока, искаженіе носитъ отпечатокъ начинающагося, но не вполнѣ развитаго человѣкообразія, занятаго по всей вѣроятности отъ сосѣдственныхъ племенъ, Эллино-Пелазговъ или Вендовъ.

Кажется можно утверждать безошибочно, что *Семо Санкусъ* носилъ также имя *Юпитеръ*: это очевидно изъ параллелизма съ именемъ *Юно*. Корень въ обоихъ одинъ, какой бы онъ ни былъ, *юнъ* ли или *дію*, согласно съ другой формой *Діес-питеръ*, или *ю*, какъ можно бы было предполагать по другимъ Иранскимъ или полу-Иранскимъ племенамъ, у которыхъ встрѣчается имя *Яо* или *Яхве* или *Ю* (какъ у При-волжскихъ народовъ *Ю-мала*, т. е. *Ю*-свѣтъ или лучъ). То же самое слово отдается и далеко, далеко на востокѣ въ первыхъ царяхъ безконечнаго Китая *Ю*, *Хунъ* и *Яо*. Пары—*Юпитеръ* и *Юно*, *Сорапусъ* и *Феронія* суть вѣроятно только повторенія однихъ и тѣхъ же боговъ, носящихъ разныя названія по разнымъ мѣстностямъ: по крайней мѣрѣ *Феронія* и *Юно* часто принимаются за одно божество.

Мамерсъ есть очевидно прозвище бога, убивающаго и составлено посредствомъ удвоенія первыхъ звуковъ коренного глагола.

Впрочемъ уже издревле Сабины едва ли были народомъ одностихійнымъ: по крайней мѣрѣ великое значеніе аристократическаго класса указываетъ на чуждый приливъ, подчинившій себѣ туземную стихію. Съ другой стороны простота нравовъ и обычаевъ, крѣпость и цѣльность общиннаго устройства и почти явное религіозное значеніе аристократіи не представляютъ никакихъ слѣдовъ завоеванія или насилія, но совершенно согласны съ предположеніемъ о давней колоніи иноземныхъ просвѣтителей, принесшихъ съ собою довольно свѣтлое ученіе, мало-по-малу потемнившееся въ позднѣйшихъ умствованіяхъ священной касты, въ воздѣйствіи народнаго невѣжества на духовное ученіе высшаго сословія и во всегубящей тревогѣ бранной жизни.

Такъ нравственныя качества и внѣшнія дѣйствія божества могли олицетвориться и обратиться въ отдѣльныхъ божественныхъ геніевъ или демоновъ, затмившихъ мало-по-малу самое божество.

Невозможно опредѣлить точку, отъ которой истекло просвѣтительное начало. Въ давнія времена, когда вражда народовъ еще не вполнѣ изгладила память первобытнаго братства, когда религіозная мысль переносилась свободно изъ края въ край міра и радушно принимались гости-просвѣтители, не рѣдкимъ было явленіе такихъ жреческихъ колоній, которыхъ память сохранилась въ миѳахъ, а основатели поступили въ ряды боговъ или полубоговъ.

Таково, быть можетъ, начало разсказовъ о Персеѣ.

Теперешняя критика слишкомъ бѣдна данными, чтобы прослѣдить всѣ переселенія первобытныхъ ученій, которыхъ взаимное воздѣйствіе другъ на друга должно было породить множество

подраздѣленій и дробныхъ религій, принадлежащихъ столько же Иранскому преданію, сколько и Кушитскому мудрствованію.

Религія Сабинская въ самыхъ древнихъ сказаніяхъ о ней находится въ явной связи съ философіей. Ея священное число четыре есть золотое число школы Пиѳагоровой. Ея представитель, царь-жрецъ *Нума Помпилій* многими чертами своей сказочной исторіи напоминаетъ сказочныя преданія о почти современномъ ему Пиѳагорѣ.

Такова связь съ Нимфою, сказка о таинственномъ младенцѣ и др.

Въ этомъ сходствѣ замѣтно не вліяніе самаго пиѳагорейства (хотя оно безспорно имѣло сильное вліяніе на умственное развитіе во многихъ областяхъ Италіи), но туземное начало многихъ особенностей школы. Нѣтъ сомнѣнія, что великій Эллино-Италійскій философъ почерпнулъ большую часть своей мудрости изъ сокровенныхъ ученій юго-западной Азіи и Египта. Тамъ вѣроятно научился онъ таинственному значенію *ритма* и *гармоніи* и духовно-вещественной силѣ отвлеченнаго числа; тамъ безъ сомнѣнія получилъ онъ начала математическаго знанія и астрономіи, ибо сама Эллада была еще погружена въ глубокомъ мракѣ и въ Пиѳагорѣ слышны отзвуки высшей, погибшей науки, а не голосъ рождающагося знанія. Но быстрый отзывъ Италіи на его ученіе, никогда не пробудившее сочувствія въ настоящей Эладѣ, доказываетъ, что много туземнаго и древле живущаго въ народной вѣрѣ или въ жреческой тайнѣ вошло въ составъ пиѳагорейства. Такимъ образомъ объясняется сродство Нумы съ Пиѳагоромъ и особенная склонность Сабинской миѳологіи къ обоготворенію умственныхъ отвлеченностей, а въ Римѣ объясняется отношеніе гордаго патриціанскаго ученія, полнаго нравственной чистоты и божественнаго предчувствія, къ человѣкообразной, нелѣпосказочной и вещественной религіи плебея. Корень Сабинскаго богопоклоненія есть духовное Иранское преданіе, измѣненное вліяніемъ умствованія Кушитскаго и переходящее въ нравственную и мистическую философію.

Можно даже въ священномъ числѣ *четыре* предполагать окончательное развитіе тріады; ибо тріада, примиряющая два органическіе полюса въ новорожденномъ мірѣ, переходитъ въ четырехъ-членный символъ, когда первые два полюса признаются раздвоеніемъ основнаго первобыта:

А таковъ истинный смыслъ Тріады, прообразившей въ видимомъ образѣ ту самую инстинктивную мысль, которая самосознательно высказалась въ позднѣйшихъ философскихъ школахъ и основала науку о необходимости, о полярности и о мнимой свободѣ, развивающейся изъ тождества и нетождества положенія и отрицанія. Тождество бога и богини извѣстно было Египту, Индіи и Сиріи.

Оски, Латины.

Еще менѣе чѣмъ Сабины извѣстны намъ *Оски* (или *Опики*, то же что *Авзоны*), отдѣлявшіе, какъ кажется, землю древнихъ Энотрійцевъ отъ Этрусской, т. е. населявшіе значительную часть западнаго берега Италіи и самый *Лаціумъ*. Не блистательно ихъ имя въ исторіи государственной, въ которой они никогда не занимали важнаго мѣста, даже по преданіямъ; еще менѣе блистательно въ лѣтописяхъ просвѣщенія, въ которыхъ они являются совершенными дикарями.

Таково свидѣтельство Эллиновъ, вѣроятно несправедливыхъ оцѣнщиковъ Оскскаго племени, съ которымъ они были знакомы по наемнымъ дружинамъ Оскскимъ въ Сициліи и другихъ мѣстностяхъ, и по частымъ, всегда враждебнымъ столкновеніямъ. Впрочемъ и у Римлянъ нѣтъ достаточныхъ свидѣтельствъ для опроверженія Эллинскаго показанія.

Жизнь Оскскаго народа не оставила по себѣ воспоминаній, кромѣ тѣхъ эпохъ, въ которыхъ они подпадаютъ игу Тирренцевъ Этрурскихъ въ сѣверной Кампаніи или вступаютъ въ невольную борьбу съ Сабинами и покоряются имъ въ области Самнитской. Религія ихъ еще неизвѣстнѣе самой исторіи: но зато языкъ болѣе всѣхъ нарѣчій Италіи извѣстенъ по

надписямъ, представляющимъ мало затрудненія просвѣщенному языкознанію.

Эти надписи, подтверждая истину древнихъ показаній о сродствѣ Оскскаго нарѣчія и Латинскаго, показались важнымъ пособіемъ критикѣ для опредѣленія корней Латинскаго языка. Не отрицая вполнѣ мнѣнія Германскихъ ученыхъ, замѣтимъ, что оно отправляется отъ ложной данной, будто формы Оскскія относятся къ Латинскимъ, какъ первобытныя къ выводнымъ. Такое предположеніе не выдерживаетъ ни малѣйшаго разбора. Нѣтъ сомнѣнія, что многія слова въ Оскскихъ надписяхъ повторяются въ Латинскомъ языкѣ уже въ видѣ сокращеній: но во-первыхъ это обстоятельство не всегда доказываетъ позднѣйшую форму (какъ напр. Молдавское *милуешти* не корень, а растяженіе Сл. слова *милуй*), во-вторыхъ, нѣсколько формъ первобытныхъ не доказываетъ еще общей первобытности нарѣчія и, наконецъ Латинское сохранило явно первобытную форму во многихъ словахъ, которыя въ Оскскомъ являются уже искаженными. Таковы всѣ слова заключающія звукъ *к* или *кв* (напр. мѣстоим. *quid*). Нарѣчіе Оскское измѣнило этотъ звукъ въ *п* (мѣстоименіе *pid*). Очевидно, или самыя надписи принадлежатъ къ такому позднему времени, что языкъ уже подвергся сильному искаженію, котораго избѣгнулъ Латинскій, или, что вѣроятнѣе, эти слова въ Латинскомъ имѣютъ не Оскское, а другое чистѣйшее начало. Должно замѣтить, что Молдаво-Валахское нарѣчіе во многихъ формахъ словъ, а въ особенности въ замѣнѣ звука *кв* звукомъ *п*, приближается къ нарѣчію надписей и заставляетъ предполагать собственно Оскскую колонію. Подробнѣйшее сравненіе было бы любопытно.

Языкъ Оскскій представляетъ весьма много сходства съ семьями Восточно-Иранскими, хотя это сходство не такъ разительно, какъ въ Латинскомъ; съ другой стороны отзывы древнихъ писателей указываютъ на сродство Осковъ и Сабиновъ: поэтому должно допустить или переселеніе коренныхъ Итальянскихъ народовъ изъ восточной ихъ родины прежде, чѣмъ семьи Иранскія опредѣлились окончательно (что можно предположить изъ постепеннаго удаленія туземцевъ Ита-

льянскихъ отъ морскаго берега при появленіи древнихъ Пелазгическихъ колоній) или сильное вліяніе Восточно-Иранской семьи на Западно-Иранскихъ старожиловъ Италіи (что подтверждается присутствіемъ въ Италіи Славянскихъ Разепъ и Вендовъ, Энотрійцевъ, которыхъ древніе признавали часто за родню Славянскимъ Иллирійцамъ, и колоній Троянскихъ, которыхъ Славянское происхожденіе не подвержено сомнѣнію).

Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе перваго, ибо ничто въ строеніи древне-Италійскихъ нарѣчій (судя по надписямъ) не доказываетъ особенной первобытности.

Ближе всѣхъ къ Риму, всѣхъ важнѣе въ его исторіи и очевидно всѣхъ сильнѣе въ его составѣ (какъ видно изъ самаго названія языка) была стихія *Латинская*; но общій смыслъ всѣхъ преданій безъ исключенія ведетъ къ тому выводу, что Лаціумъ былъ издревле землею смѣшенія и что собственно Латинской стихіи допустить нельзя. Лаціумъ тотъ же Римъ, еще не сосредоточившійся.

Во мракѣ древности мелькаетъ загадочное имя *Туземцевъ* (*Aborigines*), имя народа, не прославленнаго подвигами мужества, но и не омраченнаго кровожадною дикостью, народа, какъ кажется, первобытнаго и безъ сомнѣнія нисколько не отличавшагося отъ жителей сосѣднихъ областей, ибо преданія объ немъ отзываются въ другихъ формахъ по всѣмъ странамъ Италіи. Но скоро при старожилахъ являются имена другія. Таковы Пелазги, которые и въ Лаціумѣ занимаютъ морское прибережье, также какъ и въ Кампаніи и по Адріатикѣ и на всемъ югѣ Италіи.

Колонія Эвандра, Пелазга, и соединеніе имени Аркадскаго съ Пелазгами не показываютъ собственно точки отправленія, но признанное единство семей одного племени.

Вмѣстѣ съ Пелазгами, но съ другой стороны, являются пришельцы Италійскіе, Каски, которыхъ можно, по всѣмъ вѣроятностямъ, причислить къ семьѣ Оскской.

На это есть много признаковъ, а въ особенности тотъ, что кажется по Каскскому населенію самый Лаціумъ былъ включенъ въ Оскскую область. Къ имени Касковъ древніе часто прибавляютъ прозвище *Прискі* и это же самое прозвище иногда связывается съ именемъ Латинцевъ. Изъ такого соединенія весьма умные книжники вывели слѣдующее заключеніе: «*Прискі* де одно и то же, что *Каски*, а Латины другое, и *Прискі Латины* ошибка, а должно говорить *Прискі* и *Латины*. Имя же *Прискусъ* изъ народнаго сдѣлалось прилагательнымъ въ смыслѣ древняго, обветшалаго, какъ *gothisch* по-нѣмецки или *gothique* по-французски.» При совершенномъ уваженіи къ ученымъ, которыхъ заслуги останутся незабвенными, нельзя не замѣтить, что эти положенія сбиваются на смѣшное. Тотъ, кто сколько нибудь изучилъ Латинскій языкъ въ его параллелизмѣ съ другими нарѣчіями, не можетъ не узнать весьма древней формы прилагательнаго въ словѣ *priscus* и не узнать въ то же время его корня, еще ясно сохранившагося въ нарѣчіи *pridem*. Корень же этотъ (быть можетъ уже остатокъ древнѣйшаго существительнаго или глагола) есть предлогъ *придъ* или *предъ*, сократившійся потомъ въ *пре*, но сохранившій иногда свою окончательную согласную въ составныхъ глаголахъ съ начальною гласною. Это очевидно тотъ-*же* *предъ*, или *прежъ*, который является во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, и прилагательное *прискі* составлено по всѣмъ законамъ аналогіи, точно также какъ и Русское *прежній* и нарѣчіе *прежде*, въ которыхъ народный выговоръ дастъ буквѣ *д* звукъ шипящій, и какъ всѣ прилагательныя на *кій* (*вязкій*, *тяжкій* и т. д) и особенно какъ слово *предокъ*, множ. *предкі*. Здравая критика не можетъ ни усомниться въ этой этимологіи, ни вѣрить, чтобы народъ какой нибудь себя самого величалъ *прежними* или *предками* или *присками*. Въ этой ошибкѣ ученыхъ повторяется тоже отсутствіе простоты и человѣческой истины, которая запутала всю исторію произвольными системами, начиная съ одностихійности Индіи до туземства Эллинскаго и до эвемеризма лѣтописи Израильской.

Троянскія колоніи въ Италіи. Альба.

Безспорно послѣ Пеласговъ, и кажется гораздо послѣ Касковъ являются въ Лаціумѣ другія колоніи еще важнѣе и стран-

но брошенныя такъ далеко на западъ отъ своей родины. Это колоніи Мало-Азійской Трои.

Бѣдныя усилія отвергнуть, не говоримъ дѣйствительность Троянскаго происхожденія Альбы и Рима, но дѣйствительность самаго преданія; смѣшныя этимологическія хитрости надъ отдѣльными словами и надъ самымъ словомъ *Троя*; вся эта безплодная кропотливость науки, удаленной отъ простоты, спутала нѣсколько понятія новыхъ историковъ. Должно однакоже похвалить ученые труды, доказавшіе до ясности почти совершенной таинственное значеніе и миѳическій корень именъ миѳо-героическихъ, *Діомеда*, *Одиссея* и др., особенно же *Энея* и *Асканія*. Уже выше было указано на тождество *Гелена* жреца и божества *Велена*, т. е. Аполлона Троянскаго и Ликійскаго. Связь Малой Азіи съ Италіей и землею Латинскою выводится безспорно, но только безпристрастное признаніе Восточно-Іранской стихіи содержитъ въ себѣ возможное разрѣшеніе всѣхъ трудностей. Очевидно, что паденіе Трои совпадаетъ съ удаленіемъ почти всей Эолійской семьи изъ Эллады; но предполагать, что одна Эолійская семья участвовала или что она по неволѣ участвовала въ Троянской борьбѣ, значило бы опять не понимать общей художественной истины преданій. Паденіе Трои есть общее освобожденіе Эллады отъ первенства сравнительно просвѣщенныхъ и торговыхъ сосѣдей Восточно-Іранскихъ; но этимъ паденіемъ пользуется въ особенности Эолійская семья, стѣсненная въ Элладѣ и охотно разсыпавшаяся на многочисленныя колоніи по слѣдамъ побѣжденныхъ соперниковъ. Кротость нравовъ и вообще духовное преимущество Троянъ выражается очень ясно въ самыхъ преданіяхъ Эллиновъ. За Трою мстятъ боги; и всѣ Трояне, въ особенности же Эней, являются любимцами всѣхъ небожителей и предметомъ уваженія даже для боговъ, враждебныхъ Троѣ. Таковъ ли характеръ Діомеда, Идоменея, Аяксовъ и даже хитреца Одиссея? Въ этомъ цѣлая исторія.

Хронологической связи между Троянскою войною и основаніемъ колоній Славянскихъ въ Лаціумѣ искать не должно; ибо преданія хранятъ только общій смыслъ происшествій, а не подробности лѣтосчислительныя. Всѣ колоніи Троянскія воз-

водятся памятью народовъ къ паденію Трои; онѣ могли быть основаны или гораздо послѣ, бѣглецами, нѣсколько разъ перемѣнившими свои убѣжища, или гораздо прежде, и только усилены позднѣйшимъ приливомъ бѣглецовъ, но всѣ сводились къ одному великому историческому происшествію, перемѣнившему всѣ судьбы южно-Славянскихъ поселеній.

Такъ напр. для здравой критики одновременность колонизаціи Троянской на сѣверномъ прибережьи Адріатики (*Ядрянскаго* моря) Антеноридами и построенія Латинской *Альбы* (*Біалъ-града* по перестановкѣ звуковъ) Энеадами остается вопросомъ весьма второстепеннымъ, но тождество начала не подвержено сомнѣнію и богато послѣдствіями.

Въ самомъ Лаціумѣ одинъ только городъ *Альба* (напоминающій именемъ своимъ любимое имя городовъ Славянскихъ и даже народное прозвище Москвы и ея средней части, *бѣло-каменная* и *бѣлая*) признанъ былъ за чадо Трои. За всѣмъ тѣмъ единство обрядовъ, пенатовъ и святынь вообще, связываетъ *Альбу* съ *Лавиніумомъ* и другими городами. Свидѣтельствуетъ ли такое единство объ единствѣ основателей или объ единствѣ древне-Латинской стихіи, съ которою въ Альбѣ слилась Троянская, трудно сказать.

Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, потому что преданіе никогда не теряетъ изъ вида правъ древняго населенія и потому что двойственность начала въ самихъ городахъ является во всѣхъ сказаніяхъ отъ самыхъ дѣтей Энея до Ромула и Рема.

Но что Альба не была единственнымъ городомъ Славянъ въ Лаціумѣ, въ томъ нельзя сомнѣваться, по преобладанію Славянской стихіи въ языкѣ Римскомъ (т. е общее-Латинскомъ) и по союзу всѣхъ городовъ. Очевидно Трояне являются какъ просвѣтители полу-дикой области, градостроители и возбуждающіе туземцевъ къ переходу изъ разброднаго житія къ градостроительству Съ ними не исчезаетъ древняя вѣра и древнее преданіе, но вносятся новыя стихіи религіозныя и жизненныя, равно чуждыя Пелазгу и Каску.

Таково поклоненіе Вестѣ, конный строй и др.

Такимъ образомъ составилось многосложное и многостихійное населеніе Лаціума изъ основы Оскской, примѣси Пелазгской и колонизаціи Троянской (т. е. Восточно-Арійской или Славянской). Позднѣе наполнился онъ приливомъ Сабиновъ, мало-по-малу сходящихъ съ ихъ дикихъ и лѣсистыхъ пригорій, и подвергся долгому вліянію и временному владычеству просвѣщенной и завоевательной Этруріи.

Лавиніумъ, по всей вѣроятности выстроенный пришельцами Троянскими, и безъ сомнѣнія Троянская *Альба* сохраняли между городами Лаціума и нѣкоторое первенство и рѣзкія особенности быта и языка. Въ нихъ должна была развиться новая эпоха въ лѣтописяхъ человѣчества.

Начало Рима.

Около начала VIII-го столѣтія до Р. Х. бѣглецы Альбанскіе основали міродержавный Римъ.

Безполезно бы было искать самаго года, въ которомъ положено основаніе великаго города. Первоначальное его лѣтосчисленіе очевидно не представляетъ положительныхъ данныхъ и содержитъ смѣшеніе сказочныхъ преданій съ подлинною исторіею, но смѣшеніе такое сложное и неправильное, что нельзя и думать объ отдѣленіи истины отъ вымысла. Должно только ловить самый характеръ сказанія и отнюдь въ немъ не предполагать мнѣ, который совсѣмъ не входитъ въ Римскую исторію. Она не всегда вѣрна истинѣ, но всегда движется въ кругѣ чисто человѣческомъ и не представляетъ никакихъ символовъ небесныхъ или чисто-религіозныхъ, какъ ранняя исторія народовъ Востока и даже Эллады.

Самое имя Рима—*Рома* было по всей вѣроятности только названіемъ бытовымъ, подъ которымъ скрывалось названіе таинственное, искаженное съ намѣреніемъ для отвращенія враждебныхъ заклинаній или безъ намѣренія отъ позднѣйшаго смѣшенія племенъ.

Что не отъ царя Ромула прозвался городъ *Рома*, въ томъ свидѣтельствуетъ уменьшитель наяформа царскаго имени показывающая уже существованіе полной и коренной формы. Такъ какъ теперь никому не нужно заклинать боговъ хранителей Рима, критика можетъ остаться довольно равнодушною и къ его настоящему имени и къ настоящему имени его пенатовъ. За всѣмъ тѣмъ достойно замѣчанія, что всѣ Славянскія племена, мало искажающія чужеземныя слова и весьма рано вошедшія (черезъ Вендовъ и Иллирцевъ Приадріатическихъ) въсношеніе съ Римомъ, называютъ его одинаково и что переходъ звука *о* въ *и* не можетъ быть объясненъ особеннымъ свойствомъ какого-нибудь нарѣчія (какъ напр. Малороссійскаго), ибо южные Славяне Иллирійскіе и другіе и до сихъ поръ мало склонны къ такому переходу, а въ старину еще менѣе были къ нему склонны (какъ видно изъ слова *Озеріатъ*, въ которомъ первая гласная доказываетъ, что старожилы Иллирійскаго берега говорили *озеро*, а не *езеро* какъ теперь). Если сообразить съ этимъ обстоятельствомъ то, что въ сѣверной Элладѣ и въ Придунайской сторонѣ Римскіе колонисты сами себя издревле называли *Румунами*, что братомъ и соперникомъ *Ромуса* (Ромула) названъ *Ремусъ* и что звукъ *о* является въ Латинскомъ языкѣ весьма часто какъ измѣненіе глухаго *у*, кажется должно будетъ признать, что въ имени города *Рома* былъ сначала глухой звукъ, вообще принимаемый за *у*, но который былъ дѣйствительно звукомъ *ы*, также какъ мы видѣли во всѣхъ коренныхъ не Эллинскихъ словахъ Латинскаго языка (*Рымъ*).

Основа города была чисто *Альбанская*, т. е. *Троянская* или *Восточно-Пранская*.

Такимъ образомъ—и только такимъ—объясняется особенный характеръ Латинскаго языка. То что можно было понять изъ преданій и миновъ, связывающихъ основаніе Альбы и основателей ея съ божествомъ преимущественно Славянскимъ, то самое выходитъ, какъ сказано было выше, съ совершенною ясностью изъ филологическаго изслѣдованія. Латинскій языкъ не въ корняхъ своихъ, но во всемъ развитіи своемъ, кромѣ Эллино-Пелазгской стихіи, представляетъ уже эпоху Славянской языковой личности, какъ фактъ необходимо предшествовавшій. Не го-

воримъ о томъ, что множество словъ Латинскихъ находятъ свой законный корень только въ Славянскомъ: какъ напр. *ensis* мечь отъ *язить* или *ьзить*; *sancire*, *sanctus* утверждать (въ смыслѣ договора) отъ *святить* или *свенцить*, *свять* или *свить*; *vitalus* или *letalus* и *vitulus* теленокъ отъ корня *телъ* или *телецъ*; *coelum* небо отъ *чело* верхъ; *colere colonus* отъ *селить*, *селянинъ*; *emo* покупаю, *емлю*; *columba*, *голубь* и безконечное множество другихъ; не говоримъ даже о живыхъ формахъ, общихъ Славянскому и Латинскому, какъ окончаніе именъ Слав. на *ель* или *ерь* и *ица* (въ женскомъ) и Латинскихъ на *or*, *ix*, *icis*; употребленіе Сл. *со* совершенно одинаковое какъ и употребленіе Латинск. *cum* и пр. и пр.,—но обратимъ только вниманіе на слова и формы, утраченныя и вкорененныя въ формы живыя. Таково причастіе прошедшее въ глаголахъ дѣйствительныхъ. Это причастіе не существуетъ въ Латинскомъ нарѣчіи: но оно явно сохранилось въ сложныхъ временахъ глагола и именно въ формѣ Малороссійской: *amavi eram*, любивый есмь, *amavi ero*, любивый буду; таковы признаки глагола *быть* въ формѣ *былъ и буду*: *ama-bam*, *ama-bo* *ama-bundus*; таковъ весь утраченный глаголъ *dere* или *duere* (сходнаго съ Гер. *thun* въ смыслѣ *дѣть* или *дѣять*), напр. *induere* надѣвать, *condere* содѣять, *subdere* подѣть, подложить или покорить и др.; таково склоненіе мѣстоименія *is*, *ea*, *ejus*, въ которомъ слилось мѣстоименіе *сей* съ *его*; таковъ параллелизмъ прилагательныхъ и нарѣчій на *кв* и *т* (напр *talis*, *qualis*, *tandem*, *quando* и пр.), соотвѣтствующій Славянскому параллелизму *т* и *к* (напр. *толикій*, *коликій*, *тогда*, *когда* и пр.), но лишенный оправдательнаго корня въ мѣстоименіи *тотъ*; таково присутствіе утраченнаго предлога *до* въ словахъ *quando*, *tandem* и во многихъ другихъ, и особенно въ *donec*, котораго явный первообразъ Сл. *до—неже*, составленъ по всѣмъ законамъ Славянскаго организма; таково присутствіе въ древне-Латинскомъ средняго звука между *э* и *и* (слѣд. *ѣ*), явное въ двойномъ развѣтвленіи семей *vir* (*vir*, *virtus*, *vires* и пр.) и *ver* (*verum*, *vereor* и др.), и звука *ы*, о которомъ уже говорено; таковъ слѣдъ Слав. предлога *въ* въ глаголѣ *venire* (вити): таково все спряженіе, которое, какъ мы показали, основано на трехъ вспомогательныхъ глаголахъ по Славянскому образцу. Множество подобныхъ примѣровъ, явныхъ для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя, составляютъ полное, неопровержимое свидѣтельство. Точно также,

какъ землепспытатель находитъ слѣды отжившей жизни въ каменныхъ пластахъ, сдавившихъ, но и на вѣкъ сохранившихъ остатки старыхъ организмовъ, такъ и филологъ не можетъ не узнать въ странномъ и безпорядочномъ напластаніи Латинскаго языка, замершее свидѣтельство объ организмѣ нѣкогда живомъ: и въ этомъ организмѣ является ему оторванный членъ отъ безконечнаго колосса Бактро-Славянскаго, охватившаго собою весь Востокъ и всю среднюю Европу и нѣкогда отдѣльными вѣтвями проникшаго во всѣ части Италіи. Но обманчива бы была надежда критика, если бы онъ вздумалъ во всѣхъ частяхъ Латинскаго языка отрывать слѣды прежняго Троянскаго нарѣчія въ неизмѣненномъ видѣ мертвыхъ ископаемыхъ. Живое сживается съ живымъ. Рѣдко удается найти слова, спасшіяся отъ искаженія посредствомъ вкрапленія въ другія и сохранившіяся, какъ неприкосновенный и неразрушаемый кремень. Большая часть подверглась измѣненію и получила новую, хотя и неправильную, жизнь въ слѣдствіе прививки къ чужеземнымъ стихіяхъ. Весьма многія слова скрылись подъ прихотливою перестановкою буквъ (таковы: *nix—съ-ниг* С. *снигъ; trux—съ-трук* С. *строгъ; fax faces, съ-фаце* С. *свѣча; fascis* С. *связка,* и едва ли не самый *urbs, с—руб,* С. *срубъ* и пр.), точно также какъ эта перестановка буквъ нерѣдко является даже внутри нарѣчій одноначальныхъ (напр. въ Славянскомъ *длань* или *долонь*—ладонь, *медвѣдь—ведмѣд, колдобина*—отъ *коло* и *дѣять,—бакалдина* и пр.). Многія недоступны для наблюденія, потому что стихіи, пришедшія въ соприкосновеніе съ Славянскою, имѣли съ нею много корней общихъ, слѣд. имѣютъ по видимому равныя права на званіе родоначальниковъ (напр. въ словахъ *domus* домъ, *vicus* весь, *pulvis* пыль и пр.). Чувство живой истины одно можетъ руководить критикомъ и оно должно привязываться болѣе къ общей физіономіи, чѣмъ къ подробностямъ, болѣе къ слѣдамъ органическаго развитія, чѣмъ къ корнямъ. Результаты будутъ безошибочны. (Такъ напр. *abs* можно смѣло принять за обратное *безъ,* когда *ad* есть явное обращеніе предлога *до,* ибо раннее *donec* сохранило первоначальную форму, а позднѣйшее *ad-huc* уже приняло форму эпохи искаженной). Во всякомъ случаѣ языковая основа Латинскаго нарѣчія принадлежитъ вполнѣ системѣ Славянской и да-

етъ выводы, подтверждающіе истину сказанія объ основаніи Альбы и Славянствѣ Троянo-Ликійскихъ народовъ. (*)

Бѣглецы Альбы выстроили себѣ новое убѣжище на берегахъ Тибра и поселились вѣроятно дружиною, а не семьями. Память о такомъ дикомъ состояніи сохранилась въ сказаніяхъ. Самый основатель города, какъ лице историческое, исчезъ; пѣсни и преданія причислили его къ числу лицъ полу-божественныхъ, съ которыми народы древности любили начинать свою родословную.

Очевидно сказка о рожденіи Ромула есть только искаженное повтореніе сказки объ Энеѣ, основателѣ первыхъ Троянскихъ колоній: но все, что въ преданіи объ Энеѣ носитъ на себѣ характеръ мирный и богоугодный, приняло въ преданіи о Ромулѣ характеръ воинственной дикости. Самая Венера древнихъ Славянъ (*Пріа*), измѣнивъ не много имя свое въ *Rea*-(*Rhea*), приняла прозвище лѣсной (*Sylvia*) и суровая волчица должна была вскормить дѣтей кроткой богини.

Но съ баснословнымъ Ромуломъ, представителемъ Альбанской стихіи, связались родовыя сказанія нѣсколькихъ правительственныхъ семей и въ особенности той семьи, которой суждено было измѣнить всю государственную жизнь всемірной державы; съ именемъ Ромула соединены свидѣтельства о смѣшеніи стихій народныхъ при самомъ началѣ Римскаго бытія. Воинственные выходцы Альбы, бездомные удальцы, похитили женъ другаго племени и вступили сперва въ борьбу, потомъ въ дружескій и общинный союзъ съ своими сосѣдями. Такова эпоха Ромула.

(*) Едва ли не самое поучительное свидѣтельство о томъ, какъ человѣческій произволъ измѣняетъ человѣческое слово, находится въ нарѣчіи Русско-Камчатскомъ. Тамъ между прочимъ женскій родъ исчезъ въ прилагательныхъ, *женщины* величаются *парнями* и *мухи — утками*! И это въ землѣ, принадлежащей Россіи и у колонистовъ, пришедшихъ изъ Россіи! Одна только причина искаженія—частное и временное разъединеніе, давшее волю прихоти. Великій урокъ филологамъ и насмѣшка надъ многими системами.

Самое первое появленіе Рима представляетъ намъ чистую дружину, слѣдственно быть условный, произвольный, а не естественный. Нѣтъ сомнѣнія, что дружина можетъ быть точно также торговая или религіозная, какъ и воинственная; но форма условія и внутренняго государственнаго устройства въ первоначальномъ Римѣ опредѣляется сначала очевидно не высшими идеями, проявившимися въ послѣдствіи, но потребностями военными. Отъ того и эпоха Ромула осталась не въ почетной памяти у патриціанскаго, духовно-образованнаго сословія; она помнилась, какъ время дикости и насилія, время темное и безславное. Патриціанскій характеръ города опредѣлился уже въ позднѣйшую эпоху.

Но этотъ характеръ, еще не развившійся, уже таился въ зародышѣ. Ко временамъ градостроителя возводитъ преданіе раздѣленіе патриціанскихъ трибъ и самую гибель его приписываетъ враждѣ первенствующаго сословія. Для здравой критики сказаніе о смерти Ромула не имѣетъ значенія былп исторической, но оно представляетъ свидѣтельство о борьбѣ военно-дружиннаго, полу-демократическаго начала съ началомъ религіознымъ и патриціанскимъ, о торжествѣ втораго и объ уступкѣ, сдѣланной имъ въ пользу перваго принятіемъ въ число боговъ представителя воинской дружины. Раздѣленіе трибъ (было ли ихъ двѣ или три, все равно) согласно съ разсказами о двухъ одновременныхъ царяхъ и о сліяніи двухъ народовъ. Самыя названія трибовъ соотвѣтствуютъ кореннымъ именамъ этихъ народовъ: *Тиціи*—представителю Сабиновъ (вѣроятно названію одного изъ Сабинскихъ поколѣній) *Тицію* или *Тацію*, *Рамны*—самому городу *Рома* или *Римъ*.

Рамны то же самое, что *Романы* или *Румуны*. Въ языкахъ разностихійныхъ, также какъ въ словахъ, принятыхъ изъ языка чужаго, такое колебаніе безпрестанно. Англичане говорятъ *pope*,—*попъ* и *papal*—*папалъ* и т. д. *Луцеры* едва ли не позднѣйшаго Этрусскаго происхожденія и напоминаютъ слово *лукумонъ*.

Весь ранній характеръ Рима, независимо отъ Сабинской примѣси, представляется военно-дружиннымъ. Граница—истинная

святыня Рима, граница, обагренная кровью роднаго брата, неуступающая даже Юпитеру. Въ этомъ грубо-условномъ, чисто государственномъ характерѣ вся тайна будущаго Римскаго величія. Но была и другая религія, связывающая дружину съ городомъ, отъ котораго она отдѣлилась. Объ этой религіи не осталось свидѣтельствъ положительныхъ и прямыхъ: но косвенныя свидѣтельства ясны. По нѣкоторымъ сказаніямъ еще при Ромулѣ, по другимъ послѣ него, Римъ объявилъ уже притязаніе быть главою союза 30-ти городовъ, однопачальныхъ съ Альбою, и это притязаніе безспорно было религіозное. Оно находилось явно въ связи съ служеніемъ *Весты*, ибо это служеніе, безтолково приписанное иными писателями Нумѣ, не имѣетъ ничего общаго съ системою Сабинскою. Въ лицѣ же Весты, принимая въ соображеніе молчаніе всѣхъ писателей о поклоненіи Венерѣ, и въ то же время сказаніе о Венерѣ какъ матери Энея, и Реѣ (*Пріи*) какъ матери Ромула и *весталки*, мы должны признать ту самую богиню обще-Славянскую, которая составляла отличительный характеръ Славянской миѳологіи, женское начало не въ символизмѣ, но въ человѣкообразіи, т. е. *Прію-Венеру*; а въ имени *Весты* (*знающей*, какъ *невѣста* незнающая) признать высокое значеніе этой богини, униженной въ позднѣйшемъ синкретизмѣ.

Ей же соотвѣтствуетъ и *Діана*, какъ *Діанъ* или *Янусъ*. Велену.

Таковы наши данныя для перваго періода Римскаго: онѣ всѣ заключены въ области чисто-Славянскаго міра, какъ по языку, такъ и по религіи.

Второй періодъ Рима.

Царствованіе *Нумы Помпилія* опредѣляетъ новый періодъ и преобладаніе стихіи уже дѣйствовавшей, но не преобладавшей въ первомъ.

Сабинская стихія.

Съ горъ лежащихъ на Востокѣ отъ области Латинской сдвинулись въ равнину Сабины. Римъ принялъ ихъ поневолѣ въ свои нѣдра, но по своему чисто-условному началу усыновилъ ихъ, не покоряясь имъ и не покоряя, но миряся. Высшее духовное стремленіе, къ которому были способны Сабины и ко-

торое, какъ очевидно изъ пиѳагорейства, получило даже нѣкоторое развитіе у полу-просвѣщенныхъ жрецовъ, дало первенство пришельцамъ надъ дикими дружинниками, основателями общины. *Веста* помирилась съ богами Сабинскими, религія, нѣкогда не чуждая крови (какъ видно изъ разсказовъ объ Альбѣ), приняла характеръ отвлеченный и безкровный; роды (*gentes*) сдѣлались святынею и патриціатъ сталъ на основѣ твердой и разумной

О безкровности древне-Римской религіи, т. е. религіи второй эпохи, много свидѣтельствъ. Главное же и неоспоримое то, что одинъ взглядъ на войско уже осквернялъ первосвященника.

Начало Альбанское (Троянское или Восточно-Иранское) было въ высшей степени родовое и семейное: начало Сабинское было также не чуждо семейности. Очевидно, Римъ не могъ развиться иначе, какъ въ строго семейномъ бытѣ.

Не такъ какъ Эллада, въ которой характеръ завоевательной дружины вездѣ уничтожалъ семью, кромѣ мирно-созданныхъ Аѳинъ.

Съ другой стороны, воинственный бытъ первой Римской эпохи долженъ былъ отозваться униженіемъ женщинъ въ отношеніи правъ гражданскихъ. Такъ и было.

То же самое замѣтно и въ нѣкоторыхъ областяхъ Славянскихъ въ противность общему Славянскому быту, уравнивающему женщинъ и мущинъ: но такія области заселены казачествомъ.

Между тѣмъ самая основа государства была чисто условная и произвольная, обращенная съ самаго начала не на внутреннюю, но на внѣшнюю жизнь: родовое устройство приняло въ себя ту же стихію условности и удалилось совершенно отъ своей первобытной простоты. *Gentes*, т. е. роды, опредѣлялись не кровнымъ родствомъ, но принятіемъ пришельцевъ, безъ сомнѣнія даже чужеземцевъ, въ права родовыя, въ общеніе ро-

довой святыни и въ законы подчиненности, со стороны мнимыхъ родичей, и покровительства со стороны родопачальниковъ. Семья же, не принимая въ себя такой искусственной примѣси, замкнулась въ форму государственнаго положенія и уничтожила личность всѣхъ своихъ членовъ, заключая ихъ въ одномъ лицѣ полнаго гражданина, отца семьи. Нравственная чистота могла развиться и развилась въ высокой степени подъ вліяніемъ нравственно-отвлеченной религіи (Сабинской), религіи, исполненной духовнаго символизма и философскихъ стремленій (пиѳагорейскихъ). Такимъ образомъ добро нравственное сдѣлалось главнымъ двигателемъ жизни личной у Римлянина, между тѣмъ какъ у Эллина истиннымъ божествомъ былъ самъ человѣкъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Въ Элладѣ идеалъ человѣческій, облагораживаясь мало-по-малу и въ то же время отвлекаясь отъ всѣхъ случайностей и отыскивая себѣ разумной (т. е. разсудочно-вѣрной) опоры, дошелъ до идеала чистологическаго и сосредоточился въ одномъ, въ красотѣ знанія — истинѣ: въ Римѣ идеалъ сохранилъ свою отвлеченность и остался себѣ вѣрнымъ въ отвлеченной красотѣ воли—добродѣтели Но вся жизнь общества Римскаго, заключенная въ условіяхъ произвольныхъ и чисто-внѣшнихъ, отозвалась въ самомъ идеалѣ добродѣтели и наложила на него характеръ грубой внѣшности, не имѣющей и не объявляющей притязанія на средоточіе духовной жизни и заключенной единственно въ правдѣ относительной или условной. Дѣятельность внутренняго человѣка ограничилась тѣсными предѣлами односторонности и изъ этой односторонности, убившей лучшія способности духа, развилось въ послѣдствіи право, — великолѣпное Римское право, многообъемлющее, стройное, строго-логическое, но мертвое и умерщвляющее. Между тѣмъ какъ лица, составляющія общину Римскую, подчинялись высокому закону правды, самое государство не могло и не думало покорить свою дружинную условность нравственнымъ требованіямъ, обязательнымъ для отдѣльныхъ лицъ. Отъ того Римское право осталось исключительно судебнымъ и не обняло ни государственныхъ положеній, ни даже самыхъ скудныхъ началъ права

народнаго. Таковъ характеръ второй эпохи Римской, опредѣлившей со стороны дѣятельности патриціанской всю послѣдовавшую жизнь міродержавнаго города.

Нельзя не замѣтить сходства между отвлеченными началами Рима и далекой восточной державы Китая: но при томъ не должно упускать изъ вида и великаго различія. Въ обоихъ преобладаетъ идея внѣшней правды: но въ одномъ (Китаѣ), поставившемъ себѣ въ первоначальную задачу устроеніе логическаго государства на отвлеченно-нравственныхъ началахъ, преобладаетъ право государственное и вся его условность есть плодъ отвлеченнаго умствованія, въ которомъ всѣ части приносятся въ жертву цѣлому; въ другомъ (Римѣ) условность полагается случайными потребностями дружины и налагаетъ свою печать, печать грубой безнравственности, на все государство: идея внѣшней правды созидаетъ только право судебное. Въ началахъ Китая выразилось высшее требованіе духа. Съ другой стороны, въ Римѣ самый произволъ, основавшій дружину, и позднѣйшее столкновеніе плебеевъ съ патриціями, развили идею личной свободы, но свободы, подчиненной строгимъ требованіямъ правды, т. е. идею свободы правомѣрной. Въ этомъ отношеніи Римъ не идетъ въ сравненіе ни съ какимъ древнимъ государствомъ. Задача Китая была религіозная и предметомъ религіи было самое государство, точно также какъ стройность, подражающая законамъ міровымъ, была задачею всѣхъ чисто-Кушитскихъ государствъ. Въ этой религіозной, но односторонней основѣ, должно искать тайну ихъ долгаго существованія. Всеобъемлющее требованіе Иранскаго духа не могло создать себѣ достаточныхъ формъ и безсознательно подражало чужимъ, несвойственнымъ ему законамъ, за исключеніемъ двухъ эпохъ Іудеи: до Саула и послѣ Вавилонскаго плѣна. Эллада и Римъ принадлежатъ періоду погибшихъ вѣрованій и преобладанія личной свободы. Государственной ихъ законъ одинъ: грубая, беззаконная польза; но Римъ нашелъ въ нравственной чистотѣ своихъ гражданъ-патриціевъ силу и святость, которой не доставало Эллядѣ; точно также какъ и самую пользу онъ положилъ въ пользѣ истинной, вещественной, а не въ красотѣ славы и наружнаго блеска, которую Эллины принимали за пользу. Должно замѣтить, что несравненное превосходство правовъ Римскихъ передъ Эллинскими вполнѣ зависѣло

отъ сохранившагося во всей Италіи и утраченнаго въ Элладѣ преданія о безсмертіи душъ и высокомъ ихъ загробномъ значеніи. «Лучше быть какой хочешь дрянью на землѣ, чѣмъ царемъ всѣхъ тѣней,» говоритъ Ахиллъ въ Одиссеѣ. Для древняго Грека мертвый—безсильная тѣнь; для древняго Италіота онъ могущій и полубожественный духъ, принимающій достойную славу или достойную казнь.

Патриціи и плебеи.

Римъ, основавшись какъ сбродная дружина, былъ уже по необходимости городомъ-убѣжищемъ. Римъ, обратившись въ мирную святыню, окруженную враждебными или завистливыми сосѣдями, призналъ необходимость новой охранной дружины и эту дружину собиралъ онъ снова въ своемъ прежнемъ значеніи убѣжища. *Asylum* былъ въ обоихъ случаяхъ потребностью неизбѣжною: но характеръ убѣжища измѣнился. Въ первой эпохѣ всякій пришлецъ былъ братомъ Римлянину по удальству, по желанію участвовать въ подвигахъ и выгодахъ дружины. Онъ поступалъ легко въ права гражданина и въ искуственный строй общества, раздѣленнаго на произвольные числительные участки (на десятки, сотни, тысячи и т. д.), ибо таковъ былъ раздѣлъ Ромулова Рима. Во вторую эпоху онъ уже долженъ былъ причислиться къ святынѣ какого нибудь рода и поступить въ число родичей,—разумѣется съ меньшими правами противъ старшихъ и съ меньшею степенью посвященія въ святыню.

Такое отношеніе можно угадать, хотя положительнаго мы не имѣемъ. Низшіе члены искуственнаго рода относились вѣроятно къ старшимъ, какъ во многихъ духовно-военныхъ общинахъ низшіе члены, воинствующіе, къ высшимъ, жреческимъ.

Но съ одной стороны не всѣ пришельцы хотѣли подчиниться безусловной опекѣ родоначальниковъ патриціанскихъ; съ другой не всѣхъ могли или хотѣли духовно-образованные патриціи принять даже младшими членами въ свои роды. Около города патриціанскаго образовался вольный городъ вольной дружины, не имѣющей ни правъ на гражданство, ни правъ на

святыню, но пользующейся нѣкоторыми правами на пользованіе земельными дачами внѣ собственно городскихъ земель, пользующейся правомъ охраны отъ внѣшняго преслѣдованія и платящей за свое жительство трудомъ боевымъ во время войны и почтеніемъ къ патрицію—гражданину во время мира. Такъ утвердилась вторая эпоха Римской жизни, эпоха Нумы, кто бы онъ ни былъ, дѣйствительно ли царствовавшее лице или лице сказочное, символъ цѣлаго періода гражданственности.

Весьма вѣроятны историческое существованіе царей и вѣрность преданія, сохранившаго ихъ имена, по самому характеру сказаній. Также вѣроятна и сущность происшествій, хотя подробности явно баснословны.

Царствованія Тулла Гостилія и Анка Марція представляютъ только повтореніе предшествующихъ, поочередное преобладаніе двухъ началъ, Римскаго и Альбанскаго (Рамновъ) и Сабинскаго (Тиціевъ). Бо́льшая воинственность отличаетъ первыхъ; большая религіозность вторыхъ. При Гостиліи возобновляется споръ о первенствѣ между Римомъ и Альбою, споръ, принадлежащій собственно Рамнамъ, а не Тиціямъ, и споръ рѣшается паденіемъ Альбы.

Въ самомъ сказаніи о разрѣшеніи вопро́са посредствомъ единоборства слышенъ какой-то отзвукъ старины, живо помнившей родство Альбы и Рима и облекшей войну въ образъ, который никогда не повторяется при войнѣ Рима съ инокровными племенами.

Анкъ Марцій соотвѣтствуетъ Нумѣ, но уже очевидно чистая духовность философски-религіозныхъ Тиціевъ уступила при немъ вліянію воинственнаго начала.

Это видно какъ изъ преданій (пусть и не совсѣмъ ясныхъ) о побѣдахъ Анка и изъ духа религіозныхъ обрядовъ, имъ утвержденныхъ

Вслѣдъ за нимъ является новая стихія въ Римѣ, чуждая его прежнимъ началамъ и объяснимая только посредствомъ внѣш-

Стихія Этрусская. Тарквиній древній.

няго вліянія Это стихія Этрускская въ лицѣ Тарквинія Древняго. Слава, окружающая его имя и благодарная память народа объ его преемникѣ Сервіи не позволяютъ предполагать завоеванія.

Предположеніе о завоеваніи еще болѣе опровергается существованіемъ пригорода *vicus Tuscus*. Такъ не селятся завоеватели. Кажется слово *vicus* соотвѣтствуетъ Слав. *весь*, также какъ *urbs* Сл. *срубъ* (крѣпость).

Этруски не силою оружія, но тихимъ завоеваніемъ художествъ и высшей образованности (по крайней мѣрѣ въ вещественномъ отношеніи) заняли въ Римѣ почетное мѣсто. Изъ нихъ по всей вѣроятности образовался третій патриціанскій трибъ—*Луцеровъ*, или по крайней мѣрѣ отъ ихъ вліянія составился этотъ новый трибъ, составленный изъ смѣшанныхъ стихій и не имѣющій опредѣленнаго характера, подобно Рамнамъ и Тиціямъ. Восшествіе на престолъ Тарквинія древняго принадлежащаго вѣроятно трибу Луцеровъ, обозначаетъ ослабленіе прежняго исключительнаго строя патриціанской жизни и перемѣну нравовъ, а не законовъ. Бытъ государственный не измѣнялся. Тарквиніево царствованіе представляетъ эпоху блистательную для молодаго Рима. Сосѣдніе города покоряются ему или признаютъ его первенство, область распространяется, городъ растетъ и краснтся, художества развиваются; но съ другой стороны крѣпнутъ зародыши будущихъ перемѣнъ государственныхъ. Трибы удвоиваются введеніемъ новыхъ родовъ патриціанскихъ (Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ младшихъ); государство (т. е. полныя права гражданскія) остается еще заключеннымъ въ патриціяхъ: но внутренняя жизнь и святость сословія исчезаетъ передъ новымъ приливомъ и исключительность правъ начинаетъ являться чисто условнымъ учрежденіемъ, не имѣющимъ закоинаго (т. е. внутренняго) оправданія. Плебеи еще не выступаютъ на поприще общественной жизни, но самый патриціатъ принимаетъ въ себѣ стихію плебейскую въ паденіи религіознаго смысла.

Эпоха Тарквинія соединяетъ въ себѣ признаки двухъ новыхъ стихій, вкрадывающихся въ общество, Этрусской и Эллинской: но эти стихіи, хотя безспорно различныя, не были враждебны другъ другу и стремились къ одной и той же цѣли, къ человѣкообразію въ религіи и къ развитію художественныхъ стремленій.

Сами Этруски, вслѣдствіе торговыхъ сношеній Эллиновъ и превосходства образованія Эллинскаго, уже подверглись его вліянію, сдѣлались отчасти данниками Эллады по предметамъ роскоши и прихоти и стали сливать въ нестройный синкретизмъ свою миѳологію съ миѳологіею Олимпійскою. Это явно изъ сохранившихся памятниковъ древне-Этрусской жизни.

Сношенія Тарквинія съ Фокейскими Эллинами, явно доказанныя новѣйшею критикою, свидѣтельствуютъ о жизни торговой, которой память утратилась въ позднѣйшія времена, когда Римъ, утративъ свое величіе и стѣсненный со всѣхъ сторонъ, сосредоточилъ всю свою дѣятельность въ жизни воинственной и государственной.

Послѣднее свидѣтельство о торговомъ развитіи находится въ договорѣ Рима съ Карѳагеномъ въ первый годъ республики. Торговцы Римскіе явно посѣщали берега Сициліи и Африки.

Отъ этой эпохи полу-Этрусскихъ царей остались тѣ зародыши эллепизаціи, которые наконецъ ввели Римъ въ систему чисто-Эллинскаго образованія; но сильная примѣсь стихіи словесной не можетъ объяснится иначе, какъ значительною примѣсью въ народонаселеніи. Эта примѣсь въ языкѣ, явная не только въ корняхъ, но въ словахъ, развитыхъ по законамъ совершенно чуждымъ первому органическому закону Латинскаго нарѣчія, указываетъ на примѣсь Эллино-Пелазгскаго народа, вошедшаго безъ сомнѣнія не въ правительственные ряды патриціевъ, но въ темную общину подвластныхъ плебеевъ. Смѣсь народонаселенія, необходимое слѣдствіе законнаго убѣ-

жища (*asylum*), сопровождалась другимъ важнѣйшимъ и рѣшительнымъ измѣненіемъ въ религіи.

Впрочемъ явно, что самъ патриціатъ принялъ въ себя множество иноземныхъ поколѣній. Таковъ упрекъ, сдѣланный ему не разъ трибунами во время плебейскихъ смутъ: они его называютъ, также какъ и себя (плебеевъ)—*colluvies gentium*. Это обвиненіе оправдывается образованіемъ триба Луцеровъ и всѣхъ младшихъ родовъ (*minores gentes*), которые вѣроятно взяты были изъ середины сбродной общины (*Азилума*).

Вліяніе Эллинское. Грековъ въ Италіи.

Еще не испытала Эллада силъ своихъ въ побѣдной борьбѣ съ Азіею и развитіе свободной личности не доказало еще мечемъ правъ своихъ на управленіе міромъ, утратившимъ вѣру въ высшія начала; но давно уже Эллины въ безпокойной своей дѣятельности раскинули сѣть своихъ колоній во всѣ концы Средиземнаго моря. Берега Сициліи и Италіи покрылись городами полу-торговыми, полу-завоевательными, распространившими мало-по-малу власть въ самую глубь земель. Все способствовало торжеству этихъ мелкихъ поселеній, ихъ воинственная восторженность, ихъ славолюбивая гордость, вѣрность торговыхъ расчетовъ, высокая образованность гражданская (въ смыслѣ дружинно-условномъ) и особенно прелесть ихъ художественно-утонченныхъ правовъ, соблазняющая грубую простоту туземцевъ и склоняющая ихъ къ миру и подражанію.

Такъ напр. Энотрійцы совершенно утратили свою народность и приняли всѣ обычаи и даже языкъ Эллинскій.

Болѣе же всего способствовало успѣху Эллады то обстоятельство, что въ ней самой во многихъ общинахъ было дѣйствительно не завоеваніе Пелазговъ Эллинами, но претвореніе Пелазговъ въ Эллиновъ.

То самое совершилось сперва внутри Эллады, что совершилось потомъ внѣ ея не только на западѣ, но и на востокѣ при Македонцахъ вслѣдствіе превосходства образовательнаго начала Эллинскаго.

Эти претворенныя общины связывали узами родства духовнаго, преданій и обычаевъ Пелазгическія приморья Сицилін и Италіи съ берегами Эллинскими и приготовляли Грекамъ (ибо такъ называли Эллиновъ Италіоты, по малому племени, живущему на горномъ прибережьѣ Эпира) свободный доступъ какъ къ торговлѣ, такъ и къ поселеніямъ въ западной заморской сторонѣ.

Въ числѣ общинъ перерожденныхъ, кажется, должно ставить на первомъ ряду *Аркадцевъ* и такимъ образомъ объяснить мнимо-Аркадское происхожденіе многихъ племенъ въ Италіи, напр. колоніи Эвандра въ Лаціумѣ и названіе Аркадцами Тирреновъ, поскольку они принадлежали обще-Пелазгическому началу.

Такъ создавалась мало-по-малу великая Греція: но и самое Эллино-Пелазгское народонаселеніе подверглось значительному измѣненію въ своемъ переселеніи на берега Италіи, особенно въ первыя времена. Нѣтъ сомнѣнія, что въ позднѣйшую эпоху, когда имя Эллады сдѣлалось первымъ въ мірѣ, когда Эллада приняла въ себя всѣ знанія, разсѣянныя по странѣ Палестинской и Египетской, заморскія колоніи отстранили отъ себя все чуждое, гордяся только именемъ Эллинскимъ и отстраняя отъ себя всѣ не-Эллинскія стихіи. Но не такъ было сначала. Густой мракъ невѣжества покрывалъ еще Аѳины и Пелопоннесъ, за исключеніемъ развитія поэтическаго и художественнаго; свѣтъ наукъ не проникъ еще въ общины, заключенныя между Адріатикой и Эгейскимъ моремъ, а выходцы изъ Эллады, пришедшіе въ соприкосновеніе съ другими древнеобразованными странами, уже проложили себѣ путь къ знаніямъ еще недоступнымъ для племенъ, оставшихся въ родной странѣ. Исторія, философія и астрономія возникли въ колоніяхъ Мало-Азійскихъ, отъ вліянія Ассирійскихъ Индійцевъ, Славянской Ликіи и Западно-Прансскихъ жителей приморья; а въ то же время, или еще ранѣе, философія, таинственныя науки, астрономія и математика уже цвѣли и преуспѣвали въ Эллинскихъ колоніяхъ Италіи и Сицилін, гордяся именами Пи-

Фагора, Геліодота и другихъ и свидѣтельствуя о частыхъ сношеніяхъ съ просвѣщенными народами племени полу-Кушитскаго, съ смѣлыми мореходцами Финикіи и Карѳагена, съ Тирренцами Этрусскими, которые были не чужды математическихъ знаній, и отчасти, можетъ быть съ самимъ Египтомъ.

Въ этомъ раннемъ появленіи наукъ на окружности Эллады при явномъ невѣжествѣ областей срединныхъ заключается безспорное доказательство нетуземства науки и рѣшительное опроверженіе системы, выдумавшей самородность умственнаго развитія Эллинскаго наперекоръ всѣмъ уликамъ историческимъ, свидѣтельству самихъ Грековъ и яснѣйшимъ выводамъ безпристрастной критики. Конечно поздняя Энеида съ своими произвольными вымыслами и анохронизмами не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться доказательствомъ историческимъ; но появленіе Финикійцевъ въ сказаніи объ Эпеѣ, точно также какъ Мемнона въ сказаніи о самой Троѣ, вѣроятно основано на искаженныхъ преданіяхъ о торговой дружбѣ Троянскаго Венда съ другими промышленными народами и особенно съ Сидонскимъ приморьемъ. Точно также и сказаніе объ Эриксѣ кровожадномъ, сынѣ Венеры, на берегахъ Сицилійскихъ, показываетъ древнее поселеніе кровожадныхъ поклонниковъ *Мелехета* или *Деркето*. Смѣшеніе богинь Кушитскихъ и Пріп. Астарты Бактро-Славянской, собственно Венеры, произошло въ весьма раннія времена по сходству обрядовъ и частнаго значенія, не смотря на коренную разницу миѳологіи. Такова причина, почему колоніи Сидонскія приписываются преданіемъ потомкамъ Венеры.

Смѣшеніе племенъ Этрусскаго, чисто-Альбанскаго и Латинскаго, состоящаго отчасти изъ полу-эллинизованныхъ Пеласговъ, должно было, не смотря на частныя разницы вѣрованій, имѣть одно послѣдствіе,—полное огрубѣніе и безсмысленное человѣкообразіе религіи. Нелѣпый и нестройный синкретизмъ, рожденный въ плебейскомъ азилумѣ, отозвался скоро и въ патриціанской святынѣ, не только отъ введенія Луцеровъ и младшихъ родовъ, но и отъ коренной склонности Рамновъ Альбанскихъ, искони поклонявшихся сказочнымъ богамъ.

Славянскій характеръ ихъ древней миѳологіи очень явно опредѣляется словами Сервія о птичьемъ гаданіи: «не всякому всякая птица прорицаетъ: *колумба* (голубь) *однимъ царямъ*». Ясное указаніе на исконную святость голубя и слѣд. на первобытную религію Ромуловой эпохи. Той же системѣ принадлежитъ и особенная святость свиньи, посвященной, какъ уже сказано, Велену-Прію, переходящему къ восточнымъ Германцамъ подъ именемъ Фрейра.

Человѣкообразное искаженіе вѣры и ея огрубѣніе, указывающія на ослабленіе Сабинской стихіи, принадлежатъ царствованію Гостилія и Анка Марція; полное проявленіе духовной порчи царствованію Тарквинія Древняго. Начало Этрусское, жертвоприношенія кровавыя и пр. допускаются законно. Религіозный смыслъ патриціата исчезаетъ или высказывается только въ видѣ безсильной оппозиціи или крадется кое-какъ во всеобщемъ синкретизмѣ подъ покровомъ пророчествъ Сабино-Пелазгской Сибиллы, нѣкогда вдохновлявшей Пиѳагора и Нуму Помпилія: но городъ высится и крѣпнетъ. Онъ первенствуетъ въ Лаціумѣ; онъ украшается храмами и разнообразными зданіями; онъ прорѣзываетъ и подземные ходы, которымъ удивляются позднѣйшіе вѣка, онъ принимаетъ заморскихъ гостей (Фокейцевъ) и связывается съ ними узами дружбы и гостепріимства, которые принесли Фокейцамъ и ихъ колоніямъ значительную пользу во время полнаго Римскаго торжества; онъ, какъ кажется, принимается въ великій союзъ городовъ Этрусскихъ, какъ равный и едва ли не какъ первый, но глубоко и навсегда теряетъ онъ чистоту характера, которою отличается эпоха Нумы и его первыхъ преемниковъ.

Впрочемъ заложеніе зданій и подземныхъ водотоковъ не должно считаться исключительно послѣдствіемъ Эллинскаго и Тирренскаго вліянія: оно могло связываться съ корнемъ Рамновъ—Альбою, которая оставила свидѣтельства своихъ подвиговъ въ общеполезномъ строительствѣ каналовъ и отличалась въ этомъ отношеніи отъ другихъ народовъ Лаціума, средней и южной Италіи, какъ и должно было ожидать отъ ея Троянскаго начала.

Царствованіе Сервія. Тарквиній Гордый.

Труды Тарквинія продолжаются Сервіемъ: но съ другой стороны, потому ли что Сервій былъ бѣглецомъ изъ земли Тусской и противникомъ ея правительственной системы, потому ли что онъ хотѣлъ слишкомъ явно первенствовать надъ Этруріей, Римъ становится во враждебныя отношенія къ родинѣ Тарквинія и, кажется, самого Сервія и въ неравную и невыгодную борьбу, утрачиваетъ много своего блеска, политическаго значенія и вѣроятно торговли. Къ послѣднимъ годамъ Тарквинія или къ первымъ Сервія относится въ Римѣ окончательное торжество человѣкообразія, допущеннаго наконецъ въ государственную, т. е. патриціанскую религію.

Такимъ образомъ должно понять показаніе древнихъ о ста-семидесятилѣтнемъ безкумирномъ поклоненіи Римлянъ. Всѣ древнѣйшія сказанія оставляютъ плебеевъ безъ вниманія.

Собственно же царствованію Сервія принадлежитъ великая государственная перемѣна, уничтожившая исключительность патриціанскаго правленія и допустившая плебея, т. е. не сына, а слугу общества, къ нѣкоторому участію въ общественныхъ дѣлахъ. Роптали патриціи, которымъ хотѣлось сохранить всю свою власть, между тѣмъ какъ въ духовномъ паденіи они дѣйствительно утратили права на власть; но ропотъ ихъ былъ безсиленъ. Мудрость царя, оставившая по немъ память благотворителя, союзъ его съ городами Лаціума и сила плебейской дружины подавляли всякую попытку къ возстановленію патриціанскаго единовластія. Патриціи для своихъ выгодъ прибѣгли (какъ очевидно изъ древнихъ сказаній) къ помощи Этрусской аристократіи (*лукумоновъ*) и послѣ смерти, кажется насильственной, Сервія, избрали царя изъ Тусской земли для угнетенія и полнаго порабощенія плебеевъ. Вполнѣ исполнилась злая воля. Тарквиній Гордый наложилъ желѣзное иго на вольную общину убѣжища и обратилъ ее въ рабство: онъ ввелъ снова Римъ въ союзъ Этруріи, но не какъ равнаго члена союза, а какъ подчиненнаго, если не въ смыслѣ политическомъ, то въ смыслѣ внутренней жизни, которую онъ ли-

шалъ всѣхъ ея коренныхъ особенностей. Опираясь на силы своей родины, тогда далеко властвующей и первенствующей въ Италіи, онъ покорилъ общины Латинскія и принудилъ ихъ признать во всемъ, даже въ священнодѣйствіи, владычество Римскаго царя; наконецъ онъ возвысилъ болѣе чѣмъ когда нибудь, внѣшнее значеніе города, уничтоживъ его внутреннюю свободу.

Царствованію Тарквинія Гордаго вѣроятно принадлежатъ многія зданія и учрежденія, приписываемыя или Тарквинію древнему или даже Сервію. Едва ли введеніе гаданія по жертвамъ (*гаруспиціи*) не принадлежатъ къ этому числу. Въ корнѣ этого слова *гару* нельзя не узнать того же самаго слова, которое служитъ началомъ Славянскому *жер-тва*; но во всякомъ случаѣ корень этотъ указываетъ на языкъ Разенъ, отъ которыхъ взяты *гаруспиціи* и всѣ ихъ подробности, а не на нарѣчіе Латинцевъ, которому они были чужды. Оба Тарквинія представляютъ много общаго: но при Древнемъ видны собственно синкретизмъ религіозный, радушный пріемъ всѣхъ иноземныхъ стихій просвѣщенія, особенно Эллинскихъ и Тосканскихъ, и вольное вступленіе въ союзъ Этрурскій съ сохраненіемъ самобытнаго Римскаго начала и союза Латинскаго; при Гордомъ видны одностороннее развитіе всего Этрусскаго, угнѣтеніе Лаціума и подчиненіе Рима Этруріи.

Сервій мимо родовъ и наслѣдственныхъ святынь далъ правительственныя права богатству (ибо плебеи раздѣлены были по имуществу). Тарквиній Гордый, уничтоживъ совершенно политическое значеніе плебея и обративъ его въ совершенное рабство, повергъ его въ долгую нищету и далъ на время полное торжество патриціямъ; но не на долго.

Сенатъ послѣ изгнанія царей также правилъ плебеями посредствомъ денежнаго превосходства патриціевъ и совершенной бѣдности плебеевъ. Онъ въ этомъ отношеніи пользовался наслѣдствомъ Тарквинія.

Желѣзное иго, раздавившее безсильную общину убѣжища, налегло наконецъ и на шею родовитыхъ гражданъ, призвав- Изгнаніе Царей.

ихъ чуждую помощь. Послѣ долгихъ страданій и долгаго униженія подъ правленіемъ безжалостнымъ и безнравственнымъ, возсталъ наконецъ городъ, будущій владыка міра. Мщеніе за оскорбленную святыню семейной нравственности пробудило мщеніе за утраченную свободу. Изгнаны были навсегда Тарквиній и его Этрурцы: жизнь его сохранена не изъ уваженія къ его царскому сану, но изъ почтенія къ его первосвященству (ибо онъ былъ царь святынь, *rex sacrorum*). Навѣкъ изгнаны изъ Рима цари.

Высокое нравственное достоинство древняго Рима опредѣляется повѣстями о Лукреціи и объ Виргиніи. Какъ онъ много выше Эллады въ семейномъ бытѣ и какъ много разумнѣе въ условно-государственномъ! Зато какъ ничтоженъ онъ въ смыслѣ искусства! Точно также мало поэзіи окружаетъ колыбель Рима, какъ мало поэтическаго стремленія видно въ его послѣдовавшемъ развитіи. Все исчезаетъ въ строгости жизни положительной. Отъ того-то и нельзя признать истинно-критическаго взгляда у новѣйшихъ историковъ, отвергающихъ всю исторію царей. Въ ней очевидно болѣе истины, чѣмъ лжи; въ ней только сбивчивость словеснаго преданія, а не вымыслъ сказки. Были правда и письменные памятники, но мало, а пользы отъ нихъ еще меньше; ибо языкъ царскаго времени былъ совершенно непонятенъ Римлянину позднѣйшихъ вѣковъ. Этимъ отличается Римъ отъ всѣхъ древнихъ государствъ и въ этомъ высказывается характеръ Латинскаго нарѣчія, какъ языка грубой смѣси (*lingua franca*) почти безъ органическаго развитія, въ родѣ Англійскаго или Французскаго. Остатки живаго организма въ немъ принадлежатъ эпохѣ до-Римской.

Въ освобожденіи отъ прежней формы правленія выразилась самоувѣренность государства, знающаго свои внутреннія силы и возможность отвѣта на всѣ будущія требованія жизни: но это освобожденіе не было разрывомъ съ Римскою старинною, и заключало въ себѣ возвратъ къ его первоначальнымъ формамъ, сохранившимся въ преданіяхъ о двухъ единовременныхъ царяхъ. Два саповника, представители прежней царской власти, нѣсколько ограниченной въ отношеніи правъ и времени

властвованія, стали въ главѣ общаго дѣла (республики). Таково начало преторства, потомъ консульства. Въ немъ отразилась первобытная двойственность (Рамновъ и Тиціевъ, или Альбанцевъ и Сабинцевъ) и выразилось низшее значеніе третьяго триба, не основаннаго ни на религіозномъ, ни на племенномъ началѣ. Общія силы Рима изгнали Тарквинія. Въ дѣлѣ освобожденія участвовали и патриціанскіе роды и плебейскія имена (напр. самый Брутъ) и средніе между ними конники. Но плебеи, разоренные и уничтоженные гнетомъ Этрусскаго ига, не могли воспользоваться новою свободою. Охрана ихъ вольности по уставу Сервія была въ ихъ богатствѣ, а они были нищими. Патриціи пожали плодъ общаго подвига и обратили плебеевъ въ своихъ рабовъ.

По многимъ даннымъ можно предполагать, что первые годы по Тарквиніи были для народа нѣсколько легче и что иго патриціанское не вдругъ налегло на него всею своею тяжестью. Во всякомъ случаѣ этихъ годовъ было немного и минутная свобода объясняется отчасти участіемъ плебеевъ въ изгнаніи царя, отчасти тѣмъ, что патриціи не вдругъ могли воспользоваться ихъ нищетою и связать ихъ цѣпями законовъ о долгахъ.

Съ Тарквиніемъ были изгнаны и Этруски, его сподвижники, и Этрусская государственная стихія: государство заключилось опять въ однихъ патриціанскихъ родахъ и примкнуло тѣснѣе къ Латинскому союзу.

Первый годъ свободы Римской обозначенъ торговымъ договоромъ съ Карѳагеномъ, гдѣ Римъ договаривается за весь Лаціумъ. Изгнаніе приверженцевъ Тарквиніевыхъ ослабило мало-по-малу плебейскую общину: эти изгнанники по большой части были или сами плебеи или патриціи, чуждые патриціанскому характеру. Болѣе же всего ослабилъ плебеевъ разрывъ съ Этруріею и слѣдовательно уничтоженіе торговой промышленности.

Но Римская старина погибла безвозвратно: ибо погибло ея разумное начало, духовный характеръ, нѣкогда приданный всей

общинѣ философскою образованностью и символическою религіею Сабинцевъ. Древнѣе Сабинскихъ были въ Римѣ боги Альбанскіе; благороднѣе Тиціевъ—Рамны, которые носили имя самаго города и Тиціевъ приняли въ братство, какъ меньшихъ братьевъ; выше въ чинѣ богослуженія былъ *Марсъ* Альбанскій, чѣмъ *Квиринъ* Сабинскій: но смыслъ религіозной общины былъ весь въ племени Тиціевъ и олицетворенъ преданіемъ въ Сабинцахъ Кумѣ и Анкѣ, а не въ Альбанцахъ Ромулѣ и Гостиліи. Кроткія и неопредѣленныя божества Альбы довольствовались почетными храмами и обрядами, уступивъ богамъ Сабинскимъ право опредѣлять все отвлеченное значеніе произвольной и иносказательной миѳологіи. Рамны, духовно облагороженные Тиціями, приняли отъ нихъ жреческій характеръ и философское умствованіе въ дѣлѣ вѣрованія. Такимъ образомъ, въ самую раннюю эпоху исказились или утратились всѣ преданія и приготовилась позднѣйшая шаткость религіи, заключенной дѣйствительно въ самодовольствѣ добродѣтели и въ безграничной любви къ государству. Съ увеличеніемъ города, съ распространеніемъ убѣжища, съ торжествомъ Рима надъ сосѣдями, съ составленіемъ новыхъ патриціанскихъ родовъ (триба Луцеровъ и младшихъ родовъ), болѣе всего съ принятіемъ стихій Эллинскихъ и Этрусскихъ, разомъ разрушилась вся внутренняя святыня религіи умствующей и произвольной, не основанной на непзмѣнномъ преданіи и слѣдовательно, доступной ко всякому искаженію. Толпы новыхъ боговъ, блескъ порыхъ обрядовъ, принесенныхъ плебеями, соблазнили патриціевъ. Когда же плебеи, не участвующіе еще въ городскихъ правахъ, получили при Тарквиніи и Сервіи нѣкоторое значеніе государственное, явилась новая святыня, чуждая древнему Риму. Боги Альбанскіе (которыхъ капища были, кажется, въ *Regia*) и боги Сабинскіе (которымъ поклонялись на *Квиринале*), боги, не знавшіе плебеевъ, стали уже на низшую степень и остались собственно городскими хранителями. Въ срединѣ самаго убѣжища, на дачахъ жреческаго сословія, выросли храмы боговъ Капитолійскихъ, боговъ всего государства, принимающихъ служеніе только отъ патриціевъ, но не отказывающихъ

въ покровительствѣ и плебеямъ. Передъ Юпитеромъ Капитолійскимъ отступили по преданію всѣ боги, кромѣ *Терминуса* (граница) и *Ювентуса* (молодость); наступило время полнаго синкретизма; брошены были зародыши будущихъ споровъ и окончательнаго уравненія сословій.

Въ этомъ преданіи глубокомысленное провидѣнье древнихъ выразило всю позднѣйшую святыню Римской общины: границу—внѣшность государства, молодость,—торжество внѣшнихъ силъ человѣка. Внутренній міръ погибъ навсегда.

Борьба съ Этрусками.

Тяжелы были для Рима первые годы новой жизни. Этрурія вооружилась противъ его самобытности и независимости; союзные города Лаціума отстранились отъ опасной борьбы изъ страха передъ силами Этрусскими, или изъ зависти къ гордо первенствовавшему городу Ромула; царь Клузіума, Порсенна, побѣдилъ Римлянъ и наложилъ на нихъ тяжелыя условія мира и покорности.

Гордость народная украсила войну съ Порсенною многими подвигами частной доблести; общей побѣды она выдумать не смѣла. Сказанія же достовѣрныя (у Тацита и Плинія) свидѣтельствуютъ о томъ, что Римъ сдался, выслалъ къ Порсеннѣ знаки царской власти, т. е. призналъ его владыкою, и отказался даже отъ права собственной защиты, сохранивъ желѣзо только для хлѣбопашества. Таковы точно были отношенія Израиля къ Филистимлянамъ до Саула: но добродушная лѣтопись Израиля признается въ рабствѣ, котораго Римляне признать не хотѣли. Тарквиній не былъ возвращенъ потому, что Порсеннѣ нужно было подданство Рима Этрурія, а не самобытное правленіе, и пріятнѣе было пріобрѣсти новый престолъ, чѣмъ отдать его другому роду.

Треть Римской области была отторгнута, городъ разоренъ, свобода уничтожена; но не надолго. Неудачный походъ Порсенны противъ Ариціи и гибель его войска возвратили Риму независимость: тогда наступили новыя борьбы съ изгнаннымъ царемъ и съ его союзниками въ Лаціумѣ.

Этотъ союзъ объясняется отношеніями религіозными. Царь былъ главой жрецовъ и тотъ, кто нѣсколько лѣтъ сряду приносилъ жертвы и моленія за Латинцевъ на Альбанской горѣ, не могъ оставаться безпомощнымъ изгнанникомъ.

Побѣда при озерѣ Регильскомъ рѣшила многолѣтнюю брань. Въ жестокой битвѣ палъ весь родъ Тарквиніевъ и его приверженцы: самъ Тарквиній, престарѣлый и раненный, бѣжалъ въ Эллинскій городъ *Кумэ*, подтверждая такимъ образомъ преданіе о своемъ Эллинскомъ происхожденіи: но пали и герои Римскихъ народныхъ сказаній. Побѣда дорого купленная упрочила новоприобрѣтенную свободу и дала Риму равенство, но уже не прежнее первенство въ союзѣ съ Лаціумомъ.

Торговля Римская погибла на долго. Моря были заперты разрывомъ съ Этруріей; область была стѣснена; Лаціумъ, хотя и примиренный, не представлялъ надежной дружбы. Наступило время постоянныхъ раздоровъ и постоянной войны. Бѣдствія государства падали съ особенною тяжестью на плебеевъ; ибо они, а не патриціи, занимались ремеслами и купеческими оборотами, владѣя, какъ извѣстно, весьма малымъ количествомъ земли, данной имъ въ пользованіе, а не въ собственность, и обложенной значительною податью. Таковы были необходимыя послѣдствія ихъ отношеній къ государству, считавшему ихъ за пришлыхъ и почти наемныхъ слугъ, а не за сыновъ своихъ. Пострадали и патриціи, но въ меньшей степени, и пользуясь нищетою плебеевъ, обремененныхъ долгами и почти закабаленныхъ вслѣдствіе строгихъ законовъ о должникахъ, мало помалу отняли у вольной общины, поселенной въ убѣжищѣ, всѣ льготы, всѣ охраны и всѣхъ сановниковъ, установленныхъ во времена царей для ея управленія. Правители Рима поняли свое положеніе.

Это сознаніе было впрочемъ въ нихъ, какъ во всѣхъ историческихъ дѣйствователяхъ, не дѣломъ размышленій и соображеній, но внутренней жизненной силы, стремящейся къ своему истинному развитію и къ своей естественной цѣли, какая бы она ни была.

Городъ, основанный дружиною, окрѣпшій отъ случайной примѣси вслѣдствіе борьбы и договоровъ, лишившійся въ случайностяхъ своей бурной судьбы религіознаго духа, временно давшаго ему внутреннее мирное значеніе, могъ жить только условною и внѣшнею жизнію, не находя въ себѣ самомъ никакой достаточной цѣли для бытія.

Таковъ общій характеръ дружинныхъ общинъ: но онъ былъ особенно явенъ въ Римѣ. Въ Элладѣ успокоивался отчасти человѣкъ въ служеніи своему собственному идеалу или художеству; въ другихъ земляхъ—въ религіи и т. д. Римъ не имѣлъ ничего; ибо самая семья при всей своей логической строгости была обращена въ государственное учрежденіе и приняла характеръ внѣшности, охраняющей чистоту нравовъ, но не удовлетворяющей требованіямъ человѣческой души.

Торговля была уничтожена и воскресить ее не было возможности. Оставалось поприще войны и завоеваній; но войны разумной, расширящей шагъ за шагомъ предѣлы республики, завоеваній расчетливыхъ, предпринятыхъ не для пустой славы, но для пріобрѣтенія полезныхъ владѣній и вещественныхъ силъ. Это поприще было для потомковъ Альбанскихъ удальцовъ и горныхъ Сабинцевъ болѣе по душѣ, чѣмъ торговля и можетъ быть художества, случайно процвѣтшія при полу-Этрусскихъ царяхъ. Патриціи твердо пошли по новому поприщу и съ такимъ успѣхомъ, что послѣдовавшіе вѣка утратили память о прежнемъ направленіи Рима, о прежней торговлѣ, мореплаваніи и мирной жизни. Новый приливъ Сабинцевъ (родъ Клавдіевъ), состоящій изъ трехъ тысячъ человѣкъ, радушно принятый или приглашенный Римскими правителями, увеличилъ ихъ силу для внутренней борьбы съ плебеями.

Нѣтъ сомнѣнія, что не одни Клавдіи, но многіе другіе точно также и въ то же время (т. е. вскорѣ послѣ изгнанія царей) вошли въ ряды аристократіи и пополнили обезсиленные трибы: преданіе сохранило только имя Клавдіевъ по ихъ историческому значенію. Патриціи охотнѣе принимали къ себѣ иноплеменниковъ единокровныхъ съ ними

и готовыхъ съ ними стать за одно, чѣмъ плебеевъ, которыхъ сочувствіе съ другими плебеями мало-по-малу должно было вести къ смѣшенію сословій. Замѣчательно, что приливъ Сабинскій (Клавдіи) отличался особенною гордостью и ненавистью къ народу: явное доказательство того, что характеръ патриціата былъ собственно Сабинскій (отъ Тиціевъ), а не Латинскій (отъ Рамновъ). Въ немъ духовная гордость служила началомъ и опорою гордости родовой. Впрочемъ можно предполагать съ вѣроятностью, что не въ одномъ Римѣ утвердилась Сабинская стихія, но что она уже давно проникла во всѣ города Лаціума и вездѣ или основала или укрѣпила аристократію.

Борьба плебеевъ съ патриціями. Ея результаты.

При царяхъ, особенно со времепъ Тарквинія Древняго, государство получило значеніе отвлеченное, въ которомъ лица, племена и сословія подчинены были, какъ части, великой идеѣ цѣлаго, сначала духовнаго, потомъ гражданскаго. Послѣ изгнанія Тарквиніевъ явилось новое стремленіе, обратить государство въ собственность одного сословія. Преторъ Валерій (изъ племени Сабинскаго, т. е. изъ трибa Тиціевъ), будучи по своему сану представитель царской власти и государственнаго единства, преклонилъ знаки своего временнаго достоинства передъ собраніемъ патриціевъ (populus) и призналъ въ немъ законныя права на безграничную власть. За этотъ подвигъ, за это явное признаніе, выражающее тайную мысль патриціята, получилъ Валерій прозвище Великаго, Народолюбца (Maximus publicola, ибо патриціи однихъ себя признавали за народъ), а родъ Валеріевъ получилъ такія отличія, какихъ ни одинъ изъ Римскихъ родовъ и ни одинъ изъ его героевъ. Вслѣдствіе такого начала плебеи должны были сдѣлаться илотами.

Но въ Римѣ еще жилъ духъ высокой и чистой нравственности: въ немъ не умерло и никогда не умирало чувство внѣшней правды, уважающей всякое право, даже чужое, даже случайно полученное; но съ другой стороны, Риму, по его дружинному и условному составу, была совершенно чужда внутренняя, человѣческая основа права, независимая отъ всякихъ случайностей жизни.

Право являлось Римлянину какъ собственность или лица, или сословія, или общины, собственность, могущая быть отчужденною и перейти въ другія руки, но не нарушенною безъ воли владѣльца.

Поэтому для порабощенія плебеевъ не было и не могло быть употреблено насиліе. Они лишились своихъ правъ, своихъ законныхъ представителей, своей жизни самобытной, очевидно, съ собственнаго согласія, высказаннаго или безмолвнаго: и согласіе было добыто законнымъ порядкомъ, посредствомъ денежнаго превосходства патриціевъ и нищеты плебеевъ.

Оттого хотя сановники-хранители общины плебейской и существовали издревле, но плебеи не просили объ ихъ возстановленіи, какъ о возстановленіи, что́ было бы непремѣнно въ случаѣ насилія, но какъ объ учрежденіи новомъ: какъ и должно быть послѣ согласія, уничтожившаго прежнія права.

Наконецъ преисполнилась мѣра угнетенія аристократическаго и терпѣнія народнаго. Плебеи, выпускаемые на драку съ сосѣдями и снова послѣ войны сажаемые въ темницу за долги, отказались отъ этого житья цѣпныхъ собакъ. Притязаній на правленіе городомъ и государствомъ они не объявляли, (ибо городъ и государство были собственностію патриція, давшаго убѣжище плебею); но объявили невозможность жить на землѣ Римской при нестерпимыхъ условіяхъ, вымученныхъ отъ нихъ нищеты или выхитренныхъ отъ ихъ простодушія, и удалились вооруженные и готовые къ бою на холмъ, лежащій внѣ околицы патриціанскихъ жилищъ. Войны они не начинали и не грозили войной, но готовились къ удаленію. Горько было корыстолюбивымъ патриціямъ отказаться отъ взысканія долговъ; еще больнѣе было гордости патриціянской сдѣлать уступки въ правахъ политическихъ.

Обида рождаетъ жажду обиды, угнетеніе жажду угнетенія. Таковъ высокій законъ самосозиданія въ зло или добро. Преступникъ наказы-

вается внутреннимъ развитіемъ начала, стремящаго его къ преступленію. Эта же казнь падаетъ на неправо завоевывающіе народы и на сословія, забывающія братство человѣческое.

Нѣсколько времени колебались *куріи* (собраніе патриціевъ) и Сенатъ. Многіе предлагали совершенный разрывъ съ плебеями, распространеніе гражданства на Римскія колоніи и полное городовое братство съ Латинцами (*исополитію*): но страхъ и необходимость превозмогли. Долги были прощены; утверждены права плебейскихъ собраній для узаконеній по плебейской общинѣ и, что всего важнѣе, учреждена должность трибуновъ, неприкосновенныхъ хранителей вольности общинной и личныхъ правъ каждаго плебея.

Явное доказательство, что плебеи считались не горожанами, поселянами и пахарями, находится въ томъ, что домъ посягнувшаго на жизнь трибуна отдавался сначала въ святыню *Цереры*. Слѣдовательно Церера считалась по преимуществу покровительницею *плебса*. Самъ убійца считался внѣ закона.

Такимъ образомъ началась вѣковая борьба двухъ сословій: но патриціи показали свою слабость и зависимость; плебеи узнали свою силу и возможность устранить противниковъ простымъ удаленіемъ изъ города. Побѣда была несомнѣнна. Шагъ за шагомъ подвигалось низшее сословіе къ уравненію съ высшимъ: шагъ за шагомъ уступало высшее; но чувство закона и глубокое сознаніе пользы государственной были такъ сильны, что ни радость плебеевъ при каждой побѣдѣ, ни ропотъ патриціевъ при каждой уступкѣ не доводили ихъ до междуособицъ.

Истинно великое зрѣлище: двухсотлѣтнее вѣче, въ которомъ смѣнялись спорящія поколѣнія и въ которомъ практическій разумъ, укрощая волненіе страстей, созидалъ громаду стройныхъ силъ, которой не было и не будетъ подобной.

Въ 471-мъ году до Р. Х. трибуны Публилій Волеронъ и Леторій пріобрѣтаютъ для плебейскихъ трибовъ, т. е. безъ примѣси патриціевъ и кліентовъ (не такъ какъ въ центуріяхъ) право полагать опредѣленія о государственныхъ дѣлахъ (плебисциты); въ 366-мъ упорство трибуновъ Лицинія Столона и Секстія доставляютъ плебеямъ право на высочайшую должность государственную, на консульство; наконецъ въ 337-мъ диктаторъ Публилій Филонъ даетъ рѣшеніямъ народа силу обязательную и законную независимо отъ согласія курій патриціанскихъ. Древняя форма узаконеній сохранилась: онѣ продолжали издаваться отъ Сената и народа; но смыслъ ея измѣнился вполнѣ. Въ древности *народъ* (populus) значилъ полное собраніе патриціевъ, которыхъ избранники и старшины составляли Сенатъ. Согласіе Сената и Собранія утверждало законъ. Когда плебеи получили право на положеніе опредѣленій по дѣламъ государственнымъ, собраніе ихъ вступило въ тѣ же отношенія къ Сенату, въ которыхъ издревле находились куріи; когда наконецъ согласіе курій сдѣлалось безполезнымъ; когда бытъ патриціанскій утратилъ свою исключительность и свои опредѣленныя границы, собраніе курій вышло изъ употребленія и одни плебеи въ своихъ трибахъ или плебеи вообще съ патриціями въ собраніяхъ центуріальныхъ остались при Сенатѣ единою законодательною властью и получили имя народа.

Значеніе слова *populus*, какъ патриціанскаго собранія, было уже такъ чуждо позднѣйшимъ Римлянамъ, что они нисколько не могли понять древняго государственнаго механизма. Воскрешеніе его—заслуга новѣйшей и особенно германской критики.

Преимущества патриціевъ какъ гражданъ исчезли: въ то же время должны были исчезнуть преимущества религіозныя, нелѣпыя со временъ Капитолійскихъ боговъ и полнаго синкретизма человѣкообразныхъ религій. Въ половинѣ V-го вѣка дозволены были браки между двумя сословіями, и слѣдовательно, полное единство обрядовъ; въ концѣ IV-го по закону Огульніеву плебеи получили право на священнодѣйство, жречество и Ла-

тино-Сабинское гаданіе (*авспиціи*). Вскорѣ послѣ того исчезли патриціи и плебеи, слившись въ одинъ великій, властительный народъ

Таковъ былъ конецъ долгой борьбы. Торжество патриціевъ и плотство плебеевъ уничтожили бы всю внутреннюю силу Рима, умертвивъ духовно большую половину его жителей: торжество плебеевъ покорило ему міръ; самая же продолжительность борьбы, постоянно заключенной въ предѣлахъ законности, развила тѣ начала гражданскаго права, которыя лежали уже въ основаніи государства. Первое населеніе Рима было дружинное, но не завоевательное: поэтому оно могло и должно было допустить развитіе права семейнаго и родоваго.

Чего не могли допустить общины Греческія, завоевательныя, за исключеніемъ Аѳинъ.

Принявъ въ себя стихію жреческаго правленія при религіи полуфилософской и отвлеченно нравственной, оно должно было подчиниться закону правды внѣшней (ибо не доставало внутреннихъ основъ) и преобладанію государства надъ всѣми другими стремленіями человѣка (ибо самое основаніе города было ничто иное, какъ стремленіе къ устроенію произвольной, а не естественной или родовой общины). Споръ общины патриціанской съ общиною плебейскою и ихъ постоянное условное примиреніе не измѣнили перваго изо всѣхъ патриціанскихъ законовъ: (Salus Reipublicae prima lex esto), но сдѣлали его закономъ общимъ для обоихъ сословій, стремящихся волею или неволею къ полному и окончательному сліянію. Между тѣмъ этотъ споръ двухъ общинъ, основанныхъ на различныхъ началахъ, требовалъ необходимо постояннаго опредѣленія границъ не только права и обязанностей каждой общины, но также правъ и обязанностей каждаго лица.

Ибо то, что было ясно и обычно въ одномъ сословіи, должно было получить законную опредѣленность для другаго; что̀ доказывается очень ясно учрежденіемъ децемвировъ и обнародованіемъ свода законовъ по требованію плебеевъ.

Изъ этой необходимости возникали и крѣпли личная свобода законная и односторонее напряженіе ума, которое обращало каждаго Римлянина въ законодателя и законовѣда, убивая въ тоже время въ душѣ его всѣ стремленія свободы духовной, всѣ высокія желанія мысли и всю существенность внутренней жизни. Такое развитіе личной свободы семейственности, хотя уже искаженной, чувства внѣшней правды и обоготворенія самого Государства, котораго польза была высшимъ изъ всѣхъ законовъ, дало Риму силу необоримую, неутомимое постоянство, гордое сознаніе своего превосходства передъ всѣми другими, менѣе стройными обществами и несомнѣнную побѣду во всѣхъ борьбахъ съ иными племенами и державами: но односторонность развитія чисто внѣшняго готовила Риму гибель въ самомъ его торжествѣ, отнявъ всѣ духовныя основы нравственности, замѣнивъ всѣ начала естественныя началами условными и произвольными и уничтоживъ возможность жизни религіозной и мирной.

Высокое достоинство человѣка ропщетъ безмолвно на произвольность условій, которымъ онъ подчиняется для достиженія вещественной цѣли. Есть уже тайное возмущеніе въ его покорности, есть тайный развратъ въ его видимо-нравственной жизни. Римъ, еще суровый и чистый, во время своихъ великихъ мужей, Катоновъ, Сципіоновъ и Фабіевъ, уже былъ глубоко испорченъ и развращенъ. Миръ, заключенный съ нимъ, былъ опаснѣе войны; ибо всѣ условія обращались мало-по-малу къ гибели довѣрчиваго соперника хитрымъ крючкотворствомъ государства—законовѣда, всегда вѣрнаго слову договора и никогда не уважающаго его духа. И въ новыя времена, новая колоссальная держава, охватившая всю землю силою своего практическаго ума, представляетъ то же гражданское величіе, то же сочетаніе свободы и законности и тотъ же безчеловѣчный развратъ въ своихъ сношеніяхъ съ иными народами. Къ счастію есть въ ней другія высшія начала, еще не сознанныя ею, но могущія спасти ее, если она къ нимъ возвратится и взглянетъ въ истинное святилище своего духа.

Война Рима съ сосѣдними племенами Лаціума.

Внутреннее развитіе происходило подъ шумомъ безпрестанной бури внѣшней. Почти ни на одинъ мигъ не прекращалась

война съ сосѣдями, обыкновенно кончающаяся торжествомъ Рима и всегда освобождающая его внутренность отъ излишка страстной дѣятельности и отъ враждебныхъ столкновеній, которыя слишкомъ легко могли бы перейти въ кровавыя междоусобицы. Но и Риму не разъ угрожала гибель. Первая война его послѣ изгнанія царей лишила его не только цѣлой трети области, но даже и политической свободы. Послѣ паденія Порсенны и смерти Тарквинія, Римъ, опираясь на союзъ съ Латинцами и Герниками, снова сталъ распространять свои владѣнія: но вскорѣ встрѣтилъ опасныхъ противниковъ въ воинственныхъ племенахъ *Эквовъ и Вольсковъ*.

Эти два народа очевидно принадлежали къ обще-Италійскому корню, хотя многія свидѣтельства древнихъ писателей заставляютъ предполагать въ *Вольскахъ* и *Волькахъ* примѣсь Западно-Иранскаго племени послѣдняго переселенія, т. е. или Германцевъ, или Кельтовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одно сходство въ имени Вольковъ Италійскихъ съ съ Волками Галльскими (Белгами), было бы недостаточнымъ для догадки объ ихъ одноплеменности: но эта догадка подтверждается отчасти именами Киммеріи и Киммерійцевъ, въ южной Италіи, *Умбровъ*, которыхъ Геродотъ знаетъ на сѣверномъ скатѣ Паннонскихъ горъ, и которые напоминаютъ *Обровъ* или Амбровъ, и *Тусковъ* въ сѣверной Италіи, напоминающихъ корень *тут* или *тіут* (человѣкъ), принадлежащій многимъ Кельтскимъ нарѣчіямъ. Весьма вѣроятно раннее движеніе небольшихъ общинъ Кельто-Кумрійскимъ, отдѣлившихся отъ главнаго потока и прорвавшихся черезъ широкое разселеніе Славянъ въ страну Италійскую, гдѣ онѣ смѣшались съ старожилами (Осками, Сабинами или даже Пелазгами) и сдѣлались властителями жителей сѣверной Италіи,— Славянскихъ Разенъ или Ретійцевъ.

Часть Лаціума покорилась новымъ завоевателямъ; Римъ снова утратилъ часть своихъ владѣній и преклонилъ колѣна передъ побѣдителями (въ сказаніи о Коріоланѣ); самая святыня Капитолія была нѣсколько времени въ рукахъ врага, бѣглаго Римлянина (Гердонія). Была година тяжелаго испытанія и униженія. Мудрость народа, искушеннаго въ трудѣ

государственномъ, обратила бѣдствія въ начало будущихъ побѣдъ. Вольски, отдѣлившись отъ Эквовъ, вступили въ союзъ съ Римомъ и городъ Ромула оперся на трехъ союзниковъ (Лаціумъ, Герники, Вольски), готовый пользоваться ихъ помощію и дѣлить съ каждымъ новыя пріобрѣтенія, но готовый также при случаѣ напасть на каждаго отдѣльно съ полною увѣренностью въ успѣхѣ. Послѣ отдѣленія Вольсковъ, Эквы были усмирены и ослаблены навсегда. Римъ обратилъ оружіе на сѣверный берегъ Тибра, противъ прежнихъ своихъ побѣдителей, Этрусковъ. Упорная борьба началась съ ближайшимъ изъ Этрусскихъ городовъ, *Веіями*. Богаче, многолюднѣе Рима былъ его сѣверный противникъ, почти также силенъ въ искусствѣ военномъ, почти также хитеръ въ государственномъ: но силы Этруріи были отвлечены другой, грознѣйшею войною (противъ Галловъ); но въ Римѣ были граждане свободные; въ Веіяхъ властители и плоты. Много лѣтъ длилась война, много разъ бѣжали войска Римскія до самыхъ стѣнъ роднаго города. Торжество осталось мудрости и свободѣ. Имя Камилла побѣдителя окружено было въ преданіи вѣнцемъ поэзіи, рѣдкимъ въ сухой лѣтописи Рима. Покоренная область удвоила силы завоевателей; но гордое упоеніе побѣды привело побѣдителя на край гибели.

Угроза плебеевъ переселиться изъ Рима въ Веію показываетъ, какъ долго и свято признавалось полное право патриціевъ на городъ Ромула и Тація.

Движеніе Кельтовъ назападъ. Вторженіе въ Италію.

Въ VII-мъ вѣкѣ Средне-Азійскіе Скиѳы (мнимые Скиѳы) изгнали Кельто-Кимвровъ изъ При-волжской области. Давно уже, по всей вѣроятности, длился споръ между Западно-Иранскими дикарями и мало-по-малу надвигавшимися на нихъ Финно-Туркамп. Новый, сильнѣйшій напоръ рѣшилъ на нѣсколько вѣковъ судьбу При-волжія. Побѣжденные Кельты бѣжали, кто въ Малую Азію, гдѣ они впослѣдствіи погибли подъ ударами Лидійцевъ, кто въ гористый полуостровъ Тавриды, кто въ близлежащія области Венедо-Славянскія, между Днѣпромъ и

Карпатами, гдѣ они погибли или исчезли, смѣшавшись съ старожилами. Сильнѣйшее ополченіе избрало другой безопаснѣйшій путь. Этотъ путь, пройденный ихъ предками (Кельтами) въ давнія времена, можетъ быть извѣстный еще по преданіямъ и обозначенный осадками Кельтскаго потока (ибо таковы, вѣроятно, многія Кельтскія поселенія въ землѣ Ляховъ-Славянъ), охватывалъ съ сѣвера сильно населенную систему водъ Дунайскихъ и прекрасную область При-карпатскую, охватывалъ съ юга сильно населенные и торговые берега Вендскаго Блата (Балтики), слѣдовательно разрѣзывалъ цѣпь Славянскихъ общинъ въ ея слабѣйшей части и велъ въ пустынную страну, слабо заселенную малочисленными общинами воинственныхъ Германцевъ.

Причина, почему сильнѣйшіе Венды уступили довольно легко немногочисленнымъ Германцамъ почти всю страну между Эльбою, Карпатами, Рейномъ и системою водъ верхняго Дуная довольно ясна. Напоръ воинственной дружины Западно-Иранской (Германцевъ) былъ по всѣмъ вѣроятностямъ сначала весьма силенъ; а средняя Германія, страна удаленная отъ моря, сама по себѣ довольно бѣдная и отрѣзанная неприступными Альпами отъ лучшихъ Славянскихъ областей на югѣ, не представляла для мирнаго торговца Венда достаточной приманки къ упорной защитѣ. Торговый путь отъ Балтики въ Иллирію оставался неприкосновеннымъ.

Бурнымъ потокомъ прорвались Кельто-Кумрійцы черезъ дикую Германію, отбросили вѣроятно далѣе на сѣверъ, къ самому приморью, остатки Славянскихъ общинъ, уцѣлѣвшихъ отъ перваго Кельтскаго нашествія (Моринovъ, Мессапіевъ и др.) и переправившись черезъ быстрыя воды Рейна, вступили въ землю уже запятую ихъ братьями, Кельто-Галлами. Сходство языка, вѣры и обрядовъ скоро показали старожиламъ братство ихъ съ пришельцами. Враждебная встрѣча кончилась союзомъ. Новые переселенцы запяли берегъ Рейна и часть сѣверной Галліи подъ именемъ Бельговъ (*Беольгъ*, кажется *святой народъ*). Много прибыло Кельтамъ храбрыхъ воиновъ, много сп-

лы вещественной, еще болѣе вонственной предпріимчивости отъ дружины, закаленной въ бояхъ съ Средне-Азійцами на широкой Волгѣ, съ Азами-Алапами на крутомъ Кавказѣ, и съ Славянскими Бактро-Гетами на востокѣ за Ураломъ и съ Вендами-Славянами на западѣ по берегамъ Дона и Днѣпра. Тѣсна стала старая область для усиленнаго племени и южныя страны манили къ завоеваніямъ.

Таковъ смыслъ преданія о первомъ выселеніи Галловъ изъ своей родины, переполненной жителями, во времена Тарквинія древняго, т. е. съ небольшимъ полвѣка послѣ бѣгства Киммеріевъ съ При-волжія. Напрасно критики въ немъ сомнѣваются. Это преданіе, также какъ и преданіе объ обще-Галльскомъ союзѣ и о первенствѣ народа *Битуриговъ* и царя ихъ *Амбигата*, шло очевидно отъ самихъ Галловъ и заслуживаетъ полную вѣру: но въ сказаніи смѣшаны эпохи перваго движенія завоевательнаго на югъ и полной силы народной, которая выразилась не только завоеваніемъ сѣверной Италіи и странъ При-альпійскихъ, но еще и переселеніемъ въ Германію.

Всею южною Галліею владѣли Восточно-Иранскія (Вендо-Славянскія) племена, т. е. Венеты и Лигурцы, кромѣ ея юго-западной оконечности и При-пиренейскихъ странъ, занятыхъ выходцами съ юга, Иберцами. Впрочемъ и тѣ отступали мало-по-малу передъ превосходствомъ своихъ сосѣдей и по неволѣ возвращали имъ земли, захваченныя въ первомъ нашествіи. Усилившіеся Галлы устремились на Вендовъ (Венетовъ) и Лигурцевъ. Въ скоромъ времени они оттѣснили ихъ къ поморью и горамъ, и для лучшаго успѣха вступили въ дружескій союзъ съ новою Фокейскою колоніею, *Массиліею*, которую неохотно принимали къ себѣ торговые Венды.

Таковъ смыслъ сказанія о покровительствѣ, оказанномъ Галлами Массилійскимъ Грекамъ.

Вскорѣ и Иберцы были откинуты за Пиренейскую цѣпь кромѣ немногихъ поколѣній, уцѣлѣвшихъ въ горныхъ ущелі-

яхъ. Первый порывъ Галловъ былъ такъ силенъ, что́ нѣсколько изъ ихъ дружинъ могли прорваться черезъ Лигурскія поселенія и Альпійскія горы и захватить часть сѣверной Италіи.

Этимъ дружинамъ приписываютъ строеніе *Медіолана:* но не совсѣмъ вѣроятно. Галлы сѣверные не были градостроителями. Кесарь не знаетъ городовъ ни у нихъ, ни у братьи ихъ, Британцевъ. Они, какъ и Германцы и въ послѣдствіи Турки, занимали чужіе города, не скоро привыкали къ порядку городоваго жительства и всегда сохраняли къ нему презрѣнье. Оттого-то настоящіе города находились всѣ въ южной, Венедо-Лигурской Галліи. По уничтоженіи Галлами окрестныхъ городовъ, уцѣлѣвшій Медіоланъ получилъ бо́льшую важность и имя историческое: вотъ вѣроятный смыслъ преданія.

Но не вдругъ и не совсѣмъ погибли старожилы. Спасенные своимъ мужествомъ, и болотистымъ краемъ на берегахъ Океана, или горами въ системѣ водъ Гиропны (Горунья), Венеты западные сохранили свою независимость и вошли сперва въ торговыя сношенія, потомъ въ союзъ съ своими утѣснителями.

Должно замѣтить, что Венды западные, хотя и принадлежали къ общему Вендскому корню, не представляютъ многихъ особенностей славянскаго племени и его миѳологіи. Причина тому очень проста. Разселеніе Вано-Бактрійцевъ въ Европѣ принадлежитъ древнѣйшей эпохѣ человѣческой исторіи, предшествуя далеко, какъ мы видѣли, разселенію западныхъ Иранцевъ (Кельтовъ, Германцевъ и др.). Миѳологія же Славяно-Бактрійская и ея сказочный, человѣкообразный характеръ развились отъ позднѣйшихъ сношеній съ Припидскими Кушитами и не могли уже охватить всей области, заселенной Вано-Бактрійцами. Оттого, не смотря на тождество Венетовъ западныхъ съ славянами, т. е. Вендами (или Венами) восточными, какъ по языку (что видно изъ названій рѣкъ, урочищъ и поколѣній, изъ имени *Велень* и проч.), такъ и по религіи (въ поклоненіи *Бѣлъ-богу*), мы не находимъ слѣдовъ поклоненія Пріѣ и другихъ характерическихъ примѣтъ собственно славянскаго братства.

Долго длилась отчаянная борьба и на югѣ. Геродотъ еще не знаетъ Кельтовъ на берегахъ Средиземнаго моря. Скоро побѣжденные и отодвинутые изъ средней Галліи, не скоро еще погибли Лигурцы. Имя ихъ исчезло, поколѣнія покорились или выселились только послѣ двухвѣковаго сопротивленія. Тогда наконецъ, переполненная силы и освобожденная отъ внутреннихъ враговъ, Галлія бросила свои воинственныя дружины въ Италію.

По всей вѣроятности завоеваніе нѣкоторыхъ частей Германіи, и особенно областей словянскихъ, Чехіи и сѣверной окраины Винделикіи, предшествовало завоеваніямъ въ Италіи. Безъ сомнѣнія войны съ Иберцами въ Пиренейскомъ полуостровѣ, покореніе нѣсколькихъ округовъ и смѣшеніе двухъ племенъ (*Кельтиберцы*) произошли еще ранѣе и скоро послѣ переселенія Бельговъ: но движеніе Галловъ въ Иберію не было дѣломъ многочисленной дружины или цѣлаго племени, а постепеннымъ выселеніемъ мелкихъ дружинъ, встрѣтившихъ мало сопротивленія въ народахъ, не составлявшихъ крѣпкаго союза. Отъ того-то и исторія и преданія молчатъ объ эпохѣ этого движенія. Иберцы сомкнулись во что-то похожее на союзъ только подъ вліяніемъ Карѳагена.

Дружины Галльскія, занявъ всю страну до самыхъ Альпійскихъ скатовъ и проникнувъ въ долины между Альпами и Юрою, между Ропою и Рейномъ, гдѣ они поселились подъ именемъ *Гэльватовъ*, двинулись сильными массами черезъ горную преграду на югъ. Въ концѣ V-го и въ началѣ IV-го вѣка до Р. Х. заняли они всю сѣверную Италію, отодвинувъ Лигурцевъ въ горныя долины, откинувъ часть Разенъ къ сѣверу въ Альпы, гдѣ они снова слились съ своими кровными братьями Ретійцами и Винделиками, и сокрушивъ, впрочемъ не безъ борьбы, силу Этруріи. Неудержимый потокъ подвигался все далѣе и далѣе къ своему родному востоку. Слабые Умбрійцы покорились; сильнѣйшіе Венеты При-адріатическіе отстояли свою независимость, также какъ Венеды Приоксанскіе: но Галлы, обогнувъ ихъ съ сѣвера, завладѣли по-

чти всею Панноніею, частію Иллиріи и Ѳракіи, въ началѣ III-го вѣка до Р. Х. опустошили Грецію до Пелопоннеса и наконецъ, переправившись черезъ Геллеспонтъ, поселились навсегда въ Малой Азіи, въ той самой странѣ, изъ которой ихъ единоплеменники *Кумри* были изгнаны съ небольшимъ за три столѣтія Лидійскими царями. Эта страна по новымъ жителямъ своимъ получила имя Галатіи.

Таково было завоевательное движеніе Галловъ во время ихъ кратковременнаго могущества. Ихъ побѣды, ихъ завоеванія и слава не оставили по себѣ замѣчательныхъ слѣдовъ. Въ Германіи они погибли отъ написка усилившихся Германцевъ и потомъ отъ возстанія Славянъ, въ Италіи отъ Римлянъ, въ Панноніи и Иллиріи отъ Славянъ и Римлянъ; въ Малой Азіи отъ Римлянъ и новыхъ Восточныхъ завоевателей. Отодвинутые мало-по-малу отъ Адріатическихъ береговъ и Дуная къ сѣверу, въ область Прикарпатскую, они нѣсколько времени еще сохранили значеніе и отдѣльную жизнь, но и тутъ погибли подъ напоромъ племени Славянскаго. Отъ нихъ остались вездѣ только имена нѣкоторыхъ урочищъ или цѣлыхъ областей (какъ напр. Галичь Прикарпатская), нѣсколько словъ въ языкѣ (особенно въ сѣверной Италіи и можетъ быть въ Эпирѣ, если только критика не принимаетъ ошибочно слѣдовъ древне-Эпирскаго или Иберскаго нарѣчія за признаки Кельтскаго), и нѣсколько обычаевъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени.

Таковы напр., въ восточныхъ горахъ Венгріи и Седмиградскаго княжества, одежда простаго народа, напоминающая клѣтчатый тартанъ Шотландскій, и общая съ Шотландіею страсть къ дикимъ звукамъ волынки: но и тутъ можно усомниться, отъ кого именно эти обычаи ведутъ свое начало, отъ Кельтовъ ли древнихъ, или отъ ихъ Кавказскихъ братьевъ *Аваровъ*.

Уцѣлѣли отчасти Галлы или по крайней мѣрѣ остались важными дѣятелями въ исторіи и въ составленіи новыхъ народовъ только въ своихъ старыхъ жилищахъ, въ Галліи отъ

моря до моря и отъ Океана до Рейна, да въ Британніи и Эринѣ, куда они проникли издревле, живя долго безъ примѣси или слившись съ Иберцами. Такъ погибли Галлы; но первый напоръ ихъ едва не погубилъ будущей всемірной державы.

Разореніе Рима Галлами. Войны и покореніе Италіи.

Въ началѣ 4-го вѣка Этруски, тѣснимые Галлами Сеннонцами, просили помощи у Римлянъ, своихъ бывшихъ враговъ. Покоривъ своихъ опаснѣйшихъ соперниковъ—Веянъ, и упоенный недавнимъ торжествомъ, удвоившимъ его силы, Римъ забылъ свою обычную мудрость: онъ принялъ Этрусковъ подъ свое покровительство, и не только оскорбилъ гордость Галловъ надменною рѣчью, но въ лицѣ своихъ посланниковъ нарушилъ законы народнаго права, священные даже для дикарей. Не надолго отстало наказаніе отъ преступленія. Сѣверныя дружины явились на берегахъ Тибра, однимъ ударомъ уничтожили Римское войско, ворвались въ городъ безъ боя, разграбили его и сожгли. Жители успѣли по большой части спастись бѣгствомъ; другіе, кажется по преимуществу патриціи, засѣли на укрѣпленной горѣ Капитолійской, уцѣлѣвшей среди всеобщей гибели. Слишкомъ шесть мѣсяцевъ пировали Галлы на развалинахъ Рима разоряя всѣ окрестности своими отдѣльными отрядами, разрушая города, опустошая Лаціумъ и область Вольсковъ и Эквовъ, громя даже отдаленный югъ Италіи, но упорно продолжая осаду Капитолія и месть за оскорбленіе народнаго права. Болѣзни, вѣроятно голодъ, собственное непостоянство и мужество Римлянъ одолѣли наконецъ жажду мщенія въ дикаряхъ Они взяли богатый выкупъ и удалились.

Послѣ нихъ оставалось пепелище, нищета и болѣзни: но оставались непотрясенными государственное начало, уже создавшее Римъ, крѣпость духа, испытаннаго бѣдствіями, и практическая мудрость, совершенствуемая каждымъ урокомъ; сверхъ того, оставалась новоприобрѣтенная Вейская область, источникъ временнаго ослѣпленія и гордости, но также источникъ постоянной и истинной силы. Многіе сосѣди вооружились противъ Рима; но они сами были ослаблены Кельтскимъ нашествіемъ и внутри себя не имѣли духа возсозидающаго. Част-

ныя и мелкія пораженія Римскихъ отрядовъ всегда заглаживались новыми побѣдами и всякая война кончалась вѣрно разсчитаннымъ миромъ, упрочивающимъ могущество побѣдителей. Безпрерывный рядъ кровопролитныхъ битвъ противъ Сабинскихъ Самнитовъ, противъ Латинцевъ, требовавшихъ въ правленіи Римомъ равныхъ правъ съ Римлянами, снова противъ Самнитовъ, Этрусковъ и Галловъ, противъ южныхъ Эллинскихъ колоній и ихъ Эпирскаго союзника Пирра—покорилъ наконецъ Риму всю среднюю и южную Италію. Хитро разсчитанныя условія союзовъ, вѣрно разсчитанныя наказанія врагамъ и награжденія союзникамъ, сохраненіе у побѣжденныхъ народовъ всѣхъ правъ гражданскихъ съ убавленіемъ или уничтоженіемъ правъ политическихъ, особенно же запрещеніе семейныхъ и религіозныхъ связей между городами, отличавшимся особеннымъ упорствомъ вражды, таковы были средства, которыми Римъ укрощалъ слишкомъ опасныхъ непріятелей, пріобрѣталъ вѣрныхъ и всегда обманутыхъ друзей, упрочивалъ свои завоеванія и готовился къ своей міродержавной будущности.

Характеръ Карѳагена. Борьба его съ Римомъ.

Ему предстояла борьба еще опаснѣе и важнѣе по своимъ послѣдствіямъ.

Карѳагенъ, основанный въ IX-мъ вѣкѣ Финикійскими купцами на сѣверномъ берегу Африки, соединилъ въ одномъ средоточіи всю торговлю внутренней Африки, сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря, золотопромышленной Испаніи, дальней Британіи и Азіи. Такое счастливое положеніе должно было дать ему богатство и могущество. За всѣмъ тѣмъ въ значеніи религіозномъ и отчасти государственномъ онъ долго оставался въ зависимости отъ своей родоначальницы Финикіи.

Это весьма ясно изъ притязанія царей Персидскихъ на Карѳагенъ послѣ покоренія Тира и Сидона.

Паденіе великихъ торговыхъ городовъ юго-западной Азіи дало еще большую силу и большую свободу ихъ Африканской колоніи.

Очевидно, что ея государственныя дѣйствія выказываются рѣзче и независимѣе вскорѣ послѣ завоеванія Финикіи, сперва Ассиріею, потомъ Персіею.

Торговые обороты Карѳагена должны были пострадать отъ торжества Вавилона, перервавшаго караванные пути южной Азіи, и не могли вполнѣ возстановиться даже во время Персидскаго владычества, не смотря на соединеніе береговъ Инда и Средиземнаго моря подъ одною державою: но съ другой стороны всѣ выгоды этихъ оборотовъ, которыми колонисты до тѣхъ поръ дѣлились съ своею родиною, перешли почти единственно въ ихъ руки. Вѣроятно сама колонія усилилась новымъ переселеніемъ купцовъ изъ Финикіи, ищущихъ свободы отъ чуждаго ига, во всякомъ же случаѣ бо́льшая политическая независимость пробудила новую жизнь въ предпріимчивости торговой, а вскорѣ и въ завоевательномъ властолюбіи.

Карѳагенъ не содержалъ въ себѣ никакихъ новыхъ стихій, чуждыхъ Тиру или Сидону. Та же односторонность въ стремленіи къ богатству и къ торговлѣ, но, кажется, менѣе безотчетной смѣлости въ разгулѣ по грозѣ водъ океанскихъ, и безспорно, менѣе характера религіознаго, завѣщаннаго незапамятною древностью и религіозными распрями всей области Сирійской и Финикійской.

Таковъ всегда духъ колоній, основанныхъ съ видами купеческими. Односторонность первоначальной цѣли отражается на всей жизни новаго государства: мысленный кругъ стѣсняется и человѣкъ засыхаетъ въ своемъ несытомъ златолюбіи. Всѣ великія и глубокомысленныя преданія забываются; ученія теряютъ свой отвлеченный смыслъ, уже непостижимый для рабовъ корысти, духъ религіи исчезаетъ и отъ нея остаются только внѣшніе обряды, не имѣющіе или никакого значенія, или только значеніе торговыхъ сдѣлокъ человѣка съ невидимыми властями міра.

По своимъ вѣрованіямъ и всему своему развитію Финикія принадлежала вполнѣ системѣ Кушитской, не смотря на примѣсь Иранства, уже утратившаго весь свой первобытный ха-

рактеръ (въ *Ваалъ* или *Белъ* и др.). Многобожіе Финикіянъ не имѣло ничего общаго съ человѣкообразнымъ богопоклоненіемъ Грека или сказочнымъ вѣрованіемъ Восточно-Иранца, но выросло изъ философскаго символизма Африканской системы, олицетворившей необходимость въ органической полярности. Иранское божество, свободно-творящій духъ, не благоволящій къ павшему веществу, вошло въ эту систему мѳологическую вмѣстѣ съ сѣвернымъ племенемъ, но уже не какъ свободное лице божественное, а какъ олицетвореніе полюса мужескаго, зиждущаго и въ то же время разрушающаго. Оно сохранило характеръ неблаговоленія къ міру, производимому имъ по неволѣ, и этотъ характеръ, доведенный во время борьбы религій до изступленной свирѣпости, выражался любовью къ разрушенію, къ жертвамъ человѣческимъ и къ воплямъ младенцевъ, сожигаемыхъ въ мѣдныхъ объятіяхъ Молохова кумира. Грубая любовь къ веществу, доведенная также до изступленнаго сладострастья, осталась на долю женскаго полюса, богини, принадлежащей вполнѣ племени южному. Такова была религія Финикіи, такова религія Карѳагена.

Должно замѣтить, что иногда (вслѣдствіе древняго примиренія между враждовавшими племенами и вѣрами) происходилъ размѣнъ обрядовъ въ поклоненіи богу и богинѣ и тогда Молохъ-Праклъ являлся женоподобнымъ и покровителемъ разврата, а Милитта-Кивела свирѣпою и ненавистницею вещественнаго міра: но такой размѣнъ былъ обычнѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ области Сирійской. Мы уже сказали, что Молохъ былъ въ своей первобытной сущности ничто иное какъ Богъ обще-Иранскій, тотъ самый, которому поклонялся домъ Израиля подъ именемъ *Элохимъ* или *Іегова*; но мы должны также помнить, что въ безобразный синкретизмъ Финикіи, также какъ въ многостихійное ея населеніе, очень многія начала вошли въ довольно позднюю эпоху. Довольно любопытный примѣръ этихъ позднѣйшихъ примѣсей находится въ поклоненіи богу времени, *Израилю*, и въ разсказѣ о принесеніи имъ въ жертву сына своего Іеуды. Такая странная примѣсь вѣрованія свидѣтельствуетъ о вліяніи Евреевъ и вѣроятно о вкрапленіи въ племя Финикійское отдѣльныхъ поколѣ-

ній Израильскихъ, забывшихъ единобожіе и возвысившихъ своего родоначальника до божественныхъ почестей по образцу другихъ народовъ. Мы видимъ нѣчто похожее на такое смѣшеніе въ Гормуздѣ Буддаистовъ, въ разсказахъ о молодости Будды, взятыхъ изъ Рамаяны и объ его дѣтствѣ, взятыхъ изъ христіанскаго сказанія о Симеонѣ. Одно только безумное ослѣпленіе страстныхъ системъ, забывающихъ про неизбѣжное обличеніе явной лжи, могло выдать Финикійскую сказку, засвидѣтельствованную весьма поздними писателями, за первообразъ стародавняго сказанія Еврейскаго объ Израилѣ, Авраамѣ и Исаакѣ. Господа книжники въ затѣйливости своихъ труженическихъ восторговъ не видятъ даже, что самыя имена этихъ мнимо-Финикійскихъ боговъ точно также не клеятся къ истинно-Финикійской миѳологіи, какъ и разсказъ о богѣ, приносящемъ въ жертву сына для прекращенія чумы, не клеится къ здравому смыслу. Перенесеніе повѣсти объ Исаакѣ на Іуду, безсвязность миѳа въ Финикійской религіи, отсутствіе всѣхъ прочихъ лицъ, сопровождающихъ лицо Іакова въ Еврейскомъ преданіи, отсутствіе родословнаго значенія, каждое обстоятельство порознь и всѣ вмѣстѣ представляютъ такое явное свидѣтельство о чужеплеменности Израиля и Іуды въ Финикійской сказкѣ, что трудно понять, какъ многоначитанные люди могли съ важностью утверждать противное и какъ земля ученая, стоящая въ челѣ Западнаго просвѣщенія, могла безъ смѣха встрѣтить ихъ дѣтскую догадку и мнимо-ученую спѣсь.

Развратъ и жестокость должны были являться съ тѣмъ же безстыдствомъ въ Африкѣ, какъ и въ юго-западной Азіи; ибо мысль была та же и не приняла никакихъ новыхъ стихій: но кажется Карѳагенъ, глубже погруженный въ стремленіе къ пользѣ вещественной, менѣе отличался испорченностью нравовъ, предполагающихъ нѣсколько беззаботную и покойную жизнь, и болѣе ославился своею безпощадною кровожадностью, какъ въ политикѣ и въ судилищѣ, такъ и въ обрядахъ вѣры. Великій Дарій требовалъ отъ него, по праву владыки страны Финикійской, отмѣны человѣческихъ жертвоприношеній; но получилъ только временное удовлетвореніе. Римъ, завоеватель и государь полновластный, въ продолженіи болѣе трехъ вѣ-

ковъ не могъ уничтожить безчеловѣчное поклоненіе древнимъ богамъ Карѳагена.

Такое упорство очень понятно. Въ системѣ Кушитской не было молитвы и быть не могло. Были одни заклинанія, вещественно покоряющія невидимый міръ, подчиненный такому же закону,—какъ и видимый, закону необходимости. Кровь была сильнѣйшимъ изо всѣхъ заклинательныхъ средствъ. Слѣдовательно, чѣмъ безпокойнѣе и алчнѣе была дѣятельность человѣка, чѣмъ болѣе онъ требовалъ отъ жизни и судьбы, тѣмъ чаще онъ долженъ былъ прибѣгать къ заклинанію, тѣмъ болѣе проливать кровь. Къ тому же прибавить должно, что развитіе односторонности торговой изсушаетъ сердце и убиваетъ всякое сочувствіе къ людскимъ страданіямъ. Стоитъ только взглянуть на Голландца въ колоніяхъ и Сѣверо-Американца въ западныхъ областяхъ.

Скудость духовной жизни лишала великую Финикійскую колонію всѣхъ лучшихъ стремленій души, философіи, искусства, поэзіи, всей человѣческой славы мысли, всей внутренней святости государственной. Правленіе было республиканское безъ свободы и аристократическое безъ благородства, ибо очевидно вся власть была основана на богатствѣ.

Таковъ по крайней мѣрѣ Карѳагенъ въ послѣднее время; о прежней его эпохѣ ничего опредѣлительнаго сказать нельзя, кромѣ того, что въ ней лежалъ зародышъ позднѣйшей.

Все государство представляло одну огромную торговую факторію, искусно дѣйствовавшую для чисто-внѣшнихъ и грубыхъ цѣлей. Жизнь гражданъ была дорога для немноголюдной колоніи: службу боевую несли наемники, продающіе кровь свою за золото. Самое завоевательное властолюбіе было подчинено торговому расчету, и Карѳагенъ искалъ не пространныхъ владѣній, радующихъ народную гордость, не множество подвластныхъ народовъ, усиливающихъ государство своею вещественною силою, но вѣчно новыхъ сбытовъ для своего товара, вѣч-

но новыхъ и неистощимыхъ товаровъ для своего сбыта, новыхъ данниковъ и рудниковъ и новыхъ областей для торговой монополіи. Иго его было легко въ сравненіи съ Римскимъ и рѣдко возмущались противъ него покоренные народы; но оно было унизительно, основывалось на развратѣ и порождало развратъ.

Когда жизнь человѣческая мѣняется на золото, когда человѣкъ продаетъ себя на дѣло безстрастнаго убійства (какъ всѣ кондоттіеры), скоро гибнутъ въ немъ всѣ зародыши чистыхъ и человѣческихъ чувствъ, когда дикарь разработывается торгашемъ какъ рудникъ, въ немъ развиваются всѣ пороки расчетливымъ соблазномъ вещественнаго просвѣщенія. Новая Европа употребляетъ съ равнымъ успѣхомъ желѣзо, водку и опіумъ.

Римъ былъ не многимъ выше Карѳагена въ смыслѣ религіознмъ. Безпорядочный и безпредѣльный синкретизмъ создалъ для него какую то неопредѣленную систему вѣрованія, равно чуждую началу Иранскому и началу Кушитскому. Въ немъ не только, какъ въ Греческой миѳологіи, не было никакого общаго начала, но не было даже постояннаго человѣкообразія. За всѣмъ тѣмъ глубокая вѣра въ нравственное достоинство искупала пороки религіознаго безсмыслія и замѣняла съ избыткомъ отсутствіе идеальной красоты, которой поклонялся Эллинъ. Впрочемъ смѣшеніе многихъ разныхъ миѳологій имѣло въ Римѣ то же самое послѣдствіе какъ и вездѣ: торжество Кушитскаго начала необходимости, возвышеніе вещественнаго обряда надъ внутреннимъ, духовнымъ богопоклоненіемъ и обращеніе молитвы въ заклинаніе. Боги побѣжденныхъ народовъ получали право гражданства въ городѣ побѣдителей и должны были утѣшиться новыми почестями въ утратѣ своей прежней самостоятельности.

Нельзя безъ сострадательнаго смѣха читать формулы заклинаній, которыми Римляне вызывали изъ осажденнаго города боговъ, его покро-

вителей: «Si quis Deus, Sive Dea» и пр Такъ и глядишь на вора, заманивающаго кускомъ мяса сторожевую собаку съ чужаго двора.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Римъ былъ несравненно выше Карѳагена Иго его было тяжело, но не унизительно. Самолюбивыя страсти роптали; но разумъ преклонялся, сознавая торжество общества правомѣрнаго надъ обществами произвольно условными.

Таково очевидно было впечатлѣніе, произведенное Сенатомъ надъ Эллинскими посланниками непобѣжденнаго Пирра.

Нѣкогда Римъ и Карѳагенъ дружелюбно сносились межъ собою, когда Карѳагенъ еще не развивалъ всего своего промышленнаго могущества, а младенчествующій Римъ не сознавалъ ни себя, ни своихъ будущихъ судебъ. Даже въ войнѣ противъ Пирра, опаснаго представителя воинственной Эллады, дѣйствовали они заодно (*), но продолженіе дружбы было невозможно. Сицилія, соединяющая, такъ сказать, Италію съ Африкою, населенная Эллинскими колоніями, принадлежащими къ одной системѣ съ Эллинскими городами южной Италіи, уже подчинившимися Римской державѣ, и въ то же время безпрестанно привлекающая завоевательное корыстолюбіе Карѳагена, послужила поводомъ къ рѣшительному раздору между двумя первенствующими государствами западнаго міра. Карѳагенъ не желалъ войны, но ослѣпленный своимъ собственнымъ блескомъ и безспорнымъ превосходствомъ своимъ на морѣ, не боялся ея. Римъ желалъ войны, предчувствуя несомнѣнную побѣду. Борьба длилась долго съ перемѣннымъ счастіемъ. Карѳагенъ и его неистощимыя сокровища и его сотни торговыхъ колоній на сѣверномъ берегу Африки и въ Испаніи долго не уступали желѣзной волѣ и мужеству Рима; области Африки были опустошены, берега Италіи разграблены, народы Италіи

(*) Въ 279 году заключенъ былъ между ними оборонительный и наступательный союзъ.

истощены, Сицилія разорена въ конецъ; Римъ оскудѣлъ жителями, Карѳагенъ золотомъ, а судьба битвы казалась сомнительною. Римъ пріобрѣлъ на морѣ равенство съ своимъ противникомъ (какъ кажется, съ помощію Эллинскихъ кораблестроителей, не уступавшихъ Финикійскимъ), Карѳагенъ, котораго невѣжество въ дѣлѣ ратномъ было разительно при началѣ войны и сдѣлалось предметомъ насмѣшекъ Лакедемонянина Ксантиппа, пріобрѣлъ къ концу войны (особенно подъ предводительствомъ дома Барка) опытность и искусство равные Римскимъ. Гордость народная и гражданская доблесть Римлянъ утомили наконецъ Финикійскихъ купцовъ. Непобѣжденные, они заключили постыдный миръ съ соперниками, болѣе пострадавшими, но не утратившими силы духовной. Сицилія осталась въ Римской власти; Сардинія была похищена наглымъ нарушеніемъ мирнаго договора, за которое Карѳагенъ не смѣлъ возобновить войну.

Дерзость Рима и робость Карѳагена явно доказываютъ, чья была побѣда, и должны были доказать современникамъ, чье будетъ окончательное торжество при новыхъ столкновеніяхъ.

Едва заключивъ миръ на югѣ, Римъ сталъ распространять владѣнія свои на сѣверѣ новыми войнами противъ Кельтійскихъ Галловъ полу-Славянскихъ Лигурцевъ (смѣшанныхъ кажется съ Иберцами) и Славянскихъ Иллирійцевъ, лишившихся своей торговли, но промышлявшихъ морскимъ разбоемъ. Успѣхъ вездѣ вѣнчалъ его оружіе. Торжество надъ воинственными Самнитами упрочило его власть въ ея средоточіи, въ самой Италіи.

Въ то же время глубокомысленный расчетъ Гамилькара открылъ новую точку опоры для власти Карѳагенской. Испанія, давно обогащавшая восточныхъ мореплавателей своими товарами, не совсѣмъ чуждая Финикійцамъ по племенному сродству ихъ съ Иберцами, населенная народами мужественными, но не смыкавшимися никогда въ государственный союзъ, сдѣлалась предметомъ завоевательныхъ замысловъ полководца, уже испытавшаго силы свои съ успѣхомъ противъ

Римлянъ и возмутившихся наемниковъ. На своемъ иждивеніи набралъ Гамилькаръ значительное войско и покорилъ часть Испаніи. Преемникъ его и зять Гасдрубалъ продолжалъ начатое дѣло, основалъ новую и скоро разбогатѣвшую колонію (Новый Карѳагенъ), распространилъ власть свою силою, упрочилъ кротостью, покорившею сердца туземцевъ, и, умирая въ цвѣтѣ лѣтъ, передалъ новоприобрѣтенное государство человѣку, въ которомъ сосредоточивается вся слава Карѳагена, Ганнибалу. Римъ былъ неравнодушенъ къ торжествамъ соперника. Призванный на помощь Греческими колоніями въ Испаніи, онъ положилъ властительнымъ словомъ и угрозами предѣлы завоеваніямъ Карѳагенскимъ и явно показалъ, что ждетъ только предлога для новой борьбы. Ганнибалъ понялъ необходимость войны и понялъ, что рѣдко посылаются судьбою люди, ему подобные. Онъ зналъ превосходство Римской силы, и думалъ уравнять это превосходство своимъ личнымъ величіемъ. Снѣга Пиренеевъ и Альповъ, ущелья Аппенниновъ, непроходимыя болота Тосканы, ничто не могло его остановить; народы недавно покоренные Римомъ (Итальянскіе Галлы, Лигурцы и многіе другіе), увлеченные пламеннымъ геніемъ, пристали къ его дружинамъ; Римскія ополченія, уничтоженныя одно за однимъ, уложили слѣдъ его своими костями. Побѣдитель сталъ передъ стѣнами великаго города; но желѣзная воля народа устояла. Началась долгая, незабвенная борьба, въ которой выказалась вся бездушная и безрасчетная слабость Карѳагена, все исполинское величіе его полководца, и все нравственное могущество города, призваннаго къ міродержавству. Наконецъ Карѳагенъ, равнодушіемъ погубивъ своихъ союзниковъ въ Сициліи, утративъ Испанію, угрожаемый войсками Сципіона въ самой Африкѣ, вызвалъ Ганнибала изъ Италіи. Побѣда Римлянъ при Замѣ (въ 202 году до Р. Х.) кончила борьбу, которой рѣшеніе было уже давно несомнѣнно, ибо съ одной стороны было цѣлое государство, съ другой одинъ человѣкъ. Карѳагенъ палъ, чтобы болѣе уже не вставать. Римъ сталъ въ величіи, которому уже не было равнаго въ современномъ мірѣ.

Ганнибала упрекали въ ошибкахъ стратегическихъ. Здравая критика оправдала его почти во всемъ и опредѣлила ему едва ли не первое мѣсто между всѣми полководцами древности. Кажется справедливѣе можно бы его упрекнуть въ томъ, что онъ не далъ никакой сосредоточенной организаціи народамъ Итальянскимъ. Дѣйствія союзниковъ Рима были всѣ подведены подъ одну систему разумомъ правительственнаго города и отъ того успѣшны. Дѣйствія его многочисленныхъ враговъ были безсвязны и отъ того безплодны. Недостатка въ энергіи не было; это явно изъ войны Рима съ своими Итальянскими союзниками, въ которой онъ едва не погибъ.

Эллада и государства, основанныя Эллинами во время ихъ кратковременнаго первенства на Востокѣ, должны были прійти во враждебное столкновеніе съ новымъ властителемъ Запада. Будущую опасность отъ Рима, кажется, предчувствовалъ уже Пирръ; царь Македонскій, Филиппъ, ясно провидѣлъ ее и тайно помогалъ Ганнибалу въ его Итальянской войнѣ.

Онъ не могъ выступить его явнымъ союзникомъ, или потому, что самъ въ то же время занятъ былъ завоеваніемъ Греціи, или потому, что ни онъ, ни Ганнибалъ не могли согласиться на подчиненное мѣсто въ управленіи общимъ дѣломъ.

Завоеванія Рима на востокѣ. Паденіе Македоніи, Греціи, царства Сирійскаго.

Сломивъ силу Карѳагена, Римъ обратилъ оружіе свое на востокъ. Эллада, растерзанная внутренними раздорами, не могла противустать и сама облекла своихъ властолюбивыхъ сосѣдей въ право судій и властителей. Въ ней три государства спорили о первенствѣ: Македонія, сохранившая отчасти воинственную славу Александра, вещественное устройство его дружинъ въ грозной фалангѣ и единство въ дѣйствіяхъ; союзъ, созданный дотолѣ ничтожными Ахейскими городами, и другой союзъ, основанный еще болѣе ничтожными Этолійцами. Ахейцы были преемниками мысли, воплотившейся на короткое время въ Ѳивахъ при Эпаминондѣ и, слѣдовательно, просвѣщенія Аѳинскаго. Дикіе Этолійцы были представителями того воинственнаго характера, которымъ нѣкогда жилъ Лакедемонъ: но философскій

и холодный систематизмъ Ахейскаго союза былъ также далекъ отъ живаго и художественно плодотворнаго просвѣщенія прежней Аттики, какъ разбойничья предпріимчивость и развратъ Этолійцевъ были далеки отъ строгой и стройно размѣренной силы Лакедемона. Завсѣмъ тѣмъ нравственное достоинство и человѣчность началъ Ахейскихъ легко бы могли восторжествовать надъ своими противниками и дать южной Греціи временную силу, если бы завистливая Спарта, утратившая все прежнее значеніе и права на власть, но сохранившая еще отблескъ прежняго мужества, не была въ постоянномъ союзѣ съ Этолійцами противъ благороднаго стремленія Ахейцевъ. Сильнѣе обоихъ была Македонія и очевидно готовилась подчинить себѣ всю южную Элладу: но Римъ предупредилъ ея замыслы. Непродолжительная война показала превосходство легкаго и подвижнаго легіона передъ тяжелою фалангою и Рима передъ преемниками Александра. Ничтожная борьба уничтожила послѣдніе остатки Эллинской свободы. Побѣдители сохранили лицемѣрное уваженіе къ прежней вольности городовъ, но разорвали всѣ союзы ихъ и отдали вездѣ власть богатству, зная, что богатство любитъ покой, боится мятежей и охотно продастъ своихъ братьевъ, чтобы не подвергаться личной опасности. Такимъ образомъ Эллада стала рабствовать подъ личиною свободы и перешла незамѣтно въ совершенное и явное рабство.

Впрочемъ напрасно считали многіе единственно за лицемѣріе почтеніе, показанное Римлянами побѣжденнымъ Эллинамъ. Государство и государственные люди презирали безсвязную Элладу, но просвѣщеніе Эллинское уже имѣло многихъ поклонниковъ въ Римѣ; и горько было человѣку, впитавшему въ себя философію и поэзію Греціи, попирать свободу народа, просвѣтившаго его родину. Фламининъ могъ плакать нелицемѣрно и Метеллъ щадилъ Элладу не изъ хитрости, а изъ любви.

Политическое поприще Эллады кончилось, она погибла потому, что пережила юношескій возрастъ свой, простодушно

поклонявшійся идеѣ красоты художественной, и не нашла той красоты, къ которой стремилась въ лѣта возмужалости, красоты въ знаніи, т. е. истины. Она утратила силу потому, что утратила вѣру во все то, чѣмъ нѣкогда жила и чему поклонялась, и никогда не могла принесть свою любовь къ личной свободѣ человѣка въ жертву чисто-условной государственности, не имѣющей другаго, высшаго идеала.

Самобытное, древнее имя Эллады исчезаетъ: оно уступаетъ мѣсто чужеданному имени Греціи. Этимологія перваго есть безъ сомнѣнія имя Аполлона Патроса, *Велена* или *Гелена* (по другимъ діалектамъ *Селенъ*); этимологія втораго сомнительна. Оно было дано Италіотами землѣ Эллинской по названію какого нибудь прибрежнаго племени. Вспомнивъ, что это Адріатическое прибережье было во многихъ мѣстахъ полу-Славянское или чисто-Славянское, трудно не предположить, что слово *Грекъ* есть только сокращеніе слова *Горякъ* (горецъ, отъ корня *гора*). Такъ всѣхъ Германцевъ Русскіе Славяне прозвали *Нѣмцами* отъ имени ближайшаго западнаго поколѣнія *Неметовъ*, которому, какъ уже сказано, народная догадка приписала особый смыслъ, точно также какъ слову *Тіутъ* (Чудь) и *Азъ-Зигъ* (Языкъ).

Еще менѣе Македоніи сопротивлялась Сирія. Селевкиды, принужденные къ войнѣ наглыми притѣсненіями Рима, ополчились по неволѣ и, побѣжденные въ одномъ сраженіи (въ 190-мъ году до Р. Х.), уже не могли дать отпора побѣдителямъ. Малая Азія была раздѣлена между многими властителями и перешла мало-по-малу подъ власть Римскую. Сирія осталась еще на нѣсколько времени въ рукахъ Селевкидовъ; но царственный домъ угасъ безъ славы, стѣсненный Парѳянами съ востока и Египтомъ съ юга, постоянно угнетаемый Римлянами, растерзанный семейными междоусобицами, потрясенный мужественнымъ возстаніемъ Іудеи и осужденный на гибель собственнымъ бездушіемъ. Египетъ еще хранилъ жалкую независимость, защищаемую подкупомъ противъ властолюбія Рима.

Въ половинѣ втораго вѣка былъ нанесенъ послѣдній ударъ Карѳагену. Городъ, нѣкогда владѣвшій всею юго-западною

Европою и сѣверною Африкою, палъ въ такое политическое ничтожество, что имя его почти не упоминается въ исторіи полустолѣтія. У него не было уже ни вещественныхъ силъ, ни духа, созидающаго силу. Подлѣ него поставлено было новое царство, составленное изъ туземныхъ стихій, Нумидійское, которое мало-по-малу завоевывало оставшіяся ему области. Но Римъ помнилъ его прежнее соперничество и завидовалъ его богатству. При первомъ предлогѣ (или лучше сказать безъ предлога) велѣно было Карѳагенянамъ отказаться отъ стародавнихъ и близкихъ владѣній: они повиновались. Потомъ уничтожить всѣ военные корабли. Корабли уничтожены. Потомъ выдать все оружіе. И то было исполнено. Наконецъ разрушить городъ и поселиться тамъ, гдѣ прикажетъ Римъ. Карѳагенъ, видя неизбѣжную гибель, рѣшился погибнуть со славою. Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ и Карѳагенъ исчезъ съ лица земли, увѣнчавъ, подобно своему родоначальнику Тиру, славою воинскаго геройства послѣдніе годы своего торговаго поприща; вскорѣ погибло и Нумидійское царство, послуживъ орудіемъ Римскаго властолюбія.

Не безъ труда покорили Римляне воинственныхъ Славянъ Иллирійскихъ. Еще долѣе сопротивлялись сосѣди Иллирійцевъ Дарданы, которыхъ происхожденіе неизвѣстно, хотя оно по вѣроятію было одинаково съ Иллиріею и Ѳракіею, и Пеонійцы, которыхъ Славянство доказано изъ преданій, связывающихъ ихъ съ Троею, изъ ихъ образа жизни и особенно изъ самаго имени столицы *Бѣлазора* (Бѣлозеро). Полуславянскіе Лигурцы утратили совершенно свободу послѣ многолѣтней и кровавой борьбы. Долѣе же и славнѣе всѣхъ боролись Иберцы въ Испаніи, слишкомъ чуждые государственному быту, чтобы отстоять свою свободу, но заслужившіе великое историческое имя геройскимъ подвигомъ Нумаиціи и десятилѣтними побѣдами Виріата.

Во время войны, уничтожившей свободу Испаніи, очень ясно выражается разноплеменность жителей безпрестанными раздорами мелкихъ областей. Кажется вражда старожиловъ Иверцевъ и пришельцевъ Кель-

товъ никогда не исчезали вполнѣ. Многія имена мѣстностей при Пиренеяхъ (о которыхъ уже сказано) и племенъ (какъ напр. *Илергетовъ*) доказываютъ, что восточная вѣтвь Пранцевъ проникла за Пиренеи. Точно то же можно предположить и о Корсикѣ и Сардиніи, гдѣ часто слышны въ именахъ звуки, напоминающіе область Славянскую. Впрочемъ иначе и быть не могло. Мореплавательные Лигурцы и Разены и старожилы Галльскіе, Венеты, не могли не бросать колоній въ близлежащіе острова и въ сосѣднія страны.

Внутренній характеръ Рима послѣ его завоеваній. Гракхи.

Наконецъ Римъ явился въ своемъ міродержавномъ величіи: но Римъ уже измѣнился. Раздѣленіе его на патриціевъ и плебеевъ еще сохранялось, какъ мертвая форма или какъ безсмысленный обычай; дѣйствительно же права ихъ были одинаковы и оставалось одно только раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ. Первое основаніе города и государства состояло въ общинѣ патриціянской. Вся городская область была собственностью гражданъ, слѣдовательно патриціевъ, и дѣлилась между ними на ровныя доли, по образцу еще сохранившемуся въ раздѣленіи тягловыхъ земель въ общинахъ Славянскихъ.

Можно даже еще замѣтить полу-тягловыя доли въ Гракховыхъ законахъ.

Только эта собственность освящалась государствомъ и признавалась вполнѣ. Приливъ плебеевъ и смѣсь разнородныхъ стихій ввели по необходимости въ обычай другаго рода собственность, также признанную, но признанную только какъ фактъ, а не какъ право, и не освященную святостью государственною. Эта собственность охранялась законами, но въ то же время не носила полнаго характера законности. Она была не собственностью, а только владѣніемъ.

Таково начало всей этой многосложной и запутанной теоріи о собственности и владѣніи, которою испещрено Римское законодательство и которую съ такимъ безплоднымъ трудомъ ученые книжники силятся подвести подъ разумныя начала. Требуютъ разума отъ грубаго услов-

наго факта и ищутъ смысла въ безсмыслицѣ! Религіозныя понятія, скоро утраченныя, одни, можетъ быть, составляли основу различія; въ отношеніи къ наукѣ права это различіе сущая нелѣпость. Всего забавнѣе тѣ суевѣрные поклонники Римскаго законодательства, которые желали бы привить къ законодательствамъ новымъ эту случайность мѣстнаго Римскаго развитія.

Вскорѣ собственность, даруемая государствомъ, сдѣлалась ничтожною въ сравненіи съ собственностью, пріобрѣтенною трудами и подвигами личными. Богатство частныхъ людей росло съ наростаніемъ завоевательной общины и богатства получили значеніе правительственное по уставу Сервія Туллія, и собственность сдѣлалась основою власти. Когда, послѣ долгой борьбы, исчезли всѣ различія правъ родовыхъ (патриціата и плебса), на первомъ ряду остались права, основанныя на богатствахъ,—тѣмъ болѣе, что для достиженія низшихъ должностей, составляющихъ переходъ къ высшимъ, требовалось уже значительное состояніе. Въ первой Пунической войнѣ еще являются консулы и диктаторы, призываемые къ правленію республикою отъ плуга и труда хозяйственнаго (таковы Регулъ, Серранъ и друг.), но вскорѣ исчезаетъ слѣдъ величественной простоты и вторая Пуническая война, открывъ рядъ всемірныхъ завоеваній и безконечный источникъ богатствъ, рѣшила судьбу Рима.

Война Ганнибала противъ Рима была дѣйствительно междоусобицею Италійскою. Союзники Рима, помогавшіе ему, когда онъ былъ на краю гибели, получили значительныя права отъ благодарности спасеннаго государства и стали желать бо́льшихъ; враги, побѣжденные и строго наказанные, сохранили въ душѣ своей ненависть и жажду мщенія. Но бо́льшая часть Италіи стала въ рядахъ войска Ганнибалова и слѣдовательно бо́льшая часть Италіи послѣ второй Пунической войны была подчинена Риму на условіяхъ гораздо строжайшихъ противъ прежнихъ. Въ тоже время новоприобрѣтенныя области внѣ-Италійскія поступили въ новое отношеніе къ государству подъ именемъ *Провинцій* (отъ *proventus*, собств. кормежныя) и сдѣ-

лались предметомъ откуповъ, вливавшихъ въ Римъ неистощимыя сокровища и необузданный развратъ. Богатства, безпрестанно накоплявшіяся въ рукахъ нѣсколькихъ патриціанскихъ и чиновныхъ плебейскихъ родовъ, составили новую аристократію золота, не имѣющую опредѣленныхъ и законныхъ правъ, но дѣйствительно представляемую Сенатомъ,—правительственнымъ совѣтомъ государства, нѣкогда бывшимъ совѣтомъ патриціанскимъ, теперь сосредоточившимъ въ себѣ всѣ патриціанскія права послѣ паденія самого патриціата. Такъ послѣ борьбы между родовыми гражданами Рима (патриціями) и его пріемышами (плебеями) готовилась новая борьба между чиновнымъ и богатымъ Сенатомъ и бѣднымъ, угнетеннымъ народомъ, борьба, основанная на грубыхъ вещественныхъ выгодахъ, лишенная всякаго религіознаго значенія, всякаго человѣческаго достоинства, унизительная и гибельная для государства. Едва палъ Карѳагенъ и торжествующія рати Рима отдохнули отъ многотрудныхъ войнъ, народъ сражавшійся за отечество и принесшій въ свои бѣдныя хижины безплодные лавры и тяжелыя раны, взволновался и потребовалъ отъ богатыхъ правителей земли и денегъ для безбѣднаго жительства. Вождями народа выступили пылкіе, краснорѣчивые и славолюбивые Гракхи. Они погибли; но Сенатъ уступилъ и роздалъ новоприобрѣтенныя земли бѣднѣйшимъ гражданамъ. Вражда разгорѣлась еще сильнѣе отъ уступки и побѣды. Народъ понялъ свою силу и необходимость сосредоточиваться около сильныхъ предводителей. Честолюбивые граждане поняли необходимость привязывать къ себѣ народъ соблазномъ милости, заступничества и безплатныхъ забавъ. Праздники, нѣкогда посвященные богамъ, сдѣлались орудіемъ властолюбиваго расчета; но праздники, развивавшіе въ Элладѣ любовь къ художеству и къ красотѣ, развили въ Римѣ только грубую страсть къ разврату и свирѣпую жажду убійства. Наемникъ-гладіаторъ, занятый отъ безчеловѣчной Этруріи, проливающій кровь свою для забавы народной въ бою съ другимъ гладіаторомъ или съ дикимъ звѣремъ, не имѣлъ ничего общаго съ красивымъ бойцомъ, вольнымъ атлетомъ, представлявшимъ иде-

алъ человѣческой красоты глазамъ художника-Эллина. Все болѣе и болѣе исчезали въ Римѣ всѣ нравственныя и человѣческія побужденія.

Сенатъ одолѣвалъ въ борьбѣ противъ народа; народные вожди искали себѣ союзниковъ въ племенахъ Италійскихъ, покоренныхъ Римомъ и подали имъ надежду на полное право гражданства. Гордый Римъ не исполнилъ обѣщаній, данныхъ его вождями, и вся Италія вспыхнула войною. Немногіе остались вѣрными союзниками Рима и получили право гражданства въ награду за вѣрность. Племена мятежныя получили вскорѣ тѣ же права во время новыхъ междоусобицъ. Такимъ образомъ Римъ сталъ внѣ самаго Рима и городъ сталъ исчезать въ государствѣ. Но граждане, имѣющіе право на правительственное значеніе, были въ то же время удалены отъ средоточія, въ которомъ рѣшалась судьба міра. Имъ нужны были представители въ самомъ царственномъ городѣ и частныя лица стали необходимымъ выраженіемъ воли государственной. Прежній свободный Римъ не могъ и не долженъ былъ долѣе существовать. Государство требовало равенства съ городомъ; городъ не хотѣлъ уступить своего прежняго владычества: оба соперника должны были исчезнуть въ условномъ единствѣ одного всевластнаго лица.

Опасность могла бы легко быть удалена на время допущеніемъ представленія для гражданъ Римскихъ, живущихъ внѣ предѣловъ городовой земли; но тогда исчезло бы значеніе народнаго собранія, и этой уступки гордость народная не могла сдѣлать. Ей было легче передать всю свою власть въ руки избраннаго вождя. Уничтоженіе всей народной власти при сохраненіи призрака власти сенатской доказываетъ явно, что императоръ поглотилъ въ себѣ только права народнаго собранія. Сенатъ въ послѣднія времена республики принадлежалъ не собственно Риму, но всему государству, и отъ этого могъ сохранять свое значеніе, не смотря на поглощеніе города въ государствѣ.

Движеніе на сѣве-

Между тѣмъ какъ Гракхи поднимали бурю внутренняго раздора, и какъ союзники объявляли требованіе свое на уравне-

ніе съ коренными гражданами, желѣзная сила Рима продолжала распространеніе государственныхъ предѣловъ и побѣдоносную борьбу противъ внѣшнихъ враговъ. Въ послѣднихъ годахъ втораго столѣтія до Р. Х. исчезло царство Нумидійское, но нѣсколько лѣтъ спустя побѣдитель Африки, глава народа и врагъ Сената, Марій былъ призванъ спасать отечество отъ опасности, напоминающей о грозномъ Карѳагенцѣ и Галлѣ завоевателѣ. Послѣдніе остатки Кельто-Кумрійцевъ, скрывшіеся отъ Скиѳскаго меча (т. е. Скиѳовъ Азіатскихъ) въ горныхъ прибережіяхъ Чернаго моря, сохранили свою самостоятельность во время преобладанія кочевыхъ Средне-Азіатцевъ. Но мнимые Скиѳы не могли долго властвовать завоеванною страною. Сильные Сармато-Аланы, перешедшіе Кавказъ послѣ паденія и бѣгства Кумрійскаго народа, врѣзывались все глубже отъ юга на сѣверъ по При-волжью и При-донью, распространяя во всѣ стороны грозу своего оружія и страхъ своего имени. Утѣсненные Сако-Геты (или Вендо-Славянскія племена) смыкались тѣснѣе и требовали назадъ свою исконную область. Кочевые Средне-Азійцы отступили на сѣверо-востокъ или исчезли въ разливѣ новыхъ побѣдителей. Въ началѣ II-го столѣтія до Р. Х. Сармато-Аланы (иначе Азы) очевидно преобладали во всей странѣ отъ Волги до Днѣпра, покоряя своей власти или принимая въ свой союзъ слабѣйшихъ сосѣдей. ровостокѣ. Походъ Кимвровъ и Тевтоновъ. Марій.

Такъ напр. съ ними вмѣстѣ врывались въ Европу Кавказскіе Зиги (Адиге), составившіе съ ними вмѣстѣ мѣшанное ополченіе дикихъ Языговъ (Аз-зигъ.)

Въ жестокой борьбѣ двухъ великихъ племенъ, Восточно-Иранскихъ Вендовъ (Вановъ) и Западно-Иранскихъ Азовъ не могла устоять независимость безсильныхъ Кумрійцевъ. Выгнанные или утѣсненные въ своемъ южномъ убѣжищѣ, они двинулись на западъ по слѣдамъ откочевавшихъ братій. Встрѣченные въ землѣ Чеховъ (древнихъ Зигиновъ) Кельтами завоевателями (Боіями), несклонными дѣлиться плодомъ своихъ побѣдъ, и удержанные съ юга крутыми горами и смѣлыми гор-

цами Вендскаго племени (Паннонцами и Иллирійцами), Кумрійцы повернули къ сѣверу и двинулись черезъ среднюю и сѣверную Германію къ Рейну. Братья ихъ Белоги отказали имъ въ пріемѣ, также какъ и Боіи въ Чехіи и смѣлымъ отпоромъ отняли у нихъ надежду на успѣхъ въ Галліи. Кумрійцы отступили и осѣлися на болотистыхъ берегахъ Германскаго моря и въ тѣсномъ полуостровѣ, отдѣляющемъ его отъ Балтики. Тутъ нашли они остатки прежняго Кельтскаго переселенія, съ которыми смѣшалися легко по кровному и духовному сродству. Тутъ основали они временную общину, давшую полуострову имя Херсонеса Кимврическаго (Кумрійскаго), между тѣмъ какъ тотъ же полуостровъ сохранилъ въ памяти и въ словообычаѣ Германскомъ древнѣйшее, хотя однозначительное названіе Ютской земли (Ютландъ). Отдохнувъ отъ долгаго странствованія и помня благословенія странъ полуденныхъ, Кумрійцы не захотѣли оставаться въ странѣ холодной и безплодной. Собравъ всѣ свои боевыя силы, призвавъ на общее переселеніе воинственныхъ братьевъ своихъ, Кельтовъ За-рейнскихъ (между прочимъ Амброновъ), увлекая вѣроятно на пути своемъ другія Кельто-Кумрійскія семьи, разсѣянныя въ средней и южной Германіи и можетъ быть нѣкоторыя изъ смѣлѣйшихъ семей Германскихъ, они наконецъ явились грозовою тучею на границахъ Римской державы, подъ именами Кимвровъ и Тевтоновъ.

Имя *Кимровъ* очевидно тождественно съ именемъ *Кумри* или *Кимри*. Имя Тевтоновъ безспорно имѣетъ сходство съ именемъ Германцевъ (*Deutsch*, которое могло быть въ древнѣйшей, хотя сомнительной формѣ *Teutsch*); но оно еще ближе къ слову *тіуть* (отъ чего *Чудь*) и къ кельтскому слову *тотъ* или *теотъ* (люди). Равносильность же и согласіе Тевтоновъ и Кимвровъ очевидно показываетъ, что они были единоплеменниками. Имена вождей *Боіорикса* и *Тевтобока* безспорно ближе къ именамъ вѣтви Кельтской, чѣмъ семьи Германской. Сверхъ того должно вспомнить, что во время Кимврской войны Германцы уже были извѣстны Римлянамъ, ибо упоминаются въ фастахъ Капитолинскихъ въ прежнее время (въ войнѣ Писубровъ про-

тивъ Рима); что никто изъ древнихъ не считалъ Кимвровъ Германцами; что Кесарь про побѣды Германцевъ говоритъ какъ про дѣло новое, ибо у нихъ въ старину не было славы военной и они были у Кельтовъ въ загонѣ; наконецъ, что слабые остатки Кимбровъ, не отважившихся на переселеніе, отдѣляли себя стѣною и всякими защитами отъ жителей Германіи. Итакъ они были очевидно не Германцами. Правда, не признавали ихъ древніе за Кельтовъ; но такая недогадка древнихъ очень понятна при дѣтствѣ критической науки и при многовѣковомъ разъединеніи семьи Кимврской и Кельто-Кумрійской. Тождество народа побѣжденнаго Маріемъ и народа бѣжавшаго передъ Скиѳами и народа издревле переселившагося отъ Приволжія къ берегамъ Сѣвернаго океана и на Британскія острова, очевидно; сходство, замѣченное древними между Лигурцами и Кимврами объясняется весьма легко переселеніемъ Кельто-Беолговъ (т. е. тѣхъ же Кимвровъ) въ Альпійскія долины во время Кельтскаго разлива вѣка за три до Кимврской войны. Тѣсная національность и привычка поштучно разбирать историческіе вопросы одни только могли затемнить понятія глубокомысленной критики ученой Германіи и скрыть отъ нея весь смыслъ Кельтскаго, Кумри-Беолгскаго и Кимврскаго переселенія.

Неодолимъ былъ первый порывъ сѣверныхъ дикарей. Пали Римскіе орлы и Римскіе легіоны; Италія трепетала. Искусство Марія спасло ее и пришельцы погибли безъ слѣда. Новая опасность угрожала государству съ востока. Любимецъ народа, побѣдитель Юга и Сѣвера, рвался къ побѣдамъ въ Азію: Сенатъ поручилъ начальство на востокѣ своему любимцу, полководцу уже прославленному въ войнѣ противъ Италійскихъ союзниковъ, Силлѣ.

Юго-восточное приморье Эвксина было въ глубокой древности населено Восточно-Иранскими семьями, которыхъ многозначительныя имена отзываются въ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ отъ первыхъ пѣснопѣвцевъ сказочнаго Индустана до позднѣйшихъ хроникъ Европы и завоевательной Аравіи, семьями Саковъ (иначе Гуповъ, по свидѣтельству клинообразныхъ надписей). Ихъ независимость погибла въ напорѣ сильныхъ царствъ При-евфратскихъ и Иранскихъ; ихъ народная само-

бытность исчезла вѣроятно безъ слѣда въ напорѣ воинственныхъ народовъ Малой Азіи.

За всѣмъ тѣмъ изученіе мѣстнаго нарѣчія открыло бы, можетъ быть, уцѣлѣвшіе остатки Восточно-Иранскаго нарѣчія въ его Славянскомъ развитіи. Многія имена мѣстностей представляютъ сильный соблазнъ этимологу.

Митридатъ и Силла.

При распаденіи державы Македонской, въ числѣ новыхъ царствъ, возникшихъ въ горныхъ областяхъ между морями Чернымъ и Средиземнымъ, земля, нѣкогда бывшая Сако-Гунская составила также государство самостоятельное, подъ именемъ *Понта*. Правимая царями туземными и собственными законами, она уцѣлѣла отъ власти Селевкидовъ и отъ Римскихъ завоеваній. Имена царей ея (по большей части Митридатовъ) свидѣтельствуютъ о преобладаніи Средне-Иранской стихіи, легко принятой во время владычества Персидскаго по коренному сходству племенныхъ началъ и по особенной близости Саковъ ко двору Персидскому, при которомъ они пользовались великимъ почетомъ; дружескія и частыя сношенія съ Элладою показываютъ, что Понтъ не чуждался Эллинской жизни и Эллинскаго просвѣщенія; но стремленія царей Понтскихъ къ соединенію обоихъ береговъ Чернаго моря подъ одну державу и основанію твердыхъ союзовъ съ жителями древней Скиѳіи, теперешней Россіи, заставляютъ предполагать уцѣлѣвшую память о прежнемъ племенномъ единствѣ и, можетъ быть, еще остатки этого единства, уцѣлѣвшіе въ обычаяхъ и въ жизни. Въ началѣ перваго столѣтія до Р. Х. былъ на престолѣ Понтскомъ человѣкъ замѣчательный по необыкновенной силѣ воли и разума, по смѣлости замысловъ и дальновидности политическихъ соображеній. Коварство, не уважавшее никакихъ нравственныхъ законовъ, и свирѣпость, не знавшая границъ, пятнаютъ имя великое въ исторіи, имя Митридата VI-го. Царь ничтожной области, онъ вступилъ въ борьбу съ государствомъ, которому не было равнаго въ мірѣ, и погибъ только послѣ сорокалѣтняго спора. Къ войнѣ съ Римомъ приготовился онъ

пріобрѣтеніемъ союзниковъ или покореніемъ слабѣйшихъ племенъ въ долинахъ и по отрогамъ Кавказа, завоеваніями и союзами въ Скиѳіи, приглашеніемъ къ себѣ искусныхъ Эллиновъ, не менѣе Римлянъ знающихъ дѣло военное, но уже неспособныхъ сражаться за собственное дѣло, тайными сношеніями съ Элладою, недовольною Римскимъ игомъ, и наконецъ устроеніемъ войска по Римскому образцу. То покоряя сосѣднія царства въ Малой Азіи, не смотря на Римское заступничество, то снова уступая Риму, Митридатъ мало-по-малу распространялъ свои владѣнія и выступилъ на открытый бой тогда только, когда мятежъ Италійскихъ союзниковъ, нерѣдко побѣждавшихъ Римскіе легіоны, далъ просторъ его замысламъ, а внутреннее междоусобіе въ Римѣ обѣщало ему вѣроятный успѣхъ. Малая Азія покорилась; многіе острова Эгейскаго моря отпали отъ Римлянъ; наконецъ войско Митридата вступило въ Грецію и, дружески принятое Аѳинами и Віотіею, стало твердою ногою почти въ виду самой Италіи. Но силы Рима еще не истощились. Союзникамъ Италійскимъ, оставшимся въ союзѣ, и многимъ, скоро покорившимся, дали полное право гражданства. Представитель партіи аристократической, назначенный начальствовать противъ восточнаго царя, Силла, одинъ изъ величайшихъ мужей древняго міра, собралъ многочисленное войско, пріобрѣлъ любовь его милостями, взялъ Римъ приступомъ, раздавилъ вооруженною рукою партію народную, заставилъ Марія бѣжать изъ Италіи и быстро двинулся въ Грецію на встрѣчу Митридата. Искусство Силлы и мужество легіоновъ одержали побѣду. Возмутившіеся Греки были наказаны, и Митридатъ, отброшенный назадъ въ Азію, купилъ миръ значительными уступками. Побѣдитель иноплеменныхъ враговъ, Силла поспѣшилъ обратно въ Италію, въ которой народная партія и Маріи ознаменовали жестокостями свое временное торжество. Побѣда Силлы была еще ужаснѣе торжества Маріева, но она водворила порядокъ и что-то похожее на законность. Государство успокоилось въ своемъ средоточіи подъ желѣзною рукою диктатора; но Силла умеръ. Междоусобія вспыхнули не надолго въ Италіи и Корсикѣ, и долго длились

въ Испаніи, гдѣ сподвижникъ Марія, искусный полководецъ Серторій, противился войскамъ, посланнымъ противъ него Сенатомъ, и послѣ частыхъ побѣдъ погибъ только отъ измѣны. Сотни тысячъ рабовъ, утомленныхъ игомъ, пріученныхъ къ надеждѣ на свободу во время борьбы Марія съ Силлою, ободренныхъ раздорами государства, опустошали самыя окрестности Рима, одерживали побѣды надъ легіонами, отвлекали силу республики отъ дальняго Востока. Имена Римлянина Серторія и Ѳракійскаго раба Спартака гремѣли далеко. Снова возсталъ Митридатъ; отовсюду призывалъ онъ союзниковъ, отовсюду звалъ враговъ на Римъ. Дружески сносился онъ съ Серторіемъ, волновалъ Ѳракію и народы При-дунайскіе, занялъ снова почти всю Малую Азію, боролся долго, упорно, и часто не безъ успѣха. Наконецъ Римъ побѣдилъ. Помпей захватилъ родовыя владѣнія Понтскаго царя, побѣдилъ его союзника, царя Арменіи Тиграна, завоевалъ всю Сирію, проникъ даже въ Аравію, дотолѣ недоступную Римлянамъ, взялъ приступомъ храмъ Іерусалимской, рѣшилъ внутреннія споры владыкъ Іудеи и навсегда утвердилъ власть Рима на Востокѣ. Митридатъ бѣжалъ за Кавказъ на берега Азовскаго моря и, брошенный союзниками, проданный роднымъ сыномъ, былъ принужденъ убить себя, чтобы не попасть въ плѣнъ къ Римлянамъ. Онъ умеръ, замысливъ великій замыслъ, исполненный нѣсколько вѣковъ спустя, замысливъ поднять всѣ сѣверные народы и двинуть ихъ черезъ Альпы на Италію. Время еще не наступило,

Паденіе республики. Основа государственной силы Рима.

Опасность отъ Кимвровъ и отъ Митридата миновалась. Римъ увѣнчался новыми побѣдами и расширилъ свои владѣнія: иначе и быть не могло. Ни Кимвры, ни Понтъ по вещественнымъ силамъ своихъ ополченій не были въ состояніи съ нимъ бороться. Дикая отвага кочеваго народа и личное величіе одного царя не могли долго сопротивляться стройной и размѣренной дружинѣ легіоновъ и постоянной расчетливости и опытной мудрости государства, воспитаннаго вѣковою борьбою и вѣковыми побѣдами, государства, въ которомъ каждый гражданинъ, какія бы ни были его личныя страсти, еще готовъ былъ принести ихъ въ жертву величію народному, славѣ Римской и

своей Римской гордости. Условныя начала и условная религія Римскаго общества ослабли но еще не исчезли. Вѣра во внѣшнюю добродѣтель еще была жива. Возможны были Метеллы, Цицероны и Катоны. Вѣра въ республику уцѣлѣла, не смотря на кровавыя междоусобія. Силла могъ еще сложить съ себя званіе диктатора, всемірнаго властелина, и поручить кормило правленія Сенату и народу. Старые призраки еще не разлетѣлись; но со дня на день они все болѣе теряли свои права на существенность.

Религія Рима оставалась тѣмъ же, чѣмъ была съ самаго основанія государства, поклоненіемъ внѣшней правдѣ и правомѣрной жизни; но доблести гражданскія исчезли, и отъ прежняго живаго чувства, обнимающаго собою всѣ подробности человѣческой дѣятельности, осталась только наружная форма грубой и мертвой законности. За всѣмъ тѣмъ въ этой чисто-наружной законности была еще сила, обуздывающая безграничность произвола и дающая видъ строгаго величія и стройности всѣмъ проявленіямъ гражданскаго быта. Совѣсть законовѣдца была мѣриломъ Римской добродѣтели.

Разумѣется, мы говоримъ о нравственности общественной, а не о свѣтлыхъ исключеніяхъ, озаряющихъ лѣтопись послѣднихъ годовъ республики.

Такимъ образомъ религія частныхъ лицъ была въ прямой зависимости отъ общества (ибо внѣ его не имѣла значенія) и была болѣе чисто-государственнымъ учрежденіемъ чѣмъ вѣрованіемъ. Самое государство, сохраняя наружныя формы многобожескаго поклоненія, признавало дѣйствительно только одинъ законъ правды юридической, и эта правда была также мало подчинена идеѣ правды внутренней въ государствѣ, какъ и въ частныхъ лицахъ. Союзъ съ Римомъ, миръ съ Римомъ былъ едва ли не опаснѣе самой войны; ибо въ немъ всегда скрывался зародышъ войны, выжидающій только удобнаго случая, чтобы проявиться. Ябедникъ—юристъ готовилъ и вѣнчалъ побѣду полководца. Но какъ ни были дѣйствитель-

но безправственны такія отношенія къ инымъ державамъ, понятіе о правѣ, о святости договора, о законѣ внѣшней правды сохранялось неприкосновеннымъ и придавало государственной жизни характеръ разумности, возвышающій Римъ надъ всѣми современными и надъ всѣми прежними историческими государствами. Этотъ призракъ юридической правды, обманывая иноземцевъ, дѣйствовалъ благодѣтельно на лучшіе умы и облекалъ въ ихъ глазахъ Римъ какою-то мнимою святостью, оправдывающею его гордость и скрывающею его дикій эгоизмъ.

Историкъ Римскій повторяетъ восторженную рѣчь Эллиновъ объ Римѣ. «Есть народъ, который, безъ корысти, безъ личныхъ цѣлей, не жалѣетъ ни своихъ расходовъ, ни своихъ трудовъ, ни своей крови, не боится ни дальныхъ походовъ, ни бурныхъ морей, когда дѣло идетъ о возстановленіи права и свободы въ предѣлахъ чужихъ, который готовъ на всѣ пожертвованія для того только, чтобы цѣлый міръ управлялся закономъ правды и разума» Очевидно историкъ самъ почти вѣритъ этой похвалѣ. Возможность же похвалы свидѣтельствуетъ о существующемъ идеалѣ.

Высокое развитіе смысла юридическаго покоряло Риму сердца народовъ, уже покоренныхъ мечемъ, и надолго ручалось за силу и величіе государства, не смотря на все безуміе разврата и на уничтоженіе всякой вѣры и всякой добродѣтели. Можно сказать болѣе: оно часто замѣняло собою и вѣру и добродѣтель и питало въ людяхъ память о достоинствѣ человѣческой природы.

Помпей и Юлій Кесарь.

Римскія междоусобицы продолжались. Власть Сената, возстановленная и расширенная на время непреклонною волею диктатора Силлы, не долго устояла послѣ его смерти. Народъ, не лишившійся всѣхъ правъ своихъ, сталъ требовать возврата своего прежняго значенія. Ужасы и безпорядки народной партіи (Сатурнина и Марія) были забыты или заглажены немепьшими злодѣйствами партіи Сенатской во время Силлова торжества. Въ самомъ Сенатѣ многіе, и именно сильнѣйшіе

духомъ и волею, сдѣлались вождями народа, потому что личное превосходство и частное богатство гражданина могли дать ему болѣе власти надъ собраніемъ безразсудной и развратной черни, чѣмъ надъ расчетливою и опытною осторожностью просвѣщеннаго совѣта. Съ другой стороны, права народныя на правительство, при невозможности для всѣхъ иногородцевъ (хотя и гражданъ) участвовать дѣятельно въ правительственныхъ спорахъ, требовали для осуществленія своего сильныхъ представителей, мужей-знаменоносцевъ. Того же требовали и выгоды провинцій, могучихъ богатствомъ и промышленностью, но не имѣющихъ правительственнаго значенія. Послѣ короткой борьбы Сенатъ уступилъ требованіямъ народа, возвратилъ права его собраніямъ и власть его трибунамъ. Вслѣдъ за тѣмъ явился человѣкъ, стяжавшій рядомъ побѣдъ почти единовластіе въ государствѣ. Послѣ смерти Серторія, Помпей уничтожилъ остатки его войска и покорилъ Испанію, истребилъ послѣднюю шайку возмутившихся рабовъ въ Италіи, очистилъ моря отъ безчисленныхъ разбойниковъ, сокрушилъ Митридата, покорилъ Сирію и часть Аравіи и, возвратясь въ Римъ съ огромными богатствами, со славою перваго изъ современныхъ полководцевъ и съ именемъ человѣка не враждебнаго ни народу, ни Сенату, сталъ управлять судьбою Рима безъ всякой власти законной, но по общему безмолвному согласію. Вскорѣ на историческое поприще выступилъ ему могучій соперникъ, искуснѣе его въ бояхъ, сильнѣе духомъ предпріимчивости и властолюбія, соединяющій Эллинское просвѣщеніе съ Римскою неустрашимостью и мудростью въ дѣлѣ государственномъ, вкрадчиво-краснорѣчивый, дальновидный при наружной безпечности, послѣдній и едва ли не величайшій изъ великихъ мужей древняго міра, Юлій Кесарь. Для будущей борьбы съ Помпеемъ видѣлъ онъ необходимость воинской славы и преданнаго войска, и взялъ на себя управленіе Галльскою провинціею по обѣимъ сторонамъ Альпійскихъ горъ.

Завоеваніе Галліи. Походы въ Британію и Германію.

Прошло то время, когда кипѣніе Кельтскихъ народовъ грозило всей Европѣ. Ихъ недолговременный порывъ утихъ. Не утратили они безъ сомнѣнія личной храбрости, какъ видно

изъ ихъ частыхъ возмущеній (хотя по пословицѣ двое Галловъ едва стоили одного Лигурца); но они утратили всю связь общинную и силу народную. Римляне и Карѳагеняне проходили почти безъ сопротивленія по южной Галліи; Римъ уже основалъ въ ней свои колоніи и свою провинцію; проснувшіеся отъ вѣковаго бездѣйствія, Германцы, нѣкогда трепетавшіе передъ Кельтами стали переходить черезъ Рейнъ цѣлыми полчищами и громить своихъ прежнихъ побѣдителей. Мечъ Римскихъ легіоновъ рѣшилъ судьбу Галліи; но она пала не безъ славы. Десять лѣтъ боролись вольнолюбивыя племена противъ неотразимаго превосходства войскъ и полководца, не имѣющихъ равныхъ себѣ въ цѣломъ мірѣ по искусству и мужеству; десять лѣтъ терпѣли они всѣ бѣдствія войны и жестокости расчетливо-неумолимыхъ побѣдителей: наконецъ, утомившись, утративъ отъ меча, болѣзней, голода значительную часть своихъ воиновъ, они покорились, и покорились навсегда. Галлія уже не отрывалась и не пыталась оторваться отъ Рима.

Частныя и мелкія возстанія, о которыхъ лѣтописи упоминаютъ только вскользь, ни разу не угрожали Римскому владычеству. Испанія и даже Лигурія не такъ скоро отказались отъ всѣхъ надеждъ на независимость: очевидно Галлія уже не имѣла никакой внутренней силы, никакого живаго начала общественнаго. Разсказъ Кесаря о своихъ походахъ показываетъ (не смотря на вѣроятное преувеличеніе встрѣченнаго имъ сопротивленія) состояніе Галліи, въ довольно яспомъ видѣ. Она раздѣлена была на многія семьи и эти семьи, вѣроятно по ближайшему сродству религіозному или племенному, были способны смыкаться въ временные союзы для совокупной обороны или совокупнаго нападенія; но общій Галльскій союзъ былъ невозможенъ, очевидно по разнородности стихій и быта. Южная, т. е. юго-восточная Галлія была давно покорена не столько Римскою силою, сколько Римскими нравами и общественностію, и такимъ образомъ оторвана отъ остальной страны. Въ средней, сѣверной и юго-западной Галліи племенное начало кажется одинаковымъ, нравы разные. Аквитанія и средняя Галлія не чужды градостроп-

тельства и какого-то искусственнаго государственнаго устройства, между тѣмъ какъ Сѣверъ не представляетъ никакихъ слѣдовъ развившагося просвѣщенія. Съ другой стороны Сѣверъ въ своей дикой и воинственной простотѣ не представляетъ той двойственности въ народномъ составѣ (аристократіи и народа), которая очень рѣзко выдается въ средней полосѣ и отчасти замѣтна въ юго-западной. Кесарь, какъ и всѣ древніе, въ благородномъ своемъ презрѣніи къ людямъ, не умѣвшимъ отстоять свои гражданскія права, видитъ вездѣ только властвующую касту; властвующая же каста была вездѣ Кельто-Кумрійская. Но разница правовъ, устройства гражданскаго и просвѣщенія указываетъ на существованіе подпочвы, народа покореннаго, древнихъ старожиловъ не Кельтскаго происхожденія, а единокровныхъ Лигурцамъ (въ ихъ прежней чисто-Вендской народности) и Вендамъ При-океанскимъ. Эта подпочва сохранилась отдѣльно въ средней и южной Галліи въ политическомъ раздѣлѣ общества, утративъ вѣроятно большую часть языковыхъ, религіозныхъ и бытовыхъ признаковъ, смѣшалась съ Иберцами и позднѣйшими побѣдителями, Кельтами, въ Аквитаніи, и составляла единственное населеніе приморской Вендіи (Венетіи, теперешней Ванде), отличающейся отъ всей остальной Галліи во всѣхъ отношеніяхъ, а особенно своею торговою и мореплавательною дѣятельностью, о которой Кельты не имѣли нигдѣ ни малѣйшаго понятія. Вѣроятно многовѣковое сосѣдство Кельтовъ не осталось безъ вліянія и на Вендію (особенно въ отношеніи религіозномъ), но имена племенъ и слова, сохранившіяся изъ Вендскаго нарѣчія (напр. *море*, *вранъ*, *Беленъ*) показываютъ еще замѣчательную чистоту Восточно-Пранскаго начала. Эти старожилы Галліи, не смотря на свою малочисленность и бытъ очевидно не военный, едва ли не всѣхъ упорнѣе сражались противъ Кесаря и, кажется, всѣхъ жесточе были наказаны. Въ самой стихіи Кельто-Кумрійской по всей вѣроятности Кельтскія семьи, т. е. перваго переселенія, преобладали въ средней Галліи и на сѣверо-западѣ, а Беолго-Кумрійскія, т. е. втораго переселенія, на сѣверо-востокѣ и, можетъ быть, на завоеванномъ югѣ; ибо отъ втораго переселенія зависѣло и отчасти подъ его предводительствомъ должно было совершаться все завоевательное движеніе Кельтскаго племени.

Покоривъ Галлію, Кесарь перенесъ Римскіе орлы въ Британнію, которую въ послѣдствіи Римъ покорилъ, но не вполнѣ, и въ Германію, изъ которой должны были выйти черезъ нѣсколько вѣковъ дружины, сокрушившія Римскую державу. Кесарю нужна была побѣда за Рейномъ, чтобы устрашить пробуждающуюся Германію и обезпечить новую Римскую провинцію, Галлію; нужна была побѣда за Океаномъ, чтобы пріобрѣсти славу почти баснословную и помрачить всѣ подвиги Помпея. Побѣда вездѣ сопровождала его. Германцы отступили отъ Рейна и забыли на время о завоеваніяхъ. Устрашенная Британнія, населенная тѣми же Кельто-Кумрійцами, которыхъ Кесарь покорилъ въ Галліи, стала ожидать новаго нашествія и не могла уже служить надежною опорою для Галловъ, если бы въ нихъ проснулись вольнолюбивые замыслы.

Впрочемъ кромѣ Кельтовъ очевидно были въ южной Британніи и выходцы изъ Испаніи Силуры (таково мнѣніе древнихъ) и, можетъ быть, уже выходцы изъ Германіи, а безъ сомнѣнія, судя по именамъ урочищъ, выходцы отъ устья Рейна колоніи Моринovъ Менапіевъ и Вендовъ, т. е. семьи Восточно-Прусскія. Впрочемъ для историка уже мало занимательности въ народахъ, исчезнувшихъ навсегда и безъ слѣда.

Торжество Кесаря надъ Помпеемъ.

Побѣдитель Сѣвера, завоеватель области обширной, населенной воинственнымъ племенемъ и до него не только недоступной завоевателю, но даже неизвѣстной путешественнику, Кесарь потребовалъ въ своемъ отечествѣ власти равной власти Помпея; но ни гордость Помпея, ни подозрѣнія Сената, предвидѣвшаго торжество народной партіи, не могли уступить требованіямъ Кесаря. Загорѣлась междоусобная война, и цѣлый рядъ побѣдъ въ Италіи, въ Испаніи, въ Греціи, гдѣ погибли слава и войска великаго Помпея, въ Египтѣ, въ Малой Азіи, въ Африкѣ и снова въ Испаніи передали самодержавную власть въ руки неотразимаго полководца. Мнимое великодушіе и уваженіе къ древнимъ формамъ не могли скрыть властолюбія Кесарева: онъ погибъ подъ кинжалами убійцъ; быть

можетъ слишкомъ рано для славы Римской, ибо замышлялъ завоеваніе Парѳіи, Скиѳіи и Германіи, во всякомъ случаѣ безъ пользы для республики, которой существованіе было невозможно.

Мертвенность правительственнаго состава, еще сомнительная при Кесарѣ (ибо рабство Рима могло объясниться геніемъ поработителя) выказалась послѣ его смерти во всей своей наготѣ. Едва освобожденные, Римляне снова подпали подъ власть, не оправданную даже славою. Грязный и свирѣпый тріумвиратъ раздѣлилъ между собою все государство. Войско республики, подъ предводительствомъ двухъ Кесаревыхъ убійцъ, изъ которыхъ одинъ (Брутъ) былъ достоинъ лучшихъ временъ Рима, было явною насмѣшкою надъ самою республикою, ибо состояло по большей части изъ восточныхъ народовъ, чуждыхъ истинно-Римскому вопросу и республиканскому чувству. Торжество такого войска было безплодно; его пораженіе было рѣшительно. Вмѣстѣ съ войскомъ, защищавшимъ свободу, казалось, погибло самое государство. Оно раздѣлилось на три, потомъ на двѣ части, независимыя ни другъ отъ друга, ни отъ одного какого нибудь центра, и подчиненныя чисто военной власти. Новая борьба была неизбѣжна. Побѣда Октавія (прозваннаго Августомъ), сына Кесарева по усыновленію, рѣшила надолго судьбу міра. Держава Римская снова окрѣпла въ единство, управляемое уже не Римомъ, но по крайней мѣрѣ изъ Рима, съ Римскими формами, Римскимъ вождемъ-императоромъ. Недаромъ полміра благословляло Августа: онъ возвратилъ ему миръ и законный порядокъ. Недаромъ благословлялъ его Римъ, онъ возвратилъ ему государственное значеніе, которое совершенно утратилось во время тріумвирата. Онъ дѣйствительно возстановилъ Римъ.

Октавіанъ-Августъ. Начало имперіи.

Но тріумвиратъ, хотя и не долговременный, выказалъ уже вполнѣ тайну дотолѣ не замѣченную, то, что правительственный городъ уже не существовалъ, что онъ исчезъ въ государствѣ. Призракъ власти, возвращенный ему Августомъ, могъ еще обманывать народы современные, но долженъ былъ на-

конецъ уступить мѣсто дѣйствительности и едва заслуживаетъ вниманія здравой и критической исторіи.

Съ Августомъ, усыновленнымъ наслѣдникомъ Юліевъ, взошло на престолъ и утвердилось въ повѣріи народовъ преданіе Альбанское. На первый рядъ между богами стала богиня, о которой мало говорятъ прежніе историки—Венера; въ началѣ лѣтописи Римской стала древняя, давно исчезнувшая безъ слѣда, но не забытая народами, великая колонія Восточно-Иранскаго племени—Троя. Многіе критики новой Германіи отвергали связь между Троею и Римомъ и древность преданій, связывая слово Троя съ древнимъ именемъ священнаго Римскаго животнаго, свиньи, и приписывая разсказъ объ Энеѣ изобрѣтательной лести Эллиновъ. Святыня родовыхъ обрядовъ и боговъ опровергаетъ ихъ. Еще болѣе опровергаетъ ихъ параллелизмъ Реи и Венеры (т. е. повтореніе въ сказкѣ о Ромулѣ сказки объ Энеѣ) и скрытая важность Венеры въ народномъ поклоненіи: ибо она была богинею трехъ міровъ (даже подземнаго, чего не было у Эллиновъ). У Эллиновъ разсказъ объ Энеѣ безспорно принялъ особый характеръ; но въ Лаціумѣ онъ связанъ съ преданіемъ мѣстнымъ, а отъ мѣстнаго преданія уцѣлѣли обломки вовсе не Эллинскаго характера, особенно по важности и символизму животныхъ (напр. лисицы, волка, орла и др). Многое затемнено раздѣленіемъ Венеры на Весту и Венеру, когда онѣ очевидно были въ началѣ одна и та же богиня; но достаточно уцѣлѣло, чтобы явно связать Альбу съ Троею по преданіямъ, также какъ онѣ безспорно связываются и по языковому началу.

Это языковое начало есть (какъ уже сказано) ничто иное, какъ начало Восточно-Иранское, т. е. Вендо-Санскритское. Не единство корней, которое явно во всѣхъ Иранскихъ нарѣчіяхъ и въ скоромъ времени будетъ явно во всѣхъ нарѣчіяхъ юго-западной и восточной Азіи и вѣроятно всего міра, но единство развитія словъ свидѣтельствуетъ о тождествѣ трехъ нарѣчій: Санскритскаго, Славянскаго и Римскаго. Радостное удивленіе, съ которымъ Нѣмецкіе критики узнали формы священнаго языка При-гангесскаго въ Мезо-

Готскомъ объясняется сильною примѣсью Сарматскаго и Венцскаго начала въ Готской вѣтви Германскаго языка. Эта примѣсь теперь замѣтна въ Шведскомъ нарѣчіи, въ которомъ явны чисто Славянскія формы (напр. *sark*—сорочка отъ корня *трочить*, выводныя *оторочить*, *строчить* и друг., *torg* — отъ *торить*, выводныя *торный* и древне-Иллирійское *теригъ*, *Tergestum* и пр). Мезо-Готское же слово еще болѣе Шведскаго должно было принять Славянской примѣси отъ покоренныхъ Славянъ, данниковъ Эрманарика, между тѣмъ какъ остатки другихъ древне-Германскихъ нарѣчій нисколько не обличаютъ близкаго родства съ Восточно-Иранскою семьею. Но ошибка Нѣмецкихъ ученыхъ особенно обличаетъ ихъ совершенное и не совсѣмъ простительное незнаніе языковъ и нарѣчій Славянскихъ. Уже прежде показано изумительное единство языковъ Санскритскаго и Славянскаго, также какъ Славянскаго съ Латинскимъ. Между многими любопытными примѣрами этого единства въ развитіяхъ замѣчательны древнее простонародное *grabatus*—*кровать* (отъ крыть), *indoles удаль*, и особенно *flamma*, *fulmen*, *flavus*—*пламя*, *пылмя*, *плавый* (полная форма *половой* отъ корня *пыль*).

Поклоненіе Венерѣ, т. е. женскому началу, перешедшее изъ чистаго символизма Кушитскаго въ сказочный міръ Славянскій и Бактрійскій (Санс: *вахтри* говорящій, Слав. *бахарь*), принявшее формы человѣкообразныя и соединившееся съ древне-Иранскимъ преданіемъ въ символѣ яблока, является съ многоразличными измѣненіями отъ дальняго Востока, т. е. отъ крайнихъ границъ Ферганы (*берегъ Прага*) и пересѣченія Гиммалая и Куень-лунъской твердыни гребнемъ Белурскаго подъема (скорѣе отъ Слав. корня *бѣлъ* чѣмъ Санскр: *видура*), до средней Германіи, до горъ Скандинавіи и до западнаго приморія Италійскаго: оно вездѣ указываетъ или на колонизацію или на сильное вліяніе Славянъ.

Оттого-то мы и не находимъ слѣдовъ его въ древностяхъ западной Германіи. Должно однако-же замѣтить, что ожесточеніе нравовъ у самихъ Славянъ и постоянная война противъ сосѣднихъ на-

родовъ скрыли даже въ семьяхъ Славянскихъ древнѣйшую форму миѳологіи и затемнили Венеру въ народномъ поклоненіи болѣе вещественными богами (*).

Это самое поклоненіе, первобытная религія Альбы, по какому-то странному закону возникло снова въ эпоху полнаго развитія Римскаго, когда хитрый и невещественный наслѣдникъ Кесаря возвратилъ единство и силу разорванной державѣ и значеніе всемірной столицы городу, упавшему во время тріумвиратства на уровень Александріи и чуть-чуть не Утики. Но какъ ни важно для исторической критики, т. е. для изслѣдованія о народныхъ родословіяхъ, явленіе формъ религіи уже отжившей, оно не имѣло никакого вліянія на самую жизнь государства и на духовное развитіе Римскаго міра при Августѣ. Боги народнаго пантеона были уже въ то время ничто иное какъ мертвые образы, лишенные всякаго внутренняго содержанія, образы болѣе изящные, но нисколько не болѣе разумные негритянскаго фетиша, о которомъ нашъ просвѣщенный вѣкъ говоритъ съ излишнимъ презрѣніемъ, точно также какъ онъ говоритъ о богахъ Олимпійскихъ съ излишнею важностью.

Можетъ быть даже, фетишизмъ менѣе далекъ отъ философскаго мистичества Кушитовъ, т. е. отъ системы вещественно-религіозной, съ которой онъ связывается посредствомъ амулета и символа, чѣмъ безсмысленный синкретизмъ Рима и Греціи отъ многозначительныхъ и глубокомысленныхъ ученій первобытнаго міра.

Религіозное состояніе Рима. Значеніе права.

Религія въ смыслѣ богопознанія или вѣрованія рѣшительно не существовала въ Римѣ при Августѣ; едва ли, судя по

(*) Впрочемъ она не была забыта, хотя и утратила значеніе первенствующаго божества. Такъ напр. Аквилея, выстроенная въ землѣ Славянской и особенно поклонявшаяся Белену и Перуну, выстроила храмъ Венерѣ въ память освобожденія отъ осады. (*Прим. автора*).

отрывкамъ древнихъ поэтовъ, существовала она и въ цвѣтущія времена республики. Для Цицерона, точно также какъ и для Кесаря, или для Сцеволы, Варрона, или для позднѣйшаго Сенеки, религія есть обрядъ государственный, полезный, но вполнѣ условный, обязательный для гражданъ, но не имѣющій никакихъ внутреннихъ данныхъ для самобытнаго существованія или правъ на безусловное вѣрованіе. И такъ она зависитъ вполнѣ отъ государства и слѣдовательно признаетъ надъ собою другую религію, самое государство, которымъ обусловливается. «Вѣрованіе въ Боговъ есть мнѣніе полезное, ибо утверждаетъ клятвы, укрѣпляетъ договоры, пугаетъ преступниковъ, хранитъ неприкосновенность гражданскаго общества.» — «Вся сія мудрецъ сохранитъ не какъ угодныя Богу, но какъ предписанныя закономъ.» – «Поклоняясь неблагородной сволочи боговъ, созданной суевѣріемъ, не забудемъ, что это поклоненіе основано на обычаѣ, а не на разумѣ.» — «Трудно сказать, не лучше ли совершенное безвѣріе, чѣмъ теперешняя вѣра, постыдная и исполненная обмановъ.» — «Есть три рода богознанія: сказочное, государственное и природное.» — «Истины въ религіи объявлять народу нельзя: она остается при философахъ,» — и такъ далѣе. Таковъ голосъ Рима, явно смѣющагося надъ своими богами и не признающаго даже возможности положительной истины религіозной.

Не справедливо бы было отдѣлять мнѣніе народное отъ мнѣнія людей просвѣщенныхъ. Эти самые писатели были въ одно время наставниками, всенародно преподающими свое ученіе, и жрецами, усердно исполняющими религіозные обряды; при всемъ томъ они были славою своего вѣка не по уму только, но и по благородству душевному. Въ нихъ выговаривалось общее убѣжденіе, и ни одинъ голосъ не осуждалъ ихъ, ни одинъ даже не противорѣчилъ. Вообще мало разницы между такъ называемою чернію и такъ называемыми мыслителями. Въ невѣжественномъ безстрастіи земледѣльца безсознательно скрывается столько же безвѣрія, сколько его высказывается въ краснорѣчіи книжника. Во всякомъ случаѣ то, что всѣми пишется, всѣми непишущими думается, если не нынче, то завтра. Смѣш-

ны росказни о религіозности народа во Франціи до революціи. Конвентъ ближе чѣмъ дворъ Людовика XV-го къ новымъ возстановителямъ католицизма даже въ томъ предположеніи, что эти возстановители дѣйствительно выражаютъ какую-нибудь вѣру.

Римъ далъ западному міру новую религію, религію общественнаго договора, возведеннаго въ степень безусловной святыни, не требующей никакого утвержденія извнѣ, религію права: и передъ этою новою святынею, лишенною всякихъ высокихъ требованій, но обезпечивающею вещественный бытъ во всѣхъ его развитіяхъ, смирился міръ, утратившій всякую другую, благороднѣйшую или лучшую вѣру. Умирающіе цари завѣщевали Риму свои родовыя владѣнія и покорность народовъ доказывала, что не одинъ страхъ или своекорыстный расчетъ управлялъ волею умершихъ владыкъ. Вѣка прошли; власть ослабла во всѣхъ оконечностяхъ государства, изсякла въ его средоточіи; но народы, покоренные мечемъ, завѣщанные своими царями или преобрѣтенные хитростью договоровъ, не думали отрываться отъ великой державы. Они забывали свое народное имя и съ гордостію называли себя именемъ Рима; они иногда возмущались въ пользу того или другаго лица, какъ нѣкогда въ пользу Силлы или Кесаря: но это лице стремилось, также какъ Кесарь и Силла, быть владѣтелемъ или представителемъ всего Римскаго міра и никогда не думало основывать особую, независимую державу. Они покорялись и поклонялись не городу, не мѣстному имени, не мѣстной славѣ, ибо (какъ видно уже изъ тріумвората) Римъ не имѣлъ въ глазахъ народовъ того великаго значенія, которое ему приписывается суевѣріемъ ученыхъ. Они поклонялись вѣрѣ, данной Римомъ всему покоренному міру, вѣрѣ стройно-условнаго общества; они поклонялись цѣлой жизненной системѣ права, признавая въ душѣ своей и въ глубинѣ своей совѣсти, что ничего лучшаго или даже равнаго они не могли создать своими собственными силами или въ своемъ духовномъ безсиліи.

Даже когда въ позднѣйшее время возобновились съ большею

рѣзкостью и продолжительностью явленія подобныя тріумвирату, т. е. единовременное правленіе многихъ *августовъ*, коренное единство системы признавалось не какъ отвлеченное понятіе, но какъ святыня единовѣрія или какъ единство отчизны. Родина была, такъ сказать, въ законѣ. Лице же самаго города имѣло болѣе важности въ глазахъ варваровъ, чѣмъ въ глазахъ самихъ гражданъ. Въ этомъ убѣждаетъ вся исторія, не смотря на ложное убѣжденіе всѣхъ историковъ, наслѣдовавшихъ болѣе Готскія и Франкскія, чѣмъ Римскія мнѣнія. Римская держава не разъ переносила свои временныя столицы изъ города въ городъ, была иногда безъ дѣйствительной столицы; но она всегда оставалась Римскою, т. е. вѣрною божеству права, созданнаго въ Римѣ и Римомъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить ея великаго сходства съ Китаемъ, сходства выраженнаго по всей вѣроятности случайно въ названіи *Та-Тсинъ* (великій Китай), подъ которымъ Римъ былъ извѣстенъ Китайцамъ; но не должно забывать и великую разницу. Религіею обѣихъ державъ было самое государство, но въ Китаѣ идея государства была выше: она основывала себя на безусловной святынѣ внѣшней человѣческой правды, проявленной въ обществѣ, и на согласіи общества съ мировыми законами, слѣдовательно предполагала, хотя въ то же время и отстраняла, другую первобытную религію. Въ Римѣ идея государства заключалась въ безусловной святости условнаго договора; но въ то же время она признавала (какъ и слѣдовало въ державѣ основанной дружиною) свободную и сильную личность гражданъ, слѣдовотельно полагала начало полной системѣ права, основаннаго на обычаѣ, но стремящагося къ безконечному развитію по строгимъ логическимъ законамъ.

Таково было духовное состояніе Рима въ послѣдніе вѣка республики: богопочтеніе обычное, отрицающее самыхъ боговъ, предположеніе неизвѣстныхъ духовныхъ существъ, хранителей внѣшней правды и права, и вѣра въ заклинательную силу стародавнихъ обрядовъ, покоряющихъ невѣдомыя силы, правящія міромъ. Безсвязный синкретизмъ въ своихъ общихъ выводахъ совпадалъ съ первоначальнымъ ученіемъ Кушитовъ, не представляя впрочемъ ни ясности, ни строгой обдуман-

ности, ни глубокаго убѣжденія, которыхъ нельзя не признавать въ первобытной системѣ южной религіи. Но религія Римская была чисто-государственною; она слабо отражалась въ частныхъ лицахъ и давала полную свободу сомнѣнію и умствованію.

Римъ-побѣдитель налагалъ свою печать и характеръ общественнымъ массамъ. Покоренная Эллада управляла частною дѣятельностію умовъ, точно также какъ ея языкъ (по словамъ самихъ Римлянъ) выражалъ всю полноту современнаго просвѣщенія. Римская мысль подчинилась высшей мысли Эллинской.

Напр. Августъ былъ гораздо болѣе Грекомъ чѣмъ Римляниномъ.

Религіозное состояніе Эллады. Философскія школы.

Эллада прожила всѣ степени человѣческаго развитія; она наконецъ признала, что всѣ онѣ находятся въ прямой зависимости отъ начала разумнаго. Начало разумное, отъискивая свою внутреннюю основу, остановилось на незыблемой крѣпости логическаго знанія. Аристотель, умъ твердый, ясный и воздержный, положилъ крайніе предѣлы и неизмѣнныя правила философскаго мышленія, отстранивъ отъ него все личное и произвольное, всѣ гаданія поэтической фантазіи, которыя великій Платонъ, не смотря на свое неоспоримое діалектическое превосходство, принималъ еще въ область философіи и обращалъ въ полу-религіозный синтезъ. Міръ Эллинской не покорился вполнѣ Аристотелю; но, принявъ отъ него строгій урокъ, онъ уже болѣе не могъ довольствоваться ни однимъ изъ прежнихъ выводовъ своего умственнаго развитія. Возникло множество философскихъ сектъ, или совершенно новыхъ, или старыхъ, переродившихся подъ вліяніемъ новаго ученія; но всѣ стремились къ одной недостижимой цѣли, къ примиренію всеразлагающаго анализа съ внутренними требованіями духа человѣческаго, стремящагося къ истинѣ несомнѣнной и неразлагаемой.

Древніе софисты уже поняли силу и необходимость анализа; но

ихъ частныя и безсильныя попытки обратились въ безплодную игру. Они исчезли передъ Сократовскою школою въ ея окончательномъ развитіи, давшемъ наукообразную строгость и всеобъемность началу, ими темно угадашную.

Весь міръ Эллады раздѣлился на философскія ученія; но всѣ они, не смотря на свое разнообразіе, вели къ скепсису, т. е. къ пепсцѣльному сомнѣнію, не смотря на временныя прихотливыя утвержденія, или на вѣрованія, которыми каждая секта хотѣла себя оградить отъ безутѣшнаго признанія въ собственномъ безсиліи и которымъ ни одна дѣйствительно не вѣрила вполнѣ. Коренное безвѣріе лежало въ основаніи всѣхъ ученій, и отъ этого самаго каждое изъ нихъ старалось создать себѣ новую вѣру, на которой оно могло бы успокоиться. Не находя ея въ мірѣ знанія, оно переносило ее въ міръ воли и нравственно-практическихъ началъ. Гордый стоикъ созидалъ себѣ буддаистскій идеализмъ и призракъ отрицательнаго добра, которымъ поклонялся съ какимъ-то произвольнымъ восторгомъ; болѣе кроткій и человѣколюбивый эпикуреецъ искалъ богоподобной радости въ гармоническомъ наслажденіи міромъ и въ сообщеніи этого наслажденія другимъ людямъ. Платонизмъ, созданный въ своемъ началѣ вліяніемъ Востока, возвращался безсознательно къ своему источнику, даже въ географическомъ отношеніи, и старался привиться къ положительнымъ преданіямъ, сохраненнымъ въ народахъ первобытныхъ или въ областяхъ древняго просвѣщенія, избѣгая посредствомъ діалектическихъ тонкостей неизбѣжныхъ требованій Аристотелевой логической философіи.

Школа Шеллинга въ нашъ вѣкъ повторяетъ тотъ же фактъ въ отношеніи къ философіи Гегелевой.

Такимъ образомъ создался Нео-платонизмъ, прихотливое сочетаніе философіи и религіи, произвольно принимающее первобытное духовное начало, но развивающее его по законамъ внутренней необходимости, олицетворяющее развитіе мысли

въ видѣ божественныхъ изліяній или эоновъ, и въ то же время явно не удовлетворяющее ни требованіямъ вѣры, ни требованіямъ разума. Не смотря на духовное движеніе, полученное древнею Элладою отъ духовнаго міра Иранскаго, всѣ секты или ученія философскія очевидно подчинялись Кушитскому началу необходимости логической, принимали все сущее за необходимо-сущее, и въ то же время обращали все сущее въ призракъ лишенный всякаго внутренняго основанія. Вѣкъ Августа былъ вѣкомъ полнаго безвѣрія.

Религіозное состояніе Израиля. Мессіанизмъ.

Древнее ученіе Ирана сохранялось въ одномъ Израилѣ въ формѣ твердаго преданія, не отвергающаго требованій разума, но не требующаго себѣ основаній добытыхъ логическимъ анализомъ. Побѣдная борьба противъ притязаній Эллинскихъ во время великихъ Маккавеевъ внушила Евреямъ глубокую ненависть противъ иноплеменнаго просвѣщенія и усилила въ нихъ гордость мѣстнаго и племеннаго начала, естественное послѣдствіе Моисеева закона и явнаго превосходства религіознаго передъ всѣми другими народами. Но мало-по-малу память о борьбѣ стала изглаживаться. Чувство внутренней духовной силы, обѣщанія мессіанническія, очевидная слабость всѣхъ Эллинскихъ (грубо-синкретическихъ) вѣрованій, и преданія о скоромъ приходѣ Вождя—Спасителя открыли для Евреевъ новый кругъ дѣятельности и надежды. Историческая судьба Іудеи, перевороты внутренніе и завоеванія Эллино-Римскаго міра разсѣяли потомковъ Іакова по всему земному шару. Грецію и Римъ, Африка, Малая Азія, Сирія и даже страны Заевфратскія были наполнены Іудеями, торговцами или плѣнными, получившими осѣдлость. Ихъ многочисленныя колоніи были охотно приняты и уважены въ Египтѣ; Александрія была въ продолженіи долгаго времени городомъ болѣе Іудейскимъ, чѣмъ Египетскимъ или даже Эллинскимъ. Религія Еврейская была почти вездѣ терпима; она пользовалась особеннымъ почтеніемъ на берегахъ Нила, сильнымъ покровительствомъ въ Римѣ подъ правленіемъ великаго Кесаря, вѣроятно понявшаго, также какъ и питомецъ Аристотеля, достоинство духовной вѣры, завѣщанной первобытнымъ міромъ Иранскимъ и скрѣпленной Моисе-

емъ въ неизмѣнный обрядъ. Евреи познакомились съ мыслію Эллина, съ его образованностью, съ трудами ума человѣческаго, смѣло отыскивавшаго истину посредствомъ собственныхъ силъ; они узнали съ уваженіемъ вѣковой подвигъ философіи, ея разнообразныя ученія и, особенно, высокія гаданія Платона, отзывающагося роднымъ Востокомъ. Душа ихъ расширилась и стала доступна любви къ человѣчеству. Но окружающій міръ былъ духовно слабъ, а въ себѣ чувствовали они неистощимую силу и свѣжесть вѣчно-молодаго убѣжденія. Они поняли возможность мысленнаго завоеванія, темно обозначеннаго въ писаніяхъ Пророковъ, и стали проповѣдывать язычникамъ. Проповѣдь была не безуспѣшна, многіе язычники, утомленные тщетнымъ исканіемъ истины, презирающіе заклинательные обряды религій, не соединенныхъ съ вѣрою, и увлеченные величіемъ духовнаго ученія, приняли законъ Моисеевъ, иные вполнѣ, какъ ученики правды, т. е. послѣдователи строгаго закона, большая часть какъ ученики привратные, т. е. какъ послѣдователи закона Ноева или мозаизма безъ его обрядовъ. Такія обращенія были нерѣдки вездѣ, особенно же кажется сильны въ Аравіи, гдѣ племя Гомеритовъ въ I-мъ вѣкѣ прежде Р. Х. приняло законъ Евреевъ и гдѣ этотъ законъ долженъ былъ со временемъ положить начало новому ученію. Примѣру Гомеритовъ послѣдовалъ вскорѣ послѣ Р. Х. Изатъ, царь Адіабены. Женщины, въ которыхъ кроткое и домашнее житье, удаленіе отъ треволненій и страстей жизни мужской, отъ мужской гордости разума и смѣлой надежды на собственную силу часто сохраняютъ чистоту и внутреннюю стройность души и безсознательную любовь къ духовному міру, принимали охотнѣе мужчинъ ученіе Бога Израильскаго.

Такъ напр. въ Дамаскѣ большинство женщинъ принадлежали закону Моисея.

Но ученіе Ирана содержало въ себѣ обѣщаніе будущаго Мессіи, находило въ немъ свою главную силу и черезъ него пробуждало сочувствія во всѣхъ народахъ, болѣе или менѣе

сохранившихъ или помнящихъ это общее преданіе первобытнаго племени. Покуда обѣщаніе признавалось еще неисполненнымъ, самый кругъ ученія содержалъ въ себѣ признанную неполноту и неудовлетворительность. Міръ не могъ покориться.

Состояніе міра при Августѣ.

Римская держава сомкнулась въ одно цѣлое подъ правленіемъ Августа. Торжество грубо-политическаго начала обозначило окончаніе мысленнаго подвига, совершеннаго всеобъемлющимъ умомъ Іранскаго племени въ его полномъ развитіи, и этотъ подвигъ вѣнчался совершеннымъ сокрушеніемъ всѣхъ древнихъ религій. Пытливость Эллинскаго знанія нанесла смертельный ударъ безусловному поклоненію внѣшней правдѣ, въ которомъ дѣйствительно состояло все вѣрованіе Рима. Анализъ требовалъ отчета отъ всякаго мнѣнія, оправданія для всякой вѣры. Идеалъ добродѣтели внѣшней, воли самосоздающей себѣ законъ, исчезалъ передъ логическимъ требованіемъ. Упорный Римлянинъ потребовалъ ему оправданія отъ самой жизни, отъ своей вооруженной руки. Судьба въ холмахъ Филиппійскихъ отвѣчала также отрицательно какъ разумъ въ философскомъ уединеніи. Гордость воли пала. Міръ Римскій сказалъ устами Брута: «Добродѣтель, ты пустое слово.» Но и пытливое знаніе уже утратило свои надежды. Эллада спросила устами Пилата: «Что такое истина?» и не стала дожидаться отвѣта, зная по опыту вѣковъ, что отвѣта нѣтъ. Горькое отчаяніе слышно въ словѣ Римлянина, утратившаго вѣру въ добродѣтель; какая-то самодовольная гордость слышна въ словѣ Эллина, пріобрѣтшаго разумомъ право не вѣрить знанію и добродушно презирающаго тѣхъ, которые еще могутъ вѣрить: но оба сошлись въ одномъ выводѣ. Нѣтъ ни красоты воли—добродѣтели, ни красоты знанія—истины. Міръ остался безъ Божества.

Явленіе Мессіи.

Въ это время явился въ Іудеѣ человѣкъ именемъ Іисусъ, говорящій про себя, что онъ обѣщанный Мессія сынъ Божій, возвѣщающій совершеніе древняго закона, призывающій къ покаянію, къ жизни духовной чистоты, ставящій новый законъ совершенства, законъ всеобщей любви, пренебрегающій благами земными и властію земною, обѣщающій своимъ послѣ-

дователямъ наслѣдство безконечнаго блаженства, проповѣдующій новое ученіе объ единствѣ Божества въ трехъ образахъ Отца, Сына и Духа и возможность для человѣка вступить въ это единство посредствомъ отверженія своей злой и случайной личности и пріобрѣтенія новой, высшей личности въ Божествѣ. Первую проповѣдь обращалъ онъ къ Евреямъ, какъ къ хранителямъ истины и какъ къ единому народу, знающему Бога: но въ то же время порицалъ ихъ родовую гордость, ихъ упованіе на свое достоинство сыновъ Авраама, ихъ тѣсную и небратолюбивую народность и униженіе вѣры до безсмысленнаго обряда. Онъ грозилъ имъ отверженіемъ за упорство, и перенесеніемъ благословенія на другіе народы и, говоря постоянно въ притчахъ, нерѣдко выбиралъ иноплеменниковъ, и особенно ненавистныхъ Евреямъ Самарянъ, въ примѣръ добродѣтелей угодныхъ Богу. Многіе ему повѣрили, особенно изъ низшаго сословія. Богатые, ученые, жрецы и вожди народа, любящіе блескъ и славу и власть земную, сперва глядѣли на него съ презрѣніемъ, потомъ съ ненавистію, когда увидѣли успѣхъ его проповѣди, и наконецъ предали позорной казни креста. Послѣ его смерти ученики его, изъ которыхъ главные были малограмотные рыбаки, продолжали распространять его ученіе, сперва въ Іудеѣ и въ колоніяхъ Еврейскихъ, потомъ въ народахъ иновѣрческихъ и вездѣ, гдѣ находили охотныхъ слушателей. Много страдали они, много терпѣли презрѣнія и преслѣдованій; но не слабѣли духомъ и ревностью, проповѣдуя слово о пришедшемъ Мессіи-Спасителѣ. Новая вѣра окрѣпла, новые законы стали управлять судьбою міра, и народы, принявшіе проповѣдь Іудейскихъ рыбаковъ, сдѣлались властителями всего земнаго шара и вождями человѣчества въ путяхъ мысли и просвѣщенія.

Мѣсто принадлежащее христіанству въ историческомъ развитіи міра.

Исторія не судитъ объ отвлеченномъ достоинствѣ ученія, но разсматриваетъ всякое ученіе въ отношеніи къ его необходимому или разумному развитію. По этому она должна признать въ христіанствѣ не только торжество ученія древне-Іранскаго (основаннаго на преданіи), но еще и окончательное его развитіе. Христіанство, замыкая собою міръ поклоненія

свободно творящему духу и мессіаническихъ обѣщаній, разрѣшило всѣ надежды человѣчества единымъ разумнымъ разрѣшеніемъ, отвлекая ихъ отъ всего случайнаго и не необходимаго. Таковъ смыслъ ученія и самой жизни Іисуса: они вполнѣ независимы отъ случайностей историческихъ и отъ личнаго произвола.

Рожденіе въ Іудеѣ или Виолеемѣ, тридцатилѣтній срокъ жизни, смерть на крестѣ и т. д. являются безспорно какъ случайности; но онѣ не имѣютъ никакого вліянія ни на развитіе ученія, ни на жизнь Іисуса. Ученіе его сомкнуто само въ себѣ и не носитъ никакой печати наложенной извнѣ; его жизнь есть только необходимая земная оболочка его ученія, безъ блеска и славы, безъ великолѣпной борьбы или великолѣпнаго торжества. Самая смерть его на крестѣ, вдали отъ учениковъ, бѣжавшихъ отъ страха, и между двухъ разбойниковъ, представляетъ какой-то характеръ равнодушія историческаго къ добру и злу: она имѣетъ высокое значеніе для судьбы народа-палача, и не имѣетъ никакого возвратнаго вліянія на внутреннее значеніе христіанства. Все это просто и какъ будто ежедневно.

Завѣтъ Іудейскаго, теперь всемірнаго, учителя немногосложенъ: онъ заключается въ нѣсколькихъ положеніяхъ, не связанныхъ ни съ какою мѣстностью, ни съ какими внѣшними условіями. Человѣкъ такъ подобенъ Богу въ смыслѣ духовномъ, что Богъ могъ быть человѣкомъ. Такимъ образомъ высшій духъ имѣетъ въ себѣ внутреннее оправданіе своего величія, и человѣкъ получаетъ внутреннюю возможность безконечнаго совершенства. Человѣчество освобождается отъ рабства міровыхъ случайностей и отъ жизненной тягости собственною силою олицетвореннаго совершенства человѣческаго, и человѣкъ вступаетъ въ нѣдра Божества посредствомъ добровольнаго соединенія любви съ человѣкомъ духовно-совершеннымъ, т. е. посредствомъ преданія своей частной воли въ волю человѣко-божественную. Въ этомъ все его освобожденіе, вся его высота, вся его награда.

Міръ ученія Кушитскаго остался неприкосновеннымъ; но онъ заключился въ логику философскихъ школъ. Міръ ученія Прапскаго получилъ свой вѣнецъ въ христіанствѣ и уже внѣ его не имѣетъ никакого смысла. Онъ весь связанъ съ идеею единаго разумнаго Мессіи. Іудеи, ожидающіе другаго, полнаго блеска и силы, облеченнаго въ пышность власти, знанія, безсмертія и всей торжествующей случайности, отрицаютъ безсознательно самую идею мессіанскаго преданія и по этому уже не имѣютъ никакого значенія въ историческомъ мірѣ.

Іудей послѣ Христа есть живая безсмыслица, не имѣющая разумнаго существованія. Отъ того-то въ нашъ вѣкъ нѣтъ просвѣщенныхъ Жидовъ. Они переходятъ немедленно въ философскую школу и дѣлаются явными противниками своего народнаго значенія и своихъ религіозныхъ преданій.

Другой народъ, по преданіямъ Еврейскимъ и отчасти своимъ, братъ Израиля по крови, но менѣе чистый въ смыслѣ семейномъ или въ началѣ духовномъ, Измаэлиты и Есавляне, народъ безспорно сохранявшій память объ общемъ ученіи и потомъ много принявшій духовныхъ началъ отъ Евреевъ, представилъ своего Мессію нѣсколько вѣковъ послѣ народа Израильскаго. Явленіе Магомета есть безспорно одно изъ самыхъ важныхъ происшествій историческихъ, но воинственный проповѣдникъ Аравіи погружаетъ снова человѣчество во все безсмысліе случайности и эта случайность безъисходна, ибо она обнимаетъ всю загробную будущность. Магометанство исчезаетъ; народы, ему послѣдующіе, сходятъ съ историческаго поприща, и одно только христіанство продолжаетъ управлять міромъ силою своей внутренней и логической полноты.

Связь христіанской эпохи съ прежнею.

Съ эпохою новорожденнаго христіанства начинается новая эпоха исторіи, ясная, всѣмъ знакомая, обработанная безконечнымъ множествомъ писателей; но она связана съ исторіею до-христіанскою связью неразрывною, ибо слѣды прошедшаго не легко изглаживаются и жизнь прожитая долго обусловливаетъ будущую. Новѣйшая критика, измѣнивъ взглядъ на древній міръ, измѣняетъ также до нѣкоторой степени понятія о мірѣ новѣйшемъ.

Явленіе Іисуса и его законъ содержатъ въ себѣ начало всей позднѣйшей жизни міра; но это начало развилось только черезъ нѣсколько вѣковъ, такъ что первыя столѣтія принадлежатъ еще исключительно древней исторіи. Даже и тогда, когда знамя поднятое Константиномъ возвѣстило торжество Еврейскаго учителя, когда новые народы, выступивъ изъ глубины сѣверныхъ пустынь, уничтожили въ своемъ дикомъ налетѣ прежнія государства Европы и, покорившись преемникамъ апостоловъ, создали новыя державы, донынѣ правящія судьбою человѣчества,—сѣмена добра и зла, просвѣщенія и заблужденій, брошенныя прежнимъ развитіемъ человѣческой мысли, не погибли и не остались безплодными. Римъ и Эллада, воинственная дикость Германца и тѣсный бытъ Славянской семейности имѣли столько же вліянія на исторію новѣйшую, сколько и христіанство. Поэтому мнѣніе, высказанное ревнителями закона Іисусова въ похвалу, или его врагами въ укоръ, будто бы все развитіе Европы послѣ Константина есть ничто иное какъ жизнь и развитіе Церкви, не имѣетъ никакого основанія. Какъ укоръ оно несправедливо, ибо мерзости разврата и кровопролитія, наполняющія всю лѣтопись христіанскихъ народовъ, не находятся въ логической связи съ ученіемъ, завѣщаннымъ отъ Еврейскихъ проповѣдниковъ; какъ

похвала оно нелѣпо, ибо самая похвала была бы укоромъ. Основатели Церкви ужаснулись бы своего созданія, если бы на нихъ легла отвѣтственность Европейской исторіи. Одно только можетъ и должно быть сказано объ отношеніяхъ христіанства къ народамъ, которые его исповѣдуютъ, именно то, что оно до сихъ поръ обусловливало крайніе предѣлы ихъ развитія. Таковъ смыслъ всякой религіи: она есть граница всего духовнаго и умственнаго міра для человѣка. Народъ, выступившій изъ границъ своего вѣрованія, создаетъ себѣ вѣрованіе новое; отрицаніе же, еще не создавшее новаго положенія, находится въ прямой зависимости отъ положенія отвергаемаго. Поэтому до нашихъ временъ христіанство (принимаемое или отрицаемое) есть законъ всего просвѣщеннаго міра, но одно только невѣжество можетъ смѣшивать Церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его.

Державa Августа. Его завоеванія; борьба съ Германцами.

Августъ соединилъ весь Римскій міръ въ одно цѣлое подъ своею державою и далъ ему стройное движеніе подъ однимъ закономъ; но въ этомъ единствѣ внѣшнемъ и чисто-политическомъ сохранилось различіе двухъ міровъ, созданныхъ разными началами. Міръ Греціи, Востока и Африки былъ древнѣе Рима, богатъ собственною мыслію, свѣтелъ собственнымъ просвѣщеніемъ. Онъ покорился Риму какъ силѣ и какъ полнѣйшей идеѣ политической; но въ то же время сохранялъ духовную самобытность, умственное превосходство надъ Римомъ и тайное къ нему презрѣніе. Міръ Италіи, Галліи, Испаніи и позднѣе Британіи былъ Римскимъ созданіемъ. Его бѣдная и безплодная самобытность исчезла вскорѣ. Вся жизнь и мысль Запада были даны Римомъ, а не выработаны собственною силою народовъ. При Августѣ и еще долго послѣ это различіе не выражалось, потому что было подавлено желѣзною силою Римскаго закона; позднѣе оно опредѣлило весь ходъ историческихъ событій.

Огромна была область державнаго Рима. Даже далекій и незапамятно-древній Китай, притча гордости народной, назы-

валъ его великимъ въ сравненіи съ собою (великимъ Китаемъ, *Та-тсинъ*). Августъ не наслѣдовалъ воинственному славолюбію великаго Кесаря; онъ не осмѣлился искать распространенія имперіи, но, усмиривъ нѣкоторыя полу-свободныя племена внутри ея предѣловъ (напр. горцевъ Испанскихъ), онъ старался только обезопасить ея границы, особенно со стороны Альповъ и Рейна. Альпы и южная Германія были населены Ретійцами и Винделиками (Вендами-великими), народами Славянскими, принявшими вѣроятно уже значительную примѣсь окрестныхъ народовъ, Кельтскихъ и Германскихъ. Война была упорна, но Римляне побѣдили и, захвативъ оба ската Альпійскихъ горъ до самаго Дуная, мало-по-малу наполнили новоприобрѣтенную страну военными колоніями (agri decumates), обязанными охранять границу Италіи. Мудрая предусмотрительность Августа была оправдана послѣдствіями. Еще долго послѣ него, когда Римъ ослабъ и дикари Германскіе стали порываться изъ своихъ лѣсовъ, земля Винделиковъ и ущелія Альпійскія, замкнутыя крѣпостями, удерживали напоръ сѣверныхъ племенъ; долго (до самыхъ временъ Іуліана) Римскіе легіоны могли по водамъ Дуная быстро переноситься отъ предѣловъ Галліи до равнинъ Венгріи, громя въ теченіи немногихъ недѣль свирѣпыхъ Алеманновъ и Франковъ При-рейнскихъ и завоевательныхъ Готовъ въ странѣ При-евксинской. Область Славянскихъ народовъ наполнилась войнолюбивыми выходцами изъ Галліи и изо всѣхъ краевъ имперіи. Языкъ утратился, обычаи измѣнились; старожилы сохранились только въ небольшихъ оазисахъ, разсѣянныхъ далеко въ южной Германіи, уцѣлѣли бѣдные остатки стараго быта въ нравахъ, нѣсколько именъ мѣстностей, свидѣтельствующихъ о прежнемъ славянствѣ края.

Таковы напр: оазисы въ Швабіи и Франконіи (около Бамберга), въ которыхъ Славяне жили со всѣми особенностями своего племени на удивленіе и заботу нѣмецкихъ критиковъ; таковы рѣзные коньки крышъ съ фигурою коня въ пригорьяхъ Альпійскихъ; таково имя Лехрайнъ, явно Крайны При-лешской, какъ и самое имя рѣки

Лехъ значитъ «пограничная». Впрочемъ безпристрастные наблюдатели не могутъ не замѣтить множества другихъ признаковъ славянства въ описаніи южной Германіи, не смотря на ея полное обнѣмеченіе, которое несравненно древнѣе обнѣмеченія сѣверо-восточныхъ областей.

Покореніе Винделикской области повлекло за собою войну съ Славянами Паннонскими, т. е. Венгро-Далматскими. Легіоны встрѣтились съ врагами, уже получившими или не утратившими начала жизни просвѣщенной. Народъ Паннонскій былъ образованъ и грамотенъ, любилъ свою грамотность и образованность, не чуждался иноземнаго знанія и науки. Таково свидѣтельство Римлянъ.

Позднѣе Тацитъ узнавалъ въ Германіи народъ Озовъ за Паннонскій, потому, что онъ охотно покорялся законамъ и порядку общественному (*).

Жители Паннонія были, за исключеніемъ Персіи и Эллинскаго міра, единственнымъ образованнымъ народомъ, съ которымъ воевалъ Римъ. Они подражали Римлянамъ въ искусствѣ военномъ, въ строѣ и вооруженіи войска, пользовались выгодами своей горной страны и отстаивали свою свободу съ мужествомъ, заслужившимъ похвалу отъ непріятелей. Италія трепетала. Императоръ не считалъ себя безопаснымъ въ самомъ Римѣ; но многочисленность легіоновъ и ихъ боевая опытность, искусство Римскихъ полководцевъ и особенно будущаго тирана имперіи Тиверія восторжествовали. Паннонія была покорена и обращена въ провинцію; жители подчинились законамъ побѣдителей, приняли ихъ обычаи и вѣроятно ихъ языкъ и долго были твердымъ оплотомъ имперіи; но многіе, вѣроятно самые мужественные и вольнолюбивые, ушли далеко за Дунай въ пустыни, лѣса и горы Сѣвера, завѣщая потомкамъ преданія о томъ, какъ предки нѣкогда жили въ благо-

(*) Ср. 1-ю часть стр. 402-й.

словенной странѣ При-дунайской, и строя города съ именами, напоминающими имена древнихъ городовъ своей южной родины, и питая вѣроятно надежду на возвратъ.

Преданіе о Придунайской отчизнѣ перешло отъ выходцевъ послѣ просвѣщенныхъ къ Славянскимъ старожиламъ Сѣвера и сдѣлалось общимъ, утративъ свой истинный смыслъ. Изъ бѣглецовъ же, удалившихся на сѣверъ, многіе (Сербы и Хорваты) вѣроятно возвратились изъ Карпатскихъ горъ въ южную Паннонію по приглашенію Византійскихъ императоровъ, надѣявшихся найти въ нихъ вѣрныхъ союзниковъ противъ другихъ сѣверныхъ дикарей. Впрочемъ переселеніе Славянское на сѣверъ началось безспорно гораздо прежде Августа, именно во время Эллинскаго разлива и продолжалось гораздо послѣ, особенно при Траянѣ. Отъ того и имена сѣверныхъ городовъ напоминаютъ не одну Паннонскую область, но и Ѳракію и Мизію и даже города извѣстные внутри самой Эллады. Не должно однако же забывать, что тождество корней во всей Славянской землѣ могло дать начало тождеству именъ даже безъ переселенія.

Граница Рейнская, положенная Кесаремъ, требовала обезпеченія. Рейнъ казался защитою недостаточною для предѣловъ государства и легіоны проникли въ глубь лѣсовъ Германскихъ до самой Эльбы, покоряя воинственныя но разрозненныя семьи дикарей. Покореніе Германіи было возможно; оно было даже легко. Въ этомъ явно свидѣтельствуютъ побѣды Друза и счастливый походъ Домиція отъ Дуная къ берегамъ Эльбы; но Августъ не желалъ завоеваній и не понялъ потребности своей имперіи; быть можетъ, онъ и не могъ ее понять по недостаточнымъ свѣдѣніямъ въ географіи. Покореніе Германіи до Эльбы и Славянскихъ племенъ до Вислы дало бы государству на востокѣ короткую и легко охранимую границу отъ Балтики до устьевъ Дуная, сосѣдей мирныхъ и не порывающихся къ завоеваніямъ, Славянъ, или степныхъ жителей Сармато-Аланъ, способныхъ къ конными налетамъ, но мало способныхъ къ постоянной наступательной войнѣ. Сѣверная же граница была бы охранена моремъ, превосходною

морскою силою и ничтожествомъ населенія въ Скандинавскомъ полуостровѣ. Ошибка Августа и безпечность его преемника оставили государство при безконечно длинной границѣ отъ устьевъ Рейна до устьевъ Дуная и при сосѣдяхъ хищныхъ, бѣдныхъ, жадныхъ къ добычѣ и къ завоеваніямъ и безпрестанно возрастающихъ въ воинской силѣ посредствомъ безпрестаннаго воинскаго опыта.

Вообще народъ дикій, какъ бы онъ ни былъ мужественъ, легче побѣждается въ первое время столкновенія съ народомъ просвѣщеннымъ и воинственнымъ, чѣмъ въ позднѣйшее время. Тутъ искусство, лучшій строй и вооруженіе войска, а особенно минутный испугъ, сильно дѣйствующій на дикарей, ручаются за успѣхъ. Позднѣе отношенія перемѣняются. Испугъ, страсть мгновенная, такъ сказать, нервическая, обезсиливающая дикаря (точно также какъ она убиваетъ медвѣдя), минуется скоро. Скоро перенимается военное искусство, менѣе всѣхъ требующее развитія духовнаго и умственныхъ способностей въ народѣ, хотя нельзя того же сказать о частныхъ лицахъ. Наконецъ семьи, нѣкогда враждовавшія между собою и разъединенныя, привыкаютъ къ союзамъ и къ дѣйствію совокупному, сплачиваются въ твердыя и многочисленныя массы и пріобрѣтаютъ почти непобѣдимую силу, какъ для обороны, такъ и для завоеваній.

То что было легко въ первые года Августа, сдѣлалось труднѣе въ концѣ его царствованія и при Тиверіи, было почти невозможнымъ при ихъ наслѣдникахъ. Слишкомъ рано умеръ Друзъ, завоеватель Германіи до Эльбы, слишкомъ рано успокоились Римскіе легіоны, повѣривъ покорности побѣжденныхъ племенъ и безпечно занимавшіеся введеніемъ обычаевъ и законовъ Римскихъ въ пустыни издавна свободной и вольнолюбивой. Глупость Вара и измѣна Арминія возвратили временно свободу Германцамъ.

Имя Арминія трудно возстановить въ его настоящемъ звукѣ. Быть можетъ онъ звался Арминомъ, быть можетъ, какъ иные думаютъ, Ирминъ, но конечно не Германомъ, именемъ, которое бы перешло

въ Латинское *Германусъ*, а не *Арминіусъ*. Вѣроятнѣе же всего то, что Римлянамъ было извѣстно его патронимическое названіе, кончающееся на *ингъ* съ мягкимъ *гъ*. Измѣна его извинительна по обстоятельствамъ и тогдашнему духу народа; но нельзя ее превозносить до небесъ какъ подвигъ чистый, святой. Такой неумѣренный восторгъ позволенъ только горячему патріотизму и дико-воинственному духу нѣмецкихъ профессоровъ.

Арминій соединялъ хитрость и дальновидный умъ съ мужествомъ и доблестью воинскою. Онъ искусно и храбро сражался съ Римлянами, часто побѣждалъ, никогда не былъ вполнѣ побѣжденъ и всѣми силами стремился къ соединенію всѣхъ Германцевъ въ одинъ союзъ. Нельзя сказать, собственный ли его гордый и строптивый нравъ или вражды племенъ Нѣмецкихъ помѣшали успѣху: но безспорно то, что усилія его были безуспѣшны. Достойный сынъ Друза, Германикъ снова проникъ въ глубь странъ Приэльбскихъ и могъ бы торжественно кончить подвигъ отца. Тиверій не далъ ему достаточныхъ войскъ, не поддержалъ его нападеніемъ съ юга и вскорѣ отозвалъ его подъ пустымъ предлогомъ въ Сирію. Зависть императора снова спасла свободу Германіи. Позднѣе уже завоеваніе ея было едва-ли по силамъ распадающейся имперіи. Въ ней самой росли внутреннія причины разрушенія, въ лѣсахъ Германіи стали крѣпчать внѣшнія причины міроваго переворота. Востокъ Германіи остался свободнымъ; весь западъ, страна прилегающая къ Рейну, никогда не былъ уже вполнѣ свободнымъ, никогда вполнѣ покоренным. Его жители то платили дань Риму, то считались его союзниками, пополняли ряды легіоновъ или составляли отдѣльные отряды въ войскѣ, по волѣ, какъ наемники, или по неволѣ, какъ побѣжденные, составляли охранную стражу императоровъ въ Римѣ или дружину тѣлохранителей у правителей-тирановъ областныхъ, во всякомъ случаѣ принимали отъ народовъ просвѣщенныхъ только ихъ пороки, корыстолюбіе, бездушное лукавство, безграничный развратъ и жажду къ вещественной пользѣ и наслажденію, не принимая ни ихъ добродѣтелей ни

ихъ просвѣщенія. Они утратили всѣ добрыя качества Германскихъ дикарей, честность, простоту правовъ, вѣрность данному слову, цѣломудріе, братолюбіе, и сохранили только дикую храбрость, вѣчно алчущую добычи, и любовь къ войнѣ, усиленную еще новоприобрѣтеннымъ искусствомъ.

То, что произошло въ западной Германіи, повторялось весьма часто на окраинахъ государствъ образованныхъ и повторяется въ нашъ вѣкъ въ племенахъ называемыхъ замирными по границамъ Россіи.

Такимъ образомъ трехъ-вѣковая жизнь, составленная изъ поочереднаго рабства, унижающаго душу, и изъ промежутковъ свободы, купленной по большей части измѣною и всегда ознаменованной свирѣпостью, изъ безпрестаннаго кровопролитія за чужое дѣло или за деньги и изъ грубо-роскошнаго разврата, приготовили въ странѣ При-рейнской ту грозу Франковъ, которая измѣнила всѣ судьбы западной Европы и представила одно изъ самыхъ великихъ, но также изъ самыхъ отвратительныхъ явленій въ исторіи человѣчества.

Первые преемники Августа. Маркоманны. Покореніе Британніи.

Августъ умирилъ имперію и далъ ей твердыя формы. Въ себѣ соединилъ онъ всѣ права народа (хотя собранія народныя или тѣнь ихъ были отмѣнены только его преемникомъ) и всю силу войска, которое непосредственно себѣ подчинилъ. Въ то же время возстановилъ онъ значеніе столичнаго города, давно упадавшее и почти совершенно забытое во время тріумвирата. Самъ Августъ, за исключеніемъ весьма недолгихъ походовъ, которыми онъ платилъ дань воинственному духу народа и воинскому титулу императора, жилъ постоянно въ Римѣ или около него. Преемники его слѣдовали его примѣру въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія. Уже древніе писатели замѣтили различіе между первыми наслѣдниками Августа и государями позднѣйшаго времени. Императоры до Первы получили названіе двѣнадцати Кесарей. Новые историки повторяютъ выраженіе древнее и не понимаютъ характера, который былъ замѣченъ безсознательною наблюдательностью историковъ Римскихъ. Первый рядъ открывается великимъ Кесаремъ,

второй рядъ не менѣе великимъ Траяномъ и продолжается до дробленія государства; но преемники Кесаря, властвовавшіе въ системѣ Августа, рѣзко отдѣлены отъ преемниковъ Траяна. Много было тирановъ и послѣ Траяна, а имена Августа, Веспасіана и Тита блестятъ въ числѣ Кесарей; но позднѣйшіе вѣка не представляютъ такого отвратительнаго ряда государей, какъ Тиверій, Калигула, Клавдій и Неронъ, которыхъ имена обратились въ народную притчу. Разница рѣзка и очевидна. Причина еще не замѣчена, но не менѣе очевидна. Кесари были собственно императорами одного города. Преемники Траяна были государями всей имперіи. Первые были воспитаны и погружены въ безконечномъ развратѣ Рима, готоваго терпѣть и любить всякаго царя-изверга, только бы онъ тѣшилъ праздныхъ горожанъ безстыдными празднествами и кормилъ ихъ даровымъ хлѣбомъ; позднѣйшіе были подъ опекою всѣхъ провинцій, требующихъ охраны и правосудія. Послѣдніе Кесари были уже назначены не городомъ, а государствомъ и должны бы были начать новый рядъ правителей; но Веспасіанъ и его сыновья не поняли совершившагося переворота или подчинились невольно обычаю предшественниковъ. Они заключились въ столицѣ своей, также какъ и прямые наслѣдники Августа, и освобожденіе государства отъ столицы, начавшееся дѣйствительно послѣ Нерона, совершилось только при Траянѣ и его преемникахъ.

Безумный походъ Калигулы, короткій походъ Клавдія или театральное путешествіе Нерона не заслуживаютъ никакого вниманія. Перемѣна системы послѣ Домиціана очень ясна. Какъ не замѣтили ея историки просвѣщенной Европы и ученой Германіи? Очень понятно. Они получили въ наслѣдство отъ своихъ предковъ — дикарей слѣпое поклоненіе городу Риму и не поняли внутренняго раздора государства и столицы. Они Римскую державу считали державою одного города и не догадались, что это была только держава Римской мысли, воплощенной въ области завоеванной Римскимъ оружіемъ. Ошибка, полученная въ наслѣдство отъ Франковъ, Алеманновъ и Галловъ, была поддержана позднѣйшими духовными вождями Римской

общины; а Западъ, не смотря на свою самодовольную увѣренность, еще далеко не освободился отъ заблужденій, завѣщанныхъ ему временами темнаго варварства или пробудившагося просвѣщенія. Его исторія, точно также какъ искуство, философія, религія и гражданственность, не оторвались отъ почвы, на которой выросли, да и быть иначе не могло.

Внутренняя исторія Рима при Кесаряхъ не имѣетъ никакой міровой важности. Сѣмена зла, посѣянныя прежнимъ временемъ, приносили свои гибельные плоды; но и начала силы, устроивающей гражданскій порядокъ, не совсѣмъ изсякли. Юриспруденція обогащалась новыми выводами и новыми законами, сохранившими свое достоинство и въ послѣдующія эпохи. Между тѣмъ новая жизнь христіанской общины начинала охватывать всѣ концы имперіи и даже земли, лежащія за ея границами. Ея строгая важность, ея чистота и высокая проповѣдь давно уже нажили враговъ въ развратномъ мірѣ; но самыми ожесточенными врагами были Евреи, понимающіе безсознательно, что вѣра въ Мессію духовнаго, провозглашеннаго новыми учителями, уничтожала возможность того вещественно-великаго и исключительно-народнаго Мессіи, котораго ждала грубая Іудея. Явились доносы, слѣдовательно предлоги къ казнямъ, увеселеніямъ императорскимъ. Неронъ и Домиціанъ увѣнчали вѣнцемъ кроваваго мученичества послѣдователей Іисуса, пострадавшаго на крестѣ, и новая сила развилась въ общинѣ страдавшей, но не ослабѣвшей въ страданіи.

Внѣшняя дѣятельность имперіи продолжала являться съ прежнимъ величіемъ, за исключеніемъ немногихъ промежутковъ слабости, происходящей отъ безумныхъ распоряженій безумныхъ императоровъ. Легіоны проникали въ сѣверную Аравію, покоряя ее власти Римской или обращая жителей въ полупокорныхъ союзниковъ, врывался въ глубь степей на югъ отъ Египта и въ давно забытую Эѳіопію, устрашали Парѳянъ, слишкомъ возгордившихся случайною побѣдою надъ Крассомъ, подчиняли законамъ императорскимъ Арменію и Кавказское прикорье, вездѣ расширяли и укрѣпляли предѣлы им-

періи. Война въ Германіи и послѣдовавшее за нею броженіе народовъ, стремящихся къ составленію союзовъ, имѣли важное послѣдствіе. Соперникомъ Арминія былъ Марободъ, человѣкъ смѣлый, властолюбивый и не совсѣмъ чуждый Римскому просвѣщенію. Побѣжденный Арминіемъ, онъ просилъ убѣжища у Римлянъ, и получилъ область на сѣверныхъ окраинахъ Паннонін, въ странѣ Славянской. Тамъ поселился онъ съ многочисленною дружиною и положилъ основаніе новой общинѣ, независимой и опасной для Рима. Дружина Маробода была составлена изо всѣхъ народовъ враждебныхъ имперіи, но по большей части изъ его же соотечественниковъ, Германцевъ; самое же устройство и характеръ государства, имъ созданнаго, во многомъ отличались отъ древняго строя и быта Германскихъ народовъ. Римскіе историки намъ не оставили подробностей о внутренней жизни царства Марободова; но они ему приписываютъ не власть полководца, какова была временная власть Арминія, и не власть царя-жреца, какая была у родовыхъ начальниковъ Германскихъ общинъ, но власть вполнѣ царскую, какъ и слѣдовало быть тамъ, гдѣ государство созидается не самобытнымъ движеніемъ народа, а волею одного человѣка. Имя его подданныхъ неизвѣстно до него въ Германіи; оно и не повторяется нигдѣ въ ея лѣтописяхъ. Это имя «*Маркоманны*» есть прямой переводъ имени весьма обыкновеннаго въ Славянскихъ областяхъ и особенно принадлежащаго той области, въ которую переселилась Германская дружина при Августѣ, имени *Крайны* или *Украйны*. Наконецъ способность этихъ подданныхъ подражать Римскимъ обычаямъ, подчиняться строгому строю воинскому и кажется общественному и характеръ ихъ борьбы съ Римлянами, въ которой болѣе замѣтны постоянство и расчетливая осторожность, чѣмъ воинственная отвага, все указываетъ на отношенія подобныя тѣмъ, которыя повторялись не разъ въ исторіи Славянскихъ народовъ и между прочимъ въ Россіи. *Маркоманны* были тою Германскою дружиною, которая переселилась вмѣстѣ съ любимымъ и счастливымъ вождемъ и составила военное и вскорѣ правительственное сословіе въ землѣ Славянъ, принявшихъ

ее волею или неволею. Права народа были, можетъ быть, и не вполнѣ сохранены; но такъ какъ по ходу распространенія Маркоманской власти явно, что многія племена изъ Славянъ, непокоренныхъ Риму, приняли Маркомановъ какъ покровителей, то самая жизнь всего союзнаго народа должна была носить, и очевидно носила, сильный отпечатокъ характера Славянскаго. Сильно было ополченіе; сильны союзники, ибо въ его дружинѣ сражались и Сеннопы Богемскіе (вѣроятно вытѣснившіе Кельтскихъ Боевъ) и сѣверные Свевы и многія другія племена Придунайскія; но Римъ восторжествовалъ. Маркоманны покорились и отодвинулись на сѣверъ. Позднѣе возстали они новою грозою; но отношенія ихъ къ землѣ, въ которой они властвовали, не измѣнялись. Народъ оставался по прежнему Славянскимъ, а дружина мало-по-малу слилась съ нимъ, или была вытѣснена проснувшеюся силою Славянскихъ общинъ.

Во всякомъ случаѣ трудъ Германскихъ ученыхъ, отыскивающихъ народъ *Маркомановъ*, т. е. Краинцевъ, совершенно безполезенъ. Они принимаютъ за народъ дружину, принявшую стародавнее имя земли, въ которой она никогда не составляла главнаго населенія, и, проглядѣвъ самый народъ, очень удивляются, когда въ послѣдствіи находятъ, что вся область Маркомановъ вдругъ наполнилась Славянами.

Другое завоеваніе Кесарской эпохи имѣло менѣе вліянія на усиленіе государства, но зато болѣе историческихъ послѣдствій. Британнія, только указанная Риму первымъ Кесаремъ, была мало-по-малу завоевана преемниками Августа. Борьба туземцевъ была не безславна; но ихъ малочисленность и неопытность не могли долго оспоривать побѣду. При послѣднемъ Кесарѣ (Домиціанѣ) теперешняя Англія и большая часть Шотландіи покорились, флоты Римскія обогнули ея сѣверныя оконечности и дикіе острова сѣверныхъ морей, и Кельты, древніе старожилы, едва сохранили сомнительную независимость въ горныхъ округахъ Шотландіи, отъ которыхъ Римляне от-

дѣлили свои владѣнія длиннымъ крѣпостнымъ валомъ и рядомъ твердыхъ башенъ. Нравы и бытъ Римскій укоренились также легко въ Британніи, какъ и въ одноплеменной Галліи. Болѣе воинственныя семьи (напр. полу-Иберскіе Силуры) погибли во время борьбы за независимость, другія полюбили Римское просвѣщеніе, или по крайней мѣрѣ его вещественныя выгоды Исчезли вѣковые лѣса; выросли богатые и благоустроенные города въ пустынной области; торговля, издавна существовавшая между Вендами Галльскими и южными берегами острова, на которыхъ нѣкоторыя мѣстности съ Славянскими именами (напр: Виндонумъ и др.) обличаютъ уже древнія торговыя колоніи, развилась въ большемъ размѣрѣ; но вещественное и поверхностное просвѣщеніе Рима не создало новыхъ силъ въ Британніи, также какъ и въ Галліи и въ Испаніи. Первый налетъ варваровъ долженъ былъ уничтожить и дѣйствительно уничтожилъ провинцію, когда имперія по неволѣ перестала ее охранять. Тогда исчезла и торговля и строй Римской жизни и большая часть ново-построенныхъ городовъ. За всѣмъ тѣмъ кое-что уцѣлѣло, особенно въ населеніи городовъ, избѣгнувшихъ разрушенія; осталась Римская закваска, слишкомъ мало замѣченная новѣйшими историками и вѣроятно слившаяся въ позднѣйшее время съ полу-Романскимъ вліяніемъ Норманновъ, остались память о торговомъ сношеніи съ остальнымъ міромъ и преданіе, легко подавшее поводъ къ новому развитію торговли при Саксонскомъ владычествѣ, осталось наконецъ просвѣщеніе и особенно христіанство въ формахъ чуждыхъ позднѣйшему западному міру и имѣвшихъ сильное вліяніе на духовную жизнь въ среднихъ вѣкахъ. Ученики апостоловъ проникли въ далекій сѣверъ. Общины, слѣдующія новому ученію, наполнили мало-по-малу всю Англію и, не ограничиваясь предѣлами Римской державы, завоевали кроткимъ оружіемъ слова большую часть Ирландіи. На Зеленомъ Островѣ, среди грозныхъ волнъ океана, развилась странная и во многихъ отношеніяхъ прекрасная жизнь для духа человѣческаго. Не Римъ, чисто-гражданственный и общественно-образованный, но страна высоко-развитая просвѣщеніемъ лич-

нымъ, Эллада, была центромъ разливающагося христіанства; не по путямъ покорнымъ новой власти Рима, но по древнимъ путямъ, проложеннымъ въ незапамятные вѣка Финикійскою торговлею и родствомъ Кельто-Иберскихъ племенъ проникло христіанство въ Ирландію. Эти пути черезъ пустыню океана укрылись отъ наблюдательности Римской, это распространеніе христіанства осталось незамѣченнымъ для остальнаго міра; но множество Греческихъ словъ въ церковно-Ирландскомъ нарѣчіи, но форма въ Ирландскомъ письмѣ, обряды Ирландской церкви, независимость ея отъ Рима и стремленіе ея еще въ VI-мъ и VII-мъ вѣкѣ къ единству съ церковью восточною обличаютъ для всякаго безпристрастнаго наблюдателя Восточное начало христіанской жизни въ Ирландіи. Отъ этой прямой связи съ центромъ личнаго просвѣщенія происходила та живая теплота просвѣщенія, которою отличается крайній уголъ сѣверо-западной Европы въ вѣка темнаго варварства; этимъ сохраненіемъ преданія о смѣлости древняго мореплаванія объясняется и преданіе о за океанническихъ путешествіяхъ вождей Кельтскихъ и Кельто-иберскихъ и несомнѣнная смѣлость мореплавателей Ирландскихъ, предупредившихъ позднѣйшее безстрашіе Нордманновъ въ Ирландіи и въ сѣверной Америкѣ.

Свидѣтельство самихъ Нордманновъ явно доказываетъ существованіе Ирландскихъ колоній на западномъ берегу Атлантики и даже существованіе области, носившей названіе великой Ирландіи въ X вѣкѣ послѣ Р. Х. и вѣроятно ранѣе..

Паденіе Іудеи.

Время послѣднихъ Кесарей было временемъ окончательнаго паденія Іудеи. Плѣненіе Вавилонское составило великій переломъ въ лѣтописи народа Еврейскаго. Прекративъ его политическую самобытность и дѣятельность, оно уничтожило для него всю важность времени настоящаго и сосредоточило всѣ его надежды въ будущемъ. Весь народъ сталъ ждать Мессіи, ожиданія однихъ только духовныхъ учителей (пророковъ) въ прежнее время. Іудея, отказавшись отъ полной государственной независимости, покорялась всякой власти,

преобладающей въ областяхъ сосѣднихъ, но въ ней не изсякла сила внутренней жизни. Когда Эллинская образованность посягнула на внутреннее святилище народа Іудейскаго, онъ возсталъ за свое древнее ученіе, за свою надежду. Маккавеи завѣщали исторіи геройское имя и геройскіе подвиги, народу своему дали они независимость почти полную, утвержденную въ послѣдствіи взаимною враждою двухъ сосѣднихъ почти равносильныхъ державъ, Селевкидовъ и Птолемеевъ, т. е. эллинизованной Сиріи и эллинизованнаго Египта. Отстоявъ ученіе и надежды своихъ братій, Маккавеи купили кровью своею возможность будущаго Мессіи. Внутреннія раздоры разрушили силу Іудеи. Ея независимость не могла устоять передъ желѣзною властью міродержавнаго Рима. Евреи покорились, сохранивъ только свой закопъ и тѣнь независимости, но подчинивъ область свою верховному правленію, сперва республики, потомъ имперіи и принявъ иноплеменнаго царя, Идумейца Ирода, едва связаннаго съ ними дальнимъ кровнымъ родствомъ. За всѣмъ тѣмъ торговый духъ, счастливое положеніе на пути каравановъ, расчетливая бережливость и нѣкоторая чистота правовъ увеличивали со дня на день богатство народа. Его столица и особенно храмъ удивляли путешественниковъ своимъ величіемъ, его колоніи распространялись во всѣ стороны, и пользовались огромными правами въ Египтѣ; его число возрастало быстро и могло составить стотысячныя ополченія. Съ усиленіемъ вещественнымъ возрастали его надежды; но эти надежды были также вещественны и стремились къ государственной власти, къ тѣсно-народному торжеству. Ожиданія Мессіи подкрѣплялись темными догадками о лѣтосчисленіи пророковъ; желаніе обращалось въ нетерпѣніе. Многіе обманщики или люди, обманутые собственнымъ духомъ воинственнымъ и властолюбивымъ, выдавали себя за обѣщаннаго освободителя и увлекали за собою толпы послѣдователей. Вещественныя надежды не были исполнены Іисусомъ, и Іудея отвергла его: но прежнее нетерпѣніе было подстрекаемо успѣхомъ его учениковъ. Завистливая гордость разжигала народныя страсти. Отверженіе Мессіи духовнаго вызывало болѣе

и болѣе явленіе вопиственно-торжествующаго Мессіи. Такимъ образомъ христіанство сдѣлалось косвенною причиною паденія Іудеи. Безпрестанно возставали новые вожди, называющіе себя или мессіями или его предтечами; безпрестанно вспыхивали бунты, подавляемые не безъ труда; безпрестанно власть Римская была или оскорбляема или вполнѣ отвергаема въ Іерусалимѣ. Гордое ослѣпленіе народа вызвало наконецъ Римскую грозу. Послѣ незначительныхъ и кратковременныхъ побѣдъ, Евреи были стѣснены легіонами въ городахъ своихъ, наконецъ въ своей столицѣ. Войну началъ Веспасіанъ; продолжалъ Титъ, когда Веспасіанъ, рѣшившись исторгнуть имперію изъ рукъ недостойнаго Вителлія, переправился въ Италію и взошелъ на престолъ Кесарей. Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ. Два императора, славные въ лѣтописяхъ міра (Веспасіанъ и Титъ), многочисленные легіоны и ежедневныя кровавыя битвы едва могли сокрушить упорную защиту Евреевъ. Едва-ли были въ исторіи бѣдствія подобныя осадѣ Іерусалима; не было, по мнѣнію самихъ Римлянъ, ни одного народа изъ побѣжденныхъ Римомъ, который бы такъ мужественно защищалъ свою свободу. (*) Погибающій Израиль не посрамилъ своей прежней славы и двадцативѣковой исторіи. Наконецъ Іерусалимъ палъ. Кроткій Титъ не могъ спасти ни города, нѣкогда столь многолюднаго, ни величественнаго храма, гремѣвшаго красотою своею во всей имперіи. Свершилась судьба одной изъ великихъ семей человѣчества. Ея политическое существованіе кончилось при Веспасіанѣ, также какъ духовное кончилось при Тиверіи, когда она отвергла значеніе всечеловѣческое и избрала значеніе тѣсно-народное. Іудея была обращена въ провинцію, жители ея проданы въ рабство или разсѣяны по всей Римской области. Не разъ еще возставали они съ неистовымъ мужествомъ; не разъ еще боролись противъ неотразимой силы своихъ побѣдителей: но всѣ эти кровавыя возмущенія, въ одномъ изъ которыхъ погибло

(*) Obstinatio viris feminisque par: ac, si transferre sedis cogerentur, major vitae metus quam mortis (Tac. Hist.).

до трехъ-сотъ тысячъ Эллиновъ и Римлянъ въ Африкѣ и на островахъ Средиземнаго моря, оставались безплодными. Они только показывали невѣроятную энергію, скрывавшуюся въ народѣ Еврейскомъ, но уже не могли возсоздать погибшаго народа или возвратить ему на вѣкъ утраченную отчизну. Израиль, долговременный хранитель древне-Иранскаго ученія, весь перешелъ по своему значенію въ общину христіанскую.

Характеристика эпохи первыхъ Кесарей.

Таковъ былъ послѣдній блистательный подвигъ Кесарской эпохи. Кровожадное тиранство Титова преемника призвало на престолъ новыхъ владыкъ и съ ними новую систему правленія: но должно признать, что, не смотря на безуміе или на свирѣпство большей части изъ Кесарей, время ихъ царствованія было временемъ полнаго развитія Римской власти. Самое сосредоточеніе всей имперіи въ городѣ Римѣ, предавая ее на произволъ дикихъ страстей и безпредѣльнаго разврата столичной черни, было за всѣмъ тѣмъ не безъ полезныхъ послѣдствій. Тѣсная и тяжкая зависимость провинціи отъ столицы, ускорила сращеніе разнородныхъ стихій. Области, пользовавшіяся особыми, мѣстными правами и узаконеніями, поступили подъ общій Римскій законъ; частные владѣтели, наслѣдственно правившіе своими мелкими государствами, лишились престола и власти. Обычаи, нравы и языкъ Италіи сдѣлались общими для всѣхъ новопокоренныхъ странъ. Не задолго до перваго императора Цицеронъ говорилъ, что весь міръ зналъ по-Гречески и никто по-Латыни. Во время послѣднихъ Кесарей латинскій языкъ вытѣснилъ изо всѣхъ западныхъ провинцій ихъ древнія нарѣчія и положилъ основаніе будущему Романскому, посредствомъ котораго древняя образованность перешла къ новымъ народамъ съ своими добрыми и злыми плодами. Наконецъ самое имя Рима, какъ источника силы и просвѣщенія, облеклось въ мнѣніи народовъ тѣмъ чуднымъ и полу-божественнымъ блескомъ, который далъ особый характеръ всей исторіи Европейскаго запада, даже послѣ совершеннаго паденія всемірной столицы въ ея политическомъ значеніи.

Міръ Римскій не былъ подобно Эллинскому міромъ обого-

творенной красоты; онъ не имѣлъ также и высокаго смысла духовнаго. Онъ не могъ слѣдовательно первенствовать ни въ художествахъ, ни въ искусствѣ слова; но онъ воспользовался твореніями Эллады. Подражанія его, въ сравненіи съ подлинникомъ, холодны и нестройны, заклеймены педантизмомъ и напыщенностью; но въ нихъ слышно какое-то величіе, обличающее величіе духа, создавшаго или отражающаго въ себѣ Имперію. Римскіе поэты доходятъ до истиннаго вдохновенія, когда передъ ихъ воображеніемъ носится образъ Рима. Вѣра въ добродѣтель погибла: Брутъ произнесъ надъ нею приговоръ; но отголоски ея слышались еще въ лучшихъ душахъ и давали часто поэзіи тотъ сердечно-нравственный характеръ, который сближаетъ ее съ позднѣйшею эпохою и съ высшимъ нравственнымъ смысломъ христіанскихъ народовъ. Художества пластическія утратили Эллинскую чистоту; но зодчество, болѣе другихъ зависящее отъ пространственныхъ размѣровъ, нашло отголосокъ въ душѣ народа, воздвигнувшаго имперію почти безпредѣльную. Явились громадныя зданія, передъ которыми до сихъ поръ благоговѣетъ потомство. Особенный строй души и сводъ, новоизобрѣтенное усовершенствованіе, дали зодчеству Римскому характеръ, отличающій его отъ прежнихъ. Въ немъ нѣтъ ни гармонической красоты, во всемъ доступной одному Эллину, ни таинственной религіозности Египта; но огромность и смѣлость массъ, вѣрный расчетъ удобства и пользы, роскошь украшеній и какой-то гордо-торжественный стиль скрываютъ отъ наблюдателя недостатокъ стройности и отсутствіе художнической мысли въ большей части Римскихъ памятниковъ. Непросвѣщенный вкусъ Римлянина наполнялъ свои бани, дворцы и площади мраморнымъ и мѣднымъ народомъ боговъ, нѣкогда созданнымъ религіознымъ чувствомъ Эллады, но громадность этихъ бань, дворцевъ и площадей заставляла забывать про униженіе ваянія, обращеннаго въ безсмысленную декорацію. Зритель чувствуетъ религіозное вдохновеніе въ зданіяхъ, по-видимому не посвященныхъ религіи, и не ошибается. Римъ кесарскій поклонялся самому себѣ. Было что-то религіозное въ театрахъ, созданныхъ для

безчеловѣчныхъ забавъ народа-царя, точно также какъ въ непонятомъ до нашего времени обоготвореніи государей, временныхъ представителей народа, въ свободномъ и безстыдномъ разгулѣ безнравственности и кровожадности, въ требованіи праздности, какъ права, и въ опьяненіи гордости, ничѣмъ уже неоправдываемой, но завѣщанной древнимъ Римомъ Риму кесарскому, а Римомъ кесарскимъ новѣйшему, даже до нашего времени. Впрочемъ такая религія, не чуждая даже лучшимъ Римлянамъ, была удовлетворительна только для худшихъ. Души опустѣли и безпрестанныя самоубійства выражали мщеніе духа человѣческаго за свое униженіе.

Весьма трудно доказать, чтобы одинъ изъ первыхъ послѣдователей Христа называлъ Римъ Вавилономъ: но тотъ, кто вспомнитъ сказаніе о Вавилонѣ, характеръ его жизни и зодчества, и чудную повѣсть или притчу объ истуканѣ на полѣ Деирскомъ, легко пойметъ глубоко-художественную возможность такого названія, относя его къ Риму кесарскому, а не къ древнему, и слѣдовательно не къ державѣ, имъ созданной.

Художества упали вскорѣ послѣ Кесарей, гораздо прежде самой имперіи. Такъ и должно было быть. Они не были созданіемъ духа Римскаго, но плодомъ праздности, гоняющейся за изящнымъ, какъ за наслажденіемъ, плодомъ барства города передъ государствомъ; они исчезли, когда государство освободилось отъ города и отняло у него его временное царское значеніе.

Основатель императорской власти, Августъ, не учредилъ никакого порядка для престолонаслѣдія. Характеръ самаго императорскаго званія былъ очевидно избирательный въ своемъ основаніи и никогда дѣйствительно не измѣнялся ни закономъ, ни обычаемъ: но такъ какъ всѣ собраніе народа и войска представляемо было государемъ, то государямъ же было предоставлено и право назначать, при чисто-формальномъ согласіи Сената, своихъ преемниковъ. Покорность провинцій утверждала сомнительное право, но не была обязатель-

на. Въ позднѣйшее время войско одно сосредоточило въ себѣ право народнаго собранія (какъ видно изъ избранія послѣ смерти Авреліяна); но вооруженный протестъ провинціи или войсковаго отряда не былъ дѣйствительно ни мятежемъ ни преступленіемъ. Побѣдитель наказывалъ побѣжденныхъ; но никогда совѣсть ихъ не признавала своей вины, ибо они не нарушали ни положительнаго (т. е. писаннаго), ни обычнаго закона. Попытки нѣкоторыхъ императоровъ для утвержденія семейнаго престолонаслѣдія не имѣли никакого успѣха, или успѣхъ только временной, потому что онѣ не были основаны на коренныхъ законахъ Римской державы. Этотъ взглядъ на престолонаслѣдіе перешелъ въ позднѣйшіе вѣка и управлялъ Римскимъ міромъ и его обломкомъ, Византіею, до ихъ конечнаго разрушенія. Люди, отличнѣйшіе по добродѣтели и по безпорочности жизни, возставали противъ государей новоизбранныхъ въ Римѣ, и судъ потомства надъ ними долженъ быть свободнымъ отъ невольнаго вліянія новыхъ мыслей и новыхъ законовъ, управляющихъ государствами другой эпохи или основанныхъ на другихъ началахъ.

Побѣжденные притязатели на престолъ были убиваемы, но не судимы; милости, оказанныя Тетрику строгимъ Авреліяномъ, показываютъ глубокое убѣжденіе въ правѣ избранія императоровъ каждою отдѣльною провинціею. Историки часто забываютъ про это основное правило, особенно когда доходитъ дѣло до Византіи, къ которой Западные писатели постоянно неблаговолятъ.

Внутренніе раздоры были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ избирательнаго престолонаслѣдія, не охраненнаго никакими формами законнаго порядка. Права Сената на утвержденіе выбора мало уважались и мало заслуживали уваженія; право провинцій на выборъ государя не могло быть ограниченнымъ ничѣмъ, кромѣ превосходной силы другихъ провинцій, и междоусобная война должна была рѣшать вѣчно-возникающій вопросъ: ибо Римскій міръ требовалъ единства.

Царствованіе первыхъ Кесарей было свободно отъ подобныхъ смутъ. Августъ, послѣ побѣды надъ другими тріумви-

рами, возстановивъ правительственное значеніе Рима, удалилъ на время развитіе начала, уже давно существовавшаго. Его преемники, государи избранные (какъ видно изъ предпочтенія Калигулы ближайшему Клавдію), были утверждаемы одною только столицею, а столица покорялась вооруженной силѣ преторіянской стражи. Родство первыхъ Кесарей съ основателемъ престола было обстоятельствомъ второстепеннымъ, облегчающимъ, но не опредѣляющимъ избранія. Равнодушіе развратнаго Рима и покорность государства возстановленному значенію столичнаго города обезпечивали власть новоизбранныхъ правителей. Наконецъ безуміе кровожаднаго скомороха утомило всеобщее долготерпѣніе. Его сверглп съ престола. Провинціи избрали и возвели на престолъ новыхъ государей. Величіе города, упадавшее со временъ Суллы, исчезнувшее во время тріумвирата, возобновленное Августомъ, исчезло навсегда. Новые владыки не поняли совершившагося переворота, до Траяна, перваго Всеримскаго владыки; но онъ былъ понятъ безсознательно прозорливостью народовъ. Съ Нерономъ погибъ Римъ, въ послѣдній разъ воплощенный въ Неронѣ. Исчезъ величественный кумиръ, которому такъ долго покорялись побѣжденныя племена. Въ этой внутренней связи Рима и Нерона, и въ суевѣрномъ поклоненіи поэтическому образу міродержавнаго города, а не въ мнимыхъ достоинствахъ безумца и не въ ничтожномъ родствѣ его съ Кесарями, скрывается причина появленія столь многихъ самозванцевъ, охотно принимавшихъ имя, которое въ послѣдствіи было обращено въ клеймо для недостойныхъ царей.

Странное явленіе самозванцевъ-Нероновъ упоминается всѣми, не объясняется никѣмъ: такова ослѣпляющая сила стародавней ошибки. Послѣ Домиціяна, послѣдняго изъ Кесарей, не было самозванцевъ. Завоеваніе столицы государствомъ совершилось послѣ Нерона; а эпоха Траяна представляетъ только всеобщее сознаніе совершившагося дѣла и расширенія государственнаго круга.

Движеніе народовъ въ сѣве-

Послѣдніе вѣка республики и вѣкъ Кесарей опредѣлили превосходство западной Европы надъ всѣми другими областя-

ми земнаго шара. Зародившееся христіанство приготовило будущее величіе Европейскихъ народовъ; но въ то же время начало будущихъ переворотовъ и всемірной брани развивалось незамѣтно въ сѣверныхъ пустыняхъ. ровосточной Европѣ. Роксоланы и Готы.

Въ степяхъ теперешней Россіи, отъ крутой твердыни Кавказа до верховьевъ Волги, давно происходила кровавая борьба между двумя племенами, изгнавшими Средне-Азійскихъ пришельцевъ, именыхъ Скиѳовъ,—между воинственными Средне-Иранскими пришельцами, Азами (Сармато-Аланами) и Восточно-Иранскими старожилами, Ванами (Вендо-Гетами). Темные слухи о борьбѣ и поочередномъ первенствѣ двухъ племенъ доходили до далекаго Китая и до писателей южной Европы; темная память объ нихъ сохранилась въ миѳологическихъ преданіяхъ Скандинавіи. Кочевые и воинственные Сарматы часто побѣждали своихъ сосѣдей, подчиняли ихъ временно своей власти или принимали ихъ въ свой союзъ (напр. Зиговъ Кавказскихъ, изъ которыхъ составилась позднѣйшая дружина Язъ-Зиговъ); далеко проникли они на западъ, угрожая Германіи и даже границамъ Имперіи, подъ именами Аланъ или Язиговъ, Сарматовъ Метанастовъ и другими: но непостоянная сила многочисленныхъ Славянъ всегда возставала снова, отодвигая или разрывая побѣдителей. Вскорѣ послѣ Р. Х. Славянскіе народы стали смыкаться въ союзы и первенствовать на берегахъ Дуная; но уже прежде обѣ враждебныя семьи, свыкшись другъ съ другомъ и утомившись въ безплодной борьбѣ, стали дѣйствовать заодно, точно также какъ въ глубокой древности, когда оба жили въ своей первоначальной родинѣ на востокѣ и юго-востокѣ Каспія. Предпріимчивость Азовъ увлекала за собою Вендовъ; многочисленность и сравнительно высшая образованность Вендовъ подкрѣпляла и возвышала Азовъ. Слѣдствіемъ такого союза (выраженнаго въ миѳологіи примиреніемъ сильныхъ Азовъ и мудрыхъ Ваповъ и размѣномъ заложниковъ *Генера* и *Квасира*) было совокупное движеніе обоихъ народовъ на сѣверъ. Море, нѣкогда называвшееся *Вендскимъ блатомъ* (Балтика) стало иногда называться моремъ Сарматскимъ, и Скандинавія приняла по неволѣ новыхъ владѣльцевъ.

Преданіе о пришествіи Одина на сѣверъ относится очевидно къ этому времени; догадка же о переселеніи съ юга народа, бѣжавшаго во время Митридатовой войны съ Римлянами, была только тогда позволительна, когда единство Азовъ съ Сармато-Аланами было еще неизвѣстно. Пѣть сомнѣнія, что вожди, увлекающіе за собою переселенцевъ, были по большей части изъ воинственныхъ Сарматовъ: но численное превосходство и большая образованность Вендовъ объясняетъ происхожденіе первыхъ царей изъ рода Ваповъ (отъ Фрейра,—Прія) и безконечное множество словъ въ Шведскомъ языкѣ съ корнями чисто-Славянскими.

Въ числѣ переселенцевъ было отдѣленіе народа, призваннаго на великую историческую славу. Это имя гремѣло въ позднѣйшихъ вѣкахъ въ налетахъ Сѣверныхъ мореходцевъ на берега магометанской Испаніи, извѣстно было Готамъ во время ихъ побѣдъ на сѣверо-востокѣ Европы и встрѣчается безпрестанно во всѣхъ разсказахъ о воинскихъ подвигахъ Сарматскихъ и Гетскихъ племенъ. Имя *Роксолановъ* или *Роксалановъ* представляетъ такой же составъ, какъ и имя Язигговъ, и объясняется тѣмъ же тщеславіемъ Сарматской семьи, которое уже замѣчено древними писателями и которое требовало отъ побѣжденныхъ или союзныхъ народовъ, чтобы они къ своему родовому прозвищу прибавляли въ видѣ придомка прозвище Азовъ или Алановъ. Вторая часть имени Роксалановъ есть слово *Аланъ*, а первое слово *Рокс*—тоже что *Русь*, употребляемое иногда отдѣльно и обозначающее по всей вѣроятности одно изъ отдѣленій великой Славянской семьи. Корень имени *Русь* или *Руссы* утратился въ Славянскихъ нарѣчіяхъ или измѣнился такъ, что его нельзя узнать съ достовѣрностью; но выводныя изъ этого корня *ручей* и *русло* приводятъ къ Санскритскому *ру* (двигаться, течь) и даютъ слову Русь значеніе кочеваго, передвижнаго, смыслъ близко подходящій къ казачеству.

Русло составлено весьма правильно, какъ и *жерло* (отъ жерть) *сѣдло* (отъ сѣдѣть), и обозначаетъ мѣсто, по которому вода *руетъ*

(течетъ); *ручей* (рующій) тоже что текущій. Корень, Санскрит. *ру* сохранился въ Саксонскомъ run (бѣжать).

Имя Руссовъ является только изрѣдка въ мгновенныхъ проблескахъ. Трудно сказать, относится ли къ нимъ свидѣтельство Еврейскихъ писателей о сѣверномъ народѣ *Росъ*: ибо семья немногочисленная могла сохранять долго свое имя и за всѣмъ тѣмъ рѣдко обращать на себя вниманіе исторіи. Если бы магометанскія свидѣтельства не обличали имени Руссовъ въ древней Скандинавіи, критика отвергла бы безъ всякаго сомнѣнія его существованіе. Какъ бы то ни было, но отношеніе, въ которомъ находимъ *Руссовъ* къ Славянамъ, доказываетъ ясно ихъ близкое родство или тождество. Іорнандъ ставитъ *Рокасъ* вмѣстѣ съ *Новего* (Русь и Новогородъ); Гунны мстятъ Готамъ за умерщвленіе князя Роксалапскаго Бога (Бой). Племя Славянъ и земля Славянская на берегахъ Балтики носитъ имя Руевъ или Ругіевъ (по-Славянски безспорно земля Руская или Ружская). Наконецъ Славяне Карпатскіе и теперь и въ X-мъ столѣтіи называли себя Руссами. Такимъ образомъ понятно появленіе Руси въ Скандинавіи. Они вошли въ составъ ополченія Ванскаго (Вендскаго), которое завоевало ее вмѣстѣ съ Азами-Сарматами; и судя по Руссамъ Карпатскимъ, жителямъ древней Антской земли, можно смѣло утверждать тождество Руссовъ и Антовъ, одной семьи, носившей два названія (*). Съ тѣхъ поръ исторія сѣверо-восточной Европы составляетъ нѣчто цѣлое. Словяне Приволховскіе и области Скандинавскія двигались въ одной системѣ, помогая другъ другу въ битвахъ противъ сосѣднихъ Финновъ, обогащаясь взаимною торговлею покоряя другъ друга во временныхъ раздорахъ, но не утрачивая никогда вполнѣ своего стародавняго братства. Таковъ смыслъ Саксона Грамматика, Исландскихъ сагъ и всѣхъ сѣверныхъ памятниковъ.

(*) Не должно смѣшивать этихъ Руссовъ Славянскихъ (Роксалановъ) съ *Эрсами, Эорсами* или *Аорсами* При-волжскими, которыхъ происхожденіе вѣроятно связано съ вѣтвью Кельто-Кумрійскою или Финскою. Корень имены *Аорсъ* едва ли не находится въ словѣ, сохраненномъ древними изъ сомнительнаго нарѣчія Скиѳскаго *oiopɔ* (мужъ, въ оіоръ-пата, мужеубійца, амазонка). *Примѣч. автора.*

Пришельцы-завоеватели со временемъ смѣшались съ Германскими старожилами Скандинавіи: по сначала имъ ихъ было тяжело воинственному и вольнолюбивому народу. Побѣжденные не могли отстоять своей свободы: они стали переселяться на югъ къ своимъ одноплеменникамъ или въ области пустынныя, въ которыхъ лѣса и болота могли охранять ихъ независимость. Завоеваніе Скандинавіи народомъ, пришедшимъ съ юго-востока, совпадаетъ съ началомъ движенія изъ Скандинавіи на югъ семей Германскихъ (Готовъ, Саксовъ, Лонгобардовъ и другихъ). Первые переселились Готы. На южномъ берегу Балтики нашли своихъ одноплеменниковъ (также Готовъ), давно уже жившихъ на Поморьѣ между семьями Вендскими и остатками Кимвровъ-Іутовъ, которыхъ имя у древнихъ иногда смѣшивается съ именемъ самихъ Готовъ (*Гуттоны* и *Готины*). Память о переселеніи съ сѣвера сохранилась у Готовъ и преданіе это, во всемъ согласное съ ходомъ исторіи вообще, можетъ быть отрицаемо только упрямымъ скептицизмомъ недальновидной критики. Точно то же преданіе о переселеніи Гамтовъ изъ Швеціи (по Іорнанду основатель царскаго рода у Готовъ—Гаптъ) сохранилось на юго-восточномъ приморьѣ Балтики у народовъ, которыхъ Готы скоро покорили своей власти. Усиленные братьями, съ которыми они вѣроятно были въ дружескихъ сношеніяхъ, стѣсненные другими сильнѣйшими племенами или устрашенные напоромъ Римскихъ легіоновъ съ запада, выходцы Скандинавіи перекочевали къ востоку и, счастливыми войнами, смѣлостью и дружнымъ дѣйствіемъ силъ побѣдивъ разъединенныя семьи Славянскія, приготовили ту грозу, которая должна была со временемъ обрушиться на распадающуюся Римскую державу.

Траянъ Его значеніе

Восшествіе на престолъ Траяна начинаетъ въ исторіи новую эпоху, продолжавшуюся до Діоклетіана или до Константина, т. е. до того времени, когда государство раздѣлилось на два по внутреннему различію жизненныхъ началъ.

Никогда нельзя опредѣлить съ точностью математическою начало и конецъ эпохи, созданной развитіемъ духа народнаго. Въ

исторіи, какъ въ природѣ, есть сумерки пробуждающейся или умирающей мысли. Таково время отъ Діоклетіана до совершеннаго раздѣла имперіи; таково царствованіе Флавіевъ, оканчивающее рядъ Кесарей, но не вполнѣ ему принадлежащее.

Едва ли когда нибудь являлся Римскій міръ въ такомъ величіи какъ при Траянѣ. Парѳяне, побѣжденные въ самомъ средоточіи ихъ государства, походъ приготовленный для ихъ конечнаго уничтоженія, флотъ выстроенный на берегахъ Южнаго океана для нападенія на Индію, завоеваніе сѣверной Аравіи, усмиренные за Рейномъ Германцы, навсегда сокрушенная сила Гетовъ и новая пространная область за Дунаемъ, покоренная Римскимъ законамъ и заселенная Римскими военными колоніями, внутренній миръ, возрастающее великолѣпіе городовъ, повсюду возникающія зданія для пользы общей или для красоты, колоссальные водопроводы, несокрушимые мосты на бурныхъ и непокорныхъ рѣкахъ, дороги проложенныя черезъ непроходимыя болота, улучшенная полиція, цвѣтущія художества и проснувшаяся снова словесность съ именами Тацитовъ и Плиніевъ, умягченная строгость законовъ, приносившихъ частную выгоду въ жертву пользѣ казенной, страхъ иноплеменныхъ народовъ, любовь гражданъ,—таковы права великаго Траяна на славу, ничѣмъ не запятнанную, и на ту поэтическую благодарность потомковъ, которая внушила Римлянамъ позднѣйшаго времени сказку объ искупленіи императора идолопоклонника изъ чистилища молитвами духовнаго владыки, наслѣдовавшаго часть его державы. Безспорно важнѣйшимъ происшествіемъ въ его царствованіи должно считать покореніе Гетовъ. На берегахъ Дуная и на границахъ утраченной Панноніи и Иллирика Славяне создали новую державу. Во время безумныхъ Кесарей она окрѣпла, при послѣднемъ изъ нихъ она стала угрожать Риму, побѣдивъ его войска и принудивъ къ постыдной дани. Усиленіе Сако-Гетскихъ общинъ, соединенныхъ въ одно государственное цѣлое, уничтожило еще при царѣ Буревистѣ (Boerebista), за 50 лѣтъ до Р. Х., Бойевъ и Таврисковъ Штейермаркскихъ и поглотило

всѣ остатки Келтскихъ поселеній, давно уже слабѣющихъ и съ тѣхъ поръ мало упоминаемыхъ въ исторіи. На время оно, кажется, подавило Крапнскій союзъ, составленный также по-большей части изъ Славянъ, съ примѣсью Сарматовъ, и извѣстный подъ именемъ Германской дружины Маркоманновъ. Но Траянъ не могъ терпѣть ни униженія Рима, ни опаснаго сосѣдства сильнаго государства. Борьба была продолжительна. Достойный соперникъ императора; владыка Гетовъ Децебалъ (если только можно вѣрить правописанію Латинскому въ именахъ иноязычныхъ) устроилъ свои войска на подобіе легіоновъ, принялъ многихъ Римлянъ въ свою службу, призвалъ союзниковъ съ сѣвера, мужественно оспоривалъ каждую побѣду, каждый шагъ земли и, побѣжденный, не захотѣлъ пережить своей славы. Сѣверъ снова принялъ Славянскихъ бѣглецовъ съ Дунайскаго берега. Римляне основали новую провинцію, въ которой до сихъ поръ сохранился языкъ, составленный изъ смѣси Славянскаго и Латинскаго съ произношеніемъ Оскскимъ (*п* вмѣсто *кв*) и великолѣпный памятникъ въ столицѣ имперіи увѣковѣчилъ подвиги побѣдителя и чисто Славянскіе очерки побѣжденныхъ.

Самый поверхностный наблюдатель замѣчаетъ невольно рѣзкое сходство лицъ и одеждъ на столбѣ Траяновомъ съ лицами и одеждами племенъ Славянскихъ. Это обстоятельство, весьма важное для исторической критики, придаетъ особенную важность памятнику, который, не смотря на красоту подробностей, принадлежитъ къ весьма дурному стилю отдѣльныхъ колоннъ, чуждыхъ Эллинскому чувству изящнаго. Исторія же самой борьбы Децебала съ Траяномъ, сохранившая въ памяти народной имя Траяна (какъ видно изъ пѣсни Игоревой и сказокъ о царѣ Троянѣ), замѣчательна также и потому, что характеръ Славянскій, готовый подчиняться законамъ и порядку разумному и перенимать устройство отъ просвѣщенныхъ народовъ, замѣченъ писателями Римскими у Гетовъ также какъ у Паннонцевъ, также какъ у Озовъ и у Маркоманновъ въ Чехіи и въ Крайнѣ. Эта черта чужда всѣмъ другимъ дикимъ народамъ, воевавшимъ съ Римомъ. Въ числѣ прочихъ примѣтъ славянства у семей

Мезо-Гетскихъ должно полагать всѣ имена рѣкъ, городовъ и урочищъ и такія слова какъ *ктисты* (чистые) обозначавшее жрецовъ, безбрачныхъ отшельниковъ, и *сарави-тери* (вѣроятно *теди: царевы чада*) обозначавшее царскую стражу и благородныхъ воиновъ.

Преемники Траяна. Вторженія Германцевъ.

Исторія вообще не совсѣмъ справедлива къ императорамъ Римскимъ, приписывая паденіе государства ихъ порокамъ и неспособности Точно также пристрастна она къ Германскимъ племенамъ, сокрушившимъ Римскій міръ, когда превозноситъ ихъ добродѣтели и непобѣдимое мужество. Лѣтопись первыхъ царей Готскихъ, Вандальскихъ, Саксонскихъ, Бургундскихъ и Лангобардскихъ представляетъ рядъ развратныхъ дикарей. Лѣтопись Франковъ отвратительна. Мужество ихъ въ бояхъ неоспоримо: но оно не мѣшало имъ всегда бѣжать передъ несравненно меньшимъ числомъ Римлянъ, какъ скоро Римское войско было подъ предводительствомъ вождей сколько нибудь искусныхъ. Напротивъ того ни одна лѣтопись какого бы то ни было народа не можетъ представить, въ теченіи двухъ вѣковъ съ небольшимъ, столько государей достойныхъ престола, сколько лѣтописи Рима отъ послѣдняго Кесаря до перваго императора христіанскаго.

Изъ двадцати осьми царствованій тринадцать замѣчательны по доблести владыкъ, вполнѣ достойныхъ престола. Таковы великій Траянъ, Антонинъ, Маркъ Авреліи, строгій Септимій, которому по словамъ Римлянъ слѣдовало или не родиться или не умирать, Александръ, Валеріанъ, Клавдій, крутой Авреліанъ, подобный Септимію, Тацитъ, Пробъ, Каръ, Діоклетіанъ и Константинъ. Къ нимъ должно прибавить другихъ, едва мелькнувшихъ, но оставившихъ по себѣ добрую память (какъ Пертинаксъ и молодой Гордіанъ), или отличавшихся блистательными дарованіями (какъ Адріанъ и слишкомъ униженный историками Галіенъ), или заслужившихъ военную славу (какъ Деций и свирѣпый, но всегда побѣждавшій Максиминъ), или достойныхъ величія императорскаго, но не успѣвшихъ достигнуть его или погибшихъ въ борьбѣ съ другими, болѣе счастливыми соперниками (какъ Одепатъ, Постумій, Альбинъ и др.) Нѣсколько именъ та-

кихъ какъ Геліогабалъ, Каракалла и Коммодъ, не должны бы были въ глазахъ историка безпристрастнаго помрачать славу цѣлой эпохи, обильной великими людьми.

Но самыя доблести и величіе государей при постоянномъ упадкѣ государства указываютъ на внутреннія и неисцѣльныя раны. Первою, по-видимому, было неправильное престолонаслѣдіе, избирательное по сущности, но не опредѣленное никакими законными правилами. Равенство правъ каждой провинціи на избраніе императора влекло за собою неизбѣжныя междоусобія и чѣмъ достойнѣе были соперники, тѣмъ упорнѣе и гибельнѣе была война. Такимъ образомъ истощились силы имперіи и безъ всякой пользы текла кровь, которая могла бы купить для Рима области до Инда и до Волги: но эта язва зависѣла отъ другихъ, болѣе глубокихъ. Опыты порядка наслѣдственнаго были хуже самаго безпорядочнаго избранія. Чадолюбіе Марка Аврелія и Септимія возвело на престолъ Коммода и Каракаллу. Выборъ войска или народа рѣдко падалъ на совершенно недостойнаго. Война междоусобная передавала власть по крайней мѣрѣ великому полководцу. Внутренней же жизни, удаляющей опасности естественнаго престолонаслѣдія, давно не было въ Римѣ и отъ этого лучшій порядокъ еще былъ избирательный посредствомъ усыновленія, какъ въ первоначальной лѣтописи Китая. Этотъ порядокъ возвелъ на престолъ Траяна и Антониновъ, возстановителя имперіи Авреліана и позднѣе великаго Ѳеодосія; но онъ былъ невозможенъ, и даже если бы былъ возможенъ, не могъ отвратить паденіе имперіи.

Государство было составлено изъ частей совершенно разнородныхъ. Не было ничего общаго между давно и самобытно просвѣщеннымъ Востокомъ и новопокореннымъ Западомъ, принявшимъ только наружный образъ просвѣщенія и его вещественные признаки, но не впитавшимъ въ себя ни одной изъ тѣхъ животворныхъ мыслей, которыя носятъ въ себѣ зародышъ развитія и плодовъ. Галлія, Испанія, Британнія, Паннонія утратили жизнь обычая, святыню наслѣдственнаго пре-

данія, вѣру въ своихъ предковъ и въ себя самихъ и, подчинившись охотно новому строго-логическому закону Рима, охраняющему собственность и порядокъ, нашли въ немъ спокойствіе, временное благоденствіе и источникъ богатства, но не нашли въ немъ пищи удовлетворяющей внутреннему требованію духа. Законовѣдѣніе и законодательство были проявленіемъ религіознаго поклоненія внѣшней правдѣ; они были святынею для прежняго Рима, создателя гражданской науки: они были только сухимъ, мертвымъ усовершенствованіемъ полицейскаго порядка для покоренныхъ народовъ.

Но и въ самомъ Римѣ законодательство, утвердившись въ характерѣ науки, утратило свое нравственное значеніе, между тѣмъ какъ и всѣ другія нравственныя начала изсякли. Не было и общей государственной мысли. Воплощенная нѣкогда въ Сенатѣ и народѣ, она еще пережила, какъ призракъ, республиканскую свободу и вовремя Кесарей облекла въ полубожественный блескъ седмихолмный городъ и въ божественныя почести его властителей; но она исчезла съ освобожденіемъ провинцій отъ ига столичнаго (ибо самый апоѳеозъ позднѣйшихъ императоровъ былъ только безсмысленнымъ подражаніемъ), и не была ничѣмъ замѣнена. Италія, естественное средоточіе имперіи, была слабѣе всѣхъ провинцій: она давно опустѣла отъ переселеній, отъ междоусобной войны и особенно отъ бездушнаго корыстолюбія богатыхъ гражданъ, скупившихъ мало-по-малу всѣ земли. Свободное народонаселеніе толпилось и истлѣвало въ городахъ. Просторъ полей и трудъ земледѣльческій были предоставлены рабамъ, чуждымъ всякаго сочувствія съ дѣломъ общимъ и зараженнымъ развратомъ своихъ господъ. Римъ, гордый нищій, требующій безвозмезднаго пропитанія отъ областей, нѣкогда покоренныхъ его свободными дружинами, напоминалъ о себѣ міру только пестовствомъ порока и воспитаніемъ тирановъ. Исчезла всякая религія для государства, всякая вѣра для частныхъ лицъ, всякое побужденіе къ добру и всякая надежда на будущее. Страхъ подпасть игу дикихъ грабителей, сознаніе внутренняго безплодія въ каждой отдѣльной провинціи и привычка были уже

единственными связями, поддерживающими имперію. Такимъ образомъ все государство было внѣшнею случайностью для своихъ составныхъ частей (ибо ихъ нельзя называть членами), случайностью, не основанною ни на какой внутренней необходимости и чуждою всякому началу религіозному, нравственному, общинному или даже дружинному. Никакія усилія правителей не могли воскресить мертвое тѣло.

Борьба государей противъ неизбѣжной судьбы государства была не безславна и достойна той энергіи, которою оно было нѣкогда создано.

Вскорѣ послѣ паденія царства Гетскаго уцѣлѣвшій союзъ Крапицевъ (*Маркоманновъ*) сдѣлался опять средоточіемъ народовъ враждебныхъ Риму или любящихъ свою свободу.

Въ этомъ союзѣ находимъ мы имена безспорно Германскія, другія Сарматскія и третьи безспорно Славянскія, какъ напр. Певчиновъ (вѣтвь Бастарновъ), названныхъ по своему жилищу, Дунайскому острову *Певче*, т. е. Пущане, отъ *пущи*, весьма извѣстнаго слова Славянскаго.

Маркъ Аврелій побѣдилъ ихъ послѣ войны, нѣсколько разъ угрожавшей гибелью самому Риму. Побѣда была совершенная и современники полагали, что императоръ обратитъ область Крапицевъ въ провинцію Римскую. Смерть его и безсмысленность его свирѣпаго преемника, Коммода, спасли Маркоманновъ отъ Римскаго оружія, но союзъ, составленный изъ слишкомъ разнородныхъ стихій, распался самъ или былъ уничтоженъ новымъ напливомъ сѣверныхъ, особенно Германскихъ, народовъ, свѣжихъ и не утратившихъ своихъ силъ въ борьбѣ съ легіонами. Усилившіеся Готы скоро покинули свои новыя жилища на берегахъ Балтійскаго моря: стѣсненные съ западной стороны воинственными старожилами Германіи, стѣсненные съ сѣверо-востока сильными семьями Сарматовъ и Славянъ, недавно завоевавшихъ Скандинавію, они стали подаваться на юго-востокъ къ берегамъ Чернаго моря и Дуная, вытѣсняя или покоряя слабыя и разрозненныя семьи

Привислепскихъ и Придпѣпровскихъ Славянъ, увлекая болѣе воинственныхъ своимъ примѣромъ и подавая первый знакъ къ тому великому переселенію, которое должно было перемѣнить всю вещественную и духовную жизнь Европы. По направленіе Готовъ и всей системы народовъ, увлеченныхъ въ ихъ движеніи, шло прямо на югъ или па юго-востокъ къ благословеннымъ странамъ Эллады, въ новоприобрѣтенную Римлянами область Дакіи, по пути свободному отъ горныхъ преградъ и менѣе охраненному Римскимъ искусствомъ, чѣмъ ущелія Альповъ Паннонскихъ и Ретійскихъ.

Весьма небольшое число Славянскихъ дружинъ (особенно Лигіевъ-Леховъ) изъ междурѣчія Одера и Вислы, вытѣсненныхъ Готѳами, бросились на западъ и на берега Рейна, но и тѣ, побѣжденные мужественнымъ императоромъ Пробомъ, были принуждены къ возврату на родину и вѣроятно погибли по большей части въ лѣсахъ Германскихъ.

Почти въ одно время съ именемъ Готовъ явились на Римскихъ границахъ другія имена, принадлежащія семьямъ близкимъ къ Готамъ по происхожденію или дружинамъ, составившимся изъ смѣси народовъ. Таковы были Гениды, принадлежавшіе явно Готскому племени и тождественные съ Гаптомъ Іорнандовымъ и Гамтами Балтійскихъ преданій; таковы Вандалы,—полу-Германскія, полу-Славянскія дружины, властвовавшія въ земляхъ Вендскихъ.

Очевидно, что составъ дружины Вандальской былъ по большей части Германскій; но сильная примѣсь Славянъ и имя чисто-Славянское побудили ученыхъ Нѣмцевъ въ среднихъ вѣкахъ всегда противупоставлять Вандаловъ Нѣмцамъ.

Вмѣстѣ съ Вандалами двигались и Бургунды (собственно *горожане*), Германскіе утѣснители сѣверо-западныхъ Славянъ, издревле градостроителей и торговцевъ. За Бургундами шли Герулы, менѣе всѣхъ другихъ носящіе признаки германства

и по всѣмъ вѣроятностямъ родственные позднѣйшимъ Литовцамъ, хотя не безъ примѣси Славянъ и можетъ быть Готовъ.

Особенная свирѣпость, глубокая безнравственность и вообще дикій бытъ Геруловъ отличаютъ ихъ довольно рѣзко отъ всѣхъ другихъ народовъ, двинувшихся отъ Балтики на Дунай.

Много было и другихъ дружинъ, въ то время грозившихъ востоку имперіи; большая часть изъ нихъ вскорѣ исчезла, поглощенная другими сильнѣйшими дружинами, не основавъ отдѣльныхъ государствъ или не давши имена своихъ завоеваннымъ областямъ. Опасность, угрожавшая Востоку, была временно отстранена силою Римскаго оружія и въ послѣдствіи новая гроза, налетѣвшая съ Приволжія, бросила потопъ взволнованныхъ племенъ далеко на Западъ, о которомъ они и не мечтали.

Измѣненіе во внутренней судьбѣ Скандинавіи подѣйствовало и на западныя области имперіи. Готы удалились изъ своей родины вскорѣ послѣ ея покоренія, т. е. въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. Едва ли не позднѣе всѣхъ другихъ переселились Саксы: кажется, въ послѣдней половинѣ перваго вѣка послѣ Р. Х. Они направились черезъ проливы, соединяющіе Балтику съ Океаномъ, и поселились въ теперешнемъ Ютландѣ, землѣ прежнихъ Кельто-Кумрійцевъ или Юговъ, уже исчезнувшихъ подъ напоромъ Германскаго племени или удалившихся къ своимъ заморскимъ братьямъ въ Британскіе острова.

Имя Саксовъ или Саксонцевъ неизвѣстнаго происхожденія. Быть можетъ (хотя это предположеніе мало имѣетъ за себя доказательствъ) оно и происходитъ, какъ думаютъ многіе ученые, отъ слово *сакс*ъ, означающаго кривой и короткій ножъ, которымъ были обыкновенно вооружены Саксонцы, и который по формѣ своей напоминаетъ Востокъ и завоевателей Скандинавіи, Сарматовъ. Распространеніе же подобной этимологіи на Германскій союзъ Франковъ и выводъ ихъ имени отъ оружія *фрамеи* или *франциски* совершенно нелѣпы. Пожалуй и *Байонн*ъ происходитъ отъ *байоннет*ъ. Очевидно союзъ

Франковъ значилъ союзъ свободныхъ людей или, лучше сказать, освободившихся отъ Римскаго ига, а *франциска* получила уже прозвище свое отъ народа, владѣвшаго ею. Можно бы тоже подумать и объ мечѣ названномъ *саксъ*, но это слово носитъ признаки первобытности въ сходствѣ съ словами Слав. *соха*, *сошникъ*, *сохатый* и др.

Малочисленная дружина Саксонцевъ вскорѣ достигла громкаго имени: она распространялась не столько грозою собственнаго оружія, сколько союзомъ другихъ приморскихъ семей, охотно сосредоточивщихъ свои силы около предпріимчивыхъ пришельцевъ. Общая опасность отъ Римлянъ, общее стремленіе къ добычѣ слили въ одно цѣлое многія племена Германскія и остатки Славянскихъ семей, никогда не исчезавшихъ по болотистому приморью отъ Одера до Рейна. Исторія Саксовъ, также какъ и Готовъ и многихъ другихъ завоевательныхъ народовъ, представляетъ одинъ и тотъ же фактъ, весьма простой, но рѣдко объясненный. Горсть бѣглецовъ оставляетъ свою родину, наводненную непріятелемъ, и эта горсть вскорѣ завоевываетъ пространную область и уничтожаетъ народы несравненно мужественнѣе и многочисленнѣе того, передъ которымъ она бѣжала. Причина этого по-видимому страннаго факта лежитъ въ томъ, что всякій народъ (даже неисключая кочевыхъ), какъ бы онъ ни былъ воинственъ, составляетъ всегда общину полу-гражданскую, покуда живетъ на своей родной землѣ. Онъ можетъ, какъ вся древняя Галлія и Германія, безпрестанно вспыхивать дружинами и насылать бѣду и разоренье мирнымъ сосѣдямъ: но временныя дружины осѣдаютъ также безпрестанно въ общину. Народъ, оторванный отъ родины и бѣжавшій въ чужбину, смыкается въ дружину постоянную и обрекается на вѣчную войну. Тогда къ нему сосредоточиваются или ему покоряются разрозненныя силы сосѣднихъ племенъ, прежде безсильныхъ отъ непослѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ, теперь непреодолимыхъ отъ постояннаго напряженія, получаемаго ими изъ новаго, вѣчно напряженнаго центра, и созидается грозная держава, въ которой часто исчезаютъ почти безъ слѣда немно-

гочисленные пришельцы, давшіе имя свое области или государству. Такимъ образомъ происходило огромное расширеніе Саксонцевъ, вышедшихъ изъ самаго назначительнаго начала. Въ третьемъ вѣкѣ они опустошали уже всѣ берега Галліи и Британіи, сражались часто съ успѣхомъ противъ легіоновъ и приготовлялись къ своему будущему великому значенію. Лишній сильный врагъ явился противъ Рима, лишній примѣръ успѣшныхъ грабежей сталъ побуждать Германскихъ старожиловъ къ нападенію на предѣлы имперіи. Сѣверо-Западъ сомкнулся въ союзъ Франковъ, Юго-Западъ въ союзъ Алеманновъ. Вскорѣ къ Алеманнамъ примкнула и часть Бургундцевъ, побѣжденныхъ Гепидами около Карпатовъ и принужденныхъ искать другихъ жилищъ вверхъ по Дунаю. Безпрерывная война загорѣлась на Рейнѣ.

Замѣчательно, что начало мореплаванія у Германцевъ совпадаетъ съ движеніемъ изъ Скандинавіи на югъ, между тѣмъ какъ сама Скандинавія до того времени нисколько не славилась мореплавателями. Въ Германіи же Римляне знаютъ только про весьма незначительное береговое судоходство на берегахъ фризскихъ. Принявъ въ соображеніе полу-Славянской составъ дружины, завоевавшей Скандинавію, древность судоходства Славянскаго, свидѣтельство Саксона весьма важное (ибо очевидно основано на мѣстныхъ преданіяхъ) о ничтожествѣ Германцевъ и Скандинавовъ на морѣ передъ Славянами и полу-Славянское просвѣщеніе первыхъ Германскихъ мореходцевъ, Саксонцевъ, поклонниковъ Бѣлбога, Чернобога и Сивы (или Живы),— можно смѣло утверждать, что мореплаваніе сѣверное развилось изъ Славянской стихіи.

Пробужденіе восточныхъ народовъ Сарацины; царство Пальмирское; Сассаниды.

Въ то же время, когда въ Европѣ закипѣли народы, будущіе властелины ея судебъ, на поприще исторіи вступили другія племена, до тѣхъ поръ не замѣченныя, но впослѣдствіи долго и часто счастливо оспаривавшія власть и первенство у пришельцевъ сѣвера. На южную Испанію нападали уже во II вѣкѣ Мавры Африканскіе, потомки древнихъ выходцевъ изъ Аравіи; самые Аравитяне, кочевые грабители, опустоша-

ли южную Сирію и знакомили ее съ грознымъ именемъ *Сарациновъ*, будущихъ ея завоевателей. Другіе Аравитяне, уже полу-осѣдлые и союзные съ Римомъ, основывали недолговѣчное, но сильное царство въ Пальмирѣ или Тадморѣ, созданномъ царями древняго Израиля на перепутьѣ караванов. Тамъ среди безводной пустыни строилась великолѣпная столица, цвѣли науки, собирались многочисленные полки, сперва страшные врагамъ имперіи, потомъ опасные для нея самой. Оденатъ, царь Пальмирскій, спасалъ восточныя области Рима въ несчастную эпоху Галліена, уничтожалъ разбойническія дружины Готовъ, опустошавшихъ берега Малой Азіи), Эллады и Сиріи и острова Эгейскаго моря на корабляхъ отнятыхъ у Эллинскихъ колонистовъ Тавриды и страны Приднѣпровской, усмирялъ племена горцевъ, временно возмущавшихся въ Малой Азіи, мстилъ новосозданному царству Персіянъ-Сассанидовъ и великому ихъ царю Шапуру за грабительство Сиріи и за жестокій плѣнъ императора Валеріана, разбивалъ ихъ войска, бралъ столицу Ктезифонъ и, въ званіи Августа, полученномъ имъ отъ Галліена, правилъ не только Азіатскими провинціями, но и богатымъ Египтомъ. Въ его царствованіе, слишкомъ кратковременное, племя Аравійское показало уже ту энергію, которая нѣсколько вѣковъ спустя грозила завоеваніемъ всему міру, и Пальмира по-видимому готовилась къ преемству власти Римской, такъ какъ въ послѣдствіи Сарацины получили преемство Эллинскаго просвѣщенія. Умирающая имперія призывала хищниковъ со всѣхъ сторонъ.

Прежде нея пало военное государство дикихъ Парѳянъ, ея всегдашнихъ враговъ. Племя Персіянъ, нѣкогда властвовавшихъ на Востокѣ, но уступившихъ сперва неотразимой силѣ Эллинскаго міра, потомъ дикой храбрости дикихъ Азовъ Прикаспійскихъ—Парѳянъ, возстало наконецъ противъ своихъ утѣснителей. Парѳяне были побѣждены; новая династія Сассанидовъ взошла на престолъ. Она объявила сомнительное или мнимое происхожденіе отъ прежнихъ царей Кирова рода, возстановила прежнюю религію, Зороастровъ магизмъ, искаженіе древняго Иранскаго преданія, и скоро завоевала всѣ обла-

сти отъ Инда до Евфрата. Но Зороастризмъ въ своемъ возобновленіи впиталъ въ себя еще бо́льшую примѣсь чуждыхъ началъ; Персидское государство, освободившись отъ своихъ дикихъ утѣснителей, сохранило отчасти дикость ихъ нравовъ и получило болѣе военное, чѣмъ государственное или религіозное значеніе; языкъ принялъ характеръ нарѣчія далекаго отъ первобытныхъ корней, и просвѣщеніе ожило только въ вещественныхъ формахъ, безъ животворныхъ началъ. Побѣды Сассанидовъ были гибельны для человѣчества, роскошь груба и неотрадна по недостатку художественной красоты, правленіе свирѣпо и чуждо всякому высокому побужденію. За всѣмъ тѣмъ эпоха Сассанидовъ осталась не совсѣмъ безплодною. Она сохранила нѣсколько темныхъ преданій о прошедшемъ, и нѣсколько искръ прежней духовной жизни, возвысившихъ въ послѣдствіи Турецкихъ завоевателей Ирана надъ ихъ одноплеменниками, властвовавшими въ другихъ странахъ. Отъ возстановленія Персіи Сассанидами до ея паденія послѣ Магомета не переставала на берегахъ Евфрата и Тигра упорная борьба между Востокомъ и Западомъ; но во время общей бѣды отъ Аравіи Римскій міръ, основанный на высшихъ началахъ, устоялъ гораздо долѣе своего противника.

Римское государство въ III вѣкѣ. Его внутреннее состояніе. Характеръ философскихъ школъ

Со временъ Траяна до Константина мужество императоровъ отстаивало съ успѣхомъ предѣлы имперіи. Мавры были побѣждены Маркомъ Авреліемъ, также какъ и Маркоманны Септимій побѣдилъ Парѳянъ, Германцевъ и прошелъ грозою до самой сѣверной оконечности Британіи по горамъ Шотландіи, тогда населенной *Пиктами* (едвали не Пегтъ), остатками древнихъ старожиловъ, и *Скотами*, воинственными выходцами изъ Ирландіи. Александръ Северъ вступаетъ въ борьбу съ новою Персидскою державою, основанною въ 226 году послѣ Р. Х. Арджиромъ Бабекановъ и принуждаетъ его къ бѣгству за Тигръ. Свирѣпый Максиминъ, родомъ варваръ (сынъ Сарматки и Свева), великанъ ростомъ и силою едва ли не безпримѣрною, отбрасываетъ Франковъ далеко отъ Рейна и проп-

кается глубоко въ землю Алеманновъ (*). Легіоны Римскіе при молодомъ Гордіанѣ проникаютъ въ Персію, опустошаютъ ея предѣлы и принуждаютъ воинственнаго Шапура просить мира съ имперіею. Готы послѣ гибели Декія, павшаго въ сраженіи съ ними, ворвались далеко въ Элладу и предавали долго мечу и огню беззащитныя области Востока. Императоръ Клавдій изгоняетъ ихъ изъ предѣловъ имперіи, преслѣдуетъ въ ихъ собственную страну, уничтожаетъ ихъ ополченія и до такой степени сокрушаетъ ихъ силу и внушаетъ страхъ Римскаго имени, что они съ тѣхъ поръ болѣе являются союзниками и подручниками имперіи, чѣмъ ея врагами, и въ послѣдствіи прося убѣжища отъ Гунновъ, соглашаются вступить въ полное подданство. Менѣе пострадавшіе Готы восточные, наученные бѣдою своихъ братій, обратили всѣ свои усилія уже не на югъ, но на восточныя пустыни Придпѣровскія и Придонскія, вдали отъ грозныхъ легіоновъ Рима. Послѣ долгихъ бѣдствій имперія оживаетъ при строгомъ Авреліанѣ. Пальмира, управляемая послѣ смерти Одената его вдовою Зенобіею, падаетъ послѣ кратковременной борьбы. Дружины Алемановъ уничтожены въ Италіи; Галлія и Британнія, давно уже правимыя отдѣльными императорами, возвращены Тетрикомъ государю, котораго желѣзная сила могла поддержать единство Римскаго міра; своеволіе войска укрощено; развратный Римъ наказанъ за крамолы, взбунтовавшійся Египетъ покоренъ. Государство возстаетъ въ прежнемъ величіи. Благодѣтельно было вліяніе неумолимо-строгаго императора. Возстановивъ цѣлость имперіи и уступивъ Германскимъ племенамъ только Задунайскую Дакію, завоеванную Траяномъ, по безполезную и неспособную къ оборонѣ, онъ въ короткое время своего царствованія (въ 5 лѣтъ) такъ сильно подавилъ

(*) О происхожденіи Максимина должно замѣтить, что такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Придунайской страны, германство его отца весьма сомнительно. Множество примѣровъ заставляютъ предполагать, что Римляне смѣшивали извѣстное имъ имя *Свевъ* съ неизвѣстнымъ еще именемъ *Славъ* или Славянинъ. Такъ напр. явно Славянскихъ Карповъ они называютъ *Свевами*. *Примѣч. автора.*

сѣмена раздора, такъ успѣшно возстановилъ покорность законамъ и законнымъ властямъ, что, послѣ его слишкомъ ранней смерти, войско, единственный представитель народа, и Сенатъ, представитель государства, какъ будто чувствуя всю важность своей эпохи и опасности, окружающія имперію, взаимно уступали другъ другу честь и отвѣтственность императорскаго выбора Наконецъ избранъ былъ Тацитъ, добродѣтельный и опытный государь, наказавшій Алановъ за ихъ набѣги; за нимъ Пробъ, родомъ Паннонецъ, побѣдитель Германцевъ, достойный преемникъ великаго Авреліяна, возстановитель городовъ, разоренныхъ варварами въ Галліи, государь памятный по дѣламъ воинскимъ и по доблестямъ гражданскимъ, соединившій двѣ границы имперіи, Дунай и Рейнъ, непрерывною каменною стѣною, разводившій виноградники въ Галліи и Паннонiи, укротившій на время пограничныхъ дикарей отъ Чернаго моря до Сѣвернаго океана, убитый и оплаканный войскомъ, возмутившимся противъ непривычныхъ трудовъ; за Пробомъ Каръ, внесшій Римскіе орлы въ самое сердце Персіи и покорившій ея столицы Ктезифонъ и Селевкію; за Каромъ наконецъ Діоклетіанъ, раздѣлившій имперію, по темному чувству ея внутренняго раздѣленія, на Восточную и Западную и предузнавшій будущую эпоху совершеннаго распаденія. Царствованія Діоклетіана и его сопрестольника Максиміана и его преемника Галерія были не безславны. Непріятели вездѣ побѣждены, предѣлы имперіи сохранены, Германцы отбиты Максиміяномъ, Британнія спасена отъ Кельто-Кумрійцевъ кесаремъ Констаптіемъ Хлоромъ, Аравитяне и Сарацины укрощены самимъ Діоклетіаномъ, покорившимъ также снова Кавказское прогорье (Лазику и Иверію), наконецъ новая пространная область завоевана и покорена Риму за Тигромъ, далеко внутри Персидскаго государства. Такъ принялъ имперію великій Констаптинъ, почти нигдѣ не убавленную и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распространенную, по-видимому еще крѣпкую и не потерявшую надежду на побѣды.

Но государство уже не могло долго существовать. Оно обезлюдѣло отъ междоусобныхъ браней, а еще болѣе отъ

развратa, между тѣмъ какъ волна варварскихъ народовъ безпрестанно паростала отъ новаго наплыва съ сѣвера и востока и набѣгала съ новою и новою силою на длинныя и пустынныя границы. Легіоны набирались изъ наемныхъ дикарей, всегда готовыхъ къ измѣнѣ и къ войнѣ противу самаго Рима, часто возвращающихся на родину съ новыми познаніями въ дѣлѣ ратномъ, слѣдственно съ новыми средствами къ бѣдѣ, и всегда, даже во время своей службы, гибельныхъ для народа своимъ грабительствомъ и угнетеніемъ, а для государства безпрестанно возрастающими налогами. Эти наборы не были ошибкою государей, по слѣдствіемъ необходимости. Рабъ-земледѣлецъ былъ ненадеженъ въ войскѣ, нуженъ для господина, нуженъ для опустѣвшихъ полей. Свободный горожанинъ былъ ослабленъ развратомъ, равнодушенъ къ общему дѣлу, необходимъ для торговли, единственнаго источника богатствъ, покупающихъ защитниковъ государству. Духъ, оживлявшій огромное тѣло, отлетѣлъ.

Постоянно оборонительная война въ огромныхъ размѣрахъ невозможна. Имперія должна была завоевывать или мечемъ,—но время завоеванія военнаго прошло,—или просвѣщеніемъ, создавая на своихъ границахъ новыя государства изъ народовъ осѣдлыхъ и мало-по-малу привыкающихъ къ гражданственности; но просвѣщеніе умирало въ ней самой и никогда не имѣло того животворнаго и чисто человѣческаго характера, который призываетъ всѣхъ людей къ участію и пробуждаетъ въ нихъ душѣ новыя и лучшія потребности.

За всѣмъ тѣмъ внѣшнее просвѣщеніе еще не погибло. Въ художественномъ отношеніи столбъ Траяновъ, конь Марка Аврелія и многія другія произведенія позднѣйшія заслуживаютъ похвалу, хотя уже замѣтна утрата прежняго величія. Искусство слова имѣло представителей замѣчательныхъ. но оно потеряло свою независимость и существовало только какъ слуга науки.

Изо всѣхъ писателей этой эпохи первое мѣсто принадлежитъ безспорно Тациту. Историкъ исполненный силы и поэзіи, мыслитель

глубокій и практическій, но умъ тѣсный, взглядъ, обнимающій только область вещественную и слѣпой къ области духовной, душа благородная и крѣпкая, но черствая и лишенная всякаго сочувствія съ человѣчествомъ внѣ Римскаго государства,—таковъ Тацитъ, вѣрный отголосокъ древняго Рима въ Римѣ упадающемъ и представитель той свирѣпой народности, которою Римъ подавилъ, но не замѣнилъ для человѣчества человѣчность Эллинскаго міра.

Науки положительныя и наблюдательныя процвѣтали. Математика и астрономія подвигались впередъ. Землеописаніе и народовѣдѣніе усовершенствовались. Плиній, Птолемей и многіе другіе расширяли предѣлы извѣстнаго міра.

Изъ нихъ Птолемей особенно замѣчателенъ по довольно подробному и отчасти разумному описанію средней Европы. Впрочемъ изъ Нѣмецкихъ ученыхъ многіе почерпали изъ него смѣшную мечту о градостроительствѣ древнихъ Германцевъ. Были де города, да никто кромѣ Птолемея не замѣчалъ ихъ; даже и тѣ не замѣчали, которые ихъ брали и разрушали, ибо объ нихъ не упоминается въ Римскихъ походахъ. Просвѣщенная критика должна замѣтить, что этихъ городовъ весьма не много въ западной Германіи, не смотря на вліяніе Римскаго примѣра и Римскихъ Прирейнскихъ колоній, населенныхъ Германцами, и весьма много въ восточной Германіи, странѣ болѣе чѣмъ полу-Славянской, какъ видно изъ самого Птолемея, дающаго многимъ мѣстностямъ около Чехіи (напр. *Кроконты* и др.) имена, до сихъ поръ сохранившія тамошними Славянами и кромѣ нихъ никѣмъ не употребляемыя.

Школы философскія были многочисленны, ученія затѣйливы, учители замѣчательны по остроумію, а иногда по глубинѣ отдѣльныхъ мыслей; но философія утратила чистый характеръ науки. Ея соприкосновеніе съ религіею поколебало всѣ синкретическія вѣрованія древняго міра, съ которыми не могли сжиться ни поэтическая духовность, пробужденная Платономъ, ни искусственная отчетливость Аристотелевой логики. Въ ней самой проявилась потребность возстановить раз-

рушенное и замѣнить анализъ свой синтезомъ, обнимающимъ и возсоздающимъ весь міръ и все сущее, слѣдовательно религіознымъ,—и ученія философскія обратились въ новыя религіи, соединяющія въ нестройное цѣлое положенія, выведенныя изъ необходимаго развитія логическихъ данныхъ, съ положеніями произвольными, созданными жаждою религіознаго синтеза. Безчисленные ученики толпились около учителей, удовлетворяющихъ болѣе или менѣе требованіямъ вѣка; философія достигла повидимому своей новой цѣли,—перехода въ религію. Маркъ Аврелій и въ послѣдствіи Юліанъ выразили ея надежду на государственное значеніе.

Нѣкоторые другіе императоры и между прочимъ Александръ Северъ представляютъ въ этомъ отношеніи сходство съ Юліаномъ и Маркомъ Авреліемъ; но въ нихъ высказалось не столько гордое требованіе философіи, сколько смутное желаніе новаго синкретизма, примиреннаго съ нравственными началами. Таковъ смыслъ поклоненія мудрецамъ и великимъ людямъ въ молельнѣ Александра. Оно напоминаетъ Яйство въ Индіи и довольно забавно было предложено въ наше время высоко просвѣщенной Европѣ высоко просвѣщенными учеными Германіи.

Но надежды философовъ были несбыточны. Китай не могъ повториться въ Европѣ. Не одинакія начала и сѣмена лежали въ просвѣщеніи Китая и въ просвѣщеніи Эллино-Римскаго міра. Начало Буддаистское (т. е. Буддаизма въ его древнѣйшей формѣ) было принято Китаемъ искони вмѣстѣ съ первымъ лучемъ жизни государственно-образованной; личность божественнаго духа исчезла изъ самаго основанія религіознаго вѣрованія и замѣнена была отвлеченнымъ понятіемъ о нравственномъ благѣ и безстрастной гармоніи.

Таковъ смыслъ Конг-фу тзеу и Менг-тзеу; Лао-тзеу, не смотря на свою древность, представляетъ уже иноземное, западное вліяніе.

Безусловная вѣра въ отвлеченное понятіе переходила неприкосновеннымъ наслѣдствіемъ, истиннымъ преданіемъ изъ

вѣка въ вѣкъ черезъ всѣ измѣненія государственной жизни и династическихъ переворотовъ. Не таковъ былъ міръ Эллино-Римскій. Въ основѣ его лежало вѣрованіе искаженное, синкретическое, но истекающее изъ Іранскаго поклоненія личному, свободно творящему духу. Въ мысляхъ и совѣстяхъ сохранялось требованіе положительной вѣры, личныхъ боговъ даже тогда, когда исчезла прежняя вѣра и уничтожены прежніе боги. Философія нравственная и логическая была наплывомъ позднѣйшимъ, плодомъ высокаго развитія Эллинской личности; но, какъ дѣло мысли самознающей себя, она требовала постоянно логическаго оправданія, была чужда характеру преданія и не могла создать себѣ произвольныхъ положеній, которымъ повѣрила бы безусловно. Ея постоянно аналитическое стремленіе не способно было къ переходу въ религіозный синтезисъ и всѣ усилія философовъ въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Р. Х. оставались безплодными.

Требованіямъ вѣка менѣе соотвѣтствовали логическія школы, подпавшія вліянію Аристотеля, чѣмъ школа Платоновская, сохранившая, при великомъ развитіи анализа, тёмную память о древнемъ преданіи и вѣру въ поэтическія гаданія духа человѣческаго. Эта школа стала первенствовать надъ всѣми другими, но утрачивала все болѣе и болѣе свою логическую основу и переходила въ нестройный мистицизмъ, принимающій начала чисто-произвольныя и въ тоже время подчиняющій ихъ развитіе законамъ логической необходимости и логическихъ опредѣленій. Такъ образовался Неоплатонизмъ, совершенно безплодный въ отношеніи къ расширенію человѣческой мысли, но важный въ исторіи и вполнѣ обличающій страну, въ которой онъ образовался, страну эллинизованныхъ Кушитовъ.

Сродство Неоплатонизма съ Гнозисомъ, съ системами эманаціонными; т. е. мнимыми примирителями Іранской вѣры въ свободу и Кушитскаго ученія о необходимости, со склонностью къ таинствамъ и гадательному символизму, особенно же съ древнимъ ученіемъ о заклинаніяхъ и о власти духа надъ невидимымъ міромъ посред-

ствомъ дѣйствій вещественныхъ, очень явно. Въ Юліанѣ и Маркѣ Аврелiѣ оно обличается страстнымъ желаніемъ быть посвященнымъ въ таинства Египетскія, Элевзинскія и другія. Мистицизмъ же не есть собственно вѣра въ невидимое и неизвѣстное, но неразумное желаніе опредѣлять то, что признается неизвѣстнымъ, какъ будто извѣстное, смѣшеніе признаннаго съ сознаннымъ и замѣненіе яснаго выраженія (явно въ этомъ случаѣ невозможнаго) выраженіемъ приблизительнымъ и метафорическимъ, соединенное съ притязаніемъ на логическую строгость. Наукообразная личина на вѣрованіи болѣе или менѣе произвольномъ: таковъ общій характеръ всѣхъ мистиковъ и между прочемъ Неоплатоншковъ. Впрочемъ школа Неоплатоншковъ весьма замѣчательна по особенному развитію Платоновой идеи о первобытномъ *Словѣ*. Это развитіе важно въ смыслѣ философскомъ, потому что указываетъ на темное понятіе о необходимости предмета для мысли въ ея общемъ значеніи и слѣдовательно совпадаетъ съ позднѣйшими и намъ современными выводами философскихъ школъ въ Германіи; оно важно и въ смыслѣ религіозномъ по вліянію своему на ученія многихъ церковныхъ писателей и на ученія Гностическихъ ересеначальниковъ; особенно же важно потому, что выраженіе, избранное Платономъ и его послѣдователями, получило въ христіанствѣ силу положенія догматическаго, котораго дѣйствіе не истощено до нашего времени. Не должно однако же предполагать (какъ многіе ученые) тождество между мыслію Платоновою и положеніемъ христіанскимъ. Разница ясна для безпристрастной критики и указана не разъ; но внутреннее, хотя и довольно далекое, сродство обличается избраніемъ выраженія уже извѣстнаго и не можетъ быть отвергнуто безъ явной натяжки.

Усилія философіи были безплодны къ созданію религіи; они были точно также безплодны въ борьбѣ съ нравственнымъ упадкомъ Эллино-Римскаго міра. Развратъ и буйство страстей находили поощреніе въ искаженномъ эпикурействѣ, нѣкогда проповѣдавшемъ поклоненіе всему гармонически-прекрасному, какъ выраженію гармоніи божественной, но уже давно ограничившемся поклоненіемъ чувственному наслажденію, и въ школѣ полнаго сомнѣнія, вышедшей изъ Аристоте-

левскаго эмпиризма: они не могли уступить ни себялюбивой гордости Стои, чуждой всякой любви и всякому сочувствію съ человѣчествомъ, ни произвольнымъ умствованіямъ шаткаго Неоплатонизма; но продолжали истощать всю духовную и всю вещественную силу имперіи, покоряясь иногда бичу положительнаго закона, часто вызывая его строгость и постоянно избѣгая ея посредствомъ юридическихъ уловокъ. Постыдное царствованіе Геліогабала явило міру полное торжество разврата, забывшаго всякій стыдъ; уменьшеніе самоубійствъ показывало, что энергическое отчаяніе Цезарской эпохи замѣнилось полусонною и пенсѣльною безнадежностью. Общество требовало новыхъ жизненныхъ началъ.

Борьба Римскаго государства съ христіанствомъ.

Эти начала высказывались въ ученіи Еврейскихъ проповѣдниковъ; но по строгости, и неуклончивости передъ произволомъ страсти, они раздражали свирѣпый развратъ Рима, по всеобъемлемости они не уживались съ гражданскимъ и общественнымъ порядкомъ, основаннымъ на другихъ, уже умершихъ началахъ, по своей положительности, по требованію безусловной вѣры и по связи съ неизмѣннымъ преданіемъ они возставовляли противъ себя гордость Философскаго анализа, а еще болѣе гордость Философскаго синтеза, сознающаго свою произвольность, но никогда не признающагося въ ней. Столкновеніе христіанства съ міромъ Эллино-Римскимъ должно было кончиться войною. Дѣйствительно, война почти безпрерывная продолжалась слишкомъ два вѣка, иногда по повелѣнію императоровъ, иногда по произволу областныхъ правителей, иногда по взрыву народныхъ страстей. Безоружные воины христіанства были лишены правъ гражданства, давно уже общихъ по обычаямъ, прежде чѣмъ они были обобщены закономъ Каракаллы; заключаемы въ темницы, сожигаемы на кострахъ и чаще всего бросаемы на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ при радостныхъ кликахъ кровожадной черни и рукоплесканіяхъ раздраженной Философіи. Но мужество возрастало въ гоненіяхъ; высокій примѣръ увлекалъ подражателей; отвращеніе отъ современной жизни, утратившей всѣ свои радости и свое благородство, призывалъ толпы учениковъ къ ученію, спасаю-

щему счастіе и достоинство человѣка обѣщаніемъ свѣтлой и великой будущности. Болѣе же всего говорило чувство человѣческой любви, новопробужденное въ мертвыхъ и себялюбивыхъ душахъ. Число христіанъ возрастало со дня на день.

Благоговѣйно поклонялись передъ доблестію страдальцевъ за святыню духа, признавая величіе людей, которые могли силою отразить насиліе и покорялись по глубокой вѣрѣ въ несокрушимую и торжествующую силу мысли, критика историческая не должна произносить строгаго приговора и надъ гонителями, въ числѣ которыхъ встрѣчаются лучшія имена лѣтописей Римскихъ. Великій Траянъ не прекращалъ вполнѣ гоненій и въ письмахъ къ Плинію, въ которыхъ видно его безмѣрное превосходство передъ риторомъ-философомъ, только увѣщевалъ его умѣрить излишнюю строгость преслѣдованія. Онъ боялся найти въ христіанахъ общество, готовое составить партію въ провинціяхъ, а можетъ быть и тайное общество, враждебное государству.

Страхъ тайныхъ обществъ или союзовъ, имѣющихъ противозаконныя цѣли, выражается очень явно отказомъ Траяна въ утвержденіи общества для прекращенія пожаровъ. Впрочемъ этотъ страхъ относился особенно къ областямъ восточнымъ и оправдывается въ позднѣйшую эпоху волненіями областныхъ партій, полуполитическими союзами, поднявшими знамена, взятыя изъ общественныхъ ристалищъ, и еще болѣе смутами монашескихъ общинъ.

Кроткій Маркъ Аврелій преслѣдовалъ христіанъ, какъ императоръ, а еще болѣе какъ философъ: ибо глубоко въ душѣ тогдашнихъ философовъ лежала завистливая досада противъ успѣховъ христіанства и противъ нравственнаго торжества, высказывающаго все безсиліе вѣчно-мудрствующихъ школъ. Еще жесточе были строгій Септимій и дикій Максиминъ. Мужественный Децій и Діоклетіанъ, бодро отражавшій гибель имперіи и благородно отказавшійся отъ престола, котораго паденіе онъ предвидѣлъ, стали по нечестовству гоненій и казней наравнѣ съ самыми гнусными тиранами. Вмѣстѣ съ Діо-

клетіаномъ свирѣпствовали его соучастники въ правленіи,— грубый Максиміанъ и бездушный Галерій. Но во всѣхъ гонителяхъ, не смотря на различіе правовъ и причинъ личныхъ, было одно и тоже сознаніе непримиримости христіанства съ началами Римскаго государства. Для Рима и его законовъ высшее въ мірѣ было само государство, единственная неоспоримая святыня и начало всякой святыни. Христіане проповѣдывали другую, высшую святыню человѣческаго духа въ его недосягаемомъ совершенствѣ и сокрушали прежнюю, подчиняя въ себѣ гражданина человѣку. Можно было не вѣрить Юпитеру или Серапису или Богу Нерону: но тотъ, кто отказывалъ государству въ правѣ на опредѣленіе божественныхъ почестей Нерону или Юпитеру, отвергалъ всемогущество самого государства и его религіозное значеніе. Онъ долженъ былъ погибнуть, какъ преступникъ, и казнь его была справедлива въ глазахъ всякаго Римлянина. Таковы были понятія, необходимо истекающія изъ прежняго Римскаго начала, и мы находимъ ихъ выраженными ясно и безъ гнѣва въ перепискѣ Траяна и Плинія. Орудіями гоненій были власти гражданскія и особенно воинскія. Христіане, чтобы не быть гонителями своихъ братій или клятвопреступниками и въ то же время не покориться обрядамъ идолопоклонической присяги, стали упорно избѣгать службы государству, уже и безъ того скуднаго защитниками. Ихъ отказъ казался измѣною. Если присоединить къ этимъ законнымъ причинамъ гоненій оскорбленную гордость государей и правителей, негодованіе народа на презрѣніе христіанъ къ богамъ, и особенно всеобщее понятіе о заклинательномъ значеніи религіозныхъ обрядовъ, которое лежало въ основѣ всѣхъ Кушитскихъ вѣрованій и по которому пренебреженіе вещественнаго обряда влекло за собою вещественное бѣдствіе для общества,—легко понять и трудно осудить глубокую злобу слабѣющей имперіи при Діоклетіанѣ и ея безумныя усилія въ послѣдней борьбѣ съ христіанствомъ. Христіанъ было множество. Они могли бы вооруженною рукою освободиться отъ гонителей: это явно изъ легкаго торжества христіанства при Константинѣ; но они предпочли

страданіе и купили славную побѣду своею, а не чужою кровью. Но торжествующіе христіане не вполнѣ поняли свое торжество и не воспользовались имъ. Долго страдавъ въ борьбѣ съ государствомъ и привыкнувъ видѣть въ немъ учрежденіе чуждое христіанству, они не познали строительной силы, сокрытой въ ученіи апостоловъ, и покорились прежнимъ законамъ, вытребовавъ только почтеніе къ своему обряду, а иногда и гоненія на иныя вѣрованія. Такова причина слабости Римской послѣ Константина; государственной же силѣ христіанства суждено было проявиться въ народахъ новыхъ и дикихъ.

Китай и Средняя Азія въ первые вѣка по Р. Х.

Эпоха Римскаго величія при преемникахъ Августа и Траяна соотвѣтствуетъ величію Китая при домѣ Хановъ. Могущественная держава Востока, покоривъ всю внутреннюю Азію до береговъ Каспійскаго моря, грозила войною Парѳянамъ, была въ частыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Европою, принимала Римскихъ пословъ (вѣроятно купцевъ съ политическими порученіями), и даже въ началѣ втораго вѣка думала о войнѣ съ Римомъ. Домъ Хановъ и съ нимъ цѣлость государства пали въ Китаѣ прежде раздробленія Римской имперіи въ III-мъ столѣтіи послѣ Р. Х; но внутренняя жизнь и односторонность чисто-государственной религіи снова соединили Китай въ одно цѣлое и сохранили его до нашего времени, между тѣмъ какъ имперія Римская уже не могла возстать послѣ своего паденія. Долгіе раздоры, междоусобія и завоеваніе Китая кочевыми дикарями кончились въ началѣ VII вѣка возшествіемъ на престолъ династіи Тганъ (или Тангъ) и вся Средняя Азія снова покорилась своимъ прежнимъ владыкамъ; но ея кипѣніе успѣло въ это время отозваться въ Европѣ и измѣнить ея судьбу.

Никогда Китай не былъ такъ могущественъ, какъ при династіи Хановъ, никогда власть его не распространялась такъ далеко и войска не проникали такъ смѣло въ глубину пустынь: но самыя эти завоеванія, не прочныя въ землѣ населенной народами кочующими и не способными къ полному сращенію съ государственнымъ тѣломъ, увеличивали опасность

государства, и вліяніе Китая на Среднюю Азію производило дѣйствіе, одинаковое съ вліяніемъ Римскаго міра на Зарейнскія и Задунайскія племена. Уже давно произошло, вѣроятно въ пустыняхъ Прилтайскихъ и Тіан-шанскихъ движеніе народовъ, съ которымъ кажется связаны происхожденіе союза *Тюссе-Уйгуровъ*, преданіе объ *Огузъ-Ханѣ* и почти единовременная опасность Индіи, Египта и Китая; но это движеніе улеглося. Орды разрознились и обезсилѣли снова. Предпріятія воинственныхъ Тюрковъ и властолюбивыхъ Хановъ снова взволновали успокоившееся море финно-турецкихъ племенъ и подняли долгую грозу, которой удары потрясли весь міръ, а послѣдніе отголоски еще гремѣли въ XVII столѣтіи. Со всѣхъ сторонъ возникли могущественные союзы, признающіе первенство одной какой-нибудь семьи, составленные изъ племенъ болѣе или менѣе единородныхъ, всегда готовые распасться и снова слиться въ одну массу, но также всегда стремящіеся къ одной цѣли, къ войнѣ противъ государствъ образованныхъ и къ грабежу богатыхъ областей. Въ этомъ стремленіи жажда къ корысти и любовь жизни боевой сливались съ какимъ-то восторгомъ вольнолюбивой гордости и проявлялись въ огромныхъ размѣрахъ и въ энергической напряженности, гибельныхъ для человѣчества, но не унизительныхъ и достойныхъ вниманія исторіи.

Всѣ эти чувства высказываются въ истинномъ или мнимомъ завѣщаніи Чингиса и они по истинѣ мало чѣмъ хуже чувствъ, которыми одушевлялись много прославляемые завоеватели и воители Европы.

Такимъ образомъ составились союзы Тюркскихъ *Гіонг-ну*, Восточно-Сибирскихъ *Сіян-па* (или Сан-бійцевъ), Жужанскихъ Татаръ, Тулгасцевъ и другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. Вмѣстѣ съ войсками Китая проникали въ пустыню нѣкоторыя начала образованности, нѣкоторыя потребности роскоши, можетъ быть нѣкоторыя мысли отвлеченныя, плоды другаго высшаго развитія (таковы напр. письменность, усо-

вершенствованныя ремесла, евнухи съ ихъ тайными ученіями и гаремнымъ развратомъ); но вся эта вещественная образованность и отрывки искаженной мысли только раздражали страсть и давали ей новыя, болѣе усовершенствованныя орудія для своего удовлетворенія.

Точно также какъ въ сношеніяхъ Римлянъ съ Германцами, произведшихъ отвратительный союзъ Франковъ.

Кроткій и мирный Буддаизмъ, вытѣсненный изъ Индустана, также вкрадывался мало-по-малу чрезъ Китай и ущелія Гиммалайскія въ сѣверную Азію, гдѣ онъ наконецъ или сдѣлался владычествующимъ вѣрованіемъ или слился съ прежними неопредѣленными религіями; но Буддаизмъ съ своимъ ученіемъ о конечномъ ничтожествѣ и о неизбѣжномъ рабствѣ духа въ вещественной жизни не покоряетъ страстей (какъ видно по Японіи) и во всякомъ случаѣ мало еще дѣйствовалъ на взволнованныя племена, исполненныя свѣжихъ и воинственныхъ силъ. Отъ него остались въ средней Азіи слѣды Санскритскаго языка, Санскритской письменности, измѣненной въ послѣдствіи вліяніемъ письменностей Китайской и Арабской (послѣ распространенія Исламизма) и развитіе Фетишизма; но не осталось ни образованности плодотворной, ни слѣдовъ въ жизни исторической.

Буддаизмъ огрубѣлъ въ средней и сѣверной Азіи, какъ нѣкогда въ племенахъ Африканскихъ, которыхъ Египетское имя *Путъ* представляетъ разительное сходство съ словомъ *Будда*. Всѣ его отвлеченныя и высокія понятія обратились въ грубо-вещественныя суевѣрія: но самыя эти суевѣрія важны для критики, какъ признаки древнихъ сообщеній. Такъ напр. миѳъ объ *самбу-крипа* у Бурятъ скрываетъ въ себѣ понятіе объ области безусловнаго (абсолютнаго) бытія (*сваямбгу-двипа*) и, отражаясь въ пѣсняхъ Финскихъ объ утраченномъ сокровищѣ (*самбо*), свидѣтельствуетъ о прежней высотѣ мысли и прежнемъ братствѣ народовъ.

Изо всѣхъ союзовъ, владычествовавшихъ въ Азіи, всѣхъ важнѣе, по вліянію своему на Европу, союзъ Сян-бійцевъ. Со-

ставившись на юго-востокѣ Байкала, изъ племенъ, которыхъ бѣдные остатки кочуютъ теперь въ снѣгахъ земли Русской или на возвышенныхъ степяхъ сѣвернаго Китая, онъ явился съ неотразимою силою въ теченіи первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. Сянь-бійцы ударили съ начала на Тюркскій союзъ Гіонг-ну, дотолѣ первенствовавшій въ пустыняхъ, и отбросили его далеко на западъ; потомъ обратились на сѣверный Китай и, завоевавъ его, основали династію *Вей*, властвовавшую со славою въ продолженіи IV-го, V-го и отчасти VI-го столѣтій послѣ Р. Х.

Правленіе дома Вейскаго или Сянь-бійцевъ показываетъ, также какъ и династіи Монгольская и Манджурская, силу государственнаго начала Китайскаго: впрочемъ многія обстоятельства, предшествовавшія завоеванію, представляютъ Сянь-бійцевъ какъ народъ склонный къ просвѣщенію и къ кротости нравовъ, чуждой Монгольскимъ и Тюркскимъ семьямъ.

Гунны; ихъ Славянская стихія. Ея борьба съ Германцами.

Отодвинутые Гіонг-ну, Сянь-бійцы и Жужанскіе Татары налегли на союзъ разноплеменныхъ Уйгуровъ (принадлежавшій по большой части Финно-Турецкимъ семьямъ, какъ доказано Мирзою Казембекомъ) и погнали ихъ еще далѣе на западъ, къ берегамъ Иртыша, Оби и Волги. Еще прежде напора Сянь-бійцевъ, усиленіе Гіонг-ну и Тиессе-Уйгуровъ и завоеванія Китайскаго дома Хановъ уничтожили мало-по-малу Бактро-Славянскія общины на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Бактріи, отбросивъ ихъ къ югу, гдѣ они основали недолговѣчное царство Индо-Скиѳское и покорили часть Индустанскаго Пенджаба, или къ сѣверо-востоку, гдѣ они сплотились подъ именемъ издавна извѣстнымъ Гунновъ и новымъ именемъ Приволжцевъ или Болгаръ. Новый наворъ съ востока усилилъ Приволжцевъ наплывомъ Уйгуровъ, которые вошли въ составъ Гунскихъ ополченій, дали ихъ казачеству отчасти Средне-Азійскій характеръ, а потомъ, послѣ паденія Гунновъ, явились въ исторіи съ самостоятельною дѣятельностью.

Мнѣніе критиковъ, смѣшавшихъ *Гіонг-ну* съ Гуннами Аттилы, давно уже потеряло вѣсъ свой въ мірѣ ученомъ. Оно еле еще только высказывается страстными поклонниками Средней Азіи и Китая и смѣло повторяется только отсталыми полу-учеными, которые не успѣли еще воспользоваться новѣйшими открытіями. Слава догадки о славянствѣ Гунновъ принадлежитъ Венелину, писателю геніальному, но слишкомъ страстному, слишкомъ мало знакомому съ восточными источниками, и слишкомъ мало оцѣненному не совсѣмъ доброжелательною критикою Запада, даже его одноплеменниковъ Славянъ.

Венелинъ уже доказалъ, по свидѣтельству Византійцевъ и Западныхъ писателей, Славянскій характеръ обычаевъ Гуннскихъ (особенно замѣчателенъ обычай, сохранившійся въ Россіи—лавокъ пристѣнныхъ), славянство словъ, сохранившихся изъ Гуннскаго языка (*страва*—помники; *камосъ* изъ зернового хлѣба, т. е. *квасъ*, а не *кумысъ*, который дѣлается изъ молока, и т. д.). Прибавимъ, что Гунны не имѣли ничего общаго съ Гіонгну (ибо по свидѣтельству Китайцевъ никогда Тюркскіе Гіонгну не проникали такъ далеко на западъ); что народы, жившіе на сѣверо-востокъ и сѣверъ отъ Бактріи и безъ сомнѣнія отчасти выдвинутые изъ родины своей около начала эры христіанской, были по большей части осѣдлые и не совсѣмъ безъ просвѣщенія (таково свидѣтельство Китайцевъ, воспользовавшихся ихъ художествомъ, напр. въ дѣланіи цвѣтныхъ стеколъ) и не принадлежали къ Финно-Турецкимъ семьямъ; что громкое имя Гуннскаго завоевателя Аттилы тождественно съ именемъ, встрѣчаемымъ въ исторіи Бактро-Гетскихъ царей *Аццилесъ*; что Гунны совершенно тождественны съ Саками и Славянами по писанымъ памятникамъ и преданіямъ Германскимъ объ *Хунабъ*, *Хунгардіи* и т. д., по древнему свидѣтельству Индустана о *Гунахъ* и *Сакахъ*, подкрѣпленному свидѣтельствомъ Козьмы Индоплавателя и по свидѣтельству надписей клинообразныхъ о Приевксинскомъ *Гунастанѣ* или *Сакастанѣ*; что первое имя царское, при которомъ являются Гунны, чисто Славянское (*Воломиръ*); что вообще имена Гуннскія были Славянскія, по свидѣтельству Іорнанда: «Gothi

plerumque mutuantur nomina Hunnorum» (Славянскихъ именъ у Германцевъ и Готовъ, какъ извѣстно, множество, особенно у Остготовъ, напр. Валамиръ, Чудомиръ, Видимиръ и др. а едвали найдется хотя одно Финно-Турецкое); что Славяне-Венеды составляли главную силу Гуннскаго ополченія и что, наконецъ, у Византійцевъ тѣ же Славяне-Венеды являются какъ бы потомками Гунновъ, «*отъ которыхъ они получили честность и добродѣтель*»,—и догадка Венелина обращается въ неоспоримый историческій фактъ.

Только не должно забывать, что Гунны,—казачество восточныхъ Славянъ,—уже давно приняли примѣсь Финно-Турецкую (по свидѣтельству Китайцевъ о сильномъ вліяніи *Као-тче* на семьи *Да-гіа*, *Юэти* и *Та-Ванъ*) и что послѣ ихъ движенія на западъ Приволжье подпало власти Уйгурскихъ переселенцевъ (а все-таки не Гіонг-ну). Таковъ смыслъ показанія Китайскаго объ очередномъ владычествѣ *Алан-ми* (Сарматовъ), *Венна-ши* (Венедовъ и Гунновъ) и *Тше-ссе* (Уйгуровъ, т. е. Венгровъ, Болгаръ позднѣйшихъ, Половцевъ, мѣшаннаго племени Хазаровъ и др.).

Приливъ Славянъ къ Приволжью отъ юго-востока объясняется напоромъ Гіонг-ну и Уйгуровъ. Усиленіе ихъ приливомъ Средне-Азійскимъ было послѣдствіемъ побѣдъ Сянбійцевъ на востокѣ, по свидѣтельству Европейскихъ писателей о бѣгствѣ Уйгурцевъ передъ *Сибирами*.

Вмѣсто Сабировъ встрѣчается иногда искаженное имя *Абиры*: но оно не заслуживаетъ вниманія. Имя *Сабиръ* есть безспорно тождественное съ *Сян—бій*, также какъ *Хаза* и *Хазаръ*, *Манджу* и *Манджуръ*, *Гуей-гуе* и *Юйгуръ* или *Уйгуръ*. Вѣроятно съ именемъ *Сянбиръ* связало слово *Сибирь*, кажется иногда произносимое какъ *Симбирь*. Форма ь въ концѣ слова придаетъ ему характеръ собирательный (Леть, Ливь, Ямь, Русь и т. д.)

Движеніе Гунновъ на западъ отъ Волги и ихъ завоеванія объясняются исторіею Готовъ. Побѣжденные, или по крайней

мѣрѣ, отраженные на Дунаѣ, Готы отложили свою вражду къ имперіи, вступили съ нею въ союзъ (что впрочемъ не мѣшало временнымъ ссорамъ), приняли нѣкоторыя начала просвѣщенія и даже отчасти христіанство, избравъ въ самомъ христіанствѣ ученіе Арія, или какъ болѣе доступное ихъ разуму, или (что вѣроятнѣе) какъ болѣе угодное Восточному императору. Но дружась съ имперіею, служа въ ея войскахъ, ограждая ея границы, Готы безпрестанными войнами расширялись на сѣверъ и востокъ и во II-мъ вѣкѣ основали обширнѣйшее государство изо всѣхъ дотолѣ признававшихъ власть Германскаго племени. Столѣтній Эрманарикъ, царь Остготовъ (тогда первенствовавшихъ въ Готскомъ союзѣ), властвовалъ надъ берегами Дона и Вислы, Волхова и Дуная. Разрозненныя племена Славянъ, Венеды и Анты, Русь и Новгородъ (*Rocas* et *Novego*), вкрапленные между ними или пограничные Финны, Меря, Весь и др. платили ему дань и повиновались его законамъ. Таково никѣмъ не оспоренное свидѣтельство Іорнанда. Между тѣмъ Придонскіе Сарматы-Аланы, первенствовавшіе въ Славяно-Сарматскимъ союзѣ, ослабли вслѣдствіе самыхъ своихъ завоеваній, а еще болѣе вслѣдствіе двойнаго напора съ востока отъ независимыхъ Славянъ-Гунновъ и съ запада отъ новыхъ завоевателей, Германскихъ Готовъ. Вскорѣ, побѣжденные Гуннами, они утратили свое значеніе въ степяхъ южной Россіи и были принуждены или покориться и служить побѣдителямъ или подчиниться Готамъ. Эрманарикъ и Аттила.

Между тѣмъ міръ западныхъ Славянъ казался уже близкимъ къ разрушенію. Союзъ Маркоманновъ и Квадовъ, основанный Германцами въ землѣ Славянской, принялъ по-видимому характеръ Славянскій.

По крайней мѣрѣ имена царей Аттала и Валамира очевидно непринадлежатъ Германскому нарѣчію и извѣстно, что Нѣмцы называли Валиміромъ и Олимаромъ Русскаго Владиміра; впрочемъ происхожденіе самихъ Квадовъ сомнительно.

Но Маркоманны ослабли: новый Германскій наплывъ уничтожилъ самобытность Чешскихъ и Краинскихъ общинъ; об-

щины Ляховъ Привисляпскихъ и Вендовъ Приодерскихъ были потоплены тѣмъ же наплывомъ Свевовъ съ запада или Лонгобардовъ и Саксовъ съ Скандинавскаго сѣвера, заступившихъ мѣсто прежнихъ насильниковъ, уже полуославянившихся Вандаловъ, и Германцевъ, привыкшихъ къ городовому быту Славянскаго приморья и получившихъ прозвище *Бургундцевъ* (горожанъ). Общины сѣверной Россіи, Венды и Анты Прикарпатскіе и Придпѣпровскіе уступили силѣ Готовъ и признали ихъ власть или первенство; наконецъ, въ иныхъ мѣстахъ (напр. на берегахъ Вислы) отпрыски великихъ Алановъ-Сарматовъ, или мѣшанныхъ съ ними Кавказскихъ Зиговъ (*Языги-Адиге*), ворвавшіеся въ міръ Славянскій, оспоривали у Германцевъ право угнетать кроткихъ и миролюбивыхъ туземцевъ. Вездѣ Славянская община подпала игу иноплеменной дружины. Готы переполнили мѣру страданій и терпѣнія жестокою казнію князя Прикарпатскихъ Антовъ и его бояръ.

Таково свидѣтельство лѣтописцевъ: но по имени Князя *Боксъ* или *Бохъ* можно также предположить оскорбленіе какой нибудь народной святыни и убіеніе жрецовъ.

Кровавое оскорбленіе вызвало жестокихъ мстителей. Гунны, по памяти ли племеннаго братства или по праву, ими усвоенному послѣ паденія Алановъ, считаться главою и покровителями слабыхъ семей Славянскихъ, вступились за угнетенныхъ Антовъ и ударили на Готскую державу.

Такое мщеніе становится еще понятнѣе, если оскорбленіе было нанесено не лицамъ, а вѣрованію, безъ сомнѣнія не чуждому Гуннамъ. Исторія Славянскаго Поморья въ Германіи и Запорожцевъ въ Россіи представляетъ много подобныхъ примѣровъ. Впрочемъ ближайшее сродство Гунновъ и Антовъ замѣтно отчасти и въ Санскритскихъ писателяхъ, весьма часто соединяющихъ *Гуновъ* и *Андеровъ*; особенная же воинственность Антовъ засвидѣтельствована не только Европейскими лѣтописцами, но и преданіями Кавказскихъ Адиговъ или Кабардинцевъ на верховьяхъ Ухмары за Кубанью о мирной славѣ

Ванадиговъ (Вендовъ) и мужествѣ *Антовъ*, которыхъ имя принято за общее названіе богатыря или благороднаго воина.

Новое царство Готовъ не устояло противъ напора восточнаго казачества, вступающагося за угнетенный народъ. Вестготы бѣжали за Дунай, прося убѣжища у Римской имперіи и принимая охотно подданство, чтобы спастись отъ Гунскаго меча. Побѣжденные Остготы покорились; ихъ столѣтній царь Эрманарикъ погибъ прежде своей державы и смерть его, торжество Гунновъ и первыя причины къ раздору, между великими племенами, увѣковѣченныя смутнымъ преданіемъ, слились въ одно поэтическое цѣлое, въ народную эпопею общую всѣмъ народамъ Германскимъ, эпопею вполнѣ Германскую по характеру и развитію, но вполнѣ чуждую Германіи по своему началу.

Такова поэма *Нибелунговъ*, важная въ глазахъ исторической критики, и таковъ выводъ изъ сличенія ея съ Іорнандомъ и преданіями. Во-первыхъ: Зигфридъ представляется не только *Гунномъ* и *сыномъ Гунскимъ* (что можетъ значить *богатырь* и *богатырскій сынъ*) но еще изъ *Гуналандъ* (изъ страны Гунской), а это имя, которымъ въ сагахъ означается Россія, не можетъ безъ натяжки быть принято въ смыслѣ сказочной земли богатырской: оно ясно обозначаетъ землю Русскую, какъ и всегда. Во-вторыхъ: Германарихъ по сагѣ убитъ братьями дочери Зигфрида, а по Іорнанду двумя братьями изъ рода *Росомановъ* или *Росмановъ* (Русовъ) въ отмщеніе за смерть сестры; слѣдовательно отецъ убійцъ, Зигфридъ является человѣкомъ Русскимъ (Росманъ) и Германская повѣсть объ немъ совпадаетъ съ началомъ борьбы между племенами Гото-Германскими и Восточнымъ Славянствомъ. Въ этомъ и состоитъ главная завязка Нибелунговъ, хотя оно скрывается во множествѣ сказочныхъ подробностей и выставляетъ главными дѣйствователями слабую семью *Бургундовъ*, или потому что восточные Бургундцы, союзники или подручники Готовъ, были примѣшаны къ первоначальной ссорѣ съ Гуннами, или потому что гибель Бургундцевъ Прирейнскихъ отъ Гунскаго меча смѣшалась въ преданіяхъ съ первыми пораженіями Германцевъ на востокѣ.

Аттила (*Этцель* Нибелунговъ) не имѣетъ, какъ уже сказано, ни въ преданіяхъ, ни въ поэмѣ того свирѣпаго характера, съ которымъ онъ долженъ былъ бы явиться, если бы былъ начальникомъ Финно-Турецкихъ кочевыхъ полчищъ. Онъ роскошный царь народовъ осѣдлыхъ и, не будучи самъ Германцемъ, верховный властитель надъ племенами Германскими. Бракъ его со вдовою Зигфрида, смерть князей Бургундскихъ въ отмщеніе за смерть Зигфрида или гибель самого Аттилы въ отмщеніе за смерть его шурьевъ принадлежитъ бѣдному вымыслу сказочниковъ: но въ выраженіяхъ Іорнанда, называющаго жену Аттилы mulier Vilissima, видно глубокое почтеніе къ погибшему завоевателю, а въ отношеніяхъ Бургундцевъ къ царю Гуннскому по Нибелунгамъ видна невольная покорность побѣжденныхъ вассаловъ, признающихъ права государя на ихъ личную службу и на случайно пріобрѣтенныя сокровища. Циклъ Зигфрида и Аттилы, самъ по себѣ полный, связывается въ преданіяхъ съ позднѣйшимъ цикломъ героевъ Готскихъ посредствомъ Дитриха Бернскаго (Θеодорика Великаго); но эти два цикла не имѣютъ очевидно ничего общаго между собою и зависимость Дитриха отъ Этцеля указываетъ только на память о временномъ владычествѣ Гунновъ надъ Остготѳами. Впрочемъ появленіе Дитриха въ сказкѣ опредѣляетъ отдѣленіе міра Германскаго, откинутаго на западъ, отъ міра Славянскаго, получившаго самостоятельность на востокѣ. Это довольно близко къ исторіи.

Тутъ исчезаетъ и грозный завоеватель Аттила и семья Зигфрида и Гунны и Росманны, между тѣмъ какъ Эрманарикъ еще заключенъ въ періодѣ борьбы не только по исторіи, но и по преданіямъ, и по пѣснямъ, и по сказаніямъ, сохраненнымъ у Саксона грамматика, разсказывающаго объ его плѣнѣ у Славянскаго царя Исмара. Около царя Остготскаго, вызвавшаго бурю восточнаго казачества, сосредоточиваются ***Гунны***, ***Руссы*** и ***Славяне***, но самъ онъ исчезаетъ передъ высшими лицами позднѣйшей исторіи или передъ поэтическими образами, созданными воображеніемъ сѣверныхъ народовъ. Періодъ борьбы заключается въ двухъ лицахъ—историческаго Аттилы и сказочнаго Зигфрида. Оба сдѣлались достояніемъ всѣхъ Германскихъ племенъ, потому что самая борьба, олицетворенная въ ихъ судьбѣ, измѣнила всю жизнь и направленіе всѣхъ Германцевъ отъ береговъ

Ледовитаго моря до юго-западной оконечности Европы и до развалинъ древняго Карѳагена; но оба чужды Германскому міру. Руссъ или Росманъ,-Зигфридъ, совершеннѣйшій представитель безстрашнаго, но кроткаго удальства, выступаетъ изъ тумановъ неизвѣстной стороны и примыкаетъ къ Германцамъ, какъ союзникъ готовый подчиниться ихъ первенству. По своему происхожденію онъ принадлежитъ къ народамъ Сѣвера, мирнымъ, осѣдлымъ и сохранившимъ патріархальную семейность. Когда онъ гибнетъ отъ вѣроломства Бургундцевъ, мщеніе, невозможное для его слабыхъ единоплеменниковъ, предоставляется судьбою Гунну-Аттилѣ. Исторія просвѣчиваетъ сквозь сказку. Но молодость Зигфрида окружена всею роскошью Восточнаго вымысла, отзывающагося и до сихъ поръ въ народахъ Славянскихъ, царь-дѣвицею (*Брунгильда*), змѣемъ-горынычемъ (*Фафниръ*), шапкою-невидимкою (*тарнкаппе*), карлами, колдунами, и несмѣтными сокровищами; имя его похоже на переводъ имени Славянскаго, кончающагося на *миръ* (какъ Русскій *Владимиръ* и *Валамиръ* или *Хваламиръ*, первый царь Гупновъ въ Европѣ); мечь его *вельскъ* (Völsk) напоминаетъ столько же *Волгу* (Волжскій), откуда шелъ лучшій булатъ, какъ и *Вельшей* (Кельто-Римлянъ); наконецъ происхожденіе его отъ отца или дѣда *Вальса* указываетъ на *Велеса*, бога сѣверныхъ Славянъ и на преданіе, сохраненное въ Игоревой пѣсни объ Русскихъ князьяхъ, которыхъ поэтъ называетъ внуками *Велеса*. Такова дѣйствительная основа Нибелунговъ: но въ ней очевидно примѣшаны остатки другихъ древнѣйшихъ преданій, принадлежащихъ религіозному міоу о враждѣ боговъ—Славянскаго или Ванскаго *Фрейра* (Зигфрида) и Германскаго одноглазаго *Одина* или *Вотана* (*Гагена*). Историческая часть ясна; утраченный же міоъ можно угадать, но возстановить нельзя. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ же понятіямъ, которыя отзываются въ вымыслѣ о наказаніи *Фрея* за то, что онъ посягнулъ на престолъ Одина, и свидѣтельствуетъ о древнемъ соперничествѣ двухъ вѣрованій, изъ котораго проистекло, можетъ быть, и въ Русскомъ языкѣ смѣшеніе «одноглазаго» съ «лукавымъ» въ словѣ *кривой* (какъ и въ поговоркѣ: *кривой не входитъ въ царство небесное*). Отсутствіе сказаній объ Зигфридѣ и Аттилѣ у Славянъ проистекаетъ отъ той же причины, отъ чего происходитъ вообще у нихъ недостатокъ историческихъ сказа-

ній, отъ предпочтенія всего общечеловѣческаго (будь оно въ жизни семьи или лица) всему историческому или случайному.

Освобожденіе Славянскихъ племенъ.

Паденіе Готскаго царства повлекло за собою уничтоженіе всѣхъ Германскихъ княжествъ или аристократическихъ общинъ на востокѣ, бѣгство ихъ на западъ и освобожденіе всѣхъ племенъ, давно уже повиповавшихся имъ отъ Днѣпра до самаго сердца Германіи. Такимъ образомъ мгновенно открылася вся Славянская подпочва восточной Европы, освобожденная отъ временнаго наплыва съ запада, и множество Славянскихъ народовъ, до тѣхъ поръ не замѣченныхъ исторіею, выступили на историческое поприще.

Это единственное разумное объясненіе Гунскаго переворота, доказанное вполнѣ, все еще тревожитъ Нѣмецкую критику; ей страшно оторвался отъ прошлыхъ и умершихъ мнѣній и грустно признать старобытность и исконную важность Славянъ въ Европѣ. А все таки другаго объясненія нѣтъ и наука беретъ свое. Старины не пересоздастъ никакое патріотическое пристрастіе и никакая народная вражда. Положеніе Германскихъ ученыхъ довольно смѣшно: имъ не хочется находить Славянъ въ Европѣ; это море народовъ должно съ Гуннами нахлынуть на Европу: даже въ Азіи имъ не хочется видѣть Славянъ. Тамъ все или Финно-Турецкое, или Индо-Персидское. Славянъ-то уже и не откуда взять. Безпристрастная наука оправдываетъ и слово Кранція объ Гуннахъ: «*ut erubescant qui Asiaticam gentem esse contendunt*», и мнѣніе Полибія объ Венетахъ, когда онъ называетъ ихъ въ сравненіи съ Кельтами и Этрусками: «*gens longe vetustissima.*»

Не великій Аттила создалъ Гунское царство: онъ нашелъ царство готовое отъ Урала до Эльбы и до лѣсовъ Тюрингіи (*Thüringen*, едва ли не отъ древнихъ жителей *Тверичей*), и это царство не было созданіемъ какой нибудь сильной личности, но плодомъ дружнаго освобожденія цѣлаго племени отъ нестерпимаго насилія иноплеменниковъ. Славолюбивый завоеватель продолжалъ начатое народомъ и обратилъ войну свобо-

ды въ войну мщенія. Таковъ смыслъ его жизни и его похвальбы, когда онъ себя называлъ *Божіимъ бичемъ*. Такова причина, почему его удары были обращены на Германскій и Западный міръ, а не на ближнюю и богатѣйшую Византію. Мгновенный блескъ военной славы озарилъ народы Славянскіе. Все Германство покорилось, за исключеніемъ немногихъ семей, напр. Вестготовъ, бѣжавшихъ въ далекую Галлію и спасенныхъ дальностью, остатками Римской имперіи и мечемъ Аэтія. Западная имперія получила смертельный ударъ, отъ котораго уже не могла оправиться; судьба Европы измѣнилась. Послѣ смерти Аттилы царство его распалось. Союзъ Славянскій утратилъ свою цѣлость; но великое дѣло историческое было совершено.

Побѣды Гунновъ возвратили свободу Славянамъ вездѣ, гдѣ они еще сохраняли свою народность.

На западѣ они уже измѣнились не только въ Галліи, но и въ древней Винделикіи и въ западныхъ Альпахъ и въ Тиролѣ; впрочемъ нѣкоторыя семьи освобождены были даже на берегахъ Рейна и Мейна и погибли уже въ позднѣйшее время. Отъ нихъ сохранились только нѣкоторые обычаи и ясно-Славянскія имена урочищъ, напр. *Вышница*, *Седлица*, *Городица*, *Радовица*, *Сырница*, *Рейница* и др.

Побѣды Аттилы утвердили навсегда самобытность освобожденныхъ народовъ и самобытность Восточно-Иранскаго племени въ Европѣ. Его великимъ подвигомъ утверждена возможность Руси, Польши и всѣхъ историческихъ царствъ Славянскихъ: но направленіе, данное имъ своему народу, имѣло также и дурныя послѣдствія. Обширная земля Славянская была очищена отъ утѣснителей. Свевы, Вандалы, Герулы (вѣроятно предки позднѣйшихъ Литовцевъ), Бургундцы и другіе были выброшены изъ Чехіи, Польши, Венгріи, страны Прикарпатской и поморія Балтійскаго, Готы изъ Россіи, за исключеніемъ Крымскихъ горъ, гдѣ они еще долго сохраняли независимость или по крайней мѣрѣ самобытность; Сарматскіе

Азы-Алане отброшены на западъ, вѣроятно вмѣстѣ съ другими мѣшанными племенами (какъ напр. *Аз-міяне*, *Аз-іоты* и пр.). Сила Яз-зиговъ сокрушена и отъ Сарматовъ уцѣлѣла только та часть, которая, вмѣстѣ съ Вендами завоевавъ Скандинавію, основала на сѣверѣ цѣлую систему народовъ, обнимавшую Норвегію, Швецію, острова Даніи, Сѣверную Россію (т. е. Новгородъ и его союзъ) и отчасти Балтійское поморье. Въ послѣдствіи Германская стихія подавила всѣ другія въ области издревле Германской; Славянская сохранилась въ чистотѣ въ области издревле Славянской: но система народовъ долго не распадалась и распавшись, положила начало великой Руси. Таковы были добрые плоды Гунскаго завоеванія. Зло заключалось въ преобладаніи воинственной стихіи, долго бросавшемъ Славянъ на область Задунайскую и удалявшемъ отъ нихъ возможность просвѣщенія. Это зло было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ долгаго утѣсненія отъ воинственныхъ дикарей, дружиннаго характера Гунновъ-освободителей, сильной примѣси Средне-Азійскихъ Уйгуровъ и особенно направленія, даннаго Аттилою. Можетъ быть еще большее зло заключалось въ ослабленіи Азіатской границы. Побѣдители Германцевъ, удаляясь отъ Волги, оставили ея берега почти безъ защиты, въ добычу Финно-Турецкимъ семьямъ и открыли свободный доступъ восточнымъ завоевателямъ въ Придонскую и Придпѣпровскую степь. Семьи Славянскія, оставшіяся на Волгѣ, скоро сдѣлались добычею Уйгуровъ и другихъ воинственныхъ пришельцевъ. Иныя исчезли безъ слѣдовъ; другія сдѣлались рабами утѣснителей, называвшихся ихъ владыками и пользовавшихся ихъ трудами и промышленностью (такъ напр. ханъ земли Болгарской назывался *владыкою Саклабовъ* и богатился Славянскою торговлею); наконецъ всѣ степи между устьями Дуная и Волги сдѣлались добычею кочевыхъ племенъ, отодвинувшихъ Славянъ далеко на сѣверъ и на сѣверозападъ, и давнишняя война между кочевьемъ и селомъ продолжалась до полнаго развитія Русской силы.

Кочевье еще и теперь не исчезло въ южной Россіи: но оно покорилось осѣдлому племени и само мало-по-малу принимаетъ на-

чала осѣдлости или уходить робко въ Азіатскую степь. Кончилась война, которая такъ долго грозила уничтоженіемъ мирнымъ выходцамъ Восточнаго Ирана и которую полу-Эллинскіе художники Приевксинскихъ городовъ символизировали, какъ видно изъ множества памятниковъ, борьбою журавля перехожаго и пигмея-землепашца.

Распаденіе Римской имперіи. Діоклетіанъ и Константинъ.

Великій переворотъ въ сѣверо-восточной Европѣ рѣшилъ судьбу Римской имперіи. Діоклетіанъ уже чувствовалъ невозможность ея правительственнаго единства и далъ ей видъ федераціи, довольно нестройной, не связанной никакими опредѣленными условіями, но скрѣпленной неоспоримымъ единствомъ духа и выгодъ. Раздѣлъ ея на Восточную и Западную половину не имѣлъ ничего общаго съ древнимъ обычаемъ двойственности консульской: самый раздѣлъ, также какъ и опредѣленіе границъ между двумя половинами, былъ выраженіемъ тайнаго сознанія о двойственности состава имперіи изъ самобытно-образованной области и области завоеванной образованностью. Царственная роскошь и восточные обычаи Діоклетіанова двора съ одной стороны, воинственный характеръ двора Максиміанова съ другой, свидѣтельствовали о торжествѣ мѣстныхъ началъ и о гибели Римскаго единства; но сила этого стараго единства, невольно совокупляющаго разнородныя стихіи, снова появилась послѣ отреченія Діоклетіана въ борьбѣ между его преемниками, стремившимися къ безусловному и нераздѣльному владѣнію всею имперіею. Побѣду одержалъ Константинъ, превосходившій соперниковъ дарованіями, воинскою доблестію и нравственнымъ достоинствомъ. Во время трудной борьбы, по внутреннему ли убѣжденію собственнаго разума, по расчету ли дальновидной политики, онъ принялъ христіанство и пріобрѣлъ союзъ всѣхъ христіанъ, составляющихъ едва ли не бо́льшую половину народонаселенія имперіи. Побѣдивъ, онъ возвелъ съ собою христіанство на престолъ и началъ новую эпоху для міра. Его царствованіе представляетъ полное отреченіе отъ прежней жизни Рима. Подобно Діоклетіану полюбилъ онъ обычаи и жизнь пышнаго и просвѣщеннаго Востока, блескъ и величанія царскія; бо-

лѣе самого Діоклетіана почувствовалъ опъ превосходство Восточныхъ областей надъ Западными. Римъ одряхлѣлъ и вымеръ. Давно уже кочевали императоры по имперіи, то странствуя съ войсками по вѣчно-угрожаемымъ границамъ, то временно отдыхая во временныхъ столицахъ. Римъ мертвый, развратный и идолослужебный, ничтожный по жителямъ, по просвѣщенію и торговлѣ, былъ противенъ государю исполненному силъ и жизни, политику расчетливому и прозорливому, христіанину новому и ревностному. Подъ благодатнымъ небомъ, въ мѣстоположеніи величественномъ и прекрасномъ, надъ узкимъ проливомъ, соединяющимъ Черное море съ Средиземнымъ, на важнѣйшемъ перепутіи всемірной торговли онъ создалъ новый городъ и новую столицу. Византія, нѣкогда важная и богатая колонія Эллиновъ, почти опустѣлая послѣ двухлѣтней борьбы съ грознымъ Септиміемъ, была избрана мѣстопребываніемъ императора; она забыла свое прежнее имя, и, принявъ имя новаго своего строителя, сохранила его до нашего времени, не смотря на измѣненіе своихъ жителей и историческихъ судебъ.

Выводъ слова Стамбулъ изъ *Ис-танъ-полинъ* просто нелѣпъ: *Стамбулъ* есть только искаженіе слова *Кон-стан-тино-полисъ* съ пропускомъ перваго и двухъ среднихъ слоговъ точно также, какъ имя *Фулинъ*, данное ему и имперіи Византійской Китайцами, есть только полнѣйшее сокращеніе того же слова.

Выборъ Константина какъ градостроителя, оправданъ вѣками; проницательность его, какъ государя, угадавшаго истинную силу государства, свидѣтельствуется долговѣчностью Восточной имперіи, пережившей Западную почти тысячелѣтіемъ; вѣрность его взгляда на духовное состояніе подданныхъ (не говоря уже о достоинствѣ его внутренняго убѣжденія) доказывается безплодною попыткою позднѣйшаго императора въ пользу древняго идолослуженія и живымъ всеобщимъ участіемъ имперіи въ спорахъ, возмутившихъ спокойствіе церкви вскорѣ послѣ возведенія христіанства на степень не только тер-

нимаго, но и преобладающаго исповѣданія. Царствованіе перваго изъ христіанскихъ государей возвратило имперіи временное единство и спокойствіе, и имя Константина, умирившаго ее и прославившаго ее торжествами надъ враждебными народами, остается однимъ изъ величайшихъ именъ историческихъ, не смотря на небрежность въ внутреннемъ управленіи имперіею, на подозрительность и излишнюю жестокость, омрачившія его старость.

Обращеніе Константина. Свойства онаго.

Великій подвигъ былъ совершенъ Константиномъ. Духовное начало, способное возвратить жизнь государству, было торжественно признано: но христіанство не принесло всѣхъ своихъ плодовъ. Его послѣдователи умножились быстро, но едва ли не быстрѣе еще развратились. Теплая вѣра замѣнилась холодною привычкою, или равнодушнымъ подражаніемъ чужому примѣру: уши, закрытыя для проповѣди евангельской открылись убѣжденію императорскаго голоса, и прежніе христіане-мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ-льстецовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обращеніе Константина продлило на многіе вѣка существованіе Византійской имперіи: но имперія не спаслась отъ гибели, потому что сама (т. е. какъ государство) она не приняла христіанства. Законы и общественная жизнь остались равнодушными къ перемѣнѣ исповѣданія. Слово евангельское просвѣтило совѣсть человѣка, но не коснулось совѣсти гражданина или, не создавъ гражданства новаго и унизивъ прежнее передъ идеею человѣчества, ослабило узы связывающіе государственное тѣло. Безъ христіанства не уцѣлѣла бы такъ долго восточная половина имперіи; но вся имперія распалась бы вѣроятно не такъ скоро. Внутренній переворотъ былъ невозможенъ и Римская держава, созданная древнею жизнію, не могла уже принять той жизни, которою впослѣдствіи создана новѣйшая исторія.

Оттого-то и Византія прожила средніе вѣка и породила Россію, оставаясь чуждою и среднимъ вѣкамъ и Россіи.

Въ этомъ внутреннемъ разногласіи человѣка христіанскаго и государства сохранившаго все наслѣдство идолопоклонства,

въ этомъ невольномъ отчужденіи духа человѣческаго отъ тѣла общественнаго, а не въ самомъ христіанствѣ, заключается причина слабости, распаденія и гибели имперіи. Аскетизмъ былъ не причиною, а послѣдствіемъ общественной болѣзни.

Этого-то, кажется, до сихъ поръ и не поняли историки. Они искали объясненій и, не доискавшись, выдумывали безсмыслицу. Такъ напр. они обвинили христіанство не только въ неблаговолсніи къ военнымъ подвигамъ, но и въ запрещеніи службы военной. Причина, почему христіане избѣгали службы вообще, а военной въ особенности, во время гоненій, объяснена выше; но въ войскѣ государей не-гонителей, напр. Константина до его обращенія, служило множество христіанъ. Въ этомъ порукою преданіе, а еще болѣе здравый смыслъ. По всѣмъ вѣроятностямъ были изъ христіанъ и такіе, которые не понимали причинъ, почему епископы запрещали военную службу при государяхъ-гонителяхъ, и которые считали самую войну преступленіемъ: но такія исключенія не имѣли послѣдствій и слѣдовательно не имѣютъ значенія историческаго. Слѣпота критики происходитъ отъ излишняго поклоненія Римской древности и Римскому праву. Западъ получилъ отъ Рима богатое наслѣдство науки юридической и, воспользовавшись имъ, не могъ его оцѣнить безпристрастно. Онъ назвалъ Римское право писаннымъ разумомъ (ratio scripta) и не безъ причины, по строго-логическому развитію его; но не замѣтилъ шаткости и произвольности основъ, взятыхъ изъ грубаго и случайнаго факта, не созданныхъ и не проникнутыхъ духомъ человѣческимъ. Оттого-то въ паденіи имперіи и въ явномъ разногласіи христіанства съ обществомъ, устроеннымъ Римомъ, онъ обвиняетъ христіанство или случайность вещей человѣческихъ. Не утверждаемъ, чтобы христіанство содержало лучшія основы права государственнаго и гражданскаго: но очевидно, оно не могло удовлетворяться прежними и было справедливо въ своихъ притязаніяхъ. Случайность же разрушаетъ только то, что основано на случайности и что носитъ въ себѣ начало своего разрушенія.

Послѣ Константина имперія приняла снова форму федераціи, также какъ при Діоклетіанѣ, но къ федераціи было примѣша-

но начало семейнаго престолонаслѣдія, всегда охотно принимаемаго послѣ великихъ государей. Новыя междоусобія кончились вторичнымъ сосредоточеніемъ власти въ одной рукѣ; но единство государя мало прибавило къ его силѣ. Правитель Константій былъ недостоинъ своего высокаго званія и дикіе сосѣди стали со всѣхъ сторонъ вторгаться въ Римскіе предѣлы. Внѣшняя слабость была сопряжена съ внутреннимъ раздоромъ; и раздоръ происходилъ отъ той самой церкви, которая могла и должна была умирить государство.

Церковныя распри. Арианство. Его послѣдствія.

Строгій приговоръ современной науки заклеймилъ стыдомъ или осудилъ на посмѣяніе богословскіе споры, такъ долго возмущавшіе спокойствіе и истощавшіе силу Римской имперіи. Ихъ политическія послѣдствія оцѣнены, можетъ быть, справедливо (ибо государство дѣйствительно страдало отъ нихъ); но ихъ необходимость и внутреннее достоинство оставлены безъ вниманія. Вѣра содержитъ въ себѣ два начала, необходимо связанныя другъ съ другомъ: одно, живое и дѣятельное, опредѣляетъ жизнь и дѣятельность человѣка; другое, страдательное и сознающее, опредѣляетъ кругъ и предѣлъ его знанія. Оба требуютъ развитія: одно въ бытѣ частномъ и общественномъ, другое въ формѣ наукообразной. Первое начало выразилось въ отношеніи къ частной жизни съ особенною силою во время борьбы съ идолопоклонствомъ и мученическихъ побѣдъ; но и второе не оставалось безъ развитія, какъ извѣстно изъ споровъ Церкви съ Эбіонитами и Гностиками Оно ждало внѣшняго мира для развитія полнѣйшаго и развилось съ тѣмъ большею силою, что первое, измѣнивъ и улучшивъ частный бытъ, встрѣтило непреодолимую преграду въ каменной мертвенности быта государственнаго. Борьба христіанскаго знанія при императорахъ Римскихъ и Византійскихъ, какія бы ни были ея политическія послѣдствія, заслуживаетъ уваженіе потомства и свидѣтельствуетъ о высокомъ достоинствѣ духа человѣческаго, облагороженнаго христіанствомъ и потребовавшаго ясности и логической опредѣлительности отъ своей новой вѣры. Борцы этаго знанія должны занять высокое мѣсто между историческими дѣятелями въ области человѣческаго духа.

Особенно разительно, въ сужденіи объ эпохѣ, послѣдовавшей за Константиномъ, мнѣніе Нѣмецкихъ ученыхъ, за весьма немногими исключеніями. Германія, положившая душу свою на трудъ небезплодный, но безспорно слишкомъ односторонній, философскаго мышленія, совсѣмъ не снисходительна въ приговорѣ надъ вѣками, посвятившими силу своей мысли философіи христіанскаго знанія. Между тѣмъ ясно, что иное было развитіе человѣчества подъ условіемъ исповѣданія, утвержденнаго соборами; иное было бы оно подъ условіемъ другихъ исповѣданій; слѣд: труженики Восточной имперіи были во многихъ отношеніяхъ создателями всей новѣйшей исторіи. Глубокій и живой интересъ всего Эллинскаго міра въ дѣлѣ религіознаго спора, также какъ и топкости самаго спора свидѣтельствуютъ о высокой степени просвѣщенія, недоступной міру, созданному насиліемъ Римскаго меча. Закованный въ чуждое просвѣщеніе, дикарь Галліи и Испаніи оставался постоянно равнодушнымъ къ вопросамъ, волновавшимъ Элладу, Сирію и Египетъ. Чтожъ? долѣе ли уцѣлѣлъ онъ передъ нашествіемъ дикаря Зарейскаго? Страсть къ вопросамъ духовнаго знанія была признакомъ внутренней силы духа, и Восточная имперія, долго пережившъ Западную, доказала, что въ ея вѣчномъ волненіи было болѣе крѣпости, чѣмъ въ тупомъ равнодушіи Запада. Но Западная Европа вообще не благоволитъ къ Восточной.

Первый и важнѣйшій споръ былъ поднятъ Аріемъ. Краснорѣчивый и хитрый, ученый и вкрадчивый, онъ употребилъ всѣ возможныя орудія для распространенія своего ученія, трудясь неутомимо и страстно, въ одно время угождая суевѣрію и пугая многобожіемъ; возстановляя тщеславіе придворныхъ и императоровъ противъ власти епископовъ и увлекая народъ прелестью пѣсенъ и музыки, отзывающихся древнимъ искусствомъ.

Послѣднее средство было въ послѣдствіи употреблено знаменитымъ основателемъ протестантской реформы и его подражателями съ такимъ же успѣхомъ, но, кажется, съ большею чистотою намѣренія.

Успѣхъ Арія оправдалъ вѣрность его расчетовъ и показалъ неопредѣленность христіанскаго знанія. Едва ли не половина народа (особенно на востокѣ) и весь дворъ пристали къ нему. Народы дикіе, ближайшіе сосѣди Восточной имперіи и отчасти ея союзники (напр. Готы), принимая въ себя сѣмена христіанства, обратились въ Аріанство, которое казалось имъ преобладающимъ исповѣданіемъ. Епископы были угнетены, сосланы, заключены въ темницы и принуждены насиліемъ или завлечены хитростью къ согласію съ новымъ ученіемъ. Патріархи Востока и епископъ Римскій, почетнѣйшее лице въ западномъ духовенствѣ, покорились и подписали рѣшеніе собора Медіоланскаго. Торжество казалось полнымъ; но остались еще немногіе страдальцы, сильные духомъ и словомъ, которыхъ не покорилъ страхъ, не увлекли обольщенія. Передъ ихъ твердостію и внутреннею логикою ихъ ученія пало со временемъ Аріанство; но оно оставило многовѣчные и гибельные слѣды въ исторіи человѣчества.

Само по себѣ ученіе Аріево было полнымъ отрицаніемъ христіанства. Въ основѣ своей оно сливалось съ древнимъ ученіемъ Евреевъ, оставляя его безъ дальнѣйшаго развитія въ видѣ неопредѣленнаго единобожія. Въ принятіи догмата объ искупленіи оно необходимо или предполагало искупителя несовершеннымъ и впадало въ грубое ученіе Кушитовъ объ заклинаніи, или, предполагая его совершеннымъ, унижало человѣчество, отрицая возможность вочеловѣченія самого Божества, и унижало Божество, допуская возможность нравственнаго совершенства внѣ Божества. Такимъ образомъ оторванъ былъ человѣкъ отъ Бога и нравственное совершенство (совершенство воли) обращалось въ случайность. Внутренняя логическая связь христіанства разторгалась безъ возврата.

Не разсматривая внутренняго достоинства разнородныхъ ученій, мы считаемъ необходимымъ представить ихъ отношенія къ ученію восторжествовавшему на соборахъ и положившему начало новой исторіи. Этого требуетъ и самый смыслъ исторіи и справедливость къ трудамъ времени прошедшаго, вообще неправедно униженнаго.

Политическія послѣдствія Аріевой смуты отозвались во всей исторіи Европы, въ продолженіи многихъ столѣтій. Раздѣленіе народа на два враждебные стана, и раздоръ между духовенствомъ и дворомъ ослабили имперію, открыли варварамъ свободный доступъ въ ея предѣлы и были одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій государственныхъ при Валентѣ. Народы Германскаго племени, вторгшіеся въ область Римскую и откинутые на западъ въ слѣдствіе Гуннскаго напора и устойчивости Византійской, перенесли съ востока въ области Западной имперіи, ими завоеванныя, Аріанство, враждебное повоюкорепному народу и его духовенству. Разрозненное духовенство, угнетенное побѣдителями, стало со дня на день болѣе обращаться къ патріаршескому престолу Рима, прося отъ него опоры и защиты и платя ему за покровительство безпрестанно возрастающею покорностью. Римскіе епископы, окруженные племенами Аріанскихъ завоевателей, искали съ своей стороны между завоевателями такого народа, который могъ бы сдѣлаться защитникомъ Никейскаго исповѣданія. Они нашли его въ дружинѣ Клодовига, и постоянный союзъ Римскаго духовенства отдалъ на многіе вѣка всю судьбу западной Европы въ руки Франковъ, племени воинственнаго, но свирѣпаго, развратнаго и лукаваго. Наконецъ, противодѣйствіе Аріанству въ Испаніи подало поводъ къ Толедскому собору и къ рѣшенію, разорвавшему весь міръ христіанскій на двѣ половины, чуждыя и даже враждебныя другъ другу.

Юліанъ. Споры о догматахъ были перерваны временнымъ возстановленіемъ язычества. Его числительная сила выразилась въ быстромъ и безпрепятственномъ торжествѣ; его духовное безсиліе въ мгновенномъ и безвозвратномъ паденіи. Возстановитель язычества, Юліанъ, остроумный софистъ риторъ не безъ краснорѣчія, достойный ученикъ философскихъ школъ умирающей Эллады, отличался умомъ быстрымъ и предпріимчивымъ, блистательными воинскими дарованіями и неутомимымъ славолюбіемъ. Идолопоклонство, имъ возобновляемое, не было тѣмъ случайнымъ, нестройнымъ и безсмысленнымъ синкретизмомъ, который составлялъ религію Эллино Римскаго міра, но симво-

лизаціею новыхъ философскихъ ученій, въ которыхъ произвольный мистицизмъ являлся съ притязаніями на логическую послѣдовательность. Имена древнихъ боговъ сохранялись; смыслъ имъ приписывался новый, далекій отъ народнаго повѣрія и неясный для самыхъ нововводителей. Въ Юліанѣ выражались вражда къ христіанству, общая всѣмъ философскимъ школамъ того времени, и желаніе основать вѣру новую, давнишняя надежда Неоплатониковъ, а не безусловная любовь къ языческой древности и не притязаніе государства быть единственною религіею всѣхъ гражданъ, притязаніе навсегда убитое христіанствомъ. Въ средствахъ, употребленныхъ для возстановленія язычества и для угнетенія христіанъ, грубое насиліе прежнихъ императоровъ, уже едва ли возможное, замѣнялось по большей части ядовитою насмѣшкою, полуученою критикою христіанскаго ученія и Еврейскаго преданія, лестью гордости народной, великолѣпіемъ обрядовъ идолослуженія, хитрымъ устраненіемъ христіанъ отъ источниковъ просвѣщенія, наконецъ соблазнами и обманами, недостойными ни государя, ни человѣка. За всѣмъ тѣмъ успѣхъ былъ ничтоженъ и это ничтожество зависѣло отчасти отъ характера императора, отчасти отъ его ученія. Явное безвѣріе философа, созидающаго себѣ произвольные, слѣдовательно условные предметы поклоненія и безпрестанно просящаго помощи отъ аналитической науки, рѣзко разногласило съ старушьимъ суевѣріемъ, трепещущимъ передъ пелѣными заклинаніями Кушитскаго міра. Въ личномъ характерѣ Юліана мужество болѣе блестящее, чѣмъ благоразумное, умъ болѣе острый, чѣмъ послѣдовательный, доброта неоспоримая, но не всегда соединенная съ правосудіемъ, простота нравовъ, напоминающая не древній Римъ, но Діогенову школу, и цѣломудріе, зависящее можетъ быть отъ физическаго организма, но странное въ язычникѣ, были недостаточными вознагражденіями за отсутствіе разумной цѣли, величавой откровенности, политической мудрости и той цѣлости душевной, безъ которой люди могутъ быть знаменитыми, но никогда не бываютъ великими.

Часто сравниваютъ Юліана съ его предшественникомъ—Константиномъ. Такое сравненіе показываетъ или великое пристрастіе или крайнее тупоуміе. Константинъ понялъ вѣкъ и его потребности; Юліанъ былъ къ нимъ совершенно слѣпъ. Сверхъ того ясно, что основатель Византіи и христіанской имперіи былъ созданъ въ размѣрахъ далеко превосходящихъ мелкіе размѣры софиста, взявшагося за возстановленіе язычества. Нельзя не замѣтить, что крутой, строгій и холодный Константинъ напоминаетъ Англію (тогда еще Британнію), въ которой онъ родился, или провелъ раннюю молодость, и что суетно-тщеславный, самоувѣренный, но любезный въ домашнемъ бытѣ, Юліанъ представляетъ разительное сходство съ любимымъ его Парижемъ (тогдашнею Лутеціею). Впрочемъ первый былъ воспитанникомъ практической жизни, а второй питомцемъ умствующихъ школъ.

Царствованіе Юліана было не безславно. Римскіе легіоны подъ его предводительствомъ врывались въ лѣса Германіи и устрашали Персидскую державу: но всѣ эти подвиги остались безъ плода, и усилія его въ борьбѣ съ христіанствомъ послужили только къ указанію безсилія и къ скорѣйшему паденію язычества. Нельзя безъ улыбки читать разсказъ рѣзнѣ быковъ и овецъ при дворѣ императора-философа или безъ негодованія вспомнить объ его хитрыхъ гоненіяхъ на христіанъ; но нельзя также отказать въ состраданіи ранней смерти молодаго полководца, середи его побѣднаго поприща.

Впрочемъ, произнося приговоръ надъ Юліаномъ, не должно забывать, что исторія въ немъ безусловно порицала много такого, что она же привыкла безусловно хвалить въ Маркѣ Авреліи.

Съ Юліаномъ пресѣкся родъ Константина Великаго. Неправильное избраніе возвело на престолъ новыхъ императоровъ и скрытая двойственность въ составѣ имперіи потребовала снова ея раздѣла на западъ и востокъ. Аріянскіе споры и натискъ дикарей Германскихъ нанесли ей тяжелые удары. Франки и Алеманны безпрестанно прорывались черезъ Рейнскую

границу, Персіяне громили берега Евфрата и Сиріи, Готы, бѣжавшіе передъ мечемъ Гунновъ, сперва дружелюбно принятые, потомъ нагло обманутые и притѣсненные въ Римскихъ предѣлахъ, опустошали всю область отъ Дуная до южной оконечности Пелопоннеза. Сильная рука Ѳеодосія возстановила на время падающее государство. При немъ христіанство получило новое значеніе. Константинъ и его преемники вступили въ христіанскую общину, не измѣняя ничего въ прежнемъ порядкѣ государственномъ. Христіанство было еще только личною вѣрою императора и большинства его подданныхъ: Ѳеодосій призналъ его вѣрою самаго государства.

Первый шагъ былъ сдѣланъ Граціаномъ, отказавшимся отъ званія первосвященника (pontifex maximus), сохраненнаго еще ближайшими преемниками Константина. Отреченіе Граціана отъ этого званія и въ то же время его Римское убѣжденіе въ необходимости первосвященника достаточно объясняютъ законъ того же императора, утвердившій первенство епископа Римскаго передъ другими епископами запада. Это было учрежденіе государственное, а не церковное, и оттого оно сначала не имѣло никакой важности въ смыслѣ религіозномъ.

Ѳеодосій: христіанство, какъ государственная религія Рима.

Признаніе ученія апостольскаго вѣрою государственною имѣло важныя послѣдствія, мало и даже едва ли замѣченныя исторической критикою. Древній Римъ назначалъ себѣ боговъ, признавая себя дѣйствительно единственнымъ Богомъ для всѣхъ гражданъ.

Такова причина, почему не было возмущенія противъ введенія христіанства императорами и почему множество гражданъ сдѣлались христіанами при Константинѣ. Императоръ, какъ представитель имперіи, имѣлъ законное право назначить новаго и отставить старыхъ боговъ.

Ѳеодосій пользовался тѣмъ же правомъ и дѣйствовалъ, самъ того не замѣчая, въ томъ же нехристіанскомъ смыслѣ. Вы-

сокое понятіе личной вѣрѣ, свободно образующей святую общину, исчезло въ понятіи государственной религіи обязательной извнѣ. Ревность великаго правителя ввела его въ ошибку, къ несчастію отзывающуюся черезъ 14 вѣковъ даже до нашего времени.

Отъ этой ошибки пролиты были потоки крови, горѣли позорные костры инквизиціи и западная Европа приняла въ общее употребленіе слово *Религія*, какъ замѣну слова *Вѣра*, между тѣмъ какъ для мыслителя въ ихъ значеніи нѣтъ ничего общаго.

Другое послѣдствіе того же закона было не менѣе гибельно, особенно для исторіи. Не то государство есть христіанское, которое признаетъ христіанство, но то, которое признается христіанствомъ; ибо не церковь благословляется государствомъ, но государство церковью.

Мы говоримъ не безусловно, но въ явномъ смыслѣ христіанской догматики.

Имперія, объявляя себя христіанскою, присвоила себѣ право, не принадлежащее ей, и давала себѣ безъ согласія церкви (т. е. не только епископовъ, но и внутренняго смысла церкви) мнимое освященіе церковное. Такимъ образомъ вѣра выступала, какъ видимая порука за весь государственный строй, чуждый вѣрѣ и завѣщанный міромъ языческимъ; такимъ образомъ освящалось извнѣ то, что въ себѣ внутренней святости не имѣло; глубокія требованія христіанина отъ міра гражданскаго были усыплены императорскою властью и идея государства истинно христіанскаго исчезала изъ сознанія, изъ воображенія, изъ надеждъ и, такъ сказать, изъ инстинктовъ человѣческихъ. Имперія, отнявъ лучшую цѣль у лучшихъ и самыхъ энергическихъ душъ, обрекла себя на безсиліе и смерть.

За всѣмъ тѣмъ Ѳеодосій заслуживаетъ имя великаго государя, часто оспориваемое у него пристрастіемъ новѣйшихъ историковъ. Ошибки его принадлежатъ его вѣку и Римскому

воспитанію: его подвиги и достоинства принадлежатъ ему самому. Послѣдній изъ императоровъ, правившихъ всѣмъ Римскимъ міромъ, онъ окончательно раздѣлилъ его на двѣ половины, которымъ уже суждено было никогда не сростаться и подвергнуться совершенно различнымъ судьбамъ. Имперія Римская кончилась съ Ѳеодосіемъ; послѣ него уже являются въ исторіи двѣ имперіи: Западная и Восточная, почти совершенно чуждыя другъ другу и только слабо связанныя единствомъ вѣры и необходимостью сражаться противъ общихъ враговъ.

Недоброжелательные историки, судя Ѳеодосія, ставятъ ему въ величайшій попрекъ жестокое наказаніе Ѳессалоники. Мгновенный взрывъ страсти, смѣло уличенный современнымъ епископомъ, осужденный и наказанный самимъ Ѳеодосіемъ, не можетъ быть вполнѣ оправданъ; но безпристрастіе критики исторической обязано замѣтить, что Антіохія, болѣе виновная передъ императоромъ, была прощена и что въ преступленіи Ѳессалоникійцевъ основою было такое отвратительное нарушеніе всѣхъ нравственныхъ законовъ, которое извиняетъ неумѣренность въ негодованіи императора.

Ѳеодосій, слишкомъ рано умирая, оставилъ своимъ малолѣтнымъ наслѣдникамъ–сыновьямъ государство съ границами не нарушенными, войско привычное къ побѣдѣ, союзниковъ или наемниковъ, привычныхъ къ покорности, полководцевъ достойныхъ исторической славы. Но имперіи ничто уже не могло спасти; гибель ея была ускорена ничтожествомъ правителей.

Истинная причина разрушенія Римскаго міра лежала въ его внутренней разрозненности, какъ общественной, такъ и духовной, въ отсутствіи жизненнаго единства и въ истощеніи всѣхъ государственныхъ стихій. Ближайшимъ поводомъ къ разрушенію былъ натискъ Германскихъ, по преимуществу же Готскихъ семей, сперва направившихся на юговостокъ, а потомъ отброшенныхъ на западъ противодѣйствіемъ восточно-иранскаго, т. е. Славянскаго міра.

Разрушеніе Римской имперіи на западѣ. Гунны и Готы.

Не долго длилось владычество Гунновъ: основанное на требованіяхъ Славянскихъ общинъ, долго стонавшихъ подъ игомъ чуждыхъ племенъ и жадно ожидавшихъ своего освобожденія, созданное приливомъ воинственныхъ стихій изъ Закаспійской стороны, древней колыбели Славянства, возвеличенное могучею личностью Аттилы, оно разрушилось, какъ скоро умеръ великій вождь, истощилось дѣйствіе казацкаго или дружиннаго прилива съ востока и совершился подвигъ освобожденія. Таково объясненіе мгновеннаго распаденія Гуннской державы. Оно было плодомъ противодѣйствія почти невольнаго внѣшнему насилію, а не сознаннаго стремленія къ государственному единству. Въ самой Азіи движеніе Гунновъ отъ сѣвера къ югу было прямымъ послѣдствіемъ напора Восточныхъ и Средне-Азійскихъ народовъ, Сян-бійцевъ, Гіонгну и союза Уйгурскаго. Восточный Иранъ и Индустанъ подпали ихъ власти, Парѳяне и преемники Парѳянъ, Персидскіе Сассаниды, трепетали передъ ихъ могуществомъ. Царство ихъ гремѣло подъ разными именами Саковъ и Гетовъ, Андгра, Вандала и Сака, и наконецъ было вообще извѣстно подъ именемъ Гунновъ, какъ видно изъ историческихъ сказаній Пенджаба и особенно Декана и изъ сказаній Персіи объ Гуннахъ Эфталитахъ. Въ Индустанѣ они слились съ туземцами или погибли въ долгой борьбѣ, въ Иранѣ они были побѣждены Персіянами и наконецъ уничтожены почти всемірными побѣдителями—Аравитянами, но многія преданія, мѣстности, памятники и монеты свидѣтельствуютъ о долгомъ ихъ владычествѣ.

Историки дѣлаютъ различіе между разными Гуннами, просто Гуннами, бѣлыми Гуннами и Гуннами Эфталитами и т. п. Все это просто безсмыслица. Была эпоха особенной славы для восточнаго казачества Славянъ и имя его, безспорно происходящее отъ корня *юнъ* и соотвѣтствующее южно-Славянскому слову *юнакъ*, сдѣлалось общимъ именемъ многихъ Восточно-Иранскихъ семей, слившихся въ одинъ союзъ. Въ этотъ союзъ входило по разнымъ мѣстамъ болѣе или менѣе инородныхъ стихій, гдѣ Турецкихъ, гдѣ Финскихъ, гдѣ Кавказскихъ, т. е. Иверскихъ и Кельто-Кумрійскихъ; но коренная основа

была вездѣ одинакова. Оттого въ сказаніяхъ Декана (или *Дакшина-двипа*) земля Гунновъ называется *Гуна-вара*, точно также какъ у Европейскихъ лѣтописцевъ *Гуниваръ*: оттого деньги Гунновъ-Эфталитовъ и Саковъ Бактрійскихъ представляютъ Славянскую ухватку (рука упертая въ бокъ), чисто-Славянское поличье (въ этомъ согласится всякій безпристрастный наблюдатель) и чисто-Славянскую одежду, шапку околышемъ (и, кажется, даже въ иныхъ монетахъ широкополую шляпу), охабень, что-то похожее на терликъ и, что еще важнѣе, широкіе порты и *рубаху сверхъ портовъ* (черта чисто-Славянская). Впрочемъ послѣ всего свода новѣйшихъ открытій смѣшно бы было еще доказывать Восточно-Иранское начало Гунновъ. Оно можетъ казаться сомнительнымъ только тому, кто повѣритъ, что Малая Азія, или ея Приевксинская часть (*Сакастана* или *Гунастана* надписей клинообразныхъ) была искони насѣлена Финнами. Упрямство ошибокъ, основанныхъ на полуучености, сбиваетъ съ толка всѣхъ критиковъ западной Европы, всякій разъ какъ дойдетъ дѣло до племенъ, жившихъ на сѣверо-востокѣ отъ Каспія и Арала. *Туранцы* были де непремѣнно племя Средне-Азійское, а почему? развѣ потому что Иранцы ихъ считаютъ своими родными братьями (ибо *Туръ*-братъ *Преджа*), а Индійцы своими единоплеменниками, утратившими чистоту ученія (таково ихъ преданіе объ *Сакахъ*, *Мага-Вандахъ* или великихъ Вендахъ, *Гунахъ* и *Антахъ* или *Андрахъ*) или потому что *Таджики* (явные *Дадики* древнихъ) и *Авганцы* (Аза-ваны) или *Дураны* (явный *Туранъ*) до сихъ поръ носятъ всѣ признаки Иранскаго народа? Трудно выправить ученый промахъ.

Движеніе Гунновъ въ Европѣ на западъ не было прямымъ послѣдствіемъ движенія восточно-Азійскаго, но находилось съ нимъ въ связи, ибо приливъ бѣглыхъ Уйгурцевъ усилилъ Приволжское казачество и придалъ ему характеръ болѣе кочевой и воинственный. Вообще же одновременныя завоеванія Гунновъ въ Индустанѣ и въ Европѣ, указывающія повидимому на усиленіе Славянскаго міра, были дѣйствительно только послѣдствіемъ его уничтоженія въ его древнемъ средоточіи (странѣ Закаспійской) и громаднаго порощенія силъ въ средней и восточной Азіи. Съ этого времени Славянство Бактрійское и Закаспійское исчезаетъ почти безъ слѣда.

Побѣдитель почти всѣхъ европейскихъ народовъ, Аттила погибъ не въ пылу битвы, но послѣ роскошнаго пира, едва ли не отъ руки женщины изъ побѣжденнаго племени Германскаго. Отъ него и отъ его царства не осталось ничего кромѣ имени.

Самое имя Аттилы, принятое всѣми историками безусловно, едва ли не искажено. Согласіе формы Сако-Гетской *Аззилесъ* (на Бактрійскихъ монетахъ) съ Нѣмецкою формою имени Аттилы, *Этцель*, заставляетъ предполагать, что дѣйствительное имя Гуннскаго завоевателя заключало въ себѣ звукъ недоступный Греческой азбукѣ, какъ напр. *Ацелъ* или *Ачелъ*. Эллины и Римляне плохіе свидѣтели для именъ иноземныхъ, а полуученый Іорнандъ и ему подобные готовы повторить ошибочное правописаніе, чтобы не подпасть подозрѣнію варварства.

Никогда государство не разрушалось такъ быстро, какъ царство Гуннское, никогда народъ не исчезалъ такъ совершенно съ лица земли. Исторія знаетъ только объ одномъ неудачномъ сраженіи сына Аттилова съ Гепидами и все гибнетъ въ слѣдствіе одного незначительнаго пораженія. Исторія разсказываетъ только объ отступленіи побѣжденныхъ на недалекій востокъ, въ область *Гунивары*, и область и народъ пропадаютъ безъ остатка. Такова ли участь слабѣйшихъ Аваровъ, позднѣйшихъ Монголовъ, или какого бы то ни было завоевательнаго племени? Причина такого различія ясна. Гуннскаго царства никогда не было; былъ только союзъ восточныхъ Славянъ подъ предводительствомъ своихъ восточныхъ казаковъ и ихъ великаго предводителя. Цѣлью союза было освобожденіе отъ давнишнихъ насильниковъ и она была достигнута. Средствомъ была сильная личность одного человѣка и воинственная доблесть дружины, принявшей много воинственныхъ стихій отъ Средне-Азійской примѣси. Личность подверглась судьбѣ всякой человѣческой личности; дружина смѣшалась съ освобожденными ею семьями: союзъ исчезъ; полуопустѣлая страна казаковъ-Гунновъ приняла другое имя (вѣроятно Булгаріи, т. е. Приволжія).

Имя *Гуни-варъ* западныхъ писателей или *Гунавара* Индійцевъ составлено изъ двухъ словъ: *варъ* или *вара* значитъ сторона, жилище, округъ. Оно тождественно съ позднѣйшимъ Русскимъ *вира* или *вервь* (округъ, тоже что и Скандинавское) и съ южно-Славянскимъ уменьшительнымъ *варошъ* (городъ), слѣд: *Гуна-варъ* тождественно съ полу-Нѣмецкою, полу-Славянскою формою *Гунигардія* Самое имя *Гунъ* можетъ, какъ мы уже сказали, имѣть значеніе *Юнъ* или *Юнакъ* по закону тождества двухъ придыханій *г* и *й*. Впрочемъ такое предположеніе имѣетъ свою слабую сторону. *Гуны* называются *Гуна* у Индійцевъ, имѣющихъ придыханіе краткаго *й*. Верхнее, полевое платье называется у Рускихъ *гуня*, у южныхъ Славянъ *гунь*. Старые холмы могильные называются у Болгаръ Придунайскихъ *гунками*. (этимъ, между прочимъ, доказывается, что должно говорить по-Нѣмецки *Hunengrab*'а не *Hünengrab*; но Нѣмцы приписываютъ эти могилы неизвѣстному племени, а Болгары своимъ предкамъ). Изъ этого слѣдуетъ допустить, что слово *Гунъ* искони начиналось буквою *г*. Смыслъ его весьма ясенъ. Оно находится въ словахъ: *вологонъ, скотогонъ* и др. и отдѣльно въ уменьшительной формѣ *гонецъ*, только съ измѣненіемъ *у* на *о* (какъ въ *ковачъ* и *кузнецъ*). *Гунъ* значитъ ходокъ, народъ кочевой или перехожій и вполнѣ объясняетъ отношенія неосѣдлой дружины казаковъ къ осѣдлымъ семьямъ, изъ которыхъ одна вышла.

Одно только пораженіе потерпѣлъ Аттила, уже далеко за Рейномъ, въ борьбѣ съ силами Германскаго міра и Западной имперіи. Такъ и должно было случиться. Онъ оторвался отъ міра Славянскаго, на который до тѣхъ поръ упирался. Въ Италіи ему служили точкою отправленія Славяне Альпійскіе, въ Германіи его фланги были покрыты съ юга Крайцами и Горушанами, съ сѣвера поморскими Вендами до самаго Рейна. Въ Галліи не было никого, кромѣ враговъ. Все древне-Славянское исчезло подъ долгимъ гнетомъ Галловъ и уровнемъ Римской власти и Римской цивилизаціи. Аттила возвратилъ свободу только тамъ, гдѣ еще жилъ языкъ и народъ.

Кто можетъ возвратить славянство поморью Прусскому и Ольденбургу (*Старграду*)? Мы уже сказали, что отъ Славянъ уцѣлѣли въ

Галліи только имена, какъ Вандея, Антибъ, Перегоръ, Русильонъ и другія, народность исчезла безъ остатковъ. За всѣмъ тѣмъ ея темные слѣды оставались вѣроятно много и много вѣковъ послѣ гибели свободныхъ общинъ. Такого рода слѣдъ можно отыскать въ Британской или Валлійской сказкѣ о князѣ Венетскомъ (Venetonum) въ Артуровомъ циклѣ. Имя этого князя (первообраза Персеваля) Передуръ. Оно объясняется по Галльски не безъ натяжки–*хранителемъ чаши*; но Славянское толкованіе *передурь* (какъ *придурь* и др.) гораздо ближе къ характеру героя, явнаго простячка, и напоминаетъ всегдашнее пристрастіе Славянъ къ героямъ-дурачкамъ (теперешнему Иванушкѣ). Такое пристрастіе есть глубокое обличеніе всего Славянскаго характера. Дурачекъ, всегдашній побѣдитель своихъ соперниковъ, представляетъ не глупца, но олицетвореніе ума синтетическаго, дружнаго съ природою, такъ сказать тождественнаго съ нею и чуждаго аналитической рефлексіи. Это народное названіе для генія.

Западный міръ Римскій отстоялся отъ Аттилы на поляхъ Каталаунскихъ; но Западная имперія получила ударъ смертельный. Всѣ племена Германскія, нѣкогда тяготѣвшія на Славянскую землю и угрожавшія распространеніемъ на востокъ, были отброшены Гуннами далеко на западъ или по крайней мѣрѣ изгнаны изъ Славянской новоосвобожденной земли. Всѣ эти племена, не смотря на значительныя разницы, составляли по видимому какое-то цѣлое, связанное внутреннимъ началомъ единства и могутъ быть названы Восточно-Германскою вѣтвію или Готскою по преобладающему колѣну, увлекшему всѣ другія въ своемъ завоевательномъ движеніи.

Подъ именемъ Восточно-Германской или Готеской вѣтви должно разумѣть всѣ семьи, владѣвшія Славянскою землею и изгнанныя Гуннами. Въ нихъ Германское начало уже должно было измѣниться отъ вліянія Славянскихъ нравовъ и отчасти (напр. въ Вандалахъ) отъ значительной Славянской примѣси. Ихъ духовное единство явно изъ ихъ преданій, изъ почти единовременнаго перехода въ христіанство и единообразнаго предпочтенія Аріанства остальнымъ церков-

нымъ ученіямъ: но не должно забывать, что въ Готское движеніе, т. е. въ общее бѣгство передъ Гуннами, захвачены были и такія семьи, которыя съ Готами или мало имѣли общаго, какъ Свевы, или даже совсѣмъ ничего, какъ Герулы Литовскіе или Сарматскіе Аланы, которые только тѣмъ и были похожи на Готовъ, что одинаково угнетали Славянъ и наконецъ одинаково бѣжали передъ ними.

Войны Аттилы были обращены не противъ имперіи, которую онъ оставлялъ почти постоянно въ покоѣ, довольствуясь временными набѣгами на Дакію, но противъ Германцевъ и другихъ угнетателей Славянскаго міра. Ихъ-то онъ преслѣдовалъ далеко на западъ за Рейнскую границу, требуя покорности и смиренія отъ прежнихъ властителей. Походы его были дѣломъ мщенія, а не корысти, и самъ онъ себя называлъ бичемъ Божіимъ (безъ сомнѣнія въ смыслѣ мщенія). На берегахъ Рейна уничтожилъ онъ Бургундцевъ, вѣроятно тѣхъ, которые образовались изъ жителей Римскихъ пограничныхъ крѣпостей, а не тѣхъ, которые нѣкогда хозяйничали въ Славянскихъ городахъ при Балтикѣ, (ибо очевидно были двѣ разносоставныя дружины, носившія имя Бургундцевъ или горожанъ).

Въ послѣдствіи преданіе смѣшало эту гибель Бургундцевъ съ первымъ мщеніемъ Гунновъ за угнетеніе Антовъ.

Онъ устремился далѣе на Вестготовъ, но тутъ былъ встрѣченъ всею массою бѣглецовъ Германскихъ, сосредоточившихся около военнаго искусства Римскаго и сильной личности Аэтія. Побѣжденный въ великой битвѣ, онъ обратился на Западную имперію, принявшую гостепріимно его враговъ: сѣверная Италія была опустошена, Римскія войска уничтожены, Римъ едва спасенъ заступничествомъ святаго епископа. Вскорѣ кончилось поприще Гуннскаго завоевателя; но отъ Западной имперіи оставались уже одни развалины.

Почтеніе Аттилы къ Римскому епископу и его поклоненіе мирной святынѣ указываетъ на глубокое религіозное чувство въ самомъ Аттилѣ и въ его Славянскихъ дружинахъ.

Не отъ самыхъ Гуннов, неглубоко проникнувшихъ въ область Римскую, погибла она, но отъ своихъ временныхъ союзниковъ, бѣглецовъ Германскаго племени и отъ Прирейнскихъ семей, давно уже порывавшихся къ завоеваніямъ, но получившихъ окончательное стремленіе въ слѣдствіе Гуннскаго напора. Во главѣ всѣхъ народовъ явились Готы, основатели великаго, хотя недолговѣчнаго царства въ землѣ Славянской и безспорно сильнѣйшіе изо всѣхъ семей, изгнанныхъ Гуннами. Корень Готовъ, какъ дружины завоевательной, была Скандинавія, изъ которой они были вытѣснены напоромъ Алано-Вендской (Аза-Вапской) силы. Колыбель Готовъ, какъ союза составленнаго изъ многихъ единокровныхъ семей, столпившихся около дружины, пришедшей съ сѣвера, была страна Прибалтійская.

По гордымъ притязаніямъ Гепидовъ, по преданіямъ области Прибалтійской и имени Гаптовъ можно и, кажется, должно признать Гепидовъ за истинную основную дружину, увлекшую всѣ другія и снова по неволѣ отдѣлившуюся отъ нихъ.

Область, въ которой развилась полная сила Готская, была страна Славянская, между Вислою и Допомъ: въ этой области распался союзъ на два союза или двѣ вѣтви, получившія имена Ост-и Вестготовъ. Таковы имена, подъ которыми они продолжали свое завоевательное поприще на западѣ: но въ смыслѣ народознанія важнѣе имена, временно присвоенныя ими въ ихъ восточномъ царствѣ, имена *Гріутунговъ* и *Тервинговъ*. Готы до своихъ завоеваній въ земляхъ Придпѣпровскихъ не носили этихъ прозвищъ; они снова отказались отъ нихъ, какъ скоро вышли изъ Славянской земли. Самыя же прозвища *Гріутунгъ* (отъ *гріутъ*, открытое поле) и *Тервингъ* (отъ *тріу*, дерево) соотвѣтствуютъ вполнѣ позднѣйшимъ Славянскимъ на-

званіямъ *Полянъ* и *Древлянъ*. Славяне не заимствовали и не могли заимствовать имени отъ Готовъ, изгнанныхъ безъ остатка изъ области на сѣверъ отъ Дуная (за исключеніемъ небольшаго числа, уцѣлѣвшаго въ Крыму) и не оставившихъ своего прозвища не только никакому округу, но даже никакому урочищу. Сходство прозвищъ не могло быть случайнымъ и основаннымъ на характерѣ мѣстности, ибо такой фактъ былъ бы исключеніемъ почти единственнымъ въ исторіи и явленіемъ несогласнымъ съ обычаями Германскаго племени, никогда и нигдѣ не принимавшаго имени отъ мѣстности (какъ напр. отъ словъ *Berg*, *Thal* и т. д.). Явно, что имена были древнія и принадлежали семьямъ Славянскимъ, исконнымъ жителямъ Придпѣпровья.

Славяне, какъ извѣстно, весьма охотно себя называютъ по мѣстностямъ, напр. *Поморяне*, *Лужичи*, *Бережане*, *Горалы*, *Поляне*, *Древляне*, *Краинцы* и т. д.

И такъ временныя имена Вест- и Ост-Готовъ (т. е. Тервинговъ и Гріутунговъ) даютъ неоспоримое свидѣтельство не только существованія Придпѣпровскихъ Славянъ, но и древности именъ, выступающихъ на поприще историческое въ вѣка гораздо позднѣйшіе.

Готы называли себя *Полянскими*, *Древлянскими*, по области въ которой они основали властительную аристократію, точно также какъ дружина Маробода называла себя *Краинцами*, какъ Германцы западные называли *Зеландомъ* старую землю *Моринов*ъ, какъ *Королевецъ* сдѣлался *Кенигсбергомъ*, *Добра-гора—Гутенбергомъ*, *Староградъ—Ольденбургомъ* и т. д.

Изгнанные изъ областей Прикарпатскихъ, Вестготы искали убѣжища на земляхъ Восточной имперіи. Недолговременная дружба между пришельцами дикими и вольполюбивыми воинами, и старожилами, получившими въ наслѣдство всѣ пороки и весь развратъ древняго міра, кончилась жестокою вой-

ною, гибельною для имперіи и для самихъ Готовъ. Вся Эллада и Малая Азія были залиты кровью и покрыты развалинами; но побѣжденные Готы смирились подъ сильною рукою великаго Ѳеодосія. Смерть его и раздѣленіе государства открыли имъ новое поприще. Тяжкимъ опытомъ узнавъ силу Восточной имперіи, они бросились на Западную, за ними вслѣдъ устремились неудержимымъ потокомъ всѣ семьи, нѣкогда властвовавшія отъ Балтики до Евксина, Вандалы, и Свевы, и Тайфалы, и Алапы, и Бургундцы сѣверные, и Герулы, и всѣ бѣглецы, уцѣлѣвшіе отъ Гуннскаго меча, или не охваченные разливомъ Гуннской силы (какъ напр. Остъготы или Гепиды). Вестготы, уже овладѣвшіе послѣ смерти Ѳеодосія западомъ Эллинскаго полуострова, бросились на ближайшую къ нимъ Италію. Сперва побѣжденные искусствомъ Стилихона и мужествомъ его союзниковъ (и въ томъ числѣ Гунновъ), потомъ собравъ новыя силы и пользуясь истощеніемъ имперіи, они прошли огнемъ и мечемъ по Италіи, не щадя ни жителей, ни жилищъ, ни памятниковъ художества, ни святыни религіи. Владыка полміра, Римъ, не видавшій враговъ въ стѣнахъ со времени Кельтскихъ завоеваній, сдѣлался добычею Аларика и его Готовъ.

Взятіе Рима Готами и движеніе Забайкалскихъ Тунгузовъ: трудно кажется связать эти два факта, а между тѣмъ завоеванія Сянбійцевъ рѣшили направленіе всего Германскаго переселенія, изгнавъ остатки Славянскихъ семей изъ-за Каспія и усиливъ ихъ приливомъ Уйгуровъ. Исторія не имѣетъ права не знать дѣла совершившагося въ историческія времена, и по немъ должна судить о доисторическихъ. Пора ей расширить свои предѣлы наравнѣ съ другими науками, какъ напр. филологіей.

Но движеніе побѣдителей не остановилось въ Италіи. Они стремились далѣе и далѣе на западъ. Южная Галлія была завоевана и опустошена. Между тѣмъ другіе бѣглецы, уходя отъ Гунновъ, избрали другой и прямѣйшій путь на западъ. Черезъ лѣса и болота Германіи двинулись Аланы, Вандалы,

Бургундцы и другія менѣе извѣстныя семьи къ берегамъ Рейна. Ихъ не остановили ни преграды дикой природы, ни сопротивленіе Прирейнскихъ Германцевъ, сплотившихся въ два могучіе союза. Франки, преграждавшіе путь воинственнымъ пришельцамъ съ востока, были прорваны; Рейнская граница, уже лишенная крѣпостей и легіоновъ, перейдена безъ труда, сѣверная и средняя Галлія затоплена дикарями. Вскорѣ внутреннія раздоры Римлянъ призвали завоевателей въ Испанію и, наконецъ, въ Африку. Западная имперія лишилась мало-помалу всѣхъ своихъ провинцій. Борьба съ Гуннами истощила ея послѣднія силы, и нигдѣ уже завоеватели не встрѣчали сопротивленія. Когда, послѣ смерти Аттилы, Гунны отступили въ свои предѣлы, племена Германскія, дотолѣ еще признававшія господство Рима и сражавшіяся подъ предводительствомъ Римскаго вождя, сдѣлались полными и независимыми владыками захваченныхъ областей. Призракъ государства Римскаго еще держался въ Италіи подъ гнетомъ и угрозою Готовъ: но въ концѣ V-го вѣка исчезаетъ самый призракъ и вождь Герульскій основываетъ недолговѣчное царство на развалинахъ имперіи.

Живучесть Восточной имперіи и безсиліе Западной; причины этого различія.

Такъ исчезла цѣлая половина Римскаго міра, обширнѣйшая по пространству, сильнѣйшая по физическому превосходству жителей (это доказано было во всѣхъ междоусобныхъ войнахъ), способнѣйшая къ защитѣ, отдаленнѣйшая отъ опасности; такъ исчезла она почти безъ боя и безъ слѣда. Наслѣдство Рима взяли Германцы.

Когда Ѳеодосій раздѣлилъ государство, обѣ части его, восточная и западная, достались въ руки равно недостойныя власти; но ничтожность Гонорія была поддержана сильными личностями Стилихона и Аэція. При дворѣ Аркадія не явилось ни одного лица, заслужившаго историческую память. Самое положеніе Восточной имперіи было опаснѣе. На нее обрушилась вся тяжесть народовъ Готскихъ и семей изгнанныхъ Гуннами изъ Славянской земли. Алапы, Гепиды, Вандалы, Свевы, Бургундцы, Тайфалы, Герулы испытали поочередно свою силу надъ ея почти беззащитными предѣлами: она уцѣ-

лѣла. На нее должна была обрушиться первая гроза Гуннов, но удалилась, предпочитая дружбу и дань сомнительной борьбѣ.

Извѣстенъ отвѣтъ Византійскаго императора гордому Аттилѣ: «у меня золото для друзей, желѣзо для враговъ.»

Между тѣмъ и длинная, почти беззащитная граница Приевфратская подвергалась сильному напору Персіи, южная набѣгамъ Аравитянъ и сѣверо-восточная погромамъ Кавказскихъ народовъ. За Гуннами вслѣдъ надвинулись всѣ валы моря Славянскаго, возмущенные Аварцами и брошенные на Византію, и этотъ напоръ равнялся силамъ всей Германіи. Послѣ паденія Персіи, въ самое то время, когда имперія едва отстоялась отъ Аваро-Славянскаго союза, осаждавшаго Византію съ запада, и отъ войскъ завоевателя Хозроя, осаждавшаго ее въ то же время съ востока; когда она еще не успѣла собрать силы свои для новой борьбы, поднялась новая гроза, много сильнѣе всѣхъ прежнихъ, поднялась пучина, которая послѣднею, далекою и слабою волною затопила Испанію, южную Италію, значительную часть Галліи, и едва была отбита сосредоточившимися дружинами Франковъ и могучею рукою Карла Мартеля. Таковъ былъ Исламизмъ въ своемъ первомъ періодѣ; но имперія уцѣлѣла и стала мало-по-малу расширять границы свои противъ слабѣющихъ Сарацинъ. Тогда, изъ внутренней Азіи, нахлынулъ потокъ воинственныхъ, неудержимыхъ полчищъ Тюркскихъ, которыхъ сила въ разныя времена сокрушала всѣ царства Азіи и весь востокъ Европы; тогда налетѣли съ запада дружины Германцевъ, привыкшихъ къ боямъ и съ ногъ до головы закованныхъ въ сталь. Столица досталась въ руки непріятелю; имперія какъ будто исчезла; но снова возстала она на тяжкую и послѣднюю битву, въ которой ослабѣлая, растерзанная, всѣми брошенная, она наконецъ погибла подъ ударами Средне-азійскихъ завоевателей. Такова была ея много вѣковая борьба, таковъ ея тысячелѣтній подвигъ послѣ Ѳеодосія, не смотря на беззащитность длинныхъ

границъ отъ Иллиріи до Аравіи, на развратъ народа, на мертвенность правительственныхъ формъ, завѣщанныхъ древнимъ міромъ, на скудость народонаселенія, нѣсколько разъ почти уничтоженнаго моровою язвою или мечемъ непріятеля, и наконецъ на то бѣдственное состояніе, въ которомъ уже засталъ ее Ѳеодосій послѣ бѣдствій, постигнувшихъ ее во времена Декія и Валента. Но этотъ подвигъ не замѣченъ исторіею.

Не такова была судьба Западной имперіи. Она была почти со всѣхъ сторонъ окружена широкими морями или свободнымъ Океаномъ, не поддававшимся никогда Римскому владычеству, но охранявшимъ Римскую область. Сухопутная граница ея была обнесена крутою стѣною Альпійскихъ горъ и одно только недолгое ложе Рейна открывало непріятелю легкій доступъ въ предѣлы Галліи. Провинціи были еще нощажены дикарями, за исключеніемъ сѣверной Италіи, нѣсколько разъ пострадавшей, и Рейнскаго прибережья, опустошеннаго Германцами. Ничтожные набѣги Пиктовъ и Скоттовъ не представляли важной опасности для Британніи. Большая часть Галліи не видала непріятеля; Испанія цвѣла далеко отъ сѣверныхъ враговъ. Морскіе набѣги Саксовъ и Франковъ или Мавровъ Африканскихъ могли испепелить прибережныя деревни, но не могли не только потрясти государства, но даже и угрожать ему. Таково было положеніе Западной имперіи послѣ Ѳеодосія. Враги ея были тѣ же самыя Германскія или Сарматскія племена, которыя безуспѣшно нападали на Востокъ, и эти племена утратили большую часть своихъ силъ въ борьбѣ съ Византіею или въ налетѣ побѣдоносныхъ Гунновъ. Лишними врагами Риму были только Франки и Алеманны, которыхъ сила едва ли равнялась одной Персіи, была незначительна въ сравненіи съ приливомъ Славяно-Аварскимъ и совершенно ничтожна передъ Исламизмомъ въ его первой порѣ. И за всѣмъ тѣмъ, внутреннее чувство подвигло варваровъ на Западъ. Оставляя въ покоѣ близкія, беззащитныя, богатыя области Востока, они бросились на Италію, огражденную неприступными горами, на Галлію, защищенную своею отдаленностью, лѣсами, болотами и племенами Германскими, на Испанію, опоясанную мо-

ремъ и Пиренеями, наконецъ на Африку, страну принадлежащую какъ будто чуждому міру, едва доступному для жителей сѣвера. Внутреннее чувство завоевателя было оправдано скоростью завоеванія: не прошло столѣтія послѣ великаго Ѳеодосія, и Римской имперіи не стало. Такова была ея судьба, такова ея гибель, очевидно не отъ внѣшнихъ враговъ, но отъ внутренняго безсилія. Слабость ея высказывается съ особенною яркостью въ участи Испаніи, землѣ почти неприступной извнѣ, а внутри перерѣзанной во всѣхъ направленіяхъ горными преградами, и завоеванной, въ теченіи немногихъ лѣтъ, нѣсколькими десятками тысячъ дикарей, уцѣлѣвшихъ отъ долгаго, неуспѣшнаго странствованія по остальной Европѣ. Причины этой слабости лежатъ въ прежней исторіи Римскаго Запада, въ исторіи не политической, но духовной.

Критика, которая до сихъ поръ не удостоила своего вниманія или не замѣтила великаго вопроса о разницѣ въ судьбахъ Западной и Восточной имперіи, тщетно бы стала искать объясненія въ причинахъ внѣшнихъ, въ разницахъ географическихъ и тому под. Географическое положеніе Римской половины было выгоднѣе, чѣмъ Византійской, физическія свойства жителей превосходнѣе, средства къ защитѣ многочисленнѣе и надежнѣе. Правда, что Востокъ былъ торговѣе и богаче; но роскошная Африка, или благословенная страна Заиррепейская, или хлѣбородная Британнія, или Галлія, отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго, были ли обижены природою, или совершенно лишены торговли, или опустошены непріятелемъ? Правда, что положеніе Рима не такъ выгодно, какъ положеніе Византіи: но онъ могъ завоевать міръ и долго управлять имъ; но Римъ былъ уже брошенъ императорами, жившими по большей части въ Равеннѣ (а иногда въ Миланѣ); но и Византія была не случайнымъ явленіемъ, а плодомъ жизни, и такая же жизнь создала бы новую столицу въ средоточіи Западной имперіи, на берегахъ Роны или въ южной Галліи, близко къ Рейну, для отпора непріятелямъ, и къ Средиземному морю, для сбора легіоновъ. Когда имперія раздѣлилась на двѣ половины, обѣ половины очевидно казались равносильными въ глазахъ Діо-

клетіана и потомъ Ѳеодосія; въ борьбахъ междоусобныхъ побѣда обыкновенно оставалась за Западомъ: но эта западная половина была неспособна къ жизни самобытной. Разница, доказанная послѣдовавшею исторіею, не могла быть оцѣнена современниками, потому что она была чисто духовная и плодомъ прежней духовной жизни; а человѣкъ узнаетъ тайну духовной силы или духовнаго безсилія только тогда, когда она высказалась явленіемъ историческимъ.

Востокъ былъ искони богатъ умственною, самобытною дѣятельностью. Вѣка завѣщали вѣкамъ сокровище мысли, науки или искусства. Трудъ многихъ столѣтій былъ увѣнчанъ Элладою, принявшею мысль отъ Египта и Финикіи и страны Заевфратской и слившею ее въ одинъ высокій идеалъ человѣческаго совершенства, въ одну побѣдную пѣснь человѣческой личности. Учители Эллады сдѣлались ея учениками и приняли въ себя новое начало жизни, стремленіе къ развитію всѣхъ способностей души человѣческой, всего его внутренняго существа. На Востокѣ Эллинскомъ, государства были слабы и ничтожны, люди сильны и внутренно богаты. Западъ былъ созданъ грубою и односторонею государственностью Рима. За то Римъ былъ великъ, какъ государство, а люди, захваченные въ его мертвящія объятья, были внутренно скудны и ничтожны. Душа человѣческая не облагораживалась подъ Римскимъ владычествомъ; умъ не обогащался стремленіемъ къ высшей цѣли и, принимая усовершенствованія жизни вещественной, не впитывалъ въ себя гордой любви къ просвѣщенію. Галлъ и Британскій Кумри и Кельто-Иверецъ оставались по прежнему дикарями, но дикарями отчасти огражденными Римскою полиціею, отчасти заключенными по неволѣ въ границахъ Римскаго устава. Востокъ, подпавши власти Римской, обогатился новымъ знаніемъ, плодомъ древняго просвѣщенія, знаніемъ права, и принялъ его въ свою умственную сокровищницу не какъ мертвую букву, но какъ мысль живую и требующую еще развитія: безжизненная на Западѣ, наука права продолжала жить на Востокѣ и живить его

Поприще древняго міра кончилось самоубійствомъ его оску-

дѣвшихъ началъ (знанія въ Эллядѣ, внѣшней правды въ Римѣ). Новый свѣтъ блеснулъ для человѣчества, новое животворное начало влилось въ душу человѣка: но великое явленіе имѣло не одинакія послѣдствія на Востокѣ и на Западѣ. Эллинская половина имперіи быстро наполнилась ревностными христіанами, готовыми на всемірную проповѣдь и страданія за истину и на глубокое изученіе истины, примиряющей знаніе съ жизнію. Христіанство для Эллина было послѣднимъ, божественнымъ подвигомъ его личнаго развитія, ученіемъ принятымъ извнѣ, но принятымъ во внутреннія глубочайшія тайники его духа. Римская половина имперіи позже и медленнѣе приняла христіанство. Оно имѣло и на Западѣ своихъ, хотя и немногочисленныхъ, мучениковъ, своихъ учителей (изъ коихъ однакожъ лучшіе были или пришельцы съ Востока или ихъ первые ученики); но дѣйствіе его было ограничено; требованія не всеобъемлющи. Христіанство на Западѣ имѣло, какъ и скудное просвѣщеніе Запада, характеръ внѣшности, умиряя и облагороживая жизнь, но не пробуждая спящихъ силъ духа человѣческаго. Самый кругъ дѣйствія его былъ тѣснѣе, чѣмъ на Востокѣ; онъ захватывалъ только города, уже проникнутые Римскимъ началомъ и принявшіе отъ завоевателей не только законы, но и часть своихъ жителей и языкъ. Села долго оставались чуждыми проповѣди христіанской, сохраняя свой языкъ, свои обычаи и свое идолопоклонство.

Это доказывается самимъ именемъ *pagani* (селяне), даннымъ идолопоклонникамъ, и отсутствіемъ памятниковъ христіанскихъ на народныхъ нарѣчіяхъ.

Такимъ образомъ личность человѣка оставалась въ прежнемъ униженіи и вѣра принимала характеръ общественной религіи, утрачивая характеръ мысли и живаго знанія. Когда наконецъ христіанство обняло собою все пространство имперіи, оно стало мало-по-малу проникать и въ отдаленныя села и въ пустыни, и въ общій бытъ. Но оно не исходило и не могло низойти вполнѣ до селянина. Жизненный процессъ, про-

исходящій по всей Западной имперіи, заключался въ постепенномъ романизованіи отдѣльныхъ провинцій, въ постепенномъ вымираніи мѣстныхъ языковъ и бытовъ и въ постепенномъ расширеніи началъ, истекающихъ изъ Италіи. При такой шаткости и переходномъ состояніи духовенство оставалось поневолѣ при томъ языкѣ, при тѣхъ началахъ, которыя содержали въ себѣ болѣе силы и прочности, т. е. при Римскихъ. Поэтому оно заключалось въ кругѣ правительственномъ и, ускоряя уже начатой процессъ романизованія областей, оно оставалось чуждымъ народу и лицамъ составляющимъ народъ. Христіанство обращалось въ институтъ. Вся заслуга Западнаго духовенства (за немногими исключеніями, принадлежащими къ областямъ древняго просвѣщенія) ограничилась развитіемъ не гражданственности (ибо на нее тяготѣло Римское право), но судопроизводства церковнаго (напр. положенія объ апелляціяхъ и т. под.) и правительственной части въ дѣлахъ церковныхъ. Таковъ подвигъ всѣхъ лучшихъ епископовъ на Западѣ; таково стремленіе Западнаго христіанства, выраженнаго въ эдиктѣ Граціана о первосвященникѣ, въ положеніяхъ многихъ соборовъ и въ постановленіи Ѳеодосія (мужа западнаго) о католичествѣ и о христіанствѣ въ смыслѣ государственнаго исповѣданія. Но все это стремленіе оставалось безплоднымъ. Высшая область гражданскаго и государственнаго права оставалась неприкосновенною. Она все еще принадлежала міру древнему и завѣту Римскаго образованія. Восточная страна продолжала личное развитіе человѣка и въ кругѣ мысли боролась побѣдоносно съ мысленнымъ вліяніемъ прежняго эллинства. Западная, принявъ и благословивъ наслѣдство Римскаго права, отняла у себя тотъ кругъ дѣйствія, который одинъ еще былъ для нея доступенъ. Въ ней христіанство было мертво, какъ и самое государство. Таково свидѣтельство всѣхъ современниковъ.

Внутреннее правленіе государствомъ и вся его гражданская жизнь уже давно упали на крайнюю степень безпорядка и униженія. Вся имперія отъ Ипльскихъ водопадовъ до предѣловъ горней Каледоніи представляла безконечный рядъ закон-

ныхъ угнетеній, правительственныхъ обмановъ, правомѣрныхъ нарушеній всякаго человѣческаго права, а часто и наглыхъ разбоевъ. Но на Востокѣ областная жизнь была не уничтожена.

Насмѣшки Антіохійцевъ надъ Юліаномъ, частныя возмущенія и другія болѣе или менѣе безпорядочныя проявленія городовой или областной силы доказываютъ, что даже государи (не говоримъ уже о мѣстныхъ правителяхъ) были принуждены къ осторожному обхожденію съ народами, не совсѣмъ забывшими свою историческую славу.

Личность не утратила всѣхъ своихъ правъ. Было просвѣщеніе старое и гордое сознаніе просвѣщенія; были обычаи и преданія; была умственная дѣятельность, внушающая уваженіе правителямъ и обуздывающая безграничность своеволія. Страданія народовъ доходили иногда до крайности; но злоупотребленія власти встрѣчали часто опасный отпоръ или строгое наказаніе. Живая кровь еще не застыла въ жилахъ государственнаго тѣла. Не то было на темномъ Западѣ. Тамъ не было ни обычаевъ, ни гордости, ни преданій, ни просвѣщенія личнаго, ни жизни областной. Злоупотребленія мѣстной власти не встрѣчали препонъ, безуміе правительственнаго корыстолюбія, высасывавшаго потъ и кровь подданныхъ для временнаго обогащенія императорской казны, не знало пощады. Народное безсиліе не смѣло сопротивляться; народное тупоуміе не умѣло залѣчивать язвы, нанесенныя слѣпымъ правленіемъ. Богатства природныя оставались неразработанными въ нѣдрахъ земли; богатства, оставленныя въ наслѣдство промышленностью вѣковъ минувшихъ, исчезли безвозвратно. Казнію надобно было удерживать горожанъ отъ бѣгства въ села и пустыни; казнію надобно было удерживать поселянъ отъ бѣгства къ варварамъ. Не было ни духа, ни умѣнія для собственной защиты; не было сокровищъ для найма защитниковъ инозем цевъ. Мертвая имперія была готовою добычею для перваго вооруженнаго пришельца.

Таковы причины различія въ судьбахъ двухъ половинъ Римскаго міра. Онѣ были чисто духовныя и проистекали изъ духовной исторіи народовъ. На Западѣ полудикіе подданные имперіи не умѣли и не хотѣли защищаться противъ дикарей, къ которымъ они были близки по собственному невѣжеству; на Востокѣ каждая область билась до послѣдней капли крови; каждый шагъ земли былъ дорого купленъ завоевателемъ; каждый гражданинъ, потомокъ Эллина-просвѣтителя, или міровластителя Римлянина, или даже Сирійца, гордящагося своимъ древнимъ преданіемъ, предпочиталъ смерть игу варвара. Государство было слабо и не могло окрѣпнуть, потому что уже благословило именемъ вѣры мертвыя формы, завѣщанныя древностью, и потому что, можетъ быть, невозможно историческимъ народамъ отказаться отъ всей своей исторіи и всей своей славы и обновиться въ жизнь чисто-человѣческую: но люди еще были крѣпки. Они могли, хотѣли и умѣли сражаться за свое просвѣщеніе и свою народную гордость. Зато еще долго горсть Грековъ могла побѣждать полчища непріятелей; и тѣсное приморье Палестины или мелкіе горные округи сохраняли въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ свою независимость среди разлива мусульманъ-завоевателей; а Испанія (кромѣ южнаго приморья) покорилась почти безъ боя горсти варваровъ, удивленныхъ своею собственною побѣдою. Свобода мѣстная или имя Римское уцѣлѣли на Западѣ только въ странахъ древняго просвѣщенія, какъ напр. въ южной Италіи и Сициліи, или въ областяхъ, не вполнѣ утратившихъ свою народность и свое преданіе, какъ напр. Арморика или дебри Кумрійскаго Валлиса или, можетъ быть, горы Иберской Кантабріи.

Окончательное значеніе переселенія народовъ въ Европѣ во время паденія Римской имперіи есть перенесеніе Германской аристократіи изъ Западно-Славянскихъ областей въ романизованную область Кельтовъ и Иберцевъ. Между тѣмъ какъ Славянскія области, освобожденныя своимъ восточнымъ казачествомъ (Гуннами), получили жизнь или по крайнѣй мѣрѣ зачатки жизни самобытной, издавна стѣсненной то Кельтами, то Сармато-Аланами, то Германцами, западная Европа утра-

Германцы-завоеватели Запада. Теодорихъ. Царство Готовъ и Лонгобардовъ въ Италіи.

тила на всегда свою древнюю самобытность и осуждена была на долгую борьбу, кончившуюся не освобожденіемъ прежнихъ стихій, но органическимъ сращеніемъ туземнаго и пришлаго въ новыя органическія тѣла, общественныя или государственныя. Все движеніе Германцевъ было издавна движеніемъ дружинъ. Въ незапамятной древности эти дружины, селясь въ пустынныхъ земляхъ, часто возвращались къ быту общинному, или къ быту мѣшанному, въ которомъ многія начала естественной общины сливались съ условными началами дружины, отличаясь отъ быта чисто-общиннаго сильнымъ развитіемъ личности и ея себялюбивыхъ правъ. Но вѣковое воспитаніе неправой власти наложило на Германцевъ свою неизгладимую печать. Они были аристократіею правительственною и насильною (какъ всякая аристократія по своему началу) въ земляхъ Славянскихъ. Они не хотѣли и не могли согласиться на утрату своего высокаго значенія и на вступленіе въ жизнь народную и чисто человѣческую. Славяне въ движеніи своемъ послѣ освобожденія являлись часто завоевателями (таково невольное послѣдствіе насилія даже и отраженнаго насиліемъ), поболь-шей же части они искали земель пустопорожнихъ и, такъ сказать, мертвыхъ, чтобы возвратить ихъ жизни и человѣчеству.

Этимъ объясняется безпрестанный приливъ Славянъ въ земли Восточной имперіи по призыву Византійскихъ императоровъ. Вообще замѣчательно глубокое сочувствіе Славянина съ природою. Онъ ее понимаетъ, онъ съ нею говоритъ; онъ ее признаетъ живою, но неполною въ отсутствіи высшей жизни — человѣческой.

Германцы не хотѣли областей пустопорожнихъ, которыхъ было множество на западѣ Европы, утратившей значительную часть своего народонаселенія. Они искали земель обитаемыхъ, народовъ, надъ которыми можно бы было властвовать, людей, которыхъ можно бы было обратить въ орудіе и рабовъ. Исторія прежнихъ вѣковъ осудила ихъ быть аристократами.

Въ концѣ V столѣтія пала имперія Западная. Завоевателя Италіи, дикіе выходцы изъ лѣсовъ Литвы, Герулы были вско-

рѣ побѣждены Остготами, основателями государства времен-но сильнаго, но недолговѣчнаго. Различіе между Вестго-тами и другими племенами, нахлынувшими на Римскій міръ, очень разительно; еще разительнѣе превосходство Остготовъ. Вождь ихъ Ѳеодорикъ, въ молодости поочередно слуга и врагъ Ви-зантійской имперіи, потомъ побѣдитель Геруловъ и Ругіевъ, спа-ситель Вестготскаго царства въ Галліи отъ напора Фран-ковъ, покровитель и почти владѣтель южной Германіи, пред-ставляетъ утѣшительное явленіе въ вѣкѣ глубоко-развратномъ и дикомъ. Кротость нравовъ, любовь къ просвѣщенію и прав-дѣ, снисходительность къ побѣжденнымъ и уваженіе къ за-слугамъ на поприщѣ мысли и знанія, ставятъ его въ рѣзкую противоположность съ бездушнымъ Франкомъ, Хлодовикомъ и съ свирѣпымъ Лонгобардомъ, Альбоиномъ. Побѣда вѣнчала его воинскія предпріятія; современные народы видѣли въ немъ ми-ротворца и праведнаго рѣшителя ихъ судебъ. Гордая Визан-тія почтила по неволѣ его силу именемъ и вѣнцемъ царскимъ, лѣтопись назвала его великимъ, и народное преданіе, котора-го судъ часто бываетъ вѣрнѣе суда современниковъ и лѣто-писцевъ, окружило его память негаснущими лучами поэзіи.

Должно однакоже замѣтить, что восточная, полу-славянская Гер-манія выражаетъ въ своихъ преданіяхъ чувство враждебное Ѳео-дорику (Дитриху Бернскому). Во многихъ мѣстностяхъ она назы-ваетъ его именемъ полунощнаго страшилища, дикаго ловца, духа бури и разрушенія. Лѣтописецъ Новгородскій, очевидно свободный отъ Византійскаго вліянія и посредникъ Россіи съ Западомъ, также къ нему не благоволитъ. Такое враждебное чувство, кажется, долж-но приписать Ругіямъ и другимъ полу-славянскимъ семьямъ, или побѣжденнымъ или изгнаннымъ Остготами изъобластей южныхъ.

Таковъ былъ первый царь Остготовъ въ Италіи, и его сподвижники были во многихъ отношеніяхъ достойны своего вождя. Въ нихъ видна готовность принять обычаи жизни образованной, подчинить закону свой личный произволъ, со-

страдать туземцамъ, отказаться отъ дикости быта военнаго и водворить миръ не только въ своей странѣ, но и въ странахъ сосѣднихъ. Благородная смѣлость, прямодушіе и славолюбіе являются въ характерѣ многихъ царей слишкомъ краткой династіи Ѳеодорика. Нравственное превосходство Готовъ объясняется довольно раннимъ христіанствомъ и долгимъ пребываніемъ въ странахъ просвѣщеннаго Востока; превосходство ихъ восточной вѣтви не объясняется ничѣмъ, кромѣ долгаго житія въ землѣ народа осѣдлаго, кроткаго и торговаго, Приднѣпровскихъ Полянъ.

Вестготы владѣли дикою областію Древлянскою.

Захваченные Гуннскимъ разливомъ, увлеченные ихъ неодолимою силою и подчиненные внутренней, не надолго проснувшейся жизни Славянскаго міра, Остготы не одичали; они облагородились, возвысились духомъ и мыслію и утратили рѣзкую суровость чисто-Германскаго племени.

Въ самомъ измѣненіи Остготовъ, прежде всѣхъ покорившихся Гуннамъ, долѣе всѣхъ остававшихся въ подчиненности и участвовавшихъ во всей борьбѣ Славянскаго освобожденія, отъ берега въ Днѣпра до береговъ Луары, виденъ характеръ Гуннскаго союза. Не таково было бы вліяніе Средне-азійскихъ дикарей.

Мы имѣемъ свидѣтельство Іорнанда о принятіи Остготами именъ Гуннскихъ; и разумная критика не можетъ предполагать, чтобы заемъ ограничился именами и не отозвался въ обычаяхъ и языкѣ. Дѣйствительно, характеръ Славянскій отзывается въ переводѣ Ульфилы почти столько же, сколько Германскій, и показываетъ въ нарѣчіи Готскомъ нарѣчіе переходное между вѣтвями Восточно-и Западно-Иранскою. Но сходство Готскаго языка съ Славянскимъ не можетъ считаться вполнѣ коренным: оно происходило отъ вліянія Славянъ на Готовъ, своихъ побѣдителей, а потомъ подручниковъ. Это явно изо всѣхъ остальныхъ фактовъ и согласно съ доводами априо-

ристическими. Такое же вліяніе было бы по всей вѣроятности замѣтно и въ нарѣчіяхъ другихъ семей, нѣкогда владѣвшихъ Славянскою землею, если бы у насъ сохранились памятники тогдашняго слова и объясняетъ быстрое распространеніе Аріанства отъ Готовъ на всю систему восточныхъ, т. е. мѣшанныхъ, Германцевъ, между тѣмъ какъ оно остановилось, какъ скоро дошло до областей чисто-Германскихъ или не ославянившихся племенъ, слѣдовательно говорящихъ другимъ нарѣчіемъ. Точно тоже вліяніе замѣтно и во многихъ подробностяхъ законодательства и едвали не въ самомъ свидѣтельствѣ Іорнанда, что древніе законы Готскіе были законами *Гетовъ* и назывались въ старину *BeMagines* (едва ли не Славянское слово *бѣлыѣ* т. е. запись.

Не должно забывать вѣчнаго педантства полу-ученаго Іорнанда, не позволяющаго себѣ ни простоты, ни даже правильной передачи словъ и именъ изъ нарѣчій варварскихъ.

Наконецъ то же самое вліяніе народа пѣвучаго и дорожащаго словомъ видно въ возвышеніи героевъ Остготскихъ до значенія эпическихъ героевъ. Эта слава принадлежитъ только двумъ семьямъ Германскимъ (Остготамъ и Бургундцамъ), жившимъ между лучшими представителями Славянства, въ землѣ Прибалтійскихъ горожанъ и Приевксинскихъ землѣпашцевъ. Вожди Бургундцевъ и Готскіе Эрманарихъ и Дитрихъ одни сохранились сладко-звучною пѣснію для памяти народной, давно забывшей всю славу и всѣ имена западно-Германскихъ завоевателей.

Очевидно, что въ этомъ явленіи, при соприкосновеніи двухъ міровъ, Славянскаго и Германскаго, повторился фактъ, уже замѣченный въ духовной исторіи Эллады, которой поэты и поэтическія преданія связаны съ Троею или областью Ѳракійскою. Вообще должно замѣтить, что наука, принимающая языкъ Готскій за первобытную форму Германскаго, отправляется отъ предположенія совершенно произвольнаго и ложнаго. Чѣмъ далѣе отступаемъ мы къ древ-

ности въ вѣкахъ историческихъ, тѣмъ разнороднѣе являются нарѣчія и тѣмъ рѣзче ихъ зависимость отъ личности отдѣльныхъ семей. Обще-германская форма принадлежитъ къ эпохѣ несравненно древнѣйшей. Нарѣчія Славянскія представляютъ ходъ обратный. Чѣмъ древнѣе, тѣмъ ближе другъ къ другу и къ формамъ, преобладающимъ въ языкѣ Великорусскомъ, менѣе другихъ принявшемъ примѣси чужой.

Блистательно было выступленіе на поприще историческое племени Остготскаго, перваго изо всѣхъ племенъ Германскихъ, принявшаго начала человѣческой образованности; но непродолжителенъ былъ его подвигъ. Земля Италіи хранила еще слишкомъ много воспоминаній старины, чтобы покориться полу-варварамъ безъ ропота. Аріанство (христіанство, искаженное въ своихъ основахъ) слишкомъ рѣзко отдѣляло пришельца-побѣдителя отъ побѣжденнаго туземца и содержало въ себѣ слишкомъ мало силъ и зародышей логическаго развитія наконецъ слишкомъ близка была Византія, еще не вполнѣ утратившая свои силы и сохранившая свои притязанія на Римское наслѣдство. Не прошло ста лѣтъ и Остготы, также какъ и Вандалы въ Африкѣ, были уничтожены Византійскими ополченіями. Германцы сражались съ мужествомъ, достойнымъ ихъ воинственнаго племени; цари не помрачили славы, завѣщанной основателемъ царства, Θеодорикомъ великимъ: но нелюбовь народа къ сѣверпымъ завоевателямъ, искусство Византійцевъ и военныя доблести Велисарія и Нарсеса одержали побѣду. Славное имя Остготовъ и грозные Вандалы исчезли безъ слѣда.

Еще короче было торжество древняго просвѣщенія надъ силою дикихъ народовъ, приливающихъ съ сѣвера. Едва погибли Готы, и сѣверная Италія снова была вырвана изъ рукъ Византіи свирѣпыми Лонгобардами. Новые завоеватели были во всѣхъ отношеніяхъ хуже своихъ предшественниковъ, но они были счастливѣе. Исторія ихъ начинается отвратительною смѣсью убійствъ и разврата, мало чѣмъ уступающею лѣтописямъ Меровингскимъ и не представляетъ ни одной блиста-

тельной страницы; но нравы ихъ вскорѣ покорились благому вліянію земли нѣкогда просвѣщенной, и Византія, ослабѣвшая въ страшныхъ борьбахъ съ Аваро-Славянами, Персіею и Исламомъ, уже не могла нанести сильнаго удара новымъ завоевателямъ западнымъ. За всѣмъ тѣмъ внутренняя слабость Аріанства, духовный раздоръ между правителями и подданными, сила папскаго престола, представляющаго ученіе Никейскаго собора, и непокорное упрямство земли Итальянской приготовили паденіе Лонгобардовъ. Прошло съ небольшимъ два вѣка и царство ихъ погибло подъ ударами Франковъ, возведенныхъ на высшую степень могущества умомъ Пиппина и мечемъ Карла Великаго. Готская вѣтвь Германцевъ, сломившая западную имперію въ бѣгствѣ своемъ передъ Гуннами и увлекшая за собою все Германское племя, исчезла вездѣ, кромѣ далекаго Пиренейскаго полуострова.

Другому народу была суждено править судьбами Европы. Жители западной Германіи находились долго подъ перемежающимъ игомъ, подъ постоянною зависимостью отъ Рима. Войска Римскія доходили не разъ до Эльбы, съ запада отъ Рейна или съ юга отъ верховьевъ Дуная; Римскія крѣпости стояли на берегахъ Везера. Подвигъ Арминія, устранивъ можетъ быть полное и совершенное завоеваніе западной Германіи, не спасъ ея отъ состоянія подручности. Семьи, ближайшія къ Рейну, были мало-по-малу обращены въ полное подданство и вошли въ общую жизнь имперіи. Онѣ привыкли къ труду, внушавшему отвращеніе ихъ праздпымъ предкамъ, къ житію въ большихъ селеніяхъ и наконецъ къ градожительству подъ законами, занятыми у Римскихъ муниципій, но не утратили ни своего языка, ни своей германской физіономіи. Отъ городовъ, въ которыхъ они сперва были заключены по неволѣ Римскою властію и съ которыми они мало-по-малу свыклись, получили они названіе Бургундцевъ, точно также какъ и другіе Германцы получили такое же имя на востокѣ Германіи отъ городовъ Славянскихъ. Вліяніе обычаевъ законныхъ и образованности было не безплодно для Бургундцевъ Прирейнскихъ; они впитали въ себя много благихъ началъ, облагораживающихъ душу че-

Бургундцы, Алеманны и Франки.

ловѣка и рано приняли христіанство отъ Галльскихъ проповѣдниковъ. Гибельнѣе было вліяніе Рима на другія воинственныя семьи западной Германіи. Слишкомъ отдаленныя отъ Рейна и слишкомъ сильныя, чтобы подпасть вполнѣ Римскому игу, слишкомъ близкія и разрозненныя, чтобы вполнѣ отъ него освободиться, онѣ въ вѣковой борьбѣ и въ вѣковой службѣ развили всю свирѣпость своего воинственнаго характера, всѣ буйные пороки праздпаго дикаря и присоединили къ нимъ весь развратъ древней образованности, все грубое себялюбіе и жажду къ корысти, которыми заклеймепъ былъ Римъ цеарской и императорской эпохи. Необходимость защиты противъ общаго врага, сознаніе общихъ выгодъ и отчасти племенное сродство соединили ихъ въ одинъ могучій союзъ. Когда Римъ ослабъ и, уже не мечтая о завоеваніяхъ, едва находилъ въ себѣ довольно силъ для собственной защиты, тогда освободился союзъ Привезерскихъ Германцевъ, пѣкогда полурабовъ; радость новоприобрѣтенной свободы выразилъ онъ, придавъ себѣ названіе людей свободныхъ, *Франковъ*.

Новые критики искали въ потѣ лица своего много различныхъ объясненій для слова *франкъ*. Трудъ напрасный. Прежнее объясненіе (люди свободные), безспорно истинное, оправдывается не только вѣроятностію историческою, но и здравою филологіею. *Фрей*, *фрехъ* и *Франкъ* безспорно выросли изъ одного корня и близки другъ другу по значенію. Разница ихъ есть или слѣдствіе слившихся нарѣчій, или разныхъ оттѣнковъ одной основной мысли. Это подтверждается самою поговоркою *frei und frank*. Критики непремѣнно предполагаютъ коренное различіе между этими двумя словами, боясь плеоназма. Еслибы они вникли въ общій характеръ народныхъ поговорокъ, они поняліы несомнѣнность полу-плеоназма, усиливающаго выраженіе основной мысли. Самыйже корень словъ *фрей*, *фрехъ* и *франкъ* кажется исчезъ въ нарѣчіяхъ Германскихъ, но онъ уцѣлѣлъ въ Славянскомъ *пря* (война, Англ. *fray*). Идея войны должна была перейти въ идею свободы для воинственнаго дикаря, не понимающаго мирной человѣческой свободы.

Устья Рейна и сѣверо-восточная Галлія перешли мало-помалу въ руки Франковъ и наступательное ихъ движеніе продолжалось постепенно далѣе и далѣе на западъ.

Юго-западная Германія, берега верхняго Рейна и верховья Дуная, долго составлявшія часть имперіи, сдѣлались добычею восточнаго Германскаго племени, *Свевовъ*. Древняя земля Славянъ (Вендовъ великихъ, Винделикія), покоренная Римомъ при Августѣ, была обращена въ военное поселеніе и наполнена изъ разныхъ областей (особенно изъ Галліи) выходцами, платившими вѣчною службою за земли, дарованныя государствомъ. Новое мѣшанное племя съ преобладающею Кельтскою стихіею вытѣснило Славянъ, которыхъ небольшіе остатки, пощаженные побѣдителемъ или уцѣлѣвшіе въ лѣсныхъ и горныхъ округахъ, еще долго свидѣтельствовали о племени прежнихъ туземцевъ.

Ученость Германская не мало имъ удивлялась, да и удивляться не перестанетъ, покуда не пойметъ общаго заселенія всей средней Европы Восточно-Иранскою вѣтвію, вытѣсненною въ послѣдствіи Иранцами западными.

Военныя колоніи уступили въ свою очередь напору Германцевъ и Свевы побѣдители, принявъ имя Алеманновъ (до сихъ поръ необъясненное) вступили въ безпрестанную борьбу не только съ имперіею, но и съ ея завоевателями.

Такова была купа Германскихъ народовъ, столпившихся на берегахъ Рейнскихъ и оспоривающихъ другъ у друга будущее обладаніе Галліею. Они отличались во многихъ отношеніяхъ отъ переселенцевъ Готскаго отдѣла, языкомъ, обычаями и характеромъ. Они не подверглись ни кроткому вліянію народовъ Славянскихъ, ни облагорживающему вліянію Эллинскаго просвѣщенія, ни еще высшему вліянію христіанства (за исключеніемъ Бургундцевъ). Но, уступая Готамъ въ отношеніяхъ духовныхъ, они далеко превосходили ихъ въ условіяхъ вещественной силы и вещественнаго успѣха. Франки и Алеманны сохраняли еще неизмѣнную воинственность, ставящую войну единственною цѣлію жизни; они сохраняли свѣжость

своей дикости и восторженое напряженіе односторонняго стремленія. Наконецъ всѣ они, не исключая Бургундцевъ, стояли на своей землѣ, близко къ своей братьѣ, почерпая безпрестанно новыя силы изъ глубины Зарейнской Германіи и крѣпчая послѣ временныхъ пораженій. Готы были бѣглецами, оторванными отъ народовъ единокровныхъ, дружиною безпрестанно таящею въ вѣчномъ странствованіи, слабѣющею даже отъ побѣдъ и гибнущею при пораженіяхъ.

Но не для всѣхъ Прирейнцевъ были равныя вѣроятности успѣха. Бургундцы, болѣе всѣхъ пострадавшіе отъ Гунновъ, уступали своимъ соперникамъ въ числительной силѣ, не смотря на безсомнѣнное присоединеніе къ нимъ Бургундцевъ восточныхъ, которыхъ имя исчезаетъ изъ исторіи и изъ разсказа лѣтописцевъ о перехожденіи народовъ.

Тоже самое доказывается и слѣдами Аріянства и слѣдами Славянскихъ именъ. Самое вліяніе объясняется естественнымъ сходствомъ обычаевъ между племенами, привыкшими къ градожительству, тяготящимися странствованіемъ и, можетъ быть, обманутыми случайностью одноименности до вѣрованія въ родство или тождество племенное.

Бургундцы были по своему положенію далѣе отъ источника дружинной силы Германіи; еще далѣе были они отъ сочувствія дикарей по своимъ полуобразованнымъ правамъ и отъ союза съ идолопоклонниками по вѣковому христіанству. Имъ должно было пасть въ борьбѣ, по двойственности направленія и слабости началъ.

Равнѣе были силы Алеманновъ и Франковъ: равныя выгоды мѣстности, равная воинственность, равное отношеніе къ внутренней Германіи; но равенство было только въ смыслѣ отпора, а не завоеванія. Алеманны находились еще вполнѣ въ эпохѣ народности. Дружина была племенная, слѣдственно непостоянная. Франки уже переходили въ эпоху государственности. Дружина племенная служила только опорою дружинѣ княжеской. Это очевидно изъ сличенія законовъ Салическаго и Але-

манскаго. Другая причина, до сихъ поръ мало замѣченная, еще болѣе давала перевѣсъ Франкамъ. Давно уже ихъ рати переступили границы своей родины. Земля прежнихъ Батавовъ, часть Бельгіи, населенной Кельто-Кумрійцами (Беолгами) и приморье Океана, земля Славянскихъ Поморянъ (Мориновъ, теперешній Зеландъ) уже были заняты выходцами изъ области Франкской. Но это завоеваніе не было дѣломъ народа. Смѣлые вожди съ дружиною, выбранною изъ единоплеменниковъ и признающею въ нихъ власть уже не стѣсненную законами общины, сдѣлались владѣтелями обширной страны, нѣкогда богатой и певполнѣ одичавшей. Многочисленные подданные или подручники составляли для новыхъ завоевателей силу отдѣльную отъ Заейнскаго союза.

Значительность Кельтскаго начала доказывается слѣдами Кельтскаго нарѣчія въ примѣчаніяхъ на Салическій законъ. Хотя очевидно, что въ этихъ примѣчаніяхъ многія слова (какъ напр. *барагъ*, *херегъ* и др). очень близкія кореннымъ Славянскимъ (боровъ, хрякъ и др.); здравая критика не можетъ сомнѣваться въ чисто-Кельтской основѣ нарѣчія Прирейнскаго. Съ другой стороны здравая критика не можетъ также сомнѣваться въ чисто-Славянскомъ (Восточно-Иранскомъ) населеніи Приморья и устьевъ Рейна. Остатки тѣлъ, сожженныхъ по обычаю Славянскому въ древнихъ кладбищахъ, подтверждаютъ истину уже доказанную постоянною связью Менапіевъ и Мориновъ съ Венетами, общностью быта мореплавательнаго, остатками Славянскаго языка въ нарѣчіи Утрехтскомъ, именемъ многихъ рѣкъ и болѣе всего несомнѣннымъ свидѣтельствомъ всѣхъ мѣстныхъ преданій объ Вильцахъ (*Вильшій*—общее прозвище Вендовъ), объ имени Славянъ и ихъ войнахъ съ Римлянами и Саксами и о Богѣ *Белъ*, котораго серебряный кумиръ сіялъ необыкновенною бѣлизною (явно Бѣлъ-богъ). Но уже Славяне, нѣкогда жившіе далеко вверхъ по Рейну и Шельдѣ, давно были отодвинуты къ устью рѣкъ и едва ли имѣли вліяніе на развитіе Франковъ. Ихъ вліяніе выразилось позже въ быстромъ развитіи торговли.

Дружина Меровинговъ.

Изъ князей, овладѣвшихъ Прирейнскою областію, одна семья получила особенное значеніе. Случай, какъ извѣстно, далъ поводъ къ первому морскому подвигу Франковъ; распространеніе ихъ по морскому берегу и по землѣ народа мореплавательнаго обратило временно ихъ помыслы къ морскому разбою. Берега Галліи, Британніи и далекой Испаніи были неразъ опустошаемы ихъ жадными дружинами; Римскіе флоты, устроенные въ гаваняхъ океана, не могли достаточно охранить Римскую область и безполезно гонялись за легкими челноками Германскихъ разбойниковъ. Но мореплаваніе, случайное занятіе, не было врожденною страстію Франковъ; они скоро уступили морскому превосходству Саксонцевъ и обратили свою силу на завоеванія сухопутныя и на беззащитную Галлію. За всѣмъ тѣмъ богатства, собранныя въ прежнихъ набѣгахъ по берегамъ Океана и вѣроятно торговля, никогда вполнѣ неисчезавшая въ землѣ Поморской, дали князьямъ, владѣющимъ ею, огромный перевѣсъ надъ всѣми другими. Такова безъ сомнѣнія причина быстраго возвышенія Франкскаго рода владѣтелей Поморья, земли *Меруве*, отъ которой они получили родовое прозвище *Меровинговъ* (Поморичей). Въ первый разъ съ ними является цѣлая исторія княжеской династіи у Германцевъ Прирейнскихъ и высказывается та разница въ ходѣ развитія Франковъ и Алеманновъ, которая замѣтна въ памятникахъ ихъ законодательства и объясняетъ разницу ихъ судебъ.

Меровинги вскорѣ поняли свое отношеніе къ другимъ слабѣйшимъ князьямъ, къ союзу Зарейнскому и къ народамъ, владѣющимъ судьбою міра. Князей сдѣлали они своими подручниками, союзу явились какъ его покровители и его передовое войско; признаніе своихъ правъ добыли временною покорностью, то отъ Рима, то отъ Приволжскихъ Славянъ, Гунновъ, тогдашней грозы всей Европы.

Просьбы Меровинговъ къ Гунискимъ вождямъ объ утвержденіи въ княжеской власти доказываютъ вѣрность, съ которою представлены отношенія всѣхъ Германцевъ къ *Этцелю* (Аттилѣ) въ поэмѣ Нибелунговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дальность Франковъ и естественная

крѣпость ихъ области ставили ихъ въ меньшую зависимость, чѣмъ ихъ южнѣйшихъ единоплеменниковъ. Оттого то, воспользовавшись уничтоженіемъ силы Бургундцевъ Гуннами, они стали на поляхъ Каталаунскихъ въ рядахъ Аэціева войска.

Въ окончательной борьбѣ съ Аттилою является уже не войско Франковъ, а дружина собственно Меровейская. Вскорѣ послѣ смерти Аттилы и совершеннаго распаденія западной имперіи власть княжескаго дома Франковъ Поморскихъ развивается еще болѣе и наконецъ достигаетъ всемірнаго значенія при завоевателѣ всей сѣверной Галліи, Хлодовикѣ.

Хлодовикъ.

Воинственные и хладнокровно-свирѣпые, безграничнo-развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ одного лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а, по словамъ другаго, любили клятву, чтобы наслаждаться клятвопреступленіемъ, таковы были Франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ. Гостепріимство оставалось у нихъ, какъ единственная добродѣтель, уцѣлѣвшая отъ старины. Таковы были Франки, таковъ былъ ихъ вождь Хлодовикъ, достойный представитель своего народа, душа могучая, исполненная великихъ замысловъ, достойная удивленія по необыкновенной силѣ своей и отвращенія по совершенному отсутствію всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Успѣхи его были приготовлены обстоятельствами; но и онъ умѣлъ пользоваться всѣми обстоятельствами для успѣха.

Движеніе народовъ отодвинуло Бургундцевъ къ югу; Римская имперія уничтожена была въ самой Италіи; Вестготы ограничили свои завоеванія благословенными странами около Пиренеевъ и Средиземнаго моря; опасные соперники Франковъ, Саксы, обратили оружіе свое противъ Британніи; полу-Римская, полу-Кельтская страна въ сѣверной Галліи, малоспльная и непривычная вѣрить въ свою силу, ждала завоевателя. На нее обратился первый ударъ Хлодовика, и послѣдняя, еще уцѣлѣвшая, Римская провинція покорилась послѣ недолгаго сопротивленія. Вскорѣ наступила борьба съ Алеманнами, рѣшенная

однимъ счастливымъ сраженіемъ Побѣдитель почувствовалъ себя безспорнымъ владѣльцемъ Галліи: онъ понялъ необходимость сближенія съ туземцами, онъ понялъ необходимость союза съ единственною еще живою властію народною, духовенствомъ, и принялъ крещеніе. Внѣшнія причины и расчеты, а невнутреннее убѣжденіе, не глубокая потребность духа человѣческаго, стремящагося къ истинѣ, преклонили колѣно Сикамбра передъ христіанскою святынею и вѣра осталась для него внѣшнимъ обрядомъ безъ всякаго духовнаго плода. И Хлодовикъ, и его бездушные сыновья, и ихъ далекіе преемники, и все племя Франковъ оставались долго, долго тѣми же дикими язычниками, которые пришли изъ-за Рейна, чтобы заплатить грабежемъ и убійствомъ Риму за полученный отъ него развратъ. Но духовенство западное и глава его, Римскій епископъ, протянули руку помощи новому союзнику; съ мирною проповѣдью пошли они впереди Франкской дружины, приглашая народъ къ покорности, приготовляя путь къ новымъ завоеваніемъ, торжествуя незаконныя торжества вмѣстѣ съ кровожадною дружиною Меровинга. Побѣжденные Хлодовикомъ, Бургундцы едва могли охранить свою независимость въ юго-западной Галліи; отодвинутые къ морю и Пиренеямъ, Вестготы, не смотря на присоединеніе къ нимъ новыхъ родственныхъ дружинъ съ востока (Гепидовъ и др.), проспали мира и спасены были отъ гибели только предстательствомъ великаго вождя Остготскаго; царство Франкское заняло первое мѣсто между всѣми царствами западной Европы. Но грозная дружина, вышедшая изъ лѣсовъ Германіи, была уже сильнѣе своей родины и обратила на нее оружіе привычное къ побѣдѣ. Земля Алеманновъ и ихъ разрозненныя общины не могли противустоять противъ сосредоточенной силы дружины Меровингской. Сѣверная часть покорилась и приняла имя земли Франкской; южная едва сохранила на нѣкоторое время тѣнь независимости подъ сильною рукою Ѳеодорика, царя Остготской Италіи. Цѣлый рядъ обмановъ и злодѣйствъ уничтожилъ княжескіе домы въ области Франковъ При-рейнскихъ. Общины, устрашенныя или прельщенныя вонинственнымъ ве-

личіемъ Хлодовика, поступили подъ его верховную волю: Германія, устоявшая противъ Рима, покорена была своими собственными сынами и навсегда утратила возможность свободнаго развитія. Торжество Хлодовика было торжествомъ дружины личной надъ дружинами народными. Его жизнь отвратительна: но подвигъ его огроменъ.

Христіанство получило на всемъ западѣ, даже въ просвѣщенномъ Римѣ, характеръ внѣшности; этотъ характеръ выступилъ еще яснѣе въ соприкосновеніи съ племенами Германскими. Духовенство грубое, непросвѣщенное, не знающее даже религіи, которой оно служило, сопровождало кочующую дружину, въ томъ же смыслѣ, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ древніе жрецы-заклинатели. Таково свидѣтельство современниковъ. Высшимъ во всѣхъ отношеніяхъ было духовенство туземное, полу-Римское, и особенно епископы, изъ коихъ многіе были рождены или воспитаны въ областяхъ не совсѣмъ одичавшаго юга. Въ этомъ духовенствѣ сохранился почти единственный остатокъ власти и жизни народной. Къ нему примкнули вожди завоевательной дружины, осыпая его милостями и наградами. Но и оно не было неблагодарнымъ. Оно связалось тѣснымъ союзомъ съ вождями, чтобы найти противъ дружины надежную защиту для себя и для своей паствы, побѣжденныхъ Галло-Римлянъ. Оно терпѣло кровавыя измѣны Хлодовика, убійства Хлотара, свирѣпый развратъ Хильдерика, всѣ мерзости, всѣ преступленія Меровинговъ, требуя только внѣшней набожности, только поклоненія святынѣ и покровительства для служителей церкви, защищая и хваля и возводя почти въ степень святыхъ царственныя лица, о которыхъ исторія не можетъ говорить безъ отвращенія. Союзъ духовенства съ царями Франкскими не ограничивался областью Франкскою. Первый епископъ Запада, владѣтель престола, къ которому, какъ къ средоточію вѣры, тяготѣли невольно всѣ духовныя власти областей завоеванныхъ Германцами, аріянами или идолопоклонниками, папа Римскій видѣлъ въ преемникахъ Хлодовика своихъ надежнѣйшихъ защитниковъ и, приготовляясь къ будущему, еще не развившемуся величію, возвеличивалъ вопи-

Внутренній характеръ державы Меровинговъ.

ственную силу, предлагавшую ему свой мечъ и щитъ противъ Гота, Лонгобарда и Сакса. Въ послѣдствіи духовенство отдѣлилось вполнѣ отъ народа: но въ то время оно представляло народъ; и принося присягу вѣрности королю Франкскому вмѣстѣ съ дружиною (присягу службы, *леодесаміумъ*), оно создавало ему власть независимую отъ самой дружины. Такимъ образомъ объясняются огромное значеніе вождя и полная покорность непокорнаго Германца въ первую эпоху Меровинговъ. Отдѣленіе короля отъ войска выражается также и въ томъ, что право на завоеванную Галлію, право пріобрѣтенное Германскимъ мечемъ, требуетъ утвержденія отъ законнаго владыки всего Римскаго міра, отъ императора Византійскаго, и Хлодовикъ, въ званіи патриція, получаетъ значеніе независимое отъ воли своихъ ратныхъ сподвижниковъ. Царь отдѣлился отъ своей дружины: но онъ не создалъ силы внѣ ея и чрезъ нѣсколько вѣковъ наступило время, когда дружина отдѣлилась отъ царя и сверженный Меровингъ уступилъ свой престолъ новопзбранному вождю воиновъ, побѣдоносному основателю Карловингской династіи.

Завоеватели Галліи не были ополченіемъ народнымъ, они были дружиною одного княжескаго рода, служителями, имѣющими право на награду, но и обязанными къ повиновенію. Области, уже завоеванныя другими Германцами или даже отдѣльными отрядами Франковъ, были снова взяты съ меча Хлодовикомъ и поступили подъ общій законъ новаго раздѣла. Но самая дружина состояла изъ двухъ отдѣльныхъ стихій, изъ родовыхъ или наемныхъ служителей князя и ихъ союзниковъ Германцевъ, притекавшихъ подъ его знамена и ввѣрявшихъ свою судьбу его боевому счастію. Покоренныя земли раздѣлялись по извѣстному закону между побѣдителями. Князь получалъ свою долю, которою располагалъ какъ хотѣлъ, и эта доля была самая значительная. Ею награждалъ онъ своихъ слугъ, ею покрывалъ расходы своего двора и расходы своихъ частныхъ предпріятій противъ личныхъ враговъ. Другая доля поступала вольной дружинѣ на правахъ наслѣдственныхъ, подъ условіемъ извѣстной службы въ общей войнѣ. Доли между

воинами были неравныя, но права равны и владѣлецъ не признавалъ надъ собою никакого суда, кромѣ суда дружиннаго, никакой власти, кромѣ власти князя въ извѣстныхъ предѣлахъ. Таково начало системы аллодіальной. Въ ней были государство—дружина король-вождь, общины не было. Свобода также какъ и зависимость были личныя. Не таково было устройство жизни Германской за Рейномъ. Тамъ была община родовая, хотя безспорно аристократическая, ибо подъ рукою властителя Германца вездѣ еще жили и страдали племена побѣжденныя,—Славяне или Кельты, или даже другіе покоренные Германцы. Всѣ права принадлежали роду или общинѣ, и лицамъ только какъ членамъ родовъ и общинъ.

Такъ напр. во многихъ мѣстахъ безъ согласія не только общины, но и всѣхъ членовъ ея безъ исключенія, пришлецъ не могъ ни селиться, ни пріобрѣтать недвижимую собственность. Тамъ была взаимная отвѣтственность сосѣдей другъ за друга, отмѣненная позднѣйшими законами въ областяхъ завоеванныхъ народными ополченіями, какъ мы видимъ у Вестготовъ и другихъ.

Въ этой зависимости была высшая свобода; въ свободѣ Франка, получившаго долю свою изъ княжескаго завоеванія, была уже зависимость, развившаяся въ послѣдствіи до полнаго подданства. Власть Хлодовика, войны его за Рейномъ, ослабленіе Зарейнскихъ общинъ, выславшихъ большую часть своихъ удальцевъ на службу Меровинга, распространеніе христіанства вмѣстѣ съ новыми понятіями, составленными уже въ Галліи, и наконецъ усиленіе естественное всякому преобладающему началу, уничтожили мало-по-малу весь прежній народный бытъ; волненія послѣдующихъ вѣковъ изгладили даже и слѣды его. Иначе и не могло быть ни у Алеманновъ, побѣжденныхъ Хлодовикомъ, ни у Привезерскихъ Тюрингцевъ, покоренныхъ его преемниками. Сравнительно ничтожная область, родина Франковъ, сдавленная мало-по-малу то Тюрингцами, то Саксами и освобожденная снова королями Меровингами, подверглась общей участи. Дѣло было начато Хло-

довикомъ: онъ принудилъ всѣхъ Франковъ Прирейнскихъ признать его первенство; онъ подчинилъ себѣ обѣ вѣтви великаго союза: сначала ближайшихъ къ себѣ и единокровныхъ Салійцевъ, которыхъ имя происходитъ безспорно отъ *сала* (жилище вольнаго человѣка), слова тождественнаго съ Славянскимъ *село* (отъ *седло*, корень *сидѣть*), потомъ дальнѣйшихъ по племенному началу и слабѣйшихъ *Рипуаріевъ* (т. е. береговыхъ). Начатое Хлодовикомъ было мало-по-малу совершено его преемниками.

Такъ исчезло древнее устройство Германской земли. Бѣдные остатки его сохранялись еще долго, и великій Гогенштауфенъ встрѣтилъ еще въ позднюю эпоху гордаго потомка древнихъ вольныхъ людей,—*ленника Солнца*, который не считалъ себя обязаннымъ никому, кромѣ Бога за свою свободу и свое имущество.

Въ выраженіи *Sonnenlehn* вѣроятно жила еще память языческаго поклоненія.

Эпоха полной свободы (*зонненленства*) была эпохою общины Германской, общины дружинной. Она кончилась съ завоеваніемъ Германіи Франками и уступила мѣсто эпохѣ *аллодіальной*, въ которой земская община исчезала безъ слѣда и оставалась только дружина и ея начальникъ, король. Дальнѣйшее, измѣненіе системы аллодіальной произвело эпоху *феодальную* въ которой идея дружины уступила мѣсто идеѣ личнаго владѣнія и личнаго подданства, эпохѣ, въ которой люди перестали быть людьми, и сдѣлались только представителями владѣемой земли, а идеи государства и короля перешли въ идеи общаго владѣнія и общаго владѣтеля.

Впрочемъ общину Германскую не должно смѣшивать съ общиною Славянскою: между ними безконечное разстояніе. Одна есть община естественнаго братства, другая братства условнаго, дружиннаго. Оттого-то у Германца права женщины ничтожны, а права мужчины зависятъ отъ его значенія воинскаго, какъ оруженосца(werhaft), от-

того и слово, обозначающее *народъ*, показываетъ у Славянъ происхожденіе естественное, между тѣмъ какъ у Германцевъ слово *Volk* имѣетъ корень, указывающій на условную дружину. Оно соотвѣтствуетъ Славянскому *полкъ* и связывается съ корнемъ *füllen, voll*, какъ *полкъ* съ корнемъ *полнить*. Это коренное различіе отзывается во всѣхъ подробностяхъ развитія. Въ одномъ начало чисто-человѣческое, въ другомъ аристократическое, завоевательное. Также не должно искать рѣзкаго раздѣленія во времени между эпохою *зонненленства* и *аллодія*. Онѣ сливаются другъ съ другомъ. Эпоха феодальная также сливается съ аллодіальною, но опредѣляется нѣсколько яснѣе, потому что Норманны въ Англіи и Италіи и крестоносцы въ Палестинѣ представили опыты безпримѣсной феодальности во всей строгости ея логическаго развитія.

Саксы. Завоеваніе Британіи. Христіанство въ Ирландіи.

Между тѣмъ какъ Франки становились преобладательною силою на западѣ, другое Германское племя усиливалось на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Германіи и клало основаніе государству, нынѣ державствующему во всѣхъ частяхъ свѣта. Послѣдніе выселенцы изъ Скандинавіи, Саксы, дружина слабая въ своихъ началахъ, также какъ и всѣ дружины, выселившіяся изъ сѣвернаго полуострова, сдѣлались основою великаго союза, въ которомъ сливались стихіи Германская и Славянская. Большинство числительное было безспорно Германское; но начало Славянское имѣло безспорно если не большее, то по крайней мѣрѣ равное участіе въ духовномъ развитіи народа.

Такъ напр. царскія династіи въ Англіи вели себя иногда отъ *Водана* (Одина), иногда же считали его только однимъ изъ своихъ родовыхъ колѣнниковъ: но всегда весь народъ поклонялся Славянскимъ богамъ *Чернобогу* и *Сибѣ*, а, по позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, въ Германіи онъ поклонялся также *Бѣлъ-богу*. Религіозное же первенство не могло не быть сопряжено съ огромнымъ вліяніемъ на весь бытъ жизни, на строй и ладъ ума. Вліяніе Славянъ на самый языкъ древнихъ Англо-Саксовъ совсѣмъ не оцѣнено; но оно является при самомъ поверхностномъ изученіи во множествѣ

словъ. Таковы напр. *ваш*ъ въ началѣ слова *wassail*, седло (жилища) въ *settle*, *сей* въ *se*; огромный въ *rumne*; опять въ *eft*; *лада* (жена) въ *lady*; *любовь* (любы) въ *lufu* *самый* въ *same*; *вѣкъ*, *вѣчный* въ *ece*, *ecan*; *суть*, *сущій* въ *sooth* (*sothan*);*хлѣбъ* въ *hlaf*; *владыка* (котораго корень находится въ *въ ладить*—уладитель, т. е. міротворецъ, а не въ *воля* и *дѣлать*) въ Саксонскомъ *vledyk*, и т. д. Но одни имена боговъ уже представляютъ свидѣтельство, къ которому нечего и прибавлять.

Союзъ Саксонскій сталъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ многіе прежніе союзы (напр. Готы, Вандалы, Бургундцы и пр.) стали выселяться на юго-востокъ, или подвигаться къ западу, какъ Франки.

Вскорѣ съ ужасомъ узнала про Саксовъ слабѣющая имперія. Иногда дружины ихъ, пробиваясь сухимъ путемъ между сильными племенами Прирейнскими, доходили до границъ Галліи, но гораздо чаще налетали ихъ корабли на беззащитные ея берега. Противъ Саксовъ были безсильны Римскіе флоты; вскорѣ безсильною оказалась и новоучрежденная береговая стража. Новая гроза явилася для западной имперіи изъ пучинъ Океана, доселѣ охранявшаго ея предѣлы. Франки, лишенные своихъ прибыльныхъ разбоевъ морскихъ, видѣли со страхомъ возростающую силу Саксовъ на западѣ. Сѣверный и западный берегъ Галліи уже носилъ имя берега Саксонскаго и завоеватели врѣзывались глубже и глубже въ Римскую область, очевидно приготовляясь къ основанію сильнаго государства. Общая опасность и общая вражда соединили Римлянъ и Франковъ. Ихъ совокупныя усилія остановили успѣхи Саксонцевъ: но гроза еще не миновалась. Судьба отвела ее на сѣверъ и опредѣлила другое поприще для славы и завоеваній морскихъ витязей.

Британнія (т. е. Англія и Шотландія) долго была подчинена Римскимъ законамъ, за исключеніемъ ея сѣверныхъ оконечностей. Немногочисленные туземцы, по большой части Кельты и Кельто-Кумрійцы или Беолги съ примѣсью Иберцевъ на юго-западѣ и Славянъ (Менапіевъ. Морпиовъ, а иног-

да и Венетовъ западныхъ) покорились послѣ не безславнаго сопротивленія. Провинція была романизована также какъ Галлія и получила новую жизнь просвѣщенія, градостроительства и законнаго порядка. Но и въ Британніи, какъ и вездѣ, эта жизнь полицейскаго благоустройства и тишины и даже роскоши осталась безплодною. Она создала города,башни и дворцы: она не создала духа и силы. Когда ослабла держава міровластительнаго Рима, наемныя дружины Германскихъ дикарей стали охранять заморскую провинцію, отражая другихъ сѣверныхъ дикарей, угнетая жителей, а иногда возводя на временный престолъ временныхъ императоровъ, которыхъ притязанія распространялись на близлежащую Галлію. Британнія повторяла въ своемъ тѣсномъ просторѣ тѣ жалкія явленія, которыя представлялъ весь современный западъ. Наступило время паденія для Рима. Области его наводнены были племенами Германскими; борьба съ Гуннами нанесла ему смертельный ударъ. Въ то время остатки легіоновъ и военныхъ силъ въ Британніи возвели въ чинъ императорскій человѣка мужественнаго и предпріимчиваго. Онъ могъ бы по всей вѣроятности удалить еще на долго гибель провинціи. Безумное желаніе обширнѣйшаго царства, можетъ быть безумная надежда спасти западную имперію, увлекли его на югъ. Всѣ воинскія силы Британніи послѣдовали за нимъ, и уже не возвращались. Далекій островъ былъ предоставленъ собственному безсилію. Не велики были опасности, угрожавшія ему: Франки и Саксы были заняты Галліею; а сѣверные горцы (*Пикты* и *Скоты* или Каледонцы) были такъ ничтожны, что достаточно было одного легіона для ихъ укрощенія. Опасность была одна, неизбѣжная, неотвратимая, — внутренняя безжизненность.

Христіанство давно проникло въ Британнію изъ Галліи; но вѣроятно не изъ одной Галліи: ибо во многихъ отношеніяхъ развитіе его было богаче и плодотворнѣе у Кельтовъ Британскихъ, чѣмъ у Кельтовъ южныхъ. Оно проникло и за предѣлы имперіи въ зеленый островъ, охраненный Океаномъ отъ Римскаго меча. Тамъ проповѣдь была не въ однихъ городахъ;

народъ былъ цѣльный, говорящій однимъ языкомъ и живущій одною жизнію; духовенство было съ народомъ и отъ народа; оно распространяло не нарѣчіе Римлянъ, а ученіе Евреевъ.

Тамъ христіанство не было связано съ властію и съ гражданскимъ порядкомъ строгаго Римскаго права; оно не было и не могло быть институтомъ; оно шло отъ человѣка къ человѣку, отъ мысли къ мысли и сохраняло свой характеръ вѣры и мысли. Наконецъ оно проповѣдывалось не одними учителями западнаго міра. Римъ не зналъ торговли; но сильное торговое движеніе происходило въ Римскихъ областяхъ мимо начальствъ и властей. Пристани Ирландіи (мы на это имѣемъ свидѣтельство современное) были чаще и болѣе посѣщаемы мореходцами, чѣмъ гавани Британніи и сѣверной Галліи; и нѣтъ сомнѣнія, что много изъ этихъ кораблей шли изъ той дальней области Смѣлыхъ семитовъ, нѣкогда бороздившихъ всѣ волны всѣхъ океановъ и никогда не забывавшихъ своей прежней славы и прежняго достоянія, до окончательнаго паденія своего передъ Средне-Азійскою грозою. Таковы преданія Зеленаго Острова и западной Британніи, состоявшей съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Зато и христіанство получило въ немъ характеръ совершенно чуждый всему западу и вполнѣ подобный восточному; зато жизнь духовная проявилась въ немъ въ своемъ личномъ величіи, а не въ принудительности внѣшней; зато Ирландія озаряла западную половину средней Европы свѣтомъ своей теплой и живой вѣры и заслужила отъ невольнаго удивленія современниковъ высокое прозваніе *Острова святыхъ*. Безпристрастная оцѣнка духовнаго состоянія Ирландіи (еще не вполнѣ обращенной къ новой вѣрѣ, но глубоко проникнутой ею) одно только можетъ объяснить исторію Британніи послѣ удаленія Римской и отчасти провинціальной военной силы. Восточная и юго-восточная Британнія утратила всю самобытность жизни народной и усвоила себѣ всю внѣшность и всю мертвенность Римскаго міра. Обычаи были Римскіе, нарѣчіе и большая часть населенія городовъ, созданныхъ Римомъ, были Римскія. Когда удалилась защита легіоновъ и войско, образованное по общему образцу имперіи,

Британнія явилась безсильною противъ ничтожныхъ враговъ своихъ, дикихъ жителей Каледоніи. Запылали села и города, кровь полилась струями съ конца въ конецъ несчастной области. Глубокое отчаяніе пробудило минутную энергію. Дикари были побѣждены и выгнаны: но долгая борьба была не по силамъ народу, привыкшему жить подъ чужимъ щитомъ и чужимъ разумомъ. Онъ призвалъ извнѣ защитниковъ, будущихъ владыкъ. Тогда явилось противодѣйство.

Христіанство обняло не только восточную и южную Британію, вполнѣ подчиненную Римлянамъ; оно захватило также и полу-независимый западъ ея и вполнѣ независимые округи горнстаго сѣверо-запада. Но характеръ его былъ разный по различію отношеній туземцевъ къ Риму. Романизованная область походила во всемъ на Галлію, съ тою только разницею, что близость Эрина и независимыхъ округовъ, принявшихъ христіанство, сообщала ученію церковному стремленіе болѣе духовное и внутреннее, жизнь болѣе свободную отъ политическаго вліянія всемірной державы. Въ Ирландіи христіанство, вполнѣ свободное отъ примѣси Римской, развивалось согласно съ характеромъ народа и смѣшивалось часто съ тайными ученіями древней мѣстной религіи, высокой и отвлеченной, но суровой и заклинательной, какъ всѣ религіи, принявшія на себя печать Палестинскихъ или Финикійскихъ Кушитовъ.

Вѣка и развитіе ученія очистили во многомъ христіанство Ирландіи прежде его вторичнаго искаженія; но всѣ свидѣтельства объ *кульдіяхъ*, какъ въ Ирландіи, такъ и въ Шотландіи, объ многихъ святыхъ о самомъ Патрикіи указываютъ на переходъ изъ друидизма въ христіанство и на преобладаніе заклинательнаго начала, замѣтнаго иногда, хотя въ меньшей степени (по причинѣ сосѣдства съ Иранскою Элладой) въ сказаніяхъ объ жизни отшельниковъ или учителей области Кушитской, т. е. Египта и южной Сиріи.

Вліяніе Ирландіи на Британію было полезно во многомъ: отт уда шло разумѣніе высшее, духовная рѣчь на языкѣ народномъ и желаніе вникнуть въ смыслъ вѣры, недоволь-

ствуясь обрядомъ и институтомъ. Британія и земля Ирландскихъ Скотовъ обращали въ продолженіи многихъ вѣковъ взоры свои на Востокъ, какъ на источникъ просвѣщенія, пренебрегая темнымъ Западомъ. Личная мысль, долго подавленная исключительною государственностью Рима, пробуждалась и стремилась къ новымъ путямъ знанія; но пробужденная мысль дала на крайнемъ западѣ, также какъ и на востокѣ, поводъ къ раздорамъ въ мірѣ христіанскомъ. Пелагій и его сотрудники создали ученіе о свободѣ воли, долго волновавшее церковь. Оно были отвергнуто; оно противно основному положенію христіанства о необходимости утраты человѣческой личности для пріобрѣтенія высшей личности въ нѣдрахъ Божества: но оно важно какъ свидѣтельство о превосходной умственной жизни въ Кельтскомъ сѣверѣ передъ романизованнымъ западомъ; оно еще важнѣе какъ свидѣтельство объ юридическомъ направленіи самаго догмата въ мірѣ, болѣе или менѣе получившемъ первые зачатки просвѣщенія изъ чисто-юридическаго Рима. Патріархи Римскіе преслѣдовали пелагіанство: они посылали учителей своихъ на словесную войну въ области заокеанническія (напр. Палладія, смѣшаннаго впослѣдствіи съ древнѣйшимъ Патрикіемъ-не безъ намѣренія); они побѣдили, изгладивъ повидимому пелагіанство, но прошли вѣка и Римскій католицизмъ сталъ проповѣдывать и предписывать постановленія, въ которыхъ отзывается характеръ Пелагіева ученія.

Разбирать, до какой степени правъ Востокъ, когда онъ обвиняетъ Западъ въ полу-пелагіанствѣ, дѣло богослововъ, а не историковъ: но историкъ обязанъ замѣтить, что пелагіанство представляетъ стремленіе къ опредѣленію взаимныхъ юридическихъ отношеній Бога и человѣка, и что позднѣйшее ученіе Рима стремится къ тому же опредѣленію, строго и постоянно удерживая личность человѣка, какъ дѣйствующую самобытно и получающую права внѣ благодати или, по крайней мѣрѣ, сверхъ милосердія Божіяго (*acta meritoria, merita sanctorum* и т. д.). Историкъ обязанъ это замѣтить, дабы уразумѣть исторію: ибо развитіе судебъ человѣчества темно для того, кто не понимаетъ его духовнаго развитія.

Другое вліяніе Эрина, какъ средоточія независимой жизни кельтской, выразилось въ горныхъ округахъ западной Британніи. Христіанство Валлійцевъ и Скотовъ, занявшихъ уже часть береговъ противоположныхъ Ирландіи, приняло направленіе совершенно чуждое своимъ началамъ. Оно сдѣлалось достояніемъ друидовъ, заклинателей и пѣвцовъ и перешло въ мистическое ученіе, принадлежащее во всѣхъ отношеніяхъ темному и страстному міру древнихъ миѳологій. Тутъ ярко пробудилась энергія воли и дѣйствія, тутъ загремѣла могучая пѣснь, которою Кельты могутъ гордиться, какъ древнѣйшимъ памятникомъ сѣверной словесности; тутъ раздались голоса *Аневрина*, *Лливаркъ-гена* и *Таліесина* и создался цѣлый сказочный міръ фантазіи, въ которомъ черпала вся Европа; міръ роскошный, дивныя пѣсни, первые листы того поэтическаго вѣнца, который назначенъ былъ островамъ Британскимъ. Эта таинственная поэзія съ ея кровожаднымъ восторгомъ, эта дикая сила воли и стремленіе къ жизни боевой были чужды христіанству и чужды романизованному востоку Британніи. Они явились, какъ противодѣйствіе, въ ту эпоху, когда жители провинціи, привыкшей къ нѣгѣ и миру, утомились борьбою съ Каледонскими дикарями и призвали на защиту другихъ, болѣе опасныхъ дикарей.

Характеръ движенія Кумрійскаго во время нашествія Саксовъ выражается очень ясно въ современныхъ пѣсняхъ, полныхъ символовъ и заклинаній, и въ миѳическихъ лицахъ волхва-Мерлина (или *Мердина*) и особенно Артура, котораго исторія не смѣетъ до сихъ поръ ни принять, на перекоръ лѣтописцамъ, ни отвергнуть, на перекоръ поэтамъ и преданіямъ. Безпристрастная критика узнаетъ въ языкѣ пѣсенъ, также какъ въ Мерлинѣ, въ Артурѣ и его кругломъ столѣ (эмблемѣ солнца или міра), въ разсказахъ о святомъ копьѣ, о чашѣ святаго Грааля, о борьбѣ драконовъ и пр., тотъ языкъ древнихъ таинствъ, въ которомъ ничто не называется, а все облекается въ символъ (какъ напр. *Артуръ*—символъ Кумрійцевъ, *Мердинъ*—символъ самыхъ друидовъ); ту слѣпую мудрость жреческихъ кастъ, которая вкладываетъ въ ежедневный историческій міръ свой про-

извольный смыслъ, понятный только для посвященныхъ, и то уродливое сочетаніе христіанства съ друидизмомъ, которое должно было развиться въ отдаленной области, не совсѣмъ утратившей своей народной друидической жизни и оторванной отъ благодѣтельной опеки остальнаго христіанскаго общества. Внимательное изученіе памятниковъ покажетъ вѣроятно въ миѳологіи Артурова цикла много примѣси изъ другихъ миѳологій, распространившихся по всей имперіи въ первые вѣка христіанства (напр. слѣды таинствъ Приевфратскаго *Митры*): но уже и теперь можно видѣть вліяніе Римской власти въ понятіи объ вождѣ, какъ императорѣ, и во многихъ другихъ подробностяхъ. Точно также можно угадать и распространеніе этихъ новыхъ тайныхъ ученій Валлиса Кумрійскаго на Арморику (какъ видно изъ преданій города Туръ) и сочувствіе съ ними приокеанской Венетіи, засвидѣтельствованное присутствіемъ князя *Передура* изъ племени Венетовъ (западныхъ Славянъ) въ рыцарскомъ кругѣ миѳическаго Валлійскаго героя.

Саксы и Англы, завоеватели Британніи.

Саксы, приглашенные на помощь изнѣженными жителями восточной Британніи, выговорили себѣ во владѣніе нѣсколько прибрежныхъ округовъ и мелкихъ острововъ. Они съ успѣхомъ служили князьямъ Кельто-Романскимъ противъ Пиктовъ и Скотовъ и освободили область отъ набѣговъ съ сѣвера; но они служили имъ также (это очевидно изъ лѣтописей) въ домашней распрѣ съ независимыми князьями гористаго запада. Употребленные сперва полу-Римлянами, какъ орудіе противъ враговъ внѣшнихъ и противъ чисто-народнаго начала, они скоро узнали свою силу и безсиліе туземцевъ и сдѣлались завоевателями. Корабль за кораблемъ приставалъ къ берегамъ Британніи; дружина за дружиною вступала въ несчастную область и всѣ съ мечемъ и огнемъ и насиліемъ. Опомнились, но слишкомъ поздно, полу-Римскіе туземцы: они вступили въ битву съ Германскими пришельцами и были побѣждены. Тогда возстали въ силѣ своей народности вольнолюбивые горцы Валлиса и Корнваллиса и сѣверо-западной Кумріи. Восторженные, безстрашные, гордые народными воспоминаніями и никогда вполнѣ неутраченною вольностію, они начали вѣ-

ковую, печальную, но славную борьбу съ завоевателемъ. Часто бѣжали твердые ряды Саксовъ передъ пылкимъ налетомъ ополченій Кумрійскихъ; часто поэты Валлійскіе пѣли близкое освобожденіе края и надежду скораго торжества; но корабль за кораблемъ приставалъ къ берегамъ Британніи, но дружина за дружиною приплывала изъ Галліи, отъ приморья Саксонскаго и изъ пепстощенной Германіи; но въ Кумрійцахъ были раздоры между мелкими владѣльцами, въ вѣрѣ ихъ полу-христіанской, полу-друидической было внутреннее раздвоеніе, а дружины Саксонскія всегда были готовы соединиться противъ общаго врага подъ начальствомъ общаго вождя (*брейтвалда*); но Валлійцы освободители были по причинамъ религіознымъ также ненавистны полу-Римскому населенію Британніи, какъ и завоеватели-Саксонцы. Гибель была неизбѣжна.

Враждебныя отношенія между поэтомъ, наслѣдникомъ друидовъ, и духовенствомъ, между Кельто-Кумрійцемъ, сохранившимъ большую часть своей народности, и тѣмъ же Кельтомъ романизованнымъ, выступаютъ очень ярко при сличеніи лѣтописцевъ современныхъ, писавшихъ на языкѣ латинскомъ (напр. *Гильдаса* или *Неннія*) и легендъ о святыхъ съ поэмами *Аливаркъ-гена* или *Таліссина*. Этой вражды не должно смѣшивать съ другою враждою, принадлежащею позднѣйшей эпохѣ. Христіанство мало-по-малу одолѣло (хотя и не совсѣмъ изгладило) начало языческое, а споръ стихій Кельтской и Рямской затихъ въ погибели всей романизованной (юго-восточной) области. Тогда началась новая вражда Кельта и его духовенства мѣстнаго противъ ново-пришлаго духовенства, принесшаго новое ученіе, созданное въ Италіи въ продолженіи VI-го и VII-го столѣтій. Но въ Гильдасѣ, во многихъ легендахъ и древнѣйшихъ поэзіяхъ слышенъ отголосокъ первой борьбы между двумя противоположными началами въ народности и духовномъ развитіи. Конецъ V-го и начало VI-го вѣка, героическая эпоха Валлиса и его системы союзныхъ племенъ, представляютъ возстаніе всего народнаго противу всего прошлаго, и изъ внутренняго несогласія объясняется равнодушіе восточной, полу-Римской, городовой, чисто-христіанской (въ смыслѣ западномъ) части Британніи къ благороднымъ усиліямъ западной части, сомкнувшейся

въ систему клановъ и стремящейся равно къ освобожденію отечества отъ Саксовъ и къ уничтоженію всѣхъ Римскихъ стихій, какъ въ языкѣ, такъ и въ бытѣ. Нѣкоторые новые критики видятъ въ преданіяхъ Кумрійскихъ слѣды сочувствія съ Гуннами и смутное ожиданіе свободы отъ побѣдъ Аттилы. Доказательство ихъ слишкомъ слабо, но предположеніе ихъ кажется вѣроятнымъ тому, кто пойметъ анти-Римское значеніе Кумрійскаго движенія въ V-мъ и VI-мъ вѣкѣ, явную враждебность Гунновъ къ Германцамъ и слѣдовательно общность цѣлей между великими завоевателями востока и мелкимъ племенемъ, бодро отстаивавшимъ свою свободу въ горахъ крайняго сѣверо-запада. Явный союзъ Кумрійцевъ съ Венетами западными, засвидѣтельствованный сказочными преданіями и легко понятный изъ присутствія Вендскихъ, Моринскихъ и Менапскихъ торговыхъ колоній не только на западномъ берегѣ Британніи, но и на восточномъ берегѣ Ирландіи, служитъ также объясненіемъ тайнаго сочувствія Валлиса съ Гуннами.

Тщетны были всѣ усилія мужественныхъ Кельто-Кумрійцевъ противъ безпрестанно возрастающаго напора Саксовъ и противъ равнодушія или вражды своихъ восточныхъ братьевъ. Пришельцы Германскіе стали твердою ногою въ Британніи и втѣснили туземцевъ въ западныя горы, гдѣ они успѣли сохранить свою свободу до временъ Норманскихъ, а свою народность отчасти до нашего времени.

Саксы, проникая въ Британнію по всему протяженію восточнаго и юго-восточнаго берега, подвигались впередъ твердымъ шагомъ и никогда не довольствовались набѣгами, но всегда основывали мелкія государства, связанныя между собою только общею обязанностію защиты противъ общаго врага. Каждое государство, основанное дружиною, признавало наслѣдственныя права потомковъ перваго ея вождя. Каждое было независимо отъ другихъ, но всѣ признавали также права котораго нибудь изъ мелкихъ князей на предводительство всенародной дружины въ войнѣ противъ Кумрійцевъ; слѣдовательно вся система носила на себѣ характеръ федераціи или условной общины. Внутреннее устройство княженій и весь складъ жизни, введенный Саксами, разнился также весьма много отъ устрой-

ства и быта другихъ государствъ, основанныхъ иными племенами Германскими въ западной Европѣ. Народонаселеніе туземное было немногочисленно; но оно не скоро покорилось. Вездѣ билось оно долго и мужественно противъ своихъ завоевателей. Побѣжденное, оно умирало или бѣжало въ горы еще свободныя или падало подъ иго полнаго рабства. Такимъ образомъ не осталось въ Британіи народа покореннаго дружинѣ, не осталось тѣхъ двухъ слоевъ, которыхъ борьба отозвалась во всей исторіи Запада. Самые города, взятые приступомъ, опустошенные, расхищенные, лишились большей части своихъ жителей и наполнились новыми изъ племени завоевателей За всѣмъ тѣмъ не всѣ жители городовъ погибли. Сохранились въ стѣнахъ древнихъ Римскихъ колоній остатки древняго мѣшаннаго населенія съ полу-Римскимъ нарѣчіемъ и съ памятью прежней полу-образованной жизни. Они участвовали вѣроятно въ позднѣйшемъ развитіи торговли, но мало участвовали въ общей народной жизни, и ихъ равнодушіе объясняетъ отчасти слабое сопротивленіе Саксонской земли во время Норманскаго нашествія и ту силу Римской стихіи въ Англійскомъ языкѣ, которую трудно приписать однимъ, слишкомъ малочисленнымъ Норманнамъ.

Британія перемѣнила свое имя: она назвалась Англіею по одному изъ завоевательныхъ племенъ.

Трудно сказать, какія семьи въ Саксонскомъ союзѣ принадлежали міру Германскому, какія Славянскому: по всей вѣроятности большая часть состояла изъ семей мѣшанныхъ. Самые Саксы, безспорно немногочисленные пришельцы съ сѣвера, носили имя Германское, взятое отъ оружія. Юты носили грозное имя семьи Кимрской, прославленное въ долгой борьбѣ съ Азами-Сарматами. Имена Англовъ и Вариновъ сомнительны: но частое ихъ соединеніе въ Германіи съ *Тюрингами* (*Thüring* или часто *Düring*) заставляетъ предполагать въ Англахъ и Тюрингахъ начало Славянское, скрытое измѣненіемъ звука *в* въ придыханіе и разложеніемъ буквы *у* въ звукъ носовой *ан*, именно названія нерѣдкія между семьями Славянскими—*Угличей* и *Тверичей*. Впрочемъ имена не указываютъ еще на племенной со-

ставъ народовъ. Побѣдители сплошь принимали новое имя отъ завоеванныхъ областей.

Религія Саксовъ представляетъ явные признаки Славянской примѣси; тѣ же признаки замѣтны въ языкѣ, а еще болѣе въ исторіи и бытѣ. Отъ Славянъ, единственныхъ древнихъ мореходцевъ Сѣвера, быстрое развитіе мореплаванія, отъ Славянъ общинное устройство (хотя и не въ полномъ его развитіи); отъ нихъ же правленіе *вѣчевое* (*виттена*) и судъ присяжныхъ (или цѣловальныхъ или поротниковъ), требующій единогласія, какъ все органическое требуетъ безусловнаго единства.

Суда присяжныхъ искали въ Германцахъ и не нашли, въ Кельтахъ и Кумрійцахъ, также безъ успѣха. Новые ученые наконецъ начали догадываться, что онъ могъ быть занятъ отъ Славянъ. Давно пора: но справедливость новыхъ выводовъ, часто удивляющихъ своею неожиданностью самихъ писателей, остается еще сомнительною для просвѣщеннаго міра. Таково слѣдствіе гордаго пренебреженія къ племени теперь обладающему восточною Европою, нѣкогда жителю всей средней Европы. Безъ знанія быта и языка Славянскаго многое должно быть непонятнымъ въ исторіи Саксовъ, начиная съ религіи.

Саксонцы пришли въ Британнію дружинами и признали права тѣхъ родовъ, около которыхъ собирались первыя дружины. Этотъ характеръ остался за ними навсегда. Но въ то же время всѣ вмѣстѣ составляли дружину народную, а не дружину одного князя и поэтому требовали вольности народной. Они пришли изъ страны, въ которой сохранилась простота общиннаго быта: они не приняли еще на себя печати аристократической; они требовали земли для житья, а не народа для порабощенья. Пахарями и тружениками поселились они въ областяхъ взятыхъ съ боя. Земля была общинною: округъ представлялъ собою живое и органическое лице. Таково было ихъ первоначальное устройство. Въ позднѣйшее время, очевидно богатство стало сосредоточиваться въ руки знатныхъ родовъ

и общины стали бѣднѣть; многое чисто-дружинное введено было Датчанами, сперва завоевателями, потомъ побратавшимися съ Саксами: но побѣда Вильгельма Норманскаго не допустила ни полнаго искаженія, ни возврата къ старинѣ. Одно только вѣрно: всё прекрасное, чѣмъ гордится современная Англія, завѣщано ей первыми пришельцами изъ Славяно-Германской земли.

Бурно и кроваво, но не безславно было почти 6-ти вѣковое владычество Англо-Саксовъ въ Англіи. Твердостью и постояннымъ мужествомъ побѣдили они стремительное нападеніе Кельто-Кумрійцевъ и заключили ихъ въ предѣлъ горныхъ областей; долгою и жестокою борьбою пріобрѣли они себѣ новое отечество и распространили власть свою за границы Англіи до подошвы горныхъ твердынь Шотландіи; рядомъ блистательныхъ подвиговъ отстояли они свою свободу отъ Датчанъ и Норманцевъ, грозы всей Европы, и наконецъ, сражаясь въ продолженіи цѣлаго дня противъ несравненно-многочисленнѣйшаго ополченія Вильгельма Завоевателя на роковыхъ поляхъ Гастингса, они даже въ паденіи своемъ доказали превосходство свое передъ побѣдителями и дали залогъ будущаго величія и будущихъ торжествъ, добытыхъ для Англіи не мечемъ ея Нормансkихъ рыцарей, но желѣзною крѣпостью ея Саксонскихъ стрѣлковъ, *іомановъ*. Цари Англо-Саксонскіе, достойные представители благороднаго народа, неустрашимые въ брани, заслужили и другую, лучшую славу правдолюбіемъ и покровительствомъ наукѣ.

Даже свирѣпый старикъ Пенда, кровожадный гонитель христіанства, говорилъ: «я ихъ казню, не потому что они христіане, но потому что, исповѣдуя христіанство, они не исполняютъ его законовъ,» и въ немъ это не было языкомъ лицемѣрія, но выраженіемъ внутренней, строгой правды.

Имена Альфреда Великаго, побѣдоноснаго Ательстана, воспитателя трехъ государей (Алена, освободителя Бретани, Людвига Заморскаго и Гакона Добраго) блестятъ кроткимъ блес-

комъ человѣческаго величія, неизвѣстнаго въ лѣтописяхъ другихъ современныхъ народовъ. Языкъ Англо-Саксонскій служилъ покорнымъ орудіемъ мысли, выраженіемъ духовнаго созерцанія и голосомъ вдохновенной поэзіи. Жизнь развивалась цѣльна и могущественна, не смотря на смуты внутреннія и на безпрестанныя бѣдствія отъ нашествія иноплеменцевъ.

Медленно развилось христіанство между Англо-Саксами. Они пришли въ Британнію ревностными идолопоклонцами, они вступили въ борьбу съ туземцами христіанами и долго питали вражду противъ народа и вѣры его. Но высокій разумъ племени Германскаго не могъ противиться высокому ученію, проповѣдуемому во всей его простотѣ. Учители изъ Ирландіи и даже земель Валлійскихъ обратили значительную часть побѣдителей и приготовили братское сближеніе между ими и побѣжденными. Къ этой проповѣди, медленной, но плодотворной, присоединилась скоро другая, прославившаяся своимъ быстрымъ успѣхомъ и памятная по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ. Римъ, еще не отдѣлившійся отъ Востока и не сомкнувшій церковь западную въ форму единодержавія, но уже быстро стремящійся къ цѣли не вполнѣ сознанной, послалъ учителей на дальній и почти забытый островъ. Блескъ и пышность сопровождали новыхъ учителей. Гордое сознаніе силъ и гордое стремленіе къ власти обозначили ихъ первые шаги. Слова мира и любви, принесенныя издалека, были приняты радостно Англо-Саксами: но проповѣдники Римскіе видѣли враговъ въ прежнихъ христіанахъ, не признающихъ власти Римскаго епископа, и стремились также ревностно къ искорененію прежней церкви (по ихъ мнѣнію еретической), какъ и къ обращенію идолопоклонниковъ. Земля Британская была залита кровію христіанъ и духовныхъ лицъ, зарѣзанныхъ по приказанію властолюбивыхъ посланниковъ Рима. Мало-по-малу всѣ Англо-Саксы приняли новое ученіе. Они приняли его не какъ внѣшнее учрежденіе, но какъ внутреннее сокровище мысли. Цари, смиряя гордость свою, вступили въ званіе иноковъ, шли на поклоненіе къ далекимъ святынямъ и чистотою жизни стяжали сами славу добродѣтели и

святости. Съ другой стороны вражда между Саксомъ и Кельтомъ, которая исчезла бы вѣроятно подъ вліяніемъ одного общаго духа религіознаго, усиливалась враждою духовенства Римскаго и Кельтскаго, и церковь Саксонская, образуясь подъ правленіемъ проповѣдниковъ, принесшихъ изъ Италіи и Галліи характеръ правительственной внѣшности, приняла мало-помалу тотъ же внѣшній характеръ, который былъ общимъ на всемъ западѣ; но она приняла его не вполнѣ.

Христіанство перешло къ Саксамъ не черезъ политическіе расчеты государей, не черезъ подражаніе другимъ соплеменнымъ народамъ или черезъ сожительство съ покоренными христіанами, но какъ живая мысль, высказанная и созданная человѣческимъ разумомъ. Въ немъ было уже цѣлое просвѣщеніе. Грубой внѣшности Римской проповѣди противодѣйствовало полу-друидическое, но исполненное поэзіи и силы ученіе Скотовъ и сѣверныхъ Кумрійцевъ; еще болѣе противодѣйствовало ему почти первобытное ученіе церкви Ирландской и церквей, основанныхъ Ирландцами въ землѣ Саксонской. Борьба началъ поддерживала величіе вѣры и не допускала ее замертвѣть въ обрядѣ. Изъ Ирландіи гремѣли голоса, призывающіе всѣхъ христіанъ къ согласію, церковь къ чистотѣ и къ твердости въ преданіи, людей къ размышленію и созерцанію. Ирландскіе проповѣдники возставали противъ притязаній Римскаго епископа и, проходя всю западную Европу до предѣловъ Славянскихъ и Византійскихъ, пробудили духъ человѣческій изъ усыпленія невѣжества и религіозной внѣшности. Новообращенные Англо-Саксы, ревностные и безстрашные, завоевывали для христіанства землю Зарейнскихъ Германцевъ и перепосили на свѣжую почву жаръ проповѣди, занятый у Кельта, и стремленіе къ государственному строенію церкви, занятое у Римлянина. Жизнь духовная кипѣла на сѣверо-западномъ концѣ Европы; но борьба разгоралась со дня на день. Безпрестанно возрастали притязанія Рима, безпрестанно приходили къ Англо-Саксамъ его посланцы съ новыми ученіями и новыми требованіями. Монашество Бенедиктинское вооружилось противъ духовен-

ства туземнаго; государство разрывалось внутренними междоусобіями, слѣдствіемъ разнородныхъ исповѣданій. Кровь лилась въ религіозномъ спорѣ: народъ и правительство враждовали другъ противъ друга. Страстная и свирѣпая дѣятельность епископа Одона, глубокое лицемѣріе Дунстана, бездушнаго орудія бездушнаго Іоанна XII, и одичаніе Ирландіи, затопленной Норманнами, доставили началу Римскому побѣду надъ туземнымъ. Государство ослабло; народная жизнь исказилась; Датчане временно завоевали наслѣдіе Альфреда Великаго, и наконецъ вся свобода, вся слава ослабшихъ Англо-Саксовъ исчезли подъ налетомъ Норманцевъ Французскихъ: но умственная жизнь погибла не безъ слѣдовъ, и пынѣшняя владычица Океановъ получила въ наслѣдіе отъ Славяно-Германскихъ колонистовъ сокровище мысли вмѣстѣ съ сокровищемъ лучшей жизни общественной.

Лонгобарды въ Италіи.

Безплодно для человѣчества было завоеваніе Италіи Лонгобардами, хотя многое въ ихъ законахъ обличаетъ довольно близкое сходство съ Саксонцами. Спачала свирѣпые и развратные какъ Франки, но славолюбивые и мужественные, потомъ (вслѣдствіе вліянія Итальянскихъ и Византійскихъ правовъ) изнѣженные и хитрые, они не оставили по себѣ ни одного добраго или величественнаго воспоминанія. Формою правленія было дружинное безначаліе, покоряющееся по неволѣ власти королевской для сопротивленія внѣшнимъ врагамъ. Но самая дружина не была ни чисто личною (какъ у Меровинговъ), ни вполнѣ свободною, ибо съ самаго начала являются герцоги какъ правители почти независимые. Внутренняя связь, уже сама по себѣ слабая, была еще ослаблена разницею вѣроисповѣданія, ибо часть Лонгобардовъ, принявшая христіанство до завоеванія Италіи отъ Готскихъ учителей, принадлежала аріанскому, а другая часть, принявшая христіанство въ Италіи, Никейскому исповѣданію. Безсиліе Лонгобардовъ не могло покорить всей Заальпійской области. Югъ принадлежалъ Византіи и потомъ отчасти Сарацинамъ, Римъ и Равенна признавали также надъ собою власть Восточнаго императора, или на дѣлѣ, или въ актахъ правительственныхъ. Дружина Германская находила

враговъ въ подданныхъ угнетенныхъ до крайности (ибо рабы не имѣли даже законнаго брака), въ хитромъ и властолюбивомъ духовенствѣ, въ пронырливой Византіи, всегда старавшейся питать раздоры въ Италіи и сохранявшей надежду на будущее ея завоеваніе, въ глубоко-расчетливой политикѣ Римскихъ епископовъ, сознавшихъ свою силу и стремившихся къ ослабленію всякой государственной власти въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ и къ основанію отдѣльной церковно-политической державы, во всемірной грозѣ Сарациновъ и болѣе всего въ собственномъ стремленіи къ распаденію на разныя княжества (Тосканское, Сполетское, Беневентское и др.). Безъ славы, безъ поэзіи, безъ языка писаннаго, безъ науки, прошли Лонгобарды, задавленные властію Франковъ и оставивъ по себѣ только сѣмена будущихъ раздоровъ для Италіи въ аріанствѣ и въ разобщенности жизни. Другое, важнѣйшее послѣдствіе почти трехвѣковаго Лонгобардскаго владычества было отдѣленіе Рима отъ Восточной имперіи и основаніе папскаго княжества, изъ котораго возникла громада Западно-церковнаго государства, полная внѣшней силы и величія, лишенная внутренней стройности и животворнаго организма духовнаго.

Вестготы въ Испаніи. Измѣненіе символа вѣры.

Подобно Лонгобардамъ погибли и Вестготы въ Испаніи. Для царства ихъ были эпохи военной славы. Силою оружія побѣдили они соперниковъ своихъ, Сармато-Алановъ и Свевовъ, изгнали Византійцевъ послѣ кровавой борьбы изъ областей приморскихъ, завоевали часть Мавританіи, нѣсколько разъ на морѣ побѣждали ополченія Аравійскія; но славы лучшей, человѣческой они не пріобрѣли. Долгое пребываніе между народами кроткоправными или просвѣщенными и христіанство, принятое еще на востокѣ, смягчили отчасти ихъ воинственную дикость и поставили ихъ въ нравственномъ отношеніи далеко выше свирѣпаго Лонгобарда и бездушнаго Франка; но многовѣковое скитаніе по землѣ чужой, служба чужой (Византійской) власти и смѣшеніе съ чуждыми стихіями отняли у нихъ часть прежняго характера и энергію свѣжаго, молодаго народа. Немногочисленна была дружина и завоевателей Испаніи, а земля обширна, богата и полна еще остатковъ

древней роскоши и вещественнаго просвѣщенія, даннаго Римомъ побѣжденному міру. Слабая народность Готская не могла устоять. Забыты были древнія героическія пѣсни, исказился языкъ грубо-механическимъ смѣшеніемъ стихій съ туземнымъ полу-римскимъ парѣчіемъ, замерло стремленіе къ поэзіи, невозможное для обезъязыченнаго народа, замерла возможность развитія для науки, погибли благороднѣйшіе и лучшіе порывы души человѣческой. Точно также погибла и вся народная жизнь. Завоевательная дружина, раскинутая по лицу обширной и раскошной области, разъединенная, утратившая связь кровную и даже условную связь Германскихъ дружинъ, обратилась въ безсильную аристократію, гордую и богатую, но равнодушную къ своимъ правительственнымъ правамъ и мертвую даже къ народной славѣ. Но искаженіе жизни государственной и народной, развратъ правовъ, въ одно время жестокихъ и изнѣженныхъ, равнодушіе къ отечеству и мертвенность души, всѣ глубокія и пенсцѣльныя язвы, приготовившія паденіе Готскаго царства были ничтожны въ сравненіи съ искаженіемъ церковнаго быта и христіанскаго ученія. Отъ первыхъ погибло царство, не первое и не послѣднее изъ погибшихъ зданій человѣческаго произвола: отъ вторыхъ погибло единство христіанской общины и на многіе вѣка заразилась до сердца и мозга вся духовная жизнь Европы и міра.

Первые Готы завоеватели были аріане; побѣжденный народъ принадлежалъ ученію Никейскаго собора. Внутренняя слабость аріанства, невѣжество его духовныхъ старшинъ многочисленность послѣдователей древне-церковнаго преданія, духовная связь ихъ съ остальнымъ міромъ и внутренняя логическая сила мысли дали въ Испаніи побѣду ученію соборовъ надъ вѣроисповѣданіемъ завоевателей. Мало по-малу вся Готская дружина отстала отъ аріанства: но побѣда была не легка и не безкровна. Аріанство защищалось не словомъ, а мечемъ, и вызвало противъ себя не мысль, а политическую, вооруженную власть. Готы, новообращенные къ соборному символу, связывались тѣснѣе съ народомъ и особенно съ его единственнымъ представителемъ — духовенствомъ. Церкви и мо-

пастыри богатѣли, власть епископовъ возрастала со дня на день и въ то же время возрастало значеніе перваго изъ западныхъ епископовъ, епископа Римскаго, къ которому обращались глаза и надежды всѣхъ народовъ, угнетенныхъ игомъ аріанскимъ. Соборъ за соборомъ собирался для рѣшенія дѣлъ церковныхъ и вскорѣ дѣлъ государственныхъ: дружное и цѣльное сословіе лицъ духовныхъ захватывало всякій день болѣе и болѣе права всѣхъ другихъ сословій. Оно искажалось въ ожесточеніи борьбы: оно явилось ужаснымъ въ день торжества. Безнравственная и безсильная аристократія Германскихъ завоевателей утратила равнодушіемъ большую часть своихъ правительственныхъ правъ: эти права перешли къ епископамъ. Они возводили на престолъ и низводили царей, принуждая ихъ къ повиновенію страхомъ меча и мятежей; они издавали законы гражданскіе, смѣшивая ихъ съ законами церковными; они рѣшали судьбу государства: но вся эта жизнь, возникшая изъ древне-Римской, грубо государственной жизни, была жизнію внѣшнею, безъ всякаго внутренняго, живаго содержанія. Нигдѣ не была такъ безпредѣльна власть западнаго духовенства. Какіе же были ея плоды? Привычное къ кровавой борьбѣ, оно послѣ побѣды издало кровавые законы противъ иновѣрцевъ, постановленія ужасныя и безнравственныя, не уступающія ни въ чемъ позднѣйшимъ постановленіямъ свирѣпой инквизиціи. Невѣжественное и гордое своимъ политическимъ значеніемъ и силою своихъ безпрестанныхъ соборовъ, оно, забывъ любовь и согласіе и неизмѣнность преданія и неприкосновенность вселенскихъ соборовъ, самовольно и безъ согласія другихъ церквей измѣнило всеобщій символъ вѣроисповѣданія. Не вдругъ согласился папа на такое измѣненіе: но онъ принужденъ былъ уступить угрозамъ гордаго духовенства и допустилъ измѣненный Символъ. Преемники слабаго папы пошли далѣе: они утвердили символъ Толедскаго собора, и христіанскій міръ былъ разорванъ на двѣ, доселѣ непримиримыя, половины и вся исторія человѣчества измѣнилась, получивъ новыя сѣмена раздора и вражды. Таковъ подвигъ духовенства Испанскаго; таковъ подвигъ Готской Испаніи.

Послѣ преступнаго торжества наступилъ день тяжкаго наказанія. На берегахъ Гвадаледы, подъ холмами Хереса де ла Фронтера, сошлося небольшое войско восторженныхъ Аравитянъ, призванное Готскими бѣглецами, съ многочисленнымъ ополченіемъ дряхлаго царства. Восемь дней длился бой, на девятый архіепископъ и дѣти царя Витицы съ ихъ дружинами подняли знамя измѣны и бросились на христіанъ и единокровныхъ братьевъ. Царство погибло; въ болотной грязи погибъ его послѣдній царь, роскошный и развратный, явившійся на бранное поле въ великолѣпной колесницѣ, въ золотыхъ доспѣхахъ и въ пурпуровой мантіи Почти безъ сопротивленія покорилась законамъ ислама Готская Испанія, какъ за два вѣка съ половиною покорилась Испанія Римская мечу Гота и Вандала. Города отворяли ворота свои побѣдителю, жители безмолвно преклоняли колѣна и впереди завоевательной дружины шелъ измѣнникъ архіепископъ, нѣкогда гонитель иновѣрцевъ, теперь проповѣдникъ непобѣдимаго ислама. Такъ сошли Вестготы съ поприща исторіи. Нѣсколько сотенъ храбрыхъ воиновъ ушли въ горы Арагоніи и въ пригорья Пиренейскія, гдѣ крутыя дебри и смуты Мавро-Аравійскаго царства спасли ихъ отъ гибели и отъ совершеннаго рабства.—И снова прошло нѣсколько вѣковъ. Исламъ ослабъ; Христіанская Европа окрѣпла и новое царство, но уже не Готское, а Романское, съ малою примѣсью Гота и Франка, образовалось на Пиренейскомъ полуостровѣ и всё прежнее исчезло безъ слѣда въ бытѣ и государственной жизни Но сѣмя зла, какъ и сѣмя добра, не гибнетъ. Разрывъ церкви, начавшійся на Толедскомъ соборѣ, совершился вполнѣ, и духъ безнравственнаго гоненія, завѣщанный народу духовенствомъ Готской эпохи, развился во всей своей свирѣпости и зажегъ съ конца въ конецъ западной Европы позорные костры инквизиціи. Но подвигъ Испаніи еще не совершился. Великій Генуэзецъ открылъ для нея Новый Свѣтъ, и она залила этотъ Новый Свѣтъ кровью туземцевъ и озарила его пламенемъ своихъ костровъ. И опять прошло нѣсколько вѣковъ и Испанія, никогда не понимавшая вѣры иначе какъ религію внѣшнюю

и христіанство иначе какъ какой-то новый брахманизмъ съ Кушитскими заклинаніями, бьется въ судорогахъ безсилія, полу-мертвое тѣло, брошенное на позоръ живымъ народамъ Европы.

Завоеванія Меровинговъ на востокѣ.

Единство Меровейской Франціи, основанной дружиною личною, и всегдашній союзъ съ властію духовною и съ ея главнымъ представителемъ на Западѣ, епископомъ Римскимъ, дали Меровингамъ рѣшительный перевѣсъ передъ всѣми ихъ соперниками. Завоеваніе юго-западной и западной Германіи доставило преемникамъ Хлодовика огромную область и неистощимый источникъ дружинныхъ силъ. Отношенія ихъ къ другимъ, восточнымъ семьямъ Германскимъ открыли имъ въ то же время легкое средство къ большому расширенію предѣловъ государства подъ видомъ покровительства. Освободившіеся Славяне не утратили еще завоевательнаго направленія, даннаго Гуннами. Они налегали съ востока на окраины Германскаго міра и безпрестанно угрожали вторженіемъ. Новый толчекъ былъ данъ имъ чуждымъ племенемъ Аваровъ, угнетателей и въ то же время внѣшнихъ совокупителей Славянскаго міра. Дружины Славянскія затопили Элладу и громили своихъ западныхъ сосѣдей; но этотъ напоръ, достаточный для уничтоженія или порабощенія мелкихъ Германскихъ семей, не имѣлъ того могучаго единства, которое при Гуннахъ сокрушило всю Европу, Римскую и Германскую. Авары были пришлецами, иноплеменниками и инокровниками, временно совокупляющими силу Славянскую для своихъ личныхъ выгодъ; Гунны были сами Славяне, единокровные и единодушные братья. Франки, явившись покровителями слабыхъ Германцевъ восточныхъ, побѣдили и отодвинули или покорили своихъ Славянскихъ противниковъ и расширили государство свое до Паннонiи и Карпатовъ и Альповъ Норійскихъ. Но въ то же врема они покорили и братьевъ своихъ, освобожденныхъ Германцевъ (напр. Тюрингію) и замѣнили прежнюю жизнь народныхъ дружинъ Франкскою системою дружины королевской, искажая прежній организмъ и его естественное развитіе преобладаніемъ устройства условнаго или государственнаго. Упорнѣе была защита

сѣверной и сѣверо-западной Германіи. Саксонцы продолжали расширять свою область и крѣпчали въ воинственныхъ силахъ. Приморскіе Фризы удерживали свободу своей болотистой и непроходимой стороны до самыхъ устьевъ Рейна. Общинная жизнь народа сохранялась еще въ лѣсахъ и между озеръ Голландіи, у Славянскихъ Вильцевъ (очевидно Венды *вильцы* или *великіе*) и Варновъ, по всей вѣроятности ихъ единокровныхъ братьевъ.

Самые Фризы, не смотря на ихъ безспорное Германское начало, кажется принадлежатъ къ народамъ не чисто Германскимъ и содержатъ весьма много Славянской примѣси. Таковъ выводъ изъ всего ихъ быта, отчасти изъ ихъ нарѣчія, изъ ихъ союзовъ съ Вильцами и Варнами, изъ склонности къ торговлѣ и устройству торговыхъ городовъ (напр. Ставоры, которой имя, вполнѣ Славянское, окружено сказками и мнѣами, носящими также Славянскій характеръ, какъ-то о казни народной за гордость, богатство и за презрѣнье къ хлѣбу). Земля Фризонская была безспорно Славянскимъ поморьемъ, мало-помалу германизованнымъ отъ безпрестаннаго наплыва сосѣднихъ Германцевъ, можетъ быть завоевателей, но принявшихъ быть и характеръ прежняго племени туземнаго. Этимъ объясняется и долгое сопротивленіе Фризовъ противъ Франко-Германскихъ царствъ и глубокая взаимная ненависть между ими и Франко-Германцами и трагическая ихъ судьба во время среднихъ вѣковъ. Вообще нельзя не замѣтить упрямой близорукости въ критикѣ, которая не хочетъ или не можетъ догадаться о тождествѣ народныхъ стихій въ Вильцахъ или Велетабахъ (*Величавыи*) и Варнахъ. Жилища ихъ одни и тѣже: жизнь политическая за одно. Самое же имя Варновъ происходитъ отъ *вѣра*, то же что *вара* въ словѣ *Гунниваръ*, или *вара* т. е. община, согласіе или миръ. Тождество Варновъ и Вильцевъ указываетъ опять на общія Славянскія начала въ Фризахъ и Саксонцахъ. У обоихъ преобладаетъ, какъ у Славянъ, идея домовитости, хозяйства, весьма далекая отъ военной основы общества чисто Германскаго; названіе хлѣба (*hlaibs*, *laib* и т. д.) у этихъ народовъ происходитъ явно отъ Славянскаго *хлѣбъ* (корень *хлебать*, параллельное ему въ среднемъ *хлябать*), а отъ этого слова происхо-

дить множество словъ, означающихъ различныя гражданскія отношенія въ обществѣ Фризо-Саксонскомъ. Впрочемъ имя хозяина *hlafovd*, объясняемое въ смыслѣ хлѣбодателя, кажется нѣсколько сомнительнымъ: едва ли оно не происходитъ отъ слова *главарь* (корень *глава*). Въ обоихъ же случаяхъ оно одинаково основано на Славянскомъ понятіи и на Славянскомъ словесномъ корнѣ.

За всѣмъ тѣмъ, не смотря на упорное сопротивленіе Фризовъ, на возрастающее могущество Саксовъ, на соперничество Славянъ въ восточной Германіи и на частныя неудачи (какъ напр. пораженіе Славянами союзнаго войска Франковъ, Баварцевъ и Саксовъ въ 630-мъ году) Франкское царство росло и крѣпчало. Оно мало-по-малу заключило въ себѣ почти всѣ силы Германскаго племени отъ Карпатовъ до Атлантики и заключило ихъ въ единство дружины королевской, системы аллодіальной, почти столь же способной къ завоевательной, какъ и оборонительной войнѣ и благопріятной для цѣльности государственной. Дальнѣйшее развитіе Франкскаго царства было остановлено междоусобіями, естественнымъ послѣдствіемъ понятія о равенствѣ правъ всѣхъ потомковъ короля (дружинопачальника) на его наслѣдство, какъ въ отношеніи къ его собственной огромной долѣ въ завоеванныхъ областяхъ, такъ и въ отношеніи къ предводительству надъ дружиною. Франція, раздѣленная и разорванная на части, лишилась временно силъ для внѣшняго дѣйствія; но мало-по-малу, послѣ кровавыхъ раздоровъ, послѣ ужасовъ, которымъ мало подобныхъ находится въ исторіи Европы и которыя свидѣтельствуютъ о глубокомъ развратѣ, завѣщанномъ Римомъ своимъ вѣковымъ наемникамъ и рабамъ, идея единства государственнаго и дружиннаго восторжествовала. Королевскій домъ Меровинговъ принялъ новые законы престолонаслѣдія, устранявшіе причину прежняго раздора. Тогда выступило другое начало, дотолѣ еще не имѣвшее значительнаго вліянія на исторію, и до нашего времени не замѣченное критикою историческою, но въ развитіи своемъ сгубившее Меровингскую династію и опредѣлившее отчасти весь ходъ исторіи Французской въ продолженіи многихъ вѣковъ.

Общій характеръ развитія Франціи и западной Европы.

Хлодовикъ былъ вождемъ дружины и передалъ это право своему потомству: но въ то же время онъ принялъ званіе патриція (истинное коронованіе по всѣмъ обрядамъ) и благословеніе церкви. И то и другое относилось не къ дружинѣ, весьма равнодушной къ Римскому титулу и болѣе чѣмъ на половину чуждой христіанству, но къ туземцамъ завоеванной Галліи. И это значеніе короля-патриція и лица полудуховнаго перешло къ царственнымъ потомкамъ Хлодовика и церковь Римская продолжала ихъ называть своими любимыми чадами, покровителями церкви, не смотря на отвратительный развратъ ихъ кровавой жизни. Наступило время умиренія и единства царскаго для Франціи: но тогда ярче и живѣе выразилась двойственность королевскаго сана, соединяющаго въ одномъ лицѣ вождя и царя. Высокая человѣческая истина нравственной идеи превозмогла. Вождь уступилъ царю. Облагороженный потомокъ свирѣпаго и вѣроломнаго Меровинга явился царемъ тишины и духовной правды, промѣнялъ брапаго коня на мирную упряжь бѣлыхъ воловъ и мечъ воина на жезлъ патріарха. Его слуги, прикащики его домовитаго хозяйства (majores domus, вѣроятно тоже что *Thuneinus*, *тіунъ* съ ключами) повели на бой его воинственные рати и стали править дѣлами дружины полузабытой королемъ. Гордая сила дружины не стерпѣла своего униженія: она вспомнила свое древнее право выбирать себѣ вождя, право принадлежащее собственно дружинамъ народнымъ, но присвоенное дружинною личною по слабости королей. Народъ завоевателей возвратился къ обычаю, засвидѣтельствованному великимъ историкомъ упадающаго Рима, къ обычаю ставить царя по роду, вождя по доблести (Reges ex nobilitate, duces ex virtute); меры, избранники дружины, стали противъ короля, представителя завоеваннаго народа и духовенства, свободные и самовластные, но признающіе еще по видимому власть мирныхъ своихъ владыкъ. Франція раздѣлилась на свои двѣ стихіи, на землю завоеванныхъ Римлянъ и завоевательныхъ Германцевъ, на Западъ и Востокъ, Невстрію и Австразію. Каждая половина избирала своего мера и между мерами начались раздоры, какъ

прежде между царями, и слабые короли по неволѣ благословляли побѣдителей, и нравственное лице мирнаго судьи величественно рабствовало передъ торжествующими начальниками дружины. Германская земля была сильнѣе Галло-Римской. Австразія побѣдила. Великій родъ Пипина Геристальскаго получилъ наслѣдственное званіе мера и подавилъ почти вполнѣ родъ Меровинговъ. Безсильный народъ молчалъ; но духовенство не мирилось съ новою властію: оно проклинало Карла Мартеля, побѣдителя Мавровъ и спасителя Франціи, побѣдителя идолопоклонниковъ Фризовъ и распространителя христіанства. Оно понимало вражду, едва скрытую подъ личиною покровительства. Наступило время опасности для епископа Римскаго отъ грозы Лонгобардовъ. Онъ просилъ покровительства отъ Франціи; ничтожные короли не могли подать помощи; могущіе меры не хотѣли ее подать безъ видовъ личной выгоды. Глава Западной церкви отступился отъ своихъ любимыхъ чадъ Меровинговъ и новыя любимыя чада были усыновлены. Короли Меровинги угасли въ монастыряхъ. Потомки Пипина—Карловинги вступили на престолъ, совокупляя въ себѣ и званіе мера и званіе царя

Такъ въ VIII вѣкѣ кончилась первая династія; но двойственность началъ не исчезла и нравственная идея снова превозмогла. Карловинги немедленно послѣ великаго Карла вступили въ то же поприще, по которому шли ихъ предшественники и также исчезли какъ Меровинги. Новая династія, Капетинги, замѣнили ихъ и продолжали прежнее дѣло, но не утрачивая вполнѣ своего воинственнаго значенія.

Такъ объясняется особенно лице Людвига IX-го и безсознательное выраженіе французскаго писателя: *Le Roy estle grand Juge de paix du royaume de France.*

Быть можетъ, Капетинги подверглись бы той же участи, какъ и ихъ предшественники: но народъ окрѣпъ; но короли поняли, что нравственное значеніе мирнаго судьи недоступно грубымъ понятіямъ безнравственнаго племени. Вмѣсто духов-

наго оружія началъ правды человѣческой они взяли оружіе Римскаго права, и Филиппъ Прекрасный и его преемники, бездушные крючкотворцы, стяжали побѣду, которую заслужили ихъ благородные предмѣстники. Таковы значеніе и характеръ первой Французской исторіи, рѣзко отдѣляющіе ее отъ исторіи Германской, основанной на другой почвѣ и подъ другими условіями.

Побѣды оружія, а еще болѣе союзъ съ Римскимъ епископомъ распространили Францію и прославили Меровинговъ. Франки, властители почти всего Запада, располагали его судьбою; но вся эта внѣшняя, мертвая жизнь оставалась безъ плода для человѣчества. Ни слово, ни пѣснь, ни наука не просыпались ни въ области погибшаго Галла, ни въ дикой странѣ Германца За-рейнскаго. Темные вѣка ждали новаго свѣта.

Племя Германское овладѣло западомъ Европы. Иранское ученіе, сохраненное Израилемъ въ продолженіи двадцати вѣковъ и мгновенно развившееся во всемъ своемъ величіи, сдѣлалось ученіемъ и вѣрою свѣжихъ и сильныхъ народовъ, назначенныхъ къ всемірному владычеству. Но ни ученіе, полное жизни и силы, ни народы, одаренные неистощимыхъ богатствомъ разумныхъ способностей, не могли принести плодовъ животворныхъ для человѣчества. Народы Германскіе, искаженные дикостью военной жизни въ своихъ родныхъ лѣсахъ, еще болѣе искаженные или развратнымъ владычествомъ Рима, или своимъ собственнымъ владычествомъ надъ Славянином или Кельтомъ, сомкнулись окончательно въ форму условной дружины, въ форму касты безчеловѣчной и угнетательной, исполненой вражды и презрѣнія къ слабымъ народамъ Романскимъ или Кельто-Кумрійскимъ, подпавшимъ ихъ игу. Ученіе мира, любви и просвѣтленія духовнаго, принесенное съ Востока проповѣдниками-страдальцами, исказилось въ торжествѣ своемъ надъ Римскими началами. Въ побѣдѣ надъ религіею государственною и внѣшнею, оно приняло характеръ религіи побѣжденной, характеръ внѣшній и государственный. Оно требовало не любви, а покорности, не вѣры, а обряда. Един-

ство истинное, живое, единство духа, высказывающееся въ единствѣ видимыхъ формъ, замѣнилось единствомъ вещественной формы, и понятіе объ этой формѣ перешло мало-по-малу въ понятіе о власти, ставящей норму, въ понятіе о кастѣ, завѣдывающей духовнымъ дѣломъ, о духовенствѣ, признаннымъ за церковь по преимуществу, и наконецъ объ одномъ епископѣ, епископѣ древняго Рима, выражающемъ и полное единство ученія и полное единство духовной власти и ея безусловную непогрѣшительность. Идея права лежала въ основѣ Римской жизни, и Римская жизнь, передающая новое начало просвѣщенія Германскимъ завоевателямъ, передала имъ идею строго логическаго права, не только въ бытѣ государственномъ, условномъ и слѣдовательно невозможномъ безъ подчиненія праву логическому, но и въ жизни духовной и религіозной. Кушитское начало логической необходимости проникло въ ученіе, завѣщанное Іранскою Іудеею, и придало отношеніямъ человѣка къ Богу значеніе вѣчной тяжбы, молитвѣ и таинству смыслъ заклинанія, любящей вѣрѣ характеръ принудительнаго закона. Жизнь внутренняя и духовная оставалась еще на Западѣ достояніемъ Кельто-Кумрійцевъ Ирландіи и отчасти Саксонцевъ въ Британніи: но имъ суждено было призвать къ просвѣщенію За-рейнскую Германію, а самимъ погибнуть отъ внѣшняго насилія и отъ внутренняго раздора, принесеннаго изъ земель Романскихъ. Сѣмена зла, посѣянныя Римомъ, должны были принести плодъ свой въ искаженіи разума. Сѣмена вражды и ненависти, посѣянныя завоеваніемъ, должны были принести плодъ свой въ искаженіи духа, и Западъ долженъ былъ сомкнуться въ могущее цѣлое, извнѣ непобѣдимое и живое, внутри же нестройное, слабое и мертвое. Зародыши, брошенные въ первые вѣка христіанства на почвѣ Германо-Римской, выросли и созрѣли исторіею осьмнадцати вѣковъ

Ходъ дѣлъ въ Византіи. Религіозные споры.

Другія были явленія на Византійскомъ Востокѣ. Тамъ жизнь государственная замерла и только многовѣковая борьба противъ внѣшнихъ напоровъ продолжалась безъ надежды на торжество, безъ надежды на внутреннее обновленіе. Византійцы, заключивъ себя добровольно въ общественныя формы, завѣ-

щанныя Римомъ, утратили возможность государственнаго развитія; но мертвенность общественная должна была мало-помалу отразиться и на отдѣльныхъ лицахъ и заковать объемъ ихъ помысловъ въ тѣсные предѣлы односторонности. Между тѣмъ великій подвигъ науки религіозной или наукообразнаго опредѣленія христіанскихъ ученій совершался мыслителями, преемниками Эллинскаго просвѣщенія, и совершался не для одной Византіи, но и для всего Европейскаго міра, принимающаго отъ нея свѣтъ разума и норму вѣрованія. Безпрестанно являлись новыя ученія, вступали въ борьбу съ древнимъ преданіемъ и вызывали его къ яснѣйшему выраженію своего еще невысказаннаго смысла. Споры рѣшались на величественныхъ соборахъ, въ которыхъ участвовали духовные представители западныхъ областей и земель покоренныхъ дикими иновѣрцами; но величественнѣе самихъ соборовъ, часто возмущенныхъ безчинствомъ низкихъ страстей (напр. собраніе въ Ефесѣ, извѣстное подъ именемъ Ефесскаго разбоя) была жизнь мысли, безпрестанно и повсемѣстно высказывающаяся въ посланіяхъ, въ проповѣдяхъ, въ письменныхъ или словесныхъ преніяхъ, въ пламенномъ участіи всѣхъ сословій, въ тонкостяхъ діалектики и въ громахъ краснорѣчія. Самые соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованіе, живущія въ церковной общинѣ: они получали значеніе свое не отъ особенныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидящими на соборѣ. И такъ самое право представительства, также какъ и право приговора, не имѣло ни какой условной или государственной основы, но утверждалось единственно на свободѣ духовнаго единства, не закованной никакими постановленіями формальными. Соборъ былъ не власть, а голосъ, и въ этомъ-то отсутствіи власти формальной исторія должна признать неприкосновенность его власти разумной.

Таково было всегда воззрѣніе Востока; таково было и понятіе Запада, покуда еще не расторглось его общеніе съ Востокомъ. Отъ того-

то ни число присутствующихъ на соборѣ епископовъ, ни власть или согласіе императоровъ, ни согласіе старшихъ епископовъ и патріарховъ, никакая наконецъ внѣшняя примѣта, ничто не давало собору характера вселенскаго (т. е. обще-церковнаго). Такъ напр. на соборахъ, отвергнутыхъ церковью, часто присутствовало такое число епископовъ, какаго не бывало и на соборахъ, названныхъ Вселенскими; такъ многіе изъ нихъ были утверждены царями, многіе признаны всѣми патріархами, не исключая Римскаго (ибо рѣшеніе собора Миланскаго было подписано Либеріемъ, не выдержавшимъ императорскаго гоненія). Общее мнѣніе было судьею самого собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и нравственнаго единства. На этомъ основаніи понятно, какъ въ послѣдствіи Флорентинскій соборъ, при всѣхъ внѣшнихъ признакахъ законности (ибо слабодушіе не извиняетъ никого), былъ отверженъ Восточною общиною. Таково же было первоначальное понятіе о соборахъ и на Западѣ. Но въ послѣдствіи развитіе внѣшней или государственной религіи подавило прежнее ученіе и учители Запада приняли внѣшнюю норму для сужденія о законности собора, норму основанную на признакахъ внѣшнихъ, напр. на законности и правѣ лицъ, участвующихъ въ соборѣ, на числѣ ихъ, на согласіи съ Римскимъ епископомъ и т. д. Идея единства условнаго, правительственнаго (авторитета или власти) замѣнила идею единства внутренняго или органическаго (жизненнаго). Ясный взглядъ на этотъ вопросъ есть требованіе не догматики религіозной, но здравой исторической критики.

Самый ходъ развитія въ религіозной наукѣ представляетъ замѣчательную послѣдовательность и указываетъ на строгія требованія ума въ мірѣ Эллинскаго образованія. Великіе вопросы, волновавшіе Восточную имперію, скрываются теперь отъ поверхностнаго наблюдателя подъ формулами религіозной догматики и не находятъ безстрастныхъ цѣнителей: но формулы догматическія были неизбѣжны, ибо дѣло мышленія во время первыхъ вѣковъ отъ Константина было не созданіе новой науки на свободной силѣ человѣческаго разума, но наукообразное или разумное уясненіе преданія; а преданіе неразрывно связано съ формами и формулами, въ которыхъ оно переходило отъ

поколѣнія къ поколѣнію. Историческій же обзоръ соборной дѣятельности, отстраняя всѣ подробности и случайности споровъ и ихъ внѣшнія формы, открываетъ и глубокій смыслъ ея и великій подвигъ, совершенный духовною жизнію Византіи.

Община, освобожденная отъ гоненія и вызванная ученіями Арія, Діоскора и другихъ, выражаетъ свое понятіе о Божествѣ: она не остается при неразвитомъ единобожіи Іудеи, содержащемъ въ себѣ необходимо или отрицаніе внутренняго явленія (лица) въ Божествѣ, или признаніе явленія (лица), какъ обнимающаго собою всю сущность Божества. Она признаетъ три явленія, связанныя внутреннею живою связью, свободныя отъ всякой случайности, и слѣдовательно совершенно полныя, и въ то же время признаетъ, что одно явленіе не можетъ обнять собою всю полноту первобытнаго Духа. Далѣе, она отвергаетъ предположеніе, чтобы нравственное совершенство могло принадлежать какому-нибудь духу, кромѣ первобытнаго, и кладетъ переходъ къ вопросу объ отношеніи духа первобытнаго (Бога) къ созданному (человѣку).

Разумѣется, что вѣрность рѣшеній принадлежитъ анализу философическому; исторія разбираетъ только ходъ науки, а не удовлетворительность ея въ отношеніи къ отвлеченному мышленію.

Споры несторіанства и евтихіанства составляютъ вторую эпоху христіанской науки. Несторій отвергаетъ въ Мессіи-Искупителѣ божественность, обращая ее во внѣшнее вдохновеніе; Евтихій отвергаетъ человѣчество, обращая его въ видимый призракъ человѣчности.

Исторіи собственно нѣтъ дѣла до справедливости обвиненія, во сколько оно касается только до лицъ Несторія и Евтихія и до личнаго ихъ ученія. Она разбираетъ только школу и смыслъ ея.

Не смотря на видимую и прямую противуположность несторіанства и евтихіанства, окончательное значеніе обоихъ одинаково. Оба удерживаютъ и утверждаютъ совершенное раз-

личіе Бога и человѣка и несовмѣстимость этихъ двухъ понятій въ одно.

Та же самая тождественность при прямомъ противорѣчіи или антагонизмѣ видна и въ отношеніяхъ первоначальнаго буддизма къ шиваизму и протестанства къ романизму и вообще во всѣхъ ученіяхъ, отрицающихъ, но не исключающихъ другъ друга, будь они религіозныя или философскія: ни отрицаніе не освобождаетъ, ни примиреніе въ смыслѣ новѣйшей Германской науки.

Характеръ Несторіевой школы, (точно также какъ и Евтихіевой), опредѣленъ былъ самой почвою, на которой развился. Онъ принадлежалъ по преимуществу Сиро-Палестинской области и представлялъ въ себѣ несомнѣнный отзвукъ еврейства (а можетъ быть и мало извѣстныхъ религій Финикійскихъ), признавая въ Мессіи только человѣка. Евтихіанство, возникшее въ Египтѣ, носило печать древне-Египетскаго ученія, ибо, отрицая человѣчество въ Мессіи, оно ставило самую сущность Божества въ страдательное отношеніе къ случайности и слѣдовательно подчиняло ее законамъ видимаго міра (какъ въ Кушитствѣ). Историческое изслѣдованіе прежнихъ вѣковъ связываетъ еще яснѣе этихъ двухъ мыслителей, такъ сильно волновавшихъ Востокъ, съ прежнею жизнію Палестины и Египта черезъ эбіонитовъ съ одной стороны, черезъ гностиковъ и Савеллія съ другой.

Преданіе церкви представляетъ на тотъ же фактъ довольно любопытное указаніе, приписывая Сиріи евангеліе, писанное подъ именемъ апостола Луки, а Египту евангеліе апостола Марка, и признавая въ одномъ преобладаніе Мессіи-жреца (обозначеннаго эмблемою быка и слѣдовательно разсмотрѣннаго со стороны человѣчества), а въ другомъ преобладаніе Мессіи-царя (обозначеннаго львомъ, символомъ небеснаго, пожирающаго земное, слѣдовательно Мессіи-Бога). Впрочемъ тѣсное соединеніе церкви Египетской и евтихіанства съ древнимъ Египтомъ видиѣе еще въ Оригенѣ, чѣмъ въ Савелліи. Глубокомысленный Александріецъ, во многомъ учитель всѣхъ послѣдовавшихъ учителей, оче-

видно впадаетъ прямыми своими послѣдствіями въ пантеизмъ и въ ученіе о первоначальной необходимости, обращая самое зло нравственное въ призракъ. Таковы въ немъ слѣды аналитическаго язычества, не смотря на его борьбу съ окружающимъ его язычествомъ: точно также какъ лучшая слава Запада (за исключеніемъ Августина, ибо Ириней принадлежитъ Востоку), Карѳагенецъ Тертулліанъ, въ борьбѣ своей противъ языческаго Рима и Африки, сохраняетъ, самъ того не сознавая, характеръ Кушита Палестинскаго въ строгомъ ученіи о кровавомъ искупленіи, какъ заклинательномъ выкупѣ, и Римлянина въ строгомъ понятіи о внѣшнихъ, правомѣрныхъ отношеніяхъ человѣка къ Богу и о крещеніи, какъ дѣлѣ совершенномъ (opus operatum). Дальнѣйшія ошибки ихъ учениковъ и осужденія церкви очень понятны.

Арій, отстраняя внутреннія явленія въ Божествѣ, старался сохранить величіе его и въ то же время безсознательно унижалъ его, допуская въ твореніи совершенство нравственное. Точно то же было съ Несторіемъ и Евтихіемъ. Одинъ, приписывая человѣчеству почти исключительное участіе въ дѣлѣ искупленія, хотѣлъ его возвысить, и въ то же время унижалъ человѣка, отвергая въ Богѣ возможность быть человѣкомъ. Другой, предоставляя Божеству дѣло искупленія вполнѣ, унижалъ Божество, подчиняя его законамъ случайности. Каждый впадалъ въ ту самую крайность, которой хотѣлъ избѣгнуть; оба, также какъ и Арій, полагали бездну между человѣкомъ и Богомъ, утверждая ихъ вѣчный разрывъ. Преданіе церкви, уясняясь, положило ихъ сліяніе въ одномъ лицѣ Мессіи Богочеловѣка. Далѣе, въ спорѣ съ полу-евтихіянцами (единоволыциками) оно признало нераздѣльность нравственнаго опредѣленія (воли) съ логическимъ опредѣленіемъ (сущности) и утвердило для всѣхъ будущихъ вѣковъ возможность безконечнаго развитія, которое гибло въ признанномъ разрывѣ Божества и человѣка, опредѣленія нравственнаго и опредѣленія логическаго.

Повторимъ, что исторія опредѣляетъ только смыслъ догматическаго разрѣшенія, а не законность его передъ судомъ философскаго анализа.

Соборы отстояли для человѣчества великое ученье, котораго благотворные плоды питали его доныпѣ въ продолженіи многихъ вѣковъ, облагороживая и возвышая его помыслы и направляя его къ безконечно высокой цѣли. Объявлено было внутреннее тождество духа, Бога и человѣка въ проявленіи Мессіи. Догматъ былъ утвержденъ и церковь могла успокоиться; но новая страшная буря должна была ее потрясти и съ нею вмѣстѣ потрясти надолго и, можетъ быть, ослабить навсегда Византійскую имперію. Первые вѣка церкви были скудны обрядами и почти чужды всякой внѣшней формѣ поклоненія. Государственное торжество христіанства при Константинѣ дало свободу внѣшней жизни: явились обряды, свободно созданные для выраженія жизни внутренней и внутренняго единства; духъ искусства создалъ новыя молитвенныя пѣсни, новое христіанское зодчество, новую живопись, скудную въ отношеніи къ красотѣ пластической, богатую въ смыслѣ духовнаго выраженія, и это опять было дѣломъ Византійскаго міра. Икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія; въ темномъ народѣ она сдѣлалась предметомъ идолопоклонства. Противъ этого уклоненія отъ христіанства возстали мужи сильные ревностью и духомъ, императоры прославленные побѣдными подвигами противъ иноземцевъ: но вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ исправленія духовнаго вооружились властію. Сопротивленіе возбудило гордость; оскорбленная гордость выразилась жестокими гоненіями. Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти (къ которой оно само часто беззаконно прибѣгало). Оно чувствовало себя униженнымъ и угнетеннымъ и вступилось столько же за свои житейскія выгоды, какъ и за свои церковныя права. Страсти разгорѣлись; внутренній раздоръ погубилъ силы государства; истина затемнилась въ неизбѣжномъ ожесточеніи междоусобицы. Войско, вещественныя силы и едва ли не чистота намѣреній были на сторонѣ гонителей-иконоборцевъ. Но народное убѣжденіе, право и истина были на сторонѣ гонимыхъ защитниковъ иконъ.

Значеніе соборовъ

Надъ этимъ вѣковымъ споромъ гордо смѣялась новая наука. Смыслъ его для нея также темепъ какъ и для невѣжества прежнихъ церковныхъ историковъ. И тѣмъ и другимъ не доставало безпристрастнаго просвѣщенія. Истинное значеніе иконоборческихъ споровъ весьма важно и достойно величія человѣческой исторіи,—болѣе достойно, чѣмъ мелкія войны и мелкія побѣды дикарей надъ дикарями, которыми гордятся западная Европа и ея кровавыя лѣтописи. Иконоборецъ возставалъ противъ злоупотребленія, унижающаго Христіянство до идолопоклонства: но онъ вмѣшивалъ власть и принужденіе въ дѣло высшей человѣческой свободы; но его торжество было бы приговоромъ не надъ одними иконами, а надъ всякимъ обрядомъ. Защитники иконъ защищали въ нихъ право человѣческой свободы, а еще болѣе право каждаго человѣка и каждой общины въ ея живомъ единствѣ выражать свою мысль и свое чувство словомъ, звукомъ и образомъ. Они побѣдили и ихъ побѣда спасла неприкосновенность церкви и ея вѣру въ самую себя и въ живую мысль, которая должна устранить идолопоклонство безъ всякаго внѣшняго принужденія, и поэтическую свободу обряда, и будущее художество. Таково было дѣло втораго собора Никейскаго, послѣдняго изъ великихъ соборовъ.

Этимъ соборомъ кончила Византія свой духовный подвигъ, утвердивъ навсегда догматъ, паукообразное выраженіе мысли, отстоявъ обрядъ, поэтическое выраженіе жизни. Этотъ подвигъ останется незабвеннымъ и будетъ оцѣненъ вполнѣ, когда западная Европа освободится сколько нибудь отъ своей гордой непріязни къ Востоку, а наука отъ своей тупой односторонности.

Юстиніан. Жизнь политическая Византіи не соотвѣтствовала величію ея духовной жизни: но и она была не безъ славы и не безъ подвиговъ. Ни одно государство въ мірѣ не выдерживало такихъ безпрестанныхъ, такихъ грозныхъ напоровъ; ни одно такъ долго съ нимъ не боролося. Волна за волной набѣгала съ сѣвера и востока; бѣдствіе за бѣдствіемъ обрушивалось на ветхое зданіе Римской государственности и оно держалось

только живущимъ въ немъ духомъ Эллинскаго разума и просвѣщенія. Гроза Германіи и западной Европы, Аттила и его Гунны отступили передъ гордою смѣлостью Маркіана. Опустошительный потокъ обратился на Италію; но Маркіана не стало и его недостойные преемники не умѣли поддержать честь государственную. Обломки Гуннскаго ополченія, Гепиды и Славяне, (Венды и Анты) грабили сѣверную Придунайскую область; Вандалы грабили Пелопоннесъ. Своевольные слуги и наемники имперіи, Остготы вели междоусобную войну и наконецъ, соединивъ свои силы подъ предводительствомъ великаго Ѳеодорика, создали новое независимое царство въ Италіи. Кавказскіе горцы и Персіяне опустошали весь востокъ, а будущіе завоеватели полміра, Арабы-Сарацыны врывались съ юга въ Сирію и Палестину. Въ первой половинѣ шестаго вѣка взошелъ на престолъ Византійскій государь, памятный въ исторіи человѣчества. Безпримѣсный Славянинъ, сынъ Славянскихъ родителей (какъ видно изъ ихъ именъ, а особенно изъ имени матери—Бѣгленицы), Управда былъ призванъ на царство. Имя свое онъ перевелъ на правительственный, латинскій языкъ и назвалъ себя Юстиніаномъ.

Если бы нужно было еще доказывать, что Славяне были исконными жителями Придунайской стороны, и опровергать нелѣпое мнѣніе о движеніи Славянъ, будто бы врѣзавшихся въ Европу вслѣдъ за Гуннами, то имена Управды и его родителей одни уже могли бы достаточно убѣдить самыхъ упорныхъ скептиковъ. Ни Гунны, ни Славяне не врывались въ имперію до половины V-го вѣка, а Юстиніанъ родился отъ Славянскаго отца и Славянской матери въ 482-мъ году и ни одинъ писатель, ни изъ Византійскихъ, ни изъ Западныхъ, не считалъ и не называлъ его варваромъ или иноземцемъ. Не явно ли, что онъ былъ Славянинъ-туземецъ, потомокъ старожиловъ Иллиріи и Ѳракіи?

Ни воинственныя доблести, ни крѣпость духа не отличали Юстиніана-Управды. Чуждый ратному дѣлу, игралище придворныхъ интригъ и развратной жены, не внушающій ни стра-

ха народу по добросердечію, ни глубокаго уваженія по недостатку твердости и самостоятельности въ дѣлахъ правленія, Славянскій императоръ Византіи одною силою любви къ правдѣ и къ просвѣщенію, однимъ истинно-человѣческимъ сочувствіемъ съ человѣчествомъ пробудилъ стихіи мысли и жизни, заснувшія въ государствѣ, но еще уцѣлѣвшія въ членахъ его. Его эпоха была эпохою славы слишкомъ мимоходной, но она останется навсегда замѣчательною по своему вліянію на науку права и на религіозное искусство.

Дѣйствія Юстиніана въ подробностяхъ своихъ представляютъ часто или жестокость или безсиліе: въ общихъ начертаніяхъ и намѣреніяхъ они запечатлѣны величіемъ и глубокимъ чувствомъ христіанства и правды. Безъ уваженія нельзя вспомнить объ государѣ, требовавшемъ отъ Кавказскихъ дикарей, чтобы они впредь не скопили плѣнниковъ, и рѣшившемся на войну для этой одной цѣли. Требованіе Юстиніана напоминаетъ отмѣненіе человѣческихъ жертвъ въ Карѳагенѣ по приказанію великаго сына Гистаспова. Чисто нравственныя побужденія такъ рѣдко являются въ исторіи, что она не имѣетъ права миновать ихъ безъ вниманія.

Африка была снова вырвана у Вандаловъ, Италія у Вестготовъ. Велисарій и Нарсесъ напомнили міру о прежнихъ торжествахъ Римскаго оружія и Германскимъ дикарямъ о ничтожности ихъ нестройнаго мужества передъ образованною силою Рима. Персія была удержана въ своихъ границахъ, не смотря на предпріимчивое славолюбіе и воинственность Хозроя. Славянскіе Болгары отодвинуты за Дунай. Земля Византійская расширилась снова отъ Каспія и цѣпи Демавендской до Атласа и Западнаго океана. Зодчество вспомнило свое древнее величіе и своды Софійскаго собора смѣло поднялись къ небу, какъ духовный гимнъ, въ урокъ будущимъ вѣкамъ и въ свидѣтельство неумирающей художественности на землѣ Эллады. Полное и величественное собраніе гражданскихъ законовъ (лучшій памятникъ древняго общественнаго міра), составленное подъ надзоромъ самого императора, спасло для потомства

выраженіе правовѣдной мудрости Рима, мудрости часто соблазнительной и вредной для новѣйшихъ народовъ, но еще чаще богатой наставленіями для всѣхъ временъ и безъ сомнѣнія никѣмъ не превзойденной. Таковъ былъ подвигъ Юстиніана: но онъ не могъ остановить паденія государственнаго.

Языческая и христіанская стихіи въ Византіи.

Слишкомъ силенъ былъ внѣшній напоръ и слишкомъ слабъ былъ внутренній составъ государства. Право, переданное Римомъ завоеванному Западу, было для него только полицейскимъ уставомъ благочинія; тоже право переданное Эллину, было для него только наукою, которую онъ разработывалъ наравнѣ съ другими, но которая, обогащая его разумъ, мало отражалась въ его жизни. Догматика закона дѣйствовала столь же слабо на общество, сколько и догматика религіозная; онѣ процвѣтали одинаково какъ отрасли частнаго знанія для каждаго отдѣльнаго лица и одинаково оставались безплодными для жизни народной. Сверхъ того самое право Римское, чудологическое развитіе условныхъ и произвольныхъ данныхъ, не имѣло ничего общаго съ началамъ новаго вѣрованія, принятаго со временъ Константина. Раздѣленіе человѣка на христіанина, аскета, равнодушнаго ко всей внѣшней жизни, и на христіанина страдательнаго, покоряющагося случайнымъ законамъ государства, сохранилося. Право гражданское, точно также какъ и право государственное (да едва-ли они могутъ быть строго отдѣлены другъ отъ друга) было независимо отъ вѣры. Цари, наперекоръ христіанству, назывались *божественными* (*divus*) и величались *нашею вѣчностію* (*perennitas nostra*); законы о бракѣ, о рабахъ, о собственности и пр. сохраняли неизгладимую печать языческаго равнодушія къ началамъ нравственности. Церковь, сознавая себя совершенною, не прилагала и не старалась приложить себя къ вѣчно несовершенному устройству общества, дозволяя ему пользоваться двусмысленнымъ правомъ называть себя христіанскимъ по вѣроисповѣданію лицъ, составляющихъ оное. Она была права, ибо черезъ такое равнодушіе ко всему временному сохраняла въ неприкосновенности внутреннюю чистоту и свободу своего ученія; но съ другой стороны она не питала въ душѣ граж-

данина нравственнаго стремленія къ согласію между его обязанностями гражданскими и человѣческими, она не внушала ему надежды на лучшее будущее и не напоминала ему великой истины, что внѣшняя форма должна, поздно или рано, сдѣлаться выраженіемъ внутренняго содержанія, и что право должно наконецъ опереться не на условныя и произвольныя, но на вѣчныя и человѣческія начала. Признавалась просвѣтительная сила христіанства; но не сознавалась его строительная сила. Такое раздвоеніе удержалось до конца Византійской имперіи. Правда, христіанство не осталось безъ вліянія на науку гражданскую; многіе частные законы измѣнились; но не было во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ ни полноты, ни сознанія. Право сохранило свою независимость отъ вѣры и слѣдовательно отъ самой жизни народа или отъ ея лучшей части. Непримиренныя половины остались одинаково безсильными.

Государственное право не подвинулось ни на шагъ. Византія не знала, также какъ и Римъ, законовъ престолонаслѣдія. Народное избраніе было истиннымъ, хотя и непризнаннымъ, основаніемъ права на престолъ, и самое наслѣдство по рожденію сопровождалось дѣйствительно или безмолвнымъ избраніемъ, или вѣнчаніемъ преемника еще при жизни предмѣстника. Точно тоже было и въ Римѣ.

Поэтому строгій судъ историковъ надъ возмутителями и притязателями на престолъ очень нелѣпъ, когда относится къ исторіи Римской имперіи. Въ немъ высказывается крайнее незнаніе коренныхъ началъ государства.

Со временъ Траяна вполнѣ освободились провинціи отъ столицы и утвердили за собою право на избраніе императора. Этотъ періодъ продолжается до окончательнаго раздѣленія имперіи на восточную и западную. Западная пала; восточная должна была въ уменьшенномъ объемѣ повторить и дѣйствительно отчасти повторила явленія великой Римской державы: но новыя случайности жизни измѣнили выраженіе прежняго начала. Провинціи, безпрестанно наводненныя, отчасти даже

населенныя варварами, утратили память своего права или возможность имъ пользоваться. Граждане-христіане, раздвоенные въ душѣ своей непримиреннымъ разногласіемъ жизни частной, христіанской и жизни государственной, языческой и Римской, становились со дня на день болѣе равнодушными къ общегосударственному дѣлу и предоставляли свою судьбу области ближайшей къ средоточію правительства: такимъ образомъ новая столица, Византія, богатая по своему положенію на торговомъ перепутіи, охраненная моремъ и стѣнами почти неприступными отъ нашествія иноплеменниковъ, средоточіе науки и просвѣщенія, а еще болѣе средоточіе всѣхъ честолюбій и своекорыстныхъ страстей приобрѣла права, вырванныя силою провинцій у своеволія Римскаго и снова утраченныя ихъ безсиліемъ и равнодушіемъ. Она сдѣлалась не столицею, а вполнѣ правительницею государства.

Ираклій, спаситель имперіи, былъ едва-ли не послѣднимъ императоромъ, данным провинціею всей имперіи. Другіе, пришедшіе также изъ областей, или поднятые на престолъ войскомъ, опирались всегда на партіи, существующія въ столицѣ; вообще же эти примѣры довольно рѣдки.

Жизнь имперіи сосредоточивалась въ столицѣ. Возмущенія провинцій, часто справедливыя и благородныя, ибо возникали изъ потребности правды и доблести въ государѣ, замѣнились возмущеніями развратной столицы и заговорами всегда и вездѣ развратнаго двора. Избраніе народное было также слѣпо, какъ и естественное преемство престола. Но и престолонаслѣдіе родовое было сопряжено въ Византіи съ бо́льшими неудобствами, чѣмъ гдѣ-либо. Раздвоеніе человѣка и гражданина убило жизнь правовъ гражданскихъ; оно же убило и жизнь правовъ христіанскихъ. Развратъ частный былъ также великъ, какъ и развратъ гражданскій (хотя онъ безспорно былъ менѣе глубокъ, чѣмъ на Западѣ въ эпоху средневѣковой простоты, хваленой пристрастіемъ и невѣжествомъ, или въ эпоху первыхъ Германскихъ государствъ до Карла Вели-

каго). Молодой государь, зараженный пороками города и двора, при восшествіи своемъ на престолъ не находилъ ни одной точки опоры, ни въ себѣ, ни внѣ себя; и всѣ его усилія, если онъ былъ (какъ часто случалось) одаренъ величіемъ ума и души, сокрушались объ мертвенность общественнаго тѣла, уже неспособнаго принять новый духъ жизни и силы. Иначе и быть не могло: ибо шаткая случайность естественнаго престолонаслѣдія исправляется только постоянствомъ живыхъ обычаевъ и правовъ общественныхъ.

Такова была судьба государства, скованнаго въ формы, завѣщанныя язычествомъ, скованнаго великими воспоминаніями прошедшаго, скованнаго прежнею славою и своею народною гордостью, принявшаго христіанство, но не освобожденнаго христіанствомъ. Мертвое тѣло Эллино-Римлянина давило христіанина. Жизнь духа и мысли, жаръ поэзіи, всё лучшее и святое бѣжало изъ общества, которому не хотѣло покориться и котораго побѣдить не могло, въ пустынныя обители Египта, въ нагорные монастыри Эллады и Сиріи, оставляя государство на произволъ разврата и корысти, на добычу неизбѣжнаго и неисцѣлимаго гніенія.

Великая эпоха Юстиніана должна была скоро миновать. Ея величіе принадлежитъ кроткой и разумной личности императора, многія изъ ея бѣдствій принадлежатъ его слабодушію: ея безплодность для имперіи принадлежитъ мертвенности самаго государства. Недостойные преемники слѣдовали за Юстиніаномъ.

Авары и Волгаре. Ихъ отношеніе къ Славянамъ.

Между тѣмъ волненіе средней Азіи бросало все болѣе и болѣе народы ея на область племени Иранскаго. Воинственные жители Алтая, Турки, разрушили царство Гунновъ восточныхъ (Ефталитовъ), основали новую державу въ колыбели Славянскаго племени (Бактріи) и грозили Персіи, которую суждено было имъ въ послѣдствіи завоевать; отряды ихъ проникали по сѣверному берегу Каспійскаго моря до Кавказа и прорывались черезъ его снѣжную преграду, или, дружась съ Византіею, нападали на Славянъ и Финно-Турокъ Придонскихъ, или, ссорясь съ нею, опустошали ея владѣнія на сѣ-

верномъ берегу Чернаго моря и разоряли Босфорскіе города въ Таврид'Ѣ. Движеніе Гунновъ еще не кончилось. Во время великаго Аттилы они, оставляя въ покоѣ Византію, освободили своихъ братьевъ, западныхъ Славянъ, отъ ига иноземцевъ и, поколебавъ Римскую имперію, бросили испуганныхъ Германцевъ на землю Кельтовъ и Римлянъ и на край Европы. Т'Ѣже Гунны подъ именемъ Болгаръ (Приволжцевъ, отъ Болги —Волги) стали мало-по-малу переселяться съ Волги на благодатные берега Дуная и набѣгать на область Византійскую. Слабѣе и слабѣе становилось населеніе Славянское на Волгѣ, сильнѣе и сильнѣе становился напоръ Финно-Турецкихъ и Кавказскихъ народовъ. Болгаре, также какъ и Гунны, приняли уже (какъ мы вид'Ѣли, и какъ засвид'Ѣтельствовано Китайскими л'Ѣтописями) въ составъ своего казачества Уйгуровъ, б'Ѣглецовъ изъ средней Азіи; но въ нихъ еще преобладала Славянская стихія и, не смотря на враждебныя столкновенія съ Славянами-старожилами Придунайской стороны, они скоро стали жить и воевать съ ними заодно, все болѣе и болѣе очищаясь отъ незначительной чужеродной примѣси. Другое б'Ѣдствіе грозило міру Славянскому и Византіи.

Поверхностная критика нѣсколькихъ нѣмецкихъ писателей утвердила или породила въ ученомъ мірѣ мнѣніе о жестокой первоначальной враждѣ Болгаръ, иначе Волаховъ, противъ Славянъ, и о б'Ѣгствѣ Славянъ передъ ними съ Дуная на с'Ѣверъ и т. д. Мнѣніе это почти не стоитъ опроверженія. Можно ли предположить сильное переселеніе семей Славянскихъ на с'Ѣверъ въ то время, когда наболѣе является ихъ неудержимое стремленіе къ югу? Можно ли думать, что онѣ въ VI-мъ столѣтіи ушли къ истокамъ Эльбы (или Лабы) и къ верховьямъ Дн'Ѣпра, когда въ конц'Ѣ пятаго и во все продолженіе шестаго они нападаютъ на землю Византійскую и на с'Ѣверо-восточную Италію; когда наконецъ онѣ въ концѣ VI-го вѣка составляютъ главную силу ополченій, осаждающихъ Византію, а въ началѣ VII-го переселяются по приглашенію императоровъ цѣлыми, большими племенами въ опустошенную Паннонію и Далматію и мало-по-малу завоевываютъ всю Элладу и самый Пело-

поннезъ, гдѣ доселѣ живутъ ихъ потомки, получившіе недавно новую жизнь и свободу подъ именемъ Грековъ? Мнѣніе о бѣгствѣ Славянъ съ береговъ Дуная на сѣверъ передъ Болгарами (тѣми же Славянами, отдѣленіемъ древняго Сако-Гунскаго казачества) не выдерживаетъ разбора: оно основано на весьма простой ошибкѣ. Болгаре назывались также и Вологами (вѣроятно Вольгары по двумъ произношеніямъ имени Волги), а имя Вологъ ввело старыхъ лѣтописцевъ въ обманъ. Они смѣшали его съ именемъ Волоховъ или Влаховъ, т. е. Кельтовъ (отъ Гаэль, Гаэлахъ), завоевавшихъ въ древности часть Придунайской стороны, Чехію, гдѣ они оставили свое имя (Бойевъ) и землю Прикарпатскую, (теперешній Галичъ и можетъ быть часть Волыни). Имя же Кельтовъ, вѣковыхъ владѣтелей сѣверной Италіи, было перенесено Славянами, также какъ и Германцами, на Итальянцевъ-Римлянъ, и преданіе о бѣгствѣ передъ древними Влахами-Кельтами и особенно Римлянами во дни Траяна и паденія Гетовъ было перенесено полу-ученымъ, полу-забывчивымъ потомствомъ на Болгаръ (Вологовъ), Славянъ, которые никогда своей братьи ни откуда не выгоняли. Кто не узнаетъ Римлянъ по ихъ языку въ переродившихся ихъ потомкахъ, Валахахъ? и кто замѣтилъ что нибудь неславянскаго въ Болгарахъ?

Отъ востока и очевидно отъ юго-востока теперешней Россіи двинулся воинственный народъ, свирѣпый и грабительный, враждебный всѣмъ другимъ народамъ и совершенно чуждый всякому просвѣщенію. Этотъ народъ явился подъ именемъ Аваровъ. По нравамъ своимъ онъ могъ бы быть приписанъ и доселѣ приписывается къ вѣтви Финно-Турецкой; но Восточныя лѣтописи не знаютъ его имени. Первое его появленіе на устьяхъ Дона нисколько не указываетъ на Средне-Азійскую колыбель и имена князей Аварскихъ и многія особенности въ ихъ обычаяхъ также не указываютъ на семью Тюркскую. При теперешнихъ данныхъ трудно и едва ли возможно опредѣлить истинное происхожденіе Аваровъ: одно только безпристрастное и ученое изслѣдованіе особенностей нарѣчія Аварскаго въ горахъ Кавказскихъ представитъ, можетъ быть, со временемъ данныя для разрѣшенія этого тёмнаго вопроса.

Разумѣется, надобно будетъ отдалить всю стихію Тюркскую, занятую Аварцами отъ сосѣдей, и опредѣлить стихіи, принадлежащія въ особенности ихъ малой семьѣ.

Движеніе Аваровъ очевидно шло на перерѣзъ направленію, взятому Болгарами на юго-западъ отъ средней Волги къ устью Дуная и само было направлено прямо на западъ или даже на сѣверо-западъ. Страна Прикавказская была точкою отправленія, далѣе которой не возможно прослѣдить ихъ. Возвратнаго движенія Аварскаго народа или отдѣленія отъ него какой нибудь вѣтви исторія не знаетъ, а между тѣмъ имя ихъ сохранилось съ ихъ воинственною славою въ неприступныхъ горахъ сѣверо-восточнаго Дагестана: слѣдовательно нѣтъ никакой разумной причины искать имъ отечества внѣ Кавказской области.

Смѣшно бы было предполагать тождество Аваровъ и мнимыхъ Абировъ Византійскихъ писателей. Абиры, какъ уже сказано, ничто иное, какъ простое искаженіе слова Сабиръ, Сіяшъ-бій (какъ Манджуръ—Манджуй и Татаръ—Татань).

По всѣмъ вѣроятностямъ Аваровъ должно считать остаткомъ первожителей Кавказскихъ, обломкомъ того великаго и завоевательнаго племени, которое грозою меча и дикаго мужества разгромило всю западную и среднюю Европу и бросило свои колоніи далеко на югъ въ Испанію и Италію и сѣверную Грецію,—племени Кельто-Кумрійскаго. Имя уже извѣстное въ далекой Галліи (напр: въ землѣ Битуриговъ городъ *Аварикумъ*), гремѣвшее въ Италіи и Паннонiи подъ другою формою *Омбриновъ* и *Амбриновъ* появляется снова въ своихъ обѣихъ формахъ,—Аваровъ у Византійцевъ и Обровъ у Славянъ, и оно является опять со всѣмъ прежнимъ ужасомъ неукротимой воинственности.

Разумѣется, не должно предполагать полнаго сохраненія Кельто-Кумрійской стихіи во всей ея чистотѣ отъ VI-го вѣка прежде Р. Х.

до VI-го послѣ Р. Хр. Это бы было предположеніе безумное, особенно при огромномъ и безпрестанномъ движеніи народовъ на Кавказѣ и при его подножіяхъ. Но нельзя не замѣтить, что и теперь въ сѣверномъ Дагестанѣ сосѣди и кажется одноплеменники Аварцевъ, Ингуши, называютъ себя Галами и что въ юго-восточной Венгріи, гдѣ по всѣмъ вѣроятностямъ сохранились еще потомки древнихъ Аварцевъ, горный Шотландецъ узнаетъ еще свой пестрый тартанъ и слышитъ волынку, любимую музыку своихъ родныхъ долинъ. Можетъ быть самое имя волыняки, какъ и области Волынской, удержало память о Гальскомъ началѣ.

Отъ Кавказа двинулись Авары въ половинѣ VI-го вѣка на устья Дона, перехватили путь Болгарамъ, побѣдили ихъ, также какъ и ихъ союзниковъ Антовъ, разбили отдѣльныя семьи Уйгурскія, кочевавшія въ то время по всей степной области отъ Волги до Дуная, вѣроятно увлекли ихъ съ собою и, накопляя все новыя и новыя силы, завоевали или разгромили всю область Прикарпатскую, землю Чеховъ и Венедовъ, и проникли въ Турингію и къ границамъ Меровингской державы. Множество народовъ (между прочимъ всѣ Уйгуры) въ то время бѣжали передъ восточными завоевателями изъ Средней Азіи въ Европу и прорывались черезъ Волгу въ древнюю область Славянскую. Безсильные и не связанные между собою постояннымъ союзомъ, они бродили по безпредѣльной землѣ, набѣгая на селенія, грабя ихъ или налагая на нихъ временныя дани. Возставалъ ли какой нибудь вождь смѣлый и предпріимчивый или новая семья приходила изъ другой страны, всѣ разрозненныя кочевья сливались волею или неволею въ одну могучую дружину и стремились неудержимо на области сосѣднія для завоеванія и грабежа. Слабѣла семья или орда, правившая всѣмъ союзомъ: части распадались и ожидали новаго средоточія для новой совокупной дѣятельности. Такова почти вся лѣтопись Средней Азіи, таковы явленія степей Приволжскихъ и Придънѣпровскихъ. Авары были по всѣмъ признакамъ народомъ немногочисленнымъ, но мужественнымъ и привычнымъ къ боевой жизни и, побѣдивъ разсѣянныхъ Уйгуровъ, они у-

крѣпили себя частью побѣжденныхъ дружинъ; побѣдивъ Славянъ, они стали въ ихъ главѣ для новыхъ завоеваній, обѣщая имъ охрану отъ другихъ непріятелей, Франковъ, Тюрковъ или Византійцевъ, и новыя пространныя владѣнія въ богатыхъ странахъ юга. Они дѣлались средоточіемъ Славянскаго казачества, постояннымъ войскомъ, около котораго стекались бездомные удальцы, предпочитавшіе разгулъ боевой жизни мирному быту въ своей родной сельской общинѣ; они вскорѣ сдѣлались владѣльцами и угнетателями края и двинули цѣлыя племена Славянскія къ стѣнамъ Византіи и въ самую внутренность Эллады. Нестерпимы были оскорбленія, наносимыя Аварами Славянамъ, несносны ихъ поборы и грабительства, (подъ видомъ зимняго постоя, продовольствія и т. д., по словамъ западныхъ лѣтописцевъ). Оскорбленія и грабежъ вызвали наконецъ сопротивленіе и возстаніе. Авары погибли, задавленные превосходною силою Славянскою: но во время своего полуторавѣковаго владычества они дали міру Славянскому завоевательное движеніе, не разъ угрожавшее царству Франковъ на западѣ и Лонгобардовъ въ Италіи, уничтожившее въ Иллиріи Германское населеніе Гепидовъ, обхватившее всю древнюю Грецію, потрясшее Византійскую имперію, но въ то же время влившее свѣжую и здоровую кровь въ ея ослабшія и истощенныя жилы. Первое направленіе Аваровъ, также какъ и ихъ предшественниковъ, Кельто-Кимвровъ и Кавказскихъ Язъ-Зиговъ (Адиге—жители западнаго, Авары—восточнаго Кавказа) было на сѣверо-западъ. Остановленные сильными Вендами Приэльбскими или привлеченные богатствомъ древней Паннонія (теперешней Венгріи), они перенеслись въ роскошныя равнины страны Придунайской и тамъ основали свое главное кочевье, свой царскій или правительственный кругъ. Нѣкоторыя семьи Славянскія, предпочитавшія миръ битвамъ даже за свободу, покорились имъ и признали ихъ правительственную власть; другія, гордыя своею военною славою и давнишнею свободою, вступили въ борьбу и были побѣждены. Такъ погибли сильные Анты Прикарпатскіе, Сѣверяне (Себиры) и Эфталиты Придонскіе (очевидно тѣже Гунны, которые

извѣстны подъ именемъ Эфталитовъ въ исторіи Персіи, и очевидно Славяне, по ихъ соединенію съ Сѣверянами); такъ Болгаре послѣ безполезной борьбы прекратили переселеніе свое на Дунай и заключились на время въ области Приволжской. Владычество Аваровъ было непродолжительно. Многія Славянскія семьи освободились еще въ концѣ VI-го столѣтія; Венды и Сербы сѣверо-западные отложились въ началѣ VII-го; ихъ примѣру послѣдовали народы на сѣверъ отъ Карпатовъ. Венды Гоританскіе (Карнитія) и Чехи подъ предводительствомъ какого-то Франкскаго купца *Само* (лица очевидно вымышленнаго и едва ли не родившагося отъ слова Славянскаго *сами*) основали не надолго самостоятельное государство, передъ которымъ бѣжали не только полчища Аварскія, но и дружины Франковъ, Саксовъ и Лонгобардовъ, побѣжденныхъ въ 630-мъ году при Вогастибургѣ. Болгаре Приевксинскіе вступили въ союзъ съ Византійцами и одинъ изъ ихъ князей въ 619-мъ году уже принялъ христіанство (очевидное доказательство нетюркскаго происхожденія Болгаръ); Болгаре Паннонскіе (союзники Аваровъ) потребовали уже первенства и назначенія начальника всему союзу изъ ихъ племени: но время еще не наступило. Славяне сѣверо-западные дѣйствительно освободились, также какъ и западные, подчинявшіеся въ послѣдствіи Аварамъ только по временамъ; но Прикарпатскіе Славяне были побѣждены и освободились уже позднѣе. Болгаре Паннонскіе были почти истреблены, Приевксинскіе снова принуждены къ покорности. Авары устремили всю силу Славянскаго міра на Византію.

Маврикій, Фока и Ираклій. Призывъ Славянъ за Дунай.

Велика была гроза надъ Византіею. Царство Сассанидовъ въ Персіи клонилось къ упадку отъ безсвязности государственнаго состава изъ одичавшихъ и полунезависимыхъ народовъ, соединенныхъ только внѣшними узами царской власти, и отъ внутренней слабости государственной религіи, магизма, утратившаго свою чистоту и принявшаго въ себя весь характеръ заклинательнаго Кушитства. Христіанство проникло далеко въ древній Иранъ до самой Бактріи, ея сѣверо-восточной окопечности, гдѣ разсказы Китайскихъ путешественниковъ

указываютъ весьма ясно въ IV-мъ вѣкѣ на пасхальные обряды христіанъ: но древняя вѣра еще не утратила своихъ поклонниковъ. Они возстали мечемъ и муками противъ новаго исповѣданія. Раздраженіе народнаго фанатизма возвратило временную силу умирающей религіи и ослабшему государству. Знакомство съ Эллинскимъ міромъ и занятыя отъ него вещественныя усовершенствованія дали Персіи новыя силы для военной дѣятельности. Слабость Византіи, сдавленной напоромъ задунайскихъ Славянъ, управляемой ничтожными государями и потрясенной религіозными спорами, позволили Персидскимъ царямъ воспользоваться счастливыми обстоятельствами для распространенія и укрѣпленія своей власти. Держава Сассанидовъ блеснула передъ своимъ конечнымъ паденіемъ славою, доселѣ не забытою на Востокѣ, и великими царями, которыхъ имена гремятъ еще въ народныхъ пѣсняхъ племенъ Заевфратскихъ. Гунны Эфталиты (очевидная смѣсь Восточно-Иранской стихіи и Тюркскаго наплыва), долго владѣвшіе Персіею или разорявшіе ее данями и набѣгами, были побѣждены и почти уничтожены, прикорье Кавказское было завоевано или принято въ союзъ, нашествія Тюрковъ отражены, Сирія и часть Малой Азіи опустошены. Въ это время двинулись Авары черезъ Дунай и дружно двинули съ собою всю силу Придунайскихъ Славянъ. Войска императоровъ бѣжали, крѣпости были обойдены или взяты: потокъ дикарей затопилъ всю Мизію и Ѳракію, и стѣны Византіи едва могли спасти ее отъ Аваро-Славянской дружины. Въ это время голосъ народа возвелъ на престолъ императора достойнаго и великаго полководца. Государство погибало, области Азіи были завоеваны или опустошены Персами; области Европейскія были въ рукахъ Славянъ и Аваровъ. Онъ купилъ золотомъ временный миръ у сѣверныхъ непріятелей и обратилъ оружіе противъ Персіи. Побѣжденные Персіяне просили мира и возвратили отнятыя области; покровительство Маврикія возвело на престолъ Персидскій законнаго наслѣдника, изгнаннаго придворною крамолою. Императоръ, усмиривъ Востокъ, ополчился противъ Аваровъ, нарушившихъ мирные договоры, и снова узнали дикари

превосходство Римскаго оружія при искусномъ вождѣ. Авары побѣжденные бѣжали; Славяне бѣжали или покорились. Цѣлость и честь имперіи были возстановлены: но не надолго. Войско убило великаго государя и возвело на престолъ человѣка свирѣпаго, безразсуднаго и бездушнаго. Ужасны были бѣдствія государства, отъ внѣшнихъ враговъ и отъ безчеловѣчнаго императора; безпримѣрно униженіе; гибель казалась неизбѣжною. Беззаконный и недостойный правитель, знавшій про народный ропотъ и про ропотъ духовенства, искалъ опоры въ благословеніи епископа Римскаго, перваго изъ западныхъ епископовъ и тогда уже почти получившаго значеніе главы всего западнаго духовенства. Признаніе первенства Римскаго престола передъ всѣми другими, увеличеніе его правъ духовныхъ и утвержденіе за нимъ правительственныхъ правъ въ Римской области, купили дружбу папы. Своекорыстная благодарность епископа освятила беззаконіе императора, и донашихъ временъ позорный столбъ въ Римѣ напоминаетъ о дарахъ императора Фоки и представляетъ торжественное свидѣтельство объ нагломъ подкупѣ и о безстыдной подкупности. Но ничто не спасло гнуснаго похитителя и убійцы. Возмутившійся Египетъ выслалъ ополченіе подъ предводительствомъ Ираклія и побѣда вызвала на престолъ достойнаго владыку. Начала его царствованія были несчастны. У него не было ни войска, ни казны, а ему предстояла борьба съ одной стороны противъ Аваро-Славянъ въ полномъ развитіи ихъ силъ и подъ предводительствомъ вождя замѣчательнаго по предпріимчивости, мужеству и лукавству, съ другой стороны противъ величайшаго изо всѣхъ государей династіи Сассанидовъ, возведеннаго на престолъ Византіею какъ будто на гибель Византіи. Хозрой Парвизъ завоевалъ Сирію, Египетъ и Малую Азію и обложилъ Константинополь съ моря. Авары завоевали всю Мизію, Ѳракію и обложили Константинополь съ сухаго пути. Императоръ, лишенный государства, отчаялся въ спасеніи столицы: онъ хотѣлъ удалиться въ Африку. Патріархъ и народъ остановили его, и мужество подданныхъ нашло отголосокъ въ душѣ правителя. Неутомимое постоянство, многолѣтняя безпрерывная

война и рядъ подвиговъ почти невѣроятныхъ, въ которыхъ Ираклій показалъ не только искусство полководца, но и мужество единоборца, спасли имперію; Побѣжденный Хозрой погибъ. Персія была сокрушена, всѣ утраченныя области на востокѣ возвращены, Авары снова прогнаны за Дунай; нравственная сила государства выказалась въ полномъ блескѣ. Таково было дѣло Ираклія. Но вещественныя силы имперіи были истощены. Востокъ опустѣлъ отъ грабительства Персовъ, Европейскія области опустѣли подъ бурею Аварскаго нашествія. Мѣра, принятая Ираклiемъ, удалила на многіе вѣка паденіе государства.

Онъ понялъ характеръ народовъ, окружающихъ Византійскіе предѣлы; онъ видѣлъ, что при набѣгахъ дикихъ Задунайцевъ, Авары и другія племена имъ подобныя, Германскія (какъ Гепиды) и Финно-Турецкія (какъ Уйгуры) стремились только за грабежемъ и, отягченныя добычею, возвращались въ свои пустыни до новаго набѣга, а Славяне оставались охотно въ обезлюдѣвшихъ областяхъ и, осѣдая какъ плодоносный илъ послѣ бурнаго наводненія, возвращали жизнь мертвому краю. Остатки древнихъ Эпиротовъ и вѣроятно обломки Кельтскихъ народовъ Придунайскихъ и Альпійскихъ, удаляясь передъ новыми нашествіями, заключались въ горахъ западной Греціи и сохраняли тамъ свою несмягчаемую дикость и свирѣпые нравы, переданные имъ своимъ потомкамъ Албанцамъ. Славяне вливались мало-по-малу въ имперію мирными колоніями, даже тогда, когда приходили какъ вооруженные завоеватели, обхватывали ее сѣтью своихъ семейныхъ общинъ и принимали въ душу и жизнь начала просвѣщенія и разумной законности. Ираклій постигъ глубоко-человѣческую и правдолюбивую природу Славянина и пригласилъ Славянъ Прикарпатскихъ въ Придунайскую область. Сербы и Хорваты явились на зовъ его и заняли часть древней Паннонiи и Иллиріи. Мало-по-малу отдѣленія ихъ, или Болгаръ, которые давно уже жили на нижнемъ Дунаѣ, или новыхъ пришельцевъ Болгаръ, основателей отдѣльнаго государства, проникли далѣе и далѣе на югъ. Македонія и Ѳессалія наполнились ихъ колоніями. Области, рѣки и урочища приняли Славянскія имена, города приняли Славян-

ское населеніе. Наконецъ и древній Пелопоннезъ сдѣлался землею Славянскою и принялъ новое имя земли *морской* или Мореи, но скоро и самые Славяне покорились высшему развитію Эллиновъ: они приняли отъ нихъ вѣру, просвѣщеніе и языкъ. Эллада ожила новыми жителями; Авары были навсегда заключены въ свою Задунайскую область; сѣверныя границы имперіи были навсегда спасены отъ гибельнаго напора дикарей, ибо позднѣйшая война съ Болгарами была уже борьбою государства съ государствомъ и кончилась завоеваніемъ духовнымъ Мысль Ираклія принесла богатые плоды: слѣды ея никогда не изгладятся, и ея великое значеніе ежедневно будетъ становиться яснѣе и яснѣй для просвѣщеннаго міра.

XI.

Ираклій, какъ и многіе другіе изъ Византійскихъ императоровъ, не оцѣненъ европейскими историками. Западъ, влюбленный въ свою собственную славу, остается равнодушнымъ къ великимъ явленіямъ остальнаго міра, и особенно не благоволитъ къ Византіи и къ Славянамъ, сохраняя безсознательно вражду, завѣщанную Германцами и католицизмомъ. Имя Ираклія и его подвиги для всякаго безпристрастнаго судьи должны стоять по крайней мѣрѣ на ряду съ Брюсомъ Шотландіи, съ основателемъ Габсбургскаго дома и съ Саксонцемъ, спасшимъ Германію отъ Венгровъ. Славяне, переселенцы въ Византійскую область, долго отстаивали ее отъ враговъ и въ Европѣ и въ Азіи, куда они были очевидно приглашены, а не насильно приведены Константиномъ Копронимомъ. Они не спасли Византіи, ибо ей должно было и невозможно было переродиться; но они положили основаніе будущей исторіи юговосточной Европы, исторіи, которой первая заря занялась только въ наше время, а день впереди. Не должно забывать, что самые такъ называемые Греки, недавно освободившіеся отъ ига Турецкаго, происходятъ по большей части отъ Славянскихъ предковъ и что въ нихъ безъ сомнѣнія выразится общечеловѣческое стремленіе племени Славянскаго, облагороженное великою личностью Эллина, но исправляющее ея гордую и излишнюю односторонность. Военныя пѣсни Клефтовъ и Армatоловъ представляютъ разумной критикѣ свидѣтельство этого соединенія двухъ началъ въ современномъ Грекѣ. Ихъ первообразъ на-

ходится въ Русской пѣснѣ: ихъ изящно-поэтическій очеркъ носитъ характеръ прекрасной Эллады. Пластическое совершенство подробностей (напр. въ спорѣ Олимпа съ Кавказомъ) завѣщано духомъ, создавшимъ Гомера и Пиндара, отрицательныя формы сравненія, признаніе разумной жизни во всей природѣ и весь практическій смыслъ принадлежатъ вполнѣ и неотъемлемо Славянской и по преимуществу Русской пѣсни. Если-бы розысканія историческія и Византійскія лѣтописи не доказывали съ совершенною ясностью славянизаціи всей Эллады въ VI, VII и VIII-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х., то одни пѣсни Клефтовъ могли бы служить достаточнымъ и болѣе чѣмъ достаточнымъ доказательствомъ этого историческаго факта. Прибавимъ еще, что есть въ пѣсняхъ Клефтскихъ такіе отрывки, которые не только созданы духомъ Славянскимъ, но должны считаться простымъ обломкомъ старинныхъ пѣсенъ, предшествовавшихъ эллинизаціи южныхъ Славянъ въ Морѣ и Оессаліи. Такъ напр. конецъ пѣсни, въ которой Клефтъ велитъ сказать своей женѣ, «что женился онъ на другой женѣ, на сырой землѣ» и. т. д. Этимъ самымъ порученіемъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ кончается извѣстная Русская пѣсня. И такъ мы имѣемъ не только свидѣтельство неоспоримое племеннаго тождества между теперешнимъ Грекомъ и Славянами, но еще свидѣтельство древности нѣкоторыхъ Русскихъ пѣсенъ. древности, восходящей ко времени, предшествующему Славянской колонизаціи Эллады, т. е. по крайней мѣрѣ къ V-му столѣтію послѣ Р. Х., а вѣроятно и далѣе. Такова важность Клефтскихъ пѣсенъ въ отношеніи историческомъ; но художнику и философу представляютъ онѣ еще для изученія чудный примѣръ сліянія двухъ народныхъ личностей въ одно органическое цѣлое, сохранившее явные признаки своихъ коренныхъ началъ. Только ясное пониманіе такихъ явленій можетъ объяснить и многія явленія глубочайшей древности, напр. образованіе нарѣчія Латинскаго изъ Славянскаго съ примѣсями Италійскими и Эллино-Пеласгскими.

Аравія. Ея племенныя и религіозныя стихіи.

Во время побѣдъ Аваровъ и Персовъ и окончательнаго торжества Византіи надъ ними (т. е. въ началѣ VII-го вѣка послѣ Р. Х.) началось новое движеніе умственное и народное, передъ которымъ суждено было погибнуть и Персіи и Византіи, и всѣмъ остаткамъ Эллинскаго міра. Въ это время родилось и стало крѣпчать ученіе Магомета; въ это время пробудилась воинственная энергія Аравіи, страны дотолѣ незамѣченной исторіею.

Вобще критика привыкла смотрѣть на Аравію, какъ на землю населенную однимъ племенемъ, раздѣленнымъ на нѣсколько вѣтвей. Нѣтъ сомнѣнія, что такое мнѣніе въ отношеніи къ Аравіи менѣе неразумно, чѣмъ въ отношеніи къ Индостану, въ которомъ двойственность духовнаго начала и тройственность начала народнаго совершенно ясны: за всѣмъ тѣмъ оно одинаково ложно въ обоихъ случаяхъ. Преданія мѣстныя содержатъ въ себѣ явное свидѣтельство о враждѣ и борьбѣ южной Аравіи съ сѣверною (подобно борьбѣ Индостана и Декана); преданія Палестины указываютъ на колонизацію сѣверной Аравіи изъ областей Пра-араратскихъ, т. е. Иранскихъ. Исторія Египта и преданія, связанныя съ нею, содержатъ неоспоримое доказательство колонизаціи Африканской или Кушитской съ юга по прибережью морей. Иначе и быть не могло. Безконечное расширеніе Кушитской власти, которымъ открываются историческіе вѣка, не могло миновать области ближайшей къ колыбели народовъ Кушитскихъ: по сухая и безплодная степь не привлекала завоевателей или колонистовъ, передъ которыми растилался еще весь міръ во всей своей роскоши и безпредѣльности. Дѣти Куша и Мицраима заняли только часть береговой полосы и плодородныя долины или скаты горъ, прославившіеся издревле подъ именемъ блаженной страны. Безъ сомнѣнія, они проникли и далѣе вверхъ по Персидскому заливу, откуда они въ послѣдствіи переселились на берега Средиземнаго моря и основали великія торговыя колоніи Сидона и Берита, города полные богатства и разврата, подчинившіеся въ послѣдствіи первенству предпріимчиваго Тира, созданнаго воинственными племенами

Прикавказской Иверіи. Отдѣльныя вѣтви Кушитовъ разселились и въ самыхъ горахъ сѣверной Аравіи, въ ея дикихъ ущеліяхъ и на окраинахъ ея песчаныхъ степей, связывая почти безпрерывною цѣпью завоеванные берега Тигра и Евфрата, и роскошь Кушитскихъ столицъ, Вавилона и Ниневіи, съ верховьями и берегами Нила, колыбелью всѣхъ великихъ доисторическихъ царствъ; и вездѣ, гдѣ основался поклонникъ органической необходимости, безмолвный художникъ, побѣдитель вещественной природы, вездѣ врѣзалъ онъ пещерные храмы въ стѣнахъ отвѣсныхъ скалъ, или обращалъ цѣлыя горныя ущелія въ чудные памятники смѣлаго зодчества, или пролагалъ водамъ новые пути въ нѣдрахъ упорнаго гранита, или заключалъ ихъ въ гигантскія хранилища, обезпечивающія плодородіе знойнаго и маловоднаго края. Такъ и теперь путешественникъ встрѣчаетъ въ горахъ Аравіи великолѣпныя развалины древнихъ забытыхъ городовъ, въ области уже снова засохшей и неспособной для человѣческаго жительства; такъ преданія Аравіи еще сохраняютъ память объ огромномъ искусственномъ озерѣ и его исполинской плотинѣ и объ рукотворномъ эдемѣ, разрушенномъ напоромъ водъ и землетрясеніемъ и обратившемся снова въ безплодную пустыню. Но между поселеній Кушитскихъ и по всей ширинѣ степей и по земнымъ островамъ ея кочевали или селились древніе пришельцы съ сѣвера, одноплеменники жителямъ земли Ханаанской, вѣроятно одноплеменники и Кушитовъ, но менѣе развившіеся въ ихъ художественномъ и ученомъ направленіи, и всѣ эти племена дружились или враждовали между собою, вступали въ одинъ кровный союзъ и сливались въ одну народную семью. Послѣ перваго торжества Кушитовъ возстала сила Ирана, вызванная угнетеніемъ, наученная вещественному знанію и государственной мудрости отъ своихъ завоевателей. Восточная Бактрія сплотилась въ государство, Приевфратскія столицы Кушитовъ перешли въ руки Иранцевъ; народы Прикавказскіе завладѣли Палестиною; власть Египта заключена была въ тѣсные предѣлы; семьи пастырей проникли на самые берега Нила и пріобрѣли на время верховную власть въ

царствѣ Фараоновъ: потокъ новопришлыхъ народовъ разлился по всей Аравіи, усиливаясь со дня на день, стѣсняя прежнихъ владѣльцевъ, и смѣшиваясь съ старожилами. Такъ поселились въ степи братья семьи Еврейской, Моавиты и Аммониты, и весь родъ Измаэлитовъ, и позднѣйшая семья Исавлянъ, и многія другія менѣе извѣстныя и вѣроятно древнѣйшія. Общее движеніе Сиро-Аравійское создало вездѣ, изъ смѣшенія однихъ и тѣхъ же стихій, одни и тѣ же племена и языки; но чистые или почти чистые Кушиты держались долѣе на поморьѣ южнаго океана и долѣе сохраняли свои древніе уставы и обычаи. Религіозная борьба и религіозный синкретизмъ отозвались и на югѣ, но съ меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ области Иршиванской. Ширина степей и невольная разъединенность отняли у столкновенія его рѣзкость и у борьбы ея свирѣпость. Прошли вѣка, и міръ Аравійскій, почти отдѣльный отъ остальнаго міра, развился по своимъ особымъ законамъ, довольно однообразнымъ для всей Аравіи, но нѣсколько различнымъ по различнымъ мѣстностямъ.

Такъ сѣверъ удерживалъ болѣе основную идею единобожія и характеръ Ирана, югъ идею многобожія и характеръ Кушитскій. Между тѣмъ отдѣльныя части Аравіи подпадали то власти Египта, то власти Эѳіопіи, часто владѣвшихъ обоими берегами Чермнаго моря и берегами Южнаго океана; сѣверныя области обращались въ подданство или царствомъ Еврейскимъ, или Ассиріею, или Персіянами; но временное владычество иноземцевъ мало измѣняло характеръ и обычаи туземцевъ, вольнолюбивыхъ, отчасти кочевыхъ и несклонныхъ къ быту государственному. Нѣтъ сомнѣнія, что незначительное по пространству своему и недолговѣчное царство Іудейское, сильное внутреннимъ духомъ и возвышенностью своего религіознаго ученія, имѣло болѣе всѣхъ другихъ вліянія на родственныя ему племена Аравіи. Много идей религіозныхъ, много преданій и воспоминаній старины было пробуждено Израилемъ въ землѣ Измаэлитовъ и Исавлянъ и другихъ семей единокровныхъ съ ними. Паденіе царства Израильскаго бросило колоніи Еврейскія далеко на югъ къ

верховьямъ Нила и тамъ возникло новое царство Еврейское въ одичавшей колыбели Кушитской мудрости. Окончательное паденіе Іерусалима усилило древнюю колонію. Между тѣмъ изъ Египта вверхъ по Нилу проникло христіанство, и въ Абиссиніи возникло, рядомъ съ царствомъ Еврейскимъ, царство христіанское, и обѣ стихіи перенесены были на западные берега Аравіи съ ихъ взаимною борьбою, съ ихъ сильнымъ и духовнымъ ученіемъ. Ослабленіе Римской имперіи и паденіе Парѳянъ открыло смѣлымъ племенамъ пустыни путь на Сѣверъ. Низовья Евфрата и Тигра, часть Палестины и Сиріи были ими опустошены. Царство, ими основанное, грозило Персіи и спорило о первенствѣ съ Римомъ во время Авреліана. Общая жизнь человѣчества проникала все болѣе и болѣе въ южный полуостровъ, такъ долго отъ нея отчужденный. Къ концу VI-го столѣтія на берегахъ Чернаго моря стали лицемъ къ лицу другъ противъ друга самыя разнородныя начала жизни духовной. Идолопоклонство, введенное или по крайней мѣрѣ усиленное торжествомъ южнаго племени Іоктанидовъ, остатки Іудейскаго царства, уже распавшагося послѣ кратковременной воинственной славы, но сохраненнаго еще въ нѣсколькихъ неприступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, остатки христіанства, ослабленнаго временною побѣдою Персіи, завоевавшей часть Аравіи вмѣстѣ съ Палестиною и Египтомъ, и остатки древняго звѣздопоклонства, (поэтическаго очищенія многобожія), завѣта Ассирійской и Вавилонской старины. Великое религіозное броженіе происходило въ глубинѣ благородной и созерцательной природы народовъ Аравійскихъ.

Мухаммедъ. Характеръ ислама.

Христіанство, униженное въ глазахъ новѣрцевъ безпрестанными раздорами религіозными и глубокимъ развратомъ христіанскихъ народовъ, не было понято во всей своей простотѣ и строгой послѣдовательности своихъ положеній. Ревность его проповѣдниковъ остыла или была по неволѣ обращена на внутреннія междоусобицы церкви. Оно являлось многосложнымъ сборомъ ученій и обрядовъ случайныхъ и мало связанныхъ между собою. Еврейство, ученіе простое и строгое, связанное съ племенами Аравійскими общимъ преданіемъ и

распространявшееся нерѣдко посредствомъ проповѣди (какъ видно изъ обращеній къ мозаизму въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. и въ I-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. и особенно изъ обращенія Іеменскаго царя Тобба въ началѣ IV столѣтія), было неудовлетворительно по скудости загробныхъ обѣщаній, по излишеству законныхъ обрядовъ, и особенно по своему характеру религіи ожидающей, а не исполненной, и ожидающей уже не духовнаго совершенства, но вещественнаго торжества. Сабеизмъ и идолопоклонство, еще не погибшія, даже временно торжествующія, были слишкомъ грубы, вещественны и заклеймены неразумнымъ произволомъ для долгой борьбы съ другими высшими началами. Внутреннее броженіе мысли искало выраженія. Оно явилось около конца VI-го вѣка въ лицѣ Измаэлита Мугаммеда. Бѣдный Аравитянинъ, хотя изъ весьма именитаго рода, одаренный рѣдкимъ мужествомъ, умомъ необычайнымъ, восторженнымъ краснорѣчіемъ и высокимъ даромъ поэзіи, онъ былъ совершенно свѣдущъ во всѣхъ преданіяхъ своего племени, исполненъ презрѣнія къ многобожію, отчасти знакомъ съ христіанствомъ въ его несторіянскомъ искаженіи и съ ученіемъ Евреевъ. Съ раннихъ лѣтъ почувствовалъ онъ стремленіе къ преобразованію своей родины, къ слитію въ одно цѣлое разнородныхъ началъ, которыхъ борьба волновала всю Аравію. Въ началѣ VII-го вѣка явился онъ проповѣдникомъ новаго ученія, основаннаго, какъ мозаизмъ, на преданіи рода Авраамова и на единобожіи, богатаго надеждами на блаженное безсмертіе, признающаго себя за исполненіе всѣхъ прежнихъ обѣщаній, проникнутаго и облагороженнаго многими уроками, заимствованными у христіанства, особенно же глубоко и во всѣхъ своихъ подробностяхъ согласнаго съ жизнію и требованіями племени, изъ котораго оно возникло.

Коранъ, возведенный въ религію быта Аравійскаго въ его простотѣ и Аравійскаго характера со всѣми его оттѣнками, долженъ былъ найти ревностныхъ послѣдователей: онъ долженъ былъ сдѣлаться религіею всего народа и всѣхъ народовъ кочевыхъ, воспитанныхъ подъ условіями жизни, похожей на жизнь Аравитянина. Такимъ об-

разомъ объясняется огромное распространеніе магометанства между Тюрками, Берберами, Иранцами Заевфратскими и въ самой внутренности Африки.

Дивная прелесть увлекательнаго краснорѣчія, поэтическое слово и поэтическая вѣра въ свое призваніе, смѣлость духа, не слабѣющаго въ опасностяхъ, и дальновидность въ расчетахъ доставили скоро Мугаммеду многочисленныя толпы поклонниковъ. Его ученіе было возвеличеніе жизни народной, его гордость была гордость народная, дотолѣ оскорбленная исключительными притязаніями Израиля, его торжество должно было быть торжествомъ народнымъ. Изо всѣхъ концевъ Аравіи толпились дружины около новаго вождя и вождь этотъ велъ ихъ къ войнѣ и почти всегда къ побѣдѣ и отдавалъ имъ весь плодъ своихъ побѣдъ, удерживая за собою только славу святости и вдохновенія. Скоро покорилась вся Аравія и престарѣлый учитель передъ смертію своею уже указывалъ вооруженнымъ толпамъ своихъ учениковъ на столицу Персіи и на городъ Константина, какъ на цѣль ихъ будущихъ завоеваній.

Исторія судитъ по дѣлу и ученію въ связи съ судьбами народовъ и съ ходомъ человѣческой мысли: ей нѣтъ дѣла до личностей. Но нельзя не замѣтить, что едва ли когда нибудь былъ произнесенъ безпристрастный судъ надъ Мугаммедомъ. Религія, имъ основанная, боролась со христіанствомъ въ продолженіи двѣнадцати вѣковъ, и теперь еще, уже внутренно умершая, не исчезла съ лица земли передъ торжествующимъ напоромъ государствъ христіанскихъ. По этому отношенія писателей къ христіанству опредѣляли постоянно ихъ взглядъ на Аравійскаго учителя. Безпристрастной критикѣ пора выразить свое мнѣніе безъ любви и безъ гнѣва. Многіе поступки Мугаммеда выказываютъ въ немъ человѣка лукаваго, способнаго къ обману, къ преступленію и къ низкому лицемѣрію. Ему нельзя приписывать ни высокой чистоты душевной, ни глубокой любви къ истинѣ, ни безусловной вѣры въ святость нравственнаго закона, ни безукоризненнаго благородства въ побужденіяхъ. Съ другой стороны не должно забывать, что практическая жизнь, кровавая борь-

ба и свирѣпая вражда единокровныхъ часто искажали лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, и что первая эпоха его дѣятельности не заслуживаетъ никакихъ строгихъ упрековъ. Колѣно Измаэлитовъ сохраняло почти одинаковыя преданія съ колѣномъ Исаака. Въ обоихъ жили ожиданія мессіанническія, принесенныя родомъ Авраама изъ Прираратской родины, некоснаго жилища Іранцевъ, ожиданія свѣтлой эпохи лучшаго богознанія и лучшей человѣческой жизни. Поэтическая душа Магаммеда любила пламенно и преданія народной старины и гордую надежду на возрожденіе человѣческаго рода изъ Измаильскаго колѣна Авраамидовъ; пламенно ненавидѣлъ онъ многобожіе, принесенное иноземными побѣдителями и распространившееся посредствомъ насилія и соблазна. Ни христіанство съ его глубокимъ и чисто-человѣческимъ отреченіемъ отъ личности, ни Іудейство, огрубѣвшее отъ разрыва съ христіанствомъ и заклейменное исключительною народностью, не удовлетворяли страстной природы Аравитянина. Магаммедъ чувствовалъ стремленіе къ осуществленію надеждъ своего народа, сознавалъ въ себѣ силу для этого подвига и повѣрилъ въ призваніе свыше. Годъ его рожденія былъ эпохою значительною для его роднаго города по пораженію великаго войска христіанскихъ завоевателей южной Аравіи, и извѣстенъ былъ подъ именемъ *года слона*. Въ молодости своей самъ Магаммедъ былъ призванъ жребьемъ къ возстановленію священной Каабы. Всѣ эти случайности, воспламеняя его воображеніе, усиливали его вѣру въ самого себя. Но эта вѣра была вѣрою поэтическою, а не глубокимъ, невольнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ какого нибудь нравственнаго или духовнаго начала. Онъ самъ былъ не мыслитель, а поэтъ: оттого происходила и его восторженная энергія, источникъ его побѣдъ, и его нравственная шаткость, источникъ его явныхъ обмановъ и даже преступленій. Но въ Магаммедѣ добро и зло одинаково служили къ успѣху, потому что были одинаково связаны съ характеромъ народа, на который онъ дѣйствовалъ. Добро и зло, соединенныя въ его лицѣ, отразились и на его прямыхъ ученикахъ, и на всемъ мусульманскомъ мірѣ: но нѣтъ сомнѣнія, что самъ основатель ислама былъ въ нравственномъ отношеніи далеко ниже многихъ своихъ послѣдователей. Исторія человѣчества можетъ гордиться именемъ Алія и его дѣтей, Омміада Омара II-го и нѣкоторыхъ Аббасидовъ.

Исла́мъ явился у Измаэлитовъ съ тѣмъ же значе́ніемъ, какъ христіанство у Израиля: подобно христіанству онъ истекалъ изъ начала Іранскаго, преданія о свободно-творящемъ духѣ и о Мессіи, обѣщанномъ міру. Въ немъ выражались и братство двухъ колѣнъ Авраамидовъ и ихъ древнее соперничество. Связь его съ преданіемъ казалась даже тѣснѣе, чѣмъ связь христіанства, и по этому самому понятно, отчего Коранъ былъ принятъ безъ исключенія всѣми семьями Аравійскими, а ученіе апостоловъ отвергнуто большинствомъ Евреевъ; но дѣйствительно христіанство содержало въ себѣ окончательное развитіе началъ заключенныхъ въ преданіи, именно возвращеніе свободы духовной посредствомъ отреченія человѣка отъ своей ограниченной личности и пріобрѣтенія новой высшей личности въ совершенномъ человѣкѣ —Мессіи, между тѣмъ какъ исламъ былъ ничто иное, какъ произвольная реформа, внесенная въ преданіе безъ всякаго развитія его началъ. Бездна, раздѣляющая человѣка и Бога (духа созданнаго и его первобыта) удерживалась навсегда; строгость законная (разумная въ еврействѣ, какъ въ религіи ожидающей и признающей себя за несовершенную) каменѣла въ религіи, признающей себя за совершенную и не освобождающей отъ закона; самыя обѣщанія загробнаго блаженства были заклеймены безконечною прихотью случайности, и духовная природа человѣка была навсегда заключена въ цѣпи нескончаемаго рабства. Такимъ образомъ возможность развитія человѣческаго, данная ученіемъ, возникшимъ въ Іудеѣ, была уничтожена въ исламизмѣ, и будущая побѣда христіанства обуславливалась уже самыми первыми началами вѣрованій, назначенныхъ на вѣковую борьбу. Съ другой стороны ученіе Магаммеда содержало въ себѣ причины временнаго, но блистательнаго торжества. Глубокое значеніе монотеистическаго преданія соединялось въ немъ съ роскошью воображенія и вещественной поэзіи; высокія нравственныя побужденія мирились съ страстями человѣческими, съ любовію къ чувственному наслажденію и къ воинской славѣ; ученіе было просто и доступнѣе темному невѣжеству, чѣмъ христіанство, котораго полный смыслъ былъ ясенъ только для немно-

гихъ мыслителей (какъ видно изъ хода и развитія ересей); всѣ учрежденія были вполнѣ согласны съ бытомъ и характеромъ народовъ юго-западной Азіи и сѣверной Африки; наконецъ, и это всего важнѣе, въ исламѣ идея религіозная заключала въ себѣ не только освященіе стремленій завоевательныхъ, но и обязанность завоеваній, и весь народъ вѣрующій былъ обращенъ въ постоянную и восторженную дружину. Съ Мугаммедомъ началась религіозная война, одно изъ важнѣйшихъ и едва ли не самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи, отвратительный обманъ, прикрывающій безчеловѣчіе войны личиною высоко-человѣческаго чувства, братолюбія и любви къ божественной истинѣ, обманъ особенно увлекательный для благороднѣйшихъ душъ и между тѣмъ уничтожающій въ самомъ корнѣ сознаніе различія между нравственнымъ добромъ и зломъ. Исламъ былъ отечествомъ для магометанъ, и это духовное отечество признавало въ себѣ всѣ права государства и право высшее, сдѣлаться государствомъ всемірнымъ. Такое новое, такое грозное явленіе не могло не потрясти всего міра.

Нельзя не удивиться недосмотру историковъ, которые не замѣтили еще прямой связи между Мугаммедомъ, Баркохабою и другими псевдо-мессіями земли Араво-Палестинской. Очевидно, ихъ существованіе, также какъ и стремленіе объясняется общностью преданія Авраамидовъ о Мессіи и самообольщеніемъ, происходящимъ отъ потребности осуществить обѣщанное царство. Сильнѣе было преданіе въ домѣ Израиля и онъ ранѣе выступилъ съ своими притязаніями; преданіе въ колѣнѣ Измаила было слабѣе и темнѣе. Оно долго спало, не замирая, и проснулось отъ прикосновенія христіанства и іудейства. Успѣхъ Мугаммеда и неудача псевдо-мессій Еврейскихъ могли бы объясняться случайными обстоятельствами, силою Рима въ его полномъ развитіи и слабостью Византіи, малочисленностью Евреевъ и многочисленностью всѣхъ Аравійскихъ племенъ и т. д., но истинная причина лежитъ гораздо глубже, а именно въ большей человѣчности ислама и въ исключительной гордости Іудеевъ. Еще страннѣе то, что историки до сихъ поръ не обратили вниманія на исламъ, какъ на явленіе совершенно новое для міра, т. е. явленіе

религіозной войны. Были во многихъ странахъ раздоры и войны, причиненныя разницею вѣрованій (напр. въ Индіи), но это еще не религіозная война въ ея полномъ значеніи. Израиль при вступленіи въ землю Ханаанскую и Иранъ при домѣ Кеанидовъ въ своихъ военныхъ подвигахъ признаютъ себя народами святыми: но Израиль ищетъ простора для поселенія, Иранъ отбивается отъ непріятеля или завоевываетъ въ качествѣ государства, а не вѣры. Это все еще не религіозныя войны. Въ одномъ исламѣ религія проявилась какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія. На Западѣ христіанство, принявъ наслѣдство Рима, стремилось къ тому же значенію; но всякій безпристрастный критикъ признаетъ, что папская церковь получила свое окончательное опредѣленіе (около времени крестовыхъ походовъ) только отъ противодѣйствія исполинской силѣ мусульманскаго халифата. Въ этомъ смыслѣ христіанство западное было отчасти созданіемъ ислама и получило отъ него новый завоевательный характеръ: но, принимая чуждое начало, оно осталось ниже своего восточнаго соперника. Аравитянинъ завоеватель ставитъ побѣжденнаго наравнѣ съ собою подъ условіемъ единовѣрства, крестоносецъ требуетъ покорности кресту и рабства гражданскаго. Аравійская природа очевидно стоитъ выше Германской и исламъ выше папства. На поприщѣ борьбы военной Сарацины восторжествовали: такъ и должно было быть. Они оставались вѣрными своему началу; христіанство измѣняло самому себѣ. Позднѣе побѣдили христіанскіе народы: таково послѣдствіе высоко-просвѣтительнаго христіанскаго начала, развивающаго человѣческую личность; но побѣда, возможная христіанскимъ народамъ, была невозможна ложному христіанству воюющему. Въ нашъ вѣкъ просвѣщеніе неудержимо завоевываетъ міръ для христіанства и исламъ исчезаетъ. Оружіемъ мессіи Аравійскаго былъ мечъ, оружіемъ мессіи Еврейскаго, замкнувшаго навсегда все Иранское преданіе, было и будетъ слово.

Персія. Манихейство. Хозрой и Ираклій.

Персія и Византія должны были первыя почувствовать силу ислама и отразить его воинственный напоръ, но ни та, ни другая не были способны къ великимъ напряженіямъ, Персія еще менѣе Византіи. Древнее ученіе Прана не умирало въ области Индо-Персидской съ самой реформы Зердушта; оно пережило державу Кеанидовъ и Густаспидовъ; оно уцѣлѣло въ народѣ подъ владычествомъ Эллиновъ, вступило снова, хотя въ грубыхъ и искаженныхъ формахъ, въ свои государственныя права при дикихъ потомкахъ Парѳянина Арсака и явилось во всемъ своемъ первобытномъ блескѣ, хотя не безъ примѣси полу-Кушитскаго поклоненія Астартѣ Бактрійской, при династіи Персидскихъ Сассанидовъ. Сассаниды не были дикарями, не смотря на свирѣпость многихъ законовъ и на обычность кровавыхъ казней. При нихъ цвѣли искусства; древне-Зендскій языкъ, посвященный (какъ Санкритъ въ Индустанѣ) предметамъ религіознымъ, обогащался новыми произведеніями; языкъ Пехлеви (какъ кажется, Западно-Парсскій, судя по великой примѣси Семитическихъ началъ) создалъ новую словесность поэтическую и историческую, нынѣ погибшую, но оставившую слѣды въ преданіяхъ. Многія начала образованности Эллинской были приняты народами Парсскими, многія начала мысли древнѣйшей уцѣлѣли на Бактрійскомъ Востокѣ, гдѣ они въ послѣдствіи слились съ мыслію и поэзіею Аравіи при Газневидахъ и Саманидахъ; любовь къ наукѣ и отвлеченному мышленію продолжала еще оживлять потомковъ великой Средне-Парской семьи: но живѣе всѣхъ другихъ стремленій выражалось еще стремленіе къ уясненію религіозныхъ понятій. Такъ въ самомъ началѣ Сассанидской династіи торжественнымъ собраніемъ Маговъ было установлено ученіе о зависимости злаго начала отъ свободнаго творческаго духа, согласно съ древнимъ преданіемъ, и отвержено позднѣйшее, сильно распространившееся ученіе о равносильности и равновѣчности началъ добра и зла; но утраченная чистота преданія уже никогда не возстановляется. Внутренняя слабость Зороастризма (неясное понятіе о свободно-творящемъ духѣ Зеруана-Акерене, нелогическое отношеніе духа злаго къ его

необходимо-злымъ созданіямъ и слѣд: законъ эманаціонный, произвольность миѳовъ и, кажется, отчасти примѣсь женскаго антропоморфизма) осталась. Землѣ Иранской не суждено было развить вполнѣ и увѣнчать древнее Иранское ученіе; но возстановленный магизмъ Зердушта еще не былъ уличенъ во лжи: онъ могъ бороться и боролся съ ученіемъ дома Израильскаго, уже обнявшимъ всю южную и западную Европу, всю Сирію и Египетъ. Медленны были успѣхи христіанства за Тигромъ, упорны сопротивленія маговъ и древнихъ народныхъ повѣрій. Въ послѣдствіи внутреннія раздоры церкви еще болѣе замедлили ея распространеніе на Востокѣ, а политическое торжество ея въ Римскомъ мірѣ подняло противъ нея политическую вражду и политическія гоненія въ области Индо-Персидской, очевидно не безъ собственной вины христіанъ, утратившихъ чистоту христіанскаго духа. За всѣмъ тѣмъ христіанство росло и проникало далѣе и далѣе. Въ пятомъ или шестомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. оно, кажется, уже открывало себѣ пути въ Китай, и основывало мелкія общины въ Индустанѣ, а въ третьемъ уже безъ сомнѣнія считало многихъ послѣдователей, а вскорѣ и мучениковъ, не только въ среднемъ, но и въ восточномъ Ираиѣ и въ Бактріи, старой колыбели кроткаго Индо-Славянскаго племени. Трудно было завоеваніе міра Восточнаго: въ немъ древняя вѣра еще не умерла, какъ въ мірѣ Эллино-Римскомъ. Разумъ не уяснилъ себѣ внутренняго противорѣчія въ основѣ своихъ ученій и человѣкъ не требовалъ Бога, ибо еще не лишился его. Учители же церковные, прельщенные видимою своею побѣдою на Западѣ, уже недовольствовались проповѣдью слова, не только лучшимъ, но и единственнымъ своимъ оружіемъ, а искали внѣшней опоры въ связяхъ съ міромъ Римскимъ и призывали на себя справедливое гоненіе дерзкою нетерпимостью, разрушающею древніе храмы народовъ еще необращенныхъ, или доброжелательствомъ имперіи, близкимъ къ государственной измѣнѣ. Христіанство, торжествующее послѣ Константина, слабѣло отъ соблазна своего политическаго торжества. Правители Персіи послѣдовали примѣру прежнихъ императоровъ и ужасными казнями

стали останавливать распространеніе враждебнаго ученія: но гонимые христіане уже не были невинными страдальцами Декіевыхъ временъ. Вступивъ въ неразумный союзъ съ вещественною силою и властію, они часто были или по крайней мѣрѣ казались преступниками, и нравственное чувство народа не вступалось за мучениковъ искаженнаго ученія. Вскорѣ раздоры церкви дали новое оружіе противъ нея. Расколы, гонимые въ имперіи, искали убѣжища въ предѣлахъ Персіи и расчетливое гостепріимство Персіи покровительствовало бѣглецамъ, естественнымъ врагамъ своего прежняго отечества. Несторіанство, ученіе, не примиряющее въ себѣ Божества и человѣчества, слѣдовательно логически слабое и неспособное къ безконечному развитію, но возникшее очевидно изъ односторонности древне-Иранскаго взгляда на преданіе, утвердилось въ Иранской сторонѣ и вытѣснило почти совершенно живое и глубокомысленное ученіе соборовъ. Такимъ образомъ распространеніе христіанства на Востокѣ было остановлено на многіе и многіе вѣка; но не безъ слѣдовъ осталось его вліяніе на Персію. Въ ней пробудилось на время живое стремленіе къ вопросамъ духовнаго знанія: прежнія вѣрованія ослабли и возникли новыя, распространившіяся со временемъ далеко на западъ, сильно проявлявшіяся въ имперіи Византійской, сливавшіяся съ политическими смутами южной Европы въ продолженіи среднихъ вѣковъ, и теперь еще не совсѣмъ исчезнувшія, не смотря на временное торжество магометанства и окончательное торжество христіанства. Таково ученіе Манеса. Рожденное въ западномъ Ираиѣ и довершенное во время пребыванія Манеса на границахъ Индустана и въ пещерахъ Гиммалаи, оно соединило въ нестройный синкретизмъ христіанство, магизмъ, Ассирійскую и Египто-Палестинскую гнозу съ древнѣйшею гнозою, — буддаизмомъ Индустанскимъ. Въ этомъ смѣшеніи исчезало начало христіанское: отъ него оставались только имена и символы съ утраченнымъ смысломъ. Магизмъ, входящій въ составъ манихейства, былъ уже далекъ отъ древне-Иранскаго преданія (Зердуштова и Израильскаго): онъ содержалъ въ себѣ, по ученію магузеевъ, вѣрованіе въ

безусловное начало зла, слѣдовательно идею вѣчнаго и необходимаго двойства. Гноза юго-западной Азіи, которой слѣды въ манихействѣ явны во многихъ положеніяхъ, особенно же въ символѣ ладей (общемъ всѣмъ миѳамъ Египта, Ираклу Тирскому и какъ кажется Хону Ассирійскому) была уже переходомъ изъ ученія Иранскаго въ ученіе Кушитское. Она замѣнила начало творчества началомъ полу-свободной, пантеистической эманаціи, содержала скрытое положеніе объ органическихъ, слѣдовательно двойственныхъ, эонахъ и разрѣшалась въ необходимомъ очищеніи и возвратѣ эоновъ къ божественному самопознанію; наконецъ, буддизмъ, протестантство шиваитское, полное признаніе законовъ необходимости во всякомъ мірѣ явленій, допускалъ возможность свободы только въ ничтожествѣ и слѣдовательно совершенно уничтожалъ миѳо-Иранскую основу новой вѣры. Манихейство принадлежало вполнѣ Кушитскому міру и, повинуясь законамъ этого міра, обращало молитвы, символъ, таинство, и даже всю жизнь со всѣми ея подробностями въ безконечное заклинаніе. Главное же начало манихейства (какъ уже замѣтила ученая Германія) заключалось или, сказать вѣрнѣе, невольно разрѣшалось въ буддизмѣ. Это древнее, строгое, глубокомысленное и логически твердое ученіе по своей внутренней послѣдовательности способно ко всѣмъ примѣсямъ, потому что оно окончательно перерабатываетъ и подавляетъ всякую чуждую стихію, и манихейство было ничто иное, какъ западный буддизмъ съ меньшею строгостью логическою (ибо замѣняло внутреннюю необходимость явленія свободнаго духа въ рабскомъ веществѣ внѣшнею случайностью плѣненія вѣчнаго духа въ вѣчномъ веществѣ), но съ бо́льшими притязаніями на стремленіе нравственное (ибо признавало въ вещественномъ явленіи не только страданіе, но прямое нравственное зло)

Несокрушимая твердость и всепретворяющая сила древняго шиво-буддизма обличились въ манихействѣ, какъ и во всѣхъ религіяхъ, къ которымъ онъ примѣшался, какъ и во всѣхъ философскихъ ученіяхъ, которыя приняли его въ свой составъ, и особенно какъ

въ новѣйшихъ школахъ философской Германіи, когда они отъ аналитическаго процесса критики рѣшились перейти въ творческій синтезисъ. Иначе и быть не могло, ибо шиво-буддаизмъ, не смотря на всѣ свои прихотливые символы, есть ничто иное, какъ признаніе наукообразной логики міра. Онъ, и онъ одинъ заслуживаетъ имя науки, точно также какъ одно израиле христіанское преданіе носитъ на себѣ истинный характеръ преданія. Всѣ прочія вѣрованія или ученія предстаавляютъ только болѣе или менѣе жалкую и нестройную смѣсь науки съ преданіемъ, и ихъ развитіе въ самопознаніи человѣческомъ ведетъ за собою необходимое освобожденіе науки, предоставляемой своимъ собственнымъ силамъ

Новая религія, основанная Манесомъ, не могла имѣть великаго торжества по явной произвольности своихъ основъ, по недостатку послѣдовательности и по многимъ внутреннимъ противорѣчіямъ, и особенно по явной многосложности своего синкретизма; но многихъ соблазнила ея таинственность, духовная гордость и затѣйливая символика, и она распространилось быстро не только въ Ираиѣ отъ Гиммалаи до Евфрата, но даже въ областяхъ имперіи Византійской. Въ самомъ Ираиѣ она сдѣлалась предметомъ гоненія и Манесъ кончилъ жизнь въ жестокихъ казняхъ, какъ мученикъ невольнаго самообольщенія или какъ жертва правосудія, наказывающаго преднамѣренный обманъ. Многіе послѣдователи его отступились отъ учителя и возвратились къ прежнимъ вѣрованіямъ или разбились на мелкія секты, почти незамѣченныя исторической критикою, хотя можно бы было прослѣдить ихъ вліяніе въ современныхъ намъ Друзахъ и Курдахъ и въ исторически-важныхъ Измаэлитахъ, грозѣ всего халифата и даже Европейскихъ государей. Скоро прошло волненіе, произведенное манихействомъ; но его явленіе, также какъ многосложность стихій, вошедшихъ въ его составъ, показываютъ, какъ сильно и разнообразно было религіозное движеніе въ Персіи при династіи Сассанидовъ. Это движеніе не успокоилось въ окончательномъ примиреніи и слѣдовательно не могло упрочить государства, но оно было признакомъ великой умственной

дѣятельности и объясняетъ временное усиленіе царства Персидскаго. Съ одной стороны на него тяготѣла уже ослабѣвшая, но еще непстощенная громада Рима, съ другой такъ называемые Гунны или Скиѳы остатки древняго Бактрійскаго или Индо--Славянскаго міра, временно окрѣпшаго подъ вліяніемъ Эллады, снова упавшаго, и окрѣпшаго въ первыхъ вѣкахъ послѣ Р. Х. отъ примѣси воинственныхъ Финно-Турецкихъ семей, вытѣсненныхъ изъ Средней Азіи другими сильнѣйшими семьями того же племени. Долго страдала Персія; долго платила она дань своимъ восточнымъ сосѣдямъ или тратила свои силы въ утомительной и безплодной борьбѣ съ безпрестанно напостающимъ напоромъ Турокъ, будущихъ ея завоевателей; наконецъ; пользуясь раздорами Гунно-Турецкихъ народовъ и паденіемъ собственно-Гунскаго царства (Гунновъ Эфталитовъ), она свергла съ себя ихъ тяжкое иго, освободилась отъ дани, завоевала многія области на востокѣ и обратила силы свои на Римскую имперію, уже почти задавленную сѣверными дикарями. Жестока была борьба и съ трудомъ уцѣлѣла Византія. Двое Хозроевъ, блистательнѣйшіе и послѣдніе цари изъ воинственной династіи Сассанидовъ, подняли Персію на давно забытую высоту. Нушпрванъ, сокрушивъ на долго сѣверо-восточныя племена Гунно-Турковъ, отнялъ у Византійцевъ много областей при Евфратѣ и Кавказѣ, подчинилъ власти своей или по крайней мѣрѣ державному союзу многія семьи Аравійскія, дотолѣ признававшія владычество Рима, и едва могъ быть удержанъ отъ дальнѣйшихъ завоеваній силою Византіи, окрѣпшей при Юстиніанѣ, и его великими полководцами (изъ которыхъ славнѣйшій, Велисарій,—былъ Славянинъ, также какъ и самъ императоръ). Нарвизъ, возведенный на престолъ помощію Маврикія, пользуясь сильнымъ напоромъ Аваро-Славянскихъ полчищъ при Фокѣ и Ираклія, завоевалъ Армепію, Сирію и Палестину, разгромилъ Египетъ, сокрушилъ христіанскихъ союзниковъ имперіи въ южной Аравіи, овладѣлъ Малою Азіею и нѣсколько лѣтъ сряду держалъ въ осадѣ Царьградъ, обложенный въ то же время съ сѣверной стороны Аварскими дружинами.

Превосходя дѣда своего Нушпрвана въ хитрости, въ предпріимчивости воинственной и въ честолюбіи, Парвизъ уступалъ ему въ государственной мудрости, въ любви къ просвѣщенію и въ доблестяхъ человѣческихъ. Ужасна была схватка одряхлѣвшей Византіи съ духовно-дряхлою Персіею. Всѣ области имперіи, даже и тѣ, которыя издавна не видали врага (какъ Египетъ) были опустошены и разграблены, покрыты развалинами и залиты кровію; но когда неустрашимый Ираклій, откупясь на время отъ Аваровъ и связавъ ихъ навсегда цѣпью Славянскихъ поселеній (Хорватовъ, Сербовъ и др.), призванныхъ имъ съ сѣвера отъ Карпатскихъ горъ, обратилъ всѣ силы свои на востокъ, древнее искусство Римскаго воина восторжествовало снова, какъ и всегда и во всѣхъ войнахъ. Вся страна отъ моря до Тигра признала снова власть императора; торжествующія войска Византійскія проникли въ сосѣдственныя области Хозроя и въ его роскошную столицу; старый Парвизъ погибъ безъ славы и Персія купила постыдный миръ уступкою всѣхъ своихъ прежнихъ завоеваній и покорностью всей волѣ побѣдителя

Завоеваніе Персіи исламомъ.

Такъ кончилась вѣковая борьба: оба государства были утомлены и обезсилены; но Византія съ своимъ Эллинскимъ просвѣщеніемъ, съ своею Римскою государственностью и съ своимъ животворнымъ христіанствомъ могла еще, не смотря на внутреннее разногласіе духовнаго и государственнаго начала, залѣчить свои раны и собрать новыя силы для отпора новымъ врагамъ; Персія, обезсиленная упорною борьбою и лишенная вѣры въ свое духовное начало, не могла выдержать новой бури. Когда исламъ, возникшій отъ временнаго торжества Персіи, давшей въ Аравіи побѣду древнему народному началу надъ христіанствомъ, потребовалъ покорности отъ всѣхъ народовъ міра, Византія уцѣлѣла, утративъ только Сирію и Месопотамію, Приаравійскую Палестину, Египетъ и Африку; Персія же послѣ двухъ-трехъ сраженій пала къ стопамъ побѣдителя, и имя ея исчезло на долго изъ исторіи. Большая часть народонаселенія, охладѣвшая къ прежнему вѣрованію, приняла законъ торжествующей Аравіи вслѣдствіе естественнаго стремленія Ирапца

къ вѣрованію, основанному на началахъ Иранскихъ, вслѣдствіе побѣдъ, повидимому оправдывающихъ божественность исламизма и особенно вслѣдствіе согласія Корана съ пастушескимъ бытомъ Арапа. Немногочисленные послѣдователи древняго ученія искали убѣжища въ неприступныхъ горахъ и погибли послѣ мужественнаго сопротивленія или бѣжали изъ своей родины на юго-востокъ, въ области Индустанскія, куда не скоро еще проникъ мечъ мусульманскій. Исчезла вся прежняя Персія, затопленная разливомъ магометанскаго, какъ нѣкогда разливомъ Эллинскаго міра. Изъ перваго наводненія она возстала не только къ независимости, но и къ самобытности; изъ втораго она уже къ самобытному существованію не возвращалась, но черезъ нѣсколько вѣковъ получила она снова значеніе государственнаго тѣла, съ правами на полную независимость, и дала исламу характеръ отличный отъ характера исламизма западнаго (*Шіитство*, въ противоположность *Сунни*). Таковы значеніе и сила древняго міра. Онъ воскресаетъ, измѣненный въ мірѣ новомъ. Дѣленія народовъ и государствъ, которыя являются въ самомъ началѣ человѣческихъ бытописаній и даже въ до историческомъ періодѣ преданія, сохраняются почти неизмѣнными до нашего времени (кромѣ нѣкоторыхъ примѣровъ полнаго истребленія), *не смотря на всѣ бури человѣческой исторіи*. Безпристрастная критика не можетъ приписать этого постоянства въ безпрерывномъ волненіи вліянію причинъ вещественныхъ, какъ-то границъ и т. д.: ибо часто граница двухъ жизненныхъ системъ нисколько не соотвѣтствуетъ границамъ, указаннымъ физическою географіею, и, пренебрегая широкія рѣки или горныя цѣпи или даже морскіе проливы, очерчивается какимъ нибудь незначительнымъ потокомъ или почти невидимою чертою на поверхности земли. Духовное начало народовъ не исчезаетъ: оно принимаетъ новое просвѣщеніе и новыя начала мысли, но даетъ особенное значеніе своему мысленному пріобрѣтенію и не пропадаетъ въ мертвомъ однообразіи. Всякая подпочва народная соединяется съ наплывомъ (хотя бы и общимъ) посредствомъ особеннаго жизненнаго процесса и про-

является новыми произведеніями, отдѣляющимися отъ всѣхъ другихъ въ вѣрованіи, языкѣ, бытѣ и исторической жизни.

Таковъ законъ общій. Межи, отдѣляющія Германца и Галла, Галла и Иверца, Галла и Италійца, уцѣлѣли и называются въ наше время государственными границами. Это всѣми замѣчено, хотя можетъ быть никѣмъ не оцѣнено вполнѣ. Древнихъ Славянъ, уже погибшихъ въ Германіи, Италіи и Галліи, забывшихъ всю свою старину и свой языкъ, еще можно отслѣдить по физіономіи народной жизни въ Вандеѣ и въ Тиролѣ, и въ низинахъ Голландіи и Фризіи, и въ Балтійскомъ поморьѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, которыя носили въ древности имя земель Венедскихъ. Чувство человѣческой, художественной истины необходимо для историка, а объ немъ-то и не думаетъ весь ученый цехъ, завладѣвшій исторіею въ наше время, и есть еще смѣлые буквоѣды, которые отрицаютъ старожитность Славянъ въ Европѣ потому, что не отыскали подлинныхъ межевыхъ книгъ и плановъ скрѣпленныхъ и засвидѣтельствованныхъ какимъ нибудь древнимъ земскимъ судомъ.

Завоеваніе исламомъ Сиріи, Египта и сѣверной Африки.

Первый налетъ мусульманъ на имперію отнялъ у нея всѣ ея юго-восточныя области. Утомленная борьбою съ Персіею и торжествомъ, купленнымъ многолѣтнею бранію, она не могла противопоставить сильныхъ ополченій свѣжей силѣ восторженнаго ислама; старый императоръ и спаситель государства, Праклій, занятый церковными спорами (въ которыхъ онъ, бывшій правитель Египта, держался Египетскаго стремленія къ Евтихіянству), не имѣлъ уже достаточной энергіи или надежды на побѣду, чтобы вступить въ упорную борьбу съ новымъ врагомъ. Онъ согласился уступить Аравитянамъ южную Сирію, ожидая, можетъ быть, что порывъ новаго вѣрованія будетъ недолговѣченъ, а отдохнувшая имперія будетъ со временемъ крѣпче для войны. Области, завоеванныя Аравійскимъ мечемъ, были уже отчасти населены племенемъ полу-Аравійскимъ или Аравійскими выходцами; онѣ были опустошены Персіянами, мало привязаны къ слабому организму Византіи, лишены духовной силы и духовнаго единства безпре-

рывными спорами религіозными, готовы къ покорности всякому побѣдителю, нѣсколько человѣколюбивому, и даже къ принятію всякаго ученія, нѣсколько разумнаго: а воины первыхъ халифовъ, непобѣдимые въ сраженіяхъ, были кротки съ побѣжденными, вѣрны въ обѣщаніяхъ и готовы принять въ свое вооруженное братство всякаго новообращенца; ученіе же, проповѣданное ими, было исполнено поэтическаго восторга и вещественнаго соблазна, оправдано побѣдами и проповѣдано живою и пламенною вѣрою. Аравитяне нашли сначала мало сопротивленія и много союзниковъ. Исламъ пріобрѣлъ не только пространныя области, но и множество послѣдователей внѣ Аравіи.

То же самое было въ послѣдствіи и въ Испаніи.

Такъ погибли для имперіи и для общенія съ христіанскимъ міромъ Сирія, Египетъ и сѣверная Африка. Болѣе другихъ уцѣлѣло ученіе христіанское въ Сиріи: оно уже отчасти слилось съ самою жизнію, не смотря на развратъ городовъ и полуидолопоклонническій бытъ деревень. Вѣроятно оно удержалось бы съ большею силою (ибо разумное пониманіе христіанства было удѣломъ не однихъ Эллинскихъ жителей, но и Сиріянъ и природныхъ Палестинцевъ) и, можетъ быть, освободилось бы отъ ига мусульманскаго: но значительная часть народонаселенія погибла въ войнахъ Персидскихъ; многія области были наполнены Аравійцами, чуждыми и имперіи и христіанству; раздоры религіозные поставили большую половину народа въ враждебное отношеніе къ государству и въ разъединеніе съ остальною церковью, и глубокій развратъ нравовъ отнималъ и силу и желаніе сопротивляться чуждому игу. За всѣмъ тѣмъ нѣсколько горныхъ округовъ и приморскихъ городовъ долго сохраняли свою независимость и отбивались мужественно отъ мусульманъ; но эта безплодная борьба не могла быть увѣнчана побѣдою и скудные остатки просвѣщенія погибли, не принесши плода для остальнаго міра. Полнѣе было паденіе Египта. Въ немъ разумное пониманіе

христіанства ограничивалось только Эллинскою или эллинизованною частью народонаселенія. Темная религія туземцевъ была ничто иное, какъ древнее идолопоклонство въ христіанскихъ формахъ, и даже у просвѣщеннѣйшихъ сословій гораздо менѣе было истинно-христіанскихъ вѣрованій, чѣмъ гностической философіи, скрытой подъ оболочкою христіанства. Наконецъ въ сѣверной Африкѣ, отъ границъ Египта до дальнихъ береговъ Атлантическаго океана, христіанство было очевидно принадлежностью городовъ и Эллино-Римскаго народа. Туземцы покорялись ему, но никогда не принимали его.

Они находились въ томъ же положеніи, въ которомъ теперь находятся въ Россіи Черемисы, Чуваши, Мордва и другія Финно-Турецкія семьи, которыхъ безъ сомнѣнія не трудно бы было обратить къ какое угодно вѣрованіе (что не приноситъ, между прочимъ, великой чести апостольской ревности Русскаго народа).

Зато христіанство и исчезло безъ слѣда со всего южнаго берега Средиземнаго моря. Отъ него не уцѣлѣло ни малѣйшаго слѣда, и отечество Августина и Тертулліана сдѣлалось гнѣздомъ самаго фанатическаго, самаго изступленнаго мусульманства.

Впрочемъ не безъ боя покорилась сѣверная Африка. Ея полукочевые жители, *Амазирги*, *Шелухи* и *Кабайлы*, не разъ отбивали завоевателей или изгоняли ихъ изъ завоеванныхъ областей. Утомленные долгимъ сопротивленіемъ, Аравитяне обратились къ внутреннему сочувствію туземцевъ и къ преданіямъ (безспорно справедливымъ) о племенномъ единствѣ жителей сѣверной Африки съ колѣнами Арабо-Палестинскими.

Свидѣтельства писателей до-магометанскихъ доказываютъ существованіе такихъ преданій. Очевидно, что кромѣ вліянія Карѳагена и другихъ Палестинскихъ колоній было уже издавна много общаго между Гетулами, Нумидійцами, Маврами и пр. и Палестиною. Добросовѣстное изученіе современныхъ намъ нарѣчій Шелуховъ.

Амазирговъ и др., также какъ ихъ физическихъ очерковъ, подтверждаютъ ту же истину, а самое существованіе многочисленныхъ колоній Палестинскихъ на сѣверномъ берегу Африки совершенно совпадаетъ съ общимъ правиломъ первоначальной торговли, т. е. гостьбы у братьевъ единоплеменниковъ.

Законъ и жизнь Аравійцевъ совершили то, чего не могло сдѣлать оружіе. Сѣверная Африка, сохраняя свою самобытность, вошла въ общее движеніе міра мусульманскаго и, слившись съ нимъ неразрывно, сдѣлалась точкою опора и орудіемъ для новыхъ завоеваній. Сила иноначальнаго Рима подавляла Африку, не покоряя себѣ ея внутренней жизни. Сила Ислама покорила ее не только въ смыслѣ вещественномъ и гражданскомъ, но и въ смыслѣ духовномъ. Аравійцы сдѣлались братьями туземцевъ, сохраняя только то неотъемлемое первенство, которое зависелo отъ ихъ прежней исторической жизни и отъ высшаго умственнаго, особенно же словеснаго развитія. Что было при первыхъ Омміядахъ, то сохранилось неизмѣнно и до нашего времени.

Халифатъ.

Задача ислама, казалось, разрѣшилась его блистательными успѣхами. Едва родившись, уже обнималъ онъ безконечную область отъ береговъ Инда до береговъ Атлантики; но убіеніе третьяго калифа и междоусобія, возникшія послѣ его смерти, доказывали, что этой задачѣ не суждено было никогда разрѣшиться вполнѣ. Всякій халифъ былъ преемникъ Магомета; но это преемство имѣло по необходимости двойственное значеніе: значеніе власти государственной и духовнаго начальства. Въ обоихъ отношеніяхъ проявилась вскорѣ шаткость, доказывающая внутреннюю слабость началъ. Какъ духовный властитель, халифъ не былъ облеченъ въ святость непогрѣшимости догматической (такъ какъ позднѣйшіе папы) и слѣдовательно не представлялъ ручательства въ неизмѣнности ученія. По этому могли и должны были возникнуть ученія новыя и противоположныя другъ другу, для которыхъ лице халифа не имѣло никакого духовнаго значенія. Какъ власть государственная, халифъ не находилъ твердой опоры въ не-

измѣнномъ законѣ престолонаслѣдія, будь оно избирательное въ опредѣленномъ порядкѣ, будь оно исключительно наслѣдственное. Сверхъ того, если бы даже нашлась такая опора, то ея характеръ, чисто условный, могъ бы имѣть силу только мѣстнаго, а не всемірнаго учрежденія. Халифату оставалось только одно: быть символомъ и только символомъ единства въ мірѣ ислама. Такимъ онъ и былъ. Весь исламъ по духу Корана представлялъ одну безконечно-многочисленную семью, одушевленную однимъ началомъ вѣрованія въ мессіанство Измаэлитскаго колѣна. Этой семьѣ, по духу патріархальнаго быта Аравійскаго, нужна была глава, живое олицетвореніе роднаго или духовнаго единства. Главою былъ халифъ. Простыя явленія быта патріархальнаго не могутъ вполнѣ удовлетворять многосложнымъ требованіямъ быта государственнаго, и единство духовное не подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ единство родовое. Внутреннее раздвоеніе духовно-государственнаго міра магометанскаго должно было вскорѣ нарушить плавный ходъ его первоначальнаго развитія. Чисто-духовныя стремленія должны были прійти въ враждебное столкновеніе съ чисто-вещественными, исключительно государственными потребностями и расчетами. Они нашли себѣ великаго и достойнаго представителя въ поэтическомъ лицѣ великаго Алія. Хитрый, но сильный духомъ Моавія сталъ представителемъ государства, государства завоевательнаго и дружиннаго. Случайность рѣшила въ пользу Моавіи. Алій погибъ подъ кинжаломъ убійцы.

Впрочемъ случайность смерти Аліевой представляетъ довольно ясный примѣръ общей случайности исторической въ ея противоположности съ общею историческою необходимостью. Алій могъ побѣдить: его неустрашимость и воинственное превосходство казались даже залогами побѣды; но слабость духовнаго начала и духовнаго значенія въ халифатѣ при его преемникахъ уступили бы необходимо практическимъ и неотразимымъ требованіямъ завоевательнаго государства.

Исламъ, какъ вѣрованіе, былъ побѣжденъ въ лицѣ Алія. Тор-

жество государственнаго начала выразилось въ побѣдѣ Моавія, человѣка невѣрующаго и бездушнаго, котораго отецъ былъ самымъ упорнымъ, самымъ непримиримымъ врагомъ Мухаммеда и его ученія.

Исторія представляетъ множество такихъ аки-символовъ: но, случайно упоминая объ нихъ, мы не видимъ въ нихъ важности. Иное дѣло тѣ символы, по видимому случайные, въ которыхъ безсознательно выражается скрытая или еще неуяснённая мысль. Они безконечно важны для исторіи и рѣдко обращали ея вниманіе. Въ возстаніи Моавія его бездушность не случайна. Высокій духъ покорился бы великой личности Алія: но происхожденіе Моавія отъ врага Мухаммедова есть прямая случайность, заманчивая для поэта, ничтожная для историка. Самое же лице Алія и весь родъ его окружены такимъ блескомъ поэтическаго вдохновенія, безкорыстнаго великодушія, пламеннаго и веселаго мужества, глубокой любви къ нравственному совершенству, кроткаго и истинно-человѣческаго величія, что передъ ними темнѣютъ всѣ многопрославленные герои рыцарскихъ вѣковъ въ Европѣ. Они важны для исторіи, потому что въ нихъ выражается вся красота вольной пустыни и Иранскаго преданія, т. е. вся художественная красота Аравіи и вся нравственная чистота Корана. Важны побѣжденные Алиды, еще важнѣе глубокое сочувствіе народа и самихъ побѣдителей Омміядовъ къ побѣжденнымъ. Очевидно любили въ Аліи не зятя Мухаммедова, но поэтическую его личность и нравственное достоинство, и эта любовь народа доказываетъ, что Аліи и родъ его не были исключеніемъ, но истинными представителями Аравійскаго идеала. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подробностяхъ исторіи, явно превосходство Аравійца-мусульманина, опредѣлившаго судьбу Востока, надъ Германцемъ-христіаниномъ, создавшимъ всѣ державы Запада. Различіе въ дальнѣйшемъ развитіи и торжество Европейскихъ народовъ зависятъ отъ внутренняго совершенства, логической стройности и духовной силы начала, принятаго Европою извнѣ. Впрочемъ торжество Омміядовъ и паденіе Алидовъ показываютъ, что народы мусульманскіе были движимы внутреннимъ сознаніемъ двойственности въ религіозно государственномъ исламѣ, малосилія въ началѣ духовномъ и неизбѣжнаго первенства начала политическаго.

Моавія начинаетъ собою блистательнѣйшую эпоху халифата. Безпрестанный рядъ побѣдъ соединилъ въ одно могучее цѣлое всѣ области отъ береговъ Инда, отъ древней Бактріи, уже затопленной Тюрками, и Кавказскаго пригорія, гдѣ Турки, (будущіе побѣдители Аравитянъ) были сначала покорены первымъ пламеннымъ порывомъ Аравіи, —до Атлантическаго океана и пригорій Пиренейскихъ. Ни древній Иранъ Персидскій, ни Эллада въ минуту своего блестящаго торжества при Македонцѣ не равнялись съ халифатомъ Омміядовъ. Римская имперія при Траянѣ (явленіе единственное въ исторіи человѣчества) не многимъ чѣмъ превосходила его.

Италія, Галлія, Британнія и Эллада были лишнія у Рима: лишними были у халифовъ Аравія и Персія, которыхъ пространство равняется почти половинѣ Европы.

Величественно было царство халифовъ: ихъ отдѣльныя дружины на западѣ сокрушали однимъ ударомъ царство Вестготовъ (около 710-го года), затопляли южную Францію и едва могли быть удержаны отъ дальнѣйшихъ завоеваній всею силою Меровингскаго царства и воинственнымъ геніемъ основателя Карловингской династіи; въ то же время другія дружины на востокѣ проникали въ глубь средней Азіи и грозили войною или предлагали дружбу вѣковѣчной державѣ Китая, окрѣпшаго при династіи *Тангова*. Но халифатъ не имѣлъ внутренней крѣпости, упрочившей на многіе вѣка величіе Рима. Въ немъ не было стройнаго механизма, соединяющаго всѣ вещественныя силы государства подъ единствомъ одного логическаго закона (Римскаго начала, внѣшней правды или права). Онъ не имѣлъ также и той полноты духовной жизни, которая могла бы собою замѣнить совершенство условнаго механизма. Исламъ хотѣлъ быть въ одно время и церковью и государствомъ (также какъ нѣкоторыя царства буддаистскія и позднѣйшій католицизмъ Запада). Въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ попыткахъ на соединеніе духовнаго начала (совершеннаго по своему опредѣленію) съ государственнымъ (необ-

ходимо несовершеннымъ) заключался внутренній раздоръ. Жизнь практическая должна была подавить жизнь мысленную. Такъ и случилось въ исламѣ какъ и вездѣ. Японскій первосвятитель сдѣлался куклою Японскаго царя. Королевство побѣдило Римскій престолъ и султанство подавило халифатъ. При Омміядахъ еще не наступало время полнаго разрыва: но онъ уже явился въ лицѣ Моавіи, скрытый для современниковъ, явный для потомства. Духовный халифъ былъ уже побѣжденъ государемъ свѣтскимъ; ибо въ исторіи важна не побѣда лица надъ лицемъ, но побѣда начала надъ началомъ, а она можетъ совершиться въ одномъ лицѣ какъ и во многихъ. Халифу, утратившему свою религіозную святость, осталось только значеніе родовой главы въ великомъ мусульманскомъ семействѣ. Этотъ призракъ родоваго единства, святыня взятая изъ жизни Аравитянъ и понятная всѣмъ ихъ кочевымъ братьямъ, долго еще ростилъ и живилъ міръ мусульманскій и противился напору многихъ бурь и многихъ вѣковъ.

Византія не умѣла или не могла воспользоваться междоусобіями Аравитянъ. Радуясь временному отдыху, она не думала снова завладѣть утраченными областями и довольствовалась незначительною данью, которою Моавія откупился отъ войны во время своей борьбы съ Алидами. Окрѣпшій исламъ скоро отомстилъ за временную уступку. Царьградъ, осажденный Аравитянами, отстоялся; но императоры обязались платить дань халифамъ. Ничтожные и свирѣпые властители губили Византію. Подавленная съ сѣвера и юга иноземными врагами, она тратила послѣднія силы въ междоусобіяхъ. Вслѣдъ за междоусобіями политическими наступили снова раздоры религіозные. Великій вопросъ объ иконахъ (дѣйствительно же вопросъ о правѣ Церкви на свободное выраженіе своего духовнаго содержанія) взволновалъ государство столько же, сколько прежніе споры о догматическомъ опредѣленіи вѣрованія. Мысленное движеніе, сходное съ позднѣйшимъ протестантствомъ, шло съ Востока. Въ этомъ движеніи выражалось требованіе духа на религію духовную, требованіе вполнѣ христіанское; но въ то же время отвергалось право духа человѣческаго на

Византія въ VIII в. Иконоборство.

выраженіе своего религіознаго чувства, право общины, какъ единицы живой, на живое и художественное выраженіе своего единства. Это восточное протестантство заключалось въ такой же скудной односторонности, какъ и позднѣйшее иконоборство Запада; но Церковь сама еще не впадала въ односторонность и должна была восторжествовать надъ всякимъ односторонним нападеніемъ. Иконоборство было вызвано и слѣдовательно оправдано мѣстными злоупотребленіями и частнымъ невѣжествомъ, доходившимъ до идолопоклонства; его стремленіе было исполнено разума и благородства. Но Церковь отреклась отъ всякаго участія въ мѣстныхъ или частныхъ ошибкахъ: она выразила свои разумныя требованія и права. Иконоборцы, уже обратившіеся въ секту, упорствовали въ своей односторонности и погибли въ борьбѣ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, погубивъ много великихъ памятниковъ древности, разорвавъ живую цѣпь художественнаго преданія, но вызвавъ Церковь къ сознанію или къ выраженію своего сознанія въ отношеніи къ иконѣ (т. е. къ образу вообще). Таково значеніе спора объ иконахъ, волновавшаго имперію безъ малаго въ продолженіи двухъ вѣковъ. —Вопросъ былъ поднятъ на Востокѣ, или по крайней мѣрѣ, выходцами съ Востока, призванными на правленіе Византіею. Новѣйшая критика (отчасти оправданная преданіями) связываетъ его съ ученіемъ Мухаммеда, но другое объясненіе (также не чуждое нѣкоторымъ ученымъ) гораздо вѣроятнѣе. Востокъ не имѣлъ стремленія къ пластикѣ, которымъ отличалась Эллада. Въ немъ слѣдовательно и требованіе выраженія художественнаго (въ смыслѣ пластики) не могло быть слишкомъ сильнымъ и общимъ.

Просвѣщеніе Сиріи и Палестины (за исключеніемъ Іудеи) было произведеніемъ борьбы между строительнымъ Кушитствомъ и чистодуховнымъ Ираномъ. Оно должно было ограничиться символомъ. Просвѣщеніе Эллады было по преимуществу произведеніемъ того же Кушитства, встрѣтившагося съ міромъ Восточно-Иранскаго Славянства. Оно должно было создать художество во всемъ его разнообразіи, въ поэзіи, какъ и ваяніи и въ живописи.

Съ другой стороны, начала эбіонитскія преобладали въ юго-западной Азіи, быть можетъ вслѣдствіе древнихъ погибшихъ религій и безъ сомнѣнія вслѣдствіе іудейства, широко распространившагося по всей землѣ отъ Евфрата до моря. То же самое вліяніе, которое уже замѣтно въ несторіанствѣ (отвергавшемъ возможность Божества въ образѣ человѣчества), замѣтно и въ отверженіи всякаго поклоненія образу или изображенію человѣка. Тутъ явны слѣды іудейства и легко объясняется преданіе о Львѣ Исаврійцѣ, околдованномъ Жидами. И такъ, эпоха иконоборства въ Византіи была собственно эпохою преобладанія Восточной стихіи надъ Эллинскою, а торжество соборнаго ученія (2-го Никейскаго) освобожденіемъ стихіи Эллинской. Большая часть церковныхъ вопросовъ возникали отъ самихъ представителей церковнаго правленія, отъ лицъ духовныхъ. Вопросъ объ иконахъ былъ поднятъ свѣтскими лицами и властью. Духовные противники иконъ были всѣ или почти всѣ робкими орудіями императоровъ. Убѣжденіе же и выгоды духовенства были противны иконоборческому движенію.

Быть можетъ это одна изъ причинъ, почему оно погибло безъ слѣда.

Но всякое новое движеніе мысли, стремящейся къ возможному разрѣшенію, также какъ и всякое пробужденіе духовныхъ потребностей человѣка, обозначаетъ скрытую силу жизни и даетъ ей новое напряженіе. Династія восточныхъ иконоборцевъ на престолѣ Византійскомъ заслужила благодарность имперіи, не смотря на распри и раздоры религіозные, и пробужденная ими энергія продолжала еще проявляться нѣсколько времени послѣ ихъ прекращенія.

Такова разница между раздорами, проистекающими изъ какого бы то ни было движенія мысли религіозной нравственной или общественной, и раздорами, возникающими изъ частныхъ выгодъ и требованій. Споры мелкихъ Итальянскихъ династовъ или Нѣмецкихъ кня-

зей губятъ Италію и Германію, Англійская и Французская революціи возвышаютъ Англію и Францію.

Тяжелъ былъ трудъ Исаврійцевъ. Халифатъ нагнеталъ на нихъ въ полномъ своемъ развитіи. Имъ приходилось бороться со всѣми силами, такъ сказать съ главою чудовища, которое однимъ ударомъ хвоста сокрушило Вестготовъ Испаніи и только что не сокрушило Франковъ Меровингскихъ, и они выдержали эту борьбу не безъ славы. Неразъ побѣждали они могучія ополченія и флоты Омміядовъ, и когда эта династія стала клониться къ упадку, знамена Византійскія явились съ торжествомъ на берегахъ Евфрата. Когда новая династія, Аббасиды, взошла на престолъ халифовъ съ новыми силами и новымъ завоевательнымъ стремленіемъ, когда великіе государи, которыхъ имена заслужили безсмертіе, Аль-Мансуръ, Гарунъ и Аль-Мамунъ окружили Исламъ блескомъ, котораго не имѣли можетъ быть и лучшіе изъ Омміядовъ, Византія оспоривала у нихъ каждую область, каждый шагъ земли и ставила неодолимыя преграды ихъ воинственному властолюбію. Въ свою очередь, ослабли Аббасиды и снова гроза Византійскаго оружія загремѣла на берегахъ Евфрата, вырвала изъ рукъ мусульманъ часть давно покоренной Сиріи и покорила горы Арменіи и Иверское прикорье Кавказа. Въ этой славной борьбѣ болѣе всѣхъ прославился второй изъ владыкъ Исаврійскаго дома, ревностнѣйшій изо всѣхъ гонителей иконъ, человѣкъ свирѣпый и развратный, но государь, заслуживающій почетное мѣсто въ исторіи, Константинъ Копронимъ. Его развратный нравъ подалъ поводъ къ сомнѣнію о томъ, сочувствовалъ ли онъ дѣйствительно съ ученіемъ религіознымъ, которое поддерживалъ, и не былъ ли онъ гонителемъ иконопоклонниковъ и духовенства изъ одного властолюбія. Вопросъ не разрѣшимъ. Очевидно зависть власти свѣтской противъ независимости церковной въ смыслѣ ученія и противъ огромнаго вліянія духовенства участвовала въ гоненіяхъ Копронима и его преемниковъ; очевидно, во всемъ движеніи иконоборства выражалось стремленіе императоровъ сдѣлаться судьями церкви и занять

мѣсто, принадлежавшее по праву императорамъ древняго Рима, поставивъ святыню государства выше святыни церкви: но не смотря на политическія побужденія, дѣйствовавшія въ Копронимѣ, не смотря на грубое безстыдство его разврата, нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ для обвиненія его въ совершенномъ равнодушіи къ вопросу церковнаго вѣрованія. Многосторонность души человѣческой выражается въ порокахъ также какъ и въ добродѣтели, и часто ревностнѣйшіе поборники или ревнители религіозныхъ реформъ предавались грубой чувственности, какъ будто уже удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ христіанства своего дѣятельностію на поприщѣ догматики и церковнаго устройства Таковъ, можетъ быть, былъ и Копронимъ, человѣкъ сильный духомъ, волею и разумомъ, которому бы трудно было не имѣть совершенно никакого сочувствія съ вопросами, волновавшими Византійскій міръ. Какъ бы то ни было, Константинъ Копронимъ былъ безъ сомнѣнія достойнымъ преемникомъ прежнихъ великихъ государей, распространявшихъ имперію и налагавшихъ ея желѣзное иго народамъ иноплеменнымъ. Его царствованіе было безконечною борьбою, его походы—рядомъ побѣдъ. Пользуясь временнымъ ослабленіемъ Аравитянъ, онъ нанесъ ихъ власти тяжелые удары въ Азіи и, возвративъ имперіи нѣсколько областей, поставилъ на ихъ границу, какъ воинственную стражу, вѣрную имперіи и впослѣдствіи долго останавливавшую напоръ мусульманъ, колонію изъ двухъ сотъ тысячъ Славянъ а согласившихся на переселеніе изъ Европы въ благодатныя долины Сиріи.

Исторія говоритъ весьма мало объ этой колоніи. Погибла-ли она въ неровной борьбѣ или, утомленная, возвратилась къ своей Европейской братьѣ? Трудно опредѣлить. Самая причина переселенія (будто бы Копронимъ перевелъ побѣжденныхъ, какъ плѣнныхъ, въ Азію) очевидно вымышлена тщеславіемъ Византійцевъ. Переселеніе было безспорно слѣдствіемъ побѣдъ, одержанныхъ императоромъ: но оно не могло исполниться и Копронимъ не могъ предвидѣть добра отъ него безъ согласія самыхъ переселенцевъ, раздѣлявшихъ общее въ то время движеніе Придунайскихъ Славянъ, искавшихъ себѣ

новыхъ привольныхъ жилищъ. Судьба этой Славянской колоніи въ Азіи представляетъ особенную важность. Съ нею, вѣроятно, связано религіозное движеніе, отозвавшееся въ послѣдствіи далеко въ Западномъ мірѣ раздорами, войнами, ужасами первой инквизиціи и еще бо́льшими ужасами крестовыхъ походовъ. Болгарія, страна, изъ которой вышли Богомилы, родоначальники Патареновъ, Катаровъ и Альбигойцевъ, была та самая страна, изъ которой Копронимъ выселилъ колонію въ Азію. Границы Сиріи, куда она была переселена, были областью, въ которой долго гнѣздились Манихеи-Павликіяне, вошственные враги Аравитянъ и непокорные слуги имперіи. Не очевидно ли, что эти обстоятельства поясняютъ другъ друга и что выселенцы Славянскіе, завлеченные въ манихейство своими Сирійскими сосѣдями, передали это ученіе своимъ Европейскимъ братьямъ или посредствомъ миссіонеровъ или незамѣтнымъ возвращеніемъ на свою родину Прибалканскую, или во время обратнаго ихъ переселенія во Оракію при Василіи. Таково самое вѣроятное объясненіе начала секты богомильской или патаренской, легко связавшейся съ остатками прежнихъ Манихеевъ въ Италію, долго первенствовавшей и можетъ быть еще не совсѣмъ исчезнувшей въ Боснійской области, и отзывающейся донынѣ въ Россіи въ общинѣ Духоборцевъ, или въ общинахъ связанныхъ съ ними (Не должно забывать, что Манихеи, Патарены, Катары и др. называли себя по преимуществу людьми духовными, а это собственно значеніе слова Духоборцы).

Тѣмъ славнѣе были успѣхи или, по крайней мѣрѣ, подвиги императоровъ иконоборцевъ и особенно Константина противъ могучихъ Аравитянъ, что въ то же время на имперію напирали другіе враги не менѣе сильные по числу своему и мужеству, но къ счастію еще не соединенные между собою тѣсными узами политическаго единства или единствомъ мысли религіозной.

Переселеніе Болгаръ. Хазары.

Авары, нѣкогда двигатели и угнетатели Славянскаго міра, погибли. Возставшіе Славяне образовали отдѣльныя самобытныя общины на началахъ, которыми они жили съ давнихъ временъ, на началахъ семьи, рода и родовой общины, подчиненной въ иныхъ мѣстахъ одному начальнику, главѣ родовыхъ

общинъ, въ другихъ мѣстахъ совершенно свободной и правимой родовымъ вѣчемъ; но приливъ съ сѣвера-востока еще не прекращался: безпрестанно приходили оттуда новыя колѣна, требующія новыхъ жилищъ и подвигающія старожиловъ далѣе на югъ. Но и это движеніе не было стремленіемъ народа завоевательнаго: оно было простымъ слѣдствіемъ неудержимаго напора съ востока, напора кочевыхъ дикарей изъ внутренней Азіи, слѣдствіемъ бурь поднятыхъ Сянъ-бійцами и Гіонг-ну, перемѣщеніемъ Уйгурскаго союза и особенно разширеніемъ Китая при великихъ государяхъ династіи Тангъ. Поднятые Аварцами и раздвинувшіе свои предѣлы далеко на югъ и отчасти на западъ, Славяне стали успокоиваться. Новое сильное переселеніе взволновало ихъ и потрясло Византію. Это было переселеніе Болгаръ, послѣднее изо всѣхъ Славянскихъ переселеній, послѣдній приливъ изъ Азіи древняго Восточно-Иранскаго племени, тѣсимаго и придавленнаго Средне-Азійскими ордами. Налетъ Гунновъ (сѣверо-восточнаго Приволжскаго казачества) освободилъ міръ Славянскій отъ его Германскихъ насильниковъ и отбросилъ ихъ, какъ извѣстно, далеко на западъ, гдѣ они сокрушили Римскую имперію и образовали новую западную Европу. По совершеніи подвига исчезла сила, совершившая его: имя Гунновъ пропало. Остатки племени, перемѣнившаго судьбу міра, удалились на востокъ въ свою родину, въ землю, не извѣстную ни одному географу, Гуниваръ.

Очевидно, просто земля или союзъ Гунновъ, также какъ и по Индійскимъ памятникамъ земля Гунновъ есть Гуна-вара, отъ корня *вѣра* въ смыслѣ союзъ или *варять* (то же что лат. *tegere*, — варять—предварять и т. д).

Родина Гунновъ и ихъ великій городъ Гунабь (о которомъ гремѣла такая слава у западныхъ лѣтописцевъ) являются подъ иными именами, взятыми уже отъ имени великой рѣки, которая отъ глубочайшей древности до нашего времени была главнымъ торговымъ путемъ всего сѣвера, отъ *Волги* или *Болги*. Съ ея береговъ продолжается къ югу-западу тихое пересе-

леніе (продолженіе Гуннскихъ походовъ) и вскорѣ толпы Болгаръ собираются на Дунаѣ, грозя Византіи и ея областямъ. Византійцы дали отпоръ, а вскорѣ воинственные Авары, превосходствомъ своего чисто-дружиннаго устройства, подавили на время Славянскую самобытность, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ жизни политической. Не долговѣчна была Аварская держава. Отдѣльныя общины Славянскія возставали противъ нея съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и окончательно сокрушили ее (ибо походы Карловинговъ были уже направлены на царство совершенно обезсиленное и утратившее даже свою военную значительность). Изъ первыхъ возстаній противъ Аваровъ особенно замѣчательно возстаніе Болгаръ, поселившихся на югъ отъ Дуная: оно показываетъ отношеніе славянскихъ народовъ къ Аварамъ, очевидно отношеніе союзниковъ, мѣстами угнетенныхъ, но не подданныхъ и не рабовъ; ибо Болгары вооружились не для сверженія ига, а для утвержденія за собою права быть старшими въ союзѣ и назначать общаго начальника всѣмъ союзникамъ, не исключая и Аваровъ. Попытка Болгаръ была неудачна, но она показываетъ уже силу ихъ: побѣжденные, они погибли или бѣжали въ разныя стороны; многіе, спасшіеся на землю Баварскую, тогда покорную Франкамъ, были приняты съ притворнымъ радушіемъ и потомъ уничтожены вѣроломствомъ Нѣмцевъ.

Это возстаніе Болгаръ, о которомъ упоминаютъ почти всѣ историки, осталось до сихъ поръ незамѣченнымъ исторической критикою, а между тѣмъ оно вполнѣ разрѣшаетъ споръ, которому давно уже не слѣдовало быть споромъ. Оно относится къ началу VII-го вѣка, слѣдовательно къ такому скорому времени послѣ перваго переселенія, что самому легковѣрному легковѣрію еще нельзя предполагать перерожденія народа; при этомъ оно представляетъ намъ Болгаръ еще не первенствующими въ союзѣ и не грозными завоевателями, которыхъ имя могло бы быть по ошибкѣ перенесено на побѣжденные или подчиненные народы. И такъ Болгары этого возстанія суть и безспорно Болгары и безспорно еще не переродившіеся Болгары.

Какая же была причина ихъ гибели? «Баварцы, говорятъ лѣтописи, принимая Болгаръ по языку, обычаямъ и наружности за Славянъ,» (а кажется Баварцамъ трудно было не знать Славянъ, но тутъ подразумѣвается за тѣхъ Славянъ, съ которыми они издавна привыкли сражаться) «представили королю Франкскому опасность, которая могла послѣдовать изъ поселенія враговъ на землѣ Франкской и непросили позволенія ихъ перерѣзать»; что и было исполнено во вкусѣ Сицилійскомъ. Трудно повѣрить, чтобы критика, ещѣ сомнѣвающаяся въ славянствѣ Болгаръ, читала лѣтописи; а еще труднѣе повѣрить, чтобы при столькихъ доказательствахъ могла еще такъ долго держаться упорная вѣра въ слова, когда-то сказанныя какимъ-то (положимъ и почетнымъ) ученымъ. Должно еще замѣтить, что при вторичномъ движеніи Болгаръ на юго-западъ отдѣлилось отъ нихъ значительное ополченіе подъ предводительствомъ *Азека* (быть можетъ Слав: *Языкъ*), и двинулось въ Италію, гдѣ оно мирно было принято, мирно поселилось и мирно исчезло, слившись въ общей массѣ Германо-Романскихъ туземцевъ. Похоже ли это на Финно-Турецкое племя? Гдѣ же слѣды этихъ Финно-Турковъ въ сѣверной Италіи? гдѣ языкъ или остатки языка? А Славянскаго языка, жизни, народа, безконечны и всякому, кромѣ слѣпыхъ, бросаются въ глаза Дѣло такъ ясно, что объ немъ почти совѣстно говорить.

Во время паденія Аварскаго владычества земли при Карпатахъ и Дунаѣ, свободныя отъ угнетателей и слабо охраненныя имперіею Византійскою, представляли легкую добычу Славянамъ, а усиленіе Финно-Турецкаго племени на Прп-волжьѣ пробуждало въ нихъ желаніе удалиться въ страну менѣе подверженную нападеніямъ съ востока. Уже въ первыхъ вѣкахъ послѣ христіанства стихія Средне-Азійская (по свидѣтельству Китайцевъ) вошла значительною примѣсью въ восточныя общины Славянъ. Она дала особенный характеръ союзу Гуннovъ и особенную силу ихъ военной дѣятельности. Со дня на день усиливалось вліяніе этой стихіи вмѣстѣ съ приливомъ восточныхъ ордъ. Коренное начало (Славянское) слабѣло со дня на день и переходило мало-по-малу на степень подчиненности. Уйгуры, съ ихъ разными развѣтвленіями,

Онигурами (или Унигурами), Кутригурами и т. д., нѣкогда полу-невольные союзники Гунновъ, становились все болѣе и болѣе владычествующимъ племенемъ, старые Гунны Приволжскіе (Болгаръ) все болѣе и болѣе народомъ порабощеннымъ, порабощеннымъ можетъ быть безъ войны. Болгарія не мѣняла своего имени; но она измѣнила всю свою внутреннюю жизнь. Турокъ царствовалъ и называлъ себя Болгаромъ: Славянинъ рабствовалъ и называлъ себя также Болгаромъ. Сосѣди, соплеменники рабовъ, не замѣчали своей угнетенной и безъ сомнѣнія переродившейся братіи, признавая собственно народомъ только народъ правящій: но сами властители помнили свое завоеваніе и называли себя владыками Славянъ (Саклабовъ). Таковъ выводъ изъ показаній Нестора и Ибнъ-Фоцлана. Такова исторія Приволжія. Эта безконечная страна, нѣкогда главное торговое перепутье первыхъ Восточно-Иранскихъ поселенцевъ въ ихъ движеніи отъ Бактріи до береговъ Океана и Галльской Вендіи, потомъ вырванная изъ ихъ рукъ Западно-Иранскими Кельто-Кимврами, потомъ затопленная кочевою ордою сѣверо-восточныхъ пришельцевъ, Финно-Турецкихъ Сколотовъ (мнимыхъ Скиѳовъ), потомъ захваченная Средне-Иранскими Аланъ-Азами (Сарматами), потомъ вырванная снова изъ власти Сарматской новымъ напливомъ Восточно-Иранскихъ Гунно-Славянъ, перешла окончательно около конца VII-го вѣка по Р. Х. во власть Финно-Турецкихъ Уйгуровъ и народовъ имъ соплеменныхъ, и только уже послѣ многихъ вѣковъ, послѣ многихъ бурь, послѣ утраты всѣхъ слѣдовъ славянства, возвратилась во владѣніе великой Русо-Славянской семьи. Но въ VII-мъ столѣтіи еще не совсѣмъ погибла самостоятельность Славянскихъ Болгаръ на Волгѣ: они составляли отдѣльное государство, котораго широкіе предѣлы обнимали большую часть юго-восточной Россіи. Только средняя часть Волжскаго теченія около Камскаго устья подпала подъ власть Уйгуровъ; но напоръ и насилія иноземцевъ уже становились нестерпимыми, и власть эта, распространяясь далеко на сѣверъ, сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ, подавляя старожиловъ Финновъ и отчасти

Славянъ, давала всей области между средней Волгой, Уральскимъ хребтомъ и лѣсами, окружающими источники Двины имя земли *Уйгурской*, *Угріи*, по-славянски *Югры*. Но подъ этимъ общимъ именемъ сохранялись стародавнія, частныя имена Болгаріи Славянской, Финской Перми или Біарміи и другія, столько же древнія но менѣе извѣстныя.

Пространство области Югорской, по большей части покрытой лѣсами и болотами и весьма мало перехваченной горами, явно показываетъ, что ея названіе происходитъ отъ Уйгуровъ завоевателей, а не отъ Славянскаго корня, Угорской земли.

Царство Хазарское.

Слабѣйшая и менѣе воинственная часть народа Болгарскаго осталась на прежнихъ жилищахъ подъ рабствомъ пришельцевъ, вольнолюбивая и воинственная часть народа двинулась на югъ и юго-западъ, захватывая большую часть при-Донья, берега Днѣпра и раскидываясь отдѣльными поселеніями до Дуная и Карпатовъ; но главная сила еще держалась въ привольныхъ областяхъ между Дономъ и Волгою. Нашествіе новаго непріятеля двинуло ее впередъ. Этотъ непріятель является въ исторіи подъ именемъ *Хазаръ*.

Имя *Хазаръ* слышится довольно долго въ исторіи (не менѣе 3-хъ вѣковъ, отъ начала VII-го, до начала X-го). Оружіе ихъ грозило въ одно время Славянамъ При-дунайскимъ и Прикарпатскимъ, и державѣ халифовъ въ долинахъ Тигра и Евфрата; мирные договоры связывали ихъ то съ Византіею (съ которою они были довольно постоянно въ дружескихъ сношеніяхъ), то съ послѣдними Сассанидами въ Персіи, то съ торжествующими Аравитянами; держава ихъ обнимала всю теперешнюю южную Россію отъ устьевъ Волги до Буга и среднюю до лѣсовъ Чернигова и едва ли не до истоковъ Дона; столицы ихъ (Атель и Саркелъ) были выстроены и укрѣплены искусствомъ иноземныхъ художниковъ, Персіянъ и Византійцевъ. Княжны изъ ихъ племени сидѣли на престолѣ императоровъ, торговцы, путешественники и проповѣдники изъ разныхъ народовъ, разныхъ исповѣданій и разныхъ государствъ посѣщали ихъ об-

ласть; наконецъ памятникъ ихъ умственной жизни и ихъ обширныхъ сношеній сохранился для потомства въ перепискѣ властителя Хазарскаго съ Евреями Испанскими, а критика не разрѣшила еще вопроса, къ какому именно племени принадлежалъ народъ Хазарскій. Этотъ вопросъ не будетъ никогда разрѣшенъ, покуда критика не освободится отъ дѣтскаго предразсудка, по которому государство и народъ считаются за одно и тоже всегда, когда нѣтъ ясныхъ свидѣтельствъ въ противномъ.

Эта ошибка, вредная для всей исторіи вообще, становится особенно важною, когда дѣло идетъ объ исторіи племени Славянскаго: отъ нея происходитъ вся темнота и запутанность изслѣдованій и постоянная разногласица между учеными.

Первая данная для опредѣленія племени Хазарскаго находится въ его имени. Къ нему относится общее правило о томъ, что сходство отдѣльнаго имени, встрѣчаемаго въ двухъ областяхъ отдаленныхъ другъ отъ друга, ничего не доказываетъ, но что цѣлая куча именъ не можетъ случайно повторяться и слѣдовательно даетъ критикѣ явное указаніе на племенное тождество народовъ. Имя Хазаровъ не представляется какъ имя отдѣльное, но составляетъ часть великой кучи именъ, и эта куча извѣстна въ лѣтописяхъ или поэтическихъ преданіяхъ съ отдаленнѣйшей древности, гораздо прежде великой эпохи, положившей начало исторіи новаго міра. Въ воспоминаніяхъ Индустана, не смотря на разногласіе разновременныхъ сказокъ, является одна великая масса народовъ враждебныхъ Индустану, но нечуждыхъ ему по своему происхожденію, вѣчно грозящихъ ему войною и связанныхъ между собою невидимымъ родствомъ. Имена этихъ народовъ болѣе или менѣе извѣстны изъ лѣтописей Армянскихъ, Персидскихъ и Китайскихъ, но нигдѣ не встрѣчаются они во всей полнотѣ своей группировки, кромѣ Индустана. Это *великіе Венды* (Мага-Ванада), *Анты* (Андгру), *Гунны* (Гупа), *Геты и Саки* (Сака) и *Хазары* (Кхаса). Изъ нихъ многіе, именно Венды великіе, Ан-

ты и Саки (или Даки) покрыли своими безконечными колоніями всю пустыню средней Европы еще до переселенія Кельтовъ и братьевъ ихъ Кумріевъ и до вторженія Германцевъ. Они принадлежали безспорно Иранскому племени, составляя его восточный (Славянскій) отдѣлъ. Гунны явились позднѣе; но Персія издавна знала ихъ тождество съ Саками (какъ видно изъ клинообразныхъ надписей) и ихъ первыя колоніи въ Европѣ вѣроятно скрываются подъ именемъ *Хаоновъ* и *Унноловъ*, часто сопровождающихъ Вендовъ и Антовъ. Позже всѣхъ явились *Хазары*. Хазары исчезли безъ слѣда въ Европѣ; но потомки ихъ живутъ еще въ ущеліяхъ Гиммалаи, въ землѣ древнихъ Аза-Вановъ (Авганистанѣ), гдѣ еще недавно они вступили въ неравную борьбу съ громами побѣдоносной Англіи. Въ потомкахъ Хазаровъ Англія узнала Иранцевъ; потомки Вендовъ, теперешніе Славяне, принадлежатъ безспорно къ тому же племени и (какъ видно изъ языкознанія) составляютъ его главную вѣтвь, самую близкую къ великому общему корню. И такъ свидѣтельство древности, выводы изъ лѣтописей и современные намъ остатки древняго міра согласны въ своихъ показаніяхъ. Вся группа опредѣлена. Это группа народовъ Восточно-Иранскихъ, за исключеніемъ Индустана: это океанъ Славянскихъ народовъ. Тѣмъ самымъ опредѣлены и *Хазары* какъ Славяне, какъ часть Славянской семьи.

Съ другой стороны это опредѣленіе опровергается выводами изъ именъ княжескихъ, изъ именъ городовъ, наконецъ изо всѣхъ скудныхъ остатковъ, по которымъ можно сколько нибудь судить объ языкѣ Хазарскомъ; и эти выводы приписываютъ Хазаръ безспорно къ племени Финно-Турецкому, и вѣроятно къ одной изъ его среднихъ вѣтвей. Таково дѣйствительно рѣшеніе всѣхъ или почти всѣхъ изслѣдователей, изучившихъ вопросъ о Хазарахъ; но очевидно изслѣдователи были введены въ обманъ односторонностью взгляда и особенно неяснымъ понятіемъ о пространствѣ Славянскаго міра и объ его тѣсной связи съ Востокомъ. Отличительныя черты Хазарскаго царства замѣтны въ характерѣ его завоеваній, въ его бытѣ, въ его религіи. Оно основано и распространено оружі-

емъ какъ и всѣ другія государства того времени, нашествіемъ племени на другое племя, имъ покоренное или сдвинутое съ мѣста: но съ другой стороны завоевательное стремленіе у Хазаровъ весьма слабо и переходитъ очень скоро въ новое стремленіе къ жизни государственной и торговой. Войны ихъ имѣютъ гораздо болѣе характеръ борьбы съ сосѣдями за первенство или за спорныя области, чѣмъ характеръ набѣговъ. Бытъ градостроительный отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ Финно-Турецкихъ племенъ и желаніе укрѣплять города неприступными твердынями указываетъ на народъ полуосѣдлый, дорожащій своимъ жилищемъ, торговый и готовый къ образованной жизни. Имена городовъ (Атель-Болангіаръ) представляютъ замѣчательную двойственность. Наконецъ въ отношеніи къ религіи Хазарія представляетъ едва ли не единственный въ мірѣ примѣръ народа, принимающаго почти въ одно время три ученія совершенно различныя, христіанство, магометанство, болѣе же всего еврейство. Изъ этихъ особенностей легко можно вывесть заключеніе о томъ, что Хазары не были народомъ одностихійнымъ, но сплавомъ изъ двухъ, а можетъ быть и болѣе народныхъ стихій, соединенныхъ въ одно государство перевѣсомъ одного племени надъ другимъ. Съ одной стороны мы видимъ имя, принадлежащее Восточному Прану или группѣ Славянской, съ другой остатки языка Финно-Турецкаго, и должны слѣдовательно допустить въ Хазаріи одни и тѣ же отношенія, которыя ясно выводятся изъ показаній о Болгаріи Прп-волжской въ IX-мъ и X-мъ вѣкѣ. Славянская стихія представляется какъ начало подчиненное и Финно-Турецкое какъ начало правящее и властительное. За всѣмъ тѣмъ полная подчиненность Славянской стихіи гораздо сомнительнѣе въ землѣ Хазарской, чѣмъ въ области Приволжской. Двойственность именъ, подъ которыми извѣстны Хазарскія столицы, первая, Приволжская (Атель) и вторая, степная (Саркелъ), уже замѣчательная сама по себѣ, даетъ выводъ весьма ясный. Второе имя Ателя, *Болангіаръ* довольно сомнительнаго происхожденія и на немъ трудно основать какую бы то ни было догадку. Оно легко можетъ быть искаженное повтореніе слова *Болгаръ* (т. е.

города Приволжскаго), извѣстнаго какъ названіе столицы сѣвернаго Приволжія: точно также оно можетъ содержать въ себѣ корень *бѣлый*, повторенный въ словѣ *Бѣловѣжа* и безпрестанно повторяемый въ именахъ Славянскихъ городовъ. Какъ бы то ни было, второе имя города Саркелъ (*Бѣловѣжа*), уже безспорно Славянское и понятное всякому Славянину, вполнѣ соотвѣствуетъ общему названію Бѣлогорода. Его нельзя считать простымъ переводомъ настоящаго Финскаго имени. У Славянъ не было обычая переводить имена городовъ или народовъ сосѣднихъ: по крайней мѣрѣ такому обычаю нѣтъ примѣра ни въ живой Русской рѣчи, ни въ лѣтописяхъ. *Царьградъ* есть не переводъ, а прозвище.

Самое же слово *Бѣловѣжа* извѣстно не однимъ русскимъ, но и иноземцамъ. Очевидно, оно было истинное имя города, принадлежащее ему столько же, сколько и *Саркелъ*, имя подъ которымъ самъ народъ (т. е. его Славянская, истинно Хазарская часть) зналъ свою столицу, также какъ другая, Финно-Турецкая (вѣроятна Уйгурская) знала ее подъ названіемъ *Саркелъ*. Точно такое же заключеніе можно вывесть и изъ многовѣрія Хазаровъ. Конечно намъ неизвѣстна ни одна Славянская семья, принявшая въ одно время разныя религіи, но сказанія о избраніи вѣры Владиміромъ Русскимъ и Богорисомъ Болгарскимъ, болѣе или менѣе повторяемыя въ другихъ Славянскихъ земляхъ, указываютъ на возможность такого явленія у Славянъ; они показываютъ высокую идею терпимости и понятія о правѣ каждаго лица на отыскиванье истины религіозной и на пріобрѣтеніе вѣры по крайнему разумѣнію. Эта черта не встрѣчается ни у кого кромѣ Славянъ, по крайней мѣрѣ она ни у кого не перешла въ народное преданіе. Во всякомъ случаѣ сводъ всѣхъ обстоятельствъ приводитъ къ одному положительному выводу, о Славянской подпочвѣ народа Хазарскаго, сплоченнаго въ одно цѣлое властительною примѣсью Финно-Турецкихъ пришельцевъ, подчинившихъ себѣ древнюю Восточно-Иранскую (Славянскую) семью, но принявшихъ имя и вещественныя силы отъ подчиненныхъ.

Побѣда Хазаръ на Дону двинула Болгаръ на юго-западъ,

а Хазары побѣдители наложили иго или дань на всѣ окрестные народы далеко вверхъ по теченію Волги, по Дону и Днѣпру, процвѣтая торговлею и силою, не чуждаясь просвѣщенія, но и не принимая въ себя никакихъ живыхъ началъ, упрочивающихъ государственный бытъ. Побѣжденные Болгары придвинулись къ Карпатамъ и къ Дунаю, бросая отдѣльныя дружины еще далѣе во внутрь Паннонiи и даже въ Италію. Скоро погибло въ борьбѣ съ ними уже ослабшее царство Аварское, не выдержавшее почти единовременнаго напора съ запада отъ Франковъ и съ востока отъ Славянъ Болгарскихъ; скоро другія слабѣйшія общины Славянскія (напр. Сѣверяне Придунайскіе) были принуждены либо удалиться, либо слиться съ побѣдителями; скоро наконецъ Византія стала трепетать своихъ новыхъ сосѣдей. Сильнѣе и сильнѣе росло царство Болгарское по обоимъ берегамъ Дуная отъ границъ Хазарскихъ до твердынь Кемскихъ (Балканскихъ) горъ, прежнія имена Мизіи и Даніи пр. исчезли. Явилось новое имя Болгаріи и утвердилось навсегда.

Новая Болгарія была названа Черною. Трудно опредѣлить причину такого прозвища, которое впрочемъ столько же принадлежитъ обычаямъ Славянскимъ (напр. Бѣлоруссія, Черная Русь и т. д.), сколько же и обычаямъ Турецкимъ (напр. Черные Клобуки и Бѣлые и множество другихъ подобныхъ названій); но съ другой стороны нельзя не обратить вниманія на это обстоятельство. По свидѣтельству лѣтописей и по всѣмъ вѣроятностямъ прежнее Приволжское жилище Болгаръ называлось и должно было называться Великою или Бѣлою Болгаріею. Во-первыхъ, тождество бѣлаго и великаго вообще ясно у Славянъ; оно основано на ихъ первоначальныхъ идеяхъ религіозныхъ, и можетъ быть даже на коренномъ тождествѣ словъ *бѣлый* и *велій;* оно отражается даже и на противоположныя слова *черный* и *малый,* которыхъ значеніе опять тождественно (напр. люди малые и люди черные). Такимъ образомъ въ имени *Болгаріи Черной* мы получаемъ прямой смыслъ *Малой Болгаріи,* названной такимъ образомъ вѣроятно по сравненію съ прежнею, почти безграничною областью Приволжскою. Во-вторыхъ, вѣроятно въ этомъ же роз-

вищѣ находится объясненіе двухъ другихъ географическихъ названій, до сихъ поръ необъясненныхъ, имени *Саклабовъ*, подъ которымъ извѣстны Аравитянамъ *Славяне* Приволжскіе, и *Лебедіи* или *Лебедяни*, подъ которыми является земля между среднею Волгою и верхнимъ Дунаемъ. Предположеніе, будто Аравитяне назвали Славянъ Саклабами потому, что неудобно произносили слогъ *сла*, довольно произвольно: кажется, имъ также легко было сказать *Салавы*. Извѣстно, что въ древности имя *Саковъ* слышится на Востокѣ, и тогда окончаніе *лабъ* обращается въ вѣроятное прозвище. Этому прилагательному соотвѣтствуетъ, съ измѣненіемъ гласной, имя стороны между Волгою и Дономъ *Лебедянь* (до сихъ поръ сохранившееся, можетъ быть, въ названіи Придонскаго города). Здравая филологія позволяетъ догадку сводящую эти оба слова съ прозвищемъ Болгаріи *бѣлой*. Тутъ видна только та же перестановка, какъ и въ словѣ *Лебедь*, происходящемъ, по всей вѣроятности, отъ *беледь*, какъ *бакалдина* отъ *калдобина*, *ведмедь* отъ *медвѣдь*, *ладонь* отъ *долонь* (длань) и т. д. Понятно тогда что имя *Саковъ бѣлыхъ* (*бѣлыхъ Болгаръ*—Саклабовъ), перваго Славянскаго народа, узнаннаго Аравитянами, сдѣлалось для нихъ общимъ именемъ Славянъ, особенно при сходствѣ звуковъ *Саклабъ* и *Словянинъ*. Въ прозвищѣ *бѣлый*, можетъ быть также скрывается и причина искаженія имени *Болгаръ* у народовъ восточныхъ, которые называютъ ихъ *Белгарами*, словомъ довольно далекимъ отъ слова *Болгаръ*.

Царство Болгарское на Дунаѣ.

Побѣды Болгаръ и преимущество ихъ передъ другими Славянскими семьями въ основаніи государства зависѣли отъ примѣси чуждаго начала, соединившаго ихъ въ твердую дружину и сосредоточившаго ихъ силы какъ для завоеваній, такъ и для устроенія государственнаго порядка. Это чуждое начало было безспорно то самое, которое уже проявилось въ Гуннахъ (тѣхъ же Болгарахъ) и которое извѣстно изъ свидѣтельствъ Китайскихъ Лѣтописей, начало Средне-Азійское. Въ племени Болгарскомъ примѣсь не имѣла того значенія, что у Хазаровъ; она не ввела въ народъ новую народную, властительную стихію, но она измѣнила бытъ общинный, подчинивъ свободную родовую или естественную общину новому услов-

ному или военному строю. Такое измѣненіе объясняется легко самымъ положеніемъ Гунно-Булгаръ на границѣ кочевыхъ и воинственныхъ ордъ Финно-Турецкихъ и необходимымъ перевѣсомъ казачества надъ общиною; точно также объясняется и то обстоятельство, что всѣ слѣды не-Славянскаго начала встрѣчаются въ высшемъ, правительственномъ кругѣ, въ названіи должностей, въ имени князей и т. д., ибо стихія военная или дружинная должна по превосходству своихъ вещественныхъ силъ захватывать власть и начальство въ мирной общинѣ, неосторожно довѣрившей ей свою безопасность. Понятна ошибка критиковъ, принявшихъ Гунновъ и ихъ потомковъ Болгаръ за племя Турецкое: она оправдывается нѣкоторыми показаніями древнихъ писателей, обращавшихъ свое вниманіе единственно на высшее или военное сословіе, въ которомъ преобладала Средне-Азійская стихія, а еще болѣе изъ младенческаго состоянія исторической науки, въ то время когда ошибка эта вкралась въ исторію. Упрямство позднѣйшихъ писателей было необходимымъ послѣдствіемъ суевѣрной покорности ученой Германіи ученымъ авторитетамъ, силы преданія, робости многихъ ученыхъ, и отчасти и вражды просвѣщеннѣйшаго изо всѣхъ народовъ Европы къ сильнѣйшему изо всѣхъ Европейскимъ племенъ, у котораго онъ не можетъ отнять современнаго могущества и отнялъ бы охотно по крайней мѣрѣ все его историческое значеніе.

Средне-Азійское начало было вѣроятно сильнѣе у Болгаръ, чѣмъ у самихъ Гунновъ, не только потому, что оно крѣпло отъ времени и отъ безпрестаннаго прилива кочевыхъ народовъ, но и потому, что самые Болгары, несомнѣнные потомки Гунновъ (какъ видно изъ тождества городовъ Болгаръ и Хунабъ и изъ самаго сознанія Болгаръ, называющихъ *гунками* могилы своихъ предковъ), составляли только часть и именно восточную или Волжскую часть великаго Гунскаго союза.

Отъ того самаго и Германцы не давали никогда названія Болгаріи всей Славянской области, между тѣмъ какъ они весьма часто называли ее всю Гуненландъ и даже приморскихъ Славянъ, съ которыми сражались на Балтійскихъ водахъ—*Гунами*.

За всѣмъ тѣмъ чуждая примѣсь была незначительна у самихъ Болгаръ. Въ этомъ свидѣтельствуетъ чистота ихъ нарѣчія, вполнѣ Славянскій бытъ и отсутствіе всѣхъ преданій, повѣрій или памятниковъ, которые бы могли быть отнесены къ Турецкому началу. Она исчезла мало-по-малу при крѣпчаніи жизни народной, отдѣленной огромнымъ пространствомъ отъ Средне-Азійскаго центра, при увеличивающемся просвѣщеніи и при неизбѣжномъ превосходствѣ того племени, которое болѣе способно было къ принятію просвѣщенія; наконецъ она исчезла совершенно тогда, когда прекратилась или погибла династія первыхъ дружинопачальниковъ и на ея мѣсто стали цари, избранные уже изъ окрѣпшаго народа, цари чисто-Славянской крови и съ Славянскими именами (напр. *Телецъ*, *Громъ* и пр.).

Изъ нихъ только одинъ является опять будто бы не съ Славянскимъ именемъ, но имя это такъ различно пишется (Мортагонъ, Кратогонъ, Омортагъ), что объ немъ и говорить нельзя.

Страшная поднялась гроза на Византію, когда вся сила Болгаръ нахлынула на берега Дуная. Славянскія общины, успокоившіяся на привольныхъ равнинахъ древней Мизіи и Дакіи, пришли въ новое волненіе. Повинуясь волею или неволею силѣ сѣвернаго потока, онѣ двинулись на югъ. Вся древняя Эллада покрылась сѣтью переселеній Славянскихъ; ни горы, ни крѣпости, ни слабыя ополченія опустѣвшихъ Эллинскихъ областей, ничто не могло остановить движенія безчисленныхъ общинъ, временно обращенныхъ въ мелкія дружины, завоевывающія мечемъ мѣсто для мирнаго плуга. Македонія, Ѳессалія, древняя Віотія обратились въ земли Славянскія; далекій Пелопоннезъ принялъ новое Славянское имя Морея. Съ тяжелою скорбію увидѣли Греки свою славную родину въ рукахъ иноземцевъ, христіанскую землю въ рукахъ язычниковъ. Таковы слова и чувства лѣтописцевъ: они не предвидѣли, что эта новая народная стихія сживется съ древнею, приметъ отъ нея вмѣстѣ съ языкомъ жизнь мысли и просвѣщенія и что

потомки Славянъ-завоевателей, забывъ своихъ предковъ по крови, будутъ гордиться новыми предками по духу и возвратятъ свободу Элладѣ послѣ долгихъ бурь, тяжкихъ страданій и тяжкаго рабства.

Полная колонизація всей Эллады съ сѣвера, начавшаяся съ V-го вѣка по Р. Х. и совершившаяся около временъ нашествія Болгаръ на Дунайскую область, такъ ясно доказана свидѣтельствами современными, что ученая Германія должна была по неволѣ ее признать за фактъ неопровержимый; и въ этомъ случаѣ особенно выражается способность, принадлежащая единственно Славянамъ, отрекаться отъ своей народной личности и даже отъ своего языка при встрѣчѣ съ высшимъ просвѣщеніемъ. Упорные и несокрушимые передъ насиліемъ, они всѣмъ существомъ готовы покориться высшей мысли. Скорая и полная эллинизація Славянъ-побѣдителей свидѣтельствуетъ и объ ихъ безконечной воспріимчивости и безконечной силѣ Эллинской стихіи. Впрочемъ нашествіе Славянъ на Элладу показываетъ въ нихъ то же стремленіе, которое видно и во всѣхъ ихъ переселеніяхъ и которымъ они рѣзко отличаются отъ Германцевъ. Они просятъ земли; Нѣмцы искали рабовъ. Колонизація Англіи Саксами и въ этомъ отношеніи сближается болѣе съ явленіями Славянскаго, чѣмъ Германскаго міра и приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, которыя выведены изъ религіи и языка Англо-Саксовъ.

Славяне заняли новую область не безъ боя. Старожилы не охотно уступали пришельцамъ свою полу пустынную землю. Были мѣстами жестокія сраженія, кровопролитія, истребленіе селъ и городовъ; но не было рѣшительной и постоянной войны. Пришельцы, не имѣя своего собственнаго государственнаго быта, подчинялись охотно государственному быту имперіи и покорялись ея законамъ. Мудрые правители Исаврійскаго дома очевидно были рады новымъ и мужественнымъ подданнымъ; они въ ихъ силѣ видѣли будущую опору имперіи и не ошиблись. Они не думали выгонять ихъ изъ предѣловъ государства (чувствуя вѣроятно невозможность такого предпріятія); но признавали законность самовольныхъ пріобрѣтеній,

подчиняя только новыхъ владѣльцевъ условіямъ жизни государственной и наказывая силою меча излишнее своевольство или буйство ихъ дружинъ или не успокоившихся общинъ. Таково безъ сомнѣнія значеніе многихъ войнъ и побѣдъ императоровъ надъ Славянами: но и этотъ подвигъ былъ не безтруденъ, и силы имперіи, едва достаточныя для охраненія сѣверной и особенно восточной границы, истощились въ борьбѣ почти междоусобной. Труды Исаврійцевъ увѣнчались успѣхомъ и безпрерывныя побѣды Копронима возвратили внутреннее спокойствіе государству. Славяне, побѣжденные и въ то же время расчетливо принятые въ составъ имперіи, оживили ея опустѣвшія области трудами мирныхъ поселенцевъ, пополнили ея слабыя ополченія мужественными воинами и стали на ея границахъ твердымъ оплотомъ отъ иноземныхъ завоеваній.

Еще труднѣе была борьба съ Болгарами. Ихъ многочисленныя дружины уже соединились въ государственное цѣлое и не могли подчиниться новымъ законамъ и чуждому устройству. Они не только похищали Придунайскія области у имперіи, но грозили всѣмъ ея остальнымъ областямъ и ея столицѣ и ея существованію. Вѣковая война загорѣлась почти у стѣнъ Царьграда, война жестокая, на жизнь и смерть, поддержанная съ равнымъ упорствомъ обоими враждующими народами, ознаменованная многими великими подвигами, обезчещенная многими примѣрами дикой свирѣпости, но не безславная ни для Болгаръ, у которыхъ явились цари заслужившіе имя въ исторіи, какъ Громъ, Симеонъ, Самуилъ и др., ни для имперіи, спасенной могучею рукою Исаврійцевъ, Льва Армянина, Славянина Василія (извѣстнаго подъ именемъ Македонянина) и Василія II-го. На этомъ поприщѣ, также какъ и вездѣ, явился со славою воинственный Копронимъ и почти первый изъ Византійскихъ Владыкъ нанесъ тяжелые удары новому Славянскому царству. На морѣ и на сушѣ побѣдилъ онъ сѣверныхъ враговъ и наложилъ на нихъ даже временную дань; но они снова распространили власть свою при его преемникахъ, осаждали Царьградъ, владѣли всей Македоніей, часто побѣжденные всегда возставали снова и, погибнувъ наконецъ уже не задолго прежде

паденія самой Византіи, сохранили, если не какъ государство, то по крайнеймѣрѣ какъ самостоятельное племя, предназначенное на будущую историческую жизнь, область Мизійскую, искони Славянскую, изъ которой прежніе жители удалились на югъ въ продолженіи VII-го вѣка и, заселивъ Элладу, положили въ ней корень ея новаго, намъ современнаго населенія.

Добросовѣстное изученіе всѣхъ фактовъ Болгарскаго нашествія опровергаетъ вполнѣ весь расказъ о бѣгствѣ Славянъ передъ ними на сѣверъ, разсказъ основанный или на двойной формѣ слова Болгаръ и Болохъ (въ обоихъ случаяхъ отъ Волги) или на перенесеніе имени Волоховъ Придунайскихъ (племени Романскаго, или Гало-Римскаго) на завоевателей ихъ Болгаръ. Въ обоихъ случаяхъ преданія о Волохахъ, угнетателяхъ Славянъ Придунайскихъ во время нашествія Кельтскаго и позже при Траянѣ, перешли вмѣстѣ съ именемъ на Болгаръ. Выводъ апріорный изъ направленія Болгарскаго прилива указываетъ ясно на то, что удаляясь отъ пришельцевъ, жители Дунайскихъ береговъ (Сѣверяне и другія славянскія семьи) должны были двинуться къ югу. Тотъ же самый выводъ подтверждается неопровержимо a posteriori сличеніемъ времени Болгарскаго нашествія, переселенія многихъ славянскихъ семей (между прочимъ Сербовъ) въ Македонію и заселенія Славянами всей Эллады даже до южной оконечности Пелопоннеза. Наконецъ самый разсказъ о бѣгствѣ Славянъ на сѣверъ очевидно, по отсутствію всѣхъ подробностей, относится къ эпохѣ весьма древней, а сильное нашествіе Болгаръ предшествуетъ началу Руси не болѣе какъ двумя вѣками. Ошибка такъ ясна, что она почти не требуетъ возраженій. Сверхъ того должно замѣтить, что между тѣмъ какъ на югѣ видно огромное движеніе народовъ въ эпоху Болгарскую, на сѣверѣ всѣ племена остаются на своихъ мѣстахъ и не представляютъ никакихъ признаковъ волненія, неизбѣжнаго при сильномъ приливѣ съ юга. Такъ напр. земли уже извѣстныя Геродоту подъ именемъ польной и лѣсной, населенныя Полянами и Древлянами во время Готѳовъ, находятся и послѣ того въ рукахъ старожиловъ Полянъ и Древлянъ. Сѣверяне (Сабиры) все-таки живутъ какъ и прежде между срединнымъ Дономъ и Днѣпромъ, Радимичи на своихъ старыхъ жилищахъ. Сѣверъ неподвиженъ со

времени Іорнанда и т. д. Вообще самый напоръ Болгарскій не представлялъ характера завоевательнаго, но дѣйствовалъ какъ толчекъ на Придунайскихъ Славянъ и подвинулъ ихъ по тому самому направленію, по которому уже давно стремились при Аварахъ и еще прежде, все далѣе и далѣе на югъ. Собственно войны и завоеванія не было, еще менѣе было порабощеніе, о которомъ и слѣда нѣтъ. За всѣмъ тѣмъ были мѣстами столкновенія враждебныя, и потому что успокоившіяся общины не желали новаго переселенія, и потому что Византійцы очевидно уговаривали ихъ не уступать земли своей новымъ пришельцамъ, болѣе опаснымъ для имперіи. Такъ объясняется война Болгаръ съ Сѣверянами (Себерены) Придунайскими, и гибель этихъ Сѣверянъ, которыхъ остатки вѣроятно переселились съ другими глубже въ область Византійскую. Самое имя Сѣверянъ, слышное въ одно время на Дунаѣ и на Придоньѣ, показываетъ, что Дунайскіе Сѣверяне были ничто иное какъ выселокъ Сѣверянъ Приднѣпровскаго центра, о которомъ упоминается во время до Болгарскаго движенія народовъ. Имя же Сѣверянъ соединяется въ разсказахъ объ ихъ пораженіи на берегахъ Дона съ другимъ весьма важнымъ именемъ, съ именемъ Эфталитовъ, такъ долго гремѣвшимъ на Востокѣ, гдѣ они налагали иго свое на Персію, и потомъ на сѣверныхъ пригорьяхъ Кавказа, откуда они прорывались въ Грузію и Армению. Тутъ опять видно торжество всей великой Славянской семьи, переносящей имена своихъ вѣтвей съ востока на западъ. Нельзя даже не предположить не только сродства, но почти тождества Сѣверянъ и Эфталитовъ (вѣроятно составлявшихъ только двѣ вѣтви одной семьи) не только потому, что имена ихъ соединены въ разсказахъ о пораженіи на Донскихъ берегахъ, но и потому, что мы встрѣчаемъ тѣхъ же Сѣверянъ *(Сабири)* на сѣверномъ скатѣ Кавказа, вскорѣ послѣ разсказовъ о Прикавказскихъ Эфталитахъ. Впрочемъ не должно кажется смѣшивать этихъ Сабировъ *(Съверянъ)* Придонскихъ и братьевъ ихъ около Кавказа и Каспія съ тѣми Сабирами, о которыхъ прошли въ старинѣ темные слухи, какъ объ народѣ подвинувшемъ всѣ племена Уйгуровъ съ востока на западъ. Вѣроятно тогда молва шла о дальнихъ завоевательныхъ Тунгузахъ Сянбійцахъ (которыхъ имя должно было перейти въ *Собиръ*, какъ *Кіаза* въ *Хазаръ*, *Тато* или *Татань* въ *Татаръ*, *Манчжу* въ

Манджуръ и т. д.) и случайное сходство имен съ великими завоевателями сѣвернаго Китая и средней Азіи дало небольшому племени Славянъ лишнюю историческую славу.

Аббасиды. Напоръ Славянъ и особенно Болгаръ спасъ можетъ быть халифатъ, или отпялъ по крайней мѣрѣ у Византіи возможность воспользоваться раздорами мусульманскихъ народовъ для возвратнаго завоеванія всей Сиріи и Палестины. Вскорѣ послѣ этихъ раздоровъ новый рядъ великихъ властителей, Аббасидовъ заступилъ мѣсто одряхлѣвшей династіи Омміядовъ и возвратилъ утраченную славу престолу халифовъ. Пріобрѣтенія Исаврійцевъ въ Азіи были снова отняты Аравитянами, имперія стѣснена; многія области и острова, до тѣхъ поръ принадлежавшіе ей, покорены халифами, Царьградъ осажденъ; Но это возрожденіе халифата продолжалось недолго и имперія устояла; въ самомъ магометанскомъ мірѣ стали развиваться сильнѣе и сильнѣе начала раздора. Религіозныя секты, неизбѣжныя послѣдствія всякаго ученія, которое стремится обнять собою весь духовный міръ человѣка, а не довольствуется, подобно Эллино-Римскому идолопоклонству, требованіемъ внѣшней покорности, разрывали внутреннее единство ислама, распадаясь на два главные отдѣла, изъ которыхъ одинъ строго придерживался буквы и формы закона, а другой искалъ въ немъ только коренного и духовнаго смысла, дробясь снова на множество подраздѣленій и свирѣпѣя въ упорной борьбѣ. Единство же государственное или патріархальное ислама, примиряющее разногласіе сектъ въ понятіи о халифѣ, какъ представителѣ всѣхъ людей признающихъ небесное посланіе Мухаммеда, потеряло все свое значеніе при наслѣдственномъ паденіи дома Омміядовъ. Права ихъ преемниковъ Аббасидовъ очевидно основаны были на чисто-условномъ и произвольномъ признаніи и не носили на себѣ никакого обязательнаго характера. Испанія, самая западная и отдаленная земля въ мусульманскомъ мірѣ, признала надъ собою власть уцѣлѣвшаго остатка изъ дома Омміядовъ, мужественнаго Абдеррахмана и оторвалась отъ державы

Аббасидовъ: вслѣдъ за нею оторвалась западная Африка и признала надъ собою владычество династіи Эдризидовъ; потомъ середина Африканскаго поморья подъ знаменемъ Аглабидовъ, потомъ Египетъ подъ династіею Тхолунидовъ, завоевателей Палестины и Сиріи. Государственный міръ ислама распадался на части. Халифатъ, утративъ нравственную власть и желая возобновить свои вещественныя силы, окружилъ себя наемниками изъ воинственныхъ племенъ Сѣверо-Востока, изъ дикихъ выходцевъ средней Азіи, Тюрковъ, недавно еще побѣжденныхъ Аравитянами. Наемники скоро сдѣлались господами и проложили на западъ и на благословенные берега Средиземнаго моря путь своимъ воинственнымъ братьямъ, которымъ суждено было измѣнить всю жизнь юго-восточной Европы. Царство Аббасидовъ клонилось къ упадку: начала просвѣщенія, ими возрощенныя и лелѣянныя, гибли во внутреннихъ смутахъ, и Византія могла бы отдохнуть въ ожиданіи будущей Турецкой грозы: но сама имперія посила уже, какъ сказано, сѣмя своей смерти въ раздвоеніи жизни христіанской и государственности Эллинской. Она не могла воспользоваться слабостью халифата и, будучи еще довольно сильною для отпора, она уже была вовсе неспособна къ прочнымъ завоеваніямъ.

Точно также не могла она воспользоваться и счастливыми перемѣнами въ самомъ близкомъ своемъ сосѣдствѣ. Славяне, полумирные завоеватели Эллады, подчинившись сначала ея общественнымъ законамъ, скоро покорились всѣмъ духовнымъ своимъ существомъ ея духовному превосходству и приняли вмѣстѣ съ полупросвѣщеніемъ и ученіемъ христіанскимъ глубокую и искреннюю любовь къ странѣ и къ государству, въ которомъ взяли насиліемъ право гражданства. Бывшіе враги сдѣлались вѣрными слугами и защитниками. Болѣе воинственные и вольнолюбивые Славяне-Болгаре, завоевавшіе Придунайскую область послѣ продолжительной и упорной борьбы, въ которой они также часто были побѣдителями, какъ и побѣжденными, искали дружбы и мира. Къ нимъ проникло христіанство и было принято съ добросердечнымъ радушіемъ.

Обращеніе Славянъ въ христіанство. Василій Македонянинъ.

Они, также какъ и большая часть Славянъ, не были, подобно Германцамъ и другимъ народамъ, обращены случайнымъ усердіемъ проповѣдниковъ иноземныхъ; они сами, вѣроятно побужденные глубокимъ и внутреннимъ сознаніемъ ничтожности своихъ вѣрованій, просили обращенія, просили истины высшей и отвѣчающей на всѣ вопросы ихъ души. Еще прежде вступленія ихъ въ землю Византійскую, одинъ изъ ихъ князей приходилъ въ Царьградъ и, принявъ крещеніе, возвратился на родину, гдѣ погибъ въ смутахъ. Наконецъ около половины IX-го вѣка царь Богорисъ пригласилъ къ себѣ учителей изъ Византіи и, принявъ христіанство, скоро передалъ всему народу новое свое исповѣданіе. Очевидно, одни и тѣ же побужденія жили во всѣхъ семьяхъ Славянскихъ. Моравія и Русь, точно также какъ и Болгарія, хотя нѣсколько позже, призвали къ себѣ христіанство и всѣ они одинаково обратились къ имперіи Восточной, вѣроятно потому, что многіе изъ ихъ Славянскихъ братій уже приняты были въ общину церкви Восточной и потому что только тамъ и оттуда могли они слышать проповѣдь на своемъ языкѣ; можетъ быть и потому, что они чувствовали бо́льшую крѣпость Восточнаго духовенства и бо́льшую общечеловѣчность Восточныхъ обрядовъ, допускающихъ всякую народность и всякій народный языкъ. Разсказъ о Богорисѣ и его обращеніи, быть можетъ, не совсѣмъ достовѣренъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, точно также какъ и разсказъ о нашемъ Владимірѣ: но важность ихъ одинаково велика, будь они основаны на событіи или на вымыслѣ народа, выражающемъ внутреннее событіе духовное. Оба носятъ одинъ и тотъ же характеръ; оба выражаютъ одну и ту же мысль. Неудовлетворенная душа ищетъ высшей истины, допрашиваетъ всѣ народы и всѣ вѣрованія и рѣшается въ выборѣ не по слѣпой случайности, а по сознанію нравственнаго, разумнаго и общечеловѣческаго превосходства одного вѣрованія надъ другими. Народъ, обращенный такими путями, или по крайней мѣрѣ понявшій такимъ образомъ свое обращеніе, былъ очевидно готовъ къ христіанству и способенъ къ быстрому развитію своего прав-

ственнаго существа: онъ былъ способенъ къ дружескому и братскому союзу съ единовѣрцами. Къ несчастію Византія, давшая Болгаріи добрые уроки въ христіанствѣ, дала ей вредные уроки въ жизни государственной и посѣяла сѣмена зла, гибельныя для Славянъ При-дунайскихъ и еще гибельнѣйшія можетъ быть для нея самой. Имперія Восточная была страною христіанскою, но государствомъ языческимъ. Эллинъ не оторвался отъ своего прошлаго величія, гордо глядѣлъ онъ на весь такъ называемый варварскій міръ, не признавая въ немъ правъ на равенство съ собою. Полнаго и совершеннаго братства онъ еще не понималъ. За всѣмъ тѣмъ была въ Эллинскомъ характерѣ истинно-человѣческая черта: онъ признавалъ, облагороживалъ и возвышалъ всякую народную личность. Таково было отношеніе Эллады къ Сиріи, къ Ирану, къ Египту во время ея торжества при Македонцѣ; таково было отчасти ея вліяніе на Славянъ. Это было простымъ и естественнымъ слѣдствіемъ высоко развитаго поклоненія человѣческой личности у древнихъ Эллиновъ, и Византіецъ христіанинъ охотно питалъ и развивалъ просвѣщеніе во всякомъ народѣ, но просвѣщеніе личное, а не государственное; ибо самъ, какъ христіанинъ, онъ былъ чуждъ своему государству. Государство было еще Римское, исключительное, себялюбивое и враждебное всякому другому народу или государству. Оно не хотѣло ни союза ни дружбы, но требовало подчиненности и покорности. Слишкомъ слабое для прямаго насилія, для завоеванія вооруженною рукою, оно дѣйствовало хитростію, обманомъ, подкупомъ, прижимками въ торговлѣ и возбужденіемъ внутреннихъ междоусобій. Такъ отвергла безумная Византія дружбу народа еще свѣжаго, еще мало развращеннаго жизнію историческою и готоваго вступить въ братскій союзъ съ тою страною, откуда получилъ онъ новую жизнь духа въ ученіи христіанства; такъ разжигала она вражду, которая должна была сдѣлаться тѣмъ свирѣпѣе, чѣмъ склоннѣе были Болгары къ единенію и братству, по тому же закону, по которому ненависть между братьями и междоусобныя войны отличаются особенною жестокостью. Оскорбитель-

на была Эллинская гордость Византійцевъ, враждебна Римская политика имперіи. За всѣмъ тѣмъ благодарность за просвѣщеніе и особенно за христіанство, благоговѣніе передъ умственною и художественною жизнію Греціи, вліяніе духовенства, соблазнъ усовершенствованной жизни частной и гражданской, и можетъ быть кротость врожденная въ народѣ, дѣйствовали такъ сильно, что въ самой Болгаріи многочисленная партія готова была отступиться отъ народности и подчиниться чужой общественной жизни.

Подобный этому фактъ видѣли мы отчасти въ Россіи въ недавнюю эпоху ея борьбы съ міромъ Запада.

Но Византія переполнила мѣру народнаго терпѣнія и Болгаре готовились къ мщенію. Бѣдствія имперіи были удалены на время восшествіемъ на престолъ государя, соединявшаго доблести воина съ достоинствами правителя мудраго и дальновиднаго, Василія Македонянина. Родомъ Славянинъ, съ молода прославленный борецъ (извѣстный особенно по искусству своему въ ударѣ подъ-ножку, что Греческіе лѣтописцы выражаютъ Славянскимъ словомъ *ката подрѣзанъ*) онъ явился на престолѣ вполнѣ достойнымъ своего неожиданнаго величія. По примѣру Юстиніана обратилъ онъ особое вниманіе на законодательство и пополнилъ прежнія собранія новыми постановленіями, необходимыми по перемѣнамъ происшедшимъ въ обществѣ, менѣе запечатлѣнными прежнимъ Римскимъ характеромъ и отчасти уже обличающими почти невольное и несознанное вліяніе христіанства на гражданскую жизнь. Такимъ образомъ двое Славянъ положили послѣдній вѣнецъ въ зданіи древней юриспруденціи и воздвигли въ Византіи великолѣпнѣйшій памятникъ права, которому ни одинъ народъ не можетъ представить подобнаго.

Разумѣется, что въ этомъ мнѣніи не отвергается нестройность многихъ пополненій Василіевыхъ и явная потребность новаго труда, сливающаго древнюю логику права съ новыми христіанскими началами:

но этого труда не совершила Византія, да и послѣ нея не совершили новые образованнѣйшіе народы.

Подобный Юстиніану по любви къ законодательству, Василій былъ выше его какъ государь. Воинственный духъ его не покорился вліянію двора и низкимъ страстямъ развращенной столицы. Самъ предводительствовалъ онъ войсками имперіи и предводительствовалъ ими со славою. Правда, онъ не могъ спасти далекую Сицилію отъ Аравитянъ; но полководцы его отразили ихъ нападенія на Италію и нанесли имъ жестокія пораженія, а онъ самъ не только отбилъ ихъ попытки на западный берегъ Греціи, но перенесъ войну за границы имперіи, одерживалъ блистательныя побѣды надъ ослабѣвшимъ халифатомъ въ Сиріи и на берегахъ Евфрата, разбилъ и переселилъ снова въ Европу манихеевъ, бѣжавшихъ въ область мусульманъ и служившихъ имъ съ мужествомъ противъ Византіи, и принудилъ многихъ эмировъ Сарацинскихъ подчинить себя и свои владѣнія верховной власти имперіи.

Переселеніе манихеевъ — павликіанъ во Ѳракію положило вѣроятно начало Болгарскимъ ересямъ. Въ составѣ народа, переведеннаго Василіемъ въ Европу, вѣроятно находились остатки Славянъ, переселенныхъ Копронимомъ въ Азію и потомъ легко распространившихъ это ученіе въ народахъ, съ которыми они были связаны единствомъ крови и языка.

Счастливо было царствованіе Василія. Его мудрое управленіе укрѣпило на время государство, улучшило финансы и удалило взрывъ вражды сосѣднихъ Болгаръ; его подвиги военные сохранили и отчасти распространили предѣлы имперіи; но царствованія Василія и его злаго предшественника Михаила III-го особенно замѣчательны въ исторіи человѣчества по двумъ событіямъ, которыхъ всемірная важность опредѣлила всю жизнь послѣдующихъ вѣковъ.

Раздѣленіе церквей, раз-

Давно уже епископы Римскіе изъявили притязаніе на вселенскую власть. Первенство почета имъ было вообще уступ-

рывъ Запада съ Востокомъ.

лено по обширности ли ихъ епархіи (такъ какъ на всемъ Западѣ не было ни одной апостольской церкви), по уваженію ли къ городу, который давалъ сперва законы, а потомъ имя всей имперіи, по преемству ли апостола Петра (хотя и Антіохія могла тѣмъ же похвалиться): но первенство власти не было никогда имъ предоставлено ни другими епископами, ни соборами, всегда отвергавшими ихъ притязанія на верховный судъ въ дѣлахъ правленія церковнаго или въ рѣшеніяхъ вопросовъ догматическихъ.

Такъ напр. Гонорій былъ преданъ анаѳемѣ, Либерій признанъ полуаріанцемъ за согласіе на символъ Медіоланскій, власть Рима отвергнута Мало-Азійскими церквами въ назначеніи Пасхи и т. д.

Но мало-по-малу Западъ отдѣлился отъ Востока своими историческими судьбами. Византія уцѣлѣла, а Западная имперія сдѣлалась добычею Германскихъ дикарей. Борьба угнетеннаго народа съ побѣдителями и соборнаго исповѣданія съ аріанствомъ и союзъ Франковъ дали престолу Римскому новое значеніе. Первенство почета обратилось въ прямое первенство власти, не смотря на сопротивленіе многихъ просвѣщенныхъ епископовъ, сохранявшихъ преданіе и ученіе первыхъ вѣковъ о церковной свободѣ. Мнѣніе народа было въ пользу Рима; требованіе силы и независимости въ духовенствѣ указывало на необходимость отдѣльнаго и независимаго средоточія, которое не покорялось бы никакой мѣстной власти и могло бы сопротивляться злоупотребленіямъ и вещественной силѣ всякаго отдѣльнаго государства; наконецъ болѣе всего дѣйствовали преданія и духъ древняго Римскаго просвѣщенія, не развивавшаго ни личности человѣка, ни нравственнаго ни разумнаго его существа, и заключавшагося единственно областью правомѣрной и государственной жизни. Римская государственность опредѣляла неизбѣжно характеръ церкви въ Римскомъ Западѣ, созданномъ Римскою мыслію. Единство жизни церковной на Востокѣ и Западѣ полагало предѣлы частной ошибкѣ мѣстной церкви, противопоставляя

одному мѣстному направленію другія направленія противоположныя.

Такъ напр. Египетъ, Сирія, Эллада и Римъ во время великаго спора соборныхъ опредѣленій отвергали поочередно ученія, происходящія не изъ сущности апостольскаго преданія, но изъ мѣстныхъ толкованій, созданныхъ прежнею исторіею, прежними вѣрованіями и прежнимъ просвѣщеніемъ народовъ міра Кушитскаго, Семитическаго или Эллино-Римскаго, и въ этой борьбѣ мѣстныхъ стихій сохранилась неприкосновенность и чистота преданія во всей его первобытной глубинѣ.

Но Римъ отрывался все болѣе и болѣе отъ Византіи и получилъ характеръ самобытный и опредѣленный. Бездушный императоръ Фока купилъ покровительство и дружбу Римскаго епископа признаніемъ его независимости и власти, и даръ ненавистнаго убійцы легъ основаніемъ новаго Римско-церковнаго права. Вскорѣ раздѣленіе, таившееся въ духѣ двухъ общинъ Западной и Восточной и проявлявшееся только въ разницѣ направленій и обрядовъ, выразилось рѣзче и опредѣленнѣе вслѣдствіе прибавленія, сдѣланнаго въ символѣ самовольнымъ толкованіемъ Испанскихъ епископовъ въ соборѣ Толедскомъ. Долго это прибавленіе было не одобрено, но только терпимо епископами Римскими, какъ частное мнѣніе, не противное ученію церковному, но и не облеченное въ значеніе вселенской истины. Наконецъ совершился великій шагъ. Римъ принялъ исповѣданіе Толедское, усвоилъ себѣ новый символъ и облекъ его всею своею властью и своею непогрѣшимостью, разрушая такимъ образомъ равенство правъ между отдѣльными общинами и значеніе единенія духа и любви, на которомъ основаны были всѣ понятія первобытной христіанской общины. Римъ опредѣлилъ себя какъ власть духовно-государственную. Западъ покорился власти, созданной его же внутреннимъ развитіемъ. Востокъ не принялъ ея и остался ей чуждымъ. Раздѣленіе становилось неизбѣжнымъ, ибо ни Римъ не могъ отступить отъ своихъ притязаній, ни Византія покориться имъ.

Слабость Восточной имперіи была главною причиною независимости престола Римскаго отъ императоровъ. Завоеваніе Италіи Лонгобардами-аріанами утвердило эту независимость, принудивъ Римскихъ епископовъ прибѣгнуть къ покровительству завоевателей Галліи. Царская династія Меровинговъ, всегдашнихъ союзниковъ папскихъ, ослабла. Папы продали право на престолъ новой и сильной династіи Карловинговъ, а Карловинги въ свою очередь спасли Римъ отъ Лонгобардовъ и освободили его окончательно отъ власти Византійской. Царство Лонгобардовъ пало. Великій Карлъ присоединилъ Италію къ своему королевству, кромѣ ея юго-западныхъ областей, которыя еще оставались въ рукахъ Византійцевъ; онъ захотѣлъ къ блеску побѣдъ своихъ прибавить блескъ титула, который казался высочайшимъ изо всѣхъ титуловъ, какъ въ глазахъ побѣжденныхъ потомковъ древнихъ гражданъ имперіи, такъ и въ глазахъ ихъ побѣдителей, долго трепетавшихъ при имени имперіи или служившихъ наемниками въ ея побѣдоносныхъ легіонахъ. Онъ захотѣлъ быть императоромъ, также какъ основатель Меровейской династіи захотѣлъ быть патриціемъ. Папа Левъ III-й благословилъ его охотно на имперію, понимая, что такимъ благословеніемъ возвышалось не столько лице новаго императора, сколько папство, возсоздающее имперію и слѣдовательно содержащее въ себѣ всѣ законныя права древняго Рима. То, что предвидѣлъ Левъ, сбылось. Великій Карлъ удерживалъ сильною рукою излишнія притязанія епископа Римскаго и сохранялъ надъ нимъ всѣ права императора и верховнаго судіи; но послѣ смерти его имперія Карловинговъ ослабла и стала клониться къ паденію, а папство сохранило и расширило всѣ свои пріобрѣтенія какъ въ области духовной, такъ и въ значеніи политическомъ. Въ первой половинѣ IX-го вѣка появилось собраніе лже-исидоровыхъ декреталій, на которомъ въ продолженіи многихъ вѣковъ основывалъ Римскій престолъ всѣ свои права и которое было составлено если не по повелѣнію папъ, то безъ сомнѣнія въ духѣ и по внушенію ихъ политики; вскорѣ послѣ того выдумана и обнародована мнимая дарственная

запись, данная будто бы Константиномъ Великимъ епископу Римскому на городъ и область его. Папство окружало себя цѣлою тучею подложныхъ актовъ, изъ которой оно могло бросать громы на всё и на всѣхъ, и Западъ по невѣжеству вѣрилъ всѣмъ подлогамъ и радовался торжеству начала, которое связано было со всѣмъ его скуднымъ просвѣщеніемъ; Востокъ же, занятый своими ежедневными тревогами, своими тяжкими страданіями внѣшними и внутренними, не зналъ про большую часть этихъ перемѣнъ, происходящихъ на Западѣ, или, зная, пренебрегалъ ими, быть можетъ въ надеждѣ, что духъ церковнаго единенія восторжествуетъ надъ временною и мѣстною ошибкою епархіи Римской, также какъ онъ восторжествовалъ надъ ошибками другихъ мѣстныхъ церквей.

Во второй половинѣ IX-го вѣка взошелъ на Римскій престолъ человѣкъ страстный, властолюбивый, смѣлый и лукавый, не робѣющій ни передъ какимъ предпріятіемъ, не стыдящійся ни какихъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей (какъ видно изъ того, что онъ первый сталъ безъ стыда употреблять ложныя декреталіи, зная безъ сомнѣнія ихъ подложность). Папа Николай I-й пожалъ плоды хитрой дѣятельности своихъ предшественниковъ. Онъ сокрушилъ и остатки сопротивленія, таившагося еще въ высшемъ духовенствѣ на Западѣ; онъ положилъ незыблемое основаніе той безмѣрной власти, которой достигли позднѣйшіе папы, и рѣшился однимъ ударомъ покорить себѣ Восточную церковь, сохранявшую до тѣхъ поръ неприкосновенность своей духовной свободы. Этотъ ударъ долженъ былъ пасть на престолъ Цареградскій, издавна соперничествовавшій съ Римомъ и уцѣлѣвшій въ гибели другихъ престоловъ, Антіохійскаго, Іерусалимскаго и Александрійскаго, захваченныхъ разливомъ мусульманской силы. Борьба была неизбѣжна и для Царьграда и для Рима. Причины ея лежали въ разногласіи непримиримыхъ началъ; ближайшимъ поводомъ было обращеніе въ христіанство нѣсколькихъ Славянскихъ семей, а особенно Болгаръ. Богорисъ принялъ крещеніе и ученіе христіанское отъ Византіи; оттуда получилъ онъ и священниковъ, и епископовъ, и обряды, и

слово Писанія: но вражда къ ненавистнымъ сосѣдямъ и страхъ подпасть подъ политическое иго своихъ духовныхъ учителей заставили его обратиться къ Западу. Онъ просилъ новыхъ наставниковъ у церквей земель Франкскихъ и у епископа Римскаго, и скоро явились новые учители, жадные къ легкому завоеванію и готовые пожать плоды чужаго посѣва. Побѣда осталась за Римомъ, но не надолго. Въ это время произошла великая смута въ Царьградѣ. Святой патріархъ Игнатій былъ беззаконно сверженъ гнусными страстями двора и на его мѣсто возведенъ былъ Фотій. Между ихъ приверженцами загорѣлся споръ, котораго не могла прекратить ни хитрость новаго патріарха, ни власть жестокаго императора Михаила. Епископъ Римскій былъ приглашенъ въ посредники. Онъ явился судіею: но папа Николай встрѣтилъ страшнаго соперника. Фотій былъ не менѣе его властолюбивъ и лукавъ. Онъ равнялся съ нимъ силою ума, превосходилъ его краснорѣчіемъ и далеко превосходилъ всѣхъ современниковъ своей огромною ученостью и своими заслугами въ наукѣ.

Его номоканонъ или собраніе церковныхъ постановленій, его библіотека, заключающая въ себѣ выписки изъ 280-ти сочиненій, теперь утраченныхъ, и строго ученый отчетъ объ нихъ, его разсужденіе о павликіанахъ и многіе другіе памятники ставятъ его безспорно на первомъ ряду между церковными писателями того вѣка и даютъ ему неоспоримыя права на безсмертіе.

Тяжела была борьба для патріарха, избраннаго безъ сомнѣнія противозаконно и обезчещеннаго союзомъ съ развратомъ и мерзостями Византійскаго двора. Онъ понялъ невозможность сопротивленія въ вопросѣ чисто-личномъ и перенесъ споръ въ область догматики, въ которой его ученость и явное отступленіе Западной церкви отъ преданія могли ему доставить побѣду. Долго длился споръ. Партіи мѣнялись при дворѣ, императоры на престолѣ, папы въ Римѣ; Фотій былъ заключаемъ въ темницу, бросаемъ въ изгнаніе, преслѣдуемъ и мучимъ, снова облекаемъ въ ризы патріарха и че-

ствуемъ всѣмъ Востокомъ; не слабѣя, не утомляясь, продолжалъ онъ борьбу, которой всемірную важность понималъ можетъ быть одинъ изъ всѣхъ епископовъ Греческихъ. Онъ умеръ въ изгнаніи, удрученный скорбями и бѣдствіями, но умеръ побѣдителемъ. Человѣкъ бездушный и презрительный не менѣе самихъ папъ во всемъ, что касалось до его личнаго властолюбія, великій и правый во всемъ, что касалось до общихъ законовъ Церкви, онъ отстоялъ свободу Востока, вырвалъ снова Болгарію изъ рукъ Западныхъ епископовъ, бросилъ сѣмена христіанства въ безконечную область новорожденной Руси и совершилъ безсмертный подвигъ, дѣло, которому пылкость одного изъ его преемниковъ, Михаила Керулларія, дала только окончательную форму.

Много было спорено и писано о борьбѣ патріаршества съ папствомъ, Фотія съ Николаемъ и его преемниками, и многое искажено страстями общинъ, народовъ и лицъ. Иначе и быть не могло, сначала; ибо всѣ писатели принадлежали къ одному изъ ученій, спорившихъ между собою. Казалось, безпристрастная оцѣнка должна была быть предоставлена протестантамъ; но на дѣлѣ оказалось иное. Они вопросъ обошли; они оставили безъ вниманія самую сущность дѣла. Забывая необходимость борьбы, чисто оборонительной со стороны Царьграда и нагло наступательной со стороны Рима, забывая, что патріархъ отстаивалъ свободу церкви и епископовъ, защищалъ безспорное преданіе многихъ вѣковъ, произвольно измѣненное на Западѣ, отвергалъ власть незаконную и право какой бы то ни было мѣстной общины налагать свое мнѣніе какъ обязательный символъ общинѣ вселенской, былъ наконецъ поборникомъ единственнаго истинно-разумнаго единенія, единенія духа и любви, они обратили всѣ свои разысканія на самое лицо Фотія и на характеръ двора Византійскаго, какъ будто бы весь вопросъ заключался въ случайныхъ личностяхъ, а не въ великихъ всемірныхъ началахъ, требовавшихъ и требующихъ разрѣшенія. Жалкая личина безпристрастія, прикрывающая скрытую страсть, ненависть Запада къ Востоку, и обличающая взаимную, хотя и несознаю, отвѣтственность протестанта и паписта!

Всякій безпристрастный критикъ долженъ признать, что какъ въ вопросѣ о догмѣ, такъ и въ дѣлѣ о власти Востокъ былъ вѣренъ преданію, и что защитники Рима имѣли на своей сторонѣ только малое число сомнительныхъ текстовъ и множество явныхъ и безстыдныхъ подлоговъ, а Византія почти всѣ писанія, всѣ свидѣтельства св. Отцевъ и рѣшеніе Ефесскаго собора, одобрившаго анаѳему Ѳеодорита на прибавленіе *«и отъ сына»*. Эта истина уже слишкомъ явно доказана Церникафомъ и Ѳеофаномъ и никогда не была опровергнута сколько нибудь разумно. Подлоговъ Востоку приписывать нельзя. Не было общей власти; списковъ было много, и секты, хранящія ихъ, враждовали другъ противъ друга. Подлоги были возможны только при единствѣ и невѣжествѣ Запада.

Какъ бы то ни было, міръ Эллино-Римскій распался на свои двѣ составныя части: на міръ древняго лично-человѣческаго просвѣщенія и на міръ новѣйшаго просвѣщенія государственнаго. Міръ Римскій опредѣлялся въ отношеніи вещественномъ, чисто географическомъ, какъ область города Рима; въ отношеніи государственномъ — какъ епархія или область Папы; наконецъ, въ отношеніи духовномъ — какъ признающій двойственность начала: ибо Духъ (сознаніе) происходитъ по символу Испанскому не отъ первобыта токмо (Отца), но и его проявленія (Сына), и проявленіе не есть уже только подчиненное, хотя необходимое, но и безусловное начало сознанія.

Въ другомъ отношеніи (чисто-богословскомъ) явно-вещественное понятіе Запада обличается тѣмъ, что онъ никогда не могъ различить посланія въ міръ (феномена внѣшняго и, основаннаго на безспорномъ преданіи) отъ происхожденія, феномена внутренняго, которое всегда приписывалось Отцу. Даже въ Августинѣ (хотя мнѣніе лица, и особенно такого ограниченнаго, какъ Августинъ, ничего не значитъ), слово *principaliter a Patre* не значитъ «и особенно же отъ Отца,» но: «по началу своему отъ Отца.» Важнѣйшее свидѣтельство, къ несчастію не замѣченное ни кѣмъ, о преданіи о Духѣ какъ сознаніи, находится въ полу-апостольскомъ словѣ Иринея, ученика Поликарпа, ученика Іоанна: «Духъ же полагаетъ вѣнецъ, называя Отца—

Отцемъ и Сына—Сыномъ;» чѣмъ полагается въ одно время тождество и различіе. Глубже ничего сказано не было. Какъ бы то ни было, двойственность начала въ сознаніи, явно принятая Западамъ, объясняетъ все его послѣдующее развитіе.

И пышно разцвѣлъ этотъ Западный міръ, гремя и пламенѣя, подвигая сознаніе человѣческое словомъ и дѣломъ, кривдою и правдою, и развиваясь въ своихъ двухъ формахъ, положительной—Римскаго католицизма (папизма), и протестантства (отрицанія вообще); и тихо осѣлъ по себѣ Востокъ, дотолѣ волнуемый ересями, съ тѣхъ поръ успокоенный, какъ будто ожидая отъ жизни народовъ полнаго своего сознанія. Но неподвижный Востокъ, утративъ единеніе Запада, пріобрѣлъ зачатокъ Славянъ, Болгарію, и имя его будущей союзницы Руси явилось въ лѣтописяхъ.

Вообще нельзя не замѣтить (какъ ни равнодушна наука къ случайностямъ лѣтосчисленія), что десятилѣтіе отъ 860-го до 870-го года соединяетъ въ себѣ сочетаніе огромнѣйшихъ явленій въ мірѣ человѣческомъ: окончательное торжество церковно-государственнаго начала (отчасти слѣдствіе Римскаго просвѣщенія, отчасти противодѣйствіе халифату) въ спорѣ о бракѣ Лотара II-го, споръ и разрывъ Запада и Востока, утвержденіе (хотя и не изобрѣтеніе) Славянской азбуки и переводъ писанія, явленіе Руси съ Рюрикомъ и первое крещеніе ея съ Аскольдомъ и Диромъ.

Между тѣмъ какъ западъ Азіи и Европа вступали въ новое поприще силы и умственной дѣятельности подъ вліяніемъ Іранскаго преданія въ его окончательномъ развитіи (христіанствѣ) и произвольной реформѣ (исламѣ), востокъ и югъ Азіи коснѣли въ своихъ древнихъ формахъ мышленія, не подаваясь впередъ, но и не обличая еще полнаго оскудѣнія жизненныхъ началъ. Прошло нѣсколько вѣковъ послѣ прекращенія династіи *Ханъ*, и Китай страдалъ въ войнахъ междоусобныхъ. Нѣсколько царствъ сильныхъ и великихъ (по нашимъ Европейскимъ понятіямъ) составились изъ развалинъ

События въ Китаѣ.

прежней колоссальной державы, но всѣ они признавали тотъ же внутренній законъ, которымъ жилъ Китай во время своего величія. Никакое новое начало духовное не возникало, и высшимъ понятіемъ религіознымъ оставалось (какъ и до сихъ поръ остается) понятіе о государствѣ. Анализъ, такъ блистательно развитый на Западѣ и разрушившій всѣ произвольныя вѣрованія Эллино-Римскаго міра, не проникалъ на Востокъ; или, лучше сказать, просвѣщеніе внѣшнее и поклоненіе этому внѣшнему просвѣщенію (возникшія изъ первоначальнаго возстанія анализа противъ преданія и изъ Шиво – Буддаизма) обратились тамъ въ неколебимое преданіе, не допускавшее новаго анализа. всѣ династіи, раздѣлявшія наслѣдство *Хановъ*, не исключая иноземныхъ (какъ напр. Сяп-бійская династія *Вей*) жили остатками старой жизни и не потрясали коренпаго начала, образовавшаго Китай. Можно даже сказать, что ослабѣвшая и разорванная держава продолжала свои завоевания въ самомъ своемъ видимомъ униженіи, и продолжала ихъ оружіемъ своихъ побѣдителей. Могущественная Тунгузская династія Вей, владѣя всею восточною, южною и отчасти юго-западною Сибирью (которой она вѣроятно оставила свое имя) распространяла далеко тѣ начала государственнаго просвѣщенія, которыя сама получила отъ коренныхъ жителей Китая. Конечно, слѣды ея вліянія изгладились въ волненіяхъ Тюркской и Монгольской бури: но память объ нихъ сохранилась и часто облегчала Китаю побѣды и завоеванія въ позднѣйшія эпохи, а новый Индустанскій Буддаизмъ, уже тогда сильный въ Китаѣ, расширился и утвердился въ средней и сѣверной Азіи подъ чистою формою ламаизма и мѣшанными формами, въ которыхъ онъ сливался съ древнею полу-фетишскою вѣрою шамановъ. Очевидно, такъ какъ внутренняго разногласія не было, видимое единство должно было возстановиться, и дѣйствительно оно явилось снова въ полномъ блескѣ при великой династіи *Тханъ* въ началѣ VII-го вѣка.

Три вѣка царствовала эта династія, прославленная въ лѣтописяхъ особенно кротостью своею при восшествіи и безсмертнымъ именемъ Тай-цунга, одного изъ величайшихъ за-

воевателей и царей, когда нибудь основавшихъ государства или правившихъ судьбами народовъ. При Тхангахъ Китай возвратилъ себѣ всю славу, пріобрѣтенную династіею Хановъ и утраченную въ послѣдовавшихъ междоусобіяхъ: владѣнія его на югъ распространились даже далѣе прежняго, но на западѣ, сколько можно судить по скуднымъ даннымъ, сообщеннымъ изъ Китайскихъ сказаній европейскими учеными, область его была болѣе стѣснена сопротивленіемъ Тюркскихъ семей и особенно завоевательнымъ мечемъ Аравитянъ.

Ихъ называютъ Китайцы *Та-ши:* иные полагаютъ, что такое имя дано имъ по смѣшенію съ прежнимъ жителями Приаральской области, *Таджиками,* которые еще до сихъ поръ сохранили свое названіе подъ властію семей Туркменскихъ и которые суть очевидно остатки народа, извѣстнаго древности подъ именемъ *Дадиковъ,* приписываемыхъ то къ Иранцамъ, то къ Средне-Азійцамъ. Иранское происхожденіе *Дадиковъ,* теперешнихъ *Таджиковъ,* не подвержено никакому сомнѣнію, и извѣстно также, что они упоминаются Китайцами; но именно потому, что они уже были извѣстны издавна, нельзя предполагать, чтобы ихъ смѣшали съ новыми завоевателями. По всей вѣроятности имя, данное Аравитянамъ, *Та-ши,* составлено также какъ и *Та-тсинъ* и *Та-ванъ* и значитъ *великіе шейхи;* ибо званіе шейха Аравійскаго было въ то время извѣстно и громко по всему міру.

Впрочемъ, при величайшемъ изъ государей династіи Тхангъ, Тай-цунгѣ, Аравія только еще вступала въ поприще своей исторической дѣятельности. Глухо доходили до дальняго Востока звуки великой грозы, разгоравшейся на юго-западѣ Азіи. Сила Китая не находила еще на истокахъ Сыръ-Дарьи равнаго ей сопротивленія и могла угрожать всей Азіи. Вскорѣ разрослась новая держава и пришла въ соприкосновеніе съ древнѣйшимъ изо всѣхъ государствъ міра. Были между ними вражды и восторженное мужество Аравитянъ торжествовало почти всегда противъ Китая, также какъ и противъ Европейцевъ; были и союзы, и въ VIII-мъ вѣкѣ войска халифовъ спасали пре-

столъ Китайскій отъ возмущеній народныхъ и нашествія Средне-Азійскихъ племенъ: но Китай не стремился и не могъ стремиться къ завоеваніямъ въ областяхъ Иранскихъ, живущихъ иною и сильною жизнію; Аравійскіе завоеватели пренебрегали холодными и дикими пустынями, отдѣляющими ихъ отъ богатаго Китая, или, слабѣя мало-по-малу въ роскоши юга, боялись проникать въ область, наполненную кочевьями желѣзныхъ Тюрковъ, будущихъ своихъ побѣдителей. Но міръ Востока знакомился съ Западомъ и міръ Западный чаще сталъ оглашаться слухами о дальнемъ Востокѣ, откуда онъ долженъ былъ получить много новыхъ открытій и познаній, перемѣнившихъ въ послѣдствіи и характеръ войны и мирныя сношенія народовъ другъ съ другомъ.

Такъ напр. Аравіи передалъ Китай и порохъ и магнитную стрѣлку, уже давно извѣстные тамъ, но до тѣхъ поръ безполезные, и получившіе свои великія приложенія отъ практической догадливости Европейцевъ; такъ черезъ Аравію пришли изъ Китая многія другія изобрѣтенія и усовершенствованія въ области торговли.

Нѣтъ сомнѣнія, что и прежде Аравійскаго владычества въ Персіи сношенія довольно частыя соединяли между собою народы живущіе на берегахъ Средиземнаго моря и Тихаго океана. Послы приходили къ Тай-Цунгу отъ императора Ираклія изъ Греціи (по-Китайски *Фу-линь*, слово замѣнившее *Та-цинъ*, имя Римской Имперіи и происходящее, также какъ Стамбулъ или Истамболъ, изъ искаженнаго Константинополисъ. Грецiя или Грекія называлась, кажется, *Ли-кіянъ* въ Китайскихъ географіяхъ). Надъ могилою великаго возстановителя Китая плакали князья покоренныхъ народовъ, пограничныхъ съ Персіею и находившихся въ частыхъ сношеніяхъ съ Европою. Поклонники Будды и Брамы, послѣдователи Зердушта и хранители древняго Еврейскаго преданія благословляли терпимость государя кроткаго и просвѣщеннаго; наконецъ христіане строили свободно въ его столицѣ храмъ для вѣры, давно уже проникшей въ глубину Азіи, по которой волненіе народовъ по-

ложило въ послѣдствіи преграды непреодолимыя и до нашего времени.

Нельзя сказать утвердительно, какая именно форма христіанства тогда получила временное право гражданства въ Китаѣ, несторіанство ли или соборное исповѣданіе. Надпись, найденная въ тогдашней столицѣ Китая, носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрности, но слишкомъ темна для опредѣленія догматическаго. Впрочемъ сомнѣнія, выраженныя нѣкоторыми учеными о томъ, дѣйствительно ли относится она къ христіанству, совершенно нелѣпы: слова, употребленныя въ ней *О-ло-г* и *Ми кси-о* не могутъ очевидно имѣть никакого другаго значенія кромѣ *Мессіи* и *О Логосъ* (Слово).

Но за всѣмъ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что Аравійская эпоха сблизила гораздо болѣе прежняго Китай съ остальнымъ человѣчествомъ, и дѣйствительно велика была эта эпоха для умственнаго сближенія всѣхъ народовъ. Одинъ и тотъ же крѣпкій міръ ислама обхватывалъ всю землю отъ Атлантическаго океана до крайняго востока Азіи; одни и тѣ же знамена вѣяли на берегахъ Луары и Желтой рѣки, и мысль проходила безпрепятственно отъ столицы Аравійскаго владыки Испаніи до столицы Китая, спасенной Аравійскимъ мечемъ. Распался въ послѣдствіи этотъ міръ Ислама отъ внутренней слабости и мало оставилъ онъ замѣтныхъ слѣдовъ въ умственной жизни народовъ: но все-таки онъ погибъ не безъ слѣдовъ и въ свое время представлялъ величественное зрѣлище, слишкомъ мало замѣченное и слишкомъ мало изученное гордостью Европейской науки.

Незамѣтность этого сближенія Востока и Запада въ цѣломъ полушаріи и на исторической памяти объясняетъ и тотъ фактъ, какъ могли исчезнуть и память о прежнемъ братствѣ народовъ, и слѣды ихъ мысленнаго общенія и даже преданія о томъ, какъ великъ міръ земной и какъ много на немъ раскинуто человѣческихъ семей, забывшихъ другъ про друга. Если бы грамотность не воскрешала старины уже грамотной, кто бы помнилъ въ Китаѣ про Аравію и

кто бы зналъ, что неразрывная цѣпь одной жизни, вѣры и государства соединяла его предѣлы съ берегами Эбра и Гвадальквивира? А послѣ той эпохи не было же однако вторичнаго полнаго одичанія человѣчества.

Династія Тхангъ также упала, какъ и предъидущія, какъ и многія династіи въ Европѣ и Азіи, вездѣ гдѣ внутренняя жизнь народовъ не развивается постепенно и не поддерживаетъ собою жизни царственныхъ родовъ. Долго пьянѣя на престолѣ, она въ нравственномъ безсиліи свалилась съ него.

Это перерожденіе многихъ царскихъ родовъ, замѣтное также и въ аристократіяхъ, объясняется можетъ быть изъ того же самаго закона, по которому народы цѣлые лишаются наконецъ нѣкоторыхъ способностей, не развивавшихся въ продолженіи многихъ вѣковъ (такъ напр. Евреи, музыканты и литераторы, не показываютъ до сихъ поръ никакого дара къ пластикѣ). Семья, освобожденная отъ необходимости умственнаго напряженія, лишается способности къ умственному напряженію. Къ этому должно однакоже прибавить и порчу, производимую развратомъ.

Однакоже въ продолженіи трехъ столѣтій Тхангскаго владычества много великаго и прекраснаго было совершено и для распространенія государственнаго и для мирной славы народа. Корея и прилегающія къ ней области, долго сопротивлявшіяся силѣ Китая, отразившія покушенія великой Ханской династіи и даже отстоявшія свою свободу противъ Тай-цунга, покорились и вошли въ составъ Китайскаго государства, не смотря на многія самобытныя начала просвѣщенія, которыя занаты были Кореею (сколько можно судить при недостаточныхъ данныхъ) не изъ Китая, а изъ центральной Азіи и областей прилегающихъ къ міру Прапскому.

По всѣмъ вѣроятностямъ даже часть народонаселенія въ Кореѣ жила нѣкогда въ средней Азіи и передвинулась на край Востока довольно поздно.

Эта побѣда была побѣдою не силы, но государственнаго разума и строгой системы, внушавшихъ невольное уваженіе и любовь всѣмъ сосѣдямъ и даже врагамъ Китая, а самому Китаю глубокую и постоянную увѣренность въ мирныя торжества надъ неустроенными народами.

Эта сильная и религіозная увѣренность выражается почти во всѣхъ мыслителяхъ Китайскихъ, особенно въ наиболѣе практическомъ изъ нихъ Менг-тсеу. Дѣйствительно, государство, какъ порядокъ всѣхъ человѣческихъ силъ, было искони единственнымъ божествомъ вѣковѣчнаго царства, начавшагося въ эпоху доисторическую и пережившаго всѣ другія царства міра. Вѣра въ его совершенство и въ его внутреннюю правду, неизбѣжно покоряющую всякій разумъ человѣческій, есть чувство совершенно религіозное для Китайца и соотвѣтствуетъ тому живому чувству, которымъ распространялись возобновленный буддизмъ Индійскій и исламъ, и теперь еще распространяется христіанство.

Многое было сдѣлано и для наукъ. Исторія и философія нашли представителей, достойно продолжавшихъ труды прежнихъ вѣковъ. Астрономія и математика двинулись впередъ съ помощію не только Индійскихъ буддаистовъ, сохранившихъ остатки прежняго знанія и знанія, посѣяннаго Эллинами въ восточномъ Ираиѣ, но и Аравитянъ, недавно ознакомившихся съ наукою Эллады, но вступившихъ въ новое поприще съ энергіею ума и воли, отличающею эту даровитую семью въ человѣческомъ братствѣ. Было кое-что сдѣлано и для искусствъ, если только можно назвать искусствомъ живопись, зодчество и поэзію такого народа, который ставитъ красоту въ затѣйливой побѣдѣ воли и ума человѣческаго надъ трудностями и упорствомъ вещественнаго міра.

Это воззрѣніе на искусство есть очевидный завѣтъ древняго Кушитства, понимавшаго всю религію въ торжествѣ человѣка надъ грубымъ веществомъ или, лучше сказать, въ устроеніи вещества силою разума человѣческаго.

По какъ ни гостепріимепъ былъ Китай къ иноземцамъ и иноземной мысли, дѣйствительно онъ не принималъ никакого новаго начала и оставался при своихъ коренныхъ и основныхъ вѣрованіяхъ. Его умственная жизнь началась отъ первоначальнаго буддаизма и слѣдовательно отъ начала чисто-аналитическаго; но заключившись въ религію общественнаго, т. е. государственнаго устройства, она приняла характеръ чистаго синтеза, основаннаго на несомнѣнномъ вѣрованіи или преданіи. Приливъ чужой мысли не измѣнялъ этого характера; она являлась также въ видѣ синтеза и не колебала прежнихъ основъ, ибо только анализъ можетъ поколебать синтезъ вѣрованія и преданія. Синтезъ же новыхъ вѣрованій, когда онъ принимается народомъ, не утратившимъ своихъ прежнихъ вѣрованій, прилагается къ нимъ въ видѣ подчиненномъ и удерживаетъ за собою только тѣ области, которыя не входили въ кругъ прежней народной мысли. Всѣ понятія о высокомъ нравственномъ значеніи человѣка, по крайней мѣрѣ въ его внѣшнихъ проявленіяхъ и отношеніяхъ къ другимъ людямъ, вошли уже въ составъ синтетической философіи Китайскихъ мыслителей, слѣдовательно самая идея нравственнаго добра въ его высшемъ отвлеченномъ началѣ уже была постигнута и усвоена. Анализъ не обличалъ условности и произвольности этой нравственной философіи и она оставалась непоколебленною ни въ отвлеченномъ своемъ значеніи, ни въ значеніи государственномъ. Всѣ новыя религіозныя ученія прилагались къ ней только какъ пополненія, какъ ученія объ образахъ невидимаго духовнаго міра, котораго внутренній смыслъ былъ уже повидимому постигнутъ. Очевидно, всѣ они по необходимости лишались своего высокаго значенія и получали характеръ темнаго и произвольнаго мистицизма, переходящаго окончательно въ безсмысленный фетишизмъ. Такая участь постигла возрожденный буддаизмъ Индійскій, когда онъ укоренился въ Китаѣ подъ именемъ поклоненія *Фэ*. Онъ выдержалъ долгую борьбу и тяжелыя гоненія, имѣлъ эпохи блистательнаго торжества, видѣлъ въ числѣ проповѣдниковъ своихъ великихъ государей изъ разныхъ династій, считалъ тысячами свои бо-

гатые монастыри и сотнями тысячь своихъ монаховъ: но никогда не достигалъ онъ той высоты, которую имѣлъ на родинѣ своей при берегахъ Ганга и Инда. Ни одно великое произведеніе не прославило его ни въ эпоху борьбы, ни въ эпоху торжества; онъ не блеснулъ ни поэтической восторженностью, ни тонкостью мистическаго синтеза, уносящаго мысль человѣка далеко за предѣлы всякаго возможнаго міра въ область духа, отрѣшающаго себя отъ цѣпей вещественнаго проявленія и завоевывающаго свободу посредствомъ самоуничтоженія; онъ не блеснулъ ни однимъ великимъ подвигомъ практической любви или самоотверженія, не развилъ ни одного сильнаго или плодотворнаго начала, а дряхлѣлъ и ветшалъ, принимая всѣ безсмысленныя примѣси Персидской и Брахминской миѳологіи, и даже христіанства, которыми уже наполненъ буддизмъ Средней Азіи, прибавляя новыя, взятыя изъ мѣстнаго суевѣрія, или изъ ученія Лао-тзеу, съ которымъ часто дѣйствовалъ за одно, спускаясь все ниже въ своемъ значеніи духовномъ и общественномъ, переходя отъ высшихъ и просвѣщеннѣйшихъ слоевъ общества къ низшимъ и невѣжественнѣйшимъ и обращаясь наконецъ въ ту нелѣпую вѣру въ колдовство, талисманъ и фетишъ, въ ту жалкую пародію религіи, которую видитъ теперешній путешественникъ въ Китаѣ, и которая вполнѣ соотвѣтствуетъ религіи дикарей средней и южной Африки. Почти то же самое случилось и съ несторіанскимъ христіанствомъ, далеко проникнувшимъ въ Среднюю Азію. Оно распространилось по западному Китаю; было, какъ видно изъ разсказовъ путешественниковъ, сильно числомъ своихъ послѣдователей, сильно богатствомъ, а иногда дружбою съ властями; но оно подверглось внутреннему разрушенію отъ соприкосновенія съ мѣстнымъ отвлеченнымъ вѣрованіемъ, еще не уличеннымъ въ произволѣ и односторонности, и пало безъ шума, безъ славы и безъ слѣда, ибо не могло, вслѣдствіе своего первопачальнаго характера, дойти до того униженія, до котораго дошелъ буддизмъ. Наконецъ, то же самое повторилось и съ христіанствомъ Римской церкви, когда оно было принесено іезуитами и доминиканцами при династіи Минъ и

Манджурахъ. Его успѣхи казались блистательными; число его послѣдователей росло со дня на день: но оно погибло послѣ небольшаго преслѣдованія и ничтожной борьбы. Это паденіе было очевидно не послѣдствіемъ самаго гоненія или внѣшняго напора, сокрушившаго христіанскую общину (ибо число христіанъ въ Китаѣ и въ наше время еще не совсѣмъ ничтожно), но послѣдствіемъ внутренней слабости и грубой обрядности христіанства, посѣяннаго въ Китаѣ миссіонерами Римскими. Анализъ сокрушилъ Эллино-Римскія вѣрованія и очистилъ путь христіанству; но синтезъ нравственной философіи въ Китаѣ еще не сокрушенъ анализомъ, и безуспѣшность христіанской проповѣди въ наше время подаетъ намъ въ одно время и примѣръ и объясненіе того неподвижнаго сопротивленія, которымъ Китай сокрушилъ въ продолженіи осьмнадцати вѣковъ всѣ нападенія всякаго иноземнаго религіознаго начала.

Послѣ паденія Тханговъ наступили новые раздоры и междоусобія; но тѣ же самыя причины, которыя до тѣхъ поръ всегда возстановляли единство государственное, возстановили его снова. Въ послѣдней половинѣ X-го вѣка династія *Сунговъ* взошла на престолъ безъ кровопролитія, волею народа, войска и ученыхъ, которые дѣйствительно въ Китаѣ соотвѣтствуютъ духовенству другихъ государствъ. Прежній объемъ Китая былъ возвращенъ не безъ войны и не сполна. Царство Сунговъ не равнялось уже пространствомъ прежнимъ царствамъ Тханговъ и Хановъ, Средняя Азія окрѣпла и не покорялась власти Китая; сильныя орды колыхались въ ней, готовясь къ эпохѣ своихъ всемірныхъ завоеваній. За всѣмъ тѣмъ династія Сунгъ царствовала не безъ блеска, и держава ея, обнимающая Корею и часть восточной Загангесской Индіи, была все еще великою и славною въ мірѣ. Но уже Китай клонился къ упадку. Сила сосѣднихъ племенъ уже становилась слишкомъ грозною для его ветшающаго организма. Послѣ двухвѣковаго владычества Сунги, угрожаемые Ки-танскими Татарами, призвали на помощь племя восточныхъ Ю-етчи (кажется Тюрко-Монгольское) и, освожденные отъ прежняго врага, были принуждены уступить новымъ союзникамъ весь сѣверъ

своего государства. Юэтчи, подъ именемъ династіи *Кинъ*, продолжали свои завоеванія, стѣсняя все болѣе прежнихъ властителей, но въ то же время принимая, также какъ Сяп-бійская (Тунгузская) династія *Вей*, все болѣе и болѣе характеръ и обычаи мѣстные, однимъ словомъ покоряясь побѣжденному народу и сливаясь съ его безконечною массою. Прошло еще столѣтіе; новое грозное явленіе, которому подобнаго не представляла исторія міра ни прежде ни послѣ, возникло въ пустыняхъ Средней Азіи. Взошла кровавая звѣзда Темуджиновыхъ Монголовъ, и Сунги, стѣсненные сѣверными своими соперниками, въ безумін междоусобной вражды прибѣгли къ покровительству ненасытимыхъ завоевателей. Династія Кинъ погибла, но и династія Сунгъ раздѣлила ту же участь. Послѣ борьбы кровавой и отчасти не безславной для побѣжденныхъ, *Кубилай* истребилъ всѣхъ враговъ своихъ на морѣ и на сушѣ, и въ первый разъ послѣ независимаго существованія, продолжавшагося слишкомъ три тысячи лѣтъ, Китай въ концѣ XV-го вѣка покорился весь съ края въ край иноплеменнымъ завоевателямъ.

Но и завоеваніе, бѣдствіе уничтожающее всякое другое государство, не измѣнило Китая. Монголы какъ и предшественники ихъ Сяп-бійцы и Кинъ, какъ и позднѣйшіе Манджуры, поддалися силѣ мѣстнаго начала, этому неотразимому обаянію государственнаго устройства, возведеннаго въ религіозное значеніе. Если бы даже туземная династія *Минъ* не свергла ига иноплеменнаго, историческая судьба государственной жизни не подверглась бы никакой перемѣнѣ. Потомки Темуджина, олицетворенная кочевья въ его дикомъ восторгѣ, переродились бы (и уже начали перерождаться) въ присѣдающую куклу мандарина.

Точно такое же замѣтно стремленіе въ современной намъ Германіи, въ которой философія, окончательное развитіе религіознаго протеста, приводитъ людей путемъ холоднаго *нигилизма* къ идеѣ отвлеченнаго порядка и механическаго государства. Такова особенно Пруссія съ ея гофъ-и штатсъ-ратами. Впрочемъ, разумѣется, это на-

чало не можетъ вполнѣ окаменить Европейскій народъ, уже глубоко проникнутый христіанствомъ.

Китаю суждено было, вслѣдствіе коренныхъ его началъ и ихъ громаднаго развитія пройти невредимо черезъ длинный рядъ вѣковъ и представить торжество древней односторонности, создавшей колоссъ государственный на дальнемъ Востокѣ также, какъ она создала неразрушимые колоссы зодчества въ Египтѣ, слова въ Индустанѣ и быта въ областяхъ Славянскихъ. Династія Сунгъ повторяла съ незначительными измѣненіями всѣ явленія предшествовавшихъ династій; но въ ея исторіи, какъ и въ исторіи Тханговъ и Хановъ, является фактъ, до сихъ поръ мало замѣченный и совсѣмъ необъясненный историками. Это странное явленіе, безконечная власть евнуховъ, проходитъ черезъ всѣ династіи въ продолженіи почти полуторы тысячи лѣтъ, часто потрясаетъ всѣ основы государства, иногда перерывается на время силою великихъ государей, воскресаетъ снова, борется не безуспѣшно противъ воли царей, ученыхъ и отчасти народа, и доходитъ почти до эпохи современныхъ намъ Мандджуровъ, переживая всѣ потрясенія и бѣдствія государства, связываясь какою-то странною связью съ его жизнію и между тѣмъ противорѣча его основнымъ началамъ. Поверхностная критика объясняла мимоходомъ это явленіе развратомъ двора и примѣрами болѣе или менѣе неудачно взятыми изъ исторіи юго-западной Азіи (Персіи и Турціи). Не нужно доказывать неудовлетворительность такого объясненія. Стоитъ только вспомнить, что эта власть евнуховъ проникала въ самую середину Азіи, въ кочевья полудикихъ и еще непзнѣжившихся племенъ (какъ видно напр. изъ исторіи великаго Сяп-бійца *Тоба-дао*), что она боролась противъ власти царей, управляла войсками самовольно, не измѣнялась при государяхъ, отличавшихся великими доблестями, составляла такъ сказать государство въ государствѣ, сопротивлялась государственному ученію *Конг-фу-тсеу*, имѣла свой судъ, выходящій изъ общаго порядка судовъ, и по преимуществу имѣла притязанія на верховно-судебное значеніе; и

можно уже ясно уразумѣть, что евнухи составляли въ Китаѣ сословіе или общество, котораго основу должно искать въ мнѣніи или идеѣ религіозной, а не въ случайномъ развратѣ двора. Нѣтъ сомнѣнія, что дворъ многоженнаго императора, окруженнаго сотнями и тысячами наложницъ, становился естественною областью, въ которой двигалась и развивалась сила евнуховъ, точно также какъ дворы Персидскихъ Кеаніадовъ или Турецкихъ Оттомановъ. Быть можетъ (и это даже вѣроятно), что евнухи явились въ Китаѣ по примѣру юго-западной Азіи и были сначала призваны только для придворной услуги; но изъ сличенія всѣхъ данныхъ, и особенно изъ того, что они считались хранителями таинственнаго знанія и питія безсмертія, должно заключить, что они, пришельцы съ береговъ Евфрата, были на дальнемъ Востокѣ представителями религіознаго начала, которое развилось изъ первоначальной кровавой борьбы между ученіемъ Кунна и преданіемъ Брана, между поклоненіемъ свободному духу и признаніемъ вещественной необходимости въ ея двупольномъ олицетвореніи. Евнухи, жрецы Великой Матери (Кивелы), всегда хвалились своими глубокими знаніями и волшебствомъ, т. е. заклинательной властію надъ природою; по всей вѣроятности тѣ же притязанія были и у ихъ сосѣдей, евнуховъ, правившихъ государственною судьбою Персіи до Македонца; тѣ же самыя притязанія являются въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и въ Китаѣ. Они сопровождаютъ притязанія на святость; они являются какъ естественное послѣдствіе мнимо духовной, дѣйствительно же заклинательной (т. е. чисто-вещественной) побѣды надъ требованіями вещественной природы человѣка. Этимъ объясняется успѣхъ евнуховъ въ Китаѣ, не имѣвшемъ религіи (кромѣ государства и произвольно-нравственной философіи) и всегда искавшемъ религіи внѣшней въ формахъ талисмана и фетиша. Этимъ объясняются и частые ихъ союзы съ ученіемъ стоическаго Лаотсеу (иногда соединявшимся на время и съ буддизмомъ) и ихъ вѣковая сила, сокрушенная едва ли не новыми завоевателями Манджурами. Таково значеніе явленія, о которомъ еще письменныхъ данныхъ не имѣетъ Европа и смыслъ котораго ускользнулъ отъ ея исторической критики.

Эта идея святости, достигнутой путемъ заклинанія или жертвы, проникала, какъ извѣстно, и въ христіанство, заражая многихъ и великихъ его учителей. Противъ нея возставали соборы, отказывая въ извѣстныя эпохи евнухамъ въ священствѣ; но она еще не совсѣмъ исчезла изъ христіанскаго міра, сохраняясь въ Россіи въ великомъ расколѣ хлыстовъ.

Начало Японскаго царства.

Въ то же время, какъ династія за династіей мѣнялась на престолѣ Китая безъ всякаго измѣненія его началъ, опредѣленныхъ жизнію за двадцать слишкомъ вѣковъ и наукою за шесть или семь вѣковъ до Р. Х., какъ вѣрованія южной и западной Азіи (буддизмъ, христіанство и пр.) проникали въ него, подчиняясь коренным и туземнымъ ученіямъ и теряя всю свою жизненную силу; тѣ же самыя начала шли далѣе на востокъ и основывали новое великое царство на островахъ, окруженныхъ волнами Тихаго океана и до нашего времени почти недоступныхъ для благородныхъ усилій Европейской науки и для дикой ненасытимости Европейскаго корыстолюбія. Старожилы Японіи принадлежали по всѣмъ вѣроятностямъ къ тому же племени, которымъ до нашего времени населены острова на сѣверъ отъ нея, къ племени, котораго сродство съ Финскимъ корнемъ не подвержено никакому сомнѣнію. Начало же религіозное имѣло всю неопредѣленность, замѣтную вообще у народовъ сѣверныхъ, не завлеченныхъ въ умственное движеніе Кушитства и въ то же время сохранившихъ только неясные остатки общаго преданія, которое сохранилось по преимуществу въ Иранскомъ центрѣ.

Присутствіе этого преданія въ старину у всѣхъ сѣверныхъ народовъ явно изъ памяти о потопѣ, изъ разсказовъ о лучшей участи человѣка въ его младенчествѣ, объ антагонизмѣ зла и добра и даже иногда о мессіаническихъ обѣщаніяхъ. Впрочемъ всѣ эти слѣды также слабы, какъ и самое чувство религіозное у кочевыхъ страдальцевъ негостепріимнаго сѣвера, всегда занятыхъ тяжелою борьбою съ природою, ихъ окружающею.

За всѣмъ тѣмъ въ остаткахъ древней религіи Японцевъ можно открыть также несомнѣнные признаки Кушитскаго ученія и поклоненія шиваитскому *лингаму*, какъ символу производящей необходимости. Такая примѣсь Шиваитства въ области далекой отъ его Африканской колыбели представляла бы довольно трудную задачу, если бы наука не имѣла уже столько данныхъ для опредѣленія умственной и племенной колонизаціи Кушитской по всѣмъ южнымъ морямъ отъ южной оконечности Аравіи до самыхъ отдаленныхъ острововъ, затерянныхъ въ безконечности Тихаго океана и до береговъ долго забытаго материка Американскаго. При этихъ данныхъ легко понятны и слѣды шиваитства въ Японіи.

Анализъ историческій, какъ мы видѣли, объясняетъ прекращеніе всемірныхъ сношеній между разсѣянными семьями человѣчества и упадокъ древняго мореплаванія усиленіемъ борьбы народной въ первыхъ центрахъ человѣческаго рода и наступленіемъ героической эпохи, т. е. эпохи военнаго одичанія. Впрочемъ, кромѣ распространенія Кушитскаго ученія по южнымъ поморьямъ, можно еще угадать и другое его распространеніе на сѣверъ черезъ Гиммалайскій хребетъ и среднюю Азію изъ земель Пріиндскихъ. Миѳологія Финскихъ и Летскихъ племенъ въ сѣверной Россіи представляетъ, при явныхъ слѣдахъ Индостанской мысли (напр. въ преданіи о *Сампо*), такіе же явные намеки на Шиво-Озирисское ученіе. Таковъ разсказъ въ Калевалѣ о разрубленномъ божествѣ, которое отыскано и оживлено другимъ божествомъ женскимъ (сѣверною Изидою), таково поклоненіе змѣѣ даже у полу-Славянской Литвы и пр. Сверхъ того должно замѣтить, что остатки Индустанскаго шиваизма (поклоненіе *лингаму*) сохраняются очень рѣзко до нашего времени у сѣверныхъ Славянъ, особенно по близости великаго торговаго пути Волги, въ праздникахъ Ярила и Костромы.

Усиленная жизнь Китая, его возрастающее народонаселеніе и внутреннія волненія заставляли многихъ Китайцевъ, даже изъ царскихъ родовъ, искать убѣжища на сѣверо-восточныхъ островахъ. Богатая и прекрасная природа Японіи привлекала

бѣглецовъ, тамъ основали они колонію, со дня на день возраставшую въ силѣ и значеніи. Юго-западная часть острова подчинялась мало-по-малу законамъ Китайскаго просвѣщенія; остальныя области покорились послѣ продолжительной борьбы. Весь обширный островъ слился въ одно могучее государство, составленное изъ народной стихіи, совершенно чуждой Китаю, но движимое вполнѣ умственными началами, принесенными оттуда. Таковы показанія Японскихъ ученыхъ и лѣтописцевъ и нѣтъ никакой причины въ нихъ сомнѣваться, ибо они не льстятъ самолюбію народа и существуютъ издавна, не смотря на постоянную вражду съ Китаемъ. Вѣроятно, малоизвѣстная намъ Корея служила посредствующимъ звеномъ между материкомъ Азіи и Японіи какъ въ отношеніи племеннаго начала, которое наука опредѣлитъ со временемъ посредствомъ языкосравненія, такъ и въ отношеніи просвѣщенія. Какъ бы то ни было, въ теченіи VI-го вѣка проникъ и въ Японію буддаизмъ, эта глубокая и сильная вѣра, созданная борьбою духа, требующаго свободы, съ ученіемъ, положившимъ въ начало міра законъ логической (т. е. органической) необходимости, вѣра, которой распространеніе равняется распространенію магометанства и христіанства.

Должно замѣтить, что въ историческія времена только эти три вѣрованія и распространялись далеко за предѣлы областей, въ которыхъ родились. Въ глубокой древности точно также распространялось и шиваитство, но завоеванія шиваитства относятся къ эпохѣ почти до-исторической и погибли безъ слѣдовъ. Фактъ этотъ довольно понятенъ. Въ христіанствѣ выразилось окончательно Иранское преданіе во всей силѣ своихъ вѣрованій и въ своей логической полнотѣ. То же самое преданіе, хотя искаженное, составляетъ и силу магометанства, въ тиваизмѣ и въ буддаизмѣ живетъ первобытное ученіе Куша почти въ полной своей чистотѣ. Въ этой строгости началъ лежитъ возможность мирныхъ завоеваній. Среднія и мѣшанныя вѣры почти никогда не переходили границъ области, въ которой были созданы случайными обстоятельствами, ибо разумъ человѣческій покоряется только общечеловѣческимъ, а не мѣстнымъ и произвольнымъ началамъ.

И повоявившійся буддаизмъ овладѣлъ довольно скоро новою областью, не безъ нѣкотораго сопротивленія, (ибо нѣсколько разъ буддаистскіе кумиры были разбиваемы народомъ и правительствомъ подъ предлогомъ гнѣва прежнихъ боговъ), но какъ кажется безъ жестокихъ гоненій и безъ большаго насилія; по крайней мѣрѣ таковъ кажется разумный выводъ изъ извѣстныхъ намъ свидѣтельствъ. Впрочемъ въ Японіи скоро характеръ ламаизма принялъ особенный оттѣнокъ. Священное значеніе государей добуддаистскаго времени отозвалось и по принятіи новой вѣры. Государи (даирін) сосредоточили въ себѣ всю власть свѣтскую и въ то же время высшее духовное священство. Они повторяли на востокѣ явленіе халифата Магометанскаго; но въ Японіи повторился также и тотъ раздоръ между непогрѣшимостью духовной власти, предполагающей совершенство въ основѣ своей, и вѣчно измѣняемыми и волнующимися требованіями жизни государственной, который, какъ уже сказано, потрясъ и окончательно разрушилъ халифатъ и который сдѣлалъ невозможнымъ разрѣшеніе папской задачи на Западѣ. Въ концѣ XI-го столѣтія, какъ кажется, утвердилась новая, независимая свѣтская власть, сіогуновъ, возникшая изъ отношеній похожихъ на отношенія королей Французскихъ къ мерамъ и халифовъ къ визирямъ и эмирамъ *альмуменинъ*. Сіогуны сдѣлались дѣйствительно единственными государями Японіи. Государство нашло свою божественность въ самомъ себѣ, также какъ въ Китаѣ, и вѣроятно въ самой Японіи до буддаизма, а духовный государь, даири былъ заключенъ въ золотыя оковы своей духовной и безсильной святости, властвующей только надъ невидимою областью талисмановъ; ибо въ Японіи также какъ въ Китаѣ величіе и смыслъ буддаизма исчезли въ грубой безсмысленности поклоненія талисману и фетишу.

Американскія государства. Тольтеки.

Въ это время еще далѣе на востокѣ происходили великія перемѣны; зарождались государства новыя и государственныя преданія, по крайней мѣрѣ такія преданія, которыя въ послѣдствіи времени сдѣлались достояніемъ науки. Въ тропическую область, соединяющую сѣверный и южный материкъ Амери-

ки и отдѣляющую Тихій океанъ отъ великаго Антильскаго залива, въ область надѣленную отъ природы всѣми дарами богатства и красоты, пришелъ съ сѣвера около VII-го вѣка послѣ Р. Х. народъ Тольтековъ, повидимому кроткій и просвѣщенный и основалъ пространное и могущественное царство. Это царство не дожило до прихода Европейцевъ. Испанскіе дикари нашли уже въ Мексикѣ Ацтековъ, народъ такой же свирѣпый и кровожадный какъ и самая дружина рыцарей завоевателей, а царство Тольтековъ пало отъ внутреннихъ междоусобій и слабости еще въ концѣ X-го или началѣ XI-го столѣтія и разсказы объ немъ дошли до насъ только черезъ Ацтековъ, сохранившихъ скудныя воспоминанія о прежнихъ владыкахъ области Мексиканской. По этому трудно опредѣлить характеръ этого исчезнувшаго народа. Изъ расказовъ можно предполагать, что вѣра Тольтековъ была кроткая и человѣколюбивая и далеко разнилась отъ свирѣпой и кровожадной вѣры Ацтековъ. Цвѣты и плоды были едвали не единственными жертвами, приносимыми богамъ; кротость вѣрованія выражалась и на правахъ народа: но самое религіозное ученіе было, также какъ и ученіе позднѣйшихъ Ацтековъ, чистымъ остаткомъ древняго Кушитства, развитаго въ формѣ двухъ органическихъ полюсовъ. Не безъ слѣда прошли Тольтеки по лицу земли. Великолѣпные памятники, водохранилища, гранатныя плотины, огромные храмы, полные таинственнаго мрака и величія, остались какъ свидѣтельства ихъ четырехвѣковой славы и просвѣщенія, носящаго на себѣ весь характеръ древняго царства Фараоновъ. Такова была держава Тольтековъ; таково ихъ умственное и государственное развитіе; но было ли это развитіе созданіемъ самобытной народной мысли, сказать невозможно. Древнѣйшая эпоха Тольтекскаго царства и все ему предшествовавшее были чужды Ацтекамъ: самое имя Тольтековъ, быть можетъ, не принадлежало имъ вовсе. На парѣчіи Ацтековъ оно имѣло значеніе каменосѣчцевъ и служитъ только доказательствомъ того, что строительное искусство было уже усовершенствовано въ Мексикѣ и удивило новыхъ пришельцевъ завоевателей. Наука разрѣшитъ, можетъ быть, многія за-

лачи о древностяхъ Америки; но уже и теперь, хотя не сохранилось никакихъ преданій о переселеніи Тольтековъ, хотя у насъ нѣтъ еще никакихъ положительныхъ данныхъ для разрѣшенія вопроса, были ли они завоевателями или пришельцами въ пустыню, гдѣ создали царство, уже и теперь можно по всѣмъ вѣроятностямъ утверждать, что искусство строительное не было ими принесено съ сѣвера, гдѣ или совсѣмъ нѣтъ памятниковъ, или памятники принадлежатъ къ особенному роду (къ насыпямъ похожимъ на наши Русскіе и Сибирскіе курганы и городки), и что оно также не было создано самобытнымъ развитіемъ ихъ мысли, ибо уцѣлѣвшія зданія не представляютъ постепеннаго усовершенствованія зодчества и сверхъ того область памятниковъ далеко переходитъ на югъ границы Тольтекской державы, распространяясь не только по всему Юкатану и Гватималѣ, но и захватывая часть южно-Американскаго материка. Очевидно, что зодчество было принято Тольтеками отъ сосѣдей или отъ старожиловъ Мексиканской земли; ибо вѣроятно, что въ древности одно и то же племя, можетъ быть теперь уже погибшее, занимало всю страну отъ сѣверной части Мексики до теперешней Колумбіи, и точно также можно и должно предполагать, что съ этимъ зодчествомъ было соединено и преданіе наукообразнаго и общественнаго просвѣщенія. Характеръ художества, котораго великолѣпные памятники сохранились до нашего времени и долго еще могутъ сопротивляться разрушительной силѣ климата, указываетъ на развитіе подобное развитію Египта и Индіи. Пирамидальныя формы зодчества, іероглифическое письмо, огромная важность жреческой касты (важность, извѣстная по сказаніямъ Испанцевъ объ Азтекахъ, и несомнѣнно доказанная у Тольтековъ колоссальностью религіозныхъ зданій), все представляетъ намъ область, соединяющую южную и сѣверную Америку, какъ часть великаго Кушитскаго міра, связанную духовнымъ родствомъ съ народами, населявшими берега Нила. Но это родство духовное было ли слѣдствіемъ родства племенъ, колонизаціи, древнихъ сношеній, или общихъ законовъ въ развитіи ума человѣческаго, опредѣлить невозмож-

но при тѣхъ данныхъ, на которыя теперь можетъ ссылаться наука. За всѣмъ тѣмъ, если вспомнить преданіе Азтековъ (или полученное Азтеками отъ Тольтековъ) о бѣломъ и бородатомъ просвѣтителѣ, пришельцѣ изъ заокеанической Востока, если обратить вниманіе на типъ многихъ, хотя и не отчетливо исполненныхъ скульптуръ, на сходство многихъ миѳовъ Мексиканскихъ съ миѳами Финикіи, на безспорное пребываніе бѣлаго племени на Антильскихъ островахъ (ибо Карибъ, названіе властвующаго племени, значило бѣлый) и на разительное сходство многихъ религіозныхъ обрядовъ у Гваначей Приафрикапскихъ и у жителей Антильской островной купы, кажется нельзя будетъ даже подвергать сомнѣнію, что просвѣщеніе Мексики и ближайшихъ къ ней областей было плодомъ прямаго сношенія съ великими центрами древняго просвѣщенія или даже прямой колонизаціи изъ юго-западной Азіи или Нильской долины. Впрочемъ эти сношенія или колонизація должны во всякомъ случаѣ относиться къ глубокой, почти до исторической древности, къ тому времени, когда мореплаваніе, остатокъ первоначальной эпохи всечеловѣческаго общенія, еще не погибло или не упало отъ усыпленныхъ распрей народныхъ. Не даромъ хранилась такъ долго память объ Атлантидѣ и не даромъ памятникъ на Азорскихъ островахъ указывалъ моряку путь на далекій Западъ.

Сомнѣнія о возможности такой колонизаціи были бы уже смѣшны въ наше время. Давно ли узнали мы, что въ X-мъ вѣкѣ Скандинавскіе Норманны приставали къ берегамъ Лабрадора, Канады и и даже теперешнихъ Соединенныхъ Штатовъ, и что Кельты Ирландскіе уже предупредили ихъ въ заокеаническихъ плаваніяхъ? Преданія умолкли, память исчезла, и только письменные памятники, отысканные учеными тружениками, возстановили фактъ, давно заброшенный въ число самыхъ неправдоподобныхъ басень. А моряки Финикійскіе далеко превосходили Норманновъ смѣлостью предпріятій, постоянствомъ въ торговомъ и вѣроятно разбойническомъ ремеслѣ, обширностью морской области, захватывавшей всѣ берега морей отъ Ирландіи до Индіи, огромностью флотовъ (напр. Ганнонъ

бралъ съ собою въ путешествіе около Африки нѣсколько тысячъ колонистовъ) и особенно многовѣковымъ развитіемъ искусства. Но тайны Финикіи, строго охраняемыя ея торговымъ эгоизмомъ, погибли съ нею. Письменность не сохранила намъ ничего; но безпристрастная критика историческая можетъ и должна возстановлять по признакамъ вѣка отжитые человѣчествомъ и только подъ этимъ условіемъ заслуживаетъ имя науки. Такъ явные слѣды указываютъ на высокое просвѣщеніе и на великія знанія въ первомъ младенчествѣ человѣческаго рода. Пиѳагоръ по преданіямъ зналъ движеніе земли, за которое пострадалъ Галилей, а Греки хотѣли казнить философа, сказавшаго, что мѣсяцъ больше Пелопоннеза. Древнѣйшіе циклы были вѣрнѣе Гиппарховыхъ, и едва послѣ двадцати слишкомъ вѣковъ осмѣлились Португальцы возобновить попытку Финикійцевъ, оплывшихъ Африку при Фараонѣ Нехао; но все это просвѣщеніе, наслѣдіе древняго синтеза, еще не возмущеннаго позднѣйшимъ анализомъ, можетъ быть угадано, должно быть признано, но не можетъ уже быть опредѣлено съ точностію. Таковы же и древности средней Америки. Возстановить ихъ вполнѣ мы уже не можемъ; признать ихъ Шивантскій характеръ по изображенію боговъ, по обрядамъ и т. д., признать ихъ иноземное начало по темному преданію о просвѣтителяхъ иноземцахъ и по многимъ подробностямъ рисунка въ древнѣйшихъ памятникахъ, наконецъ признать ихъ многовѣковое преемство по великому развитію художества, по смѣлости предпріятій, по громаднымъ размѣрамъ и множеству зданій, невозможному въ короткій срокъ и при безпрестанныхъ войнахъ, мы должны.

Но это просвѣщеніе, принесенное съ востока, встрѣтило безъ сомнѣнія другую стихію, стихію мѣстную. Народъ, населявшій Мексику, принадлежалъ Американскому материку. И тутъ, какъ почти вездѣ, мысль явилась не какъ уже готовая наука, прививаемая въ школахъ малолѣтнимъ ученикамъ, но какъ закваска мѣстной мысли, пробуждая ее и направляя, но въ то же время сливаясь съ нею въ одно органическое цѣлое.

Это доказывается общимъ типомъ Американской физіономіи, который принадлежитъ Мексикѣ также какъ и всему древне-Американ-

скому племени (разумѣется исключая сѣверныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ Финскаго корня, Эскимосовъ и другихъ), многими общими преданіями (какъ напр. память о потопѣ принадлежитъ всей Америкѣ и гораздо глубже срослась съ ихъ мнѣами, чѣмъ во всѣхъ народахъ Кушитскаго образованія) и наконецъ преобладающимъ характеромъ туземства во всѣхъ символахъ и преданіяхъ.

Вѣроятно, что кромѣ прилива съ востока (т. е. отъ Европы или береговъ Средиземнаго моря) былъ еще и другой приливъ съ запада (т. е. изъ Азіи). Это мнѣніе получило уже право гражданства въ наукѣ. Есть неоспоримое сходство въ физіономическомъ очеркѣ между племенами такъ называемаго Американскаго корня и многими племенами Полинезіи или Океаніи; есть явное сходство въ мѣдномъ цвѣтѣ тѣла тѣхъ и другихъ, отличномъ отъ всѣхъ другихъ народовъ міра и обличающемъ то же смѣшеніе племенъ; которое замѣтно въ нѣкоторыхъ отрасляхъ великой Малайской семьи и основано на соединеніи желтой Средне-Азійской крови къ мулатту отъ бѣлаго и чернаго племени; есть опредѣленный и неоспоримый слѣдъ религіознаго зодчества по мелкимъ и разрушеннымъ мораямъ отъ острововъ Сунды до береговъ Америки; есть точно такой же несомнѣнный слѣдъ религіознаго поклоненія разрушительному началу вещественной природы, олицетворенному въ крокодилѣ или акулѣ и символизированному въ ожерелія изъ череповъ, которымъ украшается равно кумиръ Мексиканскаго бога и таинственныя изображенія Шивы Индустанскаго; наконецъ есть рѣзкая, и за всѣмъ тѣмъ слишкомъ мало замѣченная черта, опредѣляющая народное и духовное средство между островами южной Азіи и Американскимъ материкомъ, которой одной достаточно для указанія на колонизацію или на цѣлый рядъ миграцій черезъ безконечность океана: это общій обычай людоѣдства, принадлежащій исключительно народамъ мѣдноцвѣтнымъ, Полинезійскимъ и (однако же въ меньшей степени) такъ называемымъ Малайскимъ.

Людоѣдство являлось быть можетъ и у многихъ народовъ дикихъ: въ немъ обвиняли и Германцевъ и (хотя явно несправедливо) Сла-

вянъ и нѣкоторыхъ дикарей Азіи и Африки; но даже тамъ гдѣ оно доказано (а оно почти нигдѣ не доказано), оно вездѣ является какъ рѣзкое исключеніе, не заслуживающее никакаго вниманія. Иногда это слѣдствіе нищеты, иногда страстей, доведенныхъ до ихъ крайняго ожесточенія и т. д.; но въ народахъ мѣдноцвѣтныхъ, кромѣ сѣверной и крайней южной Америки, это обрядъ постоянный, религіозный и неизмѣнный. Онъ принадлежитъ семьямъ кроткимъ точно также какъ и самымъ свирѣпымъ; онъ выражаетъ столько же любовь, сколько ненависть: ибо многіе народы считаютъ обязанностью съѣдать ближайшихъ родственниковъ, тогда какъ другіе съѣдаютъ только побѣжденныхъ непріятелей, другіе только преступниковъ. Во всѣхъ случаяхъ это слѣдствіе вещественнаго пантеизма и желанія — или дать безсмертіе соединеніемъ стихій умершаго человѣка съ стихіями другаго, живаго человѣка, или отнять безсмертіе, подчиняя стихію разрушеннаго организма другому, живому и сильнѣйшему. Начало же этого страннаго и для насъ отвратительнаго обычая ясно въ жертвоприношеніяхъ человѣческихъ Молоху, Тифону или Теутатесу и въ ожесточеніи религій при первоначальной борьбѣ Ирана и Куша.

И такъ въ Америкѣ встрѣчались два прилива просвѣтительнаго начала, отъ востока и запада: различные во многихъ подробностяхъ, сходные въ главныхъ чертахъ и основахъ, они дѣйствовали на туземную стихію народную, по всѣмъ вѣроятностямъ происходящую изъ Азіи. На краяхъ великаго материка вліяніе ихъ отзывалось незначительно. Дикая природа и полная разъединенность мелкихъ семей уничтожали всякій зародышъ умственной жизни; вліяніе племенной примѣси отзывалось нѣсколько болѣе на югѣ, но художественное и религіозное вліяніе проникало также мало въ южныя пампы, какъ и въ сѣверныя саванны. Вся жизнь умственная и общественная, произведенія мысли и началъ, родившихся и созрѣвшихъ на другомъ материкѣ, сосредоточивались въ притропической области и производили великія государственныя явленія, которыхъ исторія погибла для міра безъ славы и звука, но въ свое время не была лишена вѣроятно ни блеска, ни величія.

И въ самомъ историческомъ мірѣ многія явленія (быть можетъ большая часть явленій) также ничтожны, также обречены забвенію и достойны его: но они выносятся изъ бездны прошедшаго, выдвигаются на поприще историческое, получаютъ смыслъ, значеніе и право на безсмертіе отъ тѣхъ центровъ живой мысли и слова, отъ тѣхъ двигателей просвѣщенія, съ которыми находятся въ случайномъ прикосновеніи. Только то имѣетъ право на память человѣческую, что оставило по себѣ слѣды, что подвинуло впередъ родъ человѣческій по путямъ науки или преданія, что не только жило, но и живетъ и будетъ жить. Исторія Монголовъ погибла съ ними и отзывается только въ ея вліяніи на Россію, Персію или Индустанъ; но она входитъ въ исторію человѣчества только какъ разсказъ о бурѣ, разрушившей половину города, входитъ въ исторію города. Правда, взятая отдѣльно, она еще имѣетъ свою высокую занимательность, ибо представляетъ природу человѣческую въ минуту высокой напряженности и односторонней восторженности; но эта занимательность принадлежитъ болѣе къ интересу художественному, чѣмъ къ интересу науки исторической. Такова бы была занимательность и лѣтописи Американской, если бы можно было ее воскресить по древнимъ памятникамъ, ибо бѣдный Индѣецъ, рабъ Европейскихъ завоевателей, будущій христіанинъ, быть можетъ даже будущій народъ, ничѣмъ уже не связанъ съ своими прошедшими вѣками и съ безплодными волненіями своихъ прошедшихъ государствъ.

И въ Мексикѣ и въ Гватемалѣ и вѣроятно въ области Перувіанской, и можетъ быть далѣе на берегахъ Ореноко и безконечнаго Мараньона, стройныя государства смѣняли другъ друга и погибали, оставляя по себѣ развалины, теперь уничтоженныя сокрушительною силою тропической природы или поглощенныя буйной роскошью ея растительности. Европейны застали въ Мексикѣ людоѣдовъ-Ацтековъ; тѣ помнили своихъ предшественниковъ, кроткихъ Тольтековъ. Критика памятниковъ обличаетъ существованіе другихъ древнѣйшихъ государствъ; но въ то же время критика узнаетъ и тождество началъ, создавшихъ эти государства, и отсутствіе туземной самобытности въ просвѣщеніи, и явную зависимость его отъ дру-

гихъ, далекихъ, всемірно-историческихъ средоточій Азіи и Африки. Періодически возникали въ Америкѣ явленія государственной жизни въ слѣдствіе вѣроятно періодическаго же прилива иноземныхъ вліяній. Испанцы, дикіе похитители святаго подвига Генуезца Колумба, застали просвѣщеніе Америки уже въ минуту упадка и нанесли ему послѣдній ударъ: но оно погибло бы и безъ нихъ, потому что все возникающее на почвѣ Кушитскаго произвольнаго ученія произвольно и обречено гибели. Времеупорная сила принадлежитъ міру преданія.

Почти такое же безплодное волненіе происходило въ то время и въ той области, откуда Шиваитское ученіе съ его художественнымъ развитіемъ проникло въ Америку. Слѣды этого переселенія религіозныхъ ученій можно, какъ уже сказано, отыскать по всей длинной цѣпи океаническихъ острововъ по разнымъ обрядамъ, по разнымъ формамъ поклоненія и особенно по мораямъ. Ближе къ самой Индіи эти слѣды становятся яснѣе и несомнѣннѣе въ священномъ языкѣ *Кави*.

Розысканія Германскихъ ученыхъ объ этомъ почти исчезнувшемъ остаткѣ Санскритскаго языка, нѣкогда посвященнаго религіозному служенію, можно считать однимъ изъ полезнѣйшихъ плодовъ современной науки. Они представили въ ясномъ свѣтѣ фактъ, котораго нельзя бы было доказать, и даже можетъ быть отгадать, никакимъ инымъ путемъ. Впрочемъ *Кави* былъ связанъ не съ Шиваитствомъ, а съ мѣшаннымъ Брахманствомъ; онъ принадлежитъ вѣроятно къ позднѣйшей эпохѣ и только указываетъ на тѣ пути, по которымъ раннее вліяніе и умственная колонизація шли изъ Индіи на востокъ и въ безконечность океанической пустыни. Слѣды же самой ранней эпохи отъищетъ безъ сомнѣнія сравнительное языкознаніе въ сличеніи *Тонга* и другихъ нарѣчій съ Индустанскими нарѣчіями, не принадлежащими къ Иранской семьѣ, ибо никогда не должно упускать изъ вида двойственнаго состава всего Индустанскаго міра какъ въ племенномъ, такъ и въ народномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Розысканія объ языкѣ Тонга также принесли безконечную пользу, доказавъ несомнѣнно тождество Полинезійскихъ и Океаническихъ племенъ, слѣдовательно ихъ забытыя миграціи и нѣкогда су-

ществовавшее, но постоянно упадавшее и тому лѣтъ сто совершенно погибшее мореходство. Та же самая истина выходитъ явно и изъ преданій мѣстныхъ и изъ того важнаго, но слишкомъ мало замѣченнаго факта, что племя первыхъ жителей на островѣ Пасхи исчезло и замѣнено другимъ уже послѣ открытія этого острова Европейцами. Непонятно, какъ скудное мореходство дикарей могло отъискать этотъ островъ, точку незамѣтную въ безпредѣльности Тихаго океана и удаленную на огромное разстояніе отъ всякой обитаемой земли: но оно такъ было; и догадливая наука должна понять, что мы, избалованные вещественнымъ просвѣщеніемъ, уже не можемъ себѣ ясно представить ни отважности, ни инстинктивной сметки младенчествующихъ народовъ.

Индустанъ; вѣка его паденія.

Въ Индустанѣ всѣ явленія жизни были тѣсно связаны съ идеями религіозными. При распаденіи и разрывѣ міра религіознаго должны были распадаться самыя общества и государства, явленія міра политическаго, подчиненнаго высшимъ законамъ вѣрованія и философскаго мышленія, возведеннаго въ вѣру. Индія представляетъ намъ странное и единственное зрѣлище страны, издавна просвѣщенной, издавна богатой литературою во всѣхъ отрасляхъ и художествомъ, но не имѣющей не только исторіи, но даже сколько нибудь связныхъ историческихъ преданій. Исключеніемъ являются отчасти Цейлонъ и Кашмиръ, двѣ крайнія оконечности Индустанской страны, гдѣ оскудѣніе религіознаго интереса и вѣроятно вліяніе трезваго буддаизма произвели что-то похожее на лѣтопись, бросающую слабый свѣтъ на происшествія въ сосѣднихъ областяхъ. За всѣмъ тѣмъ очень трудно, если не совсѣмъ невозможно, возсоздать древнюю исторію Индіи даже въ эпоху послѣ христіанства.

Труды ученыхъ Англичанъ, разбиравшихъ древнія надписи въ южной Индіи, остались впрочемъ не совсѣмъ безплодными. Многое прочтено и наукѣ открылись нѣкоторые просвѣты въ темную глубину прошедшаго.

Съ помощію тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми уже овладѣла критика, можно только сказать, что лучшія историческія столѣтія для Индіи, именно первыя столѣтія нашего лѣтосчисленія, были сильно подчинены вліянію буддаизма. Этотъ безспорный фактъ можно уже вывести изъ ничтожности границъ, отдѣлявшихъ въ то время касту отъ касты; ибо многія и самыя громкія имена царей, владѣвшихъ всею сѣверною Индіею, принадлежатъ къ низшимъ кастамъ, къ вайсіямъ и даже судрамъ. Не должно однако же искать эпохи, въ которой торжество буддаизма было бы полное.

Въ эту ошибку впадаютъ многіе, если не всѣ, критики и отъ того безпрестанно сбиваются на ложные пути и ложные выводы.

Буддаизмъ въ своей родинѣ Индіи, имѣлъ очевидно такое же значеніе какъ и въ Китаѣ. Онъ всегда стремился къ преобладанію, но никогда не достигалъ цѣли своей вполнѣ. Онъ находился въ противуположности съ брахманствомъ, также какъ съ конфуціанствомъ въ Китаѣ, былъ терпимъ, иногда даже первенствующій, но никогда не торжествовалъ окончательно и не могъ ни вытѣснить ни побороть своихъ противниковъ. Впрочемъ его внутреннее противурѣчіе съ брахманствомъ было сильнѣе, чѣмъ съ государственною философіею, замѣняющею религію въ Китаѣ Противъ него должны были враждовать и враждовали гордость и выгоды высшихъ кастъ, особенно же брахмановъ, и окончательный кровавый разрывъ былъ неизбѣженъ. Трудно опредѣлить, когда и по какому поводу онъ произошелъ. Хронологическія вѣроятности относятъ его къ концу четвертаго или къ пятому вѣку послѣ Р. Х. По крайней мѣрѣ къ этой эпохѣ принадлежитъ сильное выселеніе буддаистовъ изъ Индіи, указывающее на гоненія, претерпѣнныя ими отъ брахмановъ. Какъ бы то ни было, но прежнее мнѣніе о быстромъ и совершенномъ торжествѣ брахмановъ въ это время уже обличено въ ошибкѣ. Борьба продолжалась долго и гибель буддаизма была не мгновеннымъ паденіемъ, слѣдствіемъ одной какой нибудь войны, но постепен-

нымъ запраніемъ, продолжавшимся въ теченіи многихъ и многихъ вѣковъ. Еще въ X-мъ, XI-мъ и едвали не до XIII-го вѣка видны слѣды буддаизма на востокѣ Индустана, но они слабѣютъ и исчезаютъ постоянно. Это паденіе, бывшее сначала очевидно слѣдствіемъ насилія, связано было въ послѣдствіи съ огрубѣніемъ самаго народа, съ усиленіемъ суевѣрія, любящаго блескъ и обрядную пышность искаженнаго брахманства, и съ внутреннимъ обезсмышленіемъ буддаизма, переходившаго въ Индіи, какъ и въ Китаѣ, изъ высокой своей философской области въ темное и грязное поклоненіе талисману и фетишу. Буддаизмъ удалялся отъ постояннаго напора брахманства и искалъ, какъ видно, убѣжища по окопечностямъ и окраинамъ Индустана. Такъ видимъ мы, что горы Кашмира, южныя Гауты и прибережье Гангеса населяются поклонниками Гаутамы. Преслѣдуемые неутомимою враждою торжествующихъ соперниковъ, они наконецъ оставляютъ навсегда свою родину. Сѣверные бѣглецы спасаются въ Тибетъ; южные удаляются въ Цейлонъ и за моря; долѣе всѣхъ остаются буддаисты Гангесскаго прибережья, опираясь вѣроятно на единовѣрцевъ Загангесскаго полуострова. Наконецъ и тѣ удаляются въ область теперешнихъ Бирманцевъ, гдѣ они соединяются съ бѣглецами южной Индіи и кладутъ твердое основаніе тому искаженному буддаизму, который и теперь сохраняетъ еще свою формальную силу, утративъ свое духовное значеніе и обратившись въ нестройное смѣшеніе безсмысленныхъ обрядовъ.

Таковъ былъ ходъ борьбы двухъ вѣрованій въ Индустанѣ, духовнаго брахманства, слившагося вполнѣ съ человѣкообразнымъ вишнуизмомъ и съ вещественнымъ шиваизмомъ и буддаизмомъ, который, какъ уже сказано, былъ ничто иное какъ реформа древняго шиваитскаго протестанства: брахманство восторжествовало. Побѣжденный буддаизмъ перемѣнилъ во многомъ судьбу средней Азіи и дальняго Востока; но во время самой борьбы внутри Индустана не основалось ни одно могучее царство, которое бы могло достигнуть истинно историческаго значенія. Сколько можно судить по тѣмъ неполнымъ свѣдѣніямъ, которыя наука могла до сихъ поръ почер-

путь изъ мѣстныхъ преданій, изъ скудныхъ разсказовъ иноземныхъ путешественниковъ и изъ недавно разобранныхъ надписей, Индія дѣлилась на двѣ народныя и государственныя системы съ весьма неопредѣленными границами, по прежнему исконному раздѣленію, на Индустанскую систему (сѣверную) и на Деканскую (южную). Обѣ были опять подраздѣлены на множество мелкихъ и независимыхъ областей, которыя то соединялись непрочными союзами, то вели между собой кровавыя распри. Иногда являлись люди съ сильнымъ духомъ или съ военными способностями и тѣ, взявъ временное первенство надъ сосѣдями или дѣйствительно расширивъ далеко предѣлы своихъ родныхъ владѣній, величались *магараджами* или великими царями или владѣтелями всего Индустана. Но это громкое названіе никогда не было заслужено вполнѣ, и по большей части гордыя притязанія, то переходящія отъ одной области въ другую, то передаваемыя по наслѣдству цѣлымъ рядомъ владѣтелей въ одной какой нибудь области, не стремились даже оправдать себя на дѣлѣ. Важнѣе царскихъ лицъ были въ то время проповѣдники религіозныхъ ученій: изъ нихъ многіе достигли истинно историческаго значенія; и хотя трудно опредѣлить ихъ существованіе въ строго хронологическомъ порядкѣ или даже отдѣлить подлинные разсказы объ ихъ жизни отъ миѳическихъ или сказочныхъ прикрасъ, можно однакоже утвердительно сказать, что ихъ слова и воля бросали народы сѣверной Индіи на югъ и южной на сѣверъ для окончательнаго уничтоженія ненавистныхъ буддаистовъ. Впрочемъ вообще замѣтно (хотя есть примѣры и противному), что главная сила брахманства держалась на сѣверѣ и что югъ, опираясь на Цейлонскихъ буддаистовъ, сильныхъ своимъ богатствомъ и неприступностью острова, отстаивался довольно долго отъ напора брахмановъ.

Вѣроятно, большее преобладаніе шиваитства на югѣ и память о прежнемъ братствѣ его съ буддаизмомъ (доселѣ не понятая критикою) помогали также буддаистамъ въ ихъ борьбѣ противъ брахмановъ.

Весь Индустанъ, съ его раздѣленіемъ на системы государственныя, съ его независимыми раджами и съ вѣчно продолжавшимися притязаніями котораго нибудь изъ раджей на прозваніе и власть магараджи, представлялъ нѣчто похожее на позднѣйшую Россію въ эпоху ея удѣльныхъ смутъ: но ни въ политическихъ, ни въ бытовыхъ, ни въ религіозныхъ ея стихіяхъ не было ничего, что могло бы основать крѣпкое и плодотворное единство, стихія государственная была ничтожна по своей подчиненности высшему значенію жреческой касты. Стихія народная была точно также ничтожна по своей разностихійности, ибо народонаселенія сѣвера, юга и горъ, пересѣкающихъ Индустанъ, различныя еще въ наше время, должны были представлять еще болѣе различія въ древности; наконецъ преобладающая надъ другими и созидающая нѣчто похожее на единство, стихія религіозная была въ дѣйствительности также ничтожна какъ и всѣ остальныя. Брахманство, принявъ въ себя враждебный шиваизмъ и мелкій безсмысленный вишнуизмъ, перешло въ несвязный синкретизмъ ученій, кое-какъ скрытый призракомъ тождества боговъ въ ихъ общей основѣ—непроявленномъ божествѣ. Это насильственное примиреніе непримиримыхъ началъ отнимало у религіи всю ея внутреннюю силу и слѣдовательно всякую возможность развитія Она должна была постоянно грубѣть и унижаться до безсмысленнаго многобожія, заключеннаго въ обрядахъ и заклинаніяхъ Съ другой стороны разумъ человѣческій, безспорно богатый въ Индіи и рано развитой наукою и художествомъ, долженъ былъ постоянно освобождаться отъ формы религіозной и созидать системы философскія, въ которыхъ старался онъ осмыслить снова ученія, все болѣе и болѣе терявшія свое первоначальное значеніе. Но многобожіе Индустана лежало на глубоко-разумныхъ (хотя и противоположныхъ другъ другу) основахъ; по этому и философія не могла никогда освободиться отъ религіи, такъ какъ она освободилась отъ мелкаго синкретизма Эллинскаго. Сверхъ того наука принадлежала высшимъ сословіямъ, которыхъ вещественныя выгоды были обезпечиваемы и охраняемы религіозными мнѣніями: необходимымъ

послѣдствіемъ этихъ отношеній было безсиліе самой философіи, не смотря на безконечную умственную силу, замѣтную въ произведеніяхъ философскихъ школъ Индустана. И въ этомъ тяжкомъ и болѣзненномъ боренін началъ, равно неспособныхъ на созданіе какого нибудь могущаго цѣлаго, тратилась духовная и общественная жизнь Индустана. Она продолжала волноваться, но она замирала въ этомъ безплодномъ волненіи. Первая эпоха Индустанской древности была борьба между сѣверомъ и югомъ, между Иранскимъ брахманствомъ и Кушитскимъ шиваизмомъ. На помощь побѣжденному брахманству явился человѣкообразный вишнуизмъ, созданіе Бактро-Славянской семьи, и сѣверъ побѣдилъ; но за побѣдою наступило религіозное смѣшеніе, и брахманство и вишнуизмъ слились съ шиваитствомъ. Паденіе народа было неизбѣжно: но оно отсрочилось на многіе вѣка. Духовная и въ то же время отрицательная сторона шиваитства, буддаизмъ, не нашла и не могла найти мѣста въ новой спикретистической системѣ: она отдѣлилась и получила самостоятельное значеніе. Ея борьба съ мѣшаннымъ брахманствомъ дала смыслъ и жизнь послѣдующимъ столѣтіямъ. Торжество брахманства было въ то же время его смертнымъ приговоромъ, ибо въ немъ не было ни разумнаго существа, ни силы для созданія новыхъ живыхъ началъ. Дѣйствительная исторія Индіи кончилась. Послѣдующіе вѣка были вѣка постепеннаго паденія и почти безпрестанныхъ бѣдствій. Ничего истинно великаго уже не создала она ни въ мірѣ быта общественнаго, ни въ мірѣ художества. Раздѣленіе кастъ дошло до отвратительныхъ и почти невѣроятныхъ крайностей; наука ограничилась комментаріями надъ прошедшею наукою, художество изысканными и безвкусными подражаніями прошедшему художеству. Самые памятники древности были въ то время безъ сомнѣнія искажены расчетливыми подлогами брахмановъ, старавшихся увѣрить народъ въ древности новыхъ общественныхъ и религіозныхъ формъ, выдуманныхъ ихъ властолюбіемъ.

Отъ того то происходятъ безпрестанныя противорѣчія въ показаніяхъ древней поэзіи объ отношеніи кастъ другъ къ другу и необ-

ходимость приступить къ разбору памятниковъ съ строгой недовѣрчивостью.

Съ тѣхъ поръ уже исторія Индіи получаетъ значеніе только по вліянію иноземныхъ народовъ на Индустанъ и по ихъ завоеваніямъ. Мирное христіанство давно уже проникло на берега Ганга и до южной оконечности полуострова. Когда именно? это трудно опредѣлить, но безспорно въ первыя уже столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія. Но христіанство, удерживаясь въ тѣсныхъ предѣлахъ и сохраняясь посредствомъ сношеній съ несторіанцами средней Азіи, Персіи и даже Сиріи, не могло расширить свою область. Несторіанство по внутренней слабости не способно къ могущему развитію, а Индустанъ, еще не переставшій питать вѣру къ своимъ прежнимъ богамъ, представлялъ трудное поприще для мирныхъ завоеваній иноземнаго вѣрованія. Иному ученію было предоставлено измѣнить всю судьбу Индіи и связать ея исторію съ исторіею другихъ народовъ. Страшная гроза собралась въ концѣ X-го вѣка на сѣверо-западномъ скатѣ Гинду-кху, въ области магометанъ Газневидовъ.

Абиссинія; борьба въ ней іудейства и христіанства.

Вообще можно сказать, что христіанство еще было недоступно большей части народовъ, до которыхъ доходила его проповѣдь. Персія, Индія и Средняя Азія не приняли его, не смотря на многовѣковое существованіе христіанскихъ колоній. Но даже и тѣ народы, которые приняли христіанское ученіе внѣ предѣловъ Европы, доказали своею послѣдующею исторіею, что новое ученіе оставалось для нихъ чѣмъ-то внѣшнимъ и случайнымъ, не проникавшимъ въ глубину ихъ духовной жизни. Многіе отступились отъ него при напорѣ магометанства: многіе, сохранивъ его, не умѣли развить его началъ ни въ общественномъ, ни въ духовномъ отношеніяхъ. Такова судьба страны, нѣкогда имѣвшей такое огромное вліяніе на всю судьбу человѣчества, страны бывшей нѣкогда колыбелью аналитическаго просвѣщенія и строительнаго художества, страны Кушъ при верховьяхъ Нила или его главныхъ притоковъ. Племена Иранскія или Семитическія проникли, какъ уже сказано,

изъ древнихъ временъ въ долину Нила и составили въ Египтѣ мѣшанное народонаселеніе...

Это видно изъ имени *Мицраимъ* (смѣшеніе) и изъ свидѣтельства Геродотова о томъ, что низшіе классы въ Египтѣ представляли многія особенности Африканскихъ племенъ, между тѣмъ какъ высшіе почти ничѣмъ не разнились отъ сосѣдей своихъ въ юго-западной Азіи.

Точно также проникли издревле, хотя позже чѣмъ въ Египетъ, племена Азійскихъ Семитовъ и въ горную область Абиссиніи, гдѣ они смѣшались съ туземцами, безъ сомнѣнія принадлежавшими къ великой отрасли Кушитовъ, но спасенными отъ строгимъ горнымъ воздухомъ отъ того искаженія наружной организаціи, которымъ опредѣляется Африканское племя. Приток народовъ Аравійскихъ и Палестинскихъ въ Абиссинію усиливался все болѣе и болѣе. Прибережье великаго Нила, Нубія и Эѳіопія подпали власти всепобѣждающаго Рима и отчасти наслѣдницы его, Византіи: но народонаселеніе измѣнялось въ нихъ весьма незначительно, какъ по малочисленности завоевательныхъ дружинъ, и по кратковременному ихъ пребыванію на югъ отъ Египетскихъ границъ, такъ и по безпрестанному наплыву чистыхъ выходцевъ изъ Африканскихъ пустынь. Горная твердыня Абиссиніи не подпадала чуждой власти; но съ другой стороны она наполнялась все болѣе и болѣе выходцами изъ южной Азіи и ея народонаселеніе и языкъ отклонялись болѣе отъ древнихъ своихъ Африканскихъ первообразовъ. Приливъ Евреевъ былъ такъ значителенъ, что они могли (вѣроятно съ помощью туземцевъ, обращенныхъ въ іудейство) основать независимое государство въ древнемъ Самаѣ. Съ другой стороны черезъ Египетъ проникло въ Абиссинію и христіянство. Оно мало-по-малу вытѣснило древнее язычество (котораго слѣды впрочемъ и теперь еще не вездѣ изгладились) и сдѣлалось преобладающею и почти единственною вѣрою Абиссинцевъ. Имъ окрѣпло царство, существовавшее уже издревле; имъ достигло оно до нѣкоторой значитель-

ности въ исторіи и могло распространить свои завоеванія далеко за предѣлы горной области. Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, вело оно войны вообще довольно успѣшныя съ жителями юго-восточной Аравіи и даже могло на время основать въ ней колоніи и утвердить свою державу посредствомъ прочныхъ завоеваній. Завоеванныя области освободились снова при пробужденіи чисто Аравійскаго начала въ магометанствѣ, и въ послѣдствіи Абиссинія съ трудомъ отстоялась отъ напора магометанъ-побѣдителей; но около седьмаго вѣка она была сильна внутри, грозна сосѣдямъ и извѣстна даже далекимъ государствамъ, искавшимъ ея союза. Христіанство проникло въ Абиссинію въ самыя первыя времена апостольской проповѣди (иначе и быть не могло по безпрестаннымъ сношеніямъ Абиссиніи съ Іудеею); утвердилось же оно, какъ преобладающее вѣроисповѣданіе, въ началѣ четвертаго вѣка; но духъ народа не былъ, вслѣдствіе прежней заклинательной религіи, приготовленъ къ высокому значенію христіанства. Вѣра осталась дѣломъ внѣшнимъ, не проникла въ глубину мысли народной и не развилась богатыми плодами разумѣнія и жизни. Іудейское царство сражалось безпрестанно и не всегда безъ успѣха противъ христіанскаго. Соперники боролись въ Аравіи также какъ и въ самой Абиссиніи. Побѣда оставалась по большей части на сторонѣ христіанъ, но около X-го вѣка внутреннее ослабленіе христіанскаго царства, потрясеннаго торжествомъ магометанъ, вырвавшихъ всю Африку изъ рукъ христіанъ-Византійцевъ, упадокъ религіознаго духа вслѣдствіе несогласія Абиссиніи на Халкидонскій и послѣдующіе соборы и общественные раздоры дали перевѣсъ Іудеямъ. Побѣжденные цари христіанскіе бѣжали въ Шою, въ продолженіи около 400 лѣтъ Іудеи владѣли почти всею горною областью Абиссиніи. Въ послѣдствіи Икопъ-Амлакъ, изъ древняго царскаго рода, побѣдилъ снова своихъ соперниковъ и побѣжденное іудейство исчезло мало-по-малу изъ области, въ которой оно жило въ продолженіи стольких вѣковъ; но народъ, не принявшій вполнѣ духа христіанскаго и далеко оторванный отъ сообщества съ христіан-

скимъ міромъ, стѣсненный мусульманами съ сѣвера и востока, воинственными дикарями съ запада и юга, не достигъ уже и не могъ достигнуть великаго историческаго значенія. Счастливый еще тѣмъ, что отстоялъ свою независимость, онъ ожидаетъ новой жизни отъ сообщества съ великимъ міромъ Европейской образованности для полнаго развитія своего духа, котораго энергія уже доказана такою тяжкою и многовѣковою борьбою.

Мусульманскій міръ: Омміяды и Аббасиды

Міръ магометанскій, оторвавшій Абиссинію отъ общенія съ остальными христіанскими народами, слабѣлъ повидимому со дня на день. Его первое расширеніе было такъ быстро, его побѣды такъ постоянны, что ему, казалось, предопредѣлено было полное торжество надъ христіанствомъ. Слабость государствъ, основанныхъ Германцами, и необъятная сила ислама доказаны были паденіемъ Готовъ почти безъ боя передъ ничтожною залетною дружиною Аравитянъ, удаленныхъ цѣлою ширпною Африканскаго материка отъ своего Аравійскаго центра. Лонгобардская Италія была очевидно также ничтожна какъ и Готская Испанія. Безспорно сильнѣе обѣихъ была держава Франковъ, не смотря на внутренніе раздоры и слабость выродившейся династіи Меровинговъ. Мужество Карла Мартеля и торжество Франковъ надъ Аравитянами на поляхъ Пуатьерскихъ спасли западную Европу; но самое это торжество, стоившее такихъ великихъ усилій и все-таки не вырвавшее всей южной Франціи изъ рукъ мусульманъ, доказывало, какъ мало былъ въ состояніи вещественный Германскій міръ бороться противъ духовнаго могущества ислама. Борьба была возможна только тамъ, гдѣ вся сосредоточенная сила Германскаго Запада встрѣчалась съ отдѣльнымъ и сравнительно ничтожнымъ ополченіемъ Аравитянъ, и указывала на безконечное превосходство Аравіи. Очевидно, Европа и ея будущее величіе были спасены крѣпкимъ отпоромъ Византіи, встрѣтившей всю громаду ислама, весь пламенный натискъ его свѣжихъ, молодыхъ и восторженныхъ силъ. Не способная уже къ завоеваніямъ, Восточная имперія доказала всю несокрушимую крѣпость Эллинскаго просвѣщенія, сплотившагося

въ государственныхъ формахъ, созданныхъ Римомъ; но заслуга Византіи не была никогда признана и до сихъ поръ не признается гордымъ Западомъ, спасеннымъ Византіею и всегда ругавшимся надъ своею спасительницею. Наступило и для ислама время внутренняго разслабленія. Государство въ лицѣ Моавіи восторжествовало надъ общиною духовною. Халифъ утратилъ часть своей первоначальной святости, въ которой заключалась главная опора его случайной власти; правда, что онъ пріобрѣлъ можетъ быть бо́льшую власть государственную и далъ державѣ своей болѣе твердую администрацію, но эти чисто вещественныя пріобрѣтенія не замѣняли утраты духовнаго значенія. Потомки Алія и его рода, представители первоначальной религіозной мысли, были постояннымъ упрекомъ для властолюбивыхъ Омміядовъ, иногда предметомъ жестокаго гоненія, иногда сочувствія, иногда такого глубокаго уваженія, что Омаръ II-й хотѣлъ имъ отдать престолъ, который онъ полагалъ ихъ законнымъ достояніемъ.

Едва ли какая нибудь царская династія можетъ представить лица столь чистыя въ нравственномъ отношеніи, какъ нѣкоторыя изъ первыхъ халифовъ. Такъ напр. этотъ Омаръ, владыка безконечнаго царства отъ береговъ Инда до Атлантики, довольствовался для своего домашняго расхода суммою, которою пренебрегъ бы даже небогатый частный человѣкъ. Все лишнее шло на милостыню. Одна жена была подругою магометанину, которому законъ разрѣшалъ многоженство. Рогожа и подушка, набитая шерстью были единственною роскошью его царской палаты. Отравленный какъ кажется родственниками, онъ отвѣчалъ приближеннымъ, предлагавшимъ ему врачебную помощь: «къ чему мнѣ лѣчиться? развѣ не благъ мой Богъ да пойду къ Нему?» а тѣмъ, которые предлагали ему отыскать отравителей, онъ отвѣчалъ: «я не хочу ихъ знать, чтобы не быть въ необходимости ихъ казнить.» Многіе другіе халифы были подобны этому царственному отшельнику: но самыя ихъ добродѣтели были несовмѣстны съ новымъ государственнымъ значеніемъ халифата.

Распаденіе халифата.

Въ половинѣ VIII-го вѣка династія Омміядовъ пала: на престолъ взошелъ домъ Аббасидовъ, связанныхъ родствомъ съ основателемъ ислама, но не имѣвшихъ никогда такого духовнаго значенія какъ Аліевы потомки. Новая и крѣпкая династія стала покровительствовать художествамъ и просвѣщенію, раздвигать на востокъ предѣлы государства (ибо торжествующія войска Аравійскія доходили до предѣловъ Азіи и рѣшали судьбу Китая) и стѣснять слабѣющую Византію; но всѣ эти побѣды и слава, принадлежность нѣсколькихъ великихъ государей, Альмансура, Гаруна и др., царствовавшихъ другъ за другомъ, не вносили никакого новаго начала жизни въ слабѣющую державу: за непродолжительнымъ блескомъ (отъ половины VIII-го до половины IX-го столѣтія) наступило время упадка. Изъ прежняго дома Халифовъ, перебитаго Аббасидами, спасся молодой Абдеррахманъ, бѣжалъ въ Испанію, и Испанія, оторванная отъ халифата, начала съ половины VIII го столѣтія подъ правленіемъ Омміяда новую государственную жизнь, не скоро побѣжденную всѣми усиліями западной Европы. Около конца того же столѣтія мнимый потомокъ Алія основалъ независимое государство на западной оконечности Африки подъ правительствомъ династіи, принявшей отъ родоначальника своего названіе Эдризидовъ. Въ началѣ IX-го столѣтія, рядомъ съ царствомъ Эдризидовъ Фецпанскихъ возстало въ Кайрванѣ царство свирѣпыхъ и воинственныхъ Аглабитовъ, прославленныхъ завоеваніемъ большей части сѣверной Африки, Сициліи, гдѣ они на долго утвердили власть ислама, Сардиніи и многихъ городовъ южной Италіи и счастливыми набѣгами на окрестности Рима и Неаполя, гдѣ они часто находили союзниковъ въ мелкихъ владѣльцахъ свѣтскихъ и даже въ епископахъ, уже забывшихъ духъ и смыслъ христіанства. Въ концѣ IX-го столѣтія богатый Египетъ былъ вырванъ изъ рукъ Аббасидовъ Тулунидами, потомками Турецкаго раба, завоевавшими также Палестину и часть южной Сиріи. Наконецъ въ началѣ IX-го столѣтія возникла знаменитая династія Фатимидовъ. Къ концу того же столѣтія она уже покорила всѣ западныя области магометанскаго міра кромѣ Испаніи, на-

несла тяжелые удары христіанамъ, нѣсколько оттѣснившимъ Аглабитовъ въ Италіи и Сициліи, покорила Египетъ и часть Сиріи, уничтожила или подчинила своей верховной власти мелкія династіи въ западной Африкѣ и противупоставила древнему халифату и исламизму Приевфратскому новое ученіе, отличавшееся особенною духовностью и таинственностью, и новый халифатъ, соединявшій въ себѣ притязанія религіозныя съ властію государственною. Въ то же время около столицы халифовъ изъ смѣшенія исламизма и христіанства возникали другія ученія, нестройныя и безумныя, но исполненныя страстнаго восторга (таково напр. ученіе дикихъ *Карматовъ*, противъ которыхъ халифатъ едва могъ отстоять свое существованіе) На берегахъ Тигра и въ среднемъ Ираѣ Тагериды властвовали въ IX-мъ вѣкѣ независимо, то признавая то отвергая первенство Аббасидовыхъ потомковъ. Еще далѣе на востокъ къ концу IX-го вѣка Саффариды основали сильное царство, захватившее весь восточной Иранъ, сѣверо-западную окраину Индіи и часть пустынь на востокъ отъ Каспія, нѣкогда населенныхъ Славяно-Бактрійскими Саками и Гетами, но въ то время уже наполненныхъ Тюркскими выходцами изъ средней Азіи. Около Каспійскаго моря и на западъ властвовали независимо мелкія династіи Дилеймитовъ и Гамаданидовъ, Вскорѣ Саффаридовъ выгѣснили просвѣщенные и мудрые Саманиды; въ десятомъ же вѣкѣ Буиды, уничтоживъ или подчинивъ себѣ всѣхъ мелкихъ властителей при Евфратѣ и Тигрѣ, поработили самихъ халифовъ, а въ юго-восточномъ Ираѣ возстала династія Газневидовъ, основанныхъ великимъ Махмудомъ, Родомъ изъ Турокъ, завоевателемъ Индустана и покровителемъ ново-Персидской словесности. Такъ располось все государственное зданіе, воздвигнутое первыми преемниками Мухаммеда.

Процвѣтаніе мусульманскихъ областей; проявленіе въ нихъ мѣстныхъ стихій.

За всѣмъ тѣмъ эта эпоха государственнаго паденія не была еще эпохою паденія для самого ислама. Правда, что, оторвавшаяся отъ Востока, Испаніе могла уже предвидѣть окончательное торжество христіанства; ибо мусульмане, сперва изгнанные Карловингами изъ Франціи, потомъ отодвинутые

ими же отъ Пиренеевъ, были принуждены уступать шагъ за шагомъ новымъ княжествамъ, основаннымъ въ сѣверной горной области воинственными туземцами, смѣсью, составленною изъ Готовъ, Франковъ, полу-Римскихъ потомковъ Римскихъ колонистовъ и изъ остатковъ древнихъ Иверскихъ старожиловъ; правда, что въ южной Италіи Аравитяне уступали мало-по-малу завоеванія, сдѣланныя Аглабитами, временному превосходству Византійцевъ и даже были почти совершенно изгнаны изъ Сициліи въ началѣ IX-го вѣка мужественнымъ Маніякомъ; правда, что великіе Византійскіе полководцы, какъ Іоаннъ Курквасъ, и цари, которыхъ воинственная слава заслуживала бы быть сохраненною въ памяти народовъ не менѣе славы дикихъ Германскихъ завоевателей и ихъ рыцарскихъ потомковъ (какъ напр. Василій, Никифоръ и Цимисхій), нерѣдко проникали далеко за Евфратъ, вытѣсняли Аравитянъ изъ сѣверо-западной Сиріи и обращали князей и эмировъ Сарацинскихъ въ подданство имперіи; но міръ ислама, утративъ свое единство и слѣдовательно внѣшнюю силу, еще далеко не утрачивалъ своей силы внутренней. Испанія цвѣла богатствомъ, роскошью, художествомъ, наукою и блескомъ рыцарской доблести. Сѣверная Африка и Египетъ, разоренные и погруженные въ нищету и темное невѣжество въ эпоху ближайшую къ нашему времени, тогда цвѣли и благоденствовали при великихъ Фатимидахъ. Богатство Сициліи послѣ ея завоеванія Аглабитами напоминало счастливую эпоху Эллинскаго владычества и свободы Сиракузской и Агригентинской. Вездѣ пустыня наполнялась новыми цвѣтущими городами, покрывалась веселыми садами, красилась великолѣпными дворцами и мечетями; умственная жизнь развивалась съ новымъ блескомъ и силою, передавая часть своихъ богатствъ и своего движенія загрубѣлому и мертвому Западу. Еще сильнѣе и плодотворнѣе была внутренняя дѣятельность ислама на Востокѣ. Борьба съ Византіею, въ которой мусульмане послѣ своихъ первыхъ побѣдъ были такъ часто побѣждаемы, внушила имъ почтеніе къ непріятелю, которымъ они долго пренебрегали за его изнѣженность и роскошь. Воспріимчивый духъ Аравитянина понялъ

всю красоту памятниковъ, которыми еще усѣяны были завоеванныя имъ области при берегахъ Нила и Средиземнаго моря; онъ понялъ всю прелесть искусства, всю возвышенность науки; онъ понялъ отчасти даже достоинство христіанства (это замѣтно изъ многихъ писателей магомметанскихъ и изъ разказовъ о халифахъ Фатимидахъ); но къ несчастію онъ не могъ понять всего его величія, скрытаго въ развратѣ и порокахъ христіанъ. Аравитянинъ сдѣлался ученикомъ побѣжденныхъ имъ Византійцевъ: онъ сталъ призывать къ себѣ ученыхъ изъ Восточной имперіи, оказывать почести тѣмъ, которые еще уцѣлѣли въ странахъ уже покоренныхъ имъ, собирать, скупать, списывать и переводить рукописи; онъ сталъ учиться не только у современниковъ, но и у великихъ двигателей древней науки. Имена Платона и Аристотеля сдѣлались для него предметомъ поклоненія разумнаго, но страстнаго почти до суевѣрія, и это поклоненіе спасло много обломковъ древняго просвѣщенія для позднѣйшей науки и лучи Эллинскаго знанія озарили далекій Востокъ, можетъ быть даже тѣ области, въ которыя оно еще не проникало даже во время побѣдъ Македонца. Съ наукою вмѣстѣ воскресло и искусство, но разумъ народовъ Восточныхъ понялъ рабство науки, связанной предѣлами существующаго, и свободу художества, вызывающаго несуществующее къ бытію. Довольствуясь ученіемъ и подражаніемъ въ наукѣ, которой область они не могли или не успѣли расширить, они открыли новые пути въ искусствахъ доступныхъ мусульманину, въ зодчествѣ и поэзіи (ибо ваяніе и живопись были запрещены его закономъ, облачающимъ свою вещественность въ робости, съ которой онъ избѣгаетъ подражанія вещественной природѣ). Прекрасныя произведенія ихъ своеобразнаго и фантастически-затѣйливаго зодчества, отличающагося легкостью очерковъ, разнообразіемъ и богатствомъ подробностей, свидѣтельствуютъ и въ наше время о живомъ развитіи воображенія и художественнаго вкуса, пробужденныхъ въ Аравитянахъ соприкосновеніемъ ихъ съ Византіею и можетъ быть съ остатками древней Персіи и Индустана. Въ одно время съ зодчествомъ расцвѣла и поэзія: ге-

ропческое настроеніе души, религіозный восторгъ и роскошное стремленіе къ художественной красотѣ вылились въ одѣ и эпосѣ, исполненныхъ какой-то юной силы и величія, напоминающаго первые вѣка поэтической Эллады или Индіи. Таково было блистательное развитіе умственное въ мірѣ мусульманскомъ, не смотря на безпрестанныя войны, раздоры, набѣги, на шумъ войны и разгаръ страстей. Еще страшнѣе и неожиданнѣе въ этой боевой тревогѣ поражаютъ человѣка, не изучившаго исторію всего человѣчества, современныя свидѣтельства о процвѣтаніи промышленности, объ изысканной роскоши жизни, объ усовершенствованіи торговыхъ путей, о частыхъ и быстрыхъ сообщеніяхъ между отдаленнѣйшими странами и о смѣлыхъ и предпріимчивыхъ путешественникахъ; но тотъ, кто вникъ въ смыслъ исторіи, не удивляется этимъ явленіямъ, по видимому рѣзко противурѣчащимъ другъ другу. Тамъ, гдѣ живъ духъ, жизнь кипитъ во всѣхъ его проявленіяхъ и во всемъ многообразіи общественнаго организма. Исламъ еще не совершилъ своихъ путей и не обличилъ себя въ безъисходной лжи. Человѣчество еще черпало въ немъ вдохновеніе и надежду: отъ того-то и области его цвѣли богатствомъ вещественнымъ и духовнымъ, не смотря на вѣчную войну, а эти самыя области (Испанія, Персія, Африка, Сицилія и др.) въ наше время въ рукахъ тѣхъ же мусульманъ и христіанъ обратились, не смотря на долгій миръ, въ пустыню для глаза и въ пустыню для души. Безчувственная дремота убійственнѣе меча для народовъ и для человѣчества.

Въ новой жизни, данной міру исламомъ, казалось не было, никакой связи съ прошедшимъ: тѣмъ болѣе замѣчателенъ фактъ, рѣзко выступающій изъ безпристрастнаго изученія магометанскаго просвѣщенія. Первый полетъ Аравійцевъ сломилъ всѣ мѣстныя сопротивленія; первымъ дѣйствіемъ ихъ власти было всеобщее уравненіе и уничтоженіе всѣхъ мѣстныхъ особенностей въ преобладаніи Аравійскаго начала, въ крѣпкомъ единствѣ ислама. Въ скоромъ времени стали освобождаться мѣстныя начала. Великая держава распалась: возникли мелкія государства, проникнутыя ученіемъ Аравіи, но

въ то же время проявляющія въ себѣ особенности прежней мѣстной жизни. Крѣпость и, такъ сказать, не умирающая жизненность исторпческаго и народнаго преданія выказались вполнѣ. Прежнія границы, сглаженныя Римомъ, снова сглаженныя Аравійскимъ завоеваніемъ, выступили снова на свѣтъ и въ этихъ границахъ проявились не требованія физической географіи, но слѣды старины давно прошедшей и въ то время давно забытой. Такъ въ Испаніи, на почвѣ нѣкогда славившейся Римскимъ просвѣщеніемъ, погибшимъ почти безъ слѣда въ Готскомъ нашествіи, просвѣщеніе возникло снова гораздо сильнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ областяхъ Африки, искони упорныхъ въ своей кочевой дикости, между тѣмъ какъ въ тѣхъ же областяхъ торговля и мореплаваніе, нѣкогда процвѣтавшія при Финикійскихъ колоніяхъ, возникли снова не безъ блеска.

Наука не чуждалась и Африканскаго приморья во время Римлянъ и Эллиновъ, но она была только скуднымъ достояніемъ городскихъ жителей и никогда не пускала глубокихъ корней. Впрочемъ во время цвѣтенія ислама даже тузсмные языки, пробужденные истинно-человѣческимъ духомъ Аравіи, возвысились до литературнаго значенія. До насъ дошли остатки письменности Берберовъ или Амазирговъ; эти начала погибли скоро, но и тутъ, какъ почти во всемъ другомъ, видно превосходство Аравитянина передъ Германцемъ.

Такъ въ Египтѣ науки получили большее развитіе, чѣмъ въ остальной Африкѣ и даже чѣмъ въ Испаніи, представляя тотъ же характеръ таинственности и стремленія къ раскрытію вещественныхъ силъ невидимаго міра, которымъ отличались старый Египетъ Фараоновъ, гноза и нео-платонизмъ Эллинской и Эллино-Римской эпохи, и то же стремленіе къ практическимъ приложеніямъ, которое видно въ древнихъ гидравлическихъ работахъ временъ почти доисторическихъ. Почти такой же характеръ замѣтенъ и въ Сиріи. Но во всѣхъ этихъ областяхъ, болѣе или менѣе получившихъ свои первыя умственныя начала отъ Кушитовъ, жила только наука, безъ

сомнѣнія облеченная въ слово, но только какъ въ необходимую оболочку мысли, и эта наука осталась въ состояніи рабства или подчиненности наукѣ древнѣйшей. Нѣсколько болѣе самостоятельности получила только математика и еще болѣе астрономія.

Причина этому явленію довольно ясна, хотя едва была замѣчена до сихъ поръ. Истинною религіею древняго Эллинскаго міра было собственно человѣкопоклоненіе (антрополатрія). При такой религіи человѣкъ и тотъ маленькой шарикъ, на которомъ онъ вертится около солнца, получали слишкомъ великое значеніе, и поднятый къ верху взоръ не хотѣлъ и не могъ понимать тѣхъ безконечныхъ пространствъ, въ которыхъ слишкомъ яснымъ становится ничтожество человѣка и его земли. Олимпъ исключалъ возможность неба и по необходимости ограничивалъ науку, хотя наука давно уже его отвергла. Отъ того-то погибло высокое знаніе о движеніяхъ земли-планеты около неподвижнаго солнца, полученное Пиѳагоромъ отъ жрецовъ Востока, и небознаніе оставалось въ состояніи дѣтства сравнительно не только съ другими науками Эллады, но даже съ астрономіею другихъ менѣе просвѣщенныхъ народовъ; это видно изъ превосходства древнихъ Восточныхъ цикловъ передъ Эллинскимъ. Исламизмъ раздвигалъ предѣлы міра и человѣческаго духа. Небеса становились шире и свободнѣе. Астрономія Аравитянъ могла открыть и открыла себѣ новые пути.

На Востокѣ жизнь явилась сильнѣе и разнообразнѣе. Тамъ была древняя земля Иранская, древнее преданіе живаго слова. И тутъ развилась наука, и развилась богаче, чѣмъ на Западѣ.

Такъ напр. Авицена (Эбнъ-сина), признанный въ позднѣйшее время свѣтиломъ мудрости мусульманской на Западѣ, считался далеко не первымъ изъ пяти ученыхъ, которые посланы были шахомъ Ховарезискимъ вмѣсто дани ко двору великаго Махмуда Газнійскаго.

Но кромѣ науки на Востокѣ проснулось и художество слова, и проснулось именно въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ издревле шло наслѣдственное просвѣщеніе отъ доисторической Бактріи

черезъ эпоху Зендской реформы и Эллино-Бактрійскаго царства до нашествія Аравійскаго. Давно уже исчезли или выселились или перемѣшались съ другими племенами коренные жители восточнаго Ирана, Бактро-Славяне, по кроткій духъ этого племени, любившаго всякое просвѣщеніе, вѣялъ надъ страною, въ которой они жили, и надъ народами, въ которыхъ текла еще ихъ кровь и отзывалась ихъ давно забытая жизнь. При дворѣ Сассанидовъ расцвѣла поэзія, уже не связанная съ Аравійскимъ началомъ, но свободная, самостоятельная, говорящая языкомъ народа. При дворѣ Газневидовъ Фердоуси въ своемъ Шахъ-Наме воскресилъ память о древнемъ героическомъ мірѣ Персіи, и языкъ, изъ котораго онъ выгонялъ сколько возможно примѣсь Аравійскаго слова, сдѣлался въ послѣдствіи языкомъ всей Персіи. Такъ древній міръ отзывался въ просвѣщеніи новаго магометанскаго міра: мѣстныя начала оживали съ силою только тамъ, гдѣ они нѣкогда жили крѣпкою, самобытною жизнію.

Въ другихъ областяхъ или совсѣмъ не было поэзіи, или она оставалась чистымъ отзывомъ завоевательной Аравіи и связанною съ ея языкомъ.

Точно также древній міръ отзывался и въ явленіяхъ государственной исторіи. Испанія отдѣлилась отъ Африки; въ Африкѣ новыя царства охватывались границами весьма близкими къ границамъ старыхъ погибшихъ царствъ. Египетъ получалъ снова свое великое значеніе, Аравія снова впадала въ свое государственное ничтожество. Сирія, бывшая долгое время центромъ халифата, теряла свое случайное первенство и по прежнему обращалась въ черезполосное владѣніе, дробимое между Египтомъ и новыми Заевфратскими государствами. Наконецъ Персія, уничтоженная Аравитянами и стертая съ лица земли, воскресала снова и брала прежнее свое мѣсто между народами Востока. Большая часть новыхъ династій вышли изъ Персидскаго племени; многіе хвалились происхожденіемъ отъ прежней династіи Персидскихъ Сассанидовъ,

которые сами считали себя только продолженіемъ древнихъ Кеанидовъ.

Это видно изъ многихъ свидѣтельствъ и между прочимъ изъ показаній Китайцевъ во время Сассанидовъ, что въ столицѣ Азовъ *(Алань-ми)* царствуетъ государь изъ рода *Као-ву*, очевидно *Кайкавуса* (едва ли не *Камбиза*).

Персія. Газневиды; завоеваніе Индіи мусульманами.

Древній Ирапъ Мидо-Персидскій былъ еще разорванъ на части соперничествомъ болѣе или менѣе ничтожныхъ династій (Дилеймитовъ, Гамаданидовъ, Буидовъ, Саффаридовъ и др.), но онъ стремился снова слиться въ государственное единство и это единство было даже на время возстановлено кроткою, но слишкомъ недолговѣчною династіею Саманидовъ. Многое еще грозпѣйшее должно было пронестись надъ Персіею прежде ея возрожденія.

Внѣшняя завоевательная дѣятельность ислама должна была ослабнуть послѣ распаденія халифата; внутренняя, какъ уже сказано, развивалась съ неожиданнымъ блескомъ, не смотря на смуты и междоусобія; но и внѣшняя была не совсѣмъ убита. Саффариды, а еще болѣе Саманиды распространили власть свою на сѣверо-востокъ за предѣлы древней Персіи и подчинили себѣ многія Турецкія племена. Правда, что въ первые вѣка Аравійской силы еще гораздо далѣе ходили дружины халифовъ (напр. войска Аль-Мансура доходили до столицы Китая); но власть Саманидовъ была положительнѣе и вліяніе ихъ на Турецкое племя сильнѣе.

Свидѣтельство важности державы Саманидовъ и безпрестанныхъ сношеній съ нею народовъ на сѣверо-востокъ, сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Каспія находится уже и въ томъ, что большая часть монетъ, находимыхъ по Волжскому торговому пути и на его крайнихъ предѣлахъ около Казани, Новгорода, на берегахъ Балтійскаго моря, въ Швеціи и Вендскомъ приморьѣ, принадлежатъ Саманидамъ. Есть при нихъ и монеты первыхъ временъ халифата; но изъ того, что монеты Саманидовъ многочисленнѣе всѣхъ другихъ можно заключить,

что главное торговое движеніе по Волгѣ шло отъ востока и отъ Пригиммалайскихъ областей и слѣдовательно должно было усилиться во время усиленія и новой самостоятельности восточнаго Ирана. Впрочемъ смѣшно бы было предположить, что это торговое движеніе началось съ эпохи Аравійскихъ завоеваній. Въ первые вѣка Аравитяне не думали еще о торговлѣ и могли только вступить въ путь, уже издавна проложенный другими народами. Дѣйствительно, Волжскій торговый путь современенъ самому началу историческихъ вѣковъ, но торговля долго производилась размѣномъ, а не монетою, и не могла оставить по себѣ такихъ несомнѣнныхъ памятниковъ, какъ въ послѣдующіе вѣка.

Еще грознѣе и блистательнѣе было поприще недолговѣчной династіи Газневидовъ. Основанная въ пригорьяхъ Гиммалая Махмудомъ, сыномъ Себектегина, Турецкаго наемника въ войскахъ Самапидовъ, она не долго пережила своего основателя; но при немъ она достигла могущества и славы, которыя даютъ ей почетное мѣсто въ исторіи. Рядомъ побѣдъ и подвиговъ военныхъ покорилъ онъ власти своей всѣ области, принадлежавшія Самапидамъ до западныхъ границъ Персіи, отодвинулъ на сѣверо-востокъ Турецкія орды, уже готовившіяся затопить всю юго-западную Азію, и нанесъ окончательный ударъ самобытности сѣвернаго Индустана. Въ началѣ одиннадцатаго столѣтія пала гроза на Индію, въ продолженіи десяти вѣковъ, т. е. со времени Сако-Бактрійскаго нашествія, избѣгшую иноземнаго ига. Страшенъ былъ ударъ ислама, безсильно, но не безславно сопротивленіе Индустанцевъ. Въ продолженіи слишкомъ 20-ти лѣтъ длилася неравная борьба. Слабое племя Индустанскихъ равнинъ собиралось несмѣтными толпами умирать за родину и за святыню своихъ храмовъ: но войско Махмуда было не много чѣмъ малочисленнѣе этихъ нестройныхъ ополченій, привычно къ войнамъ и къ побѣдамъ, составлено изъ народовъ крѣпкихъ духомъ и тѣломъ (какъ напр. Турки и Афганы), исполнено фанатической ревности къ исламизму и страстной ненависти къ идолопоклонству, жадно къ добычѣ и къ славѣ и управляемо желѣзною волею всевластнаго и искуснаго вождя. Побѣда была несомнѣнна. Жестоко

опустошены были всѣ области сѣвернаго Индустана, расхищены всѣ его сокровища, разрушены великолѣпные храмы, перерѣзаны или уведены въ плѣнъ милліоны жителей, и исламизмъ сталъ надолго твердою ногою во всей прекрасной странѣ между Гангомъ и Индомъ. Силы духовныя Индіи были уже истощены. Борьба брахманства и буддаизма, кончившаяся побѣдою брахмановъ, была послѣднимъ усиліемъ внутренней жизни, усиліемъ безплоднымъ и столько же гибельнымъ для религіи побѣдителей, сколько и для побѣжденныхъ. Ни одно новое живое начало не возникло, ни одна держава не могла укрѣпиться на безжизненной землѣ; религія, нѣкогда исполненная глубокихъ взглядовъ на міръ и высокихъ стремленій, дошла до своего крайняго развитія и огрубѣла въ безсмысленныхъ обрядахъ заклинанія у народа, въ безстыдныхъ обманахъ у жрецовъ. Исторія Индіи была кончена: она должна была покориться иноземнымъ началамъ и ждать отъ другихъ народовъ рѣшенія судьбы своей. Газневиды основали въ Индустанѣ царство, которое существовало около двухъ столѣтій; ихъ смѣнила Персидская династія Гуридовъ; за нею послѣдовали династіи Хильджитовъ, Афгановъ и другія; наконецъ Бабериды. Южный Деканъ, прежняя земля Кушитовъ, уже давно подчинившаяся превосходству Иранской стихіи, никогда не входитъ вполнѣ въ составъ великихъ государствъ, основанныхъ Турецкими или Монгольскими завоевателями. Его спасали цѣпи горъ, воинственный духъ жителей, частые раздоры внутри сѣверныхъ державъ и особенно разслабляющее вліяніе климата и нѣги Пригангесской стороны на мусульманскихъ властителей; но ничто не могло спасти его отъ частыхъ набѣговъ отдѣльныхъ дружинъ. Мало-по-малу вторгались съ сѣвера воинственныя племена, укрѣпляясь въ горахъ или на берегахъ морскихъ, подчиняя власти своей окрестныхъ туземцевъ, основывая мелкія царства, губя многое, не создавая ничего. Такова была грустная судьба Индустана въ продолженія осьми вѣковъ. Наконецъ и исламъ утратилъ всѣ силы свои. Христіанскія державы управляютъ судьбами всего міра. Просвѣщенная Англія замѣнила расчетливою властію грубое иго магометанъ. Индустанъ сталъ понесчастнѣе прежняго.

Въ землѣ брахмановъ эра ислама началась съ великаго Газневида: ему повиновалась вся Персія; его столица была чудомъ Востока; кругомъ его цвѣли поэзія, художества и науки: но это царство было послѣднимъ усиліемъ Персо-Аравійскаго міра. Держава, основанная Махмудомъ въ Персіи, распалась уже при дѣтяхъ его. Неизвѣстно, кто первый, онъ ли или сынъ его Массудъ принялъ титулъ султана, столь прославленный въ послѣдствіи: но во всякомъ случаѣ этотъ султанатъ былъ весьма непродолжителенъ.

Есть еще другой титулъ, который встрѣчается въ исторіи Востока и особенно въ исторіи Газневидовъ и заслуживаетъ вниманія. Это титулъ князей горнаго Гарджестана, *Шаръ*. Онъ стоитъ очевидно какъ посредствующее звено между титуломъ *Царь* и титуломъ *Шахъ* и доказываетъ восточное происхожденіе всѣхъ этихъ названій, которыхъ корень по видимому долженъ находиться въ словѣ *зенд. серъ* голова. Трудно рѣшить, не есть ли самое слово *Шейхъ* только дальнѣйшее искаженіе слова *Шахъ*.

Начало Турецкихъ завоеваній. Сельджуки.

При Массудѣ пала гроза на Персію отъ новаго народа, еще не являвшагося до тѣхъ поръ въ исторіи міра, но призваннаго къ великимъ судьбамъ. Исламизмъ торжествовалъ при Аббасидахъ не одною силою меча: онъ торжествовалъ еще болѣе силою слова и проповѣди. Новое ученіе было занесено далеко въ глубь Азіи. Отвергнутое упорнымъ невѣжествомъ Индустанцевъ, не сомнѣвающихся еще въ своемъ произвольномъ синкретизмѣ, и самодовольнымъ философствованіемъ Китая, не потрясеннаго еще силою аналитическихъ вопросовъ, не принятое Монгольскими племенами, къ которымъ уже проникъ сильный ламаизмъ, оно нашло ревностныхъ послѣдователей въ Тюркскихъ вѣтвяхъ Финно-Турецкаго племени. Рожденное въ народѣ кочевомъ и воинственномъ, оно быстро овладѣло душою кочеваго и воинственнаго народа. Турки, пробужденные Аравіею, были призваны принять наслѣдство отъ ослабѣвшихъ Аравитянъ и продолжить жизнь ислама съ меньшимъ блескомъ и достоинствомъ (ибо они всегда оставались чуж-

дыми просвѣщенію, человѣчности и поэтическому восторгу Аравіи), но съ болѣе упорною силою односторонней и желѣзной воли. На востокѣ побѣды Аббасидовъ распространили власть ихъ далеко за предѣлы древняго Ирана: многія Тюркскія семьи платили имъ дань и служили въ ихъ войскахъ; но покоренные вскорѣ сверглн временное иго. Въ областяхъ за Сыръ-Даріею, гдѣ въ V-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. уже было кочевое средоточіе великой державы, охватывавшей большую часть Средней Азіи и сѣверо-восточные берега Чернаго моря, стали возникать новыя царства съ неопредѣленными границами, съ вѣчно измѣняющимся составомъ, по большей части основанныя единственно на случайномъ преобладаніи одного какого-нибудь рода или лица передъ другими, всегда готовыя пасть, но за то и всегда готовыя скопиться въ огромные союзы или рпнуться неудержимымъ потокомъ на страны благодатнаго юга. Въ концѣ X-го вѣка одинъ изъ этихъ полу-вольныхъ, полу-невольныхъ союзовъ достигъ необыкновенной силы и громадныхъ размѣровъ подъ правленіемъ Багракъ-хана (болѣе извѣстнаго подъ именемъ Гаруна) и сына его Илекъ-хана. Ревностные къ исламизму, смѣлые и искусные въ дѣлѣ военномъ, они подчинили власти своей почти всѣ другія племена Тюркскія и даже Монгольскія до самыхъ границъ Китая, спова слабѣющаго подъ державою Сунгъ. Столкновеніе съ Аравійскимъ міромъ, борьба и дружба съ народами просвѣщенными (Китаемъ и Персіею) развивали мало-по-малу въ Средней Азіи бо́льшую способность къ устройству государственному и готовили ту грозу, которая должна была позднѣе обрушиться на всю западную Азію и восточную Европу. Гарунъ, кочевой владыка кочевыхъ племенъ, не былъ уже дикаремъ. Вмѣстѣ съ религіею проникли въ пустыню начала просвѣщенія и если не любви къ наукамъ, которая никогда не была доступна Тюркскимъ семьямъ, то по крайней мѣрѣ нѣкотораго уваженія къ трудамъ человѣческой мысли. Гарунъ распространялъ мечемъ не только власть свою, но и вѣру, или по крайней мѣрѣ преобладаніе народовъ, исповѣдующихъ ее, надъ народами, непринимающими ея; его побѣды были тор-

жествомъ исламизма, дѣйствіемъ силъ, пробужденныхъ Аравійскою мыслію; но въ то же время онѣ обозначили начало эпохи, въ которую ослабѣвшія Персія и Аравія должны были уступить превосходству Тюркскихъ племенъ. Раздоры восточнаго Ирана призвали Илекъ-хана къ завоеваніямъ на югъ. Нѣсколько разъ рѣшалъ онъ властнымъ словомъ или силою дружинъ споры между слабыми преемниками Саманидовъ, Буидовъ и другихъ Персидскихъ династій. Наконецъ онъ двинулъ свои несмѣтныя полчища съ очевиднымъ намѣреніемъ утвердить уже не чужую, а свою собственную власть надъ восточною Персіею. Военное превосходство и душевная сила Турецкаго племени были уже давно доказаны. Турецкія наемники долго правили судьбою халифовъ. Турокъ Тулунъ основалъ династію, временно правившую Египтомъ; другія мелкія династіи въ Персіи также вели свое начало отъ Турецкихъ выходцевъ. Торжество Илекъ-хана казалось несомнѣннымъ: но паденіе Персіи было отсрочено еще на нѣсколько лѣтъ. Представителемъ ея въ то время былъ великій Махмудъ Газневидъ, родомъ Турокъ, также какъ и Илекъ-ханъ, но уже принявшій въ себя всѣ начала и всю духовную жизнь своего новаго отечества. Сотни тысячъ встрѣчались съ сотнями тысячъ въ равнинахъ восточнаго Ирана. Одно войско шло изъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ пустынь, другое изъ знойныхъ равнинъ Индіи и изъ горъ неукротимаго Афганистана. Въ обоихъ сражались воинственные Турки. Вожди ихъ были оба грозные, до тѣхъ поръ непобѣжденные, завоеватели. Махмудъ одолѣлъ; Илекъ-ханъ бѣжалъ за Джигунъ въ свои родныя степи. Персія была спасена, но ненадолго. Едва умеръ Махмудъ, и царство его распалось. Восточное нагорье досталось въ руки новой династіи Персидскихъ Гуридовъ, которые въ послѣдствіи разрушили и царство, основанное Газневидомъ въ Индустанѣ. Главная же часть державы Махмудовой, т. е. всѣ владѣнія его въ Персіи, перешла въ руки новыхъ пришельцевъ. Турокъ-Сельджукидовъ. Сельджукъ, давшій имя свое новому царству, былъ выходецъ съ сѣвера и родомъ едва ли не Монголъ. Его семья искала убѣжища отъ преслѣдованія родовыхъ

непріятелей въ области Турокъ на берегахъ Джигуна и скоро составила отдѣльную дружину или орду. Сельджукъ вступилъ въ службу къ Махмуду и толпы Турецкихъ наемниковъ окружили вождя, отличавшагося мужествомъ и искуствомъ. Послѣ смерти перваго Газневида родъ Сельджуковъ, пользуясь раздорами его сыновей и потомъ удаленіемъ султана Массуда въ Индустанъ, основалъ независимую державу. Массудъ возвратился, но уже слишкомъ поздно. Персія давно уже была покрыта дружинами Тюркскими, служившими во всѣхъ войнахъ и всѣмъ династіямъ. Эти дружины примкнули къ Тогрулю, сыну Сельджукову. Несмѣтное множество новыхъ воиновъ спѣшили изъ-за Джигуна присоединиться къ нимъ на поприщѣ, гдѣ ихъ ожидали власть, слава и особенно корысть. Массудъ былъ побѣжденъ. Побѣдители Сельджукиды покорили всю Персію, часть Сиріи и Малой Азіи, взяли подъ свою опеку дряхлое имя халифовъ, которымъ впрочемъ въ своей простодушной ревности къ исламизму они оказывали гораздо болѣе уваженія, чѣмъ ихъ прежніе покровители Буиды или Гамаданиды, и основали сильную державу, прославленную блистательными именами Тогруля, Альпъ-арслана, Малекъ-шаха и Санджара. Эта первая Турецкая династія отличалась во многихъ отношеніяхъ отъ всѣхъ послѣдующихъ. Предпріимчивая и воинственная какъ позднѣйшіе Оттоманы, она соединяла кротость и какое-то рыцарское благородство съ своими воинскими достоинствами; она покровительствовала наукамъ и искуствамъ; наконецъ она показывала склонность къ просвѣщенію, которой нѣтъ и слѣда въ другихъ Турецкихъ династіяхъ. Это различіе не трудно объяснить. Сельджуки прорвали оплотъ, который сдерживалъ Тюркское племя въ пустыняхъ Заджигускихъ. Неудержимымъ потокомъ устремились орды одна за другою на давно желанныя, но долго недоступныя страны, тѣсня другъ друга, опустошая и губя, осѣдая на завоеванныхъ областяхъ, но не плодотворя ихъ, всегда готовясь къ кочеванію даже послѣ вѣковой осѣдлости, удивляя міръ желѣзною крѣпостью и упорствомъ воли, ужасая его своею жестокостью и отсутствіемъ сочувствія съ другими

племенами. За Турками братья ихъ Узы (безъ сомнѣнія наши Половцы), за ними обломки мѣшанныхъ Уйгурскихъ союзовъ, за ними оторванныя семьи Киданьскихъ Татаръ, и за ними наконецъ Монголы, самое страшное явленіе всемірной исторіи. Всѣ эти позднѣйшіе завоеватели юго-западной Азіи приходили изъ безконечной пустыни, гдѣ кочевали ихъ предки, чуждые всякаго просвѣщенія и государственнаго устройства по своему характеру и образу жизни, всегда равнодушные, а по невольнымъ столкновеніямъ почти всегда враждебные ко всему остальному міру: но Сельджуки или ихъ дружины, открывшіе путь завоеваній, давно уже ворвались въ область, нѣкогда принадлежавшую народу кроткому и просвѣщенному (по крайней мѣрѣ въ смыслѣ бытоваго просвѣщенія). Они жили въ продолженіи осьми или девяти вѣковъ въ родинѣ восточнаго Славяно-Бактрійскаго племени Саковъ, великихъ Гетовъ и Вендовъ; они безъ сомнѣнія приняли въ свой составъ часть древняго народонаселенія, не истребленнаго войною или не выселившагося далѣе на сѣверо-западъ подъ именами Гунновъ или Болгаръ, и вмѣстѣ съ этой примѣсью народной стихіи они приняли часть ея умственной и духовной жизни. Въ послѣдствіи тѣ же самыя семьи, подвигаемыя впередъ нажимомъ другихъ Средне-Азійскихъ племенъ и пользуясь паденіемъ Персидскихъ и Арабскихъ династій, стали твердою ногою въ междурѣчіи Аму- и Сыръ-Дарьи, въ древней колыбели всего восточнаго просвѣщенія. Тутъ снова подверглись они по необходимости тому вліянію древняго міра на новый, который замѣтенъ во всѣхъ явленіяхъ и во всѣхъ подробностяхъ явленій историческихъ; и когда паденіе Саманидовъ открыло путь на юго-западъ, Сельджукиды завоеватели (напр. Альпъ-арсланъ и Малекъ-шахъ) явились не совсѣмъ недостойными преемниками своихъ просвѣщенныхъ предшественниковъ. Это вліяніе восточнаго Ирана не могло быть замѣтнымъ въ другихъ племенахъ, проходившихъ черезъ него съ быстротою потока; но оно всегда отзывалось на всѣхъ его постоянныхъ владѣльцахъ отъ Саффаридовъ и Саманидовъ до потомковъ Тимуръ-аксака, изъ которыхъ вышла династія Баберидовъ, быть можетъ са-

мыхъ просвѣщенныхъ властителей, когда либо сидѣвшихъ на какомъ нибудь престолѣ.

Разумѣется, это просвѣщеніе царскихъ родовъ должно быть судимо только въ сравненіи къ подданнымъ, а не къ общему просвѣщенію человѣческаго рода. Точно также должно замѣтить, что движеніе къ наукамъ въ правителяхъ Тюркскаго племени нисколько не противорѣчитъ общей характеристикѣ Турокъ, всегда враждебныхъ къ просвѣщенію. Государи въ завоеванной землѣ скоро принимаютъ характеръ всей земли и отдѣляются отъ своей правительственной дружины. Такъ Меровинги принадлежатъ болѣе Галло-Римлянамъ, чѣмъ Франкамъ, и дружина Монголо-Турецкая Тимуридовъ сохраняетъ свою родовую дикость, между тѣмъ какъ государи становятся во главѣ просвѣщенія и окружаютъ себя учеными, вышедшими почти безъ исключенія изъ побѣжденнаго Иранскаго племени.

Не долго властвовали и Сельджуки. Съ небольшимъ черезъ столѣтіе послѣ Тогрула, въ половинѣ XII-го вѣка погибла и держава его потомковъ. Побѣжденные новою династіею Хованезмскою и выгнанные изъ всѣхъ своихъ восточныхъ владѣній, они были заключены въ тѣсные предѣлы своихъ западныхъ завоеваній, въ горную середину Малой Азіи, вырванную ими у Византійцевъ во время своего краткаго могущества; но явленіе Сельджуковъ составляетъ важную эпоху во всемірной исторіи. Побѣды ихъ нанесли Византіи ударъ, отъ котораго она никогда уже не могла оправиться, дали народамъ мусульманскимъ твердую опору у самыхъ границъ Европы, въ гористой и почти неприступной области, откуда они могли уничтожать и дѣйствительно уничтожали безчисленныя полчища крестоносцевъ, наконецъ открыли путь всѣмъ другимъ племенамъ западной Азіи и положили предѣлы преобладанію и почти всей исторической дѣятельности народовъ, которыхъ наука назвала весьма произвольно Семитическими, и всего Перско-Аравійскаго міра.

Конечно, послѣ Сельджуковъ еще нѣсколько времени живетъ царство Гуридовъ, изрѣдка проявляется не безъ славы имя Афгановъ

и династія Ховаразмская (едва ли не Персидская по крови) достигаетъ временнаго величія, не уступавшаго ни Сельджукамъ, ни Газневидамъ; но царство Гуридовъ представляетъ только слабый остатокъ умирающей жизни Ирана, Афганы составляютъ незначительный эпизодъ въ исторіи, а Ховаразмійцы, какое бы ни было ихъ происхожденіе, опираются на дружину безъ сомнѣнія Турецкую. Въ позднѣйшее время Персія возстала снова въ силу законовъ историческихъ, о которыхъ уже сказано; но она въ своемъ возрожденіи уже не имѣла дѣятельной энергіи прежнихъ эпохъ, едва могла отстоять свое собственное существованіе и осталась до нашего времени землею полу-Турецкою.

Распространеніе ислама между Хазарами и Болгарами Волжскими.

Сила Мусульманской проповѣди и сродство ученія Аравійскаго съ духомъ племенъ Турецкихъ проявились не въ одной За-каспійской области; Хазары (вѣроятно высшія и правительственныя сословія, которыя были безъ сомнѣнія отдѣленіемъ Финно-Турецкихъ семей) приняли радушно магометанство. Этотъ народъ представляетъ фактъ почти единственный въ исторіи—почти единовременное принятіе трехъ разныхъ вѣрованій: исламизма, еврейства и христіанства.

Эпоху всѣхъ этихъ обращеній опредѣлить нельзя съ достовѣрностью, но можно усмотрѣть изъ случаевъ, упоминаемыхъ лѣтописцами, что введеніе различныхъ религій у Хазаровъ происходило въ эпохи недалекія другъ отъ друга.

Нѣтъ сомнѣнія, что преобладающее вѣроисповѣданіе у Хазаровъ было еврейское. На это сохранились неоспоримыя доказательства не только въ лѣтописяхъ, но и въ перепискѣ Евреевъ Испанскихъ съ іудействующими царями Хазарскими; но точно также мы имѣемъ неоспоримыя свидѣтельства о Хазарахъ-христіанахъ, подтвержденныя и тѣмъ обстоятельствомъ, что императоры Византійскіе вступали въ брачные союзы съ владѣтелями Хазаріи, а при тогдашней строгости религіозныхъ понятій невозможно предполагать брачный союзъ императора съ еврейкою или магометанкою. Быть можетъ, христіанство

введено было къ Хазарамъ изъ остатковъ Греческихъ колоній, завоеванныхъ ими, быть можетъ оно принадлежало болѣе народу побѣжденному или увлеченному въ невольные походы, коренным Бактрійцамъ или Индо-Славянамъ (*Хаза* или *Хазарахъ*), чѣмъ владѣтельному племени Финно-Турецкому; но нѣтъ никакого сомнѣнія изъ вышесказаннаго факта въ томъ, что и царскій домъ и слѣдовательно высшія сословія не вполнѣ оставались чуждыми этому вѣрованію. Магометанство введено было по видимому нѣсколько позднѣе и распространилось не сильно; оно вѣроятно сдѣлалось ученіемъ тѣхъ воинственныхъ отдѣловъ народа, которые, сохранивъ болѣе другихъ кочевой бытъ свой и дикіе нравы пустыни, не были захвачены еще ни ученіемъ Моисея, ни вѣрою христіанскою. Какъ бы то ни было, эти особенности народа Хазарскаго указываютъ въ одно время и на многостихійность его и на нѣкоторую кротость нравовъ и на силу религіозныхъ началъ, вышедшихъ изъ Иранскаго корня.

Меньшій успѣхъ христіанства въ сравненіи съ еврействомъ и магометанствомъ въ землѣ Хазарской объясняется вѣроятно большею видимою многосложностью его и склонностью племенъ Тюркскихъ къ неразвитымъ понятіямъ единобожія, сходнаго съ ихъ древнею вѣрою и преданіемъ.

Еще важнѣе былъ успѣхъ исламизма у другаго народа, который властію, долговѣчнымъ существованіемъ и историческимъ значеніемъ далеко превосходитъ Хазаръ, у Болгаръ Приволжскихъ или великихъ. Въ IX-мъ вѣкѣ приняли они Аравійскихъ проповѣдниковъ и покорились ихъ вдохновенному краснорѣчію. Самый этотъ успѣхъ магометанства доказываетъ (если еще нужны доказательства) Тюркскій составъ народа и соотвѣтствуетъ общему движенію умовъ во всемъ Тюркскомъ племени. Новое ученіе не проникло къ другимъ народамъ или не было ими принято.

Причина такого явленія можетъ заключаться не только въ отвлеченной сущности разныхъ племенъ, или въ правахъ, исторіи и прежк-

ней религіи, которыми они были приготовлены къ такой то или другой новой формѣ религіи, но и въ самихъ проповѣдникахъ, знакомыхъ только съ нѣкоторыми нарѣчіями ближайшихъ народовъ. Такъ напр, Аравитяне были безъ сомнѣнія весьма свѣдущи въ языкѣ Турокъ, составлявшихъ охранную дружину и значительную часть войскъ у халифовъ, и по всей вѣроятности чужды нарѣчіямъ далекихъ Финновъ и мѣшанныхъ Финно-Турецкихъ семей. Такая простая причина служитъ еще лучшимъ объясненіемъ и доказательствомъ историческаго факта, чѣмъ выводъ изъ характеристики народной.

Введеніе исламизма въ Болгарскую землю и записки Аравитянъ объ ней бросаютъ новый свѣтъ на исторію При-волжія. Во первыхъ мы видимъ, что имя Болгаръ или Волгаръ, котораго истинное произношеніе не подлежитъ сомнѣнію по множеству свидѣтельствъ разноязычныхъ (Франкскихъ, Византійскихъ и Русскихъ) не было именемъ властвующаго племени Турецкаго, ибо оно само не умѣло даже сохранить его въ чистотѣ, называя себя то Белирами, то Булярами, то другимъ названіемъ, болѣе или менѣе искаженнымъ. Во-вторыхъ, выводы о славянствѣ той подпочвы, на которую легъ Турко-Уйгурскій наплывъ, основанные, какъ уже сказано, на сличеніи свидѣтельствъ многихъ народовъ (между прочимъ Китайцевъ) подтверждаются вполнѣ собственнымъ сознаніемъ властвующаго племени и Славянскимъ титуломъ царя. Наконецъ торговое движеніе, которое Аравитяне не создали, но уже нашли на Волгѣ, слава складочнаго мѣста Ладоги на сѣверѣ и всѣ разсказы ученыхъ путешественниковъ представляютъ темную эпоху древней Русской земли въ такомъ свѣтѣ, въ которомъ не привыкла ее разсматривать современная намъ ученость.

Напр. свидѣтельство о томъ, что русскій гость, умершій въ Болгаріи, былъ похороненъ по языческому обычаю своей земли и что на его могилѣ поставленъ былъ столбъ съ надписью, явно свидѣтельствуетъ о существованіи письменъ (безспорно не Кирилловскихъ) въ языческой Руси.

Торговое значеніе и процвѣтаніе Великихъ Болгаръ очевидно совпадаетъ съ преданіями Германцевъ о существованіи на

востокѣ (и именно въ той же странѣ, въ которой былъ городъ Болгары) города *Хунабъ*, точно также какъ разсказы о богатой Біарміи подтверждаются остатками нѣкогда процвѣтавшихъ Пермскихъ городовъ, на пепелищѣ которыхъ и теперь еще находятся слѣды промышленности и какой-то роскоши, съ монетами, свидѣтельствующими о сношеніяхъ съ Аравійскими просвѣтителями или завоевателями Каспійскаго приморья. Съ другой стороны приписывать всю эту торговую дѣятельность очевидно нельзя ни Туркамъ, племени кочевому и градоразорительному, которое обращается въ городовое и отчасти торговое населеніе только подъ долговременнымъ вліяніемъ другихъ, болѣе мирныхъ и просвѣщенныхъ племенъ, ни Финнамъ, которые во всѣхъ своихъ видахъ отъ воинственнаго Мадьяра до кроткаго Карела не представляютъ ни малѣйшей склонности къ жизни промысловъ и расчетливыхъ заботъ. Властвующее сословіе у Болгаръ принадлежитъ безспорно племени Тюркскихъ Уйгуровъ: Финны могли бы составлять только труженическую и мирную подпочву, сохранившую всѣ древнія привычки общенія съ югомъ За-каспійскимъ и сѣверомъ При-балтійскимъ; но во-первыхъ, такое предположеніе, допускающее исключеніе изъ общей характеристики народа, носитъ уже въ себѣ признаки невѣроятности, во-вторыхъ оно опровергается всѣми данными, дошедшими до насъ съ разныхъ сторонъ. Оно опровергается славянствомъ Гунновъ, предшественниковъ Болгаръ на Волгѣ, яснымъ показаніемъ самихъ владѣтелей Болгарскихъ, носившихъ Славянскій титулъ и имя владѣтелей Саклабовъ (Славянъ); свидѣтельствомъ Китайцевъ о поочередномъ властвованіи Аланъ-ми (Сарматовъ), Веннаша (Сако-Гетовъ Бактрійскихъ) и Чшесе (Уйгуровъ); наконецъ оно опровергается совершенно всѣми показаніями о Болгарахъ Придунайскихъ въ первое ихъ проявленіе (напр. тѣмъ, что ихъ принимаютъ за Славянъ и убиваютъ въ Баваріи, давно знакомой съ Славянами, что они поселяются въ Италіи и никакихъ слѣдовъ, ни Финскихъ ни Турецкихъ, не оставляютъ, но сливаются немедленно съ мѣстною стихіею, въ которой,

какъ извѣстно, въ то время и очевидно даже искони славянство было весьма сильно).

О безспорной примѣси Финно-Турецкаго начала даже въ раннюю эпоху Болгаріи можно бы было догадаться даже a priori по движенію Уйгурскихъ семей изъ средней Азіи на Приволжіе, но кромѣ априористическаго доказательства мы уже видѣли свидѣтельство Китайцевъ, которое относится ко всѣмъ восточно-Славянскимъ племенамъ и, очевидно, болѣе всего къ позднѣйшимъ переселенцамъ на западъ—Гуннамъ и ихъ потомкамъ Болгарамъ. Слѣдовательно слѣды именъ Тюркскихъ или Финно-Турецкихъ, и слѣды нѣкоторыхъ не Славянскихъ обычаевъ не только могутъ, но и должны проглядывать между явными признаками славянства, тѣмъ болѣе что примѣсь инородческая была особенно сильна или въ высшемъ сословіи или въ дружинѣ, слѣдовательно должна была рѣзко выдвигаться впередъ при всякомъ соприкосновеніи съ другими народами и при всякой исторической дѣятельности. Этимъ не можетъ смущаться просвѣщенная критика, не довольствующаяся однимъ сводомъ Европейскихъ и одновременныхъ лѣтописей.

Волжская Болгарія и Русь.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что принятіе исламизма Болгарами должно было дать народу и сильнѣйшую дѣятельность и большее стремленіе къ завоеваніямъ, особенно при общемъ движеніи Тюркскихъ племенъ на западъ; и дѣйствительно, замѣтны нѣкоторыя попытки Болгаръ на распространеніе области своей (напр. при взятіи Мурома); но эта дѣятельность была остановлена учрежденіемъ новаго государства Славянскаго, призваннаго къ великимъ историческимъ судьбамъ. Учрежденіе этого государства или совокупленіе всѣхъ Славянскихъ семей отъ Балтики до Чернаго моря въ одинъ общественный союзъ подъ именемъ и предводительствомъ князей изъ рода Руссовъ совпадаетъ съ обращеніемъ При волжской Болгаріи къ исламизму. Болгары встрѣтили на западѣ противниковъ, съ которыми долго боролись, но которымъ они должны были окончательно уступить побѣду, и новорожден-

ная Русь удержала въ то время напоръ Тюркскихъ племенъ въ Приволжіи, точно также какъ и послѣ удержала ихъ напоръ съ береговъ Каспія и Чернаго моря (во время Половецкаго нашествія), какъ еще позже она отстоялась отъ другихъ Тюркскихъ семей (во время Татаръ) и какъ наконецъ почти въ наше время уничтожила силу Турокъ дома Османова.

Всѣ эти происшествія, принадлежащія къ ясно-исторической эпохѣ объясняютъ намъ другія происшествія ранней эпохи: именно нашествіе мнимыхъ Скиѳовъ (Финно-Турецкихъ *Сколотовъ*) на землю дѣйствительныхъ Скиѳовъ (Сакъ-Іеѳъ или Сако-Гетовъ), т. е. Славянъ, временное владычество этихъ завоевателей и послѣдовавшее ихъ истребленіе или изгнаніе изъ великой Славянской страны. Точно также объясняется и еще древнѣйшій прорывъ Западно-Иранскихъ Кимвровъ-Іотуновъ съ юга въ область искони Славянскую, и позднѣйшій прорывъ Средне-Иранскихъ Сарматовъ (*Аланъ-Азовъ*, у Китайцевъ *Алань-ми*), помогавшихъ сперва Славянамъ въ изгнаніи Сколотовъ, потомъ первенствовавшихъ въ землѣ Славянской, и наконецъ изгнанныхъ въ свою очередь старожилами и новымъ приливомъ Бактро-Славянскихъ племенъ, Гунновъ Приволжскихъ и Прикавказскихъ Антовъ, Венедовъ и Сѣверянъ, семей удалившихся изъ своей восточной родины передъ напоромъ Тюркскихъ племенъ и передъ грозою далекихъ восточныхъ завоевателей, Тунгузовъ Сянбійцевъ (мнимыхъ *Сабировъ*).

Соперничествомъ Болгаръ съ новою Русью объясняется, иначе необъяснимое, прекращеніе торговыхъ сношеній между прикорьемъ Гиммалайскимъ и Балтійскимъ поморьемъ. Въ одно и то же время возникали въ Болгаріи новая дѣятельность, пробужденная магометанствомъ, а у сосѣднихъ Славянъ новая сила и новое властолюбіе воинственнаго правительства, приводящаго въ единство разрозненныя семьи Придонскихъ, Придѣпровскихъ, Приволжскихъ и Приволховскихъ старожиловъ. Ненавистная вражда замѣнила прежнія торговыя и полудружескія сношенія, наслѣдство древняго міра, часто возмущаемое нашествіями съ востока, но всегда возстановлявшееся

до тѣхъ поръ силою привычекъ и преданія въ народахъ, еще не подчинявшихся произволу и себялюбію государственнаго устройства. Торговля Приволжія съ Персіей, Бухарою и Индіею не перерывалась: она вѣроятно еще усилилась отъ единства религіознаго; между тѣмъ всѣ слѣды этой торговли исчезаютъ въ областяхъ сѣверо-западныхъ, по берегамъ Волхова и Балтики. Очевидно, преграды возникли не на югѣ, а на сѣверѣ Болгаріи, т. е. на чертѣ, гдѣ она встрѣчалась съ Варяжскою Русью. Нельзя предполагать въ началѣ одиннадцатаго столѣтія открытіе какого нибудь новаго пути, перетянувшаго къ себѣ древнюю Поволжскую торговлю. Кіевъ охваченный съ востока Половцами и другими племенами воинственныхъ дикарей, не могъ подорвать Новогородскаго торга; онъ и не представляетъ слѣдовъ значительныхъ сношеній съ областями Закаспійскими. Персія и поморье Палестины точно также не представляли никакихъ новыхъ удобствъ въ концѣ X-го, въ XI-мъ и XII-мъ столѣтіяхъ. Напротивъ того всѣ эти страны, безпрестанно опустошаемыя внутренними и свирѣпыми междоусобіями, опустошаемыя еще болѣе дикимъ своеволіемъ крестоносцевъ, сдѣлались менѣе чѣмъ когда либо доступными мирной торговлѣ. И такъ, очевидно, не внѣшнія, но внутреннія причины прекратили или по крайней мѣрѣ значительно убавили торговыя сношенія Новогородской области съ Востокомъ. Эти причины находятся безъ сомнѣнія въ новомъ и воинственномъ устройствѣ государства и въ естественномъ неразумія властвовавшихъ Варяговъ, учредившихъ пограничныя заставы для временныхъ и худо расчитанныхъ выгодъ. Умъ и расчетъ торговый уступили мѣсто насилію и дикости полувоеннаго государства.

Нѣтъ сомнѣнія, что усиленіе торговли съ Греціею черезъ Кіевъ могло также повредить торговлѣ съ Востокомъ черезъ Болгарію, но оно не могло ни прекратить, ни даже значительно уменьшить ее.

Древняя Славянская подпочва Приволжскаго населенія была уже почти уничтожена многовѣковымъ преобладаніемъ постоянно усиливавшихся Угровъ. Новое вѣроисповѣданіе

(исламизмъ), не чуждое многихъ истинно-человѣческихъ началъ, проникло во всѣ слои общества, возвысило просвѣщеніе, умягчило взаимныя отношенія людей и тѣмъ самымъ окончательно уничтоживъ всѣ видимые признаки племеннаго различія между побѣжденными и побѣдителями, слило ихъ въ одно цѣлое, запечатлѣнное почти исключительно языковымъ и народнымъ характеромъ высшаго Уйгурскаго сословія.

Такова простая причина, почему нашъ Несторъ уже рѣшительно не могъ признать ничего общаго между своею Славянскою родиною и землею Приволжскою. Какой Русскій не книжно ученый угадаетъ свою Славянскую братью въ жителяхъ Ольденбурга—Старграда или Бранденбурга-Бранибора? Племенное начало Славянское держалось долго противъ Германскаго насилія въ сѣверо-восточной Германіи. Этому доказательствомъ служатъ пѣсни и проповѣди Славянскія, еще понятныя въ томъ краю тому лѣтъ сто съ небольшимъ. Нѣмецкое просвѣщеніе въ короткое время уничтожило преграду, сопротивлявшуюся многовѣковому угнетенію дикихъ рыцарей и ихъ потомковъ. Тоже самое должно было происходить и на Приволжіи, ибо магометанство, какъ извѣстно, сливаетъ въ весьма скорое время побѣжденныхъ и побѣдителей, если оно принято и тѣми и другими; а основаніе и сила позднѣйшаго царства Казанскаго доказываетъ, что почва, на которой оно было создано, была уже глубоко проникнута Исламизмомъ. Впрочемъ самое начало Уйгуро-Болгарскаго царства было таково, что между властителями и народомъ не могло быть той жестокой вражды, какая была между Турками-Османліями или Германцами и завоеванными ими народами. Тутъ было прямое насиліе и завоеваніе, а на Приволжіи болѣе было тихаго напыва и медленнаго нагнета чѣмъ военнаго насилія.

Христіанство и мусульманство. Причины временнаго преобладанія послѣдняго.

Такъ послѣ X-го столѣтія стала мало-по-малу исчезать вся историческая дѣятельность міра Аравійскаго: онъ уступилъ мѣсто свое міру народовъ Тюркскихъ, но новые дѣятели всемірной исторіи подчинились вполнѣ духовному закону, полученному ими отъ своихъ великихъ предшественниковъ. Иранское преданіе дома Авраамова, колѣна Измаилитскаго.

измѣненное вліяніемъ христіанства и еврейства, опредѣлило судьбу воинственныхъ ордъ Средне-Азійскихъ.

Еще большія перемѣны происходили на западѣ въ области христіанской; но эти перемѣны были болѣе внутреннія, чѣмъ внѣшнія. Народы дѣйствующіе оставались тѣ же; жизнь ихъ и характеръ дѣятельности измѣнялись.

Христіанство сдѣлалось вѣрою Римскаго міра: но проникнувъ въ совѣсть и сознаніе частныхъ лицъ, очистивъ отчасти и облагородивъ ихъ домашній бытъ, оно не выразилось и не старалось выразиться въ цѣломъ составѣ общества, въ государствѣ. Древнія формы сохранились, не смотря на явную обветшалость и заковали въ жалкое безсиліе новую духовную жизнь. Великая исторія языческаго Рима тяготѣла надъ Римомъ христіанскимъ. Восточная имперія уцѣлѣла, спасенная силою издревле развитаго просвѣщенія и личностей, соединявшихъ въ себѣ наслѣдство Эллинской науки съ духовнымъ просвѣщеніемъ христіанства: но и она должна была клониться къ упадку и погибнуть отъ внутренняго раздора между мыслію и совѣстію всѣхъ частныхъ лицъ со смысломъ и духомъ всего общества. Западная имперія, никогда не имѣвшая самобытной жизни умственной, пала съ обветшаніемъ древнихъ государственныхъ формъ, создавшихъ ее. На развалинахъ ея осѣли завоеватели Германцы, созидая новыя государства, угнетая завоеванныхъ, но въ то же время мало-по-малу смѣшивались съ ними, принимая отъ нихъ начала просвѣщенія и въ смѣшеніи своемъ составляя новые народы для будущей исторіи. Завоеванія народовъ Германскихъ, даже принявшихъ уже христіанство, представляютъ характеръ несравненно болѣе жестокій и безчеловѣчный, чѣмъ завоеванія Аравитянъ и даже Турокъ-магометанъ. Гордая наука Европейская не замѣтила или не смѣла высказать это различіе; но оно несомнѣнно. Великія злодѣянія были конечно совершаемы и завоевателями магометанскими, особенно Турками (ибо Аравитяне гораздо менѣе другихъ подвергаются этому упреку); но эти злодѣянія сопровождали только первый пылъ борьбы или первое опьяненіе побѣды. Съ возстановленіемъ мира они прекращались

и замѣнялись братскимъ отношеніемъ между мусульманиномъ побѣдителемъ и мусульманиномъ побѣжденнымъ. Превосходство народовъ мусульманскихъ, Турокъ и Аравитянъ, передъ Германцами-христіанами объясняется въ эпоху Аравитянъ превосходствомъ самаго племени Аравійскаго передъ племенемъ Германскимъ, въ слѣдствіе очевидно высшаго духовнаго просвѣщенія и лучшаго историческаго воспитанія (ибо Аравитяне не были искони завоевателями, какъ Германцы, почти вездѣ вытѣснявшіе Славянъ или Кельтовъ, а первожилами пустыни и менѣе подверглись развратительному дѣйствію постоянныхъ войнъ и Римскаго владычества); превосходство же всѣхъ мусульманъ передъ христіанами въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они завоевывали землю единовѣрческую, происходитъ отъ разницы самыхъ вѣроисповѣданій и ихъ первоначальнаго проявленія. Христіанство не составляло ни государства, ни общества (въ государственномъ смыслѣ): поэтому христіане воевали и покоряли непріятелей не какъ христіане, но какъ отдѣльные народы, исполненные народнаго эгоизма, и еще болѣе какъ военныя дружины, исполненныя гордой и корыстолюбивой свирѣпости. Исламъ имѣлъ съ самаго начала своего значеніе общественное и государственное, и его побѣды были запечатлѣны кротостію государственнаго разума.

Народъ по своему вещественному значенію не можетъ принимать иновѣрцевъ въ свои нѣдра, дружина по своему началу враждуетъ противъ всего міра. Государство принимаетъ въ число гражданъ и слѣдовательно подъ свой покровъ всякаго, кто признаетъ его законы: а исламъ былъ государствомъ.

Кромѣ этого различія должно признать, что вліяніе магометанства на своихъ послѣдователей было сильнѣе, чѣмъ вліяніе христіанства. Догматическое богатство и всеобъемлющія требованія соборнаго ученія менѣе доступны темному уму народовъ необразованныхъ, чѣмъ простота и односторонность Корана. Слова логическаго вѣроизложенія да пышные обряды, созданные художественнымъ воображеніемъ Эллино-

Римлянина, были повторяемы или перенимаемы тупыми и дикими выходцами Германіи: высокое ученіе, духовныя требованія христіанства нисколько не были имъ извѣстны. Народы магометанскіе (особенно же Аравитяне) были вполнѣ магометанами, выражая собою все добро и всѣ недостатки своего ученія. Народы христіанскіе, особенно же Германцы, были христіанами только по имени.

Должно замѣтить еще, что самое обращеніе Германцевъ изъ язычества было таково, что оно должно было по необходимости оставить дурные и нелегко изгладимые слѣды За исключеніемъ Англо-Саксовъ почти всѣ приняли свою новую вѣру отъ побѣжденныхъ народовъ, входившихъ въ составъ Римскаго государства, и слѣдовательно вліяніе дурныхъ примѣровъ и развратъ полупросвѣщенія должны были проникнуть въ душу завоевателей вмѣстѣ съ религіею. Германцы не были обращены къ христіанству апостоловъ, но соблазнены христіанствомъ развратнаго Рима. Это явно изъ современныхъ и почти невѣроятныхъ свидѣтельствъ о грубомъ невѣжествѣ, духовномъ *унпиженіи* и гнусной жизни большей части духовныхъ людей, сопровождавшихъ походы Франкскихъ и другихъ дружинъ. Англо-Саксы составляютъ исключеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Таковы причины явнаго превосходства первыхъ и отчасти даже позднѣйшихъ мусульманскихъ завоевателей передъ христіанскими. Зло, посѣянное или допущенное въ началѣ, должно было принести свои плоды; вѣка должны были пройти надъ этими новыми народами, прежде чѣмъ могли изгладиться слѣды перваго и такъ сказать незаконнаго допущенія ихъ въ общину христіанскую, которой они нисколько не принадлежали. Эти слѣды не изглажены и до нашего времени. Но разъ допущенное, хотя и не понятое, христіанство должно было также принести свои плоды, и оно принесло ихъ въ постепенномъ развитіи и облагороженіи западнаго Германо-Романскаго міра.

Не христіанствомъ и не его человѣческими началами созданы государства западной Европы: но христіанство присут-

ствовало при ихъ основаніи; оно могло дѣйствовать и дѣйствовало сильнѣе и свободнѣе въ общественномъ отношеніи на новыя державы, еще не принявшія положительныхъ и опредѣленныхъ формъ, чѣмъ на имперію Римскую, уже замаетерѣвшую и окристаллизовавшуюся въ упорныя и непзмѣняемыя формы, созданныя древнею, языческою исторіею.

Впрочемъ это относится только къ общему государственному или общественному строенію, а не къ подробностямъ внутренняго гражданскаго быта, гдѣ духовная жизнь отдѣльныхъ лицъ проявляется въ соприкосновеніи съ обществомъ. Тутъ высшее просвѣщеніе Византійца и Эллино-Римлянина очевидно сохраняетъ свои права, и отношенія владѣльца къ рабу, крѣпостному, арендатору или наемнику въ уцѣлѣвшей половинѣ Римской имперіи безспорно чище и ближе къ христіанству, чѣмъ въ первыхъ царствахъ Германо-Романской области.

Римскій епископъ и Франки

Союзъ Римскаго епископа, признаваемаго, въ силу обычая и правъ данныхъ двумя императорами (слабымъ Граціаномъ и ненавистнымъ Фокою), за главу всѣхъ церквей западной имперіи, далъ племени Франковъ рѣшительный перевѣсъ между всѣми Германскими семьями, завоевавшими западную Европу. Причины этого союза ясны: Римскому епископу необходимо было, какъ для собственныхъ выгодъ, такъ и для поддержанія на западѣ ученія соборнаго, опереться на единственную изъ завоевательныхъ дружинъ, свободную отъ аріанскаго вліянія. Франкамъ было полезно опереться на единственнаго свободнаго представителя Церкви, и пріобрѣсть такимъ образомъ союзниковъ во всемъ духовенствѣ и въ племенахъ Галло-Римскихъ противъ своихъ аріанскихъ соперниковъ, Готовъ или Лонгобардовъ. Самая дружина Франковъ была сильнѣе всѣхъ остальныхъ Германскихъ дружинъ. Болѣе искусная въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ Лонгобарды, болѣе многочисленная и воинственная, чѣмъ Готы, уже полюбившіе роскошь и нѣгу Римской жизни, она превосходила всѣхъ особенно силою своего внутренняго единства, ибо остальныя

были дружинами народными, а Франки были личною дружиною Меровинговъ.

Это различіе доказывается всѣми обстоятельствами исторіи, болѣе же всего тѣмъ, что власть вождя или царя, безпрестанно переходившая насильственно или законно изъ одного рода въ другой у Лонгобардовъ и Готовъ, оставалась всегда неоспоримымъ правомъ рода Франковъ поморскихъ или дома Меровейскаго.

Готы и Лонгобарды были побѣждены; слабые, хотя мужественные и отчасти даже образованные, Бургундцы поглощены разливомъ Франковъ и вошли въ составъ ихъ державы; Германія, родина завоевателей, была ими же завоевана и обращена въ состояніе подвластной области; Славяне югозападные отражены и отодвинуты, не смотря на бодрое сопротивленіе и на блистательныя побѣды. Имя и государственная система Франковъ сдѣлались преобладательными въ западной Европѣ; и новое великое царство возникло на развалинахъ Римскаго міра. Лонгобарды и Готы приняли ученіе, противъ котораго они такъ долго боролись; но Римскій епископъ не измѣнялъ своимъ прежнимъ союзникамъ. Высвободившись мало-по-малу изъ прямой зависимости отъ ослабѣвшей Восточной имперіи и присвоивъ себѣ нѣкоторую государственную самостоятельность посредствомъ временныхъ союзовъ съ Франками и даже Лонгобардами и постояннаго сочувствія Итальянскихъ старожиловъ съ своею древнею столицею, папа никогда не доброхотствовалъ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, Лонгобардамъ. Многіе изъ нихъ еще оставались вѣрными аріанству, многіе приняли ученіе Никейское изъ простаго политическаго расчета; всѣ были отчасти подъ вліяніемъ политики Византійской и Восточнаго ученія, никогда не признававшаго законности папскихъ притязаній на независимость въ дѣлахъ гражданскихъ и на управленіе Церковью въ дѣлахъ духовныхъ. Такіе сосѣди угрожали постоянною опасностью Риму и находились съ нимъ въ постоянной враждѣ. Готы, хотя и принявшіе Никейское исповѣданіе, были слишкомъ слабы, далеки и волнуемы внут-

реппими раздорами для сопротивленія напору Лонгобардовъ. Вступая въ Испанію, они имѣли еще отчасти значеніе народа, ищущаго себѣ осѣдлости, и сохранили общинное устройство. Въ скоромъ времени утратили они всѣ эти остатки народной старины и обратились въ нестройную аристократическую дружину.

Это доказывается отмѣненіемъ старыхъ законныхъ обычаевъ, по которымъ округа или община составляла живое и органическое цѣлое съ правомъ суда надъ своими членами и съ отвѣтственностію за нихъ въ дѣлахъ уголовныхъ.

Но при этой перемѣнѣ они лишались своей прежней силы народной и не пріобрѣтали новой, дружинной силы, ибо не были связаны ни неоспоримымъ единствомъ родоваго дружиноначальника, какъ Франки, ни правильными и вѣрно расчитанными условіями, которыхъ строгая формальность можетъ отчасти замѣнять живой духъ народнаго единства. Наконецъ, по привычкамъ, почерпнутымъ ими во время долгаго странствованія въ областяхъ Римскихъ, они не имѣли ни той строгой аристократической исключительности, которая впослѣдствіи придавала силу Германскимъ и Норманскимъ завоевателямъ въ другихъ странахъ (это доказывается процвѣтаніемъ городовъ, сравнительною свободою подвластнаго народа и излишнею властію духовенства въ дѣлахъ правительственныхъ), ни того постояннаго властолюбія и стремленія къ управленію государствомъ, которое могло бы возвысить частныя лица до сознанія своихъ общественныхъ правъ и до безусловной покорности своимъ общественнымъ обязанностямъ. Готская держава истлѣвала и распадалась. Ударъ внѣшней силы долженъ былъ ее разрушить почти безъ сопротивленія. Этотъ подвигъ былъ совершенъ Аравитянами. Но еще слишкомъ за столѣтіе прежде своего окончательнаго паденія, Готы лишились всякаго историческаго значенія и не могли служить опорою епископу Римскому противъ Лонгобардовъ. Папа оставался постоянно вѣрнымъ союзу своему съ Франками и находилъ въ нихъ постоянно вѣрныхъ защитниковъ.

Вся исторія западной Европы, за исключеніемъ островной области Англо-Саксовъ (или Угло-Саксовъ), заключается въ продолженіе слишкомъ пяти вѣковъ единственно въ постепенномъ измѣненіи двухъ частей, Римскихъ епископовъ и Франковъ, давшемъ смыслъ, направленіе и характеръ всей послѣдующей исторіи Европы и міра; ибо область Вестготовъ Испанскихъ, завоеванная Аравитянами, получила вещественныя силы для будущаго освобожденія и большую часть своего характера отъ напыва изъ свободной и сильной области Франковъ, а Лонгобардская Италія и особенно коренные жители Германіи, завоеванные династіями Франкскими, сохранили навсегда, даже въ своей возвращенной самостоятельности, печать, наложенную на нихъ временнымъ владычествомъ потомковъ Меровея или Карла.

Епископъ Римскій, какъ духовный владыка и единственный неоспоримый преемникъ апостольскаго престола на Западѣ, а еще болѣе какъ пастырь церковнаго стада въ древней міродержавной столицѣ, считался всегда почетнѣйшимъ изъ христіанскихъ епископовъ и вскорѣ былъ облеченъ общимъ признаніемъ въ званіе верховнаго судіи по дѣламъ церковнымъ во всѣхъ западныхъ епархіяхъ. Впрочемъ эта власть была ограничена рѣшеніями соборовъ частныхъ (какъ видно изъ многихъ спорныхъ случаевъ), вполнѣ подчинена рѣшеніямъ великихъ, такъ называемыхъ вселенскихъ, соборовъ, и никогда не касалась до рѣшенія споровъ догматическихъ, или даже обрядныхъ. Это явствуетъ изъ неуваженія къ подписи папы Либерія подъ символомъ Аріанскаго собора, изъ анаѳемы, произнесенной противъ папы Гонорія, изъ долгихъ споровъ о времени пасхи, и даже изъ собственныхъ показаній властолюбивѣйшаго изо всѣхъ папъ, Николая I-го, въ письмѣ его къ Фотію. Постепенное ослабленіе Византіи и политическій разрывъ между Восточною имперіею, уцѣлѣвшею, и Западною, завоеванною Германцами, возвысили значеніе Римскаго престола. Власть его въ дѣлахъ церковныхъ сталовилась болѣе и болѣе неоспоримою, тѣмъ болѣе что онъ служилъ единственнымъ покровителемъ духовенства, угнетеннаго аріа-

нами, и что Меровинги въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ охотно слушались голоса и исполняли приговоръ могущаго союзника, которому они были обязаны многими побѣдами и пріобрѣтеніями. Но за всѣмъ тѣмъ единство ученія догматическаго и память жизненнаго единства церкви удерживали папъ въ постоянной связи и невольной зависимости отъ цѣлой церковной общины и отъ ея духовныхъ представителей на ослабѣвшемъ, но еще просвѣщенномъ и мыслящемъ Востокѣ. Мысль римская не отрывалась отъ опеки эллинскаго міра.

Иное было понятіе эллина, иное римлянина о вѣрѣ и церкви. Для эллина, развившаго человѣческую личность до крайней степени умственнаго совершенства, доступнаго человѣку, лишенному наслѣдства преданія, вѣра была принадлежностью лица и лицо основою церкви. Изъ гармоническаго единства и тождества духовныхъ убѣжденій составлялось всеобщее вѣрованіе церкви, неоспоримое и безошибочное, какъ выраженіе истины переданной богочеловѣкомъ Іисусомъ и постоянно вдыхаемой животворящимъ божественнымъ Духомъ: изъ жизненнаго единства всѣхъ одновѣрующихъ лицъ составлялась внутренняя и внѣшняя жизнь церкви, содержащей полноту земной христіанской общины и отражающей въ себѣ всемірную общину благодатныхъ духовъ. Такимъ образомъ церковь въ глазахъ эллина была явленіемъ міровымъ. Для римлянина, создавшаго самое могущее изо всѣхъ государствъ и науку права, доведенную до возможнѣйшаго совершенства логической послѣдовательности, вѣра была закономъ, а церковь явленіемъ земнымъ, общественнымъ и государственнымъ, подчиненнымъ высшей волѣ невидимаго міра и главы его Христа, но въ тоже время требующимъ единства условнаго и видимыхъ символовъ этого правительственнаго единства. Символъ единства и постоянное выраженіе его законной власти долженъ былъ находиться въ римскомъ епископѣ, какъ пастырѣ всемірной столицы.

Эти притязанія, непризнанныя церковію, ясно выражены еще въ Ш-мъ вѣкѣ въ спорѣ между восточными и западными общинами о

времени Пасхи, а доказательство того, что первенство римскаго епископа основывалось на значеніи города, а не на преемствѣ Петра находится во всѣхъ рѣшеніяхъ соборныхъ, ибо Антіохія считалась наравнѣ съ Римомъ—престоломъ Петра.

Характеръ историческаго развитія западной Европы. Церковь западная въ сравненіи съ восточною.

Древній Римъ налагалъ свою печать на новое Христіанство запада. Гордость прежней власти и прежняго утраченнаго величія была наслѣдствомъ, отъ котораго не могли отказаться ни Римляне позднѣйшей эпохи, ни ихъ духовные пастыри: но кромѣ этой своекорыстной и эгоистической страсти, невольно заражавшей лучшихъ и достойнѣйшихъ владыкъ римскаго престола, должно еще признать другую причину ихъ односторонняго понятія о церкви, менѣе предосудительную въ нравственномъ отношеніи, но еще болѣе гибельную въ своихъ послѣдствіяхъ, ибо она заключалась не въ личныхъ страстяхъ папъ или Римлянъ, или жителей одной Италіи, но въ направленіи всего умственнаго развитія на Западѣ. Эта причина была ни что иное какъ односторонность самаго западнаго просвѣщенія. Оно не было произведеніемъ самобытной дѣятельности туземной мысли, пробужденной къ многосторонним проявленіямъ дѣйствіемъ собственной исторической судьбы или вліяніемъ чуждаго просвѣщенія. Темный западъ еще не созналъ въ себѣ своей собственной мысли: онъ принялъ просвѣщеніе извнѣ, но не какъ живую силу, пробуждающую внутренній духъ человѣка, а какъ готовый плодъ чужой жизни: онъ принялъ его въ самой грубой и внѣшней его формѣ, въ формѣ общественнаго быта и государственнаго закона. Галлы, Иберцы, Британцы и нѣкоторыя германскія семьи силою римскаго меча были заключены въ просвѣщеніе: кромѣ нѣкоторыхъ началъ безполезнаго и общественнаго художества они узнали отъ него и полюбили только выгоды правильнаго гражданскаго быта и логику государственной полиціи, и вся ихъ скудная умственная дѣятельность была заключена въ темномъ стремленіи къ новому развитію права. Эта дѣятельность, убитая въ отношеніи къ жизни государственной и гражданской германскимъ завоеваніемъ, обратилась на единственное еще свободное по-

прище, — церковь, которая сама являлась имъ въ видѣ государства, единственнаго ими сознаннаго проявленія человѣческой мысли.

Это стремленіе ясно не только въ развитіи церкви запада, но и въ ея ересяхъ, пелагіанизмѣ и адопціанизмѣ, которыя одни только и принадлежатъ ей, ибо всѣ прочія заняты ею у востока. Обѣ по своей сущности могли получить характеръ догматико-философскій- (ибо Пелагіанизмъ имѣлъ предметомъ своимъ волю, т. е. самодѣя, тельность духа, и Адопціанизмъ заключалъ въ себѣ вопросы, пробудившіе на востокѣ расколы Несторія и Евтихія), но обѣ приняли на западѣ характеръ чисто-юридическій, отчасти доведенный до смѣшной крайности.

По этому главная задача Западнаго міра, главное его требованіе, выразившееся въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ были построеніе церкви въ государственную форму. Одинакова была важность соборовъ на востокѣ и на западѣ, но значеніе ихъ было различно. На востокѣ они были только выраженіемъ общаго мнѣнія. Рѣшенія ихъ кромѣ частныхъ положеній объ обрядѣ или порядкѣ церковномъ были изложеніемъ общихъ началъ вѣры въ строгой опредѣленности догматической логики или изложеніемъ общихъ преданій. Сознаніе всей общины, принимающей это изложеніе и признающей его полное согласіе съ преданіемъ и вѣрою уже существующею но до тѣхъ поръ неопредѣленною съ логическою ясностію, доставляло Собору всю его силу и неоспоримость для будущихъ вѣковъ. На западѣ тѣ-же соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на западѣ приговоромъ.

Разумѣется это различіе не можетъ быть доказано свидѣтельствами современниковъ, ибо оно было только въ зародышѣ мысли а не въ ясномъ сознаніи; но оно доказывается всѣмъ послѣдующимъ

развитіемъ, всѣми позднѣйшими писателями и всѣмъ богословскимъ міромъ Европы и даже многоученой Германіи, который и до сихъ поръ не можетъ иначе смотрѣть на соборы какъ съ старой Римской или юридической стороны. Отъ этого взгляда и происходили всѣ споры о формальной законности соборовъ и вся жалкая полемика объ ихъ правахъ.

Но случайность соборовъ, ихъ невозможность въ обыкновенное время и постоянная необходимость правленія для Церкви, сознаваемой какъ государственное общество, должны были привести къ убѣжденію въ существованіи власти видимой и всегда присущей для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ видимой и духовной жизни церкви; а престолъ всемірной столицы и верховнаго Апостола казался самымъ естественнымъ хранителемъ этой необходимой власти. Такимъ образомъ самая сущность просвѣщенія, завѣщаннаго Римомъ всѣмъ своимъ западнымъ областямъ, должна была по необходимости обратить церковь въ духовное государство и облечь папъ почти безъ ихъ воли въ то царственное значеніе, котораго они достигли въ десятомъ, одинадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ.

Разумѣется, папы старались ускорить развитіе этого всеобщаго стремленія. Ихъ винить нельзя не только по снисхожденію, но и по справедливости, ибо они должны были раздѣлять всеобщее убѣжденіе и признавать обязанностію своею устроеніе всего міра, согласно съ нимъ. Сопротивленіе кое-какихъ епископовъ, общинъ, или правительствъ было только случайностью, споромъ о предѣлахъ, а не о началѣ власти и должно было уступить болѣе строгому и вѣрному развитію общей западной мысли въ лицѣ папъ.

Освобожденіе отъ Византіи, союзъ съ Франками и другія историческія происшествія (какъ напр: учрежденіе Калифата, обращеніе нѣкоторыхъ сѣверныхъ народовъ проповѣдниками, изъ Рима и великія личности на римскомъ престолѣ) ускорили неизбѣжное возвеличеніе епископовъ римскихъ, но оно было

во всякомъ случаѣ неизбѣжно при разрывѣ запада съ востокомъ. Причины разрыва были внутреннія, происходящія отъ различія умственной жизни и отъ взаимнаго недоброжелательства или презрѣнія между областями римскаго образованія и областями образованія эллинскаго, тѣ самыя, которыя въ прежніе вѣка раздѣлили имперію на двѣ половины. Поводъ къ разрыву данъ былъ Испаніею.

Готы, повинуясь невольно вліянію завоеваннаго иверо-римскаго народа и его духовенства, сохранившихъ нѣкоторые остатки прежняго просвѣщенія, отступили отъ аріанства. Это отступленіе разумѣется было не всеобщее и повлекло за собою раздоры и междоусобія, но торжество осталось за послѣдователями соборнаго ученія. Нестройная аристократія Готовъ, сохранявшая нѣкоторую военную и государственную дѣятельность, покуда еще боролась съ мелкими царствами Свевовъ, Аланова и Ванцаловъ и съ Византійцами, временно завладѣвшими югозападнымъ берегомъ Испаніи, потеряла силу свою и единство стремленій послѣ побѣды, тратя жизнь и природное мужество въ частныхъ междоусобіяхъ или кровавыхъ спорахъ о преемствѣ престола. Духовенство, пользуясь безпечностью аристократіи и ея подозрительною ревностью къ власти царской а еще болѣе рвеніемъ новообращенныхъ послѣдователей вселенскаго ученія, овладѣли всѣми государственными правами, собирая частые соборы, на которые приглашало кого хотѣло, полагая на нихъ рѣшенія о дѣлахъ правительственныхъ, измѣняя законы гражданскіе и установляя новые почти безъ согласія остальныхъ сословій. Государство приняло отчасти характеръ церковной республики. Таково было послѣдствіе западнаго стремленія, выразившагося съ особенною силою въ странѣ далекой отъ міра восточнаго, болѣе другихъ напитанной характеромъ римскимъ и завоеванной дружиною менѣе сильною чѣмъ Франки и менѣе дикою чѣмъ Лонгобарды. Готы повиновались охотно своимъ духовнымъ правителямъ, раздѣляя отчасти мысли завоеваннаго народа и болѣе другихъ Германцевъ уважая въ духовенствѣ высшее просвѣщеніе, съ которымъ сами уже нѣсколько ознакомились во время своего

долгаго странствованія отъ Дуная до гибралтарскаго пролива, когда они въ областяхъ имперіи искали сперва убѣжища отъ мстительнаго меча Славянъ-Гунновъ, а потомъ осѣдлости и привольныхъ жилищъ. Правда, по временамъ церковная власть возставала противъ излишнихъ правъ епископовъ, но почти всегда безуспѣшно, а восторжествовала она только въ послѣднюю эпоху Готскаго царства, когда самое торжество ея сдѣлалось гибельнымъ, породивъ скрытую вражду и наконецъ явную измѣну части духовенства, которой иго Аравитянъ показалось менѣе нестерпимымъ, чѣмъ своевластіе царей.

Это явно изо всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и изъ ожесточенія; съ которымъ духовные лѣтописцы говорятъ о послѣднихъ, готскихъ правителяхъ.

Не отрадно было явленіе этой правительственной власти въ рукахъ духовенства. Преобладаніе идеи государственной, завѣщанной Римомъ, создало стремленіе къ облеченію церкви въ государственныя формы и къ подчиненію всего гражданскаго общества ея верховной власти: но успѣхъ долженъ былъ исказить церковь. Она приняла весь условный и принудительный характеръ государства въ томъ смыслѣ, какъ оно извѣстно было древности и какъ оно отчасти представляется даже до нашихъ дней. Римъ посылалъ христіанъ на костры потому, что они отвергали право верховной власти на опредѣленіе общественной религіи и ея боговъ. Готская Испанія подъ правленіемъ епископовъ должна была опредѣлить казни всѣмъ иновѣрцамъ, ибо они отвергали самое начало церковно-государственной власти. Явилась первая инквизиція, обращенная противъ аріянъ и многочисленныхъ Евреевъ, и эта инквизиція мало уступала въ угнетеніяхъ и жестокости позднѣйшимъ изобрѣтеніямъ доминиканцевъ и папъ.

Таковъ былъ выводъ, сдѣланный Готами изъ римскаго начала, и возстановленіе инквизиціи въ позднѣйшее время и даже вся позднѣйшая исторія Испаніи доказываетъ, какъ упорна жизнь мысли

разъ принятой народомъ и какъ долго она можетъ противиться дѣйствію времени и государственныхъ перемѣнъ. Семи вѣковое иго Аравитянъ тяготѣло надъ Пиренейскимъ полуостровомъ; и едва сокрушилось оно передъ усиліями Фердинанда и Изабеллы, какъ уже воскресла Испанія до аравійской эпохи. Только тѣ ошибки исправляются, которыя сознаны или доведены до своей крайней нелѣпости, только тѣ изглаживаются безъ слѣда, въ которыхъ народъ или человѣкъ принесъ покаяніе.

Но вмѣстѣ съ мечемъ карающей власти поднятъ былъ противъ новѣрцевъ и мечъ слова. Соборы, издавая кровавые законы противъ аріянъ, старались въ тоже время опровергать ихъ ученіе и опредѣлять со всевозможною точностью ученіе признаваемое своею мѣстною церковію. Это стремленіе принесло плоды гибельнѣе самой инквизиціи и ея ужасовъ.

Отъ полупросвѣщеннаго духовенства, почти совершенно не знакомаго съ богатою словесностью восточной церкви, нельзя было ожидать глубокихъ богословскихъ познаній и тонкости въ логическихъ опредѣленіяхъ; отъ духовенства, глубоко зараженнаго развратомъ народа а еще болѣе кровавымъ развратомъ власти, нельзя было ожидать той свѣтлой простоты мысли, которая часто человѣку безграмотному открываетъ смыслъ и истину, недоступные многоученому книжнику: наконецъ отъ людей, живущихъ исключительно внѣшнею жизнію нельзя было ожидать ни яснаго пониманія писаній, опредѣляющихъ внутреннюю сущность духовнаго міра, ни даже строгаго вниманія къ нимъ. Въ отношеніяхъ между проявленіями личности въ Божествѣ рѣшеніе вселенскихъ соборовъ признавало зависимость двухъ лицъ, Сына и Духа, отъ перваго — Отца, опредѣляя отношеніе Сына къ Отцу словомъ *рожденіе*, а Духа словомъ *происхожденіе*.

Разумѣется мы не входимъ въ разборъ философской истины или даже смысла догматовъ: но логическій разборъ соборныхъ опредѣленій и ихъ выраженія необходимы для разумѣнія великихъ историческихъ происшествій, точно также какъ разборъ аріянскаго или несторіянскаго раскола.

Такимъ образомъ опредѣлялось совершенное единство начала въ Божествѣ и, такъ сказать, внутренній образъ Божества, съ другой стороны явленіе божественнаго Духа или его схожденіе въ міръ приписывалось (хотя не соборнымъ рѣшеніемъ, на общимъ признаніемъ) Отцу и Сыну. Не многіе изъ святыхъ Отцевъ говоря о Духѣ Божіемъ, употребили выраженія, которыя въ тѣснѣйшемъ смыслѣ означали происхожденіе Духа отъ Отца и Сына.

Число этихъ церковныхъ писателей весьма ограничено: это доказано до очевидности, ибо большая часть авторитетовъ, приводимыхъ многими западными писателями до нашего времени, созданы безстыдною фальсификаціею текстовъ.

Тѣ, которые признавали по видимому двойственное происхожденіе Духа и, такъ сказать, двуначаліе въ Божествѣ, обращали единственно вниманіе на отношеніе Божества и Духа божественнаго къ міру твореній.

Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно допускали ложное толкованіе, изучивъ только внѣшнія явленія а не внутреннія опредѣленія Божества, признанныя соборами: но и этого доказать нельзя, а значительнѣйшіе явно говорили объ исхожденіи въ міръ (ad extra). Такъ напр. Августинъ, говоря: «procedit a Patre et Filio, principaliter autem a Patre». безспорно употребляетъ выраженіе равносильное выраженію «quoad principium» т. е. происходитъ отъ Отца и Сына, происходитъ же отъ Отца.

Какъ бы то ни было, но въ споръ между духовенствомъ испанскимъ и аріанами, желаніе возвеличить второе лице въ Божествѣ, отвергаемое Готами аріанами, заставило искать всѣхъ возможныхъ доказательствъ единосущности Сына и Отца и воспользоваться слабыми указаніями Отцевъ, говорившихъ о двойственномъ происхожденіи Духа. Грубыя и внѣшнія понятія богослововъ крайняго запада не достаточны были для различенія между внѣшнимъ проявленіемъ и внутрен-

нимъ дѣйствіемъ въ Божествѣ. Крайнее невѣжество того времени, доказанное многими свидѣтельствами, особенно же въ отношеніи къ греческой церковной словесности, усилило ошибку; обстоятельство рѣшительное въ этомъ дѣлѣ было оставлено безъ вниманія, именно то, что ученіе о происхожденіи Духа отъ Отца и Сына было названо богохульствомъ и передано Ѳеодоритомъ въ спорѣ его съ Кирилломъ анаѳемѣ, одобренной и слѣдовательно утвержденной вселенскимъ соборомъ; и это презрѣніе къ рѣшенію соборному не можетъ быть приписано ничему кромѣ незнанія. Духовенство испанское, облеченное въ неслыханныя государственныя права и привыкшее рѣшать судьбу народа, не могло въ своемъ гордомъ самодовольствѣ быть остановлено сомнѣніями о законности своихъ приговоровъ и памятью о зависимости каждой частной мысли (личной или областной) отъ общей мысли всего христіанства. На Толедскомъ соборѣ въ 7-мъ столѣтіи послѣ Р. Х. сдѣлано было извѣстное прибавленіе: *«и отъ Сына»* къ изложенію вѣры или символу никео-константинопольскому. Мало по малу это прибавленіе стало вкрадываться во всѣ общины запада, особенно же южной Галліи. Побѣды Аравитянъ и паденіе царства вестъ-готскаго не остановили распространенія новаго исповѣданія. Ослабленіе восточной имперіи, до половины завоеванной Мусульманами, удаляло воспоминаніе объ ней, возрастающая сила запада въ первую эпоху Карловинговъ, т. е. при дѣдѣ и отцѣ Карла Великаго, увеличивали самоувѣренность и гордость германо-романскихъ областей: наконецъ бѣгство многихъ изъ испанскихъ духовныхъ людей въ южную Галлію, потомъ завоеванія Франковъ въ Испаніи и, такъ сказать, сліяніе двухъ народовъ: франкскаго и гото-романскаго ускорило принятіе символа толедскаго почти во всемъ западѣ. Невольное стремленіе всѣхъ было только выражено Испаніею прежде другихъ: оно должно было отозваться вездѣ, гдѣ лежали тѣ же начала готовыя, хотя еще и не выразившіяся. На всемъ западѣ была также чисто-внѣшняя жизнь, также неспособность оторваться отъ нея и углубиться во внутренній смыслъ философско-догматическихъ

опредѣленій: наконецъ двуначальность запада во всѣхъ отношеніяхъ, важность факта въ мірѣ, созданнымъ случайнымъ условіемъ завоеванія, и преобладающее значеніе данныхъ въ римскомъ правѣ, единственной основѣ всей западной мысли, заставляли невольно переносить туже самую двуначальность земную въ міръ невидимый и признавать происхожденіе жизненнаго сознанія—*Духа* не отъ мысли одной, но отъ первобытной мысли—*Отца* и отъ перваго ея проявленія или факта—*Сына*. Это несознанное стремленіе увлекало всѣхъ.

Италія и самый Римъ имѣли менѣе римскаго характера, чѣмъ западныя области имперіи. Это положеніе, по видимому странное, объясняется довольно просто. Области ближайшія къ сильнымъ центрамъ эллинскаго мышленія находились подъ могущимъ вліяніемъ Греціи. Многостороннее и высшее просвѣщеніе Италіи въ сравненіи съ завоеванными странами Кельта или Иверца скрывали въ ней то одностороннее направленіе, которое должно было возникнуть изъ исключительно-государственнаго характера Рима. Эта односторонность, которая проявлялась рѣзко въ странахъ, получившихъ свое историческое значеніе отъ Римскаго завоеванія, была только въ зародышѣ и робко выступала въ своей родинѣ. Римъ, всегда стремившійся къ самостоятельности въ силу историческихъ воспоминаній и мѣстнаго эгоизма, съ самаго перенесенія столицы въ Византію находился безсознательно подъ опекою греческой мысли. Сѣверная Италія, нѣкогда затмившая самый Римъ въ послѣднее время западныхъ императоровъ, царствовавшихъ въ Равеннѣ, была тѣснѣе связана съ востокомъ, чѣмъ съ западомъ. Когда прибавленіе къ символу было отдано на судъ папѣ, онъ отвергъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что не слѣдуетъ нарушать постановленія собора, запретившаго всякое измѣненіе въ символѣ, вѣроятно же по той причинѣ, что предчувствовалъ и боялся разрыва съ востокомъ. Западныя общины настаивали и грозились отторженіемъ отъ римскаго престола, ибо понятіе о правахъ его были еще шатки. Устрашенный, и можетъ быть отчасти убѣжденный папа допустилъ новое исповѣданіе, но не какъ обязательное. Его преемникъ,

нуждаясь въ греческой помощи, снова готовъ былъ рѣшительно отвергнуть перемѣну въ символѣ и, желая дать востоку явное доказательство своего православія, велѣлъ выставить въ главномъ римскомъ соборѣ никео-константинопольское исповѣданіе въ его неизмѣнной формѣ, но неудержимое стремленіе запада къ самостоятельности духовной должно было принесть свои плоды.

Измѣненный символъ вошелъ въ общее употребленіе на западѣ не въ слѣдствіе соборнаго рѣшенія или торжественнаго признанія, но вслѣдствіе общаго согласія, обратившагося въ обычай и одобреннаго римскимъ епископомъ. Дружескія сношенія и согласія съ востокомъ продолжались по видимому также какъ и прежде. Востокъ, полузадавленный Аравитянами и занятый тогда своимъ собственнымъ вопросомъ о свободѣ обряда или художественнаго выраженія мысли церковной (споромъ объ иконахъ), или не зналъ нововведенія западнаго или не обращалъ на него вниманія. Рѣшеніе седьмаго вселенскаго (2-го никейскаго) собора подало поводъ къ новымъ распрямъ. Сообщенное западнымъ общинамъ и одобренное епископомъ Римскимъ, оно было сначала отвергнуто духовенствомъ и епископами франкскими. Пополнительныя объясненія епископовъ греческихъ устраняли отчасти эти несогласія, но за всѣмъ тѣмъ рѣшеніе никейскаго собора не скоро еще было признано всѣмъ западомъ. Въ этомъ случаѣ какъ и во всѣхъ другихъ выражалось коренное различіе двухъ понятій о церкви. Востокъ греческій отстаивалъ свободу и святость свободнаго художественнаго выраженія въ обрядѣ и былъ правъ. Западъ римскій, обрадованный мыслію о правѣ и положительной пользѣ, видѣлъ въ иконахъ и слѣдовательно въ обрядѣ вообще положеніе законное, содержащее въ себѣ признаніе какой-то заключительной пользы. Онъ отвергалъ такое признаніе и былъ правъ: въ послѣдствіи онъ принялъ приговоръ соборный, но это принятіе было уже признакомъ развивающагося искаженія религіозной мысли Между тѣмъ временное разногласіе, хотя отчасти и умягченное посредничествомъ папъ, усилило давно уже существующій но еще не обнаружившійся раздоръ.

Восточныя общины обращались къ западнымъ съ желаніемъ единенія и согласія, прося ихъ участвовать въ общемъ вопросѣ: но западныя, принимая на себя должность судей, не думали предлагать восточной своей братіи вопросы возникающіе изъ ихъ новой умственной жизни. Важное измѣненіе символа было обще принято и признано безъ всякаго сообщенія съ епископами тѣхъ странъ, отъ которыхъ по собственному сознанію всѣхъ западныхъ писателей, была почерпнута вся наука Христіанскаго міра. Такова была естественная гордость молодаго просвѣщенія, опиравшагося на огромное развитіе вещественныхъ силъ. Папы, не скоро согласившіеся на измѣненіе символа, утвердили наконецъ перемѣну собственною властію своею. По характеру мысли они не могли не соглашаться съ остальнымъ западомъ: но притязаніямъ на первое мѣсто въ церковномъ правленіи они не могли подвергнуть приговора своего суду тѣхъ епископовъ, отъ которыхъ они наименѣе могли ожидать согласія на подчиненность. Такимъ образомъ разрывъ уже былъ дѣйствительно совершенъ, хотя современники и современные лѣтописцы какъ будто еще не подозрѣвали его.

Новая имперія воздвигнута была на западѣ. Новый императорскій вѣнецъ положенъ былъ на голову Карла Великаго. Міръ западный выразилъ свою самостоятельность и свои гордыя притязанія на наслѣдство міродержавнаго Рима. Папа, возрастившій силу Франковъ и призвавшій ихъ въ Италію вѣнчавшій императора, благословившій его всею святынею Христіянства и всѣми воспоминаніями великой древности, признавшій его меченосцемъ христіянскаго міра и главою всѣхъ вѣнчанныхъ главъ, возросъ по необходимости въ глазахъ всего запада. Безъ сомнѣнія замѣтно въ Карлѣ Великомъ желаніе полагать предѣлы папской власти, произносить надъ нею судъ по обычаю императоровъ римскихъ и сохранять самостоятельную свободу епископовъ: послѣ него тоже самое направленіе замѣтно и въ его преемникахъ и въ самыхъ епископахъ, стремившихся къ увеличенію своей власти въ дѣлахъ гражданскихъ и государственныхъ (особенно при мягкодуш-

помъ Людовикѣ) но въ тоже время старавшихся удержать какую-то республиканскую форму церковнаго правленія. Всѣ эти усилія должны были остаться безъ успѣха. Общее мнѣніе, уступки сдѣланныя давно всѣмъ западомъ римскому епископу, историческое значеніе его престола и логическое развитіе мысли германо-римской о Христіанствѣ, должны были доставить папѣ окончательную побѣду и правительственное первенство въ Церкви. Нуженъ былъ только человѣкъ сильный духомъ и счастливый случай, который никогда не измѣняетъ такимъ людямъ, когда они вѣрно служатъ общей мысли. Около половины 9-го вѣка взошелъ на римскій престолъ Николай 1-й, властитель честолюбивый и коварный, но понимавшій всю важность своего историческаго поприща, одаренный смѣлостію, которая не боялась никакой борьбы и умомъ, который могъ преодолѣть всякія препятствія. Римъ уже чувствовалъ свое призваніе и изготовлялъ свои орудія, Собраны были всѣ свидѣтельства о правахъ и преимуществахъ, данныхъ императорами епископамъ древней столицы, всѣ рѣшенія частныхъ и помѣстныхъ или вселенскихъ соборовъ, подтверждающія ихъ притязанія; временному и случайному дано значеніе постояннаго и всеобщаго; исключительному или спорному значеніе несомнѣннаго и правомѣрнаго; наконецъ для пополненія еще недостающихъ основъ и подпоръ будущаго церковно-государственнаго зданія, допущено и составлено множество подлоговъ въ видѣ данныхъ, епископскихъ приговоровъ или императорскихъ постановленій. Иное было сдѣлано въ слѣдствіе темныхъ преданій и слуховъ, иное въ слѣдствіе общаго мнѣнія о правахъ папскихъ, иное въ согласіи съ памятниками подлинными, но дурно понятыми, иное на перекоръ всѣмъ свидѣтельствамъ древнимъ: но все принято съ ровною вѣрою невѣжествомъ тогдашняго вѣка и всеобщимъ желаніемъ утвердить церковь, дать ей независимость и поручить ея духовной охранѣ правду и права человѣческія, нагло попираемыя мѣстными правительствами. Папы и духовенство Италіи, въ которой Греки и восточная церковь утратили всѣ свои владѣнія и силу, допускали и оче-

видно поощряли эту неслышную, но грозную работу церковныхъ правовѣдовъ. Такъ въ числѣ множества другихъ подлоговъ было составлено извѣстное собраніе лже-исидоровыхъ декреталій, управлявшее всею западною Европою въ продолженіи многихъ столѣтій. Предшественники Николая приготовили оружіе, но не смѣли еще пользоваться имъ. Николай I-й не побоялся ни рѣшительной борьбы, ни опаснаго орудія. Развратъ дома Карловинговъ и слабодушіе епископовъ, соглашавшихся на нарушеніе церковныхъ правилъ, дали ему случай напасть на сохранившіеся еще остатки независимости высшаго духовенства въ земляхъ при-рейнскихъ и одержать полную побѣду, утвердившую на всегда папскую власть въ дѣлахъ духовныхъ на всемъ Западѣ, ибо позднѣйшія попытки епископовъ на самостоятельность и на возстановленіе своихъ прежнихъ правъ не заслуживаютъ никакаго вниманія. Это уже слабыя возстанія области покоренной и утратившей начала жизни. Общее мнѣніе, обычай и логическое развитіе всѣхъ церковно-правительственныхъ началъ рѣшили навсегда споръ въ пользу папскаго престола. Упрочивая власть свою на западѣ, Николай I-й хотѣлъ ее распространить и на востокъ. Онъ воспользовался раздорами константинопольской эпархіи, которая одна изо всѣхъ первенствующихъ эпархій не пала еще въ руки Аравитянъ, и незаконнымъ выборомъ Фотія на патріаршій престолъ при жизни законнаго патріарха Игнатія. Торжество и тутъ клонилось на сторону смѣлаго и хитраго папы. Восточные епископы признали судъ его: часть новообращенныхъ славянскихъ земель отошла отъ Константинополя къ Риму; императоры готовы были покориться римскому духовному владыкѣ: но Фотій перенесъ споръ изъ области сомнительныхъ юридическихъ вопросовъ, въ которыхъ ослабѣвшая Византія могла уступить побѣду могущественному Западу, въ область догматовъ, гдѣ никакая уступка не была возможною и все перемѣнилось: западныя нововведенія осуждены, древнее преданіе и выраженія символа удержаны, власть Рима отвергнута, славянскія области возвращены цареградской эпархіи,

самостоятельность и независимость Востока сохранены; разрывъ восточной церкви и папскаго престола обнаруженъ и утвержденъ навсегда, ибо позднѣйшая ссора патріарха Керулларія съ преемниками Николая была уже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ объявленнаго при Фотіѣ разногласія въ опредѣленіи догматовъ. Міръ церкви раздѣлился: духовное единство расторгнуто. Уцѣлѣвшій Востокъ укрѣпился пріобрѣтеніемъ безконечной страны славянской. Западъ, замкнувшійся въ своей отдѣльности, быстро пошелъ путемъ своего неизбѣжнаго развитія.

Всякая отдѣльная община имѣла свой особенный характеръ: всѣ удерживались въ предѣлахъ общаго единства взаимнымъ противодѣйствіемъ и взаимною опекою.

Такъ были устранены начала іудейскія (несторьянство) въ Сиріи, гнозиса (савелліанство) въ Египтѣ, заклинательнаго, кушитства (Донатизмъ) въ Африкѣ и другія. Освободившись отъ противудѣйствія Востока, римское начало Запада должно было придти къ своимъ логическимъ выводамъ въ области догмата и обряда и въ области государственнаго и правительственнаго устроенія. Духовная община церкви исчезла въ государственномъ обществѣ церкви. Народъ — міряне исчезалъ въ правительствѣ—духовенствѣ, а духовенство въ своей постоянной главѣ, въ монархѣ—папѣ: языки народные, мѣстные должны были уступить мѣсто языку государственному, всеобщему латинскому: папа, постоянный правитель въ силу права даннаго ему Божественнымъ основателемъ церкви и источникомъ истины Христомъ, долженъ былъ быть безошибочнымъ хранителемъ истины и догматическаго толкованія ея. Всѣ выводы эти были неизбѣжны. Николай I-й, основатель папства, еще не думалъ о введеніи одного церковнаго языка и о порабощеніи мѣстныхъ церквей: и его первый преемникъ осуждалъ еще исключительныхъ поборниковъ писаній и молитвъ на языкахъ латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ и назвалъ ихъ учениками не Христа а Пилата (въ посланіяхъ къ землямъ славянскимъ): но позднѣйшіе папы поняли необходимость обще-церковнаго слова и дали это значеніе искажен-

ной латыни. Николай, утверждая за папами право суда безспорнаго, еще не признавалъ за ними безошибочности въ дѣлахъ вѣры и говорилъ, что послѣдній мірянинъ въ спорѣ о догматахъ имѣетъ одинаковый голосъ съ первымъ изъ епископовъ (въ письмѣ къ Фотію). Позднѣйшіе папы признали свою непогрѣшимость и весь западъ покорился этому рѣшенію. Наконецъ римскій епископъ долженъ былъ не только освободиться отъ всякой свѣтской власти и отъ утвержденія мірскими правителями, но и отъ всякаго мѣстнаго вліянія. Избраніе папы должно было перейти къ совѣту свободному и отторгнутому отъ всего остальнаго міра. Оно сдѣлалось въ половинѣ XI-го вѣка дѣломъ кардиналовъ и позднѣе еще совершенно независимымъ отъ согласія императоровъ. Всѣ эти измѣненія совершились быстро силою принятыхъ уже началъ и не смотря на развратъ и слабость преемниковъ Николая I-го. Безсознательно и невольно совершилось дѣло, начатое его смѣлымъ духомъ.

Община естественная управляется преданіемъ и инстинктомъ духа въ ней живущаго, всегда оставаясь вѣрною себѣ не смотря на случайныя противурѣчія тѣсно-логическимъ выводамъ. Государство по необходимости управляется своею законною логикою, правитель самовластный подчиняется ей по неволѣ. Такимъ образомъ раціонализмъ или тѣсно-логическій анализъ сдѣлался характеромъ западной церкви, въ противуположность созерцательнаго разумѣнія, сохранившагося на Востокѣ. Понятіе о правомѣрности, перенесенное въ церковь изъ римскаго права развилось и не могло не развиться въ видѣ полезности (утилитаризма). Молитва, обрядъ, таинство, доброе дѣло получили, въ отношеніяхъ человѣка къ Божеству, характеръ заслуги и силы заклинательной, совершенно соотвѣтствующій кушитскому волхвованію.

Всякая мѣстная справедливость въ общемъ государствѣ христіанскомъ должна получить начало и утвержденіе отъ правды общей: папа, какъ глава всей церкви, долженъ былъ изъявить притязанія на судъ надъ государями и въ этомъ притязаніи былъ строгій логическій выводъ. Все это исполнилось;

но такъ какъ основаніе всей мысли римской было односторонее, позднѣйшее противодѣйствіе было неизбѣжно также, какъ и временное торжество.

Раціонализмъ долженъ былъ кончиться отрицаніемъ протестантскимъ, ибо анализъ идетъ путемъ разложенія и отрицанія. Въ своемъ окончательномъ выводѣ протестантство должно перейти въ анализъ чисто-философскій со всѣми его послѣдствіями: въ своемъ религіозномъ періодѣ онъ долженъ былъ сохранить и сохранилъ характеръ правомѣрности или полезности, т. е. кушитскаго заклинанія

Это же называется въ большей части случаевъ Пелагіянствомъ. Его нельзя не замѣтить и въ римскомъ католикѣ и въ его противникѣ протестантѣ, который дѣйствительно принялъ всѣ опредѣленія римскія и остался въ зависимости прямаго отрицанія отъ Рима какъ Буддаизмъ отъ Шиваизма.

Притязаніе на верховный судъ въ дѣлахъ свѣтскихъ должно былъ кончиться борьбою со свѣтскими властями и отрицаніемъ права духовной власти надъ свѣтскою, и эта борьба, начатая императорами германскими, кончена была всѣми государями запада.

Таково было позднѣйшее развитіе римскаго понятія, приложеннаго къ церкви: но въ первое время оно безспорно связало всѣ западныя государства въ одно цѣлое государство или общество христіанское, въ такъ названное Tota Christianitas. Это приложеніе христіанства къ жизни, не смотря на свою односторонность, было ново въ мірѣ и подѣйствовало не безполезно на внутреннее развитіе частныхъ державъ, хотя это дѣйствіе было недостаточно и слабо. Множество новыхъ задачъ было задано человѣчеству: всѣ они не разрѣшены по односторонности первоначальныхъ данныхъ, но стремленіемъ къ разрѣшенію ихъ волновалось и двигалось все человѣчество до нашего времени.

Другая великая власть, двигавшая западъ, власть Франковъ, не заключалась какъ папство въ идеѣ религіозной. По этому Государственная жизнь на

западѣ. Франки и Галлы.

измѣненія ея судьбы не представляютъ на первый взглядъ той строгой, логической послѣдовательности, которая такъ ясна въ исторіи римскаго престола; но и исторія Франковъ была также, какъ и всякая другая исторія, развитіемъ мысли; слѣдовательно и она должна была управляться и управлялась законами логической необходимости, болѣе или менѣе скрытой подъ покровомъ человѣческихъ случайностей.

Франки, завоевавъ Галлію, основали государство на правѣ сильнаго и на понятіи о дружинѣ. Въ этомъ отношеніи они поступили также какъ и всѣ другіе германскіе завоеватели запада (за исключеніемъ Угло-Саксовъ); но дружина франкская отличалась отъ всѣхъ дружинъ тѣмъ, что она была личною дружиною князей поморскихъ (Меровинговъ), а не вольницею или дружиною народною. Это отличіе дало имъ несравненно большую крѣпость и при союзѣ римскаго престола рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми соперниками. Въ составъ ихъ царства вошла кромѣ Галліи западная Германія, за исключеніемъ устьевъ Рейна, вся южная Германія и часть Славянскихъ земель до Адріатическаго моря и значительная часть средней Германіи, Тюрингія (которой имя, происходящее отъ слова *Тверичи* свидѣтельствуетъ о первоначальномъ или, что вѣроятнѣе, о временномъ славянскомъ заселеніи во время гуппо-славянскаго разлива).

Къ слову Тюрингенъ и къ его производству отъ *Тверичей* прилагается тоже правило разумной критики о характерѣ народныхъ или поколѣнныхъ именъ, которое въ имени Англовъ указываетъ на Угличей.

Побѣды личной дружины франкской надъ дружинами народными очень понятны. Остается другой вопросъ: откуда произошла эта отличительная черта Франковъ и почему они составили не народную и личную дружину въ то время, когда всѣ другія семьи германскія представляли характеръ дружинъ народныхъ? Различіе было безспорно дѣломъ случая, ибо оно не имѣло корня въ какой нибудь особенности при-Рейнскихъ

германцевъ (какъ видно изъ сказаній римскихъ); но съ другой стороны возможность этого случая была обусловлена особенными обстоятельствами ихъ жизни. Народная стихія была слабѣе у Франковъ, чѣмъ у многихъ германскихъ племенъ (напр. Готовъ, Лонгобардовъ и др.) потому, что, хотя всѣ ополченія германскія были отчасти сплавами разныхъ народовъ, но почти во всякой дружинѣ преобладалъ какой нибудь народъ, дающій ей имя и характеръ. У Франковъ же большее равенство между составными стихіями допускало большее вліяніе случайнаго преобладанія личности. Такая преобладающая личность явилась въ домѣ князей поморскихъ (Меровинговъ), безспорно отъ ихъ огромнаго обогащенія вслѣдствіе морскихъ разбоевъ (прекращенныхъ только счастливымъ соперничествомъ Саксовъ) и по всей вѣроятности также вслѣдствіе особенной торговой важности самаго Поморья и устьевъ Рейна, всегдашняго и теперешняго перепутья южной и сѣверной торговли.

Этотъ край, древнее наслѣдіе братьевъ и союзниковъ Венетовъ, Славянъ-Менябовъ и Морянъ купцовъ и мореходцевъ, давно уже перешелъ въ руки германцевъ Батавовъ и Франковъ, но нелѣпо бы было думать, что всѣ слѣды прошедшаго могли такъ скоро изгладиться, и что старые торговые пути могли быть такъ скоро забыты. Розысканіе германскаго ученаго о примѣчаніяхъ къ франкскимъ законамъ доказало, какъ долго и ясно сохранилась Кельто-Беолгская стихія въ земляхъ при-Рейнскихъ послѣ четырехъ-вѣковаго порабощенія Римлянамъ и двухъ-вѣковаго подданства Франкамъ. Точно тоже или почти тоже должно было случиться и съ славянскою стихіею, которой долгое сохраненіе доказывается именемъ Вильценбургъ, преданіями мѣстными о Славянскомъ лѣсѣ, о поклоненіи Белъ-Богу и т. д. Въ самыхъ изслѣдованіяхъ объ глоссѣ можно бы указать на многія слова (напр: *боровъ*), которыя принадлежатъ славянскимъ нарѣчіямъ и даже имя *Батавіи* происходитъ отъ чисто-славянскаго корня (*батыть*, отъ чего *батва, батогъ* и т. д.) и означаетъ богатыя пастбища приморскія: но не входя въ подробности, этого намека достаточно, чтобы понять на-

копленія богатствъ у Франковъ-Поморянъ, занявшихъ область торговыхъ Славянъ-Поморскихъ.

Начало дома Меровингскаго неизвѣстно; но миѳическія преданія, которыми онъ окруженъ съ колыбели (преданіе о происхожденіи отъ морскихъ боговъ), также какъ и многія черты позднѣйшія указываютъ по видимому на древнюю славу и какъ будто святость рода. Такимъ образомъ соединены были въ немъ два значенія царскаго и дружиннаго величія (rex e nobilitate, dux ex virtute). Къ этому должно прибавить безпрестанныя сношенія съ міромъ римскимъ, которому Франки были подручниками до своего освобожденія, и привычка къ государственной политикѣ, занятой у Римлянъ, но доведенной бездушными Франками до крайней степени обмана и безстыдной игры словомъ и клятвою (по свидѣтельству всѣхъ современниковъ и по всѣмъ позднѣйшимъ историческимъ событіямъ): при такихъ данныхъ легко могла и должна была составиться въ Поморьи сильная личная дружина, которая въ своемъ единствѣ нашла зародышь будущихъ завоеваній. То Гунны, то Римляне, поочередно призванные какъ покровители и поочередно обманутые, помогали успленію дома Меровингскаго, который мало по малу распространялъ свои завоеванія безъ большой славы, но съ расчетомъ и большою осторожностью. Нужна была одна сильная личность для его возвышенія, и эта личность явилась въ Клодвигѣ. Онъ завоевалъ большую часть Галліи и германское прибережье Рейна. Какъ начальникъ личной, а не народной дружины, онъ большую часть своихъ завоеваній оставилъ въ собственность себѣ и своему роду и слѣд. создалъ первое наслѣдственное царство на западѣ, поставивъ себя несравненно выше и въ совершенную независимость отъ своей дружины.

Многіе приписывали отношенія Меровинговъ къ ихъ дружинѣ и явную подчиненность дружины богатству поземельныхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ Клодвигомъ: это значитъ принять слѣдствіе за причину. Какая народная дружина допустила бы такое огромное обо-

гащеніе своего начальника и его рода? Но безъ сомнѣнія прежняя власть князей поморскихъ, уже и прежде признанная всею ихъ дружиною, усилилась ихъ завоеваніями, обращавшимися въ ихъ собственность.

Клодвигъ раздавалъ свои новыя владѣнія своимъ вѣрнымъ дружинникамъ, но онъ отдавалъ ихъ, какъ свою собственность, на условіяхъ личной службы ему и его роду, а не какъ собственность цѣлаго народа, отдаваемую членамъ дружинъ народныхъ (готской или лонгобардской) на правахъ людей совершенно-свободныхъ. Въ этомъ различіи заключалась цѣлая новая государственная система, которой развитіе составляетъ большую часть западной исторіи. Въ одно время съ Клодвигомъ и даже прежде его въ Галлію врывались другія дружины изъ франкскаго же племени, иныя вольныя, т. е. ополченія народныя съ избранными начальниками, иныя личныя, или принадлежащія наслѣдственнымъ вождямъ (кажется родственникамъ Меровинговъ) или вождямъ, набравшимъ себѣ дружину, а не избранными дружиною. Значительная часть сѣверной Галліи досталась въ руки этимъ случайнымъ союзникамъ Клодвига, но все таки его часть была несравненно значительнѣе, и борьба между независимыми дружинами и его дружиною была невозможна. Владѣльцы свободные, т. е. люди, составлявшіе ополченія народныя, были принуждены примкнуть къ новому, сильному средоточію, сохраняя только нѣкоторую часть изъ своей прежней вольности, напр: право отказываться отъ дальнихъ походовъ, въ которыхъ военные арендаторы королевской земли участвовали почти по неволѣ; но и это отличіе должно было изглаживаться все болѣе и болѣе.

Отъ того-то мы и не находимъ во Франціи ничего похожаго на совершенно свободное владѣніе, которое долго еще существовало въ Германіи и называлось (быть можетъ въ слѣдствіе какого нибудь языческаго мнѣа)—Sonnen-Lehn.

Точно также исчезли и дружины набранныя временными начальниками; отъ нихъ остались слѣды только въ нѣкоторыхъ

преимуществахъ, сохраненныхъ потомками этихъ герцоговъ, сдѣлавшихся богатыми владѣльцами. Дружины родовыя, уже привыкшія къ повиновенію герцогамъ родовымъ, вошли еще легче въ составъ великой дружины, съ которой они бороться не могли. Клодвигу стоило только перерѣзать роды княжескіе (что онъ и сдѣлалъ съ удивительною скоростію и почти комическою безсовѣстностью) и объявить ихъ владѣнія своими, чтобы получить всѣ права законнаго наслѣдника отъ страха или удивленія дикаго войска, которое (какъ извѣстно) цѣнило лукавство и измѣну наровнѣ съ блистательнѣйшимъ мужествомъ. Такова была основа Франкскаго царства въ Галліи; но дальнѣйшее развитіе этого царства зависѣло отъ самой почвы, на которой оно утвердилось.

Галлія еще до римскаго завоеванія не представляла населенія сплошнаго и одностихійнаго. Югъ былъ заселенъ помѣсью Славяно-Лигурскаго народа (какъ видно изъ именъ при-Альпійскихъ мѣстностей и городовъ Аптіумъ, Вендіумъ и др.) съ позднѣйшими пришельцами Кельтами, заселенъ Иверцами (около Пиринеевъ), Славяно-Иверцами (какъ уже показано изъ именъ Белъ-горы, Кологорья и др.), Кельто-Иверцами и сомнительнымъ племенемъ Васковъ (которыхъ языкъ, не смотря на рѣзкія особенности грамматическія, представляетъ корни чисто-Иранскіе, отчасти Славянскіе, отчасти Гаэлическіе съ примѣсью третьей стихіи, вѣроятно Иверской, т. е. Гаэлической уже измѣненной симитическими нарѣчіями). Западъ Галліи (или по крайнѣй мѣрѣ значительная часть его) былъ заселенъ Славянами Венедской вѣтви (которой сродство съ при-Альпійскими Славянами, *Лигурами*, доказано сходствомъ народныхъ именъ Вендовъ, Антовъ и др. и самымъ именемъ главной рѣки *Лигера*, Лигура). Нѣтъ сомнѣнія, что эти Славяне дальняго запада уже отчасти слились съ своими прежними утѣснителями, Кельто-Галлами, и можетъ быть многое приняли отъ нихъ также какъ и сами многое передали имъ изъ своего характера, вѣрованія и можетъ быть языка.

Вліяніе Славянъ на Кельтовъ, несомнѣнное уже a priori, подтверждается особенною святостью западнаго острова, на которомъ жили одинъ только жрицы и который носилъ имя *Сена* или *Зена* (теперешній *Сейнъ*), происходящее по видимому отъ слова *жена*, и святостью растенія *Самолусъ*, очевидно *жимолость*.

Въ самой чисто-Кельтской Галліи были двѣ различныя стихіи: ранняя Кельто-Галльская, въ которой кажется преобладалъ характеръ родоваго класса, и позднѣйшая Кельто-Кимрская переселенцевъ VII-го и VI-го вѣка до Р. Х., въ которой по видимому преобладала религіозная іерархія друидовъ. Къ Кимрской стихіи, разселившейся по всей Галліи, принадлежала значительная часть сѣверныхъ жителей, еще позднѣйшихъ пришельцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Белговъ (святыхъ или чистыхъ) или Брезговъ, прославившихся особеннымъ мужествомъ своимъ. Вообще Галлія, по собственному показанію Римлянъ, оказала имъ менѣе сопротивленія, чѣмъ другія области дикихъ или полу-дикихъ народовъ, вошедшихъ въ составъ имперіи. Ея борьба продолжалась недолго не смотря на многочисленность и даже мужество жителей, ея возмущенія были ничтожны; частыя измѣны въ самое время борьбы разсказаны (хотя очевидно не всѣ) побѣдителемъ-Кесаремъ: изъ всего этого ясно, что въ ней стихіи не слились и находились еще въ междоусобной враждѣ. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что и римское владычество не ровно налегло на побѣжденную страну и что вліяніе побѣдителей не вездѣ было одинаково. Южная Галлія, издавна покоренная и приготовленная къ просвѣщенію уже Греками-Массилійскими, пропиталась вполнѣ римскою образованностью, римскими обычаями, словомъ и бытомъ римскимъ. Слѣды этой полной романизаціи, несокрушимой германскимъ нашествіемъ, опредѣлили всю судьбу края въ продолженіи среднихъ вѣковъ и сохранились до нашего времени. Цѣльнѣе сохранилось Славянское прибережье Атлантическаго Океана, бѣдное и мало заселенное Римлянами и ихъ колоніями. До сихъ поръ, хотя оно утратило языкъ предковъ и слилось по видимому со всею остальною Франціею,

сохранивъ только старое и великое имя Вендовъ, оно еще отличается не только простотою нравовъ, но и особенною твердостью преданія, большою близостью сословій между собою (доказанною во время революціи) и страннымъ соединеніемъ несокрушимаго мужества съ миролюбіемъ (доказаннымъ также во время революціи, ибо главное возмущеніе Вандеи было слѣдствіемъ требованія ея жителей на войну). Арморика, мало принявшая въ себя римскаго владычества, была снова возвращена къ чистотѣ кельтскаго начала новымъ наплывомъ выходцевъ изъ Британіи. Почти тоже случилось, хотя нѣсколько позднѣе, съ при-Пиренейскою Аквитаніею; ибо переселеніе Басковъ или по крайнѣй мѣрѣ ихъ усиленное движеніе на сѣверъ вскорѣ послѣ паденія римскаго владычества и потомъ при началѣ сарацынской власти въ Испаніи не подлежитъ никакому сомнѣнію и дало краю особый характеръ, положивъ отчасти оплотъ противъ франкскаго напора и отдѣливъ во многихъ мѣстахъ села, занятыя Басками, отъ городовъ, куда скрылось и гдѣ спаслось прежнее полу-римское народонаселеніе. Остальная Франція также представляла въ составѣ своемъ и въ отношеніяхъ къ завоевателямъ Франкамъ великое разнообразіе. Часть, первоначально захваченная Бургундцами и въ послѣдствіи слившаяся съ областью Франкскою, нетолько была просвѣщеннѣе остальной Галліи и болѣе пропитана римскимъ началомъ, но сохранила эти особенности даже подъ новымъ игомъ, которое было тяжелѣе и враждебнѣе народу, чѣмъ власть Бургундцевъ, союза, составленнаго изъ Германцевъ-горожанъ при-Рейнскихъ, слѣдов: уже полупросвѣщенныхъ, привыкшихъ къ идеѣ права и къ уздѣ писаннаго закона. Франки, завладѣвъ Бургундскимъ царствомъ, вступили по неволѣ въ тѣ же отношенія къ народу, въ которыхъ были и Бургундцы, или лучше сказать Бургундія примкнула къ дружинѣ меровингской, не потерпѣвъ значительнаго измѣненія въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Отъ того-то въ числѣ историческихъ лицъ, принадлежащихъ къ юго-западной Франціи во время первыхъ Меровинговъ, едвали Галло-Римляне не составляютъ большинства и отличаются

безспорнымъ превосходствомъ личной доблести даже въ дѣлѣ воинскомъ.

Стоитъ только вспомнить Муммола, величайшаго изо всѣхъ современныхъ полководцевъ.

Сѣверная Галлія была покорена полнѣе и совершеннѣе; въ ней менѣе всего сохранилось римскаго начала и народной самостоятельности; средніе же области, особенно тѣ, которыя перехвачены горными цѣпями, подпали франкской власти не вдругъ. Многія округи, напр: въ Оверни и въ странахъ при-Луарскихъ примкнули къ Меровингамъ сперва какъ союзники (хотя разумѣется и невольные), потомъ какъ данники, были часто опустошаемы и грабимы и наконецъ захвачены въ общую массу Меровингскаго королевства безпрестанными набѣгами королевской дружины скорѣе чѣмъ правильнымъ и сплошнымъ завоеваніемъ. Дружина была разносоставная, ибо въ нее вошло множество выходцевъ изъ разныхъ германскихъ племенъ, и сверхъ того множество Галло-Римлянъ, особенно въ первое столѣтіе Меровингской династіи: народъ не представлялъ никакого единства ни въ обычаяхъ, ни въ правахъ, ни въ языкѣ: во Франціи не могло возникнуть ничего цѣльнаго и органическаго. Она была страною чистыхъ отвлеченностей народа покореннаго вообще, т. е. безъ народнаго единства и завоевательной дружины вообще, т. е. людей не связанныхъ между собою ничѣмъ кромѣ дружинныхъ условій подъ зависимостью отъ одного рода дружинопачальниковъ. Тутъ уже была готовая система совершенно условнаго государства. Ей оставалось только развиться во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ: и она развилась сперва въ формѣ аллодіальной, потомъ въ феодальности, неизбѣжномъ послѣдствіи аллодіальности при наслѣдственности дружинопачальника.

Клодвикъ послѣ завоеванія Галліи (или по крайней мѣрѣ большей части ея) принялъ новое значеніе. Онъ получилъ отъ императоровъ восточныхъ званіе патриція, званіе по себѣ ничего не значащее, но почетное и лестное для герман-

скихъ дикарей. Византія, слишкомъ высоко цѣнившая свои силы и надѣясь со временемъ возвратить себѣ Галлію (какъ она дѣйствительно на нѣсколько лѣтъ покорила Африку и берега Испаніи), хотѣла можетъ быть сохранить тѣнь власти на западѣ и напоминать о себѣ народамъ нѣкогда принадлежавшимъ къ имперіи; быть можетъ она надѣялась въ Франкахъ найти союзниковъ противъ ближайшихъ Готовъ; во всякомъ случаѣ ей не должно было отказать Клодвигу въ притожной почести. Клодвигъ принялъ эту почесть съ величайшею радостью; онъ ее принялъ какъ званіе царское: онъ вѣнчался на патриціатъ. Желаніе Меровинга и его радость не должно приписывать единственно политическому расчету: въ нихъ явны слѣды прежнихъ, еще не забытыхъ отношеній Рима къ Германцамъ, прежнихъ побѣдъ и прежняго подданства. Германецъ благоговѣлъ передъ имперіею даже тогда, когда разрушалъ ее и одѣвался съ дѣтскою гордостью въ римскіе чины, какъ будто облекаясь въ историческую святыню.

Такъ точно вестъ-готскіе цари называли себя *флавіями* и независимые цари дикихъ ордъ средней Азіи выпрашивали отъ китайскаго двора царскіе или княжескіе титулы въ то время, когда готовились разгромить или завоевать Китай. О такихъ мелкихъ побужденіяхъ не должно бы было и говорить, еслибы въ нихъ не было, кромѣ явнаго свидѣтельства о вліяніи Рима на душу побѣдителей его, и объясненіе многихъ фактовъ позднѣйшей исторіи. За всѣмъ тѣмъ, понимая дѣтскую сторону въ мысли Клодвига, критика историческая не можетъ не допустить, что въ немъ было сознаніе, хоть неясное, хоть инстинктивное новаго значенія, которое онъ пріобрѣталъ черезъ патриціатъ и, такъ сказать, черезъ свое усыновленіе имперіей. Дѣйствительно Клодвигъ дѣлался въ глазахъ народа законнымъ преемникомъ прежнихъ правъ государства и какъ будто продолжителемъ римской эпохи; ему принадлежала новая сила, независимая отъ силы воинственной дружины, ему освоивались мысли чуждые его германскому происхожденію и быту: но силой этой не скоро съумѣлъ воспользоваться король Франковъ и мысль эта не скоро могла развиться въ его головѣ и въ его государствѣ.

Главнымъ представителемъ народа или по крайней мѣрѣ общества римскаго было духовенство: тоже духовенство было и главнымъ орудіемъ торжества Франковъ надъ ихъ аріанскими соперниками. Клодвигъ принялъ все духовенство въ свою дружину, сдѣлавъ епископовъ своими людьми (Левдами). Точно также поступилъ онъ и съ высшими родами въ городахъ и съ родовыми начальниками сельскихъ округовъ, когда они добровольно покорялись ему: такова причина почему первая эпоха Меровингской власти представляетъ намъ много римскихъ именъ: но многіе потомки Галло-Римлянъ, будучи разъ приняты въ германскую дружину, скоро примкнули къ ней всею душею своей и оторвались отъ угнетеннаго народа: духовенство по своему обыкновенному свойству, по своей всегдашней связи съ остальнымъ христіанствомъ по зависимости отъ римскаго епископа, по своему римскому просвѣщенію и по избранію изъ народной среды, составило въ самой дружинѣ стихію новую, государственную и отчасти народную. Въ позднѣйшее время, когда епископства стали домогаться потомки Германцевъ завоевателей, они по неволѣ подчинились общему характеру сословія и хотя внесли въ него нѣкоторое искаженіе, но придали ему также новую силу. Народъ въ Галліи былъ слабъ и почти ничтоженъ; онъ пострадался въ законномъ угнетеніи. Такова была его судьба почти во всей римской имперіи; но такова она была по преимуществу въ Галліи, что доказывается частыми и жестокими возмущеніями Багодовъ передъ германскимъ завоеваніемъ. Населеніе страны было весьма рѣдко: города опустѣли; многіе исчезли безъ слѣда, поглощенные въ новыхъ и безконечныхъ лѣсахъ: поля обратились въ лѣсныя пустыни: таковы были явленія государственной ветхости Рима, ибо имперія пала не отъ ничтожнаго напора Германцевъ, всегда побѣждаемыхъ, но отъ собственнаго гніенія. Даже самое опустѣніе областей, приписываемое обыкновенно безпорядкамъ и неразумности финансовой системы, было только послѣдствіемъ общей безжизненности.

Это видно изъ исторіи сѣверной Африки, Персіи, Италіи, Испаніи и особенно Сициліи, опустѣвшихъ безъ войнъ и внѣшнихъ страданій; это же видно и изъ современнаго намъ вымиранія дикихъ племенъ въ Полинезіи. Таковъ законъ, связующій жизнь физическую народовъ съ ихъ жизнію духовною. Финансовая система римская была особенно гибельна потому, что она не хотѣла признавать опустѣнія областей и согласоваться съ нимъ. Она усиливала бѣдствіе, но не была его первоначальною причиною.

При такой слабости народной стихіи ея вліяніе должно было долго оставаться ничтожнымъ; но оно жило, оно дѣйствовало сохраненное духовенствомъ, готовя будущую жизнь и будущую исторію, готовя борьбу въ обществѣ и внося борьбу въ самое сердце королей французскихъ. По видимому вся страна принадлежала одной и той же религіи—христіанству; но христіанство въ своемъ совершенствѣ никогда еще не было религіею никакого народа: оно принимаетъ характеръ той области или того племени, которыми оно усвоено, и Галло-Франкская область заключала въ себѣ два жизненныя начала, двѣ религіи. Одна изъ нихъ, религія дружины, соединяла съ христіанствомъ безусловную вѣру въ право силы какъ дара Божіяго, въ безграничную свободу личности (ограниченную только отношеніями владѣнія), въ законы личнаго мщенія и личности и въ святость кровнаго превосходства; но безуміе этой вѣры было отчасти смягчено темными понятіями о законахъ правды внутренней и родоваго обычая. Другая религія, народа и духовенства, представляющаго съ сознаніемъ неясные инстинкты народа, принимала себѣ наслѣдство Рима, т. е. законъ правды внѣшней, полное порабощеніе личности волѣ общества, т. е. его большинства, равенство передъ обязанностью и святость формы. Таковы были два вѣрованія, раздѣлявшія съ самаго начала весь составъ Меровингской Франціи: онѣ принадлежали отчасти всему западу, но нигдѣ не были такъ рѣзко опредѣлены какъ въ ней и только отъ сношеній съ нею получили свою опредѣленность въ другихъ странахъ. Эти вѣрованія не имѣли наукообразной формы; они

были только живыми зародышами, которыхъ развитіе предоставлялось исторіи. Каждое отдѣльное лице принадлежало отчасти къ обѣимъ религіямъ; король же, какъ глава всего общества, представлялъ въ себѣ самое полное ихъ сочетаніе. Религія дружины завоевательной была яснѣе, опредѣленнѣе и по видимому ближе къ торжеству; но тайная религія народа была разумнѣе, болѣе вѣрна логикѣ человѣческаго мышленія, логикѣ условнаго государства и логикѣ римскаго просвѣщенія, которое было единственнымъ началомъ просвѣщенія на западѣ: она должна была окончательно овладѣть исторіею.

Франки, въ изображеніи оставленномъ намъ всѣми современниками, представляются самымъ развратнымъ и, можно сказать, глупымъ народомъ, людьми, въ которыхъ трудно найти какую нибудь добродѣтель за исключеніемъ гостепріимства, въ которыхъ свирѣпость была доведена до крайности и которымъ клятвопреступленіе казалось наслажденіемъ и почти закономъ. Таковы были на нихъ слѣды римскаго вѣковаго ига и вѣковаго наемничества на римской службѣ. Родъ князей Поморскимъ (Меровинговъ) былъ достойнымъ представителемъ своего народа и своей дружины. Едвали какая нибудь исторія равняется ужасами и особенно гнусностью съ ихъ исторіею. Христіанство долго не могло ни смягчить, ни облагородить ихъ дикаго права: они оставались равнодушными къ нему точно также какъ были по видимому равнодушными къ своимъ германскимъ богамъ: за всѣмъ тѣмъ духовенство и римскій престолъ ласкали этихъ развратныхъ дикарей, своихъ защитниковъ противъ аріанства другихъ племенъ германскихъ. Въ особенности же ласкали они королей, которые охраняли права церкви, права духовенства и отчасти можетъ быть права народа отъ беззаконныхъ и наглыхъ утѣсненій не только другихъ народовъ, но и своей собственной дружины; братоубійцевъ, сыноубійцевъ, кровосмѣсителей, клятвопреступниковъ, явныхъ и нераскаянныхъ нарушителей всякаго церковнаго постановленія, всякаго нравственнаго или духовнаго закона, величали духовенство и римскіе епископы своими защитниками, своими покровителями, своими любимыми чадами, своими стар-

шими сыновьями, боголюбивыми и благодатными королями, надеждою и радостью церкви. Таковы были ласкательства, расточаемыя самому Клодвигу, клотару, Хильперику и даже Фредегондѣ. Союзники не измѣняли другъ другу и царство Франкское и власть римская шире и шире раскидывались на западѣ. Первые цари были заняты безперерывными борьбами съ сосѣдями, безперерывными междоусобіями, безперерывнымъ подвигомъ военнымъ: они болѣе принадлежали своей воинственной дружинѣ, чѣмъ государству; но внѣшніе непріятели удалялись все болѣе или по крайнѣй мѣрѣ менѣе вызывали Франковъ на бой своимъ напоромъ. Вестъ-Готы, слабѣющіе мало по малу въ своей за-Пиринейской области, не думали о возвратѣ земель, утраченныхъ ими въ Галліи; Лонгобарды, побѣжденные всякій разъ какъ переходили альпійскую преграду и всегда счастливые противъ франкскаго нашествія, жили съ своими сосѣдями въ отношеніяхъ почти мирныхъ, помышляя только о завоеваніяхъ противъ Византіи и полусвободнаго Рима; Саксы перебросили большую часть своихъ силъ въ завоеванную Британію: Славяне, отчасти подавленные Аварами, отчасти брошенные ими на востокъ, перестали грозить западу и съ трудомъ отстаивались отъ его завоеваній: наступило время сравнительнаго покоя извнѣ. То же самое было и внутри государства. Родъ Меровинговъ самъ себя истребилъ въ своихъ безпощадныхъ междоусобіяхъ: короли истощенные развратомъ, оставляли мало законныхъ наслѣдниковъ. Потребность или выгоды единства были отчасти попяты народами и дружиною, и раздѣлъ государства допускался уже не столь охотно, а борьба между восточною, германскою Франціею (Австразіею) и западною, полу-романскою Франціею (Невстріею), борьба которая въ послѣдствіи разорвала пополамъ Франкскую державу, еще не разгоралась во всей силѣ. Значеніе короля упадало и новыя начала выступали въ историческую жизнь. Съ одной стороны духовенство и чрезъ него древняя мысль и преданіе романское получили большій вѣсъ, участвуя въ дѣлахъ государства, и въ законодательныхъ постановленіяхъ посредствомъ Соборовъ (Concilia) и ихъ рѣшеній (placita); съ

другой стороны дружина, отвыкая мало по малу отъ короля, уже рѣдко ратующаго съ нею въ бранномъ полѣ, стала чувствовать свою самостоятельность или присвоивать себѣ самостоятельность, которая въ прежнее время ей не принадлежала. Послѣдній изъ королей не совсѣмъ недостойныхъ носить вѣнецъ Клодвиговъ, Дагобертъ (при которомъ, какъ извѣстно, происходила неудачная борьба съ Славянами и были перерѣзаны въ Баваріи Булгары, признанные народомъ за Славянъ), былъ уже тѣснѣе связанъ съ народомъ, чѣмъ съ войскомъ. Не даромъ имя его хранится въ пѣсняхъ, положимъ глупыхъ, положимъ позднихъ, сопровождается прозвищемъ *добраго* и соединяется съ именемъ великаго духовнаго лица епископа *Элигія;* въ этихъ позднихъ пѣсняхъ отзывается древнѣйшее преданіе. Его эпоха замѣчательна; она представляетъ самое полное развитіе Меровингской державы и первую попытку къ возвышенію народной стихіи или къ подчиненію дружины силѣ государственной; но вскорѣ ослабла сила королей. Развратные Меровинги умирали рано: они оставляли дѣтей малолѣтныхъ и эти малолѣтные правители, истощенные развратомъ съ молодости, росли въ безсиліи духа и тѣла. Воспитаніемъ правили лица духовныя, дворъ принималъ характеръ духовнаго полу-народнаго двора, въ которомъ военныя упражненія замѣнены были церковною службою и въ которомъ только гнусное растлѣніе нравовъ напоминало о жизни мірской. Тихая упряжь воловъ, прежняя принадлежность языческихъ жрецовъ, перевозила Меровинга изъ монастыря въ монастырь; церковныя пѣсни сопровождали и встрѣчали его повсюду, народъ любилъ его безсильную святыню, угадывая можетъ быть ея будущее значеніе, когда она въ послѣдствіи ополчилась при Капетингахъ; но тогда она не могла еще вступиться за права и мысль народа. Мечь Клодвига выпалъ изъ рукъ его потомковъ; преданіе заклеймило ихъ именемъ царей лѣнивцевъ. Народъ и духовенство, которыхъ представителями стали эти короли, были сами слишкомъ слабы, чтобы своею силою замѣнить безсиліе своихъ владыкъ: сильная дружина освободилась вполнѣ.

Уже при первыхъ Меровингахъ должности придворныя приняли названія латинскія. Начальникъ двора или дома королевскаго (въ смыслѣ дома какъ прислуги), слѣдовательно начальникъ вооруженной стражи, назывался Maior Domus. Этотъ человѣкъ сдѣлался естественно начальникомъ войска, которое состояло по большей части изъ личной дружины Меровинговъ, когда короли сами перестали являться въ битву передъ своими полками. Но Германцы, побѣдители Галліи, еще не забыли своихъ прежнихъ обычаевъ. Они помнили древнее правило: *Царь по крови, вождь по духу* (Regem ex nobilitate, ducem ex virtute) и по этому стали сами себѣ выбирать вождей не смотря на то, что только меньшая часть дружины имѣла дѣйствительное право на такой выборъ, особенно въ Невстріи. Нововыбранный вождь носилъ два названія, которыя отчасти встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ: онъ былъ герцогомъ для вольныхъ Франковъ или государственныхъ леницковъ; онъ былъ Маіоръ Домусъ для гораздо многочисленнѣйшихъ арендаторовъ или леницковъ короля, которые не имѣли истиннаго права на выборъ вольныхъ герцоговъ. Послѣднее названіе болѣе извѣстно въ исторіи, писанной въ то время Невстрійскими или полу-римскими лѣтописцами. Такимъ образомъ при другихъ началахъ повторялся фактъ (извѣстный по Калифату, Японіи и даже древнему Египту) раздѣленія власти на дѣйствительную, военную и религіозную. Но на востокѣ власть военная была въ тоже время государственная, а во Франціи военноначальство было только начальство надъ властвующею дружиною, а власть государственная, безсильная противъ дружины, имѣла характеръ религіозный. Такова вся исторія послѣднихъ Меровинговъ. Какъ скоро дружиноначальство сдѣлалось избирательнымъ, мѣстныя условія и различіе областей должны были потребовать дѣятельнаго выраженія. Такъ и случилось. Германская область (Австразія) стала въ соперничество съ полу-романскою *Невстріею*. Дѣйствительно Невстрійская дружина, особенно въ южной Франціи, уже приняла почти вполнѣ характеръ, обычаи и отчасти языкъ древней римской провинціи. Въ ней начинали изглаживаться слѣды германства

и по этому наступившая борьба, хотя происходила въ дружинѣ, получила значеніе борьбы между двумя народностями германской и романской. Духовенство оставалось нечуждымъ борьбѣ; оно, принадлежа, какъ уже сказано, побѣжденному народу, вошло уже отчасти въ дружину (ибо епископы были королевскими леппиками) и во многихъ мѣстахъ имѣло значительную силу, какъ по родовымъ связямъ и по дѣйствію на совѣсть народа и вождей, такъ и по огромнымъ богатствамъ, пріобрѣтеннымъ отъ щедрости развратно набожныхъ королей. Но время великой силы еще не наступило для него. Не отъ него зависѣло рѣшеніе борьбы; и примѣръ маіоръ домуса (мера) изъ духовенства въ лицѣ *Леодегарія* (котораго римское преданіе причислило къ лику святыхъ, а исторія едвали можетъ положить въ числѣ своихъ благородныхъ дѣятелей) не имѣлъ послѣдствій. Побѣда осталась и должна была остаться за Австразіею, болѣе воинственною, болѣе цѣльною въ своемъ внутреннемъ составѣ и очевидно болѣе благородною по своему характеру. Меръ Австразійскій достигъ званія общаго мера всей Франкской державы, т. е. ея дружиннаго короля.

Преемство этихъ меровъ, сперва зависѣвшее отъ избранія, скоро сдѣлалось наслѣдственнымъ вслѣдствіе огромныхъ богатствъ и великаго характера рода Пиппиновъ и еще болѣе въ слѣдствіе общаго стремленія къ единству государственному и къ успокоенію въ родовомъ преемствѣ: соперничество короля и мера было неизбѣжно, но паденіе безсильныхъ Меровинговъ было отсрочено союзомъ ихъ съ духовенствомъ и римскимъ престоломъ. Вопервыхъ меръ былъ представителемъ дружины, а король представителемъ народа и началъ духовнаго и гражданскаго; во вторыхъ родъ Пиппиновъ, одержавшій верхъ надъ своими соперниками, принадлежалъ Австразіи, землѣ мало покорной Риму, не вполнѣ христіанской и по своему германскому характеру враждебной всему римскому просвѣщенію и римской мысли. Духовенство и Римъ не могли отступиться отъ своихъ любимыхъ чадъ, Мервинговъ, и благословить на ихъ мѣсто враговъ своихъ или по крайней мѣрѣ представителей враждебнаго начала, а меры не могли овладѣть престоломъ и

Борьба Меровъ съ духовенствомъ.

принять званіе короля иначе какъ съ согласія и благословенія представителей римскаго начала. Такимъ образомъ соперничество между меромъ и королемъ обращалось въ соперничество между меромъ и папою, и это враждебное отношеніе ихъ другъ къ другу выразилось со стороны Пипина и его преемниковъ, въ угнетеніи духовенства, часто въ разграбленіи церковныхъ имуществъ и даже церквей, а со стороны духовенства въ приговорѣ проклятія надъ мерами, приговорѣ, который разумѣется не былъ высказанъ торжественно и всенародно, но памятенъ народу и переданъ потомству.

Это особенно замѣтно въ отношеніи къ Карлу Мартеллу, величайшему изъ людей того времени, побѣдителю Фризонцевъ язычниковъ на сѣверѣ и ислама на югѣ, спасителя Франціи, западной Европы и можетъ быть христіанства на западѣ. Послѣ всѣхъ его подвиговъ, вмѣсто вѣнца святости, которымъ западное духовенство такъ охотно награждало своихъ слугъ, преданіе, очевидно составленное духовенствомъ и сообщенное народу, опредѣлило ему мѣсто въ аду. Этотъ фактъ, давно извѣстный и всегда объясняемый изъ частныхъ случаевъ или личныхъ отношеній, есть только одно изъ выраженій неизбѣжной вражды между мерами и Римомъ; но до сихъ поръ ихъ соперничество и смыслъ ихъ борьбы не былъ еще понятъ или по крайней мѣрѣ объясненъ вполнѣ.

Трудно было дружинному началу побѣдить начало духовное; ибо христіанство владѣло не только совѣстью народа, но и совѣстію самой дружины; трудно было римскому духовенству побѣдить дружину, въ которой заключалась единственная вещественная сила на западѣ. Торжество было невозможно и борьба должна была кончиться примиреніемъ на условныхъ положеніяхъ: но этотъ выводъ могъ быть понятенъ только послѣ упорной и безполезной борьбы. Пипинъ, Карлъ и его дѣти, не отрываясь отъ христіанства, стали въ немъ самомъ искать опоры противъ римскаго престола и нашли, что церковь Кельто-Британская, основанная отчасти на началахъ восточныхъ, и во всякомъ случаѣ основанная въ такое время,

когда односторонность римскаго запада еще не отозвалась въ устройствѣ церкви и въ опредѣленіи вѣры, была оторвана отъ общаго движенія запада бурею народовъ, нахлынувшихъ на имперію и перервавшихъ всякое сообщеніе между далекимъ сѣверомъ и южными областями. Въ ней самой не могли развиться тѣ начала, которыя преобладали въ Галліи, Испаніи и Италіи, ибо Британскій островъ былъ менѣе романизированъ и болѣе другихъ областей сохранилъ самостоятельность стихіи народной. Этому служитъ яснымъ доказательствомъ процвѣтаніе поэзіи, сохраненіе друидизма и его переходъ въ мистическое и полу-языческое христіанство, котораго существованіе видно изъ преданій галлическихъ и не подлежитъ никакому разумному спору. Христіанство, перенесенное изъ Рима Августиномъ, посланникомъ Григорія Великаго и принятое Саксонцами, было уже глубоко проникнуто односторонностью римской или обще-западной мысли: оно не могло оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ къ духовенству Кельто-Британскому, уже восторжествовавшему надъ друидизмомъ, но нисколько не склонному подчиниться римской власти. Дѣйствительно между духовенствомъ пришлымъ и духовенствомъ туземнымъ загорѣлась жестокая вражда, ознаменованная со стороны Римско-Саксонской церкви ужаснѣйшими гоненіями и кровопролитіемъ, достойнымъ самыхъ свирѣпыхъ язычниковъ. За всѣмъ тѣмъ Кельтская церковь устояла: она сохранялась у непокоренныхъ галлическихъ племенъ въ гористыхъ областяхъ западной Британіи, была сильна своимъ просвѣщеніемъ, вѣрностью древнему преданію и еще сильнѣе связью своею съ совершенно независимыми церквами, процвѣтавшими въ Ирландіи и юго-западной Шотландіи. Въ Ирландію христіанство было перенесено въ теченіи первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. вѣроятно по тѣмъ старымъ океаническимъ путямъ, которые были посѣщаемы смѣлымъ парусомъ семитовъ Финикійскихъ и никогда не были вполнѣ забыты, даже во время паденія морской торговли при римскомъ міродержавствѣ. На это указываетъ множество преданій также какъ и на происхожденіе Кельто-Эринскаго христіанства съ востока, а не изъ западныхъ областей римскихъ.

Таковы разсказы о посѣщеніи Британскихъ острововъ апостолами, о прибытіи Іосифа Аримаѳійскаго или его потомковъ, о святомъ Граалѣ и др.

Духовная борьба Кельтовъ съ Германо-Римскими началами.

Но эти преданія, сами по себѣ сомнительныя, подтверждаются въ особенности явнымъ и сильнымъ стремленіемъ духовенства и народа кельтскаго къ удержанію обрядовъ восточной церкви, къ сношеніямъ съ ней и къ предпочтенію ея свидѣтельствъ передъ свидѣтельствами церкви западной. Здравая критика не можетъ даже при скудныхъ данныхъ, сохранившихся въ лѣтописяхъ, въ житіяхъ святыхъ и прочихъ письменныхъ памятникахъ, не узнать въ отношеніяхъ церкви Ирландской и ея дочери, церкви Скотовъ и Пиктовъ къ церквамъ Эллады и Азіи характера духовной зависимости или духовнаго сыновства. Подробности происшествія изгладились изъ человѣческой памяти; но происшествіе несомнѣнно. Тщетны были усилія Рима и римско-саксонскаго духовенства проникнуть въ область Кельтскую и подчинить себѣ ея независимую церковь. Высокое просвѣщеніе, чистота жизни, вѣрность основнымъ преданіямъ давали перевѣсъ кельтскому духовенству передъ его могущественными, но уже полу-свѣтскими противниками и въ этой борьбѣ, по видимому столь неровной, между слабымъ и бѣднымъ остаткомъ племени почти подавленнаго и огромнымъ западно-церковнымъ государствомъ сила духовнаго начала выразилась въ невольномъ почтеніи всего Запада къ своимъ строгимъ обличителямъ. Забытый и темный уголъ міра, не замѣченный завоевательнымъ Римомъ, не замѣченный исторіей, но къ счастію еще также не захваченный разливомъ германскихъ дикарей, зеленый островъ Эрина прославился на всѣмъ западѣ какъ жилище чистаго христіанства, какъ *островъ святыхъ*. Борьба разгоралась болѣе и болѣе: духовные борцы кельтскаго племени, отчасти стѣсненные угнетеніями отъ Саксонцевъ въ предѣлахъ Британіи, отчасти гонимые жаждою обширнѣйшей дѣятельности и большаго поприща, стали переселяться въ области Кельто-Галльскія, еще не захваченныя Франками и вскорѣ въ область самихъ Франковъ. Тамъ

воздвигали они строенія, монастыри и духовныя училища, разсадники знанія и вѣры, такъ боролись въ одно время и противъ уцѣлѣвшаго язычества и противъ возникающей односторонности западно-церковнаго государства. Около нихъ толпились ученики, къ нимъ принадлъ народъ и передъ ними преклонялись даже ихъ враги по ученію, побѣжденные ихъ истинно христіанскимъ величіемъ. Эта эпоха славна для Кельтской и Ирландской церкви. Имена или біографіи великихъ дѣйствователей того времени на поприщѣ науки или духовной жизни доказываютъ, что въ области франкской они всѣ принадлежали къ Кельтамъ или по происхожденію или по ученію. Пламенный Колумбанъ, основатель двухъ монастырей, важныхъ въ церковной исторіи (*Luxueil* и *Bobbio*), гремѣлъ словомъ противъ Рима, призывалъ народы къ чистому христіанству, переходилъ изъ страны въ страну, проповѣдуя и обличая, торжествуя въ гоненіяхъ, пробуждая ревность въ усыпленной и омраченной душѣ своихъ современниковъ и полагая трудами своими начала къ водворенію христіанства въ Германіи. Его ученики и преемники продолжали его дѣло и его апостольскую проповѣдь. Многіе погибли въ мученіяхъ; но кровь ихъ пролилась не безплодно. Христіанство проникло въ лѣсистыя пустыни за-Рейнскія и имя Кельтской церкви увѣнчалось новымъ блескомъ. Такова была въ самомъ духовенствѣ стихія, на которую оперлись мужи дома Пиппинова въ борьбѣ противъ Рима и Меровинговъ.

Это явно изъ вражды папскаго престола противъ ирландскихъ проповѣдниковъ и изъ покровительства, оказаннаго имъ франкскими мерами.

Но временное торжество стихіи свободной въ западной церкви не могло быть продолжительнымъ. Міръ германо-римскій долженъ былъ подчиниться законамъ того просвѣщенія, на которомъ онъ возникъ. Успѣхи кельтскихъ проповѣдниковъ могли произвести въ немъ потрясеніе непродолжительное; вражда меровъ и угнетеніе церкви Карломъ Мартелломъ, мог-

ли произвести въ духовенствѣ временный безпорядокъ, усилить развратъ и даже испугать западный міръ возвратомъ къ прежней дикости. Все это могло случиться и случилось; но сила римскаго престола и церковно-государственнаго начала должна была снова возстать и развиться во всѣхъ своихъ логическихъ послѣдствіяхъ. Это было неизбѣжно.

Борьба кельтскаго духовенства противъ германо-римскаго началась въ островной Британіи. Тамъ продолжалась она съ наибольшимъ упорствомъ; тамъ произвела она самыя грустныя явленія; но тамъ же повела она за собою самыя утѣшительныя послѣдствія. Духовенство саксонское, сперва преслѣдовавшее своихъ соперниковъ съ свирѣпостью дикихъ звѣрей, убивавшее ихъ цѣлыми тысячами и вооружившее противъ нихъ кровожадную вражду язычниковъ, облагородилось и возвысилось духовными примѣрами кельтскихъ мучениковъ: оно приняло отъ нихъ науку, которой скудные остатки сохранялись еще въ далекомъ уголкѣ запада (это доказываютъ имена Англійскихъ ученыхъ, напр. Беды и Алькуина); оно приняло отъ нихъ святость жизни (въ этомъ свидѣтельствуютъ безчисленныя черты изъ исторіи Англо-Саксовъ); оно приняло наконецъ и ту ревность проповѣди христіанской, которой отличались Колумба, апостолъ Пиктовъ, Колумбанъ, апостолъ сѣверной Швейцаріи, Галлъ, его преемникъ и множество другихъ. Саксонцы вступили въ поприще открытое Кельто-Ирландцами. Ихъ призывала на проповѣдь любовь къ вѣрѣ, которую они понимали какъ высшее сокровище человѣческаго духа; ихъ призывала въ Германію любовь къ братіямъ по крови и по языку. Множество саксонскихъ монаховъ явилось на святой подвигъ и быстрый успѣхъ увѣнчалъ дѣло, предпринятое чистою любовію. Имена этихъ проповѣдниковъ незабвенны; но первое мѣсто между ними принадлежитъ Вильфриду (болѣе извѣстному подъ именемъ Бонифація) истинному апостолу Германіи. Меры не смѣли полагать имъ явныхъ преградъ въ ихъ великомъ дѣлѣ, хотя и старались замѣнять ихъ другими, болѣе покорными дѣятелями (это видно изъ многихъ случаевъ, и между прочимъ кажется изъ соперничества

франкскаго Вульфрама противъ папскаго проповѣдника Вильброда въ землѣ фризонской); но успѣхи духовныхъ лицъ, служившихъ римскому престолу, далеко превосходили успѣхъ кельто-франкскихъ учителей. Это превосходство объясняется многими причинами, большимъ единствомъ въ дѣйствіи римскомъ, большимъ блескомъ наружнаго богослуженія, а особенно благорасположеніемъ Германцевъ къ проповѣдникамъ, не приносившимъ съ собою ничего кромѣ христіанскаго ученія и основавшимъ новыя независимыя общины церковныя, и враждою къ Франкамъ и къ проповѣдникамъ, происходившимъ изъ ихъ области и приносившимъ съ собою вмѣстѣ съ ученіемъ новую зависимость отъ франкской дружины и какъ будто отягченіе ненавистнаго ига. Въ ново-христіанской землѣ началась опять борьба между преемниками Колумбана и Галла и слугами римскаго престола; но эта борьба была непродолжительна. Бонифацій и его сподвижники одержали скорую и совершенную побѣду. Быть можетъ употребляли они не всегда чистое оружіе, быть можетъ прибѣгали они иногда къ клеветамъ (какъ видно изъ нѣкоторыхъ разсказовъ, въ которыхъ кельтскіе проповѣдники, люди вообще жизни весьма строгой, обвинялись въ развратѣ), быть можетъ давали они чужому ученію ложное толкованіе (называя напр: прелюбодѣями духовныхъ женатыхъ или дозволявшихъ бракъ духовнымъ людямъ): но очевидно, что торжество ихъ было неизбѣжно и что ихъ противники, несогласные другъ съ другомъ въ подробностяхъ ученія и поневолѣ подчиненные мірской власти своихъ покровителей, меровъ, не имѣли внутренней силы, достаточной для продолжительной борьбы. Успѣхъ римскихъ проповѣдниковъ и особенно Бонифація, умершаго мученикомъ, распространилъ христіанство по всѣмъ берегамъ Рейна и Везера, по всей южной и большей части средней Германіи. Римскій престолъ воспользовался обстоятельствами. Проповѣдниковъ своихъ и черезъ нихъ всѣхъ ихъ преемниковъ на епископствѣ привязалъ онъ къ себѣ особенною присягою, которая до тѣхъ поръ обозначала только отношенія римскаго престола къ епископамъ подгородимъ; перемѣнилъ даже имена

Распространеніе христіанства въ Германіи.

ихъ, какъ будто даруя имъ новую жизнь (напр: Вильбродъ получилъ имя Климента, а Вильфридъ Бонифація); основалъ епископства и связалъ ихъ (отчасти по требованію Бонифація) узами митрополитовъ, освобождая ихъ вполнѣ отъ всякой власти и вліянія со стороны франко-галльскаго духовенства; наконецъ утвердилъ новую провинцію церковную или новую церковь, независимую отъ всѣхъ другихъ властей и совершенно подчиненную Риму: это дѣло было великое и сильно противодѣйствующее завладѣніямъ и неограниченнымъ требованіямъ дружины и ея короля мера.

Многіе историки обвиняли папъ, требовавшихъ присяги подданства, и новыхъ епископовъ, принесшихъ ее. Обвиненіе это нелѣпо. Смыслъ присяги былъ совершенно согласенъ съ законнымъ или обычнымъ отношеніемъ юныхъ церквей къ церквамъ родительницамъ (примѣръ такому отношенію находимъ въ донесеніи церквей галльскихъ къ мало-азійскимъ о своихъ мученикахъ): слѣдоват. и папы и Бонифацій были правы. Ложна и законопротивна только форма *присяги,* но этого не понимали ни современники, создавшія римскаго духа, ни историки, его безсознательные наслѣдники.

Духовнымъ завоеваніемъ Германіи было возстановлено равенство между папою и меромъ (религіозно государственнымъ началомъ и дружиною); но этого равенства не понимали меры. Смѣлый ударъ папы Захаріи открылъ имъ глаза. Онъ поднялъ противъ Франковъ всю южную Германію и прислалъ своего легата съ благословеніемъ Петра въ народное ополченіе. Дѣти Карла Мартелла, Пипинъ и Карломанъ, одержали блистательную побѣду, но поняли всю опасность борьбы. Они искали мира. Папа согласился. Посредникомъ былъ Бонифацій, сохранявшій всегда свою нравственную чистоту и отчужденіе отъ политическихъ смутъ и козней мірскихъ. Вражда кончилась перемиріемъ. Новая церковь сохранила свою независимость, короли свое право, меры свою силу, и кельтская церковь принесена была въ жертву примиренію; но этимъ не могъ кончиться тайный споръ двухъ враждебныхъ властей.

Дружинный германскій король хотѣлъ и долженъ былъ стать на мѣсто короля народнаго и римскаго. Лонгобарды тѣснили Римъ. Папы прибѣгли къ мечу Франковъ. Меры продали свою помощь на томъ условіи, чтобы папы продали своихъ духовныхъ чадъ Меровинговъ. Престолъ папскій былъ спасенъ и новая династія сѣла на престолъ франкскій, но принявъ благословеніе отъ папъ, она вступила въ туже стезю, по которой шли первоначальные Меровинги и приняла въ себя ихъ двойственное значеніе. Начатое Пипиномъ было кончено сыномъ его, Карломъ Великимъ.

Карлъ Великій.

Карлъ по происхожденію рода своего и по началу власти былъ представителемъ дружины; но односторонность этого значенія была въ немъ умѣрена новымъ положеніемъ, въ которое сталъ отецъ его Пипинъ, пріобрѣтшій уже посредствомъ союза съ римскимъ дворомъ право считать себя преемникомъ Клодвигова патриціата, т е. царства на римскомъ правѣ, заключающаго въ себѣ идею духовно-народной державы. Задача, доставшаяся Карлу, была не только велика, но и неисполнима и его высокій геній истомился въ безплодныхъ усиліяхъ къ достиженію недостижимой цѣли. Царство Франковъ было на западѣ единственнымъ представителемъ христіанства, побѣжденнаго Маврами въ Испаніи, ничтожнаго въ неустроенной области островныхъ Англо-Саксовъ и подавленнаго другими стихіями и враждою съ римскимъ дворомъ въ лонгобардской Италіи. Миръ, заключенный Пипиномъ и братомъ его съ папою Захаріей, погубивъ самостоятельность кельтской церкви, далъ на западѣ римскому католицизму не только полный перевѣсъ, но и исключительное существованіе и право считаться единственнымъ воплощеніемъ христіанской мысли. Съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ миръ, соединивъ Франковъ съ Римомъ, породилъ въ нихъ и въ ихъ владыкахъ и мало по малу въ народахъ, получившихъ черезъ нихъ и образованіе и умственную жизнь, мысль объ единствѣ христіанскаго міра какъ державы политической. Въ этомъ смыслѣ Карлъ Великій былъ мечеиосцемъ христіанства и борьба его съ народами неповѣрными получила значеніе не только борьбы политиче-

ской, рѣшающей первенство Франковъ надъ другими германскими племенами, но и борьбы религіозной, подчиняющей побѣжденныхъ ученію западнаго христіанства. Смѣшеніе политическихъ интересовъ и особенно политической идеи съ идеею чисто-духовною въ державствѣ и дѣятельности Карла дало характеръ и направленіе всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ, крестовымъ походамъ, стремленію императоровъ германскихъ къ всемірному владычеству и т. д. Отъ того-то въ мысли германской Оттонъ связывается прямымъ (никогда не существовавшимъ) преемствомъ съ Карломъ Великимъ и поэзія народная представляла себѣ всю исторію Пиппинова сына рядомъ крестовыхъ походовъ, а его бароновъ и богатырей крестоносными паладинами. Впрочемъ все это воззрѣніе на тождество церкви и государства и на принудительное право религіозно-духовной мысли, въ началѣ своемъ истекало по необходимости изъ римско-христіанской мысли. Развитіе же его было ускорено и отчасти измѣнено ходомъ историческихъ случайностей. Такъ напр: страшное усиліе магометанства, обусловленное единствомъ калифата, породило въ народахъ западныхъ потребность единства для сопротивленія враждебному единству; а съ другой стороны то внутреннее, незамѣченное но неизбѣжное раздвоеніе между идеею государственною и духовною, которое выразилось вездѣ, гдѣ эти двѣ идеи бывали насильственно стягиваемы въ одну (въ магометанствѣ, въ чистомъ буддизмѣ, въ мѣшанномъ буддизмѣ Японіи и въ древнѣйшемъ Египтѣ и Эѳіопіи), получило особый характеръ на западѣ потому что вещественные дѣйствователи принадлежали одному племени германскому, а духовная сила истекала изъ другаго племени романскаго. Борьба идей, сливаясь съ борьбою племенъ, становилась тѣмъ упорнѣе и разумное разрѣшеніе или по крайней мѣрѣ торжество одного какого нибудь начала тѣмъ невозможнѣй.

И такъ значеніе имперіи Карла Великаго соотвѣтствовало свѣтскому калифату и стремленіе присвоить себѣ всѣ права калифата духовнаго въ немъ выражалось по необходимости. Таково объясненіе его ревности къ обращенію невѣрныхъ,

ревности носившей на себѣ характеръ воинственной дикости и завлекшей его въ мѣры жестокости непзвинительной и не сообразной даже съ его впрочемъ не свирѣпымъ нравомъ. Должно однакоже замѣтить, что эта жестокость обращена была по преимуществу противъ саксонскаго союза, издавна враждебнаго франкскому союзу, похитившаго у Франковъ, какъ я уже сказалъ, владычество надъ морями и прибыльное ремесло морскаго разбоя. Вражда народная, незамѣтно можетъ быть для самаго государя, имѣла по вѣроятности великое вліяніе на его поступки. Тѣ же самыя причины объясняютъ его воинственное проповѣдничество, объясняютъ также его постоянное занятіе церковными дѣлами и вмѣшательство въ споры церковные и въ улучшеніе и возвеличеніе церковнаго обряда. Безполезно бы было входить въ подробности Карловой дѣятельности по этой части: но должно замѣтить, что его дѣйствія были всегда, вѣроятно безъ его вѣдома, подчинены расчету политическому. Такъ напр. живое участіе его въ спорѣ Адопціанистовъ и рѣшеніе его противъ Феликса и Элипанда было безъ сомнѣнія связано съ желаніемъ помѣшать развитію свободной церкви Мозарабской (т. е. христіанъ, признающихъ власть Аравитянъ въ Испаніи) и подчинить эту церковь общимъ законамъ, рѣшающимъ судьбу и ученіе остальной западной церкви; но въ другомъ случаѣ вліяніе Карла на дѣла церковныя отозвалось на всей судьбѣ христіанства въ слѣдующихъ вѣкахъ до нашего времени. Испанія, какъ уже сказано, измѣнила символъ, прибавивъ къ нему *Filioque*; это измѣненіе долго оставалось незамѣченнымъ, хотя по нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что оно было принято въ иныхъ церквахъ южной Франціи. Во всякомъ случаѣ, это принятіе было весьма ограничено и встрѣчало даже иногда явное сопротивленіе, какъ видно изъ Алькуина. Войны и побѣды Карла Великаго, бросивъ много стихій франкскихъ въ Испанію, имѣли также послѣдствіемъ значительное движеніе изъ Испаніи во Францію и особенно переселеніе многихъ духовныхъ лицъ. Вопросъ о символѣ возникъ съ новою силою, сдѣлался всеобщимъ вопросомъ Галло-Испанской церкви

и былъ перенесенъ на судъ папскаго престола. Папа былъ явно склоненъ къ ученію, выраженному измѣненнымъ символомъ. Причины этого направленія, отчасти объясненныя выше, объясняются въ особенности тѣмъ, что второе лице божества, по ученію всѣхъ церквей и богослововъ, представляетъ по преимуществу характеръ факта въ самомъ божествѣ; и римская мысль, сдѣлавшаяся представительницею запада, должна была по своему чисто-практическому характеру стремиться къ расширенію его значенія и, такъ сказать, круга дѣйствія. Папа по своему западному характеру, склонялся по необходимости къ этому же ученію, но съ другой стороны историческая древность епископства римскаго и связи преданія объ единствѣ (мало уважаемомъ гордостью новыхъ германскихъ народовъ) удерживали его отъ согласія съ измѣненіемъ самовольнымъ, противнымъ постановленіямъ прежнихъ соборовъ, и въ особенности предлагаемымъ самымъ законопротивнымъ образомъ, т. е. безъ истребованія не только согласія, но даже мнѣнія древней братіи, восточной церкви и ея представителей. Двусмысленный отказъ папы и почти явный протестъ не устояли противъ рѣшительной воли его покровителя и владыки Карла. Измѣненный символъ былъ допущенъ хотя и не каноническимъ путемъ, вскорѣ утвержденъ обычаемъ и признанъ несомнѣннымъ исповѣданіемъ вѣры на всѣмъ западѣ. Церковь была разорвана пополамъ.

•

Нѣкоторые историки въ рѣшеніи Карла видѣли желаніе польстить Испаніи, оскорбленной рѣшеніемъ объ адопціанизмѣ. Причина сомнительная и слишкомъ мелкая; причина же истинная не могла быть угадана западною критикою, невольною преемницею стремленій и страстей, волновавшихъ колыбель западныхъ племенъ. Она заключалась, какъ сказано, въ характерѣ римской мысли съ одной стороны, а съ другой—въ скрытномъ но несомнѣнномъ стремленіи западныхъ церквей къ отдѣльной самостоятельности, и въ невольномъ желаніи Карла поставить христіанскій міръ, котораго онъ былъ представителемъ и главою, на степень неподсудимой державы.

•

Воля великаго меченосца рѣшила церковный вопросъ и опредѣлила все направленіе будущей исторіи; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что даже безъ этого факта, принадлежащаго къ историческимъ случайностямъ, рѣшеніе было бы тоже, хотя послѣдовало бы можетъ быть позже и инымъ образомъ, ибо въ Карлѣ выразился не произволъ личности, но неодолимый ходъ мыслей и стремленій цѣлаго новаго германо-римскаго міра. Робкое сопротивленіе папъ, нерѣшительныхъ хранителей преданій единства вопреки своимъ собственнымъ выгодамъ и желаніямъ, не могло долго устоять противъ общей воли и стремленія, тайно управляющаго развитіемъ папскаго престола. Ихъ сопротивленіе было смѣлѣе и успѣшнѣе въ другомъ дѣлѣ, въ которомъ они не побоялись стать противъ мнѣнія Карла Великаго. Опредѣленіе втораго Никейскаго собора возстановило поклоненіе иконамъ и сообщено было по древнему обычаю римскому двору и всѣмъ западнымъ эпархіямъ. Папа присталъ къ нему; сѣверная Италія возстала противъ него, также какъ и большая часть Галліи. Соборъ всѣхъ главныхъ епископовъ средней Европы на берегахъ Рейна отвергъ рѣшеніе востока, не смотря на объясненія, данныя патріархами. Карлъ согласился съ своими епископами; но папа не уступилъ. Въ епископахъ, не понявшихъ свободы обряда, спасенной въ Никеѣ, выражалось желаніе сохранить духовность христіанства; въ папѣ кромѣ памяти объ единствѣ, такъ слабо сохраненномъ имъ въ вопросѣ о символѣ, выражалось другое стремленіе къ возведенію обряда въ значеніе принудительнаго закона, не совсѣмъ чуждое нѣкоторымъ учителямъ востока и сдѣлавшееся въ послѣдствіи преобладающимъ на западѣ. Конечно это направленіе не выказалось сначала съ опредѣлительною ясностью; но въ теченіи вѣковъ, когда Никейское рѣшеніе получило силу повсемѣстнаго закона, поклоненіе иконамъ и уваженіе къ обрядамъ приняли заклинательный характеръ древняго кушитства и оправдали такимъ образомъ епископовъ западныхъ, предвидѣвшихъ вредныя послѣдствія, но не могшихъ понять глубокаго смысла втораго Ни-

кейскаго собора; папскій престолъ, оставшійся вѣрнымъ своему ученію, не скоро побѣдилъ упорство галло-германской церкви, поддержанной сильною рукою Карла великаго, и вопросъ объ иконахъ оставался неразрѣшеннымъ еще около ста лѣтъ. Такимъ образомъ привычка разъединенія съ востокомъ присоединилась къ причинамъ разъединенія, опредѣленнаго уже измѣненіемъ символа и великій императоръ Франковъ явился хотя и не причиною, но безъ сомнѣнія главнымъ дѣйствователемъ въ разрывѣ церквей и слѣдов. въ разрывѣ всей жизни запада и востока.

Геній Карла повершилъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣло Франковъ и ихъ рѣшительное торжество надъ другими западными народами. Послѣ долгой и упорной борьбы сокрушилъ онъ Саксонцевъ, единственныхъ соперниковъ Франкской власти въ Германіи и уничтожилъ жизнь, которою Саксонцы (какъ уже сказано, племя германское съ примѣсью славянской стихіи) отличались отъ остальной своей германской братіи, втянувъ ихъ въ общее, чисто военное устройство Франкской державы. Соперничество Баварцевъ, само по себѣ ничтожное, на время получивши нѣкоторое значеніе отъ хитрой политики папскаго престола, потомъ побѣжденное Пиппиномъ и братомъ его, было совершенно и навсегда уничтожено мечемъ Карла, лишившаго навсегда Баварію самостоятельности и даже тѣни независимости. Фризонцы приморскіе и при-Рейнскіе, ожесточенные и часто счастливые враги Карловыхъ предковъ, пали передъ его силою и сохранили только на берегахъ океана въ болотистыхъ убѣжищахъ своихъ нѣкоторую свободу и старую народную жизнь, указывающую во многихъ подробностяхъ (какъ уже сказано) на славянскую стихію, о которой память сохранилась въ преданіяхъ о Вендскомъ Лѣсѣ, о славянскомъ Белъ-Богѣ, о торговомъ бытѣ, о баснословной Ставорѣ (Святогорѣ), о святомъ значеніи пшеницы и о многомъ другомъ. Эти остатки мирной народной жизни предоставлено было уничтожить позднѣйшимъ вѣкамъ и дикому желѣзу рыцарей; но жесточайшіе и рѣшительные удары нанесены были мечемъ Карловинговъ. Далѣе на востокѣ, куда еще не про-

никали ни торжествующія дружины Меровинговъ, ни стихія германская (кромѣ временнаго переселенія народовъ), прогремѣло грозою и славою имя Франковъ подъ знаменами Пипинова сына. За предѣлами саксонской земли воинственные Датчане узнали его силу и покорились ей. Сосѣди ихъ Славяне вступили съ нимъ въ дружескіе союзы противъ своихъ враговъ Саксонцевъ, признавъ его верховное державство или вступили въ тѣже отношенія по неволѣ, претерпѣвъ нѣсколько частныхъ пораженій. Славяне при-Дунайскіе подверглись тойже участи, также какъ часть Славянъ Иллирійскихъ на югѣ и при-Карпатскихъ на сѣверѣ. Наконецъ слабые остатки прежней аварской силы, нѣкогда сосредоточивавшей и предводившей, потомъ угнетавшей Славянъ и сокрушенной ими, исчезли съ лица земли передъ ополченіемъ Франковъ, разрушившихъ на берегахъ Тиссы и Дуная ихъ военныя становища (или округи), гдѣ тучнѣли въ роскоши и лѣни развратные потомки нѣкогда грознаго племени.

Послѣ походовъ Карла великаго гибнутъ безъ слѣда и имя и народъ Аварскій, не оставивъ ни какого памятника, по которому бы можно опредѣлить его родовыя начала. Въ именахъ, въ названіи царскаго сана и въ другихъ примѣтахъ отзывается явная примѣсь средне-Азійской (финно-Тюркской крови); съ другой стороны отсутствіе слѣдовъ ихъ имени на востокѣ, при-Кавказское ихъ жительство и слѣды ихъ на Кавказѣ, время ихъ движенія, соотвѣтствующее движенію другихъ кавказскихъ или при-кавказскихъ народовъ, сѣверянъ, Азъ-зиговъ (*Азиговъ, Адиге*) и др. и предшествовавшее движенію истинныхъ Средне-Азіатскихъ ордъ, наконецъ самое ихъ народное имя указываетъ, какъ кажется, несомнѣнно на остатокъ кавказскихъ Кельто-Кимвровъ, принявшихъ въ себя нѣсколько чуждыхъ ему стихій. Такимъ образомъ объяснилось бы весьма естественное средство, уже замѣченное нѣкоторыми путешественниками между горными Шотландцами и жителями нѣсколькихъ при-Дунайскихъ округовъ въ Венгріи, гдѣ сохранились безъ сомнѣнія обломки Аварскаго племени. Это средство проявляется безспорно въ весьма мелкихъ подробностяхъ, въ пляскѣ, въ народности

волынки, какъ любимаго музыкальнаго орудія, въ пестротѣ клѣтчатыхъ платій (тортановъ) и тому подобныхъ чертахъ; но значительныхъ признаковъ трудно ждать при такихъ ничтожныхъ остаткахъ и такой разностихійной смѣси народа.

Такимъ образомъ въ средней Европѣ Карлъ положилъ не только начало, но и прочное основаніе всей системѣ германо-римскаго міра, захвативъ почти всѣ области, въ которыхъ въ послѣдствіи утвердились власть и населеніе германской вѣтви народовъ, и давъ ей тотъ не только вещественный, но и нравственный перевѣсъ надъ разрозненными Славянами, который подавилъ современемъ самостоятельность Краинцевъ, Чеховъ, Моравцевъ и отчасти Ляховъ, и который вѣроятно со временъ великаго франкскаго императора выражается тѣмъ, что его имя сдѣлалось наименованіемъ верховной, царской власти въ словѣ *Король*.

Таково самое вѣроятное происхожденіе этого слова, хотя можно бы также предположить, что слово *Карль (Н. Керль, А. Корль, Черль и Карль)* было когда то общимъ у Славянъ и Германцевъ, но приняло въ каждомъ племени разный смыслъ, какъ напр: слово *кметь* въ двухъ семьяхъ славянскихъ.

Въ южной Европѣ Византія, ослабѣвшая, снова поднятая сильнымъ умственнымъ движеніемъ, котораго представителями были императоры иконоборцы, и снова клонящаяся къ паденію, но всё таки предметъ соперничества и даже зависти для Карла великаго (что доказывается его желаніемъ вступить съ нею въ брачные союзы и всѣмъ направленіемъ его церковной политики), не подверглась его нападеніямъ и отчасти даже воспользовалась его побѣдами, сокрушившими нѣкоторыхъ хотя и незначительныхъ, но враждебныхъ сосѣдей восточной имперіи. Но судьба Италіи перемѣнилась вполнѣ. Лонгобарды, уже побѣжденные Пиппиномъ, но все еще неутратившіе ни силы своей, ни надежды на полное владѣніе Италіею, навлекли на себя бурю франкской мести. Призванный

утѣсненнымъ епископомъ Рима, Карлъ разрушилъ Лонгобардское царство несравненно легче, чѣмъ сопротивленіе вольнолюбивыхъ Саксонцевъ и подчинилъ Италію франкской системѣ, хотя и не могъ уничтожить Лонгобардской стихіи, которая сохранилася еще на время въ видѣ мелкихъ княженій въ южной Италіи и вообще долго боролась съ стихіями франко-германскими. Папа, спасенный отъ угнетенія Лонгобардскаго, подпалъ новой, болѣе грозной власти; но временное уничиженіе папскаго престола заключало въ себѣ зародышь будущаго торжества и величія; ибо въ глазахъ народовъ, мало обращающихъ вниманія на мелкіе факты въ жизни вѣнценосцевъ, было явно только одно то, что Карлъ получилъ императорское званіе, высшее изъ всѣхъ званій въ мірѣ политическомъ и уравнившее западъ съ востокомъ, въ городѣ Римѣ и отъ благословляющей руки апостольскаго преемника. Сверхъ того замкнутость и отдѣльность западнаго міра, окончательный выводъ изъ всей дѣятельности Карла, одни могли дать полное развитіе папству и возвысить епископовъ Римскихъ до значенія духовныхъ калифовъ въ христіанствѣ. Менѣе блистательны были успѣхи Карла Великаго въ Испаніи, не смотря на нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ Маврами. За всѣмъ тѣмъ безспорно съ его времени сѣверная Испанія полнѣе примкнула къ общей системѣ франкской Европы. Сильный приливъ франкскихъ воинственныхъ пришельцевъ въ за-Пиринейскую область, основаніе или по крайней мѣрѣ утвержденіе независимаго графства Барцелонскаго (корня Аррагонскаго королевства), блескъ побѣдъ, вѣнчавшихъ имя христіанъ, гроза имперіи, напоминавшей силу древняго Рима и представляемой въ Испаніи самымъ сыномъ императора, добродушнымъ и слабымъ, но мужественнымъ Лудовигомъ, все вмѣстѣ связываетъ колыбель новой христіанской Испаніи съ царствованіемъ великаго создателя западной Европы, того человѣка, которому суждено было укрѣпить и привести въ нѣкоторую стройность ея могущественныя стихіи, стремившіяся къ своей зрѣлости и долженствовавшія вызвать великаго дѣятеля для осуществленія своихъ необходимыхъ результатовъ.

Вліяніе Карла и Франковъ на Испанію еще мало оцѣнено. Безпристрастная критика замѣтитъ всю ничтожность мѣстныхъ началъ свободы до Карла и быстрый ихъ подъемъ послѣ него, и отдавая полную справедливость мужеству и доблестямъ гото-романскаго населенія, пойметь, что аристократическая стихія всегда, носившая въ Арагоніи и Каталоніи характеръ чуждый, была слѣдомъ франко-германскаго прилива. Испанцы въ своей безумной гордости старались скрыть услуги, оказанныя имъ болѣе сильными и счастливыми сосѣдями; и высоко-комическое изобрѣтеніе лица Бернарда дп Карпіо, акибы задушившаго неуязвимаго Роланда (явно древняго и народнаго героя), перешедшее въ пѣсню народную, свидѣтельствуетъ о геніальной хвастливости Испанцевъ; но наука не должна ослѣпляться страстями народными. Впрочемъ должно признать, что уже въ самое время Карла великаго вражда народная существовала между спасенными Испанцами и ихъ спасителями Франками. Это доказывается преданіемъ и несомнѣнною повѣстію о пораженіи сторожеваго полка Карлова войска въ горахъ Пиренейскихъ тамошними горцами; эта вражда легко объясняется старымъ отношеніемъ Франковъ къ Готамъ, дикимъ характеромъ тогдашнихъ войскъ, равно угнетавшихъ друга и недруга; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она могла быть усилена и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время стихіи христіанская и магометанская въ Испаніи отчасти сливались другъ съ другомъ и слѣд. что нашествіе Франковъ, рѣзко отрывающихъ одну отъ другой, могло быть ненавистно многимъ, даже по видимому союзнымъ областямъ.

Даже и на дальнемъ сѣверѣ, за предѣлами своей великой имперіи, Карлъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на историческую судьбу другихъ народовъ. Такъ напр: Федерація саксонская въ Британіи (Эптархія) была въ послѣдствіи соединена въ одно царство умомъ и счастіемъ Экберта, воспитаннаго при дворѣ императорскомъ и получившаго безъ сомнѣнія многія начала мысли, развившейся подъ системою Франковъ Карловинговъ. Впрочемъ должно однако же признать, что судьбы царства Саксонскаго носятъ на себѣ характеръ довольно самобытный, и что Франкская стихія получила въ землѣ Англо-Саксовъ

значительное вліяніе только въ послѣднее время туземныхъ царей, а окончательное преобладаніе только послѣ торжества Вильгельма Норманскаго и его франко-норманской дружины. По видимому полуостровъ Скандинавскій испыталъ еще менѣе Англіи вліяніе Карла; но не такъ было на дѣлѣ. Съ одной стороны его побѣды надъ сѣверной Германіею и надъ Датчанами открыли христіанству болѣе свободный доступъ къ народамъ, до тѣхъ поръ отдѣленнымъ отъ народовъ христіанскихъ преградою сильныхъ языческихъ племенъ, и въ этомъ отношеніи какъ Скандинавія, такъ и сѣверо-западные Славяне безъ сомнѣнія получили нѣкоторыя сѣмена новой умственной жизни съ начала 9-го вѣка, хотя этимъ сѣменамъ суждено было развиться гораздо позднѣе подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, счастливыхъ для Скандинавіи, гибельныхъ для Славянъ. Съ другой стороны эти самыя побѣды имѣли другое послѣдствіе, мало и едвали даже до сихъ поръ замѣченное исторической наукою. Паденіе Саксонцевъ послѣ упорной и кровопролитной войны, можетъ быть единственной со временъ Римскаго владычества, не только уничтожило всѣ силы нравственныя и вещественныя сѣверной Германіи, но уничтожило единственный народъ, знакомый съ морями и хотя уже утратившій прежнюю склонность къ морскому разбою, но все еще готовый бороться съ опасностями океана и съ его воинственными пѣвдниками Скандинавами. Это обстоятельство, почти современное ослабленію восточной славянской стихіи, побѣжденной въ Скандинавіи мѣстною, почти чисто-германскою стихіею въ битвѣ при Бравалле и потрясенной въ самомъ поморіи вендскомъ, нѣкогда царствовавшемъ надъ Балтикою, объясняетъ быстрое и почти мгновенное развитіе норманскаго морскаго удальства въ самые первые годы послѣ Карла великаго, уже плакавшаго въ глубокой старости при видѣ смѣлыхъ сѣверныхъ парусовъ, грозившихъ Франкскимъ берегамъ.

Законы Карла великаго, имѣющіе цѣлію уничтоженіе балтійской торговли въ пользу адріатической и средиземной, остались вѣроят-

но также не безъ послѣдствій и могли имѣть вліяніе на ослабленіе мирнаго мореходства Поморянъ. Во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ объ его глубокомъ пониманіи отношеній между народами и предвѣдѣніи борьбы, предстоящей Германцамъ съ Славянами; быть можетъ они представляютъ также и доказательство вражды естественной въ душѣ Германца Карла къ потомкамъ мирнаго племени, нѣкогда почти порабощеннаго дикими выходцами изъ Германіи, въ послѣдствіи жестоко отмстившаго имъ подъ предводительствомъ своего восточнаго казачества—Гуннонъ. Какъ бы то ни было, борьба Саксонцевъ въ Англіи противъ Датчанъ и огромное, хотя временное развитіе морскихъ силъ англійскихъ при преемникахъ Альфреда великаго, доказываютъ, что Саксонцы служили и продолжали бы служить Европѣ сильнымъ оплотомъ противъ скандинавскихъ погромовъ.

Военная дѣятельность Карла, вездѣ увѣнчанная побѣдою, опредѣлила почти всѣ границы будущаго германскаго развитія; но его дѣятельность законодательная, неуступавшая его подвигамъ военнымъ, была гораздо менѣе успѣшна и оставила менѣе слѣдовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что устроенныя имъ системы пограничныхъ графствъ и герцогствъ, входившія болѣе въ кругъ военныхъ, чѣмъ гражданскихъ распоряженій, пережили его, укрѣпили область германскую, приготовили ея торжество надъ Славянами и измѣнили жизнь многихъ народовъ, введя чисто-дружинный бытъ на мѣсто прежняго, отчасти общиннаго быта.

Эти послѣдствія особенно замѣчательны въ восточной и сѣверо-восточной Германіи, хотя рѣзкое отдѣленіе сословія отъ сословія у Саксонцевъ и древнее запрещеніе браковъ между людьми разныхъ сословій доказываютъ уже прежнее завоеваніе и смѣсь двухъ системъ, дружиннаго и общиннаго и двухъ разнородныхъ началъ племенныхъ.

Точно также не безполезны были старанія Карла о возвращеніи науки въ его темной и невѣжественной Франціи. Призванные имъ ученые изъ британскихъ областей, преемники древнихъ школъ, никогда вполнѣ не исчезавшихъ, и ученики

великаго Беды не только бросили нѣсколько лучей свѣта въ этотъ мракъ дикой и безсмысленной жизни, но положили основаніе новымъ школамъ, которыхъ развитіе имѣло сильное вліяніе на будущность наукъ въ западной Европѣ и опредѣлило отчасти ихъ направленіе. Но въ другихъ отношеніяхъ вся законодательная дѣятельность Карла осталась безплодною и не могла устоять противъ историческихъ началъ, которыми онъ думалъ управлять, но которыя потребовали своего собственнаго развитія, неотвратимаго никакимъ частнымъ величіемъ и никакими человѣческими усиліями. Такимъ образомъ великій императоръ, предвидя направленіе аллодіальности или государственной дружинности (хотя и личной по началу меровингскому) перейти въ феодальность или въ самостоятельную дружинность, въ которой прежнее равенство уступило мѣсто постепенной зависимости, и нижнія ступени дружинныхъ рядовъ совершенно отрывались отъ державной главы подчиненностью своею отъ посредствующихъ степеней, напрасно старался отстранить или хоть замедлить зло, запретить бѣднымъ дружинникамъ поступить въ ленныя обязательства къ другимъ болѣе могущимъ и богатымъ. Постоянныя войны, слишкомъ отяготительныя для неимущихъ и внутреннее стремленіе личной дружины, (какова была франкская), не связанной ни какимъ народнымъ или разумнымъ единствомъ, пріобрѣсти самостоятельность и создать въ себѣ хоть призракъ жизненнаго начала посредствомъ іерархіи владѣнія, взяли верхъ надъ сильною волею царственнаго лица; развитіе феодальности начинается дѣйствительно съ царствованія ея перваго противника, увѣнчавшаго дѣло предковъ своихъ Пипиновъ и Карла, представителей германскаго дружиннаго начала, которому они доставили торжество не только надъ римскимъ, но и надъ всякимъ народнымъ началомъ въ областяхъ западной Европы. Безсознательно окончивъ начатое великими мерами Австразіи, Карлъ тщетно боролся противъ послѣдствій подвига, совершеннаго его родомъ и имъ самимъ. Также тщетно желалъ онъ въ многихъ случаяхъ сохранить германскую народную стихію и остановить романизацію своего двора. Германское

начало, торжествовавшее въ родѣ Меровинговъ, было единственно дружинным и народность во всѣхъ отношеніяхъ, (языкѣ, нравахъ и пр.) была случайностью, съ которою оно ни сколько не связывалось. Между тѣмъ просвѣщеніе, поощряемое Карломъ и основанное на жизни, словесности и языкѣ древняго Рима, дѣйствовало постоянно противъ народности германской (въ областяхъ нѣкогда римскихъ) и стремилось къ быстрому романизированію завоевателей. Дѣйствительно уже при ближайшихъ преемникахъ Карла (внукахъ или правнукахъ его) языкъ новый, неорганически составленный изъ смѣшенія стихій галло-римской и нѣмецкой (съ преобладаніемъ первой) сталъ придворнымъ языкомъ и слѣдовательно языкомъ всей дружины, доказывая такимъ образомъ торжество романской стихіи въ одной области жизни тогда, какъ она была побѣждена въ другой.

За всѣмъ тѣмъ явныя свидѣтельства о нарѣчіи, употребляемомъ при дворѣ самаго Карла, его старанія о сохраненіи не только языка нѣмецкаго и памятниковъ его древней поэзіи, но и нравовъ старо-германскихъ, все доказываетъ, что онъ самъ принадлежалъ еще вполнѣ за-рейнской области, въ которой возникла франкская дружина и связываетъ его славу съ Германіею а не Франціею, которая себѣ присвоиваетъ ее также несправедливо какъ и славу другаго непобѣдимаго полководца, явившагося тысячу лѣтъ позднѣе. Нельзя не замѣтить этого особеннаго отношенія Франціи къ величайшимъ дѣйствователямъ въ ея судьбѣ. Она была способнымъ орудіемъ величія, котораго произвести не могла вѣроятно вслѣдствіе мелкости и безсвязности своихъ внутреннихъ началъ. Въ отношеніи къ Карлу чувство народное выразилось отчасти въ позднѣйшемъ развитіи; ибо усвоеніе имперства германскаго въ родѣ Оттоновъ нельзя считать простою случайностью, слѣдствіемъ завоеванія Италіи; оно основывалось на преемствѣ преданія, связывающаго императорскій титулъ Великаго Карла съ народностью германскою. Несправедливо бы было однакоже совершенно отрывать Карла отъ Франціи, не смотря на его тѣснѣйшую связь съ Германію. Въ его законодательствѣ многое относится собственно къ Франціи (что доказывается даже

словами изъ старо-галльскаго языка, сохраненными въ его капитуляріяхъ и въ которыхъ страннымъ образомъ слышны часто чистославянскія созвучія, напр. *дусъ*, злой духъ, слѣд. духъ, мн. *дуси дѣдичье*—поминки по родителямъ и др.): кромѣ того сказки рыцарскія, конечно болѣе принадлежащія дворянству, чѣмъ городамъ или народу, и связывающія съ Карломъ цѣлый богатырскій циклъ доказываетъ, что Франція, или по крайнѣй мѣрѣ ея высшее сословіе, не теряли памяти о великомъ вождѣ. Впрочемъ должно замѣтить, что въ этихъ сказкахъ императоръ является не какъ лице народное, не какъ Владиміръ красно солнушко, а какъ глава христіянства и священная власть,

Другая борьба Карла противъ начала, которому безсознательно служилъ онъ самъ и предки его, была точно также неуспѣшна. Это борьба противъ папства. Прежняя вражда между папами и мерами, присмиренная послѣ бунта баварскаго, подавившаго въ пользу папства слабые зачатки свободной западной церкви и по видимому совершенно забытая послѣ того, какъ Пипинъ получилъ вѣнецъ меровингской въ уплату за побѣду надъ Лонгобардами, приняла совершенно новый видъ. Первая борьба происходила между меромъ, представителемъ дружины, и королемъ, принявшимъ на себя значеніе римской государственности подъ преобладаніемъ церковнаго начала: новая борьба приняла значеніе болѣе широкое и важное. Пипинъ и Карлъ (какъ преемникъ его) уже получили вслѣдствіе царскаго вѣнчанія тотъ двойственный характеръ, который принадлежалъ первымъ Меровингамъ: по завоеваніе Италіи, паденіе лонгобардскаго царства и вѣнчаніе Карла императорскимъ вѣнцемъ (дѣло очевидно невольное со стороны папы, откупавшагося этой уступкою отъ справедливаго суда) поставили западнаго императора въ новыя отношенія къ папскому престолу. Свобода отъ далекой Византіи, смѣло отстоянная прежними епископами Рима, замѣнялась прямою и тяжелою зависимостью отъ близкаго и сильнаго владыки. Миръ не могъ быть продолжительнымъ. Два начала встрѣтились въ лицѣ папы и императора съ ровными притязаніями на всеобъемлющее

значеніе. Папа былъ уже не только не однимъ изъ епископовъ, но и не первымъ изъ епископовъ. Онъ самъ признавалъ себя и былъ признаваемъ общимъ мнѣніемъ (хотя еще неуяснепнымъ) какъ верховный судія церкви и хранитель правды общей и христіянской. Онъ представлялъ въ христіянствѣ духовную сторону калифата. Съ другой стороны императоръ (таковъ былъ смыслъ его помазанія) былъ уже не просто какъ меръ дружинопачальникъ германскій или какъ король народный глава извѣстной области по понятію, перешедшему изъ римскаго права, или какъ первые Меровинги, лица соединяющія оба значенія, онъ былъ уже главою христіянскаго міра, ибо востокъ былъ очевидно терпимъ по неволѣ и непризнаваемъ ни папою ни императоромъ, и слѣд. представлялъ въ христіянствѣ свѣтскую сторону калифата. Столкновеніе было неизбѣжно, ибо папа долженъ былъ какъ духовный глава присвоить себѣ верховный судъ, по необходимости зависящій отъ общей и высшей правды, которой онъ былъ хранителемъ, а императоръ, какъ глава хотя и свѣтская не области, а цѣлаго христіянскаго міра, получающаго свое значеніе и предѣлы не отъ случайностей народовъ и земель, а отъ самаго христіянства, долженъ былъ точно также себѣ присвоивать верховный судъ во всемъ и считать себя полновластнымъ хранителемъ общей правды. Первыя отношенія римскаго престола къ императору были очень невыгодны. Побѣды Карла, его огромная власть, его могучій геній, его неограниченное господство въ сѣверной и средней Италіи и въ Римѣ самомъ поставили папу въ прямую зависимость отъ него. Прежній союзникъ, освободитель отъ враговъ Лонгобардовъ, сдѣлался владыкою. Папа и все духовенство итальянское покорились, протестуя рѣдко и робко: но Карлъ понималъ и предвидѣлъ будущую борьбу: онъ старался ее предупредить. Для этого искалъ онъ и дѣйствительно нашолъ самую твердую опору (если бы что нибудь могло устоять противъ логическаго развитія уже допущенныхъ началъ) въ церковной іерархіи и въ ея законахъ. Нельзя сказать, что бы его законодательство ввело въ церковныя учрежденія новыя начала или новыя постановленія; но

возстановленіе старыхъ положеній, отчасти ослабѣвшихъ и забытыхъ, отчасти утратившихъ свое прежнее значеніе, соединяло въ себѣ выгоды священной старины и вѣрно расчитаннаго нововведенія. Таковъ смыслъ законодательныхъ правилъ Карла Великаго, опредѣлившихъ взаимныя отношенія между епископами и возвысившихъ власть и санъ митрополитовъ или епископовъ верховныхъ надъ нѣсколькими епархіями. Власть Папская была ограничена и связана митрополитскими правами, ихъ сравнительною независимостію отъ Рима (ибо апелляція на ихъ рѣшенія допускалась только съ большими ограниченіями) и особенно частымъ собираніемъ соборовъ областныхъ или помѣстныхъ. Эта мѣра оказалась очень дѣйствидѣйствительною. Карлъ умеръ; царство его распалось; слабые преемники не умѣли охранять ни правъ своихъ противъ Рима, ни областей противъ дикихъ пришельцевъ съ сѣвера, ни власти противъ подданныхъ, и долго еще возвеличенные Карломъ митрополіи и соборы боролись противъ папскихъ притязаній и епископы съ сильнымъ духомъ и знаніемъ (какъ наприм. Гинкмаръ Реймскій) не преклоняли главы своей передъ римскимъ судомъ: но престолъ, возвышенный Меровингами, пользовавшимися его союзомъ противъ народовъ иновѣрныхъ, еще болѣе, хотя и нехотя возвышенный Каловингами, получившими отъ него сперва королевскій, потомъ императорскій вѣнецъ, поставленный внѣ ряда всѣхъ другихъ престоловъ на западѣ, оторвавшихся отъ патріарховъ востока, окруженный неприкосновенною святостью въ общественномъ мнѣніи и логически развивающій начала, которыми проникнуть былъ весь западный міръ, долженъ былъ восторжествовать надъ случайными препонами, не основанными ни на какомъ высокомъ понятіи; (ибо метрополіи имѣли и могли имѣть значеніе только при основахъ мысли восточной, а на западѣ не имѣли ни какаго смысла). Смѣлый Николай I-й сокрушилъ слабыхъ противниковъ, и римскій епископъ вступилъ въ свое великое историческое поприще.

Значеніе Карла въ исторіи новой Европы заключается въ слѣдующемъ. Имъ совершилось дѣло Франковъ меровейскихъ, Значеніе Карла В. въ исто-

рін новой Европы.

которыхъ составъ, какъ дружины личной, а не народной, и слѣдов. основанной на устройствѣ чисто военномъ, былъ способенъ къ принятію въ себя всякой стихіи, но по своему германскому началу особенно склоненъ къ принятію стихіи германской. Отъ того то его торжество было собственно торжество всѣхъ нѣмецкихъ поколѣній и имъ опредѣлились почти во всей ширинѣ своей границы области, въ которой должна была развиться сила германскаго племени (за исключеніемъ британскихъ острововъ и полуострова скандинавскаго. Имъ также совершилось дѣло меровъ австразійскихъ, т. е. вторичное завоеваніе галло-романской Франціи (Невстріи), очевидно находившейся во время послѣднихъ Меровейцевъ подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстнаго начала, противустоящаго не безъ успѣха началу германскому.

Это видно изъ многихъ именъ великихъ историческихъ личностей въ невстрійской Франціи до торжества рода Пипинова. Память же о борьбѣ съ германскимъ (австразійскимъ) началомъ и о торжествѣ его сохранилась въ народныхъ сказкахъ о родѣ Аймоновомъ изъ Монтальбана (Бѣлогорія) слѣд. изъ юго-восточной, нѣкогда полу-славянской Невстріи. Рено и братья его олицетворяютъ въ себѣ мягкость, полупросвѣщеніе, безпечность и разъединенность галло-романской стихіи, блистающей безполезнымъ блескомъ личной доблести, но очевидно безсильной противъ плотной и могущей дружинности сѣвера. Въ Вивіянѣ и Можисѣ (или Малагизѣ), добрыхъ волшебникахъ и родственникахъ побѣжденнаго рода, высказывается память о римской наукѣ, которою Невстрія гордилась передъ темною Австразіею. Вѣрный дружинникъ Роландъ, равно прославленный въ Германіи и въ Пиринеяхъ (хотя вѣроятно лице историческое) есть чистое олицетвореніе самой личной дружины, равнодушной къ областнымъ раздѣленіямъ и неуклонно служащей своимъ грознымъ мечемъ своему ленному владыкѣ. Роландъ готовъ бы былъ дружиться съ невстрійцемъ Рено и часто даже является его родственникомъ, но сражается противъ него съ ожесточеніемъ по чувству долга. Быть можетъ въ его грубоватой добротѣ (также какъ и въ назначеніи его родины) можно замѣтить какой то далекій отзывъ

славянскаго племени и сходство съ великимъ идеаломъ русскихъ Славянъ, Ильею Муромцемъ, хотя Илья стоитъ гораздо выше его, также какъ и выше всѣхъ другихъ народныхъ олицетворе ній, будучи полнымъ типомъ силы, управляемой единственно нравственною правдою и чуждой всякому эгоистическому или случайному побужденію; но въ лицѣ Роланда безспорно замѣтны слѣды германскаго происхожденія или по крайнѣй мѣрѣ германскихъ миѳовъ. Такова его неуязвимость, связывающая его съ Сигфридомъ, и отдѣляющая его отъ кельтскихъ также какъ и славянскихъ богатырей (напр: круга Артурова или Владимірова), такова почти волшебная сила его меча и рога и пр. Явные признаки древности и народности въ Роландѣ уличаютъ хвастовство Испаніи въ выдумкѣ его побѣдителя Бернарда ди Карпіо, ни чѣмъ не связаннаго ни съ какимъ преданіемъ или фактомъ историческимъ. Роландъ, это сама дружина франкскаго короля, германская по происхожденію, уже свыкшаяся и сжившаяся съ Невстріею и только случайно поставленная во враждебныя отношенія къ ней. Побѣжденный галло-римлянинъ Рено ищетъ и долженъ искать спасенія въ нѣдрахъ церкви и въ службѣ Богу: другъ его и благодѣтельный волшебникъ, Малагизъ, посвятитъ себя также Богу и умретъ святымъ или взойдетъ по инымъ преданіямъ на Римскій престолъ. Въ нихъ эта религіозная кончина не случайная приставка позднѣйшихъ вѣковъ или внѣшняго направленія Карловой дѣятельности, какъ проблеска религіознаго значенія въ Роландѣ, но отзывъ историческаго факта. Ихъ побѣдители, богатыри при-рейнскіе (майнцкіе), имѣютъ свой поэтическій циклъ, менѣе извѣстный и не столь чисто сохраненный, и этотъ циклъ отличается особымъ характеромъ. Отстраняя позднѣйшую примѣсь, часто соединяющую богатырей при-рейнскихъ (какъ напр. Дулина, Герарда и др.) съ представителями Невстріи монтальбанцами, можно замѣтить въ Австразійцахъ болѣе дикости и суровости, больше преобладанія грубой силы, характеръ чисто-германскій, бытъ кастеллановъ-завоевателей, гордыхъ богатствомъ и владѣніями, связь съ силами міра невидимаго, принадлежащаго германской миѳологіи и презрѣніе къ галло-романскому міру. Къ этому кругу примыкаетъ, хотя случайной Датчанинъ Ожьеръ. Въ преданіяхъ о невстрійцахъ монтальбанцахъ при-рейнскіе австразійцы являются племенемъ лукавымъ, коварнымъ и лишеннымъ всѣхъ добле-

стей, низкими обманщиками и льстецами, съ которыми императоръ связанъ своею случайною слабостью. Разумѣется, въ этомъ замѣтно выраженіе народной вражды; но впрочемъ не должно забывать, что Австразійцы, какъ представители чисто франкскаго племени, должны были соединять въ себѣ тѣ пороки, которыми было обезчещено это племя и по свидѣтельству исторіи и по свидѣтельству современныхъ писателей, свирѣпость и корыстолюбіе, которыхъ доказательство можно найти въ самыхъ героическихъ сказаніяхъ о ри-рейскихъ витязяхъ (семьи Дуликовой) съ тѣмъ бездушнымъ коварствомъ, которое внушило извѣстное слово: «Франки любятъ произносить клятвы потому, что наслаждаются клятвопреступленіемъ.» Иначе и быть не могло (какъ уже сказано) по историческому происхожденію и судьбѣ франкскаго союза. До сихъ поръ значеніе вражды между монтальбанцами и майнцянами не понято критикою историческою. Эта недогадливость происходитъ отъ того, что вторичное завоеваніе Франціи при австразійскихъ мерахъ мало обратило на себя вниманія историковъ. Послѣднее торжество того же австразійскаго начала, (хотя уже много измѣненнаго), есть крестовый походъ противъ Альбигойцевъ.

Еще важнѣйшее, можетъ быть, по послѣдствіямъ своимъ, дѣло Карла великаго (начатое уже отцемъ его, но совершенное имя съ необычайною энергіею) есть обратное завоеваніе всей Германіи германо-франкскою дружиною. Нѣтъ сомнѣнія, что первые Меровинги уже проложили путь Карловингамъ; но хотя и нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ въ темныхъ лѣтописяхъ меровейскаго времени, явно во первыхъ, что владычество Меровейцевъ было болѣе первенствомъ чѣмъ истиннымъ владычествомъ во многихъ частяхъ южной Германіи, гдѣ сохранялась еще нѣкоторая народная независимость, уничтоженная мечемъ Пипина и дѣтей его, и во вторыхъ, что пользуясь внутренними раздорами франковъ, саксонцы распространились далеко по всей сѣверной Германіи, основывая государство если и не на общинныхъ началахъ (какъ видно изъ рѣзкаго раздѣленія сословій), то по крайней мѣрѣ на началахъ дружины народной. Карлъ великій доставилъ полное и рѣши-

тельное торжество франкской системѣ дружины личной, обративъ завоевательницу запада, Германію, въ страну завоеванную и опредѣливъ такимъ образомъ всю будущую исторію Европы съ развитіемъ феодальности, униженія народнаго и окончательной личной разъединенности. Начало, котораго онъ былъ представителемъ, было безспорно сильнѣе побѣжденныхъ имъ неясныхъ началъ (что въ послѣдствіи было доказано норманнами въ Англіи), и слѣд. торжество его было неизбѣжно; но нельзя неудивляться непобѣдимому генію, желѣзной волѣ и искусству державнаго полководца.

Менѣе важно, хотя вообще болѣе оцѣнено вліяніе Карла на исторію запада распространеніемъ области христіянской и основаніемъ политической или лучше сказать общественной идеи цѣлаго христіанства (tota Christianitas). Но должно замѣтить съ одной стороны, что успѣхъ Христіянства былъ неизбѣженъ и что земли саксонцевъ и другихъ язычниковъ, по необходимости, вошли бы въ составъ христіянскаго міра даже безъ побѣдъ Карла, не смотря на вражду этихъ народовъ къ ученію, которое въ ихъ глазахъ сливалось съ ненавистною народностью франковъ, а съ другой стороны, что идея цѣлаго христіянства по западному понятію получила гораздо болѣе и болѣе нормальное развитіе отъ основныхъ началъ самаго католицизма западнаго и папскаго престола, чѣмъ отъ случайнаго совокупленія всего христіянскаго міра подъ однимъ императорскимъ скипетромъ. Въ обоихъ случаяхъ подвигъ Карла имѣлъ значеніе второстепенное, ускоряя явленія, которыя сами по себѣ были необходимы: но это вліяніе принесло плоды неожиданные для его современниковъ и незамѣченные ихъ ученными потомками (нѣмцами). Система вооруженной проповѣди, чуждая христіянству, введенная первоначально франками, но получившая свое развитіе безъ сомнѣнія отъ Карла Великаго, съ одной стороны наполнила исторію Европы и всего міра ужасами, которые были бы позоромъ для людоѣдовъ (таковы завоеванія Испанцевъ въ Америкѣ и можетъ быть еще болѣе крестовые походы противъ славянъ сѣверныхъ и южныхъ), съ другой положила начало или приготовила зародыши

протестантству, ибо должно замѣтить, что оно вообще распространилось и укоренилось въ странахъ обращенныхъ въ христіянство насиліемъ. Конечно, самый католицизмъ римскій по своей односторонности долженъ былъ вызвать противуположную односторонность протестантства; но память о первоначальномъ насиліи, хотя и заглаженная вѣками, не замѣтно сливалась съ жизнію народовъ, не призванныхъ но вкученныхъ въ христіанство, и дѣлала ихъ готовыми и способными сосудами для будущаго протеста и возстанія. Основаніе же государства, заключающаго въ себѣ всю цѣлость христіянскихъ народовъ (хотя это государство распалось почти немедленно послѣ смерти основателя), имѣло то послѣдствіе, что оно примѣшало новую и неразумную стихію къ идеѣ цѣлаго христіянства, вытекающей изъ римскихъ началъ католицизма, и заготовила призракъ всемірнаго обладанія, къ которому стремились преемники Карла по духу, императоры германскіе, и который (кромѣ чисто-мѣстныхъ причинъ) обратилъ на нихъ всѣ силы папства и облилъ кровію большую часть средней и южной Европы. Безъ сомнѣнія и въ отношеніи къ распространенію христіянской области и въ отношеніи къ односторонему развитію идеи всехристіянской державы, Карлъ является великимъ историческимъ дѣйствователемъ; но такъ какъ эта идея въ своей односторонности разрѣшилась въ ничто борьбою папъ съ императорами, такъ какъ христіянство необходимо должно было распространиться по всей Европѣ и протестанство возникнуть изъ односторонности латинства, нельзя приписать Карлу въ развитіи всемірныхъ идей той важности, которую онъ имѣетъ безспорно въ отношеніи политической и общественной жизни западной Европы. Имъ заключается и утверждается въ ней полное торжество франкской системы (дружины личной) и опредѣляется вся послѣдовавшая за нимъ феодальность, уничтожившая всякое понятіе о жизни общинной и до нашего времени слившаяся неразрывно съ бытомъ и даже умственнымъ развитіемъ всего запада по обѣ стороны атлантическаго океана.

Царствованіе Карла великаго составляетъ безъ сомнѣнія ве-

ликую эпоху въ исторіи міра. Имъ кончились вѣка нестройнаго хаоса, послѣдовавшаго на западѣ за ослабленіемъ римской державы; имъ кончилась политическая и государственная исторія новой, галло-германской Европы; съ нимъ связаны первыя начала возрождающаго просвѣщенія, подавленнаго и погибавшаго во время волненія народовъ; и онъ былъ достоинъ своего великаго историческаго значенія не по одной силѣ воли, неутомимой дѣятельности, военному генію, какому мало равныхъ явилось въ теченіи вѣковъ, и возвышенности помысловъ и цѣлей, но и по многимъ добродѣтелямъ, къ несчастію помраченнымъ нѣсколькими пороками (каковы развратъ нравовъ, а иногда и лишняя жестокость), быть можетъ неизбѣжными для Франка. Утѣшительное и поучительное явленіе въ исторіи міра, онъ дожилъ если не до глубокой старости, которой могъ надѣяться по желѣзному тѣлосложенію, то по крайней мѣрѣ до такихъ лѣтъ, въ которыхъ обыкновенно истощается человѣческая дѣятельность, и, совершивъ безконечно много, доказалъ своимъ примѣромъ въ борьбѣ противъ папства и начинающейся феодальности, какъ безсильна самая сильная личность и какъ мало можетъ человѣкъ противъ логической строгости историческихъ началъ. Онъ служитъ имъ даже тогда, когда борется противъ нихъ до тѣхъ поръ, покуда они сами не совершатъ своего поприща и не дойдутъ до крайняго развитія, обличающаго ихъ односторонность и слабость.

Преемники Карла Великаго.

Карлъ умеръ: на его мѣсто вступилъ сынъ его, Людвигъ добродушный, котораго царствованіе было рядомъ униженій и несчастій. За всѣмъ тѣмъ Людвигъ не былъ недостоинъ престола. Его доброта, доходящая до слабости, его набожность, слишкомъ готовая покоряться духовнымъ властямъ, его нѣжность къ семьѣ, подчинявшая его волю честолюбивѣйшей жены и щадившая преступныхъ дѣтей, были соединены съ просвѣщеніемъ, съ благими и благородными стремленіями, съ любовію правды, съ мужествомъ и воинскими доблестями. Но имперія Карла возможна была только для его могущественнаго генія: она носила въ себѣ уже совершенно зрѣлыя сѣмена разрушенія. Главнымъ началомъ бѣдствій была взаимная враж-

да народовъ, подавленная силою франкской дружины, но всегда готовая снова вспыхнуть и разорвать на части искуственное зданіе государства; но это начало не могло еще развиться, покуда самое государство сохраняло силу своей сосредоточенности. Эта сосредоточенность была первоначально потрясена другими стихіями. Первые года Людвигова царствованія были не безславны: военныя предпріятія вообще успѣшны, имперія довольно покойна. Раздоръ въ императорской семьѣ подалъ знакъ къ междоусобицѣ. Сыновья Людвига ополчились противъ отца изъ властолюбія и зависти къ младшему брату отъ втораго брака; ихъ безнравственная вражда нашла опору въ возникающемъ феодализмѣ.

Вообще должно замѣтить, что вся исторія запада наполнена возмущеніями сыновей противъ отцевъ, что эти возмущенія часто получали благословеніе церкви, пользовались сочувствіемъ народовъ и одобреніемъ дружины (дворянства). Критика историческая должна обратить особенное вниманіе на такой фактъ, въ которомъ явно высказывается ничтожность семейнаго начала въ западной Европѣ, низкая степень, на которой стояло нравственное чувство, и преобладаніе начала дружиннаго. Если иногда и высказывается въ обычаяхъ и въ законодательствѣ что либо противорѣчащее общему закону, то это противорѣчіе должно признать мнимымъ и объяснять тѣмъ только, что безземельный сынъ подчиняется власти отца не какъ отца, а какъ законнаго дружинноначальника или леннаго владѣльца. Важно не то, что дѣти возмущались, а то, что сочувствіе народовъ признавало за ними право возмущенія.

Людвиговы дѣти явились на битву противъ отца съ сильною дружиною. Тщетна была надежда Карла Великаго подчинить ополченіе имперіи ея главѣ. Начала феодальности развивались не смотря на всѣ законы; герцоги и графы пограничныхъ областей владѣли огромною военною силою, которая была по необходимости поручена имъ для охраны государства. Эта сила почти не признавала надъ собою никакой власти, кромѣ ближайшихъ своихъ дружиноначальниковъ, а выгоды дружиноначальниковъ (графовъ и герцоговъ) были всегда на

сторонѣ возмущенія, которое ослабляло узы ихъ зависимости отъ государей и упрочивало или доставляло имъ права наслѣдственности. Не менѣе опасны свѣтскихъ властей были власти духовныя. Укрѣпленныя и возвышенныя Карломъ, который имъ покровительствовалъ для пользы просвѣщенія и для отпора Риму, они искали власти самостоятельной и независимости отъ государственнаго начала. Еще короли меровингскіе ввели епископовъ въ свою дружину, связывая ее такимъ образомъ съ народомъ, который не имѣлъ дѣйствительно никакихъ другихъ представителей, кромѣ духовенства: но такое сліяніе высшихъ духовныхъ лицъ съ дружиною оторвало ихъ мало по малу отъ народа и дало имъ характеръ дружины, тѣмъ болѣе, что значительная часть епископскихъ престоловъ уже была занята потомками побѣжденныхъ Галло-Римлянъ, по родственниками германскихъ вождей. Отъ того то видимъ мы такъ много епископовъ въ рядахъ мятежнаго войска Лудвиговыхъ дѣтей и этотъ союзъ былъ для нихъ весьма важенъ не только потому, что епископы владѣли огромными имѣніями, данными церкви набожностью прежнихъ королей, но еще болѣе потому, что полу-римская идея государственной власти теряла все свое значеніе и свою святость, когда противъ нея возставали епископы, представители римской церковной гражданской власти. Наконецъ народы охотно брались за оружіе противъ короля, представителя франкскаго первенства и когда сыновья Лудвига возставали противъ отца, вмѣстѣ съ ними и подъ ихъ начальствомъ полупокоренные Саксонцы, Баварцы, не совсѣмъ забывшіе свое готское происхожденіе, итальянскіе Лонгобарды и при пиринейскіе Васконцы шли противъ преемника Клодовига и Пиппина.

Кстати о Васконцахъ должно замѣтить, что это безспорно мѣшанное племя, котораго начала повидимому связаны съ кельто-Иверцами, почти незамѣтно въ первое время франкской власти и очень важно въ послѣднее время Меровинговъ и при Карловингахъ. Такая перемѣна, кажется, объясняется сильнымъ переселеніемъ изъ

Испаніи послѣ Маврскаго завоеванія, опустѣніемъ пограничныхъ равнинъ, давшимъ большую важность непокореннымъ племенамъ горной твердыни и отчасти союзомъ галло-романскихъ жителей съ чуждыми и даже ненавистными Васконцами противъ еще болѣе ненавистныхъ утѣснителей, Германцевъ. Баски утрачиваютъ свою историческую важность по мѣрѣ романизаціи германской стихіи въ южной Франціи.

Побѣда дѣтей Лудвига была необходима при множествѣ началъ, содѣйствующихъ ихъ успѣху и при слабости самаго Лудвига; но торжество ихъ было непродолжительно. Раздоръ между самыми побѣдителями, ихъ взаимная зависть, человѣческое чувство состраданія въ народахъ, не совсѣмъ еще забытое почтеніе къ императорскому сану, невольное уваженіе къ чистымъ добродѣтелямъ слабаго государя и особенно къ памяти его великаго отца, освободили Лудвига и снова возвели его на престолъ: но судьба имперіи была рѣшена: она не могла оставаться федераціею подъ главнымъ начальствомъ императорскаго престола, переходящаго въ наслѣдство по закону сеньоратства: она должна была распасться и распалась, образовавъ три главныя системы государственныя: Францію, Германію и Италію съ ихъ сомнительными украйнами (бельготарпигскою, бургундо-провансальскою и при-альпійскою). Мало доблестей гражданскихъ и еще меньше добродѣтелей человѣческихъ было въ ближайшихъ преемникахъ Лудвига. Большая часть изъ нихъ замѣчательны по слабоумію, слабодушію или разврату; иные (какъ напр: императоръ Лотаръ, обѣщавшій сѣверной Германіи возстановленіе язычества какъ цѣну за союзъ противъ короля германскаго) соединяли въ себѣ почти всѣ пороки: но развитіе западной исторіи было необходимо и приняло бы тѣ же самыя формы даже при другихъ, болѣе благородныхъ властителяхъ. Распаденіе царства было неизбѣжно и его составныя части были опредѣлены предъидущею исторіею.

Эти части были галло-франкская, ломбардо-итальянская и германская: гото-испанская почти столько же чужда имперіи какъ и острова Англо-саксовъ.

Но во всѣхъ разъединившихся частяхъ исторія должна была развиваться одинаково, хотя разумѣется съ частными измѣненіями, обусловленными характеромъ мѣстныхъ стихій. Вездѣ религіею въ тѣсномъ смыслѣ было христіанство въ его римскомъ опредѣленіи: вездѣ общественный составъ основанъ на завоеваніи и опредѣленъ завоеваніемъ; и такъ къ догматическому римскому христіанству присоединялась религія дружины столько же увѣренной въ законности своихъ правъ, сколько и церковь: но дружина сама перемѣнила свой характеръ. Изъ личной дружины франковъ Меровейцевъ и первыхъ Карловинговъ при распаденіи Карловой семьи и державы возникла идея дружины самостоятельной, мало по малу распредѣляющей свою наслѣдственную іерархію по владѣніямъ: позднѣе эта наслѣдственность привела къ понятію о правахъ и преемствѣ крови чуждому ранней эпохѣ: эта религіозная вѣра въ права дружины принадлежала столько же побѣжденнымъ, сколько и побѣдителямъ; но въ побѣжденныхъ сверхъ того таилась и ждала развитія вѣра въ законность правъ порядка и правды по понятію римскому, завѣщанная въ Италіи и Галліи прежнею исторіею, и переданная народамъ германскимъ духовенствомъ и римскою стороною императорскаго и королевскаго сана.

Должно впрочемъ замѣтить, что эти понятія о правомѣрности и полиціи римской не могли никогда такъ развиться въ Германіи, гдѣ онѣ были прививкою, какъ въ Италіи и Франціи до позднѣйшей и почти современной намъ эпохи, въ которой Германія подверглась другимъ и новымъ вліяніямъ, ведущимъ свои начала отъ протестантства.

Сама дружина со временемъ распалась на свои составныя части или приняла въ себя чуждыя начала (напр. идею о правахъ крови); но личность, лежавшая въ основѣ дружины и совершенно согласная съ началами римскаго права, развилась въ послѣдствіи во всѣхъ отрасляхъ жизни, права и науки. Такъ какъ она развивалась не изъ случайностей, но изъ са-

маго корня всѣхъ стихій, составлявшихъ основу западныхъ державъ, она получила въ душѣ народовъ всю силу и несомнѣнность религіознаго убѣжденія. Впрочемъ личность, которая сдѣлалась предметомъ вѣрующаго поклоненія на западѣ, не была тою высокою, очищенною человѣческою личностью, которая такъ сильно выходитъ изъ христіянскихъ началъ; она была личностью во всѣхъ ея случайностяхъ, личностью, рапнимъ поклоненіемъ молодой Гомеровской Эллады, или лучше сказать уже не личностью, а совокупностью случайностей, которыми судьба окружаетъ личность человѣка. Сила была предметомъ поклоненія, красота предметомъ истиннаго обожанія, власть святынею: по этому самому личность въ сопровожденіи безсилія, безобразія, скудости была предметомъ пренебреженія и угнетенія законнаго. Конечно христіянство не даромъ просвѣтило умы и сердца: лучшія струи чувства и мысли всегда протекали черезъ міръ, основанный на романо-германскихъ началахъ дружины и правды внѣшней. Духовенство подымало иногда робкій голосъ въ пользу угнетенныхъ; папство въ полномъ цвѣтеніи своихъ силъ вспоминало иногда про долгъ, завѣщанный первоначальнымъ ученіемъ іудейскихъ рыбаковъ; протестантство не забыло нищеты и страданій человѣческихъ; но эти частныя явленія, разногласящія съ общими основами западнаго міра, не могли измѣнить его логическаго развитія и дать истинной личности человѣка правъ, которыми пользовалась узаконенная случайность Въ этомъ отношеніи нашъ вѣкъ вѣренъ всей предъидущей исторіи.

Освобожденіе отъ личнаго рабства кажется на первый взглядъ явленіемъ несогласнымъ съ изложенными нами положеніями. Въ немъ безспорно высказывается вліяніе христіанства уже и тѣмъ, что отпускныя почитались дѣломъ душеспасительнымъ и искупленіемъ грѣховъ; но въ тоже время должно признать, что онѣ нисколько не имѣли цѣлію уравненія личности передъ обществомъ и никогда не достигали этой цѣли даже косвеннымъ путемъ. Общества продолжали свое развитіе, замѣняя только рабство пролетарствомъ, слегка уступая высшему, уже признанному началу, но не измѣняя своихъ

логическихъ путей. Въ этомъ достаточнымъ убѣжденіемъ служатъ ужасы Америки и рабство негровъ. Освобожденіе рабовъ въ Европѣ было дѣломъ частнаго благодѣянія въ большомъ объемѣ, дѣломъ совѣсти, пробужденной христіанствомъ, а не общественнаго начала, сознающаго права личности. На это явленіе имѣли безспорное вліяніе въ иныхъ случаяхъ усиленіе государственности, основанной на римскомъ правѣ, въ другихъ вѣрно расчитанная выгода, или необходимость, сознанная въ борьбѣ властвующихъ стихій, искавшихъ себѣ опоры и союза въ стихіяхъ порабощенныхъ, но никакого вліянія нельзя приписать идеѣ объ нравственномъ лицѣ человѣка. Впрочемъ уничтоженіе рабства не имѣетъ слишкомъ важнаго значенія въ большой части германской Европы. Рабство было не всеобщимъ явленіемъ: оно съ самаго начала соприкасалось съ вассальствомъ и сливалось съ нимъ посредствомъ безчисленнаго ряда незамѣтныхъ степеней, которыя разумѣется облегчили его уничтоженіе. Не должно забывать также и того, что *колонатусъ* византійскій далеко опередилъ западную эманципацію и безспорно истекалъ изъ болѣе чистыхъ и яснѣе сознанныхъ началъ.

Западъ Европы былъ по своимъ стихіямъ духовнымъ и общественнымъ еще болѣе чуждъ понятію о народѣ, чѣмъ понятію о личности. Славянскія общины (и можетъ быть то же должно сказать и о кельтскихъ) переселялись изъ области въ область, предпочитая ненаселенныя, обращая иногда населенныя въ пустыню, а иногда сливаясь съ туземцами или разселяясь между ими: но цѣль ихъ была пріобрѣтеніе земли плодородной, къ которой они приносили свой неутомимый трудъ, вызывающій спящее богатство, присужденное человѣку. Такъ было на востокѣ Европы и какіе бы ужасы ни сопровождали первое вторженіе незванныхъ хлѣбопашцевъ, уже въ древнихъ поколѣніяхъ, слѣдовавшихъ за завоеваніемъ, историческая критика не находитъ ни вассаловъ, ни угнетеннаго народа, ни рабовъ кромѣ военнополѣнныхъ, часто отпускаемыхъ на свободу или принимаемыхъ въ нѣдра братской общины. Не такъ было на западѣ. Дружина германская, исторически воспитанная на войну и грабежъ, выходила изъ своихъ лѣс-

ныхъ пустынь не для мирнаго труда, а для корысти и власти. Ей нужны были рабы или вассалы для ея прокормленія и лѣса для ея забавы. Пустынныя земли обращались въ непроходимыя чащи, приволье для праздпаго охотника, а населенныя въ обитель рабовъ, приволье для свирѣпаго господина. Народа не было: были одни вассалы и рабы. Не было земли для народа, земля какъ и трудъ земледѣльца были собственностію дружинника-завоевателя. Уцѣлѣли отчасти города: хотя и тѣ были по большей части такою же собственностью дружиноначальника и его сподвижниковъ, но по крайней мѣрѣ города сохранили еще какую то внутреннюю жизнь, особенно въ южной Франціи и Италіи, гдѣ сильны еще были остатки римскаго права и римскаго устройства. Спачала милость завоевателей была дѣломъ чистаго расчета потому, что имъ нужна была промышленность и торговля, которую находили они только въ городахъ, и которой сами создать не могли; отчасти была она предписана необходимостью дружиноначальникамъ, или конунгамъ, которые въ остаткахъ римскаго быта находили нѣкоторую опору противъ произвола своей дружины; иногда была слѣдствіемъ уваженія къ святынѣ храмовъ или мощей, которыя хранились въ городскихъ соборахъ. Позднѣе, города окрѣпли собственною внутреннею силою своего промышленнаго общежитія, нашли сильную опору въ корояхъ, которымъ платили деньгами или военною службою за покровительство и достигли свободы. Но города не были друзьями селъ. Сомкнувшись въ отдѣльныя и эгоистическія общества, они представляютъ исторической критикѣ тотъ же феодальный характеръ какъ и замки бароновъ. Вся западная Европа покрылась сѣтью мелкихъ феодальныхъ князьковъ и такихъ же феодальныхъ республикъ, подчиненныхъ другимъ высшимъ князьямъ или королямъ феодальнымъ. Внутреннее устройство городовъ было завѣщано Римомъ и римское право (сохранившееся или въ писанныхъ памятникахъ или въ обычаѣ и преданіи) было ихъ главною нормою; къ этому праву присоединились отчасти мѣстныя обычаи и понятія, разныя по разнымъ мѣстностямъ, но нигдѣ не перевѣшивавшія рим-

скаго вліянія и духа. Изъ городовъ развились въ послѣдствіи сѣмена права и порядка, которымъ суждено было вслѣдствіе ихъ высшей разумности подавить дружинную стихію, принесенную Германцами; но земля продолжала оставаться безъ народа во первыхъ потому, что городовой житель (среднее сословіе) былъ чуждъ и часто даже болѣе враждебнымъ народу, чѣмъ самые бароны, во вторыхъ потому, что идея народа не могла никогда развиться изъ права римскаго, для котораго существовали искони только лице и государство также какъ для права германскаго существовали только лице и дружина.

Эти двѣ черты опредѣляютъ всё развитіе западной Европы: въ ней не были никогда признаны ни права личности въ ея высшемъ значеніи, ни права народа, котораго самое существованіе сдѣлалось невозможнымъ.

Земля Англо-саксовъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе: но народная стихія была скоро подавлена норманскимъ завоеваніемъ и усиленіемъ римскаго права и отъ того то Англія до нашего времени не узнала и не могла узнать своей истинной силы и ея сокровенныхъ источниковъ.

Первая эпоха Карловинговъ управлялась еще простыми законами дружины. Стихія римская казалась подавленною, можетъ быть, болѣе чѣмъ въ эпоху Меровейцевъ и Лонгобардовъ, особенно въ Италіи и даже въ самомъ Римѣ: но ея начала были живущи потому, что были разумны. Распаденіе западной имперіи, основанной Карломъ на полужизни человѣка, было, какъ сказано, по видимому слѣдствіемъ раздора между его войсками, а дѣйствительно слѣдствіемъ прежней исторической жизни и трехъ различныхъ почвъ, на которыя налегъ общій напливъ Франкской дружины. Долгія распри волновали три державы, уже дѣйствительно вполнѣ отдѣлившіяся одна отъ другой, но составлявшія еще какъ будто общую государственную систему. Въ продолженіи этихъ распрей возросла и окрѣпла сила римскаго престола и положила основаніе своего послѣдующаго владычества—какъ уже сказано. Между

тѣмъ императорское званіе и безсмысленный вѣнецъ переходили съ одной головы на другую, не доставляя своимъ временнымъ владѣльцамъ ни власти истинной ни даже почета (за исключеніемъ недолгаго царства Карла толстаго), но сохраняя въ народахъ и въ властителяхъ понятіе о верховной власти, выражающей полное развитіе римской стихіи въ ея государственномъ значеніи и въ ея тѣсномъ соединеніи съ единствомъ духовнаго міра на западѣ.

Отъ того-то всегда вѣнчаніе императора является какъ бы неотъемлемымъ правомъ общаго духовнаго пастыря всѣхъ западныхъ народовъ.

Италія не вполнѣ завоеванная Карломъ великимъ, дѣлилась на двѣ половины, на южную, греческую и лонгобардскую и на сѣверную, франкскую. На югѣ безпрестанныя и безсмысленныя войны мелкихъ владѣльцевъ или ссоры Грековъ и Лонгобардовъ и набѣги африканскихъ магометанъ уничтожили всякую жизненную дѣятельность, хотя въ тоже время заготовляли много сѣмянъ будущаго развитія: на сѣверѣ бывшая лонгобардскою съ недавняго времени франкская, Италія не принадлежала вполнѣ ни той ни другой системѣ, и слѣд: не могла развивать въ себѣ стихій, которыя не составляли еще органическаго цѣлаго и носили на себѣ характеръ частной случайности. *Франція была почти въ томъ же положеніи какъ и сѣверная Италія. Невстрійское (романское) начало, побѣжденное австразійскимъ (германскимъ), должно было снова стремиться къ равновѣсію и даже къ преобладанію, котораго оно достигло въ послѣдствіи:* но земля была осуждена на долгое ничтожество внутреннею борьбою, безъязычьемъ и безнародностію. Цѣльнѣе была Германія. Не смотря на то, что она была страною завоеванною, что она была раздѣлена на различныя племена, довольно самостоятельныя (Саксонцевъ, Швабовъ, Франковъ, Баіерцевъ и др.), что она заключала въ себѣ начала вражды и междоусобій, что была сравнительно съ Франціей и Италіей землею дикою и необразованною и по-

лучила начало единства государственнаго извнѣ, она очевидно должна была занять первое мѣсто между государствами запада и быть преемницею державства Карла Великаго. Начало, завоевавшее ее, хотя и было въ формѣ чисто-дружинной, слѣд. какъ бы безнародной, происходило изъ нея же и по этому находилось во внутренней гармоніи съ ея духомъ Языкъ завоевателей разнился только діалектически съ языкомъ завоеванныхъ. Гордость отдѣльныхъ семей была оскорблена побѣдою союза семей франкскихъ (что и повело къ борьбѣ), но гордость общаго племени была возвышена и напряжена. Такимъ образомъ, не смотря на дружинность и феодальность, уничтожающія возможность народнаго быта, нѣкоторыя силы народности сохранились и могли дѣйствовать въ языкѣ и чувствѣ одноплеменности Возможно было слово: въ его возможности находилась возможность просвѣщенія, словесности и поэзіи. Наконецъ отношенія церкви къ Германіи какъ къ государству были особенно выгодны. Еще недавно въ дѣлѣ кельтской церкви боролась она съ мерами и принудила ихъ къ уступкѣ; но побѣдивъ и потомъ помирившись съ ними, она сдѣлалась союзницею ихъ преемника, императора Карла. Распря между властями духовною и государственною была прекращена, духовенство облагодѣтельствовано императорами. Тогда началась новая эпоха. Въ старо-христіанскихъ земляхъ духовенство, не чувствуя нужды въ сильномъ покровительствѣ, пришло участіе въ спорахъ возникающаго феодализма съ государствомъ, становясь почти всегда и вездѣ (особенно при благодушномъ Людвигѣ и во Франціи) въ рядахъ возмутителей. Не такъ было въ Германіи, землѣ новообращенной и съ двухъ сторонъ сжатой народами языческими. Тутъ нужна была духовенству сила государства; тутъ нужно было ему покровительство противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ: тутъ служило оно вѣрно и ревностно королямъ и императорамъ и имена многихъ епископовъ блестятъ на равнѣ съ именами самихъ государей въ исторіи созданія германскаго государства. Таковы причины, почему изъ трехъ отдѣленій имперіи Германія предупредила своимъ развитіемъ остальныя и сдѣлалась преемницею франкскаго первенства.

Исторія до сихъ поръ разсказываетъ этотъ фактъ, но не потрудилась надъ его объясненіемъ.

Бѣдственны были для западной Европы первыя времена распаденія имперіи Карла великаго. Сила мусульманская, распавшаяся но еще не истощенная и временно даже получившая мѣстное напряженіе отъ возникшихъ новыхъ мѣстныхъ центровъ, налегала на югъ Италіи и грозила даже Франціи. Вырвавшееся на волю удальство скандинавскихъ моряковъ, до тѣхъ поръ очевидно подавленное самостоятельностію саксонскихъ племенъ и вѣроятно преобладаніемъ чуждаго, менѣе воинственнаго начала въ самой Скандинавіи (до Бравалльской битвы), бросало тысячи смѣлыхъ разбойническихъ судовъ на всѣ сѣверныя и западныя берега распавшаго царства. Гибельнѣе же всѣхъ внѣшнихъ бѣдствій было бѣдствіе безперерывныхъ внутреннихъ раздоровъ. Отъ этихъ то раздоровъ дѣлались возможными нашествія внѣшнихъ враговъ. Сила магометанъ-африканъ не была бы въ состояніи бороться съ ополченіемъ романскихъ народовъ (Франціи и Италіи), а смѣлые паѣздники моря, корабли норманскихъ разбойниковъ, были бы легко отражаемы правильною береговою стражею и самое гнѣздо ихъ, Данія, не могла бы укрыть ихъ отъ преслѣдованія. Всякій отпоръ внѣшнему врагу былъ невозможенъ при распаденіи имперской державы. Западная и особенно сѣверная Франція были опустошены. Норманны, вездѣ побѣдители, присоединяли къ своимъ немногочисленнымъ дружинамъ тысячи бѣглецовъ и раззоренныхъ жителей опустошенныхъ береговъ.

Отъ того то эти ничтожныя ополченія являются часто двадцати и сорока-тысячными войсками. На это обстоятельство, кажется, слишкомъ мало обращали вниманія. Безспорно главные вожди и, такъ сказать, сердцевина дружины были скандинавскія, но очевидно не вся дружина. Истина объясняется отчасти именами дворянскихъ родовъ въ Нормандіи и скорою утратою языка скандинавскаго въ земляхъ, завоеванныхъ Скандинавами.

Изъ грабителей норманны скоро сдѣлались завоевателями во Франціи; но не скоро еще могли они утвердиться въ новыхъ областяхъ. Между тѣмъ они проникали отдѣльными эскадрами далеко на югъ, долго гнѣздились около устьевъ Гаронны, грабили бѣдный сѣверъ Испаніи и являлись даже въ Средиземное море, ужасая мужествомъ и свирѣпостію области давно уже знакомыя съ мужествомъ и свирѣпостію. Самый замѣчательный изъ ихъ набѣговъ не по послѣдствіямъ, которыя были ничтожны, но по историческому намеку, былъ безъ сомнѣнія погромъ береговъ Испаніи и устьевъ *Тага*. Тутъ Мавры узнали и передали вѣкамъ имя желѣзныхъ витязей,— *Руссовъ*, имя, которому суждено было сдѣлаться такимъ великимъ въ послѣдующихъ судьбахъ міра.

Если сообразимъ начало морскихъ разбоевъ норманскихъ, колоніи ихъ бѣглецовъ на сѣверномъ берегу Германіи и на вендскомъ прибрежіи и начало Рюрикова княженія съ великою эпохою Бравалльской битвы, то по необходимости приходимъ къ тому заключенію, что разбои начались отъ побѣжденной и изгнанной стихіи, къ которой разумѣется примѣшивалось не мало и мѣстной, увлеченной вслѣдъ за нею. Тогда объяснится и имя *Варяг*, являющееся въ многихъ нарѣчіяхъ германскихъ (простѣйшая форма едва ли не *варг*) въ смыслѣ изгнанника и слѣд: соотвѣтствующее итальянскому *bandito*, не понятое ни Греками, ни Несторомъ и случайно являющееся у западныхъ анналистовъ, которымъ тѣ же удальцы были узвѣстны подъ другими именами. Съ другой стороны разсказъ о Бравалльской битвѣ, не смотря на противорѣчія въ разныхъ источникахъ, всегда согласенъ въ одномъ обстоятельствѣ. Побѣжденный царь Гаральдъ Гильдетандъ является какъ преемникъ Инглинговъ т. е. рода Фреева (Ванскаго), преемникъ, правда, незаконный, но находящійся въ нѣкоторой связи съ ними и по крайней мѣрѣ очевидно не выходящій изъ той же системы народной. Эта система опредѣляется двумя обстоятельствами: принадлежностію Инглинговъ къ роду Вассовъ съ одной стороны; а съ другой составомъ войскъ побѣжденнаго Гаральда изъ Вендовъ, Гунновъ и людей Гардарика. Итакъ побѣжденная стихія была стихіею славянской. Добросовѣстная

критика не допускаетъ тутъ никакого сомнѣнія. Вслѣдъ за пораженіемъ и бѣгствомъ побѣжденныхъ является на всѣхъ моряхъ и на берегахъ ближайшихъ къ Скандинавіи имя, котораго Скандинавія позднѣйшая уже не знаетъ, но которое по старой памяти дается ей финнами до нашихъ дней, имя *Русь*. Это имя принадлежитъ очевидно той же изгнанной-славянской стихіи. Дѣйствительно имя Русь во многихъ мѣстахъ сопровождаетъ славянское племя: оно находится по всѣмъ примѣтамъ въ прямой связи съ вѣтвію Антовъ такъ на югѣ Франціи земля Русильонъ составляетъ окончность по лосы, въ которой корень *Антъ* служитъ основою многихъ городовыхъ именъ (напр. древній *Антіумъ*, Антибъ и др): такъ имя *Русиновъ* или *Руснаковъ* въ Карпатскихъ горахъ обозначаетъ ту самую мѣстность, которую писатели V-го и VI-го вѣка считаютъ жилищемъ Антовъ: такъ около устьевъ Волги, около Кавказа и Чернаго моря, слово *Русь* отзывается у писателей аравійскихъ и византійцевъ, между тѣмъ какъ мѣстныя преданія Кавказа помнятъ богатырей Антовъ: такъ въ сказаніяхъ германскихъ о погибели рода Эрманарикова тѣже бѣдствія или таже измѣна приписываются двумъ братьямъ изъ племени Антовъ и двумъ братьямъ Росманамъ. т. е. изъ племени *Русь:* такъ наконецъ первая война между Гуннами и Готами приписывается Іорнандомъ убіенію Готами антскаго князя *Боксы*: пѣсни и преданія Кавказа разсказываютъ о томъ же убіеніи князя Боксы *Гутами* и о томъ, что по его имени рѣка Альтуда названа *Боксаною*. Эти преданія возводятся до несомнѣнности греческою надписью на скалѣ на берегахъ Боксаны надъ прахомъ антскаго князя (имени нѣтъ) сына Давова (по моему чтенію Давидова). Теперь эта самая земля, которой Антское имя несомнѣнно по надписи и преданію, называется жителями Кавказа *Урусъ* или *Урускія* (общая форма слова Русь на востокѣ). Такимъ образомъ тождество двухъ названій *Антъ* и *Русъ* дѣлается яснымъ для добросовѣстной критики: объясняется присутствіе имени Русь въ стихіи (славянской) изгнанной изъ Скандинавіи, прекращается споръ о происхожденіи Руси съ юга или сѣвера, причины почему южная Русь (въ которой жили Анты Кавказа и Карпатовъ) называлась у лѣтописцевъ Русью по преимуществу, дѣлаются понятными, открывается корень слова *Русакъ* (степной заяцъ, очевидно не

отъ шерсти) и начало государства русскаго (Рюрикова) является въ новомъ, болѣе разумномъ свѣтѣ. Самое имя *Русь* по сходству съ словами *ручей, ряса* (болотная рѣка по мѣстному рязанскому нарѣчію) и по присутствію своему какъ корень въ словѣ *русло* (какъ *горло, жерло, мыдло* пор.) даетъ явный смыслъ *воды, водяно,* народа прирѣчнаго или приморскаго, мореходнаго, какъ онъ и является въ исторіи 9-го 10-го и 11-го вѣка, поклоняющагося водамъ и живущаго въ водѣ также свободно какъ на сухомъ пути, какъ свидѣтельствуютъ Византійцы V-го вѣка объ Антахъ и Славянахъ вообще. Изъ этого разумѣется не слѣдуетъ заключать, что бы въ выходцахъ скандинавскихъ стихія славянская сохранилась въ чистотѣ или языкъ ихъ былъ языкомъ славянскимъ. Такое предположеніе было бы явною нелѣпостію послѣ десятивѣковаго пребыванія и многовѣковаго властвованія этой славянской вѣтви въ Скандинавіи. Имя семейное, древнія преданія, нѣкоторые обычаи, сочувствіе и союзы съ славянскимъ материкомъ сохранялись: отъ языка могли и должны были сохраниться только обломки, вкрапленные въ мѣстное нарѣчіе, что уже и показано выше въ нѣкоторыхъ словахъ какъ *сарка* (сорока) *міольнирр* (молнія) и др. Также нелѣпо было предполагать, что всѣ норманны принадлежали изгнанной стихіи. Путь былъ открытъ, примѣръ указанъ. Потому же примѣру и въ тотъ же путь устремился всѣ удальцы воинственной Скандинавіи и богатыри, сражавшіеся ожесточенно на родинѣ, дружились въ грабежѣ чужихъ береговъ.

Норманнамъ въ Германіи не такъ посчастливилось какъ во Франціи. Не смотря на близость родины и на первоначальный успѣхъ, они вскорѣ потерпѣли такое рѣшительное пораженіе, что имъ не приходило уже въ голову искать завоеваній и осѣдлости въ землѣ, населенной воинственнымъ народомъ. Неудача ихъ объясняется легко характеромъ прибережья Балтики, фризонскаго племени и Саксовъ. Прибережная страна долго давала отпоръ всѣмъ силамъ феодальства въ его полномъ развитіи, а Саксы, сломленные Карломъ и подведенные подъ условія франкской системы (очевидно не безъ измѣны высшихъ родовъ, попавшихъ выгоду дружиннаго устройства) сохраняли

еще всю свою энергію, доказанную въ послѣдствіи первенствомъ ихъ въ судьбахъ имперской Германіи. Тутъ Норманны не встрѣчали ни безсмысленныхъ илотовъ, ни нищихъ союзниковъ, какъ въ галло-романскомъ населеніи большей части Франціи, и были отбиты навсегда. По Германіи грозила другая, гораздо большая опасность. Славянскіе народы, давно уже успокоившіеся и отвыкшіе отъ наступательной войны, тратившіе силы своихъ мелкихъ и вообще мирныхъ общинъ, на частныя распри и междоусобія (болѣе похожія на семейныя ссоры чѣмъ на историческія происшествія) были отчасти пробуждены напоромъ Меровейцевъ, которымъ они дали довольно счастливый отпоръ, и наконецъ вызваны къ условіямъ совокупнаго дѣйствія и слѣд. государственной жизни завоевательнымъ духомъ новой западной имперіи. Мелкія общины стали срастаться въ союзы еще рыхлые, но уже выказывающіе нѣкоторый успѣхъ въ историческомъ развитіи.

Быть можетъ, каждый подобный успѣхъ сопровождается утратами лучшихъ человѣческихъ достояній, но такова до сихъ поръ вездѣ историческая необходимость и не должно забывать, что тамъ, гдѣ утрата невольна и происходитъ отъ внѣшнихъ причинъ, тамъ она не полна и можетъ быть вознаграждена будущими вѣками. Свѣчи глохнутъ и засыпаютъ, но не гибнутъ. Онѣ гибнутъ тамъ, гдѣ порча происходитъ изнутри и обусловливается свободнымъ развитіемъ самаго народа.

За союзами послѣдовало возникновеніе сильныхъ центровъ. На сѣверѣ они приняли болѣе религіозный, на югѣ болѣе политическій характеръ. Въ этихъ центрахъ стали выказываться великія дотолѣ не предполагаемыя силы. Борьба, начатая съ отчаяніемъ и съ постояннымъ неуспѣхомъ (это видно изъ продолжительнаго расширенія Карловой державы на востокѣ, даже при его слабыхъ преемникахъ) стала ровнѣе. Отпоръ славянъ былъ часто удаченъ. Пріобрѣталась опытность, духъ возвышался; гордость народовъ пробуждалась; вѣсть о побѣдѣ переходила отъ общины къ общинѣ; слагались пѣсни торже-

ственныя, важныя для современниковъ, не совсѣмъ безплодныя для потомства.

Такова пѣснь о Славоѣ, Забоѣ и Людекѣ (Людвигѣ побѣжденномъ Чехами). Сомнѣнія въ подлинности рукописи кажутся мнѣ вовсе неосновательными. Языкъ носитъ на себѣ характеръ древности, и многіе обычаи, не совсѣмъ похвальные (какъ напр. многоженство) едва ли бы нашли мѣсто въ подлогѣ. Впрочемъ этотъ вопросъ не имѣетъ большой исторической важности. Вообще должно замѣтить, что имперія Карла подѣйствовала на славянъ также какъ Римъ на германцевъ и отчасти на славянъ при-дунайскихъ (Готовъ и Даковъ), также какъ Китай на племена средне-азійскія и также какъ въ глубочайшей древности напоръ Кушитовъ на иранскія семьи.

Самый сильный центръ возникъ у карпатскихъ горъ. Область богатая, издревле торговая и слѣд. не чуждая просвѣщенію, населенная народомъ мужественнымъ и отчасти даже воинственнымъ (ибо таковъ былъ характеръ Антовъ), испытанная многими тяжкими борьбами съ Аварами, которыхъ сила была сокрушена при-карпатскими славянами, еще прежде съ германскими дружинами во время переселенія народовъ и еще ранѣе съ тѣми же германцами во время маркоманскаго царства, и въ тоже время съ римлянами (ибо часть народовъ при-карпатскихъ входила въ составъ дакскаго союза, и безспорно побѣжденные остатки Даковъ удалились въ горы), крѣпкая по мѣстности, представляющей сильные преграды нашествію врага, богатая плодами земли, ибо въ ея составъ входили неистощимыя равнины Венгріи и Галиціи, наконецъ готовая къ новой высшей духовной жизни и принявшая ея зачатки отъ проповѣдниковъ восточныхъ, принесшихъ съ вѣрою письменность, развитіе народнаго слова и разумѣется также развитіе общественной жизни.

Вообще трудно отыскать начало отдѣльныхъ народовъ славянскихъ: но пѣсни, свидѣтельствующія о приходѣ Чеховъ въ ихъ теперешнія жилища, доказываютъ, что по крайней мѣрѣ часть ны-

нѣшняго народонаселенія въ Чехіи переселилась не въ весьма глубокой древности. Этаго населенія нельзя отнести къ эпохѣ гунской, когда произошло послѣднее движеніе славянъ съ востока, ибо характеръ языка носитъ на себѣ признаки западно-славянскихъ вѣтвей, живщихъ издревлѣ въ Европѣ. По всей вѣроятности эти переселенцы были пришельцы съ береговъ Дуная и изъ Паннонін и Иллиріи, гдѣ они участвовали въ великой борьбѣ Даковъ и Паннонцевъ съ Римомъ отъ Августа до Трояна. Самое имя Чеховъ неизвѣстно древней исторіи; но было ли бы оно извѣстно и теперь, если бы не сами Славяне сказали его міру? Нѣмцы знаютъ Чеховъ подъ именемъ Богемцевъ. То же самое могло быть и въ древности. При ясномъ разумѣніи движенія южныхъ славянъ на сѣверъ во время римской силы и ранѣе еще, во время нашествія *Влаховъ* (*Галлахъ*, Галловъ) на нижній Дунай, Иллирію и при-Карпатію, позволительно искать имя Чеховъ въ сильномъ народѣ *Чихиновъ* (Сигины) извѣстныхъ Геродоту и съ тѣхъ поръ забытыхъ исторіею. Впрочемъ откуда ни пришли новые переселенцы, безспорно нашли они на берегахъ Влатавы и истокахъ Лабы славянское населеніе, порабощенное нѣкогда галлами, а потомъ отчасти германцами, съ которыми они сродпились по своему коренному племенному родству.

Велико-моравскій центръ, образовавъ могущее царство, составилъ важную эпоху въ жизни славянскихъ народовъ. Борьба съ германцами приняла новое значеніе. Распадающаяся германія слабѣла. Славяне крѣпли. Война оборонительная и почти безнадежная перешла въ наступательную. Побѣда, не смотря на мужество германскихъ государей (потомковъ Карла) и на временные успѣхи ихъ, клонилась въ пользу Славянъ.

Это видно изъ разсказовъ германскихъ лѣтописцевъ, несмотря на естественное пристрастіе ихъ къ своимъ землякамъ.

Блистательныя историческія имена стали появляться между славянскими вождями: таково въ особенности имя грозы германцевъ Святополка или Святовлада (ибо его называютъ Sven-

tibaldus). Предѣлы области славянской, долго сжимавшіеся отъ напора германцевъ, стали значительно расширяться. Успѣхъ южныхъ братій отозвался и на сѣверѣ. Мало по малу общины сѣверныя стали освобождаться отъ ига чужеземнаго и отодвигать своихъ враговъ. Опасность, угрожавшая славянамъ стала угрожать Германіи, уже съ трудомъ отбивавшей ихъ напоръ. Прежнее презрѣніе замѣнилось чувствомъ равенства и уваженія.

Это доказывается ясно принятіемъ славянскихъ именъ (напр. сынъ императора Арнульфа, бывшій нѣсколько времени герцогомъ Лотарингскимъ, назывался Святоплукомъ), союзами герцоговъ германскихъ съ княжескими славянскими родами (одинъ изъ этихъ союзовъ положилъ начало роду Бабенберговъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи было столько императоровъ) и многими другими признаками въ современныхъ лѣтописцахъ и въ ихъ разсказахъ объ отношеніи двухъ народовъ другъ къ другу.

Но этой счастливой эпохѣ не суждено было продлиться. Война, какъ постоянное наступленіе, какъ завоеваніе не была въ славянскомъ духѣ; самый центръ велико-моравскій не былъ еще довольно значителенъ для основанія великой державы, ибо славянскій народъ по своему характеру не способенъ обратиться въ дружину. Правда, этотъ центръ могъ найти еще точки опоры въ окружающихъ его племенахъ сербскомъ, хорватскомъ, ляхскомъ и даже велико-вендскомъ (въ послѣдствіи велико-русскомъ): разницы нарѣчій хотя уже существовали, но были еще незначительны и рѣдки (это видно изъ всѣхъ древнихъ памятниковъ, и составляетъ рѣзкую противоположность съ разрозненностью нарѣчій германскихъ), но такая опора была ненадежна. Южные Славяне принадлежали вполнѣ всею жизнію своею системѣ византійской исторіи, сѣверные (Ляхи) стремились составить свой отдѣльный центръ, а восточные были еще совершенно чужды потребностямъ политической жизни, хотя и имѣли у себя довольно сильное развитіе семейно общественной жизни. Такимъ

образомъ можно сомнѣваться, были ли въ велико-моравскомъ центрѣ вещественные зародыши великой государственной силы. Еще болѣе можно сомнѣваться въ томъ, имѣлъ ли онъ въ себѣ нравственныя основы, достойныя того великаго дѣла, на которое онъ казался призваннымъ. Первыя княжескія имена являются въ распряхъ и междоусобіяхъ, свидѣтельствующихъ не только о весьма слабомъ составѣ общественномъ, но и о неуваженіи къ началу семейному. Возстанія сына противъ отца, племянника противъ роднаго дяди, раздоры безнравственные и безразсудные, таковы первыя происшествія краткой лѣтописи великаго моравскаго царства. Введеніе христіанства сопровождается безпрестанными и кажется не совсѣмъ добросовѣстными переходами народныхъ начальниковъ отъ церкви греческой къ проповѣди латинской и обратно. (Впрочемъ эта шаткость вѣроятно зависѣла отъ неяснаго пониманія церковнаго ученія и слѣд. не можетъ быть предметомъ слишкомъ строгаго обвиненія, хотя и не можетъ быть извиненною вполнѣ). Самыя отношенія этого перваго славянскаго центра къ Германіи были очевидно таковы, что продолжительная борьба была невозможна. Велико-моравскіе государи даже во время побѣдъ своихъ не могутъ оторваться отъ германской системы. Какая-то умственная и духовная зависимость видна въ томъ, что они безпрестанно порываются принимать неразумное участіе во внутреннихъ дѣлахъ западнаго, германскаго міра, въ выборѣ и престолонаслѣдствѣ послѣднихъ Карловинговъ, въ ихъ семейныхъ спорахъ, въ ихъ походахъ по Германіи и Италіи, наконецъ во всей тревожной дѣятельности своихъ бурныхъ сосѣдей. Конечно, Святополкъ въ продолженіи нѣкотораго времени является едва ли не рѣшителемъ судебъ германской имперіи и его воинская слава гремитъ по всей средней Европѣ; но за то всякая война дѣлаетъ его снова плѣнникомъ или по крайней мѣрѣ подручнымъ союзникомъ императора. Добросовѣстная критика не находитъ никакихъ признаковъ истинной самостоятельности въ исторіи моравскаго царства, а основаніе долговѣчнаго и историческаго славянскаго государства было невозможно безъ этой самостоя-

тельности, безъ полнаго и совершеннаго разрыва съ міромъ германскимъ, безъ развитія своихъ независимыхъ духовныхъ началъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми духовными началами, которыя были свойственны Германіи и которыя она проявляла и развивала въ теченіи стольких вѣковъ. Таковы причины паденія великой Моравіи, а не случайное нападеніе весьма не сильной орды финно-турецкихъ Уйгуровъ, какъ вообще полагаютъ.

Мадьяры.

Ложное мнѣніе историковъ происходитъ отъ многихъ причинъ. Германскіе писатели охотно преувеличиваютъ силу венгерскихъ полчищъ, что бы скрыть слабость и стыдъ германскаго міра, такъ долго страдавшаго отъ нихъ. Славянскіе находятъ менѣе стыда во внѣшнихъ причинахъ паденія, чѣмъ во внутреннихъ: и тѣ и другіе охотно останавливаются на вещественной сторонѣ исторіи и не чувствуютъ всей важности ея духовной стороны. Для историка безпристрастнаго и понимающаго логическій ходъ мысленнаго развитія ясно, что держава славянская, возстающая на самой границѣ огромнаго германо-романскаго міра, должна была ему подчиниться въ вещественномъ и политическомъ отношеніи, если она не умѣла сохранить полной духовной свободы. Проповѣдь христіанская проникла въ Моравію съ двухъ сторонъ почти въ одно время: съ латинскаго запада и византійскаго востока; но значеніе ученія являлось въ двухъ различныхъ видахъ. Западная проповѣдь была іерархическая и отчасти политическая, восточная была народная и духовная. Западъ требовалъ покорности своимъ властямъ и своимъ началамъ: онъ былъ поработителемъ и въ замѣнъ непонимаемаго христіанства и обѣщаемыхъ благъ загробныхъ налагалъ вещественное иго на новообращаемыя племена Славянъ. Востокъ приносилъ свѣтъ духовный, пониманіе вѣры и мысленную свободу, не требуя отъ новообращенныхъ ничего кромѣ ихъ собственнаго улучшенія. Таковъ явный выводъ изо всей дѣятельности великихъ тружениковъ христіанства, Кирилла и Меѳодія, когда ее сравниваемъ съ дѣятельностью германскихъ проповѣдниковъ и изо всего спора Меѳодія и учениковъ его съ высшимъ духовенствомъ

германскимъ. Очевидно народъ былъ почти весь на сторонѣ византійскихъ учителей и побѣда должна была остаться за ними. Римскій дворъ предупредилъ опасность. Преемники Николая, не успѣвшаго кончить дѣло, приняли народно-славянскую проповѣдь, церковно-славянскій языкъ и самостоятельность славянскихъ эпархій подъ свое покровительство или по хитрому расчету, предпочитающему уступку совершенному разрыву, или съ намѣреніемъ не допустить излишняго усиленія германскаго духовенства, котораго покорность была не совсѣмъ еще вѣрна, или можетъ быть по началамъ и побужденіямъ болѣе возвышеннымъ и христіанскимъ; ибо въ самомъ Римѣ не успѣлъ еще развиться папизмъ въ смыслѣ опредѣленной и вполнѣ сознательной системы. Его логическое развитіе было впереди. Но при всей склонности народа, отчасти и самыхъ правителей къ ученію византійскому и къ его народнымъ формамъ очевидно и латинская проповѣдь была не безъ послѣдователей. Границы языческаго міра давно уже не могли сохранять неприкосновенность язычества: христіанство проникло съ запада въ область славянскую гораздо прежде того времени, къ которому свидѣтельства письменныя относятъ начало обращенія. Люди уже обращенные проповѣдью западною и дѣти ихъ оставались вѣрными направленію ими принятому. Съ другой стороны высшіе и богатѣйшіе семьи и роды, въ которыхъ уже таились зародыши аристократіи, склонялись по безсознательному влеченію къ аристократическому направленію папизма. Западная церковь въ противоположность духовному и народному ученію востока являлась въ сопровожденіи цѣлаго политическаго устройства, соблазнительнаго для многихъ, и временно можетъ быть почти необходимаго для всѣхъ: наконецъ сношенія съ западомъ были постояннѣе и чаще; общеніе житейское влекло за собою и ученіе духовное тѣмъ болѣе, что самая церковь восточная не вполнѣ еще сознавала отпаденіе запада. Такимъ образомъ даже въ великой Моравіи церковь латинская была весьма сильна, не смотря на рѣшительный перевѣсъ византійской. Еще сильнѣе было начало латинское въ западной половинѣ царства Свято-

полкова, въ Чехіи, управляемой древнимъ родомъ Премысловичей и присоединенной къ Моравіи не задолго до нашествія Уйгуровъ; а начало латинское въ церкви вездѣ сопровождалось латино-германскимъ началомъ въ жизни, началомъ враждебнымъ жизни славянской и убійственнымъ для нея, ибо (какъ уже сказано) всякая вѣра обнимаетъ весь духъ человѣка и общества, а не ограничивается какою нибудь долею мысленной области въ лицѣ или народѣ.

Великая Моравія была разъединена внутри себя. Ея внѣшняя дѣятельность вслѣдствіе историческихъ отношеній прежней эпохи была обращена на западъ; она не умѣла и не думала искать опоры и родной почвы на востокѣ, а опора на западѣ была ничтожна, почва непадежна и даже враждебна.

Этому положенію служитъ исключеніемъ почти единственнымъ завоеваніе при-Карпатскаго Галича, котораго предѣлы очень неопредѣленны, и нѣкоторое расширеніе на юго-востокъ въ равнинахъ полу-пустынной Паннонія (теперешней Венгріи).

Держава не могла быть долговѣчною.

Дѣйствительно она не простояла и столѣтія. Основатель ея Моймиръ является въ первой четверти IX вѣка: послѣдній ея владыко—Моймиръ же исчезаетъ изъ исторіи вмѣстѣ съ своимъ царствомъ около 907-го года. Не слабая орда Уйгуровъ-Мадьяръ разрушила Моравію. Призванная на помощь императоромъ Арнульфомъ противъ грозы Святополкова оружія, не много послужила она своему неосторожному союзнику, претерпѣла сама нѣсколько пораженій и была бы снова принуждена или удалиться въ восточныя пустыни или ограничиться весьма небольшою областію около Дуная и Карпатовъ, когда умеръ Святополкъ. Царство, не имѣвшее внутренней жизни, держалось только духомъ великаго владыки. Послѣ него возникъ раздоръ семейный. Чехія отдѣлилась подъ начальствомъ двухъ Премысловичей, чтобы начать многовѣковую страдальческую борьбу противъ ига чуждыхъ началъ духовныхъ и вещественныхъ, безъ надежды на побѣду и безъ возможности

побѣды, но не безъ славы (ибо ей суждено было произвесть Гуса, Жижку и Подибрада). Тогда уже Уйгуры-Мадьяры захватили почти безъ сопротивленія всю прекрасную страну при Дунаѣ и Тиссѣ, окрѣпли новымъ приливомъ родственныхъ племенъ, поразили ополченіе слабой Германіи и стерли царство Моравское съ лица земли.

Слабость Моравіи явна и доказана самымъ ея паденіемъ: но въ ней можетъ быть заключалась истинная опасность для Германіи. Если бы успокоенная на время владыками сильными и разумными, и продолжая святой трудъ Солунскихъ апостоловъ (Кирилла и Меѳодія) она пронесла проповѣдь свободнаго христіанства и церкви народной (разумѣется связанной съ великою церковью востока) на сѣверъ по берегамъ Лабы и Одера до Балтійскаго поморья, она могла бы возрасти въ державу велпкую, самобытную и грозную для западнаго міра. Повидимому это было возможно, хотя духовное двупачаліе не легко побѣждается: какъ бы то ни было, съ паденіемъ Моравіи опасность миновалась и Венгры, заступившіе мѣсто Моравцевъ, могли быть, и дѣйствительно были, бѣдствіемъ временнымъ, требовавшимъ отпора и слѣд. скрѣплявшимъ Германію, но не истинною опасностью для нея.

Въ общемъ обзорѣ всемірной исторіи Венгры почти не занимаютъ да и не заслуживаютъ мѣста. Ихъ значеніе чистовещественное не представляетъ ни развитія, ни даже зародыша какого нибудь духовнаго начала. Составляя часть христіянскаго міра, они не стали ни въ какомъ отношеніи выше своихъ средне-азійскихъ земляковъ Турокъ, съ которыми имъ предопредѣлено было въ послѣдствіи выдерживать долгую и не ровную борьбу. Дѣйствіе отрицательное на судьбу славянскихъ народовъ, таково по видимому единственное призваніе венгерскаго племени, единственной средне-азійской стихіи, врѣзавшейся глубоко въ сердце индо-европейскихъ племенъ. Впрочемъ болѣе внимательное и безпристрастное изученіе этого вопроса приводитъ къ иному заключенію. Венгерцы, т. е. коренные Мадьяры, очевидно въ продолженіи всей своей исторіи дѣйствовали далеко не одними собственными силами. По-

ловина ихъ ополченій состояла изъ Славянъ; многіе изъ ихъ лучшихъ полководцевъ были славянской крови. Изъ этого видно, что Венгерцы, поработители и враги Славянъ, имѣли отчасти значеніе первыхъ, грозныхъ Аваровъ: они отчасти сосредоточивали славянскую силу. Тоже самое должно сказать и о сосѣдяхъ, временныхъ завоевателяхъ Венгріи, Оттоманскихъ Туркахъ.

Извѣстно, что съ самаго усиленія Турокъ въ Европѣ гораздо болѣе половины ихъ правителей и военачальниковъ (исключая царствующій родъ) и именно самые побѣдоносные и прославленные были Славяне по происхожденію. Любопытна эта борьба оковапныхъ Славянъ другъ противъ друга. Вспомнимъ Соколія и Црнпіл.

И такъ нашествіе Средне-Азійцевъ, не смотря на всѣ пескаванные ужасы, сопровождавшіе его, не смотря на многовѣковыя бѣдствія, которымъ оно подвергло Славянъ, было не совсѣмъ для нихъ безполезно. Можно даже сказать болѣе. Царство Велико-Моравское не могло устоять долго вслѣдствіе своей внутренней духовной разъединности. Германія должна была окрѣпнуть и возвыситься. Грубая вещественная сила Мадьяра спасла часть Славянъ отъ германизаціи также какъ грубая сила Турка, уничтоживъ Византію, спасла другую часть Славянъ отъ эллинизаціи. Сокровище духовное, возможность самобытной, духовной жизни, куплено вещественымъ страданіемъ.

Очевидно, въ наше время Сербо-Хорватская область и даже Словаки и Русины Венгерскіе здоровѣе и цѣльнѣе области Чехо-Моравской, и не будь случайной охраны Мадьярской, при-Дунайскіе, отчасти при-Карпатскіе и Иллирскіе Славяне подпали бы вѣроятно власти германской и безъ сомнѣнія поднали бы соблазну германскаго и германо романскаго духовпаго начала.

Венгры или Угры, между которыми первое мѣсто занимало племя Мадьярское, безъ сомнѣнія выходцы средне-азійской

горной твердыни. Происхожденіе это доказывается ихъ языкомъ и засвидѣтельствовано ихъ именемъ. Финнскія и турецкія начала, найденныя въ ихъ нарѣчіи учеными изслѣдователями, относятъ ихъ ясно къ переселенію финно-турецкихъ племенъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ Уйгуровъ (китайскіе *Уейо* или *Чешу*). Имя это сохранилось у Венгровъ въ чистотѣ и сдѣлалось ихъ собственнымъ, хотя оно принадлежало цѣлой системѣ или союзу народовъ, котораго они составляли весьма незначительную часть. Мѣсто ихъ исхода было въ сѣверной Россіи, въ землѣ, которая издавна была извѣстна подъ названіемъ Угріи, или Югріи или Югры. По ближайшему указанію свидѣтелей сдвали опровержимыхъ это мѣсто называлось землею Суздальскою. Прозваніе главнаго племени—Венгерскаго Маджаровъ—сохранилось и до сихъ поръ во множествѣ урочищъ и деревень низовой стороны, гдѣ большія и малыя Маджары, Маджаровки и т. п. встрѣчаются весьма часто и гдѣ Мещера сохранила свою самобытность и племенное имя. Отношеніе ихъ къ другимъ племенамъ того же края было различно. Къ нимъ примыкали колѣна финнскія древняго переселенія, народы тихіе и не воинственные, хотя не лишенные мужества, какъ извѣстно изъ исторіи Финляндіи, дававшей лучшіе полки великому Густаву-Адольфу и до сихъ поръ отличающейся искуствомъ и безстрашіемъ своихъ стрѣлковъ, также какъ и изъ борьбы Черемисовъ (выходцевъ изъ Мери) и Мордвы съ развитіемъ русской силы при Іоаннѣ IV и его преемникахъ.

Нѣкоторыя колѣна тѣхъ же Финновъ древней отрасли (т. е. ранѣе оторвавшейся отъ общаго финно-турецкаго корня) были даже не чужды промыслу войны наступательной. Финны пиратствовали на Балтикѣ и при-Уральцы дѣлали разбойничьи набѣги на сосѣдей. Впрочемъ это исключенія, объясняемыя обстоятельствами и вѣроятно закономъ возмездія.

Кромѣ Финновъ чистыхъ, къ Уграмъ на сѣверѣ примыкали другія еще болѣе имъ родственныя колѣна финно-турецкія

(Уйгурскаго переселенія), далеко проникнувшія по при-Волжью. Главное изъ нихъ было Уйгурское племя, властвовавшее въ то время въ землѣ древнихъ славянскихъ Болгаръ и принявшее свое имя и вѣроятно торговое направленіе отъ покореннаго народа. Тутъ же были еще и остатки стараго прирѣчнаго населенія славянскаго, остатки стараго гуннскаго казачества, уже перемѣшанные съ Уйгурскими пришельцами и подчиненные имъ, но не утратившіе шээ вполнѣ своего отдѣльнаго существованія.

Таковъ смыслъ китайскихъ свидѣтельствъ о преобладаніи дикихъ *Као-тзе* и *Туколо* въ области осѣдлыхъ народовъ на далекомъ сѣверо-западѣ и еще яснѣйшее ихъ свидѣтельство о томъ, что земля *Венама* (Вендовъ-Славянъ), нѣкогда подчиненная *Алан-ми* (Сарматамъ, Азо-Аланамъ) подпала власти *Чешу* (Уйгуровъ). Нѣтъ сомнѣнія, что стихія славянская уже была весьма слаба и несвободна въ при-Волжіи; но она не совсѣмъ еще исчезла. Царь болгарскій назывался еще царемъ славянскимъ (Саклабовъ). Не далеко отъ Болгаръ еще былъ (кажется по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана) городъ Руссовъ (Анто-славянскій) *Хунай*, слѣд: въ томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣмецкіе лѣтописцы ставятъ городъ *Хунабъ*, описанный ими въ видѣ цѣлой огражденной страны: наконецъ, когда Русь Рюриковская мало по малу начинаетъ расширяться на сѣверо-востокѣ, она беретъ силою города, которыхъ основаніе нельзя приписать сѣвернымъ Финнамъ, никогда не бывшимъ градостроителями. Къ такимъ городамъ должно приписать Кострому. Ея мѣстность не входила въ предѣлы первой языческой Руси—Рюриковской. Приписать же ея построеніе Руси христіанской нельзя потому, что самое имя ея принадлежитъ язычеству, что видно изъ народныхъ пѣсенъ, славящихъ вмѣстѣ *Кострому* и *Ярила*, боговъ языческихъ. Старыя торговыя мѣста, основанныя сѣверо-восточными Славянами были захвачены въ послѣдствіи государствомъ славяно-Русскимъ и введены въ его составъ, иныя съ сохраненіемъ, другія кажется съ перемѣною прежняго имени.

Отношенія Угровъ-Маджаровъ (или Мадьяровъ) къ сосѣдямъ были вѣроятно не совсѣмъ дружелюбны. Это можно заключить

изъ характера самаго народа и изъ стремленія другихъ уйгурскихъ племенъ (напр. Болгаръ) къ распространенію своей области. Мадьяры были выдвинуты изъ своего сѣвернаго становища, земли Суздальской, или изъ земли лежащей на сѣверо-востокѣ отъ нея.

Сомнѣнія о томъ, было ли уже тогда имя Суздаль и земля Суздальская, довольно нелѣпы въ наше время, хотя они могли имѣть свою разумность въ первую эпоху исторической критики. Конечно въ нашихъ лѣтописяхъ Суздаль является гораздо позднѣе Ростова; но онъ является какъ древній самостоятельный городъ, а не какъ пригородъ, на правахъ равенства, если не старшинства съ Ростовомъ. Позднѣйшее его появленіе объясняется легко или тѣмъ, что онъ отчасти утратилъ свою значительность, или еще вѣроятнѣе тѣмъ, что онъ вошелъ въ систему Рюриковской Руси послѣ Ростова. Имя его носитъ на себѣ характеръ древнихъ именъ безъ ясной этимологіи: лѣтописи же венгерскія, хотя и весьма недостовѣрныя, но все таки основанныя на преданіяхъ народныхъ, не имѣли никакой причины выдумать неизвѣстную землю Суздальскую, если бы имя этой земли не сохранялось въ народной памяти. Это имя дѣйствительно же было извѣстно на западѣ не однимъ Мадьярамъ. Сказанія Скандинавовъ (весьма важныя въ отношеніи древняго Сѣвера) называютъ *Аттилу* (Этцеля) царемъ Суздальскимъ, (*Сузатль* по *Вилькина-Сага*). Критика, сбитая съ толку упрямой и дѣтской вѣрою въ уйгурство Гунновъ, не замѣтила этого обстоятельства, какъ и многихъ другихъ (напр: того, что Гунны не Алтайскіе *Гіонгъ-ну* а при-Аральскіе *Унао* китайскихъ лѣтописей и географовъ, *Гуна* Индійцевъ). Древніе народы или народы принявшіе свое знаніе отъ старожиловъ, часто не знаютъ новыхъ прославленныхъ именъ, а помнятъ старыя, забытыя или почти забытыя имена. Такъ Булгарская торговля не передала Арабамъ имени Новогорода, а дала имъ на удивленіе критиковъ имя *Алдоги* (Ладоги, *старой* Ладоги, вѣроятно матери новой Ладоги, новаго города, хотя и этотъ Новой-Городъ уже извѣстенъ Іорнанду подъ именемъ *Новаго* и древнѣйшимъ пѣснямъ Скандинавовъ подъ именемъ *Неотунъ*, родины Бога—*Ніордра*). Такъ и лѣтопись мадьяр-

ская не знаетъ ни Ростова, ни Владиміра, а знаетъ древнѣйшее имя Суздаля.

Изъ земли Суздальской двинулись Венгры на югъ и часть ихъ бродящей дружины, переплывъ Днѣпръ, проникла черезъ земли Полянъ и юго-восточныя области нынѣшней Россіи, взяла съ боя привольныя пастбища при Карпатахъ до Дуная. Другая часть, многочисленнѣйшая, спустилась на берега Дона и начала кочевать между нимъ и Волгою въ состояніи полусвободномъ, полузависимомъ отъ Казаръ. Къ ней примкнули, по обычаю средне-азійскому, другія слабѣйшія орды или родовыя дружины, отдѣлившіяся отъ болѣе сильныхъ племенъ или союзовъ вслѣдствіе междоусобій или изъ желанія найти лучшее кочевье.

Такъ напр. отъ Казаровъ пристала къ Мадьярамъ часть *Кабаровъ*, которыхъ имя вѣроятно дало начало имени кавказской *Кабарды*.

Земля, временно занятая Мадьярами на востокъ отъ Дона, называлась *Лебедія*, разумѣется не отъ какого-то мадьярскаго князька Лебеда, гостившаго въ ней нѣсколько лѣтъ (какъ разсказываютъ мадьярскіе писатели), а отъ мѣстныхъ причинъ, не совсѣмъ доступныхъ критикѣ. Въ имени города *Лебедяни* на берегу Дона слышится отзывъ стараго областнаго названія; самое же названіе, по созвучію напоминающее и *Лыбедь* и *Лебедь* (любимый предметъ русскихъ пѣсенъ) и множество славянскихъ словъ и именъ, принадлежитъ безъ сомнѣнія древнѣйшей эпохѣ, когда славянскія племена были еще полными хозяевами междурѣчія Волги и Дона.

Вѣроятнѣйшее начало имени Лебедія заключается въ словѣ *Бѣлый* (изъ котораго слово Беледь, по перестановкѣ буквъ *Лебедь*, какъ *ладонь* отъ *долонь*, *бакалдина* отъ *колдобина* и другія). Въ продолженіи многихъ вѣковъ при-Волжіе и земли лежащія между Волгою и Дономъ были населены народами, носившими прозвище

Великихъ или бѣлыхъ. Таковы *Саки, Гунны, Болгары древнѣйшіе.* Ихъ отдѣленія, переселявшіяся на юго-западъ, принимали часто прозвище *Малыхъ* или *Черныхъ,* оставляя своей родинѣ славу силы, блеска (бѣлизны). Такъ въ самой Руси имя Бѣло-Руссіи тождественно съ именемъ великой Руси въ противоположность Мало-Россіи. Многовѣковое прозвище сдѣлалось принадлежностью области *Бѣлой* по преимуществу (*Бѣляди* или *Лебяди*).

Не долго кочевали Мадьяры въ при-Донской *Лебядіи.* По стопамъ ихъ, или вѣроятнѣе по-Заволжью и вдоль скатовъ Урала, двигалась съ сѣвера другая, еще болѣе дикая кочевая дружина—Печенѣги.

Происхожденіе этого народа, вѣроятно разносоставнаго, составляетъ неразгаданную загадку, для разрѣшенія которой не осталось никакихъ данныхъ. Конечно совершенная гибель его уничтожаетъ важность его исторической дѣятельности, и отсутствіе всякихъ слѣдовъ доказываетъ, можетъ быть, рыхлость состава, въ которомъ не было ничего цѣльнаго и органическаго: но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что уясненіе вопросовъ объ этихъ мелкихъ дружинахъ, временно прогремѣвшихъ по восточной Европѣ, было бы не безполезно для полнѣйшаго понятія о другихъ сильнѣйшихъ и уцѣлевшихъ дружинахъ и народахъ. Признаніе единства между *Кангами* (Тюрко-Уйгурами) и Печенѣгами не основано ни на чемъ и не стóитъ возраженія: движеніе же Печенѣговъ (иначе *Бессовъ* или *Вессовъ*) по слѣдамъ Мадьяровъ наводитъ на мысль, что оно было однимъ изъ явленій, сопровождавшихъ переселеніе дружинъ или союзовъ народныхъ изъ сѣверной Угры на югъ. На сѣверѣ же находимъ мы и имя сильнаго Финскаго племени *Веси,* совершенно соотвѣтствующее главной дружинѣ Печенѣговъ (*Бесси* или *Весси*) и многія созвучія самому названію *Печенѣговъ* (*Печора, Печенга* и др). Быть можетъ въ позднѣйшихъ за-Волжскихъ *Бессерменахъ* сохранялось прежнее имя *Бессермаа,* которому Славяне прибавили только окончаніе *не (Турки—Турчане, Нѣмцы-Нѣмчины* и т. д.). Одичаніе чисто-финнской стихіи *Веси* въ продолжительномъ и боевомъ кочеваніи при смѣшеніи съ другими финно-турецкими ордами не представляетъ ничего невѣроятнаго.

Не выдержали Мадьяры удары Печенѣговъ: разбитые на голову, они бѣжали на югъ къ берегамъ Чернаго моря и кочевали нѣсколько времени по степямъ при-Днѣстровскимъ, признавая надъ собою власть Казаровъ (какъ видно изъ свидѣтельства ихъ собственныхъ лѣтописцевъ). Печенѣги, которымъ грозили другія восточныя орды, слѣдовали за ними по пятамъ. Прорѣзавъ съ запада область казарскую и занявъ низовье Днѣпра, они отдѣлили Мадьяровъ отъ казарскаго центра и откинули ихъ далѣе на западъ въ нынѣшнюю Молдавію. Нѣсколько лѣтъ удаляющіеся Угры вели не ровную борьбу съ сосѣдями, Болгарами, Печенѣгами, Сербами и даже Византійцами, то находясь съ ними во временныхъ союзахъ, то въ жестокой и нещадной войнѣ, то дѣлая набѣги на ихъ земли, то терпя жестокія наказанія въ своей собственной, особенно отъ Болгаръ и Печенѣговъ. Тѣснимые съ востока и юга, отбитые съ запада силою царства Велико-Моравскаго, они казались опредѣленными на погибель, не смотря на приглашенія и союзъ императора Арнульфа, когда умеръ Святополкъ. Междоусобія возгорѣлись въ Моравіи, оплотъ былъ прорванъ и вся теперешняя Венгрія сдѣлалась въ концѣ IX-го вѣка и началѣ X-го добычею Мадьярскихъ дикарей.

Первый ихъ налетъ былъ ужасенъ и едвали какой нибудь народъ превосходилъ ихъ въ свирѣпости, за исключеніемъ Аваровъ и Печенѣговъ. Славяне и Румуны (Волохи), жители роскошныхъ равнинъ древней Паннонін погибли или бѣжали, кто въ лѣсистыя горы, кто въ непроходимыя болота. Широко и привольно расположился кочующій Мадьяръ на неистощимомъ богатствѣ нажитыхъ долинъ и гладкихъ, травянистыхъ степей.

Это нашествіе Мадьяровъ на славянскую землю представляетъ въ маломъ видѣ повтореніе того, что происходило въ огромныхъ размѣрахъ слишкомъ за XX вѣковъ по всей средней Европѣ, когда Кельто-Кимрійцы и Германцы выдвинули отовсюду Вендо-Славянскія семьи и откинули ихъ или въ Альпійскія горы и Пиринейскія предгорія или въ приморскія болота на берегахъ Балтики и на устьяхъ Луары и Рейна. Замѣненіе старыхъ славянскихъ именъ

большей части городковъ и урочищъ именами уйгурскаго нарѣчія не смотря на близость славянскихъ поселеній и на остатки народа, поступившаго въ рабство или тяжелое вассальство, объясняетъ полное исчезновеніе древне-славянскихъ названій на при-Волжіи и въ степяхъ восточной Россіи, гдѣ гибель старожиловъ была гораздо полнѣе и совершеннѣе. Отрицательныя доказательства, взятыя изъ этого обстоятельства, на которыхъ такъ покойно и самодовольно отдыхаетъ старая критика, только съ легка встревоженная глубокомысленною догадкою Венелина, не значатъ ничего передъ сравненіемъ группировки народныхъ и племенныхъ именъ и передъ безпристрастнымъ изученіемъ движенія этихъ группъ.

Ужасы, сопровождавшіе первое нашествіе Уйгурское, прекратились не вдругъ и даже не скоро; страданія Славянъ и Волоковъ были довольно продолжительны: борьба и сожительство съ дикарями дали характеръ дикости народамъ уже полуобразованнымъ и склоннымъ къ жизни мирной и кроткой; но время совершило свою умирительную работу. Венгры обратили свою жадность и воинственное корыстолюбіе на западъ. Побѣдители саморушившейся Моравіи, союзники неосторожной Германіи стали ее наказывать за безразсудное приглашеніе. Весь югъ, вся средняя полоса и даже часть сѣверной Германіи запылали и были залиты кровью. Сѣверная Италія, берега Рейна даже южная Франція страдала отъ неожиданныхъ и непостижимо быстрыхъ набѣговъ. Удалыя толпы наѣздниковъ Уйгурскихъ, недавно выгнанныхъ изъ при-Волжія, разбойничали на Ронѣ и даже въ Пиринейскихъ долинахъ. Западная Европа дрожала и молилась. Германія молилась и откупалась богатою данью.

Необыкновенные и едва вѣроятные успѣхи Мадьяровъ, слабость отпора, оказаннаго имъ почти во всей западной Европѣ, общій страхъ, постоянная безнаказанность набѣговъ не смотря на то, что они совершались во всякое время года и въ странахъ весьма неудобныхъ для движенія конницы, все указываетъ на ничтожность тогдашнихъ государствъ Европейскихъ, на слабость и рыхлость ихъ состава и на обманчивость той

военной славы, которою хвастливость новыхъ лѣтописцевъ окружила своихъ предковъ въ первыя времена германской эпохи.

Въ противоположность этой хвастливой лжи можно поставить то гордое пренебреженіе, съ которымъ говорятъ писатели всѣхъ народовъ (не исключая и Русскихъ) о первой эпохѣ земли Русской и о среднихъ временахъ Византіи. Очевидно, что Половцы, побѣдители Печенѣговъ, прогнавшихъ Венгровъ изъ при-Донской степи, были какъ народъ или какъ союзъ народовъ несравненно сильнѣе Мадьяровъ. Русь у нихъ была подъ бокомъ, открыта со всѣхъ сторонъ ихъ набѣгамъ, не защищена отъ нихъ никакими естественными или искусственными преградами, и за всѣмъ тѣмъ отпоръ они встрѣчали постоянный, почти всегда счастливый и сами почти погибли когда Мономахъ и его могущественный сынъ пронесли грозу своего оружія въ заволжскія степи до Каспія и Урала. Что же касается до Византіи, отстоявшейся отъ враговъ истинно могучихъ, отъ всего напора сѣверныхъ племенъ и отъ восторженной силы Аравіи, то ея крѣпость кажется едва понятною въ сравненіи съ слабостью Германскихъ державъ западной Европы, дрожавшихъ передъ налетомъ немногочисленныхъ венгерскихъ удальцовъ.

Побѣды Венгровъ и побѣды ихъ предшественниковъ Норманновъ взаимно объясняютъ другъ друга. И тѣ и другія служатъ объясненіемъ еще раннихъ завоеваній Аравитянъ въ Испаніи и по берегамъ Средиземнаго моря. Всѣ вмѣстѣ указываютъ разумному читателю на мелочность началъ, управлявшихъ западною Европою и явленій, которыя составляютъ ея исторію отъ паденія римской имперіи до полнаго развитія папской и императорской власти. Нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ нашествія Мадьяровъ были одинаково ничтожны. Толпы, налетавшія на сѣверную Италію, на берега Рейна и на Францію, были конечно весьма малочисленны и обязаны своимъ успѣхомъ только слабому сопротивленію туземцевъ; но Венгрія могла бросать и бросала ополченія довольно сильныя въ страны сопредѣльныя съ ней, и хотя стотысячное войско, уничтоженное на Лечѣ великимъ Оттономъ, было явленіемъ необы-

чайнымъ, за которымъ послѣдовало временное безсиліе, хотя многочисленныя дружины, пораженныя Птицеловомъ при Мерзебургѣ, были уже исключеніемъ изъ общихъ правилъ, нельзя однакоже не признать, что Мадьяры являлись не разъ въ Германію не шайками, а цѣлыми, довольно значительными ордами Усиленіе Мадьяровъ въ короткое время и въ землѣ, куда они вошли врагами и разорителями, показываетъ справедливость правила выше изложеннаго нами, что часто ничтожная дружина, бѣгущая предъ другою ничтожною дружиною (какъ Венгры передъ Печенѣгами) развиваетъ мгновенно неожиданныя силы въ своихъ новыхъ осѣдлостяхъ. Причины этого явленія были уже изложены. Въ первой же исторіи Венгріи нельзя не признать, что такъ называемыя ополченія Мадьярскія, нападавшія на среднюю и западную Европу, были составлены изъ разнородныхъ стихій, изъ которыхъ большая часть нисколько не принадлежала племени Мадьярскому. Развалины царства велико-Моравскаго, Румуны и въ особенности Славяне составляли въ войскѣ Мадьярскомъ едвали не большую численную половину, точно также какъ тѣ же самыя стихіи составляли главную часть силы Аварской въ прежнія вѣка. Быть можетъ этому преобладанію народности Славянской должно приписать обстоятельство, весьма ясно выступающее изъ разсказовъ лѣтописцевъ и пропущенное безъ вниманія историками, именно то, что ближайшіе сосѣди Венгровъ, Славяне Богемскіе, за-карпатскіе, днѣстровскіе и дунайскіе находились по большой части съ Мадьярами въ обычныхъ отношеніяхъ сосѣдства того времени, иногда въ дружбѣ, иногда во враждѣ, но никогда не были подвержены постояннымъ набѣгамъ, какъ области германскія.

Только тотъ, кто понимаетъ исторію Венгріи, какъ исторію земли безъ народности, можетъ понять происшествія нашего времени и смыслъ такъ называемой венгерской революціи. Она была не что иное какъ безразсудная попытка утвердить первенство и правительственную власть за народностью Мадьярскою и эту попытку начали не усатые потомки Арпада, а близорукая политика и слѣпая

ненависть къ славянамъ нѣмецкаго министра, долго пользовавшагося незаслуженною славою, и оправдавшаго весьма заслуженнымъ паденіемъ святыню нравственныхъ законовъ въ исторіи.

Паденіе велико-Моравскаго царства было, какъ уже сказано, обусловлено внутреннимъ его раздвоеніемъ, раздвоеніемъ въ строго-религіозномъ отношеніи, ибо оно столько же принадлежало восточной, сколько и западной церкви и раздвоеніемъ въ отношеніи политическомъ, ибо въ немъ боролись начала аристократизма, или лучше сказать, дружинности германской, шедшія какъ зараза вслѣдъ за духовенствомъ римскимъ и начала чисто-славянской общины. Государство не могло устоять. Соблазнъ западнаго міра былъ слишкомъ силенъ и слишкомъ близокъ: чистая духовная идея и кроткая сила общины (идея также религіозная) не могла восторжествовать надъ нимъ. Цѣльность была невозможна и Велико-Моравіи не могло быть суждено быть представительницею восточно-славянскаго міра: но въ ней заключались духовныя силы и отчасти возможность пробудить духовныя силы славянъ отъ Карпатовъ до Балтики; слѣдовательно Германіи могла предстоять опасная борьба, что и доказало въ послѣдующемъ времени могущество Польши, которой внутренняя жизнь была еще менѣе стройна и менѣе согласна съ характеромъ славянскимъ чѣмъ жизнь самой Велико-Моравіи. Случайныя побѣдители ея, Мадьяры, исполнили надежду Арнульфа; они были бичемъ тяжелымъ для Германіи, но бичемъ кратковременнымъ, а ихъ успѣхъ спасъ ее отъ борьбы вѣроятно еще болѣе тяжкой и безъ сомнѣнія гораздо болѣе многолѣтней.

Возрожденіе Германіи. Генрихъ Птицеловъ. Чехія.

Отбившись на сѣверѣ отъ Норманновъ, которые обратили свой опустошительный набѣгъ на Англію и Францію, избавившись съ помощію Венгровъ отъ грозы славянской на юго-западѣ, Германія отъ края до края почувствовала необходимость скрѣпить свой общественный составъ, чтобы положить конецъ общему бѣдствію, страшному разгулу Мадьяровъ, отъ котораго берега Рейна и Нѣмецкаго моря были также мало безопасны какъ и области баварскія и франконскія. Къ общему

желанію народа или лучше сказать властвующей дружины присоединялось еще болѣе разумное желаніе духовенства, понимавшаго всю нестройность тогдашняго быта общественнаго и стремившагося къ созданію крѣпкаго политическаго тѣла, въ которомъ можно бы было находить болѣе безопасности для сословій безоружныхъ и лучшую точку опоры для распространенія христіанскаго ученія за предѣлами тогдашняго христіанскаго міра.

Эти два побужденія и можетъ быть привычка къ мысли о законности, невольно принимаемая всякимъ воспитанникомъ школъ, знакомыхъ съ римскою древностью, были причиною того сильнаго и благодѣтельнаго стремленія епископовъ къ утвержденію императорской власти, которое дало такое могущество дому саксонскому и первымъ Салійцамъ и часто полагало препоны стремленію папъ къ политической власти. Вообще нельзя не замѣтить большой разницы между дѣйствіями высшаго духовенства германскаго и того же сословія во Франціи при послѣднихъ Карловингахъ и при первыхъ императорахъ саксонскаго дома. Духовенство во Франціи по видимому раздѣляло общее желаніе всѣхъ областей и сословій разорвать на части несчастную державу: духовенство германское употребляло всѣ мѣры, чтобы укрѣпить императорскую власть и единство государства. Вѣроятная причина этаго различія заключается въ томъ, что духовенство въ Галліи, уже давно развращенное богатствомъ и роскошью, раздѣляло стремленія всего остальнаго общества, съ которымъ сливалось и интересами и образомъ жизни, духовенство же недавно обращенной Германіи боролось съ остатками идолопоклонства, сохраняло нѣкоторые зачатки истинно христіанской жизни и апостольскаго рвенія и по этому самому еще не утратило отвлеченныхъ общечеловѣческихъ интересовъ. При томъ должно замѣтить, что духовенство германское было гораздо могущественнѣе и независимѣе и мелкія страсти, которыми волновались высшіе духовные сановники во Франціи, уступали мѣсто въ Германіи тому широкому объему мысли и видовъ, къ которому невольно привыкаетъ человѣкъ поставленный высоко и почти независимо въ іерархіи людскаго общества. Для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя Герма-

нія того времени и вѣковъ ближайшихъ къ нему представляетъ во многихъ явленіяхъ силу и величіе, которыхъ и слѣда нѣтъ въ тогдашней Франціи. Германія, не смотря на завоеваніе и послѣдовавшее за нимъ дружинное устройство, основана была на народѣ. Во Франціи онъ не существовалъ.

Общее стремленіе цѣлаго народа, если это стремленіе не пустая вспышка, а слѣдствіе искренней и глубоко сознаваемой потребности, всегда достигаетъ своей цѣли. Оно находитъ себѣ достойнаго представителя и производитъ великія историческія явленія. Германія избрала Конрада по совѣту его недруга: умирая вскорѣ послѣ избранія, онъ завѣщалъ власть свою семейному недругу Генриху Саксонскому. Въ этомъ завѣтѣ, въ которомъ отстранены были и личныя чувства и соперничество племенное франка къ саксонцу, выражается ясно вся важность эпохи и общая готовность жертвовать мелкими страстями требованіямъ всей Германіи. Птицеловъ понялъ свою задачу и исполнилъ ее. Мелочные споры о томъ, завелъ ли онъ турниры, такъ или иначе укрѣплялъ онъ города и какіе именно, не значатъ ничего. Весь характеръ его дѣятельности указываетъ на то, что онъ военнымъ силамъ Германіи старался придать болѣе сосредоточенности и напряженности, а людскимъ жилищамъ болѣе крѣпости и внѣшней безопасности. Тихо приготовлялъ онъ Германію къ рѣшительной борьбѣ, удаляя сколько возможно было часъ борьбы. Мадьярамъ, сосредоточеннымъ и готовымъ къ бою, дѣлалъ онъ великія уступки; Славянъ, сѣверо-восточныхъ своихъ сосѣдей, разъединенныхъ и устроенныхъ мирными общинами а не дружинами военными, утѣснялъ онъ и безпрестанными нашествіями заставлялъ уступать часть своихъ родимыхъ полей или подчинять ее владычеству германскому. Птицеловъ дѣйствовалъ послѣдовательно: мелкими войнами укрѣплялъ онъ военный духъ подданныхъ, распространеніемъ власти своей на сѣверо-востокѣ обезпечивалъ онъ всю Германію и увеличивалъ значеніе своей родной Саксоніи. Сперва побѣжденный Мадьярами, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ одержалъ надъ ними

побѣду и за выкупъ плѣннаго князя взялъ съ нихъ обѣщаніе не тревожить сѣверной Германіи своими ежегодными набѣгами.

Таково показаніе историковъ, но по видимому это обѣщаніе относилось и къ южнымъ германскимъ областямъ: по крайней мѣрѣ набѣги и на эти области въ это время перемежаются.

Отъ царства Велико-Моравскаго прежде его конечнаго паденія оторвалась его западная область, богатая и со всѣхъ сторонъ природою огражденная Чехія. Въ ней сохранялась нѣкоторая самобытность, слабая по преобладанію римскаго ученія и полу-германскаго быта, но не совсѣмъ еще чуждая славянскимъ началамъ. Генрихъ понималъ важность Чехіи для Германіи и необходимость удержать ее въ нѣкоторой подчиненности. Успѣхъ увѣнчалъ его начинанія и внутреннее разъединеніе Чехіи заставило ея князя сдѣлаться подручникомъ главы германскаго племени.

Таковъ былъ всегда исходъ борьбы чеховъ съ имперіею и такова всегдашняя причина ихъ порабощенія. Внутренняя жизнь племени чешскаго, жизнь славянская, никогда не могла себѣ создать приличную внѣшнюю форму и воплотиться въ крѣпкое и стройное общество потому, что сама рабствовала чуждому духовному началу, ибо, не говоря уже о соблазнѣ государственныхъ формъ германскихъ, самое христіанство, принятое Чехіею, было не общечеловѣческое, но мѣстное, измѣненное духомъ германороманскимъ. Таже причина въ послѣдствіи уничтожила всѣ великіе зачатки Польши.

Оттонъ Великій. Преобладаніе Германіи. Его причины.

За Птицеловомъ слѣдовалъ на престолѣ сынъ его Оттонъ, не даромъ прозванный Великимъ. Онъ исполинлъ въ большихъ размѣрахъ все начатое отцемъ. Мадьяры были окончательно сломлены на Лехѣ въ кровавой и долго сомнительной битвѣ. Славяне Поморскіе и при-Одерскіе подавлены послѣ упорной и не безславной для нихъ борьбы; единство государства скрѣплено на многіе вѣка. Не легкое дѣло досталось великому

Оттону. Страсти мѣстныя и личныя, уступившія временно передъ общимъ требованіемъ соединенія, снова проснулись, когда временный отдыхъ скрылъ всегдашнюю близость внѣшней опасности. Оттонъ сталъ выказывать требованія государя яснѣе чѣмъ Генрихъ, котораго дѣятельность была обращена болѣе на область саксонскую, чѣмъ на всю Германію: онъ встрѣтилъ сопротивленіе весьма сильное. Гордая независимость отдѣльныхъ герцоговъ и графовъ и самолюбіе племенъ, оскорбляемое первенствомъ саксонцевъ, нашли представителей могущихъ духомъ, смѣлыхъ и искусныхъ въ дѣлѣ военномъ; самая семья Оттона, его родные братья, возстала противъ него. Борьба была кровава и упорна. Оттоновъ духъ былъ равенъ задачѣ, доставшейся ему на долю: опасность возвысила его и показывала во всемъ величіи его внутреннія силы, его неутомимую дѣятельность и дальновидную прозорливость. Побѣда его была полная и онъ умѣлъ ею воспользоваться. Всѣ значительные лены отдалъ онъ своимъ ближайшимъ родственникамъ; всѣ враждебныя семьи удалилъ или ограничилъ ничтожными владѣніями и даже самыя народности, франкскую, свевскую, (швабскую) и баерскую (безспорно готскую, какъ видно изо всѣхъ раннихъ союзовъ и еще прежде изъ ихъ участія съ Остъ-Готами въ военныхъ подвигахъ восточно-славянъ, т. е. гунновъ Аттилы) ослабилъ онъ перемѣщеніемъ ленныхъ границъ во многихъ случаяхъ. Разумѣется, всѣ эти средства были средства временныя; народности при рыхломъ составѣ государства германскаго, легко и свободно возстановляли свои границы; родственныя связи не ручались нисколько за продолжительную вѣрность и подчиненность въ будущихъ поколѣніяхъ и мало обезпечивали даже современную покорность и любовь. Оттонъ испыталъ это, встрѣтилъ въ рядахъ враговъ родныхъ своихъ братьевъ и даже сына. Иначе и быть не могло. Семейность не лежала въ основѣ быта франко-германскаго (этотъ бытъ сдѣлался преобладательнымъ вслѣдствіе завоеванія Германіи Меровейцами и Карловингами): дружинность была его единственною основою. Всякій ратникъ, сознавшій въ себѣ или получившій отъ обстоятельствъ силу

быть дружинонаčальникомъ, становился немедленно на мѣсто, слѣдующее ему въ общей феодальной іерархіи, еще шаткой въ подробностяхъ, но уже установившейся въ своихъ общихъ чертахъ, и признавалъ за собою всѣ права и обязанности дружинонаčальника, какъ высшія и почти единственныя свои обязанности, за исключеніемъ кое какихъ законовъ плохо понятаго христіанства. Все это содержало для германца той эпохи истину несомнѣнную и слѣдовательно входило въ религію въ широкомъ смыслѣ этаго слова. Такимъ образомъ объясняются войны между родными братьями и дѣтей съ отцами, весьма обыкновенныя въ исторіи всѣхъ западныхъ государствъ и почти нормальныя въ исторіи норманской Англіи, въ которой феодальность была въ полномъ развитіи, явленіе отвратительное для насъ, весьма естественное для тогдашней Европы, но весьма рѣдкое, а въ своихъ крайностяхъ почти неизвѣстное средневѣковой Руси, сильно пропитанной характеромъ быта семейнаго. И такъ мѣры, принятыя Оттономъ, могли достигнуть только временной цѣли, но они дали его державѣ великую временную силу.

Успѣхъ его въ Германіи долженъ былъ имѣть и имѣлъ великія послѣдствія для исторіи всемірной. Причины, почему изъ трехъ частей Карловой имперіи (Франціи, Италіи и Германіи), Германія первая должна была достигнуть значенія историческаго, уже объяснены. Главная изъ нихъ безспорно та, что въ одной только Германіи общество политическое было основано на подпочвѣ народа и она отзывается безпрестанно во всѣхъ явленіяхъ исторіи. Эта же самая причина въ послѣдствіи помѣшала Германіи вполнѣ поддаться системѣ государственности совершенно условной, а съ другой стороны различіе между народностями (швабскою, франкскою, саксонскою и баварскою) и приблизительное равенство ихъ силъ не позволило ни одной взять надъ другими рѣшительное первенство и основать государство цѣльное и органическое: но въ то время Германія въ сравненіи съ другими западными областями имѣла и огромный перевѣсъ силы и жизненныя начала, дающія ей неоспоримое первенство. Всѣхъ слабѣе и

несчастнѣе была Италія. Разорванная на части преемниками Карловинговъ, остатками независимыхъ ломбардцевъ, византійцами, отчасти сарацинами и полуреспубликанскою вольницею римскаго народа, она не имѣла въ себѣ ни цѣльности народной, ни сильной и вполнѣ преобладающей дружины, ни общихъ учрежденій, ни общаго языка, (ибо разница парѣчій была почти также велика какъ во Франціи), ни общихъ вещественныхъ интересовъ. Города и области, давно уже привыкшіе къ жизни отдѣльной, питали другъ къ другу взаимную ненависть, племена взаимное презрѣніе. Всѣ эти чувства перешли какъ бѣдственное наслѣдство отъ согнивавшаго Рима до нашихъ дней, разрушая и губя всѣ начала добра и жизни разумной. За всѣмъ тѣмъ въ Италіи сохранялась память объ единствѣ римскаго міра болѣе чѣмъ гдѣ либо и съ Италіею была связана идея этого единства. Значеніе папы было сознано во всемъ его величіи нѣсколькими римскими епископами (по преимуществу Николаемъ I-мъ) и такое сознаніе, основанное на общемъ, хотя еще и не ясномъ убѣжденіи запада, не могло пропасть безъ слѣда, не развившись вполнѣ. По видимому папство должно была пасть навсегда, ибо едвали найдется въ лѣтописяхъ человѣческихъ другой примѣръ того глубокаго уничиженія, до котораго дошло это учрежденіе, высокое само по себѣ и изъявившее притязаніе на всемірное духовное владычество. Развратники, люди заклейменные всѣми пороками и преступленіями, мальчишки безъ имени, безъ просвѣщенія и безъ заслугъ, смѣняли другъ друга на престолѣ вселенскаго епископства; ихъ возводила сила вооруженной толпы, которою правили или отъявленный разбойникъ или непотребная женщина, гордящаяся своею продажною красотою; ихъ низводила обыкновенно насильственная смерть. Во время Оттона это униженіе дошло до крайности также какъ и всѣ бѣдствія Италіи. Двѣ знаменитыя развратницы, мать и дочь (Ѳеодора и Маруцція) управляли выборомъ папъ, ихъ мужья или любовники и родственники владѣли вѣчнымъ городомъ. Тоскана и Ломбардія были опустошаемы и угнетаемы то герцогами (иначе королями) Бургундіи, то

семьею владѣтелей Прованса, то мѣстными дружинниками, каковы были герцоги тоскапскіе и маркграфы иврейскіе, нигдѣ не было безопасности для жизни и достоянія частныхъ людей, нигдѣ суда и права, нигдѣ защиты для невинныхъ, или наказанія для преступниковъ. Сама религія, униженная и оскверненная, казалась совершенно забытою. Германія поднималась съ силою и славою. Лучшіе люди въ Италіи обратились къ ней. Оттонъ былъ призванъ. Бракъ его со вдовою сомнительнаго короля Ломбардіи далъ ему тѣнь какихъ то болѣе чѣмъ сомнительныхъ правъ; но этотъ бракъ связалъ его по видимому съ туземнымъ населеніемъ и утѣшилъ мѣстное самолюбіе. Оттонъ вступилъ въ Италію съ войскомъ, закаленнымъ и привыкшимъ къ побѣдѣ; онъ являлся полузавоевателемъ, полузаконнымъ государемъ, привѣтствуемый всѣми утѣсненными и встрѣчая сопротивленіе совершенно ничтожное въ безсиліи утѣснителей. Королевство сѣверной Италіи присоединилось къ королевству Германіи и это соединеніе повлекло за собою неизбѣжныя послѣдствія. Идея римскаго міра никогда не умирала на западѣ и особенно въ Италіи. Временно осуществленная Карломъ Великимъ, она получила большую силу и свѣжую жизнь. Римскій вѣнецъ долженъ былъ быть вѣнцемъ всемірнымъ какъ и римскій епископскій престолъ. Оттонъ, владѣтель Италіи, долженъ былъ принять императорское званіе. Такъ и было. Онъ дѣлался прямымъ преемникомъ Карла и Германія удерживала за собою по праву величіе, пріобрѣтенное силою германской стихіи въ Австразіи. Императоръ былъ выше королей: его титулъ отрѣшалъ его отъ тѣсной мѣстности и народности. Онъ былъ главою цѣлаго двойственнаго міра, феодальнаго по своему германскому устройству, римскаго по своей политической идеѣ. Императоры германскіе владѣли только двумя третями Карловой державы, но они сохраняли на Францію притязанія, отъ которыхъ не разъ ей приходилось отбиваться силою, хотя въ то же время она всегда признавала превосходство римской имперіи надъ королевствомъ Французскимъ.

Возобновленіе Карловой имперіи было необходимо потому,

что она представляла высшую идею того времени. Это возобновленіе должно было сдѣлаться удѣломъ Германіи вслѣдствіе внутренняго превосходства ея надъ другими областями запада. Вся исторія вѣковъ послѣдовавшихъ за вѣнчаніемъ Оттона была развитіемъ этого начала.

Нѣкоторые изъ ученыхъ нѣмцевъ въ наше время, жаркіе патріоты заднимъ числомъ, говорятъ съ горемъ о пріобрѣтеніи Италіи Оттономъ какъ о причинѣ великихъ бѣдствій для ихъ отечества. Ошибка ихъ зависитъ отъ непониманія историческаго закона, управлявшаго западною Европою въ X-мъ вѣкѣ и отъ тѣснаго патріотическаго самолюбія. Достоинство императорское въ домѣ Саксонскомъ не только было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ прошедшаго, но и оно же одно возвысило Германію до истинно-историческаго значенія въ мірѣ. Отдѣльная Германія не могла имѣть государственнаго величія. Ея внутреннее разъединеніе и равновѣсіе стихій, составляющихъ ее, не позволяли ей быть государствомъ. Предоставленная самой себѣ, она должна была распасться и дѣйствительно распалась, когда исторія уличила во лжи идею императорства. Она могла быть и дѣйствительно была великою только тогда, когда она носила въ себѣ эту великую идею, завѣщанную древностью, но разумѣется измѣненную понятіями христіанскими съ одной стороны и феодальными, слѣд. чисто-германскими съ другой. Цѣльной исторической Германіи не было; для нея не было даже провинціальной исторіи какъ для цѣлой Галліи, сдѣлавшейся потомъ Франціею. Разъединенію ея составныхъ частей могло помѣшать и долго мѣшало только одно: — императорскій вѣнецъ на головѣ ея государя. При немъ могли быть раздоры, усобицы бѣдствія внѣшнія и внутреннія: разрыва быть не могло.

Торжество Оттона было торжествомъ отвлеченной идеи общей всему западу, но которой начало было въ Италіи а центръ въ Римѣ. Это идея имперіи римской, перешедшая, какъ уже сказано, въ форму всехристіанства (Tota Christianitas). Торжество идеи было въ тоже время возвеличеніе ея единственнаго символа, ея древней столицы. Было время послѣ

Троянa, когда понятіе о римской имперіи жило отдѣльно отъ воспоминанія о городѣ и заключалось въ понятіи о правѣ римскомъ (или лучше сказать о римскомъ правомѣрномъ мірѣ): но такое понятіе было выводомъ изъ римской жизни, понятнымъ только внутреннему чувству гражданъ римскихъ: оно было недоступно германцу и слишкомъ отвлеченно для дикости среднихъ вѣковъ. Послѣдствіе вѣнчанія Оттонова было тоже что и вѣнчанія Карлова, возвышеніе римскаго престола. Это возвышеніе было еще рѣзче потому, что униженіе было глубже прежде саксонца чѣмъ прежде австразійца и потому, что значеніе папства было уже ясно сознано послѣ побѣды Карла Великаго и опредѣлено Николаемъ I-мъ. Такимъ образомъ явленія, по видимому совершенно противоположныя, обусловливали другъ друга. Имперство сдѣлало возможнымъ папство, скрѣпляя вещественными узами тотъ міръ, въ которомъ оно должно было дѣйствовать.

Взаимная зависимость двухъ главныхъ явленій средне-вѣковой жизни ускользнула отъ вниманія историковъ: но она дѣлается явною при сравненіи папъ до Оттона и послѣ него. Можно сказать, что имперія западная создала папство: но не должно забывать, что они были одинаково необходимыя послѣдствія древнѣйшихъ началъ.

Начало борьбы императорской власти съ папскою. Преемники Оттона.

Побѣда Оттона создала вдругъ двѣ державы, и приготовила ихъ неизбѣжную борьбу. Сначала держава свѣтская казалась преобладающею: держава духовная робкою, смиренною и почти ничтожною: но такія отношенія не могли продолжаться: они были ложны въ своихъ основаніяхъ. Въ общемъ мірѣ государственнаго христіанства значеніе свѣтскаго единоначальника могло быть и было оспорено многими мѣстными владѣльцами, значеніе духовной главы не имѣло соперниковъ. Въ воскресшемъ величіи римской имперіи папа былъ тѣснѣе связанъ съ Римомъ чѣмъ императоръ: въ понятіяхъ о всехристіанствѣ власть первосвященника была разумнѣе чѣмъ власть имъ же вѣнчаннаго міряннна. Оба, императоръ и папа, должны были имѣть притязаніе на всемогущество: оба должны были счи-

тать себя единственными хранителями общей правды: но притязанія папы были законнѣе притязаній его соперника. Римскій епископъ былъ помазанникъ высшей, небесной правды, и по понятіямъ запада представитель самаго христіанства. Германецъ, удостоенный римскаго императорскаго вѣнца былъ, только случайностію, хранителемъ правды временной и слѣд. только второстепеннымъ лицемъ въ іерархіи всемірной.

Западные писатели нашего времени, осуждая гордость и высокомѣріе папъ, теряютъ изъ вида самую основу средне-вѣковой жизни,—государство все-христіанское, безъ котораго ни одно явленіе цѣлыхъ двухъ столѣтій не имѣетъ смысла. Въ словахъ папы, говорящаго, что Богъ послалъ на землю двѣ власти, духовную и свѣтскую, но что свѣтская должна рабствовать передъ властью духовною, была истина глубокая и логика неоспоримая. Все христіанство или церковь, понятая какъ государство, обусловливаетъ богоправленіе; выводъ дѣлается еще яснѣе тамъ, гдѣ логически развитыя ложныя данныя заключили самую церковь въ одномъ духовенствѣ, которое само исчезало въ лицѣ папы. Ошибка была въ самомъ понятіи о церкви. Она по своему внутреннему опредѣленію, ясно сознанному на востокѣ, исключаетъ всякую случайность. По своему западному опредѣленію она вся погружена въ случайность, какъ всякое государство. Папа, вѣрный западному понятію, былъ всегда правъ противъ всѣхъ государей. Онъ долженъ былъ выйти побѣдителемъ изъ кровавой борьбы; но онъ не побѣдилъ и не могъ побѣдить потому, что самое опредѣленіе, вслѣдствіе котораго онъ дѣйствовалъ, заключало въ себѣ ложь, непонятую средними вѣками и не замѣченную ученостью нашего времени,—соединеніе случайнаго съ безусловнымъ. Внутренняя истина жизни обличила во лжи логику и обличила ее тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ логика сама была строже и послѣдовательнѣе въ развитіи своихъ данныхъ. Отъ этого соединенія правоты въ логикѣ, отправлявшейся отъ ложныхъ данныхъ и лжи сокрытой въ самыхъ данныхъ произошло то, что папство упало необыкновенно быстро въ то самое мгновеніе, когда оно достигло крайняго своего величія и тѣ же причины предоставили рѣшительный ударъ, сокрушившій власть римскаго епископа, не имѣе-

ратору, котораго власть основывалась также на идеѣ еще менѣе логической свѣтскаго калифата, но королю, представителю строгаго права государственнаго и нужды вещественной.

Таковы были въ близкомъ будущемъ послѣдствія Оттоновой дѣятельности. Для современниковъ она только возвеличила Германію и отчасти успокоила Италію.

Надѣвъ на свою голову императорскій вѣнецъ, Оттонъ обратилъ взгляды на востокъ. Тутъ опять и повторилось явленіе, сопровождавшее вѣнчаніе Карла Великаго и показало полную зависимость средне-вѣковыхъ понятій отъ преданія древней исторіи.

Эта зависимость, признаваемая всѣми, еще не вполнѣ оцѣнена во всѣхъ своихъ нравственныхъ послѣдствіяхъ и въ отношеніяхъ къ средне-вѣковымъ идеаламъ жизни общественной.

Семисотлѣтній Царьградъ былъ представителемъ несомнѣннаго преемства римской имперіи. На западѣ она погибла безъ слѣда и память объ ней хранилась только въ духовной власти самого Рима. Грекъ былъ предметомъ презрѣнія для вопиственнаго Германца: Греція все была краемъ величественной исторіи и славныхъ воспоминаній. Для ученыхъ тогдашняго вѣка востокъ былъ собственною страною науки и художества; для политическаго книжника Греція была хранительницею права государственнаго и гражданскаго. Западъ ненавидѣлъ и презиралъ ее, но во многомъ еще болѣе завидовалъ ей. Она сохраняла свои права надъ мыслію и воображеніемъ своихъ враговъ, не смотря на свое униженіе, не смотря на слабость, не смотря на церковный раздоръ запада и востока. Дѣйствителью когда сильныя державы, основанныя германцами, были неизвѣстны остальному міру, когда калифъ испанскій принималъ посланниковъ Оттона завоевателя точно также, какъ пословъ отъ мелкихъ славянскихъ князьковъ съ совершеннымъ равнодушіемъ, горькимъ для самолюбія нѣмецкихъ историковъ нашего времени, отъ Испаніи до средней

Азіи въ пѣсняхъ и сказкахъ у аравитянина и мавра, у персіянина и египтянина, у славянина и скандинава имя Царьграда и его владыки звучало какъ отголосокъ величавой древности, какъ символъ роскоши и могущества. Тщетнымъ казалось усвоеніе императорскаго титула, неполнымъ вѣнчаніе, если вѣнчаніе не было признано, и титулъ не былъ допущенъ византійскимъ императоромъ на правахъ полнаго равенства.

Этого вліянія нравственныхъ причинъ, по видимому, не понимаютъ тѣ поверхностные писатели, которые смѣются надъ Карломъ Великимъ и осуждаютъ Оттона за постоянное стремленіе къ сближенію съ Византіею.

Оттонъ искалъ также какъ и Карлъ родственнаго союза съ полунаслѣдственными династами Царяграда и не безъ труда достигъ своей цѣли; гордость греческая не охотно допускала иноземныхъ властителей къ чести такого союза и роскошное воспитаніе царевенъ заставляло ихъ бояться житья въ странахъ варварскихъ. Обстоятельства помогли Оттону и сынъ его женился на царевнѣ греческой. Этотъ бракъ, болѣе пріятный нѣсколько просвѣщенной Италіи чѣмъ полудикой Германіи, былъ не безъ вліянія на современную исторію и безспорно весьма много способствовалъ распространенію науки на западѣ Европы.

Любовь Оттона III, сына гречанки, къ міру древнему, къ художествамъ, и къ идеаламъ ложно понимаемаго государственнаго строительства, свидѣтельствуетъ о великомъ вліяніи его матери, и та же любовь возвела на папскій престолъ ученѣйшаго и геніальнѣйшаго изъ его современниковъ, хитраго и безнравственнаго Герберта (Сильвестра), котораго дѣятельность оставила неизгладимые слѣды и который своими огромными замыслами и обширностью видовъ достойно продолжалъ дѣло начатое Николаемъ I-мъ и конченное Григоріемъ VII-мъ и его преемниками. Преданіе и память народная видѣли въ немъ колдуна. Исторія видитъ въ этомъ великомъ дѣятелѣ любопытное соединеніе твердаго служенія правамъ римскаго пре-

стола съ полнымъ невѣріемъ въ эти права, пламеннаго стремленія къ порабощенію западнаго міра и удивительной хитрости и рѣдкаго постоянства въ достиженіи этой цѣли съ явнымъ и глубокимъ презрѣніемъ къ тому міру, который онъ хотѣлъ поработить. Лице слишкомъ темное для удивленія потомства, слишкомъ удивительное для строгаго осужденія.

Преемники Оттона, (Оттонъ II-й и III-й), умершіе въ лѣтахъ весьма молодыхъ, исчезаютъ въ блескѣ предшественника; но они были не совсѣмъ недостойны своего высокаго сана. Дѣло, начатое Оттономъ, продолжали они не безъ успѣха и поддерживали величіе императорскаго титула. Вообще даже можно замѣтить, что Италія также какъ и Германія были покорнѣе при нихъ, чѣмъ при Оттонѣ первомъ, ибо то повиновеніе, которое при немъ было только невольною данью его силѣ и генію, было при нихъ уже слѣдствіемъ признанія ихъ государскихъ правъ. Идея римская въ ея византійской формѣ получила значеніе при дворѣ Оттона II-го и начала оскорблять чисто германскія понятія его феодальныхъ вассаловъ. Она сдѣлалась преобладающей при Оттонѣ III-мъ, котораго воспитаніе почти вполнѣ зависѣло отъ матери гречанки. Этою идеею воспользовалась геніальная хитрость Герберта. Оттонъ въ его рукахъ сдѣлался невольнымъ орудіемъ папскаго властолюбія. Около молодаго императора строился міръ, подчиненный всей строгой формальности византійскаго двора, но весь этотъ міръ и его мнимый центръ императоръ должны были окончательно подпасть власти истиннаго центра—папы. Расчетъ былъ глубокій и хитрый. Сильвестръ (Гербертъ) понималъ, что сила его престола могла править міромъ уже готовымъ и цѣльнымъ, что общество раздробленное на мелкія и другъ отъ друга независимыя части не способно было къ полному повиновенію духовной главѣ (чему служила доказательствомъ Италія), но что этаго цѣльнаго міра не могла создать сила чисто духовная безъ помощи власти свѣтской. Готовя императоровъ въ вассалы своимъ преемникамъ, онъ употреблялъ все свое вліяніе на усиленіе

императора и имперіи и только изрѣдка и подъ рукою дѣйствовалъ противъ ихъ выгодъ (какъ въ дѣлѣ Венгріи), пріучая новообращенные народы къ мысли, что только Римъ одинъ можетъ освящать власть и окружать ее законнымъ почетомъ. Такимъ образомъ, какія бы ни были послѣдствія дѣятельности Сильвестра II-го (имя принятое Гербертомъ не безъ цѣли, ибо оно напоминало Сильвестра I-го и мнимую дарственную Константина и было тонкою лестью для Оттона III-го), но союзъ его съ императоромъ служилъ весьма много къ возвышенію императорскаго званія. Смерть прекратила равно начинанія двухъ великихъ союзниковъ; но они оставили по себѣ глубокіе слѣды. Императорство достигло высочайшаго значенія, что доказывается исторіею Генриха II-го, не смотря на его личную слабость, и еще болѣе царствованіями Конрада Салійскаго и полновластнаго Генриха III-го; папство достигло высоты, съ которой оно уже болѣе не сходило до своего полнаго торжества при Гильдебрандтѣ и паденія при Бонифаціѣ.

Земли славянскія. Принятіе христіанства Польшею.

Безспорно важнѣйшій слѣдъ союзной дѣятельности двухъ начальниковъ западнаго міра остался въ исторіи племени славянскаго. По всей западной украйнѣ славянскихъ народовъ въ IX-мъ и X-мъ вѣкѣ происходило двоякое броженіе, броженіе мысли религіозной, недовольной своею вѣрою и стремящейся къ христіанству, и броженіе мысли политической, стремящейся къ образованію могучихъ государственныхъ центровъ. И то и другое движеніе проявилось въ равной силѣ у славянъ восточныхъ и причины этого новаго явленія потребуютъ полнѣйшаго объясненія въ своемъ мѣстѣ; но теперь слѣдуетъ замѣтить, что на западной украйнѣ встрѣчались двѣ формы христіанства, римская и восточная, почти въ ровной силѣ. На югѣ отъ вліянія Болгаръ, принявшихъ просвѣщеніе духовное отъ Византіи, восточная форма получила сперва несомнѣнный перевѣсъ. Такъ значительнѣйшая часть великой моравской державы, теперешняя Венгрія, и самая Моравія примыкали если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно къ восточнымъ патріархамъ. Далѣе на за-

надъ, въ Чехіи, не смотря на вражду къ безпокойнымъ сосѣдямъ Нѣмцамъ, вліяніе римскаго міра было сильнѣе. Соблазнъ сравнительно большаго просвѣщенія склонялъ Чеховъ къ подражанію Германцамъ.

Это можно угадать *a priori* и видѣть изъ суда Любуши, гдѣ Хрудошъ уже проситъ германскаго маіоратства.

Религіозная мысль и религіозная проповѣдь получали направленіе романо-германское; жизнь получала направленіе сообразное съ религіей, ибо она никогда не можетъ отъ нея отдѣляться. Далѣе на сѣверъ жестокая борьба съ воинственными грабителями саксами удерживала славянъ отъ христіанства и ожесточала ихъ идолопоклонство. Ляхи болѣе отдаленные отъ непріятеля и слѣд. неожесточенные противъ него, находились по торговымъ связямъ въ нѣкоторой зависимости отъ Германіи и получали постоянный приливъ стихіи нѣмецкой черезъ всю западную и юго-западную границу, особенно черезъ чешскую грань, до того неопредѣленную, что она обратилась въ поговорку:

Между Чехи и Ляхи, что бы сказать неизвѣстно гдѣ.

Они приняли христіанство почти исключительно въ его римской формѣ. Первый изъ великихъ польскихъ державцевъ, достойный памяти по блеску своихъ подвиговъ и по обширности замысловъ, Болеславъ Храбрый вступилъ въ полную зависимость отъ западнаго міра. Ревностно распространялъ онъ вѣру христіанскую не безъ насилія и въ то же время, судя по русскимъ источникамъ, крайне былъ неблагосклоненъ къ ученію восточному. Задумавъ сдѣлать ничтожную еще Польшу могущею державою, въ чемъ онъ и успѣлъ, онъ просилъ для будущаго своего величія позволенія отъ императора германскаго и благословенія отъ папы. И то и другое получилъ онъ. Въ послѣдствіи окрѣпнувъ, онъ боролся съ имперіей и почти всегда счастливо: наводилъ страхъ и трепетъ на всю Германію, опустошалъ ея поля, тысячами уводилъ въ плѣнъ ея жителей и лучшихъ воиновъ, стремился сознательно къ

созданію великой славянской державы, но клеймо однажды положенное на Польшу признаніемъ правъ императора и папы, просьбою о титулѣ и вѣнцѣ королевскомъ, просьбой о позволеніи воевать и завоевывать сѣверныхъ идолопоклонниковъ Славянъ и вступленіемъ въ вассальство уже непзглажпвалось и не могло изгладиться. Нравственная подчиненность и несамостоятельность, такъ сказать, нравственное неполноправіе народа и государства были допущены и признаны навсегда. Польша принадлежала западу во всемъ своемъ будущемъ развитіи, и достиженіе самобытной славянской нормы дѣлалось невозможнымъ. Борьба двухъ стихій должна была со временемъ сгубить Польшу также, какъ она сгубила Велико-Моравію.

Одни только поверхностные наблюдатели могутъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на эти по видимому мелкія явленія въ жизни народовъ, каковы просьба о признаніи титула или временное вступленіе въ вассальскія отношенія, или принятіе званія или прозвища (которое встрѣчается такъ часто въ отношеніяхъ средне-азійскихъ народовъ къ Китаю). Покорность передъ силою есть дѣло чисто временное, хотя и то не пропадаетъ безъ слѣда. Покорность передъ правомъ свободно признаннымъ оставляетъ слѣды неизгладимые: она вводитъ народъ въ систему другаго народа какъ вѣчно подчиненную планету; она порабощаетъ мысль и душу народную. Нравственныя причины въ мірѣ историческомъ тоже, что невѣсомыя силы въ мірѣ физическомъ: онѣ ничего для слѣпца науки и почти все для ея разумнаго созерцателя.

Это дѣло подчиненія Польши романо-германскому міру, безъ сомнѣнія обусловленное причинами внутренними и можетъ быть неотвратимыми, все таки принадлежитъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ его ясному и опредѣлительному выраженію, союзной дѣятельности императора и папы, Оттона III-го и Сильвестра II-го.

И такъ Германія вступила въ наслѣдство Карла Великаго. Далеко не владѣя всѣмъ пространствомъ земли, нѣкогда по- Генрихъ II, Конрадъ Са-

лійскій и Генрихъ III.

виновавшимся австразійскому вождю, Оттоны дѣйствовали на сѣверо-востокѣ и востокѣ на области, которыя при Карловингахъ еще не были захвачены въ предѣлы германскаго вліянія и одни только продолжали историческое значеніе запада, ибо разорванная и неустроенная Франція не имѣла ни внутреннихъ силъ, ни самобытной исторической жизни. Ея очередь еще не наступила и могла наступить только въ ту эпоху, когда ложь общихъ началъ, представляемыхъ имперіей и папствомъ, должна была вызвать отрицаніе, т. е. успленіе началъ мѣстныхъ. Слабое царство Генриха II-го не уничтожило и даже не потрясло зданія, воздвигнутаго Оттономъ. Самое избраніе его безъ особенныхъ заслугъ, безъ славы воинской или государственной, единственно по близкому родству съ Оттономъ III-мъ, показываетъ какъ велико было значеніе императора и какъ сильна была привычка повиновенія царствующему дому. До возшествія на престолъ Генрихъ былъ мелкимъ владѣтелемъ, до того ничтожнымъ, что по разсказамъ современниковъ былъ когда то битъ батогами по приказанію своего родственника императора. Едва на престолѣ онъ уже былъ первымъ изъ государей европейскихъ.

Историки не обратили должнаго вниманія на это обстоятельство, обличающее и дикость тогдашнихъ нравовъ, которую нѣмецкій патріотизмъ скрываетъ слишкомъ охотно и всю историческую важность Оттонова царствованія, оцѣненную до сихъ поръ далеко не вполнѣ. Само происшествіе можетъ быть сомнительно или даже вымышленно: все равно вымыселъ современный характеризуетъ эпоху не менѣе истины.

Силы императора были тогда весьма значительны. Земля саксонская до Птицелова уже далеко расширилась на счетъ сосѣднихъ славянъ: она еще далѣе расширилась при немъ и его преемникахъ и сдѣлалась безспорно первою изо всѣхъ германскихъ областей. Съ другой стороны самыя права герцоговъ въ землѣ саксонской были особенно велики во первыхъ потому, что Карлъ, завоеватель саксовъ, долженъ былъ

дать своимъ намѣстникамъ въ землѣ завоеванныхъ саксовъ гораздо большую власть чѣмъ въ другихъ частяхъ государства и его преемники еще увеличили ее для сопротивленія славянамъ, во вторыхъ потому, что эти герцоги, распространяя область свою войною, правили въ новоприобрѣтенныхъ округахъ еще самовластнѣе, чѣмъ въ старой саксонской землѣ. По этимъ причинамъ Генрихъ Птицеловъ уже какъ герцогъ ровнялся могущественнымъ государямъ. Силу свою онъ передалъ сыну, который разумѣется ее еще увеличилъ. Оттонъ отстранилъ отъ себя отчасти должность герцога, передавши ее одному изъ своихъ полководцевъ, который сдѣлался родоначальникомъ могущественнаго княжескаго дома, но онъ ничего неутратилъ изъ своихъ правъ, ибо назначенный имъ герцогъ былъ только прямымъ его намѣстникомъ. Тоже самое продолжалось и при его преемникахъ, которые были его прямыми наслѣдниками по закону феодальному. Отношенія Саксоніи къ Генриху II-му гораздо менѣе ясны въ своей законной основѣ: кажется очевиднымъ только то, что Генрихъ сохранилъ въ качествѣ императора тѣ права, которые принадлежали Оттонамъ въ качествѣ герцоговъ. Безспорно Генрихъ былъ ближайшимъ родственникомъ Оттона III-го; но домъ салійскій, хотя и связанный съ нимъ также недальнимъ родствомъ, не имѣлъ надъ Саксоніею наслѣдственныхъ правъ по обычаю феодальному, а между тѣмъ Конрадъ и Генрихъ III-й владѣли Саксоніею какъ собственностію. Изъ этого очевидно, что назначеніе намѣстника саксонскаго Оттономъ было не что иное какъ перенесеніе на Оттона императора правъ, которыя принадлежали Оттону герцогу или иначе прямое присоединеніе Саксоніи къ званію императорскому. Такимъ образомъ бъясняется право Конрада и его сына на Саксонію не какъ на упраздненную лену, (ибо никто на нее не смѣлъ изъявить притязаній) но какъ на императорскую собственность, и послѣдовавшій бунтъ саксонцевъ противъ Генриха IV-го за злоупотребленіе его власти въ дѣлахъ гражданскихъ. И такъ нравственное могущество императора опиралось въ то время на значительную силу веще-

ственную. Неудачный въ борьбѣ съ Болеславомъ храбрымъ, который почти вездѣ былъ побѣдителемъ и не разъ громилъ оба берега Ельбы, слабый во внутреннемъ управленіи и особенно въ дѣлахъ Италіи, которая не любила грубоватаго нѣмца такъ, какъ любила полу-византійца Оттона, монашески богомольный, за что и признанъ святымъ и легко уступавшій требованіямъ духовенства, Генрихъ II-й передалъ императорскій титулъ нисколько не утратившимъ своего блеска преемнику своему Конраду салійскому. Конрадъ былъ вполнѣ достоинъ Оттонова вѣнца и престола. Твердою рукою усмирялъ онъ Италію, крѣпко держалъ въ повиновеніи Римъ и его епископа, почти безспорно рѣшалъ дѣла бургундскаго королевства т. е. областей лежащихъ между Германіею и Италіею, жестоко казнилъ сѣверныхъ и за-Эльбскихъ славянъ за возмущеніе, Чехіею правилъ самовластнѣе своихъ предшественниковъ и снова принудилъ Польшу къ вассальству, отъ котораго освободилъ ее на время Болеславъ, слишкомъ неосторожно признавшій въ молодости феодальное главенство императора. Наконецъ сынъ Конрада Генрихъ III-й довелъ значеніе императора до высшей точки величія, которой оно не достигало ни прежде, ни послѣ него. На голову разбитый Чехами, неуспѣшный въ походѣ противъ венгровъ, которыхъ отношенія къ Германіи были полу-вассальскими, воинъ по-видимому неискусный въ такомъ вѣкѣ, когда воинственныя доблести цѣнились выше всѣхъ другихъ, человѣкъ нравственности не высокой, часто непослушный голосу правды, крутой и даже склонный къ жестокости, онъ не былъ любимъ и даже не былъ лично уважаемъ (какъ видно изъ словъ современныхъ лѣтописцевъ); но онъ былъ государемъ вполнѣ. Его слушались и трепетали. Неправда, утвержденная его волею, встрѣчала менѣе сопротивленія, чѣмъ правда другихъ императоровъ. Очевидно идея имперіи развилась вполнѣ и это развитіе было независимо отъ самой личности вѣнценосца.

Темный идеалъ, къ которому стремился X-й и XI-й вѣкъ, состоялъ въ соединеніи феодальныхъ учрежденій и императорскаго единства. Покрайней мѣрѣ таковъ былъ идеалъ арц-

стократической дружины. Но въ этомъ соединеніи было скрытое противорѣчіе, которое ярко выступало при всякой попыткѣ къ осуществленію его. Карлъ боролся противъ начинающейся феодальности. Оттонъ нарушалъ ее обычаи: Генрихъ III-й безпрестанно попиралъ ихъ, распоряжался ленами съ неимовѣрнымъ своеволіемъ и такова была сила императорской власти, что это своеволіе всегда оставалось ненаказаннымъ.

Впрочемъ должно замѣтить, что въ Италіи феодальность никогда (до норманновъ) не развивалась вполнѣ и что она сначала не пустила въ Германіи такихъ глубокихъ корней какъ во Франціи. Ей мѣшала жизнь народностей и большіе остатки аллодіальности, или лучше оказать древнихъ помѣстныхъ правъ или родовитости, которую можно легко узнать подъ именемъ солнечныхъ ленъ (Sonnenlehen).

Франція при послѣднихъ Карловингахъ.

Очевидно впереди была та борьба между іерархіей феодальной дружины и государственнымъ единствомъ, которая въ послѣдствіи произошла во всѣхъ странахъ Европы и положила конецъ феодальности и начало новой исторіи. Но высокое и священное значеніе императора, стоящаго выше всякой мѣстной ограниченности и признаннаго свѣтской главою всехристіанства, давало ему въ такой борьбѣ огромное преимущество передо-всѣми королями и владѣтелями. Торжество его было несомнѣнно, если бы ему не предстояло еще другой труднѣйшей борьбы, въ которой онъ палъ, увлекая съ собою своего противника: но то внутреннее противорѣчіе, которое, хотя и не сознанное, заставляло императоровъ попирать феодальный обычай, вооружило противъ нихъ почти всю феодальную дружину, какъ скоро было поднято новое и враждебное имъ знамя власти духовной.

Темнѣе и тяжеле были начала исторіи французской послѣ раздѣла дѣтей Людовика благодушнаго. Случайная ничтожность первыхъ королей изъ династіи Карла великаго не объ-

ясняетъ нисколько ничтожности самой земли и государства. Послѣдніе короли Карловинги во Франціи были очевидно достойны престола по мужеству, предпріимчивости и дарованіямъ, а королевство гибло въ ихъ рукахъ, тогда какъ въ Германіи оно обращалось въ великую имперію. Франція не имѣла тѣхъ внутреннихъ силъ, которыя подняли Германію и по своему характеру не могла сдѣлаться подобно ей сосудомъ великой всемірной идеи. Вѣнецъ переходилъ безъ славы съ головы Карла лысаго на Карла толстаго или Карла простаго, съ одного слабоумца на другаго, все болѣе и болѣе утрачивая блескъ и значеніе. Иногда на той же слабой головѣ вѣнецъ императорскій (впрочемъ всегда связанный хоть съ минутнымъ владѣніемъ Италіею) соединялся съ вѣнцемъ королевскимъ, потѣшая наслѣдственную гордость Карловинга, но нисколько не возбуждая сочувствія въ его подданныхъ. Власть королевскихъ чиновниковъ, герцоговъ или графовъ, при ослабленіи власти королевской, получила самостоятельность и то, что прежде было должностью, возлагаемою главою государства на подданнаго за службу и для службы, дѣлалось собственностью и наслѣдственнымъ правомъ. Чиновники обратились во владѣльцевъ. Эту перемѣну приписываютъ Карлу лысому, и не смотря на то, что ее нельзя доказать письменными памятниками его законодательства, очевидно, что она при немъ обратилась въ законный обычай съ его добровольнаго или невольнаго согласія. Съ этой эпохи должно признавать полное развитіе феодальности во Франціи. Въ Германіи таже перемѣна наступила позже и нестоль рѣзко. Ясно, что перемѣна была неизбѣжна и не менѣе ясно, почему она началась во Франціи и быстрѣе проникла во весь составъ общества. Всѣ завоеванія племени германскаго въ мірѣ римскомъ были дѣломъ дружинъ; но большая часть дружинъ были дружинами народными (это видно отчасти изъ законовъ бургундскихъ и лонгобардскихъ, и совершенно явно изъ законовъ весть-готскихъ, въ которыхъ нѣкоторыя положенія общинныя отмѣнены не ранѣе 80-ти лѣтъ послѣ завоеванія Испаніи), а дружина Меровійцевъ была дружиною лич-

ною богатаго и сильнаго княжескаго дома. Безъ сомнѣнія къ ней присоединилась и племенная дружина франковъ салійскихъ, но дружина личная была началомъ преобладающимъ и опредѣляющимъ весь характеръ общества. Аллодіальность была тою общею формою, которую приняли всѣ новыя германскія государства. Туже форму приняла и Франція Меровейцевъ, потому что одна эта форма была доступна понятію тогдашняго германца. Аллодіальное устройство заключало въ себѣ нѣкоторое равенство и прямую зависимость каждаго дружинника отъ дружиннаго государства или общаго дружиноначальника. Во Франціи воинственный характеръ дружины былъ гораздо явнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ западныхъ странахъ. Долго послѣ завоеванія Галліи удалыя шайки завоевателей еще сохраняли свою подвижность и всегдашнюю готовность бросаться на всѣ сосѣднія области, если только имъ представлялась надежда на поживу или на разгульное пасиліе, между тѣмъ, какъ лонгобардъ и вестъ-готъ повидимому обрадовались найденной осѣдлости. Нравственныхъ основъ жизни не зналъ и знать не могъ франкъ, трехъвѣковой наемникъ и вооруженный слуга развратной имперіи. Онъ, какъ уже сказано, не принялъ ихъ даже когда принялъ христіянство. Двойственное значеніе французскаго короля-патриція и военачальника долго сохранялось по невозможности обратить Франка въ гражданина и разрѣшилась отдѣленіемъ значенія военнаго и его торжествомъ въ лицѣ королевскаго дворецкаго (мера). Меры сперва сдѣлались королями и патриціями, потомъ императорами, и прежняя двойственность сохранилась. Дружина не сливалась съ государствомъ и король снова сталъ ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе сталъ въ себѣ сознавать свое государственное призваніе; это замѣтно въ преемникахъ Карла великаго. Дружина должна была снова отдѣлиться отъ нихъ и слѣдов., теряя прежнее единство, выражаемое общимъ начальникомъ, должна была стремиться къ созданію внутри себя новой и самостоятельной организаціи. Эта необходимость, общая всему германскому міру, должна была прежде всего обнаружиться во Франціи. Въ ней

самое духовенство, долго служившее представителемъ стихіи завоеванной, перешло въ дружину и раздѣляло всѣ стремленія и всѣ страсти дружины, хотя разумѣется въ нѣкоторыхъ лучшихъ духовныхъ лицахъ и въ монастыряхъ хранилось отчасти преданіе о римской государственности, выразившееся въ позднѣйшее время при Капетингахъ въ явномъ вліяніи Сюжера на исторію Франціи. Ничто не могло уже остановить паденія французскихъ Каролинговъ, ибо самое стремленіе, наслѣдованное ими отъ великаго родоначальника, заставляя ихъ напрягать свои силы къ цѣлямъ отдаленнымъ, ослабляло ихъ власть необходимыми уступками и возникающей и развивающейся феодальности. Между тѣмъ какъ Германія была поприщемъ опустошительныхъ набѣговъ мадьярской конницы, всѣ берега Франціи и даже ея внутреннія области были поприщемъ грабительства норманновъ, наѣздниковъ моря, на которомъ уже не развѣвались паруса саксонскія и вендо-славянскія. Ничтожны были дружины норманскія: это доказывается частымъ пораженіемъ ихъ въ схваткахъ съ мѣстными ополченіями (напр: при Рейнѣ и въ Бретаніи), не смотря на чудную храбрость; но отразить ихъ навсегда или наказать ихъ однимъ ударомъ было трудно потому самому, что они всегда являлись неожиданно и малыми отрядами. Охранять берега Франціи постоянною стражею было невозможно потому, что Франція утратила всякое единство государства и не имѣла, какъ Германія, хоть нѣкотораго единства народнаго. Наконецъ самыя дружины норманскія, по большой части бѣглецы изъ родины или малочисленныя шайки удальцовъ подъ начальствомъ какого нибудь пресловутаго ярла, жадная къ добычѣ и славѣ, или ярлова сына, не получившаго никакаго удѣла послѣ смерти отца, очень хорошо понимая невозможность значительныхъ успѣховъ при своей численной слабости, пользовались тѣми стихіями, которыя могли увеличить ихъ силу въ мѣстахъ избранныхъ ими для набѣговъ или для временной осѣдлости. Бѣдность народа, угнетаемаго и грабимаго мѣстными владѣльцами, дѣлало его совершенно равнодушнымъ къ борьбѣ, которая происходила собственно

между пришлымъ и туземнымъ грабительствомъ. Отчаяніе и удаль, мщеніе или желаніе корысти собирали около сотенъ норманскихъ тысячи и десятки тысячь туземцевъ, готовыхъ дѣлить съ ними опасность въ надеждѣ раздѣлить съ ними и добычу. Таково объясненіе тѣхъ многочисленныхъ ополченій, о которыхъ упоминаютъ хроники подъ общимъ именемъ норманновъ на устьяхъ и берегахъ Рейна, Луары и Гаронны. Норманны, соединявшіе въ равной степени желѣзное мужество и постоянное двоедушіе (ибо по нравственнымъ своимъ достоинствамъ они едвали стояли выше Франковъ) умѣли цѣнить своихъ союзниковъ, не смотря на ихъ чуждую кровь, и принимали ихъ въ свои ряды какъ соратниковъ и братій. Ничтожный вассалъ утѣснителя Франка дѣлался съ помощію норманновъ дружинникомъ или вождемъ дружины, человѣкомъ равнымъ прежнему своему владыкѣ или даже высшимъ въ анархической іерархіи того вѣка. Такова причина, почему норманны во Франціи, получивши осѣдлость, утратили такъ скоро языкъ и обычаи родины; такова причина почему прежде, чѣмъ они получили эту осѣдлость, они могли распоряжать такими великими силами и почему ихъ набѣги были такъ неотразимы для безсильной Франціи Каролинговъ.

Этимъ же объясняются и частыя ихъ неудачи въ областяхъ, гдѣ ленный владѣлецъ и вассалъ были одной крови, или гдѣ они были связаны между собою не одною вещественною силою или гдѣ наконецъ не было ни феодальности ни аллодіальной системы, какъ напр: въ Бретани, или въ нѣкоторыхъ областяхъ фризскаго и саксонскаго племени. Успѣхи ихъ въ Ирландіи объясняются совершеннымъ разъединеніемъ ея мелкихъ князьковъ, но и тутъ они не могли стать твердою ногою, ибо противъ нихъ постоянно возставало единство народной стихіи.

Погромы норманновъ были столько же гибельны для Франціи, какъ набѣги Мадьяровъ для Германіи; но они не возбудили въ ней (какъ то было въ Германіи) стремленія къ государственному единству потому, что въ ней самой не было

стихій единства народнаго. Напротивъ, они по видимому ускорили общее ея разложеніе, возвысивъ значеніе ополченій мѣстныхъ, необходимыхъ для охраненія областей, безпрестанно ожидавшихъ норманской грозы и усиливъ власть сильнѣйшихъ леннпковъ, около которыхъ по неволѣ толпились слабѣйшіе, промѣнивая охотно независимость на покровительство и защиту. Это стремленіе, совпадая съ обращеніемъ государственныхъ должностей въ право и званіе наслѣдственное, дало полное развитіе феодальности и положило начало могущимъ, полу-независимымъ владѣніямъ великихъ леннпковъ позднѣйшаго времени. Но то же самое, отъ чего ускорялось разложеніе карловингской Франціи, служило зародышемъ новой Франціи Капетинговъ и косвенныя послѣдствія норманскихъ разбоевъ совпали съ прямыми послѣдствіями Мадьярскихъ налетовъ. Изъ борьбы съ удалымъ наѣздниками моря, прославившись этою борьбою, возникъ домъ, который въ сѣверной Франціи пріобрѣлъ королевскую власть, а потомъ уже и королевскій вѣнецъ. Переходъ династіи Карла къ династіи Капета есть только повтореніе въ иномъ видѣ перехода династіи баснословнаго Меровея къ династіи Карла. Иныя были формы, начала тѣже. Потомки Клодвига подверглись вліянію римской государственной стихіи, которую они приняли подъ свое покровительство въ качествѣ патриціевъ, утратили свое значеніе германскихъ дружиноначальниковъ и были принуждены уступить свою власть, а потомъ и престолъ новымъ дружиноначальникамъ мерамъ, дому Карла. Потомки Карла великаго, принявъ императорскій титулъ, точно также приняли и значеніе королей по римскому понятію и сдѣлались начальниками стихіи, въ то время еще безсильной и не способной обуздывать воинственную дикость германскаго начала. Достаточно поверхностнаго просмотра тогдашнихъ лѣтописцевъ, что бы видѣть склонность Каролинговъ къ наукѣ, къ духовенству, къ мирнымъ занятіямъ, завѣщаннымъ просвѣщеніемъ древняго міра и охотно принятымъ просвѣщеніемъ христіанскимъ. Это стремленіе, не чуждое всему дому Карла, выразилось съ особенною силою въ Каролингахъ

Франціи, никогда не терявшей вполнѣ ни памяти, ни нѣкоторыхъ обычаевъ, ни учрежденій до германской эпохи. Завоеваніе ея силою австразійцевъ не уничтожило ни значенія Невстріи, ни ея духовной жизни. Французскій языкъ, скудный но почти чистый отпрыскъ латинскаго корня, былъ уже при внукахъ Людовика благодушнаго языкомъ горожанъ, духовныхъ, письменныхъ чиновниковъ, королевскаго двора и значительной части аллодіальныхъ и феодальныхъ землевладѣльцевъ; но феодальный воинъ, принимая эту чуждую стихію, оставался вслѣдствіе своего положенія, особенно въ сѣверной Франціи, вѣрнымъ своимъ германскимъ понятіямъ и быту; Король же вслѣдствіе своего положенія склонный подчиняться вполнѣ идеѣ государственной, которую онъ призванъ былъ осуществлять, отрывался по необходимости отъ почвы германской и мало по малу утрачивалъ способность управлять ею. Она возстала на него, воспользовалась всѣми его несчастіями, особенно же его безполезными усиліями ухватиться за императорскій вѣнецъ, вытребовала уступку за уступкою, лишила всѣхъ правъ и всѣхъ коренныхъ владѣній и наконецъ свергла его съ престола. Замѣчательно по преимуществу въ эту эпоху согласіе дѣйствій высшаго духовенства съ военною аристократіею. Характеръ духовнаго сана, его просвѣщеніе, его преданія были завѣщаны древнимъ міромъ; но духовенство было принято въ дружину и почти на положеніи военныхъ дружинниковъ еще первыми королями Франціи и всѣ милости, льготы и дары королевской набожности усиливали въ немъ стремленіе къ соединенію съ дружиною, со всѣми ея выгодами и страстями. Духовные возстали на королевскую власть за одно съ аристократіею феодальною и ускоряли ее паденіе. Безполезно бы было слѣдить за разрушеніемъ дома французскихъ Каролинговъ: быстрое но постепенное истощеніе силъ, ничтожество почти всѣхъ королей, безплодныя усилія немногихъ, и наконецъ жалкая, но не безславная борьба послѣднихъ вѣнценосцевъ великаго рода, занимательныя для спеціалистовъ, или для самихъ Французовъ, не представляютъ ничего поучительнаго или достойнаго памяти для просвѣщен-

наго міра вообще. Въ общемъ своемъ итогѣ судьбы Каролинговъ служатъ только повтореніемъ судьбы Меровейцевъ и развитіемъ той двойственности, которая лежала въ основѣ королевства французскаго.

Капетинги. Политическое и нравственное преобладаніе Франціи.

Изо всего предыдущаго ясна необходимость паденія прежней Франціи: труднѣе уразумѣть необходимость возникновенія новой. Начало династіи Капетовой не представляетъ дѣйствительно ничего общаго съ началомъ династіи Карла и Пиппина. Въ возведеніи меровъ въ достоинство королевское проявлялось существенное единство франкской дружины и право, данное ей мечемъ, быть правительницею и владѣтельницею всей Галліи и значительной части Германіи. Вождь австразійской дружины, болѣе другихъ сохранившей свой первобытный характеръ, долженъ былъ занять мѣсто ослабѣвшихъ меровейцевъ (т. е. князей поморскихъ, положившихъ начало единству франковъ). Всякое существенное единство успѣло разрушиться во время упадка Карловой династіи. Германія отдѣлилась, а по лѣвой сторонѣ Рейна весь германскій характеръ исчезъ, оставивъ за собою только развитіе нестройной и разнообразной феодальности и скрытную борьбу началъ римскихъ и мѣстныхъ. Не было причины быть королевству французскому и королю. Но была еще память объ единствѣ и желаніе не подпадать чужеземной власти, могущей обуздать своеволіе феодальности, какъ было видно въ общемъ ополченіи противъ Оттоновъ. Естественно возродилось въ сильнѣйшемъ изъ владѣтелей сѣверной Франціи мысль о присвоеніи себѣ королевскаго званія. Гуго Капетъ провозгласилъ себя королемъ съ согласія весьма немногихъ слабѣйшихъ владѣльцевъ и нѣкоторыхъ отдаленныхъ ленниковъ (какъ на пр: графъ Барцелонскій), которымъ единство королевской власти было не опасно и могло быть полезнымъ; но онъ ни въ какомъ отношеніи не былъ королемъ Франціи. Его преемники создали себѣ королевство завоеваніемъ, но это завоеваніе уже не было похоже на завоеваніе германскихъ дружинъ.

Франція не существовала какъ государство послѣ паденія Карловинговъ: народной жизни она также не имѣла. Много-

ьисленныя области, отдѣленныя другъ отъ друга обычаями, законами, несоставляли государства: разносоставныя мѣшанныя племена, говорящія безконечнымъ множествомъ различныхъ нарѣчій и не понимающихъ другъ друга, не составляли народа. Но раздѣленіе не было такъ рѣзко во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ явленіяхъ жизни. Дворянство, т. е. властвующее сословіе и города имѣли одинъ и тотъ же языкъ во всей сѣверной части Франціи (исключая совершенно отдѣльную Бретань). Преданія были общія; память о величіи первыхъ Карловинговъ, богатырскія сказки, самое имя Франціи составляли еще нѣкоторую духовную связь между разрозненными частями. Гораздо сильнѣйшую связь составляли общія начала просвѣщенія и науки, сохраняемыя въ тишинѣ монашескихъ обителей, въ школахъ духовенства и въ сильномъ хотя неуважаемомъ и часто угнѣтаемомъ сословіи законниковъ и правовѣдовъ. Въ этихъ то общихъ началахъ нашли потомки Капета орудія для завоеванія своего королевства.

При послѣднихъ Карловингахъ норманны, завоевавъ значительную часть сѣверной Франціи, стали въ ней твердою ногою. Короли признали ихъ законными владѣтелями завоеванной области, и приняли ихъ вождя своимъ леннкомъ и герцогомъ, надѣясь можетъ быть найти въ этихъ новыхъ подданныхъ опору противъ непослушныхъ графовъ и герцоговъ средней Франціи: но союзъ продолжался недолго и вражда съ герцогомъ норманскимъ ускорила паденіе царскаго дома, мало по малу лишившагося всякой поземельной собственности. Герцоги норманскіе, скоро принявшіе всѣ обычаи и языкъ своего новаго отечества и ставшіе во главѣ сильной дружины, почти совершенно чуждой Скандинавіи не только по образу жизни, но даже и по происхожденію, вошли въ общее движеніе королевскихъ вассаловъ, уничтожавшихъ власть королевскую. Они содѣйствовали Капету, когда онъ возставалъ противъ послѣдняго Каролинга и присвоилъ себѣ королевскій титулъ. Первымъ дѣйствіемъ новаго короля былъ подкупъ духовенства значительною раздачею бенефицій и подкупъ свѣтскихъ леннковъ узаконеніемъ наслѣдственности ленъ, уже давно при-

знанной обычаемъ, но еще неутвержденной закономъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ многихъ союзниковъ, но за всѣмъ тѣмъ король Гуго умеръ едвали не менѣе сильный въ вещественномъ отношеніи чѣмъ былъ графъ Гуго до восшествія на престолъ королевскій. Власть новой династіи еще болѣе ослабла при его первыхъ преемникахъ: Робертѣ, Генрихѣ и Филиппѣ, не смотря на ихъ необыкновенное долголѣтнее правленіе (продолжавшееся слишкомъ столѣтіе, 996—1108), не смотря также на ихъ военныя доблести, на многія нравственныя достоинства и на хитрость, съ которою они всячески старались увеличить свои владѣнія и богатства.

Такъ напр: Генрихъ взялъ себѣ жену изъ далекой, недавно устроившейся въ государство земли, Россіи, явно только потому, что получилъ приданое по тогдашнему понятію весьма значительное за дочерью богатаго хозяина волжскаго и днѣпровскаго торговаго пути, Ярослава Владиміровича.

Два разнородныя начала составляли, какъ уже сказано, сущность королевской власти во Франціи; званіе конунга дало еще королю право начальства надъ французскою дружиною, и званіе патриція, давшее тому же королю законныя права по галло-римскому праву на повиновеніе городовъ и сельскихъ туземцевъ.

Разумѣется не слѣдуетъ приписывать слишкомъ великой важности самому титулу патриція. Онъ былъ отчасти случайностію, но въ то же время онъ былъ проявленіемъ отношеній, въ которыя вступалъ почти по необходимости дальновидный Меровеецъ къ своимъ новымъ подданнымъ. Титулъ патриція и потомъ императора, данный Римомъ дѣтямъ Карла Мартелла, былъ еще важнѣе. Онъ заключалъ въ себѣ какъ бы усыновленіе древнимъ Римомъ германскаго вождя.

Долго первенствовало первое, германское начало: оно выразило свое превосходство въ побѣдѣ меровъ-дружинниковъ надъ королями, вступившими въ тѣснѣйшіе союзы съ рим-

скимъ міромъ. Тоже самое повторилось, хотя и не столь явно въ паденіи Каролинговъ, утратившихъ отчасти, по крайнѣй мѣрѣ въ первыхъ поколѣніяхъ послѣ Лудвига добродушнаго, качества воинственныхъ своихъ родоначальниковъ. Возведеніе на престолъ Капетова рода было опять дѣломъ дружины. Но прежняя цѣльная дружина уже не существовала. Время строгой аллоддіальности прошло: она была замѣнена нестройною феодальностью, въ которой рыхлая іерархическая связь была всегда готова къ разрыву. Напрасно старались первые Капетинги укрѣпить ее и ввести въ феодальность строгій судъ и законную послѣдовательность. Суду рѣдко повиновались и расправа удавалась только тогда, когда король могъ опереться на силу герцоговъ нормандскихъ; но эта опора, всегда ненадежная, скоро обратилась въ новую опасность, страшнѣе другихъ. Герцогъ норманскій сдѣлался королемъ англійскимъ; вассалъ сдѣлался гораздо сильнѣе своего леннаго начальника, и слѣд. совершенно независимъ. Точно также была независима вся южная Франція и Бретань; почти столько же Фландрія и вся сторона за-луарская и всѣ гористыя области средней Франціи. Властолюбивые вассалы расширяли свои владѣнія мечемъ. Вассалы разбойники, подобные Фулько де-Нера, смѣялись надъ королями и грозили имъ самимъ. Короли истощались въ безплодныхъ усиліяхъ къ водворенію порядка или лучше сказать къ отысканію въ области германскихъ понятій и дружинныхъ учрежденій начала, на которомъ могъ бы утвердиться порядокъ или устроиться распадающееся государство. Франція приближалась къ совершенному паденію и король, утрачивая мало по малу свои владѣнія какъ послѣдніе Каролинги, былъ почти плѣнникомъ въ своемъ Парижѣ. Прежнія начала не могли возстановить его власти; но міръ перемѣнился и жизнь народовъ была уже не та, что при первыхъ Каролингахъ.

Воинственный міръ дикихъ завоевателей подчинялся началамъ просвѣщенія. Духовныя силы боролись съ силами вещественными и побѣждали ихъ. Слово римскаго пастыря не разъ сгибало упрямую шею самыхъ гордыхъ дружинниковъ

и ихъ королей. Письмо и законъ дѣлались властію. Формальность римскаго суда примѣшивалась къ грубой простотѣ суда германскаго феодальнаго. Съ властію римскаго епископа и духовенства возрастала, какъ случайное и въ тоже время необходимое ея послѣдствіе, важность латинскаго слова всякой науки и всякаго образованія умственнаго и особенно нововозраждающейся науки римскаго права. За эти новыя начала стояло все духовенство съ сознаніемъ или безъ сознанія, всѣ города, которымъ феодальность была враждебна и отчасти всѣ низшія сословія, которыя ждали лучшей участи отъ покровительства верховной власти, замѣняющей личный произволъ постоянными формами неизмѣннаго закона. Къ этимъ же новымъ началамъ обратились французскіе короли, искусно подводя феодальныя учрежденія подъ формальность законовъ писанныхъ, призывая къ жизни тѣ общественныя силы, которыя готовы были сразиться съ феодальностію и опутывая мало по малу всѣ области Франціи и всѣхъ ея дружинниковъ дворянъ желѣзною сѣтію судовъ и тяжебъ, основанныхъ то на обычаѣ феодальномъ, то на правѣ римскомъ. Завоеванія были медленны, но постепенны: мечь исполнялъ почти безъ труда приговоры пера и полное торжество увѣнчало кляузничество и ябеду, неутомимо веденныя въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Этотъ союзъ ябедника и воина уже видѣли мы въ исторіи самаго Рима и его завоеваній.

Такимъ то образомъ и такими путями создали Капетинги новую Францію; но какъ уже сказано, первая эпоха этой династіи, соотвѣтствующая по времени сильнѣйшему развитію имперіи германской, была эпохою безплодныхъ усилій со стороны королей, слабости и ничтожества государственнаго.

Франція въ это время едва бы заслуживала упоминанія какъ государство; но ея значеніе въ нравственномъ мірѣ было огромно. Самый поверхностный обзоръ ея исторіи съ самаго римскаго завоеванія до времени Капетинговъ показываетъ, что

въ ней не было ничего своего, живаго, идущаго отъ корня. Отъ языка до обычаевъ и учрежденій все было смѣсь, все было привносное, привитое, случайное или условное: но должно замѣтить, что условное и безжизненное (построенное) имѣетъ въ исторіи міра большія преимущества передъ естественнымъ и живымъ (растущимъ или органическимъ).

Это было показано въ самой ранней эпохѣ человѣчества многовѣковымъ торжествомъ и процвѣтаніемъ начала купитскаго.

Условное, какъ созданіе разсудка (сознательное или безсознательное, плодъ глубокомысленнаго расчета или инстинктивной сдѣлки, все равно) легко приводится въ видъ стройности, легко совокупляетъ около себя вещественныя силы и прямо идетъ къ своей цѣли, всегда односторонней. Изобрѣтеніе одной мѣстности или одного народа, оно легко принимается и перенимается другими потому, что оно не носитъ на себѣ признаковъ и печати мѣстныхъ или народныхъ. Оно плодъ разсудка вездѣ одинакого, а не цѣльнаго организма, вездѣ различнаго. Его сила и соблазнъ въ его слабости и безжизненности. Это правило относится ко всѣмъ учрежденіямъ и обычаямъ, ко всѣмъ модамъ въ одеждѣ, ко всѣмъ искаженіямъ художества, но оно всего явнѣе въ отношеніи къ языку. Слово, звучный образъ внутренней души цѣлаго народа, проникнутый всѣми его чувствами, страстями, преданіями и вѣрою, принадлежитъ такъ неотъемлемо каждому народу, что другой не легко усвоиваетъ себѣ его и никогда вполнѣ его усвоить не можетъ. Чѣмъ своеобразнѣе народъ, тѣмъ своеобразнѣе его слово: чѣмъ многосторонніе народъ, тѣмъ богаче слово. Чѣмъ простѣе и ближе къ природѣ народъ, тѣмъ менѣе слово его поддается мысли другаго народа. Скуденъ и безцвѣтенъ языкъ мѣшанныхъ племенъ, тѣмъ скуднѣе и безцвѣтнѣе, чѣмъ болѣе онъ принадлежитъ одному какому нибудь сословію, чѣмъ болѣе далекъ онъ отъ селянина, живущаго подъ кровомъ божьяго неба и чѣмъ болѣе склеился въ нѣдрахъ человѣческихъ ульевъ-городовъ. Но эта самая

скудость и безцвѣтность, самая эта условность, которая лежитъ въ его основѣ и создала его не какъ вдохновенное выраженіе духа, а какъ орудіе почти дѣловой бесѣды, даютъ ему великое преимущество передъ языками, кипящими всею духовною жизнію человѣка. Онъ легко обращается въ орудіе размѣна житейской и бытовой мысли между народами.

Такъ точно и орудіе размѣна торговаго, представленіе всего продажнаго, не взято изъ міра органическаго. Человѣческій инстинктъ, глубоко разумный въ своей безсознательности, возвелъ въ это достоинство мертвый металлъ, да перегнившую тряпку.

Таковы были недостатки и преимущества французскаго языка и французскаго быта. Они должны были сдѣлаться достояніемъ всего западнаго міра. Норманны, завоеватели сѣверной Франціи, приняли ихъ отъ туземцевъ; норманны, разсѣявшіеся какъ завоеватели по всей южной Европѣ, разнесли ихъ вездѣ съ собою. Крестовыя ополченія, сборище всѣхъ народовъ, нуждались въ однихъ общихъ закопахъ, въ одной умственной монетѣ. Языкъ французскій сдѣлался общимъ, а съ языкомъ вездѣ былъ усвоенъ и бытъ французскій.

Этотъ безконечно важный фактъ, отзывающійся во всей послѣдующей исторіи Европы до нашихъ дней, нигдѣ еще не былъ вполнѣ оцѣненъ, и причины его не обратили на себя ничьего вниманія.

Такимъ образомъ въ концѣ перваго тысячелѣтія *послѣ Р Х.* Франція, почти не существующая какъ государство, стала въ иныхъ отношеніяхъ во главѣ всѣхъ народовъ,—точно также какъ за пять вѣковъ передъ тѣмъ, обстоятельства отчасти случайныя и союзъ Рима и духовенства съ личною дружиною приморскихъ князьковъ франковъ, принявшихъ Никейское исповѣданіе, отдали въ ихъ руки судьбу всей западной Европы.

Англія подъ властію Англовъ.

Важнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ занимательнѣе ранняя исторія Англіи. Въ самую первую эпоху ея положены въ ос-

нову общества многія начала, которымъ она до сихъ поръ обязана своею силою и процвѣтаніемъ, а европейскій міръ самыми утѣшительными своими явленіями. Для того, чтобы понять всю послѣдующую исторію Англіи, надобно со вниманіемъ разсмотрѣть ея жизнь до норманнскаго завоеванія, т. е. принять трудъ, вообще слишкомъ пренебрегаемый историками. ло-Саксовъ. Ея племенныя стихіи.

Вообще первыя эпохи всѣхъ государствъ изучаются слишкомъ поверхностно и даже самые добросовѣстные писатели, отдѣливъ сомнительныя и баснословныя происшествія отъ истинныхъ, думаютъ, что они дѣло свое покончили, мало заботясь о томъ, поняли ли они или нѣтъ общую характеристику и жизнь народа въ его первой молодости. Всѣ эти разсказы напоминаютъ преподаваніе древней исторіи въ кадетскихъ корпусахъ въ первые годы нынѣшняго столѣтія, если вѣрить современникамъ. Дешево нанятый учитель (говорятъ, что директоръ пользовался частію его законнаго жалованья) диктовалъ ученикамъ древнюю исторію слѣдующимъ образомъ: «Раздѣлили ли вы тетради на красныя и черныя строки?» «Раздѣлили». «Пишите въ красной строкѣ: Исторія Египтянъ. Написали?» «Написали» «Пишите въ черной строкѣ: Исторія Египтянъ темна и баснословна. Написали?» «Написали». «Конецъ исторіи». И такъ изучалась вся древность. Почти тѣмъ же довольствуются историки Англіи и много если сведутъ и сличатъ свидѣтельства о томъ, жили ли и когда жили король Артуръ и поэтъ Мердвинъ или Мерлинъ, плутъ ли или фанатикъ былъ Дунстанъ и гдѣ именно происходило сраженіе Брунанбургское.

Британія была въ тѣхъ же или почти тѣхъ же отношеніяхъ къ Риму какъ и Галлія и Испанія. Элементы племенные были тѣ же какъ и въ Галліи и они были романизированы въ той же степени за исключеніемъ горныхъ областей Валлиса и можетъ быть сѣверо-западныхъ округовъ, теперешняго Кумберланда. Точно также выросли подъ римскою державою большіе и торговые города съ римскимъ великолѣпіемъ и роскошью и муниципальными учрежденіями; точно также какъ

и въ Галліи поля были обработаны съ нѣкоторымъ искусствомъ и тщаніемъ, богатые загородные дома красовались на берегахъ живыхъ водъ, окруженные рощами и нивами, украшенные изнутри изящною утварью и всѣми изобрѣтеніями древней нѣги: точно также были вызваны на свѣтъ нѣкотрыя богатства почвы, тонкія глины, металлы и даже каменный уголь для выплавки металловъ, (хотя древніе писатели молчатъ объ немъ). Быть можетъ степень просвѣщенія была нѣсколько ниже въ далекой Британіи, но значительной разницы не было и быть не могло. Прекращеніе власти римской въ Галліи и Британіи сопровождалось нѣсколько различными обстоятельствами, оставшимися не совсѣмъ безъ послѣдствій. Галлія была вырвана варварами у Рима; отъ Британіи отказался самъ Римъ, вызвавъ оттуда войска свои и предоставивъ ее собственнымъ ея силамъ. Стихіи народонаселенія, оставшагося безъ римской защиты, были: сельскіе жители отчасти романизованные, гораздо болѣе романизованное и отчасти даже римское по происхожденію населеніе городовъ и почти чисто-кельтское населеніе горныхъ округовъ. Были ли всѣ эти слои проникнуты христіанствомъ? Этотъ вопросъ остается сомнительнымъ у всѣхъ историковъ и недавно онъ рѣшенъ отрицательно англійскими писателями, основавшими свое отрицаніе на отсутствіи христіанскихъ памятниковъ въ ископаемыхъ остаткахъ римскаго владычества. Выводъ, основанный на такой данной, едва стоитъ опроверженья, ибо въ то время, къ которому относится прекращеніе римской власти въ Британіи, мало еще существовало храмовъ христіанскихъ по всей имперіи и тѣ въ развалинахъ не могутъ быть отличены отъ другихъ зданій; главные же памятники, оставшіеся отъ Рима въ Англіи, алтари съ вставными надписями, не могли принадлежать христіанамъ по своему характеру и носятъ дѣйствительно ту же печать язычества во всѣхъ областяхъ имперіи. Не только отрицаніе христіанства въ тогдашней Британіи, но и самое сомнѣніе въ немъ совершенно неразумны. Мы имѣемъ пѣсни бардовъ галльскихъ, безъ сомнѣнія современныя первой эпохѣ саксонскаго завоеванія, и какъ бы ни считали эти пѣсни интерполированными

или измѣненными, ни одинъ критикъ не можетъ сомнѣваться въ христіанствѣ болѣе или менѣе просвѣщенномъ ихъ слагателей. Мы имѣемъ Гильдаса и его свирѣпыя ругательства на князей галльскихъ, отстаивавшихъ свободу своего племени. Можетъ-ли кто нибудь сомнѣваться, что сочинитель былъ христіаниномъ и писалъ о христіанахъ? Мы имѣемъ свидѣтельства о множествѣ церквей и монастырей британскихъ, о многочисленномъ гаэльскомъ духовенствѣ, о сотняхъ и тысячахъ монаховъ у Гаэлей въ то время, когда едва началось обращеніе Саксовъ, слѣдов. о христіанствѣ, какъ общей вѣрѣ всего міра британскаго, кромѣ нѣкоторыхъ, можетъ быть, далекихъ областей. Когда же совершилось обращеніе, о которомъ никто не пишетъ? когда началась проповѣдь, которой никто не запомнилъ? Наконецъ, вѣроятна ли ревность Палладія и Патрикія къ обращенію Ерина, если Британія еще коснѣла въ язычествѣ. Явно, что христіанство обняло уже всю римскую Британію прежде, чѣмъ она была оставлена Римлянами, проникнувъ въ нее обычными путями римскими и обняло уже почти всю область свободныхъ Кельтовъ, проникнувъ въ нее вольнымъ путемъ океана, не забытымъ потомками предпріимчивыхъ Семитовъ, какъ уже было сказано прежде. Но строительная сила христіанства не могла проявиться ни у чистыхъ Кельтовъ (отчасти сливавшихъ съ нимъ свои языческія воспоминанія), ни у романизованныхъ жителей римской провинціи. Печать древняго міра слишкомъ глубоко врѣзалась во всѣ мысли и учрежденія у однихъ, христіанство было слишкомъ поверхностно у другихъ, хотя оно долго еще приносило прекрасные плоды въ Ирландіи, доставило ей много золотыхъ дней, сдѣлавшихся теперь баснословными и можетъ быть развилось бы еще богаче, если бы могло избѣгнуть окончательнаго измѣненія отъ прикосновенія и духовнаго завоеванія западнаго міра.

Не вдругъ отстала отъ Рима, оставленная Римомъ Британія. Она сама еще пыталась вмѣшиваться въ дѣла имперіи и своимъ нестройнымъ безсиліемъ дать помощь обезсиленному и падающему великану (какъ видно въ разсказѣ о Констан-

тинѣ); но эти безплодныя попытки, свидѣтельствующія только о прочности внутреннихъ, мысленныхъ связей, еще болѣе истощали бывшую провинцію. Когда потокъ варваровъ затопилъ окончательно ближнюю Галлію, а дикіе пикты и скотты (неутратившіе своихъ языческихъ обычаевъ въ новомъ христіанствѣ) стали бурно врываться въ одинокую провинцію Британіи и грозить ей совершеннымъ разгромомъ, пришло время напряженія для всѣхъ стихій ея населенія: но не всѣ были къ нему одинаково способны. Сельскіе жители, потомки туземцевъ, утратили отчасти свой языкъ и обычаи, утратили вполнѣ всѣ начала самостоятельности общественной или народной и были готовою добычею для всякого вооруженнаго пришельца, или готовыми помощниками его въ грабежѣ въ Британіи точно также какъ въ Галліи и Испаніи. Жители городскіе, племя мѣщанное имѣло ещё менѣе началъ народныхъ, но за то оно получило отъ Рима нѣкоторое просвѣщеніе, учрежденія городскія, правильно устроенный бытъ, понятіе о законности и гражданственности, слѣд: нѣкоторую сосредоточенность или способность къ ней. Города дѣйствительно заключали между собою союзы, вооружались и давали отпоръ, часто весьма счастливый, дикимъ насильникамъ; но отсутствіе всякой внутренней жизни уничтожало всякое единство, всякую силу, дѣлало успѣхи ничтожными, а неудачи непоправимыми. Тогда воспрянула снова подавленная сила горнаго Кельто-Кумрійца, исполненная поэзіи и восторга, рьяной храбрости и гордости народной, она въ скоромъ времени стала на первое мѣсто и сдѣлалась началомъ преобладающимъ въ Британіи Для критики сколько нибудь просвѣщенной и нерабствующей передъ старыми недогадками явно, что еще гораздо прежде саксонскаго нашествія, сѣверные непріятели были или вполнѣ отдвинуты въ свои предѣлы или на столько стѣснены, что уже не могли ни грозить истинною опасностью, ни быть великимъ бѣдствіемъ для своихъ южныхъ сосѣдей но сила кельтская, никогда не умѣвшая обуздать себя и построиться въ стройное общество, еще болѣе утратила эту способность подъ желѣзною рукою Рима всесокрушавшаго и ничего не облагораживавшаго.

Въ этомъ великая разница полицейской образованности Рима и личнаго просвѣщенія Эллады и магометанской Аравіи.

Бывшая провинція покрылась сѣтью мелкихъ княженій, другъ другу враждебныхъ, безпрестанно волнуемыхъ внутренними распрями, родовыми враждами и личными крамолами, безсильныхъ на добро и на утвержденіе чего бы то ни было прочнаго и самостоятельнаго, и гибельныхъ для всей земли не менѣе непріятельскаго нашествія. Дикій горецъ уже не могъ быть правителемъ желаннымъ въ области не забывшей Рима. По временамъ, быть можетъ даже и постоянно (ибо это дѣло не ясно) одинъ изъ князьковъ считался начальникомъ всѣхъ другихъ (кажется даже иногда съ притязаніями на императорскій титулъ); но почетъ не былъ сопровожденъ повиновеніемъ и не давалъ старшему князю возможности учредить въ землѣ своей порядокъ и устройство, о которыхъ быть можетъ и самъ онъ не мечталъ. Личная доблесть впрочемъ вообще не безъ свирѣпства, древность рода и богатое угощеніе воиновъ и особенно пѣвцевъ сытными яствами и крѣпкими медами, только вотъ чѣмъ могъ похвалиться этотъ императоръ или пендрагонъ или пенъ-тейрнъ, или глава кельтовъ. Его значеніе очевидно ничтожно во время саксонскаго нашествія и мы даже не видимъ его имени въ достовѣрныхъ разсказахъ о борьбѣ туземцевъ съ пришельцами.

О баснословномъ Артурѣ говорить нечего, а историческій Артуръ былъ кажется княземъ въ горной области юго-западной Англіи.

Очевидно новые владѣльцы Британіи, кельтскіе горцы, не были въ ней любимы: ихъ сподвижники, нечуждые по крови населенію романизованной области, были совершенно чужды ему по своимъ обычаямъ и составляли охранную дружину, нестройную аристократію, отъ которой охотно избавилась бы охраняемая ими страна, а особенно города, еще полные римскими стихіями. Вѣроятно и духовенство, болѣе просвѣщенное, не благоволило ни къ дикимъ своимъ освободителямъ, ни

къ друидическимъ ученіямъ и символамъ, отъ которыхъ не освободились ни они сами, ни вѣроятно ихъ духовенство.

Стоитъ только прочесть легенды о нѣкоторыхъ кельтскихъ святыхъ, чтобы замѣтить особый характеръ на нихъ запечатлѣнный и совершенно чуждый современному имъ духовенству римскихъ областей.

Все это ясно изъ жестокой діатрибы Гильдаса, которую не вполнѣ понимаетъ критика, добровольно допустившая въ исторію какую то одностихійную Англію британскаго времени, никогда не существовавшую. Полуримскимъ городамъ не былъ и не могъ быть чуждъ двухъ-вѣковой обычай римской имперіи нанимать варваровъ для отраженія другихъ варваровъ и для службы внутри государства. Они готовы были обратиться къ ближайшему изъ германскихъ племенъ съ просьбой о вооруженной, разумѣется не безкорыстной помощи, въ надеждѣ найти защитниковъ менѣе для нихъ тяжелыхъ, чѣмъ ихъ незванные покровители Бритты. Такова простая исторія призванія Саксовъ.

Участвовалъ ли въ призваніи князекъ по имени Вортигернъ или Гвортигернъ, имя котораго мы находимъ въ князькахъ того времени, опредѣлить нельзя, но допустить можно, ибо преданіе много сохраняетъ такого, чего не упомнитъ документальная исторія. Очень можетъ быть, что слабый князекъ юго-восточной Британіи вздумалъ опереться на иноземную силу, плохо надѣясь на свою собственную; это могло быть тѣмъ скорѣе, что само преданіе приписываетъ Вортигерну нравы изнѣженные и мирные, слѣд: указываетъ на сходство съ нравами горожанъ, которыхъ мысли и совѣты онъ легко могъ принять. Какъ бы то ни было, очевидно что Кентскому князю не было крайней необходимости призывать на помощь кого бы то ни было противъ пиктовъ и скоттовъ, которыхъ набѣги едва ли до него могли доходить. Очевидно, что цѣль Вортигерна, если онъ дѣйствительно пригласилъ Саксовъ, была или охрана береговъ отъ морскаго разбоя или составленіе дружины

для защиты отъ другихъ, болѣе могущихъ князей. Сама же исторія слабаго Гвортигерна и его мужественнаго сына есть ни что иное какъ сплетеніе басенъ и перепначенныхъ преданій. Такъ напр: самый разсказъ о томъ, какъ Саксы убили на пиру беззащитныхъ и загулявшихъ бриттовъ, представляетъ явно перенесеніе на сцену Кента бѣдственнаго происшествія, случившагося въ сѣверной части Британніи и засвидѣтельствованнаго поэтомъ, бывшимъ его жертвою. Пиръ и крѣпкій медъ и число жертвъ, одинакое въ обоихъ случаяхъ, не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Прибавлена только измѣна, о которой современный страдалецъ не знаетъ. Да надобно же что нибудь предоставить воображенію, враждѣ и народному самолюбію позднѣйшихъ разскащиковъ. Впрочемъ, что значеніе Гвортигерна въ призваніи Саксовъ было довольно ничтожно, видно изъ молчанія поэтовъ, которые не оставили бы его памяти безъ проклятій. Таковъ характеръ тогдашнихъ поэмъ Аневрина, Тамесенна и другихъ звучныхъ предвѣстниковъ богатѣйшей изо всѣхъ словесностей новой Европы. Вся исторія призванія заключается въ отношеніяхъ романизованной Британніи къ ея тогдашнимъ владѣльцамъ, горнымъ кельтскимъ племенамъ.

Романизованная стихія въ Британніи обратилась за помощью столько же противъ иноземцевъ, сколько и противъ своихъ дикихъ одноземцевъ, къ ближайшему племени германскому.

Такая мысль разумѣется не могла притти нероманизованнымъ бриттамъ и ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ исторіи народовъ необразованныхъ. Нѣчто похожее находимъ въ началѣ русскаго государства, но тамъ это странное явленіе объясняется весьма просто, какъ увидимъ позже, и свидѣтельствуетъ о весьма сильномъ развитіи городской и обще-гражданской стихій, котораго не было въ чистыхъ кельтахъ.

Ближайшее изо всѣхъ племенъ воинственной Германіи для городовъ британскихъ были тогда саксы. Ихъ могучій союзъ, слитый изъ стихій неоднородныхъ, занималъ сперва небольшой участокъ берега германскаго, потомъ съ ослабленіемъ дру-

гихъ народовъ и союзовъ, выселившихся или выдвинутыхъ изъ своихъ жилищъ во время великаго движенія дружинъ германскихъ на югъ Европы, онъ занялъ все низовье рѣкъ и все неславянское поморье Балтики и сѣвернаго моря и сталъ громокъ въ мірѣ. Мало участвовалъ онъ въ войнахъ сухопутныхъ и лѣтописи сохранили память только объ одномъ невесьма значительномъ и весьма неудачномъ походѣ саксонской дружины въ Италію вмѣстѣ съ лонгобардами: за то рожденные на берегу бурнаго моря и принявъ въ себя смѣлыхъ фризовъ и издавныхъ мореходцевъ, славянъ приморскихъ, саксы скоро перебили у франковъ выгодный промыселъ морскаго разбоя и сдѣлались грозою береговъ Галліи и Британіи: но эти разбои приняли новый характеръ. Коренное племя саксовъ, послѣднихъ выходцевъ изъ полуострова скандинавскаго, не приходило въ прямое соприкосновеніе съ Римомъ, но приняло въ свой союзъ мелкія приморскія племена, нѣкогда посѣщенныя легіонами и кораблями всемірныхъ завоевателей во время ихъ великой славы при Друзѣ, Тиверіѣ и Германикѣ: оно осталось также неприкосновеннымъ въ эпоху того громаднаго столкновенія народовъ, когда восточное казачество славянъ, Гунны, отбросило на западъ Германцевъ, двигавшихся до тѣхъ поръ на юго-востокъ: за всѣмъ тѣмъ и они не остались чуждыми общему движенію. И имъ, увлеченнымъ пѣснями поэтовъ, разсказами о другихъ благословенныхъ краяхъ и примѣромъ сосѣдей, опостылила родина. И они стремились къ лучшимъ жилищамъ. Разбои обратились въ переселеніе. Таковъ выводъ изъ названія *Littus Saxonicum*, данная части сѣверныхъ береговъ Франціи и юго-восточной оконечности Англіи. Въ отношеніи къ Англіи онъ подтверждается неоспоримыми доказательствами.

Эти доказательства находятся по преимуществу въ ископаемыхъ остаткахъ городовъ кельтскихъ и въ монетахъ самаго мелкаго достоинства (minimi) употреблявшихся у новыхъ германскихъ горожанъ того края.

И такъ саксы не были племенемъ неизвѣстнымъ ля приглашавшаго ихъ народа; по свычкѣ, по склонности къ осѣдлой жизни, по сравнительной мягкости правовъ они не были имъ непріятны. Не догадывались только хозяева, что именно по этой склонности къ осѣдлости званые гости сдѣлаются незванными владѣльцами земли. Что нѣкоторыя изъ первыхъ переселившихся дружинъ служили туземцамъ въ ихъ войнахъ, несомнѣнно: что они помогли бриттамъ одержать при Стамфортѣ рѣшительную побѣду надъ пиктами и скоттами, весьма можно допустить. Яснымъ остается то, что горсть саксовъ (всего три корабля) не были нужны для спасенія жителей Британніи, которые въ послѣдствіи могли бороться, и часто съ успѣхомъ, противъ многочисленныхъ войскъ англосаксонскихъ царей: они были нужны юго-восточной Британніи (наиболѣе романизованной) для того, чтобы съ помощью этого войска, немноготребовательнаго (ибо таково оно было сначала) и нанятаго на опредѣленныхъ условіяхъ, освободиться отъ тягостнаго покровительства своихъ горныхъ единоземцевъ-дикарей. Плата за службу была болѣе землею чѣмъ деньгами и это правилось новой дружинѣ; понравились плодородныя нивы Британніи трудолюбивому саксу, понравились ея вѣковыя дубовыя рощи, темныя, широковѣтвистыя, народу, котораго главное богатство состояло въ свиныхъ стадахъ. Генгистъ и Горса, первые дружиноначальники (если дѣйствительно они такъ назывались, что весьма сомнительно по смыслу именъ, указывающихъ или на знамена, или на названіе кораблей, коней морскихъ) стали насильно захватывать береговую область привольнаго Кента, не безъ боя и призывая на помощь своихъ единоплеменниковъ, которые охотно являлись на призывъ. Легка была борьба съ невоинственнымъ населеніемъ, легокъ успѣхъ: но самая легкость успѣха скоро усыпила энергію пришельцевъ и кентское королевство никогда не достигало значительныхъ размѣровъ. О столкновеніи его съ туземцами мало осталось ясныхъ воспоминаній и ни одного достовѣрнаго свидѣтельства (хотя кажется, что Генгистъ былъ выгнанъ лѣтъ на пять и скитался по берегамъ

Голландіи), такъ и слѣдовало быть, ибо Кентская сторона была готова къ покорности или къ мирному согласію. Скоро явились новые колонисты-завоеватели съ одинакимъ успѣхомъ и основали восточно и южно-саксонскія королевства; за ними скоро сильнѣйшіе, сперва на юго-западѣ, потомъ на сѣверо-востокѣ: но тутъ они уже встрѣчали мало доброжелателей и сильныхъ враговъ. Цердикъ, основатель вестъ-саксонскаго королевства, которое въ послѣдствіи дало единство Англіи, пришелъ въ столкновеніе съ горными племенами и долгая и кровавая борьба завязалась между соперниками, борьба ничтожная въ исторіи міра дѣйствительнаго, но памятная въ мірѣ поэзіи, ибо соперникъ Цердика былъ Артуръ. Князекъ, или глава нѣсколькихъ князьковъ на западѣ Англіи, часто истощавшій силы свои въ войнахъ съ другими сѣверными князьками (напр. съ Гюэлемъ), мало замѣченный современниками, даже поэтами, но по преданіямъ самъ поэтъ (ибо ему приписываютъ нѣсколько стиховъ, сохранившихся доселѣ), Артуръ сдѣлался со временемъ центромъ цѣлаго героическаго цикла и миѳическимъ олицетвореніемъ упорныхъ надеждъ кельтскаго народа. Былъ-ли онъ сыномъ пен-тейрна *Утера*? былъ ли его отецъ соперникомъ другаго пен-тейрна римской крови, Аврелія Амброзія? былъ ли онъ самъ пен-тейрномъ, сомнительно; послѣднее даже не вѣроятно, ибо въ современной пѣснѣ, гдѣ онъ представленъ вождемъ въ битвѣ, въ которой прославился и палъ Герейнтъ (лице не забытое въ сагахъ), ему не приписывается никакого особаго званія. Все равно. Должны были быть въ этомъ человѣкѣ и блистательныя доблести и многое увлекательное для народной фантазіи, когда онъ могъ сдѣлаться въ послѣдствіи царемъ такаго прекраснаго героическаго цикла и кумиромъ цѣлаго племени. Съ нимъ то боролись Цердикъ и его ближайшій преемникъ и конечно борьба была не безъ сильнаго напряженія и не безъ великихъ опасностей.

Отзывъ Гильдаса объ Артурѣ, что онъ кровожаденъ былъ съизмала, показываетъ ясно опять отношенія существовавшія между разными стихіями народнаго населенія.

Не много легче досталася задача и англамъ, пришельцамъ сѣверо-восточнаго берега. Горпстыя области, пограничныя Шотландіи и отроги горъ, сходящихъ въ Англію, были краемъ негостепріимнымъ для непрошеныхъ гостей. Безпрерывныя битвы кипѣли въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ между завоевателями Бернпкіи и Дейры съ мужественными кумрійцами (кимри), которыхъ главная сила была на берегахъ Клейда. Ановрпнъ, Таліессинъ и Аливаркъ-Генъ прославили своихъ соотечественниковъ или оплакали ихъ бѣдствія въ пѣсняхъ, которыя дышатъ вдохновеніемъ и страстію. Невольно сострадаетъ читатель этимъ пламеннымъ душамъ даже и тогда, когда созпаетъ неизбѣжность и закопность ихъ гибели. Прекрасны являются защитники родины, Уріенъ Рпгедскій и Овепъ въ восторженной пѣсни кимрскихъ бардовъ и неодпократныя ихъ побѣды надъ Фламмъдвиномъ (пламенопосецъ, прозвище данное англійскому вождю *Идь*) доказываютъ, какой тяжелый достался ему подвигъ. На сѣверѣ, также и въ Валлисѣ, не было романизованной стихіи или она была очень слаба. Мпнмаго народа британскаго не было въ Британніи. Тамъ, гдѣ опъ былъ, на западномъ берегу и на границахъ Шотландіи, онѣ уцѣлѣлъ или навсегда, какъ въ Валлисѣ, или надолго, какъ на берегахъ Клейда, гдѣ находимъ князька кимрскаго Евгепія еще въ X-мъ столѣтіи.

Безъ сомнѣнія по всей или почти всей Британніи были какъ будто острова чистыхъ гаэлей, но они были незначительны и еще оказывали долгое сопротивленіе.

При томъ положеніи Британніи, которое очевидно изо всѣхъ памятниковъ письменныхъ и ископаемыхъ, и которое нисколько не похоже на описанія позднѣйшихъ историковъ, понятно завоеваніе ея саксами. Горцы или неромапизованные бритты, составлявшіе въ продолженіи нѣкотораго времени послѣ ухода римлянъ нѣчто похожее на вооруженную аристократію, подъ начальствомъ родовыхъ династовъ въ прежней провинціи, были отодвинуты въ свои горы и саксонское племя заняло

все то пространство, которое оно занимаетъ и въ наше время. Надобно дать себѣ ясный отчетъ въ прежнемъ и новомъ населеніи того края, чтобы вполнѣ уразумѣть его внутреннюю жизнь и исторію.

До нашествія римлянъ всю область Великобританіи можно считать кельтскою, принадлежащею отчасти ры царскимъ кельто-кумрійцамъ (кимри) и отчасти болѣе ѳео кратическимъ кельто-беолгамъ (которыхъ имя у римлянъ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ формѣ *Бульгіи*, что указываетъ на выказанное мною тождество формъ *Беолгъ*, *Булгары* и *Волга*). Сильное развитіе друидизма указываетъ, кажется, на преобладаніе стихіи жреческой, хотя отсутствіе жестокости въ религіозныхъ обрядахъ обличаетъ весьма раннюю колонизацію съ востока. Въ преобладающей массѣ кельтской были примѣси иноплеменныя, о которыхъ впрочемъ свидѣтельства вообще неясны: такъ говорится о выходцахъ изъ Германіи, но они могли принадлежать къ племени кимбрскому, и слѣд. къ тѣмъ же кельтамъ въ ихъ позднѣйшемъ переселеніи. Говорится о силурахъ, какъ выходцахъ изъ иверскагоно луострова и это показаніе подтверждается ихъ наружностью; но оно указываетъ только на сродство съ Іерномъ (Эриномъ), въ которомъ кельты по многимъ наружнымъ признакамъ кажутся принадлежащими къ племенамъ южнымъ и сохраняется много преданій, указывающихъ на долгія сношенія съ землею иверцевъ и на колонизацію семитическую. Ясные слѣды славянства въ именахъ мелкихъ приморскихъ общинъ Менаніевъ и Мориновъ, торговыхъ колоній, пришедшихъ съ устьевъ Рейна и связанныхъ по древнимъ свидѣтельствамъ съ венедами прилуарскими. Самое имя вендовъ также не неизвѣстно въ Британіи: оно слышно въ *Виндоланѣ* (Little Chestery) и *Виндобалѣ* (But-Chester.) Имя гунновъ звучитъ въ названіи *Гуннумъ* (теперешнемъ Halton Chester). Даже слышно славянское слово *блато* въ blatum Bulgium (Middleby). Такимъ образомъ объясняются нѣкоторыя указанія, найденныя мною въ цитатахъ малоизвѣстной англійской книги (кажется подъ заглавіемъ Druidism in England, 2 тома 4°) о сочувствіи Британіи и

кельтовъ съ торжествами великаго вождя Гупповъ. Такимъ же образомъ объясняется и то, что *Переддуръ* (имя упоминаемое современными бардами въ борьбѣ туземцевъ съ англами Фламмдвина или Иды) называется въ сказаніяхъ британскихъ и кельтскихъ сподвижникомъ Артура и княземъ вендскимъ. И такъ въ Англіи память о славянствѣ сохранялась довольно долго, какъ и во всей западной Европѣ сохранялись долго слѣды ея первожителей, втѣсненныхъ въ горы и болота позднѣйшими пришельцами и ея древнѣйшихъ торговцевъ, смѣло ходившихъ по волнамъ Атлантики и сѣвернаго океана. Всѣ эти мелкія примѣси не измѣняли нисколько общаго и цѣльнаго кельтскаго характера всей земли. Римляне завоевали ее послѣ упорнаго сопротивленія во многихъ мѣстахъ и не легко было ихъ завоеваніе въ Британіи также какъ и въ Галліи. Племена наиболѣе непокорныя были избиты, обращены въ жестокое рабство, выселены, проданы въ дальнюю неволю: другихъ медленно сокрушало римское иго: всѣхъ, кромѣ горцевъ, соблазнило римское просвѣщеніе. Провинція покрылась городами и военными поселеніями, которыхъ составъ былъ также разнообразенъ, какъ составъ всей имперіи.

И такъ саксы, юты и англы не застали никакого народа въ Британіи. Они вступили въ борьбу съ дружинами кельтскими и послѣ долгаго сопротивленія вытѣснили ихъ изъ романизованной области и вогнали въ горы. Кровопролитенъ былъ бой многолѣтній, и невольное сочувствіе позднѣйшихъ вѣковъ къ трагической судьбѣ побѣжденныхъ свидѣтельствуетъ объ ихъ упорномъ мужествѣ и блистательныхъ подвигахъ: но они должны были пасть. Упорнѣе ихъ, терпѣливѣе и крѣпче сомкнуты были германскіе пришельцы. Ряды ихъ пополнялись безпрестанно новымъ приливомъ ихъ соотечественниковъ. Тысячи падали подъ мечемъ бриттовъ; но вѣтеръ южный и юго-восточный гналъ сотни саксонскихъ кораблей отъ фризскихъ и саксонскихъ береговъ къ бѣлому берегу Альбіона и тысячи свѣжихъ бойцевъ пополняли ослабѣвшую дружину, и временные побѣдители, кельты, снова отступали передъ напоромъ завоевателей: но завоеванія саксовъ,

сначала жестокія, также какъ и завоеванія во многихъ съ ними схожихъ славянъ, были въ послѣдствіяхъ своихъ благодѣтельны. Они очищали почву, испорченную Римомъ: они населяли народомъ безнародную землю. Саксы не были бродячею дружиною народною какъ готы или аланы, или личною какъ воины Меровейцевъ, уже до костей развращенные трехъвѣковымъ соприкосновеніемъ и наемничествомъ Римлянъ. Они были народною колоніею.

Отъ того-то такъ твердо хранили они общинные обычаи и придавали всегда такую важность своему вѣчу, *Виттена-Гемотъ*.

Имъ, трудолюбивымъ и незнающимъ роскоши пахарямъ, не нуженъ былъ рабъ для корысти или для невольнаго труда: имъ не нужна была рука низкаго, иноплеменнаго наемника. Имъ нужна была земля, надъ которой самимъ бы можно было трудиться въ добромъ согласіи съ природою и съ гордымъ чувствомъ своей свободы. Разумѣется для этого прежніе жители селъ должны были или бѣжать, или погибнуть, или поступить въ число земледѣльческихъ орудій-рабовъ. Но за то села и поля, населенныя рабами или полу-рабами, отпущенниками, работавшими на отсутствующихъ и немногочисленныхъ землевладѣльцевъ римской эпохи, бездушнымъ и безнравственнымъ сбродомъ изо всѣхъ племенъ, получили новое, многочисленное, честное и свободное населеніе. Обращенные въ рабство прежніе жители, оставшіеся въ старыхъ жилищахъ и избѣгнувшіе меча, приняли мало-по-малу и языкъ побѣдителей, простодушныхъ и близкихъ къ нимъ по своему состоянію—и созрѣли для будущей свободы. Города не привлекали къ себѣ селянина саксонца или англа. Малые, они погибали и потомъ снова отстроивались остатками своихъ прежнихъ обывателей, составляя новыя общины въ неопредѣленной зависимости отъ завоевательнаго племени. Большіе, они долго сопротивлялись или совершенно отстаивались и заключали мирные договоры, обезпечивающіе ихъ свободу.

Такова была, между прочимъ, судьба Йорка и особено Лондона, болѣе всѣхъ сохранившаго свои права.

Безъ сомнѣнія и за стѣны городскія проникала мало-помалу стихія саксонская; но этотъ приливъ былъ мирный и условный. Нравы, мысли, обычаи, законы и языкъ горожанъ измѣнялись медленно, принимая въ себя много доброй простоты отъ грубыхъ пришельцевъ, и передавая имъ въ тоже время начала просвѣщенія и науки. Римское право преподавалось въ Йоркѣ еще въ концѣ 8 го вѣка; ученость и знаніе латинскаго языка, права каноническаго и философіи хранились въ монастыряхъ, и неиспорченная душа саксонца умѣла имъ сочувствовать.

Эрискіе кельты и ихъ духовенство имѣли въ этомъ отношеніи весьма полезное вліяніе на Англію и отчасти черезъ нее, отчасти прямо—на остальную Европу. Стоитъ только вспомнить Эригену и проповѣдниковъ слова евангельскаго въ Германіи, о которыхъ уже говорено.

Такимъ образомъ создавалась германская основа Англіи, та крѣпкая, здоровая и нравственная основа, на которой выросла великая держава для славы и пользы человѣчества и для храненія многихъ высокихъ и добрыхъ началъ, утраченныхъ романо-германскимъ міромъ.

Впрочемъ, признавая главную составную часть новаго народонаселенія германскимъ, не должно терять изъ вида и другую стихію, вошедшую въ него. Достаточно назвать двухъ боговъ, отъ поклоненія которымъ отрекались саксы при принятіи христіанства въ самой Германіи, чтобы узнать эту стихію. Эти боги черно-богъ и Сива (быть можетъ Жива, хотя такое чтеніе сомнительно). Ихъ славянское происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію. Славянская стихія въ новомъ населеніи Англіи.

Кажется Эйнгардъ называетъ бѣлбога у саксонцевъ въ Германіи. Вальтеръ-Скотъ въ Гарольдѣ представляетъ Чернобога богомъ волшебства.

Свидѣтельства современныя не называютъ того племени у котораго требовалось отреченіе отъ чернобога, но критикѣ, не трудно опредѣлить то, объ чемъ умалчиваютъ современники. Нѣтъ сомнѣнія, что у всѣхъ саксовъ могло быть вслѣдствіе заемнаго вѣрованія—поклоненіе богу чужеродному; но конечно начала этого вѣрованія должно искать не у германскихъ саксонцевъ. За ними остаются юты, варны и англы, давшіе имя свое Англіи. Имя ютовъ указываетъ на кимврское происхожденіе, какъ уже показано изъ сличенія Ютланда съ кимврскимъ полуостровомъ, Ютунгейма и миѳовъ, касающихся до него (напр. стѣны) съ сказаніями о преградѣ между азами, сарматами и кимврами на Кавказѣ и т. д.; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы юты были племя не германское, хотя кимры или кумри безспорно кельты. Германцы, завоевавшіе землю ютовъ-кельтовъ, приняли имя отъ завоеваннаго края, какъ маркоманы отъ крайнцевъ, остъ-и вестъ-готы (гріютунги и тервинги) отъ полянъ и древлянъ, франки меравскіе (или Меровейцы) отъ моринovъ, вандалы отъ вендовъ, Пруссія и Помернъ отъ прежнихъ туземцевъ. У ютовъ искать примѣтъ славянства нечего. Иное дѣло варны и англы, которыхъ можно считать за одно. Славянскія названія урочищъ хранятся вездѣ, гдѣ были варны. Англы первоначально являются на славянскомъ поморіи Балтики, потомъ переселяются (вѣроятно не всѣ) въ сосѣдство и въ союзъ тюринговъ, въ которыхъ славянская стихія крайне вѣроятна, по окончанію имени ихъ на *ингъ* (ичь: тюрингъ,—тверичь) и по ихъ раннему союзу съ Гуннами еще прежде усиленія этого мстительнаго казачества; потомъ снова являются они на берегахъ Балтики и переселяются съ саксами въ Англію, которой и даютъ свое имя. Самое имя это англы (или по весьма обыкновенному закону перехода звуковъ), углы (угличи) носитъ на себѣ характеръ славянскій, названія по мѣстности, чуждый чистогерманскому міру. Съ ними и по всей вѣроятности отъ нихъ являются въ саксонскомъ союзѣ имена славянскихъ боговъ, которыхъ нельзя считать чистымъ религіознымъ займомъ, ибо такого рода фактъ нигдѣ не встрѣчается въ исторіи Европы

безъ племенной примѣси. Если дѣйствительно англы были отдѣленіемъ великаго славянскаго народа, должны бы встрѣчаться въ памятникахъ объ ихъ первомъ вторженіи въ землю, назначенную имъ судьбою, слѣды ихъ происхожденія. Дѣйствительно это указаніе находится и въ такой формѣ, которая не подлежитъ сомнѣнію для критика, ознакомившагося съ памятниками сѣвера и преданіями о движеніи вендскихъ (ванскихъ) племенъ изъ русскаго востока въ Скандинавію. Мы уже видѣли, что эта стихія миѳически олицетворяется въ мудрыхъ ванахъ Фрейрѣ (Пріѣ) богѣ при-донскомъ; Брагурѣ (богѣ заздравныхъ чашъ) и Ніордрѣ изъ Неотуна (Новгорода).

Замѣчательно, что въ англійской заздравной чашѣ сохранилась славянская форма мѣстоименія вашъ (вашъ-гейль, wassayle).

Всѣ родословныя царей саксонскаго союза согласны въ одномъ. Родъ *Иды*, перваго царя англовъ, ведется, какъ и всѣ роды вождей саксонскихъ, отъ Водана; но онъ одинъ идетъ отъ Водена черезъ *Фрейра*, котораго находимъ подъ весьма важнымъ именемъ.

По саксонской лѣтописи *Ангенвитъ* (окончаніе слова замѣчательно) и *Ингинъ*, по Гейнриху Гунтингдонскому *Ангенвитъ* и *Ингіуни*, по Симеону Дургамскому *Ангенви* и *Ингви*, по Неннію *Ингветъ*. Тотъ же Фрейръ болѣе еще извѣстенъ подъ именемъ Геатъ. Ихъ тождество видно изъ имени Фрегегеатъ и ихъ пріапическаго характера, а можетъ быть еще болѣе изъ повѣсти о любви Фрейра къ *Гердрь* и Геата къ *Мадчильдъ*.

Та же самая форма встрѣчается въ Норвежской линіи Гаральда Гарфаера въ именахъ *Ингви* и *Ингви-Фрейръ* и даетъ намъ объясненіе названія *Ингилинговъ* (т. е. *Фрейровичей*) и вѣроятное происхожденіе слова *Англъ* отъ имени народа *англовъ* или угличей. Во всякомъ случаѣ это прямое и исключительное происхожденіе *Иды* отъ Вана-Фрейра есть фактъ рѣшительный для человѣка знакомаго со смысломъ миѳовъ

сѣверныхъ. Быть можетъ, что подъ именемъ *Фрейра* или *Ингви* видимъ мы котораго нибудь изъ тѣхъ боговъ, отъ которыхъ отрекались саксы, переходящіе въ христіанство.

Уже прежде говорено о вѣроятномъ тождествѣ Фрейра-Прія съ бѣлбогомъ (о которомъ говоритъ Егингардтъ) и Беленомъ. Разумѣется изъ всѣхъ этихъ примѣтъ критика не имѣетъ еще никакого права считать дружину *Иды* чисто славянскою (такое предположеніе было бы даже не вѣроятнымъ); но она должна ее признать сборищемъ или сплавомъ германскимъ около славянскаго ядра и понять возможность и смыслъ многихъ позднѣйшихъ явленій. Такъ напр: признаніе этой стихіи и пониманіе ея образовательнаго характера объясняютъ явленіе въ Англіи суда присяжныхъ (ротниковъ, цѣловальниковъ), совершенно чуждаго стихіямъ римскимъ, германскимъ и кельтскимъ, и особенно основу этого суда, единогласность, совершенно непонятную и непонятую внѣ славянскаго міра и его безусловной простоты. Преобладаніе юга чисто саксонскаго, восторжествовавшаго въ династіи вестсаксскихъ королей, подавило стихію славянскую, числительно слабую; но слѣды умственнаго или духовнаго ея вліянія (какъ сказано) отзываются въ духовномъ построеніи англійской земли, смягчая дикость германскую (также какъ и по всему поморью Балтики и даже Германскаго моря), между тѣмъ какъ племенное различіе можетъ быть служило объясненіемъ не твердой привязанности сѣверныхъ областей къ линіи Эгберта и готовности ихъ принимать къ себѣ новыхъ пришельцевъ датчанъ или норвежцевъ.

Замѣчательно-малое число рабовъ въ областяхъ сѣверныхъ сравнительно съ южными при послѣдней переписи народа саксонской эпохи было приписано вліянію новыхъ завоевателей датчанъ. Не оспаривая этой догадки можно замѣтить, что она не подтверждается законами датскихъ царей, и хотя и согласна съ обычаемъ норманновъ въ другихъ земляхъ, но тотъ же самый фактъ объясняется также легко особенностью славянскаго характера въ племени англовъ.

Христіанство въ Англіи.

Саксы явились язычниками въ землѣ христіанской: но христіанство въ мірѣ римскаго образованія долго было почти безплоднымъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ историческія данныя, объ этомъ свидѣтельствуютъ и всѣ современныя сказанія (напр. Сальвіанъ). Собственно провинція, т. е. земли населенныя романизованнымъ сбродомъ людей и города,—держалась какого-то христіанства догматически чистаго, но не проникнувшаго нисколько въ общественные нравы.

Римское полицейское просвѣщеніе было слишкомъ грубо для духовнаго вѣрованія и нисколько не развило мысли и души человѣческой.

Другое христіанство было преобладающимъ въ областяхъ населенныхъ кельтскимъ племенемъ, т. е. въ горныхъ округахъ Валлиса и Кумбріи. Соединенное съ дикостью нравовъ, съ буйствомъ страстей, смѣшанное съ сильными остатками друидизма въ символахъ и мѳахъ, оно представляло характеръ темнаго, полу-языческаго суевѣрія.

Это видно изъ легендъ кельскихъ о святыхъ, изъ современной поэзіи бардовъ, изо всѣхъ сказаній и преданій объ Артурѣ и его сподвижникахъ. Западная Азія, ея язычество и по преимуществу солнцепоклонство еще слышны во всемъ. Многое напоминаетъ Финикію вслѣдствіе общаго религіознаго настроенія при-кавказскихъ кельтовъ и иверцевъ съ полу-иверскою Финикіею.

Между христіанствомъ романизованной провинціи и христіанствомъ горныхъ племенъ было такое же враждебное отношеніе, какъ и между образованіемъ ихъ и всѣмъ ихъ бытомъ. Правда, что нѣкоторое вліяніе римскаго четырехъ-вѣковаго владычества отозвалось и на горныхъ дикаряхъ, прямо ли или чрезъ посредство ихъ единоплеменниковъ горожанъ; (такъ напр: сильнѣйшіе князьки добивались званія императорскаго); но эта ничтожная примѣсь не измѣнила ни языка, ни обычаевъ горцевъ и гордый полу-римлянинъ городовъ, слиш-

комъ слабый, чтобы что нибудь создать, слишкомъ изнѣженный, чтобы даже отстоять что нибудь, смотрѣлъ на чистаго бритта, дикаря еще не утратившаго силъ своихъ, съ чувствомъ ненависти и презрѣнія. Въ обоихъ стихіяхъ вѣрованіе христіанское подверглось сильному искаженію; но должно сознаться, что оно было живѣе и плодотворнѣе у дикаря, чѣмъ у полупросвѣщеннаго его соотечественника. Не въ школахъ Гильдасовъ и Нениіевъ выростали Колумбы и Колумбаны, горячіе проповѣдники слова, ревностные очистители обряда, блюстители ученія, обличители папъ, зажигатели церковнаго свѣтильника у себя и въ чужихъ земляхъ. Не изъ городовъ, не изъ романизованной области выходили неутомимые апостолы, которые разносили сѣмя духовнаго просвѣщенія по темнымъ пространствамъ средней Европы, въ полу-кельтской Швейцаріи, по германскимъ низовьямъ Рейна, по лѣсистымъ горамъ земли байерской, тюрингской и франконской и даже по фризскому поморью, страдая сначала отъ языческаго упорства, отъ страстей и отъ фанатической вражды народовъ, которыхъ они стремились просвѣтить, страдая впослѣдствіи можетъ быть еще болѣе отъ гоненій и клеветы своихъ соперниковъ, проповѣдниковъ саксонскихъ, подчинившихъ свою христіанскую дѣятельность службѣ папскому престолу. Всѣ эти великіе двигатели просвѣщенія выходили изъ неромапизованной стороны, изъ чисто-кельтскаго Эрина, прозваннаго островомъ святыхъ, изъ церкви еще свободной отъ мѣстнаго характера запада и связанной крѣпкими узами съ просвѣщеніемъ востока. Но ни развращенные города, ни дикіе и враждебные кельты не могли передать христіанства саксонцамъ. Явилась проповѣдь другая. Великій епископъ Рима, Григорій, исполненный состраданія къ землѣ нѣкогда христіанской и снова обращенной въ язычество и къ самимъ завоевателямъ, язычникамъ, въ которыхъ сохранялись многія добродѣтели неиспорченной природы, послалъ къ нимъ своихъ проповѣдниковъ, изъ которыхъ особенную славу заслужилъ какъ извѣстно Августинъ. Успѣхи проповѣдниковъ были весьма быстры: ученіе ихъ принималось охотно народомъ, очевидно не

крѣпко державшимся своей прежней вѣры: но сама проповѣдь христіанства, присланнаго Римомъ, обозначена была враждою къ мѣстному христіанству племени кельтскаго. Съ глубокимъ ужасомъ и съ невольнымъ отвращеніемъ встрѣчаемъ мы неоспоримыя свидѣтельства, что новое духовенство, просвѣщавшее саксовъ, часто вызывало ихъ на уничтоженіе прежняго духовенства въ горныхъ областяхъ и особенно на кровавое преслѣдованіе кельтскихъ монаховъ. Какое бы ни было ученіе этихъ несчастныхъ жертвъ, какъ бы ни были они оподозрѣны въ догматическихъ ошибкахъ (впрочемъ нисколько не доказанныхъ), жестокость ихъ враговъ указываетъ на глубокую порчу служителей западной церкви и на кровожадность, совершенно противную той вѣрѣ, которую они проповѣдали.

Разумѣется нѣтъ никакой причины обвинять Великаго Григорія въ дѣлахъ, совершенныхъ или допущенныхъ его миссіонерами и ихъ преемниками: но вражда двухъ церквей въ Англіи объясняетъ ихъ позднѣйшую борьбу въ Германіи и уличаетъ односторонее направленіе, принятое уже въ началѣ 7-го вѣка западною половиною христіанскаго міра.

Мало гоненій встрѣтила евангельская проповѣдь въ землѣ англо-саксовъ и это замѣчаніе повторяется вездѣ, гдѣ она не вмѣшивалась въ дѣла политическія, или гдѣ ее сопровождала вражда народная или гроза чужеземнаго ига. Одно только жестокое испытаніе и выдержала она, когда на нее ополчился свирѣпый старикъ Пенда, лице политическое, въ своей дикости дѣйствовавшее въ тѣсномъ пространствѣ, но сосредоточивавшее въ своей рукѣ всю силу и въ душѣ своей всю энергію великихъ вождей народнаго движенія, сокрушившаго грани обветшавшаго Рима. Къ чести племени саксонскаго должно однако же прибавить, что грозный старикъ не былъ безусловнымъ или неразумнымъ гонителемъ. Въ его бурной душѣ жило чувство правды и онъ говорилъ: «Я убиваю не тѣхъ искреннихъ людей, которые поклоняются Христу, но тѣхъ лжецовъ, которые проповѣдуютъ Христово ученіе, а жи-

вутъ въ противность ему.» Со смертію Пенды торжество христіанства было повсемѣстно и оно принесло много прекрасныхъ плодовъ.

Англо-саксы приняли проповѣдь Евангелія съ глубокимъ и простодушнымъ убѣжденіемъ. Они не были, какъ многія другія германскія дружины и по преимуществу франки, поселившіеся на развалинахъ римскаго міра, вовлечены и такъ сказать соблазнены въ христіанство. Строго проповѣдывалось оно имъ, строгимъ голосомъ говорило оно съ ними. Безъ сомнѣнія оно не вполнѣ овладѣло ихъ душею, оно не заковало ихъ дикихъ страстей: но безпристрастная критика не можетъ не отличить первой эпохи христіанской въ британскихъ островахъ отъ соотвѣтствующихъ ей эпохъ въ другихъ странахъ запада. Она представляетъ явленіе истинно утѣшительное. Между дѣяніями, обличающими еще свирѣпость и нѣкоторый развратъ, слышится безпрестанно кроткій голосъ вѣры, искреннее покаяніе очищаетъ сердца грубыхъ воителей, глубокое смиреніе сгибаетъ гордую шею царей и ведетъ ихъ въ монашескую келію или украшаетъ ихъ вѣнецъ лучшимъ вѣнцемъ добродѣтельнаго и праведнаго житія.

На это обстоятельство еще слишкомъ мало обратили вниманіе, а между тѣмъ оно во многомъ объясняетъ позднѣйшую исторію Англіи.

Мало по малу самая вражда между проповѣдью римскою и мѣстнымъ христіанствомъ стала угасать, точно также какъ и ненависть сакса и кельта, которую, какъ кажется, въ послѣдствіи возобновили норманны. Хотя два духовныя начала, встрѣтившіяся на спорной почвѣ, никогда не примирились вполнѣ, но ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга имѣло вліяніе благодѣтельное и во многомъ ослабило ихъ односторонность. Кельтское христіанство умягчилось: саксонское получило свободу. Для Рима нужно было въ послѣдствіи новое завоеваніе, которое совершено его оружіеносцемъ Дунстаномъ: но свобода, едва подавленная, снова потребовала своихъ правъ и Виль-

гельмъ завоеватель бился подъ знаменемъ и съ благословенія папы. Но сѣмя разъ брошенное въ землю не пропало.

Эпоха саксонская вообще въ высшей степени замѣчательна и рѣзко отличается отъ всей исторіи остальной Европы. Земля ими покоренная получила въ нихъ народъ, языкъ и начала разумной и человѣческой жизни. Составъ государственный былъ слабъ, кажется слабѣе чѣмъ гдѣ либо: такъ и должно было быть; ибо общество было основано не дружиною, а народною колонизаціею (къ которой конечно примѣшивалось не мало и дружиннаго начала, но съ значеніемъ второстепеннымъ). Семи-или осьми-царствіе связывалось только по временамъ и то въ весьма рыхлый союзъ, всегда готовый распасться. Власть временнаго главы, *Бретвальда*, была и незначительна и почти всегда оспориваема; но учрежденія народныя были сильны. *Виттена* рѣшалъ всѣ важные вопросы и мы видимъ, что отъ его благоусмотрѣнія зависѣло почти все, что касалось до внутренней жизни англо-саксскаго племени.

Такъ напр. мы находимъ, что самый религіозный вопросъ при переходѣ въ христіанство рѣшается въ Виттенахъ во многихъ областяхъ и склонность самыхъ жрецовъ къ новой вѣрѣ (явно засвидѣтельствованная писателями, которыхъ риторическія украшенія не могутъ поколебать довѣренности исторической критики къ самой сущности ихъ разсказовъ) показываетъ, что нравственное и духовное убѣжденіе въ народѣ могло управлять его дѣйствіями и дѣлало его достойнымъ свободы.

Безпрестанныя междоусобія подрывали силы государства, доставляя поочередно то одной то другой области, то одному то другому корольку временное первенство надъ соперниками, уничтожая чувство государственной цѣльности и готовя путь для будущихъ завоевателей-иноземцевъ. Правда, что предѣлы саксонскіе все еще продолжали расширяться мало по малу по милости еще большаго разъединенія Кельтовъ, но успѣхи были медленны и въ иныя времена сами Кельты грозили уничтоженіемъ саксонской власти какъ при мужественномъ Ка- Саксонская гептархія.

двалломѣ въ 630-хъ годахъ. Правда, что всегда на которомъ нибудь изъ саксонскихъ престоловъ сидѣлъ какой нибудь правитель сильный разумомъ и волею и преобладалъ надъ другими, но эти неправильныя случайности не придавали силъ государству.

Это явленіе объясняется тѣмъ же закономъ, которымъ объяснено необыкновенное множество великихъ государей на престолѣ падающаго Рима. Тамъ, гдѣ нѣтъ твердыхъ положеній и хранительныхъ формъ, преобладаетъ личная доблесть и сила, но не на пользу общества въ его государственномъ значеніи.

Очевидно въ самой основѣ семицарствія (гептархіи) лежала коренная болѣзнь, которая должна была уничтожить его. Оно могло перейти и переходило то въ пяти,—то въ трехъцарствіе, то наконецъ въ единодержавіе, но внутренней причины существовать навсегда въ немъ не было. Не было стремленія къ единству; не было чувства единства: не было достаточно народнаго характера, чтобъ отвергнуть всякое внѣшнее владычество, не было организаціи довольно твердой и опредѣленной, чтобы всѣ могли или хотѣли стать за каждаго или каждый за всѣхъ Общество, какъ собраніе людей болѣе или менѣе однокровныхъ другъ съ другомъ и живущихъ подъ условіями взаимной правды и любви, существовало въ Англіи тогда, когда оно не существовало нигдѣ въ остальной Европѣ, но общество, какъ государство, т. е. какъ организмъ имѣющій какой нибудь центръ (король или соборъ, все равно не существовало вовсе или существовало въ видѣ самомъ хаотическомъ. Равнодушіе къ государству есть преобладающая черта саксонской эпохи.

Мы встрѣтимъ позднѣе туже самую черту въ другой землѣ: но земля спаслась отъ завоеванія сперва вслѣдствіе дикаго права и кочеваго быта однихъ завоевателей, а потомъ вслѣдствіе религіознаго разногласія съ другими.

Много добраго и прекраснаго было совершено во время семицарствія владыками саксонскими, такими каковъ былъ напр. Ина законодатель; много высокихъ человѣческихъ чувствъ являлось на престолахъ въ такихъ лицахъ какъ Освальды, Альфреды, Эдвины и другіе. Все это свидѣтельствуетъ о человѣческомъ развитіи самаго народа; ибо никогда правители не могутъ возвышаться значительно надъ тѣмъ обществомъ, котораго судьба поручена ихъ правленію. Они сами созданіе общества: орудія ихъ и совѣтники—члены его и всѣ дѣйствія ихъ подчиняются его законамъ; все то, что противно этимъ законамъ, будь оно ко злу или къ добру, исчезаетъ безъ слѣда или гибнетъ еще въ зародышѣ вслѣдствіе положительнаго отпора или безчувственной апатіи массъ.

Отъ того-то всякая историческая критика, отдѣляющая правительства отъ народовъ въ исторіи человѣчества, впадаетъ въ безсмысленную ошибку. Личныя случайности народныхъ вождей имѣютъ безспорно свое значеніе: онѣ ускоряютъ или замедляютъ развитіе общихъ или частныхъ началъ въ государствѣ, производятъ временныя смущенія или потрясенія въ его нормальномъ ходѣ, но никогда не могутъ нарушить этого хода. Сила духовныхъ, нравственныхъ и умственныхъ его основъ прорѣзываетъ историческій путь для каждаго народа и для каждаго общества, возвышая или губя его и опредѣляя его судьбу до тѣхъ поръ, покуда не дастся ему другой высшій законъ, или покуда не встрѣтятся съ нимъ другія высшія или сильнѣйшія начала, олицетворенныя въ другомъ обществѣ или народѣ, которымъ принадлежитъ по справедливости историческое первенство и право на временное торжество. Такъ напр. идея правды въ Римѣ должна была побѣдить идею красоты эллинской, хотя въ послѣдствіи идея правды римской, (т. е. внѣшней) по своей односторонности уступила болѣе многосторонней идеѣ эллинской въ дальнѣйшемъ развитіи человѣческаго духа и въ истиноразумномъ вліяніи на его нравственное возвышеніе.

Христіанство принято было, какъ уже сказано, въ землѣ англо-саксовъ въ формахъ весьма близкихъ къ своему пер-

воначальному характеру: оно дѣйствовало своею духовною проповѣдью и поэтическимъ образомъ на сердца неиспорченныя ни сосѣдствомъ римлянъ, ни преобладаніемъ дружиннаго устройства и облагораживало ихъ. Оно имѣло прямое вліяніе даже на отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ туземцамъ и къ ихъ единоплеменникамъ. Строгая жизнь ирландскихъ монастырей призывала многихъ къ переселенію въ ихъ мирныя нѣдра изъ бурной среды, въ которой волновались еще неукрощенныя страсти недавнихъ язычниковъ. Духовныя сношенія связывали область англовъ съ землями новообращенныхъ кельтовъ (скотовъ и пиктовъ въ Шотландіи) и кумрійцевъ юго-западной Англіи. Часто оспротѣвшіе князьки искали убѣжища, воспитанія и защиты у племенъ еще недавно враждебныхъ. Чувства человѣчества и благоволенія, чувства общенія умственнаго и духовнаго пробивались вездѣ, развивая тѣ духовныя силы, которыя въ послѣдствіи подняли Англію такъ высоко между европейскими народами; но имъ не дано было развиться вполнѣ, потому что самой землѣ предстоялъ кровавый и крутой переломъ.

Мелкія царства гибли мало по малу въ междоусобной борьбѣ. Первенство осталось за двумя областями, за полу-англійской Меркіей и чисто-германскимъ Вестъ-Сексомъ.

Нѣмецкій патріотизмъ заднимъ числомъ нѣсколько разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что судьба доставила окончательное торжество области, въ которой будто бы германская стихія была затемнена стихіями чуждыми. Взглядъ этотъ совершенно ложенъ. Безпрестанная борьба съ валлійцами и съ горцами западными имѣла разумѣется нѣкоторое вліяніе на вестъ-саксовъ: но это вліяніе было незначительно и почти вся остальная Англія была гораздо болѣе измѣнена примѣсью чуженародною въ самихъ завоевательныхъ дружинахъ и примѣсью отъ довольно сильнаго и сравнительно образованнаго населенія городовъ.

Споръ Меркіи и Вестъ-Секса кончился въ пользу послѣдняго, и видимая случайность была дѣйствительно не случай-

ностью. Въ ней проявился законъ, который такъ часто повторяется въ исторіи, по которому области наиболѣе окрѣпшія въ военной борьбѣ и наиболѣе принявшія дружинный бытъ первыя вырываются на историческое поприще. Въ Вестъ-саксонскомъ королевствѣ преемство людей сильныхъ духомъ было обезпечено самою опасностью, въ которой постоянно находилась область, шаткостью престолонаслѣдія и нѣкоторою дикою энергіею нравовъ. Эгбертъ и его ближайшіе преемники соединили въ одно цѣлое разрозненныя части осьми-царственнаго союза.

Безполезно разсматривать хронологію присоединенія каждой отдѣльной части. Это нужно только для спеціальныхъ исторій. Въ самомъ же дѣлѣ присоединенія не выступаетъ ни одно характеристическое обстоятельство.

Новое царство не имѣло уже той рыхлости, которою обозначенъ былъ весь союзъ, даже въ то время, когда онъ находился подъ главарствомъ *Бретвальдовъ*. Эти верховные вожди имѣли только одно значеніе—сосредоточивать до нѣкоторой степени силы осьмицарствія противъ свободныхъ туземцевъ и перестали являться въ лѣтописяхъ за долго до Эгберта и именно въ то время, когда кельты были окончательно вдвинуты въ свои родныя горы. Борьба коренныхъ жителей противъ пришельцевъ, давно уже невозможная, какъ по превосходству дружины саксонской, такъ и по тѣснѣйшему союзу англо-саксовъ въ сравненіи съ разъединенностью кельтовъ, сдѣлалась уже просто ничѣмъ инымъ какъ обороною горныхъ твердынь противъ осаждающаго непріятеля: но оборона была ведена съ рѣдкимъ упорствомъ, достойнымъ удивленія. Большую часть горъ успѣли отстоять потомки древнихъ бриттовъ не только противъ англо-саксовъ, но и противъ еще сильнѣйшихъ норманновъ и противъ еще сильнѣйшихъ вѣковъ. Уже съ самаго начала нашествія англо-саксовъ туземцы очевидно раздѣленные тѣмъ духомъ клапства, который еще недавно сталъ погасать въ горной Шотландіи, всегда готовые на кро-

вавыя междоусобія, рѣдко соединялись (и то разумѣется не всѣ) подъ начальствомъ одного какого нибудь вождя, каковы были: Натаплеодъ и болѣе или менѣе сомнительные Амвросій, Пендрасопъ или Артуръ. Въ послѣдствіи эти союзы сдѣлались еще рѣже, хотя они отчасти еще проявляются при Кадваллонѣ и сынѣ его Кадвалладурѣ. Позже они исчезаютъ почти вовсе, между тѣмъ какъ единство непріятеля дѣлается постояннѣе и крѣпче.

Отъ того-то кельты и не могли воспользоваться страшными нашествіями скандинавовъ, хотя часто дѣйствовали съ ними за одно.

Но царство англо-саксовъ получило болѣе видимое чѣмъ коренное единство. Случайности военной борьбы и можетъ быть смутное пониманіе необходимости сліянія всѣхъ мелкихъ областей въ одно цѣлое доставили вестъ-секской династіи власть надъ Англіею или по крайней мѣрѣ полное преобладаніе надъ слабѣйшими соперниками: но внутреннія сѣмена раздора не были уничтожены, память о независимости отдѣльныхъ областей, племенное и дружинное соперничество были еще живы и должны были принести горькіе плоды: наконецъ очевидное смѣшеніе общинности и дружиннаго строя не допускали правильнаго развитія общественныхъ силъ, а многочисленность населенія несвободнаго была постоянною причиною слабости и зародышемъ паденія. Великій основатель каролингской династіи не закрылъ еще глазъ и уже быстрыя суда сѣверныхъ хищниковъ грозили берегамъ Средиземнаго моря и побѣдоносный императоръ проливалъ слезы, предвидя бѣдствія своихъ потомковъ. Эгбертъ, основатель единства англо-саксонскаго, не сошелъ еще во гробъ а уже царство его видѣло первые набѣги своихъ будущихъ завоевателей.

Земли Скандинавскія. Завоеванія Нар-

Въ концѣ VIII-го вѣка появились на всѣхъ западныхъ моряхъ страшные паруса Скандинавіи. Развитіе ихъ грозной силы и смѣлой предпріимчивости не было медленнымъ дѣломъ времени и давняго обычая. Казалось, что огромное старое морское

ополченіе, окрѣпшее въ борьбѣ съ волнами Океана, было чѣмъ то задержано въ своихъ родныхъ пристаняхъ и съ первымъ попутнымъ вѣтромъ полетѣло почти единовременно ко всѣмъ берегамъ. Такое явленіе было бы безпримѣрно въ исторіи и противно всѣмъ ея законамъ, если бы оно не объяснялось, какъ уже сказано, двумя происшествіями почти современными другъ другу въ самой Скандинавіи и въ средней Европѣ. Великіе дѣятели исторіи, невольное орудіе ея логики, часто служатъ цѣлямъ, которыя или чужды ихъ соображеніямъ или даже противны ихъ намѣреніямъ. Карлъ Великій своими безпрестанными и широко объемлющими походами развивалъ сѣмена феодальности, противъ которой хотѣлъ бороться. Карлъ, принимая императорскій вѣнецъ отъ папы, котораго тоже хотѣлъ удержать въ строгой подчиненности, ставилъ папство выше имперіи. Карлъ, разрушая силу саксонцевъ, до тѣхъ поръ владѣвшихъ сѣверными морями и нанося войною и торговыми законами сильный ударъ вендо-славянской морской торговлѣ, очищалъ путь морякамъ болѣе воинственнымъ, но до тѣхъ поръ еще слабымъ и—избавлялъ ихъ отъ соперничества, которое до тѣхъ поръ ихъ обуздывало.–Въ то же время въ самой Скандинавіи происходилъ великій переворотъ. Мы видѣли, что двѣ стихіи съ юго-востока проникли въ нее вѣроятно вѣка за два до Р. Х.,—стихія азо-сарматская и вендославянская (олицетворенныя въ Божествахъ Азахъ и Ванахъ) и сдѣлались въ одно время властительницами и просвѣтительницами всего края. Превосходство-ли численное или духовное или какая нибудь случайность доставила первенство вендамъ надъ ихъ союзниками, сказать невозможно. Вѣрно то, что потомки Фрейра, Инглинги, были въ продолженіи многихъ вѣковъ главою всѣхъ сѣверныхъ областей. маниовъ. въАнглія

Собственно царствовали они въ Швеціи, но Данія была имъ безспорно подвластна (это видно изо всѣхъ сказаній), а родословная Гаральда Гарфагра показываетъ его происхожденіе также отъ Ингви-Фрейра, слѣд. отъ рода Инглинговъ. Выше было сказано, что выселеніе изъ Скандинавіи готовъ (заключающихъ въ себѣ лонго-

бардовъ и сѣверныхъ бургундовъ) выселеніе несомнѣнное по ихъ собственнымъ сказаніямъ, по преданіямъ при-балтійскихъ пруссовъ, леттовъ и даже Литвы также какъ и по языку, и позднѣйшее выселеніе саксовъ были по всей вѣроятности слѣдствіемъ напора иноземныхъ стихій. Первенство же вендовъ объясняется тѣмъ, что азо-сарматы были оторваны отъ роднаго корня и братскаго вспоможенія, между тѣмъ какъ вендо-славянское начало, оставаясь въ безпрестанныхъ дружескихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ приволховскими братьями (Новгородомъ или Неотуномъ) долго могли почерпать новыя силы изъ страны одноплеменной. Отъ того самого мы и видимъ, что венды и гунны (славяне при-балтійскіе и русскіе) являются сильными дѣятелями въ междоусобіяхъ Скандинавіи. Впрочемъ можно, кажется, предполагать изъ сличенія памятниковъ, что южная часть ея, т. е. Данія и принадлежащія ей области, болѣе подчинялись или мѣстному началу *Водену* или сарматскому Тору, признавая только первенство Инглинговъ.

Но власть Инглинговъ была основана не твердо. Противъ нея нерѣдко возставали мелкіе, подвластные имъ корольки и часто даже удальцы, прославившіеся своими подвигами. Наконецъ она пала передъ смѣлымъ и свирѣпымъ Гаральдомъ Гильдетандомъ, который прекратилъ ихъ династію и похитилъ ихъ власть. Впрочемъ это похищеніе не перенесло власти и первенства въ другую стихію. Тѣ же самыя силы, которыя въ продолженіи многихъ вѣковъ служили Инглингамъ, поддерживали потомъ державу ихъ губителя. Можно даже предполагать что Гаральдъ стремился дать восточному началу полнѣйшее преобладаніе или на немъ основать неограниченную власть своего дома и черезъ то самое вызвалъ сильное сопротивленіе другихъ мѣстныхъ стихій. Эти стихіи нашли себѣ предводителя въ Сигурдѣ Рингѣ, отцѣ славнаго Рагнара Лодброка. Между врагами закипѣлъ великій Бравальскій бой, прославленный и воспѣтый всѣми скальдами сѣвера. Борьба была очевидно не между лицами, не между династіями, принадлежащими къ одному и тому же началу. Такая борьба не настроила бы лиры всѣхъ поэтовъ: для нея не сошли бы боги

на землю: не возстали бы или не продлили бы вѣка своего далѣе предѣловъ жизни человѣческой древніе герои сѣвера. Для разумной критики не можетъ даже быть сомнѣнія. Поля Бравальскія видѣли конецъ цѣлой системы народной, цѣлой вѣковой жизни и торжество или освобожденіе другой, до тѣхъ поръ порабощенной или угнетенной. Войска побѣжденнаго Гаральда состояли по большей части изъ вендовъ и гунновъ, по сказанію сагъ и лѣтописцевъ, (т. е. изъ дружинъ славянскихъ): но они были безъ сомнѣнія только союзниками а не основою силы Гаральдовой. Послѣ его пораженія его побѣжденные сподвижники оставили родину, въ которой владычествовали много вѣковъ и искали убѣжища на балтійскомъ Поморьѣ. Лишенные земли они искали владѣнія на моряхъ и сдѣлались смѣлыми хищниками. Силы саксовъ съ одной стороны уже были истощены переселеніями въ Англію и обратились тамъ на земледѣліе, на войну противъ кельтовъ и на междоусобія, съ другой были сокрушены меченосцемъ западнаго христіанства, Карломъ. Пустыня морская оставалась безъ хозяевъ. Ею овладѣли скандинавскіе бѣглецы. Примѣру побѣжденныхъ послѣдовали побѣдители, еще горящіе пыломъ недавней борьбы и въ началѣ IX-го вѣка уже корабли ихъ, переплывъ волны Океана, огибали южную окопечность Испаніи и громили берега Италіи и Франціи. Такимъ-то образомъ объясняется мгновенное развитіе морскихъ разбоевъ скандинавскихъ. Близкіе берега Англіи, разумѣется, были въ числѣ первыхъ странъ, посѣщенныхъ страшными гостями. На нихъ погибъ Рагнаръ, сынъ Сигурда, побѣдителя при Браваллѣ, идеалъ морскаго витязя, гроза всей западной Европы, вдохновенный пѣвецъ, ненасытный грабитель, кровожадный и неумолимый воинъ. Онъ погибъ, какъ извѣстно, смертію жестокою, но вполнѣ заслуженною (если только позволено казнить лице за обычаи его народа). Мщеніе за Лодброка было началомъ многолѣтнихъ бѣдствій для земли англо-саксовъ.

Что пѣснь, извѣстная подъ именемъ Лодброка, была сложена не имъ, едва ли кто можетъ сомнѣваться, но сходство самой его смер-

ти съ смертію Гунтера въ Нибелунгахъ наводитъ сомнѣніе на самое происшествіе, развѣ предположить, что Элла знакомый съ древнею эпопеею, позабавился жестокимъ подражаніемъ. Замѣчательно, что въ поэмѣ Гунтеръ, изъязвленный змѣями, умираетъ также съ пѣснію на устахъ.

Дѣти Лодброка подняли на Эллу и его область всю силу разбойничьихъ вольницъ сѣвера: хитрость соединили они съ отвагою, усыпили подозрѣнія, избрали удобное время и вполнѣ отмстили за отца.

При этомъ случаѣ обнаруживается все лукавство норманновъ, черта отличительная почти всей ихъ позднѣйшей исторіи, порокъ, въ которомъ они далеко превосходили византійцевъ, слишкомъ часто обвиняемыхъ въ немъ, но который не разъ доставлялъ имъ нежданные успѣхи. Этотъ глубокій развратъ души, явный во всѣхъ ихъ дѣлахъ, доказываетъ, что ремесло морскаго разбоя дѣйствовало на нравственный бытъ норманна также гибельно, какъ римское наемничество и жизнь въ римскихъ областяхъ дѣйствовали на франка. Франкъ и норманнъ, великія явленія въ исторіи, равно замѣчательныя по энергіи воли и отвратительныя по духовному искаженію. Худшая сторона ихъ души дѣйствовала, можетъ быть, также долго, какъ и лучшая.

Гибель Эллы и страшное опустошеніе его царства, успѣхъ добытый легко и обѣщавшій также легкіе успѣхи впереди, внушили дѣтямъ Рагнара мысль о завоеваніи всей страны и эту мысль они едва не осуществили. Борьба ихъ съ двумя предшественниками Альфреда и съ нимъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо она объясняетъ позднѣйшіе успѣхи Кнýта и непонятное завоеваніе Вильгельма.

Исторія вообще довольно пристрастна къ военнымъ успѣхамъ: исторія, обработанная потомками германцевъ, особенно пристрастна къ подвигамъ ихъ предковъ, а норманны, кажется, пользовались едва ли не двойною мѣрою пристрастія въ сравненіи съ другими народами. Смѣшно бы было отка-

зывать въ блестящемъ мужествѣ этимъ предпріимчивымъ наѣздникамъ моря, которые въ бурныхъ Океана, страшнаго даже и теперешнему мореходству, не вооруженному силою паровъ, видѣли только удалую борьбу, которые на своихъ мелкихъ корабляхъ безъ компаса стремились вдаль отъ береговъ отыскивать сквозь туманы сѣвера и пловучія громады льдовъ новыхъ и неизвѣстныхъ земель, которые наконецъ открыли Америку прежде Колумба безъ помощи науки, которая устраняетъ препятствія, и безъ того вдохновенія религіознаго, которое пренебрегаетъ ими: но должно также вспомнить, что такая смѣлость мореплавателей не чужда была и другимъ народамъ, передъ мужествомъ которыхъ не сгибаются колѣна ни у одного историка, финикійцамъ, предупредившимъ Гаму и посѣщавшимъ постоянно западную оконечность Европы, отдаленную отъ нихъ бурями Атлантики; малайцамъ, населившимъ или завоевавшимъ острова разсѣянные на безконечномъ лонѣ Тихаго Океана, племени Тонга еще прежде малайцевъ и наконецъ даже кельтамъ Эрина, вѣроятно наслѣдовавшимъ нѣкоторыя преданія финикійцевъ и предварившимъ норманновъ (по свидѣтельству самихъ норманновъ) въ открытіи Америки. Всѣ эти явленія, которыя вѣроятно были еще обыкновеннѣе въ младенчествѣ рода человѣческаго, еще не посвятившаго своихъ силъ взаимному уничтоженію, принадлежатъ только къ тѣмъ признакамъ невѣроятной энергіи, происходящей отъ односторонности направленія, о которыхъ говорено при анализѣ первой исторической и до-исторической эпохи.

Таково зодчество Египтянъ, государственность Китая и храненіе слова и быта у славянъ.

Не мужество норманновъ дало имъ побѣду надъ англосаксами. Войско Гаральда было въ трое малочисленнѣе дружины Вильгельмовой и отстаивало побѣду почти цѣлый день и едва не вырвало ея изъ рукъ завоевателя. Точно также мы видимъ въ самомъ началѣ борьбы саксонцевъ противъ пер-

выхъ преемниковъ Лодброка, что горсть саксонцевъ (или англичанъ) въ чистомъ полѣ нерѣдко побѣждаетъ сильное войско пришельцевъ или по крайней мѣрѣ уступаетъ со славою только огромному превосходству силъ. Честь военной доблести принадлежитъ по всѣмъ вѣроятностямъ англо-саксамъ и по крайней мѣрѣ самая осторожная критика можетъ допустить только равенство. Правда, что большая опытность и большій навыкъ къ хитростямъ воинскимъ доставляли часто побѣду норманнамъ, иногда уже почти побѣжденнымъ: но такое ничтожное превосходство ничего не значило въ сравненіи съ выгодами представляемыми туземцамъ войною на родинѣ, гдѣ всякая потеря могла вознаградиться немедленно новымъ приливомъ силъ и гдѣ численное превосходство должно было всегда быть на ихъ сторонѣ. Успѣхи норманновъ въ въ Англіи очевидно зависѣли отъ внутренней слабости саксонскаго королевства. Ударъ ихъ былъ направленъ на сѣверныя области заселенныя англами и тутъ были первыя ихъ завоеванія, которыхъ они уже никогда не утрачивали. Альфредъ, побѣдитель Гудруна, не старался, очевидно не могъ ихъ изгнать потому, что не было народной стихіи враждебной норманнамъ, на помощь которой онъ могъ бы надѣяться. Альфредъ въ продолженіи многолѣтней борьбы съ Гастингсомъ не только никогда не находилъ союзниковъ, но постоянно находилъ враговъ въ сѣверо-восточныхъ англахъ. Такое явленіе не объясняется вполнѣ отсутствіемъ государственнаго чувства: оно свидѣтельствуетъ о равнодушіи племенномъ или даже о племенной враждѣ. Города не были и не могли быть за грабителей. Сочувствіе встрѣчали они очевидно въ сельскомъ населеніи.

Быть можетъ, они пріобрѣтали это сочувствіе освобожденіемъ рабовъ, которое можно предположить по тому обстоятельству, что скандинавская часть Англіи во время Вильгельма представляла сравнительно съ саксонскою гораздо большее число свободныхъ сельскихъ обывателей; но мы не можемъ этого утверждать и не имѣемъ доказательствъ, чтобы тѣ же отношенія не существовали еще при преемникахъ *Иды*.

Слова сѣверныхъ лѣтописцевъ, на которыя критика не обращала никакого вниманія, даютъ кажется полнѣйшее объясненіе. Они говорятъ о завоеваніи пятой части Британніи своими соотечественниками въ то время, когда еще ни одинъ скандинавскій корабль не бороздилъ германскаго моря и когда еще только созидалось семицарствіе въ Англіи. Отношенія англовъ и ихъ вождя Иды къ Инглингамъ скандинавскимъ поясняетъ это недоразумѣніе. Англы принадлежали къ тому народному союзу, или лучше сказать къ той народной системѣ, которая обнимала весь сѣверъ Европы, связанная единствомъ торговыхъ выгодъ и отчасти единствомъ племеннымъ, опирающимся на могучую массу при-волховскихъ старожиловъ славянъ и бальтійскихъ вендовъ, крайними своими колоніями, варнами и англами, захватывающая устья Рейна и часть фризскаго берега и преобладающая въ Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Преданія о славянахъ и славянскомъ лѣсѣ долго жили въ Голландіи особенно подлѣ Утрехта (Вильценбурга).

Тѣмъ же самымъ объясняется и легкое завоеваніе сѣверной Англіи норманнами и легкость, съ которою завоеванные сживаются съ своими завоевателями. Ингвингъ (англъ или угличь) Ида увлекъ въ своей дружинѣ, кромѣ своего собственнаго племени, часть тѣхъ племенъ, которыя тогда составляли съ нимъ одну систему народную и эта дружина вступила въ союзъ съ саксонцами только случайно и безъ всякаго внутренняго сочувствія.

Впрочемъ не было между ними и вражды. Не говоря о признакахъ славянской примѣси въ саксахъ, можно видѣть изъ ихъ сожительства съ англами и варнами существованіе дружескихъ отношеній между этими разноплеменными сосѣдями.

Но первоначальное равнодушіе и даже дружелюбіе не могло существовать въ продолженіи долгаго времени. Оно должно

было перейти или въ тѣсный и полный союзъ, или въ раздоръ. Междоусобія и борьба мелкихъ королевствъ, кончившаяся торжествомъ вестъ-саксовъ дала ему это послѣднее направленіе. Дѣти Лодброка нашли уже сѣверо-восточную Англію враждебною южной, властвующей.

Это видно не только изъ ничтожности отпора на сѣверѣ и изъ позднѣйшихъ отношеній восточныхъ англовъ къ Альфреду, но и изъ того, что хотя вестъ-сакскіе короли, лучше понимавшіе опасность, помогали Мерціи, Мерція никогда не хотѣла имъ оказать ни малѣйшей помощи.

Съ другой стороны хотя вожди новыхъ завоевательныхъ дружинъ и были въ своей родинѣ врагами англьской стихіи —Инглинговъ и изгнали ее изъ Скандинавіи, эта новая междоусобица была неизвѣстна давнишнимъ выходцамъ и у нихъ хранилась только память объ единоземствѣ и вѣковой дружбѣ, вѣроятно многіе одинокіе обычаи въ бытѣ частномъ и общемъ. Сверхъ того, какъ уже сказано, движеніе Иды и его дружинъ увлекло многія изъ тѣхъ началъ народныхъ, которыя при Сигурдѣ Рингѣ одержали верхъ надъ династіей Инглинговъ. Очевидно все помогало завоевателю; все грозило паденіемъ вестъ-сакскому престолу.

Очевидно, критика, не обративъ вниманія на явную разноплеменность дружинъ саксонскихъ и на темныя, но весьма важныя показанія сагъ и лѣтописей скандинавскихъ, утратила возможность понять все движеніе исторіи англійской до самаго Вильгельма.

Альфредъ Великій.

За всѣмъ тѣмъ вестъ-сакское королевство устояло не только по случайности возведшей на престолъ великую душу Альфреда, но и потому, что дѣйствительно чисто-саксонская стихія была преобладающая и значительно сильнѣйшая во всемъ союзѣ. Временныя побѣды норманновъ послужили даже отчасти къ временному скрѣпленію державы, уничтоживъ всѣ мелкія и полу-независимыя королевства сѣверной и средней

Англіи: но разумѣется, онѣ не только не могли искоренить внутреннихъ началъ раздора и будущаго паденія, но еще усилили ихъ число и будущій кругъ ихъ дѣйствія, вслѣдствіе котораго въ послѣдствіи новое племя, новая династія, новое жизненное начало должны были со временемъ овладѣть судьбою Англіи и стать на первомъ или самомъ видномъ мѣстѣ въ ея внутреннемъ организмѣ съ тѣмъ, чтобы не прежде многихъ вѣковъ уступить снова несокрушимой силѣ стихіи саксонской. Мужественъ былъ отпоръ королей саксонскихъ, не недостойныхъ преемниковъ Эгберта: успѣхъ долго сомнителенъ. Наконецъ молодой Альфредъ утратилъ по видимому всю надежду на побѣды, всѣ силы для сопротивленія; онъ, съ раннихъ лѣтъ закаленный въ военной тревогѣ и прославившійся запальчивою отвагою, бѣжалъ теперь отъ борьбы, отъ враговъ своихъ и даже отъ поддапныхъ, скрываясь въ глуши лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, безъ крова и часто почти безъ пищи. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло и грабители хозяйничали въ землѣ вестъ-саксовъ, губя и раззоряя, нигдѣ не основывая себѣ осѣдлости; но почти нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, хотя еще случались, частныя стычки, въ одной изъ которыхъ палъ послѣдній изъ дѣтей Рагнара.

Замѣчательна разница въ дѣйствіяхъ скандинавовъ на сѣверѣ и югѣ Англіи. Очевидно они не находятъ въ южныхъ областяхъ тѣхъ союзныхъ стихій, которыя дали имъ на сѣверѣ возможность овладѣть вполнѣ землею и сдѣлать ее своею.

Альфредъ въ своемъ тяжкомъ скитаніи безспорно получилъ уроки, которые подѣйствовали на всю его жизнь. Онъ бѣжалъ не отъ недостатка въ мужествѣ, не отъ вещественной невозможности противиться врагу, но вслѣдствіе отношеній своихъ къ подданнымъ. Рано почерпнулъ онъ изъ источниковъ просвѣщенія не домашняго, въ первомъ уже дѣтствѣ нѣсколько разъ жилъ и путешествовалъ въ областяхъ прежняго римскаго міра и въ самомъ Римѣ, котораго величественныя развалины неизгладимо врѣзались въ его дѣтскую память и бла-

городное сердце. Строгій и послѣдовательный въ требованіяхъ правды, страстный ко всякому умственному свѣту и привязавшійся всей силою своего молодаго ума къ дознанному имъ превосходству другаго уже отжившаго просвѣщенія, онъ, какъ кажется, до нѣкоторой степени презиралъ жизнь и бытъ своего роднаго племени или по крайней мѣрѣ чуждался ихъ. Неумолимо держался онъ своихъ самосозданныхъ законовъ въ правдѣ гражданской, казня безъ милосердія ихъ нарушителей, и вводя насиліемъ своей власти и могущей личности новыя правила и формы, которыя не истекали естественно изъ жизни саксонскаго народа и можетъ быть отчасти противурѣчили ей. Его молодая горячность дала началу его царствованія направленіе благодѣющаго деспотизма или благонамѣреннаго тиранства. Безнравственности такого направленія не сознавалъ онъ: онъ узналъ ее изъ народной холодности и народнаго безучастія въ годину борьбы и опасности. Въ вестъ-сакскомъ королевствѣ были силы болѣе чѣмъ достаточныя для отпора норманнамъ; но эти силы не хотѣли служить самовластному произволу Альфреда и онъ бѣжалъ.

Таковъ выводъ изо всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ, хотя ни одно изъ нихъ не высказываетъ опредѣлительной причины бѣгству короля. Неудовольствіе было; а между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго обвиненія въ порокахъ объясняющихъ это неудовольствіе. Есть упреки въ излишней и торопливой строгости, но ни одного въ неправдѣ. Великая душа Альфреда была виновна только въ одномъ,— въ неумѣренной и нетерпѣливой любви къ добру: но и то не малая вина, когда власть, гордая сознаніемъ своей высокой нравственности осмѣливается казнить подчиненное ей общество насиліемъ добрыхъ началъ, которыхъ оно еще не уразумѣло. Въ этомъ насиліи выражается преступное самосознаніе власти, которая въ себѣ не признаетъ возможности ни личныхъ страстей, ни личныхъ ошибокъ, ни личнаго неразумія.

Въ бѣдствіи своемъ пріобрѣлъ Альфредъ то, что утратилъ въ величіи, любовь и довѣренность народа, и умѣлъ ихъ вполь-

нѣ оправдать всею послѣдующею своею жизнію. Спеціальнымъ исторіямъ предоставлено разсказывать объ его побѣдахъ надъ норманнами, уже поселившимися въ Англіи, и разумномъ пользованіи этими побѣдами, объ его многолѣтней борьбѣ съ норманномъ-пришельцемъ, славою царей морскихъ, Гастингсомъ, котораго историческая судьба какъ будто создала, чтобы испытать всю нравственную силу и военную доблесть Саксонскаго короля и который, побѣжденный, отступилъ отъ береговъ, охраненныхъ великою душею Альфреда, но завѣщалъ свое имя мѣстности гибельной для саксонцевъ. Общей исторіи нѣтъ дѣла до этихъ подробностей.

Упорство Гастингса въ его покушеніяхъ на Англію и всѣ разсказы объ его подвигахъ ведутъ къ заключенію, что морской витязь былъ движимъ не столько корыстью и желаніемъ завоеваній, сколько поэтическимъ славолюбіемъ, которое не было чуждо норманнамъ. Это славолюбіе въ немъ не было чувствомъ личнымъ, но чувствомъ племеннымъ. Скандинавъ ратовалъ за честь своего народа, побѣжденнаго саксами и уступившаго поле брани ихъ непобѣдимому королю. Дань—и онъ отступилъ-бы, признаніе въ страхѣ и уничиженіе, и онъ счелъ-бы свой подвигъ совершеннымъ: но онъ не могъ и не хотѣлъ терпѣть гордаго сознанія силъ въ народѣ, съ которымъ его единоплеменники вступили въ соперничество, и въ вождѣ этого народа. Въ этомъ объясненіи могущаго характера Гастингсова есть художественная истина, которая при вѣрной оцѣнкѣ данныхъ всегда совпадаетъ съ истиною человѣческою и историческою.

Дѣла и царствованіе одного какого нибудь государя не имѣютъ общаго, всемірнаго значенія, какъ бы ни былъ широкъ кругъ его дѣйствія. Все значатъ народы и мысли, ими управляющія или воплощаемыя въ нихъ: но безконечно важны тѣ державныя лица, которыя представляютъ въ себѣ высшее развитіе духа и воли своего народа въ полнотѣ или хоть въ одномъ направленіи, какъ сынъ Германіи, Карлъ Великій, или Людвигъ XIV во Франціи, или Петръ въ Россіи. Къ такимъ

лицамъ принадлежитъ Альфредъ. Кругъ его дѣйствія былъ сравнительно ничтоженъ и по видимому не отозвался внѣ Англіи; но въ немъ повторяются съ большею полнотою лучшіе изъ его царственныхъ предшественниковъ (каковы Ины, Цеадваллы, Оффы, Эгберты и др.) и въ немъ проявляются тѣ разумныя и прекрасныя силы мысли и духа, которыя въ послѣдствіи дали его племени, хотя и побѣжденному временно, первое мѣсто въ исторіи новыхъ народовъ и даютъ ему въ наше время первенствующій голосъ въ дѣлахъ и судьбѣ всего міра. Многіе великіе дѣятели внушаютъ невольное удивленіе. Альфредъ внушаетъ благоговѣніе и глубокое сочувствіе и въ то же время добросовѣстная критика признаетъ его личныя достоинства не личною только доблестію, но и достояніемъ всего народа.

Это доказывается всею позднѣйшею исторіею Англіи также какъ и сличеніемъ Альфреда со многими изъ королей седмицарствія и съ ближайшими его преемниками.

Ни одно изъ благородныхъ стремленій души человѣческой не осталось чуждымъ его великой душѣ. Собиратель памятниковъ древне-Саксонскаго слова, самъ литтераторъ и поэтъ, поклонникъ древняго міра, котораго превосходство онъ понималъ, поклонникъ науки, которой главный центръ въ Англіи Оксфордъ гордится преданіемъ, хотя и сомнительнымъ, связывающимъ его основаніе съ именемъ Альфреда, мыслію и сочувствіемъ обнималъ онъ почти весь тогда извѣстный міръ. Имъ отправленные путешественники проникали одинъ въ отдаленные и темные концы Балтики, другой въ едва доступную Индію, открывая то необъятное поприще, на которомъ прославились дальніе потомки тогдашнихъ англо-саксовъ. Имъ созданный флотъ боролся уже съ успѣхомъ противъ наѣздниковъ моря, норманновъ, и, доказывая прежнюю важность мореплаванія у саксовъ и значеніе его какъ силы обуздывавшей сѣверныхъ грабителей, предсказывалъ будущее величіе того флота, который въ наше время властвуетъ на всѣхъ мо-

ряхъ и имѣетъ такое огромное вліяніе на судьбу всего міра: имъ утвержденные, или приведенные въ болѣе правильное устройство суды присяжныхъ служатъ самою твердою опорою, самымъ незыблемымъ основаніемъ великой западной державы, примѣромъ и училищемъ правды для всѣхъ народовъ: имъ скрѣпленныя общины служили долго спокойствію и безопасности королевства и положили, вѣроятно, начало сельскому быту, гордости и благословенію Англіи.

Очевидно общины существовали въ ней издавна, но падающій бытъ общинный былъ снова укрѣпленъ Альфредомъ. Большая часть западныхъ историковъ говорятъ о взаимной отвѣтственности членовъ общины, какъ о мѣрѣ полезной въ отношеніи къ государственной крѣпости, но весьма стѣснительной для личностей. Таковъ взглядъ міра, отвыкшаго отъ общины и непонимающаго уже ея живой и органической цѣльности. Форма раздѣленія на численные порядки, сотни и тысячи, указываетъ отчасти на смѣшеніе устройства дружиннаго и общиннаго, но названіе тысяцкихъ въ земляхъ чисто общинныхъ отстраняетъ это сомнѣніе: впрочемъ очевидно, что въ Англіи оба начала были перемѣшаны и слиты въ какое-то нестройное цѣлое.

Рѣдкая чистота нравовъ, правдолюбіе, обратившееся въ прозвище (потомство называло его *правдословъ*), ясность и нѣжность души и разумная богобоязненность, исполненная любви и благоговѣнія, соединялись въ Альфредѣ съ его высокими умственными качествами; но самая эта нравственная высота принадлежала не ему одному. Христіанство было для земли англо-саксовъ источникомъ живымъ и чистымъ, въ ней овладѣло оно всею полнотою народнаго духа: въ ней глубоко бросило оно плодотворныя сѣмена, которыя дали и даютъ до нашего времени пепстощимые плоды. Остальной міръ, видя еще въ Англіи борьбу партій и вопросовъ религіозныхъ, не можетъ понять ни важности ни искренности ихъ и легкомысленно готовъ признать ихъ за маску другихъ, чисто-вещественныхъ интересовъ. Слѣпота понятная, но обличительная

не только для обществъ современныхъ намъ, но и для всего ихъ прошедшаго. Вообще должно сказать, что личность Альфреда представляетъ одно изъ утѣшительнѣйшихъ явленій во всемірной исторіи какъ по собственному его характеру такъ и по явной зависимости этого характера отъ народной стихіи, которой онъ былъ представителемъ.

Въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ прекрасная, но исключительная личность Лудвига благочестиваго, явленія прекраснаго безъ сомнѣнія, но рѣзко отдѣляющагося ото всей исторіи Франціи и представляющаго исключительное вліяніе ученія христіанскаго на человѣка одареннаго, высокими нравственными стремленіями почти независимо отъ среды его окружавшей. Дѣйствительно, эта среда благоговѣла передъ нимъ, но не понимала его, не сочувствовала и не приняла отъ него никакого направленія. Къ тому же должно прибавить, что самое христіанство въ Лудвигѣ также какъ и его нравственная и внѣшняя жизнь носятъ на себѣ печать односторонности и служенія ложному началу, разумѣется вслѣдствіе лжи и односторонности всей эпохи его; между тѣмъ какъ вдали какой нибудь справедливый упрекъ можетъ пасть на память и дѣла великаго англо-сакса. Ему не суждено было дѣйствовать на обширномъ поприщѣ, двигать огромными массами народовъ, проявить свою энергію и разумъ въ тѣхъ колоссальныхъ размѣрахъ, которые предоставлены были германцу Карлу: но чистота и возвышенность нравственная, кротость и отсутствіе личныхъ страстей ставятъ его выше этого великана средне-вѣковой Европы и обличаютъ въ мірѣ, изъ котораго онъ возникъ и которымъ правилъ, зачатки духовной силы, которой развитіе продолжается до нашихъ дней.

Преемники Альфреда. Умственное развитіе Англіи.

Достойные преемники заняли престолъ освободителя англо-саксовъ, Эдвардъ и Ательстанъ, къ несчастію обезчещенный страшнымъ дѣломъ братоубійства, но семилѣтнимъ, глубокимъ раскаяніемъ омывшій преступленіе, въ которое его ввергли и собственная подозрительность и ядъ придворной клеветы. Выше и выше возрастала держава островнаго королевства, блиста-

тельныя побѣды Эдварда, въ военномъ дѣлѣ сравнявшагося съ отцемъ, торжество Ательстана надъ Аплафомъ, достойнымъ преемникомъ прежнихъ дорманскихъ завоевателей и главою могущаго союза, въ которомъ кельты валлійскіе и шотландскіе стали за одно съ грозными скандинавами, дали Англіи силу и временную цѣльность. Другія царства Европы обращали глаза къ этой неизвѣстной странѣ, мало по малу выходящей изъ своего вѣковаго мрака: но не одна слава побѣдоноснаго меча и непобѣдимаго мужества вѣнчала преемниковъ и землю Альфреда: ей принадлежала еще высшая слава—просвѣщенія. Кельтское духовенство первое приялось за обращеніе германскихъ народовъ подъ покровительствомъ Меровъ австразійскихъ: дѣло ихъ повершено было англо-саксонскими проповѣдниками подъ покровительствомъ папскаго престола. Съ одной стороны кельтскій Эринъ назывался островомъ Святыхъ; съ другой семицарствіе саксонское прославлялось множествомъ боголюбивыхъ мужей и отшельниковъ, изъ которыхъ многіе принадлежали королевскимъ домамъ и носили королевскій вѣнецъ. Такова была слава британскихъ острововъ въ области вѣры. Еще прежде, чѣмъ окрѣпла вестъ-сакская династія и взяла при Эгбертѣ рѣшительный перевѣсъ надъ своими соперниками, римское право преподавалось въ городахъ (разумѣется не безъ римской науки). Беда не только славился самъ своимъ латинскимъ краснорѣчіемъ и своею ученостью, но и окруженъ былъ учениками, которымъ передавалъ свои познанія и основывалъ школу, имѣвшую сильное вліяніе на Францію черезъ Алькуина, человѣка души слабой, но высокаго просвѣщенія. Еще выше поднялось просвѣщеніе при Альфредѣ и послѣ него. Собираніемъ старыхъ пѣсень и сказаній своего народа, а еще болѣе собственными трудами на родномъ языкѣ онъ возвышалъ значеніе его и полагалъ начало цѣлой словесности, которой не суждено было развиться, но которая не оставалась безъ вліянія на умственную жизнь Англіи и соединялась съ живымъ движеніемъ народной поэзіи.

Существованіе такой народной поэзіи не подлежитъ сомнѣнію. Такъ напр. при Эдгарѣ ходили сатирическія пѣсни объ его развратной жизни.

Всѣмъ этимъ зачаткамъ, по видимому, пришлось погибнуть въ послѣдствіи при нашествіи новой, инокровной стихіи, захватившей на долго всю правительственную власть, но сѣмена, брошенныя любовью вестъ-сакской династіи къ слову и просвѣщенію, не погибли. Богатство народныхъ пѣсень и поэтическія достоинства Чосера, опередившаго всѣ сколько нибудь замѣчательныя явленія новѣйшей словесности, доказываютъ ихъ животворную силу. Наконецъ около того же времени Англія въ лицѣ Эригены положила начало той философіи многотомной, мертвящей, но въ то же время крайне напряженной въ своей діалектической напряженности (sic), которую привыкли называть схоластикою, и которой Англія же въ лицѣ великаго Бекона...*)

Родомъ кельтъ, воспитанникъ земли англо-саксовъ, прославившійся во Франціи, Эригена представляетъ лицо весьма замѣчательное для своего времени по обширности задачи, которую онъ хотѣлъ разрѣшить, по новости и смѣлости своего предпріятія и по знакомству съ наукою эллинскою и восточно-церковною, котораго ни прежде его, ни въ эпоху близко слѣдовавшую за нимъ, не встрѣчаемъ ни въ комъ. Обнять цѣлый міръ въ одну стройно-логическую систему, разрѣшить столько же нравственную, сколько и мыслепную загадку его, такова была задача Эригены. Обвиненіе въ пантеизмѣ, которое часто на него взводили, имѣетъ безспорно много вѣроятности и всѣ оправданія писателей, взявшихся защитить его память, весьма неудовлетворительны: но самое обвиненіе содержитъ болѣе похвалу чѣмъ осужденіе мыслителя. Исклю-

(*) Авторъ не досказалъ начатой имъ мысли. Подобная недомолвка объясняется тѣмъ, что рукопись не была имъ самимъ пересмотрѣна. Ясно впрочемъ что, авторъ хотѣлъ сказать, что какъ схоластическая философія, такъ и новѣйшая философія получили свое начало въ Англіи: первая въ лицѣ Ск. Эригены, вторая въ лицѣ Бэкона.

чительно логическое построеніе всего сущаго, извлеченіе, такъ сказать, не только его возможности, но даже и существованія изъ одной познавательной силы — разсудка не можетъ имѣть и не имѣло никогда другаго исхода. Это было доказано всѣми попытками позднѣйшей философіи и ея геніяльныхъ представителей въ школѣ великаго Канта. Чѣмъ задача строже и шире, тѣмъ выводъ пантеистическій неизбѣжнѣе. Эригена самъ чувствуетъ свое направленіе и его законные выводы: но рожденный и воспитанный въ эпоху еще религіозную, страшась своей собственной свободы, онъ безъ лицемѣрія, но разумѣется и безъ послѣдовательности, даетъ своему ученію видимыя формы христіанства, совершенно чуждыя его характеру. Впрочемъ нельзя не удивляться въ одно время и обширности его умственныхъ требованій и тонкости діалектическихъ уловокъ, которыми онъ самъ себя обманывалъ. Лице его, не смотря на темноту, иногда запутанность и сухость его мысли, стоитъ какъ образъ исполинскаго вождя передъ рядомъ схоластиковъ его послѣдователей, изъ которыхъ ни одинъ не достигаетъ его размѣровъ, хотя многіе (какъ Абелярдъ, Ансельмъ и др.) превосходятъ его отдѣльными качествами, въ отношеніи къ остроумію, строгости въ опредѣленіяхъ или поэзіи чувства и выраженія. Никто изъ нихъ уже не задавалъ себѣ столь всеобъемлющей задачи; никто не требовалъ отъ мысли отвѣта на столь глубокіе вопросы; всѣ довольствовались діалектическимъ, болѣе или менѣе строгимъ построеніемъ заданныхъ напередъ формулъ, взятыхъ изъ міра христіанскаго, т. е. не изъ міра чистаго анализа, а изъ міра преданія, построеніемъ, въ которомъ предвзятая формула теряла свою чистоту и самостоятельность, а силлогизмъ терялъ свою независимость и строгость. Безспорно, Эригена подлежитъ обвиненію въ той же ошибкѣ: мысль у него далеко не независима, но она имѣетъ большія притязанія на свободу и, такъ сказать, предчувствуетъ высшій философскій или логическій міръ, въ послѣдствіи замаячившій и обманувшій умственныя силы Германіи. Таковъ онъ, не смотря на мистическую темноту и спутанность слова и мысли. Замѣчательный по своимъ умственнымъ

достоинствамъ Эригена замѣчателенъ и по преданіямъ объ его нравственной ничтожности. Въ немъ будто бы ожилъ софистъ древней до-христіанской эпохи, паразитъ и бездушникъ, не понимавшій взаимной отвѣтственности между пониманіемъ и жизнью. Онъ составляетъ какой то переходъ отъ древности къ новому міру и, какъ кажется, свидѣтельствуетъ о томъ, что нравы римской провинціи не вымирали въ Англіи во все время англо-саксскаго семицарствія и въ первую эпоху вестъ-саксскаго владычества.

Таково было умственное значеніе Англіи при ближайшихъ преемникахъ Альфреда: такова причина ихъ славы въ Европѣ. Возстановитель силы германской, мудрый родоначальникъ дома саксонскаго, Генрихъ птицеловъ искалъ невѣсты для сына, будущаго освободителя Германіи отъ маджарскихъ набѣговъ и будущаго императора западнаго, Оттона, въ домѣ Ательстана. Сильнѣйшій изъ князьковъ Норвегіи и временный ея единодержавникъ посылалъ сына своего Гакона для воспитанія при его дворѣ, и этотъ сынъ возведенъ былъ на престолъ помощію Ательстана и на престолѣ вполнѣ оправдалъ предусмотрительность отца и попеченія воспитателя. Прекрасный собою, непобѣдимый въ единоборствѣ, всегда счастливый на войнѣ, слишкомъ рано погибшій Гаконъ былъ образцемъ царской доблести и много вѣковъ послѣ его смерти пѣвцы славили Гакона мужественнаго, а народы помнили Гакона добраго, и это лучшее изо всѣхъ прозваній осталось за нимъ въ исторіи. Единственный наслѣдникъ каролинговъ во Франціи Людвигъ былъ также воспитанъ при дворѣ Ательстана и его помощію возведенъ на престолъ, котораго онъ былъ недолговѣчный, но не недостойный владѣлецъ: наконецъ въ Британіи, древней Арморикѣ, искони заселенной кельтами галльскими и снова послѣ паденія римской имперіи колонизованной кельтами британскими, отчасти бѣжавшими отъ саксовъ, временная типпина и процвѣтаніе были возстановлены воспитанникомъ Ательстана, Алепомъ. Таково было значеніе мелкой области не за долго едва не завоеванной горстью сѣверныхъ грабителей: таково общее уваженіе къ ея умственному пре-

восходству; ибо она очевидно не могла еще хвалиться большою силою вещественною: но ей грозила близкая и неотвратимая бѣда, внутреннее распаденье, ускоренное однимъ изъ тѣхъ потрясеній въ духовномъ мірѣ, которыхъ важность вообще не вполнѣ оцѣняется исторической критикою. Послѣ смерти Ательстана слова выказалась внутренняя слабость государства. Сѣверъ (Портумбрія), уже покоренный англосаксонскими королями, управлялся постоянно князьками, кажется скандинавской крови, наслѣдственными или имѣющими притязаніе на наслѣдственность, а отчасти и на независимость. Часто возмущались эти князьки и всегда звали на помощь своихъ единокровцевъ, грабителей моря. Такъ возмутился Анлафъ при Ательстанѣ и составилъ противъ него могущественный союзъ, противъ котораго едва устояли мужество и искусство короля. Анлафъ бѣжалъ: послѣ смерти побѣдителя онъ возвратился и велъ такъ счастливо войну противъ его преемника, Эдмунда, что заключилъ миръ на правахъ почти полнаго равенства, съ условіемъ о взаимномъ наслѣдованіи двухъ королей другъ послѣ друга, такъ что пережившій долженъ былъ получить престолъ умершаго прежде него. Анлафъ умеръ первый: но возможность такого договора доказываетъ шаткость саксонской династіи и отсутствіе опредѣленной народности въ государствѣ. Почти то же самое повторилось при Эдмундовомъ преемникѣ Эдредѣ: ибо хотя Эрикъ, его противникъ въ сѣверной Англіи, бывшій владѣтель Норвегіи, и является сначала просто намѣстникомъ англійскаго Короля, но попытка на независимость есть очевидно только продолженіе прежнихъ историческихъ происшествій. Вообще въ этой борьбѣ сѣвера съ югомъ, сѣверъ всегда дѣйствуетъ по видимому силою иноземныхъ союзовъ: но вожди не могли бы стремиться къ независимости безъ сочувствія народа или безъ его полнаго равнодушія къ царствующей династіи. Иноземный союзъ при явномъ превосходствѣ юга служилъ только къ уравненію сильныхъ (sic) неравныхъ силъ. За Анлафа и Эрика вступается постоянно скандинавская стихія, и это можно бы легко объяснить изъ колонизаціи сѣвера

при дѣтяхъ Лодброка; но самая возможность и легкость колонизаціи, постоянное отчужденіе всей сѣверо-восточной области отъ вестъ сакскихъ королей, и самыя дѣйствія этихъ королей, всегда правившихъ ею какъ землею получужою черезъ инокровныхъ и полновластныхъ намѣстниковъ, показываютъ, что подпочва народная, (старожилы покорившіеся скандинавамъ и скоро слившіеся съ ними) не имѣли ничего общаго съ Саксами, какъ уже сказано объ англахъ и варнахъ.

Коротки были царствованія саксонскихъ королей. Въ теченіи 14 ти лѣтъ послѣ смерти Ательстана промелькнули два царствованія и при третьемъ его преемникѣ, слабомъ Эдвинѣ, явилась новая причина разрушенія, быть можетъ еще сильнѣйшая чѣмъ раздвоеніе народнаго начала.

Островное положеніе Англіи и особенности ея исторической жизни дали ей духовное воспитаніе во многомъ различное отъ остальной Европы. Англо-саксы получили христіанство изъ Италіи: но они получили его въ то время, когда Римъ подавленный лонгобардскою властію и весь Западъ, недавно еще завоеванный германцами, изъ которыхъ большая часть принадлежала аріянству, не выразили своего особеннаго характера въ сферѣ религіи. Конечно уже и тогда особенное ихъ стремленіе къ перенесенію въ понятіе о вышнемъ мірѣ законовъ міра гражданскаго или юридическаго было замѣтно (разумѣется не современникамъ): но оно еще было въ зародышѣ и едва вступало въ первую эпоху своего развитія. Враждебно встрѣтилось христіанство новыхъ проповѣдниковъ съ болѣе восточнымъ характеромъ христіанства кельтскаго: но эта вражда не была непримиримою. Первоначальный раздоръ повелъ за собою постепенное сближеніе, и кельтъ и саксъ стали въ ряды одной и той же церкви. Общіе были обряды, общія молитвы; общее ученіе — общее чувствованіе однихъ и тѣхъ же подвижниковъ духовныхъ. Правда, проповѣдники саксонскіе въ германіи противудѣйствовали проповѣдникамъ кельтскимъ, преслѣдовали ихъ съ ожесточеніемъ и называли ихъ учителями прелюбодѣянія (за ложное ли ученіе по языку богослововъ того времени или за дозволеніе

брака духовнымъ), но такое исключительное явленіе доказываетъ только существованіе въ англійской церкви стихіи болѣе романизованной и враждебной свободѣ кельтскихъ общинъ: между тѣмъ саксонскіе духовные безпрестанно уходили въ ирландскіе монастыри искать совершеннѣйшаго иночества, называли Эринъ островомъ святыхъ и получали изъ него учителей и богослововъ. Такимъ образомъ по всей землѣ англо-саксовъ происходило умственное движеніе совершенно противуположное тому, которое происходило во всей западной европѣ. Стихія римская находила сильное и побѣдное противудѣйствіе въ свободѣ мысли народа не романизованнаго и духовная и церковная назависимость возрастала въ народѣ саксонскомъ въ то самое время, когда идея церкви государственной или государства церковнаго усиливалась и развивалась въ Италіи, Франціи и Германіи. Такое состояніе было невозможно. Оно должно было или прекратиться въ покорности, или пополниться въ совершенномъ разрывѣ: но время и мысль не созрѣли для разрыва. Созданіе прежнихъ вѣковъ, въ началѣ своемъ безсильное и невинное, сдѣлалось орудіемъ для вѣка новаго. Монашество бенедиктинское, первая и удачная попытка сильной монастырской организаціи, твореніе западнаго духа, совершенно различное отъ аскетическаго иночества восточнаго міра, оставалось почти незамѣченнымъ въ продолженіе двухъ столѣтій: пора его дѣйствія еще не приходила. Конецъ VIII столѣтія и начало IX призвали его къ новой дѣятельности. Епископство Римское созрѣло. Свобода епархій и ихъ пастырей со дня на день слабѣла передъ престоломъ древней всемірной столицы: въ тиши готовились псевдо-Исидоровы декреталіи: въ Захаріи и ему подобныхъ владыкахъ пробивались уже Николаи и Гильдебрандты. Монашество бенедиктинское было призвано на службу папству и двинулось могущею, почти непобѣдимою дружиною подъ его знаменемъ. Вся западная европа охватилась почти мгновенно обителями этой духовной дружины. Со дня на день возрастало число монастырей, ихъ богатство и нравственная и политическая ихъ сила. Новообращенная Германія и особенно

сѣверъ ея наполнились бенедиктинскими колоніями, которыхъ власть, права и вліяніе, независимыя отъ мѣстнаго духовенства, служили вездѣ орудіемъ римскаго владычества. Внѣшнею ихъ силою приготовлялось поле для ученія: самое ученіе росло и крѣпло въ ихъ тихихъ нѣдрахъ неутомимыми трудами и односторонпею ученостью отшельниковъ отъ міра, его незамѣтными завоевателями.

Бенедиктинство перешло въ Англію. На новой почвѣ въ обществѣ не прожившемъ этой жизни, которая созидала мало по малу юридическій міръ западно-церковнаго государства, бенедиктинцы, его представители, встрѣтили сильное сопротивленіе въ духовенствѣ, воспитанномъ свободою кельтской церкви, въ народѣ не привыкшемъ къ вмѣшательству духовенства въ мірскія дѣла и въ общемъ настроеніи мыслу чуждой римской формальности и римской централизаціи. Съ другой стороны они нашли и ревностныхъ помощниковъ во всѣхъ тѣхъ духовныхъ стихіяхъ, которыя издавна получали свое воспитаніе изъ Рима, глубоко сочувствовали ему (какъ видно изъ союза проповѣдниковъ саксонскихъ въ Германіи съ папскою властію) и стремились болѣе или менѣе сознательно къ одной цѣли со всѣмъ западнымъ просвѣщеніемъ. Эти стихіи, всегда готовыя сомкнуться для совокупнаго дѣйствія въ форму церковныхъ дружинъ и подчинять свои стройныя и могущественныя движенія одному знамени и одному правленію, находили постоянное сочувствіе во всѣхъ склонностяхъ непросвѣщеннаго ума къ суевѣрію и къ вещественному пониманію Вѣры или къ воплощенію ея въ видимые и осязаемые образы. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣли большое преимущество передъ началами свободы духовной, неспособными къ условной совокупности въ дѣйствіи и къ союзу съ грубо—вещественными требованіями темнаго суевѣрія. Эпоха мыслящаго отрицанія еще не наступала и протестантство должно было получить свое раціоналистское воспитаніе отъ юридическаго раціонализма папской эпохи. Церковная свобода, (т. е. равенство епископовъ и эпархій въ отношеніи дисциплинарномъ и равенство всѣхъ вѣрующихъ въ отношеніи къ догмату) съ трудомъ

удержалась на востокѣ, не смотря на то, что она стояла на твердой основѣ стародавняго просвѣщенія, освящена была всею гордою славою древней Эллады и всею новою славою учителей, выработавшихъ мыслію и многострадальною борьбою всю христіанскую догматику. Ей невозможно было устоять въ уединенномъ и темномъ углу западнаго міра, черпающемъ по неволѣ всю свою насущную умственную пищу изъ могучаго широкаго и блестящаго простора древней римской области и изъ ея жизни постепенно и стройно развивающейся въ направленіи къ одной цѣли неизбѣжно положенной ей вслѣдствіе односторонности ея основъ, т. е. юридическихъ началъ римскаго права и римской мысли перенесенныхъ въ вѣру. Побѣда римскаго направленія была неизбѣжна и съ нею вмѣстѣ побѣда дружины бенедиктинцевъ, знаменоносцевъ папскаго престола: но эта побѣда была ускорена слабостью короля Эдвина, который случайно былъ въ то время представителемъ мѣстныхъ началъ и энергіею представителей начала завоевательнаго, Одона и Дунстана.

Дунстанъ былъ предметомъ многихъ ученыхъ и критическихъ трудовъ, предпринятыхъ съ цѣлію раскрыть тайну его загадочной души: онъ былъ предметомъ многихъ драматическихъ поэмъ, въ которыхъ современное намъ художество ставило себѣ ту же задачу въ другомъ, болѣе осязательномъ видѣ. Многія изъ этихъ попытокъ были не безудачны въ отношеніи поэтическомъ и многія болѣе или менѣе вѣрны въ отношеніи психологіи: всѣ недостаточны и невѣрны въ томъ, что Дунстанъ постоянно отрывается отъ своей эпохи. Лице это принадлежитъ Англіи: около него изучаютъ и рисуютъ современную Англію. Забываютъ, что онъ знаменоносецъ и вождь дружины не-англійской, мысли не мѣстной и что изъ-за него и въ немъ должны видѣться и жить всѣ тѣ умственныя силы, которыя росли и крѣпли въ тогдашнемъ западномъ мірѣ: его темный и страстный фанатизмъ могъ принадлежать ему и землѣ, воскормившей его: его жестокость могла быть плодомъ бурной жизни и жестокихъ нравовъ тогдашней Англіи (хотя она въ этомъ отношеніи еще уступала и Германіи и Франціи), но его лукавство и

безсовѣстность, его наглая ложь и безпрестанные обманы принадлежали той религіозной школѣ, которая кончила его воспитаніе и которой онъ служилъ всею силою своего духа и своей воли. Эта школа была та самая, которая создавала декреталіи Исидора и небывалыя дарственныя императоровъ и королей, и понимать Дунстана, забывая Захарій, Николаевъ и Іоанновъ 8-го и 9-го вѣка, особенно же современнаго ему бездушника духовнаго правителя Запада*), значитъ толковать о какомъ нибудь Гаюкѣ или Мангу, не сказавъ ни слова о Чингисѣ и всѣхъ монголахъ. Ошибка критиковъ и поэтовъ состояла въ томъ, что ни кто еще не понялъ завоеванія Англіи бенедиктинскою дружиною. Нельзя не замѣтить, что русскіе лѣтописцы говорятъ объ отторженіи Англіи отъ востока въ 10-мъ вѣкѣ.**) Случайное ли это сказаніе или темное сознаніе современниковъ о значеніи Дунстана и его дѣла? Послѣднее вѣроятнѣе, хотя должно казаться менѣе вѣроятнымъ людямъ не вполнѣ понимающимъ ясновидѣніе мысли или инстинктовъ живущихъ въ массахъ общественныхъ или народныхъ.

Одинъ, старый воинъ норманской крови, дикій какъ тогдашняя война, вступившій въ ряды дружины духовной, послѣ молодости проведенной въ дружинахъ ратныхъ, посреди хищничества и кровопролитія, былъ тогда епископомъ каптербюрійскимъ и Примасомъ Англіи. Дунстанъ, съ ранняхъ лѣтъ напитавшій умъ свой ученостью возможною въ то время, потомъ вѣроятно вслѣдствіе той ненасытности ума и воли, которую видимъ во многихъ великихъ дѣятеляхъ исторіи, пріобрѣвши значительное совершенство въ образовательныхъ художествахъ или ремеслахъ близкихъ къ нимъ, потомъ вступивши съ успѣхомъ и блескомъ въ жизнь двора и правительственнаго общества, позже оставившій ее вслѣдствіе неудачъ

---

*) Іоанна XII (956—964). Прим. изд.

**) Видѣвше же Латыни изнеможеніе греческое, пришедше изъ Рима удобно глаголеміи Угри къ своей прелести приложиша; такоже и ближняя ихъ языки... приложиша къ своей прелести; и *Врѣтанійскій островъ, аще издавна крещенъ, но и того приложиша къ своей Прелести*... П. С. Р. Л. IX, 71. Прим. изд.

и вражды, пробужденной можетъ быть его правомъ, а можетъ быть и его умственнымъ превосходствомъ, и наконецъ вступившій въ духовенство послѣ сильнаго волненія страстей, управлялъ уже епископами, отказавшись отъ епископства, и былъ однимъ изъ любимыхъ совѣтниковъ недолговѣчнаго Эдреда. Оба приверженцы Рима, при восшествіи на престолъ Эдвина, увидѣли власть въ рукахъ враждебной имъ стихіи. Они не убоялись борьбы и смѣло напали на короля. Молодой, неопытный и можетъ быть слишкомъ склонный къ жизни вещественныхъ наслажденій, Эдвинъ (или Эдви) былъ женатъ на красавицѣ, женщинѣ страстно любимой, но близкой его родственницѣ по тогдашнимъ понятіямъ. Этою-то слабою стороною и воспользовались для нападенія ратники римскаго престола: сочувствіе и совѣсть многихъ почетнѣйшихъ саксонцевъ были съ ними за одно. Оскорбленіе за оскорбленіемъ посыпались на короля и его несчастную жену. Ее лишили чести, назвавъ бракъ ея любодѣяніемъ, а ее наложницею короля. Бракъ расторгли, ее изгнали, изуродовавъ ея лицо раскаленнымъ желѣзомъ: потомъ когда, выздоровѣвши отъ язвъ, она возвратилась съ прежнею красою, ей разрѣзали сухія жилы и уморили мучительною смертію. Эдвинъ пытался сопротивляться: но сопротивленіе безсилія сопровождается всегда неосторожными вспышками страсти. Онъ изгналъ Дунстана и, кажется, хотѣлъ избавиться отъ него посредствомъ убійства. Вскорѣ Дунстанъ; съ помощію своихъ единомышленниковъ, въ числѣ которыхъ былъ примасъ Одонъ, начальникъ всего англійскаго духовенства, и первые государственные сановники, возвратился съ удвоенными силами и вся сѣверная Англія взбунтовалась подъ предводительствомъ ревностныхъ служителей церковной реформы, которой знамя было поднято бенедиктинцами. Безсильный Эдвинъ уступилъ и отдалъ половину своего царства малолѣтному брату своему, Дунстанову воспитаннику, Эдгару. Смерть короля вскорѣ отдала Эдгару и всю Англію.

Замѣчательно то обстоятельство, что противъ Эдвина возстала за духовныхъ реформаторовъ сѣверная Англія, именно та страна, которая безпрестанно вооружалась противъ вестъ-саксскихъ королей за свою независимость. Было ли это возмущеніе проявленіемъ того же стремленія къ независимости или слѣдствіемъ особеннаго сочувствія къ духовному ученію римскихъ проповѣдниковъ? Вѣроятнѣе всего соединеніе обоихъ причинъ: наплывъ скандинавскихъ дикарей, колонизовавшихъ сѣверную Англію и принявшихъ крещеніе въ своей новой осѣдлости, долженъ былъ въ этой области перервать прежнее движеніе мысли и сдѣлать край менѣе способнымъ къ свободѣ духовной и болѣе готовымъ къ принятію формальныхъ и юридическихъ началъ. Въ немъ должно было быть сочувствіе съ новою стихіею, принесенною или укрѣпленною бенедиктинцами. Другое, весьма замѣчательное, обстоятельство въ исторіи саксонской Англіи есть слѣдующее: перевѣсъ силъ всегда былъ на сторонѣ ея южной части. Она дала государству единство: но сѣверная постоянно боролась противъ нея и никогда не признавала ея власти вполнѣ: когда же вслѣдствіе случайностей или союзовъ иноземныхъ власть переходила къ сѣверной Англіи или ея представителямъ, южная покорялась безропотно и безъ попытокъ на освобожденіе. Такое различіе не можетъ быть случайнымъ и должно быть приписано вліянію населенія скандинавскаго, менѣе общиннаго чѣмъ саксонское; но за то гораздо болѣе дорожащаго государственною жизнію въ тѣсномъ смыслѣ и слѣдов. независимостью политическою.

Эдгаръ. Присоединеніе Англіи къ скандинавскимъ государствамъ. Капутъ Великій.

Царствованіе Эдгара представляетъ минуту обманчиваго блеска въ эпохѣ англо-саксонской. Никогда, казалось, Англія не была такъ сильна и такъ тверда: никогда не казалась она болѣе способною противиться всякой опасности и всякому внѣшнему напору. Доходы были значительно болѣе противъ прежняго. Берега охранялись флотами, которыхъ числительная сила кажется невѣроятною. Короли и князья (напр. шотландскій, кумбрійскій, валлійскій и др.) составляли дворъ Эдгара: внутри была тишина, спокойствіе и повиновеніе безусловное, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти всесильнаго короля династія его погибла или скиталась въ изгнаніи, опу-

стошенная Англія покорялась желѣзной власти иноземца, а еще нѣсколько лѣтъ спустя саксонское племя навсегда подчинялось другому племени, которое оно превосходило всѣми нравственными качествами и даже доблестью воинскою, и отъ царствованія Эдгара и его блеска оставалась только одна память,— уничтоженіе волковъ въ землѣ, нѣкогда признававшей его своимъ царемъ.

Все великое и прочное, на чемъ основывалось еще благосостояніе Англіи при Эдгарѣ, было ей дано предшествующими царями, Альфредомъ и его преемниками: правильное отправленіе военной службы, устройство флота для охраненія береговъ, болѣе же всего правосудіе и образованность. Все внесенное при немъ—его наставниками—было обманомъ, который не могъ выдержать пытующей руки времени. Издавна, какъ уже сказано, скрывалась въ Англіи причина политическаго паденія, заключающаяся въ различіи сѣвернаго и южнаго населенія и въ ихъ внутреннемъ разъединеніи. Эта рана была усплена вторженіемъ на сѣверѣ чужеземнаго народнаго начала, энергическаго и многотребовательнаго. Вторженіе новаго религіознаго начала прибавило къ прежней ранѣ новую неисцѣлимую рану, которая сокрушила всѣ внутреннія силы общества. Правда, полное торжество Дунстана и его духовныхъ дружинъ дало по видимому необычайное единство всему царству, подчинивъ всю внѣшнюю его жизнь одному стройному и желѣзному единству: но начала побѣжденныя жили въ сердцахъ, въ совѣстяхъ и въ обычаѣ. Внутренняя и духовная дѣятельность была перервана, но требованія ея существовали и обращались въ тайную вражду или по крайней мѣрѣ въ совершенное равнодушіе къ власти, которая перешла къ стихіи враждебной мѣстной свободѣ. Такъ вслѣдствіе временнаго торжества римскаго ученія сильнѣе выразился и выдвинулся впередъ іерархическій духъ, создая обманчивый призракъ крѣпкаго единства государственнаго и въ то же время введеніемъ внутренняго разъединенія и мертвенности нанося рѣшительный ударъ обществу уже слабому по недостатку внѣшняго государственнаго устройства, по отсутствію

стремленія къ внѣшнему единству и по недоброжелательству вопиственныхъ областей сѣвера къ династіи своихъ южныхъ правителей. Точно также было обманчиво все въ царствованіе Эдгара, покорность народа безъ любви и уваженія (какъ доказано множествомъ сатирическихъ народныхъ пѣсень объ его развратѣ), покорность народовъ подручныхъ ему, оказываемая болѣе случайной силѣ и случайному преобладанію (какъ видно изъ анекдота о Кенистѣ саксонскомъ) чѣмъ признанному праву или превосходству первенствующаго народа надъ другими, и наконецъ полицейская правильность условнаго государственнаго строя, которой всѣ повиновались изъ равнодушной слабости, по которой необходимость не была никѣмъ сознаваема или продолженіе желаемо, (какъ видно изо всѣхъ послѣдующихъ происшествій). Самъ Эдгаръ былъ царствующій обманъ. Воспитанникъ новаго духовенства, его ревностный покровитель, множитель монашескихъ обителей, любимецъ римскаго дружиннаго монашества, совершенно противоположнаго прежнему отшельническому иночеству кельтскихъ колумбанскихъ монастырей, созданіе мнимой религіозности и римскаго христіянства, роскошный и гордый король былъ предметомъ безчисленныхъ насмѣшливыхъ пѣсень и источникомъ соблазна для своего народа по необузданному разврату своего женолюбія.

За это Дунстанъ наказывалъ его легкими эпитіями, хотя Эдгаръ для удовлетворенія своихъ страстей не избѣгалъ ни насилія, ни нарушенія монастырскихъ обѣтовъ: союзъ между королемъ и монахами бывалъ нерѣдко признаваемъ въ письменныхъ документахъ.— Такъ въ одной хартіи они обязуются защищать короля отъ дьявола, а онъ обѣщается защищать ихъ отъ людей.

Театральная пышность отличала дворъ его и окружала его торжества: князьки и мелкіе владѣльцы сопровождали его въ путешествіяхъ, украшали его морскіе поѣзды и были гребцами на его лодкѣ. Онъ хвалился не только властію, которая ему досталась отъ доблести предшественниковъ и союза съ духо-

венствомъ римскимъ, но и тѣмъ, что покорилъ сосѣднія области, а между тѣмъ ни одной войны его не помнятъ лѣтописи кромѣ незначительнаго набѣга на Валлисъ. Онъ разъѣзжалъ по королевству для суда и расправы, но этотъ призракъ правдолюбія служилъ только покровомъ для своеволія и и гордаго деспотизма, а голосъ народа и общеніе съ нимъ были ему болѣе чужды чѣмъ кому нибудь изъ саксонскихъ владыкъ. Онъ покровительствовалъ торговлѣ и ремесламъ и перезывалъ въ Англію цѣлыя колоніи иноземныхъ художниковъ и мастеровъ, развращая ихъ пороками своихъ подданныхъ (такъ говорятъ современники), но это покровительство было основано на той же любви къ блеску, которая составляла главную черту его характера и на пристрастіи ко всему иноземному, котораго нельзя не замѣтить во всѣхъ его дѣйствіяхъ и которое было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чужеземности началъ, создавшихъ и поддерживающихъ его власть.

Такъ напр. разсказъ о томъ, какъ Эдгаръ вызвалъ Кеннета шотландскаго на единоборство безъ свидѣтелей только для доказательства мужества своего и такъ сказать рыцарской чести, показывает ъ въ немъ не столько саксонца и несокрушимую стойкость его племени, сколько хвастливую храбрость норманнскихъ удальцевъ и французскихъ дуэлистовъ.

Дѣйствительно склонность къ принятію вліянія французскаго и франко-норманскаго, выказывается съ самаго царствованія Эдгара до паденія саксовъ и вызывала по временамъ противудѣйствіе довольно сильное, но которое не могло быть всеобщимъ, ибо духъ саксонской земли былъ уже зараженъ въ духовенствѣ и высшихъ сословіяхъ. Такимъ образомъ временное возвеличеніе государства англо-саксонскаго посредствомъ введенія началъ ему чуждыхъ, при царѣ деспотѣ, освящавшемъ свой деспотизмъ союзомъ съ римскою іерархіею и въ то же время удалявшемся отъ народа и жизни народной, бросило сѣмена гибели близкой и неизбѣжной въ землю уже готовую и эти сѣмена принесли плодъ свой съ быстротою

непонятною для тѣхъ, которые судятъ о преуспѣяніи государствъ только по внѣшнимъ его примѣтамъ или призракамъ.

Саксонское завоеваніе дало Англіи народъ сперва сельскій, а потомъ послѣ покоренія городовъ и городской, ибо мало по малу городовое населеніе, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій получая безпрестанный приливъ изъ селъ, сдѣлалось почти вполнѣ саксонскимъ. Села были устроены общинами, въ которыхъ общее владѣніе землею, какъ-то выгонами, лугами, а отчасти и пашнею было повсемѣстнымъ обычаемъ, а равенство членовъ и подсудность каждаго всѣмъ были закономъ: эти общины платили извѣстную повинность государству или его слугамъ (по положенію помѣстному) или наслѣдственнымъ дружинникамъ (по праву вотчинному): но съ другой стороны при этомъ свободномъ населеніи было значительное число рабовъ, захваченныхъ во время завоеванія или обращенныхъ въ рабство вслѣдствіе дикихъ законовъ, наказывавшихъ многія преступленія лишеніемъ свободы и дававшимъ право гражданамъ отчуждать свою свободу и свободу дѣтей. Общины свободныя безъ постояннаго ополченія мало склонны были къ вооруженной защитѣ своей родины, предпочитая мирный свой трудъ — опасностямъ и лишеніямъ жизни ратной. Рабы были равнодушны къ землѣ, въ которой рабствовали и всегда готовы къ измѣнѣ.

Что число рабовъ превосходило число людей свободныхъ, въ томъ нельзя сомнѣваться; но историки, принимавшіе всѣхъ виллановъ и бордаріевъ за рабовъ, также не правы: иначе бы число свободныхъ было слишкомъ ничтожно. Они находились очевидно въ зависимости и не считались людьми совершенно свободными; но эта зависимость законная не имѣла ничего общаго съ обыкновеннымъ понятіемъ о рабствѣ. Она могла относиться столько же къ общинѣ или сотнѣ (по закону Альфреда), сколько и къ лицу высшаго сословія. Такъ свободные поселяне древней Руси не назывались *людьми вольными,* а это названіе часто соотвѣтствовало слову *гулящіе* и слѣд. было нисколько не завидно. Отъ того-то и владѣніе свободнымъ помѣстіемъ (Frechold) не давало свободы,

т. е. не отдѣляло лица отъ обязанностей, въ которыхъ оно родилось.

Но рядомъ съ общиннымъ устройствомъ довольно слабымъ было дружинное устройство или лучше сказать сильный дружинный бытъ, ибо дружина, не имѣла никогда въ Англіи правильнаго устройства какъ въ другихъ областяхъ западной Европы. Первые дружинопачальники не только тѣ, которые стали во главѣ цѣлыхъ колоній, но и тѣ, которые вели отряды подъ начальствомъ старшихъ вождей, и всѣ лучшіе воины, составлявшіе какъ бы отдѣльную и высшую аристократію въ дружинѣ, сдѣлались вслѣдствіе значительнаго надѣленія землею аристократіею землевладѣльческою, сильною богатствомъ, рабами, вѣсомъ надъ единокровцами и властію болѣе или менѣе законною. Права на наслѣдственное правленіе цѣлою областію или графствомъ (округомъ судебнымъ или военнымъ) или подраздѣленіемъ округа утверждались обычаемъ за потомками первыхъ удальцевъ или вождей или за другими высшими дружинниками или за людьми, пріобрѣвшими славу и извѣстность новыми подвигами, если только имъ удавалось захватить поземельную собственность, съ которою въ началѣ были соединены преимущества первыхъ владѣльцевъ. Права законныя, соединенныя съ большою вещественною силою при слабомъ государственномъ строѣ, влекли за собою безконечный рядъ дѣйствій незаконныхъ и злоупотребленій, которыхъ ничто остановить не могло. Свободныя общины вступали въ невольную зависимость отъ сильныхъ сосѣдей: церкви и монастыри были ограблены насиліемъ или покупали покой признаніемъ правъ патронатства, часто не основаннаго ни на чемъ кромѣ страха съ одной стороны и дерзости съ другой. Вѣча областныя (или виттены или гемоты), составленныя по большей части изъ тѣхъ же богатыхъ землевладѣльцевъ (имѣющихъ болѣе средствъ и досуга для участія въ общественныхъ дѣлахъ) и слѣд. пристрастныя, а иногда слишкомъ слабыя для сопротивленія, не могли удержать разростающагося зла.

Оно разумѣется было не такъ значительно въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ число свободныхъ было гораздо значительнѣе въ слѣдствіе ли освобожденія рабовъ норманнами или преобладанія прежней общинности. Послѣднее вѣроятнѣе по относительно большему числу свободныхъ людей въ графствахъ, колонизованныхъ англами, передъ графствами, колонизованными саксами, хотя и тѣ и другія были потомъ подъ властію скандинавовъ. Такъ въ Эссексѣ число вполнѣ свободныхъ (не считая виллановъ и бордаріевъ) составляетъ $^1/_{20}$, а въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ графствахъ болѣе одной трети всѣхъ жителей.

Правительственныя должности, которыя были связаны съ огромными выгодами, разумѣется всегда доставались въ руки тѣхъ же могущихъ домовъ и сила ихъ возрастала все болѣе и болѣе. Болѣе и болѣе пріобрѣтали они независимости, и возстанія противъ королевской власти сдѣлались дѣломъ столь обыкновеннымъ, что казались почти законными поступками.

Это видно изъ легкаго наказанія виновныхъ и изъ весьма нерѣдкаго возврата ихъ къ прежнему сану и даже большимъ почестямъ.

Такъ въ послѣднее время саксонскаго царства дома Эдрика, Сиварда, Леофрика и особенно Годвина достигаютъ почти невѣроятнаго могущества и нѣкоторые вступаютъ въ успѣшную борьбу противъ королей.

Число вольныхъ общинъ уменьшалось со дня на день и начало общинное очевидно слабѣло все болѣе и болѣе, уступая какой-то нестройной и беззаконной феодальности (которую въ другихъ земляхъ можно замѣтить при паденіи системы аллодіальной), феодальности не сомкнувшейся въ цѣльную систему, не составившей правильной дружинной лѣстницы, и по тому самому исполненной внутренняго волненія и безпрестанныхъ смутъ, не способной къ добру и къ защитѣ государства и безпрестанно подрывающей его силу измѣнами и крамолами. Вообще саксонская эпоха при весьма богатомъ

развитіи закона гражданскаго, который переданъ былъ ею норманской Англіи, при сильной жизни умственной и религіозной, которой неугасимый свѣтильникъ она зажгла для будущихъ вѣковъ, отличается полнымъ отсутствіемъ политическаго смысла и какимъ-то удивительнымъ равнодушіемъ къ построенію государства. Въ ней были силы для многовѣковаго существованія. Хитрый король могъ обуздать на время безпокойную аристократію посредствомъ ея же раздоровъ, возвышеніемъ новыхъ лицъ, ибо ея ряды не были замкнуты, какъ видно изъ многихъ примѣровъ и особенно изъ жизни Годвина, посредствомъ энергической администраціи и строгаго полицейскаго порядка въ союзѣ съ іерархическимъ духовенствомъ, какъ при Эдвинѣ и Дунстанѣ: ибо буйство аристократическое не было основано на какой нибудь общей вѣрѣ въ его законность. Мудрый и дальновидный король могъ дать прочность и незыблемость всему обществу возстановленіемъ и укрѣпленіемъ общины законами для постепеннаго освобожденія рабовъ (дѣло начатое Альфредомъ, но оставшееся безъ продолженія) и устроеніемъ законной силы, основанной на жизни народной: но историческое движеніе запада не давало времени для такого жизненнаго развитія, а движеніе мысли религіозной уничтожало его возможность. Для него нужна была цѣльность убѣжденій и цѣльность духовной жизни и ея свобода; а условно-юридическое строеніе западнаго христіанства не допускало ни того ни другаго. Оно уже внесло раздоръ въ островную область англо-саксовъ и, разорвавъ окончательно ея единство духовное, оставило только возможность условно-юридическаго развитія мысли и слѣд. самаго общества: но на этомъ пути уже первенствовали другіе народы и Англія должна была уступить ихъ вліянію и положительной власти, счастливая уже и тѣмъ, что никогда не могла утратить и своихъ живыхъ *), которыя послѣ долгой борьбы должны были создать ей неслыханное историческое величіе.

---

*) Вѣроятно пропущено: *началъ*. прим. изд.

Прежде этаго окончательнаго паденія передъ завоевательною силою западно европейской образованности, королевство саксонское выдержало новый и сокрушительный ударъ отъ своихъ давнишнихъ враговъ, скандинавовъ. Со смертію Эдгара исчезла слава царства. Сынъ его Эдмундъ не долго пережилъ его. При немъ возстала партія народная, оскорбленная и угнетенная бенедиктинцами. Дунстанъ восторжествовалъ съ помощію двора, ему преданнаго, и посредствомъ мнимыхъ чудесъ: но скоро погибъ король, убитый мачихою, которую развратный отецъ его взялъ въ жены, умертвивъ ея мужа. На престолъ взошелъ малолѣтный сынъ бездушной женщины подъ ея опекою. Она подняла опять народную партію и удалила Дунстана: но нравственная ея низость дала ему снова торжество. Онъ возвратился въ силѣ и чести и потомъ передалъ умирая свое мѣсто и вліяніе избранному имъ преемнику. Торжество этой иноземной партіи было гибельно для государства. Король, развратный красавецъ, любившій лесть и пышность какъ Эдгаръ, но лишенный отцовскихъ способностей и энергіи, постоянно заслуживавшій ненависть и никому не внушавшій страха, покровительствовавшій папскимъ служителямъ и не умѣвшій однакоже дать посредствомъ ихъ единство своей правительственной дѣятельности, приготовилъ свободный доступъ внутрь королевства первому смѣлому врагу. Въ Скандинавіи наступила тоже новая эпоха. Мелкіе князьки мало по малу стали терять свою независимость, побѣжденные болѣе могущими соперниками, и послѣ многихъ колебаній стали возникать три отдѣльныя государства Швеціи, Даніи и Норвегіи. Морской разбой съ одной стороны усиливался вслѣдствіе множества изгнанниковъ и подвергался сильному противодѣйствію въ самой своей колыбели, Скандинавіи, отъ зачинающагося христіанства, отъ измѣненія общественнаго мнѣнія (sic), обратившагося къ торговлѣ, и отъ расчета новыхъ королей, которымъ нельзя было дозволить вольный разгулъ на моряхъ своимъ изгнаннымъ соперникамъ, хотя они сами, короли, безпрестанно предпринимали набѣги, которыхъ цѣлію было столько же грабительство, сколько завоеваніе. Это вре-

мя изобилуетъ замѣчательными характерами. Таковы Гаральдъ Гарфагръ, собравшій Норвегію, потомокъ Инглинговъ, Гакопъ добрый, чистѣйшій идеалъ сѣвернаго витязя, веселый, неустрашимый и беззлобный, предметъ уваженія и любви даже для враговъ, питомецъ Ательстана; Гаральдъ Блатандъ, свирѣпый царь Даніи и основатель Юмбурга, Эрикъ шведскій, Олафъ сынъ Тригвы, блистательнѣйшій изъ витязей моря послѣ Рагнара, нѣкогда слуга въ дружинѣ св. Владиміра, потомъ любимецъ народной молвы, котораго подвигами восхищался весь сѣверъ, котораго смерти никто не хотѣлъ вѣрить; Свейнъ, убившій отца своего Гаральда рукою своего воспитателя Пальнатоке (первообраза Вильгельма Телля) и потомъ завоевавшій Англію, сынъ его Канутъ великій и св. Олафъ. Опять вспомнили удальцы сѣверные путь къ англійскимъ берегамъ, на которыхъ при Альфредѣ и его преемникахъ погибли ихъ лучшія дружины: начались набѣги почти безпрерывные. Слабый король не умѣлъ защищать своей державы; ненавистные народу совѣтники его—духовенство, предложили ему откупиться отъ набѣговъ, т. е. деньгами зазывать хищниковъ и со дня на день дружины скандинавскія становились наглѣе и многочисленнѣе, земля бѣднѣе, выкупы тяжелѣе и огромнѣе. Главными лицами явились поэтическій Олафъ Тригвезонъ и Свейнъ. Перваго задобрили подарками и ласковымъ гостепріимствомъ, и обращенный въ христіанство, онъ перевезъ въ Норвегію проповѣдниковъ христіанства; ибо Англіи было суждено принимать живое участіе въ обращеніи всѣхъ германскихъ племенъ. Отъ Свейна, болѣе властолюбиваго и оскорбленнаго во время бѣдствій его молодости не спасали ни дары, ни выкупы. Его окончательно раздражила безумная жестокость слабодушнаго короля Этельреда, предписавшаго избіеніе всѣхъ Датчанъ въ южной Англіи, въ то время, когда Свейнъ оставлялъ ее въ покоѣ и удалился на время въ свою родину. Свейнъ отмстилъ за оскорбленіе всѣхъ человѣческихъ законовъ завоеваніемъ всей Англіи и изгнаніемъ Этельреда. Народъ охотно принялъ мужественнаго иноземца вмѣсто бездушнаго и ненавистнаго воспитанника бенедиктинцевъ. Скоро умерли оба вра-

га и торжествующій Свейнъ и Этельредъ, пытавшійся возвратить себѣ королевство посредствомъ обѣщаній и ряды, заключенной съ подданными. Тогда началась ожесточенная борьба между двумя достойными соперниками, Эдмундомъ Желѣзныя ребра и Канутомъ великимъ. Канутъ принужденъ былъ уступить противнику половину царства, завоеваннаго отцемъ, и такимъ образомъ, возобновился миръ, заключенный между Эдмундомъ I и Анлафомъ на тѣхъ же условіяхъ. Постоянныя измѣны то флота, то сухопутнаго войска были причиною успѣха Датчанъ: измѣна прекратила жизнь великаго вонтеля, Эдмунда, и Канутъ взошелъ безъ спора на англійскій престолъ. Дикій, страстный и безсовѣстный въ молодости, Канутъ выкупилъ свою славу въ потомствѣ мудростью и правдолюбіемъ остальной жизни, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ подданнымъ и друзьямъ, ибо въ отношеніи къ врагамъ онъ никогда не отказывался отъ лукавства, общей черты норманскаго характера. Три королевства, Данія, Норвегія и Англія повиновались Кануту. Три прозванія, великаго, благочестиваго и богатаго даны были ему современниками въ прославленіе его подвиговъ и власти, его усердія къ вѣрѣ и его неистощимой благотворительности. Правленіе его въ Англіи было счастливо и привлекло къ нему любовь народа. Мужество англійскихъ войскъ завоевывало ему другія страны (между прочимъ Норвегію, гдѣ дружина Годвина дала побѣду Кануту надъ с. Олавомъ), доказывая тѣмъ самымъ, что только равнодушіе или нелюбовь подданныхъ къ правительству дѣлало возможнымъ завоеваніе саксонскаго острова иноземцами. Хитрость Канута указала ему на всегдашнюю опасность отъ аристократіи богатой и не покорной. Многіе богатѣйшіе и любезнѣйшіе народу дружинники были или казнены или изгнаны (въ томъ числѣ одинъ Эдвигъ, извѣстный подъ именемъ короля простолюдиновъ); но всѣ эти мѣры относятся къ началу его царствованія и были заглажены счастіемъ послѣдовавшихъ годовъ. За всѣмъ тѣмъ иноземецъ-завоеватель, чуждый землѣ и народу и его внутренней жизни, могъ доставить государству только временное процвѣтаніе, основанное на условныхъ началахъ и

на мѣрахъ временныхъ. Онъ не могъ понять коренныхъ началъ земли, которою владѣлъ, не могъ имъ сочувствовать и подавна усилить ихъ развитіе. Новые аристократы и землевладѣльцы, созданные и обогащенные Канутомъ, готовили для его преемниковъ смуты, подобныя тѣмъ, которыя предшествовали его завоеванію. Власть деспотическая продолжала уничтожать остатки народной свободы и народо-правленія; духовенство, подъ покровительствомъ набожнаго короля, продолжало увеличивать свое значеніе и тѣснѣе связываться съ Римомъ—государство продолжало клониться къ упадку, не смотря на видимое преуспѣяніе. Едва кончилъ жизнь свою предпріимчивый и мудрый король, уже сыновья его перессорились за наслѣдство и раздѣлили Англію. Аристократія разумѣется воспользовалась раздоромъ, чтобы помогать то одному, то другому сопернику и когда послѣ кратковременнаго царствованія прекратился въ Англіи царственный домъ Канута и призваны были снова на престолъ внуки Эдгара, Годвинъ уже былъ равносиленъ королю и многіе другіе землевладѣльцы почти ровнялись съ нимъ властію и богатствомъ.

Эдуардъ Исповѣдникъ. Франко-норманское завоеваніе.

Слабъ былъ духомъ преемникъ саксонскихъ королей, преданъ духовенству іерархическому по женской набожности, преданъ иноземному быту вслѣдствіе молодости, проведенной въ норманнской Франціи и способенъ только ускорить паденіе своей династіи и своей родины. Таковъ былъ Эдуардъ Исповѣдникъ, причтенный къ святымъ благодарностью римской власти, которой онъ покровительствовалъ и благодарностью народа, котораго онъ погубилъ, но который любилъ въ королѣ своемъ мягкость безсильной души и сострадательность къ бѣдствіямъ и нищетѣ подданныхъ своихъ.

Трогателенъ, хотя едва ли достоинъ короля разсказъ о томъ, что онъ отмѣнилъ денегельдъ (датскую подать) вслѣдствіе испуга при видѣ массы звонкой монеты, выплаченной ему всею Англіею и при мысли о слезахъ, потѣ и лишеніяхъ, которыми были добыты эти деньги. Эта черта, принадлежащая безспорно христіанскому духу, вообще носитъ на себѣ нѣкоторый особый отпечатокъ англо-

саксонской земли и напоминаетъ многіе подобные разсказы о прежнихъ ея короляхъ, раздававшихъ даже свою собственную трапезу и дорогіе приборы въ порывахъ состраданія; съ нею согласны и многіе законы Альфреда и его династіи и многія мѣры въ ихъ управленіи своимъ имуществомъ. Вообще благотворительность и милостыня были признаны какъ бы прямою ихъ обязанностью и едвали Канутъ завоеватель не занялъ этихъ качествъ отъ народа завоеваннаго. По крайней мѣрѣ не видать, чтобы они принадлежали его соотечественникамъ.

При Эдуардѣ проявляется движеніе новое въ землѣ англо-саксовъ: противодѣйствіе франко-норманнамъ. Это не вражда къ иноплеменнымъ. Ея никогда не было въ эпоху саксонскую. Это вражда къ иному началу жизни. Поддавные Альфреда готовы были покориться дѣтямъ Лодброка, Эдмундъ готовъ признать Анлафа своимъ наслѣдникомъ и Свейнъ и Канутъ предпочтены Этельреду и его дѣтямъ; но датчанинъ и норвежецъ были близки къ германцу саксонскому: они не вносили съ собою никакихъ новыхъ стихій, не измѣняли общаго строя жизни и готовы были подчиниться тому строю, который находили уже вкоренившимъ и окрѣпшимъ. Они сами были только правительственною случайностью, къ которой англо-сакъ оставался равнодушнымъ. Не то было значеніе франко-норманновъ. Они вполнѣ напитались общимъ западнымъ просвѣщеніемъ, болѣе стройнымъ, крѣпкимъ и богатымъ, чѣмъ просвѣщеніе тогдашней Англіи: они развивали обще-западную мысль во всей ея строгости, полнѣе даже чѣмъ тѣ народы, у которыхъ она возникла; это видно изъ ихъ совершеннѣйшей феодальности, изъ особенной связи съ Римомъ и даже изъ ябедничества, которымъ они всегда славились и которое осталось за ними до нашего времени. Противъ ихъ-то вліянія, противъ новаго быта, вводимаго ими, возстала народная партія въ Англіи. Во главѣ ея, вѣроятно не безъ личныхъ цѣлей, сталъ графъ Годвинъ, могущественнѣйшій изъ англо-саксонскихъ аристократовъ, хотя вышедшій изъ самаго низкаго сословія людей свободныхъ, человѣкъ смѣлый и хитрый, богатый сво-

ими огромными помѣстьями и еще богаче—любовью и почтеніемъ Англіи къ его цвѣтущимъ и мужественнымъ сыновьямъ, измѣнникъ прежнимъ королямъ, созданіе датской династіи, гонитель законныхъ наслѣдниковъ престола и по всѣмъ вѣроятностямъ низкій убійца одного изъ нихъ, едва ли не лучшаго изо всѣхъ, молодаго Альфреда, но искупляющій свои преступленія и гнусныя измѣны въ глазахъ народа тѣмъ, что заступался за его обычаи и объявлялъ себя врагомъ ненавистныхъ нововведеній. Онъ потребовалъ отъ короля изгнанія его многочисленныхъ любимцевъ-норманцевъ и требованіе свое поддерживалъ военною рукою. Король созвалъ общую Витте-ну: и она объявила себя противъ Годвина, хотя очевидно сочувствовала съ его направленіемъ. Годвинъ былъ временно изгнанъ, но снова возвращенъ былъ съ большей силою чѣмъ прежде и со славою защитника правъ народныхъ. Онъ скоро умеръ, но его могущество перешло еще въ большихъ размѣрахъ къ сыну его Гарольду, юному, прекрасному, благородному, славному мужествомъ и искуствомъ военнымъ, и ничѣмъ не запятнавшему свою дѣятельную жизнь. Мало по малу Гарольдъ, нѣсколько разъ водившій народныя дружины и наказывавшій Валлійцевъ, нарушителей тишины и границъ саксонскаго царства, сталъ считаться будущимъ королемъ, хотя извѣстно было, что Эдуардъ назначалъ престолъ герцогу нормандскому Вильгельму. Наконецъ слабый потомокъ вестъ-саксской династіи умеръ и часъ давно угрожавшей борьбы наступилъ; но ея историческій исходъ былъ неизбѣженъ. Съ обѣихъ сторонъ были равно достойные вожди, равно опытные и смѣлые, равно извѣстные личною силою и искусствомъ (качествами весьма важными въ этотъ дикій вѣкъ), равно прославленные своими побѣдами и любимые своими дружинами; но дѣло саксонской Англіи должно было погибнуть. Какъ будто для того, чтобы показать всю ея безпомощность и внутреннюю слабость, за нѣсколько дней до нашествія Вильгельмова явился на берегахъ Англіи съ своею страшною дружиною одинъ изъ тѣхъ грозныхъ великановъ скандинавскаго сѣвера, передъ которыми такъ долго трепетала западная Европа,

одинъ изъ тѣхъ наѣздниковъ моря, для которыхъ самъ океанъ не имѣлъ ужасовъ, одинъ изъ тѣхъ ненасытимыхъ бойцевъ, которымъ смерть ничего не внушала кромѣ улыбки и пѣсни,— Гарольдъ Гардрада. Его велъ на родину, тѣмъ самымъ обнажая ея политическое безсиліе, Тостигъ, братъ Гаральда, изгнанникъ, оскорбленный правосудіемъ короля-брата. Страшно было столкновеніе Сакса и Норманна. Никогда можетъ быть не было битвы болѣе напоминавшей вдохновенныя пѣсни Гомера и эпосъ древней Эллады. Громко раздавалась пѣсня Норманна и страшно сверкалъ въ лучахъ яснаго утра его тяжелый мечь; въ грозномъ молчаніи наступалъ желѣзный англо-саксъ и неутомимо трудился его двуручный топоръ; всѣхъ впереди самъ король Гаральдъ съ одной стороны, а съ другой братъ его Тостигъ и великанъ Гардрада; наконецъ палъ пришелецъ и измѣнникъ, призвавшій его и стягъ, сѣверныхъ дружинъ. На костяхъ сталъ Гарольдъ, взявъ побѣду мужествомъ, украшая ее великодушіемъ; но корабли Вильгельма уже пристали къ берегамъ Англіи и Гарольду пришлось спѣшить на югъ противъ новаго и опаснѣйшаго врага съ утомленною и ослабѣвшею дружиною.

Ему попрекаютъ въ торопливости: но Вильгельмъ сжегъ свои корабли и ему (sic) не упрекаютъ въ безразсудной отвагѣ. Оба дѣйствовали вѣроятно вслѣдствіе одного и того же болѣе или менѣе сознаннаго убѣжденія въ неизбѣжной гибели саксонскаго царства. Неотвратимость приговора выражалъ Вильгельмъ, показывая всѣмъ упорство своей рѣшимости; неотвратимость приговора надѣялся Гарольдъ измѣнить быстротою своего рѣшенія. Великія историческія минуты приносятъ съ собою свое ясновидящее вдохновеніе какъ истинная поэзія. У Вильгельма было до 60-ти тысячъ войска отборнаго, храбраго, жаднаго къ добычѣ, составленнаго изъ всѣхъ удальцевъ Франціи, выславшей цвѣтъ своего воинственнаго рыцарства на зовъ славнаго герцога норманскаго и на завоеваніе Англіи. У Гарольда не было и двадцати тысячъ отчасти на скоро набранной дружины; но это были люди съ мужествомъ почти несокрушимымъ, съ порывомъ недавней побѣды, истинные

англо саксы и въ ихъ главѣ любимый король. Побѣда была возможна; и это было доказано самымъ ходомъ сраженія при Гастингсѣ; а при замедленіи неизбѣжно должны были разыграться всѣ начала раздора, которыя лежали уже въ глубинѣ саксонскаго общества, и всѣ они были въ союзѣ съ Вильгельмомъ. Аристократическія вражды и соперничества, нелюбіе областей другъ къ другу, всегдашняя склонность сѣверныхъ графствъ къ возстаніямъ, надежда рабовъ на свободу, еще большая надежда землевладѣльцевъ на составленіе отдѣльнаго, вполнѣ властительнаго и сомкнутаго сословія на подобіе французской феодальности, болѣе же всего уже сильно развившееся стремленіе къ обще-европейскому быту, доказанное самымъ возстаніемъ народной партіи противъ него и проповѣдь духовенства латинскаго, которая подъ ничтожнымъ предлогомъ успѣла уже возмутить всѣ совѣсти противъ Гарольда, даже въ его войскѣ, которая благословляла подвигъ его противника и вручала ему знамя благословенное словомъ римскаго пастыря. Дѣло Дунстаново приходило къ концу. Походъ Вильгельма, предпринятый его личнымъ властолюбіемъ, былъ въ то же время родъ крестоваго похода, которому сочувствовала большая часть народа, противъ котораго онъ былъ направленъ. Торжество бенедиктинцевъ и ихъ партіи при Эдгарѣ и его преемникахъ было полное: на нѣсколько времени Англія находилась подъ ихъ правленіемъ, но въ немъ Англія не нашла ни славы, ни спокойствія. Она была завоевана иноземцами и истерзана внутренними смутами. Партія противная Риму жила и крѣпла; духъ свободы церковной захватывалъ и проникалъ даже и ея противниковъ. Риму и западной Европѣ нужно было снова завоевать Англію и Вильгельмъ былъ ихъ оружіеносцемъ, и въ нѣдрахъ земли, которую онъ шелъ завоевать, онъ находилъ готовыхъ и ревностныхъ союзниковъ Борьба продолжительная была невозможна, и поле Гастингское рѣшило судьбу Англіи, такъ какъ она непремѣнно должна была рѣшиться ранѣе или позднѣе, но во всякомъ случаѣ въ непродолжительномъ времени.

Самая покорность Англіи почти безъ сопротивленія послѣ одного сраженія доказываетъ неотразимо истину этого положенія.

Страшна была битва при Гастингсѣ, но не такого характера какъ сраженіе при берегахъ Гумбера. Не пѣли пѣсень богатырскихъ дружины Вильгельма, но становились на колѣна съ молитвою, полулицемѣры въ душѣ, но безъ всякаго сознанія своего лицемѣрія. Благословенія духовенства освящали ихъ будущій подвигъ и наводили невольное уныніе на ряды саксонцевъ. Темною тучею стояли Гарольдовы полки на верху укрѣпленнаго холма, готовясь къ рѣшительной и малонадежной борьбѣ. И вотъ всприяли пришельцы, и раздалась послѣ молитвы воинственная пѣсня Роланда, славы французскихъ Паладиновъ. Сошлись враги и началась битва: съ утра до поздняго вечера рвались пришельцы пробить крѣпкій строй саксонцевъ; градомъ сыпались стрѣлы норманновъ, желѣзнымъ вихремъ налетала ихъ конница закованная въ тяжелыя латы; но щиты саксовъ отбивали стрѣлы непріятеля и двуручный топоръ истреблялъ все, что приближалось въ мѣру его удара. Два раза клонилась побѣда на сторону саксонцевъ, но двѣ неосторожности дружины непослушной голосу короля и случайная смерть его рѣшили судьбу сраженія. Полное торжество увѣнчало франко-норманцевъ, но слава мужества поправу принадлежитъ побѣжденнымъ саксамъ, и войны слѣдующихъ вѣковъ доказали, что это мужество никогда не было утрачено ихъ долго угнетенными потомками и два раза отдавало почти всю Францію въ руки преемниковъ Вильгельма.

Паденіе Гарольда было паденіемъ царства. Очевидно, не внутреннія силы измѣнили народу; онъ ихъ сохранилъ надолго, но всегда: государство разошлось съ народомъ. Оно стало совершенно чуждымъ ему: таково значеніе легкаго завоеванія Норманскаго; таково послѣдствіе нестройнаго соединенія быта общиннаго, свойственнаго саксамъ а еще болѣе Англамъ, Варнамъ и Вильцамъ (Wiltshire) съ бытомъ дружиннымъ,—неизбѣжнымъ послѣдствіемъ завоеванія, особенно заморскаго; таково послѣдствіе розни постоянно существовавшей между съ-

вернымъ населеніемъ, въ которомъ сильную примѣсь составляли англо-славяне, приведенные Инглингомъ,—Идою и сплошнымъ саксонскимъ населеніемъ юга: таково особенно послѣдствіе духовнаго разъединенія, введеннаго сперва встрѣчею римской проповѣди у саксовъ съ свободною церковью кельтовъ, и окончательно утвержденнаго завоеваніемъ Англіи бенедиктинцами при Дунстанѣ.

Сознавая все важное и гибельное значеніе Дунстанова дѣла и глубокую безнравственность средствъ, употребленныхъ имъ и его сподвижниками, и сравнительную чистоту свободнаго направленія кельтской церкви, нельзя въ то же время не признать необходимости успѣха въ этой борьбѣ могучей и логической стихіи, представляемой западною Европою надъ неполнымъ и неразвитымъ началомъ свободы духовной, представляемымъ малою группою британскихъ острововъ, отдѣленныхъ моремъ и всею шириною Европы отъ востока, гдѣ былъ его корень и откуда онъ могъ черпать силу просвѣщенія и мысли. Доказательствомъ этой необходимости служитъ то обстоятельство, что самая кельтская церковь, которая саксамъ давала духовную свободу, сама подпала владычеству римскаго направленія полнѣе и невозвратнѣе чѣмъ саксы. Особенность, отличающая въ этомъ случаѣ кельтовъ Эрина отъ саксовъ Англіи, происходитъ отъ двухъ причинъ: во первыхъ отъ того, что начало римское входило въ кельтскую землю медленно, соблазномъ мысли безъ примѣси насилія вещественнаго и слѣд. безъ ожесточенной борьбы; во вторыхъ, отъ того, что самый характеръ кельта, случайно сохранявшаго формы церкви первыхъ вѣковъ вслѣдствіе своего удаленія отъ историческаго движенія европейской мысли, былъ болѣе сроденъ чѣмъ характеръ саксонскій предаться обаянію вещественной и пышно-обрядовой вѣры, которую приносили римскіе проповѣдники.

Трудно опредѣлить участіе, какое принимали города въ защитѣ Англіи противъ франко-норманновъ. Города уже тогда имѣли важное значеніе въ государствѣ, ибо около ста лѣтъ послѣ Гарольда въ одномъ Лондонѣ считалось до 300 т. жи-

телей (число едва вѣроятное при населеніи всей Англіи, которое считается въ 2 милліона во время завоеванія). Правда, что въ Лондонѣ набралъ Гарольдъ часть своего войска, но такой наборъ еще не доказываетъ особеннаго сочувствія горожанъ къ дѣлу саксонскаго короля. Лондонъ и нѣкоторые другіе большіе города сохраняли свою независимость и муниципальное устройство, завѣщанное Римомъ, до конца саксонской эпохи, другіе — утратили свои права ранѣе, но не вдругъ и не безъ борьбы.

Населеніе ихъ происходило по большей части отъ римскихъ провинціаловъ и только въ послѣдствіи получило сильный приливъ саксонскій, который мало по малу измѣнилъ ихъ бытъ и народный составъ. По этому едва ли могла быть сильна привязанность горожанъ къ царственному дому саксовъ и къ ихъ самостоятельности народной. Общее равнодушіе къ политической независимости, которое замѣтно во всю саксонскую эпоху было вѣроятно еще сильнѣе въ стѣнахъ городскихъ, и стремленіе къ новому быту и иноземнымъ обычаямъ, противъ котораго при Эдуардѣ возставала народная партія, должно было найти въ нихъ сильный отзывъ и содѣйствовать легкому успѣху норманской дружины. Нѣтъ сомнѣнія, что и послѣ завоеванія города сохраняли многое, если не все изъ своихъ правъ, и что норманская династія оказывала имъ покровительство. По крайней мѣрѣ они со всѣмъ не являются во всей англійской исторіи въ той полной зависимости отъ баронства и даже правительства, въ которой они находились во Франціи. Англія не знаетъ освобожденія городскихъ общинъ, которое для Франціи началось со времяни Людовика Толстаго, и освобожденіе англійскихъ общинъ послѣ борьбы Генриха III съ баронами и при Эдуардѣ I относится почти единственно къ населенію сельскому (или къ графствамъ). Вильгельмъ былъ столько хитеръ, что онъ не могъ отдать сильныхъ и богатыхъ торговыхъ городовъ своего новаго королевства въ руки дружины, которой повиновеніе было всегда сомнительно, какъ онъ самъ зналъ изъ своихъ отношеній къ своему феодальному государю.

Разумѣется это относится только къ значительнымъ городамъ; разумѣется также, что свобода всѣхъ городовъ, такъ же какъ и права сельскаго населенія, была сильно распространена и обезпечена во время споровъ баронства съ королевскою властію, когда обѣ партіи искали закупить союзъ городовой силы. Городъ Лондонъ имѣлъ свою такъ сказать государственную жизнь съ самаго начала англійской исторіи; во Франціи же нѣчто похожее на внутренній бытъ англійскихъ городовъ находимъ мы только на югѣ, въ старой, искони полу-римской, Невстріи.

Эта особенная свобода и послѣдовавшее за нею процвѣтаніе городскаго населенія въ Англіи весьма важны въ ея умственной исторіи. Не полное и, такъ сказать, не коренное саксонство городовъ давало въ нихъ свободный доступъ романской стихіи въ бытѣ и языкѣ. Города, принимая новое начало, дѣйствительно возстановляли только старину свою, быть можетъ не совсѣмъ забытую. Они романизовались несравненно скорѣе и полнѣе селъ. Такова причина огромной примѣси словъ, т.е. понятій (ибо они нераздѣльны для историка), взятыхъ изъ языковъ романскихъ въ ново-англійскомъ языкѣ. Ее объяснить изъ одного вліянія дворянства и латинскаго духовенства было бы крайне неразумно, хотя въ это неразумѣніе впадаютъ всѣ историки не понимающіе римской провинціальности Англіи до саксонцевъ и англійскихъ городовъ при саксонцахъ. Все условное, все общежительное, все рукодѣльное (особенно утонченное) получило имя себѣ изъ языка латинскаго. Все живое, сельское, духовное, природное, такъ сказать божіе, взято изъ германскаго источника, и эти двѣ струи проходятъ по всей исторіи англійскаго слова. Характеръ автора или его эпохи опредѣляетъ относительное преобладаніе латинской и германской стихіи въ ихъ языкѣ. Счетъ словъ на любой страницѣ, происходящихъ отъ того или другаго корня, даетъ вѣрное познаніе направленія писателя; и съ другой стороны достаточно знать это направленія, чтобы опредѣлить напередъ какая лексическая стихія преобладаетъ въ его языкѣ.

Сильное и можно сказать преобладающее значеніе саксонской стихіи въ англійскомъ языкѣ показываетъ всю важность народнаго начала, особенно сельскаго во всей ея умственной исторіи. Ему должно приписать блескъ ея поэзіи, безспорно богатѣйшей въ новомъ мірѣ, ему—и ту свѣжесть слова, въ которомъ такъ сумрачна тѣнь лѣсовъ, такъ благоухаютъ луга, такъ золотятся нивы. Никогда не могъ англо-саксъ разлюбить вольную природу и рабски подчиниться мертвымъ законамъ городскаго общества и городской прихоти. Много прекрасныхъ садовъ и веселыхъ парковъ раскинулось теперь по Европѣ: они уже и въ дальней Сибири обхватываютъ зелеными поясами грубо-роскошные дома быстро нажившихся золотопромышленниковъ. Доброе слово благодарности Англіи и ея народной любви къ вольной красѣ Божьяго міра за всѣ эти тихія и задумчивыя тѣни, за свѣжесть луговъ, за естественныя очертанія водъ. Все это отстояла Англія противъ стриженыхъ садовъ Франціи и Италіи. Римъ уже полюбилъ, если не выдумалъ это уродованіе природы и ея заковываніе въ безобразныя формы какой-то мнимой архитектуры. Китай, надъ которымъ смѣется гордость нашего просвѣщенія, весь въ этой чисто-китайской прихоти XVII-го и отчасти XVIII-го вѣка. Сама по себѣ она ничего,—одна изъ тѣхъ глупостей, которыми человѣчество такъ щедро украшаетъ свой историческій путь на землѣ; но корень ея глубоко скрытъ въ особенномъ направленіи человѣческаго духа, и это направленіе есть завѣтъ до-исторической древности. Въ Китаѣ и въ Европѣ оно есть ни что иное какъ отголосокъ тѣхъ условныхъ вѣрованій, той условной жизни, которыя отрицаніемъ свободнаго духа устремили всѣ физическія и умственныя силы человѣка къ одной цѣли, къ подчиненію видимаго міра правильному строю и условной симметріи. Торжество кушитства—храмы Египта и его чудная гидравлика и его вѣчныя пирамиды и его гробовые дворцы. Каррикатура его—сады китайскіе и французскіе: по духъ и его настроеніе одни въ великомъ и смѣшномъ.

Ничего почти не дошло до насъ отъ поэзіи саксонскаго времени. Она была въ народѣ и не записана на дорогомъ пергаментѣ. Перемѣна языка погубила ее. Знаемъ мы только

то, что она существовала и что она не чуждалась жизни политической, славя или осмѣивая ея дѣятелей; знаемъ, что она имѣла и свои эпическія сказанія, въ которыхъ она сохраняла память о борьбахъ внѣшнихъ (особенно съ скандинавскимъ сѣвероиъ). Этому сохранились доказательства въ разсказахъ объ Гвидонѣ Варвикскомъ и о Бевисѣ Гамптонскомъ (перешедшемъ и въ Россію черезъ Италію); но самые разсказы въ ихъ поэтической формѣ погибли. За то ново-англійская поэзія просыпается не въ городахъ или замкахъ, въ которыхъ торговецъ и рыцарь лепетали какое-то варварское французское нарѣчіе, а въ глуши лѣса Шервудскаго съ Робинъ Гудомъ и его веселыми товарищами, и во всѣхъ лѣсахъ, гдѣ смѣлый стрѣлокъ саксонскій (перещеголявшій своихъ учителей норманцевъ въ стрѣльбѣ) борется съ утѣснительнымъ закономъ и съ утѣснительнымъ сословіемъ иноземныхъ властителей.

Англія при первыхъ норманскихъ королях. Ея развитіе въ сравненіи съ Франціею и Германіею.

Тяжело было это иноземное иго. Хитеръ былъ Вильгельмъ: сначала много еще оставилъ онъ простора саксонскому быту: щадилъ его особенности и въ свою пользу даже вызывалъ его сердечную энергію, обращаясь въ часъ нужды къ чувству чести народной; но это продолжалось не долго. Народныя возмущенія подали поводъ или предлогъ къ строгости и къ жестокимъ наказаніямъ. Цѣлыя области были опустошены; села и города уничтожены и уступили мѣсто свое лѣсной пустынѣ, приволью для дикихъ звѣрей и широкому поприщу для охоты, къ которой франко-норманцы были также страстны какъ къ войнѣ и корысти. Эти возстанія не могли вести ни къ какой доброй цѣли, ни къ какой народной пользѣ, ибо самъ народъ не видалъ передъ собою ни пути разумнаго, ни предмета, къ которому онъ могъ бы напречь и направить свои силы. Онъ не имѣлъ искони любви къ условности политическаго быта и привычки къ самоправленію въ смыслѣ государственномъ: онъ не стремился къ независимости и самостоятельности племенной; онъ не могъ скликнуться съ одного конца на другой по всей Англіи для дружнаго возстанія на иноземнаго насильника, а частныя возстанія были легко подавлены фео-

дальною дружиною, всегда готовою къ бою и всегда сосредоточенною, когда дѣло шло объ ея правахъ на собственность и объ самомъ ея существованіи. Мужество не измѣняло саксонцу: представитель прежней его аристократіи, Геревардъ, баснословными подвигами внушалъ почтеніе и удивленіе своимъ норманскимъ врагамъ, долго отстаивалъ отъ нихъ силою руки и меча свою личную свободу и убѣжище выбранное имъ въ глуши лѣсовъ и болотъ и наконецъ принудилъ ихъ принять его въ свои ряды на правахъ полнаго равенства; но частные подвиги не служили ни къ чему и отягощали только общую судьбу народа. Правильно и безъ остатка раздѣлилъ Англію Вильгельмъ между своими дружинниками: къ раздѣлу допустилъ онъ только не многихъ изъ прежнихъ землевладѣльцевъ и то въ низшей степени или въ состояніи утѣснительной подчиненности. Аристократію саксонскую уничтожилъ онъ совершенно. Феодальность, введенная имъ въ Англіи на почвѣ новой, отличалась отъ феодальности всей остальной Европы совершенною строгостью и стройностью вполнѣ вылежанной системы. Такое отличіе было послѣдствіемъ самаго отношенія Англіи къ остальному Западу. Въ Европѣ романо-германской Феодальность была плодомъ вѣковъ, дѣломъ медленно и неправильно выработанныхъ обстоятельствами и жизнію дружины, создавшей себѣ лѣстницу чиноначалія, которая замѣняла чуждыя ей идеи отечества и государства въ смыслѣ временъ древнихъ и новыхъ. Какъ всякое произведеніе жизни и неотвлеченной мысли она вездѣ была исполнена неправильностей и случайностей часто несогласныхъ съ ея духомъ и затрудняющихъ ея стройное движеніе. Въ завоеванную землю Вильгельмъ переносилъ готовую и выработанную уже систему и ничто не мѣшало ея совершенству въ приложеніи.

То же самое находимъ мы и въ другихъ земляхъ, завоеванныхъ феодальными дружинами, особенно же въ королевствѣ Іерусалимскомъ, котораго положенія были полнѣйшимъ образцемъ феодальности.

Но перенося готовое учрежденіе, герцогъ норманскій направлялъ его къ новой цѣли, которая была до тѣхъ поръ совершенно чужда самому учрежденію, къ основанію сильнаго государства. Сохраняя лѣстницу взаимной подчиненности, которая составляетъ необходимое условіе феодальной дружины, онъ связывалъ всѣхъ ея членовъ въ полнѣйшемъ единствѣ и въ прямой зависимости отъ ея главы, феодальнаго короля. Такова безспорно одна изъ главныхъ причинъ почему сила Англіи, несравненно болѣе сосредоточенная чѣмъ въ другихъ земляхъ, поставила ее на такую высокую степень между западными державами еще прежде чѣмъ высказалось ея умственное и духовное превосходство. Тотъ же самый расчетъ, который руководствовалъ Вильгельма въ этомъ отношеніи, не допускалъ его черезъ мѣру унижать туземцевъ. Правительство должно было ихъ охранять противъ феодальныхъ владѣльцевъ для того, чтобы они съ своей стороны служили ему опорою въ возможныхъ борьбахъ съ непокорною дружиною. Дѣйствительно состояніе туземцевъ при Вильгельмѣ и его ближайшихъ преемникахъ далеко не было такъ тяжело какъ оно стало послѣ войнъ Стефана, когда вся Англія съ конца въ конецъ покрылась укрѣпленными замками, притонами норманскаго своеволія, наводнилась анемными войсками изо всѣхъ странъ западной Европы и была предана вполнѣ всякому насилію и всякому разбою, какія только могла злость сильнаго придумать противъ беззащитности слабаго. За всѣмъ тѣмъ и въ это время еще часто партіи Стефана и его противника Генриха прибѣгали къ помощи народной и поддерживали въ немъ поневолѣ желаніе свободы и надежду на нее. Язва саксонской Англіи, многочисленность рабствующаго сословія, стала исчезать при норманнахъ, и мало по малу рабство личное сельскаго населенія исчезло вполнѣ, сливаясь съ общимъ вассальствомъ и наполняя основу будущей народной силы. Освобожденіе всѣхъ низшихъ сословій и возведеніе ихъ въ степень участниковъ въ дѣлѣ правительственномъ принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что при самомъ Вильгельмѣ, а еще болѣе при его мудромъ сынѣ Генрихѣ Книжникѣ (ибо такъ кажется слѣдуетъ

перевести Beau-clerc) женатомъ на саксонкѣ царскаго происхожденія, народъ вообще пользовался правами, какихъ тогда не имѣлъ ни одинъ народъ въ западной Европѣ, если только можно говорить объ народахъ тамъ гдѣ ихъ почти не было (какъ напр. во Франціи). Царствованіе рыжаго тиранна Вильгельма II было только мимоходящимъ бѣдствіемъ; но Генрихъ, восходя на престолъ, обѣщалъ и довольно вѣрно сохранилъ обѣщаніе, что онъ не будетъ посягать на тѣ права, которыми пользовались всѣ его подданные во времена Эдуарда. Это обѣщаніе относилось очевидно только къ англосаксамъ. Тяжкое угнѣтеніе пало на нихъ, какъ сказано, въ эпоху борьбы рыцаря Стефана съ Матильдою и въ царствованіе Генриха II, не смотря на заступничество духовенства и Беккета; тяжко было имъ и при безумномъ воинственномъ Ричардѣ и при бездушномъ Іоаннѣ; но тутъ уже они нашли заступниковъ въ рядахъ аристократіи, взявшей мечемъ права, извѣстныя подъ названіемъ Magna Charta, а вскорѣ при Генрихѣ III великій Герцогъ Лейсестерскій положилъ прочное основаніе правамъ низшаго сословія и Эдуардъ поневолѣ утвердилъ ихъ, чтобы имѣть возможность вести свои страшныя войны противъ Валлиса, который онъ сокрушилъ, и Шотландіи, которую онъ на время покорилъ, какъ будто для того только, чтобъ вызвать на свѣтъ ея энергію въ лицѣ безсмертнаго мученика Валласа и счастливаго освободителя Брюса. Не королевская власть положила начало народной свободѣ въ Англіи, какъ она во Франціи служила освобожденію городской общины: нѣтъ, эта свобода съ одной стороны коренилась въ древности, съ другой она получила свое конечное утвержденіе отъ союза дружины, и отъ того-то Англія представляетъ на Западѣ почти единственный примѣръ земли, въ которой аристократія была и до сихъ поръ продолжаетъ быть связана искреннею любовью съ низшими сословіями.

Также какъ зло нравственное, когда проявляется въ формѣ исторической вражды и оскорбленія, сильнѣе дѣйствуетъ на виновнаго чѣмъ на страдальца, заражая его душу цѣлымъ рядомъ логически

развивающихся пороковъ и особенно порождая въ ней не угасимую злобу (какъ напр. въ нѣмцѣ противъ славянина и въ янки противъ краснокожаго), такъ и нравственное добро воздѣйствуетъ благодѣтельно на то лицо или сословіе, которое дало ему историческое проявленіе: англійская аристократія, утвердивъ свободу народа, дѣйствительно связалась съ нимъ глубокою и сердечною любовію.

Причина, почему ходъ освобожденія сельской общины (или сельскаго населенія, ибо общинный характеръ совершенно утратился при норманцахъ) въ Англіи совершенно противуположенъ освобожденію городской общины во Франціи, очень проста. Дружина феодальная была во Франціи стихіею преобладающею. Король долженъ былъ поневолѣ искать противъ нея опоры въ городахъ. Король былъ безъ всякаго сравненія сильнѣе вассаловъ своихъ въ Англіи при систематическомъ устройствѣ ея Вильгельмомъ и при частомъ употребленіи наемныхъ войскъ (Брабансоновъ и другихъ) англійскими королями. Вассалы искали союза съ народомъ для равновѣсія. Къ этому должно прибавить и слѣдующія обстоятельства. Королевской родъ не только вслѣдствіе своего происхожденія, но и вслѣдствіе значительныхъ владѣній во Франціи былъ совершенно чуждъ своимъ саксонскимъ подданнымъ. Потомки франко-норманскихъ дружинниковъ постояннымъ пребываніемъ своимъ между людьми саксонской крови и родственными связями съ прежнею саксонскою аристократіею были мало по малу пересозданы въ англичанъ. Выгоды и необходимость опоры въ борьбѣ съ королемъ, совпадая съ внутреннимъ влеченіемъ и бытовою привычкою, навели ихъ на прекрасное дѣло быть освободителями своихъ соотечественниковъ: а благодѣяніе предковъ, хотя и своекорыстное, вознаграждается еще до нашихъ дней изумительною силою потомковъ, если не по крови, то по сословію.

Духовенство вооружало Вильгельма для исполненія своихъ цѣлей: оно достигло ихъ. Духовенство саксонское было или изгнано или порабощено римской власти; но это должно ра-

зумѣть о началахъ свободной церкви. Племенная же стихія саксонская сохранила свою важность въ духовной іерархіи, во сколько она сочувствовала съ Римомъ или служила ему. Эта стихія племенная, давшая въ скоромъ времени великаго примаса Англіи въ Ѳомѣ Беккетѣ, служила сильнымъ покровительствомъ всякому народному началу и ручалась за его сохранность и цѣлость, готовя его будущее значеніе въ политической жизни. Въ отношеніи къ королевской власти она скоро вступила въ ту борьбу, въ которую болѣе или менѣе вступало въ тоже время все духовенство западной Европы Было, правда, непродолжительное время, въ которое рыжій Вильгельмъ смѣлъ сказать: (*) «Тотъ только и папа, кого я признаю, а въ дѣлахъ Англіи духовныхъ также какъ и свѣтскихъ, хозяинъ я одинъ» и находилъ поддержку въ бездушномъ Фламбардѣ; (*) было время, что глава королевства и представители духовенства вмѣстѣ грабили духовное достояніе, оставляя многія эпархіи вовсе не замѣщенными; но это не могло продлиться. Общій характеръ духовенства былъ измѣненъ завоеваніемъ франко-норманскимъ и свободная церковь была подавлена не только въ своихъ сановникахъ, но и въ убѣжденіяхъ правительственной аристократіи мірянъ. Смерть Беккета рѣшила побѣду въ пользу Рима. И за всѣмъ тѣмъ прежніе зародыши свободной мысли не должны были гибнуть. Точно также какъ прежніе проповѣдники западнаго направленія у саксонцевъ послѣ жестокой вражды противъ кельтской свободы духовной мало по малу сродились съ нею и болѣе или менѣе стали подъ ея знамена, новые оруженосцы церковнаго государства заразились тою же свободою, которую

(*) Ансельму, желавшему признать Урбана II-го а не антипапу Климента III-го *Прим. изд.*

(*) Епископъ Дургамскій Ральфъ Пассе Флаберъ или Фламбардъ, Норманецъ по происхожденію, былъ ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ Вильгельма. Объясненіе его прозвища даетъ Ансельмъ: «propter crudelitatem similem flammae comburenti praenomine Flambardus» (Ep. IV. 2). *Прим. изд.*

усердно подавляли. Конечно, когда Іоаннъ вздумалъ отдать Англію въ полную подчиненность и въ вассальство римскому престолу, сопротивленіе дворянства и народа истекало изъ другихъ причинъ, но духъ свободы проявлялся въ многочисленности Лоллардовъ, которыхъ помощь доставила почти полный успѣхъ Іоркской партіи во время междоусобія двухъ Розъ, въ безпрестанныхъ попыткахъ опредѣлить яснѣе права Рима на повиновеніе и дань и въ постоянномъ сопротивленіи народа духовенству всякій разъ, когда оно, по образцу другихъ странъ, старалось окружить себя признаками власти свѣтской и ограждать свои жилища укрѣпленными стѣнами.

Въ Шотландіи торжество Брюса, отлученнаго отъ церкви, имѣло также не малую важность, но вообще въ обѣихъ странахъ замѣчательна одна отличительная черта. Во Франціи и Германіи, за исключеніемъ древней области невстрійской, наполненной Альбигойцами, сопротивленіе Риму шло отъ правительства и имѣло значеніе спора о власти. Въ землѣ англосаксовъ и приселившихся къ нимъ датчанъ сопротивленіе шло отъ народа и даже духовенства и имѣло значеніе спора о самомъ ученіи. Оно имѣетъ не столько характеръ вещественнаго возстанія, сколько стремленія къ удержанію вѣры въ той области духа и мысли, которая ей принадлежитъ. Такъ напр. мы видимъ, что, не смотря на многія преслѣдованія, протестующіе мыслители подобные Оккаму находили защиту и убѣжище въ самыхъ стѣнахъ монастырскихъ обителей и удерживали за собою спокойствіе жизни и даже общественный почетъ.

Норманцы перенесли въ Англію глубокое презрѣніе къ простотѣ жизни саксонской и къ ихъ мнимой дикости: дѣйствительно бытъ европейскій отличался отъ англійскаго роскошью и утонченностью внѣшнихъ привычекъ; да иначе и быть не могло. Съ одной стороны преобладалъ бытъ придворный и аристократическій: съ другой бытъ народный. Самое это превосходство внѣшнее объясняетъ соблазнъ, вслѣдствіе котораго саксонская земля стремилась еще прежде Норманцевъ къ подражанію странамъ романскимъ.

Тоже самое въ позднѣйшую эпоху видимъ мы въ сильнѣйшей и самобытнѣйшей изъ земель славянскихъ.

Въ сущности же просвѣщеніе англо-саксонское было несравненно выше франко-норманскаго. Всякое начало слова и сознательной мысли шло отъ стихіи туземной. Еще прежде завоеванія, какъ уже сказано, словесность саксонская, писанная и неписанная, получила значительное развитіе: не рѣдки были духовные гимны и поэмы полу-ученыя и дидактическія, многочисленныя народныя пѣсни и сказки. Самая проза, обыкновенно появляющаяся послѣ поэзіи, считала не малое число произведеній, и всѣ эти творенія были на языкѣ англо-саксонскомъ (за весьма небольшимъ количествомъ латинскихъ сочиненій не только духовнаго содержанія но и писанныхъ духовенствомъ). Слово норманское не оставило и не имѣло памятниковъ кромѣ весьма немногихъ подражаній французскимъ современнымъ трубадурамъ или труверамъ, и объ нихъ едва ли стоитъ труда вспоминать. Эпическая сказка была однакоже не совсѣмъ чужда дружинному обществу: но не въ себѣ почерпнуло оно ея начало. Вражда противъ саксонскаго племени сближала Норманцевъ завоевателей съ врагами саксовъ, кельтами, не смотря на то, что кельтскій Валлисъ несравненно болѣе страдалъ отъ новыхъ властителей Англіи чѣмъ отъ прежнихъ. Лѣнивое и сонное воображеніе пришельцевъ схватилось за поэтическія сказанія объ эпохѣ, когда горцы оспоривали у саксовъ владѣніе римскою провинціею, или какъ вообще говорится, защищали свободу родины противъ германскихъ завоевателей. Эти сказанія, перестроенныя на новый ладъ въ подражаніе сказкамъ невстрійской и отчасти австразійской дружины объ Карлѣ Великомъ составили извѣстный циклъ Артура и его круглаго стола и мало по малу сдѣлались обще-европейскимъ достояніемъ. Ладъ этихъ сказокъ безспорно уже обличаетъ ихъ передѣлку франко-норманскими переводчиками; но основный характеръ ихъ сохранился и принадлежитъ несравненно высшему поэтическому настроенію. Глубина страсти и нѣжность, какая-то особенная свѣжесть чувствъ, соединенная съ про-

стотою, тяжкая скорбь, слышная даже въ самыхъ затѣйливыхъ и почти веселыхъ разсказахъ и постоянно ощущаемая тѣнь трагической судьбы, грозящей этому фантастическому міру, все это дано кельтскою душою языку французскому, а не имъ создано и не изъ него почерпнуто. Наконецъ въ сказаніи объ Сангреалѣ примѣсь богословской мистики и древне церковныхъ преданій, связывающихся съ еще древнѣйшими преданіями о связи, нѣкогда существовавшей между туманною областью кельто-кумрійца и жаркими берегами, на которыхъ семитъ-финикіевъ строилъ свои торговыя столицы, указываетъ на ту духовную стихію мѣстной свободной церкви, нѣсколько искаженной друидизмомъ, которую не могла искоренить ни словесная дружина Дунстана, ни желѣзная дружина Вильгельма. За исключеніемъ этихъ займовъ сдѣланныхъ скукою и праздностью замковъ и королевскаго двора у народной поэзіи кельта область слова и мысли у норманскихъ завоевателей не представляетъ ничего кромѣ безплодной пустыни. Начало просвѣщенія принадлежало стихіи англо-саксонской: но не совсѣмъ безъ художественнаго слѣда прошла эпоха завоевателей. Безмолвное просвѣщеніе римскаго запада (ибо мы должны назвать безмолвнымъ то просвѣщеніе, которое по своему языку совершенно чуждо народамъ, а по содержанію лишено всякой свободы) связывалось корнями съ тѣмъ просвѣщеніемъ купитскаго начала, которое лежало въ основѣ самаго Рима, его условной государственности и его не высказаннаго, но логически присущаго признанія необходимости какъ высшаго міроваго закона. Односторонность этого просвѣщенія выражалась всегда и всегда старалась выражаться въ великолѣпіи памятниковъ зодчества. Тоже самое повторилось и въ Англіи. Англо-саксонской народъ пѣлъ и мыслилъ. Нормандецъ строился и глядя на великолѣпіе Йоркскаго собора, на строгую послѣдовательность архитектурной задачи въ вестминстерской церкви, на смѣлыя и легкія стрѣлы многихъ старыхъ храмовъ и монастырей, незлобивый потомокъ долженъ сказать словоблаго дарности за добро. завѣщанное этою эпохою, прощая зло невольное и безъ сомнѣнія неизбѣжное,

ибо на западѣ отдѣльная жизнь одного племени не могла устоять въ своей цѣльности и свободѣ.

Совершился великій переворотъ. Живой, подвижный, предпріимчивый и гордый франко-норманъ на время подавилъ вещественною связностью своей дружины и своимъ внѣшнимъ просвѣщеніемъ тихую и неустроенную энергію англо-сакса, но въ то же время научилъ ее сосредоточиваться для практическаго направленія. Земля англо-саксовъ вступила Англіею въ исторію западной Европы, получивъ имя и нѣкоторыя начала общиннаго быта и общиннаго суда отъ небольшаго племени славянскаго, силу постояннаго труда отъ германскихъ Саксовъ, живую стремительность дѣйствія и политическаго движенія отъ норманской Франціи. Великая историческая будущность, огромное развитіе могущества, блескъ славы, чудные подвиги, первенство передъ всѣми народами въ художествѣ слова и въ ясности мысли: таковы были для Англіи плоды норманскаго завоеванія; но за то ей предстояли вѣка тяжелой и кровавой борьбы, ложное направленіе мысли и неравенства въ состояніяхъ, которыхъ она до сихъ поръ преодолѣть не можетъ. Болѣе цѣльная и разумная чѣмъ вся западная Европа, она не имѣетъ той цѣльности и простоты, которыя были бы ея вѣроятнымъ достояніемъ, еслибы болѣе благопріятныя обстоятельства и сношеніе съ просвѣщеніемъ менѣе односторонним, чѣмъ просвѣщеніе романо-германское, дозволили саксонскому началу уцѣлѣть и помогли ему достигнуть своего полнаго развитія.

Много бѣдствій и много тяжкихъ эпохъ страданія вещественнаго и униженія духовнаго перенесла уже Англія, но она вышла изъ нихъ съ торжествомъ, и можетъ надѣяться на такое же торжество въ будущемъ, если только сохранитъ неприкосновеннымъ сокровище неизсякаемой силы, завѣщанное ей издавна кельтами и саксами, свободу духа и мысли религіозной и истекающія изъ нихъ свѣжесть чувства, важность помысловъ и ту сосредоточенность душевныхъ силъ, которая нелегко прельщается ложью, не долго поддается об-

ману и не позволяетъ человѣку утратить любовь къ истинѣ и надежду на ея пріобрѣтеніе.

Эпоха саксонская миновалась; но она оставила слѣды не въ одной Англіи (ибо сѣверо-западная Франція получила свое населеніе отъ кельтовъ, бѣжавшихъ передъ саксонскимъ мечемъ) и даже не въ одной Европѣ (ибо мы имѣемъ преданіе о бѣгствѣ валлійскихъ кельтовъ за океанъ и вѣрное свидѣтельство о томъ, что ихъ единородцы ирландцы, удаляясь отъ бури, поднятой движеніемъ германскаго и скандинавскаго міра, удалились на далекій западъ, въ пустыни сѣверной Америки, и основали тамъ колоніи въ послѣдствіи исчезнувшія, но безъ сомнѣнія измѣнившія во многомъ и племенной составъ и даже духовное настроеніе туземцевъ. *)

Показанія первыхъ скандинавскихъ мореплавателей, посѣтившихъ берега Винланда, неопровержимы и когда изгнанникъ съ славянскаго поморья, Йомсбургскій витязь, Біорнъ Асбрандсонъ, (**) князекъ маленькаго американскаго княжества, сказалъ своимъ соотечественникамъ, что на юго-западѣ живутъ ирландцы и что земля ихъ называется великая Ирландія, критика не имѣетъ ни права ни даже возможности оподозрить слова, въ которыхъ не слыхать ни хвастливости, ни сказочнаго вымысла. Замѣчательно то обстоятельство, отчасти случайное, что племя, посѣтившее берега Америки прежде всѣхъ другихъ, теперь почти цѣликомъ переселяется въ ея плодоносный просторъ. Другое переселеніе кельтовъ во Францію снова сблизило ихъ съ землею *Вендовъ, Вендеею;* возобновляя древнюю ихъ черезполосность, объ которой никогда память не исчезала, сохраняясь въ сказаніяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Такъ въ народномъ циклѣ Артура и его сподвижниковъ одно изъ самыхъ поэтическихъ

(*) Ср. Antiquitates Americanae sive scriptores Rerum Ante Columbianarum in America ed. Soc. Regia Antiquariorum Septentri. Стр. 200 и слѣд. *Пр. изд.*

(**) Авторъ ошибся приписавъ Біорну Асбрандсону разсказъ, сообщенный ирландцемъ Біорномъ Гримольсономъ спутникомъ Торхина Корсеахнія. Тамъ же стр. 162—5. *Пр. изд.*

и оригинальныхъ лицъ, первообразъ граціознаго Персеваля, называется *Передуромъ княземъ Вендскимъ* и носитъ на себѣ весь характеръ сказочнаго русскаго героя Ивана Дурачка.

Наука не можетъ не представить слѣдующаго вопроса: почему Германія въ своемъ историческомъ развитіи представляетъ гораздо менѣе германскаго народнаго характера, чѣмъ Англія? Причины этого явленія очень просты: сѣверная Германія, которой стихіи были особенно чисты и безпримѣсны, была постоянно подавлена силами средней и южной полосы и завоевана ими, утрачивая подъ гнетомъ рыцарскихъ завоевателей простоту своей народной жизни: западныя и южныя области, искаженныя и перешедшія въ форму быта дружиннаго сперва отъ вліянія Рима, потомъ отъ напльыва готскихъ свевскихъ и бургундскихъ дружинъ, были окончательно закованы въ эту форму завоеваніемъ франковъ поморскихъ (Меровеевъ) и устройствомъ государственности императорской; вражда и борьба народовъ, составляющихъ германскую имперію, заставляли каждую область замыкаться все болѣе и болѣе въ сосредоточенный строй военный и жертвовать народною свободою; аллодіальная система, соединившись съ огромною важностью должностей, истекающихъ отъ дворовъ королевскихъ и императорскихъ, рано перешла въ могучій феодальный организмъ. Вѣча, областныя и общія, скоро потеряли все свое значеніе и перешли въ съѣзды феодальныхъ владѣльцевъ не имѣя ничего общаго съ Витенагами саксовъ и англовъ: сочетаніе Германіи, Италіи и земель романскихъ ввело въ устройство Германіи и въ ея бытъ вещественный и умственный преобладаніе стихіи римской или романизованной; наконецъ, главная причина та, что христіанство было введено на Британскихъ островахъ въ его простотѣ и многосторонности первыхъ вѣковъ, а въ Германію перешло оно уже со всею односторонностью своего римскаго развитія. Таковы причины, убившія живую самобытность народнаго міра германскаго.

Италія послѣ

Изъ трехъ частей, на которыя распалась имперія Карла, первая получила историческую важность Германія; Франція

въ значеніи государства скоро впала въ ничтожество, изъ котораго вышла только послѣ своего новаго сосредоточенія Капетами, но за то имѣла весьма важное вліяніе на образованность и особенно на общежительность всей Европы; Италія въ отношеніи къ государственному устройству пала еще ниже, но за то служила средоточіемъ мысли, давшей направленіе всей исторіи Европы въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Карла Великаго.

Лонгобарды, завоеватели средней Италіи, отчасти проникшіе въ южную, не были народомъ, какъ саксы, въ томъ смыслѣ, что они не имѣли притязанія быть единственными жителями завоеванныхъ областей, вольными тружениками земли взятой ихъ мечемъ; не были они и крѣпкою личною дружиною, какъ франки поморскихъ князей; они составляли племенную дружину, и первоначальныя отношенія ихъ къ Италіи были таковы же какъ и отношенія предшествовавшихъ имъ остъ-готовъ. Владѣли они всѣмъ на правѣ наслѣдственныхъ помѣщиковъ, получая половину или треть всѣхъ плодовъ земли, обработываемой не ихъ трудами, а трудами побѣжденнаго племени. Держава ихъ была ограниченнѣе и безъ сомнѣнія слабѣе готской, но они уцѣлѣли потому, что для восточной имперіи не возвращалась эпоха Юстиніана. Она сама едва сохраняла свое ослабѣвшее существованіе противъ натиска аваровъ и Персіи а потомъ славянъ и сарациновъ.

Очевидно завоеваніе Италіи германскими племенами было необходимостью; ибо мы не видимъ въ ней самой ни малѣйшей способности къ отпору. Развращенная своимъ прежнимъ величіемъ, которому служилъ весь римскій міръ, она вслѣдствіе чисто общественнаго просвѣщенія своего не развила въ своихъ жителяхъ личныхъ силъ разума, какъ востокъ, и гибла внутреннимъ безсиліемъ, называющимъ на себя иноземное иго. То же самое относится ко всему западно-римскому міру; но Италія стояла еще ниже всѣхъ другихъ областей по привычкамъ своимъ къ негѣ и эпикурейской роскоши.

Лонгобарды въ отношеніи къ просвѣщенію и нравственности стояли ниже готовъ, къ которымъ они принадлежали по

началу племенному: они не имѣли ни многовѣковой славы, ни богатства поэтическихъ преданій, облагораживающихъ душу, ни знакомства съ образованностію востока, ни выгодъ долгаго (хотя отчасти насильственнаго) сожительства съ мирнымъ племенемъ славянъ, какъ сподвижники Ѳеодорика. Они были дружиною готскаго начала, но съ огромною примѣсью другихъ германскихъ семей. Жизнь и отдѣльную и историческую получили они внутри Германіи во время того народнаго броженія, которое сдвигало всѣ племена съ мѣста на мѣсто, устремляя ихъ на юго-востокъ до тѣхъ поръ, покуда возстаніе восточныхъ славянъ не бросило ихъ на западъ. Въ этой бурной и военной жизни возрастала полу-разбойничья дружина лонгобардовъ, кочуя подобно другимъ съ мѣста на мѣсто, но по недостатку силъ не устремляясь на дальнія предпріятія, а стараясь только по возможности разширять свою область на счетъ слабѣйшихъ мечемъ или коварствомъ. Такимъ образомъ пріобрѣла она нѣкоторую важность, нѣкоторую славу мужества, а еще болѣе славу безпощадной жестокости. Рыхлый аристократическій союзъ лонгобардовъ замѣнилъ въ Италіи кратковременное владычество восточной имперіи. Дикіе пришельцы, отчасти язычники, но по большей части Аріяне были разумѣется равно ненавистны и народу и духовенству; но безсильный край не могъ сопротивляться и только съ помощью византійской имперіи спасъ еще на время независимость нѣкоторыхъ областей (какъ то Экзархата, Генуезскаго поморья, Рима и южныхъ провинцій), защищенныхъ или искусственными укрѣпленіями и водою или горами и непроходимыми лѣсами. Долго слабые лонгобарды не старались распространять своей власти, находя просторъ болѣе чѣмъ достаточный въ сѣверной и отчасти средней Италіи. Первымъ дѣломъ ихъ было разрушеніе или разграбленіе городовъ, которыхъ пользы они не понимали, и война противъ всякой образованности; но это не могло продолжаться. Образованность была уже допущена тѣмъ, что города не были разрушены, а что уцѣлѣлъ сельскій народъ, необходимый для лѣнивой дружины, не желающей питаться собственными трудами какъ славянинъ и

саксъ. Первымъ призна омъ возрастающей образованности вслѣдствіе того юридическаго стремленія, которое принадлежало римской почвѣ, было законодательство. Первый кодексъ, основанный безспорно на прежнемъ не писанномъ обычаѣ, заключаетъ въ себѣ законы, относящіеся единственно до владѣтельной дружины: о подчиненномъ народѣ почти нѣтъ и помина; онъ существовалъ очевидно только какъ фактъ необходимый, но не имѣющій правомѣрнаго опредѣленія.

Это дало нѣкоторымъ близорукимъ критикамъ поводъ утверждать, что прежнее народонаселеніе было почти вовсе истреблено. На это достаточно отвѣчаютъ нарѣчія сѣверной Италіи, въ которыхъ германская стихія такъ слаба.

Позднѣйшіе памятники лонгобардскаго законодательства уже показываютъ отношенія болѣе правомѣрныя между племенами властвующимъ и подвластнымъ, также какъ и значительное смягченіе нравовъ. Общія же черты лонгобардской исторіи представляютъ довольно низкую степень нравственности, готовность принять пороки византійскаго и римскаго быта безъ того стремленія къ просвѣщенію, которое отличало Аравитянъ первыхъ династій и Саксовъ Альфредова времени. Точно также не замѣтно въ завоевателяхъ Италіи и той воинственной энергіи, которою отличались франки и многіе изъ королей вестъ-готскихъ. Распространеніе ихъ области было медленно и происходило болѣе отъ крайней слабости Византіи, чѣмъ отъ собственной ихъ силы; къ концу же ихъ независимаго существованія оно происходило уже отъ значительнаго сближенія съ туземными стихіями и въ то же время представляло ясные признаки приближающагося распаденія.

Попытки отдѣленія южныхъ герцогствъ и стремленіе ихъ къ независимости, подавленныя отчасти силою, отчасти хитростью, указываютъ уже на слабость общей государственной связи.

Иначе и быть не могло. Съ самаго начала лонгобардскаго владычества исторія ихъ представляетъ болѣе характеръ союза между князьями (герцогами) равноправными и мало зависящими отъ общаго вождя, чѣмъ характеръ крѣпко сплоченнаго и сосредоточеннаго общества. Зародышь раздоровъ существовалъ отъ первой минуты существованія самого царства. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что сильное сближеніе съ прежними стихіями, смягчая нравы, приготовляло полнѣйшій переходъ къ эпохѣ новаго просвѣщенія, чѣмъ во Франціи и особенно значительное развитіе городовой жизни, которая дѣйствительно въ скоромъ времени стала оказывать признаки большей дѣятельности и процвѣтанія, чѣмъ во всемъ остальномъ западѣ, можетъ быть за исключеніемъ южной Франціи. Самые законы лонгобардскіе показываютъ (по-крайней мѣрѣ въ первую эпоху) большую связность дружиннаго устройства, не въ общемъ государственномъ смыслѣ, а въ отношеніи къ взаимной отвѣтственности дружинниковъ внутри мелкихъ округовъ, чѣмъ въ другихъ земляхъ, завоеванныхъ германцами, за исключеніемъ Англіи.

У вестъ-готовъ испанскихъ эта отвѣтственность уже почти вполнѣ отмѣнена около 60-ти лѣтъ послѣ полнаго ихъ переселенія за Пиренеи.

Эта самая связь дружинниковъ внутри округовъ должна была приготовить легкій переходъ къ быту муниципальному при переселеніи ихъ потомковъ внутрь городовъ; и дѣйствительно можно замѣтить еще прежде франкскаго завоеванія сильные зачатки муниципальнаго устройства, въ которомъ критикѣ трудно отличить начало германское отъ начала древне-римскаго. Но царству лонгобардовъ невозможно было сохранить цѣльность и самостоятельность. Кромѣ явныхъ, внутреннихъ причинъ паденія была внѣшняя причина, которой сила должна была сокрушить власть лонгобардовъ, какъ она впослѣдствіи сокрушила всѣ самостоятельныя государства Италіи. Это была обще-западная идея церковнаго государства, мало по-малу вырабатывающаяся въ папскомъ престолѣ.

Городъ Римъ, какъ уже сказано, за долго до паденія имперіи утратилъ свое владычество (собственно со времени Траяна, перваго изъ сознательныхъ государей всей имперіи, ибо Веспасіанъ еще не понялъ своего значенія): онъ еще нѣсколько времени сохранялъ призракъ почетнаго первенства, но и тотъ исчезалъ все болѣе и болѣе и разсѣялся наконецъ вовсе. Сама Италія никогда не имѣла провинціальнаго устройства и слѣдовъ цѣльности административной (такова причина почему она никогда не давала императоровъ имперіи): разрозненность и безсвязность всѣхъ частей отличали ее отъ всѣхъ провинцій. Она не могла подготовить цѣльнаго государства; его создать не могъ и Римъ, который способенъ былъ къ значенію центра всемірнаго, но не способенъ былъ быть центромъ провинціальнымъ. Съ другой стороны Римъ, исполненный своихъ великихъ воспоминаній, возвеличенный первенствомъ въ іерархіи духовной и окруженный какимъ-то мнѣческимъ блескомъ въ глазахъ германцевъ, нѣкогда дрожавшихъ передъ его именемъ, не могъ пасть въ ничтожество. Онъ собиралъ въ себѣ и около себя новыя силы для будущаго своего призванія,—стать во главѣ всего западнаго христіанства. Слабый вещественными средствами онъ удерживался противъ напора лонгобардскаго помощію византійцевъ и между тѣмъ, мало по малу отрываясь отъ Византіи, старался въ самой Италіи вводить нѣкоторое устройство городовое и областное и особенно искать себѣ союзниковъ и покровителей въ областяхъ Запада, завоеванныхъ германцами. Эти защитники нашлись ему въ народѣ франковъ. Лонгобарды также какъ и готы были ревностными аріанами при вступленіи въ Италію: и такъ взаимная вражда ихъ съ Римомъ имѣла двойной характеръ, государственный и духовный. Мало по малу Никейское исповѣданіе замѣнило аріанство; но вражда не угасла. Лонгобарды усиливались все болѣе и болѣе; а Римъ, чувствуя увеличивавшуюся независимость Византіи и свое возрастающее значеніе въ мірѣ духовномъ, менѣе чѣмъ прежде могъ покориться чужому владычеству, тѣмъ болѣе, что это владычество по близости своего центра должно было тяжелѣе лечь на его

плеча чѣмъ власть дальней Византіи, и что самый народъ лонгобардскій, хотя уже присоединившійся къ церкви, считалъ еще въ своихъ нѣдрохъ огромное число аріанъ (отъ которыхъ въ послѣдствіи произошли Патарены и Катары, принявшіе впрочемъ большую примѣсь манихейства, никогда неисчезавшаго въ Италіи). Чѣмъ болѣе угрожала Риму сила лонгобардовъ, тѣмъ тѣснѣе старался онъ соединяться союзомъ съ франками; но франки сами были тогда раздвоены. Преемники Клодвига по крови были уже въ то время только преемниками его патриціата, т. е. его значенія покровителя духовенства и начальника галлоримскаго населенія. Значеніе же начальника дружины перешло къ мерамъ. Король, съ которымъ духовенство было связано узами много-вѣковаго покровительства, былъ безсиленъ и не могъ защитить папскаго престола. Меры не хотѣли спасать власть, которая была имъ враждебна и отчасти доказала имъ свою вражду въ дѣлахъ германскихъ. Папа купилъ необходимый союзъ, отдавъ всѣ права королевскія меру Пиппину. Пиппинъ спустился съ Альпійскихъ горъ въ равнины Ломбардіи и однимъ ударомъ сломилъ силу лонгобардовъ. Римъ былъ спасенъ; но лонгобарды еще не погибли. Осторожно скрывая свои замыслы, они выжидали времени болѣе благопріятнаго. Смерть Пиппина возвратила имъ надежду. Молодость Карла еще не выказала его будущаго величія, и имя его не внушало того страха, которымъ сопровождалось имя его непобѣдимаго отца. Лонгобарды снова попытались тронуться къ югу и захватить Римъ въ своемъ завоевательномъ движеніи. Эта попытка рѣшила участь лонгобардовъ. Бурею налетѣли франкскія дружины и рушилось царство слишкомъ слабое для сопротивленія и слишкомъ безосновное для будущаго возстанія. Отъ самаго Карла до Оттона I-го, возстановителя имперіи, сѣверная Италія была поприщемъ смутъ, которыхъ смыслъ почти исчезаетъ даже для спеціальнаго историка, и не заслуживаетъ вниманія въ исторіи всемірной. Франкское начало пустило крѣпкіе корни въ почвѣ, на которой ничего прочнаго оно не застало. Движеніе измѣнившее учрежденія аллодіальныя въ феодальныя, отозвалось и въ Италіи, но не могло получить развитія вслѣдствіе

крайней раздробленности области, не позволявшей никакого значительнаго сосредоточенія. Государи преемники и потомки Карла пользовались еще меньшимъ повиновеніемъ чѣмъ Карловинги французскіе, находясь въ безпрестанной борьбѣ не только съ непокорными ленниками, но и съ городами, которые въ послѣднее время лонгобардской независимости получили свое новое значеніе. Развратъ нравовъ въ это время смутъ доходилъ до крайности, соединяя склонность къ изнѣженной утонченности и роскоши съ какою-то изысканною жестокостью, которая въ послѣдствіи породила въ сѣверной Италіи явленія едва ли не безпримѣрныя въ мірѣ, не смотря на то, что его лѣтописи богаты разсказами о хладнокровной злобѣ людской. Война не имѣла благородства, ибо никогда не имѣла высокой цѣли; побѣда не знала пощады, миръ не имѣлъ никакихъ нравственныхъ залоговъ. За всѣмъ тѣмъ, въ одномъ отношеніи Италія стояла выше другихъ западныхъ народовъ: аристократія не преобладала исключительно: она была тѣсно связана съ городами; это началось еще во время лонгобардовъ и не могло быть вполнѣ измѣнено кратковременнымъ владычествомъ франковъ. Такимъ образомъ являлся призракъ народной жизни, но слишкомъ глубоко развращенной и слишкомъ разорванной въ самомъ своемъ историческомъ корнѣ, чтобы принести богатые плоды. За всѣмъ тѣмъ ей безъ сомнѣнія должно приписать раннее процвѣтаніе науки и искусства.

Тоже самое отчасти относится и къ южной Франціи, которой развитіе было въ послѣдствіи остановлено новымъ завоеваніемъ во время альбигойскихъ войнъ.

Тоже самое повторялось и въ лонгобардскихъ частяхъ южной Италіи. Онѣ никогда не были вполнѣ завоеваны франкскою дружиною; но мало-по-малу внутреннею жизнію примкнули къ ея системѣ вслѣдствіе естественнаго стремленія аллодіевъ переходить въ феодальное сочленение при ослабленіи центральной власти.

Впрочемъ истинная эпоха феодальности, возведенной почти до наукообразной отвлеченности, начинается на югѣ съ Норманнами.

Южные города собственно лонгобардской области никогда не достигали той важности, которую они получили на сѣверѣ; а всѣ стихіи жизни были еще мелче, еще разрозненнѣе вслѣдствіе характера горнстой мѣстности и недостатка силъ въ какой нибудь изъ нихъ для одолѣнія другихъ. Въ обезсмысленномъ кипѣніи личныхъ страстей человѣкъ не могъ дойти ни до идеи отечества, ни до высшаго понятія о человѣчествѣ.

Нѣсколько счастливѣе было Византійское приморье (ибо все владѣніе византійское въ Италіи ограничивалось почти единственно приморьемъ). Безъ сомнѣнія и въ немъ жизнь личная также какъ и жизнь общественная стояла на весьма низкой степени; но сравнительно съ другими частями Италіи было менѣе смутъ, болѣе личной безопасности, болѣе просвѣщенія и сильнѣйшее развитіе торговли.

Такова вѣроятно причина почему нѣсколько позже города этого поморья ранѣе другихъ получили значительность въ мореплаваніи по Средиземному морю; еще позже они погибли, будучи подавлены сосредоточеніемъ власти въ рукахъ норманской династіи, тогда какъ сѣверные развились вслѣдствіе своей независимости.

Особенное устройство городовое, не лишенное нѣкоторой свободы и нѣкоторой самостоятельности, замѣтно въ этихъ городахъ. Основы его безъ сомнѣнія римскія или туземныя. Византія мало имѣла вліянія на ихъ внутреннюю жизнь: въ своихъ восточныхъ областяхъ она скорѣе подавляла, чѣмъ возвышала самобытность городовыхъ учрежденій; но она должна была ихъ допускать въ Италіи потому, что по неволѣ искала помощи въ туземцахъ, чтобы защитить владѣнія, недостаточно охраненныя постоянными войсками, которыхъ пересылка и содержаніе обходились дорого, а присутствіе всегда требовалось на границахъ восточныхъ и сѣверныхъ. Нельзя не замѣтить глубокаго антагонизма между началами просвѣщенія византій-

скаго и западнаго въ томъ обстоятельствѣ, что не смотря на постоянное сосѣдство византійскихъ владѣній съ лонгобардами, потомъ франками, а позже германцами и не смотря на огромное превосходство міра греческаго въ отношеніи къ знанію, вліяніе его на западъ менѣе замѣтно, чѣмъ вліяніе аравитянъ. Дряхлѣющее просвѣщеніе по видимому не могло уже ничего оплодотворить и едва охраняло свое собственное существованіе отъ завоеваній невѣжества.

Лонгобарды южные, хотя и подвластные франкской имперіи, получили большее значеніе со времени паденія королевства, вѣроятно вслѣдствіе прилива своихъ единокровныхъ, удалявшихся изъ областей, въ которыхъ чувствительнѣе было франкское завоеваніе. Они безпрестанно стремились расширять свою власть на счетъ византійцевъ и мало-по-малу стѣсняли ихъ владѣнія. Вообще власть Византіи въ Италіи не имѣла никакой надежной основы, на сѣверѣ она подвергалась сильнымъ нападеніямъ могучихъ государствъ, лонгобардскаго, потомъ франкскаго и германскаго, отъ которыхъ отстаивалась съ трудомъ, хотя иногда и наносила имъ пораженія посредствомъ превосходства своего на морѣ; на югѣ ей безпрестанно угрожали герцоги лонгобардскіе или туземные, менѣе сильные, но болѣе постоянные въ своемъ стремленіи и болѣе близкіе къ сочувствіямъ ея туземныхъ подданныхъ. Наконецъ еще далѣе на югѣ она должна была бороться съ врагами еще страшнѣйшими, африканскими сарацинами, воинственными, свирѣпыми, сильными многочисленностью постояннаго войска, составленнаго изъ рабовъ (изъ которыхъ самыми вѣрными и мужественными считались славяне), и сильными флотомъ, т. е. тѣмъ самымъ оружіемъ, которое одно еще спасало имперію. Отъ сарацинъ потерпѣла она самыя жестокія пораженія въ Италіи: они отторгли отъ нея Сицилію послѣ кровавой борьбы далеко не безславной для грековъ, которые нѣсколько лѣтъ оспаривали у нихъ это богатое владѣніе, житницу Италіи и Греціи, и нѣсколько разъ почти совершенно вытѣсняли изъ него своихъ неутомимыхъ враговъ, не смотря на ихъ мужество и безчисленныя ополченія. Наконецъ Сицилія пала окончательно

въ руки магометанъ: ихъ разбойничьи корабли стали постояннымъ бичемъ береговъ южной Италіи; ихъ разбойничьи шайки стали грозить самому Риму и опустошать всю ломбардскую и византійскую область, а крѣпости, ими захваченныя и обращенныя въ неприступные притоны, стали угрожать даже постояннымъ завоеваніемъ; но ихъ успѣхи были остановлены другими разбойниками изъ дальняго сѣвера. Норманны, бродившіе по всѣмъ моримъ за добычею и славою военнаго подвига, прибыли изъ Франціи въ южную Италію. Нанятые византійцами для защиты отъ герцоговъ туземныхъ (*) и кажется обманутые ими, они имъ отмстили тѣмъ, что призвали на помощь новыя вольницы своихъ single-земцевъ и въ короткое время изгнали грековъ изъ всего поморья. Съ этимъ племенемъ, закаленнымъ въ боевой жизни, не могли бороться мелкіе бездушные князьки туземные: съ нимъ не могли бороться и болѣе воинственные и сильные сарацины. Рядомъ битвъ и подвиговъ почти баснословныхъ (*), соединенныхъ съ невѣроятнымъ постоянствомъ и терпѣніемъ и съ коварствомъ, отличавшимъ всѣхъ норманновъ, потомки норманца Танкреда Готевильскаго (de Hauteville) захватили всю южную Италію (*), вырвали Сицилію изъ рукъ африканскихъ магометанъ и основали могучее государство, имѣвшее значительное вліяніе на послѣдовавшую борьбу имперіи и папства. Имперія германская нашла въ нихъ неодолимую преграду въ своемъ стремленіи распространиться на югъ; а имперія восточная нѣсколько времени трепетала передъ ихъ возрастающею силою и съ трудомъ остановила ихъ завоевательный порывъ по преимуществу помощію непоколебимой твердости саксонскихъ дружинъ, оставившихъ свою родину, чтобы не покориться другимъ норманнамъ, завоевавшимъ ее.

(*) И отъ сарацинъ сицилійскихъ. *Прим. изд.*

(*) Напр. въ битвѣ при Энѣ Рогеръ разбилъ 15,000 Сарацинъ съ семьюстами норманскихъ рыцарей *Прим. изд.*

(*) Послѣдній городъ, въ которомъ еще держались греки, Бары, былъ взятъ Робертомъ Гвискардомъ въ 1071 году. *Прим изд.*

Мужество, не спасшее саксонской Англіи на Гастингской равнинѣ, было главнымъ орудіемъ спасенія имперіи (*).

Въ этомъ-то уничиженномъ состояніи Италіи особенно ясенъ законъ, связующій явленія историческія въ ихъ послѣдовательности,—прошедшее съ настоящимъ и настоящее съ будущимъ. Среди ея политическаго ничтожества и порабощенія всякой пришлой власти живетъ одно—идея Рима, а идея Рима созидаетъ всю исторію среднихъ вѣковъ. Титулъ императора взятъ былъ Карломъ въ Италіи и съ Италіею казался онъ связаннымъ неразрывными узами. Французскіе Карловинги, забывая притязаніе на него, дряхлѣли въ безплодныхъ усиліяхъ удержать за собою хоть ограниченную власть королевскую; германскіе погасли и возстановленное единство Германіи при Птицеловѣ не думало объ императорскомъ званіи. Ничтожные и минутные владѣтели сѣверной Италіи, едва схватившись за какую нибудь тѣнь власти, всегда спѣшили надѣть императорскій вѣнецъ на безсильную и безславную голову.

Конечно были и изъ нихъ люди не безъ энергіи и дарованій (какъ напр. Беренгаръ); но ихъ явленіе не измѣняло нисколько общаго хода историческаго и не клало никакихъ новыхъ основъ для скрѣпленія государства. Вообще можно замѣтить, что званіе императорское сгубило Карловинговъ. Оно создало какое-то условное единство, основанное на отвлеченномъ понятіи, и отняло у каждой мѣстности свою мѣстную энергію: или лучше сказать, унижая значеніе племенъ передъ государствомъ, обратило ихъ силы противъ самого государства: ибо каждое племя старалось обособить себя для удержанія своего значенія историческаго. Преемники же Карла, стремясь сначала достигнуть того величія, которое было завѣщано родоначальникомъ, не думали пользоваться для своихъ выгодъ этимъ племеннымъ стремленіемъ къ обособленію, а напротивъ того въ

(*) Въ битвѣ при Дурраццо (1081) участвовали значительные отряды англо-саксовъ. Хотя греки потерпѣли совершенное пораженіе, однако побѣда досталась такъ дорого норманнамъ, что они должны были остановиться въ своемъ наступательномъ движеніи. *Прим. изд.*

своемъ стремленіи къ государству отвлеченному разрывали свои связи съ дѣйствительно существующими государствами, т. е. съ ихъ мѣстными стихіями и, равнодушно допуская ихъ нестройное броженіе, окончательно гибли отъ борьбы съ силою, которою не хотѣли пользоваться и не думали управлять.

Но имперіаторство было очевидно не способно обнять все приложеніе древне-римской идеи правомѣрнаго государства къ новой, христіанской эпохѣ: оно не содержало въ себѣ начала самоосвященія, котораго требовала мысль христіанская: ибо Западъ не понималъ еще невозможности совмѣщенія понятій христіанскихъ и понятій о государствѣ, т. е. воплощенія христіанства въ государственную форму. Антагонизмъ этихъ понятій выказался позднѣе въ исторіи, а еще позднѣе въ сознательномъ мышленіи. Освящающее начало само стремилось выдѣлиться и стать въ независимость отъ всякаго внѣшняго вмѣшательства. Это стремленіе, хоть разумѣется еще безсознательно и не ясно, стало выражаться въ папахъ съ самаго того времени, какъ сношенія съ Востокомъ затруднились, какъ имперія менѣе могла имѣть вліянія на Римъ и какъ папа, духовный глава и почти свѣтскій правитель города, сдѣлался необходимымъ союзникомъ для Византіи, помогая ей удерживать остатки власти въ Италіи. Это время совпадаетъ съ эпохою Григорія Великаго и сопмепныхъ ему преемниковъ (*). Увеличеніе свѣтскихъ правъ папы было узаконено беззаконнымъ и ненавистнымъ Фокою, и столбъ, который можно бы назвать позорнымъ, свидѣтельствуетъ донынѣ о гибельномъ благодѣяніи и постыдной благодарности. Но восходящее движеніе папства было, какъ уже сказано, обусловлено необходимымъ развитіемъ древне-римской мысли, привитой къ христіанству: оно не зависѣло ни отъ лицъ, ни отъ обстоятельствъ, а отъ сущности мысли и односторонности юридическаго образованія. Въ эпоху лонгобардовъ папство, подъ без-

(*) Григорія II 715 -731 г. и Григорія III—741., т. е. съ эпохою кончающеюся восшествіемъ на папскій престолъ папы Захарія въ 741 году. *Прим. изд.*

престанною грозою гибели отъ ихъ вражды и при довольно частыхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Византіи (особенно во время иконоборства), продолжало сильнѣе и сильнѣе дѣйствовать своими духовными оружіями на западъ и сосредоточивать около себя надежды и мысленныя силы древне-римскихъ стихій въ Италіи. Гроза лонгобардская не была уже дѣйствительно страшна этой власти вкоренепной въ душахъ и убѣжденіяхъ, ибо сами лонгобарды вступили въ ту же мысленную область, изъ которой возникала идея папства; но побѣды Пиппина отстранили даже возможность временнаго потрясенія и упрочили новое зданіе, давъ значительную власть свѣтскую духовному владыкѣ. Побѣды Карла довершили дѣло, начатое отцемъ, и послѣ смерти великаго императора папы быстро достигли высоты, которой никогда еще не достигали, и о которой вѣроятно не думали тѣ самые дѣятели, которые ее заготовили. Быть можетъ нѣкоторые предугадывали ее, какъ напр: хитрый и дальновидный Захарій; но ясно ее предвидѣть не могъ никто прежде догматическаго отдѣленія отъ востока. Почти въ одно время сокрушены были вещественныя препоны развитію римской мысли и духовныя узы, сдерживавшія ее посредствомъ соборнаго правленія все-церковныхъ дѣлъ и рѣшенія все-церковныхъ вопросовъ. Николай I-й и его преемники уже предвѣщали эпоху Гильдебрандтовъ.

Быть можетъ никакое правительство не падало такъ низко, какъ папство при послѣднихъ Карловингахъ въ Италіи; быть можетъ никакая идея не имѣла такихъ недостойныхъ и гнусныхъ представителей, какъ идея римскаго все-христіанства въ это смутное время. (*) Разбойники и непотребныя женщины даютъ тіару своимъ родственникамъ и любимцамъ; разбойники и любовники непотребныхъ женщинъ вѣнчаются ею. Насиліе и подкупъ распоряжаются всенародно папскимъ престоломъ, опираясь на согласіе или страхъ развратнаго народа, а иногда уступая его безсмысленнымъ страстямъ или погибая въ его кровавыхъ мятежахъ. По видимому самая мысль

(*) Оно начинается со смерти папы Формоза 896 г. *Пр. изд.*

должна была погибнуть; но она не могла погибнуть: она была мыслью всего западнаго міра, а не дѣломъ мѣстной гордости или мѣстнаго преданія. Весь западъ продолжалъ поклоняться людямъ, которыхъ окружало презрѣніе самыхъ близкихъ областей и повиноваться рѣшеніямъ людей, которымъ часто не хотѣлъ повиноваться ни одинъ изъ жителей города, котораго они были епископами и правителями. Римъ и черезъ него Италія продолжали содержать въ себѣ всю идею все-христіанскаго государства въ лицѣ папы и въ титулѣ императора.

Древній Римъ погибъ прежде римской имперіи, которая сдѣлалась только воплощеніемъ римскаго права гражданскаго. Западъ перелилъ это право въ новое римское право церковное: по своей сущности оно должно было стать въ совершенную независимость отъ всякой мѣстной стихіи. Эту независимость окончательно узаконилъ Николай II-й (*); но на дѣлѣ она никогда не могла существовать иначе какъ при вооруженномъ вмѣшательствѣ другихъ державъ, или при глубокомъ убѣжденіи римлянъ, что всякое посягательство съ ихъ стороны на свободу епископскихъ или кардинальскихъ выборовъ повлечетъ за собою наказаніе. Память о прежней законности ихъ права на выборъ своихъ епископовъ существовала въ римлянахъ, во время паденія Карловингской династіи и безсмысленныхъ смутъ, предшествовавшихъ возрожденію имперіи въ лицѣ Оттона I-го; они естественно возвратили себѣ это право, не справляясь о томъ, принадлежитъ ли оно уже имъ по закону или нѣтъ. Не было внѣшней силы для ихъ обузданія; не было внѣшней грозы для ихъ устрашенія. Такимъ образомъ явилось то странное противорѣчіе въ западной исторіи, что епископъ римскій часто повелѣвалъ всѣмъ романо-германскимъ міромъ и не могъ повелѣвать Римомъ. Римляне признавали право папы надъ всѣмъ христіанствомъ, что признавалъ и весь западъ; но они признавали въ себѣ права надъ папою, чего кромѣ ихъ не признавалъ никто.

(*) На римскомъ соборѣ 1059 года. *Пр. изд.*

Ріензи, самъ того не сознавая, имѣлъ эту мысль; яснѣе выражалась она въ Арнольдѣ Брешіанскомъ и въ Кресценціѣ при Оттонахъ: обвиненіе Кресценція въ томъ, будто бы онъ хотѣлъ Римъ передать византійцамъ, было вѣроятно клеветою: но можетъ быть онъ имѣлъ безумную мысль посредствомъ Византіи освободить Римъ отъ германцевъ. Такая мечта, не смотря на свою безразсудность возможна. Вообще странное отношеніе Рима къ папству, или лучше сказать римской совѣсти къ папской власти не сознано еще никѣмъ, а еще недавно оно выразилось въ историческихъ произшествіяхъ, напоминающихъ и Кресценція и Арнольда и Ріензи; но пашъ, вѣкъ сильно разработываетъ исторію и никогда не узнаетъ ни вѣянія ея духа, ни присутствія прошедшаго въ современномъ.

Такимъ образомъ выражалось съ жалкой исторіи Италіи 9-го и 10-го столѣтій преемство исторической мысли, (которое есть ничто иное какъ общественное проявленіе мыслительныхъ началъ, живущихъ въ какомъ нибудь народѣ). Вслѣдствіе той самой широты требованій и внутренней гордости, которыя настоящему итальянцу представляли весь міръ, какъ одно великое государство, и Италію, какъ его несомнѣнное средоточіе, Италія отдѣльная никогда не была предметомъ особеннаго попеченія и цѣлью постоянной заботы. Въ ней люди мелкіе по значенію вещественному или силамъ душевнымъ жили, какъ вообще живетъ родъ человѣческій, со дня на день, безъ помысла; а люди сильные властію и духомъ жили своими помыслами и своими надеждами внѣ Италіи, въ мірѣ, для котораго тѣсны были ея предѣлы, ибо онъ охватывалъ всю землю и все человѣчество.

Нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства между внутреннею жизнію Италіи и прежнею жизнію Евреевъ. Та же надежда призвать цѣлый міръ убѣжденіемъ или силою въ общую человѣческую семью; та же надежда первенствовать въ этой семьѣ и править ею: то же чувство кажущейся любви къ человѣчеству и гордости, враждебной человѣчеству. Разумѣется, христіанское чувство смягчало въ новомъ народѣ яркую и грубую односторонность древняго народа: но сходство внутренняго закона разительно.

Отъ того-то любовь къ отечеству никогда не получала въ Италіи того характера, который она имѣетъ въ другихъ странахъ, характера строительнаго, а довольствовалась мечтами: отъ того и мѣстные эгоизмы не находили никогда стремленія, которому должны бы были пожертвовать собою. Италія въ глазахъ лучшихъ изъ своихъ гражданъ казалась будущимъ средоточіемъ всемірнымъ: но никогда самостоятельнымъ членомъ въ великомъ обществѣ народовъ. Такое значеніе казалось ей не менѣе унизительнымъ чѣмъ рабство; и она сносила рабство терпѣливо потому, что всегда хотѣла господства, а не равенства. Надъ нею тяготѣло и тяготѣетъ до нашего времени гордое воспоминаніе древняго Рима, принявшее двѣ опредѣленныя формы—древнѣйшую, но менѣе разумную, имперіи и новую, кажущуюся болѣе разумною даже въ наше время—папства. Временная свобода и самостоятельность нѣкоторыхъ частей Италіи являлась въ исторіи только выводомъ изъ борьбы этихъ двухъ формъ.

Очевидно, что точно также какъ идеалы имперіи и папства вытѣснили изъ мысли итальянца идею объ отечествѣ, точно также самое папство должно было всегда быть враждебнымъ самобытности цѣльной Италіи: она имѣла бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вещественное подчиненіе папы той власти, которая представляла бы собою эту цѣльность, и поглощеніе его отдѣльной области и Рима—его капитолія. Съ другой стороны идея полной теократіи, которая была доступна до нѣкоторой степени племенамъ германскимъ, допускавшимъ совѣсть и понятія нравственныя въ управленіе обществомъ, была совершенно чужда гражданскимъ понятіямъ, идущимъ отъ римскаго источника. При нихъ невозможно было полное преобладаніе церковно-правительственнаго начала, и отъ того въ Италіи никогда не создался союзъ народовъ подъ папскою игемоніею. Этому еще мѣшали взаимное недоброжелательство и зависть, отдѣлявшія не только область отъ области, но и каждый городъ ото всѣхъ другихъ городовъ внутри одной и той же области.

Эти враждебныя чувства были также историческимъ наслѣдствомъ отъ времени лонгобардскаго и отъ раздробленія, послѣдовавшаго за паденіемъ франкскаго единодержавія. Въ Италіи, долго раздѣленной между лонгобардами, византійцами и мелкими полунезависимыми князьками, постоянная война была дѣломъ нѣсколькихъ вѣковъ и она бросила сѣмена ненависти, которыхъ послѣдующіе вѣка не могли искоренить; папство, будучи по своему римско-правительственному характеру враждебнымъ всякой свободной формѣ правленія, не могло положить основанія вольному союзу, а въ стремленіи каждой мѣстности къ свободѣ и самостоятельности находило непобѣдимую преграду своимъ самодержавнымъ замысламъ. Въ исторіи Италіи является, правда, временный союзъ городовъ на сѣверѣ подъ покровительствомъ папы Александра: (*) но онъ былъ непродолжителенъ. Добросовѣстности не было ни въ городахъ, ни въ папѣ. Они были нужны другъ-другу противъ общаго врага-императора; но въ то же время готовы были другъ-другомъ жертвовать для личныхъ выгодъ.

Вообще отношенія Италіи къ папскому престолу не совсѣмъ еще поняты исторической критикою: они отчасти тѣ же, которыя существовали и ясно выражались въ самомъ Римѣ. Италія была корнемъ папства; но понятіе о всевластности папской было не ея произведеніемъ, а произведеніемъ всего западнаго міра, только приведеннымъ въ систему внутри Италіи. Западъ видѣлъ въ папѣ представителя самаго Бога и покорялся ему: Италія видѣла въ немъ еще своего представителя и потому считала себя въ правѣ управлять его дѣйствіями и противиться имъ, когда они были противны ея волѣ. Въ папѣ Италія благоговѣла передъ собою. Отъ того и видно въ ней сочетаніе крайне-логическаго ученія о полновластіи папы (ультрамонтанизмъ) и крайнее пренебреженіе къ папѣ и постоянная готовность возставать противъ него. Но на внѣшнюю исторію дѣйствовало по преимуществу первое направленіе.

Оттонъ великій былъ призванъ въ Италію почти единоглас-

(*) 3-го противъ Фридриха Барбароссы въ 1168—77 годахъ. *Пр. изд.*

нымъ призваніемъ. Ее утомила безпрестанная смута; папу утомилъ его мятежный Римъ, всѣмъ нуженъ былъ покой подъ охраною сильной руки и тяжелаго меча: но мѣстное самолюбіе спасало себя, присвоивъ себѣ чужестранца посредствомъ брачнаго союза съ какою-то сомнительною наслѣдницею сомнительнаго владѣтеля туземнаго. Оттонъ съ радостію принялъ предлагаемую власть и предлагаемый титулъ, который передавалъ ему преемство Карла Великаго. Это преемство досталось человѣку, который былъ достоинъ его. Смуты Италіи улеглись подъ желѣзною рукою побѣдителя мадьяровъ. Въ Германіи были люди, которые предчувствовали, какъ бѣдствененъ будетъ союзъ ея съ Италіею, и желали бы отклонить его: но большинство сочувствовало великому своему вождю и великой идеѣ имперіи и славы, которая въ Оттонѣ вѣнчала всю Германію.

Можно смѣло сказать, что безъ союза съ Италіею Германія подверглась бы тѣмъ же смутамъ и распалась бы еще скорѣе. Вражда и зависть племенъ въ ней самой были такъ сильны, что внутренній миръ былъ невозможенъ и германецъ могъ болѣе уступить изъ своихъ мѣстныхъ требованій высокой идеѣ имперіи, чѣмъ сравнительно мелкому понятію королевства. Въ ней находилъ онъ поэтическое настроеніе, которое болѣе сообразно съ его духовною сущностью, чѣмъ сухіе расчеты простаго государственнаго быта. До нашего времени еще геройскій образъ Барбароссы находитъ отзывы въ душѣ его и мѣсто въ преданіяхъ; а этотъ государь былъ далеко не благодѣяніемъ для своей родины.

Титулъ императора возвысилъ короля германскаго и возвысилъ еще болѣе папу, возложившаго императорскій вѣнецъ на его. Германія возгордилась тѣмъ, что ея вождь сталъ выше всѣхъ владыкъ запада; Италія тѣмъ, что это возвышеніе получилъ онъ отъ нея. Изъ этого двойственнаго отношенія должны были со временемъ возникнуть недоразумѣнія, раздоры и глубокая вражда: но эти чувства не могли проявиться при Оттонѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Власть ихъ была

такъ сильна, что смуты народныя были невозможны. Къ тому же самое значеніе народа или племени было менѣе важно въ это время чѣмъ въ эпоху позднѣйшую. Правда, что Птицеловъ былъ королемъ по избранію и что избраніе составляло все право его рода: но въ тоже время очевидно, что идея наслѣдственности взяла вполнѣ верхъ надъ идеею избранія, которое сохранялось болѣе какъ древняя форма чѣмъ настоящее право. Это явно изо всѣхъ памятниковъ тогдашняго времени и доказывается выборомъ Генриха II помимо сильнѣйшихъ и достойнѣйшихъ соперниковъ. (*) Наиболѣе самостоятельная и сильная часть Германія, Саксонія, была сама средоточіемъ и корнемъ государства и давала королямъ огромный перевѣсъ надъ всѣми ихъ вассалами.

Она обратилась, какъ видно изъ исторіи Генриха III, чисто въ коронную землю и только въ послѣдствіи получила снова значеніе феодальной.

Области сохраняли нѣкоторую самостоятельность: выборъ герцоговъ или мѣстныхъ владѣльцевъ зависѣлъ отъ воли дружины аристократической болѣе, чѣмъ въ позднѣйшую эпоху: но за то утвержденіе ихъ вполнѣ зависѣло отъ короля-императора. *Общія же дѣла* германскія были вполнѣ въ волѣ его и императорскіе сеймы не имѣли никакого значенія. Очевидно, что при такихъ отношеніяхъ Италія ничѣмъ не была обижена противъ Германіи и ни въ чемъ ей по справедливости завидовать не могла. Такова одна изъ причинъ, почему въ ней и не было общей причины народной къ возстанію.

При усиленіи обще-германскихъ съѣздовъ и при возстановленіи начала избранія, положеніе Италіи унизилось въ сравненіи съ Германіею и очень понятны требованія ея, вполнѣ соотвѣтствующія

(*) Эти соперники были маркграфъ Экгардъ Мейсенскій и герцогъ Германнъ Швабскій; самъ же Генрихъ былъ герцогомъ баварскимъ и троюроднымъ братомъ Оттона III-го *Прим. изд.*

новымъ правамъ стороны за-альпійской: но законность этихъ требованій не могли допустить ни императоръ, ни гордость Германіи, признававшей за собою неотъемлемое превосходство и голосъ рѣшительный въ дѣлахъ имперіи. Равноправства Италіи она даже не понимала.

Другою, еще важнѣйшею причиною безпрекословнаго повиновенія Италіи было то, что она не нашла еще себѣ полнаго представителя. Идея папства не созрѣла. Императоры спасли самую независимость папы и его достоинство отъ Рима и его волненій. Твердо возстановили они прежнія права имперіи надъ римскимъ престоломъ, неуступчиво пользовались они ими; а спасенные папы покорялись не совсѣмъ неохотно, ожидая счастливѣйшаго для себя времени и готовясь въ тишинѣ къ будущему величію.

Разумѣется въ этой, повидимому дальновидной, хитрости было, какъ во всѣхъ дѣлахъ историческихъ, менѣе хитрости чѣмъ безрасчетной простоты. Тяжело лежала на епископахъ Рима память о той страшной и унизительной годинѣ, которая предшествовала призванію Оттона: они боялись утратить покровителя и потому покорялись владыкѣ: а готовили свою будущую силу и будущее оружіе, потому что сами были орудіями общей идеи, которая не могла остановить своего развитія.

Древній міръ продолжалъ быть и для новыхъ народовъ единственнымъ источникомъ высшей законности. Историки западные, находя въ лѣтописяхъ, что вожди варваровъ, воюя противъ Рима и опустошая его предѣлы, въ то же время просили почетныхъ титуловъ и признанія правъ, основанныхъ на силѣ, приписываютъ обыкновенно такое противурѣчіе между дѣломъ и словомъ хитрости и расчету: это толкованіе ложно. Во всѣхъ варварахъ было глубокое благоговѣніе къ великой имперіи; а въ ихъ вождяхъ было чувство, что они начинаютъ новую эпоху и должны оторваться отъ своей старины, чтобы новое получило корень и законность. Они не имѣли, разумѣется,

яснаго понятія объ обществѣ народовъ, о которомъ такъ много говоритъ новая эпоха (нисколько не опредѣляя своей мысли); но они имѣли объ немъ смутное понятіе, какъ признаніи одпаго общаго права всѣми народами. По этому всѣ народы хотѣли свое право основать не на одной случайности силы военной и не на своихъ частныхъ понятіяхъ, но на признаніи и такъ сказать благословеніи обще-почитаемаго авторитета — историческаго Рима. Въ этомъ былъ и разумъ и какая-то юридическая поэзія. Королю нуженъ былъ патриціатъ, а еще позднѣе имперія.

Должно замѣтить, что это стремленіе, разумѣется усиленное христіанствомъ, не зависѣло отъ него и выражалось не разъ у язычниковъ. Оно повторяется на далекомъ востокѣ въ отношеніяхъ среднеазійскихъ ордъ къ Китаю. Сила требовала признанія, т. е. юридическаго благословенія, также какъ воинъ не разъ требовалъ благословенія у жреца и въ случаѣ отказа вынуждалъ это благословеніе угрозою и силою меча. Магометанскій міръ не просилъ признанія у другихъ: онъ слишкомъ глубоко вѣрилъ въ свое начало, признавая его обще-человѣческимъ. Персія также: она имѣла свою исторію и свой полный кругъ жизни.

Таковы мысленные законы, которымъ повиновались и Карлъ Великій и великій Оттонъ: такова причина, почему кромѣ папскаго благословенія, они искали союза съ Византіею и если можно, союза брачнаго съ ея владыками. Быть можетъ, въ нихъ было еще и не ясное чувство зависимости отъ папской власти, наложившей на нихъ вѣнецъ и желаніе найти своему новому званію новую основу, болѣе прочную и дающую самостоятельность ихъ имперіи въ глазахъ ея подданныхъ и всѣхъ другихъ народовъ. Оттону удалось то, чего неудачно домогался Карлъ: но бракъ Оттона II съ Ѳеофаніею, оставшійся конечно не безъ послѣдствій въ движеніи просвѣщенія ерроней-скаго, не имѣлъ тѣхъ историческихъ послѣдствій, которыхъ искалъ германскій императоръ, или по крайней мѣрѣ, не имѣлъ ихъ вполнѣ.

Народы, заключенные въ логику понятій, завѣщанныхъ древнимъ міромъ и положившіе основу новому просвѣщенію, искали формъ болѣе полныхъ и способныхъ выражать весь объемъ ихъ вѣрованій. Они благоговѣли передъ идеею государства и широкаго права общественнаго и потому благоговѣли передъ имперіею: но они чувствовали, что ей не достаетъ самостоятельной святости. Усыновленіе новой имперіи древнею могло быть дѣломъ важнымъ (и едва ли спокойное престолонаслѣдіе саксонскаго дома не зависѣло отъ него); но оно далеко не удовлетворяло тайному требованію западнаго міра. Папское благословеніе оставалось необходимостію. Самое родство съ греками не могло быть пріятнымъ римскому двору и потому, что оно давало императору нѣкоторую самостоятельность правъ и потому, что оно сближало его съ христіанствомъ, не признающимъ притязаній Рима: а родственный союзъ съ Греціею имѣлъ дѣйствительно важность, которой, кажется, не замѣчаютъ новѣйшіе историки. Ѳеофанія въ скорое время пріобрѣла могущественную партію, съ которою не безъ труда боролась западная партія подъ покровительствомъ Оттоновой вдовы. (*) Такого значенія Ѳеофаніи нельзя приписать ея личнымъ качествамъ: оно принадлежало ей, какъ представительницѣ усыновленія новой имперіи старою и покровительницѣ другихъ началъ просвѣщенія высшаго, еще неизвѣстныхъ западному міру, но способныхъ увлечь его за собою или по крайней мѣрѣ измѣнить односторонность его развитія. Сочувствія находила партія Ѳеофаніи болѣе въ Италіи чѣмъ въ Германіи и это сочувствіе было безспорно враждебно папскому двору. Этому находятся для безпристрастной критики два доказательства весьма ясныя, одно въ клеветѣ или преувеличенномъ обвиненіи Кресценція (главы анти-папскаго мнѣнія) въ желаніи измѣнить имперіи и передать Римъ Византійцамъ; другое въ огромномъ вліяніи столѣтняго пустынника (**) грека—Нила калабрскаго Въ первомъ случаѣ видно намѣреніе посѣять вражду между

(*) *Ср. жизнеопис. Адалгейды Од. Клюнійскаго. Гл 6—8*

(**) Род. 910 г. † 1005. *Пр. изд.*

императоромъ и Византіею: въ другомъ невольное и глубокое почтеніе, внушаемое Западу достойными представителями Востока: ибо Иллъ калабрскій представлялъ безъ сомнѣнія одно изъ самыхъ высокихъ и поэтическихъ лицъ своего вѣка и восходя по своему долголѣтію къ тому времени, когда еще раздѣленіе церквей было не сознано, напоминалъ время высшаго, тогда уже утраченнаго единства. Кромѣ этихъ видимыхъ и вещественныхъ признаковъ византійскаго вліянія, легко можно отыскать слѣды его во всей жизни двухъ послѣднихъ Оттоновъ, особенно въ чисто-византійскихъ формахъ, данныхъ геніальнымъ Гербертомъ (Сильвестромъ) плану имперіи и ея сочлененія, охотно принятому Оттономъ III. За всѣмъ тѣмъ признавая всю важность вліянія мысли византійской на Италію и Германію Оттоновъ и еще бо́льшую важность, которой оно могло достигнуть, еслибы дни Оттона III продлились и система его перешла къ прямому наслѣднику; признавая опасность, которою оно могло угрожать римскому владычеству, нельзя также не признавать и того, что опасность могла быть только временная и что никакая пришлая стихія не могла надолго бороться съ логическимъ развитіемъ мѣстныхъ стихій, утвердившихся уже въ форму религіозную.

Судьба запада и путь его развитія могли бы измѣниться значительно только въ такомъ случаѣ, еслибы удались попытки къ воссоединенію церковному между западомъ и востокомъ: но они не могли имѣть успѣха. Корень раздора, какъ сказано уже, таился въ самой глубинѣ всего мысленнаго образованія этихъ двухъ частей эллино-римскаго міра, изъ которыхъ одна знала только внѣшнелогическій и юридическій строй мысли, а другая проникала или стремилась проникнуть въ полноту разума и въ живые источники душевныхъ силъ. Превосходство же римской мысли, отчасти уже мало доступное западному просвѣщенію, скрывалось еще и позорилось безобразіемъ общественныхъ учрежденій Византіи и ея государственною слабостью.

Первое время управленія Италіи императорами германскими было особенно спокойно. Власть была въ рукѣ опытной и сильной: отдыхъ былъ всѣмъ нуженъ: попытки къ возстаніяхъ мѣстнымъ, слѣдствія привычки къ самоуправству, были легко подавляемы. Оттонъ II любилъ Италію и не жалѣлъ германскихъ силъ для ея охраны: самъ же онъ былъ ей любезенъ какъ сынъ италіянки и какъ человѣкъ, которому мягкіе нравы юга болѣе нравились, чѣмъ дикій обычай сѣвера хотя въ южной мягкости часто и почти всегда гораздо болѣе истинной жестокости, чѣмъ суровости въ сѣверной. За всѣмъ тѣмъ ни Оттону первому, ни второму не удалось ни сарацынъ изгнать изъ южной Италіи, ни вытѣснить, хотя они и стѣснили византійцевъ, ни уничтожить независимость герцоговъ сполетскихъ, беневентскихъ, салернскихъ и другихъ, которые объявляли себя то вассалами германскаго императора, то мнимыми слугами и патриціями Византіи. Съ трудомъ спасся даже Оттонъ II въ неудачномъ походѣ отъ побѣдителей сарацынъ и грековъ и умеръ въ то время, когда готовилъ сильный походъ на югъ для завоеванія всей южной Италіи и изгнанія арабитянъ изъ Сициліи; не смотря на то, что весь сѣверъ до самаго Гамбурга былъ опустошенъ и завоеванъ возстаніемъ приморскихъ славянъ, съ смертью молодаго императора (683 г.) наступило время новыхъ смутъ. Малолѣтный сынъ его не безъ труда получилъ наслѣдіе отцовское. Германскіе войска оставили Италію въ добычу ея собственному безначалію. Снова усилилась власть византійцевъ: снова стали своевольничать всѣ мелкіе князьки: снова сталъ Римъ и его буйная аристократія распоряжаться папскимъ престоломъ и возводить на него всякое отребье человѣческое. При малолѣтномъ государѣ, при женщинѣ правительницѣ въ эпохѣ, въ которой еще ничто не устоялось, а всѣ стихіи бродили и безплодно искали законныхъ взаимныхъ отношеній, иначе и быть не могло. Съ совершеннолѣтіемъ Оттона III наступила снова сравнительная тишина. Правда, что во все свое непродолжительное царствованіе онъ велъ безпрестанную борьбу съ своеволіемъ римлянъ и не разъ долженъ былъ ихъ унимать

военною грозою съ опасностью собственной жизни: за то онъ распоряжался папскимъ престоломъ почти безусловно, назначая кого хотѣлъ во вселенскіе епископы. Но самая борьба происходила не отъ безсилія, какъ при позднѣйшихъ императорахъ, а отъ желанія примирить партіи раздирающія Римъ и пріобрѣсть любовь народа, который не зналъ своей собственной воли. Наконецъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ строгости и къ мѣрамъ непзвинительной жестокости, казнивъ Крещентія и папу, избраннаго его дружиною подъ именемъ римскаго народа (*). Такимъ образомъ укротилъ онъ временный мятежъ. Епископы, назначенные императоромъ, были люди достойные своего званія или по добродѣтели или по генію, какъ Гербертъ (Сильвестръ), долго смущавшій Францію своими происками, потомъ пріобрѣтшій безграничную довѣренность германской регентши, Адельгейды, вдовы Оттона I, и безспорно стоявшій въ отношеніи къ знанію и умственной силѣ далеко выше своего времени. Это превосходство выразилось въ сказаніяхъ народа италіянскаго, оскорбленнаго самовластіемъ императора, назначившаго папу, такъ, что они представляютъ Сильвестра злымъ волшебникомъ и ученикомъ злыхъ духовъ, которымъ онъ продалъ душу свою въ школѣ испанскихъ мавровъ.

Такое сказаніе о Сильвестрѣ объясняетъ и развязку сказки о сыновьяхъ Аймона, гдѣ Малагазъ волшебникъ кончаетъ жизнь свою въ званіи папы.

Смерть прекратила царствованіе Оттона III и союзъ императора съ папствомъ. Планъ Сильвестра остался неисполненнымъ, планъ глубоко расчитанный и стройно составленный, по которому императоръ являлся видимою главою всего германо-итальянскаго міра съ властію почти неограниченною, между тѣмъ какъ папа становился пятницею, хотя едва замѣтною душею, оживляющею и связывающею весь его орга-

(*) Іоанна. XVI-го.

низмъ. За смертью Оттона послѣдовали новые безпорядки: Италія хотѣла воспользоваться правомъ выбора также какъ и каждое отдѣльное племя Германіи. Наслѣдственное право Генриха II восторжествовало на сѣверѣ, а сила имперіи на югѣ. Не смотря на слабость своего характера, на неудачныя войны съ Польшею, въ которыхъ онъ терпѣлъ безпрестанныя пораженія отъ Болеслава, и на частыя ссоры съ вассалами, Генрихъ распоряжался римскимъ престоломъ почти также свободно какъ его предшественникъ и встрѣчалъ упорное сопротивленіе только въ городахъ Ломбардіи, которые продолжали возвышаться благосостояніемъ и богатствомъ вслѣдствіе очевиднаго превосходства просвѣщенія надъ остальнымъ западомъ и счастливаго положенія на перепутіи восточной торговли. Между тѣмъ феодальность, которая уже вошла до нѣкоторой степени въ нравы итальянскіе съ самаго времени франкскаго владычества, продолжала усиливаться подъ правленіемъ германцевъ, тогда уже не понимавшихъ возможности другаго устройства и забывшихъ почти совершенно прежнюю аллодіальность, хотя слѣды ея еще оставались до послѣднихъ Гогенштауфеновъ. Богомольный Генрихъ, любимецъ духовенства (съ которымъ онъ впрочемъ часто ссорился по тому самому что безпрестанно занимался его дѣлами), ограничилъ до нѣкоторой степени власть папскую тѣмъ, что утвердилъ (также какъ послѣ него Конрадъ) рѣшеніе помѣстнаго собора, (*) почти запретившаго апелляцію къ римскому двору противъ

(*) Concil. salgunstadiense can. XVI, XVIII Harduin VI, 1. 827. Собственно говоря Генрихъ не утверждалъ рѣшеній этого собора, но не протестовавъ противъ нихъ онъ тѣмъ самымъ какъ бы далъ имъ свою санкцію. Что же касается до утвержденія этихъ правилъ Конрадомъ, надо думать, что авторъ имѣлъ въ виду Трибурскій соборъ, собранный Конрадомъ II въ 1035 или 36 году, о которомъ Гильдесгеймская хроника говоритъ, что на немъ подтверждены были рѣшенія прежнихъ соборъ, но не извѣстно какихъ именно. Гилебрехтъ на противъ говоритъ что Трибурскій соборъ отмѣнилъ значеніе собора Зелигенштадтскаго II т. 281 стр. *Пр. изд.*

мѣстныхъ епископовъ; но въ то же время глубокимъ, благоговѣйнымъ почтеніемъ, оказаннымъ папѣ, котораго онъ пригласилъ въ Германію, (*), возвысилъ его значеніе въ глазахъ подданныхъ, мало понимающихъ отвлеченности юридическія и ясно сознающихъ величіе сана, передъ которымъ императоръ преклонялся какъ передъ божественною святынею. Южная Италія снова подпала почти исключительной власти грековъ, которые подъ предводительствомъ искусныхъ полководцевъ и особенно непобѣдимаго Маніяка, грозы восточныхъ сарацинъ, едва не вытѣснили африканцевъ изо всей Сициліи и заставили мелкихъ итальянскихъ князьковъ покориться управѣ византійскихъ Катапановъ. Имперія была стѣснена: но власть ея не слабѣла внутри ея границъ и даже уже тѣмъ оказывала свое возрастающее могущество, что нисколько не падала при лично слабомъ государѣ, не внушавшемъ ни страха, ни даже большаго уваженія, хотя исторія должна отдать справедливость его частнымъ добродѣтелямъ. Послѣ бездѣтнаго Генриха новый выборъ Конрада, ближайшаго родственника саксонскому дому, доказалъ снова стремленіе къ наслѣдственности въ Германіи и возвелъ на престолъ человѣка съ могущею волею, съ воинскими доблестями и съ дальновидностью въ дѣлѣ государственномъ. Италія протестовала снова; но опять протестовала сѣверная Италія (**), а не римскій дворъ, который еще чувствовалъ необходимость большой государственной силы для скрѣпленія все-христіанской системы (tota christianitas) и для охраненія его самаго отъ насилій мѣстнаго народонаселенія и отъ ересей усиливавшихся въ Ломбардіи. Ломбардія же протестовала потому, что признавала за собою такое же право на выборъ какъ и за Германіею; но ни кто не хотѣлъ воспользоваться властью предлагаемою итальянцами (***). Имъ мало вѣ-

(*) Бенедикта VIII. въ 1020 год.

(**) Избраніемъ Вильгельма Аквитанскаго (*Пр. изд.*)

(***) Сначала корона предложена была королю Роберту, но за отказомъ его обратились къ герцогу Аквитанскому, который принялъ ее не для себя, а для малолѣтняго сына. *Ю. изд.*

рили, а Конрада боялись. При немъ императорская власть окрѣпла снова и вскорѣ достигла высшей степени своего развитія при Генрихѣ III, не смотря на многія его неудачи въ войнѣ противъ чеховъ и противъ венгровъ и на усиленіе въ южной Италіи новыхъ властителей — нордманновъ. отчасти впрочемъ признававшихъ себя вассалами имперіи. Конрадъ и по преимуществу сынъ его распоряжались имперскими ленами совершенно произвольно, не справляясь ни съ волею народа, ни съ родственными отношеніями новыхъ ленниковъ къ прежнимъ. Точно также и еще своевольнѣе распоряжались они епископствами и отчасти папствомъ. Казалось имперія стала въ мірѣ западномъ такъ твердо и съ такимъ неоспоримымъ могуществомъ, возрастаніе ея было такъ послѣдовательно, что ей нечего было бояться никакого соперника, а между тѣмъ она дошла до той эпохи, когда соперникъ, собравшій силы свои въ тишинѣ и въ недосягаемомъ святилищѣ совѣсти человѣческой, готовъ уже былъ нанести ей ударъ, которому она не могла противустать и отъ котораго она никогда не могла оправиться. Самая хитрость самодержавнаго Генриха. расширившаго епископскія области на счетъ свѣтскихъ ленниковъ, чтобы избавиться отъ опасности наслѣдственныхъ леновъ, дала его сыну только ненадежныхъ союзниковъ, вскорѣ обратившихся въ опасныхъ враговъ по естественному стремленію ихъ къ усиленію своего сословія и его іерархическаго значенія.

Развитіе папства.

Между тѣмъ какъ власть папъ въ Римѣ была безпрестанно подвержена мятежамъ и своеволію знатнаго и развратнаго народа а еще болѣе развратной аристократіи и ея дружинъ, какъ самая жизнь ихъ подвергалась нерѣдко опасности и какъ императоры дѣлались по видимому самовластными хозяевами римскаго престола, угрожая ему тою же зависимостью, съ которой византійскіе императоры держали патріарховъ, значеніе папъ становилось все важнѣе и важнѣе на западѣ. Путь къ ихъ будущему величію былъ проложенъ въ народныхъ убѣжденіяхъ чувствомъ необходимости правительственнаго авторитета въ дѣлахъ духовныхъ, какъ скоро міръ духовный былъ

признанъ не міромъ всехранящей любви и благодати, но міромъ права внѣшняго, подчиненнаго тѣмъ же законамъ и тѣмъ же расчетливымъ соображеніямъ, какимъ подчиняются всѣ другія земныя явленія. Идея римская не могла не придти къ такому выводу, а она одна и правила всею духовною сущностью запада. Иже-Исидоровы Декреталіи были первымъ оружіемъ, которымъ вооружилось папское всевластіе, и оно сломило сопротивленіе мѣстныхъ владыкъ-епископовъ, свободу мѣстныхъ церквей, которую Карлъ Великій надѣялся обезпечить организаціею метрополій, и самонадѣянность государей, осмѣлившихся въ дѣлѣ духовномъ ослушаться папскаго приговора. Къ готовому оружію присоединилось по расчету ли, или по естественному ходу развивающейся мысли, могучее войско— бенедиктинское монашество. Франція и Германія, особенно сѣверная, покрылись сѣтью ихъ обитателей, богатыхъ, ученыхъ, независимыхъ отъ мѣстнаго духовенства, ревностныхъ къ проповѣди, тѣсно связанныхъ между собою, крѣпко связанныхъ съ Римомъ: при Дунстанѣ завоевали они Англію; при императорахъ дома саксонскаго вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства въ земляхъ прибалтійскихъ славянъ раскинули они свои религіозныя колоніи за прежніе предѣлы христіанскаго міра, и вездѣ, какъ знаменосцы строго построеннаго ученія, сопровождаемаго особеннымъ стремленіемъ къ великолѣпному обряду и къ какому-то обрядовому идолопоклонству, онѣ завладѣли мыслію и сочувствіемъ народа, готовя въ немъ безусловныхъ подданныхъ папскому престолу

Такъ напр. еще необращенныхъ славянъ привлекали бенедиктинцы къ наружнымъ обрядамъ христіанства, ставя на верху церквей, или нарѣзывая на ракахъ святыхъ изображеніе пѣтуха, священнаго животнаго и вѣроятно символа солнца и войны по языческому понятію. Очевидно въ нихъ уже высказываются всѣ начала и правила, которыя приведены были въ строгій порядокъ и ясно сознанную систему позднѣйшими іезуитами.

Заслуги бенедиктинцевъ неоспоримы: въ земляхъ славянскихъ они служили туземцамъ нѣкоторою, хотя весьма не-

достаточною защитою противъ неистоваго корыстолюбія мѣстнаго духовенства и противъ невыразимой жестокости саксонцевъ завоевателей; вездѣ по всей западной Европѣ распространяли они нѣкоторыя, хотя и весьма неясныя, и отчасти и ложныя понятія о вѣрѣ въ народѣ, о которомъ ни епископы, ни ихъ прямые подручники не имѣли никакого попеченія, оставляя его въ совершенномъ невѣжествѣ. Вообще должно замѣтить, что вслѣдствіе завоеванія германскаго и франкскаго и отношенія туземцевъ къ завоевателямъ духовенство примкнуло къ дружинѣ и скоро отдѣлилось отъ народа, которому оно служило нѣсколько времени защитою и представителемъ. Этого, разумѣется, не было въ саксонской Англіи и оттого въ ней успѣхи бенедиктинцевъ были особенно гибельны; но въ Германіи сильные дружинники считали епископство почти такимъ же правомъ своего сословія, какъ и преемство военныхъ леновъ, и первые салійцы (также какъ и послѣдній изъ саксонскихъ императоровъ) должны были употреблять власть свою, чтобы сколько нибудь класть предѣлы этому беззаконому притязанію, котораго искоренить не могли ни они, ни позднѣйшіе папы. Очевидно противодѣйствіе обще-христіанской дружины, бенедиктинскаго монашества, было въ этомъ отношеніи полезно и почти необходимо; но очевидно также, что добромъ и зломъ своего усиленія оно служило идеѣ церковнаго государства.

Во Франціи по спорамъ о правахъ Герберта (*) (бывшаго потомъ папою) духовенство старалось положить предѣлы самовластію римскаго двора; но оно не было поддержано властію королевскою, тогда еще безсильною и искавшею союза съ Римомъ; нѣсколько позже оно вмѣстѣ съ королемъ покорилось рѣшенію римскаго епископа и его интердикту по дѣлу

(*) На Реймскую каѳедру, на которую онъ былъ избранъ по низложеніи архіепископа Арнульфа, безъ согласія папъ. Ср. Richeri Chron. L. IV. и относящіеся къ этому дѣлу соборы у Гардуина VI. I. *Пр. изд.*

о разводѣ короля Роберта: въ Германіи, обращенной проповѣдію Бонифація, поставившаго себя и своихъ преемниковъ въ прямыя отношенія къ Риму принятіемъ присяги въ покорности его суду (эту присягу прежде приносили только епископы собственно подгородные Риму, т. е. викарные), самыя преданія о независимости не существовали.

Такова причина почему въ ней и неизвѣстна была та система, лишенная всякой логической основы, но до нѣкоторой степени охраняющая мѣстную свободу, которую называютъ вольностями галликанской церкви (libertés de l'Eglise gallicane).

За границею прежняго христіанскаго міра славянскія земли, принимая христіанство, становились въ прямую зависимость отъ папскаго престола еще гораздо болѣе, чѣмъ отъ имперіи; ибо съ одной стороны связь завоеванія менѣе тверда, чѣмъ связь, основанная на религіозныхъ вѣрованіяхъ, а вѣрованія эти были направлены въ духѣ чисто-римскомъ: во вторыхъ независимые славяне,—Польша и полу-независимые, Моравія и Чехія, были скорѣе враждебны къ императорамъ, чѣмъ склонны къ союзу съ нимъ и къ повиновенію. Польша *считала себя болѣе обязанною* королевскимъ титуломъ своихъ владыкъ духовному правителю всего христіанства, чѣмъ свѣтскому владѣтелю одной только части христіанскаго міра, хотя она собственно получила королевскій вѣнецъ отъ императора. Мадьярская корона Св. Стефана была даромъ папскаго двора и сіяла его благословеніемъ. Далѣе на сѣверѣ новообращенная Скандинавія, чуждая имперіи, хотя и признающая ея высокое значеніе (вмѣстѣ со всѣмъ Западомъ) была уже живымъ членомъ церковнаго государства.

Это стремленіе скандинавовъ доказывается путешествіемъ Канута для поклоненія въ Римъ: дѣйствительно въ то время уже никакое обращеніе народное на Западѣ не могло основать церкви свободной, а непремѣнно усиливало римскій престолъ.

Испанія, съ успѣхомъ завоевывая свою свободу, мало-помалу отодвигала аравитянъ къ югу: норманны, вытѣсняя грековъ изъ Италіи и сарацинъ изъ Сициліи, расширяли область папскую и безпрестанно обращались къ нему, прося его пастырскаго благословенія. Созрѣвали огромныя силы, тѣмъ непреодолимѣйшія, что онѣ не основывались на вещественной случайности и на насиліи, всегда сопровождаемомъ враждою и раздраженіемъ. А между тѣмъ, какъ могущество престола римскаго росло невидимо и неосязаемо для свѣтской власти, высшіе представители этой власти, императоры, раздражали неизвѣстную имъ силу не только строгимъ пользованіемъ своими правами на утвержденіе епископовъ римскихъ (это было необходимо для самыхъ папъ), не только злоупотребленіемъ этихъ правъ (ибо они присвоили себѣ непринадлежащее имъ право назначать папъ), но еще наглымъ злоупотребленіемъ своихъ правъ на утвержденіе всѣхъ епископовъ, продавая священный санъ за деньги часто недостойнымъ, назначая епископовъ по прихоти, для награжденія за заслуги, для обогащенія преданныхъ имъ семействъ, наконецъ для достиженія всякихъ своекорыстныхъ и часто преступныхъ цѣлей. Негодованіе становилось сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ усиленія злоупотребленій и особенно по мѣрѣ возрастающаго сознанія собственныхъ силъ въ римскихъ владыкахъ. Жалобы становились чаще и чаще. Всѣ лучшіе члены духовенства глубоко чувствовали оскорбленіе своего достоинства. Чистѣйшіе изъ міранъ сочувствовали имъ: совѣсть человѣческая просыпалась и роптала, ибо христіанство, давно уже признанное, становилось яснѣе и требовательнѣе съ увеличивающимся просвѣщеніемъ. Разрывъ между двумя великими идеями былъ близокъ и Италія, ихъ общее средоточіе, должна была потребовать своей исторической жизни.

Ни одинъ изъ императоровъ прежнихъ (за исключеніемъ разумѣется основателя западной имперіи Карла) не былъ такъ самовластенъ какъ Генрихъ III и ни одинъ не встрѣчалъ такъ мало сопротивленія, не смотря на многія неудачи въ войнахъ съ другими народами (чехами и мадьярами), весьма важныя въ

общественномъ мнѣніи такого воинственнаго вѣка, и не смотря на крутой нравъ и своеволіе, которые удаляли всякое чувство любви личной къ нему. Паденіе императорской власти немедленно послѣ его смерти приписываютъ историки слабости и разврату его преемника и могучему характеру двухъ, случайно возведенныхъ на престолъ въ концѣ XI вѣка. Такое объясненіе крайне односторонне. Нельзя отрицать значенія лицъ и случайностей историческихъ: но нельзя не чувствовать, какъ ничтожно ихъ дѣйствіе въ сравненіи съ необходимостью исторической, которая не имѣетъ ничего общаго съ фатализмомъ, ибо онъ одинаково безплоденъ для науки, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся, въ грубомъ ли видѣ магомеданства, въ простодушной-ли телеологіи историковъ христіанскихъ, слѣдящихъ за непонятными путями Провидѣнія и думающихъ усмотрѣть перстъ Божій въ дѣлахъ человѣческихъ, или въ мистической телеологіи ученыхъ философовъ Германіи, понимающихъ развитіе исторіи не какъ развитіе основныхъ мыслей, лежащихъ въ началѣ обществъ, но какъ стремленіе къ будущимъ идеямъ, безсознательно осуществляемое обществами людскими и движущее ихъ какою-то таинственною силою, которой точка отправленія заключается не въ причинахъ явленій, но въ ихъ послѣдствіяхъ, наперекоръ логики и здравому смыслу.

Понятно, что люди энергическіе умомъ и волею протестовали словомъ, часто насмѣшливымъ, противъ всѣхъ этихъ историческихъ системъ. Такъ Наполеонъ говорилъ: «Богъ стоитъ за многочисленныя войска» (Dieu est pour les gros bataillons). То же самое говорилъ Фридрихъ II въ иныхъ словахъ; то же самое говорятъ или думаютъ всѣ великіе дѣятели общественные на поприщѣ войны или мира. — Глубоко поэтически сказалъ германецъ: und in dem Heute wandelt schon das Morgen» и англичанинъ: «and coming events cast their shadows afar». Настоящее время предчувствуетъ будущее, ибо будущее въ немъ заключается какъ плодъ въ зародышѣ: но нелѣпо сказать, что будущій плодъ обусловливаетъ развитіе зародыша, или чтобы послѣдствіе обусловливало свою причину: а таково ученіе историческое всей Гегелевой школы. Въ немъ смѣшаны два

пути,—синтеза, который есть законъ проявленія—и анализа, который есть законъ познанія, по преимуществу логическаго или разсудочнаго. Анализъ отъ существующаго восходитъ къ его причинамъ въ прошедшемъ. Таковъ путь критики исторической и историческаго изслѣдованія. Исторія въ своемъ проявленіи отъ существующаго какъ отъ причины идетъ къ будущему, т. е. къ слѣдствію. Это два пути совершенно противуположные и смѣшеніе ихъ произошло отъ забавнаго непониманія простоты человѣческаго слова. Глядя на башню человѣкъ говоритъ: «она стоитъ, слѣд. она выстроена», на человѣка убитаго ядромъ: «онъ убитъ ядромъ, слѣд. выстрѣлили», и многоученый міръ книжный пишетъ исторію по этой формулѣ, не понимая того, что неученый пропускаетъ въ ней (и весьма сознательно) слово: «я знаю, что башня стоитъ;» «я знаю, что она выстроена» и т. д. Явленіе обусловливаетъ мое познаніе объ его причинѣ, или иначе свою причину въ моемъ познаніи, а не причину своего существованія въ ней самой. Фатализмъ магометанина, телеологія христіанскихъ писателей—все это признаніе въ невѣжествѣ или непониманіи. Телеологія Гегелевой школы—чистая нелѣпость, облекающая себя въ ученыя формы. Наука историческая старается понимать связь причинъ съ ихъ послѣдствіями, логику дѣйствительной исторіи и называетъ эту связь необходимостью, не входя въ гаданія и допуская, что въ самой этой исторической логикѣ могутъ проявиться пути Провидѣнія, не открывающаго своихъ тайнъ, но достигающаго своихъ цѣлей посредствомъ законной свободы и вольнаго дѣйствія человѣческаго разума.

Всякая односторонняя мысль при своемъ осуществленіи и полномъ торжествѣ проявляетъ яснѣе свою односторонность. Покуда она еще борется съ другими мыслями и направленіями, она не можетъ еще выразиться вполнѣ и слѣд. быть осмотрѣнною со всѣхъ сторонъ полусознаніемъ человѣческимъ (ибо таково оно во всѣ времена, а особенно въ тѣ эпохи, когда человѣкъ болѣе дѣйствуетъ, чѣмъ мыслитъ аналитически). Она стремится впередъ къ своему осуществленію, увлекая народы своею относительною правдою и высотою передъ другими мыслями и стремленіями частными и еще менѣе ея раз-

умными. Идея имперіи имѣла свою истину не только въ отношеніи историческомъ, какъ выводъ изъ понятій завѣщанныхъ римскимъ просвѣщеніемъ, но и въ отношеніи къ законному и разумному требованію широкой правды гражданской и внутренняго мира, къ которому должно стремиться человѣчество. Этою стороною оно имѣло явное превосходство передъ нестройнымъ желаніемъ обособленія въ отдѣльныхъ племенахъ и странахъ, и передъ тѣмъ смутнымъ броженіемъ началъ, которыя предшествовали ея явленію и вступали съ нею въ неравную борьбу. Она восторжествовала, и тогда только выказалися ея слабыя стороны—личный произволъ, отнимающій у власти ея нравственное достоинство, характеръ случайности, позволяющій сомнѣваться въ законности правъ лица, принадлежащаго одному племени, на повиновеніе другихъ племенъ и отсутствіе внутренняго начала, освящающаго господство одного человѣка и повиновеніе всѣхъ. Все это—слабыя стороны, которыя могли и должны были выразиться со временемъ и подкопать шаткую власть государя, правящаго областію, составленною изъ разнородныхъ и отчасти враждебныхъ стихій: но онѣ выразились быстро, какъ скоро полное торжество дало полный разгулъ произволу, а съ другой стороны возвышалось новое начало съ притязаніями еще высшими и по видимому болѣе основанными на логикѣ и разумѣ. И такъ, не только борьба имперіи съ папствомъ была не минуема, но и торжество папства было несомнѣнно.

Во время этой борьбы и даже прежде ея обозначился особый характеръ христіанства западнаго: оно приняло въ себя всю раціонально-юридическую особенность Рима не только въ отношеніи церковнаго общества, но и въ отношеніи къ его внутреннему пониманію. Выше уже показана разница взглядовъ восточнаго и западнаго, или эллинскаго и римскаго, на общій ихъ завѣтъ. Разница эта должна была выражаться яснѣе и яснѣе по мѣрѣ полнѣйшаго развитія каждаго изъ этихъ міровъ, разорвавшихъ свою древнюю связь христіанскаго братства. Тяжкія судьбы востока остановили его историческую жизнь и дѣятельность, обрекши его на долгое страданіе. За-

надъ возрасталъ и зрѣлъ. Яснѣе и яснѣе проявлялась логическая основа его мысленный жизни.

Христіанство было продолженіемъ и конечнымъ заключеніемъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и свободѣ духовной. Его торжество нанесло по видимому рѣшительный ударъ кушитскимъ религіямъ—поклоненію органической необходимости, *съ какой бы формѣ она ни являлась и всѣмъ религіямъ основаннымъ на условномъ умствованіи или условной символизаціи: но трудно было сохранить неприкосновенною его первопачальную строгость и чистоту въ волненіяхъ жизни государственной*, утвержденной на условіяхъ вольныхъ или невольныхъ и въ движеніяхъ мысли, черпающей матеріалы своихъ познаній изъ наукъ выработанныхъ міромъ, вполнѣ принадлежавшимъ системѣ кушитской. Западные народы, понявъ самую церковь какъ государство вѣры, ввели прежнія начала въ самыя нѣдра ученія, которое приняли отъ первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Цѣльность свободнаго духа была разбита раціонализмомъ, но раціонализмомъ скрытымъ подъ формою юридическою. Не человѣкъ-христіанинъ уже былъ точкою отправленія общей мысли: не изъ согласія внутренняго всѣхъ христіанъ образовалась церковь—видимый и земной отдѣлъ церкви всемірной: нѣтъ, церковь земная получала самостоятельность и власть. Христіане являлись какъ подданные, покорные рѣшеніямъ этой власти. Представители церкви отдѣлялись естественно отъ ея подданныхъ и должны были получить названіе соотвѣтствующее своему новому значенію—церковниковъ, (Ecclesiastici) въ отличіе отъ народа (laici). Іерархія могла замкнуться или въ видѣ постояннаго собора чиновниковъ земной церкви, рѣшающихъ всѣ вопросы объ ея коренныхъ законахъ-догматахъ вѣры, или въ лицѣ правителя. Первые соборы, имѣвшіе на востокѣ значеніе съѣзда избранниковъ отъ всего христіанскаго міра, объявляющихъ общее убѣжденіе съ общаго согласія, имѣли въ глазахъ запада значеніе законодательныхъ собраній, неподчиненныхъ никакому суду народнаго мнѣнія: такова была первая эпоха. Расторженіе союза съ Византіей, убѣжденіе что явное разногласіе, происходящее

постоянно во всѣхъ соборныхъ совѣщаніяхъ и примиряемое согласіемъ повидимому условнымъ, было противно понятію о безусловной истинѣ рѣшеній, наконецъ несомнѣнно признанное превосходство папскаго престола привели западную общину въ ея вторую эпоху, передавъ всю власть законодательную папѣ. Востокъ предполагалъ и предполагаетъ до сихъ поръ вдохновеніе свыше ниспосылаемое всей церковной общинѣ, вслѣдствіе ея богоугодной жизни и ея свободной полноты. Западъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу, владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ западныхъ престоловъ, и облекъ его въ исключительную боговдохновенность, не имѣющую ничего общаго со всѣми другими жизненными явленіями въ немъ или въ церковномъ обществѣ. Онъ сдѣлался Божіимъ намѣстникомъ на землѣ, былъ признанъ въ этомъ качествѣ и такое опредѣленіе видимой главы всей церкви опредѣлило весь характеръ римскаго католицизма.

Церковь стала внѣшностью для ея подданныхъ и внѣшностью даже для ея чиновниковъ (въ отношеніи къ ихъ человѣчеству), какъ всякое государство. Религія, идея вполнѣ римская, какъ и самое слово, стала на мѣсто вѣры. Нравственный законъ получилъ значеніе обязанности, обусловливающей право, а не закона или нормы, нераздѣльной съ сущностью или внутреннимъ опредѣленіемъ духа. Дѣло получило значеніе подвига, а не плода естественнаго, возникающаго изъ глубины душевной: грѣхъ сдѣлался проступкомъ, а не порчею внутреннею, или ея признакомъ: отпаденіе отъ общины церковной наказаніемъ, а не послѣдствіемъ сознаннаго разлада: обрядъ службою, а не естественнымъ выраженіемъ живаго единства, высказывающаго въ художественныхъ образахъ свою общую жизнь: вѣра сама внѣшнимъ знаніемъ, пріобрѣтаемымъ или ниспосылаемымъ (ибо для науки эти два предположенія даютъ одинакіе выводы, оставляя вѣру въ категоріяхъ логическаго разсудка). Изъ этой теоріи, существовавшей издавна, но выказывающей себя все болѣе и болѣе, возникли, какъ законныя послѣдствія, понятія о правѣ и заслугѣ сверхъ права и объ

уплатѣ долга, накопляющагося отъ нарушенія обязанностей, излишкомъ заслугъ своихъ или чужихъ и пр. Жертва получила значеніе очистительной силы: молитва, совершаемая общенародно на языкѣ непонятномъ для народа, получила значеніе талисманическое или заклинательное съ силою принудительною для высшаго міра (*). Преданіе, отрываясь отъ писанія (которое есть ни что иное какъ записанное преданіе и вскорѣ было отнято отъ мірянъ), сдѣлалось въ полнотѣ своей привиллегіею іерархіи и уже не развитіемъ преданія древнѣйшаго (писанія), но его дополненіемъ.

Понятно, почему еще въ позднѣйшее время міряне утратили причащеніе подъ двумя видами хлѣба и вина и должны были удовольствоваться причащеніемъ подъ видомъ одного хлѣба. .Нельзя сказать ясна ли была мысль у самыхъ іерарховъ, узаконившихъ это измѣненіе: ибо понятія развиваются въ исторіи часто безъ сознанія самихъ историческихъ дѣятелей: но для безпристрастной критики символическое значеніе этой перемѣны не подлежитъ сомнѣнію. Жизнь церкви въ іерархіи, а народъ (міряне) только плоть ея. Символъ жизненности, кровь, не могъ уже принадлежать ему и долженъ былъ быть предоставленъ только пастырямъ (*экклезіастикамъ*). Едва ли еще кто нибудь обратилъ вниманіе на это важное олицетвореніе мысли: ея не высказывалъ Римъ, но понималъ. Это было доказано потоками крови въ гусситскихъ войнахъ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе медленныхъ измѣненій и постепеннаго развитія, совершенныхъ всѣмъ западнымъ міромъ подъ предводительствомъ Италіи, христіанство приняло въ себя почти всѣ стихіи древняго кушитства, условность въ ея государственной формѣ, заклинательный характеръ дѣла и молитвы и талисманизмъ внѣшняго образа. Таковъ былъ харак-

(*) Dupanloup въ одной проповѣди говорилъ, что молитва: une puissance irresistible et redoutable au ciel même... La prière égale et surpasse quelque fois la puissance de Dieu. Elle triomphe de se volonté de se colére de se justice même. *Пр. изд.*

теръ западной церкви, когда ея глава почувствовалъ зрѣлость всѣхъ ея силъ и когда стихія италійская потребовала и получила первое и правительственное мѣсто между всѣми новыми народами, составляющими романо-германскую область или признавшими ея мысленное державство.

Испанія послѣ завоеванія Арабами.

Другая земля, которой исторія готовила также блестящую, хотя и кратковременную будущность, Испанія, въ то время едва начинала возникать изъ праха. Почти вся подпала она власти ислама, кромѣ нѣкоторыхъ горныхъ отроговъ на сѣверѣ, которыми аравитяне пренебрегли въ первое время своихъ побѣдъ, обративъ силы свои на завоеваніе болѣе привѣтливыхъ долинъ южной Франціи и ея западнаго поморья. Мечъ Карла-Мартелла положилъ предѣлъ ихъ успѣхамъ, хотя и не обезсилилъ ихъ. Пипинъ оттѣснилъ ихъ въ Испанію. Карлъ Великій перекинулъ свое военное владычество за Пиренеи и положилъ начало христіанскаго независимаго государства у подножія западныхъ Пиренеевъ и на берегахъ Средиземнаго моря (*). Въ этихъ войнахъ замѣтенъ особый характеръ отношеній между завоеванными готѳами (или готѳо-романами) и завоевателями сарацынами. Во время продолжительной осады Нарбонны Пипиномъ сильное городовое населеніе оставалось вѣрнымъ аравитянамъ и только тогда отворило ворота осаждающимъ франкамъ, когда они обѣщались сохранить всѣ ихъ вольности (*). Въ Пиренеяхъ часть народонаселенія, и не одни баски, но и потомки готовъ, нападала на войско Карла Великаго, очевидно весьма мало радуясь своему освобожденію. Мелкіе владѣльцы готскаго или франкскаго племени (какъ напр. Эвдо, (*) потомокъ Клодовига) вступали нерѣдко въ дружескіе и даже родственные союзы съ полунезависимыми военачаль-

---

(*) Устройствомъ испанской Марки въ 803—6 годахъ. *Пр. изд.*

(*) Chron. Moissiac. op. Ser. 7. fr., V. 69. Dato sacramento Gothis hui ibi erant, ut si civitatem partibus traderent Pipini regis Francorum, permitterent eos legem suam habere. *Пр изд.*

(*) Онъ отдалъ свою дочь за эмира Мунуцу, успѣвшаго на короткое время сдѣлаться независимымъ въ сѣверной Испаніи. *Пр. изд.*

пиками или правителями аравійскими. Вообще еще ничто не обозначало вражды религіозной или народной. Въ этомъ нельзя не замѣтить благороднаго и кроткаго характера первой эпохи магометанской: непобѣдимая въ битвѣ, безумно распространяющая мечемъ власть мысли, которою была вдохновляема она въ то же время имѣла характеръ человѣчности и правды, котораго не представляетъ предшествовавшая ей эпоха римская, ни современная ей и послѣдовавшая эпоха германская и германо-романская. Этотъ благородный характеръ не удержался и въ магометанскомъ мірѣ: его нѣтъ ни малѣйшаго слѣда въ грубыхъ и кровожадныхъ туркахъ Османовой династіи (хотя онъ преобладалъ еще у турокъ Сельджуковыхъ): онъ исчезалъ мало-по-малу даже у сарацынъ сирійскихъ, вѣроятно отъ прилива иноземнаго, являлся неравными вспышками у могущихъ Фатимидовъ египетскихъ, и почти постоянно былъ помрачаемъ дикими страстями въ африканскомъ исламизмѣ, подвергшемся сильному вліянію туземныхъ народовъ и жестокихъ обычаевъ, которыхъ начало ведется отъ Карѳагена, если не изъ древности еще болѣе глубокой. Аравійскія сказки свидѣтельствуютъ о сравнительно жестокихъ нравахъ Африки тѣмъ, что ее изображаютъ отечествомъ самыхъ злыхъ и человѣконенавистныхъ волшебниковъ, напоминающихъ всѣ мрачныя таинства кушитскаго заклинательства. За всѣмъ тѣмъ у свирѣпыхъ фанатиковъ Аглабитовъ, и подъ рукою Фатимидовъ Сицилія, теперь доведенная до жалкой нищеты просвѣщеннымъ христіанствомъ Неаполя, процвѣтала также какъ и въ эпоху своей эллинской свободы; торговля оживляла ея гавани, теперь опустѣлыя, и христіане, подручники мавровъ, вмѣстѣ съ маврами покрывали садами и искусно обдѣланными пашнями тѣ плодородныя долины, въ которыхъ теперь рыщутъ голодъ, ленивое невѣжество и разбой и въ которыхъ рѣдкое народонаселеніе, доведенное до полускотства, живетъ, кажется, только для того, чтобы напоминать, что тутъ когда-то жили люди. Но нигдѣ тотъ характеръ человѣчности, который принадлежалъ раннему исламу, не выказывался такъ ясно какъ въ Испаніи; особенно съ половины VIII-го вѣка, когда бѣглый Оммаядъ пе-

перенесъ на далекій Западъ блескъ военныхъ доблестей и славы, которыми отличались его предки вмѣстѣ съ ихъ любовью къ справедливости и съ тою восторженою любовью къ наукѣ и художеству, которыми памятны въ исторіи ихъ преемники, роскошные Аббасиды. Христіане подъ державою этихъ человѣколюбивыхъ иновѣрцевъ пользовались въ отношеніи къ суду и обезпеченію лица и собственности одинакими правами съ своими побѣдителями, отчасти даже большими: ибо законъ, понимая всю невыгоду ихъ гражданскаго положенія, ограждалъ ихъ съ особеннымъ тщаніемъ и давалъ имъ покровителей и заступниковъ въ лицѣ судей-графовъ (comites) ихъ же вѣрованія и выбранныхъ изъ ихъ среды. Разумѣется, ничто ихъ не обезпечивало во время смутъ народныхъ, но гдѣ же можно было найти такое обезпеченіе въ средніе вѣка: разумѣется они страдали иногда отъ противузаконныхъ насилій, которыхъ властители аравійскіе не всегда могли или хотѣли наказывать, чтобы не раздражить своихъ единовѣрцевъ и могущихъ вассаловъ; но эти исключенія были рѣдки. Безпристрастно сравнивая положеніе христіанъ подъ рукою Оммаядовъ, но за то свободныхъ отъ гнета феодальнаго, и отъ законнаго и беззаконнаго разбоя, который составлялъ общественную жизнь въ большей части Европы, нельзя не сказать, что ихъ состояніе въ вещественномъ отношеніи было счастливѣе, чѣмъ состояніе ихъ братіи въ такъ называемыхъ христіанскихъ державахъ, за исключеніемъ аристократической или феодальной дружины.

Стоитъ только вспомнить о правахъ баронскихъ (извѣстныхъ подъ именемъ *droits du seigneur*—господскія права), чтобы въ этомъ убѣдиться.

Богатство, процвѣтаніе торговли и разнообразные успѣхи общественные были естественнымъ послѣдствіемъ такого нравственнаго правительственнаго правила и въ то же время явнымъ доказательствомъ правомѣрности въ общественныхъ отношеніяхъ, въ то время совершенно чуждой большей части за-

падшаго міра. Понятно что въ подданныхъ мало было стремленія къ освобожденію, тамъ гдѣ въ повелителяхъ такъ мало было склонности къ угнѣтенію. Христіанскія державы и ихъ грубое устройство не находили союзниковъ въ гото-романскомъ населеніи областей, покоренныхъ аравитянами. За всѣмъ тѣмъ въ душѣ человѣка есть чувство законной гордости, не терпящей ига иноземнаго, а еще болѣе власти, основанной на иномъ религіозномъ убѣжденіи, ибо въ такомъ случаѣ самый корень власти утвержденъ въ почвѣ, отвергаемой внутреннимъ духомъ человѣка, и она при всей правомѣрности своихъ формъ имѣетъ только характеръ вещественной силы. Большинство, наслаждающееся вещественными выгодами, оставалось равнодушнымъ къ этимъ высшимъ побужденіямъ: но люди лучшіе, движимые благородствомъ души, и безпокойные, движимые жаждою къ первенству и къ возможности стать въ ряды высшаго сословія, готовы были къ союзу съ независимыми христіанскими князьями и къ переходу въ ихъ области. Это стремленіе должно было усиливаться со дня на день, ибо чѣмъ болѣе крѣпчалъ міръ христіанскій, быстро возраставшій съ вознесенія Карловинговъ, тѣмъ болѣе росло гордое сознаніе своихъ силъ въ душѣ рабствующихъ готовъ, и чѣмъ тяжеле становилась внѣшняя борьба ислама съ міромъ романо-германскимъ, тѣмъ строже становился онъ съ подданными, въ которыхъ онъ имѣлъ право предполагать тайныхъ враговъ.

На сѣверѣ Испаніи образовались два центра сопротивленія магомеданамъ. Они часто дробились, подраздѣлялись и сливались другъ съ другомъ: но они розшлись своимъ историческимъ началомъ и своимъ внутреннимъ духомъ. Одинъ на западѣ Пиренеевъ былъ чисто туземный. (*) Превосходно защищенный дикою и гористою мѣстностью, онъ служилъ убѣжищемъ мужественнѣйшимъ готамъ съ самаго начала завоеванія. Другой, на востокѣ тѣхъ же горъ, болѣе доступный нападеніямъ враговъ, хотя и весьма удобный къ защитѣ, былъ нѣсколько времени почти весь въ рукахъ мавровъ и основанъ

(*) Королевство астурійское.

не силою туземцевъ, но франкскими дружинами при великомъ возстановителѣ западной имперіи, въ которомъ выразилась (какъ по необходимости она и должна была найти себѣ выраженіе) превосходная энергія германской стихіи надъ стихіями смѣшанными и не имѣвшими еще опредѣленной жизни. Карлъ положилъ начало могущимъ христіанскимъ графствамъ на югѣ отъ Пиренеевъ и на прибрежьи Средиземнаго моря, и эти графства долго еще были въ полной зависимости отъ его преемниковъ, не разъ спасавшихъ ихъ своимъ мечемъ и въ то же время наказывавшихъ ихъ попытки къ отдѣльной самостоятельности. Конечно въ дальнѣйшей исторіи Испаніи и въ окончательной борьбѣ съ маврами первое мѣсто принадлежитъ центру туземному; но нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что его слабое младенчество было не разъ спасаемо болѣе могущимъ центромъ восточнымъ, опиравшемся на франкскую державу и отвлекавшемъ силы аравитянъ отъ дружнаго удара на Астурію и Леонъ. Различіе внутреннее состояло въ томъ, что Астурія и Леонъ не имѣли вовсе или только въ незначительной степени феодальный характеръ (котораго безъ сомнѣнія они не могли избѣгнуть впослѣдствіи, но который никогда въ нихъ не получалъ значительнаго развитія). Центръ восточный съ самаго начала получилъ если не полный характеръ феодализма, который только еще начиналъ возникать при Карлѣ и его ближайшихъ преемникахъ, то по крайней мѣрѣ его сильные и скоро развившіеся зародыши. Дружина высшая была пришлая, хотя разумѣется значительно пополняема стихіею туземною и долго сохраняла печать своего происхожденія. Сверхъ того, графы барцелонскіе и короли арагонскіе (*), имѣя значительныя владѣнія на сѣверъ отъ Пиренеевъ и по берегамъ Лангедока и Прованса и находясь въ ленной зависимости то отъ короля французскаго, то отъ сильныхъ феодальныхъ владѣтелей южной Франціи, а иногда даже и отъ имперіи германской, принимали свои обычаи и по-

(*) Въ 1076 году значительная часть Наварры присоединена была къ Аррагоніи. *Прим. изд.*

нятія изъ области франко-германской и безпрестанно приглашали къ себѣ на службу иноземцевъ-союзниковъ или своихъ загорныхъ вассаловъ. Такимъ образомъ аристократическая дружина имѣла всегда значеніе силы нѣсколько чуждой самой землѣ: между тѣмъ король, хотя по крови членъ той же дружины, вполнѣ признаваемъ былъ сыномъ испанской земли и отъ того происходило въ Каталоніи то странное явленіе, что самъ государь не пользовался нѣкоторыми привиллегіями своихъ подданныхъ, напр. платилъ въ городахъ пошлины, отъ которыхъ было избавлено дворянство, и что съ другой стороны въ Аррагоніи народъ имѣлъ представителей и судей, которыхъ санъ былъ выше всѣхъ аристократическихъ сановниковъ и которымъ, въ иныхъ случаяхъ, подсуденъ былъ самъ король (напр. въ спорахъ съ дворянствомъ), хотя они не принадлежали по крови къ высшей аристократіи. Эти учрежденія исчезли современемъ, но онѣ ясно показываютъ различіе между полу-франкскою областью и чисто-испанскою, гдѣ всякій житель считался дворяниномъ.

Вообще значеніе короля въ Каталоніи и особенно Аррагоніи было гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ Кастиліи. Алонзо IV отвѣчалъ женѣ своей кастиліянкѣ, которая ему совѣтовала наказать непокорныхъ подданныхъ: «королева, нашъ народъ свободенъ и не привыченъ къ кастильскому самодержавію». Конечно Кастилія не во всемъ сходствовала съ Астуріями; но начала были тѣже, и отношенія власти къ народу и сословій между собою были гораздо менѣе сложны, чѣмъ въ восточныхъ королевствахъ. Это самое и помогло болѣе сосредоточенной силѣ Кастиліи занять высшее мѣсто въ испанской исторіи и по преимуществу въ изгнаніи властительныхъ мавровъ.

Не смотря на различіе стихій первоначальныхъ, всѣ народы западной Европы представляютъ замѣчательное сходство въ своемъ развитіи. Причина этого сходства уже объяснена въ очеркѣ англо-саксонской эпохи. Она заключалась въ превосходствѣ умственномъ и вещественномъ собственно германо-

романскаго центра, которое увлекало слабѣйшихъ къ невольному подражанію: но съ другой стороны разница основныхъ стихій имѣла сильное вліяніе на судьбу отдѣльныхъ народовъ и опредѣляла характеръ ихъ исторической дѣятельности. Такъ напр. выступая изъ предѣловъ Астуріи и Леона западный центръ Новой Испаніи получалъ характеръ отчасти феодальный, чуждый его колыбели и тѣмъ болѣе подчинялся ему, чѣмъ сильнѣе разрастался объемомъ и силою: дальнѣйшія же судьбы Испаніи были снова во многомъ обусловлены прежнею готскою эпохою.

Тоже самое было и въ Англіи.

Трудно было предвидѣть мрачную и свирѣпо-католическую Испанію въ то время, когда, не смотря на безпрерывную и упрямую борьбу съ маврами за-пиринейскіе христіане всегда готовы были вступать съ ними въ общеніе и союзы не политическіе только, но душевные, когда умирающіе цари поручали своихъ дѣтей дружбѣ сарацыновъ или принимали подъ свою опеку дѣтей властителей маврскихъ, когда владыки Леона или Аррагона звали мавровъ на помощь другъ противъ друга или принимали участіе во внутреннихъ распряхъ магометанскаго міра почти не изъ выгодъ а изъ дружбы и сердечной привязанности, когда мавры были вассалами христіанъ и христіане вассалами мавровъ, когда наконецъ лучшій и самый народный герой исторіи и поэзіи народной, гроза магометанъ, слава христіанской Испаніи, которой предѣлы онъ распространилъ побѣднымъ мечемъ, Донъ Родриго Вивар-скій самъ искалъ убѣжища и дружбы у иновѣрныхъ враговъ и съ ними вмѣстѣ ратовалъ противъ единовѣрцевъ: но заглохнувшіе зародыши должны были со временемъ снова ожить и получить полное развитіе. Въ ту эпоху трудно было обозначить или распознать границы между областью христіанскою и магометанскою; но онѣ не могли сростись и сжиться вмѣстѣ: онѣ не могли разрѣшить свою распрю, какъ древнія религіи кушитскія или мѣшанной системы, въ безцвѣтномъ и

безхарактернымъ синкретизмѣ. Обѣ были слишкомъ опредѣленны и слишкомъ многотребовательны для такого примиренія. Не смотря на дружбу и взаимное движеніе своихъ историческихъ представителей, онѣ должны были биться и бились на смерть. Исламъ долженъ былъ погибнуть въ Испаніи вслѣдствіе своей внутренней слабости и удаленія отъ своей восточной родины, изъ которой только и могъ бы онъ получать приливъ новыхъ силъ всегда готовый и близкій его противникамъ. Не безславна была борьба для ислама. Безпристрастная исторія безспорно признаетъ въ его послѣдователяхъ высшія доблести и болѣе человѣческія начала чѣмъ во врагахъ, которымъ опредѣлена была окончательная побѣда, и никогда человѣкъ не вспомнитъ равнодушно о милостивыхъ правителяхъ Гранады и Андалузіи, о политическихъ строителяхъ Альгамбры и о просвѣтителяхъ западной Европы.

Геніальной Гербертъ (Сильвестръ) былъ отчасти имъ обязанъ превосходствомъ своимъ надъ современниками.

Кастиліи было предназначено первенство въ исторіи Испаніи. Это первенство было слѣдствіемъ большей цѣльности ея внутренняго состава. Вольнолюбивый Аррагонъ и торговая Каталонія, основанныя на началахъ отчасти иноземныхъ (особенно въ отношеніи къ первенствующему сословію) получили болѣе искусственное построеніе и большую юридическую опредѣленность въ государственныхъ положеніяхъ, но за то имѣли гораздо менѣе въ себѣ того жизненнаго духа, которымъ сильны народы

Примѣръ Англіи, по видимому противурѣчащій этому общему закону, объясняется тѣмъ что духовная жизнь народа была уже сильно развита прежде иноплеменнаго наплыва.

Отъ того-то вся поэзія, всѣ явленія мысли и чувства, принадлежащія собственно испанскому характеру, возникли на почвѣ кастильской, свидѣтельствуя о высшемъ настроеніи и

меньшей условности того быта, который далъ имъ начало. Что бы ни значила Испанія для міра, значеніе свое получила она отъ центра западнаго, а не восточнаго, котораго вліяніе сравнительно ничтожно.

Готская или римско-готская стихія, втиснутая Маврами въ горныя тѣснины Астуріи и Леона, выступила снова изъ нихъ окрѣпнувшая и освѣженная благородною борьбою, ничѣмъ не искаженная и достойная свободы. Едва начали ослабѣвать ея побѣдители, мало-по-малу подрываемые внутренними смутами и ослабляемые развратомъ роскоши (хотя должно признаться, что художественный духъ аравитянъ сильнѣе противустоялъ ея гибельному вліянію, чѣмъ грубая организація большей части другихъ народовъ) потомки побѣжденныхъ готовъ спустились съ горныхъ хребтовъ на завоеваніе утраченнаго отечества. Часто побѣждаемые числепнымъ превосходствомъ непріятеля, отгоняемые назадъ къ горнымъ своимъ твердынямъ, которыя не всегда спасали ихъ отъ пораженій, не разъ доведенные до края гибели великими полководцами маврскими (каковъ былъ напр. Альманзоръ) они снова начинали упорную борьбу и желѣзнымъ терпѣніемъ утомляя своихъ противниковъ подвигались все далѣе на югъ. Они вели войну наступательную; мавры оборонялись: они чувствовали за собою все болѣе и болѣе усиливающійся міръ христіанскій; мавры принадлежали къ міру, уже кончившему свое быстрое развитіе и клонящемуся мало-по-малу къ упадку; они каждый шагъ впередъ считали дорогимъ пріобрѣтеніемъ и укрѣпляли его за собою на вѣкъ: мавры не дорожили скудною землею, которую отбивали иногда у своихъ противниковъ и смотрѣли на нее не какъ на осѣдлость но какъ на пограничный военный постъ, только и нужный для защиты другихъ лучшихъ областей; наконецъ они въ областяхъ подчиненныхъ непріятелю часто находили помощниковъ въ своихъ порабощенныхъ братіяхъ; мавры у нихъ находили только непримиримыхъ враговъ. Всѣ выгоды, кромѣ многочисленности, были на ихъ сторонѣ, а многочисленность не рѣшаетъ никогда горной войны, которой успѣхъ не можетъ зависѣть отъ одного счастливаго

удара; безпрестанный же приливъ союзниковъ или изъ-за Пиренеевъ или изъ областей еще непокорныхъ маврамъ мало-помалу уравнивалъ даже числительную силу противниковъ. Магометане лишились многихъ областей своихъ въ сѣверной Испаніи, и на востокѣ Аррагонъ, спасенный успѣхами астурійскаго центра, а на западъ Португалія, созданная его примѣромъ, составили вмѣстѣ съ Кастиліею цѣлую цѣпь христіанскихъ владѣній, которая должна была со временемъ сдавить пришлую азіятскую стихію. Этотъ неизбѣжный успѣхъ былъ отсроченъ на нѣсколько вѣковъ безпрерывными раздорами самихъ христіанъ.

Общинное устройство не существовало уже при готахъ, ибо его главныя постановленія были отмѣнены въ скоромъ времени послѣ ихъ вступленія въ Испанію:. понятіе объ отечествѣ имъ было также весьма мало извѣстно. Военачальникъ—король, дружина—высшія сословія, кое-какія городовыя учрежденія, остатокъ римскаго времени, и все—подъ опекою жрецовъ—духовенства, сильнаго властію правительственною, огромнымъ богатствомъ и правомъ на военачальство, и составившаго родъ теократической республики, въ которой, какъ уже сказано, римскія государственныя понятія совершенно подавили древнее понятіе о всемірной церкви: такова была Испанія до мавровъ. Такова была она и въ послѣдствіи, ибо она сохранялась неизмѣнною въ западномъ центрѣ своемъ: перемѣна была только въ томъ, что видимая сила духовенства упала на время передъ преобладаніемъ требованій военныхъ, и никогда уже, даже въ послѣдствіи, не получала той независимости отъ остальнаго христіанскаго міра, которая была ею присвоена въ готскую эпоху. Удаленіе въ горныя области, бѣдность и необходимость поголовнаго ополченія изгладили такое различіе сословій. Весь непокоренный сѣверъ получилъ значеніе народа дворянскаго, котораго члены были равны между собою: но завоевательное движеніе на югъ снова измѣнило эти отношенія и дало начало новой феодальности, которой учрежденія и сочлененія были уже болѣе или менѣе невольнымъ подражаніемъ современнымъ учре-

жденіямъ другихъ романо-германскихъ областей, особенно-же Франціи.

Такое невольное подражаніе замѣтно даже у самыхъ мавровъ, особенно у пограничныхъ, которые въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ очевидно принимали многія начала совершенно европейскія.

Но расширеніе области независимой было еще болѣе освобожденіемъ; чѣмъ завоеваніемъ. Туземцы, покоряясь своимъ освободителямъ и вступая съ ними въ отношенія вассальства, сохраняли память о кровномъ единствѣ, а освобождающая дружина, осѣдая и укрѣпляясь въ своихъ феодальныхъ замкахъ, чувствовала себя только высшимъ сословіемъ въ народѣ единокровномъ и единовѣрномъ. Какая-то патріархальная феодальность безъ презрѣнія и угнѣтенія съ одной стороны, безъ вражды и злобы съ другой, таково было новое построеніе Испаніи. Къ общимъ феодальнымъ учрежденіямъ примѣшивались въ значительной степени нѣчто похожее на аллодіальность, или на русскія помѣстныя положенія, ибо большая часть ново-пріобрѣтаемыхъ областей поступала въ полное распоряженіе королей и они, дробя ихъ, предавали по волѣ на временное, пожизненное, или наслѣдственное пользованіе своимъ сподвижникамъ. Такова была причина почти самодержавной королевской власти въ кастильскомъ королевствѣ, ибо въ Аррагонѣ она была ограничена закономъ, (*) по которому государственныя помѣстья могли быть переданы только высшимъ дружинникамъ (поблесъ, Рикосъ Гомбресъ). Очевидно Испанія должна была быть свободною отъ тѣхъ безнравственныхъ и отвратительныхъ явленій, которыми начало завоеванія наполнило всю западную Европу, и отличаться передъ нею большимъ благородствомъ народнаго характера, Такъ и было.

(*) Изданнымъ въ 1265 году на сеймѣ въ Эксеѣ. Этотъ законъ подтвердилъ только то,-что существовало и прежде какъ обычай. *Пр. изд.*

Та же самая причина устраняла и возможность революцій, хотя нисколько не полагала препонъ смутамъ и междоусобіямъ.

Тѣ же причины дали возможность языку народному получить быстрое развитіе и обогатили его превосходными произведеніями поэзіи, которыхъ не имѣли менѣе цѣльные Арагонъ и Каталонія. Вообще восточной центръ съ его искусственнымъ государственнымъ строеніемъ, съ дѣловымъ и торговымъ развитіемъ его жизни, представляетъ характеръ совершенно отличный отъ того восторженнаго настроенія Кастиліи, которое ей дало и первенство между новыми королевствами и возможность съ особеннымъ успѣхомъ бороться противъ мавровъ.

Невозможно не замѣтить сильнаго вліянія Аравіи на возставшихъ христіанъ и участія ея въ облагороженіи мыслей и нравовъ племени гото-романскаго; но это вліяніе многими историками цѣнится слишкомъ высоко, между тѣмъ какъ они оставляютъ безъ вниманія нравственное дѣйствіе франкскихъ областей на общественное построеніе Кастиліи.

Съ другой стороны постоянная борьба, напрягая силы духовныя и вещественныя Кастиліи, ожесточала ея нравы и полагала начало той свирѣпости и кровожадности, которыя пятнятъ Испанію до нашего времени; впрочемъ это нравственное зло было гораздо менѣе явно въ первыя столѣтія, когда благородная кротость Омміадовъ умягчала обычаи магометанъ и самую войну, чѣмъ въ послѣдствіи, когда стихія африканская усилилась въ южной Испаніи и принесла съ собою жестокость и дикость, всегда отличавшую африканскія племена.

Городовое устройство въ Аррагонѣ и Каталоніи получило развитіе богатое и самостоятельное, уравновѣшивая силу феодальности и представляя въ себѣ стихію туземную, между тѣмъ какъ высшее сословіе было составлено по большей части изъ наплыва иноземнаго. Самое начало власти королевской

связано было, какъ уже сказано, тѣснѣе съ сословіями нижними чѣмъ съ феодальною аристократіею и слѣдовательно эта власть должна была покровительствовать тѣмъ стихіямъ, на которыхъ была основана. Вольности городовъ были въ позднѣйшее время торжественно утверждены закономъ: за ними признано было право составлять между собою союзы для огражденія себя отъ несправедливыхъ притязаній власти верховной или силы феодальной, но нѣтъ сомнѣнія, что законъ этотъ не вносилъ новыхъ правъ, а только утвердилъ или опредѣлилъ право обычное. Правда, что то же самое право было признано и за высшимъ дворянствомъ, но какъ право городовое оно составляло отличительную черту Аррагона, между тѣмъ какъ союзы феодальныхъ дружинниковъ были не рѣдкостью во всемъ западѣ.

Довольно замѣчательно, что право конфедераціи было допущено закономъ только въ двухъ странахъ, раздѣленныхъ всѣмъ пространствомъ Европы, въ Аррагонѣ (*) и Польшѣ. Точно также нельзя не замѣтить, что названіе втораго дворянскаго чина, стоявшаго далеко ниже перваго, инфанцоновъ, котораго не можетъ удовлетворительно объяснить современная критика, находитъ кажется довольно легкое объясненіе въ названіи дѣтей боярскихъ и отроковъ, общемъ всему славянскому Сѣверу. Оно совершенно соотвѣтствуетъ слову инфанцонъ и обозначаетъ едва ли не тотъ же чинъ въ дворянской дружинѣ.

Кастилія не представляла ничего подобнаго этому устроенію восточно-испанской области. Вообще въ ней организація массъ или сословій не имѣла ничего опредѣленнаго. Общины, какъ уже сказано, уже не существовали въ готскую эпоху; идея государства была слаба и не имѣла никакого вліянія на жизнь народную: связь людей между собою была основана единственно на общности вѣры и крови. Изъ горъ Астуріи и Леона выступила дружина готовъ-христіанъ, чтобы сокру-

(*) Оно было облечено въ форму закона Альфонсомъ III въ 1287 году. (*Пр. изд.*)

шить владычество магометанъ-мавровъ и этотъ характеръ чисто-дружинный остался за кастильскимъ королевствомъ навсегда: но такъ какъ сама дружина была не сплавомъ случайнымъ, а вооруженнымъ проявленіемъ племеннаго и религіознаго единства, самая дружинность кастильская сохранила навсегда печать гордой исключительности и религіозной поэзіи. Лица покорялись общему устройству дружиннаго государства, но покорялись не вслѣдствіе организма, въ которомъ они были такъ сказать прирожденными членами, а по свободной личной волѣ. Потому и не было связи между ними, а каждое лице, въ какомъ бы чинѣ оно не находилось по временной случайности, считало себя въ прямой связи съ главою дружины—королемъ. Эта личная независимость возвышала все ихъ нравственное существо, придавая имъ блестящее мужество, непоколебимую твердость и какую-то поэтическую восторженность: но таже самая независимость устраняла возможность строгой государственности и истинно-человѣческой общительности. Свободная воля дѣлала гидальго членомъ кастильскаго общества: свободная воля могла его вывести изъ общества, не дѣлая его преступникомъ и не лишая правъ на возвратъ. Это понятіе ясно высказывается въ правѣ *денатурализаціи*, которое было признано безспорнымъ до весьма поздняго времени и которое представляетъ черту, свойственную одной Испаніи: этому соотвѣтствуетъ и почтеніе къ ремеслу разбойниковъ. Постоянная борьба возвышая въ кастильцѣ крѣпость духа, въ то же время склоняла его къ звѣрской жестокости, которая позднѣе была причиною страшныхъ бѣдствій во многихъ областяхъ западной Европы и облила потоками крови новый свѣтъ, открытый высокимъ вдохновеніемъ безсмертнаго генуезца, а личная и безсвязная свобода развивала хвастливую гордость, которая придала благородному характеру кастильца смѣшныя черты капитана Матамороса. Вѣчная война съ маврами была войною не народовъ только, но и религій: испанецъ привыкъ себя считать оружеоосцемъ христіанства и всю жизнь свою бранным подвигомъ за Бога. Когда пали мавры, когда военное дѣло было совершено, под-

вигъ борьбы перенесъ онъ на уничтоженіе невѣрія въ нѣдрахъ самого христіанства и возобновилъ, но съ большею еще жестокостью, инквизиціонное направленіе готскаго законодательства, а завоевательное стремленіе многихъ вѣковъ облекъ въ образъ безоружной и въ то же время завоевательной дружины — іезуитовъ, которыхъ не могла создать никакая другая земля кромѣ Испаніи. Такова причина, почему церковное государство папскаго міра нашло въ ней свою сильнѣйшую и неизмѣнчивѣйшую опору. Король былъ начальникомъ дворянской дружины, высшимъ по званію, равнымъ по происхожденію съ своими ратными товарищами.

Это видно изъ присяжной формы: мы, которые каждый порознь равны тебѣ, а всѣ вмѣстѣ болѣе тебя, и проч.

Казалось бы, что при такомъ понятіи значеніе короля должно стоять на довольно низкой степени: но на дѣлѣ оно было весьма высоко и это противорѣчіе объясняется взглядомъ коренпаго испанца на себя и на всю свою общественную жизнь. Были писатели, которые видѣли въ глубокомъ почтеніи кастильцевъ къ королямъ какой-то отзвукъ аравійскаго благоговѣнія передъ шейхомъ-патріархомъ племени своего. Здравая критика должна отвергнуть такое объясненіе, не смотря на многіе очевидные слѣды маврскаго вліянія на настроеніе испанской мысли. Ему слишкомъ ясно противорѣчатъ всѣ остальныя отношенія общественныя и явная условность королевской власти. Отношенія кастильца къ королю были основаны на совершенно иномъ началѣ. Весь народъ (и по преимуществу высшее сословіе послѣ расширенія западнаго центра) былъ ополченіемъ христіанства противъ ислама: по этому все построеніе дружины, также и жизнь каждаго дружинника почти во всѣхъ ея отношеніяхъ къ другимъ, была окружена какою-то религіозною торжественностью. Король, Богомъ возвышенный въ званіе начальника богохранительной дружины, являлся лицемъ освященнымъ особенною благодатью, какіе бы ни были его личные пороки. Это воззрѣніе, болѣе

или менѣе сознательное, дало тотъ особенно торжественный и религіозный характеръ королевскому сану, который принадлежитъ всей испанской исторіи и который выражается во всѣхъ высшихъ произведеніяхъ испанской поэзіи, особенно въ драмахъ, служа часто основаніемъ завязки, почти непонятной для читателя иноземнаго.

Всякій, кто только изучалъ сколько нибудь эту богатую и своеобразную словесность, не могъ не быть пораженъ ея особенностями; но критика не вполнѣ, кажется, разгадала ихъ историческую основу. Черты, безспорно преобладающія въ ней,—это религіозное настроеніе, весьма невысокое, но страстное, торжественность напыщенная, слѣдствіе гордаго понятія о призваніи всего испанскаго народа; убѣжденіе въ полнотѣ правъ личной свободы, которая въ Лопе де Вега и другихъ представляетъ разбой дѣломъ вольнаго мужества; и въ то же время какое-то фанатическое благоговѣніе передъ словомъ-«король,» нисколько необязующее къ повиновенію. Въ этомъ замѣтна рѣзкая противоположность съ чувствомъ англо-сакса. Тамъ повиновеніе безусловное королю, во сколько онъ представитель закона, съ полнымъ правомъ на шутку, пасмѣшку и личное пренебреженіе. Въ Испаніи полное право на непокорность и обязанность благоговѣнія. Очевидно, для англо-сакса цѣль общества внутри самого общества, для испанца внѣ его: ее бы можно назвать дружиннымъ служеніемъ Богу; и такова причина, почему король-дружинопачальникъ окруженъ какою-то особенною святостью. Но весь этотъ характеръ принадлежитъ болѣе цѣльной Кастиліи, а не разносоставному и искусственно построенному Аррагону.

Понятіе о народѣ, какъ объ избранной дружинѣ, отстаивающей величіе Бога противъ ложныхъ боговъ, давало каждому члену этого народа несомнѣнную вѣру въ его превосходство надъ другими народами, и развивало тѣ зародыши гордости, которые уже лежали въ понятіи о неограниченности личной свободы. Такова главная причина того отталкивающаго высокомѣрія, которое вооружило противъ Испаніи столькихъ и столь ожесточенныхъ враговъ. Ей могли бы простить

ея блестящія торжества, ея временное величіе, которое послѣ Карла V поставило ее на первомъ мѣстѣ между всѣми государствами запада; ей не прощали и не могли простить ея нестерпимой гордости, оскорбительной для всѣхъ людей и для всѣхъ народовъ и, разумѣется, связанной съ чувствомъ явнаго недружелюбія ко всѣмъ.

Эта глубокая ненависть выражается во всѣхъ происшествіяхъ борьбы Англіи и Голландіи съ Испаніею, но болѣе всего въ страшной исторіи буканировъ. Нѣмецъ, англичанинъ, французъ и люди всѣхъ западно-европейскихъ племенъ сливаются въ одно общество морскихъ грабителей: этому легко найти объясненіе. Они нападаютъ по преимуществу на корабли и владѣнія Испаніи: это опять объясняется легко монополіею золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ; но стоитъ только прочесть кровавыя біографіи Монбаровъ, Моргановъ, Лорановъ и другихъ, чтобы почувствовать, какъ пробивается вездѣ, кромѣ алчности къ золоту и безгранично разыгравшейся кровожадности, струя болѣе глубокаго и можно сказать болѣе человѣческаго чувства, желаніе унизить гордость испанца, и не только ограбить и убить «дона», но затоптать въ грязь и его и все его оскорбительное тщеславіе. Дѣтское чувство имѣетъ въ себѣ много простодушнаго ясновидѣнія. Сколько разъ, читая про буканировъ, въ своихъ ребяческихъ мечтахъ желалъ я, почти съ надеждою, что желаніе это сбудется, чтобы явились откуда нибудь неумолимые мстители стереть съ лица земли этихъ отвратительныхъ кровопійцъ, но никогда не пожелалъ я побѣды испанцамъ!

Я былъ какъ будто лично оскорбленъ никогда невиданными донами и ненавидѣлъ ихъ за ихъ напыщенную гордость столько же, сколько за жестокость, въ которой они были достойными учителями самихъ буканировъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это чувство въ ребенкѣ, принадлежащемъ народу, никогда не приходившему въ столкновеніе съ Испаніею, было невольнымъ отголоскомъ чувства общаго въ XVI вѣкѣ и безсознательно переданнаго его писателями читающему потомству. Комическое лице испанскаго капитана-хвастуна было также литературнымъ мщеніемъ за тотъ же

народный порокъ въ его смѣшной формѣ гордости хвастливой, но, какъ уже прежде сказано, самый затѣйливый умъ не могъ бы выдумать черты, рѣзче выражающей эту хвастливость, чѣмъ народная поэзія въ созданіи своего витязя Бернарда дп Карпіо, или лучше сказать въ его мнимой побѣдѣ надъ Роландомъ. Въ этой пошлой выдумкѣ выразилось все завистливое тщеславіе испанца.

Критика не можетъ сомнѣваться ни въ древности и великомъ значеніи Роланда, олицетворенной дружины первой франкской эпохи, ни въ томъ, что мнимая побѣда Бернарда есть простой и поздній пришивокъ къ сказанію, можетъ быть и древнему, о какомъ-то народномъ, но весьма не первостатейномъ витязѣ. Тотъ только можетъ этого не видать, кто совершенно лишенъ всякаго художественнаго чувства и не способенъ цѣнить и понимать типы, созидаемые народною фантазіею. Испанцы не могли стерпѣть славы Роланда, когда узнали объ ней, и выдумали его встрѣчу съ Бернардомъ, чтобы похвастаться побѣдою. Сама встрѣча носитъ на себѣ печать совершенной случайности и самыя пѣсни, въ которыхъ она разсказана, не имѣютъ нисколько эпическаго характера. Эта педантская и прозаическая хвастливость народныхъ стихотворцевъ напоминаетъ отчасти то чувство, которымъ созидались въ среднихъ вѣкахъ лица Франковъ, Брутовъ и другихъ, которымъ пропитаны первые польскіе историки, и котораго не чужды современные намъ нѣмецкіе ученые съ ихъ историческимъ патріотизмомъ и храбростью заднимъ числомъ.

Не безъ историческихъ послѣдствій былъ этотъ народный порокъ и нѣтъ сомнѣнія, что, возбудивъ душевную вражду другихъ народовъ, ожесточенныхъ неразумною и слишкомъ явною гордостью Испаніи, онъ ускорилъ ея паденіе съ той временной высоты, которая была ей дана воинственною энергіею и счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Еще сильнѣйшая причина того сравнительнаго ничтожества, въ которое впалъ за-пиренейскій полуостровъ, заключалась въ его духовномъ развитіи. Ни въ одной изъ областей древняго римскаго міра не преобладалъ въ такой степени умственный характеръ Рима. Италія, какъ уже замѣчено, была

менѣе подчинена этому характеру, чѣмъ страны ею завоеванныя; въ ней онъ былъ отчасти подавленъ высшимъ просвѣщеніемъ, запятымъ отъ Эллады; въ земляхъ побѣжденныхъ дикарей онъ выступалъ свободно, ибо составлялъ весь итогъ жалкаго полицейскаго просвѣщенія, принесеннаго римскими легіонами. Въ Галліи онъ былъ отчасти сглаженъ энергіею дикаго франкскаго паплыва, въ Британіи ему противудѣйствовала полу-свободная стихія туземная, а потомъ самостоятельность саксонскаго духа. Въ Испаніи онъ былъ принятъ почти въ полнотѣ своей вестъ-готами, племенемъ уже полупросвѣщеннымъ прежде своего перехода за Пиренеи, но просвѣщеннымъ римскою мыслію во время своего скитанія по Италіи и Галліи передъ мстительной грозою восточнаго славянства. Сравнительная кротость вестъ-готскихъ правовъ и легкое сближеніе между побѣдителями и побѣжденными (послѣ уничтоженія аріанства) дали духовенству такой перевѣсъ, какого-оно не имѣло нигдѣ.

Это быстрое смѣшеніе стихій, туземной и пришлой, дало также возможность раннего развитія языку и поэзіи народной.

Но перевѣсъ духовенства былъ выраженіемъ перевѣса прежней римской жизни, особенно въ ея религіозномъ направленіи Темная, не озаренная ни разумомъ науки, ни разумнымъ пониманіемъ вѣры, она внесла, какъ мы сказали, въ религію идею государственной принудительности въ отношеніи общественномъ (начало инквизиціи) и идею силъ заклинательныхъ и кушитскаго раздвоенія въ отношеніи къ личному вѣрованію. Почти ни одна свѣтлая и христіанская мысль не проникала въ эту полуязыческую тьму, смѣсь юридическихъ понятій римскихъ и грубаго суевѣрія. Аравійское вліяніе, не смотря на свое просвѣтительное начало, усилило прежде зародившееся зло, прибавивъ къ нему раціоналистическія формы, которыя исламизмъ получалъ отъ односторонности Аристотелевой школы.

Одна только эта школа и была понята западомъ, также какъ и Аравитянами, вслѣдствіе ея дѣйствительно бо́льшей строгости и безцвѣтной разсудочности.

Такимъ образомъ всѣ эти стихіи слились въ одну чисто-заклинательную систему вѣры, принадлежащую къ іудейскому преданію по предмету поклоненія, но въ то же время вполнѣ принадлежащую древнему кушитству по духу поклоненія. Таково было испанское христіанство. Въ глазахъ народа (и это воззрѣніе было передано всей западной Европѣ посредствомъ поэтическихъ сказаній и легендъ) маврскій міръ былъ міромъ черной магіи и губительнаго волшебства. Противъ него стоялъ міръ свѣтлыхъ духовъ и благодѣтельнаго волшебства — молитвы — въ области гото-романской. Заклинаніе въ разныхъ направленіяхъ составляло весь итогъ вѣрованія испанскаго.

Прежде аравійскаго завоеванія разгулявшееся своеволіе всевластнаго духовенства готово было создать церковную республику, совершенно отдѣльную отъ остальнаго христіанскаго міра, рѣшающую безусловно догматическіе вопросы и почти утратившую понятіе о церковномъ единствѣ первыхъ вѣковъ (это выразилось измѣненіемъ символа). Послѣ завоеванія временное ничтожество племени, съ трудомъ отстаивавшаго свои горныя твердыни, постоянною войною и отчасти иноземною помощію, уничтожило эту начинавшую отдѣльность. Испанія вошла въ общій составъ западнаго христіанства подъ духовною державою римскаго престола. Были еще попытки на нѣкоторую самостоятельность, но онѣ должны были исчезнуть безъ слѣда по слабости земли, въ которой являлись и по силѣ логическаго начала римскаго, уже допущеннаго всѣми. Испанія подчинилась Риму вполнѣ и идея папства завершила зданіе ея религіи; но идея папства, общая всему западу, имѣла различный смыслъ въ различныхъ областяхъ его. Для болѣе духовной Германіи, Англіи и можетъ быть для лучшихъ мыслителей Франціи, папство представляло высокую мысль духовнаго единства всего христіанскаго міра; вообще для Франціи оно представляло скудное и сухое понятіе объ

административномъ единствѣ въ церкви; для Италіи оно представляло символъ ея собственнаго величія и всемірнаго державства: для Испаніи оно представляло завершеніе всего заклинательнаго міра. Папа былъ, такъ сказать, верховный заклинатель, вѣчнанный борецъ противъ духовъ злобы и невидимой вражды, хранитель всѣхъ таинственныхъ благодѣяній, испрашиваемыхъ для міра черезъ ангеловъ свѣта.

Разумѣется, эти различія никогда и нигдѣ не бывали высказываемы съ тою отчетливою ясностію, которая могла бы удовлетворить требованіямъ критики, понимающей исторію только въ положительныхъ документахъ, годныхъ къ представленію въ присутственныя мѣста; но они понятны для чувства исгинно-человѣческаго или художественнаго. Они выражаются не въ отдѣльныхъ чертахъ, а въ общей—физіономіи. Вся поэзія Испаніи, во сколько она относится къ міру духовному, выражаетъ ея понятіе; но оно высказывается, можетъ быть, еще яснѣе въ ея живописи и особенно въ тѣхъ великихъ художникахъ, которые отличаются полнѣйшею самобытностью. Монашество испанское и шиванскій іогизмъ совершенно тождественны, не смотря на разницу въ проявленіяхъ: они не представляютъ никакого сходства съ отшельничествомъ востока, за исключеніемъ нѣкоторыхъ явленій египетской или палестинской пустыни, еще отзывающихся особенностями древней жизни этихъ странъ. Даже въ дѣятельной формѣ дружиннаго монашества этотъ іогизмъ испанскій сказался словами: «sit ut cadaveer.»

Таковы были духовныя начала, внесенныя Испаніею въ мысленную жизнь Европы: они принесли гибельные плоды для всего запада (особенно въ Тридентинскомъ соборѣ); они сгубили самую Испанію и до сихъ поръ уничтожаютъ въ ней возможность дальнѣйшаго развитія и здоровую цѣльность души, отнимая разумность и благородство у вѣры, кротость у силы и внутреннюю связность у общества. Но въ то время, когда еще шла кровавая борьба за независимость и жизнь, когда

напряженныя силы были направлены къ цѣли внѣшней, внутренняя ложь духовнаго начала еще не выражалась вполнѣ и не выказывала своихъ вредныхъ послѣдствій, и темная старость Испаніи оглядывается съ утѣшеніемъ и отчасти справедливою гордостью на ея поэтическое дѣтство.

На дальнемъ сѣверѣ, въ дикой Скандинавіи возникало другое царство, которому не предназначено было ни столько славы, ни столь великаго вліянія на судьбу другихъ народовъ, но которое въ позднѣйшее время нанесло сильный ударъ Испаніи и ея союзникамъ и рядомъ блистательныхъ побѣдъ въ XVI и XVII столѣтіи стяжало великое имя мужествомъ и искусствомъ воинскимъ. Грозно было для всей Европы младенчество Швеціи, но исторія этого младенчества требуетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Сѣверъ Европы: Швеція. Ея племенныя стихіи и имена.

Критика историческая до сихъ поръ не поняла доисторическую эпоху Скандинавіи, разсматривая ее какъ самостоятельное и одностихійное цѣлое и отдѣляя ея изученіе отъ изученія другихъ обширнѣйшихъ странъ, съ которыми она находилась въ неразрывной коренной связи. Сравненіе многочисленныхъ данныхъ и многоразличныхъ источниковъ должно въ наше время разсѣять этотъ мракъ, котораго существованіе происходило отъ незнанія и поддержано было слѣпымъ и систематическимъ самолюбіемъ.

Филологическія изслѣдованія показываютъ, что прапское населеніе сѣверной и средней Европы состояло изъ трехъ вѣтвей общаго прапскаго корня, кельтской, германской и славянской, изъ которыхъ первая всѣхъ отдаленнѣе, послѣдняя всѣхъ ближе къ восточно-прапцамъ, индусамъ, а вторая представляетъ явное сродство съ средне-прапцами, индо-персами. Движеніе этихъ трехъ вѣтвей Прана въ Европу было не одновременно и шло разными путями. Первые начали переселеніе свое славяне и продолжали выселяться изъ своей прибактрійской колыбели до IV-го вѣка послѣ Р. Х., когда послѣднія ихъ семьи, гуппы и сѣверяне, были выдвинуты изъ-за Каспія нажимомъ средне-азійскихъ племенъ; за ними двинулись че-

резъ Кавказъ кельты, прорываясь сквозь рѣдкія населенія славянскія вендовъ и антовъ, отжимая ихъ на крайнемъ западѣ къ горамъ и морямъ, захватывая острова въ Атлантическомъ океанѣ, прорываясь за Пиренеи въ область Иберскую и вѣроятно смѣшиваясь съ иберцами въ предѣлахъ Эрина. Послѣднія и отсталыя семьи кельтскія, кимвры, долго воинствовавшія съ вендо-славянами въ степяхъ придонскихъ и съ мидо-сарматами въ ущеліяхъ Кавказа, переселились къ своимъ западнымъ братьямъ вѣковъ за шесть до Р. Х., громя все не своемъ пути, оставляя по немъ въ Польшѣ, Чехіи и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи мелкія поселенія, погибшія во время послѣдовавшихъ переворотовъ и придавая кельтскому міру временное напряженіе силъ, которое два раза почти сгубило младенчество Рима и его уже міродержавную юность. Послѣдніе двинулись германцы, вѣроятно черезъ Малую Азію и Ѳракію, прорывая славянское племя, отжимая его къ Балтійскому морю и къ Альпамъ, разселяясь между Рейномъ и Эльбою, прорываясь колоніями до Одера и переходя черезъ узкіе проливы Сунда и Категатовъ въ Скандинавскій полуостровъ, гдѣ они вытѣснили къ сѣверу финновъ и лапповъ, ихъ братью, старожиловъ европейскаго сѣвера. Тамъ получили они твердую привольную осѣдлость подъ именемъ готовъ, составлявшихъ повидимому восточную половину германскаго племени и бросившихъ много мелкихъ поселеній на южномъ берегу Балтики между сплошнаго поселенія славянъ и сопутствовавшихъ славянамъ литовцевъ. Страны на сѣверъ отъ Кавказа, опустѣлыя послѣ удаленія кельто-кимвровъ, были скоро заняты не мирными славянами, но воинственнымъ племенемъ сѣверныхъ мидійцевъ, азо-сарматовъ (родоначальниковъ язовъ, теперешнихъ осетовъ). Долго сражавшись съ кимрами въ ущеліяхъ Кавказа, раздѣлявшаго враговъ своимъ снѣговымъ хребтомъ, долинами, перехваченными стѣною, которой память и нѣкоторые слѣды существуютъ и донынѣ, сарматы радостно вырвалась на просторъ при-волжскихъ и при-донскихъ степей, вступая съ старожилами-славянами въ безперерывныя сношенія, то враждебныя, то дружелюбныя и родственныя. Такъ племя

среднихъ иранцевъ, азовъ или арійцевъ въ южной Россіи снова сблизилось съ своими восточными братьями, ведами или ванами, съ которыми оно издревле уже или боролось или дружилось на востокѣ, гдѣ общее ихъ поселеніе Аза-Вана занимало роскошныя долины и предгорья Гиммалаи, и гдѣ восточно-иранская семья саковъ (или даковъ), гетовъ и ванадовъ (или ведовъ) съ ихъ подраздѣленіями, аптами (андра), казарами (казасъ), древичами (дербицесъ), сѣверянами и гуннами (*уна-о* китайцевъ) вела противъ средне-иранцевъ (мида-персовъ, китайскихъ *аланъ-ли*) ту вѣковую войну, которая составляетъ поэтическій циклъ ново-фарсійской поэзіи и извѣстенъ европейской учености (но не понятъ ею) подъ именемъ войны Ирана и Турана. Энергія сравнительно малочисленныхъ сарматовъ увлекла вѣроятно съ собою нѣкоторыя кавказскія (иберскія) семьи напр. зиговъ и часть славянъ и произвела мѣшанные народы (язъ-зиговъ, россъ-алановъ отъ имени антской семьи Рось, и другихъ); она долго уравнивала борьбу съ многочисленными ведо-славянами; она подвигала державу аланъ-азовъ все далѣе и далѣе на сѣверъ, къ самымъ берегамъ балтики, получившей отъ нихъ временное имя моря Сарматскаго; она кидала ихъ воинственныя колоніи далѣе на западъ къ Дунаю и Чехіи, но она не могла въ продолженіи вѣковъ, при условіяхъ жизни кочевой въ степяхъ, выдержать напора стихіи славянской. Время покоя, славы и сильнѣйшаго развитія сарматскаго племени соотвѣтствуетъ двумъ послѣднимъ вѣкамъ до Р. Х. и первому послѣ Р. Х. Движеніе ихъ на сѣверъ сближало ихъ все болѣе и болѣе съ славянами, примыкавшими къ ихъ завоевательной дружинѣ; оно не остановилось на берегахъ Балтики, оно перенесло ихъ вмѣстѣ съ ихъ союзниками ведами на кораблях этихъ ископныхъ мореходцевъ въ слабо населенную середину скандинавскаго полуострова, гдѣ они стали твердою ногою и положили начало новой жизни и внесли новую стихію въ исторію сѣвера.

Этотъ взглядъ на движеніе восточныхъ народовъ до далекаго сѣ-

вера не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію человѣкомъ безпристрастно слѣдящимъ за всѣми его памятниками отъ Кашмира до Готландіи. Непрерывный рядъ аза-ванскихъ населеній, имя аланъ, данное китайцами жителямъ мидо-персидской области также какъ и сарматамъ, множество *Асгардовъ* (Асагарта), *Аспугій*, *Альеръ-Вановъ*, множество поэтическихъ разсказовъ про борьбу ихъ съ болѣе просвѣщенными мидо-персами и наконецъ вся миѳологія, всѣ преданія сѣвера приводятъ къ одному и тому же выводу. Слѣпота германской критики почти добровольна; она зависитъ отъ неразумнаго желанія объяснить явленіями жизни скандинавской всѣ сказанія древнѣйшей поэзіи, перенесенной въ Скандинавію изъ области другой и далекой, не смотря на всѣ явныя противорѣчія между объясненіемъ и фактомъ; она зависитъ вообще отъ безсмысленной системы искать вездѣ развитіи аборигеновъ, какъ ни были бы ясны слѣды колонизаціи. Въ наше время эта система уже лишается большей части своихъ приверженцевъ; но наука еще не можетъ освободиться отъ лжи, получившей какое-то право гражданства въ силу книжнаго преданія. Очевидно было даже для писателей, еще принадлежавшихъ къ школѣ поклонниковъ аборигенства, что нѣкоторая часть миѳовъ и миѳическихъ сказаній древней Скандинавіи принесены въ нее изъ другихъ областей дальняго юго-востока; но они старались сколько возможно ограничить число этихъ пришлыхъ миѳовъ на зло здравой критикѣ, и новые писатели не смѣютъ расширить кругъ, очерченный ихъ предшественниками. Такъ напр. имя йоттовъ, грозныхъ великановъ, враговъ азскаго олимпа, должно и до сихъ поръ считаться именемъ слабыхъ и вообще невоинственныхъ финновъ, а стѣна, раздѣлявшая азовъ и йоттовъ, должна обратиться или въ туманы, или въ море, или въ низкій хребетъ финскихъ горъ. Нѣтъ сомнѣнія, что имя йоттовъ могло быть и было иногда приписываемов квенамъ и финнамъ, недружелюбнымъ сосѣдямъ скандинавскихъ азовъ, въ такое время, когда смыслъ прежнихъ сказаній былъ уже забытъ; но слѣпа бы была критика, принимающая позднѣйшую ошибку за указаніе на первоначальный смыслъ миѳическаго имени. Названіе Ютландіи, однозначущее съ названіемъ кимврскаго полуострова, объясняетъ очень просто всю загадку. Дикій и воинственный нравъ кимвровъ,

ихъ обитель на сѣверѣ, ихъ постоянная вражда и многовѣковая борьба съ сѣверо-мидійскимъ племенемъ, снѣговый хребетъ Кавказа и стѣна, перехватывающая его ущелія, все указываетъ съ совершенною ясностью на колыбель сказанія. Йотты и кимвры—одно и тоже. Принятіе нѣкоторыхъ Йотуновъ, кимврскихъ боговъ, въ скандинавскую миѳологію, не имѣетъ ничего противнаго вѣроятности, между тѣмъ какъ знакомство наше съ миѳологіею финскою и самыя отношенія племенъ другъ къ другу не позволяютъ даже и предполагать финскаго божества въ Тирѣ другихъ Йотунахъ Эдды. Финскіе отголоски слышны, кажется, въ нѣкоторыхъ темныхъ разсказахъ о странствованіяхъ боговъ и о Форніоттеровомъ потомствѣ, но всѣ эти эпизодическіе разсказы не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ Йоттунгеймомъ. Борьба на кавказскомъ хребтѣ осталась незабвенною для аза-сармата, и безотлядочное мужество Тира указываетъ въ немъ божество тѣхъ галловъ и кимвровъ, которыхъ слава и гордость состояли въ томъ, чтобы бросаться безъ оборонительнаго оружія на стальную щетину римскихъ легіоновъ. Синкретизмъ Эдды бросается въ глаза еще ярче чѣмъ синкретизмъ греческой миѳологіи. Всеобщій отецъ одинъ (дѣйствительно нисколько не отецъ большей части боговъ) не былъ первенствующимъ божествомъ въ системѣ азовъ-пришельцевъ. Въ центрѣ ихъ поселенія, Упсалѣ, *Торъ*, Азъ по преимуществу, занималъ первое мѣсто, имѣя по сторонамъ боговъ племенъ союзныхъ и отчасти подручныхъ, ванскаго *Прія* (Фрея) и готскаго Одина (Водена). (*) Числительное превосходство поклонниковъ Одина дало ему наконецъ высшее мѣсто въ народномъ олимпѣ. Въ общемъ движеніи азовъ и вановъ первенство принадлежало воинственной стихіи сарматской и ее выражала непобѣдимая сила Тора. Вѣчный странствователь и врагъ йотовъ, съ своимъ молотомъ—молніею *(міольнеръ)*, съ поясомъ силы обходитъ опъ, одичавшій Митра, весь міръ земной и небесный, спасая его отъ мрачныхъ духовъ злобы. Такъ, а не ина-

(*) In hoc templo (въ Упсалѣ) statuas trium deorum veneratur populus, ita ut Thor potentissimus eorum in medio solum habeat triclinium. Hinc et inde locum possident Wodan et Frieco. Ad Brem. de situ Dan. c. 233. *Пр. изд.*

че, долженъ былъ измѣниться на сѣверѣ свѣтлый образъ, созданный фантазіею иранскою подъ яснымъ небомъ кореннаго Ирана. Сила благодушная, воинственность безъ жестокости, Торъ, нѣкогда творецъ (какъ видно изъ настоящей этимологіи его имени *Thur*—творить, какъ *Thür*— дверь и др.), потомъ хранитель міра высказываетъ свое закавказское происхожденіе своими аттрибутами (козломъ—эмблемой молніи въ Грузіи, и оружіемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ оружію Митры), а еще болѣе своею враждою противъ змѣи мидгардской, символа Аримановa. Эти два лица, противопоставленныя другъ другу самымъ раннимъ дѣтствомъ человѣчества, Ираномъ и Кушемъ, остаются безсознательными врагами и въ безобразіи скандинавскаго синкретизма и продолжаютъ свое ископное единоборство, предоставляя Одину и волку—Фенриру, Фрею и Бэлію, а потомъ Суртуру раздѣлываться какъ имъ угодно. Второе только мѣсто занимала во время переселенія стихія славянская. Ее выражаютъ непорочный Піордръ новогородскій *(us Neotun)*, богъ мореплаванія, и Прій съ Пріею, боги быта домашняго, и весь свѣтлый міръ мудрыхъ и привѣтливыхъ Вановъ. Сильные въ войнѣ, но не любящіе войны, они помирились охотно съ воинственными азами и дали въ залогъ мира веселаго бога пировъ и чаши заздравной, пѣвца Брагура (отъ *браги*, какъ *Квасиръ* отъ кваса), которому всегда посвящался первый кубокъ въ пиршествахъ сѣвера. Наконецъ туземная стихія готская, принявъ пришлыя стихіи и на время даже подчинившись имъ, какъ видно изъ первенства Тора въ Упсалѣ, созвала на первое мѣсто своего представителя Водена, лице мрачное и таинственное, грознаго копьеносца, искателя мудрости, одноокаго какъ солнце, покрытаго обвислою шапкою какъ облачное небо, оторваннаго отъ старой религіи, которая еще слышна въ именахъ Велія и Вея и другихъ тому подобныхъ отголоскахъ, и окруженнаго символами, которыхъ смыслъ почти вовсе утраченъ, но которыхъ германское происхожденіе ясно для художественнаго чувства. Увы! иногда думается, что и германскій умъ, какъ Одинъ, окривѣлъ въ искапіи мудрости, и что для него, какъ для Одина, голова Мимера замолчитъ въ то время, когда ея отвѣты будутъ всего нужнѣе.

Всѣ сказанія древняго сѣвера заключаются собственно въ одномъ, въ сказаніи о домѣ Инглинговъ, т. е. потомковъ Ингля или Ингла.

Этого имени мы не находимъ въ родословной таблицѣ, но находимъ имя Ингви—прозвище Фрейра: очевидно это уже искаженная форма, которая первоначально была *Ингль*.

Царственной домъ Инглинговъ начинается не завоеваніемъ, но какимъ-то мирнымъ преобладаніемъ пришельцевъ надъ туземцами. Тишина, спокойствіе и кроткая поэзія золотаго вѣка, таково преддверіе самой бурной и кровавой изо всѣхъ лѣтописей Европы. Нѣтъ слова о завоеваніи и о славѣ военной; нѣтъ слова о борьбѣ и сопротивленіи. Государство представляетъ характеръ не военный но религіозный; владѣтель является не дружинопачальникомъ, но первосвященникомъ всего народа, Упсала—общею верховною святынею. Все это указываетъ на явленіе колоніи племени съ сравнительно высшимъ просвѣщеніемъ въ землѣ еще непросвѣщенной, но и неиспорченной бытомъ воинскимъ. Въ главѣ всего общества становятся не азы, но мирные *мудрые* ваны и главный представитель ихъ Фрейръ. Этотъ религіозный союзъ около храмоваго центра соотвѣтствуетъ вполнѣ славянскому союзу около Аркопскаго святилища и не имѣетъ ничего общаго съ бытомъ германскимъ. Въ такой ѳеократической общинѣ, подъ вліяніемъ трехъ мало-по-малу сливавшихся племенъ, развилась странная религія, не имѣющая ни внутренней логической связи, ни систематической стройности нѣкоторыхъ древнихъ религій, ни красоты эллинскаго синкретизма, но поражающая даже современнаго намъ человѣка какою-то глубиною поэтическихъ предчувствій и духовныхъ требованій, облеченныхъ въ символы иногда величественные и грозные, иногда исполненные трогательной и истинно-человѣческой прелести.

Едвали какая нибудь миѳологія представляетъ какой нибудь образъ равный по граціи и красотѣ основной идеи миѳу юнаго Бальдера; ни

одна не представляетъ такого яснаго сознанія въ неудовлетворительности своего религіознаго синкретизма. Весь скандинавскій олимпъ, жертва будущаго всемірнаго переворота, не смотря на бранныя потѣхи жителей Вальгаллы, выражаетъ постоянное и мучительное стремленіе къ чему-то высшему, предугадываемому, но недостижимому. Таинственный ясень, символъ вселенной, выростаетъ изъ таинственной и священной глубины и скрываетъ главу свою въ таинственной и священной вышинѣ; подъ его сѣнію сидитъ грозный старецъ, воинственный, кровожадный и лукавый, вперяющій мысль въ неизбѣжное будущее, годину бѣдствія и гибели для всего его рода, отдавшій одно изъ очей своихъ для пріобрѣтенія мудрости, безпрестанно допрашивающій судьбу, никогда не дающую отрадныхъ отвѣтовъ, и безрадостно владѣющій міромъ, обреченнымъ на сожженіе. Дальный востокъ съ его глубокомысленными вѣрованіями охватываетъ весь рядъ скандинавскихъ миѳовъ, начиная его антропоморфическимъ символомъ убитаго Имера и завершая страшнымъ образомъ заката боговъ. Нѣсколько разъ сравнивали Рагнарёкръ съ мессіаническимъ преданіемъ, ясно сохраненнымъ въ зендскомъ ожиданіи Сезіоша и его побѣды надъ Ариманомъ и отзывающимся въ Индустанѣ въ будущемъ десятомъ аватарѣ Вишну. Сравненіе безспорно справедливое, но въ тоже время неполное, ибо самое тождество сказаній ясно показываетъ совершенное различіе религіи и народныхъ взглядовъ на свои вѣрованія. На востокѣ побѣда, сопровождаемая гибелью вселенной, принадлежитъ доброму началу, очищающему міръ огнемъ. Гибель міра есть торжество боговъ, признанныхъ за выраженіе нравственнаго добра. Въ Скандинавіи гибель міра есть дѣло злыхъ духовъ, вырывающихся на волю изъ временной неволи, и міръ возобновленный уже принадлежитъ новому поколѣнію боговъ свѣтлыхъ и мирныхъ, не похожихъ на бурныхъ владыкъ Азагейма и Ванагейма, изъ которыхъ не спасается ни одинъ, кромѣ непорочнаго Піордра. Въ этомъ миѳѣ заключается очевидное осужденіе самой религіи. Оно напоминаетъ такое же осужденіе боговъ, заключенное въ миѳахъ о Прометеѣ и будущемъ побѣдителѣ Зевса, но воображеніе эллинское, влюбившись въ человѣческую красоту своихъ олимпійцевъ, не довело до конца или затемнило первоначальное преданіе и рагнарёкръ Эллады не получилъ полнаго образа и очертанія. Вообще должно замѣ-

тить, что стихія сказочная и пластическая отняли у миѳологіи эллинской всю глубину и весь таинственный смыслъ, которые въ ней скрывались въ ея первую до-эпическую эпоху. Это легко угадать можно изъ разсказовъ о Персеѣ, о конѣ Пегасѣ (днѣ и ночи), о Прометеѣ и его пророчествахъ и изо всѣхъ миѳовъ, которыхъ древность не подвержена сомнѣнію. Позднѣйшіе философы, обвиняя поэтовъ въ искаженіи религіи, были совершенно правы; они только одного не поняли, именно того, что поэты, выраженіе пластическаго воображенія народнаго, были невольными участниками въ дѣлѣ, совершенномъ всѣмъ народомъ во время его юношества, когда мысль, не дозрѣвшая до самосозерцанія, подчинялась вполнѣ увлеченію художественной красоты. Здравая критика можетъ угадать погибшіе зародыши и ихъ характеръ; она можетъ напр. въ безтолковой сказкѣ о Гераклѣ (который по Иліадѣ и особенно Одиссеѣ есть ни что иное какъ злой, корыстолюбивый и неукротимый буянъ) угадать сказаніе объ освободителѣ человѣчества и его побѣжденныхъ покровителей (это видно изъ отношеній его, на одномъ концѣ свѣта, къ Прометею, подателю огня, а на другомъ концѣ—къ Атласу, учителю мудрости, котораго онъ избавляетъ отъ тяжести неба созданіемъ каменныхъ столбовъ[1]; она можетъ угадать въ той же спутанной сказкѣ идею восточнаго аватара, человѣка—спасителя боговъ, которыхъ сила не могла бы безъ помощи человѣческой побѣдить гигантовъ; но никакая критика не можетъ уже возстановить разрушенное зданіе, которое никогда не было достроено, или опредѣлить всѣ начала мысли и миѳа, погибшихъ въ зародышѣ. Синкретизмъ эллинскій примирился съ своими безсмысленными богами, облекши ихъ въ высокую художественную красоту; синкретизмъ скандинавскій никогда не доходилъ до примиренія и выражалъ свое самоотрицаніе въ пророчествѣ о будущей гибели боговъ. Въ подробностяхъ той страшной борьбы, которая должна положить конецъ міру азовъ и людей, можно еще ясно различить стихіи вошедшія въ составъ сказочной Вальгаллы. Каждая сохраняетъ свою отдѣльность и свои признаки; каждая въ роковой часъ неизбѣжной гибели, встрѣчается въ послѣдній разъ съ своимъ исконнымъ врагомъ. Одинъ вонзаетъ свое безполезное копье во всепожирающую пасть волка Фенрира: это гото-германскій миѳъ, со-

зданіе сѣверной фантазіи; Торъ вступаетъ въ единоборство съ змѣемъ Мидгардскимъ, древнимъ своимъ противникомъ еще въ колыбели племени Азовъ, и оба гибнутъ, одинъ пораженный ударомъ молота—молніи, другой ядовитымъ дыханіемъ убитаго врага: это ясный отзывъ востока; глава ваповъ, нѣкогда побѣдившій исполина Бэлія, но утратившій свой непобѣдимый мечъ, Фрейръ (Прій) идетъ безоружный противъ племеннаго меча Суртура, лица вовсе неизвѣстнаго въ прочихъ миѳахъ скандинавскихъ, но котораго имя безъ окончанія *ур* соотвѣтствуетъ *чорту* (какъ Брагурь-*брагъ*, Квасиръ—*квасу*. Фрейръ-*Прію*): это миѳъ славянскій. Въ сказаніяхъ о Пріѣ, который по своему значенію долженъ бы быть тождественнымъ съ неизвѣстнымъ Бэліемъ (Бѣлъ-богомъ), но который является его врагомъ и побѣдителемъ, есть по видимому какое-то противорѣчіе: но такое противорѣчіе не рѣдко встрѣчается въ синкретизмѣ религіозномъ и не представляетъ никакого затрудненія здравой критикѣ. Ему Эллада представляетъ яркій примѣръ въ Зевсѣ-Иксіонѣ, своемъ собственномъ врагѣ. Жена Иксіона Дія, тождественная по имени съ сестрою Зевса—Дія, Юпоною, есть въ то же время любовница Зевса: Иксіонъ влюбленъ въ Юнону и, сочетавшись съ ея призрачнымъ образомъ, производитъ Кентавровъ. Во время оно Зевсъ и Иксіонъ жили на небѣ какъ друзья и братья; и раздраженный Зевсъ наказываетъ Иксіона колесомъ, символомъ неба, звѣзднаго круга и года. Это явное раздвоеніе одного и того же лица, безъ сомнѣнія чествованнаго подъ двумя разными именами у двухъ враждебныхъ колѣнъ. Тоже самое вѣроятно скрывается и во враждѣ Прія и Бэлія. Во всякомъ случаѣ антагонизмъ Одина и Волка, Тора и Змѣя, Фрейра и Суртура, выступающій съ особенною ясностью въ день всемірнаго разрушенія, подтверждаетъ вполнѣ происхожденіе скандинавской религіи изъ трехъ разнонародныхъ религій, обозначенныхъ, какъ уже сказано, печатію тѣхъ народовъ, изъ которыхъ онѣ возникли. Побѣда злаго начала соединена съ его собственнымъ уничтоженіемъ и изъ развалинъ погибшаго міра невидимый богъ, тотъ безъимянный, могущій, который сильнѣе сильныхъ, вызываетъ міръ новый и свѣтлый, уже не гремящій громомъ оружія, какъ Азгардъ, но тихій и безбурный, жилище тихихъ и кроткихъ духовъ, почти вовсе забытыхъ въ прежнихъ миѳахъ. Жи-

тели новаго неба уже не питаются, какъ азы, «силами земли, свѣжестью моря, медомъ пѣвцевъ,» они безсмертны сами по себѣ. Иранское преданіе о свободно-творящемъ, вѣчномъ духѣ выступаетъ явно и неоспоримо. Приливъ стихіи кушитской исчезаетъ, какъ временное его искаженіе, но въ самомъ осужденіи, произносимомъ скандинавскою религіею надъ *своими богами, есть примиреніе. Владыки* новаго міра связаны съ прежними узами родства. Это уцѣлѣвшій Ніордъ, это Одиновы дѣти Видаръ, убійца волка, и Вали, мститель за Бальдера, это дѣти Тора Магни и Моди, и воскресшій къ безсмертію свѣтлый образъ Бальдера, изящнѣйшее и лучшее созданіе сѣверной фантазіи. Тутъ опять особенно замѣчательно превосходство такъ сказать человѣческое, признанное за Ванами, которыхъ родоначальникъ не осужденъ на смерть, между тѣмъ какъ высшіе Азы и Одинъ погибаютъ. Болѣе внимательное изученіе всѣхъ миѳовъ указываетъ не только на приливъ аза-ванской вѣры къ Одинизму, но и на то, что самый антагонизмъ добра и зла внесенъ имъ же въ прежнее поклоненіе Одину, богу, не имѣвшему опредѣленнаго нравственнаго значенія. Локи, нѣкогда братъ и другъ Одиновъ, лице неизвѣстное чисто-одиническимъ религіямъ германскихъ племенъ, былъ по всѣмъ вѣроятіямъ тождественъ съ Одиномъ и сдѣлался его врагомъ только вслѣдствіе вліянія азо-сарматскаго Митраизма (стихіи, выраженной Торомъ). Онъ былъ до тѣхъ поръ только явленіемъ губительнаго и злаго начала въ Одинѣ, и оторванъ отъ него какъ Тифоцъ отъ Озириса новыми религіозными понятіями, разорвавшими по поламъ цѣльность древняго Шиваизма (поклоненія органической необходимости). Самый Одинъ сохранилъ въ себѣ навсегда черты, указывающія на его тождество съ Локи, кровожадность и лукавство, не приписываемыя никому изъ боговъ кромѣ его. За всѣмъ тѣмъ нельзя не узнать въ Одинѣ или германскомъ Воданѣ вѣры иранской, утратившей свой характеръ отъ примѣси кушитской или въ древнѣйшей родинѣ германскаго племени, средемъ Иранѣ, или, что вѣроятнѣе, въ самой Германіи, нѣсколько разъ пройденной и отчасти покоренной кельто-кумрійскими дружинами, глубоко проникнутыми духомъ религій семитскихъ. Нельзя однако не замѣтить, что имя Водана наводитъ нѣсколько на подозрѣніе, что и онъ былъ займомъ, сдѣланнымъ германцами отъ славянъ. Тацитъ про него не слы-

халъ, а для русскаго уха слова *Воденъ, Велій* и *Вей (Вьлй)*, дѣти *Бури*, такъ понятны, что невозможно не задуматься и не предположить, что самое божество перешло на почву германскую изъ земли славянъ, водопоклонниковъ по преимуществу. Характеръ кушитскій Водана не опровергаетъ этого предположенія, ибо хотя земля славянская была по всѣмъ вѣроятностямъ родиною сказочнаго и такъ сказать семейнаго антропоморфизма, перешедшаго, какъ уже сказано, и въ греческій Олимпъ и въ Индустанъ съ стихіею вишнуитскою, нельзя не замѣтить, что космогоническое начало Куша достигло сильнаго развитія у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, особенно восточныхъ: это видно изъ чисто оргіастическаго поклоненія *роду* и *рожаницъ*, *Ярилѣ* и *Костромѣ* или *Ладу* и, кажется, *золотой Бабѣ*. Характеръ Кушитства, т. е. космогоническаго божества въ его двухъ органическихъ силахъ безъ нравственнаго значенія, явный въ Воденѣ, видѣнъ еще яснѣе въ *Фригѣ*, его подругѣ, особенно по самымъ древнимъ миѳамъ. Въ ней соединены въ высокой степени черты, принадлежащія Шивѣ и Даргѣ, кровожадность и развратъ, къ которымъ сѣверный миѳъ прибавилъ еще корыстолюбіе. Совершенно другое видно въ Торѣ: кромѣ нѣкоторой нравственной чистоты нельзя не замѣтить въ немъ отсутствія полярности опредѣленной. Ему дана подруга, ибо общій складъ миѳологіи не могъ его оставить холостякомъ; но его жена такъ же незначительна, какъ подруга, данная позднѣйшимъ Индустаномъ нѣкогда безплотному Брахмѣ. *Тору* принадлежитъ по преимуществу огненная стихія мидо-сарматская, также какъ въ полномъ кругѣ скандинавскаго синкретизма водяная стихія славянская принадлежитъ Ванамъ въ лицѣ Ніордра, а бытъ семейный и общительный тѣмъ же Ванамъ въ Пріѣ (Прій и Прія или Фрей и Фрея) и Брагурѣ. Могущество и нравственное достоинство иранскаго начала, и, быть можетъ, особенная энергія сарматскаго племени дали Тору первое мѣсто между богами. Это мѣсто сохранялъ онъ въ первое время даже въ Скандинавіи уже послѣ смѣшенія аза-ванской религіи съ туземнымъ поклоненіемъ Одину, какъ видно изъ порядка кумировъ въ древнемъ храмѣ упсальскомъ. Позднѣе народная вѣра взяла верхъ и поставила свое древнее божество выше Тора, собственно же ванская стихія занимала только второе, а потомъ третье мѣсто; за всѣмъ

тѣмъ общая выработка всей религіи принадлежитъ безспорно племени славянскому. Если даже не станемъ признавать связи Водена съ языкомъ и міромъ славянскимъ: если оставимъ безъ вниманія почти несомнѣнное вліяніе того же языка и міра на поклоненіе Тору, вліяніе доказываемое самымъ именемъ *Тюръ* (соотвѣтствующимъ *Твору*—творцу, отъ глагольнаго корня *творить* какъ *дверь* и *Thür, звѣрь* и *Thier* и именемъ его молота *miölnir,* молнія), и многими другими подробностями, остается одно неоспоримое доказательство въ свидѣтельствѣ всѣхъ древнихъ преданій Скандинавіи о томъ, что Фрейръ (Прій) былъ основателемъ богопоклоненія (въ его полномъ развитіи) на сѣверѣ. Это свидѣтельство не можетъ имѣть другаго смысла кромѣ образованія всего синкретизма религіознаго тѣмъ племенемъ, которое принесло съ собою поклоненіе Прію. Образовательное вліяніе славянъ, выражаемое въ самомъ прозвищѣ *мудрыхъ* Вановъ (не въ отношеніи къ ремесламъ и художествамъ, всегда приписываемымъ или іоттамъ или карламъ) должно по преимуществу дѣйствовать на міръ религіи. Тоже самое видѣли мы въ древней Элладѣ: она приняла множество боговъ съ сѣвера (Аполлона—Белена или Гелена гиперборейскаго, Артемиду—Гелену вендскую или иллирійскую, Афродиту также сѣверную, Лету—лѣто, Арея-яро-го, которыхъ Гомеръ считаетъ покровителями Трои); она же отъ сѣвера приняла множество миѳовъ-загадокъ явно славянскихъ по словесной своей оболочкѣ. Такова загадка о випѣ-Вакхѣ (корень вѣроятно тотъ же что въ *Вахтріи,* — *вач* вѣщать), Вакхѣ сынѣ *Земли*—(Семеле) сгорѣвшей прежде его рожденія, объ Ніобеѣ *(небо)* матери безчисленныхъ чадъ, звѣздъ, убитыхъ солнцемъ и луною (холодное небо, *твердь* каменная, плачущая росами утренними и вечернимп о цѣтяхъ, убитыхъ дѣтьми живаго и теплаго начала *лѣта*), о Персефонѣ — пшеницѣ (Прозерпина—прозябеніе) и вѣроятно о многихъ другихъ загадочно-миѳическихъ лицахъ, которыя еще не изслѣдованы этимологическою критикою. Это вліяніе народа по преимуществу мирнаго и осѣдлаго (которое видно и въ зачатках англо-саксонской эпохи) очень понятно: оно вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру великорусскаго народнаго духа, для котораго еще и въ наше время вопросъ религіозный есть единственный достойный постояннаго и сильнаго вниманія. Люди, знающіе истинное на-

правленіе этого духа, не могутъ не быть поражены этою особенностью, замѣтною даже поверхностному наблюдателю.

Первая основа новаго общества, созданнаго аза-ванскимъ приливомъ въ Скандинавіи, была ѳеократическая, но въ тоже время не замкнутая предѣлами касты жреческой, которой нѣтъ ни малѣйшаго слѣда. Общество было болѣе образовательное чѣмъ завоевательное, вѣроятно потому что оно или имѣло съ самаго начала цѣли торговыя или нашло слишкомъ бѣдный и непроходимый край, затрудняющій завоеваніе и ничѣмъ его не вознаграждающій, или наконецъ потому, что оно искало приволья пустопорожнихъ земель и только въ послѣдствіи пришло въ соприкосновеніе съ туземцами. Какъ-бы то ни было, всѣ сказанія сѣвера возводятъ его исторію черезъ домъ инглинговъ къ законодателю религіозному, а не къ воинственному побѣдителю. Тотъ же характеръ видѣнъ и въ миѳическихъ разсказахъ о происхожденіи сословій. (*) Высшія являются послѣ низшихъ (въ противность большей части подобныхъ миѳовъ), вступаютъ въ свое общественное званіе безъ борьбы и отличаются не столько еще силою тѣлесною и мужествомъ, сколько благородствомъ духа и знаніемъ божественныхъ тайнъ. Руны и пѣсни принадлежатъ имъ и имъ однимъ.

Они не признаны пришельцами (что можетъ легко быть объяснено особеннымъ ходомъ синкретизма религіознаго), но они имѣютъ съ самаго начала характеръ странствователей въ противоположность осѣдлости низшихъ сословій.

Ѳеократія, которой представителемъ былъ Ванъ Фрейръ (Прій), должна была носить на себѣ характеръ славянскаго племени, мирный и кроткій. Таковъ дѣйствительно смыслъ саги. Божество, олицетворяющее ѳеократію, должно было являться болѣе въ служебномъ значеніи жреца-просвѣтителя

(*) Geijer. Urgesch. Schwed. 406 и слѣд. *Прим. изд.*

въ мірѣ божествъ, чѣмъ верховнаго владыки. Таковъ опять смыслъ саги. Кровавыя и человѣческія жертвоприношенія нисколько не опровергаютъ этихъ ясныхъ выводовъ. Вліяніе религій кушитскихъ на духовный міръ прапскій было таково, что во многихъ случаяхъ самые мирные народы и самыя кроткія вѣрованія признавали необходимость выкупать невозмутимую тишину жизни кровью часто дорогою.

Это особенно замѣчательно въ религіяхъ, принявшихъ по преимуществу характеръ сладострастія и преобладанія женскаго начала въ органической двойственности космогоніи. Склонность къ сладострастію замѣтна въ остаткахъ древней оргіастической религіи сѣверо-восточныхъ славянъ. Сказанія же о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ не чужды балтійскому Поморію и въ глубочайшей древности извѣстны были Элладѣ какъ характеристика поморія Евксинскаго, искони славянскаго, а тождество Венеры и Діаны сѣверной не подвержено сомнѣнію. Нельзя также вовсе отвергать свидѣтельство нѣмецкихъ лѣтописцевъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у славянъ приморья Балтійскаго, хотя эти свидѣтельства подвержены не совсѣмъ ничтожнымъ сомнѣніямъ.

Преданія сѣверныя признаютъ первую эпоху мирную довольно продолжительною; но изъ нихъ же замѣтно, что этотъ міръ былъ соединенъ съ преобладаніемъ центральнаго религіознаго поселенія около Упсалы надъ остальною Скандинавіею. Самое названіе владыкъ *дроттнаръ* выражаетъ преимущество, зависящее отъ званія жреческаго. Въ послѣдствіи это названіе замѣнено словомъ *конунгъ*, но кажется они равнозначительны и по всей вѣроятности одно, корня германскаго (дроттнаръ), есть только переводъ другаго, корня славянскаго (*конязь, князь, конунгъ* или *конигъ*).

Уже выше показаны доводы, доказывающіе происхожденіе словъ: *конязь*, *книга* (книга) и *законъ* отъ слова *конъ* (край, верхъ), которому соотвѣтствуетъ полнѣ санскр. *кôна* и отчасти латинское *cuneus*. Прибавимъ, что самое имя *конунгъ* есть выводное отъ

древнѣйшаго *конръ*. Это же названіе находимъ мы какъ имя *Рига* (иначе *Конръ*), родоначальника высшихъ сословій, но отличающагося по преимуществу знаніемъ рунъ, и по этому носящаго на себѣ болѣе религіозный характеръ, чѣмъ характеръ воинственной власти. Такое происхожденіе слова *конунъ* отъ *конязь* и корня *конъ* можетъ совершенно соглашаться и съ другимъ значеніемъ *конъ* въ смыслѣ рода: ибо слово, первоначально означавшее край, верхъ, могло быть перенесено на идею рода, какъ *столбъ* у насъ и *линія* у западныхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ мнимое замѣненіе Дроттнарства Конунгствомъ очень похоже на переводъ съ одного языка на другой, взявшій въ позднѣйшее время перевѣсъ, а соединеніе имени *конръ* (тотъ же *конязь*) съ знаніемъ рунъ явно свидѣтельствуетъ о жреческомъ значеніи первыхъ владыкъ, потомковъ Фрейра.

Самое имя *Инглъ*, родоначальника династіи, котораго мы уже видѣли родоначальникомъ царственнаго дома у англовъ саксонскихъ, указываетъ на имя божества племеннаго, давшаго имя величайшей изъ морскихъ державъ, когда-либо дѣйствовавшихъ въ исторіи міра.

Форма *Инглъ* скрывается въ романизованной формѣ *Англъ*, яснѣе выдается въ германской формѣ *Энглъ* и выступаетъ снова въ чисто-англійской *Инглъ;* а что эта послѣдняя не есть форма новая, тому служитъ доказательствомъ итальянское *Inglese inghilterra*; но въ самой Англіи она вѣроятно была формою мѣстною, употребляемою по преимуществу въ коренномъ поселеніи англовъ, Вернікіи (вѣроятно отъ слова *вѣрники*).

Въ Инглѣ нельзя не узнать одного изъ прозвищъ Фрейра или Ірія углицкаго; но это обстоятельство, будетъ ли оно или нѣтъ, признано критикою, не имѣетъ важности, ибо славянское происхожденіе всего поклоненія Ванамъ остается несомнѣннымъ; оно можетъ имѣть только ту важность, что указываетъ не только на корень, но и на самую вѣтвь, отъ которой отдѣлилась колонія, перешедшая въ Скандинавію,

именно на вѣтвь южную, кавказско-карпатскую, аптовъ, съ которою слово *уличи* стоитъ въ связи несомнѣнной. Зависимость не политическая, но племенная, зарождающейся Швеціи отъ безконечной области славянской выступаетъ еще съ большею ясностью послѣ двухъ первыхъ (разумѣется сказочныхъ) преемниковъ Фрейра. *Свегдеръ* даетъ обѣщаніе отправиться на востокъ, въ страну боговъ или Великій Свитіодъ.

И такъ самое имя *Свитіодъ* (отъ котораго Шведъ) полагалось преданіемъ на востокѣ; вѣроятно оно въ корнѣ своемъ связано съ словами *свѣтъ* и можетъ быть святъ. Святость сѣвера можно отчасти предполагать изъ словъ Тацита.

Во время странствованія женится Свегдеръ на Ванѣ изъ земли Ванской и умирая оставляетъ преемникомъ *Ванланда*, котораго гробница считалась древнѣйшею изо всѣхъ извѣстныхъ въ Скандинавіи.

Очевидно ванскій или вендскій курганъ. Когда встрѣчается форма *Ванъ* и когда приходитъ на память, что эта форма извѣстна была глубочайшей древности и звучитъ во всѣхъ поэтическихъ преданіяхъ безконечнаго азійскаго востока, въ Китаѣ *(Та-Ванъ,* великіе Ваны) и въ Индустанѣ *(Мага-Ванада,* великіе Ванады) невольно возникаетъ мысль, что дѣйствительно древнѣйшая форма имени *Вендъ* звучала на *а*, а не на *е;* впрочемъ шаткость гласныхъ могла бы объяснить одновременное существованіе многихъ различныхъ формъ; но нельзя не изумиться странному невниманію нѣмецкой критики къ самому слову *Ванъ*, въ то время какъ она имѣетъ ясныя свидѣтельства объ его извѣстности всему древнему міру на пространствѣ, котораго не достигала слава никакого другаго народнаго или миѳическаго имени.

Слѣдовать за родословною Инглинговъ было бы безполезно. Пѣснь или сага, миѳъ и историческое преданіе такъ перемѣшаны въ ней, что разумная критика не можетъ даже искать

въ ней послѣдовательнаго разсказа и историческихъ подробностей. Ей слѣдуетъ довольствоваться пониманіемъ общихъ законовъ, по которымъ развилась жизнь Скандинавіи.

Впрочемъ не это-ли только и нужно во всякой исторіи? и самыя подробности не потому-ли только и полезны, что иногда помогаютъ разумѣнію общихъ законовъ? Можно безъ парадокса сказать, что народъ, отъ котораго уцѣлѣли пѣсни, болѣе извѣстенъ, чѣмъ тотъ, отъ котораго уцѣлѣла внѣшняя, хотя бы и подробная, исторія. Уничтожьте недавно открытую Зендавесту,—и Скандинавія въ своихъ сагахъ болѣе высказывается, чѣмъ Персія въ подробныхъ разсказахъ греческаго историка.

Мало-по-малу измѣняется характеръ скандинавскаго преданія. Ясные слѣды славянской колонизаціи исчезаютъ; послѣ Вапланда они еще выражаются можетъ быть именами одного изъ Инглинговъ, Оттара *Вендель*-Крака и сына его *Адильси*, котораго еще называютъ восточнымъ именемъ *Аттилы*,(*) и потомъ пропадаютъ вовсе. Жизнь принимаетъ иное направленіе.

Сказанія первобытныя представляютъ намъ три сословія рѣзко разграниченныя: рабовъ, вольныхъ и благородныхъ. Это раздѣленіе соотвѣтствуетъ тремъ колонизаціямъ самой Скандинавіи. Финская, пришедшая съ сѣвера, очевидно самая ранняя, безспорно захватывала нѣкогда все пространство между Балтикою и океаномъ.

Финны и особенно отрасль того же корня, лапны, еще на исторической памяти простирались довольно далеко на югъ.

Вторая, германская, готской вѣтви, перебралась черезъ узкіе проливы съ юга и далеко оттѣснила туземцевъ къ сѣверу, обращая часть ихъ въ рабство по всегдашнему обычаю германцевъ. Третья, аза-вапская (сармато-славянская, или смѣсь сарматовъ съ кавказскою вѣтвію антовъ славянъ) пришла съ моря, поселилась въ слабо-населенномъ поморьѣ около

(*) Ср. Geier Urgesch, Schwed. 422. 7.

своего упсальскаго святилища и мало-по-малу, силою высшаго просвѣщенія славянскаго, поддержаннаго воинственною энергіею сарматовъ, подчинила себѣ древнѣйшія стихіи и опредѣлила все послѣдующее развитіе какъ въ отношеніи жизни мысленной, такъ и въ отношеніи къ движенію общественному.

Отношенія послѣднихъ пришельцевъ къ прежнему населенію не были ознаменованы враждою (это видно изъ характера первоначальныхъ преданій); они были обусловлены высшимъ развитіемъ пришельцевъ передъ туземцами, и по этому самому должны были дать аза-ванамъ (сармато-славянамъ) значеніе правительствующей аристократіи; но они не исключали также и возможности вступленія прежней стихіи въ кругъ новой власти, слѣдовательно возможности сліянія, и это сліяніе не подлежитъ сомнѣнію.

Множество родовъ вели себя отъ форніоттерскаго начала и слѣдовательно отъ населенія не только туземнаго, но еще и предшествовавшаго германской колонизаціи. Преданія этихъ родовъ, изъ которыхъ многіе родились съ царственнымъ домомъ инглинговъ, указываютъ на происхожденіе сѣверное и сѣверо-восточное изъ области финской.

Тутъ встрѣчаются и имена иносказательныя, весьма характеристическія, какъ снѣгъ, морозъ (*снё*, *фростъ* и тому подобныя). Съ другой стороны введеніе въ миѳологію Тира, божества принадлежащаго готамъ, слѣдовательно кимврамъ, показываетъ примѣсь стихіи не финской.

Вѣроятно эта примѣсь произошла издревле въ германскихъ племенахъ еще прежде Аза-Ванской колонизаціи. Характеромъ своимъ она отличается вполнѣ отъ характера иранскаго. Сѣверная, финская примѣсь обличается опредѣлительною чертою какого то мрачнаго, безотраднаго и туманнаго волшебства. Кельтская представляетъ въ высшей степени черты безоглядной, воинственной отваги. Тиръ, какъ божество иноплеменное (и принятое, такъ сказать, не на правахъ полнаго, внутренняго равенства) лишенъ своей силы (что символизовано въ потерѣ правой руки), точно также какъ

Фрей добровольно пожертвовалъ мечемъ любви (въ чемъ опять символизованъ его характеръ фалличесчій и переходъ въ мирное жречество). Потеря руки Тировой не должна по миѳамъ имѣть для боговъ такихъ гибельныхъ послѣдствій, такъ утрата Фрейрова меча, и въ этомъ видно высшее положеніе Фрейра въ скандинавскомъ олимпѣ; но за всѣмъ тѣмъ Тиръ представлялъ для Скандинава полнѣйшій образъ военнаго мужества. То обстоятельство, что Тивъ, Тіу или Ціо (по всѣмъ вѣроятностямъ тотъ же Тиръ или *Эаръ* или Иръ) былъ предметомъ поклоненія у большей части, быть можетъ даже у всѣхъ, народовъ германскихъ, не опровергаетъ нисколько его кельтскаго происхожденія. Кельты насквозь и во всѣхъ направленіяхъ прорѣзали міръ германскій, какъ враги, какъ насильники, а потомъ какъ полумирные сосѣди, наконецъ побѣжденные и слившіеся въ многихъ мѣстахъ со германскою массою. Ихъ верховный богъ поступилъ въ общій синкретическій процессъ. Древнѣйшая же форма его имени была, какъ кажется, *Тіутъ (Тевтъ, Тевтатесъ*, извѣстный и Кесарю и Тациту).

Такимъ образомъ происходило смѣшеніе народныхъ стихій въ нижнихъ слояхъ обитателей Скандинавіи, сливая отчасти кельто-кимвра и даже финна съ гото-германскимъ колѣномъ подъ общимъ предводительствомъ стихіи сармато-славянской, высшей по просвѣщенію и по непрерывной связи съ безпредѣльнымъ міромъ востока. Но въ тоже время происходило сліяніе и этой высшей стихіи со второстепенною германскою, сліяніе полное во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по крови, такъ и по религіи. Германскій Воденизмъ (или Одинизмъ) получилъ скорый доступъ въ религіозное зданіе аза-ванскихъ вѣрованій, сперва на степени второстепенной (какъ видно изъ положенія кумировъ, оставшагося неизмѣннымъ въ упсальскомъ святилищѣ), потомъ на степени равенства съ высшимъ представителемъ сарматскаго племени, Торомъ, потомъ наконецъ на высшемъ мѣстѣ, какъ и слѣдовало быть по огромному числительному преобладанію германцевъ.

Родословная ярлей и королей отъ Водена, а не отъ Тора ничего не доказываетъ противъ ихъ сарматскаго происхожденія. Старшій и почетнѣйшій изъ всѣхъ родовъ велъ себя отъ Фрейра (или Ингви-Фрейра), свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о своемъ иноземномъ началѣ. Другіе же роды, созидая себѣ родословную, должны были ее связать съ богомъ туземнымъ Одиномъ по образцу высшихъ туземныхъ родовъ, ибо Торъ не могъ быть ихъ родоначальникомъ. Такое отношеніе Тора къ людямъ невозможно вслѣдствіе его мидоиранскаго характера. Онъ навсегда долженъ былъ сохранить и сохранялъ признаки своего первоначальнаго, чисто духовнаго значенія. Подобно своему первообразу (или по крайней мѣрѣ древнѣйшему образцу) *Миx-Теру*, хранителю міра отъ вражды злыхъ духовъ, онъ навсегда долженъ былъ являться съ явными признавами своей первоначальной безсемейности. Очевидно, жена и какіе-то почти неизвѣстные или ясно символическіе дѣти приданы ему временемъ гораздо позднѣйшимъ. Нѣтъ никакой живой связи между ними. Уступка же перваго мѣста на Олимпѣ было тѣмъ естественнѣе Тору, что онъ былъ несомнѣнно, искони, подобно Митрѣ, только высшимъ изъ служебныхъ духовъ, а не верховнымъ богомъ. Туземный же богъ Воденъ мало-по малу занялъ мѣсто этого верховнаго, невещественнаго, можетъ быть, безъимяннаго бога, о которомъ память сохранилась въ прозвищѣ Альфатера.

Смѣшеніе двухъ стихій, германской и аза-ванской, имѣло особенно сильное вліяніе на высшія общественныя сословія. Собственно аза-ванская область (или центръ колонизаціи) примыкала къ упсальскому святилищу, но развѣтвленіе племени проходило сквозь всѣ другія, болѣе или менѣе независимыя области. Съ самаго начала видимъ мы сопоставленіе двухъ системъ, разобщенности, выражаемой мѣстными королями (князьками), которыхъ было множество, и единства, выражаемаго общимъ королемъ, въ тоже время первосвященникомъ.

Самый этотъ характеръ первосвященства уничтожаетъ сомнѣніе критиковъ, отвергающихъ такое единство въ началѣ древне-сканди-

навской исторіи. Тутъ король имѣлъ совсѣмъ иное значеніе чѣмъ сомнительные брейтваллы англо-саксовъ. Онъ былъ разумною необходимостію, онъ былъ символомъ цѣлаго новаго просвѣщенія, властвовавшаго не силою, а духомъ посредствомъ религіи. По этому самому король носилъ на себѣ отвѣтственность за бѣдствія, ниспосылаемыя богами, которыхъ онъ не умѣлъ умолить, и самъ падалъ какъ очистительная жертва въ случаѣ голода или повѣтрія или другаго какого нибудь общественнаго несчастія.

Страны около Упсалы приняли, разумѣется мало-по-малу, видъ области нѣсколько образованной. Лѣса разрѣженные уступали мѣсто пашнямъ; берега пустынныхъ водъ оживлялись жилищемъ человѣка: но это измѣненіе недалеко проникло въ глубь негостепріимнаго сѣвера. Гото-германское колѣно, мѣшаясь съ пришельцами, селилось между ними и слѣдовательно не допускало явнаго отдѣленія области сармато-славянской отъ остальной Скандинавіи, по крайней мѣрѣ такого отдѣленія, которое бы ясно обозначилось для позднѣйшей критики въ языкѣ или обычаѣ народа. За всѣмъ тѣмъ различіе стихій высказалось въ названіи *Готландъ*, старой области туземцевъ, и *Свитіодъ*, области пришельцевъ, и въ особенныхъ преимуществахъ Свитіода, сохранившихся даже въ позднѣйшее время въ отношеніи къ избранію королей.(*)

Происхожденіе слова *Свитіодъ* отъ корня *Свѣтъ* или ему подобнаго болѣе чѣмъ вѣроятно: страна свѣта, въ смыслѣ святыни. Какое-то сказаніе о сѣверѣ, какъ о жилищѣ боговъ, у Тацита можетъ быть относится къ особенному религіозному значенію Свитіода, ибо оно совершенно противно религіознымъ мнѣніямъ германскимъ, постоянно представлявшимъ сѣверъ страною мрака, тумана и злыхъ духовъ.

Распространеніе мѣшаннаго племени, мало-по-малу составлявшаго аристократію всего скандинавскаго міра, должно было сперва возвысить значеніе жреческаго центра, а потомъ уничтожить его исключительную власть при умноженіи во всей

(*) Ср. Geijer Urgesch. Schwed. 362. 2. *Прим. изд.*

Скандинавіи родовъ и семей, которыя ни чѣмъ не уступали родамъ и семьямъ, живущимъ въ собственномъ Свитіодѣ, даже королевскому; но этой эпохѣ паденія или разъединенія предшествовала, какъ сказано, эпоха полнѣйшаго единства и преобладанія.

Вообще это преобладаніе имѣло характеръ мирный, но какъ бы ни была мирна власть пришлой стихіи и какъ бы ни было добровольно подчиненіе стихіи туземной, очевидно подчиненность не могла одинаково быть пріятною всѣмъ старожиламъ. Гордость племени мужественнаго и гордаго должна была сильно возмутиться во многихъ благородныхъ сердцахъ и въ родахъ, привыкшихъ къ полной независимости и безспорному первенству. Такова причина, почему въ II вѣкѣ до Р. Х. готы, т. е. значительное число вѣроятно высшихъ родовъ, переселились на югъ къ своимъ родственникамъ по крови, отдѣльнымъ племенамъ, жившимъ на берегу Балтійскаго моря между племенами славянскими, охватывавшими сѣверъ Германіи. Тутъ повторился въ большемъ видѣ фактъ передкій въ исторіи, что немногочисленная, но крѣпко связанная дружина сдѣлалась центромъ началъ дотолѣ слабыхъ и разрозненыхъ и привела въ неудержимое движеніе массы, дотолѣ дремавшія въ спокойномъ довольствѣ или въ тупой апатіи.

Здравая критика не можетъ усомниться въ переселеніи готовъ съ сѣвера на югъ, а тѣмъ болѣе предположить ихъ переселеніе съ юга на сѣверъ. Въ собственной Германіи это имя является временнымъ гостемъ, не оставившемъ по себѣ слѣдовъ. Въ Скандинавіи оно живетъ и теперь на материкѣ и островахъ. Въ Германіи мы не видимъ ни малѣйшаго признака того дѣленія на восточную и западную отрасль, которое характеризуетъ готское племя. Въ Скандинавіи оно осталось навсегда. Въ преданіяхъ историческихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака движенія готовъ къ сѣверу, между тѣмъ какъ о переходѣ ихъ черезъ Балтику съ сѣвера сохранилась память и у самыхъ готовъ и у лонгобардовъ, ихъ менѣе благородной вѣтви, и кажется у гепидовъ и у прибрежныхъ литовцевъ и латышей, которыхъ они или завоевали или утѣснили въ продолженіи

нѣсколькихъ столѣтій. Что же касается до ихъ сказаній миѳическихъ, связывающихъ ихъ съ юго-востокомъ, то они принадлежатъ не народу, а религіи аза-вапской (по преимуществу же обожанію Фрейра или Прія), которую они приняли прежде переселенія. Невозможно разумному критику въ этомъ ошибиться. Характеръ историческаго преданія и миѳической сказки совершенно различны. Языкъ готскій, отъ котораго уцѣлѣлъ великолѣпный памятникъ, принадлежитъ по своимъ формамъ можетъ быть менѣе къ нарѣчіямъ собственно скандинавскимъ, чѣмъ къ германскимъ (и можетъ быть даже славяно-германскимъ); но это объясняется очень легко во первыхъ малочисленностно самой дружины, которая окрѣпла и сдѣлалась народомъ только вслѣдствіе нарощенія изъ германскихъ племенъ, а во вторыхъ измѣненіемъ самыхъ нарѣчій скандинавскихъ, подвергшихся сильному измѣненію отъ вліянія пришлой стихіи. Дѣйствительно нарѣчія шведо-норвежскія представляютъ безчисленные слѣды ославяненія. Какъ бы то ни было, отвергать пришествіе готской дружины въ Германіи изъ за моря Балтійскаго, значило бы отвергать всѣ воспоминанія самихъ готовъ, лонгобардовъ и летто-литовскихъ народовъ; это значило бы отвергнуть разомъ всю достовѣрность всякой народной памяти въ такой вѣкъ, когда наука наконецъ, начала понимать какъ вѣрна и упорна народная память и какъ дороги ея показанія, часто оподозрѣнныя и осмѣянныя, почти всегда оправданныя глубокимъ изслѣдованіемъ и сравненіемъ древнихъ памятниковъ.

Внутреннія междоусобія, въ которыхъ борьба происходила между племенемъ пришлымъ, первенствующимъ и племенемъ туземнымъ, упавшимъ съ первой на вторую ступень, были разумѣется весьма рѣдки по самому характеру преобладанія аза-вапскаго, преобладанія религіознаго; за всѣмъ тѣмъ память объ нихъ не совсѣмъ исчезла изъ преданія и выражается въ прозвищѣ короля Эгиля *Тунгадолги*, выдержавшаго многолѣтнюю войну противъ раба по имени *Тунге* и купившаго побѣду великимъ трудомъ и опасными подвигами.

По всей вѣроятности это мнимое имя *Тунне* есть ничто иное какъ искаженіе слова Тіунъ, чему соотвѣтствуетъ и самое опредѣленіе этого раба какъ казначея—(тіунъ съ ключами).

Какъ бы то ни было, преданіе содержитъ указаніе на борьбу неравныхъ сословій и слѣдовательно распри племенной, ибо судить объ ней нельзя какъ о возмущеніяхъ или войнахъ, нерѣдкихъ на востокѣ, въ которыхъ рабы часто возставали противъ владыкъ и свергали ихъ съ престола. Отношенія Восточныя не похожи на отношенія европейскія. Рабство восточное есть случайность, нисколько не уничтожающая равенства. Рабство въ Европѣ предполагаетъ по необходимости племенное различіе, или то что на западѣ считаютъ кровнымъ неблагородствомъ.

Въ этомъ случаѣ можетъ быть одна Россія составляетъ исключеніе, котораго въ Скандинавіи и предполагать нельзя. Впрочемъ можно еще допустить догадку не совсѣмъ вѣроятную, что бывшій казначей конунга воевалъ съ помощью войскъ иноземныхъ и наемныхъ.

Выселеніе Готовъ (т. е. именитѣйшихъ родовъ и ихъ дружины) упрочило преобладаніе аза-вапскаго (т. е. сарматославянскаго) племени, но жизнь Скандинавіи была не безбурна, хотя по видимому она и непредставляла въ началѣ своемъ тѣхъ безпрестанныхъ потрясеній и переворотовъ, которые потомъ въ продолженіи многихъ вѣковъ составляютъ ея исторію. Около начала нашего лѣтосчисленія произошло новое выселеніе изъ Скандинавіи, менѣе замѣтное въ своемъ началѣ, менѣе блестящее по военной славѣ, но еще болѣе важное по своимъ историческимъ послѣдствіямъ. Это было выселеніе саксовъ или англо-саксовъ.

Различіе времени между готскимъ и англо-саксонскимъ движеніемъ опредѣляется весьма легко однимъ простымъ наблюденіемъ надъ религіею того и другаго союза. Готы поклонники Одина, также какъ и саксы. Иначе и быть не могло;

ибо Одинъ былъ туземный богъ германо-скандинавскаго племени: но готы не знаютъ еще ничего объ Аза-Торѣ, ни о Занѣ Фрейрѣ. Синкретизмъ трехъ религій, слившихся въ одну, еще неутвердился или по крайней мѣрѣ необнялъ всей Скандинавіи и заключался еще въ предѣлахъ аза-ванской колоніи *Свитіода*.

По всей вѣроятности этотъ синкретизмъ только еще начинался, ибо выселеніе готовъ совершилось весьма скоро послѣ основанія аза-ванской колоніи. Должно замѣтить, что сарматская стихія очень недолго сохраняла отдѣльную самостоятельность и скоро была забыта. Такова причина, что Балтійское море (отъ литовскаго-ли корня, или отъ славянскаго слова *блато*, все равно) очень не долго слыло Сарматскимъ моремъ, между тѣмъ какъ оно было всегда извѣстнымъ подъ именемъ Вендскаго.

Выселеніе Саксовъ уже совершилось при синкретизмѣ, развившемся вполнѣ. Имена *Тора* и *Фрейра* также священны для нихъ, какъ и для вѣковъ, въ которыхъ окончательно сложилась скандинавская Эдда. Это извѣстно изо всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ о формулахъ отреченія саксовъ отъ язычества и изъ родословій и слѣдовательно не подвержено никакому сомнѣнію; но самый характеръ выселенія розпится во всѣхъ отношеніяхъ отъ характера готскаго движенія. Готы бѣжали; саксы выходили какъ добровольная колонія.

Быть можетъ, нѣкоторыя смуты въ жизни скандинавской имѣли вліяніе и на саксовъ; нельзя на это сомнѣніе отвѣчать ни положительно, ни отрицательно: но во всякомъ случаѣ можно утвердительно сказать, что они не были бѣглецами, изгнанными изъ родины, или военною дружиною, бросившею отечество, чтобы избѣгнуть чуженароднаго ига или чужестихійнаго гнета.

Первоначальное ихъ появленіе въ Германіи не представляетъ ничего вопиственнаго. Самое преобладаніе Одина и Фрейра въ ихъ родословіи и религіи указываетъ, какъ кажется,

на то, что сарматская стихія не имѣла на нихъ значительнаго вліянія.

Впрочемъ я уже сказалъ о причинѣ, почему Торъ не могъ являться въ родословіяхъ, и о великое значеніе Фрейра весьма замѣчательно.

Съ другой стороны скорое появленіе между саксовъ племенъ, носящихъ славянскія имена, доказываетъ великое сходство съ славянскою стихіею и дружескія отношенія къ ней, не смотря на случайно враждебныя столкновенія саксовъ съ славянами при-эльбскими. Расширеніе саксонскаго союза было по видимому не дѣломъ войны, но федераціи, захватившей мало-по-малу сѣверъ Германіи и по всей вѣроятности получившей особенную силу въ послѣдствіи отъ желанія отдѣльныхъ племенъ найти опору и защиту противъ насилія и завоеваній меровейскихъ франковъ. Разумѣется, сильный приливъ германскихъ народовъ, болѣе чѣмъ удесятерившихъ первоначальный объемъ саксонскаго союза, совершенно отнялъ у стихіи славянской, неполучавшей никакого нарощенія, всю ея политическую важность, хотя и не изгладилъ слѣдовъ ея духовнаго вліянія, замѣтнаго, какъ уже сказано, въ религіи и законодательствѣ народовъ саксонскихъ и ихъ заморскихъ колоній.

Позднѣйшая вражда саксовъ и датчанъ не доказываетъ вражды издавней. Въ миѳическихъ и полуученыхъ родословіяхъ они являются братьями, но въ послѣдствіи соперничество произвело вражду. Вообще же всѣ сказанія показываютъ въ нихъ народъ приморскій и сѣверный. Что же касается до нарѣчій, которыя носятъ имя саксонскихъ, ихъ глубокое различіе съ нарѣчіями скандинавскими объясняется весьма просто тѣмъ обстоятельствомъ, что числительное превосходство въ союзѣ принадлежало не настоящимъ саксамъ, пришельцамъ изъ Скандинавіи, но стихіямъ чисто-германскимъ, приставшимъ къ союзу и принявшимъ отъ него новое имя.

Послѣ удаленія готовъ, т. е. старшихъ родовъ и военной силы этого народа, пришлая аза-ванская стихія получила не только перевѣсъ, но полное преобладаніе; вѣроятно саксонское выселеніе не имѣло никакихъ общественныхъ послѣдствій на жизнь скандинавскаго полуострова; она уже получила опредѣленный характеръ.

Сармато-славянская колонія, вслѣдствіе нравственнаго или умственнаго превосходства, т. е. большаго просвѣщенія въ бытѣ и промышленности, получила неоспоримое первенство между племенами скандинавскими. Она была въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ ихъ несомнѣннымъ религіознымъ средоточіемъ. Но съ одной стороны она сама германизировалась, съ другой ея выходцы селились повсюду между туземцами, основывая дома наслѣдственныхъ благородныхъ ярлей, сдѣлавшихся главами гото-германскаго народа.

Одинъ сѣверъ, позднѣйшая Далекарлія, дикій, бѣдный и негостепріимный, едвали принялъ въ себя иноземный приливъ; впрочемъ этотъ край еще долго былъ, кажется, жилищемъ финновъ и лаповъ.

Такимъ образомъ прежній упсальскій центръ, хотя еще неутратившій своего значенія, утратилъ права на безспорное преобладаніе и долженъ былъ мало-по-малу подвергнуться соперничеству другихъ, дотолѣ подчиненныхъ областей. Таково дѣйствительно свидѣтельство преданія. Возмущенія и междоусобія, о которыхъ совсѣмъ нѣтъ помина въ первую эпоху, повторяются безпрестанно въ эпоху ближайшую къ историческимъ временамъ. Безпрестанно разсказываются кровавые споры областныхъ (такъ сказать удѣльныхъ) королей (фолькисъ конунговъ) между собою, войны ихъ противъ короля упсальскаго (эпвальдсъ-конунга, старшаго по жреческому сану и слѣдовательно нѣсколько соотвѣтствующаго великому князю въ Россіи) или посягатія упсальскаго державца на владѣнія и жизнь своихъ подчиненныхъ или младшихъ соправителей. Сосредоточеніе государственной жизни исчезло.

Эту перемѣну относятъ ко времени сомнительнаго короля *Агне*; но тутъ еще дѣло идетъ о войнахъ съ иноплеменниками или о раздорахъ семейныхъ. Дѣйствительныя же междоусобія, т. е. борьба эйвальдсъ-конунговъ съ фолькисъ-конунгами относится ко времени позднѣйшему, къ Эгилю или Олаву Вендельскрака, ибо сказаніе объ Гуглейнѣ еще относится только къ распрямъ въ домѣ инглинговъ. Впрочемъ ясно, что Данія начала жизнь самобытную прежде, чѣмъ раздоры разрушили единство религіозно-племеннаго союза въ Швеціи.

Бѣгство готовъ было удаленіемъ отъ родины, мало-по-малу подпадающей подъ власть пришельцевъ аза-вановъ (сармато-славянъ); эмиграція саксовъ была отдѣленіемъ колоніи въ эпоху полнаго преобладанія инглинговъ.

Этимъ объясняется важность имени англовъ (энглей или ингли), не смотря на ихъ малочисленность и слѣды славянскаго начала во всемъ бытѣ и въ исторіи англо-саксовъ.

Но наконецъ самый домъ инглинговъ (славянскаго бога, Вана Ингви-Фрейра) сталъ клониться къ упадку. Жреческій центръ, Упсала, потерялъ свое исключительное значеніе. Области получили самостоятельность и стали жить отдѣльною жизнью, оспаривая или отвергая упсальское первенство. Нѣкогда царствовавшій домъ и нѣкогда преобладавшая страна уступили свои вѣковыя права не безъ упорнаго боя. Закатъ ихъ славы совершился въ кровавомъ туманѣ, въ которомъ историческая критика угадываетъ страшныя происшествія и могучія личности. Не смотря на возстаніе почти всеобщее, инглинги по временамъ достигаютъ силы и могущества, которыхъ они не имѣли въ эпоху своего безспорнаго владычества, но уже эта сила и это могущество основаны на личной доблести и на счастливомъ насиліи, а не на общемъ согласіи и не на признаніи духовнаго превосходства властвующей или центральной стихіи. Вопиъ совершенно вытѣснилъ жреца. Инглинги пали, слабый остатокъ ихъ спасся въ Нор-

вегіи, основывая въ ней новую, отдѣльную династію, которой суждено было еще вписать въ исторію нѣсколько блистательныхъ подвиговъ военныхъ и наконецъ погибнуть безъ слѣда. Безполезно бы было отыскивать въ хаосѣ сагъ и сѣверныхъ сказаній настоящія имена послѣднихъ эйвальдсъ-конунговъ изъ древняго рода жрецовъ Фрейровыхъ, или преемство ихъ владычества: но весьма важно то обстоятельство, что похититель ихъ власти, свирѣпый и многолѣтній владыка сѣвера, Гаральдъ-Гильдетандъ, является какъ бы продолженіемъ династіи, которую онъ дѣйствительно ниспровергъ.

Таково же было отчасти въ Римѣ отношеніе Веспасіана къ дому Кесарей.

Эпоха религіознаго владычества миновалась; наступило время силы вещественной, мало по малу возросшей въ мирѣ и потомъ освирѣпѣвшей въ войнѣ. Родъ Инглинговъ, возникшій въ какой то таинственной и торжественной тишинѣ, управлявшій въ продолженіи слишкомъ осьми вѣковъ судьбами сѣвера, скрѣпившій его медленнымъ развитіемъ религіознаго синкретизма, охватившій его сѣтью благородныхъ домовъ, хранителей поэтическаго просвѣщенія, погибъ въ пламени и крови; но Скандинавія уже не могла оставаться незамѣченною въ исторіи міра. Долго накоплявшаяся сила духовная, которой явнымъ доказательствомъ служитъ религіозная восторженность первыхъ викинговъ и наѣздниковъ моря, одичала и получила новый характеръ; но она должна была и на новомъ поприщѣ выразиться несокрушимою энергіею народнаго духа; ибо всякая сила вещественная въ историческомъ мірѣ есть только проявленіе силы духовной, и чѣмъ долѣе мирный бытъ хранилъ и воспитывалъ ее подъ своимъ тихимъ кровомъ, чѣмъ долѣе онъ сдерживалъ ее своими свободно носимыми узами, тѣмъ крѣпче выступаетъ она на поприщѣ дѣятельности, тѣмъ грознѣе ея первые, нежданные удары. Такова исторія Скандинавіи; таково объясненіе тѣхъ страшныхъ, кровавыхъ, но безспорно высоко-поэтическихъ подвиговъ, которыми она ознаменовала свое вступленіе въ общe-европейскую жизнь.

Долго была она спелената и какъ бы сдавлена узами, связывавшими ее съ славянскимъ востокомъ: долго составляла она только часть его широкой народной системы. Отъ него получила она если не населеніе свое (ибо населеніе ея было безъ сомнѣнія корня германскаго), то по крайней мѣрѣ стихію своего правительственнаго сословія; отъ него получила она религіозно-просвѣтительное начало, съ нимъ неразрывно связана она была своею торговлею (что явно изъ названія шелка и изъ склада аравійскихъ монетъ), съ нимъ наконецъ составляла одно обширное общество народовъ, иногда возмущаемое междоусобіями, но отдѣльное отъ остальнаго міра и замкнутое единствомъ жизни, обычаевъ и общихъ выгодъ. Это опять доказывается постояннымъ участіемъ Свитіода въ общественныхъ треволненіяхъ Гардарика или Гольмгарда, постояннымъ вмѣшательствомъ Гардарика въ междоусобіяхъ Свитіода и всѣми сагами о до-историческихъ герояхъ, которые по дѣятельности и подвигамъ, родственнымъ союзамъ, воспитанію и часто даже происхожденію принадлежатъ столько же сѣверной Руси, сколько и самой Скандинавіи.

Неразумно бы искать въ этой до-исторической жизни сѣверной Европы какихъ нибудь формальныхъ союзовъ, правильно построенныхъ федерацій или чего нибудь похожаго на государственную дѣятельность. Это былъ міръ отдѣльный отъ остальнаго, но отдѣленный безотчетно и безсознательно особенностями племенными и религіозными и географическими условіями. Историческая эпоха начинается распаденіемъ этого міра и явленіемъ центровъ мѣстныхъ и народныхъ, болѣе или менѣе свободныхъ отъ вліянія областей, съ которыми они жили *общею жизнію въ продолженіи многихъ* вѣковъ. Для Скандинавіи это начало опредѣляется происшествіемъ, которое народная память окружила всѣмъ величіемъ древняго эпоса. Паденіе инглинговъ уже заключало въ себѣ освобожденіе мѣстной стихіи, и притязаніе на отдѣльную самостоятельность, но ихъ побѣдитель, грозный и кровожадный Гаральдъ-Гильдетандъ, не понявъ вполнѣ значенія переворота имъ же совершеннаго, остался въ тѣхъ же или почти тѣхъ же отношеніяхъ къ міру

восточному, въ которыхъ находились его предшественники. Новое возстаніе кончило дѣло, начатое Гаральдомъ. Уже старъ и слѣпъ былъ король, гроза всего сѣвера, нѣкогда не насытимый ни корыстью ни опасностью боевою, когда поднялись противъ него поддапные, долго тѣсимые и угнѣтаемые его желѣзною волею. Поэзія сѣвера въ продолженіи многихъ вѣковъ прославляла эту послѣднюю борьбу, и исторической критикѣ возможно только пониманіе ея общаго смысла съ устраненіемъ подробностей, созданныхъ или искаженныхъ вымысломъ скальдовъ. Поднимается весь сѣверный полуостровъ и вызываетъ на бой непобѣдимаго старца. Грозный слѣпецъ радуется битвѣ, которая увѣнчаетъ его жизнь или блистательнѣйшимъ торжествомъ или смертію достойною воина. Безчисленное мѣстное войско собирается со всѣхъ концовъ Скандинавіи. Имъ предводительствуетъ Сигурдъ Рингъ, славный славою своего сына, Рагнара Лодброка, любимца сѣверной поэзіи, перваго изъ тѣхъ морскихъ наѣздниковъ, которыхъ съ тѣхъ поръ сталъ высылать сѣверный міръ на опустошеніе береговъ всей Европы. Не менѣе безчисленны дружины Гаральда, но главная основа ихъ, венды и славяне, ясно указываютъ на самое значеніе борьбы, происходившей не между лицами, а между началами народными. На несмѣтныхъ корабляхъ стекаются враги къ берегамъ Браваллы; но рѣшительный бой долженъ происходить на сухомъ пути, а не на морѣ. Славные герои сѣвера являются на кровавый пиръ, и такіе которые едвали не жили въ послѣдующей эпохѣ, и такіе, которые, безспорно если и жили когда нибудь, то давно, по преданіямъ самаго, сѣвера, уже кончили свой вѣкъ. На колесницѣ выѣзжалъ слѣпой король но возница его не тотъ, кто обыкновенно правилъ его, конями, а одноглазый старикъ въ широко-полой шляпѣ, т. е. самъ Одинъ или Небо въ символѣ солнца и тучъ. Не съ добрымъ намѣреніемъ убилъ онъ царскаго возницу, не съ добрымъ намѣреніемъ правитъ онъ царскою колесницею, которую устремляетъ въ самый пылъ боя. Онъ наконецъ измѣнилъ своему прежнему ученику и любимцу; онъ открылъ врагу тайну его боевыхъ построеній и старый воинъ узнаетъ въ серединѣ

сраженія измѣну божества, на которое надѣялся и падаетъ отъ его неотразимой руки. Мѣстная стихія торжествуетъ, восточные союзники Гаральда гибнутъ или бѣгутъ; и великій переворотъ совершается въ жизни Скандинавіи. Таково сраженіе при Браваллѣ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Первыя историческія свѣдѣнія о человѣкѣ. Преданія Израиля..... 2
Израильская хронологія 5
Какому племени принадлежатъ первыя преданія человѣчества..... 13
Первыя кушитскія государства: Вавилонъ, Египетъ, Южная Индія и Кашмиръ..... 23
Историческая дѣятельность кушитовъ. Жрецы. Касты..... 27
Паденіе власти жрецовъ..... 30
Иранцы. Борьба ихъ съ кушитами. Нинъ. Джемшидъ и Семирамида... 39
Общественная и умственная жизнь кушитовъ. Ихъ вліяніе на иранцевъ. Астрономія. Письмена 52
Миграція семитовъ и иранцевъ. Древняя торговля. Финикіяне..... 61
Миграція Авраама. Переселеніе евреевъ въ Египетъ. Гиксосы..... 67
Реакція кушитской стихіи въ Египтѣ..... 71
Индія. Внутреннее ея развитіе..... 75
Начало развитія Китая..... 89
Малая Азія. Троя и ея борьба съ Греціей..... 107
Вліяніе Египта и Финикіи на Грецію. Критъ и Ѳивы..... 117
Пелазги и Эллины 119
Внутренній характеръ эллинской жизни. Религія эллиновъ..... 125
Политическая жизнь Греціи. Эра Олимпіадъ..... 133
Египетъ послѣ освобожденія отъ Гиксовъ. Эпоха его величія и завоеваній. 134
Паденіе египетской державы. Разложеніе египетской религіи..... 137
Израиль. Его исторія въ эпоху судей и царей..... 150
Упадокъ израиля. Эпоха пророковъ..... 163
Движенія народовъ на сѣверѣ. Киммерійцы. Скиѳы. Сарматы. Азы ... 166
Индустанъ. Развитіе Вишнуизма. Буддаизмъ..... 171
Китай. Его процвѣтаніе. Лао-тсеу. Конфуцій..... 179
Паденіе Ассиріи. Освобожденіе Вавилона. Его значеніе 193
Навуходоносоръ. Паденіе Египта. Плѣненіе царства іудейскаго 198
Земли малоазійскія. Мидія..... 212
Персія. Паденіе Мидіи..... 219
Киръ. Торжество Ирана надъ землями кушитскими..... 223
Внутренній характеръ персидской державы..... 227
Освобожденіе израильтянъ..... 230
Дарій. Его завоеванія. Походъ противъ скиѳовъ 233
Столкновенія персовъ съ Греціей. 238
Развитіе эллинской жизни. Спарта и Аѳины 243
Величіе Аѳинъ и начало упадка..... 249

Умственное развитіе Эллады. Религія, искуства, философія..... 251
Паденіе Эллады. Македонія и Филиппъ..... 260
Александръ. Его завоеванія и отношеніе къ покореннымъ..... 264
Преемники Александра. Египетъ при Птоломеяхъ. Индо-бактрійское царство..... 269
Индія. Ея исторія. Характеристика ея развитія. Ея вліяніе въ человѣчествѣ..... 284
Китай. Введеніе буддаизма и другія западныя вліянія..... 300
Народы средней и сѣверной Азіи. Ихъ движенія..... 306
Древнѣйшая исторія Италіи..... 310
Троянскія колоніи въ Италіи. Альба..... 329
Начало Рима..... 332
Второй періодъ Рима.—Сабинская стихія..... 338
Патриціи и плебеи..... 342
Вліяніе эллинское. Греки въ Италіи..... 346
Царствованіе Сервія. Тарквиній гордый..... 350
Изгнаніе царей..... 351
Борьба съ этрусками..... 355
Борьба плебеевъ съ патриціями. Ея результаты..... 358
Война Рима съ сосѣдними племенами Лаціума..... 363
Движеніе кельтовъ на западъ. Вторженіе въ Италію..... 365
Раззореніе Рима галлами. Войны и покореніе Италіи..... 371
Характеръ Карѳагена. Борьба его съ Римомъ..... 372
Завоеванія Рима на востокѣ. Паденіе Македоніи, Греціи, царства сирійскаго..... 381
Внутренній характеръ Рима послѣ его завоеваній. Гракхи..... 385
Движеніе на сѣверовостокѣ. Походъ кимвровъ и тевтоновъ Марій... 388
Митридатъ и Силла..... 392
Паденіе республики. Основа государственной силы Рима..... 394
Помпей и Юлій Цезарь..... 396
Завоеваніе Галліи. Походы въ Британію и Германію..... 397
Торжество Цезаря надъ Помпеемъ..... 400
Октавіанъ—Августъ. Начало имперіи..... 401
Религіозное состояніе Рима. Значеніе права..... 404
Религіозное состояніе Эллады. Философскія школы..... 408
Религіозное состояніе Израиля. Мессіанизмъ..... 410
Состояніе міра при Августѣ..... 412
Явленіе Мессіи..... —
Мѣсто принадлежащее христіанству въ историческомъ развитіи міра. 413
Связь христіанской эпохи съ прежнею..... 416
Держава Августа. Его завоеванія; борьба съ германцами..... 417
Первые преемники Августа. Маркоманны. Покореніе Британіи..... 423
Паденіе Іудеи..... 429
Характеристика эпохи первыхъ кесарей..... 432
Движеніе народовъ въ сѣверовосточной Европѣ. Роксоланы и готы 437
Траянъ. Его значеніе..... 440
Преемники Траяна. Вторженіе германцевъ..... 443

Пробужденіе восточныхъ народовъ. Сарацины. Царство пальмирское. Сассаниды..... 450
Римское государство въ III вѣкѣ. Его внутреннее состояніе. Характеръ философскихъ школъ..... 453
Борьба римскаго государства съ христіанствомъ..... 460
Китай и средняя Азія въ первые вѣка по Р. Х..... 463
Гунны; ихъ славянская стихія; ея борьба съ германцами..... 466
Эрманарикъ и Аттила..... 469
Освобожденіе славянскихъ племенъ..... 474
Распаденіе римской имперіи. Діоклетіанъ и Константинъ..... 477
Обращеніе Константина; свойство онаго..... 479
Церковныя распри. Аріанство; его послѣдствія..... 481
Юліанъ..... 484
Ѳеодосій; христіанство какъ государственная религія Рима..... 487
Разрушеніе римской имперіи на западѣ. Гунны и готы..... 490
Живучесть восточной имперіи и безсиліе западной; причины этого различія..... 449
Германцы—завоеватели запада. Ѳеодорикъ. Царство готовъ и лонгобардовъ въ Италіи..... 508
Бургундцы, алеманны и франки..... 51 3
Дружина меровинговъ..... 518
Хлодовикъ..... 519
Внутренній характеръ державы меровинговъ..... 521
Саксы. Завоеваніе Британніи. Христіанство въ Ирландіи..... 525
Саксы и англы завоеватели Британніи..... 532
Лонгобарды въ Италіи..... 540
Вестготы въ Испаніи. Измѣненіе символа вѣры..... 541
Завоеванія меровинговъ на востокѣ..... 545
Общій характеръ развитія Франціи и западной Европы..... 548
Ходъ дѣлъ въ Византіи. Религіозные споры..... 551
Значеніе соборовъ..... 557
Юстиніанъ..... 558
Языческая и христіанская стихіи въ Византіи..... 561
Авары и болгаре. Ихъ отношеніе къ славянамъ..... 564
Маврикій, Фока и Ираклій. Призывъ славянъ за Дунай..... 570
Аравія; ея племенныя и религіозныя стихіи..... 576
Мухаммедъ. Характеръ ислама..... 579
Персія. Манихейство. Хазрой и Ираклій..... 586
Завоеваніе Персіи исламомъ..... 592
Завоеваніе исламомъ Сиріи, Египта и сѣверной Африки..... 594
Халифатъ..... 597
Византія въ VIII в. Иконоборство..... 601
Царство хазарское..... 611
Царство болгарское на Дунаѣ..... 617
Обращеніе славянъ въ христіанство. Василій македонянинъ..... 625
Раздѣленіе церквей; разрывъ Запада съ Востокомъ..... 629
Событія въ Китаѣ..... 637

Начало японскаго царства..... 650
Американскія государства. Тольтеки..... 653
Индустанъ; время его паденія..... 662
Мусульманскій міръ. Омміяды и Аббасиды..... 671
Распаденіе халифата..... 673
Персія. Газневиды. Завоеваніе Индіи мусульманами..... 681
Начало турецкихъ завоеваній. Сельджуки..... 684
Распространеніе ислама между хазарами и болгарами волжскими.... 690
Волжская Болгарія и Русь..... 694
Христіанство и мусульманство. Причины временнаго преобладанія послѣдняго..... 697
Римскій епископъ и франки..... 701
Характеръ историческаго развитія западной Европы. Церковь западная въ сравненіи съ восточною..... 706
Государственная жизнь на западѣ. Франки и галлы..... 721
Борьба меровъ съ духовенствомъ..... 737
Духовная борьба кельтовъ съ германо-римскими началами..... 740
Распространеніе христіанства въ Германіи..... 743
Карлъ Великій..... 745
Значеніе Карла Великаго въ исторіи новой Европы..... 761
Преемники Карла Великаго..... 767
Мадьяры..... 787
Возрожденіе Германіи. Генрихъ Птицеловъ. Чехія..... 801
Начало борьбы императорской власти съ папскою. Преемники Оттона. 811
Земли славянскія. Принятіе христіанства Польшею..... 815
Генрихъ II, Конрадъ Салійскій и Генрихъ III..... 818
Франція при послѣднихъ Карловингахъ..... 821
Капетинги. Политическое и нравственное преобладаніе Франціи..... 828
Англія подъ властью англо-саксовъ. Ея племенныя стихіи..... 835
Славянская стихія въ новомъ населеніи Англіи..... 849
Христіанство въ Англіи..... 853
Саксонская гептархія..... 857
Земли скандинавскія. Завоеванія норманновъ въ Англіи..... 863
Альфредъ Великій..... 870
Преемники Альфреда. Умственное развитіе Англіи..... 876
Эдгаръ. Присоединеніе Англіи къ скандинавскимъ государствамъ. Канутъ Великій..... 888
Эдуардъ Исповѣдникъ. Франко-норманнское завоеваніе..... 899
Англія при первыхъ норманнскихъ корояхъ. Ея развитіе въ сравненіи съ Франціею и Германіею..... 909
Италія послѣ Карла Великаго..... 920
Развитіе папства..... 948
Испанія послѣ завоеванія арабами..... 959
Сѣверъ Европы: Швеція. Ея племенныя стихіи и миѳы..... 991

2007053020